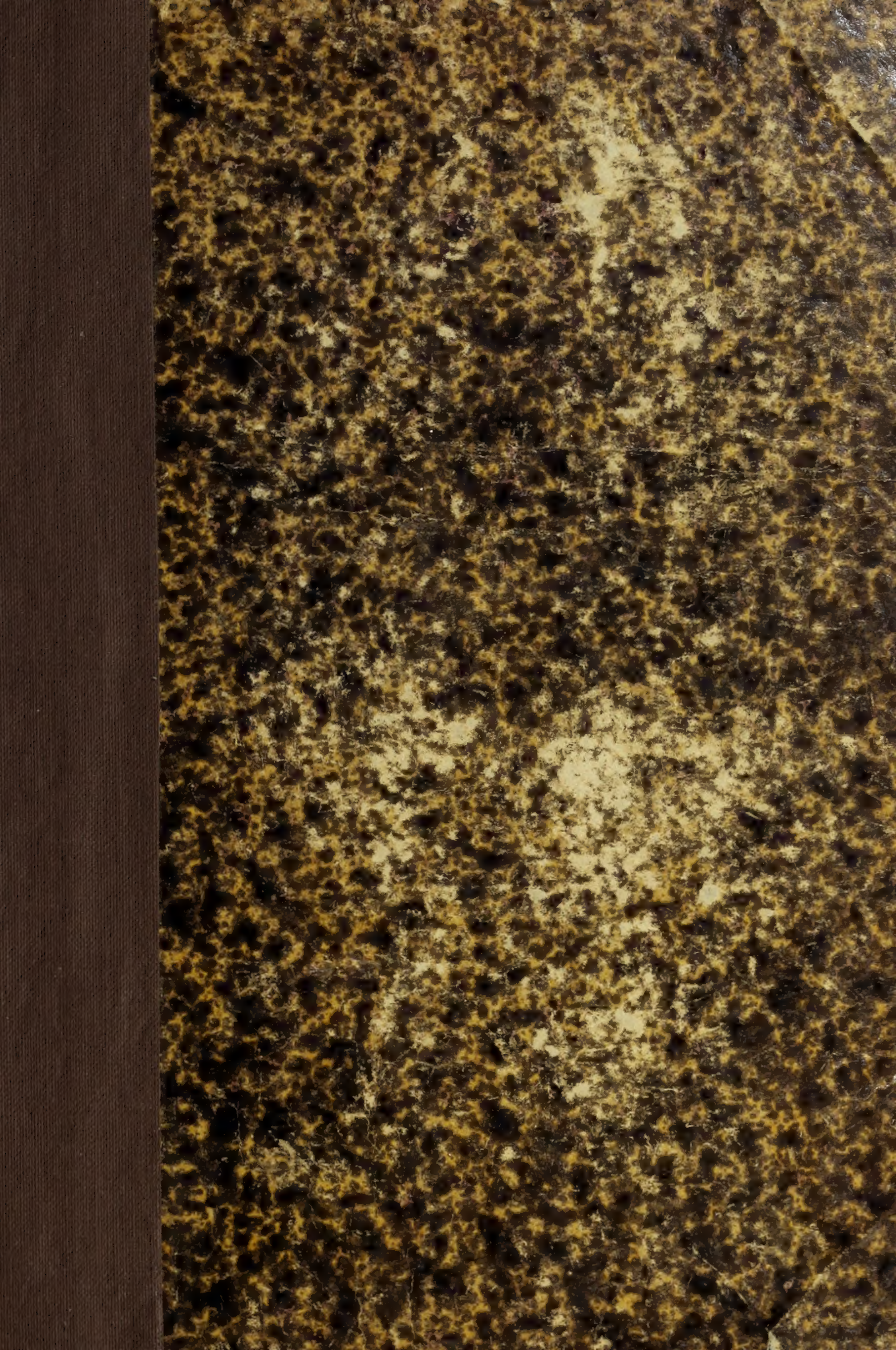

ИСТОРІЯ

СОЦІАЛЬНЫХЪ СИСТЕМЪ.

ИСТОРІЯ

СОЦІАЛЬНЫХЪ СИСТЕМЪ.

Д. Щеглова.

ТОМЪ II.

Критическое обозрѣніе соціальныхъ ученій Фурье, Кабе, Л. Блана, Лямене, П. Леру, Бюше, Отта, Ог. Конта и Литтре.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., № 8.
1889.

Оглавленіе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ГЛАВА II.

Этьенъ Кабе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ГЛАВА III.

Луи Бланъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ГЛАВА IV.

Лямене.

П. Леру.

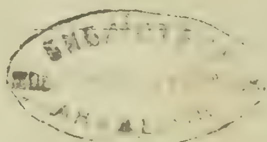
Бюше.

Оттъ.

Ог. Контъ.

Литтре.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предисловіи къ первому тому этого сочиненія было сказано: «теоріи западныхъ реформаторовъ (соціалистовъ), будучи усвоены нами, обнаружили непонятное съ перваго раза стремленіе перейти въ дѣло, для чего онѣ, разумѣется, не нашли ни матеріала, ни почвы». Къ сожалѣнію, не найдя ни того, ни другого въ одной средѣ, теоріи эти обратились въ другую и, хотя также не нашли въ ней ни твердой почвы, на которой можно было-бы что-нибудь построить, ни матеріала для постройки, но за то нашли въ достаточномъ количествѣ матеріалъ горючій, который онѣ немедленно и воспламенили.

И произошла умственная смута, какъ начало, какъ корень зла; а затѣмъ смута политическая, какъ послѣдствіе ея, имѣющая характеръ самый антипатичный, самый ненравственный; произошли событія, которыя составили нѣсколько такихъ мрачныхъ страницъ нашей исторіи, какихъ было немного и въ наиболѣе печальные періоды ея. И независимо отъ того траура, который вся Россія носила на виду у всей Европы, на виду у исторіи, сколько семействъ носили свой особенный, частный трауръ, если не на одеждѣ, то въ сердцѣ? Сколько отцовъ и матерей выплакали глаза, оплакивая погибель дѣтей? А затѣмъ сколько злораднаго торжества имѣли наши враги, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе, какъ явные, такъ и тайные и насколько всѣ эти событія прибавили имъ самоувѣренности и энергіи въ стремленіи къ задачамъ, враждебнымъ русскому народу и русскому

государству?—И такое положенiе дѣлъ продолжается уже многiе годы. Умственная смута все растетъ какъ въ своемъ содержанiи, такъ и въ области распространенiя, и проникаетъ туда, откуда ей слѣдовало бы быть всего дальше, въ школу.

Очевидно, что нашъ политическiй организмъ находится въ состоянiи болѣзни и притомъ болѣзни острой и серьезной. Болѣзнь нужно лечить. Но чтобы леченiе было успѣшно, ему должно предшествовать изслѣдованiе болѣзни, изысканiе причинъ ея, потому что только sublata causa tollitur effectus. У насъ какъ будто этого не понимаютъ. Иностранцевъ наша болѣзнь занимаетъ; они не могутъ съ перваго раза понять: какимъ это образомъ въ организмѣ молодомъ, крѣпкомъ и здоровомъ вдругъ начались столь серьезные симптомы болѣзни? И за границей рядъ изслѣдованiй о нашей болѣзни давно начался и до сихъ поръ продолжается. А намъ самимъ какъ-будто до этого никакого дѣла нѣтъ; какъ-будто это не насъ касается. Произойдетъ какой-нибудь особенный случай, въ родѣ подкопа, взрыва и т. п., и мы не прочь потолковать о немъ въ продолженiи двухъ дней, двухъ недѣль или двухъ мѣсяцевъ, смотря по важности случая; а потомъ опять совсѣмъ забываемъ о немъ, какъ будто-бы онъ представлялъ что-то въ родѣ аэролита неожиданно прилетѣвшаго изъ другой области небеснаго пространства.

У многихъ есть даже наклонность замять дѣло или смотрѣть на него сквозь розовые очки: говорятъ, что это ничего, пустяки; дѣло случайное, временное, которое само собой пройдетъ, что оно уже и проходитъ; не надобно только придавать ему большаго значенiя, не надобно преувеличивать. Эти прiятныя рѣчи прiятно было бы и слушать. Но они какъ-будто не ладятъ съ фактами. Первыми представителями политической смуты были изгои, люди, выброшенные жизнью изъ ихъ колеи, а послѣдними совсѣмъ не изгои, а юношество, идущее своею нормальною дорогою, юношество или находящееся въ школѣ или только покинувшее ее съ полнымъ запасомъ свѣдѣнiй, сообщаемыхъ школою и съ надлежащими удостовѣренiями

въ видѣ дипломовъ и аттестатовъ, и притомъ юношество, принадлежащее къ самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ. Фактъ, безъ сомнѣнія, всего менѣе подтверждающій мысль о случайности явленія. Впрочемъ, опровергать эту мысль было-бы излишнимъ. Ее уже отринуло всеобщее признаніе лицъ, занимавшихся по тѣмъ или другимъ причинамъ изученіемъ вопроса. Указаны даже неоднократно разныя причины умственной смуты; и одна изъ нихъ въ особенности способна возбуждать самыя тревожныя опасенія. Еще въ 1881 году наиболѣе компетентная оффиціальная власть предъ лицомъ всей Россіи заявила, что «юноши, пришедшіе въ школу за полезными знаніями, направляются не на ученье, не на занятія, а въ сторону, на политику, на агитацію». Но повидимому очень многіе относились съ недовѣріемъ къ этому заявленію. Нужно было случиться печальнымъ событіямъ 1887 года для того, чтобы ему дало вѣру большинство. Только тогда, подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія отъ недавнихъ событій, въ журналистикѣ появились попытки точнѣйшаго опредѣленія причинъ, производящихъ въ школѣ смуту; раздалось почти одновременно нѣсколько голосовъ, которые согласно утверждали, что превратныя понятія въ средѣ молодежи вмѣстѣ съ агитаціею въ средѣ ея происходили изъ того источника, который былъ обязанъ дѣйствовать въ противномъ направленіи, долженъ былъ озарять юношество тихимъ, согрѣвающимъ и успокоивающимъ свѣтомъ здоровой науки, т. е. изъ профессорской среды. Для многихъ это не было открытіемъ. Но тѣмъ не менѣе фактъ принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ. Удивительно, какъ онъ могъ возникнуть и не менѣе удивительно, что ни нашлось ни одного человѣка, который своевременно обратилъ бы на него вниманіе общества.

Брьюстеръ, найдя въ курсѣ позитивной философіи Конта отрицаніе духовнаго начала и считая Конта профессоромъ Политехнической школы, немедленно начинаетъ бить въ набатъ (см. ниже, стр. 844), съ безпокойствомъ заводитъ рѣчь объ отравленіи источниковъ нравственнаго и религіознаго воспитанія, сожалѣетъ о Франціи и поздравляетъ свое отечество съ

тѣмъ, что въ немъ подобныя явленія невозможны. Литтре торопится оправдать Конта, увѣряя, что въ свое преподаваніе онъ никогда не вносилъ своихъ философскихъ идей, что онъ не злоупотреблялъ довѣріемъ, которое ему было оказано.

Злоупотреблять довѣріемъ въ особенности относительно дѣтей, развращать ихъ въ интересахъ партіи, секты или наживы, только одна мысль объ этомъ приводитъ въ возбужденное состояніе людей здоровыхъ нравственно, такихъ, какъ Брьюстеръ и Литтре. А у насъ въ данномъ случаѣ дѣло не ограничивается однимъ развращеніемъ; юношество будучи направляемо къ агитаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ прямою дорогою направляется къ пропасти, въ которой оно гибнетъ или, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, губитъ свою будушность. Похожіе случаи бывали и раньше; и всегда они приводили въ негодованіе организмы нравственно здоровые.

Римляне осаждали одинъ греческій городъ въ Италіи. Въ городѣ была школа и учитель этой школы вывелъ дѣтей за городъ, привелъ ихъ въ римскій лагерь и предложилъ начальнику войска удержать ихъ; начальникъ былъ до такой степени пораженъ этимъ предательствомъ педагога, что велѣлъ связать ему на спинѣ руки, далъ дѣтямъ палки и приказалъ гнать его обратно въ городъ.

Въ штатѣ Нью Іоркѣ пропалъ ребенокъ, возвращавшійся изъ школы. Черезъ день обнаружилось, что его захватили какіе-то люди, съ цѣлью получить за него выкупъ. Они сами написали родителямъ, что ребенокъ будетъ убитъ, если деньги не будутъ доставлены. Деньги были доставлены и ребенокъ возвращенъ. Но когда извѣстіе объ этомъ было напечатано въ газетахъ, вся страна содрогнулась, какъ отъ одного электрическаго удара: въ 20-ти городахъ составились общества для обнаруженія злодѣевъ; изъ ста городовъ полетѣли въ эти общества денежные взносы для ускоренія дѣла и для обезпеченія его успѣха. И виновные были найдены.

Отчего же у насъ не содрогнулась вся страна, когда наконецъ съ разныхъ сторонъ было заявлено, что несчастныхъ

дѣтей губятъ тѣ самые люди, которые должны были охранять ихъ, что въ то же время не только для государства приготовляются серьезныя затрудненія въ будущемъ, но его миръ, спокойствіе, его будущность ставятся на карту людьми, которые присягали служить ему вѣрою и правдою, и получаютъ за эту службу содержаніе и всякія другія награды?

Отвѣта на этотъ вопросъ мы не дадимъ; онъ повелъ-бы насъ слишкомъ далеко. Но всѣ эти факты въ совокупности доказываютъ, что болѣзнь нашего государственнаго организма не случайная, что представлять дѣло въ розовомъ свѣтѣ не приходится, и что преувеличивать тутъ нечего. Факты и причины таковы, что уничтожаютъ возможность всякаго преувеличенія. И необходимо признать, что мы переживаемъ кризисъ очень важный, кризисъ умственный, нравственный и политическій. Прекращеніе кризиса, разсѣяніе тумана въ области интеллектуальной, прекращеніе предательски гнусныхъ дѣйствій въ области политической, это задачи, которыя должны стоять на первомъ планѣ у всякаго, кто не относится безразлично къ будущности страны и народа. Никакія усилія, употребляемыя для достиженія этой цѣли, не могутъ быть названы излишними.

И, къ сожалѣнію, надобно прибавить, что самыя энергическія соединенныя усилія правительства и общества не могутъ имѣть быстрыхъ успѣховъ по свойству самаго дѣла, потому что камень доставать изъ воды несравненно труднѣе, чѣмъ бросать его туда. Наша умственная смута продолжается почти 30 лѣтъ и пустила уже слишкомъ глубокіе корни, которые проникли не только въ поверхностный слой общества, но и въ самую почву, въ материкъ. «Культъ матеріализма, грубаго и пошлаго, съ невѣроятной быстротой демократизировался, именно въ низшихъ кругахъ и нашолъ самую воспріимчивую и широкую почву»; такъ недавно писалъ органъ печати, совсѣмъ не отличающійся наклонностью къ пессимизму.

Этотъ культъ не скоро уступитъ мѣсто культу высшему и по другой причинѣ, потому что, не смотря на предстоящее труд-

ное дѣло, ни въ какой области жизни не замѣчается средствъ достаточныхъ для борьбы со зломъ. Въ этомъ сочиненіи мы имѣли случай сдѣлать короткій очеркъ состоянія нашей литературы. Мы видѣли, что энергію обнаруживали и обнаруживають только сѣятели плевеловъ, «провокаторы разврата, проповѣдники порока и всякаго рода превратныхъ ученій», которые въ своей дѣятельности не встрѣчали почти никакого отпора со стороны людей противоположнаго направленія. Даже проповѣдь превратныхъ ученій въ школѣ, проповѣдь, крайне постыдная съ точки зрѣнія нравственности и кромѣ того ведущая къ очевидной гибели юношество, и та не встрѣтила никакого серьезнаго противодѣйствія со стороны литературы, не возбудила ничего, кромѣ совершенно эфемерныхъ вспышекъ въ немногихъ органахъ печати. Нѣтъ никакой причины ожидать, что литература переродится и какъ-будто по гипнотическому внушенію начнетъ вдругъ дѣйствовать совсѣмъ въ другомъ направленіи, съ другою энергіею, съ искусствомъ и съ научною подготовкою, которой до сихъ поръ не было.

Но, наконецъ, не одна литература служитъ центромъ, изъ котораго распространяются идеи, а есть у насъ и наука, есть десять университетовъ, которые служатъ не только центрами, изъ которыхъ распространяются идеи, но своего рода лабораторіями, въ которыхъ идеи вырабатываются, и въ этихъ университетахъ есть личности, которымъ въ газетахъ даютъ названія «свѣтилъ науки», и такихъ свѣтилъ есть нѣсколько; мы помнимъ даже исторію появленія ихъ надъ горизонтомъ; появлялись они не вдругъ, а одно за другимъ и съ разною силою свѣта, съ разною дозою энтузіазма, возбуждаемаго ими въ средѣ юношества и въ прогрессивныхъ органахъ печати. Какимъ же образомъ свѣтила науки позволили образоваться умственному туману? Почему они не разсѣяли его, когда онъ распространился въ обществѣ? Отчего они терпѣли распространеніе тумана даже изъ своей собственной среды? Отвѣчать на эти вопросы мы опять не беремся. Замѣтимъ только, что не мы первые ставимъ этотъ вопросъ. Въ одномъ органѣ пе-

ріодической печати по поводу событій 1887 года указано было на литературную пропаганду какихъ-то «шарлатановъ», не обладавшихъ ничѣмъ, кромѣ «безграничнаго нахальства и самомнѣнія». Пропаганда эта имѣла успѣхъ въ средѣ университетской молодежи. «Что же дѣлала въ это время «наука» (т. е. университетскіе представители ея)? — спрашиваетъ газета. — «Почему ея свѣтъ былъ безсиленъ разогнать туманъ, напущенный всякаго рода шарлатанствомъ? — На этотъ вопросъ мы ни гдѣ не находимъ отвѣта...»

Сочиненіе наше вызвало къ бытію фактъ, который можетъ быть въ состояніи нѣсколько разъяснить дѣло. —Одно изъ университетскихъ свѣтилъ удостоило разборомъ первый томъ его; въ свое время мною былъ написанъ отвѣтъ на этотъ разборъ, который и былъ напечатанъ въ томъ-же журналѣ, въ которомъ появился разборъ. Теперь отвѣтъ перепечатывается, такъ какъ я нахожу полезнымъ дать ему наибольшую гласность въ виду тѣхъ цѣлей, съ которыми писана эта книга, т. е. съ цѣлью содѣйствія разсѣянію умственнаго тумана, охватившаго юношество и такъ-называемую «интеллигенцію». Разборъ подписанъ только иниціалами; но никто хоть сколько-нибудь знакомый съ нашею литературою политическихъ наукъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно автора этого разбора. Иниціалы Ю. Я. могутъ принадлежать только одному лицу, котораго имя встрѣчается въ политико-экономической литературѣ, которое если и не принадлежитъ къ числу свѣтилъ первой величины, то во всякомъ случаѣ занимаетъ очень видное мѣсто на звѣздномъ небѣ нашей университетской науки; г. Ю. Я. долгое время былъ даже деканомъ юридическаго факультета Петербургскаго университета. —Что разборъ принадлежитъ именно этому лицу, въ этомъ не могутъ не убѣдиться даже крайніе скептики, если не забудутъ правила: ex ungue cognoscitur leo! Читатель, который удостоитъ прочесть помѣщаемый вслѣдъ за симъ отвѣтъ, увидитъ, до какой степени скудны его познанія въ политической экономіи и въ то-же время до какой степени скудно его пониманіе науки. Но въ своей рецензіи онъ далъ сравнитель-

но немного матеріала для оцѣнки его познаній и его научнаго образованія какъ общаго, такъ и спеціальнаго. Гораздо больше этого матеріала представилъ онъ въ собственномъ своемъ сочиненіи: Направленія въ научной обработкѣ нравственной статистики, за которое онъ получилъ степень доктора политической экономіи. Объ этомъ сочиненіи напечатана мною рецензія въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія (часть CLX, отд. 2), въ которой на основаніи представленныхъ доказательствъ сказано, что послѣ подробнаго изученія Кетле «г. Ю. Я. не могъ составить истиннаго понятія ни о принципахъ Кетле, ни о пріемахъ его, ни о содержаніи трудовъ его, ни о его выводахъ». Вотъ какія способности обнаружилъ г. Ю. Я. въ научной работѣ, и вотъ какихъ результатовъ достигъ. Тамъ-же представлены доказательства, изъ которыхъ выведено заключеніе, что «научное пониманіе, научное образованіе г. Ю. Я. весьма недостаточно», что нѣкоторыя положенія его представляютъ ничто иное, какъ «безсознательное употребленіе словъ», что его ученый методъ состоитъ въ «приписаніи всякому предмету всякаго качества, перваго, какое попадется подъ перо»; что не понимая Кетле, «на мѣсто его здравыхъ мыслей онъ ставитъ чудовищные абсурды» и т. п. Просимъ читателя не забывать, что все это напечатано не въ фельетонѣ какой-нибудь безшабашной газеты, а въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

При такихъ познаніяхъ, при такомъ методѣ, при такой способности изученія предмета, чѣмъ могла быть профессорская дѣятельность г. Ю. Я.? Могла ли она быть чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ пародіи на дѣятельность профессора?

Россія, имѣли мы случай сказать въ этомъ сочиненіи, есть страна безпримѣрныхъ явленій. Въ газетахъ было напечатано свѣдѣніе, что въ какой-то губерніи мировымъ судьею въ теченіи трехъ лѣтъ былъ сумасшедшій человѣкъ; принимая во вниманіе общій характеръ нашего мѣстнаго самоуправленія, этому можно повѣрить. И увѣряютъ, что судья этотъ не числился только судьею, а дѣйствительно судилъ, разбиралъ вся-

каго рода иски, удовлетворялъ ихъ или отказывалъ. Конечно не всѣ были довольны судомъ его, но это его не стѣсняло.—Г. Ю. Я. едва ли могъ исполнять обязанности профессора удовлетворительнѣе, чѣмъ этотъ судья; чудовищные абсурды одинаково непригодны какъ въ судебномъ дѣлѣ, такъ и въ учебномъ; и происходятъ ли они отъ сумасшествія или отъ недостатка знанія и пониманія; сущность и дѣйствіе ихъ остаются тѣ-же самыя. Г. Ю. Я. могъ распространять только туманъ, тьму, ничего больше. — Нечего и прибавлять, что руководителемъ юношества въ области науки и мысли онъ ни въ какомъ случаѣ быть не могъ. И юношество по необходимости подчинялось руководству какого нибудь безшабашнаго газетнаго фельетониста, такого же безшабашнаго журнальнаго критика и даже подпольнаго революціоннаго листка. Вотъ гдѣ, одинъ изъ наиболѣе важныхъ источниковъ умственнаго тумана, въ которомъ вращается «интеллигенція», хотя это собственно источникъ, такъ сказать, отрицательный.

Одинъ ли г. Ю. Я. представляетъ научное свѣтило этой величины или не одинъ? Есть ли еще подобные ему? Надобно думать, что есть очень мало такихъ, которые были бы на него не похожи; что онъ и подобные ему составляютъ большинство. Недаромъ же былъ онъ избранъ въ деканы; онъ очевидно представляетъ типъ университетскаго профессора послѣдняго времени; при такомъ порядкѣ люди серьезные, ученые должны оставаться въ меньшинствѣ, въ загонѣ. Такъ упала наука въ періодъ нашей умственной смуты и только поэтому пропаганда превратныхъ ученій шла успѣшно. Если бы наши десять университетовъ были дѣйствительными очагами, откуда распространяется свѣтъ науки, то не тѣ были бы результаты. Свѣтъ сильнѣе тьмы; при встрѣчѣ не свѣтъ уступаетъ мѣсто тьмѣ, а самъ ее уничтожаетъ; тьма только тогда начинаетъ господствовать, когда потухаетъ или скрывается подъ горизонтомъ источникъ свѣта.

Впрочемъ, есть осязательныя доказательства, что г. Ю. Я. не одинъ воинъ въ своемъ полѣ. И что всего хуже, его симмахи

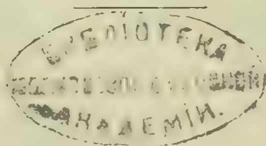
главнымъ образомъ профессоры специалисты по той отрасли знаній, къ которой относятся всѣ тѣ идеи, извращеніе которыхъ составляетъ нашу умственную смуту. Главные пункты смуты относятся къ вопросамъ касательно міра спиритуалистическаго, касательно свободы воли, вмѣняемости человѣческихъ дѣйствій, къ вопросамъ касательно правъ человѣка, какъ гражданина, какъ члена семейства, его правъ на имущество и т. п. Все это всецѣло входитъ въ тотъ или другой отдѣлъ юридическаго факультета, въ ученіе о правѣ государственномъ, уголовномъ или гражданскомъ. Математикъ, классикъ, технологъ, какія бы ошибки ни дѣлали въ своихъ спеціальностяхъ, это не измѣняетъ ихъ гражданскаго или вообще человѣческаго облика. Пусть напр. математикъ не признаётъ ученій ни Коперника, ни Кеплера, ни Ньютона; онъ можетъ при этомъ остаться совершенно тѣмъ же нравственнымъ субъектомъ, какимъ былъ прежде. Не то произойдетъ, если юристъ отвергнетъ свободу воли, и вмѣняемость какъ нравственную, такъ и юридическую; у него уже исчезнутъ всякія реальныя побужденія для того, чтобы поступать сообразно съ законами нравственности; самое понятіе о нравственности не можетъ логически существовать въ системѣ его воззрѣній; и его понятіе о правосудіи измѣнится въ понятіе объ отрицаніи правосудія. И это тотчасъ же обнаружится въ его дѣятельности. —Тоже самое произойдетъ въ случаѣ искаженія основныхъ понятій государственнаго или гражданскаго права, если студенту не будетъ внушено здравыхъ воззрѣній на государство, его задачи, аттрибуты, на собственность, ея происхожденіе, основанія границы; ложныя представленія о томъ и другомъ сдѣлаютъ изъ него политическаго и соціальнаго мечтателя, анархиста, коммуниста и т. п. —Вотъ почему студенты юристы въ студенческихъ волненіяхъ составляютъ или большинство, или ядро, около котораго группируются другіе. Двадцать пять лѣтъ назадъ еще въ прежнихъ «Отеч. Запискахъ» (т. CLV) мною было указано, что по замѣчанію многихъ въ массѣ «студентовъ и кандидатовъ», считающихъ себя призванными «сдѣлать радикальную реформу вездѣ, какъ въ практическихъ, такъ и въ теоретическихъ сферахъ, начиная отъ семьи до самыхъ отвле

ченныхъ понятій о добродѣтели, нравственномъ вмѣненіи, конечной цѣли человѣка и человѣчества» — «большинство принадлежитъ къ юридическому факультету». Сказано это было по поводу сочиненій нѣкоторыхъ симмаховъ г. Ю. Я., профессоровъ одного и того же юридическаго факультета, такъ же, какъ и онъ, игравшихъ особенно видную роль въ университетской жизни за послѣдніе годы.

Таковы умственныя и научныя силы въ университетахъ, преимущественно въ той научной области, которой истины всего болѣе охвачены туманомъ. Не обманывая себя, трудно надѣяться на то, чтобы отсюда вышло противодѣйствіе злу.—Но, однако, какъ же быть? Не покориться же злу, не признать же власть Аримана, не смотрѣть же сложа руки на человѣческія жертвы, которыми чтятъ Молоха какіе-то его поклонники. —Нѣтъ, мы совсѣмъ не принадлежимъ къ сторонникамъ ученія о непротивленіи злу; напротивъ, противодѣйствіе ему считаемъ одною изъ самыхъ священныхъ обязанностей человѣка и гражданина. И, считая современное положеніе весьма серьезнымъ не только для настоящаго, но и для будущаго, готовы повторить слова, сказанныя при другихъ обстоятельствахъ, также очень серьезныхъ: «вооружайтесь всѣ, вооружайся всякъ»; сторонники царства тьмы берутъ только многолюдствомъ. Но не въ многолюдствѣ Богъ, а въ правдѣ Богъ; въ преданности дѣлу и въ единеніи сила. Одинъ преданный дѣлу человѣкъ принесетъ ему больше пользы, чѣмъ десять, которые готовы служить и нашимъ и вашимъ. И надобно надѣяться, что русская земля не оскудѣла такими людьми,—соединяющими здравый взглядъ на вещи съ сердцемъ, исполненнымъ чувства, и съ религіознымъ уваженіемъ относящихся къ идеѣ долга въ особенности по отношенію къ отечеству. — Если до сихъ поръ они имѣли мало успѣха, даже были въ загонѣ, то только потому, что были раздѣлены, даже не знали о существованіи одинъ другого; пусть отыщутъ другъ друга, пусть сгруппируются, соединятся. При соединенныхъ усиліяхъ всякое дѣло дѣлается легче и успѣхъ достигается вѣрнѣе.

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНІЕ.

Издавая первый томъ этого сочиненія, я заявилъ на оберткѣ книги, что второй томъ уже печатался въ то время. Тому второму тому не суждено было увидѣть свѣтъ; печатаніе его не было окончено по причинамъ отъ меня независѣвшимъ. Объясненіе этого дѣла состоитъ въ томъ, что негласнымъ издателемъ этого сочиненія былъ книгопродавецъ Кожанчиковъ, который вскорѣ сдѣлался несостоятельнымъ. Печатаніе этого второго тома начато опять съ первой страницы: и такъ какъ время принесло много новыхъ данныхъ для исторіи соціальныхъ системъ, преимущественно для исторіи практическихъ опытовъ, то объемъ его значительно увеличился, хотя онъ не заключаетъ въ себѣ всего первоначально предположеннаго матеріала. Желательно было-бы довести исторію соціальныхъ системъ до самого послѣдняго времени, но, наученный опытомъ, никакихъ обѣщаній я дать не могу. — Издаваемый теперь второй томъ, надѣюсь, самъ по себѣ имѣетъ значеніе для русскихъ читателей, такъ какъ въ немъ содержится исторія соціальныхъ проектовъ, которые въ свое время увлекали всего болѣе западноевропейскаго пролетарія, а у насъ были прославляемы и до сихъ поръ прославляются корифеями «интеллигентной» печати, и даже играли и вѣроятно до сихъ поръ играютъ роль въ исторіи нашей политической смуты, занимая почетное мѣсто въ такъ называемой подпольной литературѣ.

Отвѣтъ г-ну Ю. Я. на его рецензію книги «Исторія соціальныхъ системъ» *).

Въ майской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1870 годъ напечатана рецензія на изданную мною книгу «Исторія соціальныхъ системъ». Обыкновенно авторы не боятся рецензій на свои книги; напротивъ того, желаютъ ихъ, находя, что хуже всего для автора тотъ случай, когда книга его остается совсѣмъ безъ вниманія, когда для нея не найдется критика, который нашелъ-бы нужнымъ сказать что-нибудь по поводу ея. Умъ хорошо, а два лучше. Обыкновенно критикъ укажетъ автору какіе-нибудь промахи, недосмотры, ошибки, и это указаніе, безъ сомнѣнія, не безполезно для автора, серьезно занятаго предметомъ своего сочиненія. Подобныхъ указаній и я искалъ въ рецензіи г. Ю. Я. И указаніе эти тѣмъ болѣе были интересны для меня, что въ настоящее время я печатаю второй томъ того же сочиненія и очень желалъ-бы воспользоваться указаніями знатоковъ дѣла для избѣжанія промаховъ и ошибокъ во второмъ томѣ. Поэтому я съ большою охотою принялся за чтеніе рецензіи г. Ю. Я., и дѣйствительно, нашелъ ее весьма богатою содержаніемъ. Главною и наиболѣе интересною для меня массою этого содержанія оказались указанія моихъ промаховъ, ошибокъ, и увы! моей неспособности къ выполненію избранной мною задачи.

«Познакомившись съ содержаніемъ перваго тома», говоритъ г. Ю. Я., «мы склонны считать эти обѣщанія (то-есть, то, что мною обѣщано во второмъ томѣ) въ нѣкоторомъ смыслѣ рекламою, потому что, судя по пріемамъ и по тѣмъ немногимъ страницамъ перваго тома, которыя принадлежатъ самому автору, мы (то-есть, г. Я.) имѣемъ право сомнѣваться, чтобъ ему было подъ силу выполненіе избранной задачи (стр. 205)». Эти строки написаны г. Я. почти въ самомъ началѣ рецензіи; и прочитавъ ихъ, я уже былъ готовъ сожалѣть о томъ, что взялся за дѣло, превышающее мои силы, и дѣйствительно, сажалѣлъ о томъ, что въ моемъ простодушномъ объявленіи о содержаніи втораго тома моей книги г. Я. увидѣлъ рекламу. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ увѣрить г. Я., что о рекламѣ я не думалъ, и если я виноватъ въ чемъ-нибудь, то не въ злонамѣренности, а въ простотѣ, и конечно, въ очень естественномъ, со стороны всякаго человѣка преувеличеніи своихъ собственныхъ силъ. Я думалъ, что я буду въ состояніи исполнить, хотя, можетъ-быть, и да-

*) Этотъ отвѣтъ былъ помѣщенъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за сентябрь 1870 г.—Но въ то время онъ былъ напечатанъ несогласно съ рукописью. Теперь онъ перепечатывается въ томъ видѣ, какъ былъ написанъ.

леко не вполнѣ удовлетворительно, то, что обѣщалъ. И съ другой стороны, о предметѣ моихъ обѣщаній я совсѣмъ не думалъ, чтобъ онъ превосходилъ обыкновенныя человѣческія силы. Мнѣніе г. Ю. Я. о недостаточности моихъ силъ основано на очень вѣскихъ данныхъ; онъ утверждаетъ, что въ моихъ словахъ подъ часъ и совсѣмъ недостаетъ никакого смысла. Выписавъ изъ моей книги нѣсколько строкъ, онъ прибавляетъ. «Предоставляемъ самому читателю разобрать, есть-ли вообще смыслъ въ только-что выписанныхъ словахъ (стр. 205)». Дальше, говоря обо всей вообще моей книгѣ, г. Я. пишетъ: «Мы видимъ, что всѣ благія намѣренія автора сводятся къ тому, что исторія соціальныхъ системъ (то-есть, мое сочиненіе) есть безсвязная компиляція всего, что было писано о коммунизмѣ и соціализмѣ въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, излагаетъ все, что высказано уже Тониссеномъ, Ребо, Сюдромъ и др.». Говоря въ частности о той главѣ моей книги, гдѣ говорится о Сенъ-Симонѣ, мой рецензентъ выражается такъ: «Послѣ прекрасныхъ трудовъ Ребо и Штейна о Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонистахъ трудно сказать что-нибудь новое, коль скоро ограничиваться описательною частью. Можно только сказанное другими развести водою и подать въ новомъ видѣ. Такъ и сдѣлалъ г-нъ Щегловъ». Въ другомъ мѣстѣ мой рецензентъ безжалостнымъ образомъ высказываетъ слѣдующее заключеніе касательно моихъ познаній: «Г-нъ Щегловъ не изучалъ историческихъ судебъ европейскихъ народовъ, онъ считалъ возможнымъ ограничиться ученическимъ очеркомъ, по плохимъ учебникамъ, такъ, гдѣ требуется глубокое знаніе и добросовѣстная эрудиція». Г. Я. находитъ въ моей книгѣ, и именно во введеніи, мѣста, производящія на него такое дѣйствіе, что ему «не вѣрится, чтобъ это было введеніе въ серьезный трудъ», и онъ недоумѣваетъ, «для какого круга читателей предназначаются такого рода введенія въ ученые труды». Послѣ всего этого онъ, конечно, имѣлъ право сказать, что «исторіи соціальныхъ системъ и въ то-же время практическаго *) разбора ихъ у г. Щеглова нѣтъ и быть не можетъ. Для того, чтобы писать исторію и въ то-же время относиться критически къ излагаемымъ фактамъ, надобно имѣть созрѣвшее, здравое представленіе о мѣстѣ, занимаемомъ каждымъ явленіемъ въ ряду другихъ явленій того же или другаго порядка, и имѣть идеалъ, какъ исходную точку для критики; но при простой компиляціи обыкновенно нѣтъ ни того, ни другаго (стр. 206)». Такіе выводы, конечно, дали г. Я. право иронически называть меня «историкомъ и критикомъ соціальныхъ системъ».

Мнѣ оставалось бы только принести всенародное покаяніе въ содѣянномъ мною проступкѣ, если-бы я не нашелъ нѣкоторыхъ утѣшеній въ самой рецензіи г. Я. Утѣшенія эти двоякаго рода: одни изъ нихъ онъ подалъ мнѣ сознательно и добровольно, за что я его и благодарю; другія онъ подалъ невольнымъ, неяснымъ и не довольно сознательнымъ образомъ, такъ что я самъ долженъ уяснить, что именно въ нихъ есть утѣшительнаго для меня.

---

*) Очевидно, это опечатка; слѣдуетъ читать: «критическаго».

Сначала объ утѣшеніяхъ перваго рода. Г. Я. не ограничился одними осужденіями моего труда и моего авторства; онъ просоединилъ къ нимъ и нѣкоторыя похвалы. И извиняясь заранѣе передъ читателемъ за недостатокъ скромности, я позволю себѣ привести здѣсь эти похвалы: онѣ мнѣ нужны собственно не для похвальбы, а для полноты разъясненія того, на сколько я дѣйствительно заслужилъ порицанія г. Я., и какъ много его познанія и критическіе пріемы гарантируютъ правильность его отзыва.

Называя мой трудъ безсвязною компиляціей, г. Я въ то-же время находитъ, что «по полнотѣ это хорошая компиляція, и для нашей молодежи, плохо знакомой съ иностранными языками, она можетъ служить хорошимъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ работъ по тому же предмету». Не сладко мнѣ читать здѣсь, что мой трудъ долженъ быть дополненъ дальнѣйшими работами не людей, созрѣвшихъ для науки, а той молодежи, которая надъ нею должна попробовать свои силы, дать имъ упражненіе. Но что-же дѣлать? По крайней мѣрѣ я далъ ей матеріалъ, и притомъ «хорошій». И когда изъ работъ молодежи что-нибудь выйдетъ, окажутся какіе-нибудь результаты, то глядя на эти результаты и основываясь на авторитетѣ г. Я., и я буду въ правѣ сказать: есть тутъ одна капля и моего меду. Въ чемъ именно состоитъ моя капля меду, указаніемъ этого я обязанъ также г. Я. «Самое изложеніе соціальныхъ ученій» (въ моей книгѣ), говоритъ г. Я., «состоитъ почти исключительно изъ цитатъ изъ самихъ сочиненій, ихъ заключающихъ (то-есть, изъ сочиненій разсматриваемыхъ мною авторовъ). Въ этомъ случаѣ трудъ г. Щеглова, безъ сомнѣнія, полезный вкладъ въ нашу литературу, потому что въ нашей переводной литературѣ нѣтъ ни Платона, ни Мора *), ни Сенъ-Симона, ни другихъ писателей этого рода, и публика наша должна на слово вѣрить разнымъ авторамъ, толкующимъ иностранныхъ учителей по своему уму-разуму». Г. Я., какъ я покажу ниже, много разъ осуждалъ меня за языкъ, и одинъ разъ даже поправилъ меня въ въ выраженіи; потому и я позволю себѣ поправить его. Изложеніе соціальныхъ сочиненій состоитъ у меня не изъ «цитатъ изъ сочиненій», а изъ извлеченій, большихъ выдержекъ, иногда изложенныхъ моими собственными словами, а большею частію введенныхъ въ книгу въ подлинныхъ выраженіяхъ ихъ авторовъ, разумѣется, въ русскомъ переводѣ. Цитата **) значитъ ссылка, и еслибъ я ограничился ссылками, то изъ этого не вышло-бы не только хорошаго, но и никакого матеріала для

*) Въ этомъ случаѣ г. Я. два раза ошибся. Въ нашей переводной литературѣ есть переводы Мора и Платона, и переводы хорошіе. Объ этомъ онъ можетъ справиться въ томъ самомъ сочиненіи, которое онъ критикуетъ, то-есть, въ моей «Исторіи соціальныхъ системъ» (стр. 76 и 175). Что онъ просмотрѣлъ мою библіографическую замѣтку о переводѣ Мора, это меня не удивляетъ. Но странно, что онъ просмотрѣлъ двукратную замѣтку о переводахъ Платона, которыми я самъ пользовался. Какъ человѣкъ, занимающійся политическою экономіею, онъ, впрочемъ, долженъ былъ-бы знать это и безъ меня.

**) Отъ латинскаго слова cito — ссылаться, приводить въ свидѣтельство.

своего рода религіозное созерцаніе, считалъ себя, подобно апостолу Павлу, призваннымъ на служеніе Богу, и подъ конецъ жизни дошелъ до нѣкотораго сознанія ошибокъ въ своей реформаторской дѣятельности». Итакъ, мой взглядъ на Оуэна правиленъ. А въ приложеніи Д къ этой главѣ объ Оуэнѣ я привелъ взгляды на дѣятельность его наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ, писавшихъ объ Оуэнѣ, и показалъ, что эти взгляды не согласны съ тѣмъ, что, по словамъ г. Я., я «весьма вѣрно» указалъ въ текстѣ, что, слѣдовательно, они должны быть отвергнуты. Итакъ, въ этомъ случаѣ утѣшеніе, поданное мнѣ г. Я , я имѣю право разсматривать не какъ простое, а какъ сложное. Я не только высказалъ относительно Оуэна взглядъ правильный, но и высказалъ его вопреки общему мнѣнію ученыхъ, такъ что г. Я. согласенъ не съ авторитетами науки, а со мною.

Конечно, все это, взятое вмѣстѣ, по моему мнѣнію, давало мнѣ нѣкоторое право на то, чтобы г. Я., высказывая свое мнѣніе, будто мой трудъ есть не что иное, какъ безсвязная компиляція изъ трудовъ Сюдра, Тониссена, Рейбо и Штейна, принялъ на себя трудъ показать, что же именно я компилировалъ у каждаго изъ этихъ писателей, тѣмъ болѣе, что въ главѣ объ Оуэнѣ я явнымъ образомъ позволилъ себѣ поправить троихъ изъ этихъ авторовъ, а въ главѣ о Сенъ-Симонѣ позволилъ себѣ поправить Штейна. Конечно, сдѣлавъ такъ или иначе (еще разъ прошу извиненія у читателя), «полезный вкладъ въ литературу», написавъ подробно исторію сенъ-симонизма, высказавъ правильные взгляды на ученія Сенъ-Симона и на дѣятельность Оуэна, издавъ «хорошую» справочную книгу, я имѣлъ нѣкоторое право на то, чтобы г. Я., дѣлающій эти, въ сущности столь лестные, отзывы о моемъ трудѣ, хотя бы попробовалъ привести какія-нибудь доказательства въ пользу своего столь серьезнаго упрека, будто я издаю, какъ свой самостоятельный трудъ, то, что есть не болѣе, какъ компиляція, и притомъ еще безсвязная. Сдѣлать это ему было бы очень легко; ему стоило только поставить рядомъ то, что онъ нашелъ у меня, и то, что нашелъ у Сюдра, Рейбо, Штейна и Тониссена. Тогда и мнѣ было бы возможно опровергать его мнѣніе; теперь же этой возможности я лишенъ. Въ самомъ дѣлѣ, что остается мнѣ дѣлать? Г. Я. сказалъ: это безсвязная компиляція; я могу ему отвѣчать только: нѣтъ, это не компиляція и не безсвязная. Г. Я. опять повторитъ свое мнѣніе, а я повторю свое. И выйдетъ безконечный, дѣтскій споръ, въ которомъ останется побѣдителемъ тотъ, кто терпѣливѣе, кто лишній разъ повторитъ свое голословное утвержденіе. Такъ ли ведутся споры о предметахъ науки? А г. Я. именно началъ его въ такомъ видѣ. Но я этого спора принять не могу.

Мнѣ можно было бы предложить г. Я. другаго рода разслѣдованіе этого вопроса; я могъ бы отвѣтить ему двумя строками, въ которыхъ сказалъ бы только слѣдующее: «Потрудитесь, г. Я., доказать чѣмъ-нибудь ваше мнѣніе, что мой трудъ есть компиляція». И конечно, всякій согласится, что мои слова были бы обязательны для г. Я. Но всякій согласится и съ тѣмъ, что обязанность его доказать высказанное мнѣніе

остается несомнѣнною и безъ этихъ моихъ словъ; и если онъ не исполнилъ ея прежде, то я не могу надѣяться и на то, чтобъ онъ исполнилъ ее послѣ моихъ словъ. Но читающій эти строки не можетъ видѣть еще одной причины, по которой г. Я. не станетъ доказывать, что мой трудъ есть компиляція: а пишущій ихъ видитъ ее хорошо. Г. Я. не станетъ доказывать своего мнѣнія, потому что, какъ бы ни былъ онъ богатъ познаніями и какъ бы въ то же время онъ ни былъ искусенъ въ преніяхъ, онъ не можетъ доказать, что удостоенное имъ рецензіи сочиненіе есть компиляція, потому что въ самомъ дѣлѣ оно не есть компиляція, потому что ни матеріалъ его, ни планъ, ни выводы, каково бы ни было ихъ достоинство, не заимствованы авторомъ ни у одного изъ названныхъ г. Я. иностранныхъ писателей. Потому для пишущаго эти строки несомнѣнно то, что г. Я. доказывать своего мнѣнія не сталъ бы. Итакъ, что же остается сдѣлать автору, чѣмъ можетъ онъ защититься отъ сдѣланнаго ему упрека? Долженъ ли онъ самъ сравнить содержаніе и планъ своего сочиненія съ тѣми сочиненіями, изъ которыхъ онъ, по словамъ рецензента, сдѣлалъ компиляцію? Но, во-первыхъ, сдѣлать это онъ нисколько не обязанъ, тутъ onus probandi лежитъ не на немъ; во-вторыхъ, это для него и совсѣмъ невозможно, потому что онъ не можетъ ограничиться сравненіемъ только части своего труда, а долженъ сравнить все, и для того написать сочиненіе гораздо больше того, которое подвергнуто рецензіи, тогда какъ рецензентъ могъ бы ограничиться только частью: доказавъ, что какая-нибудь часть книги есть компиляція, вопреки увѣренію автора, онъ уже достаточно подтвердилъ бы свою мысль. Такимъ образомъ авторъ поставленъ въ положеніе дѣйствительно безъисходное. У него есть только одинъ возможный выходъ: ему приходится, если только это возможно, доказывать изъ самой рецензіи, что рецензентъ, голословно упрекающій его, не есть авторитетъ, которому можно было бы повѣрить на слово. Это я и принужденъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что отчасти въ самой рецензіи моего критика я найду матеріалъ для доказательства того, что сочиненіе, подвергнутое имъ критикѣ, не есть безсвязная компиляція.

Г. Я. не ограничился тѣмъ, что произнесъ свое мнѣніе относительно всей вообще моей книги: онъ присоединилъ къ этому и частныя замѣчанія по поводу отдѣльныхъ главъ ея, именно по поводу главъ о Платонѣ, Томасѣ Морѣ, Сенъ-Симонѣ, сенъ-симонистахъ и Р. Оуэнѣ.

Свои частныя замѣчанія о Платонѣ г. Я. начинаетъ такимъ образомъ: «Говоря о Платонѣ, авторъ излагаетъ его словами устройство республики и въ заключеніе помѣщаетъ длинный трактатъ о томъ, что святость брака и семьи составляетъ законъ (у меня не законъ, а основаніе) нравственной силы общества, распространяется о симпатическихъ чувствахъ и о важности ихъ развитія и укрѣпленія для упрощенія (здѣсь очевидно опечатка) и с ч и т а е т ъ н а к о н е ц ъ н е о б х о д и м ы м ъ д о к а з ы в а т ь п р а к т и ч е с к у ю н е п р и м ѣ н и м о с т ь у с т р о й с т в а г о с у д а р с т в а п о п л а н у П л а т о н а, к а к ъ б у д т о к т о-н и б у д ь с о м н ѣ в а е т с я в ъ э т о й н е п р и м ѣ н и м о с т и». Что я помѣстилъ трактатъ (не длинный впрочемъ) о томъ, что святость брака и семьи составляетъ основаніе

нравственной силы общества, это, какъ показано въ книгѣ моей, я сдѣлалъ по слѣдующей причинѣ: я предположилъ подвергнуть критикѣ всѣ главныя положенія соціализма и коммунизма, и такъ какъ отрицаніе семьи принадлежитъ къ одному изъ этихъ положеній, составляетъ одинъ изъ догматовъ соціализма, преимущественно у насъ въ Россіи, то я долженъ былъ подвергнуть критикѣ и этотъ догматъ. Но гдѣ, въ какомъ случаѣ мнѣ было удобнѣе сдѣлать это, подвергая ли критикѣ мнѣнія Платона или мнѣнія г. Чернышевскаго и г. А. Михайлова, которые утверждаютъ, что, если судьба дѣтей обезпечена, то семья не имѣетъ причины существовать? Мнѣнія эти приведены мною въ приложеніяхъ къ гл. V, которыя и г. Я. назвалъ весьма полезными; мнѣнія эти отвергнуты мною именно на основаніи этого «длиннаго» трактата въ главѣ о Платонѣ, котораго я, безъ сомнѣнія, въ правѣ считать авторитетомъ болѣе важнымъ, чѣмъ гг. Чернышевскій и Михайловъ. По однажды принятому мною и заявленному въ предисловіи правилу, встрѣчая одни и тѣ же мнѣнія у разныхъ авторовъ, я подвергалъ ихъ критикѣ въ томъ видѣ, какъ представляютъ ихъ писатели наиболѣе извѣстные и авторитетные. Мнѣнія эти относительно ненадобности семьи составляютъ принадлежность не только системы Платона, гг. Чернышевскаго и Михайлова, но и всѣхъ почти соціалистовъ и коммунистовъ. Итакъ, умѣстенъ ли мой, хотя бы и длинный, трактатъ о святости брака и семьи въ разборѣ соціальной мечты Платона? А что касается до того, что я распространялся о симпатическихъ чувствахъ, странно только одно, какъ г. Я. не замѣтилъ, что это распространеніе составляетъ у меня главное доказательство въ пользу семьи, въ пользу семейнаго воспитанія дѣтей, и что безъ этого я не могъ бы доказывать необходимости семьи? Если въ исторіи соціальныхъ системъ не неумѣстно высказывать мысль о необходимости семьи, то еще болѣе умѣстно доказывать эту мысль, потому что безъ доказательствъ никто не обязанъ намъ вѣрить. И разумѣется, не отличая такимъ образомъ мыслей главныхъ отъ второстепенныхъ, главныхъ положеній отъ ихъ доказательствъ, г. Я. имѣетъ полную возможность находить, между прочимъ, и здѣсь недостатокъ связи, безсвязную компиляцію. Но это, конечно, уже не моя вина, а его собственная.

Что касается до того, будто я считаю «необходимымъ доказывать практическую непримѣнимость устройства государства по плану Платона, какъ будто кто-нибудь сомнѣвается въ этой непримѣнимости», въ этихъ словахъ, содержащихъ въ себѣ двѣ мысли, г. Я. сдѣлалъ двѣ крупныя ошибки. Ему, очевидно, неизвѣстно, что всѣ вообще коммунисты видятъ въ Платонѣ свой главный авторитетъ, и что въ особенности наши русскіе коммунисты обо всѣхъ вообще проектахъ реформы на основаніи коммунизма думаютъ, что всѣ они осуществимы *), что уже въ одной

*) Я жалѣю, что не имѣя подъ руками книгъ, въ которыхъ высказываются эти мысли, не могу привести подлинныхъ словъ авторовъ, высказывающихъ ихъ. P. S. Подлинныя слова одного изъ авторовъ, г. Чернышевскаго, приведены въ этомъ томѣ (см. ниже стр. 635).

идеѣ коммунизма находится полная гарантія ихъ примѣнимости, успѣшности, такъ что не только многіе «сомнѣваются въ этой непримѣнимости», но многіе даже вполнѣ убѣждены именно въ ея примѣнимости. Это и есть первая ошибка г. Я.—Вторая ошибка его состоитъ въ томъ, что относительно проекта Платона именно и я раздѣляю то мнѣніе, что онъ осуществимъ, и высказалъ это именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ г. Я. увидѣлъ противное. Г. Я. знаетъ, что Платоновъ проектъ имѣетъ двѣ главныя особенности — общность женъ и общность имуществъ въ сословіи воиновъ. Относительно общности имущества на стр. 44-й я говорю: «Вообще Платоновъ коммунизмъ есть вещь весьма легко осуществимая, даже осуществленная и существующая въ настоящее время». Это-ли значитъ доказывать непримѣнимость Платонова плана? Что же касается до общности женъ, то я не имѣлъ случая высказаться о ней такъ прямо и кратко; но отвергая ее, я сдѣлалъ это на основаніи требованій человѣческаго достоинства и мужа, и жены, и на основаніи нравственной пользы дѣтей. Мнѣ не было бы надобности дѣлать это, если бы я считалъ общность женъ совершенно неосуществимою. Но на стр. 36-й моей книги я привожу извѣстіе Аристотеля о томъ, что въ Верхней Ливіи общность женъ была осуществлена, привожу и даю ему вѣру. Слѣдовательно, откуда же г. Я. взялъ, что я нахожу необходимымъ доказывать непримѣнимость Платонова проекта, когда я напротивъ считаю его примѣнимымъ во всѣхъ главныхъ частяхъ? Упрекъ, который онъ старается сдѣлать мнѣ, не переходитъ ли на него самого въ томъ смыслѣ, что г. Я. или не понимаетъ, или искажаетъ то, что̀ у меня сказано? Я наклоненъ скорѣе допустить первое.

Пойдемъ дальше. «Разговоръ о законахъ», продолжаетъ г. Я., «г. Щегловъ безъ всякихъ колебаній приписываетъ Платону; но онъ не считаетъ нужнымъ распространяться объ этомъ сочиненіи, потому-де, что самъ Платонъ (?) [1]) считалъ этотъ проектъ менѣе совершеннымъ. Это мнѣніе Платона однако не подтверждается никакою ссылкою. Между тѣмъ у Моля, напримѣръ, мы находимъ взглядъ совершенно противоположный: онъ (I, 174) говоритъ между прочимъ, что основныя мысли Платона проведены здѣсь въ мельчайшихъ подробностяхъ и приведены въ цѣлую систему уложенія, но нѣсколько видоизмѣнены. Какъ извѣстно, насчетъ принадлежности самому Платону разговора о законахъ существуютъ разногласія, которыхъ г. Щегловъ не выяснилъ». Нѣтъ, г. Я., вы не такъ выразились; разногласій о томъ, кому принадлежитъ разговоръ о законахъ, не существуетъ: правда, было высказано мнѣніе, что онъ не принадлежитъ Платону, но такъ какъ оно крайне неосновательно, то ученые не приняли его, и потому современные ученые не обращаютъ на него вниманія; и съ какой стати я сталъ бы въ исторіи соціальныхъ системъ выяснять уже выясненный вопросъ объ авторѣ разговора о законахъ, притомъ вопросъ, принадлежащій къ области исторіи греческой лите-

---

[1]) Этотъ знакъ вопроса принадлежитъ г. Я.

ратуры, а не въ исторіи соціальныхъ системъ, и притомъ вопросъ пустой, не имѣющій значенія. Р. Моль написалъ сочиненіе о литературѣ политическихъ наукъ; если кому слѣдовало заняться вопросомъ объ авторѣ разговора о законахъ, то, конечно, ему. Но и онъ не только «не выяснилъ» ничего, не только безъ всякихъ колебаній приписываетъ разговоръ о законахъ Платону, но прямо называетъ споръ объ этомъ предметѣ «совершенно празднымъ» (völlis müssig). Желаетъ ли г. Я., чтобъ я принялъ участіе въ праздномъ спорѣ?

Что касается до того, что, по моему мнѣнію, «самъ Платонъ (?) считалъ этотъ проектъ менѣе совершеннымъ», и что это мнѣніе не подтверждается у меня ссылкою, въ этомъ случаѣ г. Я. опять дѣлаетъ двѣ ошибки. Платонъ дѣйствительно считалъ этотъ проектъ менѣе совершеннымъ, и я подтвердилъ это не только ссылкою, но и пространною выпискою на стр. 63-й, гдѣ приведены слѣдующія слова Платона: государство, «которое мы намѣреваемся устроить теперь (то-есть, въ разговорѣ о законахъ), не далеко отстоитъ отъ этого безсмертнаго образца (то-есть, государства, изображеннаго въ разговорѣ этого имени) и займетъ по немъ второе мѣсто». «Между тѣмъ у Моля». говоритъ г. Я., «мы находимъ взглядъ совершенно противоположный». Нѣтъ, не противоположный, а тотъ же самый: Р. Моль, подобно всѣмъ другимъ ученымъ, думаетъ, что въ разговорѣ о законахъ Платонъ хотѣлъ создать государство, которое могло бы быть безъ всякаго препятствія устроено на практикѣ, а что въ разговорѣ о государствѣ онъ изслѣдуетъ, какого рода общественныя и государственныя учрежденія должны считаться наилучшими (vorzüglichsten). И такъ, г. Я. ошибся, и притомъ въ такомъ общеизвѣстномъ дѣлѣ, что его ошибка совершенно непонятна. Онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія сослался на слова Моля, и указалъ мѣсто, гдѣ Моль будто бы высказываетъ противоположный моему взглядъ. Но тамъ-то именно Р. Моль и говоритъ то, что опровергаетъ слова г. Я. Вотъ слова Моля: Въ разговорѣ о государствѣ «Платонъ не входитъ въ подробности устройства и управленія. Но иначе поступаетъ онъ въ «Законахъ». Здѣсь основная мысль доведена до малѣйшихъ подробностей и представлена цѣлая система постановленій касательно устройства и управленія. Но сама эта основная мысль — уже существенно различная» (wesentlich verschiedener). Г. Я. думаетъ, что въ «Законахъ» Платона основная мысль та же самая, что̀ въ разговорѣ о государствѣ, только «нѣсколько измѣнена». Нѣсколько измѣнена, это, по мнѣнію г. Я., равняется «wesentlich verschiedener»!

Мы далеко не кончили съ тѣми поправками и указаніями, которыя г. Я. дѣлаетъ мнѣ только по поводу одной главы о Платонѣ. «Онъ», говоритъ г. Я. про меня далѣе, «считаетъ новостью высказанное имъ замѣчаніе, что коммунизмъ и отсутствіе семьи были у Платона принадлежностью сословія воиновъ; новость же эту мы находимъ, напримѣръ, у Бодрильяра въ этюдѣ о Т. Морѣ, въ его «Publicistes modernes». Нѣтъ, г. Я., я не считаю новостью мое замѣчаніе, потому что самъ

же я на стр. 75-й моей книги говорю, что Моргенштернъ, который 60 лѣтъ раньше Бодрильяра издалъ свое изслѣдованіе «о государствѣ Платона», высказываетъ тоже мнѣніе. Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что раньше Бодрильяра высказали тоже мнѣніе Сюдръ и Тониссенъ. Но они только высказывали, а я доказывалъ его. Быть можетъ, мои доказательства неудовлетворительны; я былъ бы очень благодаренъ г. Я., если бы онъ обнаружилъ недостатки моихъ доказательствъ. А что они не неумѣстны, въ подтвержденіе этой мысли, сошлюсь на то, что, напримѣръ, Аристотель признаетъ противное; мнѣнія же Аристотеля нельзя опровергать противоположными мнѣніями Бодрильяра, которыя притомъ не подкрѣплены никакими доводами.

Страннѣе всего г-ну Я. кажется то, что я «отнесъ въ приложенія» слѣдующія «выписки, которыя имѣютъ большое значеніе и должны бы занять мѣсто въ самомъ текстѣ: очеркъ соціальныхъ реформаторовъ Греціи до Платона по Р. Молю, о заимствованіяхъ Платономъ у евреевъ, наконецъ, такія вещи, какъ возраженіе Неволину, чисто голословное» и т. д. Но, вопервыхъ, все это не «выписки», а составленныя мною въ видѣ особыхъ замѣтокъ статьи; вовторыхъ очеркъ соціальныхъ реформаторовъ Греціи до Платона составленъ мною не по Р. Молю, а главнымъ образомъ по первоначальному источнику—Аристотелю; втретьихъ, о соціальныхъ реформаторахъ до Платона—Фалеасѣ, Пиѳагорѣ, у Р. Моля совсѣмъ и не говорится; вчетвертыхъ, мои возраженія Неволину (не одно, а два) не голословныя, а подкрѣплены шестью доказательствами (стр. 77 и 78), которыя г-ну Я. слѣдовало бы опровергнуть, какъ неосновательныя, если они дѣйствительно таковы, а не отвергать ихъ, когда они существуютъ.

Далѣе: «Недостатокъ критическаго отношенія къ предмету заставляетъ г. Щеглова во что бы то ни стало видѣть въ республикѣ Платона изысканіе средствъ противъ дѣйствительныхъ золъ тогдашняго времени и обвинять Платона въ томъ, что противъ главнаго зла—разъединенности Греціи—онъ не придумалъ ничего,даже, судя по всему, и не подозрѣвалъ этого зла. Во всемъ, что помѣщено въ книгѣ изъ сочиненій Платона, мы нигдѣ не видимъ, однако, чтобы философъ указывалъ прямо на недостатки настоящаго и предлагалъ противъ нихъ врачеваніе». Жаль, что вы не видите этого, г. Я.: а вы должны были бы видѣть это въ слѣдующихъ словахъ Платона, помѣщенныхъ въ моей книгѣ (стр. 24 и 25): «Въ другихъ городахъ, говоритъ Платонъ, въ каждомъ отдѣльномъ городѣ не одинъ городъ, а нѣсколько; одинъ такой городъ часто состоитъ изъ самыхъ богатыхъ, другой просто изъ богатыхъ, третій изъ достаточныхъ, четвертый изъ бѣдныхъ. Начните вы войну съ такимъ городомъ, вы всегда въ самомъ городѣ найдете союзниковъ; такіе города не трудно побѣждать; а нашъ городъ (то-есть, тотъ, который Платонъ намѣренъ устроить) невозможно побѣдить, потому что у насъ единодушіе, храбрость, искусство и бодрость». И такъ, Платонъ указываетъ раздѣленіе гражданъ вслѣдствіе большаго неравенства иму-

ществъ, какъ причину слабости городовъ, и какъ средство противъ этого зла, предлагаетъ коммунизмъ и извѣстное воспитаніе юношества, изслѣдованіемъ чего онъ и занимается въ разговорѣ о государствѣ. А я на стр. 10-й и 11 й показалъ, что однимъ изъ главныхъ золъ, ослабившихъ Грецію, было чрезвычайное неравенство имуществъ и обѣдвѣніе большинства граждавъ. Можетъ быть, это и неправда; но эта мысль раздѣляется всѣми, какъ учеными, такъ и составителями учебниковъ. Если г. Я. думаетъ иначе, то ему слѣдовало бы показать, какъ нужно смотрѣть на этотъ предметъ: каково должно быть «критическое отношеніе къ предмету». А въ настоящее время фактъ остается тотъ, что «Платонъ прямо указывалъ на недостатки настоящаго и изыскивалъ противъ нихъ средства; все это и приведено въ моей книгѣ. Если г. Я. не видѣлъ этого, то является новый случай для вопроса почему же г. Я, просмотрѣлъ то,что содержится въ моей книгѣ?

«По нашему разумѣнію», продолжаетъ г. Я., «г. Щегловъ, позаимствовавъ у другихъ писателей обычай (?) начинать исторію соціализма съ Платона, впалъ вмѣстѣ съ ними въ одну и ту же ошибку, въ ту именно, что причислилъ республику Платона къ соціалистскимъ сочиненіямъ, а автора ея къ соціалистамъ». Ваша мысль, г. Я., была бы обязательна «къ исполненію», если бы вы потрудились доказать ее, но и этого вы не сдѣлали. Въ такомъ случаѣ—зачѣмъ же лишнія слова? Зачѣмъ тратить oleum et tempus, то-есть, время, чернила и бумагу?

Сводя теперь къ одному итогу всѣ указанія, замѣчанія, поправки, упреки, которые сдѣлалъ мнѣ г. Я., по поводу главы о Платонѣ, что же мы видимъ? Г. Я. находитъ неумѣстнымъ въ главѣ о Платонѣ то, что по плану, заранѣе мною предположенному и изложенному въ предисловіи, составляетъ необходимую принадлежность ея, какъ критическаго обозрѣнія соціальныхъ ученій, находитъ неумѣстнымъ, потому что не понялъ связи между обсуждаемымъ фактомъ и общею задачею сочиненія. Онъ приписываетъ мнѣ то, чего у меня нѣтъ, и осуждаетъ меня за это несуществующее. Онъ осуждаетъ меня за приписаніе Платону разговора о законахъ и за невыясненіе вопроса о немъ, потому что незнакомъ съ дѣйствительнымъ состояніемъ этого вопроса, со взглядами на него, между прочимъ, Моля. Онъ осуждаетъ меня за то, что я считаю проектъ, изложенный въ разговорѣ о республикѣ болѣе совершеннымъ, чѣмъ проектъ разговора о законахъ, ссылаясь на Моля, которому онъ приписываетъ мнѣніе противоположенное; но въ дѣйствительности мнѣніе Моля согласно съ моимъ, и въ приведенныхъ словахъ Моля г. Я. или исказилъ смыслъ его словъ, или не понялъ его. Онъ говоритъ, что я приписываю себѣ открытіе того, что имущественный коммунизмъ Платона относится только къ воинамъ, вопреки тому, что самъ я привелъ въ книгѣ это мнѣніе, высказанное Моргенштерномъ за 75 лѣтъ до нашего времени. Онъ съ большою смѣлостью называетъ «выписками» то, что составляетъ мой собственный авторскій трудъ, не зная того, что у Р. Моля, у котораго будто я сдѣлалъ выписку и съ которымъ г. Я. будто бы знакомъ, совсѣмъ и нѣтъ того, что содержится въ моей «выпи-

скѣ». Наконецъ, онъ осуждаетъ меня за то, что самъ же не хотѣлъ или не умѣлъ видѣть въ моей книгѣ (касательно указаній Платона на современные ему недостатки общества).

Этимъ мы могли бы и ограничиться, находя, что уже въ приведенныхъ фактахъ «критическое отношеніе» г. Я. къ предмету достаточно выяснилось; но мы разсмотримъ и остальную часть его рецензіи, чтобы читатель не подумалъ, что, быть можетъ, г. Я. промахнулся только при оцѣнкѣ одной главы, а въ разборѣ другихъ онъ сильнѣе.

Сначала впрочемъ скажемъ еще нѣсколько словъ о его указаніяхъ мнѣ касательно введенія и предисловія: въ предисловіи моемъ онъ нашелъ «весь смыслъ» въ томъ, «что соціалисты менѣе опасны для насъ, чѣмъ экономисты» (?). Прочитайте, г. Я., еще разъ мое предисловіе, и вы тамъ найдете ту главную мысль, что появленіе моей книги объясняется двумя причинами: вопервыхъ, тѣмъ, что въ нашей литературѣ совсѣмъ нѣтъ обстоятельнаго, критическаго изложенія соціальныхъ системъ, и во-вторыхъ, тѣмъ, что намъ она нужна не только собственно для научныхъ цѣлей, но еще и для практическихъ, житейскихъ, потому что масса людей, ищущихъ истины, не можетъ знать ее, благодаря отсутствію средствъ, и набралась неправильныхъ воззрѣній именно на этотъ предметъ изъ вздорныхъ журнальныхъ статей. Походитъ ли эта мысль на ту, которую вы приняли за главную? Во введеніи васъ смущаетъ то, что я излагаю періоды экономическаго развитія человѣчества «съ такою наивною вѣрою въ непреложность подраздѣленія жизни человѣчества на періоды охоты, скотоводства и земледѣлія, и въ то же время въ формѣ такой дѣтски простой сказки, что не вѣрится, чтобъ это было введеніе въ серіозный трудъ, и недоумѣваешь, для какого круга читателей предназначаются такого рода введенія въ ученые труды». Позвольте на это замѣтить, что въ моемъ введеніи нѣтъ никакой сказки, ни для дѣтей, ни для взрослыхъ. Исторія экономическаго развитія изложена у меня въ догматическомъ видѣ безъ пособія эпической формы. Притомъ, вы, г. Я., сами говорите, что это изложеніе взято мною у Рошера [1]); такъ и обвиняйте за эту сказку его, а не меня. А что касается до наивной вѣры, то позволю себѣ замѣтить, что эта вѣра (наивная или не наивная—все равно) составляетъ необходимую принадлежность всякаго автора, излагающаго мысли, которыя онъ считаетъ справедливыми. Такъ, напримѣръ, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстна теорія ренты Рикардо, не менѣе другихъ экономическихъ теорій. Слѣдовательно, вамъ извѣстно и то, что и онъ съ самою полною вѣрою излагалъ періоды обработки земли, начиная съ лучшей и кончая худшею. Вѣру эту вы имѣете полное право назвать наивною, потому что другіе экономисты, весьма авторитетные, имѣющіе большую заслугу въ политической экономіи, не раздѣляютъ этой вѣры.

---

*) А въ самомъ дѣлѣ ни у Рошера, ни у кого другаго. Не стану доказывать этого только потому, что не имѣю для этого ни охоты, ни времени, и не считаю себя обязаннымъ опровергать всѣ голословные упреки г. Я.

Не стану доказывать того, что г. Я. исказилъ смыслъ моего введенія и вступленія въ главу третью (о Т. Морѣ), не стану потому, что для разъясненія этихъ искаженій, составляющихъ у г. Я. три или четыре страницы, я долженъ былъ бы написать десять; не стану еще потому, что здѣсь г. Я. не поправляетъ меня, а только осуждаетъ и пересмѣиваетъ, такъ что я не знаю его настоящаго взгляда на дѣло, не знаю, съ чѣмъ я долженъ сравнить то, что ему не нравится. Вмѣсто того перейду прямо къ тѣмъ мѣстамъ рецензіи, гдѣ г. Я поправляетъ меня.

«У автора» (то-есть, у меня), говоритъ г. Я. «остаются смѣшанными двѣ стороны въ исторіи соціализма: соціализмъ теоретическій и соціализмъ дѣятельный, соціализмъ мечтателей-романистовъ, къ которому принадлежитъ вся масса писателей эпохи возрожденія и слѣдовавшаго за нею ближайшаго времени, и соціализмъ людей практическихъ, соціализмъ, сдѣлавшій попытки осуществить экономическія реформы и идущій къ нимъ понынѣ медленными, но вѣрными шагами. Соціализмъ романическій есть скорѣе критика и построеніе идеаловъ государственнаго порядка, чѣмъ порядка общественнаго и экономическаго; вслѣдствіе чего Моль, напримѣръ, всѣ принадлежащія сюда сочиненія справедливо считаетъ государственными романами (Staatsromane); такой соціализмъ въ наше время положительно не возможенъ; онъ есть достояніе того періода исторіи, когда государственные интересы стояли на первомъ планѣ и поглощали всѣ другіе. Соціализмъ дѣятельный есть уже не государственный, а общественный и экономическій» и т. д. Итакъ, я смѣшалъ соціализмъ теоретическій, романическій, государственный съ соціализмомъ практическимъ, общественнымъ, экономическимъ, смѣшалъ въ противность авторитету Моля, который раздѣляетъ ихъ. Откуда взялъ все это г. Я.? Почему соціализмъ теоретическій онъ равняетъ съ соціализмомъ романическимъ и государственнымъ, а соціализмъ дѣятельный съ соціализмомъ общественнымъ и экономическимъ, и почему нужно различать соціализмъ романическій отъ соціализма нероманическаго, догматическаго? Морелли написалъ соціальный романъ «Базиліаду» и изложилъ соціальную теорію догматическимъ образомъ въ «Кодексѣ природы». Кабе написалъ соціальный романъ «Путешествіе въ Икарію» и изложилъ свою теорію догматическимъ образомъ въ приложеніи къ Икаріи и въ десяткахъ журнальныхъ статей и брошуръ, и т. д. Безъ сомнѣнія, и у Кабе, и у Морелли одинъ и тотъ же соціализмъ; итакъ, есть ли хоть какая-нибудь разумная причина различать соціализмъ по видамъ, когда эти виды имѣютъ одну сущность и различаются только формою? Если бы въ исторіи соціализма главное состояло въ формѣ, а не въ сущности, тогда требованіе г. Я. было бы раціонально. А теперь оно только представляетъ новое доказательство той мысли, что г. Янсонъ говоритъ о предметѣ, который онъ мало знаетъ и еще меньше понимаетъ.

Потомъ, приведенныя имена Морелли и Кабе уже доказываютъ, что соціализмъ романическій не есть только государственный, потому что и Морелли, и Кабе предлагаютъ проекты реформы не государственной, а

именно соціальной, экономической, не смотря на то, что излагаютъ ихъ въ формѣ романовъ. Слѣдовательно, г. Я. въ другой разъ ошибся, противополагая романическій соціализмъ общественному. Далѣе, Прудонъ, подобно другимъ соціалистамъ, какъ всѣмъ извѣстно, есть соціалистъ теоретическій и въ то же время дѣятельный. Слѣдовательно, соціализмъ теоретическій и дѣятельный не противоположны между собою, а могутъ быть согласны. Но въ то же время Прудонъ-теоретикъ не написалъ ни одного Staats-романа; слѣдовательно, соціализмъ романическій и теоретическій должны быть различаемы, а не равняемы между собою. Кромѣ того, мы можемъ указать авторовъ Staats-романовъ, которые вовсе не могутъ быть названы соціалистами ни теоретическими, ни государственными, ни какими бы то ни было; таковъ, напримѣръ, Ж. Б. Сей, авторъ романа «Olbie», и Л. Рейбо, авторъ двухъ романовъ о Жеромѣ Патюро. Эти писатели дѣйствительно издали Staats-romane, какъ понимаетъ ихъ Р. Моль. И крайне странно было бы видѣть Сея и Рейбо между соціалистами, хотя бы и государственными. Между тѣмъ изъ словъ г. Я. выходитъ такъ. Наконецъ, самое выраженіе «соціализмъ государственный» есть абсурдъ, non sens. Всякій соціализмъ стремится осуществиться въ государствѣ, и въ этомъ смыслѣ всякій соціализмъ можетъ быть названъ государственнымъ. Въ этомъ смыслѣ никакой видъ соціализма, никакая отдѣльная система не могутъ освободиться отъ этого предиката. Но г. Я. разумѣетъ не то. Онъ въ соціализмѣ различаетъ по предмету, по содержанію два вида: одинъ соціализмъ — государственный, другой—общественный, экономическій. Во всѣ опредѣленія соціализма, кто бы ихъ какъ ни дѣлалъ, всегда входитъ понятіе о реформахъ экономическо-общественныхъ. Какъ скоро въ реформахъ нѣтъ характера экономическо-общественнаго, то онѣ не имѣютъ характера соціализма, и смотря по своей сущности, должны быть названы политическими, экономическими и т. д., но не соціальными. Такъ это принято, такъ это различается во всѣхъ наукахъ общественныхъ; вслѣдствіе чего изъ современныхъ намъ дѣятелей Мадзини, имѣющій въ виду реформу Италіи только политическую, не есть соціалистъ; точно также не соціалистъ Ж. Фавръ и Тьеръ, потому что они имѣютъ въ виду реформу только политическую, государственную; не соціалисты Мишель Шевалье, Молинари, потому что они имѣютъ въ виду реформу только экономическую. Но Л. Бланъ—соціалистъ, потому что, вмѣстѣ съ реформою политическою, онъ желаетъ еще реформы общественно-экономической. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ дѣлается различеніе между началами государственнымъ и соціальнымъ, эти два понятія являются противоположными, исключающими себя взаимно. Находя какой-то соціализмъ государственный, г. Я. дѣйствительно съ своимъ «критическимъ отношеніемъ къ предмету», и разумѣется, съ своимъ «глубокимъ знаніемъ и добросовѣстною эрудиціей» договорился до невозможнаго. Но, подумаетъ читатель, вѣдь г. Я. ссылается на Р. Моля; а это большой авторитетъ въ наукѣ. Правда, ссылается, и авторитетъ Р. Моля большой. Но эти ссылки въ родѣ тѣхъ, которыя мы видѣли выше. Г. Я. думаетъ, что Р. Моль подъ именемъ

государственныхъ романовъ (Staats-Romane) разумѣетъ такія сочиненія, которыя содержатъ въ себѣ скорѣе критику и построеніе идеаловъ государственнаго порядка, чѣмъ порядка общественнаго, экономическаго. Г. Я. прибавляетъ, что такой соціализмъ въ наше время положительно невозможенъ. Въ дѣйствительности, Р. Моль разумѣетъ подъ государственными романами такія реформаторскія сочиненія объ общественномъ или государственномъ порядкѣ, которыя имѣютъ форму романа, разсказа, вымысла; содержаніе же ихъ можетъ имѣть характеръ соціальный, чисто политическій, религіозный, это ему все равно; и дѣйствительно, онъ одинаково разбираетъ сочиненія, имѣющія такого рода содержаніе *). Такимъ образомъ, къ числу государственныхъ романовъ онъ причисляетъ «Утопію» Т. Мора, и «Севарамбовъ» Верасса — сочиненія, имѣющія характеръ соціальный, сочиненія Гаррингтона и Мерсье Ла-Ривьера, имѣющія характеръ чисто политическій, записки Гавденція Луккскаго, имѣющія характеръ религіозный, и т. д. Правда, безъ политической реформы невозможна или, по крайней мѣрѣ, трудна реформа соціальная, и потому всѣ государственные романы говорятъ и о реформѣ политической; но самъ Р. Моль признаетъ, что не смотря на то, «главнымъ образомъ они занимаются реформой общественною» (sich vielmehr vorzugsweise mit gesellschaftlichen **) Veränderungen beschäftigen). Это, конечно, не то, что приписываетъ имъ г. Я., не «скорѣе критика и построеніе государственнаго порядка, чѣмъ порядка общественнаго», а нѣчто совсѣмъ противное. Что касается до того, будто соціализмъ государственныхъ романовъ въ наше время положительно невозможенъ, укажу г. Я. на то, что въ число государственныхъ романовъ Моль ввелъ «Икарію» Кабе, своего собственнаго современника, человѣка недавно умершаго, котораго сочиненіе издано во второй половинѣ царствованія Людовика-Филиппа Орлеанскаго, а практическая дѣятельность относится къ царствованію Наполеона III. Не правда ли, что въ этомъ случаѣ опять нельзя обойти вопроса о томъ, за свое или не за свое дѣло взялся г. Я., принявшись за рецензію политико-экономическаго сочиненія, по силамъ или не по силамъ ему такая рецензія, и какъ много показалъ онъ въ ней критическаго отношенія къ предмету, глубокаго знанія и добросовѣстной эрудиціи. Г. Я. не затруднился на подобные вопросы касательно меня

---

*) Вслѣдствіе этого онъ хотя и помѣщаетъ «Государство» и «Законы» Платона въ числѣ государственныхъ романовъ, но дѣлаетъ это, кажется, только потому, что не нашелъ имъ въ своемъ сочиненіи другаго мѣста, оговариваясь однако, что они не принадлежатъ къ государственнымъ романамъ.

**) Дальше Р. Моль подробнѣе излагаетъ, къ чему именно относятся эти gesellschaftliche Veränderungen. «In einer grossen Zahl derselben (то есть государственныхъ романовъ) sind ganz andere Grundlagen und Gestaltungen des Eigenthums, der Ehe und Familie, der Erziehung u. s. w. geschildert, als die wir in unserer jetzigen Gesellschaft sehen und üben».

(именно касательно меня, а не моего сочиненія) дать отвѣты въ первыхъ строкахъ своей рецензіи и постоянно повторялъ ихъ до конца рецензіи. Я не буду подражать ему; я ограничусь только постановкою вопросовъ, предоставляя отвѣты читателю самому.

Еще нѣсколько замѣчаній. Г. Я. упрекаетъ меня, что я началъ излагать исторію соціальныхъ системъ «не опредѣливъ сперва, что такое соціализмъ, иначе,—не опредѣливъ, исторію какихъ системъ» я «намѣренъ писать». Въ другомъ мѣстѣ г. Я. находитъ нужнымъ выразить эту мысль въ формѣ болѣе рельефной: «Дѣло въ томъ», говоритъ онъ, «что г. Щегловъ, заявивъ съ подобающею важностью (?) о неудовлетворительности въ его глазахъ существующихъ опредѣленій соціализма, на этомъ и успокоился; не предрѣшая ничего (а развѣ слѣдовало предрѣшить?), онъ послѣдовалъ мудрому практическому правилу: «вали все въ кучу, потомъ разберемъ». Нѣтъ, не все, г. Я.; я опредѣлилъ заранѣе, что я намѣренъ былъ валить въ кучу. А что я предпослалъ своимъ изслѣдованіямъ опредѣленіе соціализма, это признаетъ и самъ г. Я.; онъ приводитъ даже мои слова, что я принимаю это опредѣленіе, «какъ временное»; временное или окончательное, но дѣло въ томъ, что у меня началу изслѣдованій предпослано опредѣленіе соціализма, слѣдовательно, я не могъ «валить въ кучу все»: если-бы я сдѣлалъ это, то мнѣ слѣдовало-бы издать не два тома, а двадцать, быть можетъ, двѣсти, для чего, конечно, у меня недостало-бы и всей жизни. А что я не занялся сразу окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о томъ, что такое соціализмъ, что я хотѣлъ, чтобы, какъ вы, г. Я., выражаетесь, читатели «присутствовали при работѣ» моей мысли, согласитесь,—это не бѣда; опредѣленіе соціализма—дѣло столь трудное, что за него или не берутся ученые, или дѣлаютъ это опредѣленіе такъ, что другіе не хотятъ принимать его; поэтому мнѣ казалось болѣе основательнымъ сдѣлать это опредѣленіе послѣ разсмотрѣнія замѣчательнѣйшихъ фактовъ и мнѣній касательно этого предмета. Быть можетъ, у меня дѣйствительно, согласно вашему приговору, не достанетъ для того ни силъ, ни знанія; но метода, принятая мною, отъ этого не пострадаетъ; послѣ меня найдется человѣкъ болѣе ученый и способный, который поправитъ меня и прольетъ свѣтъ на вопросъ не рѣшеный. Feci, quod potui; faciant meliora potentes. Вы говорите, что Штейнъ даетъ «весьма точное опредѣленіе соціализма»; точное опредѣленіе еще не есть правильное. Если оно вполнѣ удовлетворяетъ васъ, зачѣмъ вы не привели его хотя-бы мимоходомъ, когда говорите мнѣ, что я могъ бы удовольствоваться этимъ опредѣленіемъ? По моему мнѣнію, опредѣленіе Штейна не точно и вообще не удовлетворительно; въ немъ Штейнъ противорѣчитъ не только фактамъ, но и самому себѣ, и, называя его точнымъ, вы только обнаруживаете, что незнакомы съ этимъ опредѣленіемъ. Вы говорите, что Штейнъ противополагаетъ соціализмъ коммунизму, какъ положительное отрицательному, и что другіе ученые также смотрятъ на этотъ предметъ. Но въ этихъ словахъ вы приписываете Штейну то, чего онъ и не думалъ дѣлать. Штейнъ не «противополагаетъ» соціализмъ коммунизму, «какъ

положительное отрицательному», а ставитъ ихъ рядомъ, какъ явленія однородныя, соціализмъ—«какъ научное выраженіе пониманія извѣстнаго соціальнаго вопроса въ духѣ отдѣльнаго человѣка» (Während der Socialismus der wissenschaftliche Ausdruck der Auffassung jener socialen Frage im Geiste eines einzelnen Menschen ist), а коммунизмъ—какъ пониманіе цѣлаго класса, выраженіе цѣлаго состоянія (ist der Communismus vielmehr diese Auffassung einer ganzen Klasse, der Ausdruck eines ganzen Zustandes). Состоятельно или не состоятельно это опредѣленіе отношенія между соціализмомъ и коммунизмомъ, но во всякомъ случаѣ оно не то, которое вы приписываете Штейну. Тутъ и рѣчи не можетъ быть о противоположности между соціализмомъ и коммунизмомъ, какъ между положительнымъ и отрицательнымъ. Въ другомъ мѣстѣ самъ Штейнъ еще прямѣе разногласитъ съ вашимъ взглядомъ на него, говоря, что соціализмомъ и коммунизмомъ «мы (то-есть, Штейнъ) называемъ то положительное соціальное движеніе (positive sociale Bewegung), которое происходитъ изъ индустріальнаго общества и которое само есть не что иное, какъ положительное содержаніе духовной работы пролетаріата (der positive Inhalt seiner geistlichen Arbeit). Итакъ, относятся-ли соціализмъ и коммунизмъ другъ къ другу, какъ нѣчто положительное и отрицательное? Очевидно, нѣтъ; оба они, по справедливому мнѣнію Штейна, составляютъ положительное соціальное движеніе; въ нихъ воплощается положительное содержаніе духовной работы и т. д. У Штейна въ соціальномъ движеніи есть нѣчто и отрицательное, но какъ вы видите, это отрицательное не есть и не можетъ быть ни соціализмомъ, ни коммунизмомъ: а что это такое, о томъ, г. Я., потрудитесь сами справиться въ книгѣ Штейна. Мы не будемъ доказывать крайнюю несостоятельность, даже невозможность той мысли, чтобы соціализмъ и коммунизмъ относились между собою какъ положительное и отрицательное. Люди, знакомые съ науками государственными и вмѣстѣ съ тѣмъ съ законами и формулами логическими, сами легко поймутъ безсодержательность словъ, сказанныхъ г. Ю. Я. Во всякомъ случаѣ г. Я. незнакомъ со взглядами Штейна на соціализмъ, и указывая мнѣ на его опредѣленіе, говоритъ о томъ, чего не знаетъ. Въ такомъ случаѣ и по этой причинѣ ему, конечно, всего удобнѣе не дѣлать мнѣ дѣйствительныхъ и серьозныхъ указаній, а просто пересмѣивать (всякій согласится, что г. Я. не критикуетъ, а только пересмѣиваетъ) меня, что я будто-бы «съ подобающею важностью» заявилъ о неудовлетворительности существующихъ опредѣленій соціализма.

Постараюсь кратко опровергнуть еще одинъ упрекъ, сдѣланный мнѣ г. Я.—Я высказался противъ извѣстной теоріи «laissez faire, laissez passer», и по этому случаю г. Я. говоритъ обо мнѣ такимъ образомъ: «Принимая несостоятельность теоріи согласія интересовъ и становясь на сторону регламентаризма, авторъ не чувствуетъ самъ, что онъ отнимаетъ у себя всякую опору для критики многихъ соціальныхъ системъ, ибо между протекціонистомъ и построителемъ какого-нибудь мечтательнаго государства есть разница только въ пріе-

махъ (?), а сущность одна: заранѣе предвзятая идея и искусственная укладка народной жизни въ предположенныя рамки (см. статью «Protectionisme et Communisme» въ памфлетахъ Бастіа»). Но, вопервыхъ, если я сталъ на сторону протекціонизма и регламентаризма, то какое значеніе можетъ имѣть для меня ссылка на Бастіа, этого «Пиренейскаго Кобдена», какъ называли его противники?—Если-бы г. Я. привелъ разсужденія Бастіа и показалъ, что они неопровержимы, то это еще имѣло-бы смыслъ; но простая ссылка на авторитетъ Бастіа, не признаваемый протекціонистами, очевидно, не можетъ имѣть никакого значенія. Вовторыхъ, г-ну Я. должно-бы быть извѣстно, что самъ Бастіа, будучи во всей полнотѣ нерегламентаристомъ и непротекціонистомъ, и ратуя противъ соціалистовъ, не вооружался противъ нихъ во имя теоріи laissez faire, laissez passer, а доказывалъ имъ несостоятельность, неисполнимость ихъ проектовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическую необходимость и законность отвергаемыхъ ими условій и проявленій современнаго экономическаго быта. Наконецъ, г-ну Я. должно бы быть извѣстно, что соціализмъ и коммунизмъ уже подвергались критикѣ со стороны явныхъ протекціонистовъ и регламентаристовъ, напримѣръ, Тьера и Прудона; а какого рода была эта критика, онъ можетъ судить по слѣдующимъ словамъ того-же приводимаго имъ авторитета, Бастіа: «За что упрекаете вы политическую экономію»? говорилъ Бастіа, обращаясь къ Прудону: «она ратовала противъ сенъ-симонизма и фурьеризма, и вы ратовали противъ нихъ; она осудила теоріи Люксембурга, и вы осудили ихъ; она боролась противъ коммунизма,—вы сдѣлали больше, вы раздавили его (vous l'avez écrasé)». Итакъ, есть полная возможность, есть точка опоры для того, чтобы бороться противъ соціализма и коммунизма, есть возможность даже раздавить коммунизмъ, не будучи ни либръ-эшанжистомъ, ни противникомъ регламентаризма. Такъ признаетъ самъ Бастіа. Согласно съ этимъ, и самъ онъ полемизируетъ противъ соціализма. Слѣдовательно, не говоря ужь о простомъ требованіи здраваго смысла—не ссылаться на авторитетъ, не признаваемый противникомъ, согласна-ли ссылка г. Я. со взглядами и пріемами того самаго писателя, на котораго онъ ссылается? Не противорѣчитъ-ли она именно приводимому авторитету? И неслужитъ-ли она новымъ доказательствомъ того, что г. Янсонъ можетъ тономъ авторитета говоритъ о томъ, чего онъ не знаетъ и не понимаетъ?—Отвѣты на эти вопросы, не подлежащіе сомнѣнію, будутъ далеко не въ пользу г. Я.

Но и этого мало. Всѣ приведенные нами поправки и упреки составляютъ не что иное, какъ обмолвку г. Я. Въ дѣйствительности и самъ онъ думаетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ думать, что въ оцѣнкѣ соціальныхъ системъ теорія «laissez faire, laissez passer» не можетъ имѣть никакого значенія, потому что онъ смотритъ на соціализмъ такъ, какъ не можетъ позволить эта теорія. По словамъ г. Я., «соціализмъ людей практическихъ, соціализмъ, сдѣлавшій попытки осуществить эко-

номическія реформы, идетъ «къ нимъ понынѣ медленными, но вѣрными шагами». Это тотъ соціализмъ не «государственный», а общественный и экономическій, о которомъ мы уже говорили. Этотъ соціализмъ «ведетъ европейскія общества къ лучшему будущему»; онъ «не задается несбыточными мечтами; это соціализмъ, ратующій во имя политической, гражданской и экономической свободы». Мы не можемъ съ точностью опредѣлить, какую именно соціальную систему разумѣетъ здѣсь г. Я. Въ сдѣланномъ имъ краткомъ очеркѣ она можетъ походить на систему Прудона, который крѣпко стоялъ на томъ, что онъ не задается несбыточными мечтами, и дѣйствительно, ратовалъ противъ многихъ изъ подобныхъ несбыточныхъ мечтаній; онъ же утверждалъ, что соціализмъ имѣетъ въ виду «абсолютную свободу человѣка и гражданина». Если же г. Я. принимаетъ ученія Прудона или кого-нибудь другаго изъ соціалистовъ, или наконецъ, если онъ составилъ свою оригинальную систему, быть можетъ, даже такую, въ которой наука не найдетъ ничего невозможнаго, то если только она есть система соціалистическая, она непремѣнно должна быть основана на регламентаризмѣ, потому что безъ регламентаризма соціализмъ немыслимъ; въ этомъ можетъ убѣдить его тотъ самый памфлетъ Бастіа: «Protectionisme et Communisme», на который онъ ссылался; но и безъ того г-ну Я должно быть извѣстно, что соціалисты несравненно болѣе придерживаются регламентаціи, чѣмъ протекціонисты; что всѣ они относятся не только съ отрицаніемъ, а съ какою-то ненавистью къ теоріи «laissez faire», и что это есть исходный пунктъ ихъ теорій. Если же, не смотря на то, г. Я. признаетъ, что соціализмъ ведетъ къ лучшему будущему европейскія общества, то очевидно, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ отрицать и знаменитую теорію. Или, быть можетъ, г. Я. найдетъ возможнымъ сочетать соціализмъ съ теоріей «laissez faire», найдетъ возможнымъ, слѣдуя этой теоріи, обезпечить «политическую, гражданскую и экономическую свободу»? Это предположеніе можно допустить, и даже есть люди, которые именно такъ и говорятъ, такъ и думаютъ. Но кто эти люди? Росси, Бастіа, Леонъ Фоше, Макъ Куллохъ, Курсель-Сенелль и проч. Но эти люди не соціалисты, сами себя они называютъ противниками соціализма. Быть можетъ, г. Я. докажетъ, что въ этомъ они ошибаются, что именно они-то и суть соціалисты? Этому мы охотно повѣримъ. Мы видѣли, что слѣдуя ему, должно будетъ помѣстить Сея и Рейбо въ числѣ соціалистовъ. Очень можетъ быть, что онъ причислитъ въ ту же категорію и сейчасъ названныхъ писателей. Онъ даже долженъ сдѣлать это, потому что именно названные писатели—вполнѣ не регламентаристы; другіе писатели въ тѣхъ или другихъ подробностяхъ увлекаются въ регламентацію; напротивъ того, Бастіа, Л. Фоше, М. Куллохъ совершенно свободны отъ этого грѣха. «Здѣсь», скажемъ словами г. Я., «проливается нѣкоторый свѣтъ» на г. Я., «какъ экономиста». Онъ могъ сочинить такое невозможное понятіе, какъ соціализмъ не общественный, не эконо-

мическій. а государственный *); онъ же могъ сочинить и понятіе о соціализмѣ, основанномъ на системѣ «la ssez faire, laissez passer!» И съ такими-то понятіями, съ такими-то познаніями, г Я., принимая тонъ авторитета въ наукѣ, могъ позволить себѣ слѣдующій отзывъ о комъ бы то ни было: «Очевидно, всѣ вопросы посущественнѣе и потруднѣе онъ обходитъ и становится многорѣчивъ лишь тамъ, гдѣ можно отдѣлаться выдержками. переводами и разказами съ чужихъ словъ». Этотъ лестный отзывъ относится ко мнѣ, и я не знаю, какъ опровергать его, потому что онъ, подобно другимъ отзывамъ, сказанъ г. Я. безъ доказательствъ. Но г. Я. повторилъ почти то же мнѣніе въ приложеніи къ частному случаю къ тѣмъ главамъ моей книги, гдѣ идетъ рѣчь о Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонистахъ. Я уже привелъ мнѣніе г. Я. о достоинствѣ этой части моего труда; оно состоитъ въ томъ, что «сказанное другими» я развелъ водой и подалъ въ другомъ видѣ. И именно эти другіе—Рейбо и Штейнъ. Но извѣстно ли г. Я., что взгляды Рейбо и Штейна на Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ весьма разногласятъ между собою? Если я компилировалъ труды этихъ авторовъ, то какъ отразилось это на моемъ трудѣ? Отдалъ ли я предпочтеніе взглядамъ одного изъ нихъ, или безъ разбора заимствовалъ у обоихъ, при чемъ у меня, дѣйствительно, вышло бы непереваренное, противорѣчивое ученіе о Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонистахъ, дѣйствительно безсвязная компиляція. Вотъ что долженъ былъ «выяснить г. Я.»; но этого-то онъ и не сдѣлалъ. Самъ же онъ замѣтилъ, что я пользовался однимъ новымъ источникомъ для изученія жизни и дѣятельности Сенъ-Симона. Стало быть, я въ чемъ-нибудь и дополнилъ Штейна и Рейбо. Но г. Я. не замѣтилъ, что я пользовался еще и другимъ новымъ и притомъ болѣе важнымъ источникомъ, именно «Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin»; что это многотомное изданіе, содержащее въ себѣ массу неизвѣстныхъ матеріаловъ для исторіи сенъ-

---

*) Позднѣйшее примѣчаніе. Если читатели знаютъ, что въ недавніе годы на аренѣ науки и жизни появился такъ называемый государственный соціализмъ, socialisme d'état, то они могутъ подумать, что г. Я. нисколько не ошибся, дѣлая свою классификацію соціализма. Socialisme d'état съ «государственнымъ соціализмомъ» г. Янсона не имѣетъ ничего общаго. Socialisme d'état называется такъ потому, что онъ долженъ быть осуществленъ государствомъ, а его характеръ, его сущность все-таки экономическая, улучшеніе экономическаго быта рабочихъ, посредствомъ экономическихъ средствъ государства. У г. Янсона соціализмъ государственный противополагается соціализму экономическому и общественному, т. е. дѣйствительному соціализму, и отличается отъ него именно тѣмъ, что онъ строитъ «идеалъ порядка государственнаго». Г. Я. даже считаетъ его невозможнымъ въ настоящее время. Его ошибка происходитъ отъ того, что онъ худо познакомился съ сочиненіемъ Р. Моля или лучше тою его частью, предметомъ которой служитъ «государственные романы».

симонизма, было для меня главнымъ источникомъ ея *), и что на основаніи его я и могъ составить «подробную исторію сенъ-симонистовъ», въ которой старался прослѣдить шагъ за шагомъ развитіе ученій сенъ-симонистовъ. ихъ личныя отношенія, споры, вражду, и наконецъ, ихъ финансы. Можетъ-быть, я сдѣлалъ это худо, въ такомъ случаѣ г-ну Я. слѣдовало указать это; но называть мою работу компиляціей Штейна и Рейбо, это—верхъ недобросовѣстности. Наконецъ, во взглядѣ на Сенъ-Симона я прямо поправилъ Штейна (можетъ-быть, невѣрно: это другой вопросъ); Рейбо не поправлялъ, потому что у него и поправлять нечего; тамъ только самый краткій и поверхностный очеркъ. И не смотря на то, г. Я. можетъ утверждать, что я только развелъ водой и подалъ въ новомъ видѣ то, что сказано Штейномъ и Рейбо! Наконецъ, вы, г. Я., высказали свой собственный взглядъ на Сенъ-Симона, вы указали нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ изъ его жизни, вы дали имъ извѣстное объясненіе. И эти факты, и эти объясненія вы заимствовали у меня, потому что ихъ нѣтъ ни у Штейна, ни у Рейбо.

Конечно, быть можетъ, вы сами изучали тѣ источники, которыми я пользовался. Но во всякомъ случаѣ мы сошлись очень близко; и первенство, безъ сомнѣнія, принадлежитъ мнѣ, потому что я раньше вашей рецензіи напечаталъ свою книгу. Приведу примѣры этой близости. Вы говорите, что Сенъ-Симонъ—«это одна изъ тѣхъ талантливыхъ, но безпорядочныхъ и болѣзненныхъ натуръ, у которыхъ нѣтъ ни опредѣленныхъ цѣлей въ жизни, ни опредѣленныхъ образовъ, ни опредѣленныхъ началъ въ духовной дѣятельности». Это именно я и доказываю на стр. 339, вопреки Штейну, котораго будто бы я компилировалъ. Вы находите неблаговидными спекуляціи и женитьбу Сенъ-Симона; я высказываю это же мнѣніе на стр. 342, 343 и 354, также вопреки Штейну. Вы находите, что Сенъ-Симонъ имѣлъ недостаточную подготовку для того, чтобы сдѣлать что-нибудь солидное; это я высказалъ на стр. 339, 343 и 279. Вы находите, что Сенъ-Симонъ не имѣлъ никакой ясно сознанной цѣли; это я указалъ на стр. 337 и 339. Вы находите, что его пистолетный выстрѣлъ разсчитанъ былъ на эффектъ; только у меня могли вы найдти изложеніе этого дѣла такое, которое дало вамъ возможность прійдти къ этому заключенію, опять таки вопреки Штейну, который смотритъ на дѣло иначе. Наконецъ, я съ удовольствіемъ вижу, что вы одобряете даже мои вольные переводы французскихъ выраженій. Сенъ-Симонъ имѣлъ «le projet de faire faire un pas général á la science»; точный переводъ этого выраженія показался мнѣ неудобнымъ,—и я передалъ его такъ: Сенъ-Симонъ «возымѣлъ проектъ подвинуть впередъ науку такъ, чтобъ она сдѣлала всеобщій шагъ». Вы усвоили себѣ тотъ же самый оборотъ. Итакъ, мы съ вами сошлись въ общихъ и частныхъ взглядахъ на дѣятельность Сенъ-Симона. Кромѣ того, какъ я уже показалъ, я дополнилъ біографію Сенъ-Си-

*) Обоими этими изданіями не могли пользоваться ни Рейбо, ни Штейнъ, потому что эти изданія явились послѣ изданія ихъ сочиненій.

мона сравнительно съ Штейномъ, не говоря ужъ о Рейбо; я сдѣлалъ пространныя извлеченія изъ Сенъ-Симона, которыхъ нѣтъ ни у Штейна, ни у Рейбо; наконецъ, я подвергнулъ критикѣ ученія Сенъ Симона; можетъ-быть, эта критика и плоха, но она существуетъ на стр. 291, 317, 319, 323, 327, 330, 332, 333, 335 *). Вы не удостоили высказать вашего мнѣнія относительно ея качества. Кромѣ того, отъ стр. 336 до 344 я стараюсь анализировать самую психическую дѣятельность Сенъ-Симона, то, что, по вашимъ словамъ, еще не сдѣлано, и результаты моего анализа таковы, что вы ихъ приняли или по крайней мѣрѣ раздѣляете. И послѣ всего этого ни ваша логика, ни ваше нравственное чувство не воспрепятствовали вамъ сказать, будто я только «развелъ водою» то, что сказано Штейномъ и Рейбо!

Подобнымъ образомъ оцѣниваетъ г. Я. и мою работу касательно Р. Оуэна. Мой взглядъ на дѣятельность Оуэна онъ также, какъ я привелъ выше, признаетъ вѣрнымъ, и даже главу объ Оуэнѣ называетъ болѣе или менѣе «интересною»; но и тутъ г. Я. нашелся упрекнуть меня въ компиляціи изъ Буса, вопреки моимъ словамъ, сказаннымъ въ моей книгѣ, что я познакомился съ Бусомъ послѣ того, какъ мой трудъ объ Оуэнѣ былъ не только написанъ, но и напечатанъ въ одномъ журналѣ, что я могу доказать г. Я. неопровержимыми доказательствами (моя статья объ Оуэнѣ была напечатана въ октябрѣ 1869 года, а экземпляръ сочиненія Буса, которымъ я пользовался, полученъ въ Петербургѣ только въ ноябрѣ того-же года). Но положимъ, это не было извѣстно г. Я.; быть можетъ, ему неизвѣстно и то, что сочиненіе Буса и въ Лондонѣ вышло только около половины прошлаго же года; но если онъ знакомъ съ нимъ на столько, чтобы сказать, что я составилъ свой трудъ объ Оуэнѣ по Бусу, то онъ долженъ былъ замѣтить, что у Буса и у меня представлены совсѣмъ различные факты изъ жизни Оуэна, и что ученіе Оуэна я заимствовалъ изъ другихъ сочиненій, а не изъ тѣхъ, которыми пользовался Бусъ. Бусъ пользовался главнымъ образомъ автобіографіею Оуэна, сочиненіемъ Сарганта «Life of R. Owen», «The book of the New moral World», «Lectures of Marriage» и журналами, которые издавалъ Оуэнъ. Въ моемъ трудѣ нѣтъ ни одного факта, нѣтъ ни одного положенія, заимствованнаго изъ этихъ источниковъ. Я пользовался главнымъ образомъ изданіемъ Оуэна The new existence of man upon the Earth, сочиненіемъ Рея (I. Rey): «Lettres sur le systême de coopé ration», «Propositions fondamentales du systême coopératif», par R. Owen, и «Reporter's report of R. Owen's May Meetings in London». Я больше тридцати разъ сослался на эти изданія, съ точнымъ обозначеніемъ отдѣла и страницы; я привелъ изъ нихъ десятки выдержекъ, иногда въ нѣсколько страницъ. Эти выдержки Бусу совсѣмъ неизвѣстны, потому что ему неизвѣстны даже сочиненія и изданія, откуда онѣ заим-

---

*) Привожу это исчисленіе страницъ, потому что г. Я. не разъ высказывался, что я ограничился «только описательною частью», и это относится именно къ Сенъ-Симону и сенъ-симонистамъ.

ствованы. И если послѣ всего этого г. Я. могъ сказать, что я составилъ мой трудъ объ Оуэнѣ по Бусу, прибавляя къ этому только то, что я «повидимому пользовался собственными трудами Оуэна», то онъ представалъ еще новое и неопровержимое доказательство своей способности съ видомъ человѣка свѣдущаго говорить о томъ, о чемъ онъ не имѣетъ никакого понятія.

Не смотря на то, что мой трудъ объ Оуэнѣ показался г. Я. интересныиъ, въ сущности онъ «нисколько не лучше другихъ, предшествующихъ очерковъ», и въ немъ г. Я. не нашелъ «связующей мысли». Но, г. Я., связующая мысль тамъ не только есть, но даже вы сами усвоили ее и воспользовались ею; тутъ ужь я могу утверждать не то, что мы сошлись съ вами въ результатахъ, а прямо то, что вы воспользовались моими результатами, моею связующею мыслью. Вы принимаете, что дѣйствія Оуэна въ устройствѣ Нью-Ланаркской фабрики были «совершенно практичны»; что потомъ онъ удалился отъ этой практичности; что «подъ конецъ жизни онъ дошелъ до нѣкотораго сознанія ошибокъ въ своей реформаторской дѣятельности»; что онъ впалъ «въ своего рода религіозное созерцаніе»; что онъ «считалъ себя, подобно апостолу Павлу, призваннымъ на служеніе Богу» и т. д. Все это вы не могли взять ни у кого, кромѣ меня, потому что даже Бусъ, имѣвшій возможность знать дѣло лучше, нежели кто нибудь изъ писавшихъ объ Оуэнѣ, не замѣтилъ того, что Оуэнъ созналъ свои ошибки; указанный вами фактъ, что Оуэнъ сравнивалъ себя съ апостоломъ Павломъ, Бусу неизвѣстенъ, равно какъ и самый источникъ, изъ котораго я заимствовалъ этотъ фактъ. И вотъ это-то измѣненіе дѣятельности Оуэна и составляетъ связующую мысль моего очерка; ее-то я и старался прослѣдить отъ начала до конца; и смотря на васъ, могу только радоваться, что вы безъ колебаній приняли мою мысль. Можетъ быть, она и несправедлива и неосновательна, но это пусть доказываетъ кто-нибудь другой, а вы ее приняли; для васъ она справедлива. Только странно то, что вы, даже усвоивъ ее, не замѣтили ея существованія. Или вы, быть можетъ, заимствовали ее у кого-нибудь другого; но я показалъ (стр. 589—594), что всѣ писавшіе объ Оуэнѣ—Тонисенъ, Сюдръ, Рейбо, даже Бланки, Рошеръ и Бунге смотрѣли на дѣятельность его неправильно, представляли себѣ ее въ спутанномъ видѣ. И теперь, до сихъ поръ, только два человѣка высказали взглядъ, который вы называете вѣрнымъ; это вы, да я; и первенство опять-таки принадлежитъ мнѣ, потому что моя книга явилась раньше, чѣмъ ваша рецензія на нее. Итакъ, есть ли у меня связующая мысль въ главѣ объ Оуэнѣ и составлена-ли эта глава по Бусу?

На этомъ можно и покончить, хотя я не опровергъ и десятой доли упрековъ, сдѣланныхъ мнѣ г. Я.; не воспользовался и половиною фактовъ, представленныхъ имъ въ своей рецензіи, для оцѣнки его познаній въ политической экономіи, равно какъ для оцѣнки его пониманія истинъ этой науки и вмѣстѣ съ тѣмъ его пониманія вообще.—Въ заключеніе прибавлю нѣсколько словъ объ одномъ спеціальномъ упрекѣ, который дѣлаетъ мнѣ г. Я. Онъ говоритъ, что у меня «самое изло-

женіе довольно небрежно для ученаго труда», и этотъ упрекъ онъ даже доказываетъ и мѣстами поправляетъ меня. Доказательства, впрочемъ, состоятъ въ томъ, что г. Я. подчеркиваетъ нѣкоторыя мѣста, приводимыя имъ изъ книги, и я еще теперь неудомѣваю, что ему не нравится—языкъ или содержаніе. Вотъ какія мѣста подчеркнуты имъ: «Такой-же характеръ имѣли возстанія крестьянъ, которыя начались, когда религіозное одушевленіе нѣсколько поостыло». Я до сихъ поръ поръ не знаю, что кажется здѣсь г. Я. неправильнымъ—языкъ или содержаніе. «Римляне не были достаточно образованы въ литературномъ отношеніи». И тутъ не вижу, въ чемъ дѣло. Или: «въ Іудеѣ образовался пролетаріатъ въ родѣ того, какой былъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ». Только въ одномъ мѣстѣ упрекъ г. Я. отчасти понятенъ мнѣ, потому что въ этомъ мѣстѣ г. Я. поясняетъ его. Вотъ это мѣсто: «Эти теоріи, сказано у меня въ предисловіи, какъ и всякія другія теоріи изъ области науки, имѣя свое общее право на вниманіе ея, имѣютъ для насъ (то-есть, вѣроятно для Россіи, прибавляетъ г. Я.) нѣкоторое особое значеніе, какъ предостереженіе отъ того, что допустила у себя западная Европа, т. е. отъ развитія пролетаріата». Выписавши изъ книги это мѣсто, г. Янсонъ прибавляетъ: «предоставляемъ самому читателю разобрать, какимъ образомъ соціальныя теоріи служатъ для насъ предостереженіемъ отъ (вѣроятно, противъ), того, что допустила у себя западная Европа». Оставляя въ сторонѣ сущность этого возраженія, обратимъ вниманіе только на двѣ стилистическія ошибки, которыя указываетъ г. Я.

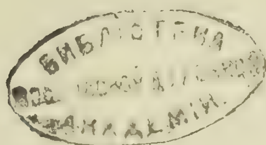
Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что я употребилъ выраженіе: «предостереженіе отъ того», въ то время, какъ по мнѣнію г. Янсона, слѣдовало сказать: «предостереженіе противъ того». Разногласіе между мною и г. Я. по этому пункту можетъ быть разрѣшено очень легко и скоро; стоитъ только обратиться къ словарю, изданному Академіею Наукъ, единственному авторитету по вопросамъ этого рода. Это тѣмъ болѣе удобно, что въ немъ принято за правило обозначать предлоги, которыхъ требуютъ послѣ себя глаголы или существительныя отглагольныя. И обозначается это обыкновенно посредствомъ примѣровъ. Для глагола предостерегать и происходящихъ отъ него словъ въ словарѣ приведены слѣдующіе примѣры: «трудно предостеречься отъ коварства», «дѣти предостерегаются родителями отъ дурныхъ сообществъ». Отсюда слѣдуетъ, что у меня употреблено выраженіе совершенно правильное, согласное со всеобщимъ употребленіемъ, а г. Я. предлагаетъ вмѣсто правильнаго выраженія употребить неправильное, несогласное съ законами русскаго языка. Такой характеръ имѣетъ единственный осязательный фактъ,—изо-всѣхъ тѣхъ, на которыхъ г. Янсонъ основалъ свое право сказать, что у меня «самое изложеніе довольно небрежно для ученаго труда». Фактъ этотъ безспорнымъ образомъ доказываютъ только то, что г. Я. русскій языкъ знаетъ далеко не достаточно, но о законахъ его говоритъ съ такою-же беззастѣнчивою самоувѣренностью, какъ и о законахъ политической экономіи.

Другая ошибка, указанная мнѣ г. Я. въ томъ-же самомъ мѣстѣ, состоитъ въ томъ, что я употребилъ выраженіе «для насъ» вмѣсто «для Россіи». Въ другомъ мѣстѣ г. Я. не позволяетъ мнѣ сказать: «будучи усвоены нами», а требуетъ чтобъ я сказалъ: будучи усвоены русскимъ обществомъ». Г. Я., очевидно, вооружается противъ того, что подъсловомъ «для насъ», «нами» я разумѣю: «для Россіи» или «русскимъ обществомъ».—Но, г. Я., сами вы употребляете слѣдующія выраженія: «наша (то-есть, русская) переводная литература», «наша (то-есть, русская) публика», «наша (то-есть, русская) молодежь». Почему-же вы, говоря о себѣ и о своемъ, можете разумѣть Россію и русское, а я не могу? Строго говоря, я имѣю на это болѣе права, чѣмъ вы. На первой страницѣ книги я обозначилъ вполнѣ свою фамилію, которая не въ первый разъ появляется въ русской литературѣ и между прочимъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія Фамилія моя имѣетъ русскій корень и русское окончаніе,— достаточное доказательство, что я человѣкъ русскій. А за иниціалами, которыми подписана ваша статья могутъ скрываться разныя имена и фамиліи. Если вы Юрій Яковлевъ или Яблочковъ, то и вы конечно русскій человѣкъ; но если вы Юлій Янсонъ, то вы едва-ли имѣете право на это названіе тѣмъ болѣе, что и русскій языкъ, какъ оказывается, вамъ не такъ знакомъ, какъ вы хотите показать.

На этомъ мы и покончимъ. Мы хотѣли разъяснить значеніе тѣхъ словъ, въ которыхъ г. Я. не нашелъ смысла; хотѣли разъяснить общую мысль всего нашего труда, но теперь находимъ это безполезнымъ и не цѣлесообразнымъ. Если г. Я. одинъ разъ не нашелъ смысла въ словахъ ясныхъ и точныхъ, если онъ сразу не замѣтилъ общей мысли всего сочиненія, если, наконецъ, онъ и усвоивъ себѣ частную «связующую мысль» (касательно Оуэна), не замѣчаетъ ея существованія, то что ручается, что теперешнія наши разъясненія приведутъ къ цѣли?

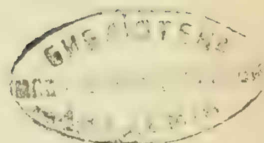
Считаю для себя однако позволительнымъ сдѣлать еще слѣдующую оговорку: всѣ похвалы и порицанія г. Я. я не могу принимать за что-нибудь серьезное; лично для меня ихъ какъ-будто бы не бывало. Ни одного дѣйствительнаго указанія я изъ нихъ извлечь не могу. И этотъ отвѣтъ написанъ только съ одною цѣлію, именно съ тою-же, съ которою писана самая книга. Писавши ее, я разсчитывалъ посильнымъ образомъ служить разъясненію, безъ сомнѣнія, немаловажныхъ вопросовъ, неправильно понимаемыхъ многими въ нашей средѣ. Г. Я. стремился показать, будто мой трудъ таковъ, что онъ долженъ не разъяснять, а быть можетъ, больше спутывать путаницу понятій, существующихъ у насъ, потому что и самъ-то онъ ничто иное, какъ безсвязная компиляція изъ сочиненій, проникнутыхъ самыми несогласными взглядами. Этого онъ не доказалъ, не доказывалъ и не можетъ доказать. А я надѣюсь, что въ этомъ отвѣтѣ я отчасти уяснилъ для людей, не занимавшихся этимъ дѣломъ, что мой трудъ не есть компиляція, и что въ немъ, по крайней мѣрѣ въ частяхъ, есть нѣкоторая связь, не замѣченная г. Я. Надѣюсь, что я достаточно опровергъ мнѣніе г. Я., будто будучи протекціонистомъ, нельзя найдти

точку опоры для критики соціальныхъ системъ и т. п. И вмѣстѣ съ тѣмъ я не сомнѣваюсь, что читатели вынесутъ изъ этого отвѣта твердое убѣжденіе въ томъ, что г. Я. совсѣмъ не авторитетъ въ Политической Экономіи, что напротивъ онъ обладаетъ очень малыми познаніями въ области этой науки и столь-же малымъ пониманіемъ ея ученій.

ГЛАВА I.

Шарль Фурье.

Біографическія данныя касательно Фурье; первые проекты Фурье; «Континентальный тріумвиратъ».

Система Фурье: исходный пунктъ его, логическіе пріемы, приведшіе его къ открытіямъ. Сущность и основанія теоріи страстнаго влеченія. Всеобщее движеніе и его отрасли. Теорія всеобщихъ судебъ. Содержаніе и основанія ея.

Механизмъ страстей: поглощающая субституція, степени любви и дружбы, дѣйствіе любви на 3, 4, 5 и 6 степени, и дружбы на 8 ст.

Экономическія основанія гармоническаго порядка вещей. Фаланга, ея устройство и составъ; страстныя серіи; управленіе фаланги; сохраненіе собственности въ фалангѣ. Фаланстеръ.

Главныя черты гармонической жизни. Бракъ въ гармоніи: дамуазелатъ и весталатъ. Воспитаніе дѣтей: опера и кухня, какъ воспитательныя средства, малыя орды и малыя банды. Судьба ученыхъ въ гармоніи. Будущее управленіе земнаго шара.

Космическія перемѣны, имѣющія произойти въ періодъ гармоніи: новыя творенія на землѣ, сѣверная корона, увеличеніе людской жизни, метампсихоза. Будущая судьба нашей планеты и ея души. Дополнительныя подробности гармонической жизни. Убѣжденіе Фурье въ быстромъ осуществленіи его системы. Отношенія его къ Бонапарту, къ Р. Оуэну и Сенъ-Симонистамъ. Практическій опытъ и смерть Фурье.

Разборъ главныхъ ученій Фурье; три отдѣльные элемента его системы. Неполнота и ошибочность психологическихъ наблюденій и разсужденій Фурье. Общіе принципы философствованія Фурье. На сколько самъ онъ вѣренъ имъ. Непослѣдовательность Фурье въ ученіи о страстяхъ.

Приложенія.

Система Фурье имѣла такихъ ревностныхъ послѣдователей и въ своей сущности отличается такою оригинальностью и такимъ полнымъ разрывомъ съ существующимъ порядкомъ вещей, что, при изученіи соціальныхъ системъ, ей нельзя отказать въ

особомъ вниманіи. Она обнимаетъ собою не одну экономическую сторону народной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ семейную, религіозную, моральную. Это цѣлая система философіи, нравственности и общественной жизни, цѣлое міровоззрѣніе человѣка почти во всей полнотѣ, иногда только въ общемъ видѣ, а иногда во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. И весьма достойно замѣчанія, что авторъ ея человѣкъ совершенно незамѣтный, занимавшій самыя скромныя положенія въ обществѣ. Это не ученый, не государственный человѣкъ въ родѣ Томаса Мора, не философъ въ родѣ Платона, это—коммерческій прикащикъ, «sergent de boutique», «человѣкъ почти безграмотный», какъ онъ самъ себя называетъ, прибавляя въ то же время, «что не въ первый разъ Богъ употребляетъ человѣка простого для пораженія гордаго».

Жизнь Фурье довольно подробно описана однимъ изъ учениковъ его Ш. Пеляреномъ, докторомъ медицины *). Другихъ самостоятельныхъ источниковъ для его біографіи мы не знаемъ. И это представляетъ значительное неудобство при изученіи ея. Пеляренъ относится къ нему съ подобострастіемъ, которое раздѣлять съ нимъ не-ученикамъ Фурье едва-ли возможно. Нѣкоторые факты изъ жизни Фурье онъ представляетъ въ такой подробности, которой они не заслуживаютъ по своему значенію; съ другой стороны, многое излагаетъ съ излишнею краткостью и повидимому съ нѣкоторою долею умолчанія.

Между тѣмъ оригинальность соціальной системы Фурье, мало понятныя особенности ея и вмѣстѣ съ тѣмъ кредитъ, которымъ она пользовалась и пользуется преимущественно въ Россіи, обязываютъ русскаго изслѣдователя системы обратить особое вниманіе на біографію Фурье, съ тѣмъ, чтобы въ жизни его найти объясненіе тѣмъ частностямъ его системы, которыя сами въ себѣ кажутся непонятными, необъяснимыми.

Фурье родился 2-го апрѣля, 1772 г., въ Безансонѣ. Отецъ его былъ богатый мѣстный торговецъ, имѣвшій суконный ма-

*) *Ch. Pellarin:* Fourier, sa vie et sa théorie. Paris 1843. Всѣ нижеслѣдующія біографическія данныя заимствованы изъ этого сочиненія.

газинъ. Мать принадлежала также къ богатому купеческому роду. Торговлею въ магазинѣ завѣдывали сами члены семейства Фурье и маленькій Шарль бывалъ тамъ вмѣстѣ съ отцомъ. Когда ему было 5 лѣтъ, произошелъ слѣдующій случай: отецъ, слѣдуя своимъ правиламъ, хотѣлъ какимъ-то образомъ обмануть покупателя, предлагая ему худой товаръ вмѣсто хорошаго или назначая за товаръ слишкомъ высокую цѣну. Случившійся при этомъ Шарль въ своей дѣтской наивности обнаружилъ тутъ же въ присутствіи покупателя обманъ, за что и подвергся потомъ наказанію со стороны сконфуженнаго отца. Ученики Фурье придаютъ этому случаю особое значеніе. На могилѣ учителя, во время погребенія его, Консидеранъ говорилъ, что тогда Фурье далъ клятву Аннибала въ вѣчной враждѣ тому порядку вещей, при которомъ обманъ покупателя со стороны торговца считается дѣломъ правильнымъ, а обнаруженіе обмана влечетъ за собою наказаніе. Можетъ быть клятва Аннибала составляетъ здѣсь только реторическое украшеніе, тѣмъ не менѣе можно допустить, что этотъ случай не пропалъ безслѣдно для впечатлительнаго ребенка.

Если бы однако читатель изъ этого случая вывелъ заключеніе, что Фурье съ ранняго дѣтства отличался особою правдивостью, то это заключеніе было бы невѣрно. Пелярenъ приводитъ другой случай, опровергающій такое заключеніе. Когда Фурье было 7 лѣтъ, то его заставили говѣть и исповѣдываться. На исповѣди ребенокъ взвелъ на себя самые тяжкіе грѣхи, какіе только умѣлъ назвать, сладострастіе, симонію, блудъ и содомію. Удивленный исповѣдникъ, не сомнѣваясь, что исповѣдующійся говоритъ ему напраслину на самого себя, сдѣлалъ ему за это выговоръ. Чтобы оправдаться, Фурье прибавилъ къ прежней лжи новую. «Мнѣ, говоритъ, дома приказали такъ исповѣдываться». Тогда священникъ сдѣлалъ ему новый выговоръ за вторичную очевидую ложь.

Принадлежа къ достаточному семейству, будучи единственнымъ сыномъ отца, имѣвшаго кромѣ того троихъ дочерей, Фурье повидимому былъ баловнемъ и отца и матери; по крайней мѣрѣ

уже въ дѣтствѣ онъ имѣлъ много удовольствій, доступныхъ немногимъ дѣтямъ. Ему не отказывали въ лакомствахъ и онъ такъ высоко ставилъ это удовольствіе, что когда умеръ кондитеръ, приготовлявшій хорошіе пирожки со сливами, то Фурье написалъ въ честь его стихи. Ему не было отказа въ средствахъ завести въ своей комнатѣ большую коллекцію комнатныхъ растеній. И этимъ дѣломъ онъ также весьма интересовался; самъ ухаживалъ за растеніями и держалъ ихъ въ большомъ порядкѣ. И когда однажды кто-то изъ его товарищей, бывши у него, нечаянно опрокинулъ горшокъ съ растеніемъ, то Фурье пришелъ въ такой гнѣвъ, что схватилъ товарища за горло, забывши законы гостепріимства.

Фурье имѣлъ вообще большую склонность къ порядку, къ симметріи. Вѣроятно ему часто приходилось дѣлать измѣренія; по крайней мѣрѣ у него была тросточка съ обозначеніемъ частей метра. Имѣлъ склонность къ музыкѣ, учился играть на нѣсколькихъ инструментахъ и судя по всему не безуспѣшно, такъ что хорошо разбиралъ самъ ноты. Мало того, въ этомъ дѣлѣ онъ достигъ такихъ успѣховъ, что выдумалъ новую систему нотъ, которую считалъ болѣе цѣлесообразною.—Изобрѣтательность его обнаружилась въ другомъ фактѣ. Много раньше постройки первыхъ желѣзныхъ дорогъ, онъ составилъ проектъ деревянныхъ рельсовъ. Для чего могли служить эти рельсы, изъ біографіи его не видно. Но очевидно, что у него были какіе-то планы касательно болѣе удобной транспортировки кладей или чего-нибудь подобнаго. Вѣроятно обдумывая эти планы и этотъ проектъ, онъ между прочимъ и пользовался своей метрическою тростью.

Въ какомъ возрастѣ Фурье былъ отданъ въ школу, этого біографъ его не сообщаетъ. Но онъ оставилъ ее очень рано. Въ 1785 году, когда ему было 12 или 13 лѣтъ, былъ уже въ семействѣ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы отправить его въ Парижъ для окончанія образованія. Но это не было осуществлено. Когда Фурье пересталъ посѣщать школу, то произошелъ случай, обнаружившій его гуманность по отношенію къ

бѣднымъ. Именно въ домъ его пришелъ одинъ нищій и спрашивалъ, не заболѣлъ-ли маленькій Фурье, такъ какъ нищій въ теченіи нѣсколькихъ дней не видѣлъ, чтобы онъ шелъ въ школу. Для нищаго отправленіе Фурье въ школу потому имѣло значеніе, что Фурье ежедневно отдавалъ ему часть своего завтрака, который онъ бралъ изъ дома.

Фурье не заболѣлъ, а онъ пересталъ посѣщать школу и разстался съ ней навсегда. И такъ какъ проектъ отправленія его въ Парижъ для окончанія образованія не осуществился, то сдѣлано было нѣсколько другихъ попытокъ. Сначала думали отдать его въ военную школу въ Мезіерѣ; но это не удалось. Потомъ попробовали счастья въ корпусѣ военныхъ инженеровъ; и это не удалось. Почему?—Можетъ быть потому, что Фурье, какъ недворянину, доступъ въ эти учрежденія былъ труденъ, такъ какъ во Франціи до революціи дворянство еще пользовалось привилегіями относительно военной службы. По крайней мѣрѣ на это указываетъ слѣдующій проектъ, именно проектъ пріобрѣтенія дворянскихъ правъ. Основаніемъ для исканія дворянскихъ правъ было то, что какой-то изъ умершихъ дядей его отца занималъ значительное мѣсто въ администраціи, которое такъ сказать облагораживало его. Проектъ остался неисполненнымъ, такъ какъ г-жа Фурье-мать отказалась приводить его въ исполненіе, можетъ быть потому, что исполненіе его потребовало бы значительныхъ издержекъ. Отца въ то время уже не было въ живыхъ.

Такимъ образомъ со школою Фурье простился навсегда. Съ этихъ поръ образованіе его ограничивалось только чтеніемъ книгъ.—Какія книги онъ читалъ, этого нигдѣ не говоритъ ни онъ самъ, ни его біографъ. Объ этомъ только отчасти можно судить по его собственнымъ сочиненіямъ и по нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ. Такъ однажды о немъ были сообщены полиціи свѣдѣнія, что онъ обладаетъ значительными познаніями въ географіи. Ш. Пеляренъ говоритъ, что онъ изучалъ анатомію, физику, естественную исторію. Иностранныхъ языковъ не зналъ ни новыхъ, ни древнихъ.

Не попавши въ школу, Фурье по желанію матери вскорѣ поступилъ въ лавку для обученія коммерческому дѣлу. И обученіе его повидимому не пошло нормальнымъ путемъ; по крайней мѣрѣ въ теченіе короткаго времени онъ перебывалъ въ нѣсколькихъ лавкахъ, сначала въ Ліонѣ, потомъ въ Руанѣ, въ Марсели, въ Бордо. Затѣмъ мы видимъ его путешествующимъ по Франціи или за границею: въ Голландіи, Бельгіи, Германіи. Что его интересовало въ этихъ путешествіяхъ, какія онъ преслѣдовалъ цѣли, этого біографъ не сообщаетъ. Но путешествія эти стоили матери значительныхъ денегъ; и мать, получая письма отъ сына, говорила дочерямъ: «опять Шарль хочетъ денегъ».

Все это, и обученіе коммерціи и путешествія имѣли мѣсто между 1785 и 1792 г., въ теченіи 7 лѣтъ. Въ 1792 году ему исполнилось 20 лѣтъ, послѣ чего мать выдѣлила ему его долю изъ отцовскаго имущества, которая простиралась свыше 40 тысячъ фр.

Получивши свою долю имущества, Фурье завелъ лавку колоніальныхъ товаровъ въ Ліонѣ. Но это было не задолго до возстанія Ліона противъ конвента въ 1793 году. Во время осады города правительственными войсками и послѣ взятія его, Фурье потерялъ свое имущество и самъ едва избѣжалъ разстрѣлянія, такъ какъ онъ не принадлежалъ къ поклонникамъ революціи и, вѣроятно, былъ въ числѣ сторонниковъ возстанія.

Послѣ того, конскрипція привела его въ военную службу. Послѣ двухлѣтней службы въ конныхъ егеряхъ, онъ вышелъ въ отставку по болѣзни. Это было въ 1797 г. И тутъ въ первый разъ проявился его реформаторскій духъ. Находя неудобства въ продовольствіи арміи, онъ представилъ въ военное министерство проектъ продовольствія арміи по новому способу, оставшійся безъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе Фурье вскорѣ составилъ другой проектъ—о средствахъ къ ускоренію перехода войскъ съ Рейна въ Италію, также оставшійся безъ послѣдствій.

По выходѣ въ отставку, Фурье поступилъ прикащикомъ къ хлѣбному торговцу въ Марсели. И въ это время произошолъ случай, которому ученики Фурье придаютъ большое значеніе. Хозяинъ его, выжидая хорошихъ цѣнъ, не продавалъ имѣвшійся у него значительный запасъ риса; и когда рисъ испортился, то хозяинъ поручилъ Фурье бросить его въ море. Фурье былъ возмущенъ этимъ случаемъ и впослѣдствіи ссылался на него, какъ на доказательство неправильнаго устройства современнаго общества, какъ на доказательство несовершенства современной цивилизаціи.

Въ 1800 году Фурье опять въ Парижѣ, потомъ въ Ліонѣ, гдѣ онъ былъ courtier-marron, т. е. маклеромъ, занимающимся своею профессіею безъ законнаго свидѣтельства, дающаго ему это право. Здѣсь онъ опять сочинилъ проектъ—объ учрежденіи особаго класса маклеровъ исключительно для траспортировки кладей и представилъ его префекту. Это было въ 1808 г.

Но еще раньше этого, въ 1803 году, онъ напечаталъ сочиненіе, которое обратило на него вниманіе, если не общества, то полиціи генерала Бонапарта, бывшаго въ то время первымъ консуломъ. Это былъ «Континентальный тріумвиратъ и вѣчный миръ черезъ 30 лѣтъ». Полицейскій префектъ потребовалъ свѣдѣній объ авторѣ отъ владѣльца типографіи, въ которой было напечатано сочиненіе, и типографщикъ сообщилъ ему, что авторъ—человѣкъ скромный, чуждый интриги и честолюбія, и пользуется въ кругу молодыхъ людей репутаціею человѣка начитаннаго, съ большими географическими познаніями.

Въ 1808 г. Фурье напечаталъ свое главное сочиненіе, Теорію четырехъ движеній и всеобщихъ судебъ (Théorie des quatre mouvements et des destinées générales)». Сочиненіе издано анонимно въ Ліонѣ и только въ концѣ книги, объявляя о подпискѣ на другія сочиненія, Фурье приложилъ свой адресъ: Charles à Lyon. Замѣчательно, что на оберткѣ книги, какъ мѣсто печатанія книги, обозначенъ не Ліонъ, а Лейпцигъ.

Сочиненіе не только не имѣло успѣха, но было встрѣчено насмѣшками и упреками въ шарлатанствѣ. Органы печати ука

зывали Фурье на несоотвѣтствіе между ролью пророка, принятою имъ на себя, и приглашеніемъ публики къ подпискѣ на сочиненія, разсчетомъ на денежную поддержку съ ея стороны. Въ осуществленіи своей системы Фурье разсчитывалъ на Наполеона. «Уже явился, писалъ онъ, новый Геркулесъ: его безмѣрные труды превозносятъ его имя отъ одного полюса до другого, и человѣчество, пріученное имъ къ зрѣлищу чудесныхъ дѣлъ, ожидаетъ отъ него какого-нибудь чуда, которое измѣнитъ судьбу міра. Народы, ваши предчувствія исполнятся; самая блестящая миссія предназначена величайшему изъ героевъ: онъ долженъ возвысить всеобщую гармонію на развалинахъ варварства и цивилизаціи». Нечего и говорить, что Наполеонъ не понялъ своей миссіи, и чуда, которое могло измѣнить судьбу міра, не совершилъ.

Изданіе этой книги повидимому выбило жизнь Фурье изъ ея колеи. По крайней мѣрѣ мы не видимъ, чтобы онъ опять возвратился къ прежнимъ занятіямъ. Напротивъ вскорѣ мы видимъ его въ Швейцаріи. Съ какими цѣлями онъ отправился туда, этого біографъ его не сообщаетъ; потомъ онъ возвращается въ Ліонъ, живетъ здѣсь не одинъ годъ, потомъ отправляется къ племянникамъ въ маленькій городокъ Беллe, и живетъ у нихъ безъ всякаго дѣла около пяти лѣтъ. Очевидно, что въ его жизни произошла перемѣна; онъ уже не зарабатываетъ свой кусокъ хлѣба, какъ прежде,—что отчасти и понятно. Дѣйствительно, ясновидцу, предсказывающему скорыя и крайне важныя перемѣны въ жизни не только людей, но и всей вселенной, всего видимаго и невидимаго, не пристало быть courtier-marron'омъ въ Ліонѣ. И мать Фурье, съ помощію материнскаго чувства, поняла это раньше другихъ. Сочиненія Фурье, особенно теорія четырехъ движеній, доставляли ей большое безпокойство. Она понимала, что изданіе подобныхъ сочиненій добрыхъ результатовъ для автора имѣть не можетъ и къ этому времени относится распоряженіе ея, чтобы сестры Фурье выдавали ему пенсію въ размѣрѣ 900 франковъ. Можетъ быть эта пенсія и дала ему возможность жить въ это

время безъ занятій съ цѣлью пріобрѣтенія куска хлѣба. И вѣроятно, эта же своего рода свобода дала ему возможность приступить къ пропагандѣ своихъ ученій, такъ какъ къ этому времени, именно къ 1816 году, относится появленіе у Фурье перваго ученика. Это былъ Жюстъ Мюиронъ, чиновникъ мѣстнаго управленія въ Безансонѣ, человѣкъ, обладавшій значительнымъ состояніемъ. Какъ Мюиронъ сдѣлался ученикомъ Фурье? Было-ли это результатомъ того, что Мюиронъ познакомился съ сочиненіемъ Фурье, или Фурье личною пропагандою привлекъ его къ своимъ идеямъ, этого біографъ не говоритъ. Но если это было дѣло пропаганды Фурье, то эта пропаганда не была устною, потому что Ж. Мюиронъ былъ глухъ и притомъ настолько, что Фурье не говорилъ съ нимъ, а переписывался даже находясь въ одной комнатѣ и сидя за однимъ столомъ. Ж. Мюиронъ далъ Фурье возможность напечатать новое его сочиненіе «Traité de l'association domestique et agricole» (два тома), которое появилось въ 1822 году въ Безансонѣ, куда Фурье передъ тѣмъ переселился. Въ издержкахъ по изданію принялъ участіе нѣкто Греа, который, однако, остался недоволенъ сочиненіемъ, именно его излишествами, какъ онъ выразился вѣжливо, и предлагалъ Фурье передѣлать сочиненіе, выбросить изъ него излишнее, оставить въ немъ только существенное, относящееся къ земледѣльческой ассоціаціи. Но Фурье на это не согласился. О пребываніи Фурье въ Безансонѣ въ это время его біографъ передаетъ небезъинтересную подробность, состоящую въ томъ, что Фурье въ то время принималъ живое участіе въ удовольствіяхъ мѣстнаго общества и такъ вошолъ во вкусъ этой жизни, что вопросъ о томъ, быть или не быть ему на балѣ и даже вопросъ о цвѣтѣ панталонъ, въ которыхъ онъ туда отправится, занимали его самымъ серьезнымъ образомъ, несмотря на то, что въ то время ему было уже 50 лѣтъ.

На этомъ мы пока и остановимся въ изложеніи біографіи Фурье и перейдемъ къ изложенію ученій его.

Первымъ проблескомъ ихъ, неполнымъ намекомъ на нихъ, былъ «Континентальный треумвиратъ (Triumvirat continental et paix perpetuelle sous trente ans)», о которомъ мы упоминали выше. Сочиненіе это не даромъ обратило на себя вниманіе консульскаго правительства. Уже въ немъ Фурье обнаруживаетъ большую смѣлость мысли и тотъ пророческій тонъ, который впослѣдствіи господствовалъ въ его сочиненіяхъ.

«На материкѣ Европы, говоритъ Фурье, теперь четыре большія державы: Франція, Россія, Австрія и Пруссія. Если одно изъ трехъ первыхъ государствъ, наиболѣе сильныхъ, чѣмъ-нибудь будетъ приведено въ замѣшательство, то другія два государства соединятся и раздѣлятъ между собою Пруссію; такимъ образомъ, изъ четырехъ большихъ государствъ останется только три, составится континентальный тріумвиратъ. Въ тріумвиратѣ всегда бываютъ два обманывающіе, Октавій и Антоній, и одинъ обманываемый—Лепидъ. Очень вѣроятно, что въ континентальномъ тріумвиратѣ Лепидомъ будетъ Австрія, т. е. Франція и Россія раздѣлятъ ее между собою. Затѣмъ онѣ будутъ спорить между собою о господствѣ надъ Европою. Естественно, что изъ двухъ воюющихъ сторонъ одна побѣдитъ, другая будетъ побѣждена и вмѣстѣ съ тѣмъ покорена. Такимъ образомъ, единство власти въ Европѣ поведетъ къ единству власти и во всемъ мірѣ, потому что побѣдоносный тріумвиръ уже не встрѣтитъ серьезнаго сопротивленія ни въ какой части свѣта. Это единство власти въ цѣломъ мірѣ и составитъ вѣчный миръ. «Во всей этой борьбѣ, продолжаетъ Фурье, Англію я не считаю ни за что. Тотъ, кто будетъ управлять Европою, пошлетъ армію, чтобы завоевать Индію, и запретъ англичанамъ порты Азіи и Европы; онъ сожжетъ всякій городъ, который станетъ получать англійскія произведенія, даже ненепосредственно. Тогда эта держава, чисто меркантильная, будетъ уничтожена безъ выстрѣла».

Но кто же побѣдитъ въ окончательномъ спорѣ,—Россія или Франція?

«Я докажу въ другихъ статьяхъ, говоритъ Фурье, что

при нынѣшнихъ обстоятельствахъ Франція будетъ побѣждена. Россія, послѣ паденія Австріи, можетъ овладѣть всѣми странами за Эльбою и Адріатическимъ моремъ и вооружитъ противъ Франціи два мильона солдатъ, набранныхъ въ Европѣ и Азіи».—«Вотъ что угрожаетъ западу. А вы, публицисты, непредвидящіе этого кризиса, не дѣти-ли вы, которыхъ надо отослать въ школу? И сколько приготовляется другихъ событій, которыхъ вы не предвидѣли! Вашъ кредитъ приходитъ къ концу.—Итакъ приготовьтесь войти въ ничтожество. Истина, которую вы ищете впродолженіе 2,500 лѣтъ, скоро появится къ вашему посрамленію».—Эти послѣднія слова и все обращеніе къ публицистамъ, совсѣмъ неотличающееся скромностью, объясняются тѣмъ, что Фурье въ это время уже работалъ или фантазировалъ надъ своею системою, основанія которой, по его словамъ, открыты имъ еще въ 1799 году, т. е. за четыре года до появленія «Континентальнаго тріумвирата». Замѣтимъ еще въ статьѣ Фурье особое средство, предлагаемое имъ противъ Англіи. Но средство это не было новостью для современниковъ Фурье. И первый консулъ уже пытался отчасти привести его въ исполненіе гораздо раньше. Его египетская экспедиція, столь блестящая, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ сущности столь безуспѣшная, была ничѣмъ другимъ, какъ первымъ шагомъ къ завоеванію Индіи. Другая часть проекта Фурье, закрытіе для англичанъ всѣхъ портовъ Европы, впослѣдствіи также была осуществлена Наполеономъ подъ именемъ континентальной системы. Но первая идея континентальной системы не принадлежитъ ни Наполеону, ни Фурье. Ее развивалъ еще во время террора въ конвентѣ извѣстный членъ конвента Барреръ и успѣлъ многихъ убѣдить въ практичности ея и цѣлесообразности.

Въ теоріи четырехъ движеній за исходный пунктъ всего своего соціальнаго построенія Фурье беретъ современное ему положеніе дѣлъ въ европейскихъ государствахъ; онъ вездѣ видитъ господство зла и бѣдствій. Съ одной стороны бѣдность низшихъ классовъ, невозможность для нихъ снискивать пропитаніе, съ

другой—недобросовѣстность, пользующаяся успѣхомъ, морскіе разбои, уводъ мирныхъ жителей въ плѣнъ, торговая монополія *). Все это убѣждаетъ Фурье, что современное состояніе Европы есть казнь Божія, наказаніе, опредѣленное Творцомъ роду человѣческому.

Но такое положеніе дѣлъ устроилось согласно ученію философовъ и публицистовъ, впродолженіе 2,500 лѣтъ вырабатывавшихъ теоріи общественной жизни. Особеннымъ кредитомъ общества пользовались философы въ XVIII столѣтіи и, наконецъ, французская революція предприняла осуществить ихъ идеи во всей полнотѣ. И къ чему же это повело? «Къ катастрофѣ 1793 года, когда ко всѣмъ прежнимъ бѣдствіямъ присоединилось новое,—свирѣпая вражда партій, звѣрское истребленіе людей цѣлыми массами». Все это привело Фурье къ мысли, что въ промышленности людской и вообще въ человѣческой жизни «есть какое нибудь искаженіе естественнаго порядка вещей; что промышленность дѣйствовала, быть можетъ, противно видамъ промысла, что постоянство бѣдствій могло быть приписано отсутствію какого-нибудь правила, находящагося въ видахъ промысла и неизвѣстнаго нашимъ ученымъ» **).

Чтобы понять это правило, чтобы постигнуть виды промысла, Фурье, какъ увѣряетъ онъ самъ, по примѣру Декарта,

---

*) Между прочимъ Фурье язвительно смѣется надъ демократическимъ принципомъ верховной власти народа, того самаго народа, который не имѣетъ куска хлѣба для утоленія голода, который, благодаря своей безпомощности, безвыходности своего положенія, вѣчному безпокойству и голоду, можетъ съ завистью смотрѣть на обезпеченную долю древняго раба. Въ то же время Фурье обращаетъ вниманіе на громадные барыши, получаемые финансовыми магнатами въ финансовыхъ операціяхъ, усилившихся въ особенности въ XIX вѣкѣ. Мы не распространяемся о критической части ученій Фурье, потому что содержаніе ея въ сущности то же самое, какъ у сенъ-симонистовъ, Р. Оуэна и послѣдующихъ соціалистовъ. Но она имѣетъ и нѣкоторыя особенности,--отличается весьма острою рѣчью и обличаетъ въ авторѣ и начитанность и знакомство съ дѣлами коммерческаго міра. См. прил. Ж, З, И и I.

**) Oeuvres complètes de Ch. Fourier. T. I. 2-me ed. Paris, 1851. Стр. 4.

счелъ необходимымъ абсолютное сомнѣніе и абсолютное удаленіе (Le doute absolu et l'écart absolu), т. е. онъ отвергнулъ все, что выработали философы и публицисты (абсолютное сомнѣніе), и пошелъ совершенно другою дорогою, не тою, по которой они шли (абсолютное удаленіе). Впрочемъ, какъ Фурье самъ говоритъ, сначала онъ въ своихъ изысканіяхъ имѣлъ въ виду цѣль не столь всеобщую, какъ открытіе видовъ промысла; онъ занимался рѣшеніемъ общественныхъ «задачъ очень обыкновенныхъ, изъ которыхъ главными были земледѣльческая ассоціація и непрямое уничтоженіе коммерческой монополіи островитянъ». Къ этому онъ приведенъ былъ невзгодами французской торговли, къ которымъ она была приведена войною Франціи съ Англіею, вслѣдствіе чего англичане, сильные на морѣ, блокировали всѣ французскіе порты. И только рѣшеніе этихъ двухъ задачъ привело Фурье къ открытію всеобщихъ принциповъ, оставленныхъ безъ вниманія учеными.

«Первая наука, которую я открылъ, говоритъ Фурье, была теорія страстнаго влеченія (théorie de l'Attraction passionnée)». Потомъ «я узналъ, что законы страстнаго влеченія во всѣхъ пунктахъ согласны съ законами влеченія, т. е. притяженія матеріальнаго (Attraction matérielle), изъясненными Ньютономъ и Лейбницемъ, и что есть единство въ системѣ движенія для міра матеріальнаго и для міра духовнаго».— «Такимъ образомъ была открыта новая опредѣленная наука: сходство четырехъ движеній, матеріальнаго, органическаго, животнаго и общественнаго, или сходство видоизмѣненій матеріи съ математическою теоріею страстей человѣка и животныхъ». Вотъ что означаетъ названіе главнаго сочиненія Фурье: теорія четырехъ движеній. Эта теорія излагаетъ и объясняетъ общіе законы бытія четырехъ міровъ: матеріальнаго, органическаго, животнаго и человѣческаго. Открытіе этихъ двухъ главныхъ принциповъ повело уже Фурье къ открытію частныхъ законовъ, касающихся всѣхъ родовъ дѣятельности человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ я овладѣлъ этими двумя теоріями, говоритъ онъ, «я началъ читать таинственную книгу природы; ея

тайны послѣдовательно уяснялись передо мною, я поднялъ непроницаемую завѣсу. Я шелъ впередъ въ новомъ мірѣ наукъ, и такимъ образомъ постепенно я дошолъ до вычисленія всеобщихъ судебъ (Destinées universelles) или до опредѣленія основной системы, на которой построены законы всѣхъ движеній,—настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ».

Въ чемъ же заключаются эти два свѣтоносные принципа, эти два ключа къ таинствамъ природы и судьбы?—Отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы и начнемъ наше изученіе системы Фурье.

Теорія страстнаго влеченія основана на слѣдующемъ соображеніи: Богъ далъ человѣческимъ страстямъ гораздо большую интенсивность, нежели разуму, такъ что онѣ имѣютъ вопреки философамъ на жизнь гораздо большее вліяніе, чѣмъ разумъ. Изъ этого Фурье заключилъ, что страсти суть ничто иное, какъ дѣйствительное «истолкованіе видовъ промысла касательно общественнаго порядка». Это противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ касательно страстей; философы, а за ними и всѣ люди говорятъ, что «страсти—это тигры, выпущенные изъ клѣтокъ»; такъ велико зло, которое онѣ дѣлаютъ людямъ! И Фурье согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Но оно справедливо только благодаря неправильному общественному устройству. При другомъ порядкѣ «страсти ведутъ къ согласію, къ общественному единенію, отъ котораго мы считаемъ ихъ столь далекими» *). Философы, говоря о необходимости умѣрять, укрощать страсти, стремясь такимъ образомъ ни къ чему другому, какъ къ самонадѣянному «исправленію дѣла рукъ Божіихъ», дѣлаютъ это только потому, что сами не знаютъ хорошо природы страстей и вообще природы человѣка. «Философическіе капризы, извѣстные подъ именемъ обязанностей, не имѣютъ ничего общаго съ природою; обязанности идутъ отъ людей, а страсти отъ Бога. Потому, чтобы постигнуть виды промысла, нужно изучать влеченіе, т. е. одну природу, не обращая никакого вниманія на обязанности, которыя измѣняются въ каж-

*) Тамъ же 13, и слѣд.

дое столѣтіе и въ каждой странѣ, въ то время, какъ природа страстей всегда была и будетъ неизмѣняемою у всѣхъ народовъ» *).

Но можно ли принять за несомнѣнную истину то, что страсти служатъ истолкованіемъ видовъ промысла, нельзя ли усумниться въ этомъ? Фурье предвидитъ, что его краткія соображенія не могутъ вполнѣ убѣдить его читателей. Потому въ другомъ мѣстѣ онъ принимается за болѣе обстоятельное доказательство своей мысли.

Что страстное влеченіе есть ничто иное, какъ истолкованіе видовъ промысла, въ этомъ, по мнѣнію Фурье, убѣждаютъ насъ многія соображенія.

Во-первыхъ, страсти дѣйствительно всегда и вездѣ однѣ и тѣ же, тогда какъ предписанія разсудка измѣнчивы и обманчивы. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что именно въ нихъ Богъ далъ намъ указаніе для жизни, а не въ разсудкѣ. А разсудокъ не только не долженъ служить указателемъ житейскаго поведенія, но и не можетъ; онъ совершенно безсиленъ даже у самыхъ философовъ. «Дѣти сдерживаются страхомъ, молодые люди недостаткомъ денегъ, народъ видомъ казней, старики хитрыми разсчетами, превозмогающими горячія страсти юнаго возраста; но никто не удерживается однимъ разсудкомъ, который, не употребляя принужденія, прямо возсталъ бы противъ наклонностей».

Во-вторыхъ, страстное влеченіе, разсматриваемое, какъ истолкованіе видовъ промысла, представляетъ важную экономію механизма, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ не только откровеніе, но и побужденіе къ дѣятельности; такимъ образомъ въ одной личности оно соединило бы то, что теперь соединяется въ нѣсколькихъ. Теперь одни только открываютъ предписанія разума, а другіе приводятъ ихъ въ исполненіе, чрезъ что производительность человѣческая «уменьшается втрое».

Въ-третьихъ, оно установило бы «согласіе между творцомъ

*) 107.

и его творенiемъ, или соглашенiе свободной воли человѣка, повинующагося по удовольствiю, съ авторитетомъ Бога, предписывающаго удовольствiе».

Оно было бы «соединенiемъ прiятнаго съ полезнымъ, или выгоды съ прелестiю посредствомъ страстнаго влеченiя къ трудамъ производительнымъ».

Оно составило бы «экономiю принудительныхъ средствъ, сбировъ, висѣлицъ, законодателей, философовъ и всякихъ другихъ безполезныхъ средствъ».

Всѣ эти принадлежности принужденiя сдѣлаются безполезными съ того времени, какъ устроится механизмъ страстнаго влеченiя. А можно ли сомнѣваться въ томъ, что мы къ этому предназначены? Довольно замѣтить, что на землѣ и вообще во всей вселенной Богъ не создалъ никакого средства принужденiя, превосходнаго сравнительно съ силами человѣка. «Если бы Богъ не владѣлъ могучимъ орудiемъ притяженiя, влеченiя, Онъ былъ бы принужденъ прибѣгнуть къ принужденiю, сотворить въ пространствѣ вселенной колоссальныя планеты, которыя толкали бы планеты слабѣйшiя и такимъ образомъ препятствовали бы имъ удалиться съ своихъ орбитъ. То же было бы и на землѣ, гдѣ Богъ былъ бы принужденъ создать людей чудовищнаго роста, минотавровъ, сфинксовъ, гигантовъ, брiареевъ, центавровъ, сиренъ и пр., чтобы принуждать людей заниматься какою-нибудь промышленностью и слѣдовать законамъ, начертаннымъ волею Божiею. Равнымъ образомъ Богъ былъ бы принужденъ создать гигантскихъ пчелъ, чтобы принуждать остальныхъ собирать медъ; и гигантскихъ бобровъ, чтобы заставлять другихъ строить плотину». Все это вмѣстѣ составляло бы великую и безполезную трату принудительныхъ средствъ; и если Богъ не создалъ этихъ средствъ, это означаетъ, что Онъ не въ принужденiи, а въ страстномъ влеченiи указываетъ побужденiе къ человѣческой дѣятельности.

Страстное влеченiе, будучи побужденiемъ къ дѣятельности, въ то же время составляетъ «прямое и дѣйствительное вознагражденiе планетъ послушныхъ, и непрямое, страдательное

наказаніе непослушныхъ, безъ употребленія насилія, посредствомъ единственнаго возбужденія желанія или посредствомъ страданія, происходящаго отъ неудовлетвореннаго влеченія; это страданіе составляетъ участь всѣхъ планетъ, непослушныхъ и съ упрямствомъ слѣдующихъ человѣческимъ законамъ».

Этимъ и объясняется то недовольство своею долею, которое замѣчается у всѣхъ людей, живущихъ на нашемъ земномъ шарѣ, къ какому бы общественному положенію они ни принадлежали. Оно происходитъ отъ того, что люди не признали закона страстнаго влеченія и съ упрямствомъ слѣдуютъ законамъ, выдуманнымъ людьми. И это зло не такъ мало, какъ оно можетъ казаться. Мученіе отъ неудовлетвореннаго влеченія наконецъ «превращается въ истинную пытку, въ мученіе Тантала», и ему одинаково подвержены бѣдные и богатые, слабые и сильные, подданные и государи.

И наконецъ, теорія страстнаго влеченія приводитъ въ согласіе природу и разсудокъ, тогда какъ всякая другая система, преимущественно ученіе объ обязанностяхъ, ставитъ въ очевидное противорѣчіе требованія разсудка съ требованіями природы.

Послѣ всего этого можно ли сомнѣваться, что въ страстномъ влеченіи мы должны видѣть указаніе нашей дѣятельности, что оно есть дѣйствительно истолкованіе видовъ промысла? Если оно не имѣетъ этого значенія, то для чего же оно дано намъ промысломъ? Если оно можетъ быть столь могучимъ и правильнымъ рычагомъ въ жизни одного человѣка и всѣхъ людей вообще, то для чего Богъ отказался бы отъ этого волшебнаго жезла, съ помощію котораго Онъ посредствомъ любви и удовольствія получаетъ то; чего нельзя получить съ помощію насилія? Страстное влеченіе «превращаетъ въ наслажденіе занятія самыя отвратительныя по своей сущности. Напр., что можетъ быть отвратительнѣе того ухода, котораго требуетъ новорожденный ребенокъ, всегда кричащій, безсмысленный и запачканый? И что же дѣлаетъ Богъ, чтобы дѣло, столь непріятное, измѣнить въ удовольствіе? Онъ далъ матери страст-

ное влеченіе къ этимъ грязнымъ трудамъ, онъ воспользовался своимъ магическимъ правомъ внушать влеченіе. Съ этихъ поръ отвращенія, имѣющія наиболѣе дѣйствительную причину, исчезаютъ и превращаются въ удовольствія».

Извѣстно, что «трудъ составляетъ удовольствіе различныхъ тварей: бобровъ, пчелъ, осъ, муравьевъ, которые имѣютъ полную свободу предпочесть ему бездѣятельность. Но Богъ снабдилъ ихъ соціальнымъ механизмомъ, который привлекаетъ ихъ къ промышленности и въ ней заставляетъ находить свое счастіе. Почему же онъ намъ отказалъ бы въ томъ же самомъ благодѣяніи?»—«И почему влеченіе, истолкованіе видовъ промысла для звѣздъ и животныхъ, достаточное для того, чтобы вести ихъ къ гармоніи, оказалось бы недостаточнымъ для приведенія къ гармоніи человѣка, созданія, занимающаго средину между звѣздами и животными? Гдѣ же единство божественной системы, если влеченіе, эта пружина всеобщей гармоніи, неприложима къ обществамъ человѣческимъ такъ, какъ она приложима къ звѣздамъ и животнымъ?»

Въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи «мы имѣемъ причину завидовать животнымъ, даже насѣкомымъ, жаловаться на провидѣніе, которое показало столько заботливости касательно этихъ тварей и не показало ея касательно насъ».

И если Богъ не далъ намъ, какъ всеобщій законъ, законъ страстнаго влеченія, столь полезный для насъ, то Онъ не сдѣлалъ этого или потому, что хотѣлъ сдѣлать это, да не могъ, или могъ, да не хотѣлъ, или не хотѣлъ и не могъ. Но всѣ эти предположенія не соотвѣтствуютъ тому понятію, которое мы имѣемъ о Творцѣ. Потому мы не можемъ принять ни одного изъ этихъ предположеній; мы должны допустить, что Богъ и могъ, и хотѣлъ, и слѣдовательно сдѣлалъ для насъ это необходимое условіе нашего счастія, т. е. въ страстномъ влеченіи далъ намъ указаніе нашей дѣятельности, истолкованіе своихъ предначертаній.

Вотъ все, на чемъ опирается теорія страстнаго влеченія Фурье. Мы изложили основанія ея по возможности въ соб-

ственныхъ словахъ автора *), приводя самыя существенныя мѣста, относящіяся къ предмету, и отбрасывая частыя отступленія и повторенія, въ которыхъ по справедливости упрекаютъ Фурье. Пока мы привели только главныя положенія и основанія теоріи, дальше мы изложимъ развитіе ея и практическое примѣненіе. Но теперь обратимся къ другому капитальному открытію, сдѣланному Фурье—къ единству движенія во всей природѣ, какъ въ мірѣ матеріальномъ, такъ и въ мірѣ духовномъ.

Всеобщее движеніе, слѣдуя Фурье, раздѣляется на четыре главныя отрасли, именно: движеніе матеріальное, аромальное, органическое и инстинктивное. Кромѣ этихъ четырехъ отраслей есть еще пятая, которую Фурье называетъ основною (pivotal, отъ pivot — ось, стержень). Это — движеніе соціальное или страстное (passionnel) **).

Матеріальное движеніе изъяснено уже учеными, впрочемъ только въ своихъ дѣйствіяхъ, а не въ причинахъ. Движеніе аромальное, или распредѣленіе и дѣйствіе ароmовъ, т. е. невѣсомыхъ веществъ природы, очень мало извѣстно ученымъ. Они не знаютъ ни самихъ ароmовъ во всей ихъ системѣ, ни причины вліянія ихъ, въ особенности въ сочетаніяхъ звѣздъ, которыя опредѣляются обыкновенно близостью аромальною.

Къ движенію органическому относятся законы, по которымъ Богъ распредѣляетъ формы, свойства, цвѣта, вкусы всѣмъ веществамъ созданнымъ или тѣмъ, которыя будутъ созданы. До сихъ поръ не были извѣстны ни причины распредѣленій, сдѣланныхъ въ твореніяхъ, существующихъ теперь, ни причины и дѣйствія произведеній, имѣющихъ произойти во время послѣдующихъ твореній.

Движеніе инстинктивное опредѣляется законами, по которымъ дѣйствуютъ страсти и инстинкты всѣхъ существъ, со-

*) Тамъ же. Т. III, отъ 239 до 300 стран.

**) Первоначально Фурье дѣлилъ все вообще движеніе на четыре движенія, и уже впослѣдствіи прибавилъ къ нему пятое—аромальное, открытое имъ послѣ.

зданныхъ прежде и имѣющихъ явиться впослѣдствіи на разныхъ звѣздахъ. Мы не знаемъ ни системы распредѣленія этихъ инстинктовъ, ни причины, лежащей въ основаніи этого распредѣленія.

Наконецъ, движеніе соціальное или страстное опредѣляется законами, которыми Богъ установилъ порядокъ и преемство различныхъ механизмовъ соціальныхъ на всѣхъ тѣлахъ небесныхъ. Наши науки не изъяснили ни дѣйствій, ни причинъ этого основного движенія.

Такимъ образомъ изъ пяти движеній до сихъ поръ только одно было извѣстно людямъ, да и то не вполнѣ, потому что Ньютонъ изъяснилъ только проявленія этого движенія, а не причины его. Что касается движенія аромальнаго, въ нашихъ наукахъ существовалъ странный пробѣлъ: наши ученые едва подозрѣвали существованіе этой отрасли движенія. «Между тѣмъ въ гармоніи вселенной оно играетъ роль очень важную».

«Предложите нашимъ физикамъ какой-нибудь вопросъ касательно аромальнаго равновѣсія, и они не отвѣтятъ ничѣмъ другимъ, кромѣ молчанія.

Напр. «въ чемъ состоитъ правило касательно распредѣленія спутниковъ планетъ?—Почему Гершель (т. е. Уранъ *), который вчетверо меньше, чѣмъ Юпитеръ, между тѣмъ имѣетъ количество спутниковъ гораздо большее?»

Или «какой законъ опредѣляетъ помѣщеніе планетъ?—Почему Гершель, который вчетверо меньше Юпитера, разстояніемъ отъ солнца превосходитъ его вчетверо?—По этому закону земля должна бы быть помѣщена еще дальше отъ солнца».

Подобные вопросы составляютъ совершенно невѣдомый міръ для ученыхъ, которые вообще изъ пяти отдѣльныхъ вѣтвей всеобщаго движенія только отчасти знаютъ движеніе матеріальное, объясненное Ньютономъ.

---

*) Уранъ передъ тѣмъ былъ открытъ Гершелемъ и сначала носилъ его имя.

Фурье является съ своею системою, какъ истолкователь четырехъ остальныхъ движеній и въ особенности главнѣйшаго между ними—движенія соціальнаго. Чтобъ правильно оцѣнить заслугу его, стоитъ только вспомнить, какимъ чрезвычайнымъ ореоломъ окружили имя Ньютона за его открытіе, которое въ сущности очень незначительно сравнительно съ открытіемъ Фурье. Извѣстно, что система Фурье при самомъ появленіи своемъ была встрѣчена всеобщими насмѣшками. Поэтому впослѣдствіи Фурье писалъ: «до какой степени позорно для французовъ то, что они подняли до облаковъ Ньютона, открывшаго только пятую отрасль всеобщаго движенія, тогда какъ ихъ соотечественникъ, открывшій всеобщіе законы, обнимающіе всю полноту движенія во всѣхъ пяти отрасляхъ, встрѣтилъ между ними насмѣшки и недоброжелательство!»—Такое отношеніе къ себѣ Фурье объяснялъ многими причинами, весьма оригинальными, впрочемъ неотносящимися къ сущности его системы; мы, въ свою очередь, гораздо наклоннѣе объяснять ихъ самымъ содержаніемъ и характеромъ его сочиненія. И то и другое дѣйствительно должно было возбуждать во французахъ или веселость, или неудовольствіе; французы никогда, особенно въ началѣ этого столѣтія, не были расположены къ системамъ и пріемамъ въ родѣ тѣхъ, которые они нашли у Фурье.

«Теорія соціальнаго движенія, такъ начинаетъ Фурье свое изложеніе и объясненіе этой важнѣйшей части всеобщаго движенія, должна опредѣлить порядокъ и преемство соціальныхъ механизмовъ, которые могутъ образоваться на всѣхъ тѣлахъ небесныхъ; она должна обнять настоящее, прошедшее и будущее».

«Итакъ, вы хотите намъ открыть, скажутъ мнѣ, то, что происходитъ въ другихъ мірахъ, на солнцѣ, лунѣ, на Юпитерѣ, Сиріусѣ, на млечномъ пути и на другихъ звѣздахъ?»

«Да, отвѣчаетъ Фурье, и вы узнаете кромѣ того то, что тамъ происходило и будетъ происходить въ теченіе вѣковъ; потому что нельзя только отчасти читать въ судьбахъ, нельзя

опредѣлить судьбы одного міра, не владѣя вычисленіемъ, которое открываетъ передъ вами судьбы всѣхъ міровъ».

«И притомъ, это познаніе участи другихъ тѣлъ небесныхъ для васъ небезразлично, какъ вы думаете: вамъ будетъ доказано законами соціальнаго движенія, что ваши души будутъ проходить эти небесныя тѣла впродолженіи безконечности, и что вѣчное блаженство, на которое всякая религія подаетъ надежду вѣрующимъ, зависитъ ни отъ чего другого, какъ отъ благосостоянія этихъ небесныхъ тѣлъ, на которыхъ ваши души еще будутъ соединяться съ матеріею, проведя 80 тысячъ лѣтъ на этой землѣ».

Вотъ какого рода истины открываетъ Фурье. Въ этихъ открытіяхъ собственно и заключается теорія всеобщихъ судебъ, которая излагаетъ прошедшую, настоящую и будущую судьбу нашей планеты и ея жителей, а отчасти и другихъ планетъ съ ихъ жителями. Впрочемъ, будемъ по порядку знакомиться съ главнѣйшими частями этой теоріи.

«Существованіе рода человѣческаго, говоритъ Фурье, должно продолжаться приблизительно 80,000 лѣтъ. И вся соціальная карьера, совершаемая въ это время, раздѣляется на четыре фазиса и 32 періода». Первые два фазиса вообще представляютъ движеніе восходящее, послѣдніе два—движеніе нисходящее.

Первый фазисъ:

Дѣтство или безсвязность восходящая, $^1/_{16}$, 5,000 лѣтъ.

Второй фазисъ:

Усиленіе или порядокъ восходящій, $^7/_{16}$, 35,000 »

Третій фазисъ:

Упадокъ или порядокъ нисходящій, $^7/_{16}$, 35,000 »

Четвертый фазисъ:

Дряхлость или безсвязность нисходящая, $^1/_{16}$, 5,000 »

Два фазиса—безсвязности восходящей и нисходящей—составляютъ періоды несчастія. Два фазиса порядка восходящаго и нисходящаго составляютъ періодъ счастія. Въ настоящее

время мы находимся въ первомъ фазисѣ, въ періодѣ безсвязности восходящей, т. е. періодѣ несчастія. По счастью, мы сами не понимаемъ всей глубины своего несчастія, потому что «только тогда можно понять всю безмѣрность нашихъ страданій, когда будетъ извѣстно все то блаженство, которое насъ ожидаетъ и къ которому мы немедленно перейдемъ, благодаря открытію законовъ движенія».

Весьма достойно вниманія дѣленіе фазисовъ на періоды; фазисы безсвязности, первый и послѣдній, несмотря на свою сравнительную краткость, раздѣляются каждый на 7 періодовъ, а два средніе фазиса дѣлятся каждый на 9 періодовъ. Каждый фазисъ соціальной жизни, вслѣдствіе единства всеобщаго движенія, сопровождается замѣчательнѣйшими фактами творческаго мірозданія. Такъ, съ началомъ 1-го фазиса произошло первоначальное превратное твореніе (création inverse); въ теченіе этого фазиса произошли слѣдующія великія перемѣны во вселенной: «порча морей посредствомъ южной жидкости, смерть луны, всемірный потопъ и предъидущее уменьшеніе выпуклости эклиптики». Съ началомъ втораго фазиса родится сѣверная корона; моря очистятся отъ прежней порчи и будутъ надушены посредствомъ сѣверной жидкости. По той же причинѣ и роса на землѣ сдѣлается благовонною. Въ то же время произойдетъ «предъидущее увеличеніе выпуклости эклиптики» и ненамагниченный конецъ компаса обратится къ сѣверу. На землѣ въ это время произойдутъ 7 твореній гармоническихъ, раздѣленныхъ промежутками по 4,000 лѣтъ. Въ концѣ этого фазиса будетъ 7-е твореніе семиродное (septigénérique) и полнота восходящая

По окончаніи втораго фазиса и прежде начала третьяго будетъ еще періодъ въ 8,000 лѣтъ, называемый «періодомъ пивотальнымъ или обоюдогармоническимъ»; это—апогей человѣческаго счастія. Эклиптика въ это время будетъ сохранять неизмѣняемое положеніе.

Третій фазисъ начнется новымъ уменьшеніемъ выпуклости эклиптики. Тогда будетъ имѣть мѣсто 2-е твореніе семиродное

и полнота нисходящая. Затѣмъ произойдутъ семь твореній гармоническихъ, раздѣленныхъ, какъ и прежде, промежутками въ 4,000 лѣтъ. Въ то же время моря потеряютъ свои пріятныя качества за недостаткомъ сѣвернаго теченія и роса перестанетъ благоухать, потому что сѣверная корона угаснетъ.

Въ четвертомъ фазисѣ моря снова будутъ испорчены южнымъ теченіемъ, эклиптика снова увеличитъ свою выпуклость, и къ концу его животная и растительная жизнь прекратится, «произойдетъ духовная смерть земнаго шара, прекратится колебаніе и обращеніе земной оси, полюсы упадутъ на экваторъ, произойдетъ гемисферическая фиксація (земли) относительно солнца, смерть природы (на землѣ) и млечное паденіе и разложеніе».

Таковы физическія явленія, имѣющія сопровождать теченіе четырехъ фазисовъ бытія земли. Въ человѣческомъ обществѣ фазисы сопровождаются и будутъ сопровождаться слѣдующими явленіями:

Первый фазисъ состоитъ изъ 7 періодовъ: 1) серіи смѣшанныя, тѣнь счастія; 2) дикость; 3) патріархальность; 4) варварство; 5) цивилизація; 6) обезпеченность (гарантизмъ). Пять послѣднихъ періодовъ составляютъ лимбы *) предъидущіе; эти періоды запечатлѣны несчастіемъ людей и безсвязнымъ хозяйствомъ. Въ нравственномъ отношеніи это вѣкъ вѣроломства, несправедливости, принужденія, бѣдности, революцій и тѣлесной слабости.

7-й періодъ перваго фазиса называется періодомъ серій очерченныхъ, вѣроятно потому, что тогда начнутъ показываться очерки лучшаго будущаго; это «первый лучъ счастія, aube du bonheur». Послѣ него произойдетъ быстрое движеніе изъ хаоса въ гармонію, во второй фазисъ Весь вообще первый фазисъ имѣетъ ту характеристику, что впродолженіе его «царствуютъ невѣжество и философія»; страсти враждебны одна дру-

---

*) Limbus по-латыни—полоса, у католиковъ означаетъ мѣстопребываніе праведныхъ до пришествія Христа. Съ этимъ значеніемъ согласно и то, которое даетъ этому слову Фурье, разумѣя подъ лимбомъ несчастный періодъ жизни человѣчества.

гой, благодаря недостатку соціальнаго искусства. Это «хаосъ восходящій».

Слѣдующіе два фазиса, представляя гармонію восходящую и нисходящую, будутъ имѣть своею характеристикою «соціальное просвѣщеніе, могучую силу земнаго шара и твореній, развитіе и совокупное дѣйствіе всѣхъ страстей». Между 18 періодами этихъ двухъ фазисовъ 16 будутъ вызваны новыми твореніями во всѣхъ трехъ царствахъ природы, чрезъ что будутъ измѣняться соціальныя отношенія, не теряя своего общаго характера прогрессивныхъ серій.

Первый періодъ втораго фазиса называется періодомъ простыхъ комбинированныхъ серій; это уже «заря счастія», тотъ общественный порядокъ, къ которому человѣчество придетъ чрезъ основаніе кантона прогрессивныхъ серій. Слѣдующіе періоды этого фазиса приведутъ человѣка къ полному счастью; это «серіи сложныя, восходящія».

За ними, послѣ періода пивотальнаго или обоюдугармоническаго, наступитъ третій фазисъ періодовъ «серій сложныхъ, нисходящихъ». Несмотря на то, что этотъ фазисъ есть время упадка, люди, имѣющіе жить въ то время, все-таки будутъ наслаждаться счастіемъ. Конецъ счастія наступитъ только по истеченіи послѣдняго періода этого фазиса, когда человѣчество, быстро стремясь отъ гармоніи обратно къ хаосу, вступитъ въ четвертый фазисъ дряхлости, въ который повторятся всѣ періоды перваго фазиса только въ обратномъ порядкѣ, т. е. сначала будутъ: 1) серіи очерченныя; 2) обезпеченность; 3) цивилизація; 4) варварство; 5) патріархальность; 6) дикость и наконецъ 7) серіи смѣшанныя. Въ эти періоды, изъ которыхъ средніе пять называются лимбами послѣдующими, также какъ и при началѣ міра, будутъ господствовать вѣроломство, несправедливость, принужденіе и пр. вмѣстѣ съ безсвязнымъ хозяйствомъ, которое опять займетъ мѣсто хозяйства гармоническаго. Послѣднее, 18-е твореніе, перевернетъ вверхъ дномъ всю землю, страсти опять начнутъ бушевать на этотъ разъ не за недостаткомъ соціальнаго искусства, а за недостаткомъ рос-

коши. Наконецъ, отъ счастія человѣческаго останется только его тѣнь и самый міръ погибнетъ.

Въ этой таблицѣ фазисовъ, серій и періодовъ заключается система всеобщихъ судебъ, открытая Фурье, его онтологія, въ которую входятъ, какъ части или какъ основанія, всѣ его частныя теоріи.

Такъ, движеніе матеріальное очевидно имѣетъ связь съ ученіемъ Фурье объ увеличеніи или уменьшеніи выпуклости эклиптики, о колебаніи и обращеніи земной оси и пр.; теорія движенія аромальнаго очевидно открываетъ причины попеременной порчи или исправленія морей посредствомъ сѣверной или южной жидкости, благоуханія росы, измѣненія свойствъ магнита и пр.

Теорія движеній органическаго и животнаго объясняетъ причины и свойства новыхъ твореній, имѣющихъ совершиться въ теченіе 80,000 лѣтъ. Наконецъ, теорія движенія соціальнаго объясняетъ перемѣны, имѣющія произойти въ познаніяхъ, нравственности, счастіи людей. И здѣсь-то играютъ важную роль теорія страстнаго влеченія и тѣ кантоны прогрессивныхъ серій, черезъ которые человѣчество вступитъ въ зарю своего счастія.

Послѣ того, какъ Фурье такимъ образомъ изложилъ всю общность своей системы вкратцѣ, что оставалось ему дѣлать? Ему слѣдовало показать, какія именно теоріи, какія вычисленія привели его къ такому, а не другому опредѣленію всеобщихъ судебъ; почему должно быть именно 4 фазиса, не болѣе и не менѣе, почему 32 періода, почему два направленія, восходящее и нисходящее?

Фурье, несмотря на свои неоднократныя обѣщанія, обыкновенно не доказываетъ своихъ положеній; онъ только старается объяснить ихъ болѣе или менѣе остроумными соображеніями. Доказательства, приведенныя нами выше относительно того, что въ страстяхъ нужно видѣть истолкованіе видовъ промысла, представляютъ образецъ этихъ соображеній. Но въ вопросѣ о страстяхъ, Фурье стоитъ на болѣе твердой сравни-

тельно почвѣ; тамъ хоть что-нибудь можно сказать на основаніи предположенія цѣлесообразности творенія. А касательно будущихъ порядковъ общественной жизни, будущихъ твореній и т. п., разумѣется и этой опоры нѣтъ, да и не можетъ быть никакой опоры. Это очевидно и послѣ того краткаго и общаго очерка судебъ, который мы сдѣлали. Знакомство съ подробностями твореній, описываемыми Фурье въ послѣдующихъ томахъ своихъ сочиненій, убѣдитъ въ этомъ еще болѣе. Разумѣется, нельзя представить даже никакихъ соображеній, которыя приводили бы хоть со сколько-нибудь серьезною убѣдительностью къ рожденію сѣверной короны или къ благоуханію моря и росы.

Между тѣмъ Фурье, изложивъ свою таблицу всеобщихъ судебъ, безъ дальнихъ разсужденій прибавляетъ: при взглядѣ на эту таблицу прежде всего вы поражаетесь узкостью взглядовъ нашихъ философовъ, которые увѣряютъ, что цивилизація есть послѣдній предѣлъ общественныхъ судебъ, въ то время, какъ она есть ничто иное, какъ пятое между тридцатью двумя возможными обществами (trente deux sociétés possibles) и притомъ одинъ изъ наиболѣе несчастныхъ періодовъ» *). Въ этомъ, конечно, нѣтъ ни объясненія, ни доказательства того, что цивилизація должна уступить мѣсто послѣдующимъ періодамъ съ извѣстнымъ характеромъ и въ извѣстномъ количествѣ.

Далѣе, стараясь объяснить свою теорію будущихъ твореній, Фурье говоритъ: «твореніе составляетъ наслажденіе для Бога и онъ имѣетъ свой интересъ въ томъ, чтобы продолжать его. Если время зачатія, ношенія и рожденія человѣка продолжается девять мѣсяцевъ, то Богъ долженъ былъ употребить время, пропорціональное этому сроку, для сотворенія трехъ царствъ: теорія опредѣляетъ это время въ одну сто восемьдесятъ вторую часть ($^1/_{182}$) соціальной карьеры, что даетъ приблизительно четыреста пятьдесятъ лѣтъ для перваго творенія» (т. е. 80,000 : 182). Тутъ есть конечно нѣкоторое подобіе разсужденія, соображенія по сравненію, но дѣйствительно это

*) Т. I. 53.

только подобіе, а не настоящее разсужденіе. Такое же подобіе, а не что другое, является и въ слѣдующихъ положеніяхъ Фурье.

«Всякое твореніе, говоритъ онъ, совершается посредствомъ соединенія сѣверной жидкости, которая мужскаго пола, съ жидкостью южною, которая женскаго пола. Всякая планета есть существо, имѣющее двѣ души и два пола, и совершаетъ актъ прокреаціи, подобно животному и растенію, посредствомъ соединенія двухъ субстанцій воспроизводящихъ. Процессъ одинъ и тотъ же во всей природѣ, съ небольшими различіями, потому что планеты, подобно растеніямъ, соединяютъ два пола въ одномъ и томъ же индивидуумѣ.

«Думать, что природа не будетъ производить новыхъ твореній и ограничится только тѣми, которыя мы уже видимъ, было бы то же, что думать, будто женщина, которая имѣла одного ребенка, не можетъ имѣть втораго, третьяго десятаго» *).

Естественно, что читатель, который дѣйствительно приметъ за правило абсолютное сомнѣніе и удаленіе, приложитъ ихъ и къ этимъ увѣреніямъ Фурье, спроситъ, почему же природа матеріальная, т. е. неорганическая и «аромальная», непремѣнно должна дѣйствовать, какъ природа органическая и животная, гдѣ указанія столь великаго сходства между ними, которое дѣлало бы для планетъ необходимыми тѣ самые процессы, которые происходятъ въ царствѣ животномъ и растительномъ?— Отвѣта на эти вопросы напрасно сталъ бы искать въ сочиненіяхъ Фурье тотъ, кто изучаетъ ихъ.

Особенную важность въ системѣ Фурье имѣетъ и особымъ вниманіемъ его пользуется система страстей человѣческихъ, которыхъ правильная организація должна перестроить соціальный бытъ всего человѣчества и потомъ не останется безъ вліянія даже на явленія и отношенія нашей планеты чисто-космическія. Какимъ образомъ это можетъ произойти, мы

*) Тамъ же, 57, 58.

отчасти видѣли; единство и гармонія всей вообще природы производятъ то, что извѣстныя явленія изъ жизни общественной непремѣнно повлекутъ за собою извѣстныя явленія изъ области геологической и астрономической. А явленія изъ жизни общественной всѣ главнымъ образомъ обусловливаются организаціей человѣческихъ страстей, которыя до сихъ поръ были извѣстны весьма мало.

«Нѣтъ вещи, говоритъ Фурье, столь мало извѣстной, какъ страсти. Чтобы сдѣлать имъ правильную классификацію, нужно употребить градацію ствола и вѣтвей первостепенныхъ, второстепенныхъ, третьестепенныхъ и т. д. Такой анализъ даетъ слѣдующіе результаты:

«Какъ стволъ существуетъ одна страсть унитеизмъ, стремленіе къ единству; унитеизмъ есть наклонность человѣка— соглашать свое счастіе со счастіемъ всего, что окружаетъ его, и со счастіемъ всего рода человѣческаго. Какъ вѣтви первостепенныя существуютъ три страсти: стремленіе къ роскоши, къ группамъ, къ серіямъ.

«Какъ вѣтви второстепенныя существуютъ 12 страстей: 5 чувственныхъ, 4 трогательныя (affectives) и 3 раздѣлительныя (distributives).

«Какъ вѣтви третьестепенныя существуютъ 32 страсти: какъ вѣтви 4-й степени — 130 страстей, какъ вѣтви 5 степени — 405 страстей. Оставимъ безъ вниманія всѣ эти подробности; замѣтимъ только, что когда говорятъ о страстяхъ вообще, не обозначая степени, то разумѣютъ 12 страстей второй степени, изъ которыхъ 7 происходятъ изъ души и 5 изъ чувствъ» *).

Наибольшимъ вниманіемъ со стороны Фурье пользуются страсти душевныя; ими онъ главнымъ образомъ занимается, ихъ анализируетъ и комбинируетъ; ихъ-то, по его мнѣнію, до сихъ поръ плохо понимали люди, хотя и чувственныя страсти также далеко не вполнѣ были имъ извѣстны.

---

*) Oeuvres. T. II, 143.

Семь страстей душевныхъ — слѣдующія: дружба, любовь, отеческое чувство, честолюбіе, кабалиста или страсть къ интригѣ, альтернанта или страсть къ перемѣнамъ и композита или вообще слѣпое увлеченіе (cabaliste, alternante, composite). Четыре первыя—трогательныя, три послѣднія—раздѣлительныя. Трогательныя до сихъ поръ только отчасти были извѣстны людямъ, раздѣлительныя были совсѣмъ неизвѣстны; даже названія ихъ не существуютъ, онѣ только въ первый разъ изобрѣтены самимъ Фурье и вотъ что подъ ними онъ разумѣетъ:

«Кабалиста или духъ партіи есть увлеченіе спекулятивное; это страсть къ интригѣ, очень жаркая у придворныхъ, честолюбцевъ, торговцевъ и пр. Но кабалистическій духъ всегда примѣшиваетъ къ страсти разсчетъ; у интригана все разочтено: малѣйшій жестъ, взглядъ; все онъ дѣлаетъ съ размышленіемъ и въ то-же время съ быстротою. Эту горячность можно назвать обдуманнымъ увлеченіемъ.

«Композита или увлеченіе слѣпое составляетъ противоположность страсти предъидущей; это энтузіазмъ, исключающій всякое разсужденіе; это увлеченіе чувствъ и души, состояніе нравственнаго опьяненія и ослѣпленія, родъ счастія, происходящаго изъ соединенія двухъ удовольствій—чувственнаго и душевнаго. Ея главное примѣненіе въ любви; но она дѣйствуетъ и въ другихъ страстяхъ, только съ меньшею интенсивностью.

«Альтернанта или папильонна *) есть потребность періодическаго разнообразія, противоположныхъ положеній, перемѣнъ сцены, занимательныхъ случаевъ, новостей, способныхъ въ одно время и производить очарованіе и возбуждать чувства и душу. Эта потребность чувствуется умѣренно впродолженіе одного часа, и съ большею живостью впродолженіе двухъ часовъ. Если она не удовлетворена, человѣкъ впадаетъ въ вялость и скуку. Эта страсть въ соціальномъ механизмѣ занимаетъ самое высокое положеніе между 12 страстями» **).

---

*) Отъ французскаго слова papillon—бабочка; alternante отъ alterner—послѣдовать, перемѣняться.

**) Oeuvres. I, 116.

По закону единства всего существующаго въ природѣ, каждая страсть имѣетъ извѣстный фактъ, соотвѣтствующій ей въ той или другой области природы.

Такъ дружбѣ въ музыкѣ соотвѣтствуетъ нота утъ, между цвѣтами—цвѣтъ фіолетовый, между ариѳметическими дѣйствіями сложеніе, въ геометріи кругъ, между металлами желѣзо; любви соотвѣтствуетъ ми, лазуревый цвѣтъ, дѣленіе, эллипсисъ, олово;—отеческому чувству—соль, желтый цвѣтъ, вычитаніе, парабола, свинецъ;—честолюбію — си, красный цвѣтъ, умноженіе, гипербола, мѣдь;—кабалистѣ—ре, индиго, прогрессія, спираль, серебро;—альтернантѣ—фа, зеленый цвѣтъ, пропорція, квадратурная линія, платина;—композитѣ—ля, оранжевый цвѣтъ, логариѳмъ, логариѳмическая линія, золото; наконецъ унитеизму соотвѣтствуютъ въ музыкѣ опять утъ, между цвѣтами бѣлый, въ ариѳметикѣ возвышеніе въ степени, въ геометріи циклоидъ, между металлами меркурій.

На чемъ основываетъ Фурье эти соотвѣтствія, это составляетъ его секретъ; вѣроятно, это непосредственно открыто ему самою природою, книгу которой онъ началъ вполнѣ понимать съ тѣхъ поръ, какъ открылъ свои главные законы. Мы съ своей стороны прибавимъ, что для теоріи Фурье, собственно соціальной, подобныя частныя соотвѣтствія совсѣмъ не нужны; и если дальше онъ продолжаетъ дѣлать ихъ, то безъ всякой необходимости, имѣя полную возможность обойтись безъ нихъ. И мы, приступая къ изложенію механизма страстей, приводимъ эти соотвѣтствія только для того, чтобы представить ученіе Фурье со всѣми его наиболѣе оригинальными подробностями; эти подробности не составляютъ необходимой части системы. Но онѣ необходимы при изученіи характера ея и ея автора. Безъ нихъ и система и авторъ явились бы въ другомъ свѣтѣ.

Въ механизмѣ страстей весьма существенное значеніе имѣетъ поглощающая субституція. Чтобы лучше понять, въ чемъ она состоитъ, вспомнимъ, что страсти, хотя не были понимаемы людьми, но всегда были предметомъ вниманія ихъ въ томъ смыслѣ, что учители человѣчества издавна старались

обуздать страсти и сдѣлать ихъ безвредными. Но, по мнѣнію Фурье, они не хорошо понимали это дѣло, и не такъ принимались за него; они старались противодѣйствовать страстямъ насиліемъ, т. е. посредствомъ наказанія за дѣйствія, совершенныя подъ вліяніемъ страстей. Иногда употреблялись и другіе способы обузданія страстей; но всѣ они отличались неуспѣшностью и фальшью.

«Есть только одно средство въ одно время и вѣрное, и благородное, это субституція, замѣна одной страсти другою, которая поглощала бы ее вполнѣ. Дафна *) находится въ отчаяніи, потому что ея любовникъ оставилъ ее; но является другой, болѣе прекрасный и любезный, Дафна его принимаетъ и печаль объ отъѣздѣ Антенора поглощается новою связью съ Поллуксомъ».

Въ этомъ и состоитъ поглощающая субституція! Но Фурье тотчасъ же предвидитъ и возраженіе. «Какимъ образомъ, говоритъ онъ, можно имѣть столько благъ, чтобы можно было предлагать ихъ всякому человѣку, котораго желаніе не удовлетворено? Два человѣка ищутъ мѣста въ 20,000 франковъ дохода; одинъ получаетъ, другой не получаетъ и завидуетъ. Слѣдуетъ ли для удовлетворенія его доставить ему другое мѣсто въ 20,000 франковъ дохода?—Вотъ чего потребовалъ бы способъ гармоническій или субституція поглощающая».

«Этотъ секретъ открывается въ изученіи страстей, отвѣчаетъ Фурье, дѣйствующихъ серіями противуположными, соперничествующими и согласными; ихъ дѣйствіе представляетъ средства поглощенія быстраго и постепеннаго, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ есть столкновеніе страстей». Къ этому нужно прибавить еще десятикратное увеличеніе дохода, что въ свою очередь еще болѣе облегчитъ дѣйствіе поглощающей субституціи.—Все это пока еще темно; для уясненія дѣла, для объясненія самаго процесса, посредствомъ котораго согласно дѣйствуютъ страсти, Фурье предпринимаетъ описать дѣйствіе

*) Oeuvres, IV, 353.

двухъ чувствъ, дружбы и любви №№ 6 и 7 *) въ числѣ 12 страстей 2-й степени.

По закону единства бытія, черезъ которое происходитъ то, что извѣстнымъ фактамъ изъ міра политическаго или изъ области психологической соотвѣтствуютъ извѣстные факты изъ міра физическаго, любви и дружбѣ на разныхъ степеняхъ соотвѣтствуютъ опять тѣ или другіе звуки, тѣ или другіе процессы въ мірѣ растительномъ и въ организмѣ человѣка. Нужно замѣтить, что всякая страсть составляетъ «семичленную гамму аккордовъ», не считая основнаго и стержневаго. Эти-то аккорды и составляютъ различныя степени страсти.

Ниже перваго аккорда, на степени 0, любовь является, какъ гетерогамія, т. е. съ греческаго—другоженство, дружба въ видѣ гетерофиліи (т. е. другодружіе); на этой степени имъ соотвѣтствуютъ въ музыкѣ утъ, въ способности зрѣнія,—глазъ сходящійся, въ процессѣ винодѣлія—кислый виноградный сокъ; родовой аккордъ этой степени называется другообразнымъ (hétéromode) **).

На степени первой любовь является, какъ моногамія (единоженство), дружба, какъ монофилія (единодружество); имъ соотвѣтствуютъ въ музыкѣ утъ-утъ, къ способности зрѣнія ослиный глазъ, въ винодѣліи небродившее вино; генерическій аккордъ называется единообразнымъ.

На второй степени любовь является, какъ гемигамія (т. е. полуженство, дружба, какъ гемифилія (т. е. полудружіе); имъ соотвѣтствуютъ утъ-ре, глазъ хамелеона, неперебродившее вино, родовой аккордъ—двуобразный.

На третьей степени любовь есть андрогамія (т. е. мужеженство), дружба — андрофилія (мужедружіе); имъ соотвѣтствуютъ утъ-ми, глазъ со-земной (co-terrestre), дурное вино, родовой аккордъ треобразный.

*) Отличаясь чрезвычайно строгою систематичностью, Фурье всему даетъ опредѣленное мѣсто; въ его классификаціяхъ дѣленія и подраздѣленія отличаются точностью и строгостью, достойною гораздо лучшаго содержанія. Вслѣдствіе этого и страсти у него перенумерованы.

**) IV, 356.

На четвертой степени любовь есть криптогамія (тайнобрачіе), дружба—гермафилія (?); имъ соотвѣтствуютъ утъ-фа, глазъ со-воздушный (co-aérien), смѣсь винъ; родовой аккордъ четверообразный.

На пятой степени любовь есть дельфигамія (отъ δελφύς—матка?), дружба-мультифилія (многодружіе); соотвѣтствуютъ утъ-си, глазъ со-аромальный, старое вино; родовой аккордъ пятиобразный.

На шестой степени любовь есть фанерогамія (явнобрачіе), дружба фанерофилія (явнодружіе); соотвѣтствуютъ утъ-ля. глазъ со-водной, грѣтое вино; родовой аккордъ шестиобразный.

На седьмой степени любовь есть ультрагамія (по-ту-сторону-брачіе); дружба—ультрафилія (по-ту-сторону-дружіе); соотвѣтствуютъ утъ-си, глазъ сомнамбулическій и уксусъ; родовой аккордъ семиобразный.

На осьмой или вѣрнѣе стержневой, пивотальной степени любовь есть омнигамія (всебрачіе), дружба омнифилія (вседружіе); соотвѣтствуютъ утъ верхняго аккорда, глазъ діафаническій (прозрачный) или со-огненный и наконецъ ультраэфирный, алькоголь и спиртъ; родовой аккордъ всеобразный.

Наконецъ есть еще одна степень, внѣ порядка, когда любовь дѣлается эктрагаміею (внѣбрачіемъ), дружба экстрафиліею (внѣдружіемъ), когда имъ соотвѣтствуютъ утъ-ре-си, бемоли и діезы, глазъ косой, близорукій, вино прокислое, и аккордъ внѣобразный.

Конечно, эти любопытныя таблицы разныхъ степеней любви и дружбы съ ихъ соотвѣтствіями мало понятны. Потому Фурье и старается объяснить ихъ.

Напр., онъ объясняетъ, что́ такое зрѣніе ослиное и хамелеоново: когда оселъ подходитъ къ пропасти, то его глаза дѣлаются неподвижными, тогда какъ у человѣка въ этомъ случаѣ они начинаютъ блуждать. Хамелеоновы глаза имѣютъ свойство смотрѣть въ разныя стороны, вверхъ и внизъ, направо и налѣво; это очень удобно; это даетъ возможность въ одно время разсматривать два предмета; и въ то же время

такіе глаза не могутъ быть названы косыми, потому что хамелеонъ по своему произволу можетъ дать и параллельное направленіе своимъ глазамъ. Надобно замѣтить, что приводимыя Фурье разныя особенности въ способности зрѣнія не принадлежатъ нынѣшнему людскому поколѣнію, а появятся только «у поколѣній гармоническихъ», т. е. у тѣхъ, которыя будутъ жить въ то время, когда люди введутъ въ свою жизнь принципъ ассоціаціи и будутъ слѣдовать единственно указанію страстей.—Тогда-то люди на извѣстной степени развитія будутъ имѣть зрѣніе осла и хамелеона, а потомъ зрѣніе со-земное, со-воздушное и т. д. Со-земное зрѣніе будетъ состоять въ томъ, что человѣкъ невооруженнымъ глазомъ будетъ видѣть такъ, какъ-будто бы онъ смотрѣлъ въ микроскопъ или въ телескопъ, смотря по надобности *). Глазъ со-воздушный есть то же, что глазъ со-ночный (conocturne), которымъ обладаютъ «кошка, тигръ, левъ, сова, альбиносы». Глазъ со-водный различаетъ предметы въ массѣ воды; имъ теперь владѣютъ нѣкоторые пловцы или ловцы жемчуга. Глазъ сомнамбулическій видитъ предметы позади другихъ предметовъ непрозрачныхъ для глаза бодрствующаго. Наконецъ зрѣніе со-аромальное позволяетъ людямъ «видѣть небесное зеркало или аромальную скорлупу, которая окружаетъ земной шаръ въ видѣ мыльнаго пузыря, помѣщеннаго между воздухомъ и эфиромъ на разстояніи 60-ти верстъ высоты». Эта скорлупа для человѣка съ аромальнымъ зрѣніемъ будетъ служить зеркаломъ, въ которомъ онъ увидитъ то, что́ будетъ происходить на землѣ, въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ; такъ изъ Парижа въ этомъ небесномъ рефлекторѣ можно будетъ видѣть, однако не безъ помощи телескопа, порты Бордо, Бреста, Бристоля, Амстердама, Лондона и Анвера. «Страхователи, прибавляетъ Фурье, дорого будутъ платить тѣмъ, кто будетъ въ состояніи пользоваться такимъ зеркаломъ».

Нечего и говорить, что Фурье не объясняетъ, почему одно

*) IV, 385 и слѣд.

свойство зрѣнія въ развитіи его будетъ предшествовать другому, почему ослиное будетъ предшествовать хамелеонову, со-земное со-водному, когда со-земное дастъ людямъ гораздо болѣе могучее средство для познанія міра, чѣмъ зрѣніе со-водное? Равнымъ образомъ Фурье не объясняетъ, почему одинъ фазисъ въ развитіи зрѣнія долженъ непремѣнно соотвѣтствовать тому, а не другому фазису въ развитіи дружбы или любви. Эти сближенія очевидно также вычитаны Фурье въ книгѣ природы. Они повидимому доступны только непосредственному воспріятію, а логическимъ путемъ не передаются отъ одного другому: потому что, гдѣ можно передать что-нибудь этимъ путемъ, гдѣ предметъ поддается объясненію или доказательству, тамъ Фурье не отказывается это дѣлать. Такъ онъ старается объяснить значеніе разныхъ фазисовъ въ развитіи любви, этихъ андрогамій, криптогамій, непонятныхъ съ перваго раза.—Андрогамія это простая вѣрность, криптогамія—простая невѣрность, дельфигамія,—невѣрность сложная, фанерогамія—вѣрность сложная. Что же это за вѣрность или невѣрность простая и сложная? Значеніе этихъ понятій Фурье объясняетъ слѣдующею притчею *).

«Дафнисъ и Хлоя, Титиръ и Галатея—двѣ пары любящихся сердецъ, которыя любятъ другъ друга третьей степенью любви; между ними андрогамія, вѣрность простая, потому что каждый изъ нихъ вѣренъ своей половинѣ».

Но вотъ происходитъ перемѣна: «такъ какъ вѣрность любящихся подвержена перемѣнамъ, особенно въ такихъ случаяхъ, гдѣ ихъ двѣ пары, то Хлоя секретнымъ образомъ совершаетъ невѣрность своему Дафнису въ пользу Титира». Дафнисъ и Галатея объ этомъ ничего не знаютъ, но очевидно дѣло имѣетъ уже другой видъ: вмѣсто вѣрности является невѣрность, однако еще простая, а не сложная (криптогамія), «потому что обманъ ограничивается только одною парою».

«Нѣсколько времени спустя Дафнисъ и Галатея замѣчаютъ,

*) VI, 362.

что имъ измѣнили, и вознаграждаютъ себя взаимною нѣжностью, ни слова не говоря ни Хлоѣ, ни Титиру.

«Такимъ образомъ обѣ пары, всѣ четыре личности, составляющія ихъ, сдѣлались невѣрны другъ другу, невѣрность сдѣлалась сложною; это дельфигамія.

«Но такъ какъ современемъ всякій секретъ перестаетъ быть секретомъ, то наши пары наконецъ узнаютъ истинное положеніе дѣла». Полное раскрытіе его производитъ сначала нѣкоторое неудовольствіе; наконецъ все улаживается; тогда пары «вступаютъ въ шестой аккордъ (въ шестую степень), гдѣ всякій знаетъ взаимныя невѣрности, двойное употребленіе любви. Тогда образуется новая связь, молчаливо допускающая этотъ явнобрачный аккордъ (фанерогамія), это равновѣсіе любовной контрабанды, гдѣ всякій нашелъ свое удовлетвореніе».

«Такъ оканчиваются всѣ эти голубиныя пары, всѣ эти сношенія честнаго общества, гдѣ обыкновенно случается, что къ концу концовъ всякій мужчина былъ въ связи съ каждою женщиною, и всякая женщина была въ связи со всякимъ мужчиною».—«Для сокращенія, прибавляетъ Фурье, я приложилъ эти четыре аккорда только къ парамъ, а не къ массамъ. Аккордъ является болѣе блестящимъ и обширнымъ, если его примѣнить не къ парамъ, а къ массамъ».

Ненадобно забывать, что весь этотъ анализъ гаммы любви и потомъ изображеніе явленій изъ области любви на четырехъ степеняхъ (3, 4, 5 и 6) предприняты Фурье для того, чтобы показать, какъ, при лучшемъ порядкѣ, страсти будутъ дѣйствовать къ общей пользѣ всѣхъ людей. Онъ указываетъ, какъ отъ вѣрности простой, существующей у насъ, отъ андрогаміи, гдѣ только одна сторона чувствуетъ всю полноту расположенія, а другая не отвѣчаетъ ей тѣмъ же, посредствомъ невѣрности простой и сложной, люди переходятъ къ вѣрности сложной, гдѣ существуетъ эта взаимная контрабанда любви. Въ сущности эта вѣрность сложная есть ничто иное, какъ невѣрность вдвойнѣ сложная, это дѣйствительно «взаимная контрабанда», тутъ и рѣчи не можетъ быть ни о какой вѣрности.

Но Фурье очевидно не стѣсняется тѣмъ требованіемъ, чтобъ его названія соотвѣтствовали его понятіямъ. Онъ самъ же говоритъ, что въ этомъ шестомъ аккордѣ всякій знаетъ «взаимныя невѣрности», и это не мѣшаетъ ему весь этотъ аккордъ. этотъ фазисъ, назвать фазисомъ «вѣрности сложной».

Фурье старается главнымъ образомъ показать, что страсти, эти тигры, выпущенные изъ звѣринца (въ цивилизаціи), при лучшемъ порядкѣ, приведутъ человѣка къ счастью, къ согласію; для этого онъ и представляетъ послѣдовательную исторію развитія любви. Дѣйствительно въ его картинѣ оказывается, что любовь, предоставленная самой себѣ, дѣйствуя съ полною свободою, безъ всякихъ ограниченій со стороны понятій о долгѣ. этихъ философскихъ капризовъ, приводитъ людей все таки къ согласію, къ счастію. Но, очевидно, случай, представленный Фурье, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ нормальный, всеобщій для времени лучшаго порядка, и ненормальный для порядка современнаго. Подобные случаи часто бываютъ и у насъ; а съ другой стороны и въ періодѣ гармоніи они могутъ оканчиваться иначе. Тутъ дѣло очевидно заключается въ характерѣ страсти со стороны обманываемыхъ мужа и жены. Если, не смотря на открытіе, сдѣланное ими, они не будутъ въ состояніи утѣшиться взаимнымъ вознагражденіемъ; если не появится новая страсть, способная сдѣлать поглощающую субституцію, то согласія не будетъ, аккордъ не осуществится. А безспорно новой страсти не будетъ, если прежняя сильна. Мужъ, котораго жена обманула и который не потерялъ къ ней страстной привязанности, смотря по своему характеру, и въ гармоніи, подобно тому какъ въ цивилизаціи, можетъ дойти до противодѣйствія, преслѣдованія, дуэли, яда и т. п. Сущность дѣла заключается въ томъ, что измѣненія въ дѣйствіяхъ страстей, имѣющаго произойти въ гармоническомъ порядкѣ, Фурье не показалъ. Онъ беретъ подобные произвольные и совсѣмъ невсеобщіе случаи и на основаніи ихъ увѣряетъ, что страсти, предоставленныя сами себѣ, ведутъ къ согласію, къ счастію. Въ приведенномъ случаѣ согласіе исключительно обу-

словлено характерами дѣйствующихъ лицъ и извѣстнымъ направленіемъ страстей,—дѣйствительно согласнымъ, но въ жизни встрѣчаемымъ очень рѣдко, не потому, чтобы этому не благопріятствовали современныя обстоятельства, а потому, что этому не благопріятствуетъ сама природа человѣческая, всегда неизмѣнная въ своихъ законахъ; потому что дѣйствительно любящій человѣкъ безъ боли не разстается съ предметомъ свой любви, и нерѣдко свою боль вымещаетъ на всѣхъ, кого считаетъ виновнымъ. Примѣрами богата вся исторія боговъ и людей, начиная отъ мстительной Юноны, отъ раздраженнаго Вулкана, оскорбленной Медеи и разгнѣваннаго Ахилла до Генриха VIII, Филиппа II, лорда Дарнлея и Христіана VII датскаго. Но теперь отъ мщенія по крайней мѣрѣ иногда удерживаетъ голосъ разсудка, а въ гармоніи разсудокъ будетъ молчать, и мщеніе, подобно всякому другому страстному дѣйствію, получитъ полное право гражданства; и тигры, выпущенные изъ клѣтокъ, окажутся гораздо болѣе лютыми, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ будущее согласное дѣйствіе страстей въ гармоніи есть не что иное, какъ заключеніе отъ части къ цѣлому, не что иное, какъ недоразумѣніе со стороны Фурье, и притомъ весьма наивное, такое, которое ясно выходитъ наружу при первомъ прикосновеніи самаго нехитраго анализа. И слѣдовательно, не болѣе вѣроятно и необходимо согласное дѣйствіе въ фалангѣ и другихъ страстей, потому что Фурье, описывая прогрессивное развитіе любви, желаетъ представить въ своемъ описаніи только образецъ дѣйствія страстей вообще. «Эту лѣстницу, говоритъ онъ, легко примѣнить къ остальнымъ страстямъ». Это значитъ, что и всѣ другія страсти, для согласнаго дѣйствія въ гармоніи, не имѣютъ другого основанія, кромѣ недоразумѣнія.

Не откажемся еще нѣсколько прослѣдить за нашимъ авторомъ въ его ученіи касательно согласнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ плодотворнаго дѣйствія страстей, которое составляетъ краеугольный камень его системы. Вслѣдъ за изложеніемъ развитія любви, онъ переходитъ къ изложенію дѣйствія унитеизма, страсти ново-

открытой, которой магическаго дѣйствія наши философы и не подозрѣвали, и которая призвана играть главную роль въ дѣятельности будущаго общества. Чтобы дать понятіе о значеніи и дѣйствіи унитеизма, Фурье разсказываетъ нѣсколько примѣровъ необыкновенной, почти сверхъестественной дѣятельности человѣка, производимой даже не самимъ унитеизмомъ, а нѣкоторыми элементами, изъ которыхъ онъ слагается.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, разсказываетъ Фурье, близъ Льежа, въ копи Божонѣ, были заключены 80 человѣкъ рабочихъ, потому что входъ въ копь былъ залитъ водою. Чтобы освободить рабочихъ, нужно было прокопать новое отверстіе въ копь. Это и взялись сдѣлать товарищи ихъ. «Наэлектризованные дружбою, они трудились съ ревностью сверхъестественною; и, если имъ предлагали денежную награду, они оскорблялись. И то, что они сдѣлали, было по истинѣ изумительно. Знающіе люди говорятъ, что въ четыре дня они сдѣлали столько, сколько за плату не сдѣлали-бы въ 20» *).

Какое побужденіе двигало въ этомъ случаѣ рабочими, чѣмъ произведены эти необыкновенные результаты? «Это побужденіе состояло ни въ чемъ другомъ, отвѣчаетъ Фурье, какъ въ омнифиліи, во вседружествѣ, въ дружбѣ на 8 степени. Это не та кроткая и нѣжная дружба, которую такъ восхваляетъ наша мораль; это страсть сильная, это добродѣтель порывистая, истинный священный огонь. И между тѣмъ здѣсь даже не было дружбы 3, 4, 5, 6 степени, потому что рабочіе, пришедшіе изъ другихъ копей, даже не знали лично тѣхъ, которые были въ копи Божонѣ».

Другой замѣчательный примѣръ подобнаго дѣйствія чувствъ на высшей степени возбужденія, представляемый Фурье, относится ко взятію форта Магона французскою арміею въ 1756 г. «Маршалъ Ришелье, удивленный тѣмъ, что войска могли взойти на эти неприступныя скалы подъ огнемъ непріятелей, захотѣлъ на другой день повторить тотъ же самый приступъ въ видѣ парада. Репетиція казалась не трудною, потому что солдаты

*) IV, 374.

имѣли только одно препятствіе—природу мѣстности; другое препятствіе—непріятельскій огонь не существовалъ больше. Несмотря на то, тѣ-же самые солдаты въ спокойномъ состояніи не могли взобраться на скалы, на которыя они взошли наканунѣ, несмотря на число препятствій гораздо большее».

Какъ объяснить эти факты? «Въ день приступа, говоритъ Фурье, солдаты, побуждаемые возвышеннымъ двигателемъ, аккордомъ всеобразнымъ, были богами, а не людьми. На другой день, лишенные этого священнаго огня, всеобразной пружины (отрасль честолюбія, оттѣнокъ чести въ 8-й степени) они были только людьми, представителями невозможности, цивилизаціи» *).

Впрочемъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, и въ цивилизаціи, т. е. въ томъ состояніи общества, въ которомъ находимся мы, возможно гармоническое дѣйствіе страстей, но въ цивилизаціи оно встрѣчается, какъ рѣдкое исключеніе. «Дать ему господство въ соціальной механикѣ, — это предназначено будущему гармоническому порядку, который во всѣхъ отношеніяхъ дойдетъ до связей октавы (т. е. до 8-й степени), хотя эти связи и не будутъ дѣйствовать въ немъ постоянно».— «Ихъ дѣйствіе слишкомъ сильное ослабляло-бы и тѣло и душу. Но онѣ будутъ господствовать довольно часто, будутъ имѣть преобладаніе и направлять другія стороны гаммы, подчинять ихъ связямъ всеобразнымъ, которыя будутъ производить чудеса въ промышленности, въ добродѣтели и братствѣ» **).

Такимъ образомъ благодѣтельная перемѣна психологическая, имѣющая, по мнѣнію Фурье, произвести столь громадные результаты, сама будетъ произведена новою гармоническою организаціею общества. Очевидно, что поэтому новая организація общества въ системѣ Фурье имѣетъ столь-же важное значеніе, какъ сама гамма страстей, даже еще бо́льшее, потому что и правильное дѣйствіе страстей возможно не иначе, какъ подъ условіемъ новаго общественнаго устройства.

*) Тамъ-же, 376. **) 378.

Новому общественному порядку Фурье даетъ скромное названіе «земледѣльческой ассоціаціи» (L'association agricole). И дѣйствительно, преобладающій характеръ ея—земледѣльческій. Она основана на нѣкоторыхъ экономическихъ фактахъ, давно извѣстныхъ и, несмотря на то, нисколько непослужившихъ на пользу человѣческому обществу.

Всѣмъ извѣстно, говоритъ Фурье, что «триста семействъ поселянъ, соединившись въ ассоціацію, имѣли-бы одинъ прекрасный сарай, вмѣсто трехсотъ никуда негодныхъ, имѣли-бы одно хорошее заведеніе для выдѣлки вина, вмѣсто трехсотъ плохихъ; въ разныхъ случаяхъ, особенно лѣтомъ, они разводили-бы три или четыре огня, вмѣсто трехсотъ; они посылали-бы въ городъ только одну молочницу съ бочкою молока, привѣшенною на рессорахъ, чрезъ что они имѣли-бы экономію ста полу-дней, теряемыхъ ста-молочницами, которыя несутъ въ городъ по кувшину молока». Эти факты, прибавляетъ Фурье, замѣчены многими экономистами; не смотря на то, эти экономисты не воспользовались ими какъ слѣдуетъ, не дошли до ихъ необходимаго послѣдствія—земледѣльческой ассоціаціи *).

«Земледѣльческая ассоціація представляетъ для промышленности столь громадныя выгоды, что нужно удивляться тому, сколь малымъ вниманіемъ она пользуется отъ современныхъ мыслителей». — «Ее обыкновенно считаютъ невозможною, потому что не знаютъ средствъ осуществить ее; но слѣдуетъ-ли отсюда заключать, что ихъ нельзя открыть и не слѣдуетъ искать? Если правда то, что она утроитъ, иногда даже удесятеритъ выгоды промышленности, то нельзя сомнѣваться, что Богъ не отказалъ намъ въ средствахъ устроить ее».

«Люди, любящіе возражать, скажутъ: какъ соединить въ одно общество столько семействъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ по 100,000 франковъ состоянія, а другія только по оболу; какъ распутать столько различныхъ интересовъ, согласить столько противорѣчивыхъ желаній? Какъ уничтожить всѣ

---

*) Т. I, 11 и слѣд.

соперничества въ общемъ планѣ приведенныхъ въ согласіе интересовъ?—На это я отвѣчу (говоритъ Фурье) такъ: посредствомъ приманки богатствъ и удовольствій, посредствомъ этой страсти, общей поселянамъ и горожанамъ. Когда и тѣ и другіе увидятъ, что участокъ, устроенный на началахъ ассоціаціи, при равныхъ условіяхъ, дастъ втрое (впятеро, всемеро) *) больше выгодъ, чѣмъ участокъ, обработываемый отдѣльными семействами, и доставляетъ членамъ ассоціаціи самыя разнообразныя удовольствія; они забудутъ всѣ свои соперничества и поторопятся осуществить ассоціацію, которая уже сама собою безъ всякаго закона распространится на всѣ страны, потому что вездѣ люди страстно любятъ богатства и удовольствія».

И въ этомъ заключается гарантія несомнѣннаго, неизбѣжнаго и неотразимаго успѣха земледѣльческой ассоціаціи, потому что страсти однѣ и тѣ-же у всѣхъ людей, у богатыхъ и бѣдныхъ, у горожанъ и поселянъ, у цивилизованныхъ и дикихъ. И новый порядокъ не только не вооружается противъ страстей, не только не старается сдѣлать ихъ умѣренными, но непремѣнно требуетъ «страстей пламенныхъ и утонченныхъ». Потому Фурье и даетъ ему названіе порядка «серій страстныхъ, серій прогрессивныхъ или серій группъ». «Подъ этими именами, говоритъ онъ, я разумѣю собраніе многихъ группъ, которыя въ порядкѣ ассоціаціи предаются различнымъ отраслямъ одной и той-же промышленности или одной и той-же страсти».

Въ дѣлѣ введенія новаго порядка труденъ только первый шагъ, потому что современное человѣчество проникнуто предразсудками касательно всѣхъ вопросовъ изъ области политики,

---

*) Это увеличеніе числа, находящееся въ скобкахъ, принадлежитъ экземпляру сочиненія Фурье, который принадлежалъ ему самому. На немъ Фурье дѣлалъ замѣтки и поправки. Такъ въ этомъ случаѣ въ первомъ изданіи Фурье написалъ—втрое, потомъ на своемъ экземплярѣ поправилъ: впятеро, всемеро. Издатели сочли нужнымъ напечатать эти поправки въ скобкахъ.

нравственности, общественной жизни; предразсудки эти—дѣло рукъ всѣхъ философовъ отъ древнѣйшихъ временъ до нашего времени; наши библіотеки составляютъ неисчерпаемый складъ этихъ предразсудковъ: 400,000 томовъ, относящихся ко всѣмъ областямъ знанія, составляютъ этотъ ящикъ Пандоры, распространившій по свѣту все зло вмѣстѣ съ ложными ученіями, содержащимися въ нихъ. Но близокъ часъ этихъ 400,000 томовъ; они приближаются къ ничтожеству и погрузятся въ него, когда настанетъ новый порядокъ. А это будетъ тотчасъ послѣ перваго опыта. Какъ скоро опытъ будетъ предпринятъ, черезъ нѣсколько лѣтъ видъ земнаго шара измѣнится. И тѣ, которые нынѣ хвастаются своею цивилизаціею, всѣмъ существующимъ порядкомъ, нравами и обычаями, почувствуютъ къ нимъ отвращеніе, между прочимъ, почувствуютъ отвращеніе къ жизни отдѣльными хозяйствами, «когда увидятъ, что даже дѣти, которыя при современномъ порядкѣ только кричатъ, ломаютъ, ссорятся, ничего не дѣлаютъ, при новомъ порядкѣ занимаются промышленностью, безъ всякаго посторонняго возбужденія стараются превзойти другъ друга усердіемъ, добровольно изучаютъ науки, искусства, промышленное производство, земледѣліе, и приносятъ пользу, не думая ни о чемъ, кромѣ удовольствія. Когда отцы увидятъ этотъ новый порядокъ, они найдутъ, что ихъ дѣти достойны обожанія въ серіяхъ и достойны презрѣнія въ хозяйствахъ отдѣльныхъ, безсвязныхъ».

Когда, продолжаетъ Фурье, отцы «увидятъ, что въ резиденціи фаланги (такое имя я дамъ ассоціаціи, обработывающей извѣстный участокъ) приготовляютъ столь прекрасный столъ, что за третью часть издержекъ, употребляемыхъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, въ серіяхъ они имѣютъ кушанья втрое болѣе обильныя и деликатныя, такъ что здѣсь можно продовольствоваться втрое *) дешевле и притомъ безо всякихъ хлопотъ и затрудненій; когда они наконецъ увидятъ, что въ се-

*) Фурье очевидно не совсѣмъ вѣрно вычислилъ сравнительную дешевизну. Втрое болѣе обильный и лучшій столъ, при издержкахъ втрое

ріяхъ нѣтъ плутовства, и народъ столь лѣнивый и грубый въ цивилизаціи, сталъ образцомъ правдивости и учтивости, то они почувствуютъ отвращеніе ко всему этому хозяйству, къ этимъ городамъ, къ этой цивилизаціи, что составляетъ предметъ ихъ нынѣшней привязанности; тогда они захотятъ соединиться въ фалангѣ серій и жить въ ея зданіи».

Отсюда открывается дальнѣйшій планъ изложенія системы Фурье: такъ какъ успѣхъ всего дѣла зависитъ отъ перваго опыта, то слѣдуетъ произвести этотъ опытъ. Успѣхъ этого опыта несомнѣненъ, по тѣмъ причинамъ, которыя мы изложили выше, т. е. потому, что испытываемый порядокъ есть единственный естественный, гарантированный всеобщностью страстей у людей, ихъ божественнымъ происхожденіемъ, ихъ согласнымъ дѣйствіемъ въ ассоціаціи, которое предполагается, принимается авторомъ съ увѣренностью чисто-религіозною.

Но чтобы произвести опытъ, какъ слѣдуетъ, для этого разумѣется нужно приняться правильно за дѣло. Потому Фурье и описываетъ всѣ подробности жизни въ ассоціаціи, дѣлая такимъ образомъ указаніе тѣмъ, которые взяли бы на себя трудъ исполнить первый опытъ. Къ этому Фурье присоединяетъ описаніе самыхъ результатовъ, имѣющихъ оказаться при первомъ опытѣ и потомъ имѣющихъ необходимо существовать при дальнѣйшей жизни человѣчества въ ассоціаціи. Распространеніе ассоціаціи на все человѣчество, безъ сомнѣнія, измѣнитъ всѣ іерархическія отношенія, существующія теперь; на ихъ мѣстѣ явятся другія. Фаланги, имѣющія утроиться повсемѣстно, должны будутъ имѣть административные органы, которые соглашали бы ихъ дѣятельность, опредѣляли общія правила для ихъ взаимныхъ отношеній, и наконецъ приводили въ гармонію ихъ жизнь и дѣятельность во всѣхъ случаяхъ, имѣющихъ встрѣчаться въ теченіе времени. Потому Фурье присоединяетъ къ своему описанію подробностей жизни въ ассоціаціи іерархическія отношенія человѣчества въ будущее время.

меньшихъ, будетъ стоить не втрое дешевле, а въ девять разъ, притомъ, если обращать вниманіе только на одно количество.

Все, что мы излагали до сихъ поръ, составляетъ первую основную часть системы Фурье, гдѣ изложены принципы системы; слѣдующая вторая часть занимается исключительно описаніемъ и опредѣленіемъ подробностей для жизни одной фаланги и всего человѣчества. Однѣ изъ этихъ подробностей будутъ устроены людьми, другія явятся сами собою, какъ необходимое проявленіе природы вещей.

Фурье собственно предлагаетъ два способа для испытанія его системы; можно сразу устроить ассоціацію полную и окончательную, и можно устроить ассоціацію неполную или простую. Самъ онъ невысоко цѣнитъ второй опытъ, смотря на ассоціацію простую или оскопленную (as. simple ou hongrée) только, какъ на переходную ступень, которая должна существовать впродолженіе самаго короткаго времени, только одного года. Потому онъ начинаетъ свое описаніе не съ простой ассоціаціи, а съ полной. За нимъ въ этомъ случаѣ послѣдуемъ и мы, оставляя совсѣмъ въ сторонѣ ассоціацію простую.

«Предположимъ, говоритъ Фурье, что опытъ будетъ сдѣланъ какимъ-нибудь государемъ или частнымъ человѣкомъ-богачомъ, напр. Девоншейромъ, Нортумберландомъ, Бедфортомъ, Шереметевымъ, Лобановымъ, Чарторыжскимъ, Эстергази, Бельмонте и пр., или какою-нибудь компаніею, которая, избѣгая боязливыхъ опытовъ, захочетъ сразу осуществить великую гармонію, во всей полнотѣ восьмой періодъ. Вотъ какимъ путемъ она должна будетъ слѣдовать *).

«Для ассоціаціи нужно отъ 1,500 до 1,600 человѣкъ и количество земли около одной квадратной лье (т. е. около 1,250 десятинъ)»

Пусть мѣстность будетъ орошена хорошимъ потокомъ, пустъ она будетъ усѣяна холмами, способными къ разнымъ родамъ земледѣлія. Для первой фаланги нужны нѣкоторыя особенныя удобства, потому что она будетъ находиться въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ сравнительно съ будущими

*) IV, 427 и слѣд.

фалангами; она будетъ стоять уединенно, безъ сосѣдства съ другими фалангами, чрезъ что въ ней образуется нѣкоторая неполнота въ страстномъ влеченіи (des lacunes d'attraction) *).

Члены фаланги непремѣнно должны отличаться неравенствомъ и притомъ нѣкоторою постепенностью въ состояніяхъ, возрастахъ, характерахъ, въ познаніяхъ теоретическихъ и практическихъ; потому что «чѣмъ больше будетъ разнообразія въ способностяхъ и страстяхъ, тѣмъ удобнѣе можно будетъ привести ихъ въ гармонію въ непродолжительномъ времени».

На участкѣ, предназначенномъ для опыта (canton d'essai), должны производиться всѣ роды культуры, собственно земледѣліе, садоводство, огородничество; здѣсь должны быть устроены оранжереи для зимнихъ занятій; съ этою же цѣлью должны быть устроены по крайней мѣрѣ три дополнительныя мануфактуры, гдѣ будутъ производиться работы во время дождей и во время зимы; кромѣ того, въ фалангѣ будутъ заниматься науками и искусствами. И для каждой отрасли производства и вообще занятій будутъ учреждены особые порядки, страстныя серіи (Series passionnelles), на которыя такимъ образомъ раздѣлится все населеніе фаланги; дѣленіе будетъ нормально въ такомъ случаѣ, когда $^7/_8$ населенія будутъ принадлежать къ земледѣльцамъ и мануфактуристамъ, а $^1/_8$ къ капиталистамъ, ученымъ и художникамъ.

При устройствѣ первой фаланги слѣдуетъ заботиться не столько о выгодности занятій, сколько объ ихъ привлекательности; впослѣдствіи, разумѣется, и выгодность, доходность занятій получитъ всѣ свои права; но на первое время она

*) Вообще уединенность первой фаланги будетъ значительнымъ неудобствомъ ея, какъ по причинѣ неполноты въ страстномъ влеченіи, такъ и по тому соблазну, которымъ будутъ служить для нея сосѣди, цивилизованные, «эти соціальныя виперы, progenies viperarum, какъ говоритъ Евангеліе». Эти сосѣди для фаланги будутъ тѣмъ же, чѣмъ «для города здороваго служатъ окрестности, въ которыхъ господствуетъ чума».

должна уступить главное мѣсто привлекательности. Это конечно поведетъ къ нѣкоторымъ лишнимъ издержкамъ; но стоитъ ли говорить объ этихъ издержкахъ, если онѣ приведутъ человѣчество къ его счастливымъ судьбамъ! Съ другой стороны, «такъ какъ издержки учрежденія первой фаланги впослѣдствіи будутъ вознаграждены сферическою іерархіею, посредствомъ суммы въ 12 разъ большей», то учредителямъ эти издержки не должны казаться потерянными, напротивъ и для нихъ и для всего человѣчества онѣ будутъ капиталомъ, затраченнымъ наиболѣе производительнымъ образомъ.

Весь капиталъ, котораго потребовало бы основаніе фаланги, долженъ простираться до 4,000,000 франковъ, въ такомъ однако случаѣ, если какой-нибудь государь дастъ безденежно удобную землю для поселенія фаланги. Собрать этотъ капиталъ есть много способовъ; Фурье съ наибольшимъ вниманіемъ останавливается на слѣдующемъ:

Пусть составится компанія въ 400 акцій, по 10,000 фр. каждая, и пусть государь возьметъ только одну акцію, т. е. пожертвуетъ только 10,000 франковъ. Въ такомъ случаѣ придворные, финансисты, банкиры вдругъ разберутъ всѣ остальныя акціи. Но, быть можетъ, и придворные и банкиры и самъ государь не захотятъ брать акцій? Какъ же имъ не захотѣть, говоритъ Фурье, когда акціи фаланги должны непремѣнно въ скоромъ времени подняться въ цѣнѣ на 100 и на 200%?—А государь, кромѣ того, въ своихъ 10,000 фр. «будетъ имѣть гарантію омніаршества», т. е. господства надо всею вселенною (omniarchat du globe)!

Совершенно устроенная фаланга съ характеромъ полной сложной ассоціаціи (ass. composée) будетъ имѣть слѣдующій составъ своего народонаселенія. Мы уже видѣли, что вся масса населенія будетъ простираться до 1,600 человѣкъ. Она будетъ раздѣляться на трибы; трибъ должно быть 16 и каждая триба будетъ состоять изъ двухъ хоровъ, изъ хора мужескаго и хора женскаго пола. Но внѣ трибъ должны быть поставлены младенцы отъ 0 до 3 лѣтъ (грудные, толстячки и

живчики, nourrissons, poupons, lutins) равно какъ больные, слабые и отсутствующіе *).

Послѣ того первую трибу составятъ бамбены и бамбинки (малютки) отъ 3 до $4^1/_2$ лѣтъ (60 человѣкъ), вторую трибу составятъ шерюбены (херувимы) и шерюбинки отъ 4 до $6^1/_2$ (38 чел.), третью серафены (серафимы) и серафинки отъ $6^1/_2$ до 9 лѣтъ (44 чел.), четвертую лицеисты и лицеистки отъ 9 до 12 лѣтъ (50 чел.), пятую гимназисты и гимназистки отъ 12 до $15^1/_2$ (56 ч.), шестую юноши и дѣвицы (jouvenceaux et jouvencelles) отъ $15^1/_2$ до 20 (62 ч.), седьмую взрослые и взрослыя (68 ч.), осьмую сформированные и сформированныя (74 ч.), потомъ слѣдуетъ регентство (54 ч.); девятую трибу составятъ атлетическіе и атлетическія (70 ч.), десятую мужескіе и мужескія (virils et viriles) (64 ч.), одиннадцатую утонченные и утонченныя (58 ч.), двѣнадцатую умѣренные и умѣренныя (52 ч.), тринадцатую благоразумные и благоразумныя (46 ч.), четырнадцатую почтенные и почтенныя (40 ч.), пятнадцатую уважаемые и уважаемыя (34 ч.), наконецъ шестнадцатую патріархи и патріархини (45 ч.) **).

Вся масса людей, принадлежащихъ къ трибамъ, простирается до 1,620 человѣкъ. Но самое число (1,620) взято не случайно; оно обусловлено тѣмъ требованіемъ, чтобы фаланга представляла полную гармонію всѣхъ человѣческихъ страстей, характеровъ и происходящихъ отсюда стремленій. А такъ какъ число человѣческихъ характеровъ или число различныхъ ком-

---

*) Nouveau monde industr., l'harmonie universelle etc. par Fourier. Paris. 1849. II, 193.

**) Эту классификацію мы взяли изъ «Nouveau monde industriel», сочиненія, изданнаго въ 1828 году; въ «Théorie des quatre mouvements» (1808 г.) и въ «Traité de l'association domestique» (1822 г.) Фурье нѣсколько иначе дѣлилъ населеніе фаланги и давалъ отдѣльнымъ частямъ иногда другія имена.—Вообще Фурье чаще, нежели какой другой реформаторъ, дѣлаетъ поправки въ своей системѣ, такъ что, не смотря на противное увѣреніе его, можно думать, что книга судьбы не сразу стала понятна ему вполнѣ.

бинацій человѣческихъ страстей простирается, по мнѣнію Фурье, до 810, то именно такое число и требовалось бы для образованія фаланги, гдѣ должны дѣйствовать человѣческія страсти во всѣхъ видахъ и оттѣнкахъ. Фурье это число дѣйствительно и назначаетъ для дѣйствительныхъ, дѣйствующихъ членовъ фаланги; но такъ какъ кромѣ дѣйствующихъ должны быть еще немогущіе дѣйствовать по причинѣ болѣзни, старости и отсутствія, равно какъ въ фалангѣ должны быть и дѣти, то всѣ эти недѣйствующія части и полагаются Фурье еще въ 810 человѣкъ. Такимъ-то образомъ общее число всѣхъ жителей фаланги опредѣляется въ 1,620 человѣкъ.

Приведенное нами дѣленіе опредѣляется возрастомъ. Но въ фалангѣ, какъ мы уже видѣли, кромѣ этого дѣленія, будетъ другое; это—дѣленіе на страстныя серіи, учрежденіе, воплощающее въ себѣ одну изъ главныхъ чертъ фурьеризма.

По ученію Фурье, страсти раздѣляются на группы, смотря по большему или меньшему числу своихъ общихъ свойствъ. Эта большая или меньшая близость страстей между собою проявляется и въ дѣятельности людей, въ особенности въ ихъ стремленіяхъ. Нѣкоторые люди имѣютъ однѣ и тѣ же или близкія стремленія: это ставитъ ихъ въ нѣкоторую связь между собою; между ними образуются нѣкоторыя отношенія; иногда они своею дѣятельностью помогаютъ другъ другу, иногда препятствуютъ; и то и другое имѣетъ законное мѣсто въ механизмѣ страстей, въ дѣятельности фаланги.

«Страстная серія, говоритъ Фурье, есть союзъ, соединеніе различныхъ небольшихъ корпорацій или группъ, изъ которыхъ въ каждой господствуетъ какой-нибудь видъ одной и той же страсти, которая, слѣдовательно, составляетъ общую, родовую страсть для цѣлой серіи. Двадцать группъ, воздѣлывающихъ двадцать сортовъ розъ, образуютъ родовую серію розистовъ, и видовыя серіи бѣло-розистовъ, жолто-розистовъ, мохрово-розистовъ и т. д.—Другой примѣръ: двѣнадцать группъ воздѣлываютъ двѣнадцать различныхъ цвѣтовъ; тюльпанъ воздѣлывается группою тюльпанистовъ, нарциссъ—группою нарцис-

систовъ; сумма всѣхъ соединенныхъ группъ образуетъ серію цвѣточниковъ» *).

Страсти, ограниченныя одною личностью, не могутъ участвовать въ механизмѣ страстей. Чтобы группа могла дѣйствовать правильно, она должна заключать въ себѣ по крайней мѣрѣ девять человѣкъ, «для того, чтобы въ ней могли имѣть мѣсто соперничества, приводимыя въ равновѣсіе». А серія въ свою очередь не можетъ правильно дѣйствовать, если въ ней меньше трехъ группъ; такимъ образомъ наименьшее число членовъ страстной серіи должно доходить до 27 человѣкъ (9×3). Но если ихъ будетъ больше, серія будетъ дѣйствовать лучше, потому что въ такомъ случаѣ ея дѣятельность будетъ направляема и возбуждаема большимъ количествомъ страстей, и эти страсти будутъ имѣть болѣе разнообразныя сочетанія.

«Серія имѣетъ нужду въ несогласіи, точно такъ же, какъ и въ согласіи; нужно чтобы она была заинтригована множествомъ противоположныхъ претензій; откуда происходятъ связи кабалистическія и пружины соперничества; безъ контрастовъ нельзя создать союзовъ, нельзя возбудить энтузіазма; въ такомъ случаѣ серія не имѣла бы усердія въ трудѣ и ея произведенія были бы посредственными, какъ относительно качества, такъ и относительно количества».

«Исчисленіе страстныхъ серій (le calcul des séries passionnlles) установитъ принципъ, очень лестный для рода человѣческаго, доказывая, что всѣ наклонности, которыя не вредны для другихъ, имѣютъ драгоцѣнное употребленіе въ обществѣ, построенномъ на началахъ ассоціаціи, и дѣлаются полезными съ тѣхъ поръ, какъ они начинаютъ быть развиваемы въ постепенности.

Впрочемъ, какъ бы ни была хорошо организована серія, она не можетъ дѣйствовать правильно, если она стоитъ уединенно; она должна быть непремѣнно въ связи съ другими серіями, и притомъ многими, такъ что число ихъ не должно

*) Ouevres, III, 20.

быть ниже 50. Это нужно, между прочимъ, для того, чтобы члены фаланги могли въ удовлетвореніе страсти папильонны часто перемѣнять занятія. Фурье полагаетъ крайнимъ срокомъ для одного и того же занятія 2 часа. «Одинъ и тотъ же человѣкъ, говоритъ онъ, въ 5 часовъ можетъ находиться въ группѣ пастуховъ, въ 7 часовъ въ группѣ земледѣльцевъ и въ 9 часовъ въ группѣ садовниковъ». Необходимость поддерживать въ одной и той же серіи контрасты и соперничество, приводятъ къ раздѣленію серіи на три части: крыло восходящее, состоящее изъ дѣтей и юношей, центръ серіи, состоящій изъ взрослыхъ, и крыло нисходящее, состоящее изъ пожилыхъ и стариковъ.

Вся «теорія ассоціаціи «ограничивается искусствомъ сформировать и привести въ дѣйствіе страстныя серіи. И съ тѣхъ поръ, какъ какая-нибудь планета возвысится до этого знанія, она можетъ вдругъ основать единство соціальное и достигнуть счастія общаго и индивидуальнаго».

Внутренній порядокъ въ первое время устраивается регентствомъ или совѣтомъ, «составленнымъ изъ акціонеровъ, наиболѣе замѣчательныхъ своими капиталами или познаніями научными и промышленными» *). Такой составъ регентства Фурье предполагалъ въ 1822 году: въ 1828 году онъ нѣсколько измѣнилъ его. Слѣдуя этому послѣднему проекту, совѣтъ долженъ состоять: 1-е) изъ делегатовъ ареопага, а ареопагъ состоитъ изъ начальниковъ серій промышленности и серій удовольствія; 2-е) изъ трехъ трибъ, къ которымъ принадлежатъ всѣ старшіе возрасты въ фалангѣ, т. е. почтенные, уважаемые и патріархи; 3-е) изъ наиболѣе значительныхъ акціонеровъ и кромѣ того изъ такихъ акціонеровъ, которые могли пріобрѣсти хоть одну акцію посредствомъ мелкихъ сбереженій. Наконецъ, 4-е) изъ магнатовъ фаланги **). Вѣроятно на этотъ послѣдній составъ нужно смотрѣть, какъ на окончательный и постоянный; по крайней мѣрѣ Фурье не представляетъ его, какъ

*) IV. 444. **) Harmonie univers. II, 196.

временный, подобно первому. Впрочемъ, самъ ареопагъ, будучи «верховнымъ совѣтомъ промышленности», не можетъ издавать приказаній, которыхъ исполненіе было-бы обязательно для кого-нибудь. «Мнѣнія ареопага сами подчинены рѣшенію влеченія и всякая серія имѣетъ право совершенно независимо принимать рѣшенія касательно своихъ промышленныхъ интересовъ. Ареопагъ не можетъ приказывать ни жатвы, ни косьбы; онъ объявляетъ только, что то или другое время благопріятно для нихъ по указанію наблюденій метеорологическихъ или агрономическихъ. Всякая серія въ этомъ случаѣ поступаетъ по собственной своей волѣ» *).

Замѣчателенъ принципъ фаланги касательно общности имуществъ. Фурьеризмъ повидимому совершенно враждебенъ коммунизму. Члены фаланги будутъ каждый имѣть свое собственное состояніе; въ фалангѣ, какъ мы видѣли, будутъ люди ничего неимущіе и будутъ богачи, мильонеры, даже такіе, которыхъ состояніе будетъ простираться до 200 мильоновъ. И не смотря на общность жизни въ фалангѣ, между членами ея будетъ всецѣло господствовать правило suum cuique. Мало того, фаланга не требуетъ общности имущества даже въ семействѣ. Она имѣетъ дѣло «съ каждымъ человѣкомъ индивидуально, даже съ дѣтьми выше $4^1/_2$ лѣтъ, и распредѣляетъ произведенія своей промышленности между всѣми безъ исключенія пропорціонально тремъ факторамъ: труду, капиталу и таланту». Впрочемъ, родителямъ, супругамъ и друзьямъ позволяется дѣлать общимъ свое имущество, подобно тому, какъ это бываетъ въ цивилизаціи; но фаланга въ своихъ отношеніяхъ съ ними открываетъ отдѣльный счетъ каждому, даже ребенку 5 лѣтъ. Доходы ребенка не отдаются отцу; ребенокъ съ $4^1/_2$ лѣтъ есть полный владѣлецъ произведеній своей промышленности (est propriétaire des fruits de son industrie), равно какъ получаемыхъ имъ наслѣдствъ и процентовъ».

Въ первое время дѣйствія фаланги регентству будетъ много

*) IV, 447.

дѣла. Прежде всего оно должно исчислить и оцѣнить всѣ взносы—деньгами, землями, вещами, и общую полученную сумму раздѣлить на акціи; потомъ оно выдаетъ каждому акціи или части акцій, пропорціонально его взносу. И впослѣдствіи оно же раздѣляетъ общій доходъ фаланги между капиталомъ и трудомъ; именно 4/12 оно назначаетъ капиталистамъ, 5/12 труду физическому и 3/12 «познаніямъ теоретическимъ и практическимъ».

Первоначально бѣднымъ гражданамъ регентство доставляетъ въ кредитъ одежду, пищу и помѣщеніе на годъ. Риску тутъ никакого нѣтъ, потому что «побуждаемый влеченіемъ и удовольствіемъ, бѣдный будетъ такъ работать, что его произведенія далеко превзойдутъ сумму авансовъ, ему сдѣланныхъ». Подобнымъ-же образомъ на первое время регентство до перваго сбора земледѣльческихъ произведеній озаботится покупкою съѣстныхъ припасовъ для всей вообще фаланги.

Что касается до состоятельности фаланги, она не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: во-первыхъ, потому, что экономическая дѣятельность фаланги будетъ въ высшей степени благоразумна, такъ какъ фаланга будетъ руководима *) своимъ ареопагомъ опытнѣйшихъ людей, своими старѣйшими и мудрѣйшими членами; потомъ все имущество фаланги будетъ застраховано посредствомъ взаимной солидарности многихъ фалангъ. Такимъ образомъ фаланга во всякое время по востребованію можетъ возвратить капиталы, употребленные на ея устройство, «пусть даже эти капиталы простираются до 100,000,000». — Впрочемъ, всѣ эти доказательства, касательно состоятельности фаланги, Фурье, по собственному его признанію, приводитъ для убѣжденія капиталистовъ, предубѣжденныхъ противъ самой идеи ассоціаціи. «Нужно, говоритъ

*) Это руководство, какъ мы выше видѣли, будетъ состоять единственно въ указаніяхъ, необязательныхъ для исполнителей; главнымъ рѣшителемъ всякаго промышленнаго дѣла будетъ страстное влеченіе серіи; это безъ сомнѣнія много измѣняетъ значеніе руководства со стороны опытнѣйшихъ людей.

онъ, умножить подробности, способныя разувѣрить ихъ, имъ нужно доказать, что ассоціація гораздо лучше гарантируетъ имъ полное и постоянное пользованіе богатствомъ, чѣмъ порядокъ раздробленныхъ состояній».

Особенность устройства фаланги, оригинальность и въ то-же время концентрированность ея дѣятельности производятъ то, что помѣщеніе ея никакъ не можетъ походить на всѣ возможныя постройки, существующія въ цивилизаціи. «Для фаланги не годится ни такой дворецъ, какъ Версаль, ни такой монастырь, какъ Эскуріалъ». Помѣщеніе фаланги должно быть вполнѣ оригинально; и имя ему придумано авторомъ оригинальное; это «фаланстеръ», имя, которое сдѣлалось такъ извѣстно, что стало символомъ цѣлой системы, школы. Устройство фаланстера играетъ слишкомъ большую роль въ дѣятельности фаланги, чтобы мы могли обойти его безъ вниманія. Онъ дѣйствительно составляетъ внѣшнюю форму фаланги, отпечатокъ духа ея самой и ея промышленной дѣятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея удовольствій, того блаженства, которое устройство ея низведетъ на землю. Впрочемъ, Фурье признаетъ, что первый опытъ устройства фаланстера можетъ быть не совсѣмъ удаченъ; и это заставляетъ его выразить желаніе, чтобы первый фаланстеръ былъ построенъ изъ недорогаго матеріала, изъ дерева, кирпичей, а не изъ мрамора или чего-нибудь подобнаго; но это нисколько не мѣшаетъ Фурье все-таки самому опредѣлять малѣйшія подробности устройства фаланстера.

Центръ его долженъ быть предназначенъ для занятій тихихъ, для столовыхъ, для биржи, совѣта, библіотеки, учебной комнаты и пр. Въ немъ-же помѣщаются храмъ, телеграфъ, почтовые голуби, колокола (carillon), обсерваторія и зимній дворъ, т. е. садъ, снабженный растеніями *). Къ центру должны примыкать два крыла (флигеля); изъ нихъ одно должно соединить въ себѣ всѣ шумныя занятія, плотничество и кузнечное дѣло и пр. Здѣсь-же должны быть соединены всѣ про-

*) IV, 458.

мышленныя занятія дѣтей и ихъ музыкальныя упражненія. Другое крыло должно содержать въ себѣ караван-серай, съ залами для пріема путешественниковъ. Это необходимо для того, чтобы путешественники, помѣщаясь вмѣстѣ съ членами фаланги, не нарушали порядка ея жизни. А путешественниковъ будетъ очень много; тысячи любопытныхъ придутъ смотрѣть на новый порядокъ и изучать его. И Фурье предполагаетъ, что сумма платы, получаемая съ путешенниковъ при ассоціаціи полной, должна простираться до 25 мильоновъ фр. въ годъ *).

Фаланстеръ, кромѣ комнатъ индивидуальныхъ (appartements individuels), долженъ заключать въ себѣ залы для общественныхъ собраній; такія залы получатъ названіе серистеровъ, т. е. мѣстъ для собранія страстныхъ серій. «Эти залы нисколько не походятъ на наши общественныя залы, гдѣ сношенія про-

*) Любопытны и характеристичны соображенія Фурье, касательно путешественниковъ, имѣющихъ посѣщать фаланстеръ, и доходовъ, которые фаланга можетъ получать отъ нихъ.

«Нѣкоторые арлекины либерализма скажутъ, говоритъ онъ, что неблагородно облагать податью людей, приходящихъ взглянуть на предпріятіе, имѣющее рѣшить вопросъ о счастіи міра, — что это была-бы мелочность со стороны акціонеровъ, если-бы они спекулировали на трибутъ со стороны людей любознательныхъ. Напротивъ (отвѣчаетъ Фурье) это было-бы справедливою репрессаліею. Фаланга должна показать цивилизованнымъ, что она умѣетъ оцѣнить ихъ дѣйствительную стоимость. Она должна, для ихъ посрамленія, подвергнуть ихъ одному изъ тѣхъ трибутовъ, которыхъ обманчивая теорія въ настоящее время составляетъ единственную уважаемую науку».

«Съ другой стороны, если этого не будетъ, то нужно сдѣлать большія издержки для того, чтобы гарантировать себя противъ назойливыхъ посѣтителей; нужно окружить всю землю фаланги крѣпкимъ частоколомъ или палисадомъ. Въ противномъ случаѣ любопытные до такой степени осадятъ фалангу, что группы и серіи совершенно будутъ не въ состояніи дѣйствовать».—«Въ 1814, 1815 и 1816 годахъ, прибавляетъ Фурье, изъ одной Англіи вышло 100,000 путешественниковъ, желавшихъ взглянуть на Парижъ. Какое-же дѣйствіе произведетъ гармонія страстей, въ величайшей степени достойная вниманія? Этотъ порядокъ столь удивителенъ, столь отдаленъ отъ привычекъ цивилизаціи, что всякій человѣкъ, мало-мальски имѣющій средства, непремѣнно придетъ взглянуть на него».

изводятся безъ всякой градаціи». Серія не допускаетъ подобнаго смѣшенія; она имѣетъ всегда свои 3, 4 или 5 раздѣленій, которыя и занимаютъ 3, 4 или 5 помѣщеній въ сосѣдствѣ. Кромѣ того, близъ этихъ болѣе или менѣе обширныхъ помѣщеній находятся еще менѣе просторныя залы для такихъ случаевъ, когда отдѣльныя небольшія группы захотятъ имѣть свои частныя собранія. Это, прибавляетъ Фурье, совсѣмъ не походитъ на то, что мы видимъ въ цивилизаціи; въ наше время даже у королей собранія происходятъ безъ всякаго порядка, всѣ собравшіеся мѣшаются между собою, какъ ни попало «слѣдуя святому философскому равенству, которое не найдетъ себѣ мѣста въ порядкѣ гармоническомъ».

Главное зданіе и крылья фаланстера будутъ устроены такъ, что между ними будутъ находиться нѣсколько дворовъ, и зимній садъ. Позади ихъ будутъ находиться обширный плацъ и садъ

«Сверхъ того нужно будетъ удовлетворить не только любопытныхъ, но и уполномоченныхъ отъ разныхъ странъ земного шара; потому что, во всякой странѣ, передъ началомъ основанія гармоническаго порядка, будетъ найдено нужнымъ послать довѣренныя лица испытать механизмъ страстей.—Такимъ образомъ фаланга должна будетъ удовлетворить отъ 200,000 до 300,000 такихъ посланныхъ отъ разныхъ странъ цивилизованныхъ и варварскихъ». Да любопытныхъ будетъ до 800,000 человѣкъ. Можно-ли въ самомъ дѣлѣ такую массу прокормить фалангѣ на свой счетъ? Между тѣмъ, облагая даже умѣреннымъ сборомъ посѣтителей, фаланга получитъ до 25.000,000 фр. «Такимъ кушемъ, заключаетъ Фурье, нельзя неглижировать».

Нѣкоторое раздраженіе, выказанное Фурье противъ цивилизованныхъ въ приведенныхъ выше строкахъ, его желаніе подвергнуть ихъ справедливой репрессаліи, повидимому находится въ связи съ обвиненіями, которымъ онъ подвергся со стороны нѣкоторыхъ журналовъ за то, что, издавъ свое первое сочиненіе въ 1808 году, онъ присоединилъ къ книгѣ объявленіе о подпискѣ на слѣдующія сочиненія (12 фр. за 6 мемуаровъ). Фурье былъ обвиненъ въ томъ, что, выступая пророкомъ-рѣшителемъ судебъ человѣчества, онъ желаетъ попользоваться и отъ своихъ подписчиковъ, что нейдетъ пророку. Фурье не отвѣчалъ на эти обвиненія; но на своемъ экземплярѣ книги сдѣлалъ нѣсколько возраженій.—Повидимому, вооружаясь въ 1822 году противъ арлекиновъ либерализма, онъ имѣетъ въ виду своихъ обвинителей 1808 года, главнымъ образомъ редакцію журнала «Le publiciste».

лѣтній; за ними сарая, конюшни, анбары. Для экономіи фаланстеръ будетъ построенъ въ нѣсколько этажей, и этажи будутъ раздѣлены между различными возрастами сообразно потребностямъ ихъ и сообразно нѣкоторымъ другимъ условіямъ. Между прочимъ, дѣти и старцы (патріархи и бамбены, 16-й и 1-й хоры) займутъ нижній этажъ и антресоли; старцы безъ сомнѣнія потому, что имъ было бы трудно ходить въ верхніе этажи. А дѣти потому, что имъ всего удобнѣе имѣть одно помѣщеніе со старцами; дѣти «въ большинствѣ случаевъ, преимущественно утромъ и вечеромъ должны быть удалены отъ юношей и вообще отъ возрастовъ, упражняющихся въ любви».

Въ чемъ особенное значеніе видитъ Фурье, это улицы галлереи и топленые подъѣзды. У насъ, говоритъ онъ, когда король садится въ карету, то въ случаѣ дождя, онъ успѣетъ порядочно намокнуть, замочить и запачкать ноги, «потому, что нѣтъ закрытыхъ подъѣздовъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ». А въ гармоніи самый послѣдній обитатель фаланстера будетъ садиться въ карету въ подъѣздѣ, запертомъ и топленомъ! Кромѣ того, всѣ сообщенія между жителями фаланстера будутъ производиться черезъ крытыя широкія галлереи; такъ что гармоніецъ (L'Harmonien) во всякое время будетъ защищенъ противъ всякихъ случайностей погоды. И это удобство, по мнѣнію Фурье, такъ велико, «что всякій, кто увидитъ галлереи, будетъ смотрѣть на дворцы, существующіе въ цивилизаціи, какъ на мѣсто изгнанія, какъ на мѣстопребываніе идіотовъ, въ продолженіи 3,000 лѣтъ недошедшихъ до удобства въ постройкахъ»

Между бѣдными и богатыми, фаланстеръ будетъ раздѣленъ такъ, что богатые будутъ занимать главный фасъ всего зданія, съ лучшими видами на окрестности и въ сосѣдствѣ въ зимнимъ садомъ; а бѣдные—менѣе удобныя части фаланстера.

«Кромѣ главнаго зданія фаланстера, фаланга будетъ имѣть нѣкоторыя другія на извѣстномъ разстояніи отъ центра. Такъ она будетъ имѣть 4 зàмка, въ четырехъ противоположныхъ сторонахъ своей территоріи на срединѣ разстояніи между фаланстеромъ и границею. Туда будутъ приносить завтраки и

полдники въ случаѣ сельскихъ работъ. Кромѣ того, всякая серія будетъ имѣть свой меньшій за̀мокъ, всякая группа свой бельведеръ въ разныхъ мѣстахъ территоріи фаланги.—Впрочемъ, всѣ эти постройки будутъ имѣть мѣсто и будутъ сдѣланы въ своемъ настоящемъ видѣ только впослѣдствіи, когда гармоническая жизнь достаточно распространится по земному шару. А пробная фаланга будетъ, какъ мы сказали, скромнѣе. Но, несмотря на то, уже въ самомъ началѣ, фаланга «будетъ столь привлекательна, что ея акціи поднимутся до безумныхъ цѣнъ, и королевская фамилія страны придетъ и будетъ просить для себя небольшого помѣщенія въ фаланстерѣ».

Главнымъ занятіемъ фаланги будетъ земледѣліе; и земледѣліе ея не будетъ походить на то, которое существуетъ теперь. Теперь существуетъ въ земледѣліи порядокъ простой и смѣшанный; въ гармоніи будетъ господствовать порядокъ сложный или связный. Всякая отрасль земледѣлія не будетъ искать себѣ отдѣльнаго уединеннаго клочка вдали отъ другихъ; напротивъ, мѣста дѣйствія различныхъ серій будутъ расположены такимъ образомъ, чтобы они соприкасались какъ можно съ большимъ числомъ другихъ серій; для чего участки, предназначаемые для одного рода земледѣлія, не будутъ сосредоточиваться въ одномъ мѣстѣ. Напр. «цвѣтникъ и огородъ, обыкновенно помѣщаемые подлѣ самыхъ жилищъ,—въ фалангѣ, простираются въ поле длинными линіями и отдѣльными пространствами, занятыми цвѣтами и овощами». Такимъ образомъ они соприкасаются съ полями, садами, лугами, лѣсами.

И это не только составляетъ удовольствіе, но и доставляетъ пользу, преимущественно относительно механизма страстей. Напр. «пусть серія вишневщиковъ (cérisistes) имѣетъ свой большой садъ въ одной верстѣ отъ огорода». Между вишнями могутъ быть виды, требующіе той самой почвы, на которой растутъ овощи и которая уже избрана для огорода. Потому вишневщики посадятъ близъ огорода нѣсколько десят-

ковъ вишневыхъ деревьевъ этого вида; это поставитъ ихъ въ частое соприкосновеніе съ огородниками; въ свою очередь огородники найдутъ полезнымъ посадить что-нибудь близъ главнаго сада вишневщиковъ; это еще усилитъ сношенія тѣхъ и другихъ.

«Нужно подобныя связи установить въ самомъ разнообразномъ видѣ, распредѣлить работы такъ, чтобы каждая серія простирала свои участки до серій сосѣднихъ и посылала туда свои группы. Эта амальгама производитъ взаимную встрѣчу группъ и слѣдствіемъ этого будетъ возникновеніе разнообразныхъ связей.

«Въ особенности нужно позаботиться о встрѣчахъ между мужчинами и женщинами, о томъ, чтобы ихъ занятія соприкасались. Напр. если серія вишневщиковъ находится въ многочисленномъ составѣ въ своемъ большомъ саду, въ верстѣ отъ фаланстера, нужно, чтобы впродолженіе вечернихъ занятій отъ 4 до 6 часовъ съ нею соединялись и работали рядомъ съ нею:

1. «Одна когорта изъ сосѣдней фаланги, пришедшая помогать серіи вишневщиковъ:

2. «Группа мѣстныхъ цвѣточницъ-дамъ, приходящихъ воздѣлывать линію проскурняка (mauves), образующую перспективу сосѣдней дороги и цвѣточную бордюру между вишневщиками и сосѣднимъ полемъ.

3. «Группа серіи огородниковъ, приходящихъ обработывать сосѣдній клочокъ поля, на которомъ растутъ какіе-нибудь корни.

4. «Группа дѣвицъ-клубничницъ, воздѣлывающихъ въ сосѣднемъ лѣсу поляну, засѣянную клубникою.

«Въ пять часовъ фургоны изъ фаланстера привозятъ полдникъ для всѣхъ этихъ группъ; и такъ какъ первенство имѣетъ здѣсь серія вишневщиковъ, потому что клубничницы, цвѣточницы, огородники, и когорта изъ сосѣдней фаланги ничто иное, какъ небольшія отдѣленія своихъ серій, то полдникъ подается въ замкѣ или сараѣ вишневщиковъ; онъ продолжается отъ 3/4 шестого до 1/4 седьмого. Всѣ собравшіяся группы послѣ полдника

расходятся, завязавши здѣсь дружескія связи и устроивши промышленные или какіе-нибудь другіе союзы для дней предъидущихъ.

«Замѣтимъ однако, что эти встрѣчи промышленныхъ группъ не забавы въ родѣ тѣхъ, которыя можно видѣть въ настоящее время, и гдѣ все дѣло ограничивается любовными интрижками, интересующими только юный возрастъ; безъ этого конечно и въ гармоніи дѣло не обходится; но кромѣ того тутъ образуются союзы, происходящіе отъ кабалистическаго соперничества, въ которые соединяются различныя группы для поддержки промышленныхъ претензій фаланги или нѣсколькихъ фалангъ, находящихся въ сосѣдствѣ. Въ гармоніи все способствуетъ успѣхамъ промышленности; самая любовь, будучи дѣятельнѣе, нежели въ цивилизаціи, въ то же время во всѣхъ отношеніяхъ содѣйствуетъ возбужденію труда и увеличенію богатства. — Такъ исполняется требованіе 12-й страсти, называемой композиты. Она требуетъ въ промышленности, какъ во всѣхъ людскихъ отношеніяхъ, связей сложныхъ или удвоенныхъ. Связь была бы только простою, еслибы она возбуждала усердіе промышленное посредствомъ одной приманки пріобрѣтеній; къ ней нужно присоединить побужденія, извлекаемыя изъ другихъ страстей, напр. дружескія встрѣчи или любовь, которая начинается въ этихъ встрѣчахъ; все это привязываетъ женщинъ къ промышленности, въ которой послѣ работы онѣ будутъ завтракать съ мужчинами, которые имъ нравятся» *).

Мы нарочно приводимъ это мѣсто изъ Фурье въ его собственныхъ словахъ и во всей полнотѣ; это одно изъ наиболѣе ясныхъ и характеристическихъ мѣстъ, въ которыхъ Фурье излагаетъ свой механизмъ страстей и указываетъ средства, которыми онъ можетъ быть приведенъ въ движеніе. Въ этомъ случаѣ средство состоитъ въ извѣстномъ расположеніи участковъ, предназначенныхъ для разнаго рода посѣвовъ, въ извѣстной организаціи завтраковъ и полдниковъ для работающихъ

*) IV, 485.

группъ и серій. Фурье убѣжденъ, что изложенная организація всѣхъ этихъ подробностей прямо приводитъ къ усердному и производительному труду. — Этимъ Фурье почти и ограничиваетъ свое описаніе промышленной организаціи фаланги; прибавляемыя дальше нѣкоторыя подробности не отличаются ни особымъ характеромъ, ни значеніемъ. Но этимъ не ограничивается описаніе всей вообще организаціи фаланги; къ приведеннымъ описаніямъ Фурье присоединяетъ многочисленные и подробные очерки всѣхъ другихъ сторонъ жизни фаланги, семейной жизни, воспитанія дѣтей, дѣтскихъ работъ, гастрономическихъ особенностей фаланги, процвѣтанія наукъ и искусствъ въ фалангѣ и пр. *).

Фурье подвергаетъ безжалостному осужденію брачную жизнь, отношенія половъ въ цивилизаціи, называетъ ихъ ненормальными и пагубными.

«Современное законодательство, говоритъ онъ, любовныя отношенія организуетъ такимъ образомъ, что производитъ всеобщую лживость, возбуждаетъ оба пола къ лицемѣрію и тайному возмущенію противъ законовъ. Если въ каждомъ супружествѣ сосчитать всѣ тайные грѣшки, сколько окажется молодыхъ паръ, которыя въ теченіи десяти лѣтъ не сдѣлали бы бреши въ своемъ брачномъ контрактѣ? Развѣ одна изъ ста. Вѣрными окажутся развѣ тѣ, которые были вѣрны по невозможности быть невѣрными, какъ шестидесятилѣтніе супруги. — Итакъ, вотъ 99% невѣрности въ супружескихъ связяхъ, исключительно позволенныхъ для любви. Но чтобы видѣть вполнѣ всю ложь современныхъ отношеній между полами, перейдемъ къ любви недозволенной. Такая любовь имѣетъ полное преобладаніе въ современномъ обществѣ, благодаря тому, что молодые люди не женятся раньше 30 лѣтъ. Извѣстно (?), что въ числѣ любовныхъ связей вообще супружескія связи составляютъ только одну осьмую. Странный результатъ эротической ревизіи! Между любовными связями $^7/_8$ находятся въ явномъ возмущеніи про-

*) См. приложенія. Д. Е. Ж.

тивъ законовъ общества, а въ остальной $^1/_8$, состоящей изъ любви законной, 99 супружескихъ паръ преданы вѣроломству, тайнымъ образомъ нарушая супружескія обязательства!» *).

Гдѣ же заключается причина ненормальнаго состоянія брака въ цивилизаціи? — Сообразно съ коренными основаніями своей системы, Фурье думаетъ, что она заключается въ забвеніи голоса природы и повелѣній промысла, высказываемыхъ въ страстяхъ человѣка. Современныя законодательства забыли одну страсть, имѣющую наибольшее значеніе въ бракѣ, именно папильонну. Нерасторжимость брака сдѣлала изъ него какое-то каторжное состояніе; и вмѣсто того, чтобы находить въ бракѣ счастье, удовольствіе, человѣкъ находитъ въ немъ только однѣ обязанности, «супружескую барщину, la corvée conjugale», какъ выражается Фурье.

Разумѣется, чтобы поправить дѣло, ассоціація устроитъ брачныя отношенія совсѣмъ иначе. Молодые люди и дѣвицы до 15 лѣтъ, до того времени, пока они почувствуютъ влеченіе къ любви, будутъ находиться въ отдѣленіи фаланстера, предназначенномъ для дѣтей. Почувствовавъ влеченіе къ любви, они имѣютъ полную возможность удовлетворить ему, какъ найдутъ возможнымъ. Въ такомъ случаѣ, вступая въ трибу юношей и дѣвицъ, они причисляются къ тому отдѣленію ея, которое будетъ называться дамуазелатомъ и будетъ состоять изъ дамуазо и дамуазелей. Дамуазо и дамуазели оставляютъ помѣщеніе молодежи и перемѣщаются въ помѣщеніе взрослыхъ; они участвуютъ въ вечернихъ сеансахъ, предназначаемыхъ для любовныхъ связей. Обыкновенно любовныя связи не заключаются между людьми одинаково молодыми. Природа, по мнѣнію Фурье, влечетъ дамуазо къ связямъ съ женщинами среднихъ лѣтъ, а дамуазелей къ связямъ съ мужчинами среднихъ лѣтъ. «И эта первая любовь пользуется большимъ уваженіемъ въ гармоніи; на нее смотрятъ, какъ на связь постоянную; и обыкновенно уваженіе къ ней выражается въ томъ, что пред-

*) V, 212.

мету первой любви отказываютъ что-нибудь по духовному завѣщанію» *). Впрочемъ, не надобно думать, чтобы въ гармоніи первая любовь дѣйствительно была постоянною. Нѣтъ, ничего похожаго на это не будетъ. Отъ первой любви и дамуазо и дамуазели переходятъ съ полною свободою ко второй, третьей и т. д. Такъ какъ требованія папильоны слишкомъ настоятельны, то не слѣдуетъ требовать невозможнаго, «слѣдуетъ уступить что-нибудь потоку»; потому Фурье допускаетъ паденія и грѣшки даже и въ самой первой любви. Вообще любовныя отношенія между гармонійцами не подвержены почти никакому стѣсненію; и мужчина и женщина не обязаны въ одно и то же время имѣть связь только съ однимъ лицомъ. Напротивъ, не говоря уже о мужчинѣ, «женщина можетъ имѣть въ одно и то же время (avoir à la fois): 1) мужа, отъ котораго она имѣетъ двоихъ дѣтей (мужемъ иначе и нельзя быть, какъ уже имѣя двоихъ дѣтей съ какою-нибудь женщиною, въ противномъ случаѣ это будетъ фаворитъ, гениторъ **) и т. п.); 2) генитора (производителя), отъ котораго она имѣетъ одного ребенка; 3) фаворита, который жилъ съ нею и сохраняетъ это имя, и наконецъ 4) просто людей, которые владѣютъ ею. Женщина можетъ отказать въ титулѣ генитора фавориту, отъ котораго она беременна; она вообще можетъ отказать людямъ, съ которыми имѣетъ связь, въ высшихъ титулахъ, на которые они претендуютъ. Мужчины совершенно такъ же поступаютъ съ своими различными женами» ***). И эти послѣднія подробности относятся еще только къ 7 періоду къ зарѣ счастія, когда «любовная свобода только зарождается»,

---

*) V, 262.

**) Замѣчательно разсужденіе, которымъ Фурье подкрѣпляетъ это правило: «мы осуждаемъ правительство, говоритъ онъ, когда оно назначаетъ на должности людей неспособныхъ. То же самое должно быть и въ супружествѣ», т. е. мужемъ или женою могутъ быть только тѣ, которые доказали свою способность къ дѣторожденію. Этотъ взглядъ господствуетъ у нашей мордвы, на Мокшѣ. Мордвинъ гораздо охотнѣе женится на дѣвицѣ, которая уже имѣла дѣтей, нежели на той, которая сохранила свое дѣвство.

***) I, 185.

а не достигаетъ еще полноты своего развитія. Въ полной гармоніи она будетъ еще шире.

Впрочемъ, по непослѣдовательности, излагая организацію любви въ гармоніи, Фурье допускаетъ нѣкоторыя ограниченія ея. Такъ, кромѣ дамуазелата, онъ проектируетъ въ своей фалангѣ еще весталатъ, группу молодыхъ людей и дѣвицъ, непользующихся правомъ и возможностью заводить любовныя связи въ 16 лѣтъ. И Фурье не представляетъ этой группы, какъ не чувствующей влеченія къ любви, а представляетъ ее, какъ дѣйствующую на основаніи принципа воздержанія, принципа, совершенно противоположнаго кореннымъ основаніямъ нравственнаго строя фаланги. И странное дѣло, весталы и весталки, представители принципа воздержанія, пользуются всеобщимъ уваженіемъ фаланги и цѣлаго земного шара! Мало того, что они служатъ предметомъ искательства сильныхъ міра, государей и государынь, желающихъ имѣть наслѣдниковъ и съ этою цѣлью обращающихся къ весталамъ и весталкамъ, чтобы имѣть въ нихъ хорошихъ генитаровъ и генитрисъ; этотъ фактъ объясняется ихъ соматическою чистотою и полнотою силъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они служатъ предметомъ величайшаго уваженія со стороны всѣхъ вообще людей, стариковъ, взрослыхъ и дѣтей. Они имѣютъ «положеніе божественной корпораціи, тѣни самого Бога».—«Гармонійцы, подобно римлянамъ, поручаютъ имъ храненіе священнаго огня, но не матеріальнаго, а дѣйствительно священнаго огня, огня главныхъ добродѣтелей, дружбы, благороднаго честолюбія, любви и фамилизма». Такое отношеніе къ весталамъ и весталкамъ очевидно мало гармонируетъ съ духомъ фурьеризма; образъ жизни ихъ можно объяснить двумя предположеніями: или они слѣдуютъ своему страстному влеченію къ весталату; въ такомъ случаѣ они ничѣмъ не лучше дамуазо и дамуазелей, слѣдующихъ своему влеченію къ любви. Или весталы и весталки дѣйствительно противодѣйствуютъ влеченію, тогда они грѣшатъ противъ фурьеризма, слѣдуютъ философическимъ капризамъ, содержащимся въ 400,000 глупыхъ книгъ.

Подобное ограниченіе страсти Фурье допускаетъ не для однихъ весталовъ и весталокъ, но и для дамуазо и дамуазелей. И они по крайней мѣрѣ на первое время должны обнаруживать нѣкоторое постоянство въ своихъ любовныхъ отношеніяхъ. «Было бы великимъ безчестіемъ для дамуазо и для дамуазели, если бы они вошли въ карьеру любви дорогою явнаго или скрытнаго разврата» *). Корпорація дамуазелата отказалась бы принять въ свой составъ подобныя личности, — и они были бы принуждены зачислиться въ первую трибу дополнительную, т. е. оставить совсѣмъ трибы дѣятельныя, стать наравнѣ съ дѣтьми, стариками и больными. — Это мы опять находимъ непослѣдовательнымъ, потому что дамуазо и дамуазели, слишкомъ вольные въ любви, дѣлаютъ это не по злому намѣренію, а по уваженію къ природѣ, по вниманію къ страсти папильоннѣ, потому что они не желаютъ любви простой, а любви сложной фанерогаміи, и ихъ папильонна интенсивностью превосходитъ папильонны другихъ людей.

Фурье не вооружается прямо противъ семейства; напротивъ, въ его механизмѣ страстей фигурируетъ на видномъ мѣстѣ фамилизмъ, чувство семейное. Но приведенныя нами отношенія между полами въ самомъ дѣлѣ совершенно убиваютъ всякую семейную жизнь. Семейство еще могло бы устроиться, еслибы одинъ мужчина имѣлъ нѣсколько женъ, хотя бы съ разными титулами, или еслибы одна женщина жила со многими мужчинами, давая имъ разные титулы. Но оно рѣшительно невозможно, когда одна женщина имѣетъ нѣсколько мужей, изъ которыхъ каждый въ свою очередь имѣетъ нѣсколько женъ, принадлежащихъ къ разнымъ трибамъ и даже фалангамъ, и когда эти жены опять имѣютъ многихъ мужей въ разныхъ трибахъ и фалангахъ. Тутъ дѣйствительно является какая-то небывалая степень любви и новая непостижимая форма брака — ультрагамія — по-ту-сторону-брачіе, омнигамія — всебрачіе или

*) Это противорѣчитъ тому, что сказалъ Фурье выше, именно, что грѣшки дозволительны даже въ первой любви. Но грѣшки онъ очевидно не относитъ къ разврату.

экстрагамія—внѣбрачіе. Неудивительно послѣ этого, что Фурье проектируетъ свои общія трапезы въ фалангѣ въ такомъ видѣ, что будутъ три отдѣльные стола, для мужчинъ, женщинъ и дѣтей; т. е. семейныхъ обѣдовъ не будетъ, мужья не будутъ обѣдать съ своими женами и дѣтьми. И на возраженіе, предполагаемое имъ, отвѣчаетъ тѣмъ, что возражатель самъ, когда посмотритъ на жизнь фаланги, согласится, что проектъ Фурье, касательно трапезы, есть наилучшій.—Не только наилучшій, но и единственно возможный. Въ фалангѣ нельзя обѣдать мужьямъ съ своими женами, женамъ съ своими мужьями; или правильнѣе, исполненіе этого требованія повело бы къ тому‘ что всѣ мужчины обѣдали бы со всѣми женщинами.

Изъ такихъ супружескихъ отношеній объясняются и имущественныя отношенія семьи. Дѣйствительно ребенокъ въ фаланстерѣ долженъ имѣть свой особенный имущественный счетъ; потому что въ фаланстерѣ нѣтъ возможности опредѣлить, какому отцу принадлежатъ какія дѣти; всякій имѣетъ возможность отказаться отъ содержанія извѣстныхъ дѣтей,—на которыхъ ему указали бы, какъ на его собственныхъ.—Исчезновеніе семьи обнаруживается въ другомъ фактѣ общественной жизни, въ воспитаніи дѣтей. Въ фалангѣ оно коллективное; дѣти миліонеровъ и бѣдняковъ воспитываются вмѣстѣ. «Ни одна мать, будь это принцесса, не можетъ думать о томъ, чтобы воспитывать отдѣльно своего ребенка у себя; потому что ребенокъ не будетъ имѣть у нея и одной четверти тѣхъ попеченій, которыя онъ имѣетъ въ серистерѣ грудныхъ дѣтей; несмотря на всевозможныя издержки, въ домѣ нельзя собрать цѣлую корпорацію страстныхъ нянекъ, разумныхъ и раздѣленныхъ на извѣстные отдѣлы, соотвѣтственно особенностямъ дѣтей».

Всѣхъ вообще грудныхъ дѣтей Фурье дѣлитъ на тихихъ, упрямыхъ и чертенятъ (pacifiques, mutins, diablotins). Для тихихъ годятся няньки не особенно терпѣливыя, для упрямыхъ онѣ должны обладать значительною долею терпѣнія, для чертенятъ онѣ должны быть олицетворённымъ терпѣніемъ. Такъ

дѣйствительно няньки и раздѣляются въ фалангѣ; и помѣщенія ихъ отдѣлены одно отъ другаго для того, чтобы постоянный крикъ чертенятъ не нарушалъ спокойствія другихъ.— Кормятъ грудью дѣтей въ фалангѣ сами матери; но Фурье не считаетъ этого необходимостью. Напротивъ, онъ думаетъ, что во многихъ случаяхъ материнское кормленіе было бы чрезвычайно вредно для дѣтей, въ особенности кормленіе богатыхъ матерей, которыя своею излишнею заботливостью о дѣтяхъ уже въ этомъ періодѣ жизни портятъ ихъ и нравственно и физически. Впрочемъ въ фалангѣ даже и материнское кормленіе не вредитъ; мать, занятая «своими промышленными и другими интригами» *), не имѣетъ времени баловать ребенка; она приходитъ разъ или два въ день; а если интриги задержатъ ее, то и безъ нея найдутся женщины, чтобы накормить ея ребенка.

Дальнѣйшее воспитаніе идетъ также коллективнымъ порядкомъ; уже на третьемъ году фаланга наблюдаетъ, какія наклонности оказываются въ дѣтяхъ къ тому или другому роду занятій; потому что фаланга никого ни къ чему не принуждаетъ; въ ея средѣ и безъ того трехлѣтній ребенокъ уже обнаруживаетъ наклонность къ 20 или 30 родамъ занятій. Въ фалангѣ обучаютъ наукамъ, искусствамъ и промышленнымъ занятіямъ. Замѣчательно, что въ фалангѣ «дѣти пользуются полною независимостью» по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ имъ не грозитъ никакая опасность; ихъ свободу стѣсняютъ только въ такихъ случаяхъ, когда грозитъ прямая опасность ихъ жизни; такъ напр. маленькимъ дѣтямъ не даютъ въ руки острыхъ орудій. За исключеніемъ подобныхъ случаевъ, дѣти вполнѣ свободны, хотятъ—они учатся, хотятъ—не учатся, хотятъ—дѣлаютъ что-нибудь, хотятъ—не дѣлаютъ. Но разумѣется, они не могутъ не учиться, не могутъ ничего не дѣлать; напротивъ, дѣлаютъ именно то, что нужно, потому что въ фалангѣ ученье и вообще дѣятельность привлекаютъ къ себѣ ученика. Впрочемъ бываетъ

*) V, 50.

конечно, что и въ фалангѣ изрѣдка дѣти не слѣдуютъ страстному влеченію къ труду; потому что безъ сомнѣнія для подобныхъ случаевъ существуетъ въ фалангѣ пониженіе дѣтей изъ высшихъ хоровъ въ низшіе, въ хоры «полу-характерные». Съ другой стороны для особенно разумныхъ дѣтей существуютъ награды — повышенія, расширеніе правъ, постепенныя украшенія и т. п.

Могучимъ средствомъ воспитанія служатъ въ фалангѣ опера и кухня. Опера, какъ отрасль художества, дѣйствующая на зрѣніе и слухъ, будетъ развивать въ ребенкѣ эти чувства, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ симпатическія чувства. Дѣйствіе оперы будетъ тѣмъ сильнѣе, что дѣти будутъ не только зрителями, но и дѣйствующими лицами въ оперѣ.—Кухня будетъ благотворно дѣйствовать на дѣтей, развивая въ нихъ обоняніе и вкусъ и въ то-же время давая имъ возможность въ раннемъ возрастѣ начинать ту жизнь интригъ, къ которой ихъ предназначаетъ ихъ жизнь въ фалангѣ. Кромѣ того, кухня, развивая въ человѣкѣ обоняніе и вкусъ, тѣмъ самымъ уничтожитъ въ человѣкѣ вредную наклонность къ гастрономическимъ излишествамъ. Замѣчено, говоритъ Фурье, что повара принадлежатъ къ числу наиболѣе умѣренныхъ людей въ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, занятія въ кухнѣ, которая будетъ заключать въ себѣ и кондитерскую, наполнятъ время дѣтей, дадутъ имъ возможность дѣйствительнымъ образомъ участвовать въ промышленной дѣятельности фаланги. Впрочемъ, это не нужно понимать такъ, чтобы кромѣ кухни дѣти не имѣли другихъ занятій; нѣтъ, для нихъ не закрытъ ни одинъ родъ промышленной дѣятельности. Кухня, вмѣстѣ съ кондитерскою упоминаются Фурье потому, что онѣ, во-1-хъ, страстно влекутъ къ себѣ всѣхъ вообще дѣтей, любителей покушать и полакомиться, и во-2-хъ, потому, что занятія въ кухнѣ имѣютъ особенное педагогическое значеніе.

Изъ другихъ дѣтскихъ занятій, имѣющихъ особенно важное промышленное значеніе, нельзя обойти вниманіемъ занятія такъ-называемыхъ малыхъ ордъ (petites hordes) и ма-

лыхъ бандъ (petites bandes). Малыя орды имѣютъ главнымъ назначеніемъ очищеніе всякихъ нечистотъ въ территоріи фаланги и уничтоженіе всего опаснаго для жизни членовъ ея. Онѣ раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ: 1) сакрипановъ и сакрипанокъ, 2) шенапановъ и шенапанокъ и 3) гарнемановъ и гарнеманокъ *). Изъ нихъ шенапаны заботятся спеціально объ очищеніи нечистотъ, сакрипаны объ истребленіи змѣй и т. п. Гарнеманы помогаютъ тѣмъ и другимъ. А дѣвочки, шенапанки, сакрипанки и гарнеманки очищаютъ всякія нечистоты въ домахъ, кухняхъ, прачешныхъ и бойняхъ. Кромѣ того, всѣ они вмѣстѣ, составляя особую серію подъ названіемъ «Argot», завѣдуютъ «высшею полиціею животнаго царства». Эта обязанность состоитъ въ наблюденіи надъ тѣмъ, чтобы никто не мучилъ намѣренно и ненамѣренно животныхъ, чтобы на бойняхъ убивали ихъ наиболѣе легкимъ способомъ. Если кто это правило нарушитъ, «то каковъ-бы ни былъ его возрастъ, онъ будетъ представленъ на судъ дѣтямъ, какъ человѣкъ, котораго умомъ превосходятъ дѣти» **).

Малыя орды составляются не по какому-либо назначенію свыше, а по собственному призванію членовъ. Ихъ образуютъ тѣ озарники и негодяи, которые, при нашемъ порядкѣ, дѣйствительно ни къ чему не годятся, все, къ чему ни прикоснутся, портятъ, ломаютъ, уничтожаютъ или вѣчно пачкаются въ грязи и всякой нечистотѣ. Эти наклонности ихъ гармонія утилизируетъ такъ, что и самое зло служитъ въ гармоніи на пользу человѣка. А польза отъ подобныхъ занятій слишкомъ велика; она далеко переходитъ за тотъ бросающійся съ перваго разу въ глаза результатъ, что мѣстопребываніе фаланги очищается отъ всего вреднаго и непріятнаго. Занятія малыхъ ордъ, кромѣ

*) V, 144. Всѣ эти имена имѣютъ бранное значеніе на французскомъ языкѣ; соотвѣтствующими русскими именами ихъ можно передать такъ: sacripan—буянъ, озарникъ, chenapan—пострѣлъ или шалопай; это послѣднее слово, судя по всему, и есть ничто иное, какъ передѣланное chenapan. Garnement—дрянь, негодяй. Такимъ образомъ малыя орды состоятъ изъ озарниковъ и озарницъ, шалопаевъ и шалопаекъ, негодяевъ и негодяекъ. **) 140—155.

того, весьма много содѣйствуютъ такъ-называемому страстному соединенію (ralliement passionné). Это страстное соединеніе необходимо для правильнаго дѣйствія серій и отдѣльныхъ лицъ; оно состоитъ во взаимной симпатіи различныхъ серій, не смотря на противодѣйствіе и интриги, существующія между ними, во взаимномъ расположеніи между бѣдными и богатыми, между старыми и молодыми. Этой взаимной симпатіи много мѣшало бы то обстоятельство, еслибъ бѣдные, исполняющіе наиболѣе низкія обязанности въ фалангѣ, были обязаны принимать на себя отталкивающіе труды очищенія нечистотъ и т. п.; и даже, быть можетъ, для нѣкоторыхъ изъ подобныхъ занятій совсѣмъ не нашлось-бы охотниковъ между лицами зрѣлаго возраста. Малыя орды, принимая на себя всѣ эти обязанности, дѣлаютъ то, что отнимаютъ все отталкивающее отъ всѣхъ другихъ обязанностей. Такимъ образомъ является возможность того, что и напр. должность лакея дѣлается привлекательна, является страстное влеченіе къ этой должности, domesticité passionnée; подобнымъ-же образомъ, благодаря услугамъ малыхъ ордъ, всѣ другія низшія должности: конюха, горничной, прачки, мясника, получаютъ возможность сдѣлаться привлекательными *).

Малыя орды въ своихъ занятіяхъ дѣйствуютъ съ страстнымъ влеченіемъ; онѣ не идутъ на дѣло, а бѣгутъ, летятъ; старшіе возрастомъ въ ордахъ даже имѣютъ маленькихъ лошадокъ, на которыхъ они въ стройномъ и совершенно оригинальномъ порядкѣ стремятся къ исполненію своихъ обязанностей. Они имѣютъ своихъ начальниковъ, именуемыхъ ханами; кромѣ того, у нихъ есть совѣтники, бонзы и друиды; это— взрослые, сохранившіе отъ дѣтства страсть къ нечистотѣ.

Малыя банды имѣютъ назначеніе довольно похожее на назначеніе малыхъ ордъ, но характеромъ существенно отличаются отъ нихъ; тѣ состоятъ изъ озарниковъ, любящихъ всякое безобразіе. Малыя банды отличаются деликатностью, вѣжливостью, всѣми качествами благовоспитанныхъ дѣтей, между

---

*) 382 и слѣд.

прочимъ, у нихъ господствуетъ аттическая красота выраженій и вообще языка. Онѣ составляютъ даже нѣчто въ родѣ академіи, имѣющей въ виду чистоту языка между жителями фаланги; имъ принадлежитъ «полиція языка не только между дѣтьми, но и между взрослыми». Такъ они составляютъ цѣлые списки граматическихъ ошибокъ, равно какъ недостатковъ въ произношеніи какого-нибудь лица и посылаютъ ему этотъ списокъ «съ приглашеніемъ исправиться». Другая обязанность малыхъ бандъ заключается въ полиціи царства растительнаго. «Тотъ, кто ломаетъ вѣтвь дерева, срываетъ цвѣтокъ или плодъ безъ надобности, призывается въ сенатъ Рыцарства (такое названіе имѣютъ всѣ вообще малыя банды), который и судитъ его на основаніи особеннаго свода законовъ, касающагося преступленій этого рода». Малыя банды состоятъ изъ наиболѣе умныхъ дѣтей, прилежныхъ и способныхъ. Это даетъ имъ возможность уже въ юномъ возрастѣ производить извѣстную цензуру языка. Изъ этихъ дѣтей современемъ выходятъ ученые мужи фаланги *).

Судьба ученыхъ въ гармоніи будетъ совсѣмъ другая, чѣмъ въ цивилизаціи; въ цивилизаціи слова: ученый, поэтъ, художникъ, почти синонимы словъ—нищій, парія. Въ гармоніи участь тѣхъ и другихъ будетъ въ высшей степени привлекательна; они будутъ пользоваться и почетомъ и достаткомъ. И вотъ какое будетъ происхожденіе ихъ достатка.

Положимъ, что на первое время число фалангъ на всемъ земномъ шарѣ будетъ только 600,000 (современемъ оно достигнетъ до 3 мил.). «Всякая фаланга по большинству голосовъ ежегодно составляетъ списокъ изобрѣтеній, сочиненій и вообще новостей въ наукѣ и искусствѣ, которыя она приняла. Каждое изъ произведеній судится компетентною серіею: напр. трагедія серіями литературы и поэзіи и т. д. **). Если сочиненіе оказывается достойнымъ награды, то назначается сумма въ пользу автора; напр. одинъ франкъ Расину за его траге-

*) Тамъ же, 174 и слѣд. **) III, 353.

дію Федру».—Подобнымъ образомъ поступаетъ всякая фаланга и если изъ 600,000 фалангъ, абсолютное большинство, т. е. 300,001 фаланга найдутъ Расина достойнымъ награды, то онъ и получаетъ ее въ размѣрѣ средней цифры изо всѣхъ, назначенныхъ фалангами. Такимъ образомъ, если среднею цифрою для Расина будетъ 1 франкъ за Федру, онъ получитъ за нее 600,000 франковъ, по числу фалангъ земнаго шара. Подобное вознагражденіе будутъ имѣть не только такіе первоклассные поэты, какъ Расинъ, но и самые незначительные, какъ Лебренъ; только Лебренъ получитъ за какую-нибудь оду не по франку съ фаланги, а по два су. Однако это все-таки дастъ ему 60,000 фр. Разсчитывая такимъ образомъ, Фурье находитъ, что Франклинъ получилъ-бы въ гармоніи за громоотводъ 1,800,000 фр., Виргилій столько-же за Энеиду: это въ началѣ гармоническаго порядка; а современемъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа фалангъ, будетъ увеличиваться и вознагражденіе ученыхъ и художниковъ. Тогда Франклинъ за громоотводъ, Виргилій за Энеиду получили-бы по 10.000,000 фр. Такъ награждаетъ гармонія своихъ ученыхъ и поэтовъ!

Но является вопросъ, оцѣнитъ-ли большинство фалангъ по достоинству всякое ученое и художественное произведеніе, не будетъ-ли случаться, что большинство отвергнетъ произведеніе Расина и вмѣсто него вознаградитъ драму Прадона?—«Это возраженіе, отвѣчаетъ Фурье, неприложимо къ гармоническому порядку; оно имѣетъ смыслъ въ цивилизаціи, гдѣ изящный вкусъ, составляя принадлежность немногихъ, не распространенъ въ массѣ». Въ гармоніи всѣ одарены этимъ вкусомъ, всѣ въ состояніи цѣнить достоинства ученыхъ и художественныхъ произведеній. Отъ этого и произойдетъ то, что жизнь ученыхъ и художниковъ, столь жалкая въ цивилизаціи, будетъ чрезвычайно привлекательна въ гармоніи. Это въ свою очередь будетъ имѣть громадное значеніе для промышленности. Мы видѣли уже, что одинъ факторъ производства въ гармоніи, именно непосредственный физическій трудъ, благодаря механизму страстей, будетъ чрезвычайно дѣятеленъ; но въ производствѣ, кромѣ

труда собственно физическаго, имѣетъ большое значенie трудъ умственный, который дѣлаетъ извѣстныя промышленныя комбинацiи, болѣе или менѣе плодотворныя, который открываетъ лучшiе техническie способы производства, выдумываетъ новыя машины, и вообще болѣе и болѣе подчиняетъ человѣку физическую природу, заставляетъ ее болѣе и болѣе открывать человѣку свои сокровища. Этотъ-то умственный трудъ, и благодаря механизму страстей и благодаря щедрому вознагражденiю, будетъ въ гармонiи не менѣе дѣятеленъ и плодотворенъ, чѣмъ трудъ физическiй.

Черезъ это экономическie труды фаланги будутъ вообще чрезвычайно производительны. Увеличенiя производительности экономическихъ трудовъ въ гармоническомъ порядкѣ самъ Фурье первоначально не видѣлъ во всемъ его объемѣ. Сначала онъ предполагалъ, что производительность увеличится втрое, потомъ онъ нашелъ, что она увеличится впятеро, всемеро, вдесятеро *). Это вычисленie относится собственно къ количеству произведенiй безъ отношенiя къ человѣку. Но нужно еще обратить вниманie на то, на сколько собственно увеличится пользованie человѣка благами природы въ гармоническомъ порядкѣ именно въ слѣдствie гармоническаго порядка. Фурье, принимая во вниманie, что гармоническiй порядокъ доставитъ людямъ чрезвычайныя удобства въ помѣщенiи, одеждѣ, пищѣ, въ путешествiяхъ и всякихъ удовольствiяхъ, находитъ, что вообще пользованie людей благами земными увеличится не въ десять разъ, а «въ 30, 100, 1,000 разъ», даже увеличится почти безконечно, по крайней мѣрѣ неисчислимо, потому что въ фалангѣ самый бѣдный членъ ея будетъ пользоваться большими удобствами, чѣмъ въ настоящее время пользуются короли; примѣръ мы видѣли въ томъ, что французскiй король не имѣетъ въ Тюльери теплаго подъѣзда, тогда какъ фаланстеръ безъ него немыслимъ.

И все это блаженство, имѣющее быть доставленнымъ че-

*) IV. -.

ловѣчеству гармоническимъ порядкомъ вещей, обнаружится очень скоро; уже опытъ первой фаланги покажетъ ея дѣйствительную цѣну; тотчасъ устроятся другія фаланги; и чѣмъ больше будетъ фалангъ, тѣмъ дѣятельность ихъ будетъ правильнѣе, тѣмъ ярче будетъ въ глазахъ всѣхъ плодотворность гармоническаго порядка и блаженное состояніе человѣка, соединенное съ нимъ. Потому въ скоромъ времени всѣ люди убѣдятся въ неизмѣримомъ превосходствѣ гармоніи предъ цивилизаціею и весь шаръ земной покроется фалангами. Отъ нынѣшняго порядка не останется и слѣда: нынѣшнія государства со всѣми ихъ частями и, между прочимъ, со всѣми городами исчезнутъ, и возникнетъ стройная политическая система, въ которой фаланга будетъ играть роль клѣточки, первой составной части всего политическаго тѣла. Каждая фаланга будетъ управляться барономъ или унархомъ; число унарховъ, соотвѣтственно числу всѣхъ будущихъ фалангъ, Фурье опредѣляетъ точною цифрою въ 2,985,984 человѣка. Надъ тремя фалангами будетъ начальствовать дуархъ или виконтъ; число дуарховъ 995,328. Надъ дуархами будутъ начальники тріархи или графы. Число тріарховъ 248,832; выше тріарховъ будутъ тетрархи или маркизы (число=82,944), потомъ пентархи или герцоги (20,736); далѣе гекзархи или кацики (6,912), гептархи или короли (1,728), октархи или султаны (516), эннеархи или калифы (144), декархи или императоры (48), онзархи или цезари (12), дузархи или августы (3) и наконецъ омніархъ, одинъ въ столицѣ всего міра *), для которой Фурье не находитъ лучшаго мѣста, какъ

*) III, 376. Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ именъ образованы изъ греческихъ словъ, другія отчасти изъ греческихъ, отчасти изъ латинскихъ или французскихъ. Фурье, строгій систематикъ, чувствуетъ, что за это онъ можетъ подвергнуться упреку, и вотъ какое представляетъ заранѣе объясненіе: греческія числа выше десяти, говоритъ онъ, не имѣютъ такой извѣстности, какъ числа до десяти. Но по всей вѣроятности дѣло не въ извѣстности, а въ томъ, что истощился запасъ свѣдѣній въ томъ источникѣ, откуда онъ извлекалъ эти названія. Для названія своихъ дузарховъ онъ могъ бы воспользоваться готовымъ и общеизвѣстнымъ словомъ «додекархъ»!

Константинополь. Онъ-то съ лицами, зависящими отъ него посредственно или непосредственно, и будетъ составлять «сферическую iерархiю». Такимъ образомъ персоналъ начальствующихъ лицъ въ гармонiи будетъ громаденъ; и соцiальная лѣстница, по которой человѣкъ возносится отъ одной почести къ другой, весьма длинна, такъ что честолюбцамъ гармонiи должна показаться очень привлекательною; въ ней они найдутъ не менѣе, а даже болѣе отличiй, чѣмъ въ цивилизацiи. И такая организацiя проектируется Фурье нарочно отчасти въ разсчетѣ на требованiя и дѣйствiя страсти честолюбiя, которая въ механизмѣ страстей должна играть немаловажную роль, отчасти въ разсчетѣ на то, что такой порядокъ могущественно подѣйствуетъ на современныхъ честолюбцевъ, расположитъ ихъ въ пользу гармоническаго порядка, побудитъ ихъ сдѣлать нѣкоторыя жертвы для осуществленiя жизни въ фалангѣ; мы видѣли, что Фурье уже заранѣе обѣщаетъ омнiаршество тому государю, который сдѣлалъ бы первый опытъ фаланги.

Когда устроится гармоническая жизнь и человѣкъ достигнетъ блаженства посредствомъ повиновенiя голосу природы, или, что все равно, голосу Бога, тогда Богъ еще болѣе усилитъ блаженство людей посредствомъ новыхъ творенiй, посредствомъ дополненiя и отчасти исправленiя первоначальнаго превратнаго творенiя. Н о в ы я т в о р е н i я произойдутъ во всѣхъ царствахъ природы. Наиболѣе замѣчательными будутъ творенiя въ царствѣ животныхъ. Тогда появятся эти противу-львы, противу-тигры, противу-аккулы, противу-киты, противу-гиппопотамы (anti-lions, anti-tigres, anti-réquins, anti baleines, anti-hippopotames). Чтобы имѣть понятiе о достоинствахъ всѣхъ этихъ творенiй, познакомимся со свойствами и способностями одного изъ нихъ.—Противу-левъ будетъ великолѣпное и послушное четвероногое, величиною втрое болѣе, чѣмъ нынѣшнiе львы, но столь же мускулистое и эластичное. Противу львы будутъ служить человѣку для верховой ѣзды вмѣсто лошади.

которая будетъ употребляться исключительно на парадахъ и въ упряжи. Съ помощію такого скакуна человѣкъ «отправившись изъ Кале или Брюсселя, будетъ завтракать въ Парижѣ, обѣдать въ Ліонѣ, ужинать въ Марсели, и при этомъ онъ будетъ утомленъ менѣе, чѣмъ современные (Фурье) путешественники *), потому что «противу-левъ будетъ дѣлать скачки въ четыре туаза (около 25 фут.) и всадникъ будетъ чувствовать себя такъ же хорошо, какъ въ рессорномъ экипажѣ. Пріятно будетъ (прибавляетъ Фурье) жить въ этомъ мірѣ, когда къ услугамъ вашимъ будутъ подобные служители»! Кромѣ противу-льва будутъ другіе подобные ему, противу-тигры, противу-леопарды и пр. Вмѣсто китовъ явятся противу-киты, которые будутъ служить морскими лошадьми, т. е. ихъ будутъ впрягать въ корабли, такъ что по вѣтру корабли будутъ ходить на парусахъ, а во время тишины или противъ вѣтра на противу-китахъ. Ту же самую должность въ рѣкахъ будутъ исполнять противу-крокодилы и противу-гиппопотамы. Противу-аккулы будутъ загонять рыбу въ сѣти, противу-тюлени будутъ служить человѣку для верховой ѣзды по благоуханному лону водъ. Дѣйствительно, гармоническая жизнь въ этомъ отношеніи представитъ большія удобства и пріятности.

А кромѣ того и на самой землѣ произойдутъ существенныя перемѣны, которыя сдѣлаютъ пребываніе на ней еще болѣе пріятнымъ для человѣка. Во-первыхъ, лучшая и болѣе распространенная обработка почвы произведетъ увеличеніе температуры, такъ что мѣста нынѣ почти необитаемыя, какъ сѣверъ Сибири, сдѣлаются обитаемы. И моря, въ настоящее время едва доступныя кораблямъ, сдѣлаются вполнѣ удобными для судоходства; такъ Сѣверный Ледовитый океанъ освободится отъ льдовъ, покрывающихъ его, и корабли изъ портовъ западной Европы будутъ ходить весьма удобно мимо Нордкапа въ устья Оби и Енисея, а по Енисею даже до Байкала, куда будутъ доставляться товары восточной Азіи. Увеличеніе тем-

*) IV, 254.

пературы будетъ произведено двумя причинами: отчасти трудами человѣка, увеличеніемъ обработки земной поверхности, отчасти средствомъ еще болѣе могучимъ, именно появленіемъ сѣверной короны. Сѣверная корона, это нѣчто похожее на кольцо Сатурна. Она будетъ помѣщена надъ сѣвернымъ полюсомъ и будетъ имѣть такое протяженіе, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть заслонена отъ солнца землею. Это необходимо для того, чтобы солнце своими лучами могло зажечь сѣверную корону *). Повидимому сѣверная корона будетъ имѣть свойство горѣть собственнымъ своимъ огнемъ; нужно только, чтобы она была зажжена солнечными лучами. Но какъ бы то ни было, она будетъ нагрѣвать сѣверную часть нашего полушарія; именно вліяніе ея будетъ особенно чувствительно за 60° сѣверной широты. Вообще въ сѣверныхъ широтахъ температура значительно возвысится отъ дѣйствія двухъ названныхъ причинъ. Первая причина будетъ дѣйствовать съ большою силою на меньшихъ широтахъ, вторая на большихъ, ближе къ самому полюсу. У полюса климатъ образуется въ родѣ того, который существуета въ «Андалузіи и Сициліи». Въ Петербургѣ подъ 60° с. ш. будетъ нѣсколько холоднѣе; однако все-таки климатъ будетъ нетолько умѣренный, но весьма теплый, «въ родѣ климата Ниццы».—Все это облегчитъ людямъ, сдѣлаетъ для нихъ пріятнымъ ихъ странствованіе по земной юдоли; мало того, эта юдоль потеряетъ все, за что ее называютъ теперь печальною. Человѣкъ, нынѣшній странникъ на землѣ, подъ-часъ неимѣющій гдѣ преклонить голову, сдѣлается полнымъ ея хозяиномъ, владѣльцемъ всѣхъ ея сокровищъ, существующихъ теперь и имѣющихъ явиться. Отъ этого и самъ онъ физически сдѣлается совершеннѣе, выше ростомъ, крѣпче и долговѣчнѣе. Среднимъ числомъ, люди будутъ достигать 144 лѣтъ жизни; въ этомъ числѣ «нужно считать 120 лѣтъ дѣятельнаго упражненія въ любви»; т. е. въ дѣлѣ любви люди будутъ столь счастливы, что «любовная карьера

*) I, 62.

цивилизаціи», даже такая, какъ карьера Лаисы или Клеопатры, будетъ возбуждать въ нихъ жалость *). Вообще люди будутъ столь блаженны, что они будутъ сожалѣть объ одномъ «что день не имѣетъ вмѣсто 24 часовъ 48, чтобы можно было удовлетворить чрезвычайному разнообразію удовольствій, производимыхъ господствомъ божественнаго закона».

Такая полнота счастья должна бы произвести то, что разставанье съ жизнью должно быть особенно прискорбно для человѣка.—Совсѣмъ напротивъ. Въ гармоніи человѣкъ приближается къ своему земному концу съ удовольствіемъ, потому что онъ знаетъ, что смерть для него есть ничто иное, какъ обновленіе силъ, что за гробомъ его ожидаетъ такая же самая жизнь и съ тѣми же самыми удовольствіями, какъ и жизнь на землѣ, въ противность тому, что до сихъ поръ утверждали всѣ положительныя религіи. Вообще жизнь по смерти, по ученію Фурье, будетъ весьма мало походить на то, какъ ее представляли до сихъ поръ. Разставшись съ землею, душа человѣка потомъ снова возвратится на нее, и притомъ не разъ и не два, не три, а ровно 400 разъ **). И теперь наши души, находясь въ нашихъ тѣлахъ, не въ первый разъ живутъ на землѣ, а онѣ уже жили на ней въ предъидущіе вѣка варварства, патріархальной жизни и проч. Вообще наши души существовали на землѣ въ самомъ началѣ ея собственнаго существованія и будутъ существовать на ней до конца планетной жизни, т. е. всего отъ начала до конца впродолженіи 80,000 лѣтъ. Но наши души не постоянно живутъ на одной и той же планетѣ; на землѣ онѣ живутъ періодически впродолженіи одной человѣческой жизни; потомъ по смерти каждаго человѣка онѣ переходятъ на другіе міры и тамъ живутъ вдвое болѣе сравнительно съ земною жизнью; такъ что весь 80-тысячный періодъ существованія душъ единовременно съ землею раздѣляется на 2 неравныя части; одну часть, 27,000 лѣтъ души проводятъ на землѣ, а 54,000 лѣтъ на другихъ

---

*) III, 323. **) III, 319.

мірахъ *). Существованіе душъ на другихъ мірахъ отличается особенностями, весьма достойными вниманія. Тѣла, въ которыя облекутся души, не будутъ состоять изъ обыкновеннаго вещества; они будутъ аромальныя, изъ ароновъ, веществъ болѣе тонкихъ, чѣмъ воздухъ, въ родѣ магнетизма, теплорода и пр. Это дастъ возможность душамъ человѣческимъ переноситься въ пространствѣ, куда имъ будетъ угодно, даже въ пространствѣ, наполненномъ всякими веществами. Такимъ образомъ онѣ будутъ имѣть возможность проникать во внутренность планетъ, чрезъ самыя крѣпкія скалы, и это будетъ дѣлаться безъ малѣйшаго труда съ ихъ стороны; «онѣ будутъ парить въ пространствѣ, какъ орелъ въ высотѣ», когда онъ не двигаетъ крыльями. Много другихъ удовольствій будутъ имѣть люди по смерти: они совсѣмъ не будутъ бездыханными, нечувствующими, немыслящими покойниками. Напротивъ, всѣ психическія отправленія ихъ будутъ живѣе, чѣмъ у насъ; потому Фурье и называетъ ихъ «живыми ультрамонданами, людьми болѣе живыми, чѣмъ мы» **).

Связь человѣческихъ душъ съ жизнью планеты такъ велика, что въ то время, когда планета погибаетъ, и души человѣческія получаютъ другое мѣстопребываніе. Впрочемъ, планета погибаетъ не вполнѣ; погибаетъ только ея тѣло, а душа остается и вмѣстѣ съ душами людей получаетъ новое мѣстопребываніе, и притомъ лучшее; вообще въ помѣщеніи душъ планетъ соблюдается строгая постепенность; сначалѣ онѣ бываютъ душами спутниковъ, потомъ душами главныхъ планетъ,

*) Въ этомъ случаѣ Фурье опять очевидно ошибся, невѣрно прочиталъ книгу судебъ. Всякой людской жизни на землѣ (144 года) долженъ соотвѣтствовать вдвое большій періодъ жизни внѣ міра (existence extra-mondaine), т. е. 288 лѣтъ. Слѣд., время между двумя возвращеніями души на землю равняется 432 годамъ. Раздѣляя на это число 70,000 лѣтъ двухъ фазисовъ счастія, получимъ 162; таково должно быть число возвращеній души человѣка на землю въ періодъ гармоніи. Слѣдуя такому же вычисленію, найдемъ, что душа человѣка въ періоды несчастія должна возвратиться назадъ 66 разъ (предполагая жизнь человѣка только въ 50 лѣтъ). Итакъ общее число возвращеній души равняется не 400 разамъ, а только 228. **) 333.

потомъ душами туманныхъ пятенъ, вице-солнцевъ, солнцевъ и, наконецъ, душами цѣлыхъ вселенныхъ. потомъ вселенныхъ двойпыхъ, тройныхъ и т. д. *). Такимъ образомъ душа земли, въ настоящее врамя душа главной планеты, современемъ будетъ душою туманнаго пятна, вице-солнца, солнца, душою цѣлой вселенной, душою двойной вселенной, тройной и т. д. (âme d'univers, de binivers, de trinivers etc.). Разумѣется и наши души вмѣстѣ съ нею получатъ соотвѣтственное повышеніе. Будущность весьма завидная и для нашихъ душъ и для души нашей планеты.—Но не такова теперешняя ихъ доля. Что доля человѣка не завидна, мы это знаемъ, но мы не знаемъ, что такова же доля и души земли. Душа земли находится въ состояніи несчастія, соотвѣтственно несчастному состоянію цивилизаціи, въ которомъ находятся люди. Въ такомъ положеніи всякая «планета находится, какъ будто въ состояніи аромальной проказы и другія планеты держатъ ее въ карантинѣ».—Какъ зачумленному кораблю доставляютъ все, что ему необходимо и даже что служитъ ему для развлеченія, однако безъ соприкосновенія съ нимъ, такъ и планеты третируютъ свою сестру, находящуюся въ соціальномъ лимбѣ, недостигшую гармоніи. «Ей доставляютъ все необходимое и даже пріятное; ей не отказываютъ ни въ чемъ, но съ нею не имѣютъ никакихъ сообщеній».

Подобное уединеніе нашей планеты было бы безъ сомнѣнія въ высшей степени прискорбно и дли нея и для насъ, если бы мы не знали (а вмѣстѣ съ нами, безъ сомнѣнія, если бы не знала и сама земля), что подобное состояніе ея есть дѣло временное, что скоро обстоятельства перемѣнятся, что душа нашей планеты скоро возликуетъ сначала въ блаженной жизни самой земли, потомъ въ жизни туманнаго пятна, вице-солнца, солнца, вселенной простой, двойной, тройной и т. д.

Вотъ гдѣ остановилась наконецъ смѣлая мысль пововво-

*) 327.

дителя, философа, пророка. Мы не могли воспользоваться всѣми подробностями, которыми наполнены сочиненія Фурье; этихъ подробностей такъ много, что онѣ однѣ составили бы цѣлую книгу. У самого Фурье онѣ наполняютъ почти всѣ его объемистые трактаты, явившіеся послѣ 1808 года. Онѣ всѣ имѣютъ въ виду дополнить организацію фаланги и представить необыкновенные результаты, имѣющіе явиться вмѣстѣ съ гармоническимъ порядкомъ; образцы этихъ результатовъ, и притомъ самые главные, равно какъ существенныя черты организаціи фаланги, мы уже представили. Тѣмъ не менѣе, для большаго ознакомленія съ самою внѣшностью системы укажемъ и на нѣкоторыя дополненія, которыя представляетъ Фурье въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій.

Напримѣръ, онъ описываетъ въ чертахъ весьма привлекательныхъ устройство сословія преподавательскаго, получающаго отъ него имя сивиллинскаго корпуса и состоящаго изъ сивиллъ и сивилловъ, т. е. учительницъ и учителей, равно какъ священниковъ, которые въ гармоніи вмѣстѣ съ тѣмъ и учители народа, преподаватели наукъ. Нечего и говорить, что сивиллинскій корпусъ, священники и учители вознаграждены за свою дѣятельность въ гармоніи гораздо лучше, справедливѣе, чѣмъ въ цивилизаціи; и положеніе ихъ весьма почетно, не таково, какъ у насъ.

Устройство медицинскаго сословія въ гармоніи таково, что медики имѣютъ прямой интересъ въ томъ, чтобы было по возможности меньше больныхъ.

Важнѣйшія промышленныя предпріятія, какъ прорытіе Суэзскаго или Панамскаго перешейковъ, осушеніе Понтинскихъ болотъ, равно и другія менѣе значительныя, совершаются цѣлыми промышленными арміями, работающими съ жаромъ и увлеченіемъ; промышленныя арміи даютъ другъ другу битвы, т. е. состязаются между собою въ искусствѣ и успѣшности того или другаго промышленнаго занятія *). Въ гармоніи существуетъ

---

*) См. прилож. К и Е.

кадастръ, орошеніе полей, истребленіе вредныхъ животныхъ, и все это производится съ успѣхомъ, совершенно недостижимымъ для цивилизованныхъ. Какъ на образецъ, по истинѣ изумительныхъ успѣховъ промышленности, мы укажемъ на выводъ цыплятъ посредствомъ особыхъ печей въ родѣ древнихъ египетскихъ, что доставитъ сотни мильярдовъ цыплятъ, такъ что въ гармоніи одними куриными яицами впродолженіи 6 мѣсяцевъ можно будетъ уплатить англійскій долгъ, простирающійся, какъ извѣстно, до 25,000,000,000 франковъ. Одно сбереженіе на издержкахъ сбора податей доставитъ гармоніи ежегодно 30,000,000,000 франковъ. Таковы экономическіе результаты гармоническаго порядка!

Въ бытѣ общества, кромѣ тѣхъ улучшеній, которыя мы привели выше, явится много другихъ: во-первыхъ, дороги достигнутъ совершенства, будутъ удобны и привлекательны, какъ наши лучшіе парки; карантины будутъ устроены такъ, что заразительныя болѣзни, истребляющія людей въ цивилизаціи, исчезнутъ съ поверхности земли. Появится единство всѣхъ возможныхъ мѣръ, причемъ Фурье предсказываетъ, что десятичная система будетъ вытѣснена 12-тичною; образуется одинъ языкъ для всей земли (воляпюкъ?); и тогда начнется жатва для типографщиковъ, граверовъ и пр. Всякая книга и гравюра будетъ печататься по крайней мѣрѣ въ числѣ 800,000 экземпляровъ, изъ которыхъ 600,000 предназначаются для 600,000 *) будущихъ фалангъ и 200,000 для ученыхъ и другихъ любителей. Потому образованіе распространится такъ, что намъ трудно представить себѣ будущее состояніе его; знаменитые ученые и писатели не будутъ составлять рѣдкости, дива въ массѣ всего населенія; они будутъ считаться не десятками, не сотнями, не тысячами, а милліонами; короче—вся масса населенія, благодаря досугу, доставляемому гармоническимъ порядкомъ, будетъ

*) Эта цифра разумѣется, относится къ началу гармонійской жизни; впослѣдствіи она дойдетъ до 3-хъ милліоновъ.

заниматься съ усердіемъ и успѣхомъ науками, литературою, искусствами, и чрезвычайное множество великихъ ученыхъ и писателей будетъ явленіемъ совершенно естественнымъ, пропорціональнымъ общему возвышенію уровня образованности.

Фурье былъ, повидимому, въ высшей степени убѣжденъ не только въ полной практичности, но и въ скоромъ осуществленіи своей системы. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ прямо высказываетъ несомнѣнную надежду, что дни цивилизаціи сочтены и на мѣсто ея явится гармонія. Потому еще въ 1808 году, т. е. въ Теоріи четырехъ движеній онъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ и всѣхъ вообще людей, чтобы они имѣли это въ виду, совѣтуя имъ между прочимъ: 1) не строить больше зданій, потому что нынѣшнія зданія не годятся для гармоніи; 2) стараться удерживать движимое имущество, золото, серебро, драгоцѣнные камни; 3) пріобрѣтая земли, стараться покупать такія, которыя имѣютъ каменоломни или покрыты строевымъ лѣсомъ, потому что камни и лѣсъ понадобятся «для скорой постройки безчисленнаго множества новыхъ зданій», т. е. фаланстеровъ; 4) не уѣзжать въ колоніи, потому что въ скоромъ времени «всякій будетъ счастливъ у себя дома»; 5) обзаводиться дѣтьми, потому что въ гармоніи, особенно при началѣ ея, «дѣти, имѣющія не болѣе 3-хъ лѣтъ, будутъ истинною драгоцѣнностью». Мы уже видѣли, что Фурье, подобно С.-Симону, разсчитывалъ на содѣйствіе Бонапарта въ осуществленіи своихъ теорій. Но такъ какъ Бонапартъ не обратилъ вниманія на теоріи Фурье, то впослѣдствіи, въ 1822 году, Фурье относился къ нему совсѣмъ иначе, клеймилъ позоромъ его войны и узурпацію власти, и даже за прежніе комплименты оправдывался тѣмъ, что онъ «долженъ былъ сообразоваться съ общими привычками времени, когда всѣ курили ѳиміамъ императору».

Итакъ, послѣ 1808 года гармоническій порядокъ не нашелъ осуществленія, и дѣти, родившіяся въ этомъ году и въ слѣдующихъ, давно пережили трехлѣтній возрастъ, когда (въ 1822 г.) Фурье издалъ первое дополненіе къ прежнему труду. Горько

жаловался въ этотъ разъ Фурье на французовъ за то, что они не оказали должнаго вниманія его теоріи. Мы уже видѣли образчикъ подобной жалобы, гдѣ Фурье, сравнивая себя съ Ньютономъ, стыдитъ французовъ тѣмъ, что изобрѣтатель, далеко превосходящій Ньютона, нашелъ у нихъ только вражду и насмѣшку. Такой пріемъ себѣ онъ объясняетъ отчасти тѣмъ, что всѣ вообще великіе ученые, облагодѣтельствовавшіе міръ своими открытіями, встрѣчали на первое время только недовѣріе и даже вражду и преслѣдованіе, какъ Колумбъ, Галилей и проч. Другую причину своего неуспѣха Фурье видитъ въ крайнемъ легкомысліи французовъ. Основательныхъ людей между французами Фурье называетъ картиннымъ выраженіемъ Виргилія—rari nantes in gurgite vasto. Французы, по мнѣнію Фурье, не вникаютъ въ сущность дѣла, не подвергаютъ его серьезной критикѣ; ихъ умъ довольствуется случайнымъ сближеніемъ, дешевымъ остроуміемъ.

Взглядъ Фурье на французовъ рѣзко обнаруживается въ слѣдующемъ фактѣ. Фурье употребляетъ въ своихъ сочиненіяхъ весьма оригинальную терминологію; онъ выдумываетъ новыя слова, находя, что существующія не могутъ выразить всѣхъ оттѣнковъ его понятій. Такъ, между прочимъ, онъ употребляетъ passionnel, attractionel, garantisme, sériisme, harmonien, unitéisme, familisme, binivers, trinivers и пр. Но въ особенности онъ изобрѣтателенъ въ оглавленіяхъ своихъ сочиненій; здѣсь онъ даже какъ будто старается исправить общую непослѣдовательность ученыхъ, употребляющихъ одни слова и неупотребляющихъ другихъ, имѣющихъ, по мнѣнію Фурье, такое же право на существованіе; такъ ученые употребляютъ слова прологъ, эпилогъ, но не употребляютъ цитралогъ, ультралогъ; Фурье поправляетъ этотъ недостатокъ и употреблятъ эти слова. Всѣ употребляютъ—интродукція, Фурье употребляетъ кромѣ того экстродукція, всѣ употребляютъ пролегомены, Фурье употребляетъ прелегомены, цислегомены, транслегомены, постлегомены и пр. Наконецъ онъ просто употребляетъ, какъ названія для своихъ главъ—citer, ulter,

trans, post, inter, prae, cis и пр. *). Все это онъ позволяетъ себѣ, повидимому, въ качествѣ нововводителя, который, предпринимая коренную реформу обществъ, можетъ позволить себѣ незначительныя нововведенія въ языкѣ, въ номенклатурѣ, когда Лейбницъ «могъ же выдумать и ввести въ употребленіе слово монады, Кантъ ноумены, Галль—краниологія» и т. п.

Впрочемъ Фурье не обманываетъ себя относительно пріема, который французы могутъ сдѣлать его терминологіи; называя одну изъ своихъ главъ citerlogue, онъ предпосылаетъ ей слѣдующій разговоръ между французами, очевидно непринадлежащими къ числу «кое-гдѣ плавающихъ» Виргилія.

---

*) Можетъ быть это множество особыхъ знаковъ для оглавленія отдѣльныхъ статей въ книгахъ Фурье составляетъ необходимость его сочиненій, потому что писаны они почти безъ всякой системы. Будучи строгимъ систематикомъ въ ученіи, въ изложеніи ученія Фурье видимымъ образомъ путался. Множество подробностей, выработанныхъ его фантазіею, не находили себѣ надлежащаго мѣста въ его сочиненіяхъ. Еще теорія четырехъ движеній представляетъ нѣкоторый видъ цѣлаго, болѣе или менѣе стройнаго. Но въ другихъ сочиненіяхъ статьи слѣдуютъ одна за другою совершенно случайнымъ образомъ; это происходитъ очевидно отъ того, что правильное литературное изложеніе дѣла представляетъ больше трудности, чѣмъ дѣятельность фантазіи, хотя и связанная общею идеею. Притомъ подробности гармонійской жизни вырабатывались Фурье не вдругъ, а постепенно, такъ что онѣ и не могли попасть на принадлежащее имъ мѣсто.—Наконецъ въ этомъ отсутствіи послѣдовательнаго изложенія можно видѣть нѣкоторое практическое примѣненіе его собственной теоріи, требующей постояннаго разнообразія въ занятіи. Но такое разнообразіе оказывается очень невыгоднымъ для читателя; въ массѣ подробностей весьма нелегко отыскать наиболѣе существенныя, равно какъ не легко отыскивать между ними связь.—Это не мало затрудняетъ всѣхъ, изучающихъ Фурье. Потому ученики его для облегченія изученія Фурье въ 1848 году въ Парижѣ издали особаго рода собраніе сочиненій его подъ именемъ «L'harmonie universelle», гдѣ они помѣстили статьи по порядку, опредѣляемому содержаніемъ ихъ, т. е. въ системѣ. Но при этомъ, многія статьи совсѣмъ не нашли мѣста въ изданіи, многія характеристическія подробности системы опущены, такъ что въ Harmonie universelle изучить систему Фурье вполнѣ нельзя.

— «Что это такое цитерлогъ? Не звѣрь-ли это новый, привезенный изъ Конго или Мономотапы?

— «Безъ сомнѣнія, отвѣтитъ какой-нибудь bel esprit: цитерлогъ, это животное изъ семейства договъ и бульдоговъ; это видно по его окончанію.

— «Нѣтъ, возражаетъ другой; развѣ вы не видите, что это измышленіе какого-нибудь ученаго на огъ—идеолога, геолога, археолога?

«Такъ разсуждаютъ наши невѣроятные французы, прибавляетъ Фурье. Чтобы судить о новой методѣ, новой номенклатурѣ, они не имѣютъ другого средства, кромѣ игры словъ, и отпустивши по нѣскольку остротъ, они удивляются другъ другу говоря: toujours charmants, toujours français» *).

Этотъ взглядъ Фурье на французовъ производитъ то, что онъ не очень разсчитываетъ на нихъ въ осуществленіи своей системы **), онъ гораздо больше имѣетъ уваженія къ англійской и нѣмецкой серьезности; и вообще онъ имѣетъ полную вѣру въ здравый смыслъ своихъ современниковъ. Потому, не смотря на неисполненную надежду 1808 года, въ 1822 году онъ еще больше увѣренъ, что часъ новаго порядка пробилъ, что гармоническая жизнь скоро распространится на землѣ. Читатели безъ сомнѣнія обратили вниманіе на числовую точность Фурье ***), напр. въ его изложеніи фазисовъ и періодовъ жизни

---

*) IV, 585.

**) Между прочимъ, онъ жалуется на самонадѣянность читателей, которые, познакомившись съ оглавленіемъ и введеніемъ, уже считаютъ себя въ правѣ судить о книгѣ. «Какая разница, говоритъ онъ, между этими учениками-современниками и учениками древности?—Аристотель двадцать лѣтъ слушалъ уроки Платона; а вы, нетерпѣливые читатели, дѣти въ наукѣ ассоціаціи и всеобщихъ судебъ, вы съ перваго же дня начинаете рѣзко судить о наукѣ, которая стоила мнѣ двадцать-два года изслѣдованій».

***) И этой точности онъ даетъ большое значеніе, потому что не разъ онъ поправляетъ свои собственныя цифры, измѣняетъ ихъ; такъ онъ измѣнилъ цифру періодовъ жизни человѣческой на землѣ (сначала онъ принималъ ее въ 30 періодовъ), измѣнилъ цифру движеній, цифру хоровъ, на которые дѣлится фаланга. Въ такихъ случаяхъ Фурье обыкно-

человѣчества, въ исчисленіи населенія фаланстера, въ дѣленіи его на трибы и хоры, въ исчисленіи страстей, въ изложеніи организаціи будущей сферической іерархіи и т. п. Съ тою же точностью въ 1822 году онъ опредѣляетъ годы постепеннаго приведенія въ исполненіе своей теоріи. Такъ, по его мнѣнію, первый опытъ будетъ предпринятъ въ томъ-же 1822 году; въ 1823 году опытъ будетъ оконченъ, разумѣется, вполнѣ удовлетворительно; въ 1824 году гармоническій порядокъ будетъ введенъ во всѣхъ странахъ цивилизованныхъ; въ 1825 году присоединятся къ гармоніи варвары и дикіе; въ 1826 году будетъ устроена сферическая іерархія. Такимъ образомъ все дѣло для своего приведенія къ полному концу требовало только 5 лѣтъ. Дѣйствительно, движеніе изъ хаоса въ гармонію было бы «быстро», какъ разсчитывалъ Фурье въ теоріи общихъ судебъ.

Горько было новое разочарованіе Фурье. 1822 годъ истекъ, а опытъ не былъ предпринятъ; въ слѣдующіе годы опять ничего. Тогда Фурье переселился въ Парижъ, съ большимъ трудомъ заработывалъ здѣсь свое пропитаніе, и свое свободное время употреблялъ на то, чтобы хлопотать объ осуществленіи своей системы. Между прочимъ печаталъ объявленія, въ которыхъ вызывалъ желающихъ взять на себя осуществленіе его системы. И его увѣренность, что онъ найдетъ какого-нибудь Эстергази, Бельмонте или Шереметева была такъ велика, что онъ ежедневно, въ извѣстные часы, оставался дома и объ этомъ также объявилъ въ газетахъ. Повидимому онъ боялся, чтобы Эстергази или Шереметевъ, явившись къ нему и не заставши его дома, не возвратились совсѣмъ домой безъ переговоровъ съ нимъ.

Впрочемъ Фурье не ограничивался пассивнымъ ожиданіемъ лица, имѣющаго обновить вселенную; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣятельно хлопоталъ объ осуществленіи своей системы вездѣ, гдѣ могъ имѣть какую-нибудь надежду; разсылалъ свои сочиненія ученымъ и въ редакціи журналовъ; но журналы или

венно говоритъ, что онъ находитъ прежнюю цифру невѣрною, но почему новая вѣрнѣе, этого не показываетъ.

молчали, или по прежнему подвергали его насмѣшкамъ, а ученые не обращали на него никакого вниманія.

Пробовалъ онъ излагать свою систему и такъ, чтобы выбросить изъ нея «все излишнее», — оставить въ ней только одно «существенное», какъ совѣтовалъ ему Греа, и съ этою цѣлью издалъ «Sommaire du traité de l'association domestique agricole» (Сокращеніе трактата о земледѣльческой домашней ассоціаціи 1822 г.). Но и это не имѣло никакого успѣха. Публика не покупала его сочиненій ни пространныхъ, ни краткихъ; Sommaire былъ проданъ только въ количествѣ трехъ экземпляровъ. И въ добавокъ автору осталось сожалѣніе о томъ, что онъ поступилъ относительно публики неискренно, представилъ ей свою систему не въ полномъ видѣ, опустивши изъ нея существенныя ея части. Очевидно, Фурье и Греа не одинаково смотрѣли на то, что было въ системѣ существенное и что излишнее. Впрочемъ, Фурье не признавалъ, чтобы этимъ поступкомъ онъ опозорилъ себя (ne croyait pas se déshonorer), такъ какъ его «притворство» (dissimulation) было вынуждено. «Парижане, говорилъ онъ по этому поводу, суть глупые рабы привычки, и если ихъ не возбуждаютъ ихъ журналы, то ничто не можетъ вывести ихъ изъ апатіи» *). Однако и журналы, подобно публикѣ, не оказали вниманія даже и этому очищенному произведенію Фурье.

Но Фурье былъ неутомимъ въ отысканіи новыхъ путей къ осуществленію своихъ ученій. Въ то время Р. Оуэнъ былъ въ апогеѣ своей популярности какъ въ Англіи, такъ и на материкѣ Европы. И Фурье по справедливости находя, что система Оуэна имѣетъ близкое сродство съ его собственной системой, рѣшился предложить Оуэну соединить обѣ системы и взаимныя усилія для осуществленія ихъ. Это соединеніе было-бы весьма выгодно для Фурье, такъ какъ Оуэнъ уже пользовался извѣстностью и даже популярностью и кромѣ того имѣлъ значительныя собственныя средства. Но Оуэнъ не нашелъ возможнымъ

---

*) Lerminier. Philosophie du droit. Paris. 1853, стр. 405.

принять предложеніе Фурье, даже повторенное не одинъ разъ. Оуэнъ черезъ своего секретаря Скина далъ ему вѣжливый отвѣтъ, который однако содержалъ въ себѣ рѣшительный отказъ отъ сдѣланнаго ему предложенія. Оуэнъ не находилъ для себя полезнымъ содѣйствіе Фурье. Онъ думалъ, что и безъ того Фурье и его ученики работаютъ въ пользу его системы *).

Эти неудачи, вмѣстѣ съ недостаткомъ средствъ къ жизни, вынудили Фурье оставить Парижъ и переселиться опять въ Ліонъ, въ 1825 году, на мѣсто кассира въ какой-то конторѣ. Черезъ годъ онъ опять въ Парижѣ, въ качествѣ агента одной нью-іоркской фирмы. Въ это время счастье снова улыбнулось ему. Онъ пріобрѣлъ наиболѣе энергичнаго и наиболѣе талантливаго изъ своихъ учениковъ Виктора Консидерана и ученицу Клариссу Вигуре, обладавшую значительными матеріальными средствами, что дало ему возможность напечатать въ 1828 г. «Nouveau monde industriel et sociétaire» (Новый промышленный и общественный міръ), въ которомъ онъ между прочимъ высказываетъ желаніе начать опытъ своей системы только съ одними дѣтьми,- такъ какъ взрослые оказались слишкомъ зараженными принципами цивилизаціи и были не въ состояніи даже только оцѣнить спасительные принципы гармоніи. Для опыта, по мнѣнію Фурье, понадобилось-бы отъ 300 до 400 человѣкъ дѣтей.—Разумѣется и это желаніе его осталось въ состояніи только благочестиваго желанія. Любопытно, что корректоромъ при печатаніи этого сочиненія былъ Прудонъ, въ то время еще юноша, только что оставившій школу вслѣдствіе недостаточности средствъ своихъ родителей и поступившій въ качествѣ рабочаго въ типографію. Прочитывая корректуры, Прудонъ былъ пораженъ абсурдами системы и осмѣивалъ ихъ вслухъ предъ всею типографіею, которая къ его критикѣ относилась повидимому съ полнымъ сочувствіемъ **).

---

*) Semler, Geschichte des Socialismus in Nord-America. Leipz. 1880, стр. 38.

**) Sainte Beuve. Proudhon, sa vie etc. Paris, 1875, стр. 19.

Въ журналистикѣ это новое сочиненіе Фурье встрѣтило, какъ и прежнія, пріемъ весьма неблагосклонный, въ особенности со стороны журнала «Revue francaise», редакторомъ котораго былъ Гизо. Фурье отвѣчалъ на отзывъ, сдѣланный въ журналѣ, и упрекая Гизо въ невниманіи къ общественнымъ недугамъ, ставилъ ему на видъ, что въ послѣднія 40 лѣтъ «общество билось, какъ лошадь въ манежѣ» и между прочимъ страдало отъ военнаго деспотизма при Бонапартѣ.

Въ то время, т. е. въ концѣ Реставраціи, французскіе либералы съ симпатіею вспоминали и о Бонапартѣ, въ которомъ они видѣли олицетвореніе національной политики, противъ которой такъ много грѣшила Реставрація. В. Гюго и Беранже уже начинали воспѣвать и его, и его эпоху. Но Фурье остался чуждъ этому направленію. Для него не могло быть разницы между политикою національною и не національною, между либеральною и реакціонною. И въ то время, какъ Реставрація всего болѣе возбуждала противъ себя почти всю массу французскаго народа,—именно въ это-то время, послѣ сформированія министерства Полиньяка, Фурье и обратился къ правительству съ проектомъ переустройства Франціи на основаніи принциповъ фаланстера. Тогда было учреждено министерство общественныхъ работъ и министръ, завѣдывавшій этимъ министерствомъ, отвѣтилъ Фурье оффиціально, что проектъ его будетъ разсмотрѣнъ со всѣмъ вниманіемъ, котораго онъ заслуживаетъ; но министерство слишкомъ обременено дѣлами, такъ что съ разсмотрѣніемъ проекта придется нѣсколько пообождать. Отвѣтъ былъ помѣченъ 24 іюля 1830 года, а 25 были обнародованы извѣстные іюльскіе ордонансы Карла X, послѣ чего черезъ 3 дня Реставрація была смѣнена Іюльскою монархіею въ управленіи Франціею *).

Но Фурье не потерялъ энергіи, напротивъ съ нѣкоторымъ искусствомъ попробовалъ воспользоваться обстоятельствами для осуществленія своей системы, съ каковою цѣлью обращался

*) Lerminier. Стр. 404.

и къ Лафитту, и къ К. Перье, и къ Монталиве, даже впослѣдствіи къ самому Людовику Филиппу, хотя ненепосредственно. Но все это было безполезно. Тогда онъ попытался обратиться въ другую сторону. Не найдя поддержки въ правительствѣ фактическомъ, онъ сталъ искать ея въ правительствѣ проектированномъ, у людей, стремившихся стать впослѣдствіи правительствомъ не только Франціи, но всего міра, сталъ посѣщать сеансы Сенъ-Симонистовъ, предложилъ отцу Анфантену соединить обѣ школы, чтобы совокупными усиліями стремиться къ реорганизаціи міра. Но Анфантенъ не согласился на этотъ союзъ, который безъ сомнѣнія долженъ былъ повести къ умаленію его значенія, къ чему онъ относился не совсѣмъ хладнокровно.

А Фурье, не достигши положенія союзника, превратился въ ожесточеннаго врага Сенъ-Симонистовъ, въ которыхъ онъ по справедливости видѣлъ своихъ болѣе счастливыхъ соперниковъ, не только публично распространявшихъ свое ученіе, но уже приступившихъ къ практическимъ опытамъ, до поры до времени казавшимся очень блестящими, въ то время, какъ самъ онъ терпѣлъ постоянныя неудачи. Въ это время, по примѣру С.-Симонистовъ, онъ задумывалъ устроить сеансы для устной пропаганды своей системы и сообщилъ этотъ планъ нѣкоторымъ изъ своихъ доброжелателей. Доброжелатели планъ одобрили, но когда Фурье присоединилъ къ этому предложеніе о субсидіи въ 15 франковъ для устройства сеансовъ, то оказывалось, что доброжелательство ихъ и сочувствіе не достигали до энергіи, необходимой для пожертвованія 15-ти франковъ. Собственная неудача естественно не уменьшила чувствъ нерасположенія, которыя въ то время питалъ Фурье къ Сенъ-Симонистамъ, и онъ уже началъ открыто высказывать свое порицаніе ихъ ученіямъ и ихъ стремленіямъ.

«Сенъ-Симонисты, говорилъ онъ, ѳеократы и вслѣдствіе этого ничто иное, какъ клоаки порока и лицемѣрія. Если бы они достигли власти, то не улучшеніе быта трудящихся классовъ было бы результатомъ этого. Единственнымъ вѣрнымъ

результатомъ было бы то, что въ теченіи полувѣка они овладѣли бы всѣми видами собственности, капиталами, землями, фабриками, заводами».

«Пусть они откажутся отъ своей казацкой нравственности, писалъ онъ Ж. Мюирону, отъ присвоенія себѣ наслѣдствъ». Ему же въ другой разъ писалъ онъ такъ: «ихъ ученія не могутъ быть приняты; проповѣдывать въ 19 вѣкѣ уничтоженіе собственности и наслѣдства, это чудовищность, отъ которой можно только пожимать плечами».

Но гораздо рѣзче вооружился Фурье какъ противъ С.-Симонистовъ, такъ и противъ Р. Оуэна въ 1831 г. въ брошурѣ «Pièges et charlatanisme des sectes de Saint-Simon et d'Owen». (Ловушки и шарлатанство сектъ С. Симона и Оуэна) *). Здѣсь между прочимъ писалъ онъ: «Всѣ эти новые возродители— Оуэнъ, С. Симонъ и другіе—весьма наклонны спекулировать на женскую эманципацію. Они не знаютъ, что раньше, чѣмъ измѣнить что нибудь въ существующей системѣ любовныхъ отношеній, потребуется много лѣтъ для того, чтобы создать несуществующія теперь гарантіи и прежде всего уничтожить сифилитическую болѣзнь—на всемъ земномъ шарѣ».

Брошура эта не была одобрена учениками Фурье, какъ сообщаетъ Ш. Пелyренъ. Почему? объ этомъ онъ ничего не говоритъ. Но, судя по всему, причина заключалась въ томъ, что здѣсь Фурье въ порывѣ гнѣва слишкомъ неосторожно открылъ свои карты.

Ученики всегда, и при жизни Фурье и послѣ его смерти, старались обходить молчаніемъ особенности половыхъ отношеній въ фаланстерѣ. И самъ Фурье отчасти подчинялся ихъ вліянію въ этомъ вопросѣ, и въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ былъ значительно скромнѣе, чѣмъ въ предъидущихъ; даже издалъ, какъ мы видѣли, изложеніе своей системы со-

*) Относительно Оуэна см. т. I, стр. 514. А. С. Симонистовъ Фурье называлъ гаерами (histrions) и просилъ публику не смѣшивать его съ ними и его ученій и стремленій съ ученіями и стремленіями Сенъ-Симонистовъ.

всѣмъ безъ подробностей, относящихся къ половымъ отношеніямъ (sommaire). А тутъ вдругъ заговорилъ о сифилисѣ и о необходимости принятія мѣръ къ уничтоженію его для того. чтобы можно было пустить въ ходъ новую жизнь въ фаланстерахъ, которые являются такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ публичныхъ домовъ, а женская половина ихъ населенія чѣмъ-то въ родѣ публичныхъ женщинъ.

Эту неосторожность, можетъ быть даже разсчитанную, можно объяснять различными причинами. Прежде всего, Фурье по натурѣ былъ человѣкъ искренній и не хотѣлъ въ другой разъ брать на свою совѣсть грѣхъ неискренняго отношенія къ публикѣ, тѣмъ болѣе, что неискренность и въ первый разъ не принесла никакой пользы. Потомъ, обстоятельства измѣнились. Прежній режимъ съ характеромъ клерикально-феодальнымъ палъ. Іюльская монархія во всѣхъ отношеніяхъ была либеральнѣе; всякая пропаганда идей получила больше свободы. С. Симонисты открыто проповѣдывали оправданіе плоти. Въ беллетристикѣ это направленіе обнаружилось съ появленіемъ произведеній Альфреда Мюссе и Ж. Занда. Чего-жь было и Фурье скрываться съ своими идеями? Отъ полнаго изложенія ихъ онъ могъ ожидать только успѣха, могъ разсчитывать, что французское общество наконецъ доросло до пониманія открытыхъ имъ истинъ. Надобно было ковать желѣзо, пока оно было горячо. И дѣйствительно, въ скоромъ времени для болѣе широкой проповѣди своихъ идей Фурье и его ученики основали даже свой литературный органъ: «La réforme industrielle ou le Phalanstère», который началъ выходить въ слѣд., 1832 г.

Число учениковъ въ это время опять увеличилось. Подъ знамя Фурье стали нѣкоторые раскольники, отдѣлившіеся отъ общества Сенъ-Симонистовъ; и это были люди очень видные между Сенъ-Симонистами, именно Ж. Лешевалье и Аб. Трансонъ.

Съ другой стороны къ школѣ примкнули лица, обладавшіе значительными матеріальными средствами и притомъ весьма склонные жертвовать ими въ пользу системы. Таковы были

Боде-Дюляри *), докторъ медицины и братья Деве, изъ которыхъ младшій былъ агрономъ. И «авторъ трактата о земледѣльческой домашней ассоціаціи (т. е. Фурье), окруженный своими ревностными учениками, могъ подумать, что онъ находится наканунѣ осуществленія по крайней мѣрѣ слабаго подобія того идеала, который онъ носилъ въ своемъ мозгу и въ своемъ сердцѣ» **). Предположено было устроить фаланстеръ хотя въ скромныхъ размѣрахъ, для чего была учреждена акціонерная кампанія съ капиталомъ въ 1,200,000 франковъ. Боде-Дюляри и Деве въ обмѣнъ на акціи уступили компаніи 500 гектаровъ земли въ Конде-сюръ-Вегрѣ, въ департаментѣ Сены и Уазы, въ 63 верстахъ отъ Парижа. Земля была уступлена за умѣренную цѣну, всего на сумму 280,000 фр. Чтобы акціи могли быть доступны людямъ самыхъ скромныхъ средствъ, даже рабочимъ, онѣ были раздѣлены на купоны въ 300, 200 и даже во 100 франк. (Цѣлая акція стоила 500 фр.). Приступлено было къ работамъ земледѣльческимъ, начаты были постройки: помѣщенія для рабочихъ, улица-галлерея. Сдѣланы были многочисленныя насажденія деревьевъ туземныхъ и экзотическихъ, на покупку которыхъ компанія истратила до 30,000 фр.

Завѣдываніе дѣлами было распредѣлено между членами школы сообразно ихъ способностямъ и призваніямъ. Такъ самъ Фурье былъ вообще «директоромъ общественнаго механизма», Деве младшій завѣдывалъ земледѣльческими трудами, Ке (Quest) посадкой деревьевъ и т. д. Нашлось дѣло и для другихъ членовъ, для Мюирона, для Консидерана, для Павла Вигурё, для г-жи Вигурё, его матери, для Лешевалье и Трансона, для Жанжам-

*) Боде-Дюляри въ 1831 году состоялъ членомъ палаты депутатовъ. Увлекшись ученіями Фурье онъ нашелъ, что съ его стороны было бы недобросовѣстно послѣ этого оставаться депутатомъ, такъ какъ не для того онъ былъ посланъ въ палату избирателями, чтобы съ точки зрѣнія фурьеризма рѣшать вопросы, предлагаемые на обсужденіе палаты. Потому онъ оставилъ званіе депутата и предался съ большимъ усердіемъ пропагандѣ идей, въ которыхъ видѣлъ обновленіе человѣчества.

**) Annuaire de l'association pour 1868. Paris, 1868, стр. 143.

бра, архитектора и тѣмъ болѣе для Боде-Дюляри, который былъ главнымъ двигателемъ предпріятія. Но, несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, предпріятіе не было доведено до конца, постройка зданій остановлена, и вообще дѣло разстроилось, фаланга не сформировалась. Почему?—Сами фурьеристы говорятъ, что дѣло не удалось за недостаткомъ средствъ. Но этого мнѣнія нельзя раздѣлять, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства. Во-1-хъ, Фурье и его ученики знали напередъ, какія средства могли быть въ ихъ распоряженіи, сами заранѣе опредѣлили акціонерный капиталъ въ 1,200,000 фр. И ихъ намѣреніе было устроить фаланстеръ въ скромныхъ размѣрахъ. Во 2-хъ, сами фурьеристы объ этомъ дѣлѣ говорятъ слишкомъ кратко и съ очевиднымъ умолчаніемъ. Ш. Пелляренъ всему эпизоду касательно опыта въ Конде-сюръ-Вегрѣ посвятилъ нѣсколько строкъ, гдѣ о причинахъ неудачи отдѣлывается общими мѣстами о недостаткѣ средствъ. Нежеланіе фурьеристовъ сообщить подробности дѣла всего больше даетъ поводъ заподозрить истинность и искренность этого объясненія. Если оно было справедливо, то зачѣмъ фурьеристы не разъяснили подробно всего хода этого дѣла? Въ такомъ случаѣ не было бы мѣста для недоразумѣній. Между тѣмъ они этого не сдѣлали. Они нигдѣ не сообщили никакихъ свѣдѣній о томъ, насколько былъ реализированъ акціонерный капиталъ, была ли собрана полная сумма въ 1,200,000 руб. или нѣтъ. Нѣкоторыя случайно извѣстныя данныя показываютъ, что денегъ было истрачено не мало. Помѣщенія для рабочихъ были сдѣланы столь серьезныхъ размѣровъ и столь прочной конструкціи, что еще черезъ 35 лѣтъ они служили строеніями, необходимыми для возникшей потомъ на этомъ мѣстѣ фермы; улица-галлерея черезъ 35 лѣтъ могла служить большимъ сельскимъ домомъ съ нѣсколькими залами и жилыми комнатами. И что средства у членовъ ассоціаціи были не всѣ истощены, это видно изъ того, что когда предпріятіе разстроилось, Боде-Дюляри оставилъ все имѣніе за собою, а другихъ акціонеровъ, затратившихъ деньги на предпріятіе, удовлетворилъ изъ собственныхъ средствъ.

Очевидно тутъ дѣло было не въ одномъ недостаткѣ денегъ; недоставало еще чего-то, именно—единодушія между членами, ихъ увѣренности въ успѣхѣ дѣла и умѣнья вести его. Если бы все это было, то Боде-Дюляри истратилъ бы свои средства не на удовлетвореніе другихъ акціонеровъ, а на окончаніе построекъ. Что умѣнья вести дѣла не было, это совершенно очевидно изъ того, что приступлено было къ дѣлу безъ достаточныхъ средствъ, если дѣйствительно это было такъ. Что это было за общество дѣтей, которые начали столь важное по ихъ мнѣнію дѣло безъ средствъ?—А очень вѣроятно, что средствъ было даже не мало; только они были неразумно издержаны. Къ чему эта столь монументальная улица-галлерея, эти насажденія экзотическихъ растеній, эта трата въ 30,000 франковъ?—Тутъ повидимому оказалось особое вліяніе самого Фурье, съ дѣтства любившаго комнатныя растенія. Очень вѣроятно, что подобныя траты и привели къ недостатку средствъ и возбудили недовѣріе акціонеровъ, которые наконецъ и потребовали назадъ свои деньги.—Вообще, что этотъ первый опытъ осуществленія идеи Фурье былъ веденъ безъ искусства, безъ умѣнья и безъ согласія между членами—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. И было совершенно естественнымъ заключеніе отсюда къ несостоятельности какъ людей, провозвѣстниковъ новаго ученія, не исключая никого, ни учителя, ни учениковъ, такъ и самыхъ ученій, выработанныхъ и исповѣдуемыхъ этими интеллектуально несостоятельными людьми. Таковъ именно и былъ взглядъ на это дѣло у современниковъ и даже у учениковъ Фурье, изъ которыхъ нѣкоторые тотчасъ же и отдѣлились отъ школы, а другіе сильно упали духомъ. Посторонніе люди обратили вниманіе на большое несоотвѣтствіе между обѣщаніями школы и тѣмъ, что она была въ состояніи организовать. Л. Штейнъ, вообще слишкомъ благопріятно относящійся къ Фурье, замѣчаетъ, что фурьеризму послѣ этого опыта предстояла судьба сенъ-симонизма, т. е. предстояло исчезнуть съ лица земли послѣ короткаго и притомъ не блестящаго суще-

ствованія *). Въ самомъ дѣлѣ журналъ «Le Phalanstère» немедленно прекратился, число учениковъ сократилось, самъ Фурье. отягченный и возрастомъ и недугами, также упалъ духомъ. и былъ неспособенъ оставатьcя главою школы.

На этотъ разъ спасенъ былъ фурьеризмъ Консидераномъ. который повидимому еще при жизни Фурье, именно тотчасъ послѣ опыта въ Конде-сюръ-Вегрѣ занялъ въ школѣ первенствующее положеніе.

По крайней мѣрѣ онъ, какъ разсказываетъ Штейнъ. собралъ разсыпавшуюся храмину (die zerstreuten Trümmer), убѣдилъ учениковъ, что еще ничто не потеряно, кромѣ довѣрія къ себѣ, и вдохнулъ въ нихъ ту увѣренность въ успѣхѣ дѣла, которою былъ проникнутъ самъ. Что касается до Фурье, онъ еще въ теченіи 4-хъ лѣтъ ожидалъ Эстергази или Шереметева, изрѣдка писалъ письма или издавалъ брошуры, издалъ даже большой сборникъ своихъ статей подъ именемъ: «La fausse industrie, morcelee, répugnante, mensongere et l'antidote, l'industrie naturelle, combinée, attrayante, véridique, donnant quadruple produit.» (Ложная промышленность, раздробленная, отталкивающая, лживая и противоядіе, промышленность естественная, согласная, привлекательная). Повидимому, неудачи сдѣлали Фурье нѣсколько скромнѣе въ разсчетахъ на количество произведеній въ гармоніи.

Предположивши первоначально, что количество произведеній въ гармоніи увеличится втрое, впослѣдствіи онъ нашелъ, что оно увеличится гораздо больше, впятеро, всемеро, вдесятеро и даже еще больше. Теперь, къ концу своей реформаторской карьеры онъ находитъ, что гармонійская промышленность будетъ доставлять только quadruple produit, т. е. что количество произведеній увеличится только вчетверо. Такую скромность безъ сомнѣнія нужно отнести къ ряду неудачъ, испытанныхъ Фурье, въ особенности къ неудачѣ въ Конде-сюръ-Вегрѣ. Этотъ опытъ подѣйствовалъ на самого Фурье тѣмъ болѣе удручаю-

*) Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich. II, 254.

щимъ образомъ, что гораздо раньше Фурье не столько доказывалъ свои теоріи, сколько показывалъ въ перспективѣ необыкновенные результаты ихъ осуществленія. Много разъ говорилъ онъ: вы увидите, они увидятъ, т. е. увидятъ результаты. И вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣ столь щедрыхъ обѣщаній, опытъ столь неудачный, опытъ, который соединенными усиліями учителя и всей школы не доведенъ былъ до того, чтобы фаланга начала дѣйствовать и жить свойственною ей жизнью. Очень вѣроятно, что эта послѣдняя неудача не осталась безъ вредныхъ послѣдствій даже для организма Фурье, уже истощеннаго цѣлымъ рядомъ предыдущихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, между прочимъ въ послѣдніе годы его жизни постоянной нуждой и тяжелыми трудами для добыванія куска хлѣба *).

Фурье умеръ въ 1837 году (10 октября), имѣя 65 лѣтъ отъ роду, умеръ одинокимъ, не имѣя подлѣ себя никого изъ близкихъ къ нему лицъ. Ш. Пеляренъ съ сыновнимъ благочестіемъ описываетъ, какъ и въ какомъ положеніи ученики нашли его уже мертваго. Истощенный старикъ все держался на ногахъ и передъ смертью повидимому хотѣлъ отдохнуть на постели, но кажется упалъ и потомъ пробовалъ взобраться на кровать; но не успѣлъ въ этомъ. Такъ его и нашли въ этомъ положеніи,—одна нога была уже занесена на кровать, а другая еще оставалась на полу.

Но на похороны собрались оставшіеся вѣрными системѣ ученики его и почтили память учителя высказанною надеждою, что придетъ время, когда люди оцѣнятъ «соціальнаго Ньютона» и осуществятъ предложенный имъ планъ, имѣющій въ виду осчастливить все человѣчество.

Если мы станемъ анализировать систему Фурье, то мы очень ясно различимъ въ ней три отдѣльныхъ эле-

*) Было время, когда Фурье вынужденъ былъ добывать свой кусокъ хлѣба трудомъ переписчика, и это на шестомъ и даже кажется на седьмомъ десяткѣ лѣтъ его жизни! См. Thonissen. Le socialisme. I, 47.

мента: во-1-хъ, элементъ личнаго пророческаго предвѣдѣнія, въ космогоніи и во всеобщихъ судьбахъ человѣчества; во-2-хъ, элементъ психологическій и вообще философскій; и наконецъ, въ-3-хъ, элементъ политико-экономическій.

Что касается перваго элемента, все, что у Фурье запечатлѣно его характеромъ, не можетъ подлежать критикѣ, потому что построено безо всякихъ раціональныхъ основаній. Принять положенія Фурье касательно будущихъ твореній, будущихъ перемѣнъ на землѣ и въ системѣ міра, равно какъ касательно будущихъ перемѣнъ въ самомъ человѣческомъ организмѣ, можетъ только тотъ, кто имѣетъ религіозное довѣріе къ Фурье, кто вѣритъ ему, какъ пророку, ясновидцу, въ родѣ Сведенборга; и нѣтъ сомнѣнія, что такой характеръ какихъ бы то ни было положеній не имѣетъ ничего общаго съ наукою и даже указываетъ на нѣкоторое особенное, ненормальное психическое состояніе автора.

Психологическій элементъ въ системѣ Фурье представляется главнымъ образомъ въ его ученіи о страстяхъ, объ ихъ дѣйствіи и ихъ значеніи. Эта сторона системы Фурье кажется болѣе состоятельною, чѣмъ ученіе о судьбахъ людей и небесныхъ тѣлъ. Но именно только кажется. Въ дѣйствительности психологія Фурье имѣетъ много признаковъ, ясно говорящихъ, что она исходитъ изъ одного источника съ его космогоніею.

Во-первыхъ всѣ открытія, которыхъ Фурье будто бы надѣлалъ въ ученіи о страстяхъ, ограничиваются только именами; ему принадлежатъ названія страстей папильонна, композита, унетеизмъ и пр. и односторонность въ пониманіи ихъ значенія и дѣйствія. Такъ унитеизмомъ онъ называетъ то, что всегда входило въ область психологіи подъ именемъ чувствъ симпатическихъ или филантропическихъ, и всегда, отъ начала цивилизаціи, было одной изъ пружинъ человѣческой дѣятельности. Этому чувству или, если угодно, страсти обязана своимъ существованіемъ дѣятельность всѣхъ великихъ людей и даже иногда самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, жертвовавшихъ для

подобныхъ себѣ своимъ трудомъ, имуществомъ и жизнью. Оно лежало въ основѣ дѣятельности такихъ великихъ законодателей, какъ Солонъ или Нума Помпилій, или такихъ философовъ, какъ Сократъ, Платонъ и другіе; изъ него же, а не изъ чего другаго проистекали подвиги Леонида, Курція, Деціевъ Муровъ, Муція Сцеволы и пр. Даже каждый воинъ, приносившій свою голову въ жертву отечеству при Мараѳонѣ, при Саламинѣ, на поляхъ Куликовскихъ, подъ стѣнами Москвы въ 1612 г. и пр., дѣлалъ это именно потому, что былъ одушевленъ этимъ чувствомъ унитеизма, или любви къ ближнему, какъ и тѣ рабочіе, которые откапывали своихъ товарищей въ копяхъ Божона, или тѣ солдаты, которые атаковали фортъ Магонъ въ 1756 г. И Платонъ, предлагая такую организацію своего военнаго сословія, чтобы воины относительно другихъ гражданъ были добрыми собаками, а не волками, разсчитывалъ очевидно ни на что другое, какъ на тотъ же унитеизмъ. Но Платонъ одинъ изъ лучшихъ мыслителей всѣхъ вѣковъ и народовъ, разсчитывая на преданность своихъ воиновъ общественному дѣлу, на ихъ безкорыстное служеніе родинѣ, думалъ развить въ нихъ это чувство главнымъ образомъ посредствомъ воспитанія и образованія, присоединяя къ нему и такую организацію военнаго сословія, которая, по его мнѣнію, должна была поддерживать въ немъ симпатическія отношенія къ другимъ гражданамъ. Однако Платонъ, несмотря на свое довѣріе къ предлагаемымъ имъ средствамъ, предполагаетъ возможность и того, что они въ нѣкоторыхъ хотя и рѣдкихъ случаяхъ не приведутъ къ цѣли. А ясновидящій философъ XIX вѣка разсчитываетъ, что у него унитеизмъ явится самъ собою только вслѣдствіе того, что онъ сниметъ узду съ человѣческихъ страстей, заглушитъ голосъ разсудка, и что съ тѣхъ поръ унитеизмъ будетъ лежать въ основѣ дѣятельности всѣхъ безъ исключенія людей на всемъ земномъ шарѣ, несмотря на особенности ихъ темпераментовъ, состоянія образованности, религіи, нравовъ и обычаевъ! И такая перемѣна на всемъ земномъ шарѣ совершится въ теченіи 4-хъ лѣтъ.

Такое положеніе можетъ утверждать только человѣкъ, лишенный самаго элементарнаго пониманія событій исторіи человѣчества. Исторія представляетъ много примѣровъ, гдѣ одно міровоззрѣніе, одна цивилизація стремилась вытѣснить другую путемъ насилія или путемъ моральнаго дѣйствія. Въ обоихъ случаяхъ возникала борьба, длившаяся по нѣскольку столѣтій, и побѣда никогда не была полною. Побѣжденная цивилизація, побѣжденное міровоззрѣніе или находило для своего распространенія другія страны, какъ буддизмъ, или стремилось слиться съ побѣдившею стороною и внести въ ея начала нѣкоторую долю своихъ началъ и такимъ образомъ ослабить силу ихъ, нарушить чистоту ихъ. Такъ грекоримская цивилизація и варварство новыхъ народовъ ослабили силу христіанскихъ принциповъ въ Римской имперіи и въ средневѣковыхъ государствахъ; и между прочимъ породили множество сектъ, иногда по духу своему совершенно противныхъ христіанству.

Съ другой стороны симпатическія чувства подчинены извѣстнымъ законамъ; мы видимъ ежедневно, какъ они возникаютъ, усиливаются, ослабѣваютъ и даже превращаются въ противныя. Фурье слѣдовало разсмотрѣть условія, отъ которыхъ все это зависитъ, показать, что въ гармоніи всѣ условія будутъ таковы, что симпатическія чувства будутъ постоянно рости и никогда не ослабѣвать, чрезъ что люди мало по малу или даже вдругъ сдѣлаются истинными братьями; въ такомъ случаѣ его слова заслуживали бы какого-нибудь вниманія; но когда онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ, то они не заслуживаютъ его, они имѣютъ значенія нисколько не болѣе, чѣмъ его предсказанія о новыхъ твореніяхъ или о новыхъ свойствахъ человѣческаго организма, объ этомъ зрѣніи соводномъ, соночномъ и т. п.; это опять слова ясновидца, а не человѣка разсуждающаго на основаніи данныхъ. Данныхъ для разсужденія объ этомъ предметѣ много; ими наполнена вся человѣческая исторія отъ начала ея до нашихъ дней; въ исторіи народовъ очень рѣзко обозначаются періоды, когда въ людяхъ были сильны и когда ослабѣвали чувства симпатическія; но

изслѣдованіе такихъ временъ дастъ одинъ общій выводъ, не имѣющій исключенія, именно, что господство, преобладаніе симпатическихъ чувствъ является только въ такомъ случаѣ, когда люди слушаютъ голосъ разсудка, голосъ долга, и наоборотъ отсутствіе симпатическихъ чувствъ или унитеизма является тогда, когда страсти сбрасываютъ съ себя его узду. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, что напр. время римской исторіи, когда жили Люкреція и Муцій Сцевола, послушные «философическимъ капризамъ», т. е. голосу долга, отличается человѣческими отношеніями между отдѣльными сословіями римскаго народа, взаимною уступчивостью, общею способностію къ жертвѣ въ пользу другихъ, что̀ и привело весь народъ къ могуществу и благосостоянію, а время Фульвіи, Мессалины и пр., когда римляне стали презирать «философическіе капризы», было временемъ «звѣрскаго истребленія людей цѣлыми массами». Впрочемъ, дѣйствительные философскіе капризы господствовали не во время Люкреціи и Муція Сцеволы, а во время Фульвіи и Мессалины; потому что міровоззрѣніе, котораго держались древнѣйшіе римляне, основано было не на ученіи философовъ, а на простомъ здравомъ смыслѣ и на внутреннемъ голосѣ правды и любви, который особенно громко говоритъ въ сердцахъ народовъ первобытныхъ; а къ концу республики и во время имперіи большинство римскаго народа усвоило себѣ міровоззрѣніе, основанное на ученіи философовъ-софистовъ, которые, подобно Фурье, называли ученіе о долгѣ философическими капризами, отдавая жизнь и дѣятельность человѣка въ исключительную власть всякаго рода влеченій и страстей, не дѣлая между ними разбора на основаніи высшаго принципа нравственности, имѣющаго свое основаніе въ глубинѣ природы человѣческой и понимаемаго только съ помощію разсудка, разума, какое пониманіе и даетъ человѣку право на названіе существа разумнаго.

Ученіе Фурье о папильоннѣ столько же ново и состоятельно, какъ и ученіе объ унитеизмѣ. Онъ думаетъ, что папильонна, эта «потребность разнообразія, противоположныхъ положеній»

и т. п. только имъ и открыта, что до него человѣчество совсѣмъ не имѣло понятія объ этомъ свойствѣ природы человѣческой. Правда ли это?—Такая неправда, о которой почти и говорить не стóитъ. Укажемъ хоть на то, что содержится въ этомъ же сочиненіи. Оуэнъ въ воспитаніи дѣтей Ньюланаркскаго населенія обращалъ усиленное вниманіе на разнообразіе занятій, конечно потому, что ему былъ извѣстенъ тотъ законъ природы человѣческой, по которому однообразіе занятій тяготитъ человѣка. Морелли еще въ XVIII вѣкѣ проектировалъ такое устройство общества, при которомъ для всякаго трудъ было бы пріятенъ вслѣдствіе своего разнообразія. Наконецъ вспомнимъ выраженіе, принадлежащее самой древности: Varietas ipsa animos reficit. Это выраженіе по смыслу совершенно тождественно съ словами Фурье: «если она (т. е. папильонна) не удовлетворена, то человѣкъ впадаетъ въ вялость и скуку». Новаго въ ученіи Фурье только то, что требованія папильонны будто бы безусловно обязательны для человѣка. А это несправедливо: ежедневный опытъ говоритъ, что человѣкъ можетъ господствовать надъ своею наклонностью къ разнообразію, можетъ съ энергіею и успѣхомъ заниматься однимъ и тѣмъ же дѣломъ, не часъ, не два, а цѣлые дни, цѣлые годы, всю свою жизнь. И всѣмъ извѣстно, что чѣмъ состоятельнѣе нравственная сторона человѣка, чѣмъ онъ лучше, правильнѣе воспитанъ, тѣмъ больше онъ господствуетъ надъ стремленіемъ своей природы къ разнообразію въ занятіяхъ и чувствахъ. Это составляетъ аксіому обыденной жизни. У дѣтей требованія папильонны на столько настоятельны, что всякій отецъ и педагогъ дѣлаютъ имъ неизбѣжную и большую уступку; но чѣмъ болѣе дитя входитъ въ возрастъ, тѣмъ болѣе размѣры этой уступки сокращаются.

Что касается такъ-называемой кабалисты, стремленія, будто бы существующаго у человѣка къ интригамъ, странно, что Фурье, замѣтивши его у нѣсколькихъ людей, перенесъ его на всю природу человѣка, когда и нашъ современный опытъ, и цѣлыя тысячелѣтія исторіи говорятъ, что безъ интриги, безъ страсти

къ ней живутъ и жили милліоны людей. Да и у тѣхъ, въ комъ есть это стремленіе, оно существуетъ не само по себѣ, не какъ интрига для интриги, а какъ средство для достиженія извѣстной цѣли; покажите всякому интригану, что онъ достигнетъ своей цѣли прямымъ путемъ, безъ интриги, и онъ сдѣлается правдивѣйшимъ человѣкомъ, т. е. интрига не есть дѣйствіе страстное, имѣющее основаніе въ природѣ страстей человѣка, а есть средство, придумываемое разсудкомъ человѣческимъ, не иначе, какъ для достиженія какой-нибудь цѣли.

Композита, третья страсть, будто-бы открытая Фурье, этотъ энтузіазмъ, исключающій всякое разсужденіе, это увлеченіе чувствъ и души, состояніе нравственнаго опьяненія и ослѣпленія, не есть какая-нибудь особая страсть въ человѣкѣ; признаки, представленные Фурье въ описаніи композиты, принадлежитъ всѣмъ вообще страстямъ. Всѣ страсти безъ исключенія, если не исключаютъ вполнѣ всякое разсужденіе (этого безъ сомнѣнія никогда не бываетъ у здороваго человѣка), то отнимаютъ силу у голоса разсудка, заглушаютъ его, представляютъ какое-то «опьяненіе и ослѣпленіе, и увлеченіе чувствъ вмѣстѣ съ увлеченіемъ души». Слѣдовательно композита совсѣмъ не существуетъ, какъ особая страсть, почему Фурье и не опредѣлилъ ея функціи, невольно признаваясь, что она проявляется какъ въ любви, такъ и въ другихъ страстяхъ, т. е. композита есть ничто иное, какъ страсть вообще, страсть въ общемъ своемъ понятіи, и притомъ въ болѣе высокой степени.

Такимъ образомъ анализъ страстей, дѣлаемый Фурье, и основанное на немъ описаніе дѣйствія ихъ оказываются весьма неудовлетворительными *). Что Фурье вообще плохой наблюдатель психическихъ отправленій, это легко понять потому, что онъ ни въ юности, ни въ зрѣлыхъ лѣтахъ не пріобрѣлъ сколько-нибудь достаточнаго образованія, не привыкъ къ анализу и не облегчилъ его себѣ посредствомъ знакомства съ на-

---

*) Между прочимъ Фурье оставилъ совсѣмъ безъ вниманія одну страсть, лѣность, которая прежде всего обнаружилась въ практическомъ примѣненіи его системы.

блюденіями другихъ; и это проявляется на каждомъ шагу въ его психологическихъ положеніяхъ; такъ мы видѣли его положеніе касательно того, будто бы Богъ вложилъ матери страсть къ грязнымъ занятіямъ, вслѣдствіе чего она нетолько безъ отвращенія, но съ удовольствіемъ заботится о чистотѣ своего груднаго ребенка. Этотъ фактъ семейной жизни, заботы матери о чистотѣ ребенка, всякому приходилось наблюдать лично, и всякій видѣлъ, что въ немъ дѣйствуетъ не страсть къ грязнымъ занятіямъ, а материнская любовь, далеко превозмогающая всякое отвращеніе отъ грязнаго занятія и что это отвращеніе заглушается исключительно тогда, когда мать заботится объ опрятности своего собственнаго ребенка, и что таже самая мать, которая старательно обмываетъ своего ребенка, откажется отъ всякаго другаго подобнаго занятія, если въ немъ не будутъ участвовать ея материнскія отношенія.—Подобный же примѣръ психологической неточности и произвольности въ положеніяхъ легко видѣть въ приведенномъ нами примѣрѣ двухъ любящихся паръ.

Мы видѣли *), что взаимное удовлетвореніе посредствомъ невѣрности есть фактъ невсеобщій и ненеобходимый, напротивъ даже противорѣчащій даннымъ условіямъ, т. е. возможный только тогда, когда любовь, какъ сильная страсть, не существуетъ. Между тѣмъ всѣ эти факты, ложно объясняемые Фурье, существуютъ въ его системѣ, какъ основы для его теоріи согласнаго дѣйствія страстей, основы той мысли, что страсти, предоставленныя самимъ себѣ, ведутъ къ согласію. Очевидно, что этой теоріи они не подтверждаютъ. — Мы ограничиваемся фактами, приводимыми самимъ Фурье, не прибѣгая ко множеству другихъ, которые мы могли бы указать въ подтвержденіе теоріи противоположной. Самъ Фурье признаетъ, что дѣйствительно въ цивилизаціи страсти дѣйствуетъ несогласно, утверждая въ то же время, что онѣ будутъ дѣйствовать согласно въ гармоніи. Но это утвержденіе остается совершенно произ-

*) См. выше, стр. 36, 37, 38, 39.

вольнымъ; Фурье не подкрѣпилъ его ни однимъ доказательствомъ; всѣ его описанія жизни и дѣятельности фаланстера, представляя картину очень привлекательную, въ то же время не содержатъ въ себѣ ничего такого, что могло бы настолько измѣнить характеръ страстей человѣка, чтобы онѣ пошли направленіемъ противоположнымъ тому, которымъ онѣ шли нѣсколько тысячъ лѣтъ. Короче, теорія, допускающая, что страсти будучи предоставлены сами себѣ, стремятся придти къ согласію, противорѣча, по собственному признанію автора тому, что человѣчество видѣло до сихъ поръ, основана исключительно на ошибкахъ въ психологическомъ анализѣ, на заключеніи отъ частнаго и случайнаго ко всеобщему и необходимому, въ какомъ случаѣ, какъ извѣстно, заключеніе не имѣетъ силы.

Философская мысль, лежащая въ основѣ теоріи страстнаго влеченія, что страсти суть истолкованіе воли промысла, въ то время, какъ разсудокъ есть факторъ человѣческихъ заблужденій, а обязанности ничто иное, какъ выдумка философовъ, также построена на основаніяхъ, совершенно недостаточныхъ, и отчасти на недоразумѣніи. Фурье говоритъ, что страсти представляютъ явленіе общее и всегдашнее, въ то время, какъ положенія разсудка измѣняются съ каждымъ столѣтіемъ, съ каждымъ годомъ; въ этомъ и заключается главное указаніе на то, что страсти, а не разсудокъ, составляютъ истолкованіе видовъ промысла. Но что отвѣтитъ Фурье тому, кто скажетъ ему, что постоянство страстей не имѣетъ никакого значенія въ разрѣшеніи этого вопроса, что въ непостоянствѣ положеній разсудка нужно видѣть, напротивъ, прямое указаніе на то, что черезъ разсудокъ промыслу угодно было вести насъ къ совершенству и къ счастію, потому что безъ сомнѣнія таково намѣреніе промысла касательно насъ. И такъ какъ мы ни къ тому, ни къ другому еще не пришли, то безъ сомнѣнія не черезъ страсти предназначено намъ достигнуть совершенства и счастія; черезъ страсти человѣчество могло бы получить и то и другое при первомъ своемъ появленіи въ мірѣ, потому что страсти неизмѣняемы.

Потомъ, постоянство страстей одинаково у человѣка и у животныхъ; потому, на основаніи главнаго положенія Фурье, слѣдовало бы допустить, что и у животныхъ страсти служатъ указаніемъ видовъ промысла, что и ихъ онѣ должны вести къ счастію и къ гармоніи нисколько неменьшей, чѣмъ та, къ которой предназначенъ человѣкъ. Между тѣмъ Фурье очень пренебрежительно смотритъ на животныхъ; ихъ природу онъ не считаетъ на столько высокою, чтобы промыслъ заботился объ ихъ счастіи *). Это непослѣдовательно. Слѣдуя Фурье, животныя должны почитаться нисколько не хуже людей, а можетъ быть даже лучше, потому что страстями, т. е. лучшею стороною животной природы, они равны съ людьми и кромѣ того они не имѣютъ человѣческаго недостатка—разсудка и его капризовъ, которыми даже и самыя страсти человѣческія портятся, какъ потому, что и наиболѣе страстныя дѣйствія не могутъ совершенно исключить участія разсудка, такъ и потому, что нерѣдко на дѣлѣ страсти должны совсѣмъ уступить первенство разсудочнымъ выдумкамъ, философическимъ капризамъ. Непослѣдовательность Фурье очень ясно видна въ этомъ предпочтеніи человѣка животнымъ; это показываетъ, что такъ или иначе самъ Фурье во что-нибудь цѣнитъ человѣческій умъ, то, чѣмъ человѣкъ наиболѣе существеннымъ образомъ отличается отъ животныхъ; что стало быть дѣятельность человѣческаго ума не есть зло, ведущее человѣка къ несчастію **). Наконецъ дѣятельность человѣческаго ума способна хоть къ тому, чтобы выработать и оцѣнить теорію страстнаго влеченія. Эта величайшая заслуга ума могла бы кажется убѣдить Фурье, что умъ

*) Такой взглядъ Фурье противорѣчитъ тому, что онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ касательно инстинкта пчелъ, бобровъ и пр., въ которомъ онъ видитъ руководство ихъ дѣятельности со стороны промысла. Повидимому, Фурье ограничиваетъ заботливость промысла о животныхъ краткимъ періодомъ одной жизни на землѣ, тогда какъ человѣкъ предназначенъ къ періодическому повторенію жизни на землѣ, на солнцахъ, во вселенныхъ и т. д.

**) Очень странное положеніе критика ученій Фурье, поставленнаго въ необходимость доказывать пользу и достоинство человѣческаго разума.

человѣческій способенъ не на одни заблужденія. И если въ самомъ дѣлѣ дѣйствіе страсти одно составляетъ правильную, естественную дѣятельность человѣка, то зачѣмъ самъ онъ путемъ разсудочнаго убѣжденія стремится пропагировать свою теорію, а не посредствомъ какого-нибудь страстнаго дѣйствія, зачѣмъ онъ прибѣгнулъ къ столь невѣрному средству, какъ разсудокъ, и отказался отъ столь вѣрнаго, какъ страсть?

Обратимъ еще вниманіе на то: дѣйствительно-ли предписанія разсудка, истины, открываемыя имъ, отличаются только непостоянствомъ, а страсти всегда и вездѣ однѣ и тѣ же. Путемъ разсудка человѣчество выработало множество истинъ и правилъ, составляющихъ содержаніе всѣхъ наукъ; и между этими истинами и правилами есть много такихъ, которыя отличаются всею полнотою справедливости и остаются неизмѣнными впродолженіе тысячелѣтій. Съ другой стороны и страсти далеко не отличаются постоянствомъ и всеобщностью. Постояннѣе другихъ страсти чисто животныя, но и онѣ не отличаются вполнѣ ни тѣмъ, ни другимъ, не говоря о страстяхъ чисто душевныхъ. Такъ одни люди—гастрономы, другіе негастрономы, не по разсужденію, а по влеченію; одни любятъ одно, а другіе любятъ другое; одни любятъ щи, другіе кашу; одни любятъ водку, другіе любятъ чай, а иные кофей; одни любятъ музыку, другіе любятъ картины; одни расточители, другіе скряги; одни щеголи, другіе неряхи; одни честолюбивы, властолюбивы, другіе не имѣютъ этихъ страстей. Наконецъ, нѣкоторые и по счастью очень немногіе отличаются чисто звѣрскою кровожадностью, какъ Тамерланъ, у нѣкоторыхъ есть непостижимая страсть—пироманія и т. д. Вообще положеніе, утверждающее всеобщность страстей и ихъ неизмѣняемость, также есть ничто иное, какъ неосторожная фраза. Такимъ образомъ главныя основанія, подводимыя Фурье для того, чтобы сказать, что страсти суть истолкованіе видовъ промысла, не имѣютъ никакой прочности.

Мы не скрываемъ отъ себя, что не безъ основанія можемъ подвергнуться упреку въ томъ, что даемъ слишкомъ много вѣса

всѣмъ этимъ аргументаціямъ Фурье, подвергая ихъ разбору, хотя и краткому *), но къ этому обязываетъ насъ конечно не ихъ собственное достоинство, а значеніе системы, построенной на нихъ, которая имѣла и имѣетъ еще своихъ сторонниковъ, и притомъ тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно было ожидать, именно у насъ въ Россіи **). Это значеніе системы обязываетъ насъ подвергнуть краткой критикѣ и нѣкоторые общіе философскіе принципы, будто бы забытые учеными и возстановляемые Фурье въ его системѣ.

1) Первый изъ этихъ принциповъ говоритъ, что «нужно изслѣдовать область науки вполнѣ и если въ ней остается еще что-нибудь сдѣлать, нужно думать, что въ ней ничто еще не

*) Мы пропустили впрочемъ другіе аргументы, менѣе важные, которые Фурье приводитъ въ пользу своей мысли о значеніи страстей, потому что тѣ аргументы слишкомъ очевидно слабы. Таковы его соображенія о томъ, что страсти, будучи единственнымъ стимуломъ дѣятельности, составили бы экономію принудительныхъ средствъ, экономію механизма въ дѣятельности человѣка, представили бы возможность соединять пріятное съ полезнымъ, въ самомъ трудѣ находить награду за него и наконецъ привели бы въ согласіе человѣка съ Богомъ и природою. Что касается до экономіи механизма, забылъ въ этомъ случаѣ Фурье упрекъ, который самъ онъ дѣлаетъ цивилизованнымъ, упрекъ въ семплизмѣ, въ стремленіи все упрощать и сводить къ одному принципу. Признаніе страсти единственнымъ стимуломъ для человѣческой дѣятельности—это и есть семплизмъ. — Соображенія объ экономіи принудительныхъ средствъ въ организаціи нравственнаго строя человѣка напоминаютъ заботу коммерсанта о томъ, чтобы товаръ въ покупкѣ обходился по возможности дешевле, чтобы не вышло при продажѣ «себѣ дороже».—Есть въ природѣ и такія созданія, у которыхъ соблюдена экономія принудительныхъ средствъ; и чѣмъ животное ниже на біологической лѣстницѣ, тѣмъ болѣе соблюдена эта экономія.

**) Нѣкоторые изслѣдователи соціализма совсѣмъ не удостоиваютъ критики сочиненія Фурье. Такъ поступили Оттъ, Конценъ, Вильоме и др. Прудонъ говоритъ, что въ системѣ Фурье слѣдуетъ подвергнуть критикѣ только его доктрины нравственныя и политическія, потому что онѣ имѣютъ корень въ обществѣ и поэтому только заслуживаютъ вниманія. А что касается до теоріи Фурье относительно космогоніи, естественной исторіи, физіологіи и *психологіи*, ими «можетъ заняться развѣ тотъ, кто считаетъ себя обязаннымъ серьезно опровергать Peau d'âne и Barbe Bleue», т. е. французскихъ Еруслана Лазаревича и Бову Королевича.

сдѣлано *), т. е. если точнѣе выразить эту мысль, она приметъ слѣдующій видъ: не нужно довольствоваться неполными результатами научныхъ изслѣдованій, не нужно считать эти изслѣдованія законченными, когда они еще не закончены. Мысль совершенно справедливая, и въ особенности ее часто забываютъ у насъ, гдѣ каждая новая теорія, изобрѣтенная авторитетами запада, выдается за послѣднее слово науки и получаетъ полнѣйшее довѣріе. Но что-же общаго между этою мыслью и системою Фурье?—Во всѣхъ положеніяхъ Фурье есть ли что-нибудь общее съ научными изслѣдованіями?

2) Второй принципъ, возстановляемый Фурье, состоитъ въ томъ, что нужно обращаться къ опыту и брать его въ руководство. Опять спросимъ: бралъ-ли Фурье опытъ въ руководство при изложеніи своей системы? Гдѣ онъ нашелъ какія-нибудь указанія опыта касательно своихъ построеній?

3) «Нужно идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному посредствомъ аналогіи. Извѣстное говоритъ, — что Богъ далъ соціальные (?) законы (des codes sociaux) для твореній высшихъ сравнительно съ нами, для звѣздъ, что онъ создалъ ихъ и для твореній низшихъ, для насѣкомыхъ: пчелъ, осъ и пр.; отсюда слѣдуетъ заключить по аналогіи, что онъ далъ соціальные законы и для человѣка, созданія средняго между звѣздами и насѣкомыми, и что соціальныя потребности человѣчества не могутъ быть забыты Творцомъ, который позаботился объ удовлетвореніи соціальныхъ потребностей насѣкомыхъ, подчиненныхъ человѣку». Опять принципъ, выставленный Фурье, совершенно вѣренъ; въ немъ выражается всеобщій законъ мысли, давно извѣстный логикѣ. Но серьезная логика, чтобы сдѣлать изъ него дѣйствительное средство познанія, обставляетъ его условіями, которыя Фурье выпустилъ изъ вниманія. Онъ забылъ, что заключеніе по аналогіи тогда только ведетъ къ истинѣ и то только вѣроятной болѣе или менѣе, когда аналогія состоитъ въ существенныхъ качествахъ

*) III, 130 и слѣд.

сравниваемыхъ предметовъ, а не въ какихъ-нибудь внѣшнихъ и случайныхъ. Фурье именно не обратилъ никакого вниманія на существеннѣйшія качества сравниваемыхъ предметовъ, напр. звѣздъ и людей, изъ которыхъ одни составляютъ только вещество *), а другіе вещество и духъ, или людей и насѣкомыхъ, изъ которыхъ одни имѣютъ сложный психическій организмъ, способный къ самой разнообразной дѣятельности, а у другихъ вся психическая дѣятельность ограничивается безотчетнымъ инстинктомъ, или по крайней мѣрѣ далеко уступаетъ психической дѣятельности человѣка разнообразіемъ и отчетливостію.

4) Четвертый принципъ Фурье предписываетъ «прибѣгать къ посредству анализа и синтеза». Это правда, а дальше приложеніе принципа—неправда. «Аналогія, говоритъ Фурье, показываетъ, что страстное влеченіе есть истолкователь, имѣющій назначеніе открыть людямъ соціальный законъ, идущій отъ божества. Потому слѣдуетъ анализировать страсти, и потомъ посредствомъ синтеза комбинировать ихъ въ механизмъ серій противоположныхъ, соперничествующихъ, согласныхъ» и т. п. Въ томъ-то и дѣло, что аналогія, показывающая, что страсть есть истолкователь соціальныхъ законовъ, есть аналогія только кажущаяся. И синтезъ, построенный на истинахъ, полученныхъ съ помощію такой аналогіи, равнымъ образомъ съ помощію фантастическаго анализа, необходимымъ образомъ долженъ представить логическое построеніе весьма уродливое.

---

*) Впрочемъ Фурье, какъ мы видѣли, принимаетъ и звѣзды за существа одушевленныя; но въ то же время онъ хорошо знаетъ, что тѣ люди, которыхъ онъ старается убѣдить, не принимаютъ этого. Слѣд. для нихъ это доказательство не годится. Замѣтимъ еще, что странно, какъ самъ Фурье упустилъ изъ виду слѣдующее соображеніе. — Что звѣзды подчинены извѣстнымъ законамъ, это видно изъ того, что онѣ слѣдуютъ этимъ законамъ. Но люди не слѣдуютъ тѣмъ законамъ, которые, по мнѣнію Фурье, даны имъ промысломъ. Не ясно-ли отсюда, что виды промысла неправильно поняты имъ, и что между звѣздами и людьми есть какая-нибудь существенная разница, непозволяющая думать, что дѣйствія ихъ подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ.

5) «Не слѣдуетъ думать, что природа ограничена тѣми средствами, которыя намъ извѣстны». Опять правда; но строгимъ дополненіемъ ея долженъ быть другой принципъ, забытые Фурье, именно: говоря о средствахъ природы неизвѣстныхъ, намъ слѣдуетъ по возможности стараться дѣйствительнымъ образомъ открывать ихъ, а не выдумывать, не представлять ихъ извѣстными, когда они неизвѣстны.

6) «Упрощать дѣйствующія пружины во всякомъ механизмѣ матеріальномъ и соціальномъ». И это правило справедливо; но къ нему слѣдуетъ прибавить ограниченіе, нужно сказать: по возможности, а не безусловно. Одинъ изъ наиболѣе совершенныхъ современныхъ механизмовъ вещественныхъ—прядильная машина—представляетъ сложность, о которой не имѣли понятія въ вѣка предъидущіе; если ее упрощать безусловно, т. е. отнимать отъ нея необходимыя части, то она перестанетъ дѣйствовать правильно, цѣлесообразно. Подобнымъ образомъ если и въ соціальномъ механизмѣ оставить одну движущую пружину, страсти, и уничтожить другую, разсудокъ, то соціальный механизмъ будетъ дѣйствовать неправильно.

7) «Войти въ союзъ съ истиною опытною, т. е. не допускать ничего, кромѣ того, что подтверждаетъ опытъ». Можно допустить и это правило. Но выводъ изъ этого принципа даже внѣшнюю связь съ нимъ имѣетъ очень незначительную; на основаніи его Фурье требуетъ «изгнанія порядка, существующаго въ цивилизаціи». Гораздо правильнѣе было-бы, на основаніи этого принципа, оставить цивилизацію въ покоѣ, не изгонять ея, а просто совершенствовать. А порядки, проектируемые Фурье, изгнать, какъ дѣйствительно неимѣющіе ничего общаго съ опытомъ.

8) «Войти въ союзъ съ природою, т. е. позаботиться о томъ, чтобы доставить человѣку трудолюбивому блага и права, которыми пользуется дикарь». Принципъ справедливый, хотя нелишенный нѣкоторой темноты. Но онъ имѣетъ гораздо менѣе отношенія къ системѣ Фурье, чѣмъ ко всякой другой экономической системѣ.

9) «Беречься ошибки, сдѣлавшіяся предразсудками, принимать за принципы». — Это общее мѣсто. Но приложеніе его опять неправильно. Къ числу подобныхъ ошибокъ Фурье относитъ ту, которая «предполагаетъ Провидѣніе ограниченнымъ и невсеобщимъ». Здѣсь Фурье имѣетъ дѣло очевидно съ своею фикціею, а не съ ошибкою людскою. Ни одна религія, тѣмъ болѣе христіанство, не предполагаетъ Провидѣнія ограниченнымъ и невсеобщимъ; христіанство имѣетъ касательно этого догматъ прямой, опредѣленный и прямо противоположный тому, что Фурье считаетъ всеобщею ошибкою. И не можетъ быть сомнѣнія, что ученіе христіанства о Провидѣніи неизмѣримо болѣе соотвѣтствуетъ предмету, нежели ученіе Фурье. Христіанскій философъ, напр. Лейбницъ, исходя изъ той мысли, что виды Провидѣнія могутъ имѣть цѣлью только благо человѣка, находитъ, что все дѣйствительное или только кажущееся зло въ природѣ и въ жизни есть слѣдствіе того необходимаго условія, безъ котораго человѣкъ и человѣчество не могутъ идти къ нравственному совершенству, т. е. свободы воли. И нельзя сомнѣваться, что съ одной стороны безъ свободы воли для человѣка не было бы достижимо ни благополучіе, ни нравственное совершенство выше тѣхъ, которыми пользуются животныя, живущія обществами, какъ пчелы, бобры и пр.; съ другой стороны, что въ виды промысла конечно можетъ болѣе входить благополучіе человѣка вмѣстѣ съ его нравственнымъ совершенствованіемъ, чѣмъ со 120-ю годами дѣятельнаго упражненія въ любви.—Взглядъ Фурье на Провидѣніе тѣмъ-то и нелѣпъ, что Фурье считаетъ для него обязательными свои жалкіе идеалы; именно онъ-то и предполагаетъ Провидѣніе ограниченнымъ и невсеобщимъ, потому что подобные идеалы могутъ быть весьма разнообразны и могутъ далеко превзойти грандіозностью идеалы Фурье. Ему нравятся 120 лѣтъ дѣятельнаго упражненія въ любви, но найдутся люди, которые пожелаютъ 1,200 или 1,200,000 лѣтъ такого упражненія; ему нравятся улицы-галлереи и топленые подъѣзды, а другимъ могутъ нравиться дороги-галлереи и топленыя окрестности

фаланстера. Потомъ могутъ найтись люди, которые пожелаютъ молочныхъ рѣкъ въ кисельныхъ берегахъ или рѣкъ, состоящихъ изъ шампанскаго съ пряничными берегами и т. п. И каждый изъ этихъ людей будетъ упрекать другихъ, несогласныхъ съ нимъ, въ томъ, что они предполагаютъ Провидѣніе ограниченнымъ и невсеобщимъ! Предполагая, что Провидѣніе непремѣнно исполнитъ то, что каждому изъ насъ нравится, зачѣмъ ограничиваться противульвами и противукитами? Провидѣніе могло-бы создать и противуорловъ. Пусть противуорлы носили-бы насъ на своихъ крыльяхъ изъ Европы въ Америку и Австралію, даже на луну, на Марса, на Венеру и на другія планеты. А можно не ограничиваться и солнечной системой, можно доставить себѣ удовольствіе путешествія на систему Сиріуса, Прокіона и т. д. И зачѣмъ собирать капиталы на устройство фаланстера, зачѣмъ одолжаться гг. Шереметевымъ, Эстергази или Бельмонте? Зачѣмъ унижать себя безплодными просьбами, обращенными къ нимъ? Провидѣніе и само могло построить фаланстеръ со всѣми удобствами, службами, кухнями, полными кладовыми и пр., такъ чтобы безъ всякой промышленности, безъ устройства серій люди жили въ фаланстерахъ, ѣли, пили, веселились, занимались любовными интригами и дѣятельно упражнялись въ любви въ теченіи тысячелѣтій. Область фантазіи неограничена.

10) «Наблюдать вещи, которыя мы хотимъ знать, а не выдумывать ихъ». Это то, что мы имѣли уже случай сказать выше, именно относительно положеній самого Фурье. Фурье сводитъ этотъ принципъ опять къ своей аналогіи между человѣкомъ, звѣздами и насѣкомыми и снова приходитъ къ страстному влеченію, какъ къ указанію соціальной системы, пригодной для человѣка. Страстное влеченіе въ этомъ случаѣ очевидно играетъ для Фурье роль idée fixe.

11) «Не принимать за разсужденіе злоупотребленіе непонятными словами». Это тоже сводится къ страстному влеченію. «Мало такихъ словъ, которыхъ смыслъ понимаютъ софисты (т. е. философы); свидѣтелемъ можетъ служить слово

природа, котораго они никогда не понимали, потому что не хотятъ въ природѣ человѣка допустить, какъ единственную движущую причину, страстное влеченіе, которое они упорно отказываются изучать, хотя и хвастаются изученіемъ человѣка».

12) «Забыть то, что мы узнали, заняться выработкою нашихъ понятій съ начала и передѣлать человѣческое пониманіе». Это извѣстный принципъ Локка и Кондильяка, блещущій болѣе остроуміемъ, нежели дѣйствительною истиною. Если дать ему болѣе правильное выраженіе, то онъ обратится въ слѣдующее положеніе: нужно обо всякомъ предметѣ знанія стараться пріобрѣсти наиболѣе истинныя понятія касательно его сущности и касательно его отношеній къ другимъ предметамъ. Только это правило не обязываетъ дѣлать ломку всѣхъ существующихъ понятій, которая притомъ и невозможна. Оно позволяетъ совершенно естественнымъ и единственнымъ практическимъ способомъ дѣлать постепенное исправленіе человѣческихъ понятій и познаній посредствомъ разработки наукъ.

«Наконецъ XX Y *) нужно вѣрить, что въ системѣ вселенной все связано и что между частями ея существуетъ единство», слѣдуя тому принципу, что человѣкъ, благороднѣйшая часть всей вселенной, долженъ имѣть единство съ извѣстными гармоніями вселенной, между прочимъ съ гармоніею математическою или раціональною, съ гармоніею планетною или соціальною. и съ гармоніею музыкальною или говорящею.

---

*) Фурье въ своихъ сочиненіяхъ употребляетъ нѣкоторые знаки и термины, которые мы находимъ нужнымъ объяснить нашимъ читателямъ, насколько они могутъ быть объяснены. Впрочемъ, чтобы избавиться отъ самой возможности невѣрно передать значеніе терминовъ и знаковъ, употребляемыхъ Фурье, заставимъ говорить его учениковъ: слѣдуя имъ, Фурье «употребляетъ систему прогрессивныхъ классификацій, называемыхъ гаммами или серіями, которыя суть ничто иное, какъ ступени аналитическія и синтетическія. Онъ раздѣляетъ эти ступени на 3 или 4 части въ нѣкоторомъ смыслѣ независимыя, хотя связанныя въ системѣ общаго единства». И вотъ какимъ примѣромъ ученики объясняютъ внѣшній порядокъ системы Фурье. «Предположимъ, говорятъ они, дѣйствующую армію въ 30,000 человѣкъ. Если она состоитъ изъ 32 полковъ всякаго оружія, это составитъ лѣстницу или серію тридцати двухъ

Если человѣкъ предназначенъ къ гармоніи, то для дѣйствія его страстей и для производства его промышленности долженъ существовать гармоническій порядокъ, начерченный по тремъ упомянутымъ гармоніямъ, въ противномъ случаѣ человѣкъ оказался бы въ разладѣ съ гармоніями вселенной.

«Между прочимъ, человѣкъ не имѣлъ бы никакой связи и единства съ творцомъ вселенной, если бы мы не участвовали въ откровеніи, которое дѣлаетъ Богъ для истолкованія своимъ твореніямъ законовъ гармоніи промышленной и соціальной; это откровеніе есть влеченіе, единственный извѣстный агентъ Божества».—Мы не считаемъ нужнымъ даже указывать, какимъ образомъ всѣ разсужденія, привязываемыя Фурье къ этому принципу, отличаются полною произвольностью и несвободны отъ вліянія его idée fixe. Да и самый принципъ выраженъ безъ достаточной опредѣленности.

«Въ заключеніе X Y нужно имѣть въ виду единство системы. Оно требуетъ соціальнаго порядка, который былъ бы доступенъ и варварамъ, и дикарямъ, и цивилизованнымъ. Но для этого необходимо «пустить въ ходъ порядокъ, основанный на влеченіи, которое въ одномъ видѣ существуетъ у всѣхъ народовъ». Опять влеченіе, какъ исключительный стимулъ дѣятельности и его единство, допускаемые Фурье по недоразумѣнію!

различныхъ полковъ, которые для атаки будутъ раздѣлены каждая на 3 и 4 части».—Эти серіи Фурье и обозначаетъ обыкновенными цифрами. Но кромѣ 32 полковъ, въ арміи существуетъ главный штабъ; это существеннѣйшая часть всей арміи, стержень ея, pivot; его Фурье обозначаетъ буквою X въ лежачемъ положеніи (⋈); кромѣ того, при арміи есть адъютанты и коммисаріатъ, посредники между арміею и начальствомъ или страною; ихъ Фурье обозначаетъ посредствомъ K въ прямомъ или обратномъ положеніи (K, ꓘ); кромѣ того, онъ допускаетъ еще contre-pivot, sous-pivot, обозначая ихъ буквами X или Y въ прямомъ или обратномъ положеніи. Иногда Фурье въ частяхъ, на которыя онъ дѣлитъ свои положенія, принципы, или извѣстныя истины своей системы, замѣчаетъ качества стержней, подстержней или посредниковъ, иногда того и другого вмѣстѣ. Такимъ образомъ у него являются знаки X, χ, Y, ⅄, K, ꓘ, или соединеніе нѣсколькихъ изъ нихъ вмѣстѣ. Harmonie universelle, préface des éditeurs, 3, 4, 5.

Впрочемъ, большинство самыхъ принциповъ, выставляемыхъ Фурье, дѣйствительно справедливы; но совершенно справедливо и то, что между ними и между тѣми положеніями, которыя старается привязать къ нимъ Фурье, т. е. между самою сущностью системы его, нѣтъ ничего общаго. Такимъ образомъ куда мы ни обратимся, вся система Фурье, его взгляды на общую судьбу человѣчества и на природу самаго человѣка остаются безъ основы, въ видѣ произвольныхъ положеній, ни для кого не обязательныхъ. Фурье повидимому это самъ чувствуетъ; потому-то какъ-будто и неособенно усиливается подводить философскія основанія для своихъ положеній; но за-то тѣмъ крѣпче и увлекательнѣе хочетъ быть съ другой стороны тѣмъ подробнѣе онъ разсказываетъ, какіе прекрасные результаты будутъ сопровождать его систему, какое согласіе существуетъ между ея частями, въ какую чудную гармонію она ставитъ всю природу органическую и психическую. И если его читатель съ одной стороны убѣжденъ, что гдѣ гармонія желательна и привлекательна, тамъ она дѣйствительно и существуетъ, а съ другой если онъ раздѣляетъ взглядъ Фурье на гармонію всего существующаго, то онъ охотно приметъ положенія Фурье. Но если читатель собственнымъ опытомъ убѣдился, что невездѣ царствуетъ гармонія, гдѣ она желательна, что сходство между природою органической, неорганической и психической вовсе нетакъ велико, чтобы дѣлать обязательными для нихъ одни и тѣ же процессы, и если онъ имѣетъ другое представленіе о гармоніи, то онъ будетъ смотрѣть на положенія Фурье, какъ на чистый продуктъ воображенія, и будетъ имѣть на это неоспоримое право.

Такъ дѣйствительно и смотрѣли на систему Фурье его современники; если онъ не встрѣтилъ много вражды, какъ самъ онъ жалуется, такъ насмѣшекъ и полнаго пренебреженія къ своей системѣ онъ встрѣтилъ дѣйствительно довольно и въ литературѣ и въ обществѣ, даже въ кругу близкихъ своихъ, гдѣ совершенно серьезно подозрѣвали его въ помѣшательствѣ. Дѣйствительно, это подозрѣніе несовсѣмъ безосновательно; мечту

о будущей счастливой жизни человѣчества въ фаланстерахъ можно еще объяснить несдержанностью фантазіи, перевѣсомъ ея дѣятельности надъ дѣятельностью разсудка; въ этой мечтѣ разсудокъ хотя порабощенъ, но еще дѣйствуетъ. Но этого нельзя сказать о фантазіяхъ Фурье касательно будущихъ твореній, будущихъ перемѣнъ во вселенной, касательно психической жизни планетъ, солнцевъ, вселенныхъ; здѣсь дѣйствіе разсудка проявляется чисто только внѣшнимъ образомъ въ механическомъ соединеніи понятій, а дѣйствительнаго мышленія тутъ нѣтъ *).

Потому даже нѣкоторые изъ учениковъ Фурье, ревностно слѣдуя его ученіямъ о страстяхъ и страстномъ влеченіи, о будущей организаціи общества, оставляютъ въ тѣни его космогонію и жалуются на противниковъ Фурье, что они придираются къ этому слабому мѣсту его системы, и бросаютъ грязью въ то, что составляетъ болѣе крѣпкую и существенную часть ея. Эта жалоба несовсѣмъ справедлива; космогонія у Фурье не составляетъ какой-нибудь второстепенной и случайной части въ его системѣ; напротивъ, она есть центръ системы, въ ко-

*) Къ числу подробностей системы Фурье, серьезно указывающихъ на разстройство умственныхъ способностей его, нельзя не отнести его предсказаній о качествахъ зрѣнія у будущихъ обитателей фаланстеровъ (зрѣніе соводное, соземное и проч.), о будущихъ твореніяхъ (противульвы, противу-киты), его ученій о двухъ душахъ и двухъ полахъ у каждой планеты, о болѣзни земли и солнца и притомъ именно въ томъ, а не другомъ году (см. прил. Н), объ извѣстномъ соотношеніи между степенями чувствъ, цвѣтами (красками), ариѳметическими дѣйствіями и металлами. Мы пропустили еще одну изъ любопытнѣйшихъ мыслей автора, о томъ, что существуетъ извѣстное отношеніе между цвѣтами (fleurs) и планетами, такъ что сатурну одолжены своему бытіемъ напр. тюльпаны, марсу—фіалки и т. п. Трудно представить, чтобъ человѣкъ съ здравымъ умомъ могъ сказать это —Тоже значеніе имѣетъ числовая точность Фурье, его положительныя увѣренія, что соціальная карьера раздѣляется непремѣнно на 32 періода, что его система въ 1824 году будетъ принята европейцами, въ 1825 году всѣми другими народами, что страстей 2-й степени 12, 5-й степени 405, ни больше, ни меньше, фалангъ 2.985,984 и проч. Эта числовая точность составляетъ явленіе довольно общее у помѣшанныхъ.

торой направлены всѣ другія части ея *). Съ другой стороны сами жалующіеся, сознаваясь, что космогонія Фурье дѣйствительно не имѣетъ той прочности, какъ другія части его системы, въ то же время не находятъ ничего удивительнаго въ будущемъ появленіи на землѣ противу—львовъ, противу—крокодиловъ, и противу—китовъ **), и въ другихъ перемѣнахъ на нашей планетѣ.

Другіе ученики позволяютъ себѣ еще больше расходиться съ учителемъ, такъ г-жа Гатти-де-Гамонъ, принимая вполнѣ удобства жизни и промышленности въ фаланстерѣ, и допуская дѣйствіе всѣхъ страстей, которыя не противорѣчатъ нравственному чувству женщины, въ то же время ограничиваетъ дѣйствіе такихъ страстей, какъ папильонна, и вообще подчиняетъ страсти идеѣ долга. Но черезъ это, несмотря на то, что она почитаетъ сама себя фурьеристкою, въ дѣйствительности она слѣдуетъ уже другой, даже совершенно противоположной системѣ, потому что господство страсти и отрицаніе ограниченія ея составляетъ самый коренной догматъ, проникающій всю жизнь фаланстера, всѣ отношенія фаланги.

Впрочемъ мы видѣли, что и самъ Фурье, послѣдовательнѣйшій изъ людей, остановился передъ полнымъ практическимъ развитіемъ своей теоріи неограниченной свободы страстей; и онъ ограничилъ дѣйствіе папильонны въ любви, и предписалъ наказаніе для людей, которые начали бы карьеру любви слишкомъ большою вѣтренностью, и придумалъ награду для молодыхъ людей воздержныхъ.—Опять приходится сказать: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Человѣческая нравственность, всегда и вездѣ видѣвшая добродѣтель въ господствѣ надъ страстями, видѣвшая въ страстяхъ низшую ступень психической дѣятельности, предъявила свои права и Фурье: и волею-неволею онъ долженъ былъ признать эти права.

---

*) Самъ Фурье, излагая въ таблицѣ свое ученіе о космическихъ перемѣнахъ на землѣ, требуетъ отъ читателя по причинѣ важности предмета въ общности системы особаго вниманія въ таблицѣ, совѣтуя прочитать ее не одинъ разъ. **) H. Renaud. Solidarité, 256.

Выше мы привели нѣсколько строкъ, въ которыхъ Фурье повидимому требуетъ неограниченной свободы только для страстей «невредныхъ для другихъ» (стр. 27); но во-первыхъ это мѣсто стоитъ совершенно уединенно въ сочиненіяхъ Фурье; очевидно это обмолвка, появившаяся вслѣдствіе того-же закона природы, по которому природа выгнанная въ дверь появляется черезъ окно. И если бы Фурье серьезно думалъ предоставить свободу страстямъ только невреднымъ, то занялся бы проведеніемъ границы между страстями вредными и невредными. Дѣйствительная мысль его та, что страсти не могутъ быть вредны въ гармоническомъ порядкѣ. Во-вторыхъ, одно различеніе страстей вредныхъ и невредныхъ уже отрицаетъ самую основу системы Фурье. Если страсти могутъ быть вредны, то въ нихъ нельзя видѣть истолкованія видовъ промысла. Если ихъ нужно раздѣлить на вредныя и невредныя, то онѣ станорятся ниже разсудка, который одинъ можетъ сдѣлать это раздѣленіе; наконецъ, разсудокъ отдѣльныхъ лицъ можетъ найти вредными различныя страсти; одни считаютъ вреднымъ одно, другіе другое. Такимъ образомъ система теряетъ подъ собою всякую почву.

Мы не сказали ничего объ экономической сторонѣ ученій Фурье. Экономическимъ основаніемъ для фаланстера служитъ идея ассоціаціи, какъ производительной такъ и потребительной. Безспорной пользы ассоціаціи, какъ той такъ и другой, никто не отрицаетъ, даже экономисты, одаренные наиболѣе оптимистическимъ взглядомъ. Но въ политической экономіи, особенно въ экономической практикѣ, нѣтъ абсолютныхъ истинъ, пригодныхъ вездѣ, всегда, при всякихъ обстоятельствахъ и во всей полнотѣ. Ассоціаціи могутъ доставить большую пользу, но не вездѣ, не всегда, и не ко всему онѣ приложимы, не при всѣхъ обстоятельствахъ онѣ окажутся полезными, а напротивъ иногда окажутся вредными. Триста семействъ, соединившись въ земледѣльческую ассоціацію, съ цѣлью общаго пользованія произведеніями своего труда, конечно будутъ имѣть и сараи и овины, и заведенія для выдѣлки вина и скотные дворы

и помѣщеніе для самихъ себя лучше, чѣмъ они имѣли прежде. Въ потребленіи они будутъ имѣть много экономіи; слѣдовательно, содержаніе ихъ будетъ вообще удовлетворительнѣе. Въ производствѣ также они могутъ достигнуть большихъ результатовъ.

Только вопросъ въ томъ, возникнутъ ли всѣ другія благопріятныя для этого условія вмѣстѣ съ постройкою фаланстера; напротивъ, не исчезнутъ ли нѣкоторыя изъ нихъ. Будутъ ли всѣ рабочіе такъ усердно работать, какъ они работали прежде каждый для себя? На этотъ вопросъ и теорія и опытъ давно отвѣтили отрицательно. И собственные многочисленные опыты школы Фурье еще разъ, какъ увидимъ ниже, подтвердили справедливость этого отвѣта Такимъ образомъ не только ничѣмъ не гарантируется увеличеніе продуктовъ, но является весьма основательное сомнѣніе въ томъ, получится ли столько продуктовъ, сколько ихъ получалось прежде при отдѣльныхъ хозяйствахъ *). Фурье и самъ понимаетъ и признаетъ законность этого сомнѣнія: мало того, онъ понимаетъ, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ успѣшность производства въ фаланстерѣ ничѣмъ не гарантирована. И потому онъ придумываетъ особыя условія, особыя обстоятельства для жизни въ фаланстерѣ, такія, которыя произвели бы страстное влеченіе къ труду. Но мы видѣли, что эти разсчеты его неосновательны, что они основаны на недоразумѣніи. Трудъ привлекательный будетъ только забавою; а трудъ производительный въ гармоніи, какъ и въ цивилизаціи, будетъ сопряженъ съ непріятнымъ ощущеніемъ. Не даромъ въ Библіи появленіе труда представляется слѣдствіемъ грѣха, наказаніемъ за грѣхъ. Это основано на непреложномъ физіологическомъ законѣ; трудъ сопровождается разрушеніемъ

---

*) А между тѣмъ предположимъ, что вмѣсто того, чтобы строить фаланстеръ, Фурье пожертвовалъ бы 1250 десят. земли и 4.000,000 фр. въ пользу какой-нибудь сельской общины, имѣющей 300 домовъ и около 1,600 жителей. Это составило бы около 4 десят. земли и около 13,000 фр. на семейство. Какое чрезвычайное увеличеніе произведеній и благосостоянія вообще послѣдовало бы за этимъ въ средѣ здороваго физически и нравственно сельскаго населенія!

тканей, изъ которыхъ состоитъ организмъ человѣческій, ткань распадается на элементы и элементы эти затрудняютъ дѣятельность мышцъ, отчасти ослабляютъ ее, отчасти имѣютъ даже тотъ результатъ, что она сопровождается непріятнымъ, болѣзненымъ ощущеніемъ. И тутъ никакія страсти, ни папильонна, ни кабалиста не помогутъ. А любовныя чувства, любовные порывы съ теченіемъ времени дѣлаются менѣе живыми, притупляются, ослабѣваютъ раньше наступленія старости, въ особенности при обстоятельствахъ, благопріятствующихъ невоздержности въ этомъ отношеніи. И это ослабленіе живости и силы любовныхъ ощущеній и порывовъ замѣчается какъ со стороны соматической, такъ и со стороны психической. И потому любовныя интриги очень скоро потеряютъ свою интенсивность и даже всякую прелесть въ глазахъ пресыщенныхъ гармонійцевъ и промышленная дѣятельность въ фаланстерѣ не будетъ имѣть въ нихъ стимула, оживляющаго и усиливающаго ее.

Позволительно сомнѣваться, чтобы даже и въ періодъ наибольшей интенсивности любовныя интриги были средствомъ способствующимъ усердію рабочихъ и плодотворности работъ. Конечно, цвѣточницы и клубничницы будутъ рады позавтракать вмѣстѣ съ огородниками, которые имъ нравятся, рады будутъ устроить дружескія или любовныя связи или промышленные союзы съ ними или съ вишневщиками или съ другими рабочими фаланги. Но есть большая вѣроятность, что для устройства этихъ союзовъ онѣ не будутъ дожидаться завтраковъ или полдниковъ, а будутъ устраивать ихъ во время самыхъ работъ. Страсти ихъ будутъ столь сильны, что ждать времени завтрака онѣ не станутъ, а употребятъ для этого время, когда другіе работаютъ. А если и будутъ дожидаться завтрака или полдника, то, будучи одержимы въ сильной степени страстью, не имѣющею никакого отношенія къ ихъ работѣ, находясь въ волненіи, въ ажитаціи, едвали онѣ будутъ усердно работать и едвали ихъ работа будетъ особенно производительна.

Русскій народъ имѣетъ на это взглядъ, выраженный однимъ изъ наиболѣе разумныхъ представителей его, взглядъ, въ спра-

ведливости котораго едвали можно сомнѣваться. Смѣшивать двѣ вещи—дѣло и веселье—русскому человѣку кажется нелѣпостью.

Когда въ дѣлахъ, я отъ веселья прячусь,
Когда дурачиться, дурачусь.
И смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ.
Я не изъ ихъ числа.

Такимъ образомъ, единственный представитель здраваго смысла въ сочиненіи, занимающемъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ русской литературѣ, не раздѣляетъ взгляда Фурье, что можно вести въ перемежку дѣло съ бездѣльемъ, работу съ весельемъ, съ интригами, съ любовью и т. п.

Точно такъ же русскій человѣкъ не очень падокъ и на ассоціацію потребительную. Конечно въ артели, въ мастерской рабочіе имѣютъ общій столъ; но этимъ и ограничивается общность потребленія. Въ одеждѣ, въ обуви ея ужъ нѣтъ. И когда рабочій оканчиваетъ работу въ артели, въ мастерской, когда онъ возвращается въ деревню, тогда оканчивается и та незначительная общность потребленія, которая допускалась въ артели.

Ассоціація въ производствѣ работъ и въ потребленіи не такая новость для русскаго человѣка, какъ нѣкоторые думаютъ. Не Фурье открылъ ее. Ее зналъ и практиковалъ русскій народъ за нѣсколько столѣтій до нашего времени,—и съ изумительнымъ здравомысліемъ ввелъ ее тамъ, гдѣ она практична, осуществима, и не ввелъ тамъ, гдѣ она непрактична, неисполнима, стѣснительна, гдѣ выгоды отъ нея перевѣшиваются невыгодами. Ничего не стоило бы русскому сельскому міру, подобно артели плотниковъ, каменщиковъ, бурлаковъ и т. п., состоящему изъ тѣхъ же самыхъ людей, которые попеременно заняты то плотничьими или каменными работами, то работами земледѣльческими—ничего не стоило бы ввести ассоціацію и у себя въ деревнѣ, какъ въ производствѣ, такъ и въ потребленіи, построить одинъ хорошій сарай, одинъ хо-

рошій овинъ, одинъ хорошій скотный дворъ, одинъ большой и удобный домъ, вмѣсто 50;—но не сдѣлалъ этого русскій сельскій міръ. Земля у него въ общемъ мірскомъ владѣніи, а обработка ея индивидуальная, и пользованіе плодами ея также индивидуальное Почему?—Потому что знаютъ русскіе люди, что при общемъ производствѣ и общемъ потребленіи всѣ члены міра въ каждомъ своемъ шагѣ дома и въ полѣ должны быть подчинены чьей-нибудь чужой волѣ, или коллективной волѣ міра, или волѣ его ставленника,—посадника, атамана и пр. Въ такомъ случаѣ каждому придется отказаться слишкомъ отъ большой доли своей свободы, чего его разумно-свободная природа не вынесетъ безъ боли, безъ страданія,—и чего не вознаградило бы ему никакое увеличеніе произведеній. А безъ этого отказа. отреченія отъ своей воли, отъ самостоятельности, безъ этого подчиненія ея чужой волѣ, т. е. безъ строгой дисциплины, при полномъ пользованіи свободою во всей ея полнотѣ, увеличенія произведеній ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ, потому что рабочій не будетъ имѣть одного изъ самыхъ сильныхъ и дѣйствительныхъ побужденій къ труду, именно необходимости пріобрѣтать средства къ жизни. При господствѣ индивидуальныхъ хозяйствъ, при господствѣ ассоціаціи, ограниченной однимъ семействомъ, при томъ пользованіи собственностью, которое существуетъ теперь, побужденіе къ труду весьма сильно и реально. А въ фаланстерѣ его нѣтъ: страстное влеченіе къ труду—это фантазія и недоразумѣніе, это—доведеніе до обсурда истины давно извѣстной русскому народу, содержащейся въ пословицѣ: охота пуще неволи. Русскій народъ, зная эту истину, знаетъ и размѣры ея. Имѣя охоту, человѣкъ трудится усерднѣе, чѣмъ побуждаемый нуждою, по приказанію, изъ-подъ-палки. Но охота является не всегда; она капризна, какъ вдохновеніе поэта. Иногда она есть, а иногда ея нѣтъ. И не во всякомъ человѣкѣ появляется одна и та же охота. И произвести ее съ помощію воспитательныхъ средствъ съ полною увѣренностью нельзя. Происхожденіе ея зависитъ отъ неуловимыхъ особенностей въ психическомъ или соматическомъ

организмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ иногда отъ самыхъ незамѣтныхъ обстоятельствъ въ жизни человѣка, преимущественно въ юности. — И класть ее въ основу всей жизни народной, это то же что строить домъ на переносныхъ пескахъ или на льду.—А другихъ основъ для жизни, другихъ стимуловъ для дѣятельности у Фурье нѣтъ.

Впрочемъ, какъ мы видѣли, и въ фалангѣ существуетъ собственность. Фурье не уничтожаетъ ее, подобно коммунистамъ, а сохраняетъ и даже расширяетъ кругъ ея дѣйствія, такъ что и пятилѣтній ребенокъ въ фалангѣ имѣетъ свой собственный имущественный счетъ отдѣльно отъ своихъ родителей, братьевъ и сестеръ. Но о собственности фаланстера можно сказать то же, что Аристотель сказалъ о родствѣ въ государствѣ Платона: «я желалъ бы быть лучше двоюроднымъ братомъ при обыкновенномъ порядкѣ вещей, чѣмъ роднымъ братомъ при общности женъ и дѣтей;» т. е. въ государствѣ Платона даже и предполагаемое имъ близкое родство между воинами не имѣетъ никакого значенія, не связываетъ ихъ между собою чувствами родственными. Подобнымъ образомъ и въ фалангѣ теряетъ всякое значеніе сохраненіе собственности. Учрежденіе собственности, какъ мы уже сказали, главное значеніе свое имѣетъ въ томъ, что оно возбуждаетъ въ человѣкѣ энергію труда, которая имѣетъ два результата: во-первыхъ, она поддерживаетъ въ человѣкѣ то здоровое соматическое и психическое состояніе, mentem sanam in corpore sano, которое служитъ необходимымъ условіемъ всякаго прогресса человѣческихъ обществъ; во-вторыхъ, она даетъ возможность человѣку достигать матеріальнаго благосостоянія, болѣе и болѣе освобождаться отъ вреднаго дѣйствія стихій, болѣе и болѣе господствовать надъ природою. Въ системѣ Фурье оба эти результата достигаются вполнѣ безъ всякаго вліянія собственности: трудится въ фаланстерѣ всякій, повинуясь исключительно своей наклонности къ труду, подогрѣваемой промышленными и другими интригами и дѣйствіемъ другихъ страстей; и какъ вслѣдствіе этого, такъ и вслѣдствіе общей организаціи жизни въ

фаланстерѣ всякій пользуется такимъ благосостояніемъ, какого только желать можно, такъ что собственность теряетъ всякое значеніе и привлекательность, перестаетъ существовать для человѣка.

Любопытно, какъ отнесся къ этому вопросу Милль. Онъ знаетъ, что Фурье сохраняетъ въ фаланстерѣ собственность, и не высказываетъ по этому поводу никакихъ особенныхъ замѣчаній. Напротивъ принимаетъ за нѣчто серьезное раздѣленіе дохода въ фаланстерѣ между капиталомъ, трудомъ и талантомъ; такъ что вообще жизнь фаланстера оказывается построенною на тѣхъ самыхъ началахъ, которыя господствуютъ теперь, и между прочимъ на собственности. «Система Фурье, по его словамъ, не уничтожаетъ ни одного изъ мотивовъ дѣятельности, существующихъ въ нынѣшнемъ состояніи общества» *)— но заканчивая анализъ и оцѣнку фурьеризма, Милль высказываетъ, что для разныхъ системъ соціализма, и между прочимъ для фурьеразма, еще не пришло время, что они еще должны сдѣлать опыты, которые могли бы рѣшить вопросъ объ ихъ состоятельности. И при этомъ прибавляетъ, что «долго еще экономистъ долженъ будетъ заниматься условіями существованія и прогресса, свойственными обществу, устроенному на частной собственности и личной конкурренціи».—Такимъ образомъ общество фаланстера исключается изъ числа обществъ, основанныхъ на частной собственности и личной конкурренціи. Общее впечатлѣніе и дѣйствительный характеръ системы пробились наружу въ словахъ Милля, вопреки мнѣнію, высказанному имъ раньше.—Ненадобность и безполезность частной собственности въ фаланстерѣ столь очевидны, что надобно удивляться, почему Фурье оставилъ существованіе ея тамъ. Вѣроятно, это сдѣлано имъ съ тою цѣлью, чтобы не оттолкнуть отъ себя сильныхъ міра и между прочимъ капиталистовъ, въ содѣйствіи которыхъ онъ нуждался.—Впрочемъ, можно ли требовать цѣлесообразности, послѣдовательности и строгой причинности

*) Mille, Principes d'Économie politique, Paris, 1861, стр. 242.

въ словахъ и дѣйствіяхъ человѣка, отвергающаго значеніе самой дѣятельности разсудка?

Разнообразіе занятій, столь восхваляемое Фурье, безспорно имѣетъ большое значеніе для поддержанія энергіи труда; работнику, который всю жизнь свою подкладываетъ въ печку уголь или рубитъ проволоку на равныя части, конечно скорѣе опротивѣетъ его работа, нежели тому, кто въ одно время года пашетъ землю, потомъ убираетъ хлѣбъ, молотитъ его и везетъ въ городъ, потомъ садится за ткацкій станокъ,—который заботится о своемъ скотѣ, о своемъ огородѣ и садѣ, который рубитъ лѣсъ, строитъ себѣ домъ и сарай, приготовляетъ себѣ одежду или обувь и т. п. Такой рабочій безспорно сохранитъ въ болѣе здоровомъ и бодромъ состояніи не только тѣло, но и духъ.—Но правду сказалъ самъ Фурье, «что надо обращаться къ опыту, и брать его въ руководство», а не строить на ложныхъ началахъ фантазіи, которыми общественные недостатки никогда не исправлялись.—Если бы Фурье, съ помощію опыта указалъ какія-нибудь дѣйствительныя средства избавить человѣка отъ необходимости всю жизнь свою подобно машинѣ ограничиваться немногими механическими движеніями, онъ безспорно оказалъ бы услугу человѣчеству. А теперь этой заслуги онъ не имѣетъ.

Вообще если мы попробуемъ во всей реформаторской дѣятельности Фурье поискать чего-нибудь такого, что можно было бы поставить ему въ заслугу, мы станемъ въ большое затрудненіе. Онъ съ участіемъ представилъ изображеніе жалкой участи трудящихся классовъ въ то время, какъ общая сумма произведеній въ странѣ ростетъ, обратилъ вниманіе на ужасное положеніе дѣтей, употребляемыхъ на фабрикахъ, на общую бѣдность въ деревняхъ, на худое питаніе рабочихъ, на медленное ихъ умираніе вслѣдствіе этого, высказалъ нѣсколько весьма остроумныхъ мыслей относительно свободы въ европейскихъ государствахъ и всякаго рода соціальныхъ паразитовъ, въ значительной степени уменьшающихъ общее благосостояніе, хотя не обошелся въ этомъ случаѣ безъ большого преувеличенія подъ вліяніемъ своей idée fixe.

Но, во первыхъ, все это не составляетъ его открытія. Не только въ XVIII, но и въ предъидущихъ вѣкахъ многіе обращали на все это вниманіе; и у Фурье его участіе въ судьбѣ низшихъ классовъ болѣе походитъ на формальный приступъ къ разсужденію, чѣмъ на выраженіе яснаго сознанія жалкаго положенія трудящихся классовъ.—Во-вторыхъ, если бы критическая часть его ученія представляла цѣну въ десять разъ бо́льшую, и въ такомъ случаѣ чашка вѣсовъ, содержащая добрую сторону ученій его, представляла бы вѣсъ безконечно малый сравнительно съ вѣсомъ чашки, содержащей положительную часть его, всю эту массу абсурдовъ, изумляющую и поражающую изслѣдователя. И въ этой массѣ наибольшее значеніе имѣютъ не ученія его о страстномъ влеченіи къ труду, о папильоннѣ, кабалистѣ, о зрѣніи соземномъ и соводномъ, о противульвѣ, противукитѣ, о сѣверной или южной жидкости, о благоуханіи моря, о болѣзни земли въ 1816-мъ году, и болѣзни солнца въ 1785-мъ. Все это абсурды, указывающіе только на ненормальное состояніе умственныхъ способностей автора, если не на самое утонченное шарлатанство. Наибольшее значеніе въ системѣ Фурье имѣетъ ученіе о страстяхъ, какъ истолкованіи видовъ промысла, о томъ, что человѣкъ обязанъ слѣдовать исключительно ихъ указаніямъ, что онъ долженъ презирать свой разумъ, долженъ игнорировать ученіе объ обязанностяхъ и долгѣ, которое со стороны Фурье подвергалось только насмѣшкамъ вмѣстѣ съ провозвѣстниками его, этими «messieurs les champions du devoir pénible et des privations»—гг. защитниками тягостнаго долга и лишеній. Намъ, прибавляетъ Фурье, такое ученіе не нужно, не пригодно.

Не надобно много вдумываться во всѣ эти положенія Фурье, чтобы понять, что въ нихъ заключается самое полное отрицаніе, непризнаніе въ человѣкѣ его человѣческаго достоинства, непризнаніе различія между нравственностью и безнравственностью, различія между нравственнымъ добромъ и зломъ. Это дѣйствительное стремленіе низвести человѣка на степень низшаго животнаго, скота. Отрицая самый умъ человѣческій,

отрицая его значеніе, отвергая его дѣятельность, какъ излишнюю, производя эту sui generis кастрацію человѣка, Фурье въ XIX вѣкѣ далъ бытіе факту, не имѣвшему мѣста въ исторіи человѣческой мысли никогда, даже въ вѣка варварства. И варвары и самые низшіе классы въ средѣ народовъ образованныхъ всегда и вездѣ высоко ставили человѣческій разумъ, въ большемъ или меньшемъ обладаніи имъ видѣли большую или меньшую честь для себя и для каждаго человѣка. Конечно Фурье не понималъ всего смысла, всей portée своихъ словъ. Тѣмъ не менѣе они не составляютъ у него шутки или обмолвки; онъ десятки страницъ посвятилъ развитію мысли о ненадобности разума, онъ положилъ ее въ основаніи всей своей системы; и она находится въ согласіи со всѣми ея частями и служитъ къ объясненію ихъ. Дѣйствительно только презирая разумъ и законы его дѣятельности можно говорить то, что говорилъ Фурье. И если Фурье ни сумасшедшій, ни шарлатанъ, то всѣ чудовищности, высказанныя имъ, ничто иное, какъ слѣдствіе этого теоретическаго изгнанія логики, удаленія ума изъ его собственной, исключительно ему принадлежащей области мысли. Вслѣдствіе чего мысль самого Фурье дѣйствительно и вполнѣ превратилась въ бредъ, да притомъ въ бредъ съ особеннымъ характеромъ крайней безнравственности, униженія человѣческой природы, низведенія ея на низшія ступени царства животнаго. Система Фурье не можетъ быть превзойдена никакою неблагопріятною оцѣнкою.

Идеалы Фурье представляютъ нѣчто крайне извращенное, нравственно уродливое, отталкивающее. Его богъ не имѣетъ ничего общаго съ общечеловѣческою идеею божества. Это Пріапъ, занятый изъ греческаго пантеона, богъ, олицетворяющій низшую сторону природы человѣческой. У грековъ рядомъ съ Пріапомъ въ пантеонѣ были представители высшихъ свойствъ, способностей и стремленій человѣка, напр. Аполлонъ, Аѳина, Діана и проч. Фурье довольствуется однимъ Пріапомъ.—Его идеалъ женщины—это гетера, которой любовная карьера столь сложна и блестяща, что Фрина, Лаиса и Клеопатра имѣютъ причины

завидовать ей.—Его общество—это общество грязнаго увеселительнаго заведенія или даже публичнаго дома. Фурье узаконяетъ, чтобы въ фаланстерѣ дѣти не жили вмѣстѣ съ тѣми возрастами, которые упражняются въ любви, подобно тому какъ и у насъ законъ запрещаетъ, подъ какимъ бы то ни было видомъ, держать дѣтей въ публичномъ домѣ.—Его идеалъ человѣка вообще олицетворяется не тѣми свѣтлыми личностями, которыя въ теченіе исторической жизни человѣчества были его руководителями на пути добра, правды, нравственной красоты, а ихъ нравственными антиподами. Это не Сократъ, не Титъ, не Маркъ Аврелій, не Людовикъ IX, не Гуссъ, не канцлеръ Лопиталь, не Іерей Сильвестръ, не патріархъ Гермогенъ, не Мининъ, не Ордынъ-Нащокинъ, не Ньютонъ, не Говардъ, потому что эти люди рабски слѣдовали предписаніямъ долга, господствуя надъ влеченіями страстей,—а Фрина и Лаиса, Лукуллъ и Вителлій, Неронъ, Геліогабалъ, папа Александръ Борджія, регентъ Филипъ Орлеанскій, Людовикъ XV, генералъ Баррасъ и масса подобныхъ героевъ дебоши изъ русской жизни XVIII и XIX вѣка, между прочимъ извѣстный генералъ Измайловъ. Эти люди вполнѣ отвѣчали идеалу Фурье, вполнѣ соблюдали принципъ—слѣдовать влеченію страсти, презирать разсудокъ, игнорировать всякую идею о долгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о человѣческомъ достоинствѣ. Ни въ помыслахъ, ни въ стремленіяхъ этихъ людей не найдете ничего святого, ничего, могущаго возбуждать къ нимъ сочувствіе, уваженіе, преданность; соотвѣтствіе идеалу Фурье полное. Въ этотъ идеалъ понятіе о долгѣ и человѣческомъ достоинствѣ не входитъ. Объ унитеизмѣ Фурье только упомянулъ при исчисленіи страстей, но примѣры унитеизма взялъ изъ жизни «цивилизаціи»; а въ гармоніи «главныя пружины—которыми она пользуется» суть удовольствія, относящіяся «къ хорошему столу и любви». (См. ниже прил. Л).

На этихъ удовольствіяхъ сосредоточены интересы всего міра въ періодъ гармоніи. Вопросъ о приготовленіи пирожковъ считается столь важнымъ, что для избранія лучшаго способа при-

готовленія ихъ 60 имперій устраиваютъ своего рода конкурсъ. Формируется армія въ 600,000 пирожниковъ, состоящая изъ 60 дивизій. Для рѣшенія вопроса организуется верховный совѣтъ, засѣдающій въ Вавилонѣ, состоящій изъ представителей всего земного шара; въ помощь совѣту устроены три второстепенные суда для предварительныхъ испытаній. Весь міръ приведенъ въ движеніе этимъ важнымъ вопросомъ. Шестьдесятъ имперій посылаютъ по этому случаю посольства одна другой. Путешественники съѣзжаются, «чтобы быть свидѣтелями этихъ ученыхъ битвъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе спора между столькими имперіями; вавилонскіе бюллетени читаются съ жадностью во всемъ мірѣ». Вотъ какими интересами поглощенъ весь міръ при господствѣ гармоніи, вотъ въ чемъ состоятъ ученыя состязанія въ гармоніи, вотъ чѣмъ заняты ея академіи.

Но это только цвѣтки, а ягодки заключаются въ томъ, о чемъ самъ Фурье не рѣшился говорить, именно въ «войнѣ интригъ любовныхъ». По словамъ Фурье, говорить объ этой войнѣ было бы «несогласно съ нашими нравами». Послѣ того, какъ онъ съ полною откровенностью разъяснилъ, что въ гармоніи всякая женщина можетъ имѣть въ одно и то-же время мужа, производителя, фаворита и кромѣ того можетъ состоять въ половой связи со всякимъ встрѣчнымъ, въ чемъ можетъ состоять то, о чемъ онъ не рѣшается говорить? Можно себѣ представить весь цинизмъ порнографическихъ картинъ и разсужденій, скрывающихся за этимъ умолчаніемъ.

И въ этомъ состоятъ уже самые высокіе интересы, около которыхъ будетъ вращаться жизнь будущаго общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Генезисъ системы Фурье.

Изучая систему Фурье, невольно приходишь къ вопросу: какимъ процессомъ мышленія могли выработаться какъ основанія ея, такъ и тѣ многочисленныя подробности, которыя своимъ особымъ характеромъ по истинѣ изумляютъ читателя. Мы говорили, что люди, знавшіе Фурье, серьезно считали его за сумашедшаго; другіе (см. ниже пр. Г.) высказываютъ мнѣніе, что онъ переносилъ въ организацію будущей гармонической жизни то, что видѣлъ во снѣ. Не отвергая ни того, ни другаго мнѣнія, напротивъ невольно склоняясь къ мысли, что умственныя способности Фурье были разстроены, мы находимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что какъ основанія, такъ и частности его системы не изобрѣтены имъ, не придуманы его фантазіею, а заимствованы имъ изъ разныхъ источниковъ. Что разсудокъ отказался правильно служить ему, это обнаружилось не въ томъ, что онъ включилъ въ свою систему фантастическія подробности (фантастическія подробности въ фантастическомъ цѣломъ, подобномъ, напр. «Тысячѣ и одной ночи» или «Руслану и Людмиллѣ», были бы на мѣстѣ и нисколько не обнаруживали бы ненормальной дѣятельности разсудка),—а въ томъ, что онъ, понадергавши у разныхъ авторовъ всякаго рода оригинальныхъ ученій, соединилъ ихъ въ своей системѣ, придавая одинаковую вѣру мнѣніямъ раціоналистовъ и мечтаніямъ визіонеровъ. Указать съ точностью, откуда именно Фурье дѣлалъ свои заимствованія очень трудно: литература человѣческихъ заблужденій очень обширна и мало извѣстна, по крайней мѣрѣ въ подробностяхъ; тѣмъ не менѣе можно указать нѣкото-

рыхъ авторовъ и нѣкоторыя сочиненія, которыхъ положенія столь сходны съ положеніями Фурье, что предположеніе о посредственныхъ или непосредственныхъ заимствованіяхъ, сдѣланныхъ Фурье у этихъ авторовъ, оказывается весьма вѣроятнымъ.

Своимъ ученіемъ о природѣ человѣка, о долгѣ, о страстяхъ Фурье непосредственно примыкаетъ къ философамъ, беллетристамъ и авторамъ политическихъ романовъ XVIII вѣка. Философы XVIII вѣка, преимущественно тѣ, которые служатъ представителями его главнаго характера и стремленій, Руссо, Гольбахъ, Дидеро, Гельвецій и др., учили, что существующія въ человѣческихъ обществахъ понятія о добрѣ и злѣ, объ обязанности и влеченіи, о религіи и природѣ неправильны, что природа человѣческая со сторонѣ религіи, нравственности и законодательства подвергается ненужнымъ и неправильнымъ стѣсненіямъ, что страсти имѣютъ гораздо больше права на свободу дѣйствія, чѣмъ сколько даютъ ея моралисты и учители вѣры.

Гельвецій называлъ безумцами тѣхъ, которые стремились ограничить страсти. Фурье видѣлъ въ такомъ стремленіи самонадѣянное покушеніе на исправленіе дѣлъ Божіихъ. Гельвецій говорилъ, что безъ страстей не можетъ быть великимъ ни философъ, ни министръ, ни генералъ, ни поэтъ. Тоже утверждалъ и Фурье. И онъ требовалъ страстей сильныхъ и разнообразныхъ въ одномъ и томъ же лицѣ. Людей, имѣющихъ немного страстей, онъ не уважалъ; имѣющихъ только одну страсть, которыхъ онъ называлъ solitones, уважалъ всего менѣе. Такимъ solitone'омъ былъ тріумвитъ Антоній, который погибъ безславно потому, что имѣлъ только одну страсть, привязанность къ Клеопатрѣ. Наполеонъ, слѣдуя Фурье, имѣлъ нѣсколько сильныхъ страстей; отъ того его карьера и была столь блестяща.

Проектируя въ будущемъ двѣ главныя пружины дѣятельности людей, удовольствія хорошаго стола и любовь, Фурье какъ будто слѣдовалъ программѣ Гельвеція, какъ будто имѣлъ своею задачею осуществить его историческій афоризмъ, который говоритъ: «Чувственныя удовольствія безъ вѣдома народовъ составляютъ самый могущественный ихъ двигатель». Или «удовольствія отъ связи съ женщинами служатъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ началъ нашей дѣятельности» (De l'homme. Amst. 1774. I. 170). И Гельвецій не находитъ, чтобы было противно нравственности, если народная признательность будетъ вознаграждать заслугу, талантъ, храбрость красивою рабынею и вообще наложницею (une belle esclave, une cancubine) (III, 20).

Въ XVIII вѣкѣ былъ писатель La Mettrie, который написалъ даже сочиненіе «l'art de jouir» (искусство наслажденія), гдѣ въ выраженіяхъ, полныхъ цинизма, описываетъ преимущественно половыя удовольствія и разныя подробности кокетства, употребляемыя женщинами для привлеченія мужчинъ *).

Классификаціею страстей занимались почти всѣ французскіе философы и даже нѣкоторые богословы XVII и XVIII столѣтій: Декартъ, Малебраншъ, Боссюэтъ, Паскаль, Гельвецій и другіе. Фурье, какъ мы видѣли, внесъ сюда только новыя названія, претензію на новыя открытія и нелѣпую систематизацію съ преобладаніемъ кабалистическихъ цифръ (3 страсти главныя, 12 второстепенныхъ и т. п.).

Въ частности свобода половыхъ отношеній находила себѣ многочисленныхъ защитниковъ въ средѣ философовъ XVIII вѣка; мы привели раньше (т. I, стр. 220) разужденія объ этомъ предметѣ Бриссо; они совершенно одинаковы съ разсужденіями Фурье. Подобно Бриссо разсуждалъ Дидеро въ «Дополненіи къ путешествію Бугенвиля» (тамъ же, стр. 270). Вообще ученіе о свободѣ половыхъ отношеній совсѣмъ не составляетъ новости, открытой Фурье. Еще въ XVII вѣкѣ Верассъ представлялъ, какъ идеалъ соціальной жизни, такой порядокъ, при которомъ люди могли бы мѣняться женами, кромѣ женъ могли бы имѣть любовницъ, и т. п. (стр. 261—2). Въ XVI вѣкѣ Дони проектировалъ полный коммунизмъ въ бракѣ, весьма похожій на тотъ, который проектировалъ и Фурье (стр. 256). Даже, какъ мы видѣли, въ VI вѣкѣ нашей эры брачный коммунизмъ былъ не только проповѣдуемъ, но и осуществленъ въ Персіи (Т. I, стр. 171); въ I и II вѣкѣ его проповѣдывали ученики Симона Волхва, Корпократа и Николаиты. Въ IX вѣкѣ его проповѣдывалъ и даже осуществилъ въ мусульманскомъ мірѣ нѣкто Карматъ. Онъ и его преемники основали и распространили государство, въ которомъ господствовалъ принципъ общности женъ, существовавшее почти цѣлое столѣтіе. Имъ принадлежали Куфа, Бассора, даже Мекка. Еще раньше къ тому же видимымъ образомъ стремился греко-римскій міръ въ эпоху своего разложенія; и христіанство, съ его ученіемъ объ ограниченіи страстей, о воздержаніи, было тѣмъ якоремъ спасенія, на которомъ онъ удержался отъ окончательнаго паденія.

Едвали можно думать, что заимствованія Фурье ограничивались

---

*) La Mettrie. Oeuvres. philosophiques. 1796. T. II, стр. 41 и слѣд.

выше названными писателями. Кромѣ сочиненій философскихъ и реформаторскихъ, было много сочиненій беллетристическихъ: романовъ, поэмъ и другаго рода стихотвореній, которыя прославляли половыя удовольствія на всѣ возможные лады. Порнографическая литература XVIII вѣка чрезвычайно богата. Для нея существуютъ особенные книжные каталоги, довольно объемистые. Наиболѣе извѣстнымъ представителемъ этой литературы былъ извѣстный маркизъ де-Садъ, котораго сочиненія своею безнравственностью не уступаютъ сочиненіямъ Фурье, потомъ Казанова и пр. Сочиненія этого рода повидимому были весьма распространены у насъ въ Россіи въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго. По крайней мѣрѣ они уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ старыхъ библіотекахъ, сохранившихся отъ того времени. Нашимъ собственнымъ представителемъ этой литературы былъ извѣстный Барковъ и его подражатели. Нѣкоторыя подобныя сочиненія не безъ основанія приписываются Пушкину и Лермонтову.

Этого рода сочиненія по всей вѣроятности имѣли большее вліяніе на формированіе порнографическихъ вкусовъ Фурье вмѣстѣ со всѣмъ теченіемъ жизни въ XVIII вѣкѣ. XVIII вѣкъ по справедливости причисляется къ самымъ безнравственнымъ въ исторіи. Къ нему относятся времена регентства, Людовика XV и наконецъ директоріи. Намъ кажутся крайне преувеличенными увѣренія Фурье, что въ европейскомъ обществѣ изо всѣхъ вообще половыхъ связей только $^1/_8$ принадлежитъ къ связямъ законно-брачнымъ; да и въ этихъ связяхъ только въ $^1/_{100}$ соблюдается супружеская вѣрность; что къ концу концовъ въ цивилизованномъ обществѣ всякій мужчина былъ въ связи съ каждою женщиною. Не столь рѣзкимъ преувеличеніемъ были эти увѣренія для XVIII вѣка, для времени, къ которому относится юность Фурье.

Въ самой индивидуальности Фурье были особенности, въ большой мѣрѣ благопріятствовавшія сформированію въ немъ этихъ безнравственныхъ вкусовъ. Самъ онъ признавался, что его чувства слишкомъ непостоянны, что поэтому ему не слѣдуетъ жениться. — Пелярѣнъ разсказываетъ изъ жизни его слѣдующій случай: однажды Фурье на балѣ понравилась какая-то дѣвица. Фурье признался въ этомъ одному изъ своихъ знакомыхъ. Тотъ говоритъ ему:—Зачѣмъ же дѣло стало? Обратитесь къ ея родителямъ; за васъ охотно отдадутъ.—Нѣтъ, отвѣчалъ Фурье, мнѣ нельзя жениться; у меня слишкомъ непостоянныя чувства. Непостоянныя чувства Фурье имѣли быть можетъ основаніе въ томъ, что онъ былъ балованнымъ ребенкомъ въ семействѣ бога-

томъ, но едвали достаточно образованномъ. Подобные субъекты всегда отличаются непостоянствомъ. Не такъ давно въ одномъ процессѣ обнаружилось, что въ Москвѣ подобный маменькинъ сынокъ еще не старый имѣетъ 100 человѣкъ незаконныхъ дѣтей; вѣроятно у этихъ дѣтей не одинъ десятокъ матерей. Кромѣ того, натура Фурье, вообще отличалась нервностью, какъ сообщаетъ Прудонъ, знавшій его лично (Création de l'ordre etc. 217). А это конечно не благопріятствуетъ постоянству наклонностей. И онъ дѣйствительно никогда не былъ женатъ. Но его біографъ, сообщая объ этомъ фактѣ, прибавляетъ, что принимая во вниманіе взгляды Фурье на отношенія между полами, нельзя сомнѣваться, что его жизнь не протекла безъ любви. И разумѣется не отъ Фурье можно ожидать, чтобы его любовь отличалась постоянствомъ. Его непостоянство проявляется вездѣ и всегда. Онъ перемѣнилъ нѣсколько магазиновъ, въ которыхъ обучался торговлѣ; потомъ перемѣнилъ много конторъ, торговыхъ домовъ и городовъ, въ которыхъ онъ служилъ въ качествѣ прикащика. И вотъ это-то личное его непостоянство, въ связи съ другими обстоятельствами, легко объясняетъ происхожденіе его ученія о страстяхъ, гдѣ папильоннѣ дано столь большое значеніе въ сношеніяхъ между полами, въ работѣ и пр.

Другой пунктъ заимствованій Фурье относится къ его проекту земледѣльческой ассоціаціи. Мы видѣли, что Феге предлагалъ проектъ земледѣльческихъ общинъ (стр. 231—2), въ которыхъ въ видахъ взаимной выгоды членовъ были бы соединены занятія земледѣльческія и мануфактурныя; нѣчто подобное предлагали Ла Пломбани (стр. 271), Шамуссе (стр. 274). Но идея Фурье гораздо болѣе близка къ идеѣ Исторіи Севарамбовъ Верасса и Базиліады Морелли. Верассъ предлагалъ такую организацію страны (стр. 261), чтобы она была раздѣлена на общины съ населеніемъ болѣе 1,000 человѣкъ; эти общины, помѣщаются въ отдѣльныхъ огромныхъ зданіяхъ, осмазіяхъ, съ внутренними садами, фонтанами и т. п.; осмазіи очевидно имѣютъ одинъ смыслъ съ фаланстерами, а ихъ жители очень напоминаютъ фаланги Фурье.

Общины Морелли объемомъ своимъ превосходятъ фаланги Фурье; но по духу онѣ еще ближе къ нимъ, чѣмъ общины Верасса. Въ нихъ всѣ работаютъ сообща подъ руководствомъ способнѣйшихъ и опытнѣйшихъ членовъ (стр. 205), подобно тому, какъ и фаланга трудится подъ руководствомъ ареопага, составленнаго изъ опытнѣйшихъ людей (т. II стр. 53); и даже это руководство имѣетъ совершенно одинаковый характеръ въ фалангѣ и въ общинѣ Морелли. Фа-

ланга если слѣдуетъ совѣтамъ ареопага, то дѣлаетъ это совершенно добровольно, такъ какъ совѣты ареопага ни для кого не обязательны: то-же самое и въ общинѣ Морелли. И тамъ «всякое принужденіе безполезно, потому что повиновеніе будетъ исполненіемъ желанія», и «указанія начальниковъ будутъ исполняться съ удовольствіемъ». Какъ Фурье, такъ и Морелли, оба видятъ въ страстяхъ наиболѣе дѣйствительное побужденіе къ дѣятельности человѣка, оба допускаютъ влеченіе къ труду и т. п. Даже самыя подробности занятій въ общинахъ Морелли сильно напоминаютъ подробности занятій фаланги.

«Дѣти, женщины, старики и люди взрослые оставляютъ свои жилища и раздѣляются на многочисленные отдѣлы (у Фурье серіи); одни копаютъ землю (дѣло идетъ о проведеніи большой дороги), переносятъ ее и выравниваютъ, другіе копаютъ, тешутъ, перевозятъ и кладутъ на мѣсто камни. Нѣкоторые садятъ деревья вдоль канавъ, женщины и дѣти устраиваютъ столики и скамейки. Въ этой толпѣ царствуетъ такой порядокъ, занятія распредѣлены такъ хорошо, что громадныя работы исполняются съ удивительною скоростью и кажутся играми.» (т. I, стр. 207).

Морелли писатель XVIII вѣка. Но ту-же самую идею мы встрѣчаемъ и въ XVI; у Дони вмѣстѣ съ брачнымъ коммунизмомъ существуетъ также полная свобода дѣйствій, никто ни къ чему не обязанъ, всякій дѣлаетъ только то, что ему нравится; и такой порядокъ приводитъ общество къ наиболѣе полному счастію. (Т. I, стр. 256).

Космогонія Фурье заимствована имъ по всей вѣроятности изъ двухъ источниковъ; во первыхъ у Гершеля. Громадныя заслуги Гершеля въ астрономіи извѣстны. До него была хорошо установлена и доказана теорія движенія планетъ около солнца, но ученіе о неподвижныхъ звѣздахъ находилось во младенчествѣ. Гершель одинъ описалъ небесный сводъ, указалъ въ немъ явленія, которыхъ и не подозрѣвали астрономы, и представилъ нѣкоторыя соображенія о перемѣнахъ, происходящихъ въ отдаленныхъ пространствахъ вселенной; онъ открылъ Урана и его спутниковъ, равно какъ спутниковъ Сатурна, открылъ существованіе двойныхъ звѣздъ, открылъ уменьшеніе свѣта звѣздъ и доказывалъ, что оно составляетъ общій законъ всѣхъ свѣтилъ небесныхъ; между прочимъ онъ доказывалъ, что туманныя пятна съ теченіемъ времени превращаются въ плотныя небесныя тѣла.—Изо всего этого Фурье уже своимъ умомъ переработалъ теорію послѣдователь-

ныхъ перемѣнъ, которымъ подвергается каждое небесное тѣло, бывающее сначала туманнымъ пятномъ, потомъ планетою, солнцемъ, вселенной простой, двойной, тройной и т. д. Уменьшеніе свѣта небесныхъ тѣлъ привело его къ мысли о смерти небесныхъ тѣлъ, потомъ о состояніи ихъ здоровья и онъ былъ увѣренъ, что онъ владѣлъ даже какими-то средствами діагноза, позволявшими ему опредѣлять точно время болѣзни земли и солнца. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ къ теоріи Гершеля онъ повидимому присоединяетъ теорію Джіордано Бруно, который говорилъ, что небесныя тѣла—существа одушевленныя (Т. I. стр. 256). — Фурье прибавилъ къ этому ученію только выводъ. Если небесныя тѣла—существа одушевленныя, т. е. организмы, то, разумѣется они могутъ быть въ состояніи здоровья и въ состояніи болѣзни.

Другой и болѣе обильный источникъ заимствованій Фурье касательно космогоніи (и даже не одной космогоніи) составляютъ ученія Сведенборга, который подобно Фурье допускалъ, что небесныя тѣла служатъ мѣстопребываніемъ людей послѣ смерти.

О загробной жизни Сведенборгъ училъ, чтовъ ней ожидаютъ человѣка тѣже самыя радости и удовольствія, которыя существуютъ и на землѣ, что послѣ смерти мы будемъ жить въдворцахъ, будемъ пить и ѣсть, будемъ пользоваться богатствомъ, будемъ холосты или женаты; что мы будемъ облечены въ тѣло, только наше тѣло будетъ какое-то особенное. Фурье выразилъ этотъ взглядъ въ своемъ описаніи жизни человѣка на другихъ тѣлахъ небесныхъ, когда онъ не будетъ «нечувствующимъ и немыслящимъ покойникомъ», а напротивъ, всѣ психическія отправленія его будутъ даже живѣе, чѣмъ теперь; вслѣдствіе чего онъ и называетъ загробныхъ жителей людьми болѣе живыми, чѣмъ мы. — Тѣло наше, слѣдуя Фурье, также будетъ особеннымъ, именно оно будетъ аромальнымъ, такъ что будетъ проникать во внутренность скалъ и т. п.

Сведенборгъ подобно Фурье занимался вопросами не одной загробной жизни, а также и жизни настоящей; онъ также предполагалъ раздѣлить человѣческія общества на небольшія общины, которыя помѣщались бы въ особыхъ большихъ постройкахъ, также приспособленныхъ къ разнаго рода занятіямъ. И такія общины сведенборгистовъ даже осуществлены; онѣ существуютъ въ настоящее время въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, и американскіе сведенборгисты принимали радушно фурьеристовъ, какъ своихъ единовѣрцевъ. (См. Диксона Духовныя жены. Спб. 1869 г., стр. 304).

Повидимому Фурье дѣлалъ заимствованія у Сведенборга даже въ развитіи мыслей. Такъ Сведенборгъ, осуждая извращенный порядокъ (l'ordre perverti), существующій у людей, указываетъ людямъ на пчелъ и муравьевъ, которые съ покорностью слѣдуютъ порядку указанному имъ творцомъ *). У Фурье это одинъ изъ его любимыхъ мотивовъ, которымъ онъ пользуется неоднократно для доказательства той мысли, что родъ человѣческій находится на ложной дорогѣ, что онъ устроилъ свою жизнь несогласно съ видами промысла.

Есть еще у Фурье одна частность, источникъ которой мы повидимому можемъ указать. Это его ученіе о движеніяхъ. Движеніе занимало философовъ отъ самаго начала философіи. Еще Гераклитъ въ движеніи искалъ объясненія всѣхъ явленій въ природѣ. Почти такъ же думалъ Аристотель, который движеніе считалъ главнымъ началомъ, причиною органической жизни. Напротивъ Зенонъ совсѣмъ отрицалъ движеніе, что будто бы подало поводъ одному изъ его противниковъ доказывать существованіе движенія тѣмъ, что онъ сталъ молча ходить передъ его глазами взадъ и впередъ, фактъ, составляющій содержаніе одного изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина.

Въ позднѣйшія времена движеніе было предметомъ, занимавшимъ такіе умы, какъ Декартъ и Лейбницъ, которые въ ученіи о движеніи слѣдовали путемъ древнихъ, развивали мысли Аристотеля о движеніи, какъ началѣ жизни, — мысль, которая оказывается несостоятельною только въ слѣдствіе позднѣйшихъ успѣховъ естественныхъ наукъ, непозволяющихъ видѣть всеобщее начало въ явленіи, которое безъ внѣшней, посторонней причины само не могло имѣть мѣста.

Въ XVIII вѣкѣ ученіе о движеніи развивалось; философы того времени принимали нѣсколько разнородныхъ движеній. Бриссо допускалъ ихъ три: движеніе существенное (mouvement essentiel), движеніе добровольное (m. spontané) и движеніе принужденное (m. forcé).

Фурье сначала, какъ мы видѣли, принималъ четыре движенія, потомъ прибавилъ къ нимъ пятое. Довольствоваться тремя движеніями онъ не хотѣлъ; онъ всюду хотѣлъ внести долю своей самобытности, а съ другой стороны хотѣлъ превзойти въ своихъ открытіяхъ не только Ньютона, но и философовъ XVIII вѣка.

Фурье увѣрялъ, что въ своемъ мышленіи онъ все, чему учили

---

*) Les Merveilles du ciel, de l'enfer et de terres planétaires, par Emman. Swedenborg. Berl. 1782. T. I, стр. 65.

раньше его, подвергъ сомнѣнію, потомъ все отвергъ. Въ этомъ и состоитъ то, что онъ называетъ doute absolu et l'écart absolu. Изъ того, что мы привели выше, оказывается, что его отрицаніе не было абсолютнымъ; что напротивъ всѣ существеннѣйшія части его системы повторяютъ только то, что раньше его было сказано другими. И въ послѣдствіи самъ Фурье долженъ былъ признать это, не смотря на предыдущія противныя увѣренія. Подвергшись порицанію за нелѣпыя доктрины, онъ сталъ ссылаться на прежніе авторитеты, утверждавшіе то же самое, что утверждалъ и онъ. Такъ изъ Монтескье онъ приводитъ мысль, что человѣчество находится въ состояніи нравственнаго утомленія, вялости, langueur; изъ Бартелеми, что, наши библіотеки ничто иное, какъ складъ всякаго рода заблужденій; изъ Руссо, что господствующій соціальный порядокъ есть порядокъ превратный; изъ Шеллинга, что звѣзды суть существа одушевленныя. Если бы онъ былъ откровеннѣе, то этотъ рядъ авторитетовъ-источниковъ былъ бы гораздо длиннѣе. Тутъ явились бы вѣроятно и Верассъ и Морелли и Дж. Бруно и Сведенборгъ Упомянулъ бы въ такомъ случаѣ Фурье и Баррера, которому принадлежитъ первая мысль континентальной системы и т. п.

Ему самому въ его системѣ принадлежитъ только доведеніе всякой вычитанной имъ мысли до абсурда, украшеніе ея прибавками или выводами, которыхъ нелѣпость поражаетъ воображеніе.

Монтескье утверждалъ, что человѣчество находится въ состояніи утомленія.—Мысль эта вѣроятно равняется жалобѣ, что высшіе интересы не привлекаютъ къ себѣ современныхъ ему людей, занятыхъ матеріальными и вообще мелочными интересами. Фурье о высшихъ интересахъ не имѣетъ представленія, и утомленіе человѣчества предполагаетъ лечить гастрономическими и любовными интригами.—Бартелеми сказалъ, что наши библіотеки составляютъ складъ заблужденій. Мысль совершенно справедливая, потому что нѣтъ книгъ безъ ошибокъ, и книгъ худыхъ гораздо больше, чѣмъ хорошихъ. Но хорошія книги все-таки есть, и въ каждой книгѣ рядомъ съ ошибками есть какія нибудь и истины. Фурье этого не знаетъ. Бартелеми своей образной фразой поработилъ его умъ настолько, что онъ готовъ, подобно Омару, сжечь всѣ существующія книги, и за невозможностью сдѣлать это, объявляетъ, что онѣ должны войти въ ничтожество.—Руссо сказалъ, что господствующій порядокъ есть порядокъ извращенный. Фурье знаетъ даже, отъ чего эта извращенность происходитъ; слѣдуя ему, она

происходитъ отъ того, что люди не повинуются страстямъ, выдумали идею долга и обязанностей, вообще даютъ волю и значеніе разуму. А первоначальная причина состоитъ въ томъ, что первоначальное твореніе на землѣ было превратное. И все это исправится вдругъ; умолкнетъ разсудокъ, страсти начнутъ дѣйствовать согласно, появятся новыя творенія на землѣ и на небѣ немедленно послѣ того, какъ на средства Шереметева будетъ устроена земледѣльческая ассоціація.—Шеллингъ сказалъ, что небесныя тѣла суть существа одушевленныя. Фурье пошолъ дальше: слѣдуя ему, они андрогины, одаренные органами прокреаціи, они могутъ быть здоровы и больны; между ними даже учреждены карантины. Здоровыя небесныя тѣла не входятъ въ сношенія съ тѣлами зараженными, къ числу которыхъ принадлежитъ наша земля.

Таковы ученія, принадлежащія самому Фурье. Кромѣ того, ему же принадлежитъ соединеніе такихъ несоединимыхъ предметовъ, какъ ученія Гершеля и ученія Сведенборга, ученія астронома и ученія визіонера или соединеніе въ одной системѣ ученій Ньютона о законахъ всеобщаго тяготѣнія съ своими собственными ученіями о законахъ, «по которымъ Богъ распредѣляетъ формы, свойства, цвѣта, вкусы всѣмъ веществамъ созданнымъ или тѣмъ, которыя будутъ созданы».—Эти соединенія доказываютъ одно—неоспоримое и крайнее невѣжество Фурье.—Это же невѣжество позволяло ему свои дѣтскія разсужденія или бредъ разстроеннаго воображенія называть «науками, вычисленіями, открытіями».—«Первая наука, которую я открылъ»,—говорилъ онъ.—Потомъ онъ сдѣлалъ «вычисленіе всеобщихъ судебъ» и т. д., то самое вычисленіе, въ которомъ онъ говоритъ о сѣверной коронѣ и о благоуханіи моря, надушеннаго сѣверною жидкостью.—Оно же, невѣжество позволяло ему вооружаться противъ разума *).

Невѣжество это—первоначальный или говоря словами самого Фурье пивотальный источникъ всѣхъ его писаній. Оно дало имъ бытіе; оно

---

*) Какъ образчикъ его невѣжества Прудонъ указываетъ на тотъ фактъ, что Фурье никогда не умѣлъ помножить цѣлое число на дробь. У него всегда въ произведеніи получалось число бо̀льшее сравнительно съ множимымъ. (Quest ce que la Proprіété. Paris, 1873, стр. 154). Выше (стр. 44) мы мимоходомъ указали его невѣрное вычисленіе сравнительной дешевизны стола въ фаланстерѣ и въ хозяйствахъ отдѣльныхъ. За такое вычисленіе, сдѣланное ученикомъ 2-го класса гимназіи, преподаватель никогда не оставитъ его безъ выговора. Таковы достоинства дѣйствительныхъ-то вычисленій Фурье.

же дало и характеру ихъ общія и самыя существенныя черты.—Подробности опредѣлились отчасти случайностями его чтенія, содержаніемъ и направленіемъ тѣхъ книхъ, которыя ему довелось читать, отчасти другими свойствами его индивидуальности. Его непостоянство, какъ мы уже сказали, отразилось въ ученіи о свободѣ страстей, о краткихъ сеансахъ въ работѣ, о свободѣ половыхъ отношеній; его наклонность къ лакомству, въ дѣтствѣ обнаружившаяся въ стихотвореніи въ честь умершаго кандитера, въ системѣ выразилась въ проектѣ гастрономическихъ состязаній, имѣющихъ увлекать все человѣчество; его дѣтская любовь къ комнатнымъ растеніямъ обнаружилась въ проектахъ страстныхъ серій бѣлорозистовъ, махроворозистовъ, нарциссистовъ, и во время опыта въ Конде-Сюръ-Вегрѣ, въ покупкѣ на большія суммы экзотическихъ растеній, безъ сомнѣнія ни на что ненужныхъ. — Его любовь къ музыкѣ и болѣе или менѣе значительные успѣхи, достигнутые въ ней, въ системѣ проявились въ ученіи о соотвѣтствіи между тонами и степенями чувствъ, въ проектѣ оперы съ характеромъ воспитательнымъ, въ проектѣ музыкальнаго воспитанія животныхъ и т. п. (См. ниже прил. М.)

Б.

Опыты осуществленія идей Фурье.

Опытовъ осуществленія идей Фурье было сдѣлано нѣсколько, въ разныхъ частяхъ свѣта — въ Европѣ, въ Африкѣ и въ Америкѣ; но подробныя свѣдѣнія есть только касательно опытовъ произведенныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. О другихъ имѣются самыя краткія свѣдѣнія. Такъ Л. Рейбо сообщаетъ, что были сдѣланы опыты въ Африкѣ (въ Сигѣ, въ Алжиріи), въ Бразиліи; и оба они оказались безуспѣшными; но кто руководилъ опытами, какія средства употрбелены для нихъ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній.

Подобнымъ образомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, почему и при какихъ обстоятельствахъ оказался безуспѣшнымъ опытъ, предпринятый г-жею Гатти де-Гамонъ, вмѣстѣ съ англичанами братьями Юнгами въ Сито, извѣстномъ древнемъ аббатствѣ во Франціи близъ Дижона. Этотъ опытъ, впрочемъ, имѣлъ особенный характеръ. Г-жа Гатти де-Гамонъ хотя причисляетъ себя къ школѣ Фурье, но отдѣлилась отъ нея

въ самой существенной части его ученій, именно—въ ученіи о страстяхъ, объ ихъ свободѣ, преимущественно въ отношеніяхъ между полами. Г-жа Гатти де-Гамонъ старается идеи Фурье соединить съ идеями «евангельскаго стоицизма», какъ выражается Рейбо. Можно съ увѣренностью утверждать, что подобная задача не можетъ быть разрѣшена удовлетворительно. Что и оказалось въ Сито, гдѣ, по словамъ Рейбо *), были затрачены многіе мильоны, и въ концѣ концовъ дѣло было сведено къ обыкновенному сельско-хозяйственному, земледѣльческому предпріятію.

Во время второй французской республики 1848 года былъ предпринятъ еще одинъ опытъ, хотя очень въ скромныхъ размѣрахъ. Для насъ онъ тѣмъ интереснѣе, что извѣстія о немъ мы имѣемъ отъ самихъ сторонниковъ фурьеризма. Боде Дюлари продалъ свое имѣніе въ Конде-сюръ-Вегрѣ, на которомъ при жизни Фурье былъ сдѣланъ опытъ устроить первый фаланстеръ. Но въ его владѣніи осталась находящаяся вблизи мельница въ Шене (Chesnaie) и небольшой клочекъ земли,—34 гектара. Желая что-нибудь сдѣлать въ пользу идей, которымъ онъ былъ преданъ, онъ согласился съ нѣкоторыми рабочими устроить здѣсь заведеніе, которое совмѣщало бы занятія земледѣльческія съ мануфактурными. Предполагалось развести садъ и главнымъ образомъ питомникъ съ цѣлью продавать молодыя фруктовыя деревья, вмѣстѣ съ тѣмъ устроить картонажную фабрику, столярную мастерскую и заведеніе для гравированія на деревѣ. Только часть этихъ предположеній была осуществлена; застой въ дѣлахъ вслѣдствіе политическаго кризиса разстроилъ дѣла заведенія. Обратились къ помощи правительства, но не получили ея. Затѣмъ возникли неудовольствія между Боде Дюлари и Ленуаромъ, выборнымъ руководителемъ предпріятія, и уже 2 марта 1850 года заведеніе закрылось **).

Въ 1867 году на этомъ мѣстѣ существовало такъ называемое «общественное хозяйство» (le ménage sociétaire). Нѣсколько старыхъ фурьеристовъ купили эту землю у Боде Дюлари, построили здѣсь большой домъ, приспособленный къ жизни отдѣльныхъ семействъ и холостяковъ, организовали «акціонерное общество» владѣльцевъ этого имѣнія и живутъ здѣсь съ платою денегъ за квартиру и содержаніе.

---

*) L Reybaud: Etudes sur les réformateurs. Paris, 1864. I. 160 и 468.

**) Jules Duval въ Annuaire de l'Association pour 1868, стр. 148 и слѣд.

Главные руководители дѣла гг. Пуликанъ и Фуко и г-жа Моро *). Впрочемъ, собственно дѣла-то почти никакого нѣтъ: колонія содержится не на доходы имѣнія, а на посторонніе доходы отдѣльныхъ лицъ. Доходы имѣнія весьма ограничены, и всѣ работы въ немъ производятся наемными рабочими. Жители колоніи только иногда подчищаютъ деревья, поливаютъ цвѣты, переворачиваютъ сѣно и т. п. И почтенный авторъ **), у котораго мы заимствуемъ извѣстія объ этомъ хозяйствѣ, находитъ, что при этомъ оправдывается теорія Фурье, что жители благодаря краткости и разнообразію занятій, обнаруживаютъ тотъ élan, который Фурье считалъ принадлежностью гармонической промышленности. Вообще онъ видитъ здѣсь опытъ общественной жизни хотя «далекій отъ фаланстеріальнаго идеала», но тѣмъ не менѣе такой, гдѣ «имя, память и образъ Фурье паритъ» надо всѣмъ ***). Развѣ только образъ Фурье паритъ здѣсь, потому что портретомъ Фурье украшены всѣ комнаты въ помѣщеніи колоніи. А духа фурьеризма здѣсь нѣтъ; по крайней мѣрѣ онъ не воплощенъ, не осуществленъ. Переворачивать сѣно и поливать цвѣты съ увлеченіемъ кому изъ насъ не приходилось? —Но черезъ это мы не сдѣлались фурьеристами.—А наемные люди, исполняющіе здѣсь хозяйственныя работы, конечно, работаютъ не по страстному влеченію къ работѣ, такъ что говорить по поводу этого ménage sociétaire о гармонической промышленности, о теоріи Фурье совсѣмъ не приходится.—Что касается до опыта, сдѣланнаго въ 1848, онъ безспорно имѣетъ гораздо болѣе значенія въ вопросѣ о состоятельности системы Фурье. Дюваль говоритъ, что предпріятіе пострадало благодаря политическому кризису. Но о кризисѣ этомъ основатели предпріятія знали заранѣе; и начался онъ ранѣе. Почему же они не приняли противъ него предварительныхъ мѣръ?

Впослѣдствіи былъ сдѣланъ еще опытъ и очень замѣчательный, опытъ, продолжающійся и до сихъ поръ съ большимъ успѣхомъ, но имѣющій связь съ системою Фурье только видимую, а по духу даже противоположный ей. О немъ, однако, мы представимъ всѣ имѣющіяся данныя для полнаго уясненія факта.

*) Все это дѣятели предыдущихъ опытовъ осуществленія фурьеризма. Пуликанъ былъ вмѣстѣ съ Ж. Дювалемъ однимъ изъ участниковъ опыта въ Сигѣ; Фуко, г-жа Моро, равно какъ Ленуаръ были участниками опыта въ Сито, гдѣ братья Юнги, по словамъ Ж. Дюваля безтолково (avec si peu d'intelligence) растратили свои капиталы (Ib. 154).

) Дюваль. *) Тамъ же, 168.

Еще при жизни Фурье, около 1825 года, къ школѣ его примкнулъ нѣкто Годенъ (Godin-Lemaire), по ремеслу кузнецъ; но, судя по всему, примкулъ невполнѣ, сочувствуя его идеѣ ассоціаціи, а не сочувствуя другимъ идеямъ, подобно тому, какъ Греа сочувствовалъ ассоціаціи, а не сочувствовалъ тому, что онъ называлъ «излишнимъ». Въ устройствѣ фаланстера въ Конде-сюръ-Вегрѣ, гдѣ соединились всѣ наличныя силы фурьеризма, Годенъ не принимаетъ участія.

Онъ въ это время занимался своимъ ремесломъ и не безъ успѣха. Къ 1846 году, онъ успѣлъ нажить столь значительныя для ремесленника средства, что основалъ собственное небольшое литейное заведеніе въ Гизѣ, на берегу Уазы. Литейное заведеніе поведено было съ большимъ искусствомъ и увѣнчалось необыкновенными успѣхами, такъ что въ скоромъ времени Годенъ пріобрѣлъ большое состояніе. Между тѣмъ его сочувствіе къ идеѣ ассоціаціи вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ богатства не заглохло: и когда Консидеранъ, въ 1852 году, собирался въ Техасъ, чтобы основать тамъ фаланстеръ, Годенъ предложилъ ему свое содѣйствіе. Но Консидеранъ отказался отъ него, безъ сомнѣнія потому, что идеи его и Годена не были вполнѣ согласны, и Консидеранъ не хотѣлъ въ пользу Годена поступиться чистотою принциповъ фурьеризма. Годенъ остался во Франціи, продолжалъ свое дѣло, и средства его все росли. И такъ какъ его филантропическія чувства требовали удовлетворенія, то онъ и рѣшился сдѣлать что-нибудь для рабочихъ, имѣвшихъ занятія въ его литейномъ заведеніи, которое уже приняло громадные размѣры: онъ построилъ для нихъ домъ на 1200 человѣкъ, со всѣми службами и вообще со всѣми удобствами. При домѣ существуетъ госпиталь, школа, библіотека, научныя чтенія для взрослыхъ, артезіанскій колодезь, кооперативный магазинъ, сады, казино, бани, прачешныя и т. п. И все это устроено отлично, какъ въ Нью-Ланаркѣ въ лучшую его пору *). Но хозяйства у рабочихъ отдѣльныя; каждое семейство имѣетъ особое помѣщеніе, особый столъ и т. п. И названіе всему этому зданію дано соотвѣтствующее; это не фаланстеръ, это фамилистеръ.

Годенъ остается владѣльцемъ фамилистера; но затраченный имъ капиталъ погашается посредствомъ небольшихъ взносовъ рабочихъ.

---

*) См. Annuaire de l'association, за 1867 и 1868 годъ. Двѣ статьи г. А. Мари о гизскомъ фамилистерѣ. Г. Мари говоритъ, что съ точки зрѣнія технической заведеніе Годена есть первое въ цѣломъ мірѣ.

такъ что современемъ домъ перейдетъ въ ихъ собственность, разумѣется, если они будутъ продолжать дѣлать взносы.

Рабочіе составляютъ ассоціацію, состоящую изъ членовъ, раздѣленныхъ на 3 степени, смотря по времени, въ теченіи котораго они работали въ фамилистерѣ, и смотря по суммѣ взносовъ, сдѣланныхъ ими для погашенія стоимости фамилистера. Принимаются рабочіе на заводъ съ строгимъ разборомъ, именно только тѣ, которые представляютъ гарантіи хорошаго поведенія; а люди худаго поведенія даже удаляются, если бы имъ и удалось поступить. Дисциплина въ фамилистерѣ существуетъ безъ поблажекъ: за легкое нарушеніе порядка рабочіе подвергаются штрафамъ, за болѣе серьезныя —удаляются.

Главное руководство дѣлами принадлежитъ Годену, но при немъ есть Conseil de Gerance (административный совѣтъ), члены котораго избираются рабочими. Изъ общаго дохода отчисляются суммы на воспитаніе дѣтей, на разнаго рода пособія и пр.

При раздѣленіи дохода между капиталомъ и трудомъ, тотъ и другой получаютъ поровну, что́ по словамъ постороннихъ посѣтителей обращается къ выгодѣ рабочихъ.

Мать пятерыхъ дѣтей освобождается отъ работы, но заработокъ получаетъ такъ, какъ будто бы она продолжала работать. Есть и другія льготы для многосемейныхъ рабочихъ.

Инвалиды труда получаютъ пенсіи очень порядочныхъ размѣровъ: 75 и 60 фр. мужчины, и отъ 35 до 45 фр. женщины въ мѣсяцъ.

Все заведеніе стоило Годену до 4.600,000 фр. Годенъ имѣетъ свое собственное семейство, которое онъ раньше обезпечилъ суммою въ 3 миліона фр.

Этотъ краткій очеркъ съ полною очевидностью показываетъ, что между фамилистеромъ въ Гизѣ и ученіями Фурье нѣтъ ничего общаго. Работаетъ здѣсь каждый не по страстому влеченію, а побуждаемый необходимостью добывать себѣ и своему семейству кусокъ хлѣба; и ревность трудящихся подогрѣвается не любовными или какими-нибудь другими интригами, а штрафами; а за интриги, за повиновеніе кабалистѣ или папильоннѣ, удаляютъ изъ заведенія.

Годенъ недовольствовался ролью руководителя промышленнаго предпріятія и вмѣстѣ съ тѣмъ доброжелателя и благодѣтеля своихъ рабочихъ; онъ не разъ выступалъ и на литературную арену съ сочиненіями весьма почтеннаго характера имѣющими въ виду улучшеніе быта рабочихъ. Въ одномъ изъ нихъ (Solutions sociales. Paris, 1871) онъ осуж-

даетъ Фурье за то, что онъ цѣлью дѣятельности человѣка поставилъ исключительно достиженіе личнаго удовольствія и интереса. По мнѣнію Годена, на этомъ устоѣ не можетъ быть устроена правильная общественная жизнь; нужно еще, чтобы люди умѣли приносить жертву одинъ въ пользу другого. Къ ученію Фурье о господствѣ страстей Годенъ не высказываетъ сочувствія, но говоритъ о томъ что личныя наклонности (penchants) человѣка, если онѣ не противны нравственности и не вредятъ другимъ, должны быть принимаемы во вниманіе при распредѣленіи занятій, противъ чего конечно ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ возражать. Въ другомъ сочиненіи (La richesse au service du peuple. Paris, 1874; небольшая брошурка) Годенъ, описывая фаланстеръ жалуется, что рабочіе худо понимаютъ задачу учрежденія, не покидаютъ своихъ худыхъ привычекъ, чѣмъ вредятъ и себѣ и другимъ. Какъ на средство противъ этого зла, онъ указываетъ на необходимость лучшаго воспитанія и обученія народныхъ массъ. Все это опять вполнѣ согласно съ здравымъ смысломъ, а съ фурьеризмомъ ничего общаго не имѣетъ.

Гизскій фамилистеръ представляетъ отрадное явленіе, образецъ доброжелательныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими; такія отношенія, хотя медленно, но замѣтнымъ образомъ умножаются въ сферѣ промышленной. Имъ не отказываютъ въ самомъ полномъ сочувствіи представители политико-экономическихъ направленій, всего менѣе расположенныхъ къ соціальнымъ утопіямъ. Для этого очерка данныя взяты нами, между прочимъ, изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ «Journal des économistes» *), служащемъ представителемъ политико-экономической школы, которой девизъ: laisser faire, laisser passer. Не смотря на то, редакція журнала относится съ большимъ сочувствіемъ къ учрежденію Годена.—На всемірной выставкѣ 1867 г. въ Парижѣ, куда Годенъ представилъ планы, виды и описанія фамилистера, ему была присуждена серебряная медаль, какъ лицу, устроившему хорошее и дешевое помѣщеніе для рабочихъ.

Итакъ гизскій фамилистеръ къ школѣ Фурье не принадлежитъ.

Но было сдѣлано много опытовъ дѣйствительнаго осуществленія идей Фурье еще раньше, чѣмъ возникъ гизскій фамилистеръ, только

*) За сентябрь 1881 г., статья Лимузена: Familistère de Guise. И за ноябрь того же года статья самого Годена, содержащая нѣсколько дополненій и поправокъ къ статьѣ Лимузена.

не въ Европѣ, а въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ. И объ нихъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія въ сочиненіи Землера: Geschichte des Socialismus und Communismus in Nordamerica (Leipz. 1880).

Введеніемъ фурьеризма на свою почву Соединенные Штаты обязаны Альберту Брисбену, издавшему въ 1840 году книгу «The social destiny of man» (соціальное назначеніе человѣка), которой названіе сильно напоминаетъ Destinée sociale Консидерана, и которая по сущности своей была къ ней очень близка. Брисбенъ неоднократно посѣщалъ Европу и почерпалъ идеи фурьеризма въ самомъ источникѣ ихъ, въ редакціи журналовъ Phalange и Démocratie pacifique, гдѣ однажды его встрѣтилъ Карлъ Грюнъ, авторъ книги Die sociale Bewegung in Frankreich. Книга Брисбена была принята съ особеннымъ сочувствіемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ въ то время общество интересовалось всякаго рода нововведеніями, имѣвшими въ виду улучшеніе общественныхъ отношеній. Брисбенъ не удовольствовался изданіемъ книги, а кромѣ того въ разныхъ городахъ устраивалъ публичныя чтенія, въ которыхъ развивалъ идеи промышленности, основанной на ассоціаціи, согласно съ планами Фурье. Брисбенъ не касался той части ученій Фурье, которая возбуждала жалобы моралистовъ, и успѣхъ чтеній былъ весьма значителенъ. Третье орудіе пропаганды Брисбенъ нашелъ въ журналистикѣ съ помощію крайне оригинальной, чисто американской выдумки. Онъ нанялъ въ газетѣ «New-York Tribune», имѣвшей 40,000 абонентовъ, нѣсколько столбцевъ, въ которыхъ онъ развивалъ и распространялъ свои взгляды на истинную организацію общества. Такимъ образомъ газета состояла подъ двумя редакціями: одною частью ея завѣдывала прежняя редакція, а другою Брисбенъ. Обѣ редакціи, впрочемъ, были близки по направленію. Это было весною 1842 года. Въ то же время нѣсколько мѣстныхъ апостоловъ фурьеризма проходили всю страну съ проповѣдью новыхъ идей. Успѣхъ всѣхъ этихъ средствъ пропаганды превзошелъ всѣ ожиданія. Люди состоятельные отозвались на призывъ Брисбена изъявленіемъ готовности дать средства для устройства фаланстеровъ; охотниковъ вступить въ число будущихъ обитателей фаланстеровъ оказалось столько, что лѣтомъ 1843 года десятки фалангъ, по выраженію Землера, «какъ грибы, выросли» на поверхности Соединенныхъ Штатовъ *). Изъ нихъ болѣе значительныхъ было около 30.

---

*) Semler, Geschichte der Socialismus in Nordamerika, стр. 138.

Жизнь въ фалангахъ устроилась по возможности сообразно съ теоріею Фурье. Капиталы доставлены были большею частью посторонними лицами, относившимися къ дѣлу сочувственно.—Населеніе фалангъ образовалось такое, какое требовалось теоріею: были люди бѣдные и люди обладавшіе капиталами, хотя незначительными, были люди образованные и самые простые, были люди старые, молодые и дѣти, мужчины и женщины. Занятія по преимуществу были земледѣльческія; но къ нимъ присоединялись и другія отрасли производства, по указанію мѣстныхъ обстоятельствъ. И на первое время многіе какъ изъ обитателей фаланстеровъ, такъ и изъ постороннихъ доброжелателей могли надѣяться, что дѣло увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Начало было весьма блестящее; жизнь и дѣятельность фалангъ являлась въ формахъ весьма привлекательныхъ.

Вотъ какъ одинъ изъ партизановъ фурьеризма описываетъ жизнь въ «Сѣверо-Американской» фалангѣ, самой состоятельной и благоустроенной изо всѣхъ, организованной непосредственными стараніями самого Брисбена.

«Какъ скоро роса высохла, одна группа сошла внизъ на прелестный лугъ, чтобы разгребать сѣно; и усердіе, быстрота и старательность, съ какими эта работа была исполнена, были краснорѣчивымъ доказательствомъ влеченія, господствующаго въ комбинированной промышленности. Между тѣмъ другіе доставляли для обѣда овощей, которыхъ фаланга, по всеобщему признанію сосѣдей, имѣетъ превосходные запасы; нѣкоторые занимались другими домашними работами. И когда нью-іоркскіе и изъ другихъ городовъ гости прибыли, и приблизился часъ собранія, то послышался звукъ колокола; и какъ мужчины, такъ женщины и дѣти собрались въ орѣховой рощѣ подлѣ дома, гдѣ въ тѣни устроены были полукругомъ мѣста для сидѣнья. Здѣсь говорили рѣчи В. Чаннингъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей Фурье въ Америкѣ, и Г. Грилей (гл. редакторъ Трибуны).—Такъ прошло около полутора часовъ; затѣмъ все общество возвратилось въ домъ, гдѣ въ залѣ всѣ сѣли за длинный столъ и приступили къ здоровому обѣду, отлично приготовленному сестрами фаланги. Холодная чистая вода была единственнымъ напиткомъ, благодаря правиламъ умѣренности членовъ. Нѣсколько тостовъ и краткихъ рѣчей служили приправою обѣда.

«Чтобы произвести перемѣну послѣ обѣда, предложено было идти на лугъ. Вытребованы были всѣ грабли и всѣ вилы; и никогда никакая

группа не пользовалась ими съ бо́льшею веселостью. Никогда ни одинъ лугъ не былъ убранъ съ большею скоростью; и вскорѣ послѣ начала работы уже было желаніе заняться другою работой (дѣйствіе папильонны); начальникъ группы выразилъ сожалѣніе, что онъ не можетъ удовлетворить этому желанію. Заключеніемъ торжества были танцы, продолжавшіеся до полуночи. Такъ окончился этотъ по истинѣ радостный и дружескій праздникъ» *).

Это происходило 4-го іюля 1845 года, въ день національнаго праздника Соединенныхъ Штатовъ. Въ этотъ день городскіе гости, будучи свободны отъ занятій, ежегодно посѣщали фалангу. Землеръ приводитъ нѣсколько другихъ подобныхъ описаній, сдѣланныхъ партизанами фурьеризма. И во всѣхъ ихъ находимъ почти одно и тоже: прогулки въ полѣ или на лугу, обѣдъ или ужинъ, танцы и музыка. Такова была показная сторона дѣла, и она была вездѣ во всѣхъ новоустроенныхъ фалангахъ одинакова. Вездѣ предавались самымъ радужнымъ мечтамъ, устраивали праздничные обѣды, танцы и т. п.

Но разочарованіе наступило такъ скоро, какъ никто не ожидалъ. Сѣверо-американская фаланга была счастливѣе другихъ; она существовала 12 лѣтъ, а всѣ другія фаланги существовали гораздо меньше; нѣкоторыя прекращали свое существованіе до истеченія перваго года. Землеръ приводитъ полный списокъ фалангъ съ показаніемъ, сколько времени существовала какая фаланга, сколько она обработывала земли, сколько имѣла членовъ, сколько сдѣлала долговъ и т. п. Списокъ этотъ слишкомъ достоинъ вниманія, чтобы его не помѣстить здѣсь вполнѣ. Вотъ онъ:

1. Альфадельфія, въ Мичиганѣ. Число членовъ 400—500, земли 2,800 акровъ. Существовала 2 года 9 мѣсяцевъ.

2. Брукфармъ, въ Массачусетсѣ. Членовъ 115; земли 200 акровъ. Существовала 5 лѣтъ.

3. Бруке, въ Огайо. Нѣтъ свѣдѣній.

4. Бюро Каунти, въ Иллиноисѣ. Нѣтъ свѣдѣній.

5. Кларксонская промышленная ассоціація, въ Нью-Іоркѣ: 420 членовъ, земли 2,000 акровъ, 6—9 мѣсяцевъ существованія.

6. Клермонтская фаланга, въ Огайо; членовъ 120, земли 900 акр., 16,000 доллар. долгу. Существовала 2 года.

7. Калумбійская фаланга, въ Огайо. Нѣтъ свѣдѣній.

*) Semler, 264.

8. Гарденъ-Гровъ. въ Айовѣ. Нѣтъ свѣдѣній.

9. Гузъ-Паундъ община. въ Пенсильваніи. Членовъ 60: Нѣсколько мѣсяцевъ существованія.

10. Община Великаго луга. въ Огайо. Нѣтъ свѣдѣній.

11. Интегральная фаланга. въ Иллинойсѣ. 30 семействъ, земли 500 акровъ. Существовала 9 мѣсяцевъ.

12. Промышленная ассоціація Джефферсонскаго графства, въ Нью-Іоркѣ; 406 членовъ. земли 1.200 окровъ. Существовала нѣсколько мѣсяцевъ.

13. Ляграижъ. въ Индіанѣ: земли 10.000 акровъ. Нѣтъ подробныхъ свѣдѣній.

14. Лерэйсвилль, въ Пенсильваніи: 40 членовъ. земли 300 акровъ. Существовала 8 мѣсяцевъ.

15. Марльборо-ассоціація, въ Огайо. 24 члена. много долговъ. Существовала 4 года.

16. Макъ Кинъ-ассоціація. въ Пенсильваніи: земли 30,000 акр. Нѣтъ свѣдѣній.

17. Мургоузъ-Унія. въ Нью-Іоркѣ: земли 120 акровъ. Существовала нѣсколько мѣсяцевъ.

18. Сѣверо-американская фаланга. Нью-Джерсей. 112 членовъ. земли 670 акровъ, 17.000 дол. долгу. Существовала 12 лѣтъ.

19. Огайо-фаланга. въ Огайо. 100 членовъ. земли 2.200 акровъ, много долговъ. Существовала 10 мѣс.

20. One-mentian (единодушная фаланга). въ Пенсильваніи: земли 800 акровъ. Существовала 1 годъ.

21. Октаріо-фаланга. въ Нью-Іоркѣ. Существовала короткое время.

22. Прери-Гомъ. община въ Огайо; земли 500 акровъ. Существовала 1 годъ.

23. Наританъ Бэй-Унія. Нью Джерсей. Мало членовъ. земли 260 акровъ.

24. Сангамонъ-фаланга, въ Иллонойсѣ. Нѣтъ свѣдѣній.

25. Соціальной Реформы Единство. въ Пенсильваніи. 20 членовъ. земли 2.000 акровъ. 2.000 дол. долгу. Существовала 10 мѣсяцевъ.

26. Содусъ-Бей-фаланга. въ Нью-Іоркѣ. 300 член.. земли 14.000 акровъ. Существовала короткое время.

27. Спрингъ-Фармъ-ассоціація. въ Висконсинѣ. 10 семействъ. Существовала 3 года.

28. Сильванская-ассоціація, въ Пенсильваніи. 145 членовъ, земли 2,000 акровъ, 5.000 дол. долгу. Существовала 2 года.

29. Трумбуль-фаланга, въ Огайо; 1,500 акровъ. Существовала 2½ года.

30. Ваштенау-фаланга, въ Мичиганѣ. Нѣтъ свѣдѣній.

31. Висконсинъ-фаланга, въ Висконсинѣ. 32 семейства, земли 1,800 акровъ. Существовала 6 лѣтъ.

Этотъ списокъ говоритъ безъ сомнѣнія краснорѣчивѣе, чѣмъ приведенный выше разсказъ объ уборкѣ сѣна. объ обѣдѣ и танцахъ. Промышленная дѣятельность, какъ въ ассоціаціи, такъ и въ отдѣльномъ семействѣ, слагается не изъ такихъ частностей, какъ обѣды, тосты. танцы и пр. И сгребаніе сѣна принадлежитъ къ самымъ незначительнымъ хозяйственнымъ операціямъ; оно и въ наше время производится праздничнымъ образомъ. По крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи крестьяне и крестьянки одѣваются на сѣнокосъ по праздничному, въ лучшія свои одежды.

Гораздо болѣе имѣетъ значенія и имѣло болѣе послѣдствій то, что вся въ совокупности промышленная дѣятельность всѣхъ фалангъ была неудовлетворительна. даже дѣятельность фаланги Сѣверо-Американской. на которую истрачено всего больше денегъ и возлагалось всего больше надеждъ. И она окончила свое существованіе съ дефицитомъ и даже вошла въ долги.

Какъ произошло это. вслѣдствіе какихъ причинъ?—Вслѣдствіе причинъ. изложенныхъ нами выше, вслѣдствіе несостоятельности фурьеризма вообще, вслѣдствіе того, что въ немъ нѣтъ никакихъ гарантій успѣшности труда, что страстное влеченіе къ труду, согласное дѣйствіе страстей, это фантазія,которая можетъ дѣйствовать только въ воображеніи, да въ литературномъ произведеніи, а не въ жизни, не въ промышленности.

О жизни и дѣятельности фалангъ въ Соединенныхъ Штатахъ Землеръ, который самъ былъ въ Америкѣ, собралъ много свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ: читалъ журналы, служившіе органами фурьеризма *). видѣлъ бывшихъ членовъ фалангъ или посѣтителей ихъ. по-

*) Это были послѣ «Трибуны» съ ея наемными столбцами Phalanx (редакторъ Брисбенъ) и Harbinger (Предвѣстникъ), издававшійся членами Брукфармской фаланги, которыхъ «духовнымъ вождемъ» по словамъ Землера былъ В. Ченнингъ.

лучилъ записки, составленныя относительно исторіи фурьеризма въ Америкѣ, и въ особенности относительно Сѣверо-американской фаланги: и вотъ какія, по его мнѣнію, были причины паденія ея.

Первая и самая главная та, что промышленная дѣятельность ея была убыточна. Въ то время, какъ вездѣ въ окрестныхъ городахъ и на фермахъ заработная плата, какъ вообще въ Соединенныхъ Штатахъ, была болѣе, чѣмъ достаточна, Сѣверо-американская фаланга могла платить своимъ членамъ только 20 центовъ въ день *) (около 30 коп.). Это нищенское вознагражденіе. Слѣдствіемъ было то, что не только порядочные рабочіе не поступали въ фалангу, но изъ нея уходили молодые люди, возросшіе въ фалангѣ, чтобы зарабатывать внѣ фаланги достаточныя для содержанія суммы.—Въ напечатанной Землеромъ запискѣ одного «стараго фурьериста» который былъ членомъ Сѣверо-американской фаланги, подъ характеристическимъ заглавіемъ «Post mortem et requiem» говорится, что молодежь и женщины въ фалангѣ дѣйствительно веселились: но отцы семействъ уже съ первыхъ лѣтъ существованія фаланги задумывались надъ будущностью своихъ семействъ, потому что экономическая несостоятельность фаланги вполнѣ обнаружилась въ первые два года: и тогда уже нѣкоторые члены предлагали ликвидировать предпріятіе. А тѣ, которые лучше понимали дѣло, еще раньше убѣдились, что дѣло не пойдетъ, не смотря на свое увлеченіе, бывшее причиною поступленія ихъ въ члены фаланги.

Вслѣдтвіе недостаточности платы, тѣ изъ рабочихъ, которые оставались въ фалангѣ, все больше и больше входили въ долги. Платить больше фаланга не могла. Дѣла ея шли все хуже и хуже. Дошло до того, что оказался недостатокъ въ питательныхъ веществахъ. Старый фурьеристъ разсказываетъ, что въ одно утро членамъ былъ предложенъ только гречневый пирогъ (Buchweizen-Kuchen) и вода; въ другой разъ ничего больше, какъ овсянка (Hafergrütze). Члены не только остались голодны, но вмѣстѣ съ тѣмъ были сконфужены такимъ несоотвѣтствіемъ между ожиданіями и ихъ исполненіемъ. Вотъ на что сошло это увеличеніе произведеній въ десять разъ, которое обѣщалъ Фурье своимъ послѣдователямъ.

Экономическая несостоятельность фаланги еще увеличилась вслѣдствіе пожара, уничтожившаго мельницу и нѣкоторыя мастерскія. Ко-

*) Semler, 283.

нечно это несчастіе; однако это не есть нѣчто необыкновенное и непредвидѣнное. Всякое промышленное предпріятіе, устраиваясь, принимаетъ заранѣе мѣры противъ послѣдствій пожара или посредствомъ страхованія или посредствомъ особыхъ фондовъ. Въ фалангѣ ничего подобнаго повидимому сдѣлано не было; и при ея несостоятельности не оказалось никакихъ средствъ къ возмѣщенію убытковъ.

Даже въ то время, когда недостатка въ питательныхъ веществахъ не было, не всѣ члены фаланги были всегда сыты и довольны. Старый фурьеристъ, авторъ записки «post mortem et requiem» разсказываетъ, что когда раздавался звонъ колокола, призывавшій къ обѣду, не всѣ члены могли одновременно придти въ столовую; одни находились отъ нея ближе, другіе дальше. Одни занимались грязными работами; они должны были умыться, или вымыть только руки, перемѣнить платье; другіе могли обойтись безъ этого. И тѣ, которые приходили раньше, истребляли то, что было получше, а тѣ, которые опаздывали, должны были довольствоваться тѣмъ, что оставалось, слѣдуя школьной пословицѣ: tarde venientibus ossa. И такъ изо дня въ день. «Въ семействѣ, прибавляетъ Старый фурьеристъ, все это предусмотрѣно, и добрая рука матери дѣлитъ и распредѣляетъ такъ, чтобы всѣ были довольны. А здѣсь, въ Новомъ Іерусалимѣ, кто первый пришелъ обѣдать, тотъ и получаетъ лучшій кусокъ».

Въ работѣ то же происходили неурядицы. Существовалъ Промышленный Совѣтъ съ выборными членами. И въ Совѣтѣ преобладалъ особый разрядъ людей, которыхъ Старый фурьеристъ называетъ gesellschaftliche und liebenswürdige Männer; это повидимому что-то въ родѣ нашей интеллигенціи. Мало понимая дѣло, они однако были главными распорядителями промышленныхъ работъ. И болѣе практическіе, знающіе люди не могли ихъ переспорить, потому что не умѣли такъ хорошо говорить. Практическіе люди наоборотъ несли на своихъ плечахъ всю работу фаланги въ то время, какъ liebenswürdige Männer во время работы умѣли только ссориться. (Это вѣроятно проявленіе кабалисты). «Можно, прибавляетъ Старый фурьеристъ, представить себѣ послѣдствія». Однимъ изъ послѣдствій было то, что фаланга къ концу своего существованія должна была нанимать постороннихъ рабочихъ, um das Land productiv machen, т. е. чтобы извлечь изъ земли какой-нибудь доходъ.

Кромѣ этой неурядицы въ производствѣ и въ потребленіи, она господствовала и во всемъ другомъ. Для удовлетворенія религіозной

потребности не было ничего сдѣлано. Фурье проектировалъ выражать богопочитаніе всею жизнью фаланги, всѣми этими оргіями гастрономическими и эротическими; о христіанскомъ богопочитаніи въ его системѣ не могло быть рѣчи. Ученики его еще при его жизни стали было увѣрять, что Фурье есть продолжатель дѣла Спасителя; но очевидная несостоятельность этого увѣренія, въ которомъ современники увидѣли попытку фурьеризма «se glisser comme un voleur dans le royaume de l'Evangile» воровскимъ образомъ пролѣзть въ царство Евангелія, принудила ихъ снять съ себя маску христіанства *). Потому и въ сѣверо-американскихъ фаланстерахъ ничего не было сдѣлано для удовлетворенія религіозной потребности **). Но многіе обитатели фаланстеровъ этимъ не были довольны. Между протимъ и въ Сѣверо-американской фалангѣ нашлись люди, которые громко порицали этотъ порядокъ; другіе защищали его. Возникли религіозные споры, которые нарушали мирную жизнь фаланги.

Въ фалангѣ, кромѣ того, было пренебреженіе ко всѣмъ высшимъ интересамъ человѣка. Кромѣ удовольствій чувственныхъ ***), обитатели не хотѣли знать никакихъ другихъ. Въ школѣ дѣла шли такъ, что, по словамъ Нью-іоркской Трибуны, объ нихъ не стоитъ говорить. Старый фурьеристъ сообщаетъ, что школьному учителю платилось только 25 центовъ въ день. Это, замѣчаетъ онъ, вѣроятно во исполненіе демократическаго принципа.

Въ началѣ фаланга имѣла замыслы широкіе согласно съ радужными мечтами о необыкновенной производительности труда въ ассоціаціи. Предположено было женщинъ освободить отъ многихъ заботъ, лежащихъ на нихъ въ современныхъ обществахъ, что́ разумѣется и было бы возможно исполнить, если бы трудъ мужчинъ отличался особенною производительностью. Но такъ какъ этого не произошло, то и на женщинахъ Сѣверо-американской фаланги до конца лежали тѣ же самыя заботы, которыя имъ были предоставлены въ началѣ. Окончила свое существованіе Сѣверо-американская фаланга въ 1855 году.

---

*) Lerminier, Philosophie du droit. Paris, 1853, стр. 409.

**) Исключеніе составляла, кажется, только одна фаланга Трумбуль въ Огайо, въ которой на вечернихъ собраніяхъ читали библію и пѣли религіозные гимны. Въ другихъ танцовали, пѣли романсы и курили. (K. Grün, Die sociale Bewegung in Frankreich. Darmstadt 1845. стр. 324)

***) Нью-іоркская Трибуна по поводу этого высказала, что предпріятіе, которое должно удовлетворять только животному аппетиту (nur den thierischen Appetit befriedigen), не можетъ имѣть успѣха. (Semler, 276).

Объ ней мы имѣемъ свѣдѣнія изъ другого источника, изъ сочиненія Диксона «Духовныя жены», которое переведено на русскій языкъ. Диксонъ также имѣлъ возможность знать дѣло хорошо; онъ также былъ въ Америкѣ и говорилъ съ людьми, которые были членами фаланги.

Составъ фаланги, говоритъ онъ, былъ разнообразенъ: тутъ были и люди простые и люди образованные. Между прочимъ, было два пастора, которые поступили въ фаланстеръ не для исполненія пасторскихъ обязанностей, а какъ самые обыкновенные обитатели его; при распредѣленіи обязанностей, на ихъ долю выпало чистить сапоги обитателямъ фаланстера. Вѣроятно они принадлежали къ тѣмъ свѣтскимъ и любезнымъ людямъ, о которыхъ говорилъ Старый фурьеристъ. Было много холостыхъ и женатыхъ. Холостые получили по одной комнатѣ, женатые больше, смотря по величинѣ семейства. Было предположено облагородить физическій трудъ; вслѣдствіе чего пасторы взялись чистить сапоги. Вслѣдствіе того же самыя красивыя дѣвицы должны были прислуживать при столѣ, на что онѣ охотно согласились. Raillement passionné въ нѣкоторой степени былъ осуществленъ. Была основана элементарная школа; но болѣе полное образованіе было оставлено безъ вниманія. О религіи совсѣмъ не было помину. Сначала пошло все хорошо. Диксонъ замѣчаетъ, что обитателямъ фаланстера было «пріятно сидѣть сложа руки и курить *)»; но потомъ дѣло приняло другой видъ. Во-первыхъ, въ школѣ дѣла пошли очень худо: фаланстеръ существовалъ нѣсколько лѣтъ; но дѣти не научились ни читать, ни писать. Между членами начались неудовольствія; холостые люди и дѣвицы жаловались, что они работаютъ столько же, сколько семейные, имѣющіе дѣтей; — совершенно то же, что раньше обнаружилось въ Нью-Гармонійской общинѣ **). Отъ того всѣ работы или дѣлались кое-какъ, или совсѣмъ прекратились; сапоги между прочимъ оставались невычищенными; страстное влеченіе къ этому занятію у пасторовъ исчезло. И если кто самъ желалъ вычистить себѣ сапоги, то встрѣчалъ неодолимыя препятствія. Только хорошенькія дѣвицы съ прежнимъ усердіемъ оставались въ должности прислужницъ при столѣ. Диксонъ, который много лѣтъ спустя видѣлъ этихъ особъ, предлагалъ имъ слѣдующій вопросъ: что побуждало васъ, говорилъ онъ, оставаться въ этой

*) Что въ фаланстерѣ много курили и на табакъ тратили много денегъ изъ скуднаго заработка, объ этомъ говоритъ и Старый фурьеристъ.

**) См. Т. I стр. 517.

должности?—Во-первыхъ, отвѣчали ему, на эту должность были принимаемы только хорошенькія, и для каждой изъ насъ было бы непріятно не попасть въ эту категорію; во-вторыхъ, прислуживая за столомъ, мы по возможности избавлялись отъ сообщества съ другими членами фаланги; мы обѣдали однѣ, «когда глупцы расходились», и намъ было весело. При устройствѣ фаланстера были опредѣлены правила для дѣлежа доходовъ; но правила остались безполезны: дѣлежа не было, потому что нечего было дѣлить.

Изъ другихъ фалангъ нельзя обойти безъ вниманія Брукфармскую фалангу, которая отличалась ото всѣхъ другихъ особеннымъ характеромъ и которой оказывали особенное вниманіе главные двигатели фурьеризма, Брисбенъ и Грилей, «diese Bannerträger des Fourierismus», какъ называетъ ихъ Землеръ. Община Брукфармская была основана раньше появленія фурьеристскаго движенія въ Америкѣ, еще въ 1840 году, и сначала фурьеризму была совершенно чужда. Она была основана докторомъ Чаннингомъ, главнымъ двигателемъ унитаріанизма въ Америкѣ и имѣла характеръ и задачи недовольно опредѣленныя. Въ основѣ экономической жизни стоялъ коммунизмъ, но члены общины могли имѣть и частную собственность, могли пріобрѣтать ее находясь въ общинѣ. А задачею общины было «воплотить христіанство такъ, какъ понимали его унитаріи» *). Положеніе общины вѣроятно было незавидно, потому что когда возникло фурьеристское движеніе, Брукформская община немедленно перемѣнила принципы, задачи и даже названіе. Она стала фалангою; завела разнаго рода мастерскія, разсчитывая на страстное влеченіе къ труду, на краткіе сеансы и т. п.

Она и прежде состояла изъ людей болѣе или мѣнѣе образованныхъ, и теперь составъ ея остался такой же самый. Большинство членовъ ея были мало способны къ мускульной работѣ; въ другихъ фалангахъ ихъ называли бѣлоручками. Но за то они были способны къ работѣ литературной, и нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли потомъ почетную извѣстность въ журналистикѣ или наукѣ. Потому, преобразовавшись въ фалангу, они рѣшились издавать газету съ цѣлью пропаганды фурьеризма, что и исполнили.

Преобразованіе Брукфарма изъ общины унитаріевъ въ фалангу произошло мирно, безъ потрясеній, даже съ согласія основателя общины Чаннинга, который напутствовалъ ее своими благословеніями.

*) Semler 46.

Чаннингъ былъ редакторомъ журнала «Present» и сначала относился къ фурьеризму съ недовѣріемъ; но потомъ увѣровалъ въ него, такъ что взгляды «Презента» и «Фаланги», органа фурьеристовъ, не расходились. И впослѣдствіи, прекративши изданіе, Чаннингъ передалъ списокъ своихъ подписчиковъ въ редакцію Фаланги.

Журналъ Брукфармской фаланги назывался «Harbinger» (предвѣстникъ или предтеча). Редакторомъ его былъ Вильямъ Чаннингъ, который взялъ на себя задачу соединить дѣятельность американскихъ соціалистовъ на почвѣ фурьеризма и оживить ее. Въ «Harbinger'ѣ» печатались съ этой цѣлью воззванія. Другіе апостолы фурьеризма обходили съ своею проповѣдью всю Новую Англію. Девизомъ ихъ было: соединеніе человѣка съ человѣкомъ въ истинномъ обществѣ, — соединеніе человѣка съ Богомъ въ истинной религіи, соединеніе человѣка съ природою въ творческой силѣ (in schaffender Kraft) и промышленности. Но, замѣчаетъ Землеръ, время жатвы для фурьеризма уже прошло: воззванія и проповѣдь остались безъ результата. Не была богата результатами и экономическая дѣятельность фаланги. Какъ и Сѣвероамериканская фаланга, она также пострадала отъ пожара и при худомъ состояніи дѣлъ не могла послѣ того оправиться и должна была закрыться въ началѣ 1849 года, послѣ пятилѣтняго существованія. Въ это же время перестала выходить и газета «Harbinger».

Мы не сказали ничего объ одной сторонѣ жизни, играющей въ фаланстерѣ очень важную роль, объ отношеніяхъ между полами въ фалангахъ Соединенныхъ Штатовъ.

При устройствѣ фалангъ относительно этого предмета не было сдѣлано никакихъ опредѣленій; все было предоставлено личному усмотрѣнію каждой отдѣльной личности; причемъ, какъ было высказано въ нью-іоркской Трибунѣ, мнѣніямъ женщинъ въ этомъ вопросѣ предоставлялся полный авторитетъ. Имъ предоставлена полная свобода поступать такъ, какъ онѣ сами заблагоразсудятъ, и составить такія общія положенія, какія онѣ найдутъ правильными *). Въ сущности это такая же полная свобода половыхъ отношеній, какую проектировалъ и Фурье.

И онъ также никого ни къ чему не обязывалъ; онъ только давалъ свободу, уничтожалъ существующія ограниченія. Слѣдуя ему въ фаланстерѣ, женщина не «должна была имѣть», а только «могла имѣть

*) Semler, 259.

одновременно» и мужа, и генитора, и фаворита, и любовниковъ. Фурье, безъ сомнѣнія изучая природу человѣческую отчасти по современному обществу, отчасти по себѣ самому, представлялъ себѣ, что каждое человѣческое существо и мужчина и женщина съ утра до вечера ежедневно только о томъ и думаютъ, чтобы завести себѣ, кромѣ законной половины, еще гениторовъ, фаворитовъ и любовниковъ. И онъ давалъ всѣмъ это право; но никого къ этому не обязывалъ. Совершенно такъ-же поступили и организаторы Сѣверо-Американской фаланги; и они предоставили полную свободу какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Но судя по всему, Сѣверо-американскіе нравы не благопріятствуютъ этой свободѣ. Извѣстно, что янки относились и относятся враждебно къ мормонскому многоженству. Ниже мы увидимъ, что они относились очень недоброжелательно къ брачному коммунизму у перфекціонистовъ. Взгляды на этотъ предметъ старой Европы и молодой Америки совсѣмъ неодинаковы. Потому члены фалангъ, пришедшіе въ нихъ изъ американскаго общества, не захотѣли воспользоваться свободою половыхъ отношеній; и ни у Диксона, ни у Землера мы не нашли никакихъ фактовъ, указывающихъ на эту свободу. Напротивъ, все показываетъ, что отношенія между полами существовали въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ американскомъ обществѣ. И знаменитая мысль Фурье, за упущеніе которой изъ виду онъ такъ рѣзко упрекалъ Р. Оуэна и С. Симона, мысль о необходимости предварительнаго искорененія на всемъ земномъ шарѣ сифилитической болѣзни, для Соединенныхъ Штатовъ не оказалась цѣлесообразною. Фурьеризмъ могъ тамъ быть осуществленъ безъ предварительнаго санитарнаго осмотра кандидатовъ и кандидатокъ на жительство въ фаланстерахъ.

Сѣверо-американская фаланга была не послѣднимъ опытомъ осуществленія ученій Фурье на американской почвѣ. Послѣдній опытъ былъ предпринятъ самимъ главою школы, Консидераномъ въ 1853 году, съ содѣйствіемъ Брисбена. Именно въ Техасѣ въ графствѣ Далласскомъ была основана на рѣкѣ Красной колонія подъ именемъ Соединенія (Réunion). Какія задачи имѣла колонія, какія средства, обо всемъ этомъ мы можемъ дѣлать только заключенія: положительныхъ свѣдѣній нѣтъ *).

*) Впрочемъ Кантагрель сообщаетъ въ Annuaire de l'association pour l'an 1868 нѣсколько свѣдѣній о взаимныхъ отношеніяхъ капитала и труда въ колоніи. Предполагалось сдѣлать рабочихъ участниками въ барышахъ предпріятія, чтобы увеличеніе стоимости «les plus-values»

Мы не знаемъ даже, доведено ли было предпріятіе до конца, приступлено ли было къ предположенной промышленной дѣятельности. Фурьеристы, какъ и всегда, сохраняютъ относительно этого опыта глубокое молчаніе. Безъ сомнѣнія, рѣчь шла объ осуществленіи идей Фурье; за это ручаются имена Консидерана и Брисбена, равно какъ г-жи Вигурё и Кантагреля, съ которыми Консидеранъ отправился въ Техасъ. Извѣстно также, что въ колонію отправились нѣкоторые члены Сѣверо-Американской фаланги, недовольные порядками существовавшими въ ней, разсчитывая, что дѣло должно было пойти лучше, когда за него брался самъ верховный апостолъ фурьеризма, Консидеранъ.

Опытъ былъ совершенно неудачный; но какъ долго онъ продолжался—мы не имѣемъ свѣдѣній. Извѣстно только, что и послѣ прекращенія опыта, т. е. послѣ того, какъ колонія Соединенія прекратила свое существованіе и члены ея разошлись, Консидеранъ съ г-жею Вигурё, матерью его жены, съ женою и кромѣ того съ однимъ бельгійскимъ архитекторомъ оставались тамъ въ теченіи нѣкотораго времени, въ нуждѣ, въ трудахъ, не имѣя при себѣ никакой прислуги, никакихъ рабочихъ, исполняя всякія необходимыя работы собственными руками. Когда возвратился Консидеранъ въ Европу, это тоже неизвѣстно. Въ 1860-мъ или 1861-мъ году, онъ присылалъ изъ Брюсселя въ Петербургъ статьи, содержавшія въ себѣ обзоръ явленій общественной жизни во Франціи и вообще въ Западной Европѣ, которыя помѣщались въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», редакторомъ которыхъ былъ тогда г. Краевскій. Разумѣется, въ этихъ статьяхъ о фурьеризмѣ рѣчи не было.

Опытъ въ Техасѣ кажется былъ дѣйствительно послѣднимъ изо всѣхъ опытовъ фурьеристовъ. Послѣ того ни о фурьеристахъ, ни о фурьеризмѣ ничего не слышно. Фурьеризмъ очевидно окончательно сошелъ со сцены. Существуетъ, правда, въ Конде-сюръ-Вегрѣ дача, называемая Фаланстеръ, и во время послѣдней франко-прусской войны прусскіе офицеры заинтересовались было ею, думая, что этотъ фаланстеръ есть опытъ осуществленія соціальныхъ идей по системѣ Фурье, но скоро узнали, что это только одно имя и нѣсколько построекъ, оставшихся отъ прежняго недоконченнаго опыта.

принадлежало, какъ капиталистамъ, bailleurs de fonds, такъ и рабочимъ, bailleurs de travail. Но, кажется, до осуществленія этихъ предположеній не дошло. См. стр. 330 и слѣд.

Съ системою Фурье имѣетъ нѣкоторыя и притомъ весьма существенныя общія черты извѣстная религіозная община перфекціонистовъ, основанная Джономъ Гумфрейсомъ Нойсомъ. Нойсъ въ юности готовилъ себя къ юридической карьерѣ *). Но одинъ большой ревиваль **) выбилъ его изъ его колеи. Онъ оставилъ юриспруденцію и предался изученію Св. писанія. 12 лѣтъ провелъ онъ въ этомъ изученіи и размышленіи о средствахъ ко спасенію, и пришолъ къ убѣжденію, что до сихъ поръ христіанство всегда и вездѣ было понимаемо неправильно, что истиннаго пути ко спасенію не знали ни греческая церковь, ни папство, ни протестанты, что понялъ его только онъ, Нойсъ. Этотъ то новый путь ко спасенію онъ и назвалъ перфекціонизмомъ, отъ котораго уже и вся община получила названіе перфекціонистовъ.

Новый путь ко спасенію основанъ на идеѣ свободы. Слѣдуя Нойсу, къ законамъ божіимъ люди прибавили много ненужныхъ, излишнихъ ограниченій, которыя, предъявляя человѣку произвольныя и почти всегда неисполнимыя требованія, только служатъ для него соблазномъ, вводятъ его въ грѣхъ тамъ, гдѣ не должно быть грѣха. Человѣкъ существо свободное, въ правѣ дѣлать все, что ему нравится. Это ученіе конечно очень много походитъ на ученіе Фурье о склонностяхъ и страстяхъ. Дальше, прибавляетъ Нойсъ, христіане до сихъ поръ не осуществили заповѣди Христовой касательно любви къ ближнему.

*) По другимъ источникамъ, Нойсъ отъ юности изучалъ богословіе и готовился къ духовному званію и даже раньше, чѣмъ выступилъ реформаторомъ, былъ уже проповѣдникомъ, потомъ былъ изгнанникомъ, агитаторомъ; вообще велъ жизнь бурную и даже развратную, проводилъ время съ ворами и распутными женщинами.

**) Revival значитъ оживленіе, пробужденіе.—Самое явленіе съ большимъ талантомъ описано Диксономъ въ «Духовныхъ женахъ» и состоитъ въ томъ, что по неизвѣстнымъ причинамъ въ какой нибудь мѣстности Соединенныхъ Штатовъ вдругъ возникаетъ всеобщее сокрушеніе о грѣхахъ. Собираются громадныя массы народа гдѣ нибудь въ полѣ; появляются своего рода Іоанны Предтечи, которые проповѣдуютъ покаяніе; массы народа молятся, поютъ религіозные гимны; нѣкоторые находятся въ состояніи изступленія. Движеніе овладѣваетъ одинаково какъ бѣлымъ населеніемъ, такъ и чернымъ. И это продолжается день, два, три и даже больше. Устраивается базаръ для продажи съѣстныхъ припасовъ. Потомъ все прекращается; люди расходятся въ разныя стороны. На мѣстѣ остается степь; а въ сердцахъ ревивалистовъ дѣйствительное оживленіе религіознаго чувства.

Вмѣсто любви въ христіанскихъ обществахъ господствуетъ эгоизмъ и своекорыстіе. Истинная христіанская любовь должна имѣть два результата: коммунизмъ въ имуществѣ и коммунизмъ въ бракѣ. Существованіе отдѣльныхъ семействъ съ отдѣльнымъ имуществомъ противорѣчитъ духу христіанства.

Подобно Магомету, Нойсъ обратилъ къ своему ученію сначала ближайшихъ родныхъ: мать, брата, двухъ сестеръ, потомъ жену, невѣстку и двоихъ зятьевъ. Послѣ того присоединились нѣкоторыя посторонніе семейства. Образовалось что то въ родѣ новой секты. Члены ея принадлежали къ людямъ болѣе или менѣе образованнымъ. *) Кромѣ религіозныхъ вопросовъ, ихъ весьма занимали вопросы общественной жизни, литературы, искусства и пр. Но средства ихъ были весьма ограничены. И новая секта находилась въ состояніи прозябанія, между жизнью и смертью, при ограниченномъ числѣ членовъ, въ состояніи близкомъ къ нуждѣ. На первый разъ имъ помогло счастье. Идеями секты весьма увлеклась одна дѣвица, Генріетта Гольтонъ, наслѣдница очень большаго состоянія; и Нойсъ съумѣлъ привлечь ее въ свою маленькую общину, а вмѣстѣ съ нею и ея капиталы. Дѣла сильно поправились. На мѣстѣ прежняго небольшаго дома въ Путнеѣ (такъ называлось мѣсто жительства Нойса) возникъ большой домъ, достаточный и приспособленный для помѣщенія всей общины; купленъ былъ печатный станокъ; сталъ выходить журналъ.

Жизнь пошла болѣе привольная и согласная съ принципами Нойса; принципъ свободы въ жизни, равно какъ коммунизмъ въ имуществѣ и въ бракѣ былъ осуществленъ. Но слѣдствіемъ были какіе то безпорядки, очень значительные, «давшіе ему извѣстность во всей странѣ» **) и даже возбудившія противъ обитателей его враждебное чувство окрестныхъ жителей, такъ что Нойсъ долженъ былъ «покинуть фаланстеръ, основанный съ такимъ трудомъ». Такое имя даетъ путнейскому дому источникъ, которымъ мы пользуемся, — сочиненіе Жонво.

Нойсъ переселился въ бывшую территорію племени онеидовъ, на

*) По словамъ Землера мало по малу въ общину вступили многіе врачи, четыре адвоката, нѣсколько духовныхъ лицъ, журналистовъ и вообще людей, получившихъ университетское образованіе, и занимавшихъ видное положеніе въ обществѣ. Стр. 371,

**) Такъ говоритъ Жонво въ соч. «Нынѣшняя Америка», перев. съ фр. С.-Петербургъ, 1872 г. стр. 282.

границѣ штата Нью-Іорка. Онъ надѣялся, что здѣсь плодородіе почвы избавитъ общину отъ лишеній, а уединенность общины защититъ его отъ общественной ненависти. Это было въ 1848-мъ году.

Построено было опять удобное помѣщеніе, которое Жонво также называетъ фаланстеромъ, жизнь опять пошла своею дорогою. Но здѣсь общинѣ стала грозить другая опасность. Не смотря на плодородіе почвы, община имѣла мало доходовъ: ей угрожало банкротство.

Спасъ ее опять счастливый случай. Въ общину поступилъ нѣкто Сьюэлль, бывшій канадскій охотникъ. Онъ былъ большимъ знатокомъ своего дѣла, умѣлъ отлично ловить звѣрей и зналъ орудія, которыми производится ловля. Въ Онеидѣ, среди пустыни, ему было, гдѣ приложить свое искусство; и онъ предался ему съ особеннымъ усердіемъ. Но ловушекъ и капкановъ своихъ Америка не производила; они были привозные изъ Германіи и отличались тяжестью и недостаточною цѣлесообразностью. Сьюэль зналъ ихъ недостатки, понималъ, въ чемъ должны были состоять улучшенія, и рѣшился производить ихъ дома, въ Онеидѣ. Достоинство произведеній превзошло его ожиданія; на нихъ появился спросъ въ торговлѣ, и въ одинъ годъ община продала ихъ на 400,000 франковъ. Экономическое состояніе общины быстро поправилось, и съ тѣхъ поръ оставалось въ блестящемъ видѣ. Съ тѣхъ поръ главную промышленность общины составляетъ производство ловушекъ и капкановъ.

Но не о хлѣбѣ единомъ думалъ всегда Нойсъ.

Не даромъ еще въ Путнеѣ завелъ онъ типографію и сталъ издавать журналъ. Изданіе журнала продолжалось и въ Онеидѣ, гдѣ онъ выходилъ подъ именемъ «Oneida circular». Нойсъ всегда интересовался вопросами общественной жизни, особенно тѣми, которыхъ рѣшеніемъ заняты разныя соціальныя системы. Онъ даже написалъ цѣлую книгу о соціализмѣ «History of American Socialisms». Въ журналѣ онъ также давалъ много мѣста обсужденію этихъ вопросовъ; причемъ фурьеризмъ возбуждалъ особое его сочувствіе и преимущественно дѣятельность Брукфармской фаланги. Между Брукфармскою фалангою и Онеидской общиной, кромѣ сходства въ принципахъ, было еще много общаго, такого, что должно было возбуждать между ними взаимное сочувствіе. И та и другая община состояла изъ наиболѣе образованныхъ послѣдователей соціализма. Что Брукфармскіе фурьеристы впослѣдствіи пріобрѣли почетное положеніе въ литературѣ—мы это уже сказали. И въ Онеидѣ не одинъ Нойсъ былъ способенъ къ умственному труду; его

сотрудниками по журналу были также члены онеидской общины. Одинъ изъ нихъ, Вильямъ Альфредъ Гиндсъ, издалъ книгу «Американскіе соціалисты», заслужившую весьма похвальный отзывъ со стороны г. Вульзея, автора весьма почтеннаго труда «Communism and Socialism in their history and théory». Равнымъ образомъ, какъ въ Брукфармѣ, такъ и въ Онеидѣ занимались науками, чтеніемъ книгъ, искусствами, вели жизнь людей образованныхъ. Потому, когда Брукфармская фаланга перестала существовать и прекратилась ея газета «Harbinger», Нойсъ счелъ своимъ долгомъ въ своей газетѣ продолжать дѣло «Harbinger'a», т. е. по возможности направлять къ соединенію всѣхъ соціалистовъ въ Америкѣ, хотя ему разсчитывать на успѣхъ этого дѣла было даже труднѣе, чѣмъ руководителямъ Брукфармской фаланги.

Кромѣ журнала и «Исторіи американскаго соціализма», Нойсъ издалъ еще книгу «Библейскій коммунизмъ», въ которой излагаетъ свою систему и ея основанія. Теоріи Нойса, какъ мы сказали, вычитаны имъ въ библіи и вотъ какія важнѣйшія мѣста онъ приводитъ въ защиту своего коммунизма въ бракѣ: во-первыхъ, слова Спасителя: «да вси едино будутъ; якоже ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ». (Ев. отъ Іоанна, XVII, 21); потомъ слова Ап. Павла: «Вы есте тѣло Христово и уди отъ части».—«Якоже бо тѣло едино есть, и уди имать многи; вси же уди единаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло; тако и Христосъ».—«Да не будетъ распря въ телеси, но да тожде (или да равно единъ о другомъ) пекутся уди. И аще стражденъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди; аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди» (Перв. къ Коринѳ. XII, 27, 12, 25, 26). Нужно имѣть очень сильное расположеніе къ предвзятой мысли, чтобы въ этихъ словахъ видѣть основаніе для коммунизма въ бракѣ, для этого complex marriage, сложнаго брака, какъ самъ Нойсъ называетъ отношенія между мужчинами и женщинами въ своей общинѣ, гдѣ каждый мужчина считается мужемъ каждой женщины.—И въ особенности неосновательно давать такой смыслъ словамъ Апостола, который много разъ высказался самымъ опредѣленнымъ образомъ относительно брака, которому принадлежатъ слова, читаемыя во время совершенія бракосочетанія по православному обряду: «кійждо свою жену да любитъ» или «оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ своей» (Ефес. V, 33, 31), или въ другомъ мѣстѣ: «оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ», а не женамъ; «посягшая печется о мірскихъ, како угодити му-

жу», а не мужьямъ.—(Первое къ Коринѳ. VII, 33,34). Нойсъ между прочимъ считаетъ коммунизмъ въ бракѣ необходимымъ послѣдствіемъ коммунизма въ имуществѣ; а имущественный коммунизмъ основываетъ *) на коммунизмѣ «дней пятидесятницы». — На этотъ коммунизмъ многіе ссылались, забывая, что апостолы, которые допустили было возникнуть этому соціализму, сами же и упразднили его. — Къ числу достоинствъ своего сложнаго брака Нойсъ причисляетъ то, что при немъ нѣтъ скандальныхъ процессовъ о разводѣ, и не обагрится рука матери кровью своего новорожденнаго ребенка: при немъ нѣтъ покинутыхъ женъ и дѣтей, нѣтъ дѣвицъ, осужденныхъ на невольное безбрачіе, нѣтъ дѣтей, лишенныхъ воспитанія. Все это составляетъ ничто иное, какъ указаніе на ненормальныя явленія въ обществѣ, въ которомъ признается бракъ моногамическій.—Но и не мудрецы одни знаютъ, что abusus non tollit usum, что нѣтъ никакихъ законовъ, обычаевъ, учрежденій, которыми нельзя было бы злоупотреблять. — И общество, построенное на принципѣ моногаміи, не сказало послѣдняго слова и не приняло послѣдней мѣры касательно своего благоустройства.

Съ другой стороны, неблагоустройство оказалось и въ общинѣ Нойса; и онъ принужденъ былъ передѣлывать свои порядки, ограничивать дѣйствіе своего главнаго принципа. Въ періодъ наибольшаго увлеченія брачнымъ коммунизмомъ, стѣсненія никто не имѣлъ ни въ чемъ. Но потомъ неудобства этого коммунизма оказывались все въ большей и въ большей степени. И Нойсъ попробовалъ свой основной принципъ дополнить другимъ: de jure всякій перфекціонистъ былъ мужемъ всякой перфекціонистки, но de facto сдѣлаться мужемъ ея могъ только тогда, когда общее рѣшеніе одобряло его связь съ нею.

Это одобреніе называлось «симпатіею»; всякій могъ пользоваться въ общинѣ чѣмъ-нибудь только при сочувствіи, при симпатіи общины его желанію; такъ что этотъ принципъ симпатіи являлся дополненіемъ принципа коммунизма **).

Но такимъ дополненіемъ опять всѣ не могли быть довольны. И съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе стали наблюдаться такіе факты, что молодая пара, мужчина и женщина, не желая быть объектомъ

*) Woolsey, Communism and Socialism in their history and theory. London, 1880, стр. 66.

**) Semler, стр. 373.

сложнаго брака въ Онеидѣ, а желая быть мужемъ и женою на основаніи принципа моногаміи, заявляли Нойсу, что они не желаютъ болѣе оставаться членами общины и оставляютъ ее, чтобы поселиться внѣ общины, среди внѣшняго общества. Землеръ разсказываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ Нойсъ дѣйствовалъ не безъ великодушія. Онъ имѣлъ право отпустить уходящихъ безо всего. Но этого онъ никогда не дѣлалъ; а всегда отпускалъ ихъ съ значительнымъ даромъ, который могъ быть молодыми супругами употребленъ на обзаведеніе. По словамъ Вульзея, вся вообще молодежь общины не довольна была предосудительными чертами системы, т. е. ея ученіемъ о сложномъ бракѣ.

Неудобство сложнаго брака стало обнаруживаться съ другой стороны. Окрестные жители стали относиться къ жителямъ Онеиды недружелюбно. Вѣроятно пустынная сторона успѣла заселиться и новые сосѣди точно также взглянули на отношенія между полами въ Онеидѣ, какъ прежніе сосѣди на эти отношенія въ Путнеѣ. Дошло до того, что они стали обращаться къ гражданской власти съ просьбами вступиться въ дѣло и прекратить соблазнительные порядки. И кончилось все это тѣмъ, чего всего труднѣе было ожидать.—Никто такъ не упрямъ въ поддержкѣ принциповъ, мнѣній, учрежденій, какъ сектанты. Обыкновенно, не смотря ни на что, они продолжаютъ твердить одно и тоже и поступать по своему. А Нойсъ отказался наконецъ отъ принципа коммунизма въ бракѣ, сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ общинѣ предложеніе и община приняла его. Брачный коммунизмъ былъ уничтоженъ.

Дѣлая предложеніе, Нойсъ старался смягчить жесткость этого факта, этой тяжелой необходимости, утверждая, что онъ отказывается отъ сложнаго брака не потому, что онъ потерялъ вѣру въ принципы этого брака, но «изъ уваженія къ общественному чувству, очевиднымъ образомъ направленному противъ него» *). На будущее время, прибавляетъ Нойсъ, бракъ будетъ устроенъ согласно ученію Ап. Павла, «который дозволяетъ бракъ, но предпочитаетъ дѣвство». Эта замѣчательная и весьма краснорѣчивая перемѣна произошла въ 1879-мъ году.

Коммунизмъ имущественный остался въ общинѣ: осталось общее имущество, общій трудъ, общее хозяйство, общій столъ, общее воспи-

---

*) Woolsey. Ib. стр. 73.

танie дѣтей и наконецъ общiя вечернiя собранiя. Все это было также утверждено рѣшенiемъ всей общины. Вульзей находитъ все это утѣшительнымъ между прочимъ потому, что здѣсь оказалось дѣйствiе моральной силы общества, которое не потерпѣло среди себя, даже точнѣе, рядомъ съ собою, другого общества, съ противоположными принципами нравственности. А Землеръ, который объ уничтоженiи брачнаго коммунизма не зналъ или вѣрнѣе оставилъ Америку за нѣсколько недѣль до этого факта, уже въ повторяющихся все чаще и чаще случаяхъ удаленiя молодыхъ паръ изъ общины увидѣлъ доказательство несостоятельности идеи о коммунизмѣ въ бракѣ, доказательство того, что не только идея эта безнравственна (unsittlich) но и осуществленiе ея невозможно.

Въ 1876 году отъ Онеиды отдѣлилась маленькая колонiя Валлингфордъ, не прерывая ни нравственныхъ, ни экономическихъ связей съ метрополiею. Устройство колонiи было вызвано тѣмъ, что нѣкоторые члены онеидской общины нашли для себя удобнѣе жить въ обществѣ, которое бы не было такъ многочисленно, какъ общество онеидское. Когда Вульзей печаталъ свое сочиненiе, онъ еще не имѣлъ извѣстiя, чтобы Валлингфордская колонiя присоединилась къ рѣшенiю Онеиды; тѣмъ не менѣе онъ высказалъ увѣренность, что это непремѣнно послѣдуетъ.

B.

«Destinée sociale» В. Консидерана.

Сочиненiя Фурье, какъ мы уже говорили, написаны почти безъ всякой системы. Кромѣ того они переполнены отчасти странностями, отчасти положенiями, явно противорѣчащими господствующимъ принципамъ нравственности, возбуждавшими въ публикѣ или смѣхъ или негодованiе. Потому еще самъ Фурье въ интересахъ пропаганды издалъ въ 1828 году краткое изложенiе своего ученiя подъ именемъ «Nouveau monde industriel», гдѣ онъ старался расположить главы по естественному порядку, въ системѣ, гдѣ онъ старался не оскорблять господствующихъ принциповъ нравственности и приличiя. Но ученики находили, что и это сочиненiе не достаточно убѣдительно, не достаточно способно привлечь сочувствiе публики; вслѣдствiе этого многiе изъ

нихъ и издавали свои сочиненія о соціальной реформѣ на основаніи системы Фурье. Наиболѣе замѣчательное изъ такихъ сочиненій «Destinée sociale» Консидерана. Это—полное, систематическое и подкрѣпленное доказательствами изложеніе системы Фурье, за исключеніемъ тѣхъ подробностей ея, которыя всего болѣе подвергались насмѣшкамъ; нѣкоторыя другія подробности Консидеранъ измѣнилъ такъ, чтобы они могли удовлетворять направленію, господствующему въ массѣ публики или по крайней мѣрѣ въ той части ея, въ средѣ которой онъ могъ разсчитывать на пропаганду. Къ политическимъ формамъ Фурье и ученики его относились безразлично. Самъ Консидеранъ издалъ брошуру (Débacle de la politique), въ которой доказываетъ, что однѣ только политическія реформы не дадутъ полезныхъ результатовъ. Но тѣмъ не менѣе въ то время во Франціи существовала могущественная республиканская партія; и только на успѣхи въ средѣ ея могли надѣяться фурьеристы; согласно съ этимъ Консидеранъ измѣнилъ ученіе Фурье о сферической іерархіи. У Фурье отдѣльныя части земной планеты, большія и малыя, управляются на основаніи принципа конституціонной монархіи. Въ каждой фалангѣ есть унархъ и есть совѣтъ, регентство; глава всего земнаго шара есть омніархъ, ниже его стоятъ дузархи, онзархи, которые кромѣ того носятъ титулъ августовъ и цезарей.

Такая іерархія не могла нравиться французскимъ республиканцамъ, и Консидеранъ передѣлываетъ ее. Въ «Destinée sociale» сферическая іерархія имѣетъ не монархическій, а республиканскій видъ. Вмѣсто омніарха будетъ «центральное и унитарное правительство—Верховное регентство», вокругъ котораго сгруппируются правительства втораго порядка, потомъ правительства третьяго порядка и т. д. «Надобно замѣтить, говоритъ Консидеранъ, что эти прогрессивные центры администраціи—ни что иное, какъ конгрессы различныхъ порядковъ, избранные населеніями, дѣлами которыхъ они занимаются» *).

Относительно дѣйствія страстей Консидеранъ слѣдуетъ вполнѣ ученію Фурье; подобно ему онъ дѣлитъ страсти на категоріи, даетъ и страстямъ и категоріямъ тѣ же самыя названія; у него есть и папильонна, и композита, и кабалиста; онъ описываетъ и ихъ дѣйствія, но только исключительно въ примѣненіи къ общему труду, къ производству, не касаясь примѣненія ихъ къ отношеніямъ между полами,

*) Destinée sociale. 3 изданіе, т. I, стр. 15.

чему у самого Фурье посвящены цѣлыя десятки страницъ, за которыя онъ всего болѣе подвергался осужденію. Это не значитъ однако, чтобы Консидеранъ отказался отъ этой части ученія Фурье; онъ только старается не распространяться касательно подробностей ея. А о любви вообще онъ говоритъ много. По его словамъ, Христосъ о любви училъ совершенно такъ же, какъ и Фурье. Только ученики его и ихъ преемники не поняли Христова ученія и стали проповѣдывать «ученіе прямо противорѣчащее природѣ».

Проповѣдники въ теченіи тысячелѣтій стремятся привлечь народы къ своимъ воззрѣніямъ. Но это трудъ совершенно напрасный: природу передѣлать нельзя. И всякое зло нужно лечить въ корнѣ. Здѣсь зло заключается «въ томъ соціальномъ устройствѣ, которое его порождаетъ, которое обращаетъ къ худому (tourne au mal) страсти и врожденныя способности, которыя другой порядокъ обратилъ бы къ добру (tournerait au bien)» *).

Философскій принципъ, лежащій въ основѣ всего построенія, у Консидерана тотъ же, что и у Фурье. Это должно быть, говоритъ Консидеранъ, потому что это есть нѣчто наилучшее; и Богъ не могъ предназначить насъ для чего нибудь худшаго, не могъ, давши намъ желанія, отказать намъ въ средствахъ для удовлетворенія ихъ.

«Мы любимъ богатство, изящество, роскошь, грандіозность; и было бы поистинѣ странно, если бы Богъ, давши намъ такіе вкусы, осудилъ насъ на всегдашнюю бѣдность, гадость, страданія всякаго рода, которыми цивилизація такъ богата. Это было бы нелѣпо, безсмысленно, жестоко; тутъ было бы нѣчто сатанинское. Подобная мысль была бы самою крайнею глупостью или гнуснымъ нечестіемъ. Богатый отецъ, говоритъ Фурье, имѣетъ болѣе обязанностей касательно своихъ дѣтей, чѣмъ отецъ бѣдный; онъ долженъ лучше воспитывать ихъ, доставить имъ лучшую одежду, пищу, болѣе удовольствій. Но Богъ, нашъ отецъ, богаче и могущественнѣе всѣхъ монарховъ вмѣстѣ; потому не долженъ ли онъ доставить намъ пользованіе всѣми благами?

«И не былъ ли бы онъ достоинъ презрѣнія и ненависти своего созданія, если бы онъ отказалъ ему въ удовлетвореніи желаній, которыя самъ же онъ вложилъ въ его сердце? Можно ли думать, что онъ далъ намъ эти неистребляемыя желанія съ преднамѣренною цѣлью употре-

---

*) Ib. т. II стр. LIX.

бить ихъ противъ насъ въ видѣ орудій постоянной муки? Въ такомъ случаѣ онъ былъ бы проклятъ, и всякій можетъ понять, что ни одна религія не даетъ понятія о зломъ духѣ, который совмѣщалъ бы себѣ столько злобы, жестокости и вѣроломства, сколько совмѣщаетъ ихъ подобное понятіе о Богѣ. И между тѣмъ нѣкоторые честные люди дѣйствительно такъ понимаютъ Бога... И еще считаютъ себя людьми религіозными! Что касается до насъ, не желающихъ безчестить свое пониманіе, дѣлая это оскорбленіе верховному уму,—желающихъ поклоняться Божеству и благословлять его, Верховнаго творца неба и земли, человѣка и его страстей, отца любви, счастія и гармоніи, мы не скажемъ: это (т. е. гармоническій порядокъ) невозможно, потому что это слишкомъ прекрасно; напротивъ съ религіею въ сердцѣ мы скажемъ: это слишкомъ прекрасно, чтобы не быть самою истиною, не быть общественною судьбою человѣка, волею Божіею касательно земли *)».

Но Консидерану было хорошо извѣстно, что уже въ то время во Франціи было много людей, придерживавшихся совсѣмъ не той философіи,—которые, будучи матеріалистами, не вѣрили ни въ промыслъ, ни въ какое нибудь предназначеніе человѣка. Есть у него и для этихъ людей аргументъ. Вы думаете, говоритъ онъ, что нѣтъ промысла; въ такомъ случаѣ обратите вниманіе на совершенство проектируемаго мною порядка. Если насъ не ведетъ къ нему промыслъ, пойдемъ къ нему сами, будемъ сами господами своей судьбы. Во всякомъ случаѣ, мы должны стремиться къ лучшему, а лучше гармоническаго порядка не можетъ быть ничего.

Предположимъ, говоритъ Консидеранъ, что «населеніе въ 400 семействъ уже соединено для образованія фаланги на землѣ, которою оно владѣетъ на акціонерномъ правѣ и которая устроена такъ, какъ описано выше (т. е. въ видѣ фаланстера съ принадлежностями): остается опредѣлить промышленную организацію, приспособленную ко вкусамъ и наклонностямъ трудящихся, къ развитію всѣхъ ихъ способностей, однимъ словомъ способную сдѣлать привлекательными ихъ труды. Рѣшеніе этого вопроса безъ сомнѣнія съ перваго слова осудитъ весь промышленный порядокъ цивилизованныхъ; потому что безъ сомнѣнія никто не станетъ утверждать, чтобы жители фаланги, имѣя полную свободу организовать свои операціи, какъ имъ угодно, рѣши-

*) Томъ I, стр. 358.

лись раздробить ихъ, чтобы отдѣлиться другъ отъ друга, чтобы одинъ удалился въ свое поле, другой въ мастерскую, разсѣявшись, какъ это бываетъ въ цивилизаціи» *).

Они не сдѣлаютъ этого потому, что жизнь и промышленность въ фаланстерѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ естественному влеченію трудящихся. Фаланстеръ есть такое учрежденіе, которое устроено какъ бы по мѣркѣ человѣческой природы, какъ хорошій сапогъ сдѣланъ по мѣркѣ ноги, хорошая одежда по мѣркѣ всего тѣла **).

На чемъ же основана та мысль, что фаланстеръ въ такой степени соотвѣтствуетъ нашей природѣ? — Сущность устройства фаланстера состоитъ въ раздѣленіи трудящихся на группы и серіи. А въ глубинѣ самой природы человѣка, по словамъ Консидерана, лежитъ именно стремленіе къ группамъ и серіямъ.

«Обратитесь ко временамъ вашей школьной жизни и вы вспомните, что школьное населеніе, едва выйдетъ изъ класса, едва получитъ свободу, будучи предоставлено само себѣ, тотчасъ формируется въ различныя категоріи. Эти категоріи, опредѣляемыя возрастомъ, характерами, положеніями, не препятствуютъ тому, чтобы для игоръ масса учениковъ раздѣлялась на новыя группы, на новыя серіи ***). Итакъ раздѣленіе на серіи, группы, подъ-группы, вотъ что внушаетъ природа человѣку» ****).

И въ производствѣ это раздѣленіе на группы и серіи ведетъ только къ успѣху, къ старательному труду, сопровождающемуся успѣхомъ производства.

Когда мы были школьниками 13, 14, 15-ти лѣтъ, говоритъ Консидеранъ, во время вакацій, въ октябрѣ мѣсяцѣ, мы ходили на охоту, на перепелокъ. Мы собирались группами и рано утромъ, до солнечнаго восхода, шли на высокія плато Юры. Около 9 или 10 часовъ, когда наши сумки были переполнены перепелками, мы обыкновенно замѣчали вдали на горизонтѣ развѣвающіяся отъ дѣйствія вѣтра платья, бѣлыя соломенныя шляпы, зонтики и пр. Это были наши сестры, кузины, которыя шли къ намъ на мѣсто охоты.—По прибытіи ихъ тотчасъ устраивался завтракъ. Сестры и кузины брались за обязанности кухарокъ; стрѣлки должны были достать дровъ, огня, по-

*) II. 108. **) II, 102. ***) 112, 113.

****) Тоже Консидеранъ доказываетъ примѣромъ бала, гдѣ одни играютъ въ карты, другіе танцуютъ, третьи говорятъ о политикѣ, четвертые о наукѣ и т. д.

суды, хлѣба, масла, и кромѣ того, разумѣется, должны были доставать изъ сумокъ перепелокъ. Дѣло устраивалось мигомъ: стрѣлки раздѣлялись на группы, одни бѣжали въ лѣсъ за дровами, другіе въ ближнюю деревню за хлѣбомъ и посудою; и черезъ часъ завтракъ былъ готовъ. И когда эта исторія повторялась нѣсколько разъ, то тѣ-же лица брали на себя тѣ-же роли, тѣ-же части общаго труда; частныя способности опредѣлялись, и все вообще дѣло совершалось съ быстротою, веселостью и согласіемъ. Аккордъ былъ сформированъ *).

И это стремленіе къ группамъ и серіямъ обнаруживается уже и теперь въ промышленныхъ занятіяхъ цивилизованныхъ. Одинъ изъ наиболѣе доказательныхъ примѣровъ этого Консидеранъ видитъ въ молотьбѣ хлѣба. Молотьба производится обыкновенно группами. Молотящіе раздѣляются на двѣ стороны, каждая сторона имѣетъ начальника, мѣрные удары цѣповъ прибавляютъ рабочимъ усердія, между ними слышутся шутки, остроты, и дѣло быстро подвигается впередъ. «Прелесть этого рода трудовъ такова, что обыкновенно дѣти желаютъ принять въ нихъ участіе; и взрослые принуждены прибѣгать къ угрозамъ и даже ударамъ, чтобы прогнать ихъ. Это единственная земледѣльческая операція, въ которой любятъ принимать участіе горожане тамъ, гдѣ нѣтъ сбора винограда. Я видѣлъ охотниковъ, даже очень фешенебельныхъ, которые клали въ сторону ружье, вооружались цѣпомъ и не замѣчали, какъ въ концѣ сеанса у нихъ уже были мозоли на рукахъ» **).

Итакъ группы, серіи, подъ-группы, подъ-серіи, соотвѣтствуютъ природѣ человѣка, дѣлаютъ возможнымъ усердный, но вмѣстѣ съ тѣмъ нетяжелый трудъ, дающій богатые экономическіе результаты. Но группы и серіи находятъ свое осуществленіе только въ фаланстерѣ. Заключеніе ясно: фаланстеръ соотвѣтствуетъ природѣ человѣка и ведетъ его къ экономическому благосостоянію.

Но какъ человѣчество придетъ къ устройству фаланстеровъ? Фурье только предсказывалъ, что оно придетъ; но какъ именно?—Онъ ставилъ все въ зависимость отъ перваго опыта: а для перваго опыта нужны были большія деньги, которыхъ не было.

Въ этомъ случаѣ Консидеранъ дѣлаетъ очень важное дополненіе

---

*) 122.

**) 206. Это говоритъ, впрочемъ, не Консидеранъ, а Ш. Пелярenъ, котораго письмо приводитъ въ своей книгѣ Консидеранъ.

къ теоріи Фурье. Фурье жаловался на то, что цивилизація идетъ видимымъ образомъ къ «коммерческому феодализму», гдѣ сильные будутъ давить слабыхъ, поработятъ ихъ, какъ феодальные владѣльцы поработили въ свое время народы Европы. Но Фурье ни къ чему не пришолъ, исходя изъ своего взгляда на торговый феодализмъ. Консидеранъ, во-первыхъ, измѣнилъ его: онъ говоритъ о феодализмѣ не торговомъ, а промышленномъ (féodalité industrielle). Промышленный феодализмъ состоитъ въ томъ, что большіе капиталисты давятъ небольшихъ, вслѣдствіе чего производство принимаетъ болѣе и болѣе обширные размѣры: капиталисты-предприниматели дѣлаются истинными феодальными владѣльцами: средній классъ сокращается: а рабочіе, благодаря раздѣленію труда, благодаря введенію механическихъ дѣятелей, болѣе и болѣе падаютъ въ умственномъ отношеніи: заработки ихъ уменьшаются вмѣстѣ съ ихъ промышленными способностями, и они нисходятъ на степень средневѣковыхъ крѣпостныхъ *).

Между тѣмъ промышленный феодализмъ растетъ. Акціонерное начало еще болѣе усиливаетъ его. Образуются могущественныя компаніи, которыя уже не довольствуются только производствомъ. Компаніи или феодальныя фермы, какъ называетъ ихъ Консидеранъ, захватываютъ въ свои руки также транспорты, стоятъ склады и сами продовольствуютъ своихъ вассаловъ **): дѣятельность торговли, какъ посредницы между производителями и потребителями, уничтожается. Начинается новый періодъ соціальной жизни, гарантизмъ. Гарантизмъ есть и у Фурье. Но у него это что-то мало опредѣленное и не совсѣмъ согласное съ представленіемъ Консидерана. Гарантизмъ Фурье «сохраняетъ еще жизнь отдѣльными хозяйствами и семействами: но уменьшаетъ въ значительной степени революціи и бѣдность» ***). У Консидерана отдѣльныя хозяйства въ періодъ гарантизма уже исчезаютъ. Впрочемъ, пусть самъ онъ излагаетъ свои мысли объ этомъ важномъ предметѣ: это наиболѣе достойная вниманія часть его системы, гдѣ излагается самый важный моментъ соціальной жизни, переходъ ея отъ состоянія, въ которомъ она теперь находится, къ гармоніи, и излагается не отъ духа пророческаго предвѣдѣнія, а повидимому отъ

*) I, 129 и слѣд. Консидеранъ подтверждаетъ свою мысль, въ сущности совершенно справедливую, многими выписками изъ французскихъ и англійскихъ журналовъ и изъ извѣстнаго сочиненія Лемонтея: Raison, folie, chacun son mot. **) I, 123.

***) Oeuvres I, 62.

анализа экономическихъ явленій, отъ приложенія къ нимъ экономическихъ законовъ.

«Феодальныя фермы, говоритъ Консидеранъ, находя опору въ своихъ капиталахъ, сами ведутъ одновременно операціи земледѣльческія, промышленныя, торговыя. Будучи умно (?) разсчитаны, эти операціи даютъ большіе доходы. Ихъ конкурренція съ раздробленными хозяйствами приводитъ къ тому, что малыя хозяйства вездѣ (?) уступаютъ большимъ, соединяются въ большіе центры. Общее богатство быстро возрастаетъ: приготовленіе питательныхъ веществъ обходится дешево (?) въ феодальныхъ фермахъ, потому что здѣсь они приготовляются въ большихъ размѣрахъ; народъ (?) уже не умираетъ съ голоду, не нуждается въ необходимомъ. Во всѣхъ этихъ центрахъ дѣйствія и въ большихъ промышленныхъ операціяхъ правительства (?), онъ находитъ (?) трудъ обезпеченный, и въ слѣдъ затѣмъ даже разнообразный, притомъ по своему выбору (?). Система поощрительныхъ премій и участія (?) людей труда и таланта въ барышахъ распространяется все болѣе и болѣе; каждая ферма устроиваетъ сберегательную кассу для рабочихъ, которые вслѣдствіе совокупности этихъ причинъ въ скоромъ времени большею частію дѣлаются рядомъ съ большими капиталистами акціонерами самой феодальной фермы» *).

Итакъ, промышленность приняла уже лучшій видъ. Капиталы получаютъ свои проценты, рабочіе хорошіе заработки и кромѣ того проценты на свои сбереженія. Феодальныя фермы въ своемъ послѣднемъ видѣ уже не очень далеки отъ фаланстера. И дѣйствительно переходъ отъ такого порядка къ устройству фаланстеровъ былъ бы не труденъ, могъ бы совершится мирнымъ образомъ безъ революціи. Капиталистамъ все равно строить помѣщеніе для рабочихъ въ видѣ фаланстера или въ обыкновенномъ видѣ. Если же фаланстеріальное устройство дастъ имъ еще больше процентовъ, чѣмъ феодальная ферма, то они сдѣлаются дѣйствительно ревностными послѣдователями фурьеризма. О сочувствіи массы населенія нечего и говорить; она еще при феодальныхъ фермахъ успѣетъ убѣдиться въ достоинствахъ ассоціаціи труда и потребленія, равно какъ разнообразія труда.

Но, почему-то самъ Консидеранъ не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что естественное теченіе экономической жизни приведетъ Европу къ жизни гармонической и въ концѣ своей книги обращается съ такою молитвою

*) 1, 123, 124.

къ Богу: «Великій Боже, благій и всемогущій! Дай силу голосу тѣхъ, которые поняли Твой законъ и возвѣщаютъ Твое царство своимъ братьямъ. Открой закрытые умы и возроди въ нѣдрахъ ихъ любовь!»

Да, безъ особенной любви фаланстеръ не можетъ быть основанъ: точно также, къ сожалѣнію, безъ особенной любви не возникнетъ и гарантизмъ. А ея, какъ говорятъ факты, не оказывается: предсказаніе Консидерана относительно превращенія промышленнаго феодализма въ гарантизмъ не осуществляется. Феодализмъ продолжаетъ существовать; существуютъ и сберегательныя кассы для рабочихъ; но чрезъ это рабочіе не сдѣлались соучастниками капиталистовъ во владѣніи феодальными фермами; а кромѣ того и промышленность раздробленная продолжаетъ существовать. Существуетъ еще и тотъ фактъ, что большія массы рабочихъ совсѣмъ подъ-часъ не имѣютъ работы ни въ раздробленной промышленности, ни въ промышленныхъ фермахъ. Вообще нѣтъ никакихъ признаковъ того, чтобы цивилизація уступала мѣсто гарантизму. И очеркъ движенія человѣчества изъ цивилизаціи въ гарантизмъ, не смотря на его видимую логичность, въ сущности имѣетъ одинъ характеръ съ подобными очерками самого Фурье. Это предсказаніе, а не дѣйствительное разсужденіе *) на основаніи экономическихъ законовъ. Легко сказать, что промышленныя фермы убьютъ торговлю: но не легко это сдѣлать; легко сказать, что онѣ уничтожатъ промышленность раздробленную, но опять не легко сдѣлать. Легко обѣщать капиталистамъ хорошіе проценты, рабочимъ хорошіе заработки, дешевизну жизни и разнообразный трудъ, и мало по малу превратить ихъ въ акціонеровъ: но еще труднѣе сдѣлать это. И если бы Консидеранъ дѣйствительно могъ подарить человѣчеству все это; оно сказало бы ему большое спасибо и не пожелало бы гармоніи.

Въ сущности система Консидерана есть та же самая, даже нисколько не улучшенная, система Фурье. Въ литературномъ отношеніи она безъ

*) Мы не подвергаемъ разбору ученіе Консидерана о томъ пути, какимъ человѣчество придетъ къ гарантизму. Оно слишкомъ неосновательно, несогласно съ экономическими фактами и законами; и потому мы считаемъ достаточнымъ ограничиться вопросительными знаками. Еще менѣе основательны разсужденія Консидерана относительно видовъ промысла касательно человѣка (см. выше, стр. 170 и 171). Это – разсужденія тупого, но самонадѣяннаго ребенка, который сердится на отца за то, что его заставляютъ учиться и не позволяютъ играть и ѣсть пряниковъ столько, сколько онъ хотѣлъ бы.

сомнѣнія лучше. На малосвѣдущаго читателя сочиненія Консидерана будутъ имѣть гораздо больше вліянія, чѣмъ сочиненія Фурье. Въ нихъ читатель не встрѣтитъ этой массы абсурдовъ, которые были поводомъ къ насмѣшкамъ надъ Фурье. Но Консидеранъ ихъ только обходитъ, не развиваетъ тѣхъ подробностей, въ которыхъ они наиболѣе ярко выступаютъ. А что они не исключены изъ системы, это очевидно. Страстное влеченіе, кабалиста, папильонна пользуются тѣми же самыми правами у Консидерана, какъ и у Фурье, безо всякихъ оговорокъ, которыя бы обязывали думать, что дѣйствіе ихъ гдѣ нибудь и чѣмъ нибудь ограничено.—Даже не смотря на то, что онъ убѣдилъ другихъ фурьеристовъ исключить космогонію изъ числа предметовъ пропаганды, и это сдѣлано только во избѣжаніе насмѣшекъ. Это не помѣшало самому Консидерану обратиться къ землѣ съ слѣдующею молитвою: «о ты, прекрасная земля, которую мы столь долго опустошали, прелестный рай, оплакивающій твои первые дни, ты, к о т о р о й д у ш а имѣетъ одну субстанцію съ огнемъ и свѣтомъ, приготовь свои цвѣты, плоды и колосья» и т. д. *).

Г.

Мнѣнія о Фурье, высказанныя представителями науки и литературы въ Западной Европѣ.

Мы не знаемъ писателя, о которомъ были бы высказаны столь несогласныя мнѣнія, какъ о Фурье. Одни видятъ въ немъ философа, ученаго, серьезнаго реформатора, вооруженнаго всѣми средствами великаго ума и глубокаго образованія, другія смотрятъ на него, какъ на визіонера, невѣжду, имѣвшаго только смутное понятіе о томъ, что́ онъ говорилъ.

Къ числу первыхъ прежде всего нужно причислить Р е й б о. Р е й б о человѣкъ далеко не сочувственно относящійся къ соціалистамъ. Въ самой системѣ Фурье онъ не находитъ ничего такого, въ чемъ бы онъ призналъ дѣйствительный результатъ ученыхъ изысканій, какое-нибудь дѣйствительное средство къ устраненію общественныхъ золъ. О различныхъ подробностяхъ ея онъ выражается такъ: «это странное

*) II. 351.

предчувствіе, а не серьезное понятіе», или «не стоитъ труда останавливаться на этомъ, развѣ изъ любопытства»: «эта комбинація есть одна изъ наиболѣе очаровательныхъ химеръ»; — «по несчастію это только мечта» и т. п. Короче для Л. Рейбо въ системѣ Фурье нѣтъ ничего истиннаго; все продуктъ воображенія, мечта, химера. Но это не помѣшало ему однако сдѣлать слѣдующую характеристику самого Фурье: «что поражаетъ обыкновеннаго (?) читателя въ сочиненіяхъ Фурье, это могущество изученія (la puissance des études) и обширная начитанность. Фурье касается всѣхъ наукъ, точныхъ или натуральныхъ, съ авторитетомъ, съ превосходствомъ. Онъ касается литературы множествомъ разумныхъ цитацій,—исторіи, тѣмъ что беретъ изъ нея свои доказательства, — промышленности посредствомъ замѣчаній, полныхъ смысла, — математики посредствомъ строгихъ дедукцій, заимствованныхъ отъ нея, —философіи посредствомъ системы постояннаго нападенія, свидѣтельствующей, что онъ изучалъ ее во всѣхъ видахъ. И не смотря на то—этотъ мыслитель, этотъ изобрѣтатель ничто иное, какъ коммерческій прикащикъ» *) и т. д. Далѣе: «Фурье старался установить самыя незначительныя подробности, что приводитъ его къ такимъ развитіямъ, гдѣ за нимъ трудно слѣдовать. И эти развитія, которыя требовали великихъ усилій размышленія и энергическаго могущества уединенія, были единственными сторонами, съ которыхъ соглашались смотрѣть на его теоріи. Серьезныя части были презираемы: всѣ только смѣялись надъ странностями подробностей. Соперничествующія системы философіи не были ни обязательны, ни справедливы. Оффиціальная школа презирала человѣка, который слѣдовалъ одной доктринѣ, а не отдавался всѣмъ» и т. д.

На нашъ взглядъ такое отношеніе Рейбо къ Фурье совсѣмъ не гармонируетъ съ его отношеніемъ къ ученіямъ Фурье. Если въ ученіи Фурье все только мечта да химера, то гдѣ же доказательство того, чтобы онъ изучалъ что нибудь основательно,—чтобы его дѣйствительно можно было назвать серьезно мыслителемъ, изобрѣтателемъ?—Начитанность не есть ученость. Какія права имѣлъ Фурье, чтобы какая бы то ни было научная школа отнеслась къ нему съ уваженіемъ? И почему онъ имѣетъ право на названіе соперника какой бы то ни было философской школы XIX вѣка?—Ниже мы постараемся объяснить эту двойственность въ отзывѣ Рейбо: теперь замѣтимъ только, что впо-

*) I. 153.

слѣдствіи самъ онъ призналъ, что его оцѣнка соціалистовъ вообще слишкомъ благосклонна. «Въ этихъ начинающихся увлеченіяхъ, говоритъ онъ, я видѣлъ предметъ любопытства, а не безпокойства, помѣшательство тихое, которое можно было исцѣлить особеннымъ способомъ леченія» *). Странное отношеніе къ дѣлу! Человѣкъ становится подъ перомъ критика уменъ или глупъ, ученъ или невѣжественъ смотря по тому, смѣшонъ онъ или опасенъ, а не потому, дѣйствительно ли онъ обнаруживаетъ извѣстныя качества ума и знанія. По нашему мнѣнію отзывъ Рейбо объ учености Фурье, о его философіи показываетъ только, что у самаго Рейбо понятія о томъ и другомъ были смутны **). Въ сочиненіяхъ Фурье дѣйствительно много выписокъ изъ разныхъ авторовъ; но ничто не указываетъ, чтобы онъ относился къ нимъ хоть сколько-нибудь научно-критическимъ образомъ, не только «съ авторитетомъ, съ превосходствомъ».

Л. Штейнъ смотритъ на систему Фурье съ точки зрѣнія напередъ составленнаго имъ совершенно произвольнымъ образомъ понятія о соціализмѣ. Соціализмъ, слѣдуя ему, долженъ непремѣнно уничтожить частную собственность и семейство. Но Фурье уничтожаетъ только семейство, а частную собственность не уничтожаетъ. Слѣдовательно, Фурье не «осуществляетъ вполнѣ идею соціалистической системы». И Штейнъ какъ будто ставитъ въ упрекъ фурьеризму то, что онъ не достигъ идеала соціализма. Не смотря на то, онъ однако имѣетъ свою заслугу. «Фурье первый научнымъ образомъ понялъ работу въ самой себѣ, схватилъ понятіе о работѣ или точнѣе о работникѣ. Фурье первый не представлялъ себѣ работу, только какъ фактъ хозяйственной жизни, какъ было до сихъ поръ въ политической экономіи. Онъ неудовольствовался тѣмъ, чтобы смотрѣть на работу, какъ на теоретически необходимое послѣдствіе потребности и потребленія. Онъ не остановился на томъ, на чемъ остановилась вся философія, т. е. чтобы смотрѣть на работу только какъ на условіе развитія личности, свободы, счастья. Онъ первый попытался понять работу въ самой себѣ и для самой себя, какъ назначеніе человѣческаго счастія, какъ удовлетвореніе человѣческой склонности,—какъ цѣль че-

*) См. préface къ 7 изданію.

**) Быть можетъ, впрочемъ, Рейбо дѣйствительно и хотѣлъ сказать, что такое впечатлѣніе сочиненія Фурье производятъ только на читателей малообразованныхъ, обыкновенныхъ читателей «lecteurs ordinaires».

ловѣческаго совершенства. Этимъ онъ приблизился къ рѣшенію вопроса, который всего болѣе тяготѣетъ надъ промышленнымъ обществомъ» *).

«Къ этому обществу принадлежитъ и будетъ принадлежать многочисленный классъ, который, кромѣ работы, ничего больше не имѣетъ и имѣть не будетъ, и который черезъ работу не можетъ придти къ собственности. Если работа есть только условіе счастья, тогда этотъ классъ навсегда останется при этомъ условіи. Тогда только положеніе работника можетъ быть счастливо, когда работа сама собою можетъ быть исполненіемъ счастья. Мыслимо ли теперь, чтобы работа получила такое устройство, чтобы она въ самой себѣ и для себя составляла удовлетвореніе, не обращая вниманія на собственность, которую она производитъ? Возможно ли выйдти изъ положенія нашей индустріи, въ которой работа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и мученіе людей? Если это такъ, то хотя не уничтожается различіе между владѣющими и невладѣющими, но уничтожается контрастъ между работою и собственностью, потому что каждый изъ двухъ этихъ элементовъ имѣетъ тогда свое особенное счастье. Это первый великій вопросъ, предъ которымъ Фурье поставилъ наше время; если этотъ вопросъ посредствомъ цѣлесообразныхъ учрежденій не вступитъ на дорогу, которую Фурье открылъ, то контрастъ, который этимъ вопросомъ образуется, будетъ стоить больше жертвъ, чѣмъ всякое напряженіе къ порожденію порядка для работы, который съ работою, насколько это возможно для человѣческой силы, связываетъ наслажденіе и удовлетвореніе» **).

Всѣ наиболѣе важныя положенія Штейна, высказываемыя имъ здѣсь, нуждаются въ самыхъ существенныхъ поправкахъ. Во-первыхъ, Фурье совсѣмъ не говорилъ, что работа сама по себѣ должна быть «исполненіемъ счастья» человѣка. Если бы это принималъ онъ или кто другой, то вопросъ, тяготѣющій надъ промышленнымъ обществомъ, этимъ самымъ былъ бы уже рѣшенъ. Если работа сама въ себѣ есть исполненіе счастья, то стоитъ только работать, чтобы быть счастливымъ. И такъ какъ къ счастію всякій стремится, то всякій и стремился бы къ работѣ. Фурье понималъ, что работа не есть сама въ себѣ достиженіе счастья, онъ думалъ только, что будучи обставлена извѣстными условіями, она будетъ легка; и эта легкость ея, вмѣстѣ съ условіями

*) Geschichte der Socialen Bewegung in Frankreich T. II, стр. 328
**) Ib. стр. 229.

производящими ее, т. е. краткостью сеансовъ, группами и интригами, и вмѣстѣ съ результатами, т. е. обильнымъ производствомъ, будетъ составлять счастье населеній.

Очевидно, что такое понятіе о счастіи не равняется тому понятію о немъ, которое Штейнъ приписываетъ Фурье. Во-вторыхъ, если бы Фурье дѣйствительно поставилъ вопросъ о томъ, какъ сдѣлать работу саму въ себѣ исполненіемъ счастья, и въ такомъ случаѣ это было не заслугою, а было бы достойно упрека. Это показывало бы въ авторѣ малую способность понимать природу вещей и природу человѣка въ особенности. Люди болѣе вѣрно смотрящіе на вещи стремятся только къ тому, чтобы работа, трудъ не превосходилъ человѣческихъ силъ и былъ справедливо вознагражденъ. Кромѣ того, они не отказываются и отъ мысли, чтобы всѣ люди владѣли собственностью; и это составляетъ дѣйствительную ихъ заслугу. И къ ихъ дѣлу Фурье не только не прибавилъ ничего, а напротивъ повредилъ ему, отклонивши болѣе или менѣе это стремленіе отъ его прямого пути, удаливши отъ него его цѣль. Впрочемъ, на все это Штейнъ смотритъ иначе. Онъ думаетъ, во-первыхъ, что рабочіе съ помощію своей работы никогда не пріобрѣтутъ собственности. Такое мнѣніе, не будучи подкрѣплено ничѣмъ со стороны автора, находится въ явномъ противорѣчіи съ общимъ почти мнѣніемъ и экономистовъ, и соціалистовъ. Соціалисты именно для того, чтобы всѣ люди имѣли собственность, предлагаютъ свои проекты, а экономисты, по крайней мѣрѣ такіе, которыхъ мнѣнія пользуются наибольшимъ кредитомъ, говорятъ, что пусть только рабочіе будутъ трудолюбивы и воздержны, и пусть промышленность освободится отъ связывающихъ ее узъ; и они получатъ возможность не только жить безбѣдно, но и дѣлать сбереженія, т. е. пріобрѣтать собственность. Экономисты даже доказываютъ это тѣмъ, что бытъ рабочихъ съ теченіемъ времени весьма замѣтнымъ образомъ вообще улучшается, что они уже теперь дѣлаютъ значительные вклады въ сберегательныя кассы и т. п. Во-вторыхъ, Штейнъ думаетъ, что дѣйствительно возможно посредствомъ цѣлесообразныхъ учрежденій направить промышленность на дорогу, указанную Фурье, т. е. организовать промышленность такъ, чтобы работа «сама въ себѣ и для себя» была исполненіемъ человѣческаго счастья, удовлетвореніемъ человѣческой склонности и пр. Этого не допускаетъ, какъ мы замѣтили, даже самъ Фурье; и Штейну слѣдовало привести какія-нибудь доказательства своей мысли (чего онъ не сдѣлалъ), потому что безъ исключенія всѣ представители

экономической науки, и все человечество въ настоящемъ и прошедшемъ думало и думаетъ, что дѣйствительная работа такъ и останется навсегда (сама въ себѣ) чѣмъ-то болѣе или менѣе тяжелымъ и непріятнымъ, что работа, какъ удовольствіе, не есть работа въ собственномъ смыслѣ, а одинъ изъ видовъ развлеченія, подобно тому, какъ дѣтскія игры, при которыхъ дѣти употребляютъ рабочіе инструменты, лопаты, грабли и пр., тѣмъ не менѣе остаются играми, а не работою. Въ самомъ понятіи о работѣ, трудѣ, заключается понятіе о томъ, что она есть нѣчто трудное, требующее усилій, напряженія, которыя истощаютъ организмъ, потому должны быть непріятны живому существу. И не можетъ быть никакихъ учрежденій, съ помощію которыхъ можно бы было передѣлывать природу вещей. И слѣдовательно всякая теорія, ведущая къ такому передѣлыванью, не можетъ быть вмѣнена въ заслугу автору ея, а должна служить ему укоризною. Впрочемъ, этой укоризнѣ не долженъ быть подвергнутъ Фурье, а только одинъ Штейнъ. У Фурье нѣтъ теоріи работы, составляющей назначеніе человѣческаго счастія, работы an und fur sich, а есть нѣчто непохожее на это.

Если, наконецъ, мы уступимъ Штейну въ томъ, что указать дорогу, положить основанія для учрежденій, которыя сдѣлали бы работу въ самой себѣ исполненіемъ человѣческаго счастія, есть заслуга, что сдѣлать это — значитъ приблизиться къ рѣшенію вопроса, который всего болѣе тяготѣетъ надъ промышленнымъ обществомъ; и въ такомъ случаѣ заслуга эта принадлежитъ не Фурье, а реформатору прошлаго вѣка Морелли, который раньше Фурье указывалъ именно ту-же самую дорогу для организаціи промышленности, въ которой существовало бы влеченіе къ труду, и промышленныя занятія исполнялись бы съ удовольствіемъ. (См. выше, стр. 138).

«Второй главный пунктъ, говоритъ Штейнъ, который выработанъ у Фурье въ оригинальномъ видѣ, состоитъ въ понятіи и задачѣ общины, ассоціаціи. Фурье первый доказалъ (?), что всеобщая ассоціація въ высшей степени полезна и выгодна. Правда, его идея объ ассоціаціи не простирается далеко за хозяйственную общину; но здѣсь онъ съ чрезвычайною энергіею показалъ высокое значеніе этой мысли по преимуществу свойственной нашему времени. Конечно, понятіе и неизмѣнная природа личности указываютъ на самостоятельность, какъ на нѣчто абсолютно высшее; но есть извѣстныя предпріятія и извѣстныя области жизни, въ которыхъ ассоціація предназначена быть источникомъ великой экономіи и великаго удовольствія для рабочаго

сословія. Фурье первый на эту область направилъ взоръ своего времени; и когда этотъ вопросъ, который былъ у него чисто теоретическимъ, сдѣлается практическимъ, то для этой мысли Фурье, равно какъ для его мысли о гармонической работѣ, придетъ свое время *).

Съ этой стороны мы опять не можемъ признать заслуги Фурье, во-первыхъ, потому, что мысль объ ассоціаціи также высказана гораздо раньше Фурье, еще въ вѣка предъидущіе (см. выше стр. 137); во-вторыхъ потому, что, по нашему мнѣнію, для гармонической работы сообразно съ мыслью Фурье и для самой этой мысли никогда не придетъ время. Для того и другого уже было свое время, и оно прошло безвозвратно. Для насъ почти необъяснима натяжка, которую дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ Штейнъ. Онъ принимаетъ, что самостоятельность представляетъ высшій принципъ, который не можетъ подчиниться низшему принципу ассоціаціи: онъ допускаетъ въ то же время, что ассоціація только въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни способна быть источникомъ великой экономіи и великаго удовольствія для рабочаго сословія, и въ то же время ставитъ въ заслугу Фурье то, что онъ, не сдѣлавши этого различенія, расширилъ кругъ ея на всю экономическую дѣятельность человѣка, на всѣ вообще предпріятія, на всѣ области жизни. Допустимъ, что идея ассоціаціи дѣйствительно свойственна нашему времени болѣе, нежели какому другому, но Фурье неправильно указалъ примѣненіе ея; открылъ ее также не онъ. Гдѣ же заслуга-то его и въ чемъ?

Приведемъ еще взгляды Штейна на нѣкототорыя наиболѣе существенныя части системы Фурье. Къ его ученію о страстяхъ онъ относится съ большимъ уваженіемъ. Излагая это ученіе, Штейнъ говоритъ: «нельзя отрицать, что вся теорія страстей у Фурье въ высшей степени оригинальна и своею глубиною превосходитъ все, что до сихъ поръ въ этомъ направленіи сдѣлано въ области психологіи» **). Какихъ-нибудь доказательствъ или хоть объясненій этой мысли напрасно кто-нибудь сталъ бы искать у Штейна. Читая его, вы выносите только одно впечатлѣніе, что ученіе о страстяхъ ему нравится: но почему,—это остается для васъ загадкою. Повидимому, онъ доволенъ классификаціею Фурье и тѣмъ, что ученіе о страстяхъ направлено къ созданію гармоническаго порядка. Излагая для сравненія ученіе о страстяхъ Боссюэта, онъ прибавляетъ: «нѣтъ почти надобности указывать, насколько понятія Фурье

*) Ib. 330. **) 278.

выше этихъ лишенныхъ всякаго результата понятій. . и дѣйствительно не дѣлаетъ никакихъ указаній, замѣчаній или объясненій; но люди, не раздѣляющіе его симпатій къ гармоническому порядку, имѣютъ право думать противное. Положимъ, однако, что ученіе Фурье дѣйствительно выше ученія Боссюэта; но Боссюэтъ, во-первыхъ, не философъ, не психологъ; во-вторыхъ, Боссюэтъ человѣкъ XVII вѣка; его отдѣляютъ отъ Фурье полтора столѣтія, въ продолженіи которыхъ философія сдѣлала самые значительные успѣхи во всѣхъ своихъ частяхъ, и сравнивать съ нимъ Фурье—напрасный трудъ. Штейнъ не останавливается даже передъ сопоставленіемъ Фурье и Пиѳагора. Ему нравится между прочимъ ученіе Фурье о связи между звуками и страстями. Связь эта дѣйствительно существуетъ; извѣстныя страсти требуютъ для своего выраженія извѣстной силы и извѣстной напряженности звуковъ; но Фурье и это ученіе довелъ до абсурда. Слѣдуя ему, каждая страсть имѣетъ соотвѣтствующую ей строго опредѣленную ноту, и только одну эту ноту: дружба—утъ, честолюбіе—си, любовь—ми и пр., такъ что выраженіе дружбы можетъ быть сдѣлано только въ тонѣ «утъ», объясненіе въ любви въ тонѣ «ми» и т. п. Доказывать этого—Фурье не доказывалъ, потому что и доказывать этого нельзя. Между тѣмъ Штейнъ вотъ какъ выражается объ этомъ предметѣ ученія Фурье: «пять страстей чувственныхъ въ соединеніи съ душевными (которыхъ 7) образуютъ 12 тоновъ аккорда. Такимъ образомъ, наконецъ, осуществляется великая идея глубокомысленнаго греческаго философа. Уже за 3000 лѣтъ Пиѳагоръ провозгласилъ, что гармонія міра и гармонія музыки не отличаются одна отъ другой. Но Фурье доказалъ то, что Пиѳагоръ только предчувствовалъ» *). Нельзя не изумляться этому отзыву нѣмецкаго ученаго. Гдѣ же тутъ осуществленіе «великой идеи» Пиѳагора? Будто сопоставленіе чувствъ и звуковъ, сдѣланное Фурье, можетъ въ какомъ-нибудь смыслѣ считаться осуществленіемъ чего-нибудь? Наконецъ, гдѣ Штейнъ нашелъ у Фурье какія-нибудь доказательства мысли о единствѣ гармоніи міра и гармоніи музыки? Ихъ нѣтъ; и Штейнъ ихъ не привелъ и даже не указалъ.—Въ частности объ унитеизмѣ Штейнъ говоритъ, что это ничто иное, какъ религіозное чувство. Религіозное чувство безъ сомнѣнія давно извѣстно ученымъ, гораздо раньше Фурье. Не смотря на то, вниманіе Штейна не останавливается на томъ, что Фурье приписываетъ открытіе этого чувства себѣ.

*) 281.

Касательно ученія Фурье объ аналогіи Штейнъ не высокаго мнѣнія. Признавая, что аналогія служитъ для Фурье единственнымъ закономъ мышленія и познанія, что для него «нѣтъ истины иначе, какъ чрезъ посредство аналогіи» *), онъ въ то-же время признаетъ, что аналогія у Фурье «убога и случайна». Если мы вспомнимъ объ общемъ мнѣніи Штейна касательно системы Фурье, касательно его заслугъ, вспомнимъ, что Фурье, по его мнѣнію, первый понялъ работу an und für sich, указалъ основанія для будущей гармонической промышленности, представилъ глубокомысленную теорію страстей, доказалъ единство гармоніи музыки и міра, то намъ станетъ понятно, что въ приведенныхъ мнѣніяхъ Штейна заключается самое существенное и очевидное противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ-же образомъ Фурье могъ достигнуть столь великихъ результатовъ съ помощію столь недостаточнаго средства, какъ его аналогія, случайная и убогая, которая однако составляетъ для него единственный законъ познанія, внѣ котораго для него нѣтъ истины?

О космогоніи Фурье Штейнъ имѣетъ понятіе еще менѣе высокое. Онъ называетъ ее безсодержательною, видитъ въ ней даже глупость, безуміе. Но и въ этомъ случаѣ онъ старается оправдать Фурье. Съ этою цѣлью онъ сочиняетъ цѣлую теорію о томъ, что когда человѣкъ старается проникнуть въ будущее, то онъ «впадаетъ въ безуміе или въ смѣшныя положенія». Теорія далеко невѣрная. Астрономы предсказываютъ будущее—солнечныя и лунныя затмѣнія, появленіе кометъ и т. п., и черезъ это нисколько не впадаютъ въ безуміе. Талейранъ предсказалъ паденіе Наполеона I, когда онъ еще находился на вершинѣ своего могущества. Югурта предсказалъ паденіе Рима еще въ то время, когда Римское государство все росло и росло, распространяясь въ Азіи и Африкѣ. Наконецъ, нашъ баснописецъ ввелъ въ общее обращеніе ту мысль, что можно предсказывать будущее и не будучи пророкомъ. Дѣло въ томъ, что и на основаніи чего человѣкъ предсказываетъ. Если онъ предсказываетъ на основаніи яснаго пониманія законовъ бытія вещей въ мірѣ физическомъ или нравственномъ, какъ дѣлаютъ астрономы и какъ дѣлалъ Талейранъ, то это предсказаніе не имѣетъ ничего общаго съ безуміемъ. Но если человѣкъ предсказываетъ на основаніи такого убогаго орудія мышленія, какъ аналогія Фурье, тогда предсказаніе дѣйствительно является безуміемъ. И Штейнъ совер-

*) 272.

шенно напрасно смѣшиваетъ эти два рода предсказаній. Фурье не потому «впалъ въ безуміе», что рѣшился приподнять завѣсу будущаго, а потому, что вздумалъ говорить о такихъ вещахъ, которыхъ, по мѣткому выраженію Прудона (см. ниже стр. 189), онъ зналъ только одни названія. Когда есть охота оправдывать безуміе человѣка, поставленнаго на пьедесталъ, тогда явится и теорія для этой цѣли. У Штейна, кромѣ приведенной теоріи, нашлась другая, не только для оправданія, но для новаго возвеличенія Фурье именно по поводу его «безумной» космогоніи. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Штейна, Фурье отказался отъ нея. Это неправда; разсмотрѣнію этого вопроса мы посвятимъ особое приложеніе, а теперь уступимъ Штейну его мысль: пусть Фурье дѣйствительно отказался отъ космогоніи. «Изо всѣхъ дѣлъ, въ которыхъ выражается его умъ, говоритъ Штейнъ, это освобожденіе отъ безсодержательной космогоніи быть можетъ есть наиболѣе значительное». Что же это за признакъ великаго ума—сознаніе своей ошибки, если она такъ груба, какъ это «безуміе» Фурье? На основаніи этой теоріи не слѣдуетъ ли признавать наиболѣе умными людьми тѣхъ, которые постоянно говорятъ величайшій вздоръ и постоянно, по указанію другихъ, признаютъ этотъ вздоръ, какъ вздоръ. И если отказъ отъ космогоніи есть фактъ, въ которомъ проявляется умъ Фурье въ наиболѣе сильной степени, то не будутъ считать этотъ умъ великимъ всѣ тѣ, которые не раздѣляютъ этой послѣдней теоріи Штейна.

Д. С. Милль относится къ системѣ Фурье также съ нѣкоторою благосклонностью, хотя гораздо съ меньшею, чѣмъ Штейнъ. «Эта система, говоритъ онъ, не дѣлаетъ насилія ни одному изъ общихъ законовъ, которые имѣютъ вліяніе на дѣятельность человѣческую, даже въ нынѣшнемъ состояніи несовершенства культуры моральной и интеллектуальной; и было бы крайне безразсудно утверждать, что она не можетъ имѣть успѣха, или что она не можетъ осуществить большей части надеждъ, возлагаемыхъ на нее ея партизанами. Относительно этой системы и другихъ различій соціализма желательно, чтобы они нашли благопріятное время для того, чтобы сдѣлать опыты. Онѣ всѣ могутъ быть испытаны въ скромныхъ размѣрахъ, притомъ не подвергая риску денежному или личному никого, кромѣ тѣхъ, кто участвуетъ въ опытѣ.—Что касается до насъ, не пробуя полагать границы человѣческимъ способностямъ, мы можемъ утверждать, что долго еще экономисты должны будутъ заниматься главнымъ образомъ условіями существова-

нія и прогресса, свойственными обществу, устроенному на началахъ частной собственности и конкуренціи» *).

Мы не можемъ безъ уваженія отнестись къ кой мысли, что никто не можетъ полагать границы человѣческимъ способностямъ, хотя не можемъ не замѣтить, что исторія человѣка за послѣднія 2 тысячи лѣтъ хорошо извѣстна и едвали можно сказать, чтобы за этотъ періодъ человѣческія способности измѣнились къ лучшему замѣтнымъ образомъ. Не можемъ не выразить также нашего полнаго сочувствія той мысли, что всѣ школы соціализма имѣютъ полное право на произведеніе опытовъ. Мы желаемъ, чтобы эти опыты производились совершенно безпрепятственно и со всѣми возможными удобствами, во всѣхъ государствахъ Европы, какъ они до сихъ поръ производились въ Соединенныхъ Штатахъ. Это могло бы имѣть, безъ сомнѣнія, самые благотворные результаты. Неосуществимое, невозможное потеряло бы кредитъ въ глазахъ всѣхъ; и множество людей, одушевленныхъ наилучшими чувствами и намѣреніями, которые въ настоящее время тратятъ свои усилія на достиженіе недостижимаго, обратились бы къ достижимому; и общіе результаты въ движеніи общественной жизни вслѣдствіе этого были бы несравненно значительнѣе. Но не только такой авторитетный экономистъ, какъ Милль, а самый скромный ученый, не безплодно занимавшійся политическою экономіею, намъ кажется, относительно многихъ системъ заранѣе можетъ предсказать результаты опыта. Такъ относительно системы Фурье можно напередъ сказать, что, если только она останется сама собою, если она будетъ разсчитывать на страстную работу,—на серіи, группы, краткіе сеансы, интриги, она всегда будетъ на опытѣ давать самые неблагопріятные результаты. Экономическая наука въ этомъ случаѣ даетъ столь же вѣрныя средства для предсказанія, какъ и математика. Математикъ съ полною увѣренностью можетъ сказать, что квадратура круга есть вещь недостижимая; точно также и экономистъ можетъ съ увѣренностью говорить, что фурьеризмъ не можетъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ. Впрочемъ, Милль говоритъ почти то-же самое, утверждая, что долго еще экономисты должны будутъ имѣть предметомъ своихъ занятій общества, устроенныяна началахъ собственности и конкурренціи. Это значитъ, что и онъ не разсчитываетъ на успѣхъ опытовъ въ духѣ фурьеризма. Слѣдуетъ прибавить еще, что Милль писалъ свое сочиненіе въ 1848 г., когда результаты опытовъ, произведенныхъ фурьеристами, отчасти не

*) Princ. d'Econ. polit. Paris, 1861. I. 244.

успѣли еще обнаружиться, отчасти не были еще извѣстны; въ настоящее время онъ вѣроятно выразился бы иначе.

Оттъ, изложивши кратко главныя черты системы Фурье, говоритъ: «излагать такую систему значитъ критиковать ее. Потому мы прибавимъ только нѣсколько замѣчаній, чтобы доказать ея нелѣпость». Не будемъ знакомить нашихъ читателей съ этими замѣчаніями, обратимъ вниманіе ихъ только на его мнѣніе касательно нравственнаго достоинства системы Фурье. «Ученики Фурье, говоритъ онъ, жаловались, что, вмѣсто критики ихъ системы съ экономической точки зрѣнія, противники ихъ противопоставляютъ имъ декламаціи, основанныя на морали. Жалобы ихъ несправедливы; общество имѣло полное право осудить ихъ, услышавши одни ихъ нравственные выводы, потому что если система основана на общемъ принципѣ, заподлинно ложномъ, всѣ подробности ея ложны и нѣтъ надобности разсматривать ихъ отдѣльно, чтобы въ этомъ убѣдиться». (Traité d'economie sociale. Paris. 1851 года, стр. 347).

«Фурье начинаетъ отрицаніемъ нравственности въ ея общемъ принципѣ, потому что нравственность предполагаетъ, что законы міра вещественнаго и законы человѣческіе совершенно различны, что если камни, растенія, животныя повинуются талько слѣпымъ силамъ, находящимся въ нихъ, то человѣкъ подчиненъ закону духовному, которому подчинены его умъ и воля; и слѣпые инстинкты его организма должны быть управляемы и сдерживаемы этимъ духовнымъ элементомъ» (351).

Но наиболѣе строгаго порицателя Фурье и фурьеристы нашли въ Прудонѣ. Онъ смѣется во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій надъ страстнымъ влеченіемъ, привлекательнымъ трудомъ съ краткими сеансами и интригами, и не менѣе сильно вооружается противъ свободнаго дѣйствія любви. «Посмотримъ, говоритъ, на учрежденія фурьеристовъ и другихъ проститутовъ, обѣщающихся согласить свободную любовь со стыдомъ, деликатностью, самою чистою идеальностью. Печальная иллюзія презрѣннаго соціализма, послѣдній бредъ грязнаго разврата въ горячкѣ! Дайте дѣйствіе страсти, немедленно плоть господствуетъ надъ духомъ: любящіеся дѣлаются ничѣмъ другимъ, какъ орудіемъ удовольствія; изліяніе сердецъ уступаетъ мѣсто содраганію чувствъ, и вмѣсто всякаго удовольствія—une friction» *).

*) Friction въ словарѣ Бешереля объяснено такъ: «frottement sur quelque partie du corps. Syst. des contr. Paris, 1850, II, 267.

Къ автору системы Прудонъ относится не болѣе снисходительно: его онъ называетъ иронически le grand homme или прямо bon homme Fourier. Въ одномъ мѣстѣ онъ такъ характеризуетъ его дѣятельность: «его главная заслуга состоитъ въ томъ, что онъ говорилъ безсмыслицы о вещахъ, которыхъ онъ зналъ одни только названія».

Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается такъ: «я отрицаю научное значеніе всѣхъ сочиненій Фурье. Фурье какъ экономистъ, метафизикъ, реформаторъ, изобрѣтатель, наконецъ ученый,— не существуетъ. Я зналъ эту личность, я читалъ всѣ его бумагомаранія, и я не нашелъ человѣка науки, человѣка одареннаго пониманіемъ».

Ученики Фурье, разумѣется во главѣ съ Консидераномъ, превозносили учителя до небесъ, называя его «геніемъ изъ геніевъ» и увѣряя, что не только во Франціи, но и заграницею, есть множество людей, относящихся къ Фурье съ величайшимъ уваженіемъ. Прудонъ по поводу этихъ превознесеній говорилъ: «нужно имѣть умъ, который въ теченіи 20 лѣтъ былъ притупляемъ мефитическими парами фаланстера, чтобы усиливаться представить чѣмъ-то гигантскимъ фигуру Фурье, который представляетъ только худой хвостъ энциклопедистовъ (la mauvaise queue) и другихъ разрушителей 18-го вѣка». О системѣ вообще онъ отзывается крайне пренебрежительно, называетъ ее «стокомъ (déversoir) всякаго рода абсурдовъ и нечистотъ ума человѣческаго».—О людяхъ, составлявшихъ школу, говоритъ: соціализма фаланстерьянскаго нѣтъ; есть только спекуляція интригановъ, не имѣющихъ принциповъ.—Или вотъ другой отзывъ о системѣ: «сначала это мнѣ казалось только шутовствомъ; впослѣдствіи я увидѣлъ здѣсь крайнее безстыдство.—Нѣтъ, милостивый государь *), никто еще не знаетъ всего размѣра глупости и безчестности (bêtise et infamie) системы фаланстерьянцевъ».

Подобное же мнѣніе о Фурье высказываетъ Диксонъ въ сочиненіи, которое мы уже цитировали. «Фурье, говоритъ онъ, былъ такой же невѣжда въ современной наукѣ, какъ и Р. Оуэнъ».

«Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ былъ встрѣченъ презрѣніемъ ученыхъ и насмѣшками остряковъ. Нелѣпости въ его сочиненіяхъ превышаютъ почти всякое вѣроятіе.—Онъ заимствовалъ свои понятія о мірѣ изъ

---

*) Это обращеніе относится къ Бланки; приведенное мѣсто находится во 2-мъ мемуарѣ о собственности, напечатанномъ въ видѣ письма къ Бланки (Парижъ, 1873. Стр. 323).

ночныхъ грезъ. Онъ, напримѣръ, разсказывалъ своимъ ученикамъ, что звѣзды и планеты — существа одушевленныя, одаренныя тѣми же страстями и желаніями, тѣмъ же голодомъ и жаждою, страхомъ и гнѣвомъ, какъ мужчины и женщины» и т. д. (Духовныя жены. 292. Спб. 1869).

В. Саргантъ въ сочиненіи «Social innovators and their schemes» выражаетъ о Фурье почти тоже мнѣніе. Его «monstrosities of opinion», чудовищныя мнѣнія производятъ на Сарганта такое впечатлѣніе, что онъ отказывается признать въ Фурье человѣка замѣчательнаго ума, человѣка, вооруженнаго «дѣйствительными знаніями въ области исторіи, математики, естественныхъ наукъ и нравственной философіи», и всю заслугу Фурье и фурьеристовъ видитъ только въ томъ, что они своими опытами дали предостереженіе другимъ противъ повторенія подобныхъ «безумій въ будущемъ» (стр. 205 и 208. Лондонъ, 1858). Безумія эти, по его справедливому мнѣнію, имѣютъ гораздо менѣе вѣроятія на успѣхъ послѣ того какъ, сдѣланы были опыты во Франціи, Африкѣ, Бразиліи и Соединенныхъ Штатахъ, изъ которыхъ каждый сопровождался неотвратимой катастрофой (undeviating disaster). Въ другомъ мѣстѣ Саргантъ мимоходомъ дѣлаетъ краткую (въ одномъ словѣ) характеристику французскихъ соціалистовъ, замѣчательно вѣрную и мѣткую при всей своей краткости. Слѣдуя ему С. Симонъ поучаетъ, Л. Бланъ декламируетъ, Прудонъ споритъ, а Фурье бредитъ (raves).—Здѣсь же Саргантъ называетъ Фурье писателемъ наиболѣе сумасброднымъ (most extravagant) *).

Шеффле, нѣмецкій экономистъ и бывшій австрійскій министръ, въ своемъ сочиненіи «Kapitalismus und Socialismus», относительно ученія Фурье далеко не раздѣляетъ увлеченія своего соотечественника и предшественцика Л. Штейна. Его главные принципы касательно гармоніи и предназначенія къ ней человѣческихъ обществъ Штейнъ считаетъ «ложными», и находитъ, что Фурье, выступая на сцену исторіи въ видѣ реформатора, самъ становится «въ совершенное

*) Сочиненіе Сарганта отличается при краткости богатствомъ содержанія, вѣрностью сужденій, замѣчательнымъ остроуміемъ. Какому-то злому року было угодно, чтобы подобныя сочиненія изъ области политической экономіи и вообще наукъ политическихъ и философскихъ оставались неизвѣстны русской читающей публикѣ, въ то время, какъ сочиненія съ букетомъ дешеваго либерализма и легкой нравственности, переводныя и оригинальныя, были предлагаемы ей въ изобиліи.

противорѣчіе» съ этими принципами.—Психологію Фурье Шеффле считаетъ вообще недостаточною и не выдерживающею критики, и считаетъ ее источникомъ «чудовищнаго оптимизма» относительно женской эманципаціи, въ которой онъ видитъ распущенность нравовъ, получающую характеръ института.

Въ критической части ученія Фурье Шеффле находитъ много правды: но, какъ самъ онъ говоритъ, при всемъ томъ онъ очень далекъ отъ того, чтобы считать исполнимымъ его проектъ организаціи труда, т. е. проектъ земледѣльческой ассоціаціи. Чтобы всякая работа могла быть превращена въ удовольствіе, это Шеффле считаетъ невозможнымъ. Сферическую іерархію онъ равняетъ съ анархіею.

Вообще всю систему Фурье называетъ «нелѣпою утопіею, утопіею, доведенною до обсурда» *), а его самого называетъ сновидцемъ, грезящимъ человѣкомъ (Träumer).

Мы не считаемъ нужнымъ прибавлять, что приведенныя нами мнѣнія Отта, Прудона, Диксона, Сарганта и Шеффле не встрѣтятъ съ нашей стороны возраженій. Замѣтимъ только, что всѣ эти авторы не принадлежатъ къ такъ называемымъ «консерваторамъ» (слово это въ нашей литературѣ имѣетъ особенный смыслъ). Что Прудонъ и Диксонъ не консерваторы,—это у насъ всякому болѣе или менѣе извѣстно. Что касается до Отта, Сарганта, Шеффле, всѣ они принадлежатъ къ наиболѣе серьезнымъ и ученымъ изслѣдователямъ соціализма: всѣ они проникнуты глубоко сознаніемъ того, что экономическій бытъ рабочаго класса въ западной Европѣ весьма неудовлетворителенъ, и сочувствуютъ всякому дѣйствительному средству къ улучшенію его **). Въ системѣ Фурье они не видятъ такого средства, а видятъ въ ней только «нелѣпости и чудовищности».

Въ слѣдствіе особаго кредита, которымъ ученія Фурье пользовались и пользуются у насъ въ Россіи, вслѣдствіе нравственнаго сродства ихъ съ воззрѣніями нашей, такъ называемой, интеллигенціи, и вслѣдствіе не только почтительныхъ, но даже восторженныхъ отзывовъ

*) Kap. und Soc. Tübingen. 1870, стр. 239—245.

**) Отта и Шеффле самихъ даже причисляютъ къ соціалистамъ. Когда Шеффле вступилъ въ министерство, то это министерство, между прочимъ, благодаря участію въ немъ Шеффле, стали называть соціалистическимъ.

о Фурье, сдѣланныхъ нѣкоторыми русскими учеными и публицистами, увѣряющими притомъ, что идеи Фурье пользуются кредитомъ въ средѣ представителей западно-европейской науки (см. ниже прил. Е), мы постараемся привести еще возможно большее число мнѣній о Фурье, высказываемыхъ учеными или публицистами, принадлежащими къ главнымъ народностямъ цивилизованнаго міра.

Начнемъ по порядку времени.

Ляменне, извѣстный аббатъ, разошедшійся съ церковью, горячій республиканецъ, членъ крайней республиканской партіи въ 1848 и 1849 годахъ, человѣкъ проникнутый самымъ горячимъ сочувствіемъ къ бѣднымъ классамъ, къ улучшенію ихъ быта и именно посредствомъ ассоціаціи, въ сочиненіи «Du passé et de l'avenir du peuple», подвергъ Фурье порицанію за то, что онъ отвергъ «всякое различіе между добромъ и зломъ и слѣдовательно всякую обязанность».

О системѣ фурьеристовъ Ляменне говоритъ, что она есть ничто иное, какъ самое то «зло, противъ котораго она ищетъ средствъ»; и что кромѣ того она находится въ противорѣчіи съ высшими законами, съ нравственными законами человѣческой природы и содержитъ въ себѣ многочисленныя и коренныя невозможности (de nombreuses et radicales impossibilitées).

К. Грюнъ, авторъ книги Die Sociale Bewegung in Frankreich und Belgien (Leipzig 1845) говоритъ, что Фурье «не знаетъ ничего о человѣкѣ, не знаетъ ничего о человѣческомъ содержаніи» (vom menschlichen Inhalte), что «сущность его системы, его собственный планъ организаціи основанъ—на абстракціи, на односторонности пониманія» *).

Грюнъ между прочимъ упрекаетъ Фурье за то, что онъ подвергъ осужденію и отвергъ философію и религію, не подвергнувши ихъ критикѣ, что онъ также осудилъ революцію, не критиковавши ее. Фурье не только не подвергалъ ничего критикѣ, онъ не изучалъ ничего, не зналъ ничего сколько нибудь основательно и въ системѣ. Сумма его познаній составилась изъ самыхъ разнородныхъ данныхъ, случайно набранныхъ въ чтеніи книгъ безъ указанія, безъ выбора, безъ системы и отчасти непонятыхъ, отчасти непереваренныхъ.

А. Сюдръ въ исторіи коммунизма (Парижъ, 1848 г.) говоритъ: «Утопія относительно фаланстера была вообще судима съ снисхожденіемъ, котораго не оправдываетъ ея глубокая безнравственность».—

*) Стр. 221.

Онъ осуждаетъ Фурье и учениковъ его за то, что они вездѣ просили капиталовъ на производство опытовъ, дорого стоящихъ и безплодныхъ; что они разсчитывали даже на общественное достояніе для распространенія и осуществленія своихъ идей *), —намекъ на Консидерана, который, будучи въ 1848 г. членомъ учредительнаго собранія, просилъ у собранія уступки 1,500 гектаровъ Сенъ-Жерменскаго лѣса для устройства фаланстера. — Просьба эта возбудила большую веселость въ собраніи.

Фр. Лякомбъ въ сочиненіи «Études sur les socialistes (Paris. 1850) идеи Фурье вообще называетъ химерическими и шутовскими (bouffonnes), о всей системѣ въ совокупности выражается такъ: она «не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія изслѣдователя, такъ какъ она не стоитъ того, чтобы на одно мгновеніе человѣкъ серьезный занялся ею». Обращаясь въ частности къ нравственной сторонѣ системы, Лякомбъ говоритъ: «горе тому, кто не пойметъ развращенности (perversité) вашихъ дѣйствій и поможетъ вамъ совершить ихъ». — Между прочимъ онъ упрекаетъ фурьеристовъ въ уклоненіи отъ разъясненія спорныхъ вопросовъ. И Прудонъ, и газета «Assemblée Nationale», и многіе другіе вызывали Консидерана на объясненія; но онъ постоянно уклонялся. Не мудрено, что противники заподозрили его добросовѣстность **).

Лерминье въ сочиненіи «Philosophie du droit» (Paris. 1853) такъ объясняетъ происхожденіе ученій Фурье: «сильное воображеніе, мало вкуса и много невѣжества, вотъ чѣмъ объясняются грезы, которымъ предавался Фурье». — «Онъ заблудился въ неизъяснимыхъ завирательствахъ, въ виду которыхъ невольно спрашиваешь себя: что это, безумный или мистификаторъ? И каковъ бы ни былъ отвѣтъ, онъ во всякомъ случаѣ печаленъ для его памяти. Ошибка это или обманъ, во всякомъ случаѣ густой туманъ затмилъ пониманіе утописта» ***).

О школѣ Фурье Лерминье говоритъ, что уже въ то время она разсѣялась: что ученики его смѣшались съ густыми рядами демократіи, «подчиняя элементъ промышленный принципамъ революціоннымъ и стараясь не казаться фурьеристами (en s'effaçant comme phalanstériens)». Дѣйствительно, разсѣяніе школы началось уже послѣ опыта

*) Paris 1856, стр. 302.

**) Стр. 407 и др.

***) Стр. 403 и 410.

въ Конде-сюръ-Вегрѣ. Послѣдній ударъ ей нанесло прекращеніе газеты «Démocratie pacifique». Въ Техасѣ Консидеранъ былъ только съ Кантагрелемъ и съ г-жею Вигуре, своею тещею. Такой персоналъ едвали ли и можно назвать школою.

Эд. Пфейферъ, въ сочиненіи объ ассоціаціи, переведенномъ на русскій языкъ (изд. въ С.-Петербургѣ, въ 1866), говоритъ о сочиненіяхъ Фурье: «Что всего болѣе вредило его сочиненіямъ, такъ это то, что онъ прибавляетъ къ своимъ соціалистическимъ идеямъ цѣлую кучу смѣшныхъ и въ высшей степени фантастическихъ выдумокъ, не имѣющихъ никакого научнаго достоинства. Можно иногда подумать, что авторъ des quatre mouvements былъ не въ полномъ умѣ, когда излагалъ свои воззрѣнія на происхожденіе и развитіе міра и пускался въ смѣлыя пророчества» и т. д. *).

Разсматривая устои, которые Фурье ставитъ въ основѣ всей жизни въ фаланстерѣ, Пфейферъ находитъ, что «система Фурье страдаетъ двумя важными ошибками, существенно ей принадлежащими, которыя дѣлаютъ осуществленіе ея труднымъ или даже невозможнымъ. Первая ошибка ея заключается въ требованіи постоянной перемѣны занятій» и т. д. «Вторая ошибка, которую дѣлаетъ Фурье, еще важнѣе, потому что она вытекаетъ изъ незнанія человѣческой природы. Вся система его основана на томъ мнѣніи, что люди съ радостью будутъ исполнять свои работы и выкажутъ при этомъ величайшую ревность». Относительно порядка, который въ дѣйствительности можетъ и долженъ существовать въ фаланстерѣ, Пфейферъ говоритъ: «въ фаланстеріи большая часть будетъ уклоняться отъ работы, потому что они все таки получаютъ тоже вознагражденіе. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемаго счастья и благосостоянія, общество стало бы бѣднѣть». Разсчеты Фурье «на различіе склонностей человѣка, продолжаетъ Пфейферъ,—также, какъ и предполагаемая имъ гармонія, которая будетъ господствовать въ группахъ и серіяхъ—не подтверждаются практикою, а напротивъ опровергаются».

Вильоме въ «Nouveau traité d'Éc. politique» (Paris. 1865), изложивши систему Фурье, говоритъ: «этотъ анализъ доктрины Фурье совершенно достаточенъ для того, чтобы осудить ее». Самого Фурье, вмѣстѣ съ С. Симономъ, Вильоме называетъ соціалистами постыдными (socialistes honteux) **).

*) Стр. 66. **) Стр. 78.

Дametъ въ сочиненіи: «Соціальное движеніе и политическая экономія» (русское изданіе. Одесса, 1870 г.), послѣ краткаго изложенія теоріи Фурье спрашиваетъ: «представляетъ ли это ученіе (т. е. ученіе Фурье) что-либо особенное, кромѣ собранія болѣе или менѣе прелестныхъ, увлекательныхъ гипотезъ, изъ которыхъ однѣ грѣшатъ противъ здраваго смысла и противорѣчатъ вѣковой, всемірной опытности, другія—совершенно несбыточны».

Другой вопросъ: «Можно ли согласиться, что нравственность есть нелѣпость, химера, и что страсти не должны подвергаться другой дисциплинѣ, кромѣ дисциплины экономико-соціальнаго механизма?» «Сознаніе человѣчества, говоритъ Дамешъ, утверждаетъ совершенно противное» *). Остальныхъ подобныхъ вопросовъ не приводимъ, находя, что и этихъ двухъ достаточно для характеристики взгляда Дамета на Фурье.

Ад. Гельдъ, въ сочиненіи: «Socialismus, Socialdemocratie und Socialpolitik», нѣсколько разъ мимоходомъ упоминаетъ объ ученіяхъ Фурье, которыя онъ иначе не называетъ, какъ грезы Фурье (Fourier's Träumereien). Между прочимъ онъ говоритъ, что «фантастическія грезы Фурье» служатъ дѣйствительнымъ доказательствомъ того, что принудительная ассоціація съ крайнимъ соціалистическимъ характеромъ можетъ быть осуществлена только съ помощію чуда **).

Caron въ сочиненіи «Le Paupérisme» etc. (Paris, 1879), говоритъ: «С. Симонъ уничтожалъ промышленность, Фурье—семейство, оба вмѣстѣ свободу» ***). «Режимъ фаланстера былъ испытанъ, но не имѣлъ большаго успѣха, чѣмъ монастырь с.-симонистовъ».

Словарь философскихъ наукъ Франка, въ статьѣ о страстяхъ, говоритъ, что ученіе Фурье объ этомъ предметѣ столь же отвратительно (doctrine hideuse) въ послѣдствіяхъ, какъ и въ принципахъ. Уму человѣческому при этомъ, по мнѣнію Франка, Фурье даетъ «единственное и низкое назначеніе»—быть пособникомъ страстей, умножать и дѣлать болѣе утонченными удовольствія.

Каро, въ сочиненіи «Études morales sur le tems présent» (Paris 1879 г.), вооружается противъ согласныхъ ученій Фурье и С. Симона объ оправданіи плоти. Мы не будемъ слѣдить за нимъ въ теченіи его мысли, но отмѣтимъ только сообщаемое имъ свѣдѣніе, что «с.-симонизмъ умеръ и фурьеризмъ находится не въ лучшемъ состояніи».

*) Стр. 75. **) Лейпцигъ, 1878 г. Стр. 24. ***) Стр. 256.

Г. Контценъ въ «Geschichte der socialen Frage» (Berlin, 1879), говоритъ: «его (т. е. Фурье) экономическая система, равно какъ его теорія происхожденія небесныхъ тѣлъ, составляютъ болѣе продуктъ живаго воображенія, чѣмъ мыслящаго ума». И далѣе: «что подобныя сочиненія, въ которыхъ нѣтъ даже слѣда научнаго духа, въ которыхъ касательно экономіи и природы не теоріи развиваются, а разсказываются сказки, могли пріобрѣсти во Франціи и уваженіе и вліяніе, это показываетъ, что народное образованіе въ этой странѣ находится на очень низкой ступени» *). Послѣднія строки очевидно написаны авторомъ подъ вліяніемъ національнаго антагонизма между нѣмцами и французами, въ особенности усилившагося послѣ войны 1870 года.

Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, что качества сочиненій Фурье таковы, что уваженіе къ нимъ служитъ доказательствомъ весьма недостаточной степени образованія въ той личности или въ той странѣ, въ которой они возбудили это уваженіе, не можемъ не указать однако на тотъ фактъ, что теоріи Фурье никогда не пользовались ни уваженіемъ, ни вліяніемъ во Франціи ни въ какомъ классѣ общества. И г. Контценъ дѣлая вполнѣ справедливую оцѣнку теоріи Фурье, по отношенію къ французской націи грѣшитъ большею несправедливостью. Что въ средѣ ея нашелся десятокъ нравственно и умственно уродливыхъ людей, которые не могли понять и не могли чувствовать, сколь постыдны и гнусны (honteuses et hideuses, см. выше выраженія Вильоме и Франка) теоріи, подъ знамя которыхъ они стали, это ничего не доказываетъ. Подобный кружокъ людей всегда и вездѣ найдется. Но дальше этого кружка ученія Фурье, равно какъ его личность и личность преданнѣйшаго его ученика Консидерана встрѣчали только презрѣніе и насмѣшки отъ перваго своего появленія и до конца. И наиболѣе неблагопріятную и въ то же время наиболѣе справедливую оцѣнку ученій Фурье сдѣлалъ французъ и его современникъ, автодидактъ Прудонъ, въ то время, какъ нѣмецъ профессоръ Штейнъ находилъ глубину мысли въ сочиненіяхъ Фурье и признавалъ его великую заслугу предъ человѣчествомъ, а англичанинъ Милль, занимающій въ своей литературѣ мѣсто не менѣе видное, чѣмъ Штейнъ въ литературѣ нѣмецкой, въ своей оцѣнкѣ Фурье лавировалъ между да и нѣтъ, между худо и хорошо, утверждая, съ одной стороны, что фурьеризмъ можетъ еще осуществить свои обѣщанія, а съ другой,—что общество долго еще бу-

*) Стр. 125.

детъ имѣть въ основѣ своей дѣятельности собственность и конкуренцію.

Не менѣе неблагопріятную оцѣнку ученій Фурье дѣлаетъ Дюрингъ въ «Geschichte der Nationaloeconomie und des Socialismus» (Leipzig, 1879). Ученія Фурье онъ называетъ безнравственными, а о самомъ Фурье выражается такъ: «онъ навсегда остался ребенкомъ, и къ его чести можно сказать только одно, что онъ принадлежалъ къ числу дѣтей искреннихъ и благодушныхъ. Его чувство было очень рано возбуждено противъ лжи и обмана; и что поразило его какъ ребенка, то самое не оставляло его въ покоѣ и впослѣдствіи. Фантазія дѣтской головы возмущалась противъ зла во всѣхъ направленіяхъ и взяла на себя задачу обратить къ здравому смыслу не только людей, но и природу!» — «Его міровоззрѣніе и его взглядъ на жизнь вращались столь въ убогомъ, болѣе чѣмъ дѣтскомъ кругу понятій, и его соціальный кумиръ былъ столь нелѣпъ, что онъ для исторіи можетъ имѣть только одну цѣну, — именно какъ примѣръ человѣка явнымъ образомъ перешедшаго границу между здравымъ смысломъ и сумасбродствомъ (Gränze von Sinn und Unsinn) *)

Ѳ. Вулзей, въ сочиненіи «Communism and Socialism in their history and theory» (London, 1880) **), изложивши ученія Фурье, прибавляетъ: «такова смѣшная сторона системы. О фантастической естественной философіи мы не будемъ говорить. Его нравственная философія утверждаетъ, что верховное благо состоитъ въ удовольствіи, что надобно угождать естественнымъ желаніямъ и страстямъ. И въ этомъ состояло то основаніе, на которомъ онъ стремился устроить привлекательный трудъ. Его мнѣнія о цѣломудріи и супружеской вѣрности находятся на уровнѣ болѣе низкомъ, чѣмъ мнѣнія худшей части учениковъ С. Симона» ***).

Лявеле въ сочиненіи «Le socialisme contemporain» (Paris, 1881) излагая кратко систему Фурье, предпосылаетъ ей замѣчаніе, что Фурье строилъ свой фаланстеръ съ помощію логики, «которой не остановливали ни абсурды, ни безнравственность» (ni l'absurde, ni l'immoral), и въ заключеніе говоритъ, что этимъ путемъ онъ пришолъ къ порядкамъ,

*) Стр. 270 и 291.

**) Сочиненіе это первоначально явилось въ ньюіоркскомъ журналѣ «Independent» въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей. Лондонское изданіе есть уже перепечатка его, впрочемъ съ дополненіями.

***) Стр. 114.

господствовавшимъ у дикарей архипелага Отаити до открытія его европейцами *).

Въ сочиненіи Ферраза «Socialisme, naturalisme et positivisme» (Paris. 1882) Фурье посвящена цѣлая глава и вотъ къ какой характеристикѣ его пришолъ авторъ.—«Вмѣсто того. чтобы возвысить человѣка надъ природою. подчиняя его разуму. онъ (Фурье) хочетъ смѣшать его съ остальною природою. подчиняя его закону, которому подчинены животныя.—закону влеченія. Невозможно ошибаться болѣе кореннымъ и полнымъ образомъ относительно человѣка. — Фурье, который не признаетъ разума. на которомъ основанъ долгъ. и знаетъ только страсть. которая не можетъ служить ему основаніемъ. увѣряетъ, что долгъ есть произвольное изобрѣтеніе человѣка. и что только страсть имѣетъ характеръ священный и божественный,—увѣреніе вполнѣ согласное съ совокупностью его ученій, но нелѣпое и смѣшное въ высшей степени» **).—«Что остается, продолжаетъ Ферразъ, отъ нравственной доктрины Фурье? Остаются двѣ вещи въ равной степени опасныя и одинаковымъ образомъ способныя понизить нравственный уровень и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. остается прославленіе страсти и осмѣяніе долга.—Вслѣдствіе этого. не смотря на разницу въ подробностяхъ. фурьеризмъ особеннымъ образомъ сближается съ С. Симонизмомъ. который онъ даже превосходитъ безнравственностью».— И это пониженіе нравственнаго уровня, производимое ученіями Фурье быть можетъ уже существуетъ не въ возможности только. а въ дѣйствительности. «Прославляя безпрестанно страсть. продолжаетъ Ферразъ. и вооружаясь противъ долга. онъ (Фурье) усилилъ между современниками чувственные апетиты. грубые инстинкты. въ тоже время снимая съ нихъ нравственную узду. которая могла ихъ сдерживать» ***).

Съ другой стороны. приписывая все учрежденіямъ. ихъ чисто механическому дѣйствію. отнимая всякое значеніе у человѣческаго разума, не давая достаточно мѣста человѣческой самодѣятельности и иниціативѣ. вообще индивидуальности. Фурье ослаблялъ въ своихъ согражданахъ «то благородное чувство личной отвѣтственности. безъ котораго нѣтъ ни твердыхъ характеровъ. ни націй сильныхъ и могущественныхъ». «Если страсть. продолжаетъ Феррозъ. управляемая разсудкомъ, спо-

*) Стр. 24 и 25.

**) Стр. 144 и 145.

***) Стр. 147 и 148.

собна производить великія дѣла, то будучи отдѣлена отъ него, она можетъ только громоздить развалины, можетъ вести только къ разрушенію: Mole ruit sua vis consilii expers». Сочиненіе Ферраза писано въ семидесятыхъ годахъ (около 1876 г.) подъ живымъ еще и сильнымъ впечатлѣніемъ катастрофы, испытанной Франціею въ 1870 и 1871 гг. И хотя онъ не говоритъ этого прямо, но приведенныя выдержки показываютъ, что онъ въ распространеніи ученій Фурье видитъ одну изъ причинъ несчастій, испытанныхъ его отечествомъ. Въ заключеніе Ферразъ съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ, что школа Фурье въ настоящее время потеряла кредитъ и согласно съ своимъ взглядомъ на ея роль въ средѣ народа высказываетъ нежеланіе, чтобы она вновь оправилась.

Мы привели здѣсь больше двадцати мнѣній относительно системы Фурье. Нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній принадлежатъ людямъ, занимающимъ весьма почетное мѣсто въ области науки: таковы: Лявеле, Дюрингъ, Шеффле, Каро, Ферразъ, Франкъ, Саргантъ, Лермнье. Другіе пріобрѣли всемірную извѣстность, какъ критики и публицисты; таковы Ламене, Прудонъ. Всѣ вообще сочиненія, изъ которыхъ сдѣланы выписки, отличаются серьезностью, очевиднымъ желаніемъ содѣйствовать разрѣшенію важнѣйшаго изъ вопросовъ нашего вѣка, вопроса о пролетаріатѣ. Нѣкоторыя изъ сочиненій отличаются особеннымъ остроуміемъ, каковы сочиненія Сарганта, Грюна, и др., не говоря уже о сочиненіяхъ Прудона.

Замѣчательно, что цитированные авторы принадлежатъ ко всѣмъ существующимъ направленіямъ въ политической экономіи. Тутъ есть и соціалисты, и полусоціалисты, и соціалисты государственные и либръ—эшанжисты: что касается до политическихъ направленій, тутъ есть и монархисты и республиканцы, и умѣренные и радикалы и т. п.

И кромѣ названныхъ писателей, мы не знаемъ другихъ, которые высказывали бы мнѣнія противныя *). И надобно думать, что такихъ

*) Ученики Фурье, какъ мы уже видѣли, высказывали восторженныя мнѣнія о Фурье; но это иначе и быть не могло Кромѣ того, въ Америкѣ нѣкоторые сектанты, вслѣдствіе болѣе или менѣе близкаго внутренняго сродства ихъ ученій съ ученіями Фурья, также выставляли Фурье человѣкомъ высшихъ качествъ и способностей. Такъ нѣкто Годвинъ о Фурье вмѣстѣ съ Сведенбергомъ выражается такъ: «эти два великіе духа безъ сомнѣнія самые великіе въ наши дни» (Semler 298). Но это самое прославленіе Фурье рядомъ съ Сведенбергомъ показываетъ,

мнѣній въ западной Европѣ совсѣмъ не существуетъ. Фурьеризмъ, никогда не пользовавшійся тамъ сочувствіемъ, въ послѣднее время дѣйствительно, какъ говоритъ Ферразъ, совсѣмъ потерялъ кредитъ и, какъ школа, не существуетъ болѣе. Существованіе школы прекратилось самымъ естественнымъ образомъ: фурьеризмъ все больше и больше терялъ кредитъ, представители науки, литературы, общества все больше и больше относились къ нему съ порицаніемъ: о сочувствіи даже отдѣльныхъ лицъ, о присоединеніи новыхъ учениковъ и рѣчи не могло быть. Равнымъ образомъ и прежніе ученики, видя съ одной стороны свое уединеніе, съ другой продолжая встрѣчать только насмѣшки и порицанія, старались, по выраженію Лерминье, не казаться фурьеристами. Увлекшись въ политическую агитацію, подчинивши «элементъ промышленной элементу революціонному», изъ демократіи мирной—démocratie pacifique превратившись въ демократію воинствующую, небольшая группа ихъ была поглощена массою демократической партіи. Фурьеризмъ, какъ направленіе въ разработкѣ соціальныхъ вопросовъ, какъ школа,ересталъ существовать. Revival его, какъ окажется ниже (см. прил. Е), объявился тамъ, гдѣ его безъ сомнѣнія и предполагать не могли ни Фурье, ни В. Консидеранъ, —у насъ на св. Руси.

Д.

Справедливо-ли мнѣніе Л. Штейна о томъ, что Фурье отказался отъ своей космогоніи.

Когда журналистика преслѣдовала насмѣшками теоріи Фурье, нападая особенно на его космогонію, психологію и логику, Фурье защищался, какъ умѣлъ; и одинъ изъ отвѣтовъ его формулированъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Какое значеніе имѣютъ эти второстепенныя вещи (accessoires) для главнаго дѣла, которое состоитъ въ искусствѣ организовать комбинированную промышленность, отъ которой произойдутъ: вчетверо большее количество произведеній, добрые нравы, согласіе трехъ классовъ—богатаго, средняго и бѣднаго, забвеніе споровъ между партіями,

что сочиненіе, въ которомъ оно имѣло мѣсто, не принадлежатъ къ области науки.

прекращеніе чумы (?), революцій, финансовой бѣдности и наконецъ всеобщее единство.

Порицатели сами говорятъ противъ себя, нападая на меня за новыя науки—космогонію, психогонію *), аналогію, которыя не относятся къ теоріи комбинированной промышленности. Если бы и было справедливо то, что эти новыя науки ошибочны, фантастичны (quand il serait vrai que ces nouvelles sciences fussent erronées, romanesques), тѣмъ не менѣе остается справедливымъ и то, что я одинъ далъ способъ соединить неравенства, учетверить произведенія, пользуясь страстями, характерами, инстинктами въ томъ видѣ, какъ природа даетъ ихъ. Это единственный пунктъ, на которомъ должно сосредоточить вниманіе, а не на тѣхъ наукахъ, которыя только возвѣщены (et non pas sur des sciences qui ne sont qu'annoncées)» **).

«Странный деспотизмъ —осуждать всѣ произведенія автора, потому что нѣкоторыя имѣютъ недостатки. Ньютонъ писалъ вздоръ объ Апокалипсисѣ, онъ старался доказать, что папа есть антихристъ. Безъ сомнѣнія, это научныя глупости; не смотря на то, его теоріи протяженія и свѣтовыхъ лучей остаются правильны и всѣми допускаются. Когда судятъ объ ученомъ или о художникѣ, то отдѣляютъ чистое золото отъ поддѣльнаго. Почему же относительно меня одного критика дѣлаетъ исключеніе изъ этого правила?» ***).

Вотъ на чемъ основываетъ Штейнъ свое мнѣніе о томъ, будто Фурье отказался отъ своей космогоніи. Приведенный отрывокъ помѣщенъ въ сочиненіи Рейбо. Но гдѣ помѣщенъ онъ самимъ Фурье, мы не знаемъ. Вѣроятно, онъ былъ напечатанъ въ какой-нибудь газетѣ, въ видѣ отвѣта на критику.—Представляетъ ли этотъ отрывокъ достаточное основаніе для того, чтобы думать, будто Фурье отказался отъ космогоніи?—Очевидно нѣтъ. Фурье совсѣмъ не говоритъ прямо, что его космогонія, психологія, аналогія ложны. Онъ дѣлаетъ только условную уступку, чтобы тѣмъ сильнѣе настаивать на той сторонѣ ученія, ко-

*) Если это не опечатка вмѣсто «психологію», то во всякомъ случаѣ психогонія Фурье равняется его психологіи. Въ другомъ мѣстѣ свои три новыя науки онъ называетъ такъ: «космологія, психологія, аналогія». Очевидно онъ не различаетъ космогонію и космологію, психогонію и психологію. Parisot. Biog. Univ. XIV, 541.

**) Annoncées—возвѣщены, изложены, но не вполнѣ развиты, доказаны. Фурье много разъ высказывалъ сожалѣніе, что онъ не успѣлъ развить своихъ понятій особенно касательно космогоніи.

***) L. Reybaud: Études sur les réformateurs. Paris, 1864, стр. 171.

торую онъ считаетъ болѣе важною,—важною именно потому, что эта сторона ученія (о земледѣльческой ассоціаціи или комбинированной промышленности), будучи осуществлена, поведетъ за собою необходимымъ образомъ и новыя творенія на землѣ и появленіе новыхъ планетъ и повышеніе самой земли на сидерической лѣстницѣ, т. е. оправдаетъ и самую космогонію Фурье, не говоря о психологіи и аналогіи: такой именно условный смыслъ имѣютъ слова: «если бы было справедливо то, что эти новыя науки ошибочны».—Самая грамматическая форма ихъ не позволяетъ видѣть въ нихъ дѣйствительное отрицаніе космогоніи, психологіи и аналогіи со стороны самого Фурье. Но кромѣ того мы имѣемъ другія очень важныя основанія для того, чтобы отвергать мнѣніе Штейна объ этомъ предметѣ.

Во-первыхъ, если бы Фурье дѣйствительно отказался отъ космогоніи, этотъ фактъ былъ бы чрезвычайно важенъ для учениковъ его. Выставляя его на видъ своимъ противникамъ, они разомъ отняли бы у нихъ главный поводъ къ насмѣшкамъ и порицаніямъ. И сдѣлать это имъ было тѣмъ легче и необходимѣе, что сами они изъ своей пропаганды исключили космогонію, слѣдовательно по крайней мѣрѣ не дорожили этою частью системы Фурье. Между тѣмъ ни одинъ изъ учениковъ Фурье нигдѣ не говоритъ, чтобы Фурье отвергъ свою космогонію. Въ предисловіи къ первому тому его сочиненій, напечатанному уже послѣ его смерти, издатели (ученики Фурье) говорятъ дѣйствительно, что, по мнѣнію самого Фурье, его ученіе о космогоніи, изложенное въ этомъ томѣ было недокончено, недостаточно переварено (digéré), но отсюда далеко до того, чтобы Фурье отказался отъ него. Что онъ считалъ его недоконченнымъ, невполнѣ разработаннымъ, это мы сами видѣли въ томъ, что Фурье постоянно поправлялъ его, между прочимъ на своемъ собственномъ экземплярѣ. И эти поправки впослѣдствіи напечатаны въ посмертномъ изданіи сочиненій Фурье. Тамъ не только нѣтъ отказа Фурье отъ космогоніи, напротивъ она подвергается дальнѣйшей разработкѣ въ прежнемъ направленіи; напр., прежде онъ говорилъ только о сѣверной коронѣ. Одна изъ посмертныхъ поправокъ прибавляетъ къ этому ученіе о коронѣ южной.

Во-вторыхъ, какъ мы уже сказали, въ 1828 году самъ Фурье издалъ сокращеніе своей системы подъ именемъ «Le nouveau monde industriel»: тамъ тоже не только нѣтъ отказа отъ космогоніи или какой нибудь другой части системы, но нѣкоторыя ея части, и между прочимъ космогонія, также получаютъ дальнѣйшее развитіе въ

томъ-же направленіи. Вмѣсто 32 періодовъ соціальной жизни, тамъ является 36 (между гарантизмомъ и гармоніею оказывается новый періодъ—соціантизмъ), ученіе о душѣ планетъ по прежнему существуетъ, ученіе о вселенныхъ двойныхъ, тройныхъ и т. д. остается неприкосновеннымъ: ученіе о будущихъ твореніяхъ развивается: прежде была рѣчь о противу-львахъ, противу-крокодилахъ, теперь идетъ дальнѣйшая рѣчь о противу-крысахъ, противу-клопахъ. Ученіе о загробной жизни также развивается. Прежде Фурье училъ, что въ загробной жизни мы будемъ болѣе живыми, чѣмъ теперь. Теперь этому ученію онъ даетъ болѣе рельефную форму: онъ учитъ, что въ будущей жизни наше психическое состояніе будетъ такъ же относиться къ нашему теперешнему психическому состоянію, какъ бодрствованіе ко сну.—Походитъ-ли все это хоть сколько нибудь на то, что Фурье отказался отъ космогоніи или какой другой части системы?

Въ-третьихъ, мы имѣемъ данныя, несомнѣнно говорящія, что даже ученики Фурье не отказались отъ космогоніи и если исключили ее изъ числа предметовъ пропаганды, то, какъ мы уже сказали, сдѣлали это только для того, чтобы не возбуждать для себя лишнихъ затрудненій. Мы видѣли, что самъ Консидеранъ принимаетъ землю за существо одушевленное и обращается съ молитвою къ ея душѣ. И это обращеніе не составляетъ какой-нибудь обмолвки или реторической фигуры. Напротивъ, въ примѣчаніи къ этому мѣсту въ книгѣ онъ приводитъ слова Кеплера о душѣ земли, разсчитывая, разумѣется, такимъ образомъ найти поддержку своему мнѣнію, что земля есть существо одушевленное. — Въ сочиненіяхъ другихъ учениковъ Фурье космогонія его находитъ себѣ еще болѣе мѣста. Ип. Рено говоритъ о противу-львахъ и противу-китахъ, какъ о дѣлѣ возможномъ, даже очень вѣроятномъ на основаніи того положенія, что силы природы велики и разнообразны, и Богъ не откажетъ человѣку въ томъ, что ему полезно *). Слѣдуя ему, наука доказала, что уже было нѣсколько послѣдовательныхъ твореній, «и нѣтъ причины утверждать, что рядъ твореній пришелъ къ своему концу, что будущее не будетъ имѣть своихъ твореній, какъ ихъ имѣло прошедшее». Что касается до планетъ, Рено пространно бесѣдуетъ о любви и воспроизводительныхъ способностяхъ ихъ, находитъ, что онѣ должны быть андрогинами. Для него планеты «высшія существа ближайшія къ человѣку». Онъ обстоятельно говоритъ о будущемъ тѣлѣ

*) Solidarité, 256, 257.

человѣка аромальномъ, говоритъ о трехъ терминахъ человѣческой жизни: 1) о жизни простой или снѣ; 2) о жизни сложной или бодрствованіи и 3) о жизни пересложной (Surcomposée) или аромальной.

Замѣтимъ еще, что Рено свое сочиненіе Solidarité и выдаетъ за изложеніе не своихъ ученій, а ученій Фурье, и называетъ его «Vue synthetique sur la doctrine de Ch. Fourier». Такимъ образомъ, несмотря даже на сознаніе того, что ученіе о космогоніи всего болѣе компрометтировало систему Фурье, несмотря на принятое рѣшеніе не говорить больше о ней; вѣрность системѣ и автору ея, Фурье, волей-неволей приводила учениковъ его уже послѣ смерти учителя къ исповѣданію этой части ея.—Если бы Фурье дѣйствительно отказался отъ нея, призналъ ее за нелѣпость, то съ какой стати ученикамъ въ особенности послѣ смерти его придерживаться этой нелѣпости и даже приписывать ее ему самому?—Это было бы клеветою на память учителя.

Наконецъ, обратимъ вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Вѣдь Фурье въ приведенномъ отрывкѣ говоритъ не объ одной космогоніи. Три науки, нелѣпость которыхъ Фурье уступаетъ своимъ противникамъ, суть космогонія, психологія и аналогія. Почему же Штейнъ на основаніи этого отрывка думаетъ, что Фурье отказался только отъ космогоніи, а не отъ психологіи и аналогіи? Чтобы поступить правильно, логически, нужно признать, что Фурье отказался и отъ своей психологіи и аналогіи. Штейнъ не только не сдѣлалъ этого, напротивъ, психологію Фурье, какъ мы видѣли, онъ ставитъ очень высоко. Это непослѣдовательно. Для насъ онъ, конечно, не отказался ни отъ того, ни отъ другого; но для Штейна это положеніе обязательно, потому что единственное основаніе, на которомъ онъ построилъ свою мысль, имѣетъ совершенно равную силу и для космологіи и для психологіи и для аналогіи. Мало того, принимая приведенныя слова въ смыслѣ отказа Фурье, Штейнъ неизбѣжно обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что онъ отказался отъ всей своей системы, отъ всего своего ученія, потому что хотя Фурье и говоритъ, что, между прочимъ, его психологія не имѣетъ никакого отношенія къ комбинированной промышленности, но онъ говоритъ, это только потому, что онъ человѣкъ «почти безграмотный». А Штейнъ человѣкъ ученый; онъ долженъ понимать, что ученіе Фурье о комбинированной промышленности главнымъ, почти исключительнымъ образомъ основано на его же психологіи, на ученіи о страстяхъ. Слѣдовательно, если Фурье отказывается отъ своей психологіи, то онъ тѣмъ самымъ отказывается отъ комбинированной промышленности,

отъ земледѣльческой ассоціаціи. Что же останется тогда изъ системы Фурье?—Очевидно ничего.

Признавши съ одной стороны глубину и истину въ ученіи Фурье о страстяхъ, съ другой находя въ приведенномъ отрывкѣ не условную уступку, а прямой отказъ, Штейнъ попалъ въ заколдованный кругъ—изъ котораго ему нѣтъ прямаго выхода, оказался въ положеніи «plus royaliste que le roi», plus fourieriste que Fourier, потому что онъ находитъ истинность и глубину мысли въ томъ, что самъ Фурье признаетъ нелѣпостью и отъ чего онъ отказывается. Штейнъ понялъ это, и по необходимости сталъ стараться хоть какъ-нибудь выбраться изъ некрасиваго положенія, въ которомъ онъ оказался. И онъ придумалъ нѣчто ненаилучшее. Помѣщая въ своемъ сочиненіи приведенный отрывокъ, онъ выпустилъ то самое мѣсто, гдѣ Фурье говоритъ о трехъ наукахъ и объ ихъ ошибочности въ условной формѣ. Онъ ограничился только началомъ и концомъ приведеннаго отрывка, гдѣ условный характеръ уступки не такъ ясенъ, и гдѣ не видно, о чемъ именно Фурье говоритъ, о какихъ недостаткахъ въ своихъ сочиненіяхъ *). Изъ приведеннаго нами вполнѣ отрывка видно, что его слова относятся и къ космогоніи: и къ психологіи, и къ аналогіи: а Штейнъ увѣряетъ своихъ читателей, что они относятся только къ космогоніи, и тотъ, кто будетъ знакомиться съ системою Фурье только по сочиненію Штейна, такъ безповоротно и будетъ введенъ имъ въ обманъ и, разумѣется, не замѣтитъ ни непослѣдовательности Штейна, ни этого ученаго tour d'adresse, сдѣланнаго имъ. Всякій согласится, что въ этомъ случаѣ Штейнъ прибѣгнулъ уже къ пріему, который ни съ какой точки зрѣнія оправданъ быть не можетъ.

Прибавимъ еще одну замѣтку. Желая убѣдить читателей, что Фурье отказался отъ космогоніи, Штейнъ увѣряетъ, что приводимый имъ отрывокъ написанъ имъ «въ поздніе лѣта» жизни. Откуда онъ знаетъ это? Единственный источникъ, которымъ пользовался Штейнъ касательно этого предмета, Рейбо объ этомъ ничего не говоритъ. А изъ самаго отрывка можно видѣть только то, что онъ писанъ въ отвѣтъ на

*) Приведенный нами отрывокъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей, раздѣленныхъ отдѣльными (красными) строками. Штейнъ выпустилъ всю среднюю часть, занимающую въ нашемъ изложеніи 11 строкъ, начинающуюся словомъ «Порицатели и оканчивающуюся словомъ «annoncées». Читатели легко замѣтятъ, что она-то именно и составляетъ самую существенную часть всего цѣлаго.

порицанія и насмѣшки критиковъ. Порицать же Фурье и смѣяться надъ нимъ стали очень рано, еще тотчасъ послѣ изданія «Теоріи четырехъ движеній», т. е. еще въ 1808 году. Если мы допустимъ, что отрывокъ написанъ послѣ того, какъ Фурье изложилъ свою систему во всей ея полнотѣ, т. е. послѣ 1822 года, то и это еще не поздніе годы жизни Фурье. Еще черезъ шесть лѣтъ послѣ этого Фурье издалъ сочиненіе, въ которомъ опять излагаетъ свою космогонію. Между тѣмъ вопросъ о томъ, когда Фурье писалъ приведенный отрывокъ, очень важенъ. Если онъ писанъ дѣйствительно не задолго до смерти Фурье, напр. въ 1837 или 1836 году, то въ сокращенномъ видѣ, въ томъ видѣ, какъ привелъ его Штейнъ, онъ очень убѣдителенъ, онъ дѣйствительно способенъ подтвердить его мысль. А если онъ писалъ въ 1822, 23, 24 году, то онъ даже и въ этомъ видѣ не имѣетъ никакого значенія. Чтобы рѣшить вопросъ, Штейну слѣдовало поискать для этого какихъ-нибудь данныхъ, привести хоть какія-нибудь соображенія. Онъ этого не сдѣлалъ, а просто безъ всякихъ основаній рѣшилъ его въ смыслѣ благопріятномъ для себя. Такъ конечно можно доказывать все, что угодно. Но такія доказательства не принадлежатъ къ области науки.

Мы съ намѣреніемъ обращаемъ особое вниманіе на всѣ эти усилія Л. Штейна выбраться изъ заколдованнаго круга, въ который онъ попалъ, какъ и Рейбо, вслѣдствіе своего неискренняго отношенія къ дѣлу. Соціализмъ былъ въ модѣ, когда Штейнъ писалъ свою книгу объ немъ. Эта мода, этотъ всеобщій engouement требовалъ преклоненія передъ нимъ. И Штейнъ не поколебался признать въ сочиненіяхъ Фурье высокій и глубокій умъ, и научность, и вообще признать его заслугу; но когда встрѣтился съ очевидными сумасбродствами, то сталъ утверждать, что Фурье отказался отъ нихъ. Вообще, вся его глава о фурьеризмѣ и даже о соціализмѣ вообще вышла очень странною, съ натяжками, неясностями, съ произвольными, недоказанными положеніями, съ противорѣчіями и непослѣдовательностью. Штейнъ занимаетъ весьма почетное мѣсто въ наукѣ: у него есть много трудовъ, имѣющихъ серьезное научное значеніе. Но «Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich» есть одно изъ самыхъ раннихъ его произведеній. И едва-ли и самъ онъ можетъ смотрѣть на него иначе, какъ на грѣхъ своей юности. По крайней мѣрѣ по ученымъ пріемамъ, по основательности, по ясности мысли, другія его сочиненія весьма существеннымъ образомъ отличается отъ этого, превосходя его во всѣхъ отношеніяхъ. Въ немъ

Штейнъ замѣтнымъ образомъ, въ ущербъ дѣлу, становится на философическія ходули, что дѣлала въ то время (въ 40-хъ годахъ) вся Германія и даже не одна Германія. Отъ того у него и появляется работа an und für sich, какъ назначеніе человѣческаго счастія (Bestimmung des menschlichen Glückes), какъ цѣль человѣческаго совершенства (Ziel des menschlichen Vollendung). За этими, повидимому, глубокомысленными выраженіями не скрывается никакихъ ясныхъ научныхъ понятій: за ними оказывается напротивъ дѣйствительная и очевидная неясность и спутанность въ мысли и въ выраженіи ея вмѣстѣ съ такою-же очевидною и притомъ безцѣльною натяжкою, приписывающею Фурье то, чего онъ и не подозрѣвалъ.

Подобныхъ выраженій и невѣрныхъ положеній въ этомъ сочиненіи разсѣяно множество, такъ что соціализму, равно какъ фурьеризму приписываются значеніе и свойства, которыхъ они не имѣютъ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаются положеніями самого Штейна, высказанными на слѣдующихъ страницахъ и даже на тѣхъ же самыхъ. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ на соціализмъ онъ смотрѣлъ трезвѣе и выражался о немъ безъ комплиментовъ, не стараясь позолотить пилюлю. Напр., вотъ что онъ говоритъ въ сочиненіи «Объ управленіи»: «если и должно что-либо совершиться по отношенію къ возрастающему движенію низшаго безкапитальнаго класса, то это совершится не посредствомъ грубой силы коммунизма и не путемъ прекрасныхъ теорій соціализма, но это можетъ быть исполнено лишь третьею силою, съ своей стороны стоящей выше капитала и труда». —Эта сила есть государство (Спб. 1874 г., стр. 575).

Въ заключеніе приведемъ свидѣтельство Рошера касательно вопроса о томъ, отказался Фурье или не отказался отъ своей космогоніи. Рошеръ, когда писалъ свои «Принципы политической экономіи», былъ знакомъ съ сочиненіемъ Штейна и, повидимому, вызванный его утвердительнымъ рѣшеніемъ вопроса, утверждаетъ съ своей стороны, что «послѣднія сочиненія Фурье не содержатъ въ себѣ никакого отказа отъ прежде высказанныхъ мнѣній» (См. Principes d'Écon. Polit. Paris, 1857. I, 129).

E.

Мнѣнія о Фурье, высказанныя въ русской литературѣ.

Въ Россіи Фурье посчастливилось гораздо болѣе, чѣмъ его современникамъ С. Симону и Р. Оуэну. Еще въ то время, когда въ нашей литературѣ нельзя было сказать одного слова касательно его ученій, въ обществѣ были уже фурьеристы, ознакомившіеся съ его идеями по французскимъ книгамъ. Это были разумѣется люди болѣе или менѣе высокаго полета, для которыхъ французская литература не была чуждою литературою, и которые принадлежали къ средѣ не только довольно подготовленной къ принятію ученій Фурье, но уже ранѣе пропитанной ими болѣе или менѣе. Впрочемъ, само собою разумѣется, что наши фурьеристы не имѣли намѣренія прилагать идеи Фурье къ организаціи труда, не думали устраивать фаланстеровъ: организацію труда они оставляли въ прежнемъ видѣ, на основаніи принциповъ крѣпостнаго права: они заимствовали у Фурье только главный принципъ его философіи, что Богъ не могъ дать намъ какія-нибудь склонности и страсти и въ то-же время запрещать слѣдовать имъ. Приложеніе этому принципу они находили главнымъ образомъ въ любви и дѣйствительно свободно прилагали его къ жизни, тѣмъ болѣе, что крѣпостное право представляло для этого нѣкоторыя удобства. Существовала особая рукописная литература, въ которой положенія Фурье касательно любви развивались и доказывались *). Слѣдствіемъ этого было то, что нѣкоторыя деревни, преимущественно подвергавшіяся вліянію своихъ владѣтелей фурьеристовъ, къ концу существованія крѣпостнаго права дѣйствительно превращались въ нѣкотораго рода дома терпимости, которыхъ нравственность составляла чрезвычайно разительный контрастъ съ нравственностью другихъ окрестныхъ деревень.

Названіе фурьеристовъ не мы даемъ реформаторамъ этого направленія. Оно употреблялось и усвоивалось ими самими на основаніи сходства ихъ мнѣній съ ученіями Фурье. Конечно, въ ученіяхъ Фурье они встрѣтили свои собственныя воззрѣнія, приведенныя въ систему и

*) Автору этихъ строкъ приходилось видѣть образцы этой литературы. Фурье могъ бы быть доволенъ философствованіемъ своихъ русскихъ почитателей.

осмысленныя общими принципами. Но тѣмъ не менѣе они сами считали себя послѣдователями Фурье, сами называли себя фурьеристами. Было странно слышать, что гдѣ-нибудь въ глухой деревнѣ проживалъ помѣщикъ фурьеристъ.—Но были и другія странности, не менѣе бросающіяся въ глаза.—Французская литература всегда у насъ была въ ходу; изъ нея мы заимствовали главнымъ образомъ новыя, такъ сказать, культурныя понятія и вмѣстѣ съ ними слова и выраженія. И вотъ, въ томъ же самомъ періодѣ, въ періодѣ дѣятельности этихъ фурьеристовъ, вы могли услышать, что въ какой-нибудь деревнѣ живетъ орлеанская линія: вы недоумѣвали, и вамъ объясняли, что это ничто иное, какъ боковое потомство помѣщика.—Подобнаго рода удивительныя явленія были у насъ и раньше, еще въ XVIII вѣкѣ. Въ XIX вѣкѣ мы имѣли и имѣемъ фурьеристовъ; а въ XVIII у насъ были также въ глухихъ деревняхъ и энциклопедисты, и франкъ-масоны, или по нашему фармазоны, были волтерьянцы, мартинисты и т. п. Сливки русскаго общества уже и въ то время ни въ чемъ не хотѣли отстать отъ Западной Европы.

Фурьеристы были у насъ не въ одномъ помѣщичьемъ классѣ; они существовали также въ служебномъ, чиновничьемъ кругу, разумѣется, все-таки между личностями болѣе высокаго полета, хорошо знакомыми съ новостями французской литературы. Ихъ было также довольно между лицами прикосновенными къ литературѣ, къ журналистикѣ, между военными и пр.—Короче фурьеризмъ не былъ для насъ чѣмъ-то невѣдомымъ; мы его знали и вообще относились къ нему съ сочувствіемъ, даже съ уваженіемъ. Разсказываютъ, что извѣстный Петрашевскій имѣлъ бюстъ Фурье и, собирая у себя гостей между прочимъ ежегодно въ пятницу на страстной недѣлѣ и устраивая въ это время разговѣнье, чтобы быть въ воскресенье свободнымъ для дѣланія визитовъ, во время разговѣнья обращался къ увѣнчанному цвѣтами бюсту съ словами уваженія къ памяти Фурье, къ его заслугѣ предъ человѣчествомъ; дѣло происходило такъ, какъ будто все это имѣло мѣсто въ помѣщеніи редакціи «Démocratie pacifique».—Петрашевскаго и его знакомыхъ поставили на пьедесталъ политическихъ, революціонныхъ дѣятелей; чѣмъ они не были и не могли быть. Они были обыкновенные русскіе люди, принадлежавшіе къ поверхностному слою русскаго народа, не знавшіе Россіи, непонимавшіе здоровыхъ началъ ея жизни, воспитанные въ идеяхъ колѣнопреклоненія предъ всѣмъ западно-европейскимъ. Въ особенности все новое въ западной Европѣ возбуждало ихъ энтузіазмъ;

причемъ собственное ихъ пониманіе, собственное міровоззрѣніе, нравственный складъ и наконецъ собственное соціальное положеніе были мѣрою этого энтузіазма. Что болѣе соотвѣтствовало всему этому, то принималось съ большею охотою и легкостью. Наши фурьеристы могли знать и безъ сомнѣнія знали не только Фурье, но и С. Симона, и Кабе, и Луи Блана, и даже Прудона. Но С. Симонъ съ своимъ принципомъ авторитета моральной власти напоминалъ имъ католицизмъ и даже христіанство вообще, съ которымъ они имѣли мало общаго.—Луи Бланъ проектировалъ новую организацію труда мануфактурнаго и земледѣльческаго. А они находили существовавшую организацію въ особенности земледѣльческаго труда, на основаніи крѣпостнаго права, удовлетворительною.—Прудонъ критиковалъ собственность и всю господствовавшую систему политической экономіи. Это мы мало понимали. Видѣли, однако, что нашимъ инстинктамъ и вкусамъ тутъ поблажки нѣтъ. А Фурье болѣе подходилъ къ нашей нравственной натурѣ; ему мы болѣе сочувствовали, въ немъ находили что-то свое, что-то родное.

Въ литературѣ провозвѣстникомъ фурьеризма былъ Герценъ. Въ нѣсколькихъ журнальныхъ статьяхъ, между прочимъ въ статьѣ «По поводу одной драмы», онъ развивалъ теорію свободнаго дѣйствія страстей, въ особенности теорію законности папильонны въ любви. Бѣлинскій тоже самое дѣлалъ въ своихъ критикахъ; лучшими произведеніями беллетристики, по его мнѣнію, были сочиненія Ж. Занда и всѣ другія, которыя сколько-нибудь на нихъ походили. Въ нихъ онъ видѣлъ и талантъ, и здравую идею, и все хорошее.—Самъ онъ въ біографіи Кольцова, разсказывая о связи Кольцова съ служанкою, сильно вооружается противъ родителей Кольцова, не одобрявшихъ этой связи. «Въ глазахъ дикихъ невѣждъ, говорилъ Бѣлинскій, простодушно и грубо чуждыхъ всякой поэзіи жизни, она (связь эта) казалась предосудительною и безнравственною».—Очевидно Бѣлинскій слѣдовалъ однимъ принципамъ съ деревенскими фурьеристами, оставлявшими послѣ себя орлеанскую линію; одни у нихъ были взгляды на поэзію жизни, на нравственность, на признаки образованія и невѣжества и т. п.

Литературные взгляды Бѣлинскаго и его кружка получили преобладаніе въ русской литературѣ. Послѣ него все, что онъ и его друзья проповѣдовали, считалось истиною; всѣ русскіе писатели заняли въ литературномъ пантеонѣ тѣ мѣста, которыя имъ назначены были этимъ кружкомъ. Что въ этомъ назначеніи могли быть ошибки, это еще не было бы достойно сожалѣнія, если бы эти ошибки не имѣли особыхъ

послѣдствій. И изъ послѣдствій наиболѣе достойнымъ сожалѣнія было то. что философскія воззрѣнія Фурье распространились въ поверхностномъ слоѣ; прежняя практика нашла себѣ опору въ научной теоріи и изъ разряда фактовъ. составляющихъ аномалію, перешла въ разрядъ явленій нормальныхъ, правильныхъ, достойныхъ сочувствія и уваженія. Нашлись беллетристы, проводившіе въ массу читателей романовъ эту философію: наиболѣе видными изъ нихъ были Авдѣевъ. авторъ «Подводнаго камня» и пр., Михайловъ (М. Л.) авторъ нѣсколькихъ повѣстей. Ѳ. Достоевскій. авторъ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ»: и за ними еще цѣлый легіонъ продолжателей ихъ дѣла. авторовъ многихъ повѣстей. романовъ и драмъ, помѣщенныхъ въ журналахъ за послѣднія десятилѣтія.

Русская литература въ этомъ отношеніи представляетъ опасности, которыя не встрѣчаются въ другихъ литературахъ. Тамъ читатель не рискуетъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь нравственнымъ абсурдомъ, безобразіемъ. въ обыкновенномъ. обращающемся въ публикѣ произведеніи. А у насъ рискуетъ.—Въ такомъ-же положеніи находится и посѣтитель театра. Вотъ. дается въ русскомъ театрѣ драма. Сюжетъ въ родѣ того. который подалъ поводъ Герцену написать статью «По поводу одной драмы». Мужъ ведетъ безпорядочную жизнь. Жена сошлась или только хочетъ сойтись съ своимъ обожателемъ. Въ драмѣ есть свой Стародумъ. представитель здраваго смысла: онъ женѣ дядя, или близкій знакомый ея родителей, лицо авторитетное для нея. Находясь на краю обрыва, молодая женщина обращается къ нему съ выраженіемъ своего страха передъ паденіемъ. страха предъ потерею добраго имени. И что-же отвѣчаетъ ей Стародумъ?—Ничего. говоритъ. не безпокойся; вѣдь это любовь, а не ненависть. не злоба. Любить не значитъ грѣшить и т. п.: совершенно въ томъ смыслѣ, какъ Консидеранъ оправдываетъ всякаго рода любовь принципами христіанства, приравнивая любовь фаланстера къ любви, провозвѣстникомъ которой былъ Христосъ.

Или другой примѣръ. Мать читаетъ разсказъ о путешествіи въ Крымъ. Авторъ не безъ таланта описываетъ роскошную природу южнаго берега, величественные виды Таврическихъ горъ. между прочимъ, пещеры. существующія въ горахъ. Мать довольна чтеніемъ, изъ котораго она почерпнула нѣсколько интересныхъ свѣдѣній. и думаетъ: надо дать это описаніе прочитать дочери. Читаетъ дальше. и авторъ мимоходомъ увлекается въ философію, говоритъ о влеченіи и долгѣ. И съ какимъ пренебреженіемъ говоритъ онъ объ идеѣ долга!—Совершенно въ томъ-же

родѣ, какъ и Фурье, только съ нѣкоторымъ мѣстнымъ колоритомъ. Слѣдуя Фурье, идея долга есть глупая выдумка философовъ, продуктъ глупаго ума человѣческаго. А нашъ философъ называетъ идею долга чѣмъ-то восточнымъ. —Мать рѣшается уже запрятать книгу подальше отъ дочери.

Встрѣчаются мѣста и болѣе циничнаго характера. —Въ газетѣ, читаемой публикою, наиболѣе образованною, печатается корреспонденція изъ Ташкента. Авторъ корреспонденціи говоритъ объ удобствахъ и неудобствахъ жизни для тамошняго русскаго служащаго населенія. Одно изъ самыхъ важныхъ неудобствъ состоитъ въ томъ, что въ Ташкентѣ нѣтъ домовъ терпимости. И такъ какъ нѣтъ надежды, чтобы на мѣстѣ нашлись предприниматели, могущіе устроить такіе дома, то авторъ высказываетъ мысль, что въ виду этого правительство должно на казенный счетъ устроить въ новоприсоединенномъ краѣ дома терпимости.— Кто самъ не читалъ эту корреспонденцію, тотъ не повѣритъ этому. И безъ сомнѣнія этотъ фактъ составляетъ своего рода unicum въ литературѣ всѣхъ европейскихъ народовъ.

Приведенныя мысли, что только дикіе невѣжды могутъ считать безнравственнымъ дѣломъ связь между хозяйскимъ сыномъ и служанкою, что связь замужней женщины съ любовникомъ не можетъ быть предосудительна, будучи основана на любви, что идея долга есть нѣчто восточное, что правительство должно строить на казенный счетъ дома терпимости, —какіе слѣды всѣ онѣ и миріады подобныхъ имъ должны были оставить въ обществѣ? Сколько тысячъ молодыхъ людей, учениковъ и ученицъ, читали стихотворенія Кольцова и его біографію, писанную Бѣлинскимъ! Сколько тысячъ людей видѣли драму, оправдывающую прелюбодѣяніе! —Сколько тысячъ подписчиковъ имѣла газета, желавшая казенной постройки публичныхъ домовъ въ Ташкентѣ! Результаты обозначены въ той-же самой литературѣ, въ «Аннѣ Карениной» и подобныхъ нравоописательныхъ произведеніяхъ, а еще правдивѣе и ближе къ истинѣ обозначены въ самой жизни. —Года два назадъ въ газетахъ былъ напечатанъ отчетъ объ уголовномъ процессѣ. Молодой человѣкъ обвинялся въ томъ, что онъ утопилъ свою жену. Въ процессѣ оказывается, что молодой человѣкъ, имѣя жену, въ то-же время имѣетъ и любовницу, а жена его, еще очень молодая женщина, имѣетъ гдѣ-то на воспитаніи ребенка, прижитаго до брака съ другимъ лицомъ. —Совершенно нравы фаланстера. Это Дафнисъ и Хлоя, Титиръ и Галатея съ двойнымъ употребленіемъ любви.

Прежде такіе нравы существовали только у людей высшаго полета; теперь они спустились на болѣе низкія ступени общественной лѣстницы, въ средній классъ, гдѣ французская литература мало извѣстна гдѣ довольствуются русскою, ею наслаждаются, упиваются, гдѣ зачитываются романами и повѣстями, въ прелестныхъ картинахъ изображающими достоинства неограниченной свободы чувства.—А въ сферахъ высшаго полета эти нравы продолжаютъ существовать: объ этомъ свидѣтельствуетъ «Анна Каренина» и помпадуры, равно какъ и помпадурши г. Салтыкова. Помпадуры эти составляютъ явленіе взятое изъ жизни во всей его правдивости. Провинція видѣла и до сихъ поръ видитъ подобныя явленія; и они служатъ для нея иллюстраціею, придающею болѣе наглядности и убѣдительности мыслямъ, развиваемымъ въ романахъ, построенныхъ на теоріи Фурье.

Изо всѣхъ этого рода романовъ наиболѣе вліянія имѣлъ романъ «Что дѣлать?» Оставляя въ сторонѣ его политическую сторону, посмотримъ, что онъ рекомендуетъ для жизни человѣка въ семействѣ, для отношеній между полами.—Главная героиня его, г-жа Лопухова, еще будучи дѣвицею, читаетъ Консидерана «Destinée sociale». Потомъ она выходитъ замужъ по любви за доктора Лопухова; потомъ любовь эта исчезаетъ и на ея мѣстѣ возникаетъ новая,—любовь къ пріятелю Лопухова, а великодушный Лопуховъ исчезаетъ самъ, чтобы уступить свое мѣсто пріятелю.—Въ то-же время существуетъ и дѣйствуетъ г-жа Мерцалова, супруга либеральнаго «іерея Мерцалова», повидимому законоучителя въ какомъ-то казенномъ заведеніи. Она завела мастерскую женскихъ работъ. Что всего болѣе бросается въ глаза въ мастерской, это новые нравы трудящихся молодыхъ дѣвицъ. Онѣ не только трудятся, но и дѣятельно упражняются въ любви. И какъ г-жа Мерцалова, такъ и супругъ ея іерей Мерцаловъ, не только не находятъ этого неправильнымъ (не такіе они дикіе невѣжды), но видимымъ образомъ одобряютъ такой порядокъ, сочувствуютъ ему и даже содѣйствуютъ. Такой отвѣтъ даетъ авторъ на вопросъ, что дѣлать.—Гг. Лопуховы должны стушевываться и исчезать, если не матеріально, то нравственно при появленіи у ихъ супругъ новыхъ привязанностей, новыхъ эротическихъ вожделѣній. Всѣ вообще должны читать «Destinée sociale» Консидерана, да устроивать пока такія мастерскія, какъ мастерская г-жи Мерцаловой, съ привлекательнымъ трудомъ и съ дѣятельнымъ упражненіемъ въ любви.

А что-же изъ этого выйдетъ въ концѣ концовъ, къ чему все это

приведетъ?—И на этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ. Будущее состояніе общества представлено имъ въ сновидѣніи г-жи Лопуховой, какъ будущее состояніе римскаго общества изображено Цицерономъ въ сновидѣніи Сципіона Африканскаго. Сонъ г-жи Лопуховой пророчествуетъ, что въ будущемъ дѣятельность Россіи будетъ направлена на дальній востокъ, за устья Эвфрата, къ берегамъ Персидскаго залива.—Тамъ будетъ Новороссія будущаго времени, изрѣзанная желѣзными дорогами и другими путями сообщенія. Жить въ то время русскіе люди будутъ совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь.—Дома будутъ громадные, съ роскошными залами необыкновенныхъ размѣровъ, окруженными меньшими залами и отдѣльными кабинетами. И жизнь будущихъ поколѣній будетъ протекать весело и счастливо между удовольствіями любви и привлекательнаго труда. Авторъ приподнялъ небольшой уголъ завѣсы будущаго и показалъ, что̀ будетъ со временемъ, какой характеръ будутъ имѣть удовольствія будущихъ поколѣній.—Въ роскошномъ залѣ гремитъ музыка, молодежь танцуетъ; въ страстныхъ очахъ огонь блеститъ, въ страстныхъ сердцахъ огонь горитъ. И молодыя пары постоянно исчезаютъ одна за другою: другія занимаютъ ихъ мѣсто, и такъ время летитъ.—Сонъ г-жи Лопуховой рисуетъ ей удовольствія будущей жизни въ фаланстерахъ, которыхъ увлекательное описаніе она читала въ «Destinée sociale».

Вотъ что выйдетъ въ концѣ концовъ изъ дѣятельности Лопуховыхъ, Рахметовыхъ, Мерцаловыхъ и пр.—Вотъ послѣдній идеалъ общественной жизни, который авторъ показалъ своимъ читателямъ, оставляя журнальное поприще.

Критическая оцѣнка ученій Фурье, сколько намъ извѣстно, сдѣлана у насъ четырьмя писателями: гг. Михайловымъ, Бибиковымъ, Градовскимъ и Исаевымъ.

Г. Михайловъ, съ мнѣніями котораго о С. Симонѣ мы знакомы, и къ Фурье относится не безъ критики. По его мнѣнію, у Фурье встрѣчаются «необузданныя заблужденія фантазіи; ребяческія сказки выдаются за исторію будущаго; ни на чемъ неоснованные разсчеты серьезно представляются за несомнѣнныя математическія аксіомы» *). Но г. Михайловъ находитъ у Фурье одну часть ученія, которой состоятельность

*) Пролетаріатъ во Франціи, С.-Петербургъ, 1869 г. стр. 161.

онъ признаетъ. Это ученіе о земледѣльческой ассоціаціи и сферической іерархіи. Свою задачу «разрѣшить вопросъ о судьбахъ общества», по мнѣнію г. Михайлова, Фурье задумалъ исполнить «посредствомъ полнаго переворота въ наукѣ». Это безъ сомнѣнія невѣрно. Фурье задумалъ «совершить переворотъ въ наукѣ» именно въ тѣхъ частяхъ своей системы, гдѣ онъ вдался въ ребяческія сказки. Въ организаціи земледѣльческой ассоціаціи и сферической іерархіи онъ гораздо скромнѣе. Самъ онъ говоритъ, что экономистамъ давно было извѣстно значеніе ассоціаціи, только они не съумѣли сдѣлать правильныхъ выводовъ изъ этой истины. Фурье, организуя земледѣльческую ассоціацію, только дѣлаетъ выводъ изъ нея (см. выше, стр. 42). А сферическая іерархія есть необходимое послѣдствіе земледѣльческой ассоціаціи. Это конечно мало походитъ на переворотъ въ наукѣ.—Свое мнѣніе о состоятельности, практичности земледѣльческой ассоціаціи и сферической іерархіи г. Михайловъ основываетъ на томъ, что въ ученіи о томъ и другомъ Фурье не подрывалъ «никакихъ основъ существующаго порядка», такъ что по плану Фурье «капиталъ можетъ существовать и приносить прибыль по прежнему, семейство сохраняетъ всю свою силу, индивидуальности не уничтожаются, цѣлая лѣстница правителей остается неприкосновенною и даже увеличивается множествомъ новыхъ чиновъ» *). Мы находимъ излишнимъ дѣлать для нашихъ читателей долгія объясненія того, что приведенныя слова г. Михайлова очень далеки отъ истины. Индивидуальности у Фурье уничтожаются не менѣе, чѣмъ у самыхъ послѣдовательныхъ коммунистовъ. Общая жизнь, общая работа, общій столъ, общія удовольствія—все это основано разумѣется не на принципѣ индивидуальности. Капиталъ, по ученію Фурье, точно можетъ существовать и приносить прибыль, но рядомъ съ уничтоженіемъ индивидуальности и рядомъ съ тѣмъ положеніемъ, что и безъ капитала въ фаланстерѣ всякій можетъ достигать высшей степени благополучія, и самъ капиталъ и сама прибыль теряютъ всякое значеніе. А кромѣ того слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что существованіе прибыли отъ капиталовъ, затраченныхъ на фаланстеры, Фурье не гарантировалъ ничѣмъ, кромѣ «ни на чемъ не основанныхъ разсчетовъ». И опыты, произведенные фурьеристами, показали, что ввѣренные имъ капиталы совсѣмъ не приносили прибыли и даже переставали существовать, т. е. были проживаемы. Семья не только не сохраняетъ всей своей силы,

*) Тамъ же, 174.

но совершенно распадается: потому что нельзя назвать семьею массу мужчинъ и женщинъ, между которыми нѣкоторые дѣйствительно называютъ себя мужемъ и женою, но при такихъ обстоятельствахъ, что мужъ и жена въ то же время имѣютъ на супружескихъ правахъ производителей и производительницъ, любовниковъ и любовницъ, и кромѣ того просто безъ всякаго титула состоятъ въ половой связи, съ кѣмъ имъ вздумается. При такомъ порядкѣ сами отцы очень рѣдко могутъ знать, какія дѣти принадлежатъ имъ, и даже матери не всегда могутъ опредѣлить это. Что касается до того, будто существующая лѣстница правителей остается неприкосновенною, надѣемся наши читатели понимаютъ, что существующая лѣстница правителей уничтожается вполнѣ отъ высшихъ ступеней до низшихъ, а на мѣстѣ ея возникаетъ новая, ничего общаго съ нею не имѣющая, такъ что ни одинъ изъ нынѣшнихъ губернаторовъ, министровъ, не останется на своемъ мѣстѣ и едвали попадетъ въ тетрархи, пентархи, и т. п.

Вообще г. Михайловъ знакомъ съ системою Фурье очень мало. Что касается опытовъ осуществленія ея, онъ несомнѣнно убѣжденъ, что они «не удавались по недостатку средствъ». Съ этимъ мы можемъ согласиться только въ томъ смыслѣ, что фурьеристы дѣйствительно получали отъ капиталистовъ не такъ много денегъ, сколько хотѣли, и что опыты прекращались тогда, когда были проживаемы всѣ пожертвованныя деньги. Если бы американскіе капиталисты дали Сѣверо-американской фалангѣ больше денегъ, дали ихъ столько, чтобъ фаланстеръ могъ существовать на проценты съ нихъ, то онъ существовалъ бы и до сихъ поръ. Фаланстеріанцы продолжали бы «сидѣть сложа руки и курить»; за отсутствіемъ со стороны пасторовъ охоты чистить сапоги, фаланстеръ нанялъ бы для этого особую прислугу; и ассоціація продолжала бы существовать; и г. Михайловъ могъ бы думать, что опытъ удался, какъ Ж. Дюваль думаетъ, что въ Конде-сюръ-Вегрѣ до сихъ поръ продолжается опытъ ассоціаціи въ духѣ Фурье, хотя тамъ всѣ безъ исключенія работы исполняются наемными рабочими.

Обратимъ вниманіе еще на одну мысль г. Михайлова. Идея Фурье, говоритъ онъ, не погибла: она «осталась навсегда»; и «каждая возникающая рабочая артель—является какъ бы слабымъ зародышемъ его фаланстеріи». Не будемъ говорить о томъ, что будетъ въ будущемъ. Но чтобы была какая-нибудь связь между идеею Фурье и каждою возникающею артелью, это мы можемъ отрицать на основаніи довольно краснорѣчиваго факта. Рабочія артели—учрежденіе по преимуществу

русское: и учредители ихъ не принадлежатъ и не принадлежали къ тѣмъ русскимъ послѣдователямъ Фурье, о которыхъ мы говорили выше. Кромѣ того, въ Россіи рабочія артели существуютъ уже съ XVI вѣка, когда о будущемъ появленіи Фурье никто не могъ сдѣлать даже предсказанія. Стало быть можно принять, что между артелями и идеею Фурье связи никакой нѣтъ. Да и нѣтъ никакой надобности возводить къ иностранному источнику то, что возникло на русской почвѣ и изъ русскаго народнаго духа.

Взглядъ г. Бибикова на Фурье отличается какою-то восторженностію. Онъ называетъ Фурье «великимъ человѣкомъ *) и стремится отдать ему справедливость именно, какъ великому человѣку. Впрочемъ, надобно отдать справедливость г. Бибикову въ томъ, что онъ болѣе видитъ въ Фурье великаго художника, человѣка съ страстно любящимъ сердцемъ, нежели великаго мыслителя. Какъ у мыслителя и ученаго онъ видитъ недостатки, хотя вообще основные принципы Фурье одобряетъ. Впрочемъ, сочиненіе г. Бибикова о Фурье, хотя оно и выдается имъ за трудъ самостоятельный, въ дѣйствительности не самостоятельно. Мы назвали бы его компиляціею, если бы оно дѣйствительно было компиляціею. Но оно не болѣе, какъ вольный переводъ трехъ французскихъ сочиненій **), во 1-хъ, части этюда Рейбо о Фурье; во 2-хъ, предисловія издателей, помѣщеннаго при собраніи его сочиненій, и въ 3-хъ, статьи самаго Фурье: «De la licence commerciale, de ses vices connus et de ses dangers inconnus», составляющей часть перваго тома его сочиненій.

Для насъ между прочимъ странно то, что г. Бибиковъ, который во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе познакомился съ этюдомъ Рейбо, съ предисловіемъ издателей сочиненій Фурье и съ первымъ томомъ самыхъ сочиненій, могъ учениковъ Фурье называть фаланстерами. Фаланстеръ есть имя исключительно принадлежащее резиденціи фаланги, а ученики Фурье называются или фаланстеріанцами (phalansteriens), или просто фурьеристами.

О частныхъ мнѣніяхъ г. Бибикова мы не будемъ говорить: они разумѣется таковы, каковы могутъ быть мнѣнія учениковъ Фурье или

*) Критическіе этюды. Спб. 1865 г., стр. 29.

**) Мы не считаемъ цѣлесообразнымъ сопоставлять между собою статью г. Бибикова и три названныя сочиненія. Но сами для себя мы ихъ сравнивали. Мѣстами сочиненіе г. Бибикова представляетъ не только вольный, но очень близкій переводъ.

самаго Фурье, или наконецъ Рейбо, который находилъ нужнымъ, даже отвергая ученія Фурье, похваливать его самого, находя его соціалистомъ неопаснымъ.

Не менѣе, а можетъ быть болѣе восторженно относится къ Фурье г. Градовскій. Для него Фурье—«геніальный Фурье, геніальный соціалистъ, геніальный мыслитель» *). Что именно въ ученіи Фурье вызываетъ такую оцѣнку его со стороны г. Градовскаго, это несовсѣмъ легко рѣшить. Онъ смотритъ на него, и какъ на соціалиста, и какъ на философа, и философію его называетъ замѣчательною. По мнѣнію г. Градовскаго «геніальный Фурье смѣло берется за преобразованіе всей системы знанія». Чтобы преобразовать всю систему знанія, нужно быть хоть сколько-нибудь на уровнѣ этого знанія; нужно имѣть хорошія свѣдѣнія о способахъ и средствахъ, которыми пріобрѣтаются знанія. Фурье лишенъ былъ всего этого во всей полнотѣ. Его разсужденія объ аналогіи и страстяхъ доказываютъ, что ему были чужды самыя элементарныя свѣдѣнія въ логики и психологіи. Правда Фурье могъ и безъ средствъ приняться за преобразованіе системы знанія; люди самоувѣренные къ этому способны. Къ этому именно и стремился С. Симонъ, также далеко не обладавшій для этого достаточными средствами. Но Фурье совершенно чуждъ этому стремленію. Быть можетъ не смѣшалъ ли г. Градовскій личности того и другаго реформатора? Фурье правда отвергалъ научное знаніе, содержаніе этихъ 400,000 томовъ, хранящихся въ библіотекахъ. Но на мѣсто его онъ не ставилъ какого-нибудь новаго цикла знаній, основаннаго на новыхъ научныхъ способахъ пріобрѣтенія ихъ, а свои разсказы относительно теоріи страстнаго влеченія и сходства четырехъ движеній и какъ результатъ этихъ двухъ теорій—ученіе о всеобщихъ судьбахъ. Въ этихъ разсказахъ г. Градовскій конечно не можетъ видѣть преобразованія всей системы знаній, такъ какъ никто не считаетъ преобразователями системы знаній благодушныхъ старичковъ и старушекъ, которые отвергая дѣйствительно существующую науку, относясь къ ней пренебрежительно, совѣтуютъ замѣнить ее предсказаніями Мартына Задѣки, какимъ-нибудь «новѣйшимъ и полнѣйшимъ сонникомъ» и другими подобными произведеніями ума человѣческаго. Съ этой точки зрѣнія и Фамусовъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ преобразователь «всей системы знанія»; и даже имѣетъ

*) Журналъ Заря, 1870 г., т. 3, въ отдѣлѣ Библіографіи, стр. 180, 181, 183.

на это болѣе правъ, чѣмъ Фурье; потому что онъ все-таки хотѣлъ замѣнить всѣ книги календаремъ, изданнымъ академіею наукъ и баснями Крылова.

Сдѣлавши свой отзывъ о Фурье и сказавши, что онъ взялся за преобразованіе системы знанія, г. Градовскій далѣе излагаетъ самую систему Фурье, говоритъ о его ученіяхъ касательно счастья, стремленій, переселенія душъ, фаланстеровъ, космогоніи и пр. Но нигдѣ ни въ одномъ намекѣ мы не могли замѣтить: все ли безусловно г. Градовскій принимаетъ въ ученіи Фурье или все безусловно отвергаетъ или принимаетъ какую-нибудь часть, а другія отвергаетъ. Между тѣмъ признаніе Фурье, какъ геніальнаго мыслителя, приводитъ къ мысли, что что-же нибудь въ этомъ ряду ученій г. Градовскій считаетъ истиннымъ и не просто истиннымъ, а истиннымъ и новымъ и притомъ очень важнымъ, добытымъ съ помощію усилій великаго ума: потому что за что-же нибудь г. Градовскій называетъ Фурье «геніальнымъ Фурье, геніальнымъ мыслителемъ». Изложеніе самыхъ ученій Фурье у г. Градовскаго впрочемъ не отличается точностью. Взглядъ на богатство, какъ на источникъ благополучія, по мнѣнію г. Градовскаго, составляетъ самую сущность философіи Фурье; между тѣмъ такого взгляда у него не было. Фурье совсѣмъ не думалъ, что общее средство для достиженія благополучія есть богатство. Напротивъ онъ и бѣдныхъ обѣщалъ сдѣлать счастливыми въ фаланстерѣ, не надѣляя ихъ богатствомъ, и богатыхъ не считалъ счастливыми внѣ фаланстера. Эту послѣднюю мысль онъ съ большимъ усердіемъ доказывалъ. Другую, не существующую въ дѣйствительности, но очень важную мысль г. Градовскій приписываетъ Фурье ту, будто міръ духовный и матеріальный тождественны. Этого тоже у Фурье совсѣмъ нѣтъ. Будучи сенсуалистомъ въ нравственной философіи, въ области философіи умственной онъ былъ строгимъ спиритуалистомъ, и не только отличаетъ Бога отъ міра, но и въ человѣкѣ видитъ два раздѣльные элемента, и даже небеснымъ тѣламъ приписываетъ самостоятельное духовное начало.

Вообще намъ хочется думать, что г. Градовскій потому только сдѣлалъ столь неправильную оцѣнку Фурье, что мало познакомился съ его ученіями, довѣрившись главнымъ образомъ Штейну и отчасти повидимому Рейбо, которыхъ мнѣнія о Фурье онъ не только принялъ безъ критики, но и преувеличилъ, что̀, разумѣется, и прилично русскому человѣку. Непригоже намъ отставать отъ западной Европы; лучше быть впереди ея.

Г. Исаевъ, поздѣйшій изслѣдователь ученій Фурье, смотритъ на него съ уваженіемъ, хотя не такъ подобострастно, какъ г. Градовскій. Для него Фурье все-таки «мыслитель, стоящій цѣлой головой выше золотой посредственности». Тѣмъ не менѣе г. Исаевъ не во всемъ согласенъ съ нимъ.

Г. Исаевъ разсматриваетъ ученія Фурье, не какъ отдѣльное явленіе, а въ связи съ другими предшествующими и послѣдующими фактами экономической науки, что видно изъ самаго заглавія его сочиненія, которое называется такъ: «Мѣсто Фурье въ общественно-хозяйственной наукѣ» *).

Слѣдуя г. Исаеву, очень значительныхъ результатовъ система Фурье достигнуть не можетъ. Въ томъ «новомъ мірѣ», который возникнетъ изъ осуществленія ея, все-таки «не будетъ царствовать согласіе, которое обѣщаетъ Фурье своимъ послѣдователямъ» **), т. е. система не поведетъ за собою царства всеобщей гармоніи,—harmonie universelle.—«Сохраненіе права собственности на орудія производства, соединенное съ свободнымъ выборомъ занятія, послужитъ и въ новомъ мірѣ къ раздѣленію гражданъ на двѣ группы».—«Плодомъ этого будетъ общее недовольство бѣдныхъ богатыми; особенно будутъ недовольны тѣ, которые, сознавая свои дарованія, будутъ вытѣснены изъ области излюбленнаго труда».—Почему-же этотъ мыслитель, стоящій высоко надъ среднимъ уровнемъ человѣческаго пониманія, приходитъ къ результатамъ столь неутѣшительнымъ?

Эти неутѣшительные результаты потому имѣютъ мѣсто, что Фурье не вноситъ, по мнѣнію г. Исаева, никакихъ новыхъ началъ въ жизнь людей. Фурье не измѣняетъ основъ существующей общественно-хозяйственной жизни, онъ только «подготовлялъ почву для новаго ученія—соціализма».

Когда наступитъ жизнь, устроенная на основахъ соціализма, тогда положеніе дѣла существеннымъ образомъ измѣнится. Тогда «орудія производства перейдутъ въ собственность всего общества» и не будетъ тѣхъ противорѣчій, которыя остаются въ мірѣ Фурье. Тогда будутъ уничтожены «случайныя имущественныя различія, вытекающія изъ одного факта рожденія», т. е. право наслѣдованія будетъ уничтожено. При этомъ новомъ порядкѣ «всѣ люди вступаютъ въ жизнь при оди-

*) Напечатано въ «Юрид. Вѣстникѣ» за май и іюнь 1882 г.

**) «Юрид. Вѣстн.» 1882 г., іюнь, стр. 249.

наковыхъ общественныхъ условіяхъ». Въ борьбѣ за существованіе имущество уже не будетъ играть никакой роли, такъ какъ частнаго имущества въ этомъ періодѣ не будетъ. Въ это время возможно только «соперничество между дарованіями и не имущественное превосходство, а только личное содѣйствуетъ побѣдѣ». Такимъ образомъ, согласіе опять не будетъ царствовать въ экономическомъ мірѣ, даже и при господствѣ соціализма; по прежнему будетъ происходить борьба, будутъ побѣдители и побѣжденные. И не сладко будетъ положеніе побѣжденныхъ. Г. Исаевъ признаетъ это; по его мнѣнію, въ періодъ соціализма только «первая сѣть нитей недружелюбія порывается». Остаются другія подобныя нити; но г. Исаевъ считаетъ ихъ, повидимому менѣе важными. Въ то время, т. е. въ періодъ соціализма, побѣжденные «будутъ сѣтовать не на общественный строй, который далъ имъ все, что могъ, а только на особенности своей природы».—Но такъ или иначе, все-таки будутъ сѣтованія, будетъ недовольство, будетъ несогласіе.— Г. Исаевъ допускаетъ и это: но все-таки находитъ, что общее положеніе дѣлъ будетъ несравненно лучше: такъ какъ, вслѣдствіе паденія дохода на капиталъ, трудъ будетъ вознагражденъ болѣе достаточнымъ образомъ, въ особенности тѣ отрасли его, которыя направлены на занятія непривлекательныя.

Вообще «самый складъ общежитія будетъ таить въ себѣ условія», способныя принести въ общество миръ. Не будетъ вражды бѣдныхъ къ богатымъ: не будетъ ея и со стороны рабочихъ къ руководителямъ работъ, потому что руководители будутъ выборные, и въ интересахъ производства избираемы будутъ люди наиболѣе способные и опытные. Въ то время даже самые кризисы промышленные не будутъ имѣть столь печальныхъ послѣдствій, какъ теперь: во-первыхъ, потому что при отсутствіи класса людей богатыхъ, кризисъ не будетъ чувствоваться столь интенсивнымъ образомъ; во-вторыхъ, потому что въ то время людскія общества будутъ отчасти предусмотрительнѣе, чѣмъ теперь, отчасти состоятельнѣе въ экономическомъ отношеніи, что дастъ имъ возможность посредствомъ накопленія запасовъ въ значительной мѣрѣ ослабить худыя послѣдствія кризисовъ, такъ что и съ этой стороны, по мнѣнію г. Исаева, «зависти и недоброжелательству не будетъ мѣста; соціалистическій строй хозяйственныхъ отношеній уничтожитъ общественныя противорѣчія». По мнѣнію г. Исаева соціализмъ сказалъ свое послѣднее слово въ лицѣ Бюше и Л. Блана, такъ что надобно думать, что это именно и будетъ соціализмъ Бюше и Л. Блана, который

уничтожитъ общественныя противорѣчія.—Л. Бланъ и Бюше не будутъ оставлены безъ вниманія въ этомъ сочиненіи; ихъ ученія будутъ разсмотрѣны. Тогда мы выскажемъ свое мнѣніе и относительно надеждъ. возлагаемыхъ г. Исаевымъ на соціализмъ, относительно того, на сколько онъ можетъ быть признанъ состоятельнымъ и какъ скоро онъ наступитъ. Г. Исаевъ думаетъ, что онъ уже наступаетъ и первый признакъ этого видитъ въ томъ, что нѣкоторыя европейскія государства начинаютъ выкупать у частныхъ компаній желѣзныя дороги.

Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, мы думаемъ, что въ выкупѣ желѣзныхъ дорогъ государствомъ нельзя видѣть даже намека на то, что скоро хозяйственная жизнь народовъ будетъ устроена на началахъ соціализма, согласно съ ученіями Бюше и Л. Блана. Кромѣ того, мы думаемъ, что и никогда не придетъ время для осуществленія этихъ ученій.—Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не признать послѣдовательности г. Исаева въ сужденіи о заслугахъ Фурье.—Если Фурье дѣйствительно подготовлялъ почву для соціализма, представляемаго въ столь розовомъ свѣтѣ, то онъ имѣетъ дѣйствительную заслугу въ наукѣ политической экономіи; онъ дѣйствительно долженъ занять почетное мѣсто въ ряду людей, старавшихся содѣйствовать улучшенію современныхъ основъ экономической жизни въ Европѣ.

Независимо отъ этого г. Исаевъ признаетъ нѣсколько другихъ пунктовъ въ системѣ Фурье, въ которыхъ, по его мнѣнію, Фурье или высказываетъ болѣе или менѣе важную научную истину, или вводитъ въ экономическую практику болѣе или менѣе благотворный принципъ.

Такъ, Фурье, по мнѣнію г. Исаева, «оставилъ намъ картину историческаго развитія человѣческихъ обществъ».

Кромѣ того, онъ подвергъ критикѣ не только весь современный хозяйственный бытъ, но и «господствующее въ экономической наукѣ направленіе».

Со стороны практической, заслугу Фурье составляютъ «уменьшеніе срока непривлекательной и удлинненіе досуга для работы, согласной съ наклонностями человѣка».—Все это взятое вмѣстѣ «обусловитъ бодрое и веселое исполненіе самыхъ однообразныхъ операцій, а потому удовлетворитъ и общество, и отдѣльныхъ лицъ, которыя получатъ время для работы по влеченію. Общины Фурье дадутъ все это своимъ членамъ» *).

---

*) «Юрид. Вѣстникъ» 1882 г., май, стр. 53.

Г. Исаевъ придаетъ серьезное значеніе даже малымъ ордамъ, и находитъ въ нихъ тѣ самыя достоинства, которыя видятъ въ нихъ ученики Фурье. Онъ видитъ здѣсь то, что въ фаланстерѣ утилизируются даже такія наклонности, которыя въ нашемъ обществѣ ни къ чему хорошему не ведутъ. Давая каждому члену общины такое воспитаніе, которое развиваетъ всѣ его наклонности, Фурье, по мнѣнію г. Исаева тѣмъ самымъ «обезпечиваетъ всѣмъ гражданамъ новаго міра свободу выбора занятій».

Но въ чемъ особенную заслугу Фурье видитъ г. Исаевъ, это то, что онъ «извлекаетъ женщину изъ нѣдръ семьи и доставляетъ ей доступъ ко всѣмъ отраслямъ промышленной дѣятельности». Этимъ онъ въ самой высокой степени, по мнѣнію г. Исаева, отвѣчаетъ нравственной потребности общества. «Женскій вопросъ, такъ сильно волнующій умы, если вѣрить г. Исаеву, все болѣе приближается къ разрѣшенію; жена уравнивается въ правахъ съ мужемъ». — «И въ этомъ отношеніи современное общество приближается къ осуществленію идеаловъ, которые Фурье считалъ возможными только въ новомъ мірѣ».

Мы не находимъ нужнымъ по поводу всѣхъ этихъ мнѣній г. Исаева высказывать даже нашихъ замѣчаній. Наши мнѣнія о Фурье и его ученіяхъ, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, высказаны столь опредѣленнымъ образомъ, что повторять ихъ нѣтъ надобности. Мы только констатируемъ фактъ, мы обращаетъ вниманіе на цѣлый рядъ заслугъ, удачныхъ и правильныхъ рѣшеній, сдѣланныхъ по мнѣнію г. Исаева Фурье. Эти рѣшенія и эти заслуги приводятъ г. Исаева къ такимъ чувствамъ относительно Фурье, что онъ не просто отдаетъ ему справедливость, а является его заступникомъ, защищаетъ его отъ неблагопріятной оцѣнки, сдѣланной Дюрингомъ. Г. Исаевъ предполагаетъ, что Дюрингъ сдѣлалъ худой отзывъ о Фурье только потому, что расходится съ нимъ въ «воззрѣніяхъ, вкусахъ и наклонностяхъ». — «Развѣ одно несогласіе въ воззрѣніяхъ, вкусахъ и наклонностяхъ, говоритъ онъ по этому поводу, даетъ право клеймить ученіе именемъ безнравственнаго и негоднаго?—Развѣ въ библіи, учительницѣ милліоновъ людей, ничто не вызываетъ улыбки? (май, стр. 10).

Взгляды на Фурье, высказанные Штейномъ и Миллемъ, г. Исаеву кажутся болѣе справедливыми. Все это не вызоветъ ни противорѣчій, ни возраженій съ нашей стороны. Но есть у него одно положеніе, котораго мы ему уступить не можемъ. Онъ увѣряетъ, что «въ послѣднія десятилѣтія воззрѣніе Штейна на Фурье стало господствующимъ въ

литературѣ и оказало вліяніе на многихъ, обсуждавшихъ это ученіе» (стр. 13). Что воззрѣніе Штейна оказало вліяніе на гг. Градовскаго и Исаева, это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Кого-нибудь другого, подвергшагося этому вліянію, мы не знаемъ. Но чтобы воззрѣніе Штейна стало господствующимъ въ литературѣ, разумѣя подъ этимъ именемъ литературу политической экономіи, это мы отрицаемъ. Въ этомъ случаѣ г. Исаевъ ошибается самымъ очевиднымъ образомъ. И мы не желали-бы, чтобы это утвержденіе г. Исаева ввело хоть кого-нибудь въ ошибку касательно отношенія экономической литературы къ системѣ Фурье. Эта ошибка, въ виду особаго характера ученій Фурье, могла-бы имѣть самыя печальныя послѣдствія, въ особенности, если жертвою ея сдѣлается юноша или дѣвица, которыхъ нравственные принципы еще не окрѣпли.

Выше (стр. 188 и слѣд.), мы привели цѣлые десятки мнѣній о Фурье, принадлежащихъ представителямъ науки и литературы во Франціи, въ Англіи, въ Германіи и даже въ Америкѣ: и ни одно изъ нихъ не имѣетъ ничего общаго съ мнѣніемъ Штейна. Всѣ цитированные писатели съ единодушіемъ, рѣдко встрѣчающимся въ наукѣ и литературѣ, видятъ въ ученіяхъ Фурье невѣжество, сумасбродство, шутовство, безуміе, чудовищность, безнравственность, постыдность, отвратительность. Самого Фурье называютъ проститутомъ, человѣкомъ находящимся не въ полномъ умѣ, сумасбродомъ, соціалистомъ постыднымъ, человѣкомъ, котораго пониманіе покрыто густымъ туманомъ и т. п. — Какъ на необходимый результатъ его ученій, указываютъ на пониженіе нравственнаго уровня, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ народовъ.— Въ уваженіи, которое его ученія могли-бы пріобрѣсти въ средѣ какого-нибудь народа, видятъ доказательство низкаго состоянія образованности въ средѣ этого народа. — Короче, европейская наука выбросила изъ своей области ученія Фурье: они составляютъ не продуктъ этой науки, а отбросъ ея. Къ области наукъ нравственно-политическихъ они относятся такъ же, какъ относятся къ области наукъ физико-математическихъ сочиненія, занимающіяся отысканіемъ perpetuum mobile, квадратуры круга, философскаго камня, и т. п., съ тою однако разницею, что ученія о perpetuum mobile, о квадратурѣ круга, о философскомъ камнѣ, не имѣютъ никакого нравственнаго характера, въ этомъ отношеніи совершенно безразличны. А ученія Фурье имѣютъ предъ ними то печальное преимущество, что, будучи отрицаніемъ самой нравственности, они дѣйствительно не могутъ имѣть другаго результата, какъ

пониженіе нравственности и въ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ средѣ цѣлаго народа. —Вотъ почему представители науки и литературы съ такимъ единодушіемъ осудили ихъ.

И достойно вниманія, что это единодушное осужденіе есть главнымъ образомъ дѣло послѣдняго времени. Въ началѣ нѣкоторые критики ученій Фурье, какъ Рейбо, Милль, Штейнъ отнеслись къ нимъ отчасти снисходительно, отчасти уклончиво. Штейнъ даже съ явнымъ одобреніемъ нѣкоторыхъ частей системы. Только сильная логика и правдивое, совсѣмъ не дипломатическое слово Прудона, земляка Фурье, сразу, еще въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, изрекли ему рѣзкое осужденіе: и, какъ показываютъ приведенныя выписки, наука признала этотъ приговоръ справедливымъ и согласно съ нимъ постановила свое окончательное рѣшеніе, подписанное всѣми учеными, занимавшимися обсужденіемъ вопроса, между которыми, какъ мы уже сказали, многіе занимаютъ весьма почетное мѣсто въ наукѣ.

Только намъ, русскому обществу, русской читающей публикѣ предлагаютъ этотъ научный отбросъ, какъ здоровую духовную пищу. — Только наши представители науки и литературы видятъ великаго человѣка, мыслителя, стоящаго высоко надъ толпою, геніальнаго соціалиста, преобразователя всей системы знаній, преемника Бакона и Декарта тамъ, гдѣ для Европы совсѣмъ нѣтъ человѣка науки, гдѣ есть только невѣжда, сумасбродъ, человѣкъ, бредящій на яву, писатель, котораго сочиненія не содержатъ въ себѣ даже слѣда научнаго духа, котораго пониманіе покрыто густымъ туманомъ. —Намъ рекомендуютъ его сочиненія, какъ новую преобразованную систему знаній, какъ новое откровеніе, которое ставятъ рядомъ съ Библіей «учительницей милліоновъ людей», въ то время какъ для Европы они ничто иное, какъ стокъ нечистотъ человѣческаго ума, собраніе доктринъ постыдныхъ и отвратительныхъ. —Намъ представляютъ эти ученія, какъ путь, которымъ человѣчество взойдетъ на высшую ступень цивилизаціи, на которой не будетъ между людьми зависти и недоброжелательства, въ то время, какъ наука Западной Европы и всего міра причисляетъ ихъ къ такимъ, которыя понижаютъ нравственный уровень какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ. —Наконецъ, у насъ вмѣняютъ ему въ заслугу то, что онъ извлекъ женщину изъ нѣдръ семьи, въ то время какъ представители дѣйствительной науки, именно въ этомъ извлеченіи женщины изъ нѣдръ семьи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ разрушеніи самой семьи и въ превращеніи матери семейства въ гетеру, видятъ

главнымъ образомъ безнравственность и отвратительность его ученій. послѣдній бредъ грязнаго разврата въ горячкѣ.

Такая разница въ отношеніи къ частному вопросу о значеніи Фурье со стороны представителей науки и литературы въ Западной Европѣ и у насъ, по нашему мнѣнію, имѣемъ глубокій общій смыслъ, въ высшей степени достойна вниманія, какъ по характеру предмета, о которомъ идетъ рѣчь, такъ и по своимъ возможнымъ послѣдствіямъ, и по причинамъ, которыми произведена она сама.

Ж.

О промышленности въ XIX вѣкѣ.

(Nouveau monde industriel. Harmonie Universelle. II, 17).

„Индустріализмъ есть самая новая изъ научныхъ химеръ; это — манія производить смѣшаннымъ образомъ безо всякой системы въ пропорціональномъ вознагражденіи, безо всякой гарантіи того, что производитель или рабочій получитъ часть въ увеличеніи богатства; потому мы видимъ, что страны промышленныя имѣютъ больше нищихъ, чѣмъ страны безразличныя къ этому роду прогресса.—Будемъ судить системы по ихъ результатамъ: Англія есть модель для всѣхъ народовъ, предметъ ихъ зависти; чтобы оцѣнить благосостояніе ея народа, я воспользуюсь свидѣтельствами неотразимыми.

„Собраніе хозяевъ-ремесленниковъ Бирмингама 21 марта 1827 г. объявляетъ, что промышленность и бережливость рабочихъ не можетъ защитить ихъ отъ бѣдности, что масса рабочихъ, употребляемыхъ въ земледѣліи, не можетъ имѣть одежды и дѣйствительно умираетъ съ голода въ той странѣ, гдѣ есть избытокъ жизненныхъ припасовъ. Это извѣстіе тѣмъ менѣе подозрительно, что оно исходитъ изъ среды хозяевъ мастерскихъ, заинтересованныхъ въ пониженіи рабочей платы, для которыхъ было-бы выгодно скрывать бѣдность рабочихъ.

„Вотъ другой свидѣтель, равнымъ образомъ заинтересованный въ томъ, чтобы скрывать слабую сторону своего народа; это экономистъ-индустріалистъ, который самъ дѣлаетъ доносъ на свою науку.

„Лондонъ, Палата Общинъ. 28 февраля 1826 года.

„Гескиссонъ, министръ торговли, говоритъ: „наши шелковыя фабрики употребляютъ тысячи дѣтей, которыя работаютъ съ 3 часовъ утра до 10 часовъ вечера“.—И сколько платятъ имъ за это въ недѣлю? Полтора шиллинга, 37 французскихъ су, то-есть 5½ су въ день за работу впродолженіе 19 часовъ, подъ надзоромъ подмастерьевъ, вооруженныхъ кнутами, которыми они бьютъ дѣтей, коль скоро они останавливаются на минуту“.

„Вотъ рабство, возстановленное на дѣлѣ: очевидно, что излишество промышленной конкурренціи ведетъ цивилизованный народъ а ту-же степень бѣдности и порабощенія, которой достигли народо-

населенія Китая и Индустана, изъ древности знаменитыя чудесами земледѣлія и мануфактуръ.

„Рядомъ съ Англіею укажемъ на Ирландію, которая посредствомъ двойныхъ излишествъ утрированнаго земледѣлія и подраздѣленія собственности дошла до той-же нищеты, до которой Англія идетъ посредствомъ двойнаго излишества въ мануфактурахъ и большихъ поземельныхъ владѣніяхъ. Этотъ контрастъ въ одномъ и томъ-же государствѣ неотразимо доказываетъ заколдованный кругъ цивилизованной промышленности.

„Дублинскіе журналы 1826 года говорятъ: „здѣсь царствуетъ между народомъ эпидемія, но когда больныхъ приводятъ въ госпиталь, они выздоравливаютъ тотчасъ, какъ имъ даютъ ѣсть“. Итакъ ихъ болѣзнь есть голодъ; ненадобно быть колдуномъ, чтобы угадать это, потому-что они вылечиваются тотчасъ, какъ получаютъ хлѣбъ. Не безпокойтесь, эта эпидемія не касается важныхъ персонъ; лордъ-губернаторъ или дублинскій архіепископъ не захворають голодомъ, а скорѣе несвареніемъ.

„И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цивилизованный народъ не умираетъ отъ голода, быстро дѣйствующаго, онъ умираетъ отъ голода медленнаго, вслѣдствіе лишеній, отъ голода спекулятивнаго, который обязываетъ его питаться веществами нездоровыми, отъ голода, заключающагося въ излишкѣ труда, въ занятіяхъ опасныхъ, въ чрезмѣрномъ утомленіи, отъ котораго происходятъ лихорадки и другія болѣзни. Это во всякомъ случаѣ есть смерть отъ голода.

„И когда онъ не страдаетъ отъ голода, то чѣмъ онъ питается? Чтобъ объ этомъ судить, нужно видѣть вблизи, чѣмъ питается французскій крестьянинъ даже въ провинціяхъ наиболѣе плодородныхъ. Восемь миліоновъ французовъ не ѣдятъ хлѣба, а питаются каштанами и подобными вещами; двадцать-пять миліоновъ французовъ не пьютъ вина. И не смотря на то, благодаря чрезмѣрному обилію, приходится бросать въ помойныя ямы цѣлые сборы винограда.

„Вотъ возвышенный полетъ промышленности къ совершенству; и несмотря на то каждый годъ появляются дюжины новыхъ теорій относительно богатства народовъ; сколько богатства въ книгахъ и сколько бѣдности въ хижинахъ!

„Этимъ иллюзіямъ противопоставимъ дѣйствительность: составляетъ-ли дѣйствительно возвышенный полетъ положеніе Лондона, который, участвуя въ ежегодной помощи бѣднымъ посредствомъ 200,000,000 фр., имѣетъ еще 117,000 бѣдныхъ, находящихся на попеченіи приходовъ, 115,000 бѣдныхъ, оставленныхъ безъ вниманія, нищихъ, воровъ, бродягъ, между которыми слѣдуетъ замѣтить 3,000 укрывателей краденыхъ вещей, изъ которыхъ одинъ нажилъ богатство въ 20,000,000, 3,000 евреевъ, спускающихъ фальшивую монету, возбуждающихъ лакеевъ обкрадывать своихъ господъ и сыновей обкрадывать своихъ отцовъ. Итакъ, 232,000 бѣдныхъ въ томъ городѣ, который считается великимъ центромъ промышленности!

„Франція идетъ туда-же: Парижъ имѣетъ 86,000 бѣдныхъ извѣстныхъ и можетъ быть столько-же неизвѣстныхъ. Французскіе рабочіе столь несчастны, что въ промышленныхъ провинціяхъ, напримѣръ, въ Пикардіи между Амьеномъ, Камбре и Сенъ-Кантеномъ крестьяне

въ своихъ землянкахъ не имѣютъ постелей: они дѣлаютъ для себя нѣкоторое подобіе постели изъ сухихъ листьевъ, которые впродолженіе зимы превращаются въ навозъ, наполненный червями, такъ что при пробужденіи отцы и дѣти вытаскиваютъ другъ у друга изъ тѣла червей. Пища въ этихъ хижинахъ соотвѣтсвуетъ изяществу мебели. Такова счастливая участь прекрасной Франціи. Можно указать цѣлую дюжину провинцій, гдѣ бѣдность находится на такой-же степени, напримѣръ, Бретань, Лимузенъ, Верхняя Овернь, Севенны, Альпы, Жюра, Сенъ-Этьенъ и даже прекрасная Турень, называемая садомъ Франціи.

„На эти указанія индустріалисты отвѣчаютъ, что нужно распространить образованіе, народное обученіе; да къ чему-же послужитъ оно несчастнымъ, которые не имѣютъ куска хлѣба? Оно только возбудитъ ихъ къ мятежу. Это униженіе человѣчества, наконецъ, пораждаетъ атеизмъ, который возрастаетъ пропорціонально прогрессу цивилизованной промышленности".

3.

Злоупотребленія торговли.

(Harm. Un. II, 80).

„Торговля, повидимому служа промышленности, только грабитъ ее во всѣхъ отношеніяхъ.

1. „Банкротство грабитъ общественное достояніе въ пользу купцовъ, которые сами отъ него никогда не страдаютъ, потому что если негоціантъ благоразуменъ, то онъ вычислилъ свой рискъ банкротства и установилъ свой барышъ въ такой мѣрѣ, которая защищаетъ его отъ риска; если онъ неблагоразуменъ или плутъ, то онъ не замедлитъ самъ сдѣлать банкротство и черезъ него вознаградить себя за то, что у него взяли двадцать другихъ банкротствъ. Откуда слѣдуетъ, что вредъ, причиняемый банкротствомъ, тяготѣетъ надъ общественнымъ организмомъ, а не надъ негоціантомъ.

2. „Удержаніе произведеній грабитъ общественный организмъ, потому-что вздорожаніе удержанныхъ произведеній окончательно уплачивается потребителями, а первоначально фабрикантами, которые, будучи обязаны поддерживать мастерскую, приносятъ денежныя жертвы, производятъ съ небольшимъ барышомъ, въ надеждѣ на лучшую будущность поддерживаютъ заведенія, на которыхъ основывается ихъ существованіе и только въ послѣдствіи успѣваютъ возвысить цѣну своихъ произведеній, за что раньше этого они уже заплатили удержателю произведеній (Accapareur).

3. „Ажіотажъ грабитъ общественный организмъ, отвлекая отъ него капиталы, чтобы направить ихъ на биржевую игру, которая доставляетъ огромные барыши наиболѣе искуснымъ игрокамъ. Вслѣдствіе этого замледѣліе и фабрики получаютъ капиталы, необходимые для эксплуатаціи, за большую плату, и полезныя предпріятія, даю-

ція барышъ медленный и тяжелый, пренебрегаются для биржевой игры, которая поглощаетъ большую часть денегъ.

4. „Паразитизмъ или излишество агентовъ грабитъ общественный организмъ двумя способами: или отнимая у него множество рукъ, которыя онъ употребляетъ на трудъ непроизводительный, или посредствомъ безнравственности и безпорядковъ, которые порождаются ожесточенною борьбою между безчисленными купцами, которыхъ вѣроломство иногда причиняетъ затрудненія, равныя съ запрещеніемъ".

Мы привели здѣсь только заключеніе довольно пространныхъ разсужденій Фурье объ этомъ предметѣ. Разсужденія эти относятся къ той сторонѣ жизни, которую Фурье всего лучше зналъ; и они по истинѣ отличаются правильностью взгляда и силою доказательствъ, въ особенности касательно ажіотажа и паразитизма. Трудно исчислить сумму непроизводительныхъ затратъ капиталовъ, которыя требуются тѣмъ и другимъ, равно какъ всѣ невыгоды, проистекающія отсюда какъ для производителей, такъ и для потребителей. Фурье конечно видитъ единственное средство противъ этихъ золъ въ организаціи фаланстера; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что и безъ фаланстера всѣ эти виды зла могутъ не только ослабѣть, но и совсѣмъ исчезнуть.

II.

Паразитизмъ въ цивилизаціи.

„Какъ велико въ настоящее время число людей трудящихся дѣйствительно и положительно? Оно не простирается выше третьей части народонаселенія.—Въ параллели трудовъ цивилизаціи и гармоніи можно видѣть, что двѣ трети нашего народонаселенія состоятъ изъ людей ничего недѣлающихъ или занимающихся дѣлами отрицательными. Вотъ таблица непроизводительныхъ лицъ въ цивилизаціи:

I. Домашніе паразиты:

1. „Три четверти женщинъ городскихъ и половина женщинъ деревенскихъ по причинѣ того, что онѣ заняты трудами по хозяйству и домашними хлопотами. Потому ихъ день въ экономизмѣ цѣнится въ 5-ть разъ (?) дешевле, чѣмъ день мужчины.

2. „Три четверти дѣтей вполнѣ безполезныхъ въ городахъ и мало полезныхъ въ деревняхъ, по причинѣ своей неумѣлости и испорченности.

3. „Три четверти хозяйственной прислуги, которой труды суть ничто иное, какъ результатъ спутанности, особенно въ кухнѣ, и половина прислуги, занятой въ конюшняхъ, и прислуги, имѣющей въ виду удовлетвореніе роскоши; сюда-же относятся и всѣ труды, имѣющіе эту цѣль; будучи необходимы только благодаря промышленной

раздробленности, они дѣлаются излишними въ ассоціаціи. Эти три класса составляютъ особое отдѣленіе въ серіи паразитовъ. Они перестанутъ существовать въ ассоціаціи, гдѣ разумное распредѣленіе и цѣлесообразное употребленіе услугъ уменьшатъ на $^3/_4$ или на $^4/_5$ число рукъ, употребляемыхъ теперь громаднымъ смѣшеньемъ раздробленныхъ хозяйствъ и несоединенныхъ семействъ.

II. Социальные паразиты:

4. „Сухопутныя и морскія арміи, которыя отвлекаютъ отъ труда наиболѣе сильное юношество и поглощаютъ большую часть налоговъ, располагаютъ юношество къ порчѣ, принуждая его посвящать паразитной должности тѣ годы, которые оно должно-бы употреблять на трудъ, отъ котораго оно отвыкаетъ въ военномъ званіи. Безполезное соединеніе людей и машинъ, называемое арміею, употребляется на то, чтобы ничего не производить въ ожиданіи того времени, когда его употребятъ на разрушеніе. Это другое назначеніе будетъ выяснено дальше. Здѣсь мы разсматриваемъ армію только въ отношеніи ничего недѣланія.

5. „Легіоны, употребляемые при сборѣ налоговъ. Однѣ таможни требуютъ во Франціи 24,000 человѣкъ; прибавимъ сюда соединенные налоги (Les droits-réunis), т. е. агентовъ, употребляемыхъ правительствомъ для полученія этого налога, и другія арміи приставовъ, полевыхъ стражей, охранителей охоты, шпіоновъ и проч., наконецъ, всѣ сложныя администраціи, напр. администрацію финансовъ и другія, которыя будутъ безполезны при томъ порядкѣ, когда всякая фаланга будетъ платить всѣ налоги въ опредѣленный день по простому извѣщенію министра.

6. „Добрая половина фабрикантовъ, почитаемыхъ полезными, которые непроизводительны относительнымъ образомъ, по причинѣ дурнаго качества приготовляемыхъ предметовъ. Эти предметы, предполагая всеобщее совершенство (т. е. въ гармоніи), могли-бы уменьшить потерю и удешевить фабрикацію на половину сравнительно съ нынѣшнимъ состояніемъ дѣлъ и часто на три-четверти, именно въ трудахъ предпринимаемыхъ для правительства, которое всѣ единогласно обманываютъ.

7. „$^9/_{10}$ купцовъ и коммерческихъ агентовъ, потому что истинная торговля въ ассоціаціи исполняетъ этотъ родъ дѣятельности, съ помощію $^1/_{10}$ агентовъ, употребляемыхъ при нынѣшней путаницѣ.

8. „Двѣ трети агентовъ транспорта сухопутнаго и морскаго, которые неправильно помѣщаются въ торговомъ классѣ и которые къ недостаткамъ запутаннаго транспорта присоединяютъ недостатки транспорта рискованнаго, гдѣ ихъ неискусство и неблагоразуміе удесятеряютъ кораблекрушенія. Помѣстимъ сюда-же категорію контрабанды, которая часто приводитъ къ тому, что увеличиваетъ въ десять разъ сумму движеній и агентовъ, требуемыхъ правильнымъ транспортомъ. Бывали примѣры, что матеріи, посылаемыя изъ Дувра въ Кале, направлялись на Гамбургъ, Франкфуртъ, Базель и Парижъ;

дѣлая такимъ образомъ 500 льё, вмѣсто 7-ми, и все это для равновѣсія торговли и для усовершимости".

III. Паразиты прибавочные:

9. „Гулящіе по закону, по случаю и секретно, ничего недѣлающіе или по недостатку работы или для отдохновенія. Конечно они отказались-бы отъ этого отдохновенія при трудѣ привлекательномъ; теперь они напротивъ удвоиваютъ законныя уступки, празднуя святой понедѣльникъ, самый убыточный изо всѣхъ святыхъ, потому что въ фабричныхъ городахъ онъ празднуется 52 дня въ году. Прибавимъ сюда праздники корпорацій, революцій, карнавалъ, именины, бракъ и столько другихъ, которые безъ сомнѣнія не будутъ праздноваться въ томъ порядкѣ, гдѣ промышленныя собранія будутъ пріятнѣе, чѣмъ праздники и балы цивилизованныхъ. Въ остановкѣ работъ нужно считать всякое случайное промедленіе. Если хозяинъ удаляется, то рабочіе перестаютъ работать; если проходитъ мимо человѣкъ или кошка, они всѣ приходятъ въ движеніе; старшіе и младшіе опираются на лопаты и смотрятъ для развлечнія: 40 или 50 разъ въ день такимъ образомъ они теряютъ по 5 минутъ. Ихъ недѣля въ сущности сводится только къ 4 полнымъ днямъ. Сколько потеряннаго времени безъ промышленнаго влеченія!

10. „Софисты и прежде всего контроверсисты (легисты), тѣ, которые ихъ читаютъ и по ихъ возбужденію вмѣшиваются въ дѣла партій, въ непроизводительныя интриги. Къ спорамъ, занимающимъ отдѣльныхъ людей, нужно прибавить смуты политическія и бездѣятельность промышленную, которая отъ нихъ происходитъ.

„Таблица спорщиковъ и софистовъ простирается гораздо дальше, нежели обыкновенно думаютъ; предположимъ, что порядокъ ассоціаціи будетъ порождать только $^{1}/_{20}$ часть нынѣшнихъ тяжебъ и что для ихъ окончанія онъ представляетъ средства столь-же простыя, какъ нынѣшнія средства запутаны. Отсюда слѣдуетъ, что $^{19}/_{20}$ между нашими адвокатами суть паразиты, равнымъ образомъ тотъ-же характеръ имѣютъ свидѣтели, путешествія и т. п. Сколько другихъ паразитовъ софистовъ, начиная съ экономистовъ, которые сами-же вооружаются противъ паразитовъ, не смотря на то, что носятъ ихъ знамя!

11. „Праздные, такъ называемые comme il faut, проводящіе свою жизнь въ ничего-недѣланіи. Присоединимъ сюда ихъ слугъ и весь классъ, который для нихъ трудится, потому что непроизводителенъ тотъ, кто служитъ непроизводительнымъ, подобно ходатаямъ по дѣламъ, которыхъ число въ одномъ Парижѣ доходитъ до 60,000. Присоединимъ сюда всѣхъ участвующихъ въ выборахъ.

„Заключенные въ тюрьмахъ составляютъ также классъ праздный по принужденію, равно какъ и больные. У природныхъ гармоній-цевъ не будетъ и $^{1}/_{10}$ части больныхъ, сравнительно съ числомъ ихъ въ цивилизаціи. Хотя болѣзнь есть зло неизбѣжное, но оно способно къ великому сокращенію. Изъ 10-ти больныхъ, 9 заболѣваютъ, благодаря невыгоднымъ условіямъ труда въ цивилизованномъ порядкѣ:

эти девять въ порядкѣ гармоническомъ будутъ здоровы, не во гнѣвъ будь сказано докторамъ.

12. „Отщепенцы, люди находящіеся въ открытомъ возмущеніи противъ промышленности, законовъ, нравовъ и обычаевъ. Таковы лотереи и игорные дома, истинная язва общественная, разные рыцари промышленности, падшія женщины, нищіе, воры, разбойники и другіе отщепенцы, которыхъ число совсѣмъ не уменьшается и которые требуютъ содержанія жандармовъ и чиновниковъ, равнымъ образомъ непроизводительныхъ“.

КЛАССЫ СТЕРЖНЕВЫЕ:

„Y. Агенты положительнаго разрушенія, тѣ, которые производятъ голодъ и чуму или содѣйствуютъ войнѣ. Цивилизованный порядокъ оказываетъ свое высокое покровительства агентамъ голода и чумы; онъ обожаетъ ажіотеровъ и турокъ; онъ поощряетъ всякое изобрѣтеніе, которое можетъ сдѣлать войну болѣе истребительною, напримѣръ, конгревовы ракеты, пушки Ламберти и т. п.

Примѣчаніе. Военные въ этой таблицѣ поставлены два раза: здѣсь какъ агенты войны, производящіе разрушеніе, а въ № 4 какъ люди, осужденные на бездѣятельность, на непроизводительную роль. Различные роли и двойной характеръ военныхъ требуетъ помѣщенія ихъ въ двухъ мѣстахъ.

χ. Агенты производства отрицательнаго. Я уже доказалъ, что они чрезвычайно многочисленны, что большая часть построекъ такихъ, какъ стѣны, служащія оградою, говоря относительно, непроизводительны; другія ничто иное, какъ труды воображаемые, по причинѣ непониманія дѣла и неискусства, напримѣръ, зданія, которыя разваливаются, мосты и дороги, построенные не на мѣстѣ. Нѣкоторые составляютъ непрямое опустошеніе,—напримѣръ, сто рабочихъ дѣлаютъ повидимому полезное дѣло, вырубая лѣсъ, но въ самомъ дѣлѣ они приготовляютъ опустошеніе своей страны и вредятъ ей больше, чѣмъ война, которой язвы залечиваются. Другіе оказываются бичами по своимъ слѣдствіямъ, напримѣръ, изобрѣтеніе новой моды, которое осуждаетъ на нищету 20,000 рабочихъ и притомъ такъ, что бездѣятельность ихъ служитъ источникомъ безпорядковъ“ (V, 229)..

Ученіе Фурье о паразитахъ въ цивилизаціи болѣе, нежели какое-нибудь другое изъ его ученій, выработано имъ подъ вліяніемъ мечты о фаланстерѣ. Несомнѣнно, что во всѣхъ непроизводительныхъ классахъ, исчисленныхъ имъ, найдется не мало лицъ дѣйствительно непроизводительныхъ. Нѣкоторые классы могутъ быть названы вполнѣ непроизводительными, если стать на точку зрѣнія идеальнаго состоянія общества. Но такъ какъ человѣческое общество идеальнаго состоянія не достигло и никогда недостигнетъ, то сумму непроизводительныхъ лицъ придется значительно уменьшить. Другая причина для уменьшенія ея состоитъ въ томъ, что идеи, лежащія въ основаніи фаланстера, кромѣ фурьеристовъ, не обязательны ни для кого;

потому все остальное человѣчество въ своихъ соображеніяхъ и вычисленіяхъ пока имѣетъ право обходится безъ нихъ, и не причислять къ числу непроизводительныхъ лицъ, напр., женщинъ, занятыхъ трудами по хозяйству и домашними хлопотами и т. п.

I.

О свободѣ въ цивилизованныхъ государствахъ.

„Послѣ здоровья и имущества, ничто такъ не драгоцѣнно для человѣка, какъ свобода, которую нужно раздѣлять на свободу тѣлесную и общественную. Эта вторая свобода не есть та, которую желаютъ дать намъ софисты.

„По своему обыкновенію наблюдать всю природу въ системѣ простой, они внесли свою манію сэмплизма и въ этотъ вопросъ и не могли различить свободу простую отъ свободы сложной и пересложной. Въ продолженіе 1,000 лѣтъ, они пренебрегали самымъ первымъ видомъ свободы--свободою матеріальною или тѣлесною: только христіанская религія своимъ могучимъ вліяніемъ освободила рабовъ; но раньше христіанства древніе философы осуждали родъ человѣческій на состояніе рабочаго скота.—И если-бы касательно освобожденія рабовъ спросить оракуловъ мудрости Платона и Аристотеля: они отвѣчали-бы этимъ великимъ словомъ „невозможность“, которое Франція отъ нихъ наслѣдовала.

„Итакъ, вотъ философія, обвиненная въ невѣжествѣ даже касательно того, что касается свободы тѣлесной или матеріальной и самыхъ способовъ освобожденія быстраго или постепеннаго.—Показала-ли она больше искусства относительно свободы соціальной? Этотъ вопросъ насъ ведетъ къ различенію трехъ родовъ свободы, распадающихся на виды. Чтобы не утомлять читателя дидактическими мелочами, я буду говорить по мѣрѣ того, какъ они будутъ оказываться при изложеніи. Сначала ограничимся тремя родами.

1. „Свобода простая или тѣлесная безъ свободы соціальной. Это участь бѣдняка, который имѣетъ ограниченный доходъ, только крайне необходимое, солдатскій раціонъ. Онъ пользуется свободою тѣлесною активною, потому что онъ не принужденъ работать подобно человѣку, лишенному всякаго дохода. Но онъ не можетъ имѣть никакихъ удовольствій. Фебонъ вполнѣ свободенъ, чтобы идти въ оперу, но для этого нужно имѣть экю, а Фебонъ его не имѣетъ: онъ едва можетъ кое-какъ прокормиться и одѣться. Онъ вполнѣ свободенъ и можетъ стремиться къ званію депутата. Но для этого нужно имѣть хорошіе доходы, а онъ очень далекъ отъ этого. Ему остается только гордость свободнаго человѣка и дымъ, который несется къ нему отъ соціальной свободы; и такъ онъ остается у дверей试 опернаго фойе и у дверей избирательнаго корпуса. Онъ есть пассивный членъ общества, его страсти не имѣютъ въ обществѣ дѣйствія, его мнѣнія презираются.

„Впрочемъ, онъ гораздо болѣе свободенъ, нежели рабочій, при

нужденный трудиться подъ страхомъ голодной смерти. имѣющій въ недѣлю только одинъ день тѣлесной свободы активной, именно воскресенье. Во всѣ другіе дни онъ пользуется тѣлесною свободой пассивной; мастерская составляетъ для него рабство по соглашенію,—непрямое, которое тѣмъ не менѣе стѣсняетъ его тѣлесно, если сравнивать его съ праздностью и благосостояніемъ воскресенья. Подобнымъ образомъ мы раздѣлимъ и соціальную свободу на активную и пассивную. Замѣтимъ только, что она совсѣмъ не существуетъ для двухъ классовъ людей, приведенныхъ выше.

2. „Свобода сложная, расходящаяся. Она заключаетъ въ себѣ: тѣлесную свободу активную и соціальную свободу активную, полное дѣйствіе страстей: такова свобода дикихъ. они пользуются обоими этими видами свободы. Дикарь разсуждаетъ о войнѣ и мирѣ какъ у насъ любой министръ съ портфелемъ.—Онъ имѣетъ полное дѣйствіе душевныхъ страстей, по крайней мѣрѣ столько, сколько онѣ найдутъ себѣ пищи въ его ордѣ. Онъ отличается беззаботностью, благомъ неизвѣстнымъ въ цивилизаціи. Правда, онъ долженъ преслѣдовать дикихъ животныхъ и ловить рыбу для своего пропитанія, но этотъ привлекательный трудъ ничѣмъ не оскорбляетъ его тѣлесную свободу, свободу активную. Трудъ, который нравится, не есть рабство. Такимъ рабствомъ была-бы для него соха; а охота для него забава, какъ продажа для купца. Думаете-ли вы, что купецъ чувствуетъ тѣлесное стѣсненіе, когда онъ въ продолженіе утра развернулъ сто кусковъ матеріи, продалъ нѣсколько штановъ и нѣсколько разъ обманулъ? Это утомленіе составляетъ удовольствіе, пріятный трудъ, тѣлесную свободу; и вотъ вамъ доказательство: нашъ купецъ очень довольный сегодня, завтра будетъ мраченъ и сердитъ, если покупатели не будутъ заходить и ему нельзя будетъ ни лгать, ни продавать.

„Мы видѣли, что свобода дикаря есть свобода сложная. потому что она есть свобода тѣлесная активная и свобода соціальная активная. Но эти двѣ дѣятельности находятся въ расходящемся отношеніи съ трудомъ производительнымъ. Чтобы возвысить дикаря до свободы активной сходящейся, нужно предоставить ему производительный трудъ привлекательный, тотъ, который совершается страстными серіями: тогда онъ перейдетъ къ свободѣ третьей степени“. (I. 97).

К.

Промышленныя арміи въ ассоціаціи.

IV. 559. «Промышленныя арміи осуществятся при самомъ началѣ гармоническаго порядка, потому что юношество. воспитанное въ цивилизаціи, имѣетъ большую склонность къ военнымъ собраніямъ и, не будучи приготовлено къ гармоническому земледѣлію. оно будетъ интересоваться имъ менѣе, чѣмъ поколѣнія, привыкшія къ нему съ дѣтства: но тѣмъ съ большою охотою оно будетъ искать великихъ и блестящихъ собраній.

«1. Компанія будетъ состоять сколько въ трудахъ, столько и въ

удовольствіяхъ. Тамъ будутъ важныя занятія, но въ перемежку съ громадными праздниками, содѣйствующими успѣху промышленности.—Если нужно привлечь къ гармоническому порядку всѣхъ молодыхъ людей, всѣхъ сибаритовъ и въ особенности женщинъ, достаточно только описать эти занятія и эти праздники.

«2. Тамъ не придется страдать отъ дѣйствія климата, потому что всякое отдѣленіе во время работы будетъ защищено хорошими палатками, будетъ помѣщено въ отдѣльныхъ лагеряхъ сосѣднихъ фалангъ и, въ случаѣ отдаленности, отправится утромъ на мѣсто труда и возвратится вечеромъ въ каретахъ.

«3. Повышеніе заслугамъ тамъ обезпечено посредствомъ опредѣленныхъ методъ; напримѣръ украшеніе за дѣйствительную службу распредѣляется такъ же правильно, какъ шевроны въ полкахъ, и обозначается крестами въ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 вѣтвей, смотря по числу компаніи. 12-я компанія уже сама собою производитъ гармонійца въ чинъ паладина, женщину въ чинъ паладинки; это повышеніе за дѣла и по праву, а не по причинѣ благосклонности. И въ гармоніи все дѣлается такимъ образомъ, тамъ благосклонность не имѣетъ никакого значенія.

«Эта гарантія справедливости будетъ однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ къ привлеченію людей въ промышленныя арміи; и даже въ такой приманкѣ есть надобность, потому что гармоническій порядокъ будетъ имѣть нужду въ арміяхъ гораздо болѣе многочисленныхъ, чѣмъ наши. Я полагаю, что для превращенія Сахары въ плодородную страну нужно будетъ содержать массу въ 4 милліона человѣкъ въ продолженіи 40 лѣтъ, съ 6-ти мѣсячнымъ или 8 мѣсячнымъ трудомъ ежегодно. Эта армія займется постепеннымъ насажденіемъ деревьевъ для того, чтобы возстановить источники, оросить и укрѣпить пески и постепенно улучшить климатъ.

«Размышляя объ этихъ громадныхъ трудахъ, приходимъ къ тому мнѣнію, что варварство и цивилизація есть ничто иное, какъ непониманіе судьбы и что человѣкъ созданъ для единства соціальнаго, въ которомъ произойдутъ такія чудеса. Наши утописты даже не могли мечтать о томъ, чтобы соединить 500 тысячъ человѣкъ и заставить ихъ строить, а не разрушать. И послѣ всего издержки для арміи производительной будутъ гораздо менѣе значительны; кромѣ сбереженія людей, лишаемыхъ жизни, городовъ сожигаемыхъ, полей опустошаемыхъ, будетъ сбереженіе въ издержкахъ вооруженія и кромѣ того польза отъ трудовъ.

«Одно это соображеніе, нетребующее глубокихъ вычисленій, должно возбудить подозрѣнія касательно цивилизаціи и касательно двойственности соціальныхъ судебъ: И это былъ бы лучшій отвѣтъ нашимъ пѣвцамъ усовершимости разума. У нихъ слѣдовало бы спросить, не лучше ли соединить 500 тысячъ человѣкъ для построенія, чѣмъ для разрушенія? И кто отвѣтитъ утвердительно, тотъ этимъ самымъ согласится, что нужно искать исхода изъ цивилизаціи, которая соединяетъ людей только для опустошенія и кровопролитія.

«Величіе гармоніи состоитъ сколько въ громадности трудовъ, столько и въ быстротѣ исполненія, которой никогда нельзя добиться отъ массы рабовъ или рабочихъ, получающихъ плату, потому что и

тѣ и другіе стараются отдѣлаться отъ труда. Гармонійцы, для которыхъ трудъ превращенъ въ праздникъ, въ предметъ самолюбія, обнаруживаютъ тѣмъ большую дѣятельность, что значительное число атлетовъ облегчаетъ его успѣхъ. Допустимъ, что какой-нибудь трудъ, напримѣръ насыпаніе земли на горѣ и разведеніе тамъ деревьевъ, можетъ сдѣлаться дѣломъ удовольствія для арміи въ 20 тысячъ человѣкъ, которая окружаетъ гору; ихъ усердіе будетъ удвоено тѣмъ, что всякій вечеръ, возвращаясь съ работы, они будутъ получать поздравленіе отъ фалангъ, находящихся въ полѣ, для которыхъ разведеніе деревьевъ на горѣ представляетъ выгоды и заставляетъ ихъ давать праздники легіонамъ трехъ половъ; потому что во всякой промышленной арміи будетъ половина мужчинъ, $^{2}/_{6}$ женщинъ и $^{1}/_{6}$ дѣтей».

Л.

Война мажорная или гастрософическая.

V. 352. «Наиболѣе изящные вкусы относятся къ хорошему кушанью и любви. Эти удовольствія, наиболѣе общія между людьми, суть главныя пружины, которыми пользуется гармонія, чтобы интриговать свои арміи посредствомъ серіи безконечно малой. Отсюда происходятъ въ арміи три соперничества или три войны: во-первыхъ пивотальная (X) или война интригъ промышленныхъ, во-вторыхъ мажорная (Y) или война интригъ гастрософическихъ, въ третьихъ минорная (⩤) или война интригъ любовныхъ.

«Я не буду говорить о войнѣ интригъ любовныхъ; это было бы несогласно съ нашими нравами; достаточно одной картины гастрософическаго порядка, чтобы дать понятіе объ интригахъ гармоническихъ армій. (Ловушка зоиламъ, о чемъ я ихъ и предупреждаю).

«Предположимъ большую армію 13-й степени, состоящую изъ разныхъ дивизій, собранныхъ изъ третьей части земнаго шара, изъ 60-ти имперій, доставившихъ по 10 тысячъ человѣкъ мужчинъ или женщинъ. Эти 60-ть дивизій или армій собрались на Евфратѣ, и ихъ главная квартира въ Вавилонѣ.

«Эта великая армія выбрала два тезиса для компаніи, изъ которыхъ одинъ относится къ искусству инженерному. Она должна инкассировать 120 лье теченія Евфрата, какимъ бы то ни было способомъ.

«Названная армія, находясь въ порядкѣ мажорномъ, имѣетъ кромѣ того тезисъ гастрософическій; онъ состоитъ въ опредѣленіи серіи маленькихъ пирожковъ въ гигіенической ортодоксіи третьяго могущества на 32 сорта пирожковъ, приспособленныхъ къ темпераментамъ третьяго могущества.

«60 имперій, желающія состязаться, доставили свои матеріалы, муку и другія принадлежности, равно какъ различные сорты винъ, соотвѣтственные извѣстнымъ видамъ пирожковъ. Хотя земной шаръ платитъ издержки, однако всякая имперія добровольно доставляетъ провизію для тезиса битвы.

«Каждая имперія выбрала гастрософовъ и пирожниковъ наиболѣе способныхъ поддерживать національную честь и доставить перевѣсъ своимъ пирожкамъ, которые она желаетъ включить въ ортодоксическую серію третьяго могущества.

«Еще раньше прибытія 60-ти армій каждая изъ нихъ послала впередъ своихъ инженеровъ для постройки боевыхъ кухонь. Боевыя кухни не заботятся о ежедневномъ продовольствіи армій; всякая армія получаетъ продовольствіе въ караванъ-сараяхъ тѣхъ фалангъ, въ которыхъ она останавливается лагеремъ.

«Оракулы или судьи, имѣющіе засѣданіе въ Вавилонѣ, собираются со всѣхъ имперій земнаго шара, а не съ однѣхъ только 60 имперій, участвующихъ въ конкурсѣ.

«И такъ армія изъ 600 тысячъ бойцовъ, представляющая 200 системъ пирожковъ, занимаетъ позицію на Евфратѣ, образуя линію въ 120 льё выше и ниже Вавилона.

«Передъ началомъ кампаніи 60 армій выбираютъ 60 когортъ отборныхъ пирожниковъ и посылаютъ ихъ въ Вавилонъ для занятій въ верховной боевой кухнѣ при великомъ гастрософическомъ синедріонѣ. Это верховный судъ составляетъ вселенскій соборъ касательно этого дѣла.

«Въ то же время отдѣляютъ отъ 60 армій 120 батальоновъ линейныхъ пирожниковъ, которые повзводно распредѣляются по арміямъ, такъ что каждая изъ нихъ имѣетъ 59 взводовъ изъ другихъ армій, приготовляющихъ пирожки сообразно инструкціямъ начальниковъ тезиса своей имперіи.

«Каждая изъ 60-ти армій помѣщается въ центрѣ или крыльяхъ, смотря по своимъ претензіямъ.

Правое крыло на пирожки фаршированные	20.	60
Центръ на пирожки подъ соусомъ	25.	
Лѣвое крыло на пирожки съ гарниромъ	15.	

«Дѣло начинается приготовленіемъ пирожковъ въ одномъ изъ трехъ корпусовъ, напримѣръ на лѣвомъ крылѣ: пирожники подвергаются обсужденію въ Вавилонѣ со стороны великаго синедріона или конгресса оракуловъ и оракулессъ. Въ одинъ день нельзя представлять больше двухъ или трехъ системъ. Въ противномъ случаѣ, испытаніе было бы невѣрно.

«Всякій день въ 60-ти арміяхъ боевыя кухни приготовляютъ тѣ самые виды пирожковъ, которые представляются въ синедріонъ, для того, чтобы арміи имѣли свѣжую память о пирожкахъ и такъ сказать остатокъ вкуса въ то время, какъ появится бюллетень изъ Вавилона, содержащій въ себѣ мнѣніе синедріона относительно пирожковъ.

«Въ концѣ недѣли, употребленной на испытаніе системъ лѣваго крыла, синедріонъ объявляетъ предварительное мнѣніе и вавилонскій бюллютень извѣщаетъ 60 арміи и цѣлый міръ, что три имперіи Французская, Японская и Калифорнская получили перевѣсъ, что такія и такія системы пирожковъ, представленныя ими, временно допускаются на лѣвомъ крылѣ въ качествѣ серіи ортодоксической, признаются соотвѣтствующими требованіямъ темперамента.

«До сихъ поръ борьба есть только конкурсъ, но не битва, ко-

торая не можетъ начаться раньше допущенія цѣлой серіи. Нужно по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, чтобы синедріонъ могъ составить временный кадръ ортодоксическихъ системъ, распредѣленныхъ по 3, по 5 и по 4 между центромъ и крыльями, и кромѣ того одинъ стержень.

«Но это еще только прелиминарій битвы, въ вродолженіи котораго всякая армія имѣетъ другія интриги весьма дѣятельныя, но главная интрига должна занимать всю армію отъ 5 до 6 мѣсяцевъ.

«Когда въ концѣ мѣсяца сформированъ кадръ и оповѣщенъ всему міру, битва начинается по всей линіи и притомъ въ тройной борьбѣ; потому что каждая изъ имперій потерпѣвшихъ неудачу на конкурсѣ сохраняетъ еще шансы:

«Сбить съ позиціи одного изъ допущенныхъ или даже правое крыло и центръ, производя новыя системы пирожковъ, еще не бывшихъ на конкурсѣ;

«Быть допущенною въ контръ-октаву, кагда нужно будетъ сформировать полную гамму въ 12 видовъ мажорныхъ и въ 12 минорныхъ:

«Занять мѣсто въ 4-хъ переходахъ, въ 4-хъ подъ-стержняхъ и великихъ стержняхъ еще недопущенныхъ,

«Эти три шанса даютъ поводъ къ союзамъ и къ путешествіямъ дипломатовъ между 60-ю арміями. Всякій день заключаются новые союзы между различными имперіями, которыя находятъ удобнымъ соединить свои сорты пирожковъ и винъ или другихъ напитковъ, чтобы составить центръ или крыло и дать битву системамъ уже допущеннымъ.

«Множество этихъ претензій заставляетъ образовать три второстепенные суда для испытаній и представленій. При этихъ судахъ, расположенныхъ въ трехъ главныхъ дивизіяхъ на разстояніи 30 лье другъ отъ друга, находится по 60 взводовъ избранныхъ пирожниковъ. Ихъ рѣшеніе имѣютъ только временное значеніе и нуждаются въ утвержденіи синедріона. Съ этихъ поръ битва дѣлается всеобщею и тѣмъ болѣе нерѣшительною, что всякое допущеніе или отказъ производитъ новые планы, вызываютъ новые картели посылаемые изъ одной имперіи въ другую, и требуетъ новыхъ негоціацій между побѣдителями, которые должны опасаться новыхъ атакъ до тѣхъ поръ, пока ортодоксическая серія не будетъ опредѣлена окончательно.

«Между тѣмъ боевыя кухни производятъ чудеса таланта, путешественники сходятся со всѣхъ сторонъ, чтобы быть свидѣтелями этихъ ученыхъ битвъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе спора между столькими имперіями; вавилонскіе бюллетени съ жадностью читаются во всемъ мірѣ, и въ особенности въ тѣхъ имперіяхъ, которыя принимаютъ участіе въ битвѣ.

«Глупости, скажутъ мнѣ, вы обѣщаете трактатъ объ ассоціаціи и разсказываете дѣтскія сказки!!! Подождите до объясненія, которое будетъ слѣдовать за этимъ, и что кажется вамъ глупостью окажется вполнѣ методическимъ рѣшеніемъ проблемы равновѣсія въ безконечно маломъ, необходимомъ противовѣсѣ безконечно большаго: но окончимъ.

«Въ концѣ кампаніи арміи въ продолженіи нѣкотораго времени

собираются сначала дивизіями, потомъ по три дивизіи, потомъ всею массою, чтобы устроить унитарные праздники въ городахъ, служащихъ главными квартирами, отдать публичныя почести отдѣльнымъ побѣдителямъ, то есть производителямъ пирожковъ, одобренныхъ гастрософическимъ синедріономъ.

«Въ день тріумфа, побѣдители удостоиваются салюта отъ арміи. Напримѣръ, Апицій есть стержневой побѣдитель; къ началу обѣда приготавляютъ его пирожки и въ одну минуту 600,000 атлетовъ вооружаются 300,000 бутылокъ шипучаго вина, которыхъ пробки на половину вынуты и готовы вылетѣть вонъ, но удерживаются пальцами. Командующіе смотрять на телеграфную башню Вавилона, и въ тотъ моментъ, какъ телеграфъ даетъ сигналъ огня, 300.000 пробокъ летятъ вверхъ; ихъ залпы, сопровождаемые криками „да здравствуетъ Апицій“ раздаются далеко въ пещерахъ Евфратскихъ горъ.

«Въ тотъ же моментъ Апицій получаетъ отъ предсѣдателя синедріона золотую медаль съ надписью: «Апицію тріумфатору въ вавилонской битвѣ пирожковъ. Дано 60-ю имперіями». Ихъ имя выгравировано на другой сторонѣ медали.

«Гастрономическіе пигмеи нашихъ дней, осмѣлитесь ли вы сравнить ваши безвѣстные трофеи съ трофеями гастрософа гармоніи, котораго тріумфы въ одномъ только блюдѣ съ такимъ блескомъ отдаются въ цѣломъ мірѣ? Въ вашей наукѣ все произвольно; Бовилье, Аршамбо—это ничто иное, какъ слѣпые путеводители, дѣйствующіе безъ разбора темпераментовъ, безъ признанія компетентныхъ властей. Ихъ пальмы служатъ болѣе предметомъ для насмѣшки, чѣмъ стезею славы; пальмы Апиція соединяютъ интересъ и славу, потому что онѣ приведутъ его къ высокимъ достоинствамъ, къ различнымъ степенямъ властей и скипетровъ.

«Я привелъ всѣ эти подробности для того, чтобы доказать (?) тотъ принципъ, что гармоническія арміи всѣхъ степеней имѣютъ праздники столь блестящіе и интриги столь дѣятельныя и столь многочисленныя, что допущеніе въ армію есть милость и получается только по заслугамъ.» (V, 352).

M.

Гармоническое воспитаніе животныхъ.

«Если есть ошибка, которую можно простить, то это та, что въ продолженіи 3,000 лѣтъ не знали, что наши домашнія животныя созданы для мѣрной гармоніи и не могутъ процвѣтать безъ ея посредства. Если не могли открыть этого послѣдствія у людей, гдѣ столько признаковъ его, нужно ли удивляться, что подобная ошибка сдѣлана относительно животныхъ, представляющихъ немного признаковъ своей способности къ гармоніи.

«Въ ассоціаціи всякое домашнее животное воспитывается музыкальнымъ образомъ, подобно быкамъ въ Пуату, которые идутъ или останавливаются слѣдуя пѣнію кондуктора.—Въ этомъ дѣлѣ собаки могутъ быть очень полезны. Гармонійскія собаки пріучены водить

стада скота посредствомъ колокольчика или бубеньчика. Животныя съ дѣтства пріучаются слѣдовать тому бубенчику, который служитъ для нихъ сигналомъ кормленья. Нѣкоторые виды, какъ быкъ, баранъ, лошадь съ дѣтства и во всю эпоху ихъ воспитанія носятъ колокольчики или бубеньчики, которымъ они должны слѣдовать въ продолженіе всей своей жизни и посредствомъ которыхъ ихъ будутъ раздѣлять на разряды и колонны.

«Напримѣръ, чтобы правильно распредѣлить и двинуть въ путь стадо изъ 24.000 овецъ, три пастуха верхомъ становятся въ центрѣ и по краямъ, имѣя съ собою нѣсколько собакъ для исполненія полицейскихъ обязанностей (chiens de police) и восемь собакъ гаммы, которыя по данному знаку начинаютъ потрясать своими колокольчиками и такимъ образомъ собираютъ вокругъ себя овецъ, воспитанныхъ по извѣстнымъ нотамъ.

«Такимъ образомъ собака съ бубеньчиками Ut идетъ впередъ съ своими овцами, изъ которыхъ нѣкоторыя также носятъ колокольчики въ ut. За ними слѣдуютъ собака Mi съ своими овцами, потомъ собака Sol, Si, Re, FA, La, Ut. За каждою собакою слѣдуютъ около 3,000 овецъ. Такъ какъ діапазонъ оркестра для всего свѣта одинъ и тотъ же, то собака воспитанная въ одномъ мѣстѣ можетъ служить для стадъ всего міра, и животное вездѣ знаетъ бубеньчикъ, которому оно должно слѣдовать.

«Въ гармоніи гораздо легче провести 50,000 овецъ, нежели теперь 500. Если онѣ занимаютъ дорогу, то собаки безъ ошейника бѣгаютъ по сторонамъ и препятствуютъ имъ удаляться; кромѣ того ихъ удерживаютъ звуки бубеньчиковъ. Если нужно сойти съ дороги, чтобы дать мѣсто проѣзжающимъ, то это можно сдѣлать въ двѣ минуты. Для этого пастухи дѣлаютъ знакъ собакамъ съ ошейниками выдти изъ рядовъ; собаки отходятъ въ сторону на 50 шаговъ отъ дороги и звенятъ своими бубеньчиками. Тогда овцы восемью взводами группируются около собакъ и въ одну минуту дорога очищена. Цивилизованные для этой операціи употребили бы полчаса съ помощію тысячи ударовъ кнутомъ и 10.000 укушеній собакъ.

«Я ограничиваюсь одною этою частностью изъ числа тысячи другихъ касательно воспитанія животныхъ въ гармоніи. Лошади будутъ пріучены ходить по 4 въ рядъ безъ другихъ руководителей, кромѣ небольшаго числа всадниковъ, звонящихъ на разные тоны для каждаго взвода.

«Посредствомъ этой музыкальной методы, соображенной съ кормленьемъ, удобствами мѣстности и мягкимъ обращеніямъ людей, зебры и бобры будутъ также пріучены къ человѣку, какъ теперь лошади». (V. 86).

Н.

Космогоническія препятствія нашей вселенной.

«Извѣстія о новыхъ твореніяхъ, которыя могутъ начаться скоро, какъ только человѣку заблагоразсудится подать къ тому сигналъ, принадлежатъ безъ сомнѣнія къ числу самыхъ неожиданныхъ. И-

значитъ ли это приписывать человѣку больше могущества, нежели самому Богу? Потому что они предполагаютъ, что существо, которое произвело нынѣшнія творенія, не можетъ произвести ихъ еще и притомъ въ лучшемъ видѣ.

«Относительно положенія человѣка всегда страннымъ образомъ ошибались, считая его жалкимъ созданіемъ, земнымъ червемъ и проч.; между тѣмъ онъ есть созданіе, имѣющее большой вѣсъ на вѣсахъ всеобщихъ судебъ, и вы сейчасъ увидите, что научная ошибка нашего земнаго шара можетъ скомпрометировать всю вселенную, всю массу планетъ и солнцевъ, которыя въ продолженіе многихъ тысячелѣтій испытали много вреда со стороны нашей планеты.

«Чтобы объяснить эту проблему, замѣтимъ, что вихрь нашихъ планетъ занимаетъ центральное положеніе во вселенной; онъ есть вихрь очагъ или стержневой для всѣхъ другихъ вихрей свода; въ механикѣ аромальной, онъ есть то же, что генералъ въ арміи, такъ, что если нашъ вихрь находится въ застоѣ, то и весь сводъ небесный также находится въ застоѣ.

«Солнце хотя очень дѣятельное относительно функцій свѣтовыхъ, въ функціяхъ аромальныхъ затруднено недостаткомъ истеченій изъ нашей планеты, которая можетъ доставлять только превратные аромы до тѣхъ поръ, пока она не организована въ гармоническомъ порядкѣ. Солнце, обязанное довольствоваться истеченіями Сатурна, Юпитера и Гершеля и будучи принуждено отказаться отъ мефитическихъ истеченій земли, находится въ положеніи колесницы, лишенной одного изъ своихъ четырехъ колесъ: оно не имѣетъ кадрили главныхъ аромовъ, того рычага, безъ котораго ни одно солнце не можетъ правильно дѣйствовать въ высокой звѣздной механикѣ; отсюда происходитъ для вселенной множество потерь внѣшнихъ и внутреннихъ.

«Во первыхъ, въ настоящее время нельзя фиксировать кометы, что очень невыгодно для планетъ, потому что значительное число нашихъ кометъ уже очень зрѣлы и могли бы войти въ пламя. А вихрь имѣетъ въ нихъ надобность; если правда, что Гершель имѣетъ только 6-ть спутниковъ, то крайне необходимо доставить ему еще 2 для того, чтобы довести его клавишъ до полноты. Кометы довольно многочисленны; нѣтъ года, чтобъ ихъ не видѣли; но солнце находится въ положеніи охотника, неимѣющаго пороху, который видитъ много зайцевъ и куропатокъ и не можетъ сдѣлать ни одного выстрѣла.

«Такова роль нашей земли, лишенной необходимыхъ способностей. Въ продолженіи 3-хъ вѣковъ передъ потопомъ, изъ земли выходили хорошія изліянія и солнце могло запастись достаточнымъ количествомъ тетра-кардинальнаго арома, которымъ оно и воспользовалось для того, чтобы фиксировать и поставить на мѣсто Весту. Но этотъ запасъ уже истощился во времена Цезаря, когда солнце подверглось жестокой болѣзни, которой припадокъ возобновился въ 1785 году.—Несправедливо, что оно хворало въ 1816 году, какъ нѣкоторые думали: въ то время была больна земля, и съ тѣхъ поръ болѣзнь усиливается, какъ объ этомъ можно судить по тому, что климатъ ухудшается и времена года приходятъ въ безпорядокъ. Но это дѣйствительно вредитъ и солнцу, потому что всякая стержневая

звѣзда начинаетъ страдать съ того времени, какъ она чувствуетъ недостатокъ въ тетра-кардинальнотъ аромѣ». (IV, 255).

О.

Библіографическій указатель сочиненій и изданій Фурье и его послѣдователей.

Сочиненія Фурье.

Triumvirat continental et paix perpetuelle sous trente ans. Lyon, 1803. Объ этомъ сочиненіи см. выше, стр. 7, 10 и 11.

Théorie des quatre mouvements et des destinées générales. Lyon, 1808. См. выше, стр. 7, 84, 11, 12 и слѣд. Послѣ смерти Фурье ученики его перепечатали большую часть его сочиненій въ шести томахъ. (Парижъ въ 1841—1846) г. Théorie des quatre mouvements составляетъ въ этомъ изданіи томъ первый.

Traité de l'association domestique agricole. 2 большіе тома. Безансонъ, 1822. См. выше, стр. 9, 85 и слѣд. Въ собраніи сочиненій— томы 2, 3, 4 и 5, которымъ дано особое названіе: théorie de l'unité universelle.

Sommaire du traité de l'association domestique agricole. (Брошура). См. выше, стр. 89. Перепечатано во 2 томѣ собранія сочиненій.

Mnémonique géographique. 1827. (Таблица).

Le nouveau monde industriel et sociétaire. Besançon, 1828. 1 томъ. См. выше, стр. 90. Сочиненіе это составляетъ сокращеніе Трактата о домашней земледѣльческой ассоціаціи. Фурье, уступая вліянію учениковъ, старался въ немъ менѣе вдаваться въ такія подробности, которыя возбуждали нареканія въ обществѣ. —Въ собраніи сочиненій составляетъ томъ 6-й.

Livret d'annonce du nouveau monde. 1828. (Брошура). Издана отдѣльно и въ видѣ введенія при «Nouveau monde industriel».

Pièges et charlatanisme des sectes de Saint-Simon et d'Owen. Paris, 1831. См. выше, стр. 93 и 94.

La fausse industrie etc. Paris, 1835. Два тома. См. выше, стр. 98.

Égarements de la raison demontrés par les ridicules des scien-

ces incertaines. Analyse du mécanisme de l'agiotage et de la méthode mixte en étude de l'attraction. Брошура in 8°, 1848 года. Это два отдѣльныя сочиненія, напечанныя въ Фалангѣ и потомъ изданныя въ одной брошурѣ.

Sur l'esprit irreligieux des modernes et dernières analogies. Брош. in 8°.

Anarchie industrielle et scientifique. Брошура in 12. Издана послѣ смерти Фурье.

Cités ouvrières. Des modifications à introduire dans l'architecture de villes. Брошура in 8°.

Кромѣ того, много мелкихъ статей, напечатанныхъ въ Фаланстерѣ и Фалангѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ изданіе «La fausse industrie»; другія не вошли. Въ Фалангѣ было напечатано много манускриптовъ Фурье уже по смерти его. Librairie des sciences sociales въ Парижѣ составила изъ нихъ три большіе тома, изъ которыхъ первый содержитъ сочиненія по торговлѣ и соціальной исторіи, 2-й по космогоніи (сравн. выше мнѣніе Штейна, будто Фурье отказался отъ космогоніи; прил. Д.), 3-й—сочиненія о страстяхъ.

Другіе оставшіеся послѣ Фурье манускрипты вошли въ особое изданіе: Publication des manuscrits de Fourier. Вышло три тома in 18° (1851—1856), которые не нужно смѣшивать съ предыдущими.

Harmonie Universelle. Paris, 1848. 2 тома in 18. Подъ этимъ заглавіемъ ученики Фурье издали въ интересахъ пропаганды сборникъ его избранныхъ сочиненій, расположенныхъ въ системѣ. См. выше, стр. 86.

Сочиненія Консидерана.

Considérations sur l'architéctonique. Paris, 1835. Первое сочиненіе Консидерана, въ которомъ онъ, какъ инженеръ, доказываетъ правильность и цѣлесообразность взглядовъ Фурье на устройство Фаланстера.

Débacle de la politique. Paris, 1836. Брошура, содержащая въ себѣ критику современной политики.

Destinée sociale, exposition élémentaire et complète de la théorie sociétaire. Paris, 1837 — 1838. Три части въ II томахъ in 8°. Самое важное изо всѣхъ сочиненій, писанныхъ учениками Фурье. Это Vul-

gata фурьеристовъ, ихъ катехизисъ, евангеліе и апокалипсисъ. См. выше. прилож. В.—Въ изложеніи авторъ разсчитывалъ не столько на стройность и систему, сколько на эффектность и увлекательность. Отчасти подражаетъ Фурье въ томъ, что для обозначенія частей употребляетъ такія названія, какъ прелюдія, прологъ, интермедія и т. п.

La conversion c'est l'impot. Paris, 1838. Брошура.

Déraison et dangers de l'engoument pour les chemins de fer. 1838. Неблагопріятный взглядъ Консидерана на желѣзныя дороги совершенно понятенъ. Передвиженіе пассажировъ и грузовъ съ помощію противу-львовъ, противу-гиппопотамовъ и противу-крокодиловъ, конечно, было-бы дешевле, чѣмъ съ помощію локомотивовъ.—Консидеранъ, очевидно, вполнѣ искрененъ въ своихъ убѣжденіяхъ.

De la politique générale et du rôle de la France eu Europe. Paris, 1840. Это возобновленный, распространенный и исправленный Континентальный Тріумвиратъ Фурье.

Консидеранъ думаетъ, подобно Фурье, что на материкѣ Европы образуется тріумвиратъ изъ Россіи, Франціи и Австріи, которыя раздѣлятъ между собою Пруссію. Далѣе исторія Европы должна идти такимъ путемъ: Франція подчинитъ своему вліянію всю среднюю Европу, чрезъ что она, разумѣется, усилится. — Увеличенію значенія и вліянія Франціи должно содѣйствовать то, что она выступитъ на путь соціальныхъ реформъ, будетъ стремиться къ осуществленію гармоническаго порядка, согласно ученіямъ Фурье.

Получивши гегемонію въ средней Европѣ, Франція будетъ имѣть возможность помѣшать Англіи овладѣть Египтомъ, а Россіи овладѣть Константинополемъ. Въ особенности Консидеранъ озабоченъ тѣмъ, чтобы Россія не овладѣла Константинополемъ, такъ какъ онъ вполнѣ раздѣляетъ виды своего учителя на Константинополь, который долженъ быть столицею міра, городомъ, въ которомъ будетъ всемірный конгрессъ,—центромъ сферической іерархіи.

Réclamation contre M. Arago, et théorie du droit de propriété. Paris, 1840.

Du droit de propriété. 1840. Брошура in 8°.

Immoralité de la doctrine de Fourier. 1841. Маленькая брошурка.

De la souverainete et de la régence. 1842.

De la politique nouvelle convenant aux interêts actuets de la société. 2-е изд. 1844.

De la sincérité du gouvernement représentatif.

Manifeste de l'école sociétaire fondée par Fourier, et bases de la politique positive. 1841. Одинъ томъ in 8°.

Théorie de l'éducation naturelle et attrayante. Dediée au mères. 1845.

Principes du socialisme, manifeste de la démocratie au XIX siècle. Paris, 1847. Брошура въ 87 стр. Это перепечатка сочиненія, служившаго программою газеты «Démocratie pacifique».

Рѣчь идетъ о худомъ состояніи Европы, которому конецъ можетъ положить только соціализмъ, но не коммунизмъ. Уничтоженіе частной собственности Консидеранъ называетъ дѣломъ ретрограднымъ и въ тоже время революціоннымъ. Потому онъ относится съ строгимъ осужденіемъ къ Оуэну, С. Симону и Кабе.—Одно изъ важныхъ средствъ къ улучшенію положенія видитъ въ участіи рабочихъ въ барышахъ капиталистовъ.

Petit cours de politique et d'économie sociale à l'usage des ignorants et des savants.

Théorie du droit de propriété et du droit au travail. 1848.

Description du Phalanstère et considerations sociales sur l'architectonique. Paris, 1848. Брошура въ 110 стр.

Exposition du systeme phalanstérien de Fourier. 1848. 114 страницъ.

Революція 1848 года оживила надежды фурьеристовъ, какъ и всѣхъ другихъ соціалистовъ. Чѣмъ и объясняется появленіе въ этомъ году нѣсколькихъ брошуръ Консидерана, имѣвшихъ въ виду усиленіе школы и сформированіе политической партіи фурьеристовъ.

Trois discours prononcés à l'Hotêl-de-Ville par Dain, Considérant et d'Izalquier. 1836.—Изложеніе системы Фурье и благотворныхъ результатовъ, которыхъ можно ожидать отъ нея. Одинъ томъ in—8°.

Les quatre crédits ou 60 milliards à 1½ p. 100. 1851. Проектъ учрежденія общества поземельнаго кредита (Crédit foncier), которое имѣло-бы право выпуска билетовъ на предъявителя (au porteur), монополія которыхъ должна быть отнята у Французскаго банка. Это общество будетъ имѣть возможность ссужать земледѣліе и промышленность дешевымъ кредитомъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ проектируется учрежденіе въ каждомъ округѣ камеръ земледѣлія и промышленности, подобныхъ камерамъ торговли (chambres de commerce).

La dernière guerre et la paix définitive de l'Europe. Bruxelles. 1850.

Le socialisme devant le vieux monde ou le vivant devant les morts. Paris. Одинъ томъ, 1849 in 8°.

Les deux communismes. 1847. Напечатано вмѣстѣ съ брошурою Рея изъ Гренобля: appel au raillement des socialistes, какъ отвѣтъ на эту брошуру.

Solution. Брошура in 18°.

Сочиненія другихъ послѣдователей Фурье.

Just Muiron Vices de nos procedés industriels. 1824.—Это сочиненіе въ 1840 г. было перепечатано подъ заглавіемъ: Aperçus sur les procedés industriels, urgence de l'organisation sociétaire.—Содержитъ въ себѣ критику промышленнаго строя Европы.—Въ 3-мъ изданіи 1846 г. къ нему присоединенъ essai sur l'éducation morale.

Nouvelles transactions sociales, religieuses et politiques de Virtomnius. Одинъ томъ in 8°. 1832.—Это опытъ оправданія ученій Фурье съ точки зрѣнія философской.

Ab. Trançon. Théorie sociétaire de Ch. Fourier. 1832. Трансонъ присоединился къ школѣ Фурье послѣ раскола въ средѣ с.-симонистовъ. Впослѣдствіи онъ опять отдѣлился и отъ фурьеристовъ.

Ch. Pellarin. Ch. Fourier sa vie et sa théorie. 1839. (См. выше, стр 2). Второе изданіе 1843 года, четвертое 1850-го. Вторая половина сочиненія, относящаяся къ теоріи, издана отдѣльно подъ заглавіемъ: Théorie sociétaire.

De la médecine dans l'ordre societaire. 1832. Ш. Пелляренъ докторъ медицины; ему принадлежатъ нѣсколько медицинскихъ сочиненій, неимѣющихъ отношенія къ соціализму.

Allocutions d'un socialiste. Брошура in 8°.

Sur le droit de propriété. Небольшая брошура in 18°.

Maurize. Dangers de la situation actuelle de France.—Моризъ повидимому спеціалистъ по черченію. — Ему принадлежитъ планъ фаланстера, прилагаемый нѣкоторыми фурьеристами, между прочимъ

Консидераномъ, къ своимъ сочиненіямъ, равно какъ къ сочиненіямъ Фурье, которыя издавались послѣ его смерти.

Jules Lechevalier. Études sur la science sociale. Théorie de Ch. Fourier. 2 тома. 1831—1834. Это одно изъ наиболѣе обстоятельныхъ изложеній системы Фурье, написанное со знаніемъ дѣла и съ умѣньемъ. Оно имѣетъ видъ чтеній или конференцій. Ж. Лешевалье раньше принадлежалъ къ числу с.-симонистовъ,

Le Moyne. Progrès et association; 2 тома, 1834 г. Первый томъ имѣетъ особое заглавіе: Association par phalanges agricoles industrielles, второй: Calculs et considérations sociales.

Bergbrugger. Conférences sur la théorie sociétaire. 1834. Краткое изложеніе и оцѣнка системы Фурье.

Baudet Dulary. Crise sociale. 1834. — Кромѣ этого сочиненія Боде-Дюляри написалъ много статей, напечатанныхъ въ Фаланстерѣ и въ Фалангѣ; между прочимъ одно сочиненіе касательно Англіи.

Quelques mots sur l'organisation du travail. Брошура in 8°

Essai sur les harmonies physiologiques. 1838 года.

Hygiène populaire. 1856 г.—Боде-Дюляри, какъ и Пелятенъ докторъ медицины.

Clarisse Vigoureux. Paroles de Providence. 1835.—Сочиненіе г-жи Вигуре расходится съ системою Фурье въ томъ смыслѣ, что она вводитъ въ жизнь новый элементъ—преданность, что̀ въ значительной степени измѣняетъ самую сущность системы.

Villegardelle. Besoins de communes, impuissance de la politique à les satisfaire. Paris. 1835· in 8°

Accord des intérêts et des partis ou l'industrie societaire. Bordeaux, 1836, in 8°.

Accord des intérêts dans l'association et besoin des communes, avec une notice sur Ch. Fourier. Paris, 1841. Одинъ томъ in 32.—Вилльгардель началъ свою соціальную карьеру въ школѣ Фурье но потомъ отдѣлился отъ нея, увлекшись коммунизмомъ. Онъ издалъ Code de la nature Морелли и Civitas solis Кампанеллы во франц. переводѣ.

A. Paget. Introduction à l'étude de la science sociale. 1838.

Краткое изложеніе системы Фурье, написанное, по словамъ Рейбо, очень хорошо.

Examen du systeme de Fourier et des principales objections qui y sont faites. 1844. Сочиненіе изданное послѣ смерти автора.

M-me Gatti de-Gamond. Fourier et son système. Paris. 1838 г. Одинъ томъ in 8°. Сочиненіе это имѣло очень большой успѣхъ: отъ 1838 по 1841 годъ имѣло пять изданій.—Г-жа Гатти де Гамонъ, какъ мы уже видѣли, съ ученіями Фурье далеко не вполнѣ солидарна: именно она отвергаетъ его ученіе о страстяхъ, какъ единственномъ и законномъ руководствѣ въ жизни и дѣятельности человѣка. А ученіе объ обязанностяхъ она считаетъ столь важнымъ, что сама написала сочиненіе «Des dévoirs des femmes et des moyens les plus propres d'assurer leur bonheur», въ которомъ развиваетъ не идеи Фурье, а принципы «евангельскаго стоицизма», какъ характеризуетъ ея нравственную систему Л. Рейбо.

Можетъ быть этимъ и нужно объяснять успѣхъ названной книги. Публика, которая не хотѣла знать цинично-развратныхъ сочиненій Фурье, была не прочь ознакомиться съ его системою, когда она была очищена г-жею Гатти де Гамонъ отъ того, что возбуждало отвращеніе въ обществѣ и въ литературѣ.

Réalisation d'une communê societaire. Paris, 1840. Въ этомъ сочиненіи г-жа Гатти де Гамонъ, независимо отъ очищенія сисистемы Фурье отъ ея постыдной стороны, старается еще упростить ее, сдѣлать ее болѣе практичною, легче осуществимою.

Fièvres de l'ame. 1844.

Le monde invisible. 1846.

Paupérisme et association. 1847.

Le roi des paysans (1838)—романъ, написанный въ сотрудничествѣ съ Яномъ Чинскимъ, польскимъ эмигрантомъ, также отчасти увлекшимся идеями Фурье. Романъ имѣетъ очень замѣчательную задачу—убѣдить русскихъ помѣщиковъ измѣнить свои отношенія къ крестьянамъ въ томъ смыслѣ, чтобы вмѣсто крѣпостнаго права они основывались на идеѣ привлекательнаго труда въ духѣ Фурье съ тѣми видоизмѣненіями, которыя сдѣланы были г-жею Гатти де-Гамонъ.—Сколько извѣстно, авторы не достигли своей цѣли. Крѣпостное право перестало существовать вслѣдствіе указа 19 февраля, а не вслѣдствіе идей, развитыхъ въ «Королѣ крестьянъ».—Но какъ мы сказали уже,

многіе русскіе помѣщики, независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ внушеній, собственнымъ починомъ ввели у себя другую часть системы Фурье, относящуюся, впрочемъ, не къ промышленной ассоціаціи.—(См. выше, стр. 208.)

F. Cantagrel. Le fou de Palais-Royal, dialogue sur la théorie phalanstérienne. 1845. Одинъ томъ in 12. Штейнъ и Рейбо называютъ это сочиненіе остроумнымъ. Въ немъ авторъ въ сатирической формѣ защищаетъ идеи Фурье.

Les enfants au phalanstère, dialogue familier sur l'éducation. Брошура, in 32.

L'Être ou ébauche d'une étude intégrale de la vie universelle. Одинъ томъ in—18.

Mettray et Ostwald, études sur ces deux colonies agricoles. 1842.

Où nous allons. Одинъ томъ in 18.

Quinze millions à gagner sur les bords de la Cisse. 1845.

Nécessité d'un nouveau symbole. Одинъ томъ in 18.

Hip. Renaud. Solidarité. Vue synthétique sur la doctrine de Ch. Fourièr. Одинъ томъ in 8°. Paris. 1842. Второе изданіе 1845, третье—1847 г.—Объ этомъ сочиненіи см. выше приложеніе Д, стр. 203. Написано оно очень искусно, человѣкомъ образованнымъ, бывшимъ воспитанникомъ Политехнической школы, которая доставила значительный контингентъ въ воинство соціализма, преимущественно въ школы сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ.—На человѣка, мало свѣдущаго и некрѣпкаго въ принципахъ философіи и нравственности можетъ имѣть большое вліяніе, такъ какъ Рено защищаетъ весьма искусно не только космогонію Фурье, но и его принципы касательно семейства, страстей, между прочимъ, любви, половыхъ отношеній и т. п.—Его собственное ученіе о нравственности основано на идеѣ пользы и справедливости; вслѣдствіе чего оно и можетъ быть согласуемо съ ученіями Фурье.

Antidote. 1841. Штейнъ называетъ это сочиненіе апологетическимъ.

Raison et préjugés. Одинъ томъ in—18.

Destinée de l'homme dans les Deux Mondes. Одинъ томъ in—18.

Réponse à une compilation anonyme, intitulée: Le Monde phalanstérien. Брошура in 8°.

Jean Czynsky. Avenir des ouvriers. 1838.

Avenir des femmes. 1840.

Notice biographique sur Ch. Fourier. 1840.

Colonisation d'Algérie d'après la théorie de Fourier. Янъ Чинскій, по словамъ Рейбо, принадлежитъ къ наиболѣе усерднымъ пропагаторамъ ученій Фурье, но не въ чистомъ ихъ видѣ, а съ тѣмъ оттѣнкомъ евангельскаго стоицизма, который составляетъ характеръ сочиненій г-жи de Гамонъ.

Guilbaud. Phalanstère d'enfants.

Forest. Organisation du travail d'après les principes de la théorie de Charles Fourier. 1841. Одинъ томъ in 8°.

Défense du fouriérisme contre M. Reybaud.

E. de Pompery. Exposition de la science sociale. Одинъ томъ. 1840. Это обстоятельное изложеніе ученій Фурье, вмѣстѣ съ нѣкоторыми данными, относящимися къ его личности. — Слѣдуя Помпери «Фурье былъ малъ ростомъ и худощавъ; но его черты лица обнаруживали прекрасный характеръ. Въ его взглядѣ была какая-то глубина и горечь, что-то возвышенное и несчастное; и на его челѣ можно было прочитать проблему, рѣшеніемъ которой онъ былъ столь долго занятъ среди равнодушія и насмѣшекъ». (Штейнъ. Geschichte der socialen Bewegung etc., стр. 262).

La femme dans l'humanité, sa nature, son role et sa valeur sociale. Одинъ томъ in—18.

Despotisme du socialisme. Небольшая брошура.

Théorie de l'Association et de l'Unité universelle de Ch. Fourier, Introduction religieuse et philosophique. Одинъ томъ in—8°, 1841.

Alph. Toussenel. Les Juifs, rois de l'époque; histoire de la féodalité financiere. 1-е изданіе 1845 года, 2-е — 1847 г., 2 тома.— Вооружаясь противъ евреевъ Туссенель былъ вполнѣ вѣренъ взглядамъ на нихъ учителя. Фурье въ ихъ промышленной дѣятельности видѣлъ характеръ паразитизма, чрезвычайно вреднаго для народности, въ средѣ которой они живутъ, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ сочиненій указывалъ на него въ видѣ предостереженія. Между прочимъ, смотри выше приложеніе Ж., стр. 227.

L'esprit des bêtes, Vénerie francaise et zoologie passionnelle. 1847. — Сочиненіе это подвергнуто сколько остроумной, столько-

же и серьезной критикѣ Эльмомъ Каро.—«Эта книга, говоритъ Каро, есть трактатъ по естественной исторіи и въ то-же время кодексъ нравственности. Птицы въ ней даютъ уроки людямъ и уроки очень суровые. Птицы счастливы, довольны, пользуются всѣми удовольствіями ума, всѣми радостями сердца и всѣми наслажденіями чувствъ. Порядокъ гармоническій у нихъ уже осуществленъ: фаланстеръ для нихъ уже не мечта только. И человѣкъ, запоздавшій въ туманной сферѣ лимбизма или цивилизаціи, долженъ завидовать этимъ крылатымъ братьямъ, этимъ крылатымъ сестрамъ, которыхъ мелодіи и свободная любовь служатъ всегдашнимъ укоромъ для нашихъ печалей и нашей бѣдности. Будемъ въ свою очередь птицами, станемъ любить свободно! Тогда и мы запоемъ!» (Études morales sur le temps présent. Paris, 1879. стр. 145).

Изъ всѣхъ птицъ душа Туссенеля лежитъ больше всего къ кречету (gerfaut). За что?—За то, что онъ даже и между птицами отличается особенно возвышеннымъ характеромъ. У кречетовъ самка не только эманципирована, но ей вручены бразды правленія.—Туссенель желалъ бы, чтобы, слѣдуя этому примѣру, и во Франціи руководство политическими дѣлами было предоставлено женщинѣ, чтобы былъ учрежденъ женскій парламентъ.—«Учрежденіе женскаго парламента во Франціи, это, по словамъ Туссенеля, возрожденіе искусствъ, удовольствій, вѣчныхъ праздниковъ; это царство любви, наступленіе котораго позволитъ планетамъ содрогнуться отъ радости».

Туссенель, какъ Фурье, касается всѣхъ наукъ въ интересахъ доказательства своей мысли и, разумѣется, съ своей точки зрѣнія.—Слѣдуя ему, Франція много проиграла вслѣдствіе своего салическаго закона, а Англія и Россія выиграли, благодаря несуществованію его, такъ какъ вслѣдствіе этого онѣ могли имѣть такихъ государынь, какъ Елисавета и Екатерина II.—Въ языкознаніи онъ находитъ одну гнусную несправедливость; это то, что «le masculin est plus noble que le feminin», какъ говорится во французскихъ учебникахъ, что мужскій родъ преимуществуетъ предъ женскимъ, какъ говорится въ нашихъ. И самъ Туссенель ни въ какомъ случаѣ не хочетъ слѣдовать этому закону, говоря, что онъ согласится скорѣе сдѣлать три граматическія ошибки, чѣмъ допустить это употребленіе, узаконяемое учебниками, которое, по его мнѣнію, «оскорбляетъ стыдливость», blesse la pudeur.

Птицъ Туссенель распредѣляетъ сообразно ихъ достоинствамъ и ихъ заслугамъ. Ниже всѣхъ стоятъ индюкъ, коршунъ и въ особен-

ности пѣтухъ, тиранъ своего многочисленнаго, азіятскаго гарема. «Пѣтухъ, говоритъ Каро, это личный врагъ г. Туссенеля. Онъ подвергаетъ его вполнѣ заслуженному осмѣянію за его хвастливо-вызывающія позы, за его голосъ рѣзкій и грубый, за его манеру держать себя, какъ будто въ фехтовальномъ залѣ» и т. п.

Оканчивая, Каро говоритъ: «мало книгъ, столь забавныхъ въ чтеніи, которыя оставляли-бы столь печальное впечатлѣніе».—А между тѣмъ, естественно-историческая сторона книги безукоризненна. Туссенель и знатокъ своего дѣла и отлично владѣетъ перомъ, одаренъ замѣчательнымъ талантомъ. Невольно припоминается старинная поговорка: ne sutor ultra crepidam.

Le Monde des oiseaux: Ornithologie passionnelle. 1852 года. Это, повидимому часть того-же сочиненія: esprit des bêtes, вѣроятно распространенная и изданная отдѣльною книгою.

Tristia. Одинъ большой томъ in 18°.

Histoire politique et philosophique des abeilles. Напечатано въ annuaire de l'association pour 1867. 45 страницъ.—Это сочиненіе совершенно въ томъ-же родѣ, какъ и esprit des bêtes.—Порядки, существующіе у пчелъ, рекомендуются авторомъ людямъ, какъ образецъ для подражанія. Туссенель обращается къ людямъ крайнихъ направленій и въ ихъ вкусѣ прославляетъ общественное устройство пчелъ. Пчелы, говоритъ онъ, превосходятъ самыхъ крайнихъ реформаторовъ, даже Кампанеллу, Морелли и Бабефа. «Онѣ, по его словамъ, необузданныя нивеллировщицы, которыя и слышать не хотятъ о частной собственности и объ отдѣльныхъ хозяйствахъ». — Онѣ истинныя анархистки съ девизомъ: pas de loi! Революціонная правда господствуетъ у нихъ во всей полнотѣ. Ихъ якобинскій принципъ «mort au parasitisme» ежегодно приводится въ исполненіе во время своего рода Варѳоломеевскихъ ночей, когда истребляются трутни.— У нихъ самка не только эманципирована, но возвеличена и облечена властью. И ужъ въ ульѣ никто не посмѣетъ сказать, что мужескій родъ преимуществуетъ предъ женскимъ, что доставляетъ Туссенелю большое удовольствіе; и увлекшись принципами улья самъ онъ называетъ мужескій полъ поломъ низшимъ, le sexe inférieur. Впрочемъ, не надобно думать, чтобы въ ульѣ господствовала дѣйствительная монархія. «La reine des abeilles pond et ne gouverne pas» (пчелиная королева несется, а не управляетъ), говоритъ Туссенель.

Что привлекательный трудъ осуществленъ въ царствѣ пчелъ, объ

этомъ Туссенель не считаетъ нужнымъ распространяться, такъ какъ это всѣмъ извѣстно..—Но не всѣмъ извѣстно, что любовныя наслажденія въ ульѣ превосходятъ все, что когда-нибудь существовало въ этомъ родѣ. «Любовныя оргіи пчелы своею грандіозною жестокостью, говоритъ онъ, далеко превосходятъ оргіи Клеопатры и Маргариты Бургундской, потому что никогда не обвиняли этихъ дамъ за то, что онѣ умерщвляли по 200 и по 300 любовниковъ, послѣ того, какъ въ нихъ не было надобности» (341). Именно «любовная карьера пчелы» вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу Фурье, т. е. Фрина, Лаиса и Клеопатра имѣютъ причины завидовать ей. -- Нѣсколько дисгармонически звучитъ тутъ это избіеніе массами ни въ чемъ неповинныхъ трутней, эти ежегодныя Варѳоломеевскія ночи, эти Драгонады и Сентябрскіе дни. Въ особенности нота эта кажется фальшивою въ устахъ бывшаго редактора Démocratie pacifique, сочлена соціальной школы, имѣвшей девизомъ: reforme sociale sans révolutions. Но это времена давно прошедшія. Démocratie pacifique превратилась въ демократію воинствующую. И нашъ авторъ не стѣсняясь говоритъ, что законъ объ истребленіи самцовъ, «хотя варварскій, но мудрый», что онъ основанъ съ одной стороны на словахъ Ап. Павла, а съ другой на словахъ «Апостола Жанъ-Жака» (т. е. Руссо), и что онъ находится въ согласіи съ политической логикой Бональда и Ж. де-Местра «Пчела, по его словамъ, имѣетъ логику жестокую; она думаетъ, что осуществленіе привлекательнаго труда требуетъ истребленія праздныхъ, и въ то-же время доказываетъ намъ, что трудящіеся имѣютъ надобность въ чистомъ воздухѣ для того, чтобы заниматься работой плодотворной». - А не надобно забывать, что порядки, существующіе у пчелъ, это идеалъ порядковъ, къ которымъ должны стремиться люди.

Порядки, существующіе у пчелъ, впрочемъ, не тѣмъ однимъ отличаются отъ порядковъ, проектированныхъ Фурье, что допускаютъ якобинскій принципъ, вмѣсто принципа мирной пропаганды словомъ и примѣромъ. Пчелы и въ другихъ пунктахъ, весьма существенныхъ, разошлись съ фурьеризмомъ. Онѣ даже совсѣмъ «не фаланстеріанки, равно какъ не с.-симонистки, не коммунистки», и т. п. «Онѣ заимствуютъ все, что есть верховнымъ образомъ (souverainement) справедливаго въ каждой доктринѣ, чтобы составить изо-всего этого доктрину высшую, которая обнимаетъ всѣ другія». Такимъ образомъ, «съ с.-симонистами пчелы за способность и противъ частной собственности, съ фурьеристами за привлекательный трудъ, съ Л. Бланомъ за трудъ про-

порціональный способностямъ и вознагражденіе пропорціональное потребностямъ» (стр. 361).

Итакъ, надобно подражать пчеламъ. Къ сожалѣнію, Туссенель не изложилъ подробно своего плана, какъ приниматься за дѣло. Ему повидимому нужно обратиться къ женской половинѣ рода человѣческаго, такъ какъ между пчелами мужчины не играютъ никакой роли, кромѣ естественно-исторической. Управляютъ всѣмъ внутри улья матка и рабочія пчелы, пчелы средняго рода, какъ онъ ихъ называетъ, или монашенки, съ которыми онъ ихъ сравниваетъ. Мужчинамъ остается только смотрѣть, что будутъ дѣлать замужнія женщины и монашенки, и ожидать Варѳоломеевской ночи. По крайней мѣрѣ такъ стоитъ дѣло при нынѣшнемъ состояніи вопроса, при томъ неопредѣленномъ рѣшеніи, которое ему даетъ Туссенель.—Съ другой стороны, въ этой-же самой статьѣ Туссенель говоритъ мимоходомъ о дѣятельности бобровъ и муравьевъ, которые также коммунисты. Муравьи, по мнѣнію Туссенеля, даже заимствовали свои соціальные законы въ конституціи Ликурга, (ont calqué la constitution de Lycurgue), котораго слава, какъ законодателя, извѣстна.—Такъ не слѣдуетъ-ли еще сравнить порядки, существующіе у пчелъ, муравьевъ и бобровъ, и послѣ основательнаго обсужденія ихъ достоинствъ выбрать тѣ, которые окажутся лучшими, или наконецъ, слѣдуя примѣру самихъ-же пчелъ, позаимствовать у всѣхъ этихъ животныхъ то, что есть у нихъ въ отдѣльности «верховнымъ образомъ» справедливаго, чтобы людямъ въ своей соціальной организаціи не быть ни апистами, ни кастористами, ни формицистами, а быть вообще анималистами или пекудистами—эклектиками.

Не можемъ не замѣтить, встрѣчающагося въ этомъ сочиненіи Туссенеля, оригинальнаго толкованія одного прошенія Молитвы Господней. Въ словахъ «да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли», по его мнѣнію, заключается признаніе того, что звѣзды, двигаясь по орбитамъ, сознательно исполняютъ волю Божію; и мы такъ же покорно должны исполнять ее на землѣ, какъ звѣзды исполняютъ ее на небѣ

Jean Journet. Cris et soupirs. Три тетради.

Harelle. (Штейнъ называетъ его Harel). Ménage sociétaire, ou Moyen d'augmenter son bien être en diminuant sa dépense. 1840. in 8°.

Farre. Association en garantisme contre la misère. Брош. in 8°.

Augaine. La religion. 1840.

Math. Briancourt. L'organisation du travail et association. 1847. Одинъ томъ in 32°.

Visite au phalanstère. 1848. Одинъ томъ in 18°. Это не дѣйствительное путешествіе, а видѣнное во снѣ. Книга оканчивается приглашеніемъ къ пожертвованіямъ для устройства Фаланстера.

Notions élémentaires sur la science sociale de Fourier. 1846.

Victor Hennequin. Les amours du Phalanstère. 1847. Викторъ Геннекенъ принадлежалъ къ числу наиболѣе усердныхъ почитателей Фурье, хотя онъ родной братъ Амедея Геннекена, противника соціализма вообще.

Les Juifs, Introduction à l'étude de législation francaise. 2 тома.

Organisation du travail d'après la théorie de Ch. Fourier. Exposition faite à Besançon en mars 1847. Paris, 1848. Одинъ томъ in 18°.

Féodalité et association, type d'organisation du travail pour les grands établissements industriels. Брошура in 8°.

Henri Gorsesc. Notions élémentaires de la science sociale de Fourier. Paris 1846. Одинъ томъ, in— 18°.

A. Gilliot. Esquisse d'une science morale.—Physiologie du sentiment. Paris, 1848. 2 тома in 8°.

Unité religieuse. Одинъ томъ in 12.

Perreymond. Le bilan de la France ou la misère et le travail. Paris, 1849. Одинъ томъ in 8°.

Paris monarchique et Paris républicain, ou une page de l'histoire de la misère et du travail en 1846 et 1848. In 8°.

P. Boureulle. Francoeur et Giroflet. Conversations sur le socialisme et sur bien d'autres choses. Paris, 1850. Одинъ томъ, in 12°.

Schneider. Das problem der Zeit und dessen losung durch die Association. Брошура in 12°. Gotha.

Masseron. Rêveries de Ch. Fourier, utopie des phalanstériens. Nantes, 1844. Эта книжка имѣетъ стремленіе доказать, что rêveries de Fourier совсѣмъ не rêveries.

I. B. Krantz. Le présent et l'avenir, coup d'oeil sur la théorie de Fourier. Брошура in 8°.

Application de l'armée aux travaux d'utilité publique. Брошура in 8°.

Création d'une armée de travaux publics. Одинъ томъ. in 8°.

Ch. Mandet. Fouriérisme.—Contre-critique, avec exposition de principes. Брошура in 8°.

Medius (Lemoyne). Doctrine hiérarchique fusionnaire.—Construction d'une société véridique, juste, affective et libre. Одинъ томъ. in 8°.

Lettres sur les idées sociales et providentielles. Одинъ томъ in 8°.—Повидимому, этотъ авторъ есть одно лицо съ Le Moyne'омъ. котораго сочиненіе «Progrès et association» указано выше и котораго фамилію Рейбо и Dictionnaire de l'Écon. polit. пишутъ Lemoyne (въ одномъ словѣ).

Guillon. Accord des principes, travail des écoles sociétaires. Ch Fourier. 1850.

Réformes politiques et réformes sociales.

Socialisme de l'État. Брошура, 32 ст.

Періодическія изданія школы Фурье.

Le Phalanstère ou la Réforme industrielle; издавался въ 1832, 33 и 34 годахъ. Содержитъ много статей самого Фурье, который былъ главнымъ руководителемъ редакціи, состоявшей изъ наиболѣе видныхъ учениковъ его.—Все изданіе составляетъ два тома in 4°.

La Phalange, journal de la science sociale; выходилъ подъ редакціею Консидерана при сотрудничествѣ другихъ фурьеристовъ, въ особенности Кантагреля и Туссенеля, отъ 1836 до 1849 (?) года.

Духъ и тенденцію его редакція наглядно выражала въ слѣдующихъ эпиграфахъ:

Réforme sociale sans révolutions.
Realisation de l'ordre,
De la justice et de la liberté.
Organisation de l'industrie.
Association du capital,
Du travail et du talent.

Въ началѣ, до 1840 года «Фаланга» выходила однажды въ двѣ недѣли, или иногда три раза въ мѣсяцъ. Это изданіе составляетъ 3 большіе тома in 8°.

Отъ 1840 по 1843 годъ «Фаланга» выходила три раза въ недѣлю. Это изданіе составляетъ 7 большихъ томовъ in 8°.

Съ 1843 года «Фаланга» стала ежедневнымъ журналомъ; но до какого года продолжалось это изданіе, объ этомъ мы имѣемъ противорѣчивыя свѣдѣнія. Впослѣдствіи она выходила въ видѣ ежемѣсячнаго журнала in 8°. Все изданіе начиная съ 1843 г. составляетъ 10 томовъ.

«Фаланга» никогда значительнаго успѣха, широкаго распространенія въ публикѣ не имѣла. Гораздо счастливѣе ея была «Démocratie pacifique», ежедневная газета фурьеристовъ, существовавшая отъ начала сороковыхъ до начала пятидесятыхъ годовъ, въ періодъ наибольшей интенсивности надеждъ на благодѣтельные результаты соціальныхъ реформъ. Мы, однако, не нашли нигдѣ точныхъ свѣдѣній, когда началось это изданіе и когда окончилось. Въ 1844 году, когда К. Грюнъ былъ въ Парижѣ, оно уже издавалось. Издавалось во время республики въ 1848 и 1849 году и вѣроятно прекратилось въ іюнѣ 1849 года, когда Консидеранъ и Кантагрель должны были бѣжать въ Бельгію, послѣ неудачной попытки Ледрю Роллена поднять 13-го мая населеніе Парижа противъ правительства, такъ какъ въ этой попыткѣ оба они приняли участіе.

Кромѣ газетъ, фурьеристы издавали въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ (1845—1852 включительно) «almanachs phalanstériens.

Школа Фурье имѣла своихъ поэтовъ, художниковъ, которые съ помощію своихъ спеціальныхъ способностей старались содѣйствовать распространенію ея ученій. Были сочинены и изданы пѣсни въ духѣ фурьеризма и сатиры противъ цивилизаціи. Къ изданіямъ своимъ фурьеристы прилагали великолѣпныя гравюры, изображающія фаланстеръ, вполнѣ организованный и находящійся въ дѣйствіи. Прелестныя рощицы окружаютъ его, окрестности представляютъ цвѣтникъ, и живописныя дороги, окаймленныя деревьями и цвѣтами, ведутъ отъ фаланстера къ замкамъ и въ поля. Серіи и группы или работаютъ и только идутъ на работу съ явно страстнымъ влеченіемъ къ труду (потому что нѣкоторые въ средѣ ихъ не спокойно идутъ, а подпрыгиваютъ), впереди ихъ несутъ знамена и т. п.

Центромъ всей дѣятельности фурьеристовъ были всегда редакціи ихъ журналовъ. Здѣсь было мѣсто истиннаго культа Фурье. Стѣны

были увѣшаны его портретами, изображеніями фаланстера и того дома, въ которомъ Фурье родился. Кромѣ того, въ комнатахъ въ изобиліи находились его бюсты. Были сдѣланы камеи и перстни съ изображеніемъ Фурье; и вѣрующіе запасались ими отсюда.

Фурьеристы схизматики также имѣли свои періодическія изданія; именно Чинскій съ 1839 года издавалъ ежемѣсячный сборникъ «Le Nouveau Monde». Но какъ долго продолжалось это изданіе, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній.—Онъ-же издавалъ въ 1840 и въ 1841 годахъ свой «almanach social».

Литературный органъ фурьеризма издавался и въ Англіи подъ именемъ «The London Phalanx», такъ какъ и въ Англіи были фурьеристы. Но какъ велико было число ихъ и вліяніе—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Редакторомъ «Лондонской Фаланги» былъ нѣкто Hugh Doherty «ein einfacher praktischer Mann, ohne Anmassung und Morgue», какъ характеризуетъ его Грюнъ, видѣвшій его въ 1844 году въ редакціи «Démocratie pacifique». Въ это время «Лондонская Фаланга» уже перестала выходить; но англійскіе фурьеристы не думали прекращать своей дѣятельности; и Догерти, по словамъ Грюна, за тѣмъ и пріѣзжалъ въ Парижъ, чтобы въ центрѣ школы обсудить дальнѣйшія мѣры.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ мы уже видѣли—было три періодическихъ органа фурьеристовъ. Первымъ была нью-іоркская «Трибуна» (редакторъ Горацій Грилей), которая, впрочемъ, сама по себѣ не можетъ быть названа органомъ фурьеристовъ. Эту роль въ ней исполняли тѣ отдѣльные столбцы, которые были отданы въ наемъ Брисбену. (см. стр. 149).

Въ 1843 году Брисбенъ завелъ собственный отдѣльный органъ, ежемѣсячный журналъ «Phalanx», въ редижированіи котораго его помощникомъ былъ Макданіель. Фаланга аккуратностью въ выходѣ книжекъ не отличалась и просуществовала только около двухъ лѣтъ.

Преемникомъ ея былъ «Harbinger», еженедѣльная газета, издававшаяся Брукфармскою фалангою подъ главною редакціей В. Чаннинга. «Harbinger» болѣе обоихъ своихъ предшественниковъ отличался духомъ пропаганды, отчасти и потому, что онъ былъ также органомъ образовавшагося въ то время общества: американская унія ассоціаціонистовъ. Но, какъ мы уже видѣли, эта позднѣйшая пропаганда не была успѣшна; Брукфармская фаланга быстро пошла къ упадку, такъ что не могла даже издавать свою газету. И потому печатаніе «Harbinger'а» было перенесено въ Нью-Іоркъ; и стала она выходить подъ но-

вою редакціею, во главѣ которой стоялъ тотъ Годвинъ, который Фурье вмѣстѣ съ Сведенборгомъ считалъ однимъ изъ наиболѣе великихъ людей нашего времени (см. выше, стр. 199).—Прекратился «Harbinger», какъ мы уже говорили, въ началѣ 1849 г. послѣ четырехлѣтняго существованія.

ГЛАВА II.

Этьенъ Кабе.

Біографическія данныя: юность Кабе, адвокатское поприще; реставрація; отношенія Кабе къ Луи Филиппу и его правительству. Дѣятельность въ литературѣ и палатѣ депутатовъ; осужденіе Кабе и удаленіе его въ Англію. Какъ онъ сдѣлался коммунистомъ?

Путешествіе въ Икарію. Лордъ Кернсдаль, семейство Вальмора, Эженъ, икарійскій ученый Динаръ, исторія Икаріи, Ликсдоксъ и Клорамида, революція 1782 г., Икаръ, его жизнь и революціонная политика, переходный періодъ.

Конституція Икаріи: законы и управленіе. общность имуществъ, машины, равенство профессій, женскій трудъ, общія мастерскія, женская мастерская; потребленіе: пища и помѣщеніе. Религія, семейство. Принципы коммунизма: право человѣка на всѣ блага, сотворенныя природою: собственность и природа, первое занятіе и пр.

Философическія и экономическія основанія коммунизма: естестественное равенство людей, общій интересъ, какъ побужденіе къ труду, общественный характеръ человѣка, неизбѣжность коммунизма въ пользованіи свѣтомъ и воздухомъ, первобытный коммунизмъ, коммунизмъ и свобода. Разные виды свободы, ограниченіе свободы рабовъ, крѣпостныхъ, преступниковъ, солдатъ, учениковъ, гражданъ. Характеръ ограниченія свободы въ коммунизмѣ. Коммунизмъ и всеобщее согласіе.

Историческія основанія коммунизма: Философы и законодатели сторонники коммунизма: какъ велико ихъ дѣйствительное число. Авторитетъ ихъ въ рѣшеніи вопроса. Аграрные законы и коммунизмъ. Коммунизмъ въ нѣкоторыхъ религіозныхъ общинахъ, коммунизмъ и образованіе. Сочувствіе бѣднаго пролетарія къ коммунизму и значеніе этого сочувствія. Опытъ Кабе въ Новоо. Судьба Икара въ дѣйствительности и въ романѣ.

Приложенія.

Въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія во Франціи явно заявилъ свое существованіе и свои требованія умножившійся къ тому времени промышленный пролетаріатъ. Въ царствованіе

Людовика Филиппа было нѣсколько возстаній рабочаго сословія, имѣвшихъ исключительною цѣлью улучшеніе его быта. Тогда появился грозный бурями въ будущемъ девизъ: vivre en travaillant ou mourir en combattant. Съ этихъ поръ новыя соціальныя системы перестали быть дѣломъ кабинетныхъ мечтателей и ихъ учениковъ, вербовавшихся исключительно въ средѣ образованныхъ классовъ. Впрочемъ, авторами ихъ попрежнему были не люди, работавшіе въ промышленныхъ мастерскихъ, не тѣ, которыхъ занятіемъ былъ трудъ физическій, а тѣ, которые тоже работали умомъ и отчасти воображеніемъ въ своихъ кабинетахъ. Разница была только въ томъ, что теперь соціальныя ученія могли находить большое сочувствіе въ средѣ самого рабочаго сословія; вслѣдствіе чего авторы ихъ и старались строить свои системы такъ, чтобы въ нихъ все было понятно и доступно народу и не было въ явномъ противорѣчіи съ его здравымъ смысломъ и нравственнымъ чувствомъ. Такимъ образомъ наиболѣе популярныя системы этого времени весьма далеки отъ странностей, абсурдовъ и безнравственности сенъсимонистовъ и фурьеристовъ; онѣ не витаютъ въ области философіи, метафизики, а рѣшаютъ свои вопросы на почвѣ промышленной, практически-экономической, понятной народу. Тѣ соціалисты, которые не держались этого правила, остались совершенно безъ вліянія на народныя массы, подобно Пьеру Леру, Пеккеру и др.; народъ не зналъ ихъ, не пошолъ за ними. Народъ пошолъ за тѣми, кто обѣщалъ ему матеріальное довольство, обезпечиваемое экономическими учрежденіями, въ которыхъ онъ что-нибудь понималъ, которыя онъ считалъ болѣе или менѣе правдоподобными. Это сочувствіе народа нисколько не служитъ ручательствомъ за достоинство ученій. Но тѣмъ не менѣе оно даетъ имъ особаго рода вѣсъ, силу, интенсивность, вслѣдствіе которой сами они являются фактомъ гораздо болѣе важнымъ въ жизни народа, въ его исторіи, нежели ученія, оставшіяся незамѣченными или такія, которыя пріобрѣтали только чисто платоническое сочувствіе въ средѣ людей, которымъ было нечего дѣлать.

Изъ соціалистовъ Франціи, увлекшихъ за собою людей изъ рабочаго сословія, прежде всего мы займемся Этьеномъ Кабе.

Въ 1840 году въ Парижѣ вышла книга «Путешествіе и приключенія лорда Вильяма Керисдаля въ Икаріи», написанныя Френсисомъ Адамсонъ на англійскомъ языкѣ и переведенныя на французскій нѣкоторымъ г. Дюфрюи. Книга имѣла громадный успѣхъ, преимущественно въ средѣ рабочаго класса. Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не одно изданіе было раскуплено. Рабочіе отказывали себѣ въ самомъ необходимомъ, чтобы пріобрѣсти книгу; самые бѣдные дѣлали складчину и покупали книгу сообща; составлялись особенныя собранія, на которыхъ книга была читаема, объясняема и обсуждаема.

Это была мистификація. Книга не была переведена съ англійскаго, а была написана въ оригиналѣ на французскомъ языкѣ Этьеномъ Кабе, который передъ тѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи. Кабе былъ извѣстенъ во Франціи гораздо раньше этого, но въ «путешествіи» лорда Керисдаля онъ обнаружилъ новое направленіе, котораго прежде не было въ его сочиненіяхъ. До того времени Кабе былъ просто публицистъ, весьма либеральный, крайній, дѣлавшій ожесточенную оппозицію іюльскому правительству.

Онъ родился 1-го января 1788 года, въ Дижонѣ. Сынъ бочара, онъ самъ занимался этимъ ремесломъ по выходѣ изъ первоначальной школы до 12-ти лѣтняго возраста. Первые годы его жизни протекли во время республиканскаго правленія, когда республиканскія идеи господствовали въ цѣлой Франціи. Говорятъ, что отецъ Кабе былъ весьма жаркій республиканецъ и внушилъ свои чувства сыну. Это былъ человѣкъ трудолюбивый и бережливый, достигнувшій вслѣдствіе этого нѣкотораго достатка; онъ рѣшился дать сыну такъ называемое либеральное воспитаніе и, оторвавши его отъ своего ремесла, отдалъ въ школу, существовавшую въ Дижонѣ подъ вѣдѣніемъ знаменитаго Жакото, педагога-реформатора, говорившаго,—что воспитаніе должно стремиться ни къ чему другому, какъ къ полной передѣлкѣ всего современнаго міровоззрѣнія, наполнен-

наго главнымъ образомъ предразсудками. Судя по всему, молодой Кабе не остался безъ вліянія со стороны Жакото. Его успѣхи въ наукахъ были очень быстры, и онъ скоро поступилъ въ Дижонскій лицей въ качествѣ репетитора. Въ то время онъ предназначалъ себя къ профессорской карьерѣ, но въ скоромъ времени это намѣреніе было измѣнено: Кабе занялся медициною, которую тоже скоро оставилъ для юриспруденціи. На этомъ онъ и остановился окончательно. Въ 1812 году онъ получилъ званіе доктора правъ и сдѣлался адвокатомъ. Впродолженіи двухъ лѣтъ онъ занимался исключительно и съ большимъ успѣхомъ своею практикою. Въ это время возвратились Бурбоны и возвращеніе ихъ не было встрѣчено сочувствіемъ со стороны Кабе; потому, во время ста дней, когда возобновилась война Франціи съ союзниками, Кабе былъ однимъ изъ главныхъ основателей бургундской федераціи для защиты народной территоріи. За это послѣ новаго возвращенія Бурбоновъ ему было запрещено заниматься адвокатскою практикою въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. Естественно, что чрезъ это симпатіи Кабе къ реставраціи не увеличились. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы осуждать дѣйствія и стремленія правительства, брался за защиту всѣхъ противниковъ реставраціи и его защита была сильна и краснорѣчива. Министерство попробовало перетянуть его на свою сторону посредствомъ обѣщаній, но это не удалось. Кабе остался вѣренъ симпатіямъ своей юности и продолжалъ дѣлать оппозицію. Черезъ нѣсколько времени онъ переселился въ Парижъ и здѣсь его способности и познанія доставили ему весьма почетное положеніе; онъ сблизился съ Лафайетомъ и Дюпономъ (де-л'Эръ). Въ іюльской революціи Кабе принималъ чрезвычайно дѣятельное участіе: уже во второй день битвы онъ не побоялся подписать свое имя подъ одною прокламаціею. Третьяго августа онъ написалъ письмо герцогу Орлеанскому, протестуя противъ прежней хартіи и требуя новой конституціи, которую должно было выработать конституціонное собраніе. Лафайетъ обѣщалъ ему все отъ имени герцога и даже побуждалъ его лично видѣться съ нимъ; при свиданіи

Кабе снова энергически настаивалъ на необходимости конституціоннаго собранія. Герцогъ Орлеанскій льстилъ Кабе надеждою, что его желаніе можетъ исполниться; но, какъ извѣстно, оно не исполнилось; не смотря на то, іюльское правительство въ первое время старалось не расходиться съ людьми, подобными Кабе. Эти люди въ свою очередь не отдалялись отъ правительства въ надеждѣ, что оно будетъ слѣдовать ихъ принципамъ. Потому черезъ нѣсколько недѣль Кабе получилъ мѣсто генеральнаго прокурора въ Корсикѣ. По всѣмъ извѣстіямъ, его дѣятельность въ Корсикѣ была весьма достойна уваженія; онъ исполнялъ свою обязанность совѣстливо и энергически. Но, оставаясь королевскимъ прокуроромъ, онъ думалъ, что онъ можетъ не скрывать своихъ желаній, чтобы французская конституція была пересмотрѣна и передѣлана; черезъ это онъ разошелся съ правительствомъ и получилъ отставку въ томъ же году. Въ іюлѣ 1831 года онъ вступилъ въ палату депутатовъ, какъ представитель Дижона. Въ то же время онъ выступилъ передъ читающею публикою съ своею исторіею революціи 1830 года. Какъ въ печати, такъ и на трибунѣ въ палатѣ депутатовъ онъ явился самымъ ожесточеннымъ противникомъ іюльскаго правительства. Исторія революціи была переполнена обвиненіями противъ него, за что противъ Кабе начато было судебное преслѣдованіе. Онъ явился въ судъ въ сопровожденіи 60 своихъ товарищей по палатѣ депутатовъ: адвокатъ Мари, бывшій впослѣдствіи членомъ временнаго правительства, защищалъ его и присяжные признали его невиннымъ. Черезъ нѣсколько времени онъ снова былъ позванъ въ судъ и опять оправданъ. Не довольствуясь тою оппозиціею, которую онъ дѣлалъ въ палатѣ депутатовъ, Кабе въ 1833 г. основалъ съ этою цѣлью еженедѣльный журналъ «le Populaire». За одну изъ статей, написанную въ этомъ журналѣ, Кабе былъ призванъ въ судъ и на этотъ разъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что стремился къ низверженію установленнаго правительства и присужденъ къ двухъ-лѣтнему тюремному заключенію (въ 1834 году). По совѣту друзей, которые для обсужденію образа

дѣйствій, требуемыхъ этимъ случаемъ, нарочно собрались подъ предсѣдательствомъ генерала Тіара, Кабе удалился въ Бельгію и потомъ въ Англію, не смотря на то, что самъ былъ намѣренъ выполнить приговоръ суда. Здѣсь онъ пробылъ пять лѣтъ, столько, сколько было нужно для того, чтобы истекла давность его осужденія; впродолженіи этого времени ему пришлось испытать много лишеній. Занятія его были таковы, что доставляли ему самыя скудныя средства къ жизни. Въ это время онъ издалъ нѣсколько историческихъ сочиненій, отмѣченныхъ крайнимъ республиканскимъ направленіемъ: всеобщую исторію, исторію Англіи и популярную исторію французской революціи. Въ это же время онъ подробно познакомился съ утопіею Т. Мора, и чтеніе этого сочиненія произвело переворотъ въ его воззрѣніяхъ; онъ сдѣлался коммунистомъ.

И прежде Кабе былъ знакомъ съ различными соціальными проектами, тѣмъ не менѣе прежде онъ былъ весьма далекъ отъ увлеченія ими. Какимъ же образомъ и вслѣдствіе чего произошла въ немъ столь существенная перемѣна? Вотъ какъ самъ онъ объясняетъ ее: «Я приготовлялъ для народа, говоритъ онъ, три элементарныя исторіи, когда я вздумалъ прочитать утопію Мора, изъ которой подобно многимъ другимъ я часто слыхалъ выдержки, но не зналъ ея хорошо. Не смотря на многочисленные недостатки этого сочиненія, въ особенности если осуществить систему Томаса Мора въ настоящее время,— я былъ такъ пораженъ основною мыслію, что я закрылъ книгу, желая удалить отъ своего представленія ея подробности съ тѣмъ, чтобы серьезно обдумать идею общности имуществъ, въ которую до сихъ поръ я не имѣлъ времени углубиться, будучи подобно всѣмъ другимъ предубѣжденъ противъ этой идеи, какъ противъ химеры. И чѣмъ болѣе я размышлялъ, тѣмъ менѣе эта идея казалась мнѣ химерическою. Я пробовалъ практическое примѣненіе ея ко всѣмъ положеніямъ, ко всѣмъ нуждамъ общества и, всякій разъ, я убѣждался нетолько въ возможности, но и въ легкости этихъ приложеній, и не могу выразить удо-

вольствія, которое я испыталъ, найдя наконецъ средство противъ всѣхъ золъ человѣчества; и я убѣжденъ, что въ своихъ палатахъ и на своихъ праздникахъ изгонятели никогда не имѣютъ столь чистыхъ удовольствій, какія имѣетъ изгнанникъ, каждый день уразумѣвающій болѣе и болѣе зарю счастія для рода человѣческаго.

«Когда мой планъ коммунизма былъ оконченъ, я перечиталъ всѣхъ философовъ наиболѣе знаменитыхъ, и еще разъ я не могу выразить того удовольствія, которое я испыталъ, замѣтивши, что всѣ философы, которыхъ я не читалъ прежде, равно какъ и тѣ, которыхъ я читалъ, не замѣчая всѣхъ ихъ сокровищъ, подверждаютъ мое мнѣніе почти во всѣхъ главныхъ пунктахъ. Это еще болѣе укрѣпило меня въ моихъ убѣжденіяхъ, и я рѣшился издать свой трудъ. Не смотря на то, нѣкоторые изъ моихъ друзей во Франціи, которымъ я сообщилъ мой проектъ, весьма усиливались убѣдить меня отказаться отъ нихъ.

«Коммунизмъ! писали мнѣ они; но это—всеобщее пугало, это химера. Вы возбудите противъ себя общественное мнѣніе или по крайней мѣрѣ встрѣтите индефферентизмъ; вы заставите вашихъ друзей отказаться отъ васъ. Даже народъ оставитъ васъ, зная хорошо, что его истинные интересы заключаются не въ коммунизмѣ и что настоящее равенство есть ничто иное, какъ равенство бѣдности. Вы лишаете себя всякой поддержки, всякой карьеры, всякой будущности. Съ ума что-ли вы сошли?»

«Эти возраженія не удивили меня и не заставили отказаться отъ моего намѣренія. Говорятъ: я вооружу противъ себя общественное мнѣніе. Какимъ образомъ? Будто общественное мнѣніе вооружится противъ философскаго спора, противъ изысканія истины и возможности излечить тѣ бѣдствія, который пожираютъ человѣчество? Нѣтъ, нѣтъ! нужно, чтобъ общественное мнѣніе было совершенно слѣпо, такъ слѣпо, какъ, si parva magnis componere licet, оно было слѣпо,—когда оно вооружалась противъ Сократа и Іисуса Христа; и въ такомъ случаѣ у меня является новая причина, чтобы позаботиться о просвѣщеніи его.

«Или общественное мнѣніе приметъ мои идеи безразлично, въ такомъ случаѣ онѣ по крайней мѣрѣ не будутъ имѣть никакихъ неудобствъ для другихъ; и тутъ заключается причина, побуждающая разбудить этотъ индефферентизмъ, столь же достойный сожалѣнія въ философіи и въ общественномъ дѣлѣ, какъ и въ религіи.

«Мои друзья откажутся отъ меня! Я буду много сожалѣть объ тѣхъ, кого я сколько люблю, столько и уважаю; но изгнаніе научаетъ и пріучаетъ обходиться безъ дружбы, и я не поколеблюсь сказать. Amicus Cato, sed magis amicus Plato et magis adhuc amica veritas. Впрочемъ, истинные мои друзья отъ меня не откажутся, потому что я думалъ такъ, какъ они, пока не изучилъ вопроса; и по всей вѣроятности они будутъ думать такъ, какъ я, если они подобно мнѣ впродолженіи трехъ лѣтъ будутъ углубляться въ него. Я готовъ спорить съ ними, вполнѣ убѣжденный, что они обратятся къ моимъ мнѣніямъ, и въ свою очередь готовъ оставить ихъ, если мнѣ докажутъ мою ошибку.

«Самъ народъ меня оставитъ! Нѣтъ, потому что онъ не имѣетъ друга болѣе искренняго, болѣе постояннаго и болѣе преданнаго. Впрочемъ, я знаю, что народъ вообще добрый, справедливый и благородный можетъ быть обманутъ, можетъ слушать своихъ враговъ, подобно тому, какъ нѣкогда народъ лакедемонскій оставилъ своего царя Агиса, народъ аѳинскій оставилъ Сократа, народъ римскій оставилъ Гракховъ, народъ іудейскій позволилъ распять Христа; но тутъ опять является новая причина для того, чтобы съ самоотверженіемъ заняться освобожденіемъ народа.

«Я лишаю себя всякой поддержки, всякой карьеры, всякой будущности! Я это знаю; слишкомъ давно я стараюсь объ этомъ, чтобы этого не знать. Но между нами слишкомъ многіе думаютъ только о себѣ; пусть же будутъ хоть немногіе, думающіе только о народѣ и о человѣчествѣ.

«Я сошелъ съума! Увы! не все ли на землѣ есть сумасшествіе? Не всѣ ли мы сумасшедшіе, различающіеся только ре

домъ и видомъ? Когда всѣ, такъ-называемые, люди здраваго ума, мучать сами себя для различныхъ эгоистическихъ наслажденій, — то можно ли назвать сумасшедшими тѣхъ, которые находятъ удовольствіе въ преданности своимъ братьямъ, и когда человѣкъ дѣлается сумасшедшимъ рядомъ съ Сократомъ. Платономъ и др.? – Шарантонъ (сумасшедшій домъ въ Парижѣ), въ которомъ онъ находится вмѣстѣ съ ними, не стоитъ ли того Шарантона, который наполненъ корыстолюбцами и честолюбцами?» *)

Процессъ, посредствомъ котораго Кабе, по его собственнымъ словамъ, сдѣлался коммунистомъ, не вполнѣ понятенъ. Чтеніе «Утопіи» не могло произвести въ немъ столь коренной реформы понятій безъ особенныхъ обстоятельствъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ въ «Утопіи» находитъ много недостатковъ: а основная мысль ея безъ сомнѣній была ему извѣстна и прежде. Эти особыя обстоятельства, предрасположившія Кабе къ коммунизму, по всей вѣроятности, состояли въ тѣхъ лишеніяхъ, которыя ему пришлось испытать во время своего изгнанія Быть можетъ къ этому нужно присоединить безучастіе его друзей соотечественниковъ, на которое онъ намекаетъ въ приведенныхъ строкахъ. И то и другое должно было возбуждать въ немъ нѣкотораго рода пессимизмъ; вслѣдствіе чего весь существующій порядокъ сталъ казаться ему еще хуже, чѣмъ прежде, и собственность стала представляться ему источникомъ всякаго зла.

Какъ человѣкъ хорошо знакомый съ областью литературы, въ своемъ «Путешествіи въ Икарію» Кабе употребилъ всѣ средства для того, чтобы дать наибольшую крѣпость и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательность своимъ воззрѣніямъ; потому, съ одной стороны, онъ старается выработать философскія и экономическія основанія коммунизма, съ другой, - рисуетъ привлекательную картину его, въ видѣ разсказа о путешествіи, къ которому для увеличенія привлекательности присоединенъ чисто

*) Voyage en Icarie par Cabet Paris, 1848. 550.

романическій элементъ, съ любовью, съ разными припятствіями и приключеніями и съ благополучною развязкою.

Начиная разсказъ, Кабе дѣлаетъ очень искусное вступленіе, въ которомъ разсказываетъ, что путешественникъ, посѣтившій Икарію, лордъ Керисдаль, есть дѣйствительное лицо, которое Кабе зналъ въ Парижѣ и съ которымъ онъ познакомился у генерала Лафайета. Въ Лондонѣ, куда Кабе удалился послѣ своего осужденія, онъ будто бы опять встрѣтился съ лордомъ Керисдалемъ; лордъ Керисдаль, какъ человѣкъ изъ кружка знакомыхъ Лафайета, принадлежитъ къ числу ревностныхъ филантроповъ и пламенныхъ прогрессистовъ. Онъ въ высшей степени недоволенъ всѣмъ тѣмъ, что онъ встрѣчалъ въ Европѣ, онъ горько жалуется даже на общественное устройство Англіи и говоритъ, что вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ, наиболѣе богато-одаренныхъ природою, — онъ находилъ человѣка несчастнымъ. И утомившись своими напрасными опытами найти человѣческое счастіе на землѣ, онъ повидимому рѣшился закончить свои странствованія мирною семейною жизнію; онъ уже былъ женихомъ нѣкоторой миссъ Генріэтъ, когда однажды, пришедши къ Кабе, онъ увидалъ у него грамматику икарійскаго языка и узналъ отъ него, что этотъ языкъ составляетъ невиданное до сихъ поръ совершенство, что въ немъ всѣ слова, смотря по своимъ родамъ и видамъ, образованы правильно отъ корней посредствомъ однообразныхъ суффиковъ и приставокъ, что въ немъ осуществлена мечта ученыхъ, старавшихся построить всеобщій, раціональный языкъ, и узналъ, кромѣ того, что сама Икарія представляетъ такое же совершенство между всѣми земными странами, что она чрезвычайно плотно населена и народъ тамъ блаженствуетъ, что города икарійскіе превосходятъ все то, что мы можемъ воображать, что дороги, каналы, жилища въ городахъ и деревняхъ, представляютъ такія удобства, о которыхъ мы понятія не имѣемъ, что ея промышленность во всѣхъ родахъ далеко оставляетъ за собою промышленность Англіи и Франціи, этихъ корифеевъ европейской цивилизаціи; однимъ словомъ — это

обѣтованная земля, эдемъ, элизій, земной рай. Эти разказы разбудили въ лордѣ Керисдалѣ его замолкавшія надежды и стремленія: онъ позанялся икарійскимъ языкомъ, оставилъ свою невѣсту и съ тремя тысячами гиней въ кошелькѣ пустился въ путь въ 1835 году, чтобы видѣть своими глазами обѣтованную землю. Черезъ два года онъ возвратился, привезя съ собою любопытнѣйшій разсказъ о своемъ путешествіи.

Чтобы достигнуть Икаріи, нужно проѣхать сосѣднюю ей приморскую страну марволовъ, гдѣ онъ присталъ въ портѣ Камирисѣ. Въ Камирисѣ есть икарійскій консулъ; изъ этого порта ходятъ пароходы прямо къ Тираму,—ближайшій портъ въ Икаріи. Лордъ Керисдаль отправился къ консулу, чтобы запастись паспортомъ въ Икарію; консулъ былъ очень любезенъ, снабдилъ его нѣкоторыми указаніями, между прочимъ посовѣтовалъ ему сообразоваться съ законами икарійскими и выдалъ ему, равно какъ и его спутнику доброму Джону, два паспорта на четыре мѣсяца, взявши съ нихъ обоихъ по двѣсти гиней. Такая плата за паспортъ показалась Керисдалю очень высокою и онъ сталъ бояться, что ему не достанетъ денегъ для путешествія въ той мысли, что въ Икаріи за все платятся суммы очень большія; потому онъ обратился къ консулу съ вопросомъ: сколько съ него возьмутъ за провозъ? Консулъ отвѣчалъ, что ничего. И вотъ какой разговоръ произошелъ между ними по этому поводу.

«— А сколько я долженъ буду заплатить за путешествіе отъ Тирамы до столицы?

— И за это ничего, отвѣчаатъ консулъ.

— Какимъ образомъ?

— Такъ; двѣсти гиней, которые вы платите здѣсь, будутъ служить платою за всѣ ваши издержки впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ; вы можете вездѣ путешествовать и вездѣ вы будете имѣть лучшія мѣста въ общественныхъ экипажахъ, не платя ничего; вы найдете вездѣ гостиницы для иностранцевъ, гдѣ вамъ дадутъ помѣщеніе, пищу, даже одежду и чистое бѣлье, не требуя и не принимая отъ васъ ничего въ

уплату. Равнымъ образомъ вы будете допущены безденежно во всѣ общественныя заведенія и во всѣ театры; однимъ словомъ,—получая съ васъ двѣсти гиней, нація обязывается доставлять вамъ все, какъ одному изъ своихъ согражданъ. И такъ какъ продажа у насъ неизвѣстна, и слѣдовательно, вы не найдете ничего купить и кромѣ того, такъ какъ употребленіе монеты запрещено частнымъ лицамъ, съ тѣхъ поръ, какъ добрый Икаръ освободилъ насъ отъ этой язвы,—вы должны оставить здѣсь всѣ деньги, которыя находятся при васъ.

— Какимъ же это образомъ, возразилъ Керисдаль?

— Не бойтесь, отвѣтилъ консулъ;—эти деньги вамъ будутъ возвращены въ томъ пунктѣ границы, гдѣ вы найдете болѣе удобнымъ оставить нашу страну». *)

Подъ этими благопріятными предзнаменованіями Керисдаль и отправился; еще на пароходѣ онъ успѣлъ убѣдиться въ, чрезвычайныхъ удобствахъ икарійской жизни, равно какъ въ крайней предупредительности икарійскихъ должностныхъ лицъ, имѣющихъ дѣло съ публикою. Посѣщеніе Тирамы убѣдило его въ этомъ еще больше; всѣ слова консула подтвердились вполнѣ Въ Тирамѣ Керисдаль нашелъ гостинницу для иностранцевъ, гдѣ были предупреждены всѣ его желанія. Самый городъ былъ такъ хорошъ, что лучшіе кварталы Парижа и Лондона давали только слабое понятіе о немъ. Отсюда Керисдаль отправился въ омнибусѣ въ Икару, столицу Икаріи, и дорогою познакомился съ однимъ молодымъ икарійцемъ, Вальморомъ. Въ продолженіи пути пассажиры прибывали и убывали; между ними были и дамы, путешествующія безъ мужчинъ, и въ этихъ случаяхъ, какъ убѣдился Керисдаль, икарійцы такъ почтительны и внимательны съ дамами, какъ будто бы они встрѣчали своихъ матерей, женъ, сестеръ и дочерей.

Вальмору было 22 года; онъ приготовлялся къ сану священника и жилъ съ своими родителями въ Икарѣ; у него

*) 7.

была прекрасная сестра Корилла; его отецъ былъ одинъ изъ первыхъ чиновниковъ республики. Изъ омнибуса путешественники перешли въ вагонъ желѣзной дороги, потомъ въ рѣчной пароходъ, и, когда они ѣхали на пароходѣ, къ нимъ опять прибывали и отъ нихъ уходили путешественники; между прочими прибыли двѣ дамы, повидимому мать и дочь, которымъ Вальморъ оказывалъ особенное вниманіе, какъ лицамъ знакомымъ. Керисдаль не могъ видѣть лицъ этихъ дамъ, потому что онѣ были закрыты густыми вуалями, но онъ былъ пораженъ необыкновенно пріятнымъ голосомъ дочери, которому подобный онъ только одинъ разъ въ жизни слышалъ, когда на сцѣнѣ пѣла извѣстная пѣвица Марсъ. Судя по всему Керисдаль былъ не очень привязанъ къ своей невѣстѣ, миссъ Генріэтъ, потому что голосъ незримой дѣвицы произвелъ на него слишкомъ сильное впечатлѣніе.

Наконецъ Керисдаль пріѣхалъ въ Икару; здѣсь онъ опять нашелъ гостинницу для иностранцевъ, гдѣ и помѣстился; счастіе послало ему соотечественника въ гостинницѣ для иностранцевъ, молодаго французскаго живописца Эжена, изгнаннаго изъ родины послѣ іюльской революціи и прибывшаго въ Икарію за двѣ недѣли передъ тѣмъ. Керисдаль называетъ его соотечественникомъ, потому что, по его словамъ, «французъ и агличанинъ, встрѣчаясь на столь далекомъ разстояніи отъ Европы, не могутъ смотрѣть другъ на друга иначе».

Не будемъ слѣдовать за возраставшимъ удивленіемъ, которое производили въ Керисдалѣ собственно архитектурныя и инженерныя чудеса, встрѣченныя имъ въ столицѣ Икаріи. Гораздо важнѣе чудеса общественной жизни, которыя поражали Керисдаля. Такъ оказалось, что одинъ изъ первыхъ чиновниковъ республики, отецъ Вальмора, былъ ничѣмъ другимъ, какъ слесаремъ, а прекрасная Корилла, дочь его, была швея. Разумѣется, съ этимъ семействомъ Керисдаль познакомился прежде всего; здѣсь же онъ встрѣтилъ и незримую обладательницу необыкновеннаго голоса и кромѣ того ученаго Динара, друга

этого семейства. Знакомство съ Динаромъ было въ томъ отношеніи полезно для Керисдаля, что черезъ него онъ могъ основательно познакомиться съ современною, какъ политическою, такъ и экономическою организаціею Икаріи, равно какъ и съ ея исторіею.

Судя по разсказамъ Динара, первоначальная исторія Икаріи весьма много напоминаетъ первоначальную исторію западныхъ европейскихъ государствъ. «Прошло болѣе 400 лѣтъ, говорилъ Динаръ, съ тѣхъ поръ, какъ варварскіе народы покорили нашу страну и утвердились въ ней. Борьба продолжалась болѣе полувѣка, впродолженіе котораго завоеватели разрушили почти всѣ города, истребили большую часть жителей, а остальныхъ обратили въ рабство. Побѣдители раздѣлили между собою всѣ земли и рабовъ со всѣмъ ихъ имуществомъ и образовали націю дворянства и духовенства. Если бы эта аристократія была всегда въ согласіи, рабство народа продолжалось бы всегда, переходило бы изъ поколѣнія въ поколѣніе; но эти варвары, сколько жестокіе, столько и невѣжественные, ввели въ своей средѣ неравенство состоянія и власти; учредили наслѣдственную королевскую власть и вмѣстѣ съ тѣмъ избирательнаго верховнаго первосвященника; и борьба между ними была постоянная. Иногда короли заключали союзъ съ духовенствомъ противъ дворянства, иногда съ дворянствомъ противъ духовенства, иногда съ одною частію дворянства противъ другой, а дворянство и духовенство въ свою очередь соединялись и заключали союзы противъ королей; всѣ средства были хороши, не только война, убійство, грабежъ и конфискаціи, но также заговоры, отравленія, тайныя убійства и воровство.

«Такимъ образомъ многіе короли были низложены, заключены въ тюрьмы и изгнаны; нѣкоторые погибли отъ руки убійцы или палача. Въ длинномъ спискѣ верховныхъ первосвященниковъ не болѣе добродѣтелей и не менѣе случаевъ насильственной смерти; остальное духовенство, равно какъ и дворянство, не было лучше своихъ начальниковъ.

«Но въ то время, какъ аристократіи терзала сама себя въ

присутствіи народа, народъ пользовался несогласіями своихъ утѣснителей. Сначала короли освободили своихъ рабовъ, чтобы получить отъ нихъ лучшую поддержку противъ аристократіи, потомъ аристократія освободила своихъ, чтобы лучше сопротивляться королямъ. Освобожденный народъ получилъ право трудиться въ свою пользу, заниматься промышленностію и торговлей. владѣть землями; нѣкоторые обогатились, составили городской классъ, буржуазію: но масса осталась въ нищетѣ. Тогда народъ, сдѣлавшись сильнѣе и образованнѣе, но не переставая быть несчастнымъ, сталъ пытаться улучшить свою участь другими средствами: заговоры, возмущенія и насилія народа присоединились къ заговорамъ, возмущеніямъ и насиліямъ аристократіи; и въ своемъ сопротивленіи утѣсненіямъ народъ почти всегда былъ возбуждаемъ и руководимъ наиболѣе могущественными аристократами, иногда даже честолюбивыми членами королевской фамиліи, и получалъ отъ нихъ деньги. Если народъ оставался побѣдителемъ, то онъ мстилъ аристократіи убійствомъ, пожарами и грабежемъ. Но народныя возстанія, безсильныя противъ силы и искусства организованной власти, почти всегда были задушаемы въ крови народа; и исторія Икаріи представляетъ одну непрерывную цѣпь утѣсненія и возмущенія, междоусобныхъ войнъ и кровопролитія.

«Мало-по-малу народъ пріобрѣлъ право организоваться въ общины и посылать представителей въ собранія провинціальныя или государственныя; и эти важныя пріобрѣтенія дали ему возможность сдѣлать другія. Послѣ 20 революцій болѣе или менѣе кровопролитныхъ, испытавши всѣ формы правленія— аристократію и ѳеократію, монархію неограниченную и ограниченную, республику, демократію и диктатуру, будучи обманутъ диктаторами не менѣе, чѣмъ королями, возведя на престолъ многія новыя династіи и будучи принужденъ принять многія реставраціи, низвергнувши стараго тирана Коруга въ 1772 году и своихъ послѣднихъ тирановъ, Ликсдокса и Клорамиду въ 1782 году,—икарійцы наконецъ имѣли счастіе

найти диктатора, который искренно желалъ ихъ свободы и ихъ благополучія»*).

Этотъ добродѣтельный диктаторъ и былъ безсмертный Икаръ, въ честь котораго жители страны даже оставили ея прежнее названіе и стали называть ее Икаріею. Переворотъ, произведенный Икаромъ, безъ сомнѣнія любопытенъ и достоинъ нашего особаго вниманія, но не лишенъ интереса и предъидущій переворотъ 1772 года и послѣдовавшій за нимъ 10-ти-лѣтній періодъ правленія Ликсдокса и Клорамиды.

Послѣ низверженія Коруга, Икарійцы сами выбрали королевою молодую и прекрасную Клорамиду, вслѣдствіе интригъ Ликсдокса, стоявшаго въ то время во главѣ одной части аристократіи.

«Будучи братомъ низверженнаго короля, чрезвычайно богатый и вліятельный, небольшой ростомъ, некрасивый, кривой и горбатый, пожираемый честолюбіемъ, исполненный ума, образованія, краснорѣчія, искусства и даже генія, Ликсдоксъ давно старался занять мѣсто своего брата и своего государя. Получая секретную помощь отъ одной части аристократіи, будучи столь же лукавъ и притворенъ, сколько честолюбивъ и самоуправенъ, онъ истощилъ всѣ хитрости и даже низости для того, чтобы обмануть дворъ и народъ, и для того, чтобы пріобрѣсти популярность. Проливая притворныя слезы объ ошибкахъ и несчастіяхъ своего брата короля, онъ возбуждалъ своихъ партизановъ или вѣрнѣе соучастниковъ къ тому, чтобы судить и казнить его; достигнулъ того, что королева, его невѣстка была убита, а дѣти короля были отравлены, за исключеніемъ самаго младшаго, котораго вѣрные служители успѣли увезти ко двору одного сосѣдняго государя. Онъ легко могъ взойти самъ на престолъ, куда громко призывали его партизаны между дворянствомъ и народомъ, но онъ думалъ, что будетъ имѣть болѣе безопасности и болѣе удобства, если будетъ царствовать подъ чужимъ именемъ: и всегда притворяясь,

*) 308.

показывая самое полное безкорыстіе, онъ предложилъ избрать королевою графиню Клорамиду, принадлежавшую къ одной изъ первыхъ фамилій между дворянствомъ. Клорамида, имѣя отъ роду не болѣе двадцати лѣтъ, была вѣроятно наиболѣе красивою женщиною въ странѣ; никогда ни одна королева не заслуживала болѣе названія божества. И ея характеръ, ея качества и добродѣтели заслуживали не меньшаго удивленія, какъ и ея красота. Будучи вдовою одного изъ самыхъ знаменитыхъ генераловъ, отъ котораго она имѣла троихъ прекрасныхъ дѣтей, одну дѣвочку и двухъ мальчиковъ, она по всеобщему признанію была лучшею изъ женъ и матерей.—Что касается до Ликсдокса, имѣя только одного сына, котораго воспитаніемъ руководилъ онъ самъ, онъ показывалъ видъ, что не желаетъ ничего, кромѣ удовольствій частной жизни; его партизаны не переставали прославлять его добродѣтели, какъ мужа и какъ отца, его таланты и необыкновенныя способности; мало того, цѣлыя депутаціи и безчисленные адресы ежедневно приходили къ нему и умоляли быть совѣтникомъ, руководителемъ и первымъ министромъ королевы. Эти похвалы и эти мольбы были тайнымъ образомъ направляемы имъ же самимъ и возбуждаемы посредствомъ денегъ; не смотря на то, онъ долго отказывался, ссылался на слабое здоровье, и когда согласился, то объявилъ, что онъ жертвуетъ собою для блага страны и повинуется всеобщему желанію. Имѣя неограниченную власть надъ умомъ Клорамиды, онъ былъ дѣйствительнымъ правителемъ страны. Впродолженіи нѣкотораго времени королева и ея первый министръ, истощая всѣ средства для пріобрѣтенія популярности, дѣйствительно пользовались народною любовію. Но когда Ликсдоксъ, поддерживаемый богатыми и однимъ могущественнымъ сосѣднимъ государемъ, который выставилъ триста тысячъ солдатъ на границѣ, нашелъ себя довольно сильнымъ для того, чтобы снять маску, онъ пересталъ скрывать свои аристократическіе и деспотическіе проекты и прибѣгнулъ къ устрашенію и террору. Его тираннія сдѣлалась столь велика и кровопролитна и самая королева подъ вліяніемъ

его сдѣлалась столь ненавистна и презираема, что народное негодованіе разразилось заговорами, покушеніями и возстаніями,—до тѣхъ поръ, пока въ 1782 году народъ не освободился отъ своихъ тирановъ. Послѣ битвы два министра были умерщвлены народомъ, пришедшимъ въ ярость; четыре другіе, убѣжавшіе въ одеждѣ лакеевъ и женщинъ, были возвращены съ тріумфомъ; Клорамида была арестована собственною гвардіею во дворцѣ и самъ Ликсдоксъ,—котораго нигдѣ не находили,—былъ открытъ подъ лохмотьями кухарки» *).

Въ портретѣ Ликсдокса нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ и притомъ весьма существенныхъ чертъ характера и обстоятельствъ Людовика-Филиппа: оба они родственники прежняго короля, оба чрезвычайно богаты, оба играли въ двойную игру съ королями своими родственниками и съ народомъ, оба отличаются семейными добродѣтелями, оба достигаютъ власти посредствомъ интриги, оба платятъ деньги своимъ партизанамъ, наконецъ оба достигнувши власти, снимаютъ маску. По крайней мѣрѣ, французскіе либералы тридцатыхъ годовъ вмѣстѣ съ рабочими классами, для которыхъ предназначалась книга Кабе, приписывали Людвику-Филиппу именно тѣ качества, которыя Кабе приписываетъ Ликсдоксу. Несогласныя обстоятельства въ жизни Людвика-Филиппа и Ликсдокса,—наприм. то, что Людвикъ-Филиппъ былъ королемъ и Ликсдоксъ только первымъ министромъ, служатъ не болѣе, какъ щитомъ, за которымъ Кабе хочетъ укрыть свою книгу отъ юридическаго осужденія, послѣ котораго она потеряла бы возможность распространяться во Франціи.

Послѣ революціи королева и первый министръ были подвергнуты суду, и народное предстаавительство, судившее ихъ, единогласно признало ихъ «клятвопреступниками, измѣнниками, похитителями, ворами, отцеубійцами и народоубійцами». Ликсдоксъ и другіе министры были осуждены на смертную казнь, а королева на вѣчное заключеніе. Кромѣ того, оба они присуждены были къ уплатѣ мильярда вознагражденія народу. Впрочемъ, приго-

*) 212.

воръ суда по предложенію Икара былъ измѣненъ; Ликсдоксу, вмѣсто того, чтобы отрубить голову, только обрили ее, и онъ былъ заключенъ въ желѣзную клѣтку; министры были посажены въ тюрьму, а Клорамида отпущена на свободу послѣ того, какъ она въ продолженіи мѣсяца просила милостыню у дверей народнаго представительства.

Душою этой послѣдней революціи былъ Икаръ. Этотъ необыкновенный человѣкъ былъ сынъ извощика и самъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занимался ремесломъ своего отца; такимъ образомъ онъ испыталъ всѣ несчастія бѣдныхъ рабочихъ. Но онъ имѣлъ страсть къ чтенію и «посвящалъ ему все то время, которое другіе дѣти употребляютъ на забавы и, начавши читать книгу, онъ не оставлялъ ея, недочитавши до конца; онъ читалъ на ходу, на дорогѣ и на улицѣ, во время обѣда и даже ночью, не смотря на запрещеніе и гнѣвъ своего отца; и въ особенности онъ любилъ книги философическія; онъ пожиралъ ихъ, какъ молодыя дѣвочки пожираютъ любовные романы. И все возбуждало его размышленія; онъ отовсюду извлекалъ полезныя заключенія, которыя оставались неизгладимыми въ его умѣ. Первыя слова молитвы Господней «Отче нашъ» внушили ему, что всѣ люди — братья и равны между собой, что всѣ должны составлять одно семейство, должны побратски любить другъ друга и помогать другъ другу. Неожиданное наслѣдство, полученное однимъ изъ его сосѣдей, самымъ лѣнивымъ и самымъ злымъ, измѣнившее его нищенское положеніе на богатство въ то время, какъ молнія раззорила другаго, наиболѣе богатаго, трудолюбиваго и добраго изъ сосѣдей, — дало ему первую мысль о недостаткахъ общественнаго устройства, при которомъ богатство и бѣдность зависятъ отъ каприза или отъ случая. Разговаривая съ однимъ каменьщикомъ и размышляя о планѣ, начерченномъ архитекторомъ для постройки дома, онъ понялъ въ первый разъ, какимъ образомъ вся страна могла бы быть хорошо устроена; наконецъ отправившись съ своею телѣгою въ одинъ большой монастырь.

онъ получилъ первую мысль о томъ, что всѣ жители могли бы трудиться и жить сообща» *).

Впослѣдствіи Икаръ достигнулъ большаго образованія, сдѣлался священникомъ и попалъ въ столицу. Онъ былъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ и съ большою энергіею внушалъ своимъ слушателямъ идеи комунизма, ссылаясь на слова Христа. За это духовное начальство запретило ему проповѣди, и осудило на молчаніе и бездѣйствіе; тогда онъ оставилъ духовное званіе и сдѣлался публицистомъ; но его сочиненія въ новомъ родѣ привлекли преслѣдованія со стороны правительства: онъ былъ осужденъ и публично выставленъ на эшафотѣ, какъ воръ, за то, что утверждалъ, будто бы Христосъ былъ самымъ смѣлымъ революціонеромъ, когда-либо являвшимся на землѣ. Это еще болѣе возбудило его усердіе, какъ публициста: онъ основательно изучилъ вопросъ о коммунизмѣ и написалъ брошуру въ пользу его, за что едва не поплатился жизнію; «онъ былъ осужденъ за то, что составляетъ заговоръ и дѣлаетъ провокацію къ междоусобной войнѣ;—его назвали анархистомъ, кровопійцею, врагомъ народа и человѣчества». Впрочемъ, онъ спасся отъ смерти, потому что половина судей не нашла возможнымъ вмѣнить ему его преступленіе, находя въ его ученіи только безуміе. Послѣ этого счастіе послало ему колоссальное богатство, вслѣдствіе смерти дяди, жившаго въ Остъ-Индіи; и онъ воспользовался богатствомъ для распространенія своей идеи, окружилъ себя молодыми людьми, учеными и благородными, которые помогали ему въ его ученыхъ занятіяхъ и которымъ онъ поручалъ отыскивать и соединять всѣ мнѣнія писателей древнихъ и новыхъ, своихъ и иностранныхъ въ пользу коммунизма или противъ него. И велика была его радость, «когда въ спискѣ мнѣній благопріятныхъ коммунизму оказались наиболѣе славныя имена законодателей и философовъ»! Послѣ этого онъ позаботился о пріобрѣтеніи популярности въ народѣ и дѣйствительно сдѣлался его кумиромъ; но

*) 225.

вліяніемъ своимъ пользовался чрезвычайно благоразумно; онъ не только не возбуждалъ какихъ-нибудь неосторожныхъ попытокъ, а напротивъ останавливалъ ихъ. Но когда тираннія Ликсдокса сдѣлалась невыносима, когда весь народъ сдѣлался чрезвычайно возбужденъ противъ него, то «онъ первый подалъ сигналъ возстанія, воспламеняя храбрость и патріотическую преданность возставшаго народа, какъ своимъ примѣромъ, такъ и прокламаціями. Послѣ двухдневнаго ожесточеннаго и кровопролитнаго боя 13 и 14 іюня 1782 года народъ остался побѣдителемъ, и Икаръ, легко раненый, былъ провозглашенъ диктаторомъ»; народъ ввѣрилъ ему свою судьбу и поручилъ ему устроить новый порядокъ дѣлъ въ государствѣ.

Икаръ былъ коммунистъ, и ничто не могло воспрепятствовать ему тотчасъ же ввести коммунизмъ во всемъ государствѣ; но онъ былъ благоразуменъ и практиченъ и зналъ, что введеніе коммунизма встрѣтитъ много вражды, нарушитъ и возмутитъ общее теченіе дѣлъ. Потому, предложивши своимъ согражданамъ равенство соціальное и политическое и общность имуществъ, онъ въ то же время посовѣтовалъ имъ временный переходный общественный бытъ въ продолженіи 50 лѣтъ. Но онъ еще долженъ былъ выдержать страшную войну со всѣми сосѣдними государствами, въ которой одерживалъ побѣды и терпѣлъ пораженія; окончательная побѣда осталась за нимъ, и тогда онъ принялся за возрожденіе своего народа. Прежде всего онъ позаботился о введеніи новой, раціональной религіи въ Икаріи. Дѣло это совершилось съ такою легкостью и съ такимъ единодушіемъ, какихъ не представляетъ вся исторія отъ начала на нашихъ дней. (См. пр. А). Потомъ Икаръ занялся введеніемъ общности имуществъ; и уже болѣе трехъ мильоновъ жителей пользовались новою организаціею общества, когда 7 января 1798 года онъ умеръ, черезъ 16 лѣтъ послѣ низверженія Ликсдокса. Икаръ не пользовался титуломъ диктатора, хотя народъ, боготворившій его, не отказалъ бы ему ни въ какомъ титулѣ и ни въ какой власти; онъ не

хотѣлъ называться даже призидентомъ республики, онъ назывался только призедентомъ экзекуторіи, хотя былъ душою и добрымъ геніемъ всей республики.

Временное соціальное устройство было опредѣлено Икаромъ въ слѣдующихъ подробностяхъ.

1) «Система обсолютнаго равенства, общность имуществъ и обязательнаго труда (travail obligé) будетъ введена окончательно во всей странѣ въ продолженіи 50 лѣтъ.

2) «Въ продолженіи этихъ 50 лѣтъ право собственности будетъ сохранено, трудъ останется свободнымъ и необязательнымъ.

3) «Нынѣшнія имущества будутъ уважаемы, какъ бы они неравны ни были; но, начиная съ нынѣшняго времени, система неравенства уменьшающагося и равенства увеличивающагося будетъ служить переходомъ отъ прежней системы неограниченнаго неравенства къ будущей системѣ полнаго равенства и коммунизма.

4) «Всѣ существующіе теперь собственники сохранятъ свои имѣнія. Перемѣны будутъ сдѣланы только относительно наслѣдствъ, дарственныхъ записей и всякихъ будущихъ пріобрѣтеній.

5) «Никто изъ лицъ, имѣющихъ теперь неменѣе 15 лѣтъ, не будетъ обязанъ работать, когда начнется коммунизмъ. Но дѣти новорожденные и имѣющіе меньше 15 лѣтъ, равно какъ и имѣющіе родиться, получатъ общее элементарное и промышленное воспитаніе, для того, чтобы имѣть возможность исполнить какую-нибудь профессію, когда начнется коммунизмъ.

6) «Начиная съ этого дня, всѣ законы будутъ имѣть цѣлію уменьшить излишки, улучшить участь бѣдныхъ и мало-помалу ввести равенство во всемъ.

7) «Бюджетъ можетъ остаться тотъ же, но налоги и расходы измѣнятся.

8) «Бѣдность, предметы первой необходимости и трудъ будутъ освобождены отъ всякаго налога.

9) «Богатство и излишество будутъ обложены налогомъ прогрессивно.

10) «Всѣ безполезныя публичныя издержки будутъ уничтожены.

11) «Всѣ общественныя должности будутъ вознаграждены.

12) «Онѣ будутъ вознаграждены достаточно и умѣренно.

13) «Рабочая плата будетъ опредѣлена закономъ; на предметы первой необходимости будетъ назначена такса, такъ чтобы всякій рабочій и всякій собственникъ могли жить прилично произведеніями своего труда и своей собственности.

14) «Не менѣе 500 мильоновъ ежегодно будутъ посвящаемы на то, чтобы доставить рабочимъ занятіе и бѣднымъ квартиры.

15) «Съ этою цѣлію всѣ предварительныя работы для введенія коммунизма будутъ немедленно начаты.

16) «Армія будетъ распущена по возможности въ скоромъ времени съ вознагражденіемъ.

17) «Въ ожиданіи этого она будетъ употреблена на общеполезныя работы за особую плату.

18) «Государственныя имущества, если возможно, будутъ тотчасъ же посвящены введенію системы коммунизма, будутъ преобразованы въ города, въ деревни или фермы и предоставлены бѣднымъ.

19) «Будутъ приняты всѣ мѣры къ увеличенію народонаселенія, къ прекращенію целибата.

20) «Женитьбамъ рабочихъ будетъ дано поощреніе и облегченіе.

21) «Обученіе и воспитаніе новыхъ поколѣній будетъ главнымъ предметомъ общественной заботливости.

22) «Они будутъ имѣть цѣлью приготовить гражданъ и рабочихъ способныхъ жить при системѣ коммунизма.

23) «На нихъ будетъ употреблено ежегодно до 100 миліоновъ. Республика не будетъ жалѣть ничего, чтобы имѣть необходимыхъ преподавателей; она доставитъ имъ довольство для нихъ самихъ и для ихъ семействъ и будетъ смотрѣть на

нихъ, какъ на государственныхъ чиновниковъ, наиболѣе важныхъ» *).

Таковы были принципы и обстоятельства, при которыхъ совершился переходъ Икаріи отъ прежняго экономическаго порядка къ коммунизму; нечего и говорить, что этотъ переходъ совершился легко, безпрепятственно и безостановочно, не смотря на то, что самъ Икаръ умеръ еще въ началѣ переходнаго періода. Лордъ Керисдаль пріѣхалъ въ Икарію въ 1835 г., т. е. въ то время, когда только-что окончился переходный періодъ и, не смотря на то, онъ уже нашелъ вполнѣ установившійся коммунизмъ и такое благосостояніе жителей и вмѣстѣ такія чудеса промышленной жизни, которыя на каждомъ шагу приводили его въ восторгъ и изумленіе.

Мы не будемъ говорить о средствахъ, которыя были употреблены для того, чтобы привести благополучно къ концу переходный періодъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Кабе не говоритъ о нихъ подробно. Всеобщее стремленіе къ добру, участіе всего народа въ общественныхъ дѣлахъ посредствомъ собраній общинныхъ и провинціальныхъ, хорошая организація національнаго собранія, цѣлесообразное раздѣленіе его на комитеты и подкомитеты, составленные изъ спеціалистовъ, добросовѣстное и подробное изученіе всякаго дѣла, имѣвшаго общественный интересъ, привели къ самымъ счастливымъ результатамъ. До революціи въ веденіи общественныхъ дѣлъ было много злоупотребленій, но, по словамъ Кабе, «злоупотребленія были выметены однимъ ударомъ метлы», такъ что при организаціи новаго порядка никакая правительственная мѣра не была парализуема злоупотребленіями и всѣ онѣ имѣли полный успѣхъ. Экономическая жизнь народа, не смотря на радикальное измѣненіе ея характера и направленія, не подверглась никакому замѣшательству: капиталисты усердно заботились объ увеличеніи своихъ капиталовъ, не смотря на увѣренность, что чрезъ нѣсколько лѣтъ они будутъ принадлежать не имъ, такъ

*) 359.

что производство не было нисколько нарушено. Вообще въ продолженіи 50 лѣтъ и бѣдные и богатые и трудолюбивые и лѣнивые съ одинаковою любовью и надеждою ожидали времени абсолютнаго равенства, общности имуществъ и обязательнаго труда.

Для ознакомленія съ окончательнымъ политическимъ и экономическимъ устройствомъ страны воспользуемся изложеніемъ мудраго Динара, чтобы во всей точности представить дѣло.

«Такъ какъ мы соединены между собою, всѣ—граждане равные правами, то мы всѣ въ одно время избиратели и избираемые, всѣ члены народа и народной гвардіи. И въ цѣломъ мы составляемъ націю или народъ, потому что у насъ народъ есть ничто иное, какъ собраніе всѣхъ икарійцевъ безъ исключенія. Я не имѣю надобности говорить вамъ, что верховная власть принадлежитъ у насъ народу и что вмѣстѣ съ тѣмъ ему принадлежитъ право составлять свой общественный договоръ, свою конституцію и свои законы. Мы даже не понимаемъ, чтобы какая-нибудь личность, или фамилія, или цѣлый классъ общества могли имѣть нелѣпую претензію быть нашими господами.—Если бы народъ икарійскій могъ легко собираться въ одной залѣ или на какой-нибудь равнинѣ, онъ дѣйствительно и пользовался бы верховною властью въ полномъ своемъ составѣ, самъ составлялъ свою конституцію и свои законы. Но такъ какъ это невозможно физически, то онъ передаетъ другимъ тѣ права, которыми онъ не можетъ пользоваться непосредственно, и сохраняетъ за собой всѣ другія. Онъ передаетъ народному представительству право приготовлять свою конституцію и свои законы, а экзекуторіи право приводить ихъ въ исполненіе; но онъ оставляетъ за собою право избирать представителей и членовъ экзекуторіи, одобрять или осуждать ихъ предложенія и дѣйствія, производить судъ и поддерживать порядокъ и обще-

ственное спокойствіе. Потому всѣ общественные чиновники суть ничто иное, какъ довѣренныя лица народа, всѣ избираются на срокъ, отвѣтственны и смѣняемы: и для предупрежденія честолюбивыхъ замысловъ власть законодательная и исполнительная не можетъ совмѣщаться въ однихъ лицахъ.

«Наше народное представительство составлено изъ 2000 депутатовъ, разсуждающихъ сообща въ одной камерѣ. Оно—постоянно или почти всегда въ сборѣ и всякій годъ возобновляется на половину. Наиболѣе важные законы, какъ и сама конституція требуютъ одобренія самаго народа. Экзекуторія, составленная изъ президента и 15 другихъ членовъ, возобновляемыхъ ежегодно на половину, вполнѣ подчинена народному представительству; что касается до народа,—мѣстомъ для его разсужденій, выборовъ, суда и для всякаго другаго пользованія своими правами служатъ его собранія. Для облегченія народу пользованія его правами, вся территорія раздѣлена на сто небольшихъ провинцій, подраздѣленныхъ на 1000 общинъ почти равныхъ пространствомъ и населеніемъ. Всякій городъ провинціальный находится въ центрѣ провинціи, всякій городъ общинный—въ центрѣ общины; все расположено такимъ образомъ, чтобы всѣ граждане аккуратно посѣщали народныя собранія. Для того, чтобы никакіе интерессы не были забыты, всякая община и всякая провинція занимаются своими общинными и провинціальными интересами, въ то время, какъ всѣ общины и провинціи, т. е. весь народъ и его представительство занимаются интересами общими; такимъ образомъ разсѣянный въ тысячѣ собраній общинныхъ, народъ принимаетъ участіе въ обсужденіи своихъ законовъ, прежде или послѣ разсужденія объ нихъ его представителей. Для того, чтобы народъ могъ разсуждать съ полнымъ знаніемъ дѣла, всякое дѣло совершается съ полною гласностію, факты собираются и провѣряются статистикою, и все публикуется въ народномъ журналѣ, раздаваемомъ всѣмъ гражданамъ. Чтобы всякое разсужденіе было основательно, народное представительство и всякое общинное собраніе, т. е. весь народъ, раз-

дѣленъ на 15 великихъ комитетовъ,—конституціи, воспитанія, земледѣлія, промышленности, пищи, одежды, помѣщенія, меблированія, статистики и проч. Такимъ образомъ всякій великій комитетъ составляетъ 15-ю часть массы гражданъ и всѣ умственныя силы народа, правильно воспитаннаго и хорошо образованнаго, находятся въ постоянномъ дѣйствіи для того, чтобы открывать и прилагать къ дѣлу всякія улучшенія и усовершенствовані» *).

Этому идеальному политическому устройству вполнѣ соотвѣтствуетъ столь же идеальная соціальная организація Икаріи. Вотъ какъ излагаетъ ее Динаръ. «Будучи убѣждены опытомъ, что не можетъ быть счастія безъ ассоціаціи и безъ равенства, икарійцы составляютъ одно общество, основанное на полномъ равенствѣ. Они всѣ соединены между собою, и всѣ граждане равны правами и обязанностями и всѣ въ равной степени дѣлятъ между собою выгоды ассоціаціи и исполняютъ ея требованія, всѣ составляютъ одно семейство, котораго члены соединены узами братства.—Соотвѣтственно этому наша территорія съ ея подземными минами и со всѣми постройками составляетъ одно владѣніе, которое принадлежитъ намъ всѣмъ. Всѣ движимыя имущества гражданъ вмѣстѣ съ произведеніями земли и промышленности, составляютъ одинъ общественный капиталъ. Это общественное имущество и этотъ общественный капиталъ принадлежатъ нераздѣльно всему народу, который ихъ эксплуатируетъ сообща, который управляетъ ими самъ черезъ свои довѣренныя лица и который дѣлитъ поровну всѣ произведенія.

«Всѣ инструменты труда и сырые продукты доставляются общественнымъ капиталомъ; всѣ произведенія земли и промышленности складываются въ общественныхъ магазинахъ. Мы всѣ получаемъ пищу, одежду, помѣщеніе и мебель на счетъ общественнаго капитала и всѣ въ одинаковой степени, смотря по возрасту, полу и нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ, которыя предвидѣлъ законъ.

*) 38.

«Такимъ образомъ республика или община одна владѣетъ всѣмъ; она организуетъ промышленныя занятія, она строитъ свои мастерскія и свои магазины; она обработываетъ землю, она строитъ дома, она производитъ все, что нужно для пищи, одежды, помѣщенія и меблированія,—наконецъ, она же доставляетъ всякому семейству и всякому гражданину пищу, одежду, помѣщеніе и мебель.

«На воспитаніе мы смотримъ, какъ на фундаментъ общества; сама республика даетъ его всѣмъ своимъ дѣтямъ и при томъ въ равной степени, такъ какъ въ равной степени она даетъ всѣмъ пищу. У насъ всѣ получаютъ одно и тоже элементарное образованіе и кромѣ того образованіе спеціальное, соотвѣтственное разнымъ профессіямъ; и это образованіе имѣетъ цѣлію произвести добрыхъ работниковъ, добрыхъ родителей, добрыхъ гражданъ,—людей въ истинномъ значеніи этого слова» *).

Этотъ общій очеркъ икарійскаго быта былъ сдѣланъ Динаромъ для того, чтобы убѣдить Лорда Керисдаля въ совершенствѣ икарійскихъ порядковъ. Впослѣдствіи Вальморъ дополнилъ его слѣдующими подробностями:

Республика или община сама опредѣляетъ ежегодно всѣ предметы, которые необходимы для потребленія жителей. Она же выбираетъ наилучшіе способы производства и заботится о распространеніи въ массѣ народа всѣхъ открытій и усовершенствованій; она распредѣляетъ между рабочими трудъ, раздѣляя его самымъ производительнымъ образомъ, доставляетъ имъ инструменты и сырые матеріалы для труда и платитъ имъ натурою, вмѣсто денегъ.

«Вы понимаете, говорилъ Вальморъ, какія неизчислимыя сбереженія и какія неизчислимыя выгоды являются результатомъ такого устройства; у насъ всякій человѣкъ есть національный рабочій, всякій трудится для республики. Мущины и женщины всѣ безъ исключенія занимаются какимъ

*) 36.

нибудь ремесломъ, искусствомъ, наконецъ какою-нибудь профессіею, опредѣленною закономъ». Молодые люди начинаютъ работать съ 18 лѣтъ, а дѣвицы съ 17-ти. Старики свободны отъ работы въ 65 лѣтъ, а женщины въ 50-ти; впрочемъ, трудъ столь пріятенъ, что немногіе пользуются этимъ освобожденіемъ; обыкновенно продолжаютъ занятія вслѣдствіе образовавшейся привычки къ труду. Больные конечно освобождены отъ труда; «но для избѣжанія злоупотребленій всякій больной долженъ поступить въ госпиталь, который однако есть ничто иное, какъ дворецъ; для увольненія отъ работъ по случаю путешествія всякій рабочій долженъ получить согласіе сотоварищей, и случаи, когда оно можетъ имѣть мѣсто, опредѣлены закономъ. Я вамъ сказалъ (это слова Вальмора), что трудъ пріятенъ и неутомителенъ: наши законы не щадятъ ничего, чтобы сдѣлать его такимъ, потому что никогда не было мануфактуриста столь доброжелательнаго къ своимъ рабочимъ, какъ республика доброжелательна къ своимъ. Машины умножены до безконечности, до такой степени, что онѣ исполняютъ работу 200 мил. лошадей и 3 мильярдовъ рабочихъ, онѣ исполняютъ всѣ труды опасные или утомительные, нездоровые, неопрятные или отвратительные; здѣсь въ особенности проявляются во всемь блескѣ умъ и понятія моихъ соотечественниковъ, потому что то, что въ другихъ мѣстахъ возбуждаетъ только отвращеніе, здѣсь скрывается съ наибольшимъ вниманіемъ и окружается самою безукоризненною опрятностію. Такимъ образомъ не только вы никогда не увидите на улицахъ окровавленнаго мяса или навоза, вы не увидите даже въ мастерскихъ, чтобы рука рабочаго прикасалась къ какому-нибудь отталкивающему предмету. Все способствуетъ къ тому, чтобы сдѣлать трудъ пріятнымъ: воспитаніе, которое дается юношеству и которое научаетъ его любить и почитать трудъ; чистота и удобства мастерскихъ, пѣніе, которое одушевляетъ и увеселяетъ массы рабочихъ, равенство труда для всѣхъ и почетъ, которымъ всѣ труды въ равной степени окружены въ общественномъ мнѣніи.

«Какъ, возразилъ я, т. е. Лордъ Керисдаль, всѣ эти занятія одинаково почитаются, напр. занятіе сапожника и доктора?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Вальморъ;—и вы не будете удивляться этому, потому что всѣ занятія опредѣлены закономъ, равно какъ и всѣ необходимыя произведенія; никакой другой промышленности у насъ не учатъ и не допускаютъ ея, и никакая другая фабрикація не позволена. Напр., у насъ нѣтъ кабаковъ и нѣтъ производства кинжаловъ. Потому всѣ наши профессіи и всѣ наши производства одинаково законны и почитаются въ нѣкоторомъ смыслѣ одинаково необходимыми: такимъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ законъ находитъ, что должны быть сапожники и доктора, необходимо, чтобъ тѣ и другіе дѣйствительно были; и такъ какъ всѣ не могутъ быть медиками и для того, чтобы кто-нибудь захотѣлъ быть сапожникомъ, нужно, чтобы сапожники были столь же счастливы и довольны, какъ и медики; слѣдовательно, нужно установить между ними по возможности наиболѣе полное равенство; нужно, чтобы тотъ и другой, посвящая одинаковое время республикѣ, были одинаково почитаемы.

— И вы не дѣлаете различія для ума, пониманія, генія?

— Нѣтъ; все это есть даръ природы; потому справедливо ли дѣлать въ нѣкоторомъ смыслѣ наказаніе тому, кого судьба обдѣлила? Напротивъ, умъ и общество не должны ли вознаградить неравенство, произведенное слѣпымъ случаемъ? Тотъ. чей геній дѣлаетъ его полезнымъ, не вознагражденъ ли удовольствіемъ, которое онъ испытываетъ? Если мы хотимъ дѣлать различіе, то его слѣдовало бы сдѣлать въ пользу занятій болѣе тяжелыхъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ вознаградить ихъ и дать имъ поощреніе. Однимъ словомъ, наши законы дѣлаютъ медика столь счастливымъ и почтеннымъ, сколько это возможно: почему же медикъ будетъ жаловаться, что и сапожникъ пользуется одинаковымъ счастіемъ и почетомъ? Впрочемъ, хотя уже воспитаніе внушаетъ каждому желаніе быть наиболѣе полезнымъ обществу, тѣмъ не менѣе для возбужденія полезнаго сорев-

нованія всякій рабочій, вслѣдствіе патріотизма дѣлающій болѣе, нежели отъ него требуетъ законъ, или который дѣлаетъ полезное открытіе, получаетъ особый почетъ или публичныя отличія или даже національныя почести.

— А лѣнивые?

— Лѣнивые! Мы ихъ не знаемъ. Какимъ образомъ вы хотите, чтобы они были, когда праздность и лѣность у насъ столь же безславны, какъ въ другихъ мѣстахъ воровство?

— И такъ неправда то, что я слышалъ во Франціи и Англіи, что всегда будутъ пьяницы, лѣнтяи и воры?

— Что касается до общественной организаціи этихъ странъ — для нея это правда, а для нашей организаціи это неправда.

«Продолжительность труда, которая сначала простиралась отъ 10 до 18 часовъ, послѣдовательно уменьшена и теперь опредѣлена въ 7 часовъ для лѣта и въ 6 часовъ для зимы, отъ 6 или 7 часовъ утра до 1 часа по полудни. Ее еще по возможности уменьшатъ, если новыя машины замѣнятъ рабочихъ, и если уменьшеніе въ необходимости нѣкоторыхъ производствъ, напр. въ постройкахъ, сдѣлаетъ безполезнымъ значительное число рабочихъ. Но вѣроятно продолжительность труда въ настоящее время достигла своего минимума, потому что если нѣкоторые роды промышленности сокращаются, то они замѣняются обыкновенно другими, такъ какъ мы будемъ постоянно стремиться къ увеличенію нашего благосостоянія. Такъ въ прошломъ году одна новая мебель была прибавлена къ нашей прежней мебели, и оказалась потребность въ 100 тыс. рабочихъ для доставленія этой мебели всѣмъ семействамъ; они были взяты изъ всей массы трудящагося народа, и общая продолжительность труда была увеличена на пять минутъ.

«Во всякомъ семействѣ женщины и дѣвицы исполняютъ всѣ домашнія работы, отъ 5 или 6 часовъ утра до 8 съ половиною; а съ 9 до 1 онѣ работаютъ въ общественныхъ мастерскихъ.

— А женщины беременныя или тѣ, которыя кормятъ дѣтей, освобождены-ли отъ труда?

— Всѣ женщины старшія въ семействѣ не ходятъ въ мастерскія, потому что смотрѣть за семействомъ и домомъ есть занятіе полезное для республики». *)

Что касается до устройства мастерскихъ, до ихъ цѣлесообразности, удобства и даже роскоши, онѣ понятны сами собою; мастерскія построены по планамъ, выработаннымъ посредствомъ конкурсовъ, причемъ принимались въ соображеніе мнѣнія самихъ рабочихъ, ученыхъ и всего народа; напр. вотъ какъ устроены мастерскія, гдѣ производятся часы. Лордъ Керисдаль посѣтилъ одну изъ нихъ вмѣстѣ съ Еженомъ и Вальморомъ, котораго двоюродный братъ работалъ въ этой мастерской. По словамъ лорда Керисдаля, онъ нашелъ здѣсь нѣчто въ высшей степени достойное удивленія; здѣсь соединено все, начиная съ необдѣланнаго металла до большихъ башенныхъ, стѣнныхъ и карманныхъ часовъ и всякихъ принадлежностей, размѣщенныхъ по разнымъ магазинамъ, представляющимъ истинные музеи. Вся мастерская занимаетъ строеніе въ 1,000 футовъ длины и ширины въ четыре этажа. Внизу находятся громадныя и тяжелыя машины, предназначенныя для разсѣченія металловъ и перваго приспособленія ихъ къ принадлежностямъ часовъ; выше находятся рабочіе, раздѣленные на столько отдѣленій, сколько частей заключается въ часахъ, и всякій рабочій постоянно занимается производствомъ одной и той же принадлежности, черезъ что искусство работы достигаетъ самой высокой степени. Всю эту массу рабочихъ можно сравнить съ полкомъ,—такъ много здѣсь порядка и дисциплины. Керисдаль тѣмъ болѣе удивлялся, что двоюродный братъ Вальмора объяснилъ ему все движеніе этого величественнаго механизма, т. е. часовой фабрики. При работахъ соблюдается такая чистота и опрятность, что рабочіе приходятъ въ мастерскую и уходятъ изъ нея истинными джентльменами. Приходятъ они обыкно-

---

*) Ib. 103.

венно въ 6 час. безъ четверти, потомъ снимаютъ свое платье въ особенной гардеробной комнатѣ, гдѣ берутъ платье рабочее *), и ровно въ 6 часовъ по звуку колокола начинаютъ работать. Въ 9 часовъ рабочіе идутъ въ столовую, гдѣ въ продолженіи 20 минутъ завтракаютъ молча въ то время, какъ одинъ изъ нихъ читаетъ утренній журналъ. Въ 1 часъ работы оканчиваются. Такимъ образомъ вся работа продолжается съ небольшимъ 6 часовъ; причемъ по требованію закона въ продолженіи первыхъ двухъ часовъ соблюдается строгое молчаніе, въ продолженіи слѣдующихъ двухъ часовъ рабочіе могутъ разговаривать съ своими сосѣдями; а послѣ того или всякій можетъ пѣть самъ для себя или всѣ рабочіе поютъ хоромъ. По окончаніи труда идутъ въ гардеробную комнату, гдѣ все готово для умыванья; умывшись рабочіе одѣваются и уходятъ по домамъ **).

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе привлекательное, чѣмъ эти мастерскія; но въ Икаріи можно найти вещи даже болѣе интересныя; таковы мастерскія, въ которыхъ работаютъ женщины. Въ Икаріи существуетъ истинное поклоненіе женщинамъ, введенное еще Икаромъ, culte des femmes, какъ выражается Кабе. Лордъ Керисдаль посѣтилъ одну изъ такихъ мастерскихъ опять въ сопровожденіи Эжена и Вальмора, именно мастерскую модистокъ; впрочемъ икарійскихъ модистокъ и икарійскія моды нельзя представлять себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ у насъ, такъ какъ въ Икаріи модъ, въ нашемъ смыслѣ, совсѣмъ нѣтъ, или правильнѣе, тамъ моды совсѣмъ не измѣняются; тамъ есть извѣстное число формъ для шляпъ, токовъ, тюрбановъ и чепчиковъ, и каждая изъ этихъ формъ выбрана особою коммиссіею изъ модистокъ, живописцовъ и проч. и притомъ каждый экземпляръ дѣлается такъ, что онъ

*) Тутъ Вальморъ пропустилъ одну маленькую подробность: передъ началомъ работъ, какъ окажется дальше, рабочіе имѣютъ здѣсь же въ мастерской маленькій завтракъ, coup du matin парижскихъ рабочихъ.

**) 61.

можетъ съуживаться и расширяться, вслѣдствіе чего всякая шляпка и чепчикъ можетъ прійтись на всякую голову.

Посѣтители прежде всего вошли въ салонъ директрисъ, откуда они могли все видѣть, сами не будучи замѣчены; и вотъ въ какихъ поэтическихъ образахъ лордъ Керисдаль представляетъ икарійскую мастерскую модистокъ.

«Какой видъ! Двѣ тысячи пятьсотъ молодыхъ женщинъ работаютъ въ одной мастерской; однѣ сидятъ, другія стоятъ, почти всѣ прекрасны, съ прелестными волосами, зачесанными къ верху или падающими на плечи въ видѣ колецъ; всѣ носятъ изящные передники на изящныхъ платьяхъ! И въ рукахъ у нихъ шелкъ и бархатъ яркихъ цвѣтовъ, всѣхъ видовъ кружева, цвѣты и перья, великолѣпныя шляпы и граціозные чепчики! Это были женщины столь же образованныя, какъ наиболѣе образованныя женщины другихъ странъ; это были артистки, которымъ привычка рисовать дала утонченный вкусъ, это были жены и дочери первыхъ гражданъ, работающія въ общественной мастерской для украшенія своихъ согражданокъ или лучше своихъ сестеръ. Вальморъ указалъ намъ одну изъ дочерей перваго чиновника столицы, дальше жену президента республики, недалеко отъ насъ были его сестра и мадмуазель Динаиза *). И какъ все было расположено для удобства и удовольствія этого женскаго юношества—цвѣта націи! Какія прелестныя украшенія представляетъ вездѣ мастерская! Какое пріятное благоуханіе здѣсь чувствуется и какая восхитительная гармонія женскихъ голосовъ раздается время отъ времени! Все показывало, что этотъ народъ есть обожатель женщинъ и что республика еще больше заботится объ удовольствіи своихъ дочерей, чѣмъ объ удовольствіи своихъ сыновъ» **). И какъ прекрасно организована собственно техническая часть производства; всякая шляпа наприм. шьется такимъ образомъ, что она можетъ быть раздѣлена на многія

*) Та самая прелестная невидимка, которая однимъ голосомъ очаровала л. Керисдаля.

**) Ib. 136.

части, которыя всѣ приготовляются огромными массами посредствомъ особыхъ механизмовъ; дѣвицамъ остается только сшить и связать эти части, такъ что всякая шляпа оканчивается въ нѣсколько минутъ. Такимъ образомъ «самыя изящныя головныя украшенія родятся тысячами подъ руками ихъ прелестныхъ производительницъ, какъ цвѣты подъ лучами солнца и дыханіемъ зефира».

Такъ совершается въ Икаріи производство и вотъ какъ происходитъ потребленіе; не имѣя возможности обозрѣть всѣхъ родовъ потребленія, обратимъ вниманіе только на важнѣйшія,—пищу и помѣщеніе икарійскихъ гражданъ. Объ этомъ мы можемъ узнать всего удобнѣе изъ письма Эжена къ своему брату во Францію, тѣмъ болѣе, что здѣсь же мы познакомимся и съ нѣкоторыми взглядами очевидно общими у Эжена съ лордомъ Керисдалемъ и Кабе.

«Въ нашемъ несчастномъ отечествѣ, т. е. во Франціи, пишетъ Эженъ, что касается до этой первой потребности человѣка, равно какъ и до другихъ, все предоставлено случаю и переполнено чудовищными злоупотребленіями. Здѣсь напротивъ все установлено разсудкомъ самымъ просвѣщеннымъ и заботливостью самою благородною. Представь себѣ, любезный братъ, что во всемъ, что касается пищи, нѣтъ ничего такого, что не было бы опредѣлено закономъ. Законъ допускаетъ или запрещаетъ всякую пищу безъ исключенія; особый ученый комитетъ, учрежденный народнымъ представительствомъ и получающій содѣйствіе отъ всѣхъ гражданъ, составилъ списокъ всѣхъ извѣстныхъ питательныхъ веществъ и въ этомъ спискѣ показаны какъ добрыя, такъ и дурныя питательныя вещества, какъ добрыя, такъ и дурныя качества каждаго изъ нихъ. Этого мало, между добрыми онъ указалъ необходимыя, полезныя и только пріятныя, и этотъ списокъ напечатанъ во множествѣ экземпляровъ и каждое семейство имѣетъ одинъ такой экземпляръ. И этого еще мало, составлено указаніе для приготовленія свойственнаго каждому веществу и всякое семейство имѣетъ эту поваренную книгу.

«Сообразно списку питательныхъ веществъ сама республика посредствомъ своихъ земледѣльцевъ и своихъ рабочихъ производитъ ихъ и сама раздѣляетъ ихъ между семействами; и такъ какъ никто не можетъ имѣть другихъ веществъ, то ты поймешь, что никто не можетъ потреблять никакихъ веществъ, кромѣ тѣхъ, которыя республика одобряетъ. Но она производитъ сначала необходимое, потомъ полезное, потомъ пріятное,—все это по мѣрѣ возможности. И она раздѣляетъ свои произведенія между всѣми поровну, такъ что всякій гражданинъ получаетъ одинаковое количество пищи, если ея достаетъ для всѣхъ, и всякій получаетъ по очереди, если какой-нибудь пищи въ извѣстный годъ или извѣстный день достаетъ только для одной части народонаселенія.—Но и это еще не все; комитетъ обсудилъ и опредѣлилъ, сколько разъ нужно садиться за столъ, когда и сколько времени сидѣть за столомъ. Онъ указалъ число блюдъ, ихъ роды и порядокъ, въ которомъ ихъ нужно подавать на столъ, измѣняя ихъ однако не только сообразно временамъ года и мѣсяца, но даже въ извѣстные дни недѣли, такъ что обѣды каждой недѣли всѣ отличаются одинъ отъ другого.

«Въ 6 часовъ утра, передъ началомъ работы, всѣ рабочіе т. е. всѣ граждане вмѣстѣ получаютъ очень простой предварительный завтракъ, который наши парижскіе рабочіе называютъ goutte или coup du matin, приготовленный и поданный ресторатором мастерской. Въ 9 часовъ они завтракаютъ въ мастерской же въ то время, какъ ихъ жены завтракаютъ по домамъ. Въ два часа всѣ жители одной и той же улицы обѣдаютъ въ республиканскомъ ресторанѣ; обѣдъ приготовляется однимъ изъ рестораторовъ республики. Вечеромъ между 9 и 10 часами всякое семейство ужинаетъ въ своемъ собственномъ помѣщеніи; ужинъ приготовляется у себя дома женщинами» *).

*) 54. И все это обязательно для икарійцевъ; они должны ужинать дома, обѣдать въ ресторанѣ, завтракать въ мастерской. Исключеніе допускается только для воскресенья. Въ воскресенье граждане не только ужинаютъ. но и завтракаютъ и обѣдаютъ дома. Давая имъ эту возмож-

Такимъ образомъ каждый гражданинъ и каждая гражданка Икаріи кушаютъ то въ общественныхъ мастерскихъ и ресторанахъ, то у себя въ домѣ. Соотвѣтственно этому и всѣ роды пищи распредѣляются частію между общественными ресторанами и мастерскими, частію между отдѣльными семействами; мѣстомъ, откуда всѣ получаютъ питательныя вещества, служатъ общественныя магазины, погреба и склады, куда они доставляются изъ мѣстъ производства. Въ каждомъ изъ этихъ складовъ содержится что-нибудь одно, — мука, хлѣбъ, говядина, рыба, овощи и т. п. Но потребители или рестораторы не сами являются за полученіемъ жизненныхъ припасовъ; при складахъ существуютъ особые чиновники, имѣющіе своимъ назначеніемъ доставку припасовъ въ дома и въ общественныя заведенія; и всѣ припасы сообразно своимъ качествамъ доставляются ежедневно, еженедѣльно, ежемѣсячно или ежегодно.

Помѣщенія икарійскихъ жителей устроены не менѣе цѣлесообразно. Дома, по крайней мѣрѣ въ городахъ, всѣ построены по одному плану, выработанному, какъ обыкновенно, конкурсомъ съ участіемъ всего народа. При каждомъ домѣ въ подвалѣ находятся погреба, мѣста для дровъ, для угля и т. п., въ нижнемъ этажѣ кухня, столовая, пріемная комната и вмѣстѣ библіотека, ванная, домашняя аптека, маленькая мастерская для мущинъ, такая же для женщинъ, въ которой находятся всѣ инструменты необходимые въ хозяйствѣ, маленькій дворъ для домашней птицы, кабинетъ для садовыхъ инструментовъ и позади всего садъ. Второй этажъ почти весь занятъ большимъ заломъ, гдѣ находятся музыкальные инструменты. Другія комнаты этого этажа и комнаты другихъ этажей заняты спальнями и предназначены для другихъ употребленій. Все это помѣщеніе находится въ безраздѣльномъ владѣніи одного семейства. Вмѣсто крыши надъ домомъ находится терраса, огражденная перилами и украшенная цвѣтами,

ность, республика показываетъ, до какой степени «она занята счастіемъ своихъ дѣтей», до какой степени «она простираетъ свою нѣжность» къ нимъ.

откуда «прелестный видъ на окрестности». По вечерамъ на такихъ террасахъ собираются отдѣльныя семейства; пьютъ что-нибудь прохладительное, занимаются музыкою и ужинаютъ. Другая маленькая терраса, украшенная цвѣтами. устроена надъ тротуаромъ; кромѣ того, въ каждомъ домѣ есть еще балконы, также украшенные цвѣтами. Все это разумѣется представляетъ прекрасный видъ и наполняетъ воздухъ благоуханіемъ. Къ этому нужно прибавить еще то, что все, производящее зловоніе увозится изъ города посредствомъ герметически закупоренныхъ экипажей, такъ что въ городахъ воздухъ въ высшей степени благорастворенный. Прислуги, само собою разумѣется, въ Икаріи нѣтъ; всякія домашнія работы исполняются членами семьи, преимущественно дѣтьми и женщинами; и здравое общественное мнѣніе нисколько не осуждаетъ самыхъ низкихъ домашнихъ занятій, такъ что напр. жена президента республики сама моетъ полы и подметаетъ ихъ и. благодаря усовершенствованнымъ инструментамъ, это дѣлается безъ всякаго труда. какъ разсказывала лорду Керисдалю одна мать семейства.

Обыкновенно въ Икаріи дома строются трехъ величинъ. въ три, четыре и пять оконъ на улицу при одной и той же высотѣ. смотря по числу членовъ семейства. Семейства въ Икаріи почти всегда очень многочисленны, рѣдко бываютъ менѣе 10 человѣкъ, а иногда простираются до 30, до 40 и даже болѣе, потому что обыкновенно женившійся молодой человѣкъ не отдѣляется отъ своего отца, а продолжаетъ жить вмѣстѣ съ нимъ. Такимъ образомъ въ икарійскихъ семействахъ встрѣчаются всѣ возрасты, отъ самыхъ юныхъ до самыхъ преклонныхъ, начиная отъ внуковъ и правнуковъ и кончая дѣдами и прадѣдами. Если вслѣдствіе этого семейство окажется слишкомъ многочисленно, то оно занимаетъ два дома стоящіе рядомъ, для чего въ домахъ дѣлаются двери во внутреннихъ стѣнахъ. Въ такомъ случаѣ прежнее семейство переселяется въ какой-нибудь другой домъ, а если оно на это несогласно, то его принуждаютъ къ тому власти. Впрочемъ. это переселеніе

не представляетъ никакого затрудненія, потому что мебель не перевозится изъ квартиры въ квартиру, такъ какъ мебель вездѣ одна и та-же.

Лордъ Керисдаль и его другъ Эженъ наблюдали всѣ стороны икарійской жизни и всѣмъ остались довольны, все нашли въ высшей степени разумнымъ, цѣлесообразнымъ, направленнымъ къ счастію гражданъ. Они не довольствовались тѣмъ, что обозрѣли столицу, они посѣтили еще самую страну, наблюдали самый важный родъ народной промышленности—земледѣліе. Торговли, по крайней мѣрѣ внутренней, въ Икаріи нѣтъ, но внѣшняя торговля существуетъ и производится самой республикой.

Религія икарійцевъ есть чистый раціонализмъ; они признаютъ первую причину всего существующаго, но не знаютъ ея свойствъ и даже не интересуются знать ихъ; они, какъ видно, отчасти позитивисты. Ихъ понятія о будущей жизни также весьма неопредѣленны. Жрецы и жрицы въ Икаріи существуютъ, но не для богуслуженія, а для нравственнаго руководства и поддержки гражданъ; жрецы и жрицы въ Икаріи ничто иное, какъ «чиновники, имѣющіе своимъ назначеніемъ облегчать душу страждующаго икарійца, какъ медикъ облегчаетъ и возстановляетъ его тѣло». Жрецъ непремѣнно долженъ быть женатый и въ бракѣ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, долженъ быть образцомъ для другихъ гражданъ. Икарійскія понятія о добродѣтели въ главныхъ своихъ чертахъ довольно сходны съ понятіями христіанскими. Кабе, въ противоположность своему современнику и соотечественнику Фурье, ставитъ добродѣтель не въ слѣпомъ послѣдованіи влеченію страстей, а напротивъ въ сопротивленіи имъ, въ воздержаніи, въ господствѣ разсудка. Соотвѣтственно этому принципу устроенъ и икарійскій бракъ; онъ отличается истинно христіанскою строгостію и чистотою. Нарушеніе супружеской вѣрности вещь неслыханная въ Икаріи; и самый разводъ допускается только въ случаѣ крайней необходимости. Если случается, что въ какомъ-нибудь супружествѣ поселится раздоръ и супружеское

счастіе будетъ грозить оставленіемъ его, то это прежде всего бываетъ замѣчено родственниками, которые въ такомъ случаѣ обращаются къ здравому смыслу и благоразумію супруговъ, напоминаютъ имъ объ ихъ обязанностяхъ, доказываютъ, что ихъ истинный интересъ заключается въ томъ, чтобы подчиниться своей участи и прощать другъ другу недостатки. Въ такихъ случаяхъ приходятъ и жрецъ и жрица и присоединяютъ свои голоса къ «нѣжному увѣщанію семейства, чтобы убѣдить супруговъ искать своего счастія или по крайней мѣрѣ мира въ добродѣтели» *).

Мы не будемъ больше слѣдить за лордомъ Керисдалемъ въ его наблюденіи жизни икарійской, мы уже довольно познакомились съ ея характеромъ и главными чертами. Икарія дѣйствительно представляетъ страну невиданныхъ чудесъ **), и всѣмъ этимъ она, по словамъ Кабе, обязана коммунистическому порядку, существующему въ ней. Еслибы она была дѣйствительно страною, находящеюся на поверхности нашей планеты, еслибы сочиненіе Кабе было ничто иное, какъ вѣрное описаніе дѣйствительности, тогда вопросъ о наилучшемъ устройствѣ общества былъ бы рѣшенъ. Но дѣло въ томъ, что путешествіе лорда Керисдаля есть ничто иное, какъ романъ, въ которомъ, какъ мы уже сказали, есть все, что бываетъ въ романахъ,—и страстная любовь, и препятствія, и соперничество въ любви, и ужасная катастрофа, и благополучное окончаніе ***).

*) 141.

**) Кабе описываетъ всѣ другія подробности икарійской жизни, разныя отрасли промышленности, воспитаніе дѣтей, браки въ Икаріи, балы и театры, прогулки по морю и по полямъ, охоту, погребеніе умершихъ и пр. Въ Икаріи все доведено до совершенства; удобства, встрѣчаемыя на каждомъ шагу икарійцами, превосходятъ всякое вѣроятіе; несчастныхъ случаевъ отъ неосторожности тамъ не бываетъ; тамъ все предусмотрѣно, всякая несчастная случайность предъотвращена; съ другой стороны, тамъ сдѣланы улучшенія и усовершенствованія, о которыхъ Европа понятія не имѣетъ; такъ тамъ умѣютъ управлять аэростатами и пользуются ими для путешествій и для пересылки почты.

***) Лордъ Керисдаль, уѣзжая изъ Англіи, какъ мы видѣли, оставилъ тамъ невѣсту; пріѣхавши въ Икарію, онъ находитъ здѣсь Вальмора

Разумѣется, романическая завязка и развязка служатъ только канвою для описанія устройства Икаріи. И Кабе не обманываетъ себя относительно значенія этого описанія; онъ самъ видитъ въ немъ только болѣе удобное средство для изложенія и уясненія своихъ идей. Но кромѣ описанія, у него есть еще философическіе и экономическіе принципы, и на нихъ-то онъ проситъ обратить вниманіе, не привязываясь къ подробностямъ, которыя онъ изложилъ въ путешествіи лорда Керисдаля; у него есть кромѣ того большая поддержка въ исторіи. Въ подкрѣпленіе себя онъ приводитъ цѣлыя десятки именъ философовъ и законодателей, по его мнѣнію, бывшихъ коммунистами. На все это мы должны дѣйствительно обратить наше главное вниманіе, вполнѣ соглашаясь съ Кабе въ томъ, что сущность дѣла не въ подробностяхъ, которыя могутъ измѣняться до безконечности, а въ принципахъ, въ самыхъ основаніяхъ системы; при чемъ практическія указанія исторіи вмѣстѣ съ мнѣніями ученыхъ безпорно имѣютъ также большое значеніе.

Принципы свои Кабе излагаетъ въ видѣ краткихъ положеній, и мы присоединимъ къ нимъ также не обширныя замѣчанія, не отказываясь дать больше вниманія тѣмъ принципамъ, которые окажутся серьезнѣе другихъ; а съ другой стороны, оставляя совсѣмъ безъ замѣчаній принципы менѣе самостоятельные и важные или такіе, которые построены на основаніяхъ, къ которымъ мы еще придемъ или наконецъ такіе, которые не составляютъ органической принадлежности коммунизма, какъ принципы касательно машинъ, дорогъ, семейства и т. п.

влюбленнаго въ Динаизу, которая однако не отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Вальморъ находится въ отчаяніи; но скоро утѣшается и женится на другой. Между тѣмъ Л. Керисдаль до безумія влюбляется въ Динаизу, и она выходитъ за него замужъ; но тотчасъ по совершеніи брака оступается на лѣстницѣ и падаетъ мертвою; послѣ чего лордъ Керисдаль, подвергнувшись припадкамъ меланхоліи, уѣзжаетъ одинъ въ Англію, но получаетъ извѣстіе, что Динаиза жива, что она только упала въ обморокъ, но не умерла.

Во главѣ своихъ принциповъ Кабе ставитъ слѣдующій— «всякій человѣкъ, говоритъ онъ, имѣетъ право на существованіе». Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и едва ли онъ найдетъ хоть одного человѣка, который сталъ бы ему противорѣчить. Но дальше, дѣлая точнѣйшее опредѣленіе этого права, Кабе впадаетъ въ неточности и неопредѣленности, не позволяющія сдѣлать какое-нибудь приложеніе принципа. «Подъ этимъ правомъ, говоритъ онъ, я разумѣю право пользоваться всѣми благами, сотворенными природою для пищи, одежды и помѣщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ право защищаться противъ всякаго нападенія» *). Такое истолкованіе права на существованіе въ приложеніи къ нашему обществу само можетъ быть понимаемо въ двухъ смыслахъ. Въ одномъ смыслѣ оно приведетъ человѣка къ голодной смерти, въ другомъ—оно произведетъ всеобщую войну, войну всякаго человѣка съ своими сосѣдями ближними и дальними, bellum omnium contra omnes. Если я имѣю право пользоваться такими благами природы, которыя она произвела безъ помощи человѣка, то я для пищи ничего не найду кромѣ дикихъ плодовъ, листьевъ и кореньевъ, для одежды не найду совсѣмъ ничего, а для помѣщенія найду только пещеры, которыхъ вообще очень мало, и вѣтви деревьевъ, которыя не во всѣхъ странахъ ростутъ. Очевидно при такихъ условіяхъ я не могу сохранить своей жизни, я погибну отъ голода и холода. Если же подъ благами природы разумѣть блага, произведенныя съ помощію человѣка, то я могу быть сытъ, одѣтъ и хорошо помѣщенъ, потому что я могу предъявить мои права на всякое кушанье въ любомъ ресторанѣ, на всякое платье въ любомъ магазинѣ, на всякій домъ въ любой улицѣ, такъ какъ всякое кушанье, всякое платье, всякій домъ есть ничто иное, какъ произведеніе природы съ помощію человѣка. Но всякій владѣлецъ своей вещи, видя во мнѣ несправедливаго зачинщика, станетъ защищаться противъ моего нападенія на плоды его трудовъ, равно какъ противъ нападе-

*) 557.

нія другихъ, подобно мнѣ разсуждающихъ. Такимъ образомъ и произойдетъ bellum omnium contra omnes.

Въ неизбѣжности такого результата, намъ кажется, сомнѣваться нельзя. Собственники также имѣютъ свои принципы, которые они считаютъ не менѣе справедливыми, чѣмъ Кабе считаетъ справедливыми свои принципы. И первый изъ этихъ принциповъ состоитъ въ томъ, что право на произведенія труда принадлежитъ исключительно тому самому труду, которому они обязаны своимъ происхожденіемъ. Право защищаться отъ всякаго нападенія они также принимаютъ, и, какъ говоритъ исторія, всегда и вездѣ пользовались этимъ правомъ съ большою энергіею. То-же самое разумѣется они сдѣлаютъ, если кто-нибудь сдѣлаетъ попытку осуществить и принципы Кабе. И реформа, предпринимаемая во имя братства, начнется такою рѣзнею, какихъ было мало въ исторіи. И чѣмъ кончится эта рѣзня, кто побѣдитъ? И конечнымъ результатомъ будетъ ли увеличеніе братскихъ чувствъ или уменьшеніе ихъ въ человѣческомъ обществѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію. Братскія чувства усиливаются вслѣдствіе умноженія братскихъ отношеній, къ числу которыхъ, конечно, не принадлежитъ рѣзня.

Слѣдующіе за этимъ принципы Кабе такъ же не отличаются большою точностію и строгостью. Напр. «раздѣлила ли природа землю между людьми? Безъ сомнѣнія нѣтъ; она дала землю всему роду человѣческому, не назначая части никому».— Это разумѣется справедливо. Природа не дѣлила и не могла дѣлить землю между людьми; ее раздѣлили обстоятельства и историческая жизнь между народами и между отдѣльными людьми; одинъ народъ былъ приведенъ судьбою въ Египетъ и сталъ владѣть этою страною; другія—попали въ Финикію, Грецію, Италію и стали владѣть этими странами; одни изъ нашихъ предковъ сѣли по Днѣпру, другіе около Волхова, по Днѣстру, третьи по Бугу, по Деснѣ, по Окѣ, по Верхней Волгѣ. И на какомъ основаніи у нихъ можно отнимать право на владѣніе этими странами и этими землями? Раздѣленіе земель между

племенами и народами, равно какъ между отдѣльными людьми, произведенное естественнымъ ходомъ событій, не менѣе законно, обязательно и необходимо, какъ и раздѣленіе, сдѣланное природою, если бы оно могло имѣть мѣсто.

И такъ, не натура установила собственность,—спрашиваетъ Кабе? Безъ сомнѣнія нѣтъ, отвѣчаетъ онъ; она не устанавливала ни собственности, ни общности имущества; она дала свободу людямъ пользоваться благами, какъ они хотѣли, не учреждая ни собствености, ни коммунизма».—Это не совсѣмъ справедливо; конечно, собственность не установлена природою, если разумѣть подъ этимъ словомъ только природу физическую: но кромѣ природы видимой и осязаемой есть природа невидимая, неосязаемая, но понимаемая; есть сущность вещей, предъявляющая свои требованія столь же обязательныя, какъ и требованія природы осязаемой. Такъ напр. природа сотворила для всѣхъ камни и безъ сомнѣнія они служили человѣку однимъ изъ первыхъ орудій для защиты отъ дикихъ звѣрей и непріятелей; но одинъ просто пользовался камнями, какъ ихъ находилъ въ природѣ, другой обтачивалъ ихъ другъ объ друга, чрезъ что получалъ каменный ножъ или каменный топоръ. Видимая природа не сдѣлала никакого знака, которымъ она предоставила бы каменный ножъ или каменный топоръ его владѣльцу; но безъ совнѣнія и въ первобытныя времена было признаваемо право человѣка на вещи пріобрѣтенныя имъ посредствомъ своего личнаго труда, потому что право труда на свое произведеніе лежитъ въ самомъ понятіи о трудѣ, служитъ необходимымъ условіемъ его собственнаго существованія; и если бы это право за трудомъ не было обезпечено, то никто не хотѣлъ бы и не могъ бы трудиться; если бы каменный топоръ не принадлежалъ тому, кто его дѣлалъ, то никто не хотѣлъ бы и даже не могъ бы дѣлать каменныхъ топоровъ.

Слѣдующій принципъ: «всякій человѣкъ имѣетъ ли право на часть равную съ другими? Очевидно такъ, отвѣчаетъ Кабе,—потому что мы всѣ дѣти и наслѣдники

природы». И это было бы справедливо, если бы существующія имущества были обязаны своимъ существованіемъ исключительно природѣ. Но такъ какъ природа безъ труда человѣческаго не производитъ ничего, или производитъ то, что не имѣетъ большой цѣны,—то въ неизмѣримомъ большинствѣ произведеній, существующихъ на поверхности земли и имѣющихъ какую нибудь цѣнность, участвовалъ непремѣнно человѣческій трудъ, который и долженъ получить вознагражденіе; и такъ какъ этотъ трудъ былъ неравенъ, то несправедливо было-бы, чтобы всякій человѣкъ имѣлъ право на равную часть въ существующихъ на землѣ цѣнностяхъ.

«Что такое право первозанимающаго?—Это право занимать то, что еще никѣмъ незанято.—Кто устанавливаетъ права первозанимающаго? — Естественная справедливость. — Что такое естественная справедливость?—Это есть мнѣніе, которое разсудокъ даетъ всѣмъ людямъ о томъ, чтó справедливо и чтó несправедливо, т. е. о томъ, что согласно съ природою и природнымъ равенствомъ и что противно имъ.—Согласно съ природнымъ равенствомъ, всякій ли имѣетъ право занимать лишнее?—Безъ сомнѣнія нѣтъ; это несправедливость, узурпація, воровство относительно тѣхъ, кто не имѣетъ необходимаго.—Но если остаются для другихъ равныя части, такъ что всякій имѣетъ необходимое и даже лишнее? — Тогда всякій можетъ занимать лишнее, потому что онъ не вредитъ никому, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы уступить свой излишекъ другимъ, когда представятся люди, немогущіе достать себѣ нигдѣ необходимаго.—Итакъ, всякій кто имѣетъ излишекъ, долженъ уступить его другимъ, которые не могутъ получить иначе необходимаго?—Безъ сомнѣнія; даже въ томъ случаѣ, когда занятіе излишняго было справедливо въ принципѣ, было бы несправедливо сохранять его потому, что такое занятіе по самой сущности было условно, потому что естественная справедливость не можетъ допустить, чтобы человѣкъ имѣлъ излишекъ, когда многіе другіе не имѣютъ необходимаго; и удержаніе излишка со вредомъ для другихъ есть ничто иное, какъ несправедли-

вость, узурпація, повторяемая каждый день.—Но если первозанимающій владѣлецъ излишка надъ нимъ лично трудился?—Это ничего не значитъ; не смотря на его трудъ, излишекъ все-таки былъ частью принадлежащею другимъ, которые-бы и начали трудиться надъ нимъ, еслибъ онъ оставилъ его незанятымъ; его трудъ не можетъ пріобрѣсти ему права на часть другаго; онъ трудился надъ нею только съ условіемъ возвратить ее; притомъ онъ пользовался своимъ трудомъ во все время владѣнія; и ничто не можетъ лишить другихъ той части, которая имъ необходима между общими благами, данными природою всѣмъ своимъ дѣтямъ, и ничто не можетъ дать права владѣльцу излишка сохранять его» *).

Замѣтимъ прежде всего, что всѣ эти разсужденія относительно перваго занятія могутъ относиться исключительно къ поземельному владѣнію. Только земля одна съ тѣми богатствами, которыя находятся на ея поверхности и въ нѣдрахъ, которыя она способна доставлять человѣку даже однимъ своимъ пространствомъ и своею плотностію, дана человѣку природою; все остальное безъ исключенія пріобрѣтено человѣкомъ посредствомъ своего труда, разумѣется не безъ помощи той-же самой природы; допуская, что всѣ разсужденія Кабе справедливы, мы не найдемъ въ нихъ юридическаго основанія для того, чтобы всѣ владѣльцы какой-бы нибудь собственности уступили свои излишки людямъ нуждающимся. Что касается до поземельныхъ владѣльцевъ, которыхъ Кабе обязываетъ возвратить ихъ излишки вслѣдствіе того, что они во время оно заняли больше, нежели имъ было нужно, если мы дѣйствительно посмотримъ вокругъ себя и захотимъ найти этихъ людей, занявшихъ излишнее, то мы ихъ не найдемъ; историческая жизнь такъ перемѣшала владѣльцевъ и ихъ владѣнія, что напр. наши первозанимающіе, наши предки, которые пришедши съ береговъ Дуная первый разъ занимали бассейны Днѣпра, Волхова, Оки, верхней Волги, въ былыя вре-

*) 553.

мена оказались въ крѣпостномъ состояніи, или посредствомъ службы перешли въ служилое сословіе и получили земли въ другомъ мѣстѣ въ видѣ жалованья за службу, или наконецъ приписались къ городамъ и посадамъ и бросили первоначально занятую ими землю. Во всякомъ случаѣ у насъ, какъ и въ Западной Европѣ, если еще есть, то чрезвычайно мало земель, которыми владѣютъ владѣльцы ихъ по праву перваго занятія. И поземельныя владѣнія такъ много переходили изъ рукъ въ руки посредствомъ продажи, что если еще и есть гдѣ нибудь земли, находящіяся во владѣніи по праву перваго занятія, то различить ихъ отъ другихъ нѣтъ никакой возможности. Такимъ образомъ всѣ обязательства, которыя молчаливымъ образомъ содержало въ себѣ перво-занятіе, изчезли безъ слѣда; и въ настоящее время, исходя изъ тѣхъ положеній, которыя Кабе выводитъ изъ jus primae occupationis, можно нисколько не съ большею основательностію требовать отъ землевладѣльцевъ возвращенія того, что превосходитъ ихъ собственныя надобности, какъ и отъ всякихъ другихъ собственниковъ, напр. отъ домохозяевъ, отъ заводчиковъ, фабрикантовъ и проч. Землевладѣльцы съ полною основательностію могутъ требовать чтобы имъ послѣ того какъ они уступили свои лишнія земли, въ свою очередь другіе собственники уступили свои лишнія квартиры, свое лишнее платье, обувь, пищу, экипажи и проч. Такимъ образомъ снова является претензія всѣхъ на все, претензія конечно несправедливая, потому что всякій собственникъ, всякій фабрикантъ, производя извѣстные предметы, производилъ ихъ въ свою пользу, а не для другихъ; потому онъ всякаго претендента на его собственность встрѣтитъ отказомъ; и претенденту на основаніи своего воображаемаго права не будетъ оставаться ничего, кромѣ того, чтобы употребить силу: И опять является bellum omnium contra omnes.

«Дѣти бѣдныхъ людей имѣютъ-ли въ настоящее время естественныя права? продолжаетъ Кабе. Безъ сомнѣнія, отвѣчаетъ онъ, теперь какъ и всегда дѣти при ихъ рожденіи всѣ суть дѣти природы; всѣ нынѣшніе люди такіе-же люди, какъ

и первые люди, всѣ имѣютъ одинаковыя естественныя права; всѣ имѣютъ право на одинаковую часть благъ ихъ общей матери. Для всѣхъ ихъ природа теперь, какъ и всегда разливаетъ свѣтъ и теплоту, которые оплодотворяютъ землю и безъ которыхъ собственность была-бы безполезна». На это мы замѣтимъ тоже, что замѣтили уже выше касательно права всякаго человѣка на всѣ произведенія природы. Бѣдныя дѣти перемрутъ съ голоду и отъ холоду, если имъ предоставить только то, что создала для нихъ природа «ихъ общая мать». А если признать ихъ право на равную часть тѣхъ имуществъ, которыя созданы трудомъ человѣка, то между дѣтьми произойдетъ bellum omnium contra omnes, какъ она должна произойти въ подобномъ случаѣ между взрослыми.

«Какіе главные недостатки нынѣшней соціальной организаціи?—Три, отвѣчаетъ Кабе. Неравенство имуществъ и политическихъ правъ, частная собственность и монета; разсуждая основательно мы, находимъ, что въ нихъ заключаются три главныя причины пороковъ и преступленій, безпорядковъ и несчастій.—Нѣтъ-ли какого-нибудь средства противъ этого зла?—Безъ сомнѣнія есть какое-нибудь, иначе къ чему-бы служилъ для человѣка разсудокъ?—Въ чемъ заключается это средство?—Въ томъ, чтобы уничтожить самую причину зла, уничтожить неравенство, собственность и монету и замѣнить ихъ равенствомъ во всемъ и общимъ имуществомъ.

Всѣ эти положенія Кабе не подкрѣпляетъ никакими доказательствами; такъ что каждое изъ нихъ по произволу читателя можетъ быть обращено въ противоположное.

Слѣдующій принципъ: «Въ чемъ заключается принципъ коммунизма относительно личности?—Нація или народъ, отвѣчаетъ Кабе, образуетъ истинное общество, составленное въ интересѣ всѣхъ. Всѣ члены націи соединены между собою, всѣ братья и равны правами и обязанностями». Это дѣйствительно прекрасный идеалъ, но къ сожалѣнію недостижимый; если до сихъ поръ намъ чрезвычайно рѣдко приходилось видѣть дѣйствительныхъ братьевъ по крови, воспитанныхъ въ нѣдрахъ

одного семейства, подъ одними и тѣми же впечатлѣніями, подъ одними и тѣми же вліяніями, чтобы они дѣйствительно оставались братьями въ продолженіи всей жизни, то какими-же средствами мы достигнемъ, чтобы всѣ люди во всей массѣ народа имѣли другъ къ другу нѣжныя братскія чувства не на словахъ только, а на дѣлѣ, при всякомъ встрѣчающемся случаѣ? Законъ воленъ надъ дѣйствіями, можетъ ихъ повелѣвать или запрещать, но онъ не воленъ надъ чувствами и надъ нравственными правилами. Они могутъ подчиняться только воспитанію, но наши воспитательныя средства и воспитательное искусство чрезвычайно ограничены, и какъ исторія такъ и современная общественная жизнь представляютъ чрезвычайно много примѣровъ, что самое старательное воспитаніе не приводитъ къ цѣли; отъ чего между прочимъ и происходитъ то, что дѣлается возможнымъ существованіе двухъ братьевъ такихъ, какъ Титъ и Домиціанъ, или тотъ фактъ, что у лучшаго изъ людей—Марка Аврелія—сыномъ былъ безпутнѣйшій человѣкъ Коммодъ. Такимъ образомъ мы не имѣемъ ни въ чемъ ручательства за то, чтобы при настоящихъ нашихъ воспитательныхъ средствахъ можно было достигнуть того, чтобы всѣ люди могли любить и уважать другъ друга и сочувствовать другъ другу, какъ добрые братья.

«Въ чемъ заключается принципъ, касающійся имуществъ? —Всѣ имущества, отвѣчаетъ Кабе, суть общія и образуютъ одинъ общественный капиталъ; вся территорія представляетъ одно поземельное имущество, эксплуатируемое сообща.—Въ чемъ состоитъ принципъ, касающійся промышленности?—Общественная промышленность, говоритъ Кабе, нераздѣльна, т. е. она составляетъ одну промышленность, эксплуатируемую всѣмъ народомъ подобно одному человѣку такъ, чтобы все необходимое производилось съ раздѣленіемъ труда и съ обязательностію его, чтобы все производилось въ наибольшемъ количествѣ безъ двойнаго употребленія и безъ потери».

«Въ чемъ заключается принципъ касательно правъ и обязанностей?—Они одни и тѣже для всѣхъ; всякій долженъ ра-

ботать одно и тоже число часовъ ежедневно, сообразно съ своими средствами, и имѣетъ право получать равную часть, сообразно своимъ потребностямъ изъ всѣхъ произведеній.—Но не будетъ-ли несправедливо, чтобы человѣкъ талантливый и геніальный получалъ часть равную съ другими?—Нѣтъ, потому-что талантъ и геній суть результатъ воспитанія, даваемаго обществомъ, и человѣкъ талантливый ничего не значилъ-бы безъ общества».

«Какъ нужно смотрѣть на трудъ?—Какъ на общественную обязанность, говоритъ Кабе. Общественныя обязанности въ свою очередь разсматриваются, какъ трудъ, а и то и другое вмѣстѣ есть ничто иное, какъ налогъ.

«Существуетъ-ли какой-нибудь другой налогъ?—Ничего, кромѣ равной доли каждаго въ трудѣ и въ исполненіи обязанностей.

«Въ чемъ заключается принципъ касательно труда?—Трудъ обязателенъ для всѣхъ и производится сообща въ большихъ общественныхъ мастерскихъ; онъ по возможности кратокъ, привлекателенъ и облегченъ посредствомъ машинъ.

«Въ чемъ состоитъ принципъ касательно машинъ?—Ихъ нужно увеличивать безгранично; онѣ должны вездѣ замѣнить человѣка, гдѣ могутъ.

«Въ чемъ заключается принципъ относительно пищи, одежды, помѣщенія и меблированія?—Они по возможности одни и тѣже для всѣхъ, приготовляются общиною и ею же распредѣляются; все дѣлается сообразно съ моделью, принятою закономъ.

«Въ чемъ заключается принципъ касательно удовольствій и роскоши?—Община сначала производитъ необходимое и полезное, потомъ пріятное, не ограничивая его ничѣмъ, кромѣ здраваго смысла.

«Въ чемъ состоитъ принципъ касательно городовъ и домовъ?—Всѣ они строятся общиною по образцовому плану.

«Въ чемъ состоитъ принципъ касательно дорогъ и каналовъ?—Это перевозочныя машины, которыя нужно по возможности умножать.

«Въ чемъ состоитъ принципъ касающійся торговли?— Внѣшняя торговля производится самою общиною, а торговля внутренняя замѣняется раздѣленіемъ произведеній на всѣхъ пунктахъ самою общиною-же.

«Въ чемъ состоитъ принципъ касательно семейства?—Всякое семейство ведетъ по возможности общую жизнь, составляя одно общее хозяйство, но безъ прислуги.

«Въ чемъ заключается принципъ касательно брака?—Всякій можетъ и долженъ жениться; выборъ вполнѣ свободный, супруги равны, бракъ расторгается, когда оказывается въ томъ необходимость.

«Въ чемъ заключается принципъ всеобщаго воспитанія?— Оно даетъ всѣмъ элементы всѣхъ наукъ и всѣхъ искусствъ.

«Въ чемъ состоитъ принципъ касательно судебной власти?— Народъ самъ судитъ въ народныхъ собраніяхъ.

«Коммунизмъ обезпечиваетъ-ли всеобщее благосостояніе?—Безъ сомнѣнія, потому-что все исполняется самимъ народомъ, слѣдовательно въ пользу народа; равенство воспитанія, состоянія, труда и правъ предупреждаетъ всякое безпокойство и ревность, пороки и преступленія и доставляетъ всякія удовольствія, которыя человѣкъ способенъ чувствовать. Однимъ словомъ, задача состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать счастливыми отдѣльныхъ людей и цѣлые народы», и такъ какъ опытъ показалъ, что рѣшенія этой задачи нельзя найти въ томъ, въ чемъ его до сихъ поръ искали, то нужно его искать въ чемъ либо другомъ; и разумъ показывяетъ, что оно можетъ быть найдено только въ новой системѣ организаціи, которая сдѣлала бы 1) добродѣтель легкою, 2) порокъ и преступленія трудными или даже почти невозможными. Эта новая система не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ коммунизма, который посредствомъ воспитанія пріучаетъ человѣка къ братству и ко всѣмъ общественнымъ добродѣтелямъ; а посредствомъ равенства удовольствій и счастія и подъ условіемъ умѣреннаго труда онъ не даетъ ему никакой выгоды вредить своимъ братьямъ.

«Возможно-ли вдругъ замѣнить систему неравенства и собственности коммунизмомъ?—Нѣтъ, переходный порядокъ необходимъ» *).

На этомъ мы и остановимся въ изложеніи принциповъ Кабе. На чемъ утверждаетъ ихъ авторъ, чѣмъ подкрѣпляетъ?—Для большей части принциповъ онъ не подводитъ никакихъ основаній, выставляя ихъ въ видѣ самостоятельныхъ положеній, въ надеждѣ, что они собственнымъ своимъ свѣтомъ просвѣтятъ читателя, своимъ внутреннимъ смысломъ убѣдятъ его;—надежда, какъ мы видѣли на нѣсколькихъ образцахъ, совершенно неосновательная.

Впрочемъ, главный и общій свой принципъ относительно общности имуществъ, Кабе усердно старается подкрѣпить соображеніями психологическими, политическими, экономическими и историческими. При этомъ естественнымъ образомъ онъ не можетъ обойти возраженій противъ принципа собственности; все это онъ и дѣлаетъ въ формѣ публичнаго диспута между ученымъ Динаромъ и нѣкоторымъ Антоніемъ, бывшимъ испанскимъ инквизиторомъ, посѣтившимъ Икарію.

Въѣздъ въ Икарію ни для кого не запрещенъ; и не одинъ лордъ Керисдаль посѣщалъ ее; для чего въ икарійскихъ городахъ и существуютъ гостинницы для иностранцевъ. Въ одной изъ такихъ гостинницъ собралось многочисленное общество изъ жителей Икаріи и иностранцевъ, и въ его присутствіи Антоній, который, не смотря на свое прежнее званіе инквизитора, былъ человѣкомъ либеральнымъ и прогрессивнымъ, изложилъ свои мнѣнія о превосходствѣ экономическаго порядка, основаннаго на собственности передъ порядкомъ, основанномъ на общности имуществъ **). Динаръ опровергалъ его. Такимъ образомъ и устроился диспутъ.

---

*) Ibid 560.

**) Поводомъ къ этому было то, что передъ тѣмъ Динаръ въ этой-же гостинницѣ читалъ лекціи касательно исторіи Икаріи, гдѣ, разумѣется, съ большимъ уваженіемъ относился къ идеямъ коммунизма.

«Природа, говорилъ Антоній, которая существовала прежде общества, не сотворила-ли людей неравными поломъ и цвѣтомъ, формою и здоровьемъ, ростомъ и силою, красотою и плодородіемъ, пониманіемъ и геніемъ, храбростью и добродѣтелью?—И не будетъ-ли вслѣдствіе этого равенство политическое и соціальное верховною несправедливостію?—И это равенство, не будучи полезно для слабыхъ и неспособныхъ, не будетъ-ли вредно для всѣхъ, потому что оно уничтожитъ и задушитъ соревнованіе, дѣятельность, усилія, развитіе генія и открытія. Еслибъ даже общество имѣло глупость разрушить природное неравенство для того, чтобы установить равенство состояній и владѣній, это равенство не можетъ быть продолжительно; усердіе къ труду, искусство, благоразуміе, умѣренность, экономія и тысячи другихъ обстоятельствъ обогатятъ однихъ въ то время, какъ лѣность, болѣзнь, глупость, невѣжество, различныя случайности, невоздержность и тысячи другихъ причинъ приведутъ въ бѣдность другихъ. Посмотрите, что сдѣлала мудрость нашихъ отцовъ, когда они устроивали человѣческія общества, во времена невинности, справедливости и добродѣтели, въ золотой вѣкъ человѣчества! На всей землѣ, во всѣхъ странахъ, во всемъ родѣ человѣческомъ, у всѣхъ народовъ великихъ и малыхъ, во всѣ вѣка, отъ начала міра до сихъ поръ видите-ли вы что-нибудь, кромѣ неравенства состояній?—И если дѣйствительно Провидѣніе сотворило для всего рода человѣческаго все то, что находится на землѣ, то несправедливо-ли въ то же время, что оно всякому дало возможность усвоять въ собственность животныхъ, плоды и поля, которые ему необходимы?—И не будетъ-ли вполнѣ справедливо, чтобы всякій владѣлъ тѣми животными, которыхъ онъ поймалъ посредствомъ охоты, преслѣдуя ихъ съ великимъ трудомъ и овладѣвая ими съ опасностію для собственной своей жизни, тѣми плодами, которые онъ съ большимъ трудомъ нашелъ и

Антоній присутствовалъ при этихъ лекціяхъ; и его защита собственности была собственно возраженіемъ противъ мыслей, высказанныхъ Динаромъ.

собралъ, тою хижиною и тѣмъ полемъ, которыя онъ и съ трудомъ и съ искусствомъ построилъ и обработалъ? — И не было ли бы напротивъ верховною несправедливостью, чтобы все было общимъ между трудолюбивымъ и лѣнивымъ, между умнымъ и глупымъ, между умѣреннымъ и невоздержнымъ, между экономнымъ и расточительнымъ, и чтобы первый трудился для втораго и дѣлился съ нимъ въ то время, какъ онъ только ѣлъ-бы и спалъ, не дѣлая ничего для перваго?» *).

«Если мы предположимъ два семейства, которыя вели такой образъ жизни въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній, то не естественно-ли и не справедливо-ли, что одно изъ этихъ семействъ сдѣлалось богато, а другое бѣдно? И кто можетъ отрицать, что стремленіе къ богатству и къ довольству, которое есть его слѣдствіе, заставляетъ человѣка дѣлать столько усилій и попытокъ, рѣшаться на опасности? — Безъ собственности и богатства человѣкъ могъ бы удовлетворять только самымъ необходимымъ потребностямъ физическимъ; онъ не могъ-бы достигнуть того состоянія образованности, въ которомъ онъ теперь находится. Успѣхи всѣхъ родовъ, чудеса наукъ и искусствъ во всѣхъ странахъ, начиная отъ древней Индіи и Египта до Франціи, Англіи и Америки, всѣ гигантскія предпріятія и всѣ героическія добродѣтели, все это есть ничто иное, какъ плодъ права собственности.

«Что касается до общности имуществъ, что сдѣлано и что могло быть сдѣлано ею на землѣ? Даже былъ-ли хотя одинъ народъ, который-бы отважился испытать ее на дѣлѣ? Въ нашихъ старыхъ и богатыхъ обществахъ Европы, не замѣнила-ли бы она апатіею и смертоноснымъ индифферентизмомъ это счастливое соревнованіе, эту плодотворную конкурренцію науки и генія, это благородное честолюбіе, — которыя оживляютъ все и посредствомъ блага частнаго производятъ блага общественныя? И такъ какъ въ Европѣ свобода составляетъ въ настоящее время всеобщую цѣль, то не принесетъ-ли вмѣстѣ

*) Ib.—379.

съ собою коммунизмъ несносное стѣсненіе для этой безцѣнной свободы, составляющей первую необходимость для благороднѣйшаго изъ Божьихъ созданій?—Коммунизмъ не допускаетъ ни собственности, ни состояній, ни наслѣдства, никакого другаго пріобрѣтенія, даже посредствомъ самыхъ плодотворныхъ открытій и неоцѣнимаго генія; онъ не позволяетъ располагать ничѣмъ, ни своей личностію, ни своими дѣйствіями, ни даже своими дѣтьми, ни плодомъ своего труда и своего таланта; онъ не даетъ человѣку свободы ни въ отдыхѣ, ни въ трудѣ, ни въ путешествіи, ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ помѣщеніи, ни въ удовольствіяхъ, ни въ радостяхъ, ни въ снѣ, ни въ бодрствованіи, ни въ жизни, ни въ смерти! Это былъ-бы самый ненавистный деспотизмъ, самая унизительная тираннія, самое несносное рабство. И человѣкъ наиболѣе полезный своими знаніями и своими способностями, своимъ патріотизмомъ и своими добродѣтелями, своими открытіями и своими заслугами, не получалъ-бы большаго вознагражденія, чѣмъ другіе. Неблагодарность и несправедливость были-бы принципомъ, управляющимъ этою новою соціальною системою».

Всѣ эти доказательства въ пользу собственности дѣйствительно тѣ, какія приводятся обыкновенно ея защитниками, съ двумя, однако, исключеніями. Кабе напрасно вложилъ въ уста Антонія ту мысль, будто политическое равенство несовмѣстимо съ собственностью. Это онъ, если только въ этомъ случаѣ поступалъ сознательно, сдѣлалъ для того, чтобы задобрить своихъ читателей, французовъ сороковыхъ годовъ, стремившихся во время іюльской монархіи къ полному уравненію политическихъ правъ въ своемъ отечествѣ. Въ дѣйствительности право собственности не имѣетъ никакой солидарности съ политическими привилегіями. Нетолько можно предположить, но дѣйствительно существуютъ государства, гдѣ осуществлено самое полное политическое равенство гражданъ, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакого намека на господство коммунизма (Соединенные штаты, Швейцарія и пр.). Съ другой стороны можно предположить общество, построенное на принци-

пахъ коммунизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ допускающее политическое неравенство своихъ членовъ. Въ такомъ видѣ дѣйствительно предлагалъ свой соціальный проектъ Платонъ; тоже было осуществлено на практикѣ въ езуитскомъ государствѣ въ Парагваѣ, тоже имѣли въ виду Сенъ-Симонисты.

Потомъ Антоній или Кабе напрасно утверждаетъ, что неравенство состояній есть нѣчто, учрежденное мудростью предковъ во времена первобытныя. Неравенство состояній, идущее изъ временъ первобытныхъ, имѣетъ обыкновенно двоякій источникъ: или оно произошло вслѣдствіе завоеванія, грабежа, чего никакъ нельзя назвать дѣломъ мудрости предковъ, или оно явилось, какъ результатъ экономической самодѣятельности и отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ. И въ этомъ случаѣ дѣло мудрости предковъ состоитъ не въ учрежденіи неравенства состояній, а въ допущеніи экономической самодѣятельности и признаніи отвѣтственности человѣка, какъ наилучшаго средства къ удовлетворенію его потребностей. Что касается до неравенства состояній, защитники собственности, т.-е. экономическая наука, принимаютъ ее, какъ нѣчто необходимое, присущее природѣ человѣческаго общества, устроеннаго на единственной состоятельной экономической основѣ, какъ нѣчто такое, что не можетъ не существовать. Но не надобно забывать, что неравенство состояній бываетъ различное. Напр. въ какой-нибудь русской деревнѣ одинъ крестьянинъ имѣетъ 5 лошадей, а другой имѣетъ только одну; это неравенство состояній. А въ древнемъ Римѣ къ концу республики сотни тысячъ жителей не имѣли ни угла, ни куска хлѣба, въ то время какъ другіе могли содержать на свой счетъ цѣлыя арміи; это тоже неравенство состояній. Но одно изъ этихъ неравенствъ весьма не походитъ на другое. И защитники собственники, т.-е. наука, не с ч и т а ю т ъ и д е а л о м ъ о б щ е с т в а это второе неравенство, это раздѣленіе народа на богачей и нищихъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ одинъ изъ наиболѣе здравомыслящихъ экономистовъ, В. Рошеръ: «совмѣстное существованіе большихъ, среднихъ и малыхъ состояній есть необходимое условіе эконо-

мическаго благосостоянія народовъ; всего лучше, если среднія состоянія преобладаютъ, если нѣтъ гражданъ столь богатыхъ, чтобы купить другихъ, ни столь бѣдныхъ, чтобы продать себя».—Мы нарочно распространяемся объ этомъ предметѣ потому, что Кабе и другіе коммунисты прямо или непрямо упрекаютъ науку въ томъ, что она, не допуская коммунизма съ ѐго равенствомъ состояній, какъ будто бы желаетъ подобнымъ образомъ дѣлить народы на нищихъ и богачей, на рабочихъ и ихъ эксплуататоровъ, на экономическихъ крѣпостныхъ и господъ. Въ приведенныхъ словахъ Антонія, Кабе защищаетъ собственность не такъ, какъ это дѣлаютъ ея дѣйствительные защитники, а какъ можетъ дѣлать тайный врагъ ея.

Но другія качества, приписываемыя собственности, таковы, что ихъ дѣйствительно признаетъ всякій искренній защитникъ собственности. Дѣйствительно собственность законна, какъ произведеніе человѣческаго труда и бережливости; она возбуждаетъ энергію труда, она позволяетъ человѣку мало-по-малу освобождаться отъ гнета неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыми окружаетъ его природа, она позволяетъ ему возвысить нетолько матеріальное, но и нравственное свое состояніе; можно сказать что безъ нея не было-бы ни добродѣтели, ни великихъ людей, благодѣтелей человѣчества; родъ человѣческій постоянно пребывалъ-бы въ состояніи дикости. Съ другой стороны коммунизмъ не содержитъ въ себѣ побужденія къ труду, къ открытіямъ, изобрѣтеніямъ, и въ то-же время можетъ существовать неиначе, какъ подъ условіемъ самого тяжелаго стѣсненія человѣческой личности. Это деспотизмъ, превосходящій всѣ роды деспотизма извѣстные въ исторіи, и деспотизмъ азіатскаго властителя и деспотизмъ охлократіи.

Что же противопоставляетъ доказательствамъ Антонія Динаръ?

Динаръ отвѣчалъ ему слѣдующимъ образомъ: «да, люди отличаются одинъ отъ другаго ростомъ, цвѣтомъ и силою физическою и пр., но это не даетъ намъ права сказать, чтобы

они были не равны между собою *). И что самое главное, природа сотворила ихъ равными по пониманію; потому-что разница, которую въ этомъ отношеніи замѣчаютъ между людьми, происходитъ отъ различія обстоятельствъ, въ которыхъ всякій находится со времени своего рожденія; органы людей одни и тѣ-же во время рожденія и имѣютъ одно и то-же назначеніе, всѣ одинаковымъ образомъ ничего не знаютъ, всѣ имѣютъ одинаковую нужду въ образованіи и воспитаніи, и если-бы всѣ были помѣщены въ обстоятельствахъ совершенно одинаковыхъ, то и ихъ пониманіе и ихъ образованіе были-бы совершенно одинаковыми, или по крайней мѣрѣ они были достаточны каждому изъ нихъ и не были-бы на столько не равны, чтобы установить между ними дѣйствительное неравенство,—однимъ словомъ, если есть нѣкоторыя пониманія по природѣ своей превосходящія другія, то это не болѣе, какъ рѣдкія исключенія, которыя притомъ встрѣчаются не въ одномъ какомъ-нибудь классѣ, но во всей массѣ людей, во всѣхъ семействахъ между бѣдными и между богатыми» **).

Такимъ образомъ Кабе волею-неволею и не избѣгнувши противорѣчія долженъ былъ признать природное неравенство способностей, хотя и ограничилъ его рѣдкими исключеніями. Исключеніе это или не исключеніе, но существуютъ люди болѣе способные, чѣмъ другіе; и эти болѣе способные не захотятъ дѣлать то, что дѣлаютъ менѣе способные, не захотятъ колоть дрова, когда они могутъ дѣлать что-нибудь болѣе полезное, болѣе достойное ихъ способностей, напр. заниматься наукою, строить машины, мосты и т. п. Въ этомъ пунктѣ спора перевѣсъ очевидно остается на сторонѣ Антонія; нужно даже удивляться, что человѣкъ столь способный, какъ Кабе, не замѣтилъ въ этомъ случаѣ своей слабости и своихъ противорѣчій. Дальше Динаръ старается показать, что во всѣ предыдущія времена, большія состоянія были пріобрѣтаемы посред-

*) Въ какомъ отношеніи? Безъ сомнѣнія не равны ростомъ, цвѣтомъ и силою, а Антоній это и утверждаетъ.

**) 385.

ствомъ завоеванія и насилія и что золотаго вѣка справедливости и здраваго смысла никогда не было. Противъ этого мы ничего не будемъ возражать; но говоритъ-ли это что-нибудь противъ принципа собственности? И кромѣ того прибавимъ, что рядомъ съ состояніями, пріобрѣтенными посредствомъ завоеваній и даже въ послѣдующія времена посредствомъ хитрости или низости, посредствомъ неправды и злодѣянія, безъ сомнѣнія существуютъ состоянія, пріобрѣтенныя посредствомъ бережливости, труда и ума, честно работавшаго; и только о такомъ пріобрѣтеніи состояній и говоритъ политическая экономія; а пріобрѣтеніе собственности посредствомъ хитрости, неправды и злодѣянія если входитъ въ область какой нибудь науки, то развѣ науки объ уголовномъ правѣ.

Что касается до того, что многія семейства могли сдѣлаться бѣдными вслѣдствіе лѣности и невоздержанія, Динаръ возражаетъ на это такимъ образомъ: «какъ-же допустить, чтобы могло быть семейство, которое, не имѣя другихъ средствъ для жизни, кромѣ своего поля, оставило-бы его необработаннымъ, посреди полей отлично воздѣланныхъ, среди семействъ богатыхъ и счастливыхъ посредствомъ своего труда? Не очевидно-ли, напротивъ, что при доброй организаціи и въ особенности при хорошемъ воспитаніи всѣ земли были-бы воздѣланы и даже лучше чѣмъ теперь». На это Антоній ничего не отвѣчалъ, потому-что Динаръ говорилъ послѣдній, а перебивать его Антоній очевидно не хотѣлъ. Но онъ могъ-бы обратить его сбившееся вниманіе не на то, что будетъ, а на то, что было, и о чемъ идетъ споръ, и потомъ даже оставаясь въ своемъ предположеніи о золотомъ вѣкѣ, отвѣтить такимъ образомъ, золотой вѣкъ продолжался недолго, именно вслѣдствіе того, что онъ давалъ возможность людямъ не трудиться; и такъ какъ у человѣка есть наклонность къ покою, то онъ и воспользовался этою возможностію; находились люди, которые, если и обработывали свои поля, то въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, не много думая о будущемъ; а въ будущемъ приходили несчастія: болѣзни, неурожаи и пр., которые до конца

разстраивали кое-какъ державшееся хозяйство, въ то время какъ хорошія хозяйства, усиленныя лишнимъ трудомъ и сбереженіемъ, держались крѣпко. Такимъ образомъ и сдѣлались одни семейства бѣдными, другія богатыми, что и требовалось доказать.

Слѣдующія затѣмъ возраженія Динара еще интереснѣе: вы утверждаете, говоритъ онъ, что «потребность обогащенія, желаніе богатства, надежда пріобрѣсти его, конкуренція, соревнованіе и даже честолюбіе составляютъ душу производства; нѣтъ и нѣтъ, потому-что въ Икаріи все производится безъ этихъ побужденій; но неблагородный эгоизмъ, нечеловѣческая жадность, ненасытная и роковая жажда золота, роскошь и ея неразлучный спутникъ—бѣдность, побуждающая къ преступленію, служатъ неизсякаемымъ источникомъ этого моря золъ, грозящаго потопить человѣчество, и чѣмъ болѣе я объ этомъ размышляю, тѣмъ болѣе въ этомъ убѣждаюсь». Странно, что Кабе нашелъ какой-нибудь вѣсъ въ такомъ отвѣтѣ; кромѣ личнаго убѣжденія Динара и кромѣ примѣра Икаріи, существующей только въ книгѣ, онъ могъ-бы поискать другихъ доказательствъ для опроверженія положенія, выставленнаго противникомъ, подтверждаемаго и теоріею и опытомъ. Все, что онъ дальше говоритъ въ пользу коммунизма, состоитъ исключительно изъ категорическихъ и голословныхъ положеній касательно выгодъ его. Коммунизмъ, говоритъ онъ, уничтожаетъ частный интересъ, для того, чтобы слить его въ интересѣ общемъ, уничтожаетъ эгоизмъ, чтобы замѣнить его братствомъ, уничтожаетъ жадность, чтобы замѣнить ее благородствомъ, уничтожаетъ отдѣльность, индивидуализмъ и раздробленіе, чтобы замѣнить ихъ ассоціаціею, преданностію и единствомъ». Все это хорошо, но дѣло состоитъ въ томъ, что коммунизмъ не даетъ побужденія къ труду. «Главная выгода собственника, продолжаетъ Динаръ, состоитъ въ разумномъ пользованіи своимъ домомъ, своимъ садомъ, своею фермою, и коммунизмъ даетъ это пользованіе подобно собственности». Нѣтъ, онъ еще не даетъ, онъ только обѣщаетъ, и когда ему говорятъ, что онъ не въ

состоянiи исполнить свое обѣщанiе, что онъ не въ состоянiи производить все, что необходимо для удовлетворенiя потребностей человѣческихъ, онъ только голословно утверждаетъ противное, опираясь на убѣжденiяхъ Динара и ссылаясь на примѣръ Икарiи.

Впрочемъ Кабе, чувствуетъ, что ему нужны какiя-нибудь доказательства въ пользу того, что коммунизмъ способенъ и производить богатства. И вотъ съ помощiю какого анализа хочетъ показать онъ плодотворное влiянiе коммунизма: «соединяя, концентрируя, приводя къ единству, разсуждая, соображая, направляя все,—коммунизмъ можетъ вполнѣ осуществить экономiю, утилизировать все могущество человѣческаго понимания, увеличить до безконечности могущество промышленности, умножить произведенiя и богатства». Все это прекрасно; но будетъ-ли ему что концентрировать, приводить къ единству, соображать, направлять? Антонiй поставилъ вопросъ прямо въ самомъ опредѣленномъ видѣ такъ, какъ его ставитъ наука; она говоритъ, что при коммунизмѣ не будетъ побужденiя къ труду, къ открытiямъ, къ изобрѣтенiямъ, что это самое пользованiе домомъ, садомъ и фермою, которое коммунизмъ обезпечиваетъ каждому и чѣмъ хвастается, служитъ не въ похвалу, а въ упрекъ коммунизму, потому-что именно это-то и убиваетъ всякое побужденiе къ труду, а слѣдовательно и самый трудъ у неизмѣримаго большинства людей. Но убивая самый трудъ, и въ то-же время концентрируя и направляя его, не будетъ-ли онъ имѣть дѣло только съ мечтою, не будетъ-ли онъ походить на главнокомандующаго, который, не имѣя при себѣ ни одного солдата, вздумаетъ дать битву непрiятельскому войску, имѣя только диспозицiю войска на бумагѣ. Въ этомъ сравненiи для коммунизма непрiятельскимъ войскомъ будутъ нужды и потребности человѣчества, которыя онъ долженъ побѣдить съ помощiю труда и усилiй, а не съ помощiю одного концентрированiя и направленiя. Замѣчательно, что Кабе, даже въ собственныхъ выраженiяхъ, излагая свою мысль съ полною сво-

бодою, не уберегся отъ противорѣчія, которое должно было навести его на неудовлетворительность мысли. Онъ не могъ не сознавать, хотя безотчетно, что коммунизмъ уничтожаетъ личный интересъ, онъ такъ объ этомъ и говоритъ; но въ то же время прибавляетъ, что онъ уничтожаетъ (fait disparaitre) личный интересъ для того, чтобы слить (confondre) его въ интересѣ общемъ. Если личный интересъ уничтоженъ, то нечего и сливать въ интересѣ общемъ; нуль, помноженный на какую угодно величину, въ произведеніи не дастъ ничего, кромѣ нуля. Въ этомъ случаѣ самая сущность дѣла очевиднымъ образомъ привела Кабе къ безотчетному выраженію, въ которомъ противъ воли автора истина пробилась наружу.

Слѣдующія доказательства Динара въ пользу коммунизма еще слабѣе, нежели предъидущія, хоть по наружности и имѣютъ нѣкоторую убѣдительность, достаточную для того, чтобы увлечь умъ человѣка, не дающаго себѣ полнаго отчета въ своихъ мысляхъ, не умѣющаго повѣрять ихъ законами логики.

«Не сдѣлала-ли природа человѣка существомъ общественнымъ, имѣющимъ нужду въ обществѣ и жаждущимъ общества? Не явился-ли онъ среди общества и среди коммунизма, подобно муравьямъ и пчеламъ? Посмотрите на всю природу, на вселенную, великія массы питательныхъ веществъ данныя природою человѣку, великіе источники жизни, воздухъ, электричество, свѣтъ и теплота, вода небесная и морская,—все это даже не можетъ быть усвоено въ частную и исключительную собственность. Не очевидна-ли воля (?) природы, чтобы всѣ эти элементы принадлежали роду человѣческому вообще и были общею собственностію? Не установила-ли она коммунизма относительно воздуха и свѣта? Не для всѣхъ-ли одинаково свѣтитъ солнце? И здравый смыслъ, не показываетъ-ли, что тоже должно быть и относительно земли, которой произведенія столь-же необходимы для жизни, какъ воздухъ и вода? И не признаютъ-ли всѣ философы естественнаго, первоначальнаго и всеобщаго коммунизма (все для всѣхъ),

который продолжался цѣлыя вѣка до перваго раздѣла и до установленія собственности?» *).

Здѣсь собственно заключаются три отдѣльныя доказательства въ пользу коммунизма, которыя мы и разсмотримъ отдѣльно. Во-первыхъ за доказательство въ пользу коммунизма принимается общественный характеръ человѣка, то, что онъ по выраженію древняго философа есть ζῶον πολιτικόν; но этотъ самый философъ, такъ вѣрно обозначившій одну изъ существеннѣйшихъ чертъ въ природѣ человѣка, самъ былъ явнымъ противникомъ коммунизма. И это потому, что онъ, какъ философъ, въ особенности замѣчательный яснымъ пониманіемъ законовъ логики, зналъ, что на основаніи отдѣльныхъ свойствъ предмета нельзя опредѣлить его характеръ во всей полнотѣ, и что поэтому, на основаніи этихъ частныхъ свойствъ, нельзя опредѣлить и всю общность дѣятельности этого предмета. У человѣка есть стремленіе къ общественности, но рядомъ съ этимъ у него есть и безспорное стремленіе къ индивидуализму. Было бы противно природѣ человѣческой, если бы всѣхъ людей уединить другъ отъ друга и заставить ихъ жить пустынниками; но не менѣе противно человѣческой природѣ и соединеніе людей въ такія общества, въ которыхъ не было бы мѣста для полной личной самодѣятельности, для свободы, для пріобрѣтенія собственнаго угла и собственнаго куска хлѣба, такого, который нравится одному и не нравится другому, нравится сегодня и не будетъ нравиться завтра. Муравьи и пчелы всѣ довольны однимъ и тѣмъ же; у нихъ нѣтъ нетолько разнообразія мыслей и чувствъ, но даже и разнообразія вкусовъ, и отдѣльные вкусы каждаго индивидуума не измѣняются вслѣдствіе обстоятельствъ. А у людей замѣчается безконечное разнообразіе мыслей, чувствъ, желаній, вкусовъ; и даже все это измѣняется по неуловимымъ законамъ у одного и того же человѣка. Что ему нравится сегодня, то не будетъ нравиться завтра; даже его мысль объ одномъ и

*) 400.

томъ же предметѣ измѣняется. И кромѣ того у него есть стремленіе къ свободѣ, къ самостоятельности. Вслѣдствіе всего этого у него рядомъ со стремленіемъ къ общественности существуетъ стремленіе къ индивидуальности. Здравая логика для подобныхъ случаевъ строго предписываетъ дѣлать различеніе, и на вопросъ о томъ, какой характеръ имѣетъ человѣкъ, какія у наго стремленія, общественныя или индивидуальныя, сепаративныя, она отвѣчаетъ: distinguo; въ одномъ отношеніи человѣкъ имѣетъ стремленія общественныя, въ другомъ стремленія индивидуальныя. И опытъ всѣхъ вѣковъ, равно какъ и самая сущность дѣла, указываютъ и опредѣляютъ, что именно эти индивидуальныя стремленія господствуютъ въ природѣ человѣка тамъ, гдѣ дѣло идетъ о его промышленной дѣятельности и о жизни частной, личной, въ семействѣ.

Другое доказательство Динара въ пользу коммунизма состоитъ въ сходствѣ земли въ извѣстномъ отношеніи съ воздухомъ, свѣтомъ, электричествомъ, водою морскою и проч., и заключаетъ въ себѣ опять существеннѣйшій недостатокъ логики. Логика говоритъ, что для дѣйствительности аналогіи нужно чтобы сравниваемые предметы отличались существеннымъ сходствомъ и именно въ томъ отношеніи, о которомъ идетъ рѣчь *). Но даже и въ такомъ случаѣ, сходство только наводитъ на истину, но не служитъ для нея полнымъ основаніемъ. Свѣтъ, теплота и электричество дѣйствительно не раздѣлены между людьми и въ пользованіи ими дѣйствительно господствуетъ коммунизмъ; но отсюда далеко до заключенія, что человѣкъ долженъ пользоваться и другими полезными предметами и между прочимъ землею въ коммунистическомъ порядкѣ. Правда, солнечный свѣтъ, воздухъ, земля, одинаково — дары природы, созданные для человѣка и необходимые для него; но тутъ, въ этихъ общихъ чертахъ и кончается все сходство. Дальше на-

---

*) Мы ссылаемся уже не первый разъ на это правило логики; но не думаемъ подвергнуться за это упреку. Чтожь дѣлать, если авторы соціальныхъ системъ слишкомъ часто ищутъ серьезныхъ подтвержденій своихъ теорій въ случайной и внѣшней аналогіи?

чинается различіе и очень важное. Воздухомъ, солнечнымъ свѣтомъ и нельзя пользоваться иначе, какъ всѣмъ сообща, не раздѣляя ни того, ни другого. И пусть кто-нибудь предприметъ раздѣлить ихъ: отъ этого солнечные лучи не сдѣлаются теплѣе и воздухъ здоровѣе для человѣка. Но не въ такомъ положеніи находится земля. Противники коммунизма прямо говорятъ, что только въ такомъ случаѣ она дастъ наибольшую массу произведеній, только въ такомъ случаѣ она будетъ болѣе всего полезна для человѣка, когда онъ будетъ обработывать ее наиболѣе энергическимъ способомъ. А это возможно только подъ условіемъ личнаго интереса; слѣдовательно, земля, будучи разсматриваема, какъ даръ природы на пользу человѣка, становится въ особенное положеніе сравнительно съ воздухомъ, солнечными лучами и проч. И Динару опять предстоялъ случай показать, что и здѣсь вмѣсто личнаго интереса въ коммунизмѣ явится другое побужденіе къ энергическому труду не менѣе дѣйствительное. Онъ этого не сдѣлалъ, онъ ограничился только указаніемъ на то, что земля подобно воздуху и водѣ есть даръ природы на пользу человѣка и что произведенія ея необходимы для человѣка. Но будто это новость, которой до него не знали? Потому-то пользованіе ею и не допускаетъ коммунизма, что она должна принести пользу человѣку, и притомъ въ настоящее время отъ нее требуется польза очень большая, неизмѣримо больше той, которою въ первобытныя времена, въ періодъ бродячей или пастушеской жизни могло довольствоваться небольшое число людей. Если бы вмѣсто земли кто-нибудь захотѣлъ усвоить въ свою исключительную собственность электричество или силу пара, что́ не представляетъ невозможности, въ такомъ случаѣ сравненіе Динара было бы дѣйствительно, потому что это усвоеніе нисколько не увеличило бы общаго благосостоянія людей, а напротивъ уменьшило бы его; а земля находится въ другихъ условіяхъ, совершенно измѣняющихъ дѣло.

Вслѣдствіе этихъ же основаній падаетъ и третье доказательство Динара, состоящее въ томъ, что въ первобытныя вре-

мена, по признанію всѣхъ философовъ, существовалъ коммунизмъ. Это совершенно вѣрно. Но онъ существовалъ потому, что при немъ люди могли вполнѣ извлекать всю ту пользу изъ земли, которая требовалась и которую люди умѣли въ то время извлекать. Можно сказать даже больше: было время, когда коммунизмъ относительно пользованія землею даже больше обезпечивалъ пропитаніе человѣка, давалъ большее и справедливѣйшее вознагражденіе его труда Если бы земля была раздѣлена на отдѣльные участки въ то время, когда люди получали свое пропитаніе отъ собиранія дикихъ плодовъ и отъ охоты, это было бы для всѣхъ ихъ и въ особенности для трудолюбивыхъ весьма вредно. Всякой охотникъ, прогнавшій дикаго звѣря за свою межу, долженъ бы былъ остановиться и въ большинствѣ случаевъ дичь не была бы поймана или убита. Подобнымъ образомъ всякій собиратель земныхъ плодовъ, дошедши до своей межи, долженъ бы былъ остановиться, хотя бы за нею и видѣлъ полезные для себя плоды, не приносящіе никому пользы, благодаря неискусству отыскивать ихъ или безпечности владѣльца этого участка.

Въ тѣ времена польза коммунизма могла простираться и дальше. Собственная выгода человѣка требовала не только общаго владѣнія землею, но и общихъ трудовъ, напр. во время охоты. Нѣкоторые роды дикихъ звѣрей превосходятъ силы одного человѣка, въ особенности превосходили ихъ во времена первобытныя, когда образованіе еще не дало человѣку ни болѣе смертоноснаго оружія, ни болѣе прочныхъ и искусныхъ сѣтей. Въ такомъ случаѣ люди волею-неволею должны были соединяться, чтобы добывать звѣря, т. е. сообща эксплуатировать землю, этотъ даръ природы на ихъ пользу. Не забудемъ еще того, что въ то время самый родъ труда, охота, преслѣдованіе звѣря, былъ такой, который самымъ своимъ процессомъ возбуждаетъ въ человѣкѣ энергію. Слѣдовательно тамъ для успѣха дѣла не нужно было побудительной причины въ полнотѣ личнаго интереса; тамъ можно было дѣйствительно ограничиться концентрированіемъ и направленіемъ. Все остальное

могло быть сдѣлано личнымъ одушевленіемъ, являющимся при самомъ процессѣ дѣла. Слова нашего языка охота и охотникъ прекрасно выражаютъ самую сущность этого занятія и характеръ этихъ людей; и народная наблюдательность весьма вѣрно указала дѣйствительность и силу этой энергіи въ пословицѣ: охота пуще неволи. Собственно, это не та охота, объ которой мы говоримъ, но наша охота заключается въ ней какъ часть въ цѣломъ, слѣдовательно имѣетъ всѣ ея свойства.

Не таковы нынѣшнія промышленныя занятія человѣчества. и земледѣліе, и всякое промышленное производство требуютъ труда усиленнаго, утомительнаго и отталкивающаго своимъ однообразіемъ. И увѣренія людей, будто трудъ самъ по себѣ привлекателенъ, страдаютъ логическими недостатками, которые почти не заслуживаютъ того, чтобы на нихъ указывать; замѣтимъ только, что были попытки организовать промышленный трудъ на основаніи его привлекательности, но онѣ потерпѣли такое фіаско, послѣ котораго объ нихъ перестали говорить *). Между тѣмъ, въ настоящее время, есть безчисленное множество людей добровольно обрекающихъ себя на трудъ, когда этотъ трудъ дѣйствительно по природѣ своей привлекателенъ, т. е. на охоту; и эти люди принадлежатъ ко всѣмъ классамъ общества, начиная отъ государей и до самыхъ послѣднихъ и бѣдныхъ рабочихъ; было много примѣровъ, что охотою съ усердіемъ занимались даже женщины, напр. Маргарита Пармская, Екатерина II и пр., хотя этотъ родъ занятій представляетъ особенныя неудобства для женщины. Но еще никто не видалъ примѣра, чтобы люди, неимѣющіе надобности, добровольно начинали подкладывать въ паровую машину каменный уголь или таскать кули **). Людовикъ XVI любилъ поправ-

*) По крайней мѣрѣ перестали говорить сами соціалисты: а ученые говорятъ объ нихъ, какъ объ историческомъ фактѣ. См. выше стр. 143 и слѣд.

**) Даже гр. Л. Н. Толстой не дошелъ до таскания кулей и подкладыванія каменнаго угля въ машины. А ужъ онъ-ли не мастеръ на всѣ руки?

лять часы, Карлъ IX любилъ ковать лошадей, Петръ I любилъ заниматься обтачиваньемъ дерева или слоновой кости; но всѣ подобныя страсти объясняются другими страстями этихъ людей, для которыхъ онѣ были чѣмъ-то второстепеннымъ и вспомогательнымъ, — Людовикъ XVI любилъ механику, Карлъ IX былъ любитель верховой ѣзды и лошадей, Петръ I желалъ самъ понять и усвоить все то, что хотѣлъ ввести въ Россію. И притомъ всѣ эти люди занимались извѣстнымъ ремесломъ не какъ рабочіе, постоянно и до усталости; напротивъ, для нихъ механическій трудъ самъ составлялъ отдыхъ и развлеченіе послѣ другихъ занятій, что мы нерѣдко видимъ и въ настоящее время.

«Философы признаютъ первоначальный естественный коммунизмъ». Но также всѣ они видятъ, что онъ окончился и окончился не безъ причины; когда ему должно было существовать, онъ существовалъ, а когда ему нужно было прекратиться—онъ прекратился. Усвоеніе земли въ собственность произошло и до сихъ поръ происходитъ не вслѣдствіе однихъ завоеваній; и отдѣльная обработка каждымъ своего поземельнаго участка появилась безъ всякихъ постороннихъ вліяній исключительно вслѣдствіе требованія самаго дѣла. Намъ извѣстно начало многихъ государствъ, въ которыхъ экономическій порядокъ сложился безъ всякаго насилія; а между тѣмъ мы нигдѣ не видимъ коммунистическаго порядка въ воздѣлываніи земли и въ пользованіи ея произведеніями. Даже въ Спартѣ, на которую самъ Кабе ссылается какъ на страну коммунизма, каждое семейство имѣло свой участокъ земли, обработывало его своими средствами и одно пользовалось его произведеніями. Наши казаки, селившіеся по окраинамъ Россіи и устроившіе свой экономическій бытъ внѣ всякихъ постороннихъ вліяній, оставивши землю въ собственности міра, для пользованія имѣютъ каждый свой участокъ, обрабатываемый средствами семьи и идущій исключительно на ея пользу. Сѣверо-американскіе колонисты, большею частію люди оставившіе Европу съ неудовольствіемъ на порядки, существующіе въ ней, вездѣ устроились на осно-

ваніи принципа частной собственности. Впрочемъ, въ Сѣверной Америкѣ, подъ вліяніемъ сильнаго религіознаго одушевленія, которое вело человѣка къ христіанскому презрѣнію благъ земныхъ, были попытки устроить общественный бытъ на началахъ коммунизма; и онѣ совершенно понятны при презрѣніи къ земнымъ благамъ. Но онѣ очень скоро окончились, прежде, нежели прошло религіозное одушевленіе; даже сектанты поняли, что презрѣніе къ земнымъ благамъ не исключаетъ необходимости добывать средства къ жизни, и при томъ вѣрнымъ и справедливымъ образомъ.

Вообще, если въ рѣшеніи вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ собственности и коммунизма руководствоваться указаніями исторіи, то собственность получаетъ неоспоримый и чрезвычайный перевѣсъ; вся многовѣковая экономическая дѣятельность человѣчества громко высказалась въ пользу собственности.

Представляя свои возраженія противъ коммунизма, Антоній упрекалъ его за неблагодарность и несправедливость, между прочимъ за то, что онъ не вознаграждаетъ благодѣтелей рода человѣческаго, изобрѣтателей, своими открытіями облегчившихъ человѣчеству его трудъ и увеличившихъ производительность этого труда.

«Я утверждаю, отвѣчалъ Динаръ, что тутъ нѣтъ никакой несправедливости; я утверждаю, что великій умъ, его открытія и его заслуги ничто иное, какъ дѣло самого общества, и должны идти на его пользу, не обязывая его платить за нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, на что послужило-бы вашему Фультону его открытіе, если бы не было общества, которое могло утилизировать его? И какъ онъ могъ бы пріобрѣсти великій умъ и сдѣлать свое открытіе, если бы со дня его рожденія онъ не былъ окруженъ обществомъ, не получилъ среди него образованія и жизни умственной, если бы появившись въ мірѣ, онъ былъ оставленъ на уединенномъ островѣ, чтобы тамъ прозябать въ отдаленіи отъ людей, чтобы тамъ

состарѣться и умереть»? *). Безспорно въ такомъ случаѣ Фультонъ не сдѣлалъ бы своего открытія, но безспорно также и то, что кромѣ Фультона общество окружало своими заботами и давало воспитаніе десяткамъ тысячъ его сверстниковъ; а между тѣмъ только онъ одинъ подарилъ обществу безцѣнное открытіе **), и это стоило ему великихъ трудовъ, лишеній и непріятностей. А справедливость требуетъ, чтобы всякій полезный трудъ и лишеніе на пользу общества были вознаграждены. И безъ увѣренности въ этой мысли очень часто человѣкъ не захочетъ трудиться и терпѣть лишенія, потому что удовольствіе и нравственное вознагражденіе, доставляемое изобрѣтателю его открытіемъ, имѣетъ мѣсто только послѣ успѣха открытія, а при началѣ дѣла труды, лишенія и сомнѣнія только доставляютъ человѣку непріятности, лишаютъ его спокойствія и личнаго его благосостоянія, къ которому онъ имѣетъ самое законное право стремиться.

«Я приступаю, наконецъ, продолжалъ Динаръ, къ наиболѣе важному изъ всѣхъ обвиненій противъ коммунизма, къ тому, что онъ несовмѣстимъ со свободой; но это обвиненіе неустрашаетъ меня больше, чѣмъ другія; вотъ мой отвѣтъ: безъ сомнѣнія коммунизмъ необходимымъ образомъ предписываетъ стѣсненія и затрудненія (des gênes et des entraves); потому что его главная задача состоитъ въ производствѣ богатства и счастія; дѣйствительно нужно, чтобы онъ подчинилъ всѣ воли и всѣ дѣйствія своимъ правиламъ, своему порядку и своей дисциплинѣ. Но сравните сами свободу при двухъ системахъ собственности и коммунизма, и судите сами, гдѣ больше свободы и притомъ свободы самой дѣйствительной. Во-первыхъ, согласимся относительно смысла слова свобода,

*) 402

**) Подобнымъ образомъ одинъ обитатель острова Серифа упрекалъ Ѳемистокла, говоря, что онъ всѣмъ обязанъ только своему отечеству. Ѳемистоклъ отвѣчалъ ему: правда, я не пріобрѣлъ-бы славы, если-бы родился на островѣ Серифѣ, но ты не пріобрѣлъ-бы ея, если-бы родился и въ Аѳинахъ.

подъ которымъ заключается понятіе весьма сложное и неопредѣленное. Что такое свобода? Есть-ли это право дѣлать все по своему капризу, даже то, что вредитъ другому, напр., воровать или убивать? Нѣтъ, законъ это запрещаетъ. Есть-ли это право ничего не дѣлать, когда такъ хочется, не платить налоговъ, отказываться отъ военной службы? Нѣтъ, законъ это предписываетъ. Есть ли это право ходить совсѣмъ безъ одежды, когда законъ это совсѣмъ запрещаетъ? Нѣтъ, общественные нравы этого не дозволяютъ. Есть-ли это право быть неблагодарнымъ? Нѣтъ, общественное мнѣніе казнитъ неблагодарность. Человѣкъ всегда находится въ зависимости отъ природы и ея элементовъ; и гражданинъ всегда находится въ зависимости отъ общества, его законовъ, нравовъ и общественнаго мнѣнія. Слѣпая страсть къ свободѣ есть ошибка, порокъ, великое зло, порожденное сильною ненавистью, которую возбуждаютъ деспотизмъ и рабство; это реакція, которая бросаетъ человѣка въ противоположную крайность, но здравый смыслъ внушаетъ народамъ самымъ либеральнымъ, что свобода не есть распущенность, анархія, безпорядокъ, что она должна быть ограничена во всѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ польза общества».

Мы почти вполнѣ согласны съ этими воззрѣніями; нужно только жалѣть, что Кабе не уяснилъ ихъ себѣ вполнѣ. Тутъ находится только въ общемъ видѣ мысль въ высшей степени здравая, къ сожалѣнію мало цѣнимая многими философами и публицистами. «Свобода не есть распущенность, не анархія, не безпорядокъ, и слѣпая любовь къ свободѣ есть ошибка, порокъ и великое зло». Но въ такомъ мало опредѣленномъ видѣ эта мысль можетъ допускать самыя различныя толкованія; на нее могутъ опираться люди самыхъ противоположныхъ воззрѣній. На нее между прочимъ ссылались представители бывшаго императорскаго французскаго правительства; на нее могъ ссылаться и Тамерланъ, если бы онъ захотѣлъ оправдывать свои дѣйствія. Рядомъ съ этимъ она лежитъ въ основаніи почти всѣхъ утопическихъ системъ обще-

ственной реформы. Отчего это происходитъ? Отъ того, что истину, которую высказываетъ здѣсь Кабе, обыкновенно не хорошо уясняютъ, не доводятъ до полной ясности, точности, раздѣльности. Кабе очевидно хотѣлъ опредѣлить точнѣе различные виды свободы, чтобы показать, что стѣсненіе свободы человѣка коммунизмомъ принадлежитъ къ такимъ, которыя естественны, законны, нравственны. Но его опредѣленіе вышло далеко не удовлетворительно. Попробуемъ мы съ своей стороны заняться тѣмъ же самымъ, разсмотрѣть различные виды ограниченія свободы человѣка, ихъ характеръ и законность, чтобы съ большею отчетливостью рѣшить, какъ и насколько въ самомъ дѣлѣ стѣсняется человѣческая свобода коммунизмомъ.

Есть два совершенно различные вида свободы: свобода внѣшняя и свобода внутренняя — нравственная. Относительно внѣшней свободы всякій человѣкъ можетъ желать наибольшей отмѣны всякихъ стѣсненій и препятствій; онъ долженъ имѣть право дѣлать рѣшительно все, что не вредитъ обществу въ матеріальномъ или нравственномъ отношеніи, не говоря уже о томъ, что онъ долженъ имѣть право дѣлать только то, чего самъ желаетъ и жить такъ, какъ самъ желаетъ. Такое ограниченіе внѣшней свободы опять-таки допускаетъ различныя толкованія въ примѣненіи ея къ отдѣльнымъ случаямъ. Но иначе и быть не можетъ,—въ противномъ случаѣ человѣческое общество сразу стало бы въ идеальное положеніе, что безъ сомнѣнія составляетъ неосуществимую мечту; и есть цѣлый разрядъ наукъ, которыя имѣютъ въ виду ничто иное, какъ уясненіе этой истины и которыя безъ сомнѣнія не сказали своего послѣдняго слова.

Свобода внутренняя или нравственная можетъ быть также разсматриваема съ двухъ сторонъ: въ отношеніи ея къ власти внѣшней и въ отношеніи къ внутренней власти человѣка, къ его долгу, къ его человѣческому достоинству. Въ первомъ отношеніи наука почти единогласно признаетъ необходимость самой полной свободы и даже современная практика наиболѣе образованныхъ народовъ освящаетъ этотъ принципъ. Свободу со-

вѣсти и вообще мысли допускаютъ почти всѣ образованныя правительства и даже свобода слова вездѣ получаетъ болѣе и болѣе широкое примѣненіе, освобождаясь отъ своихъ специфическихъ ограниченій и подчиняясь только общимъ ограниченіямъ закона. Вообще эта сторона свободы не возбуждаетъ большихъ разногласій, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Не въ такомъ положеніи находится вопросъ о другой сторонѣ свободы внутренней, объ отношеніи человѣческой воли къ предписаніямъ долга, къ требованіямъ человѣческаго достоинства. Къ сожалѣнію очень многіе ставятъ на одну доску стѣсненіе внутренней свободы со стороны внѣшней власти и со стороны требованій человѣческаго достоинства. Не дѣлая достаточнаго различія между тѣмъ и другимъ, они съ одинаковою энергіею отвергаютъ и то и другое. Защищая свободу совѣсти и мысли, свободу нравственныхъ поступковъ отъ вліянія внѣшней власти, они въ то же время отвергаютъ и всякія предписанія идеи долга, считаютъ ихъ необязательными, самыя обязанности вообще называютъ выдумкою хитрыхъ людей для обмана простаковъ и въ строгомъ исполненіи обязанностей видятъ черту, несогласную съ духомъ европейской цивилизиціи, называя его восточнымъ фанатизмомъ и, наконецъ, утверждая вообще, что человѣкъ не имѣетъ надъ собою никакого долга, никакихъ обязанностей, которымъ бы онъ долженъ былъ подчиняться, что онъ можетъ слѣдовать исключительно системѣ эвдемонизма и даже, какъ мы видѣли, всякимъ своимъ желаніямъ, ничѣмъ неограниченнымъ.

И это явленіе происходитъ среди человѣческихъ обществъ не въ первый разъ. Мы въ исторіи имѣемъ два законченные урока, два міра вполнѣ отжившіе, которые притомъ намъ хорошо и въ подробности извѣстны со стороны ихъ общественнаго и нравственнаго строя; эти два міра—греческій и римскій. Въ нихъ обоихъ раньше, чѣмъ въ мірѣ новыхъ европейскихъ государствъ, выработались почти всѣ явленія нашей жизни и принесли свои плоды; выработалось и то добро, которое доставляетъ силу и благосостояніе государствамъ Европы, выра-

боталось и то зло, отъ котораго не свободна Европа. И въ Греціи и въ Римѣ идея долга первоначально пользовалась величайшимъ уваженіемъ. Всѣ великіе люди, прославленные въ первую половину исторической жизни этихъ народовъ, отличаются одною главною чертою характера,—самымъ строгимъ слѣдованіемъ предписаніямъ долга. Таковы: Тезей, Кодръ, Ликургъ, Солонъ, Леонидъ, Аристидъ, Сократъ, Эпаминондъ, Муцій Сцевола, Горацій Коклесъ, Ветурія, Курцій, два Деція Мура, Курій Дентатъ, Фабрицій, Регулъ. Идея долга въ то время высоко стояла въ нравственной системѣ общества, была высшимъ арбитромъ, повиновеніе которому возвышало человѣка въ глазахъ всѣхъ. Не то было во вторую половину греческой и римской исторіи. Въ то время идеалъ грековъ и римлянъ измѣнился, и люди, которые возвышались въ мнѣніи народа, очень нерѣдко принадлежали къ наиболѣе либеральнымъ относительно долга и требованій человѣческаго достоинства. Таковы были Алкивіадъ, Хаврій, Ификратъ, Харесъ, Александръ и его преемники со всѣмъ своимъ потомствомъ; въ Римѣ—Сципіонъ Африканскій, Марій, Сулла, Цезарь, Антоній и пр. Появилась правильная философская школа, видѣвшая назначеніе человѣка въ наслажденіи и получила громадный перевѣсъ надъ всѣми другими школами относительно своего успѣха въ обществѣ. Весь народъ сознательно или несознательно сдѣлался послѣдователемъ этой системы. Тогда разсуждали такъ же, какъ разсуждаютъ нѣкоторые въ наше время; говорили, что долгъ, обязанность это нѣчто такое, что было пригодно въ прежнія времена грубости и необразованности; нравственная распущенность казалась однимъ изъ видовъ законной естественной свободы человѣка. Нечего и говорить, что въ дѣйствительности ограниченіе свободы со стороны собственныхъ понятій человѣка о долгѣ и человѣческомъ достоинствѣ не имѣетъ ничего общаго съ ограниченіемъ свободы внѣшней и свободы внутренней со стороны власти, со стѣсненіемъ свободы мысли и совѣсти. Это не есть даже дѣйствительное ограниченіе свободы, потому что тутъ умъ и нравственное чувство ограничиваютъ

дѣйствіе низшихъ, животныхъ свойствъ человѣка; тутъ самъ человѣкъ ограничиваетъ самого себя; онъ дѣлается вполнѣ господиномъ своихъ поступковъ, онъ освобождаетъ себя отъ власти своихъ собственныхъ животныхъ свойствъ и отчасти даже отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ. Это ограниченіе въ сущности есть освобожденіе человѣка; потому и говорятъ философы, что только добродѣтельный вполнѣ свободенъ.

Посмотримъ теперь, какъ выражаются и выражались въ дѣйствительности ограниченія различныхъ видовъ свободы. Ограниченію внѣшней свободы всего болѣе подвергается рабъ. Онъ не господинъ своихъ поступковъ, своего труда, своего времени, своего образа жизни; онъ живетъ, гдѣ ему укажутъ, ѣстъ, что ему дадутъ и когда дадутъ, онъ работаетъ, когда ему приказываютъ, и отдыхаетъ, когда позволяютъ, онъ почти лишонъ внѣшней свободы, и онъ живетъ не для себя, онъ ничего не имѣетъ и даже его собственная жизнь, его трудъ, кровь и потъ принадлежатъ господину; и улучшить свою жизнь самъ онъ не можетъ. Гораздо лучше состояніе крѣпостнаго; правда, его потъ, а иногда даже и кровь принадлежала его господину, но онъ меньше стѣсненъ даже въ трудѣ, не говоря о жизни вообще; онъ имѣетъ свой домъ, свой кусокъ хлѣба, свое хозяйство; иногда онъ можетъ работать или не работать по своей волѣ; онъ принадлежитъ господину, но невполнѣ; имѣя собственность, онъ можетъ ее увеличить посредствомъ труда; значитъ онъ можетъ улучшать свой бытъ, онъ живетъ озаренный и согрѣтый лучемъ надежды.

Стѣсненіе, налагаемое на раба и даже на крѣпостного такъ велико, такъ тяжело для существа, предназначеннаго самою природою къ свободѣ, что рабство и крѣпостное состояніе по справедливости считаются несовмѣстными съ принципами цивилизаціи.

Не смотря на то, въ самыхъ образованныхъ государствахъ существуютъ два состоянія, въ которыхъ жизнь человѣка ставится въ рамки почти столь же стѣсненныя, какъ и жизнь

рабовъ. Эти состоянія—ученики и солдаты. Ученики *) всѣ по колокольчику въ одно время встаютъ, одѣваются, завтракаютъ, обѣдаютъ, въ назначенное время занимаются, отдыхаютъ, не смѣютъ оставлять заведенія не въ указанное время; если отпущены, должны въ назначенный срокъ возвратиться, и даже за стѣнами заведенія должны подчиняться нѣкоторымъ особеннымъ правиламъ. Жизнь солдата подчинена столь же подробнымъ и вслѣдствіе этого стѣснительнымъ правиламъ. Солдатъ въ извѣстное время встаетъ и ложится, ѣстъ и пьетъ, занимается службою и отдыхаетъ; онъ безъ позволенія не смѣетъ оставить казармъ и въ урочный часъ непремѣнно долженъ возвратиться въ нихъ. Мы не говоримъ о состояніи каторжниковъ и ссыльныхъ поселенцевъ; это—люди за преступленіе потерявшіе часть своихъ правъ на свободу, на время или навсегда обращенные въ рабство или въ состояніе, близкое къ крѣпостному состоянію.

Далѣе стѣсняется свобода каждаго человѣка, служащаго своимъ собственнымъ интересамъ посредствомъ службы какимъ-нибудь постороннимъ интересамъ. Чиновникъ, изъ за содержанія, поступающій на государственную службу, обязанъ въ извѣстное время быть въ извѣстномъ мѣстѣ, заниматься тѣмъ, а не другимъ, и заниматься такъ, а не иначе. Въ такое же положеніе поставленъ коммерческій прикащикъ, конторщикъ, коммиссіонеръ, фабричный рабочій и т. п. Жизнь этихъ людей стѣснена, но только до извѣстной степени, только въ томъ, что касается спеціальныхъ занятій, къ которымъ они обязались. Что касается до ихъ частной домашней жизни, въ ней они остаются вполнѣ свободны, могутъ устраивать ее, какъ хотятъ.

Потомъ, стѣсняется свобода каждаго человѣка, живущаго въ обществѣ, въ государствѣ. Совершенно свободный отъ стѣсненія въ этомъ отношеніи только Робинзонъ, единственный обитатель своего острова. Всѣ другіе люди стѣснены законами,

*) Разумѣется тѣ, которые живутъ въ учебномъ заведеніи.

которыми управляется общество. Наконецъ стѣсняется свобода человѣка дѣлать или не дѣлать что-нибудь, жить такъ или иначе со стороны его собственныхъ понятій о долгѣ и человѣческомъ достоинствѣ и со стороны религіи, которая въ своей нравственной сторонѣ есть ничто иное какъ совокупность, система нравственныхъ понятій идеальнаго человѣка. Мы уже сказали, что это стѣсненіе не есть собственно стѣсненіе, ограниченіе свободы; но такъ какъ многіе думаютъ иначе, то мы и заносимъ его въ рядъ другихъ стѣсненій.

И такъ вотъ всѣ наиболѣе существенныя стѣсненія, которымъ подвергается человѣкъ въ обществѣ. Во имя чего они дѣлаются и какъ человѣкъ ихъ переноситъ?

Свобода раба и крѣпостнаго, по крайней мѣрѣ въ окончательномъ развитіи рабства и крѣпостнаго состоянія, стѣсняется во имя пользы господина. И рабъ и крѣпостной переносятъ свое состояніе съ постояннымъ сознаніемъ своего бѣдствія и соціальной несправедливости относительно ихъ; но на это господинъ не обращаетъ вниманія; онъ удерживаетъ человѣка въ рабствѣ и въ крѣпостномъ состояніи, потому что это ему выгодно. Рабъ и крѣпостной это понимаютъ, и ихъ ненависть къ притѣснителямъ доходитъ до того, что даже безъ надежды улучшить свое положеніе, они сжигаютъ домъ и гумно своего господина, убиваютъ его самого, истребляютъ его семейство.

Свобода каторжника стѣсняется во имя справедливости; но какъ тяжело для человѣка это стѣсненіе, видно изъ того, что оно составляетъ послѣднюю степень наказанія за преступленія, за которою во всѣхъ законодательствахъ слѣдуетъ уже смертная казнь.

Стѣсненіе учащихся допускается только потому, что въ дѣтскомъ возрастѣ оно почти не чувствуется, что оно составляетъ почти нормальное состояніе ребенка, и притомъ оно совершенно неизбѣжно. Дать ребенку свободу, какъ взрослому, значитъ подвергнуть опасности самую жизнь его, отказаться отъ всякаго воспитанія и обученія его, отказаться отъ возможности сообщить ему необходимыя познанія, пріучить

его къ труду, къ жизни въ обществѣ, къ подчиненію его законамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить ему нравственныя воззрѣнія и привычки, выработанныя умомъ человѣка въ теченіе тысячелѣтій. Но это стѣсненіе учащихся ослабѣваетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ ихъ возраста, такъ что учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ уже стѣсняются очень немногими правилами, кромѣ тѣхъ, которымъ обязаны подчиняться всѣ взрослые люди; а когда ихъ начинаютъ стѣснять больше, между ними начинаются волненія, протесты, которые нерѣдко губятъ всю будущность молодыхъ людей, что однако не останавливаетъ ихъ.

Солдатъ подвергается стѣсненію во имя дисциплины, во имя того, что онъ долженъ съ педантическою точностью исполнять предписанія своей службы. Неосуществленіе этой точности со стороны одного человѣка можетъ вести къ погибели цѣлаго корпуса, къ потерѣ крѣпости и сраженія. Солдатъ терпѣливо переноситъ свою дисциплину; но его терпѣніе облегчается тѣмъ, что въ перспективѣ у него особожденіе отъ этой дисциплины, отъ этой службы. И одно изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній для него состоитъ въ томъ, что ему за преступленія не даютъ отставки, переводятъ въ разрядъ штрафованыхъ.

Если мы обратимъ вниманіе на матеріальное положеніе всѣхъ этихъ людей, подвергающихся вышеизложеннымъ стѣсненіямъ, мы найдемъ, что оно не только не ниже, но выше состоянія многихъ свободныхъ людей. Рабъ добраго и даже только разсчетливаго плантатора въ Соединенныхъ Штатахъ былъ накормленъ, одѣтъ и помѣщенъ лучше, нежели ирландскій земледѣлецъ или рабочій большихъ мануфактурныхъ городовъ Западной Европы. Что солдаты имѣютъ лучшее содержаніе, по крайней мѣрѣ у насъ въ настоящее время, нежели большинство ихъ братьевъ, оставшихся въ первобытномъ состояніи, это всѣмъ извѣстно. Даже матеріальный бытъ каторжниковъ превосходитъ матеріальный бытъ очень многихъ между нашимъ сельскимъ населеніемъ. Чего же недостаетъ всѣмъ этимъ людямъ, почему ихъ состояніе тяжело для нихъ? Потому что

имъ недостаетъ свободы, самостоятельности, возможности жить по своей волѣ, дѣйствовать по собственному побужденію, по собственному выбору времени, средствъ и пр., недостаетъ сознанія этой свободы, которое одно только удовлетворяетъ человѣка, безъ котораго человѣкъ страдаетъ духомъ, понимая, что ему недостаетъ существеннѣйшей принадлежности его природы. И наиболѣе чувствительнымъ стѣсненіемъ здѣсь является то, которое касается не дѣятельности, а самой жизни человѣка, всей совокупности ея, то, которое ежеминутно говоритъ ему, что онъ не господинъ своихъ поступковъ и своей жизни, которое не позволяетъ ему забыть эту горькую истину.

И отнимите у человѣка эту мысль, дайте ему свободу въ жизни, и положеніе мгновенно измѣняется. Онъ принимаетъ на себя какой угодно родъ занятій, ищетъ ихъ, дорожитъ ими, какъ бы они тяжелы не были, если ему предоставляется свобода въ жизни. Занятія чиновника, прикащика въ магазинѣ, конторщика ни сколько не легче, и не менѣе строго и подробно опредѣлены, чѣмъ занятія солдата, а между тѣмъ разница между этими состояніями громадна. И она не зависитъ исключительно отъ того, что занятія солдата менѣе вознаграждены, чѣмъ другія названныя занятія. Содержаніе какого-нибудь писца въ канцеляріи государству обходится гораздо меньше, чѣмъ содержаніе солдата,—это значитъ, что экономическій бытъ одного хуже, чѣмъ экономическій бытъ другаго. Между тѣмъ на каждую должность писца всегда есть нѣсколько кандидатовъ, а въ военную службу всякій идетъ съ неохотой или по крайней мѣрѣ съ затаенною скорбью въ сердцѣ. Въ Западной Европѣ существуютъ миліоны бездомныхъ рабочихъ, никогда не увѣренныхъ, что они могутъ завтра имѣть кусокъ хлѣба, одѣтыхъ въ лохмотья, помѣщенныхъ въ сырыхъ и холодныхъ углахъ. Отъ чего эти люди не идутъ въ въ военную службу, гдѣ ихъ хорошо одѣнутъ, накормятъ, помѣстятъ въ теплыхъ, сухихъ, свѣтлыхъ казармахъ?—Безъ сомнѣнія отъ того, что они бѣдность съ свободою предпочитаютъ довольству съ неволею. У нашихъ солдатъ это представленіе

собственной неволи, хотя эта неволя временная, повидимому проникаетъ все ихъ міровоззрѣніе, составляетъ первую и главную черту, подъ которую они подводятъ всякаго человѣка; у нихъ всѣ люди, по крайней мѣрѣ тѣхъ классовъ, къ которымъ они принадлежатъ, раздѣляются на «вольныхъ» и на солдатъ. Такъ много значитъ для человѣка это стѣсненіе его жизни.

Что касается до того стѣсненія, которому подвергается каждый человѣкъ со стороны законовъ, оно дѣлается въ видахъ общественной безопасности, общественной пользы и общественной нравственности. Таково оно, впрочемъ, только въ своей идеѣ. Въ дѣйствительности оно подвергается значительнымъ уклоненіямъ въ сторону. Бываютъ правительства, которыя управляемымъ не позволяютъ шагу сдѣлать безъ разрѣшенія, не позволяютъ имъ собраться въ извѣстномъ количествѣ и разсуждать о собственныхъ своихъ дѣлахъ, не позволяютъ имъ положить букетъ цвѣтовъ на могилу покойника или поставить ему памятникъ; ихъ стѣснительное вліяніе простирается, какъ на туземцевъ, такъ и на пріѣзжихъ иностранцевъ, какъ на жителей многолюдной столицы, такъ и на патріархальныхъ обитателей отдаленной сельской общины, которые точно также невольны сами вести свои дѣла, принимать мѣры, имѣющія въ виду ихъ собственное благосостояніе. Съ другой стороны въ Европѣ существуютъ правительства, которыя очень мало стѣсняютъ своихъ подданныхъ, позволяютъ имъ высказывать свободно свои мысли, собираться, когда угодно и въ какомъ угодно количествѣ, предоставляютъ имъ полную свободу вести собственныя дѣла, личныя, приходскія, муниципальныя, какъ они хотятъ. И стоитъ обратить вниманіе на то, что правительства слѣдующія первой системѣ, на каждомъ шагу стѣсняющія подданныхъ, дѣлаютъ это совсѣмъ не въ виду дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ или какихъ нибудь высшихъ нравственныхъ интересовъ. Напротивъ, нравственные интересы ими прежде всего забываются; они даже какъ будто сами стараются поколебать нѣкоторые изъ нихъ; по крайней мѣрѣ видимымъ обра-

зомъ покровительствуютъ нѣкоторымъ направленіямъ въ искусствѣ далеко не гармонирующимъ съ требованіями общественной нравственности. Когда во Франціи существовало правительство Наполеона III, доведшее до послѣдней стецени административное и полицейское стѣсненіе своихъ подданныхъ, Парижъ болѣе, нежели когда нибудь, заслуживалъ названіе современнаго Вавилона; и между прочимъ оттуда распространялись по всей Европѣ эти особаго характера театральныя пьесы, которыя привлекаютъ публику исключительно вольностью костюмовъ и позъ. Что касается до отношенія этого правительства къ интересамъ народа, всѣмъ извѣстно, что оно преслѣдовало не эти интересы, а свои собственные династическіе. Но какъ ни худо было это правительство, какъ ни мало заслуживало оно уваженія, въ то же время какъ ни стѣснительна была для народа его администрація и полиція, оно могло держаться во Франціи въ продолженіи 18 лѣтъ; самый свободолюбивый народъ Европы терпѣлъ его. Почему?—Потому что всякое стѣсненіе, исходившее отъ него во первыхъ касалось только жизни внѣшней, публичной, а не семейной, частной, во вторыхъ имѣло все таки характеръ отрицательный, а не положительный; правительство только запрещало, а не повелѣвало. Самая мысль о томъ, что Наполеонъ III вмѣшивался бы въ домашнюю жизнь французовъ или предписывалъ бы имъ какія нибудь занятія кажется уже абсурдомъ.

Стѣсненіе, налагаемое на человѣка, нравственною истиною господствующею среди народа, и религіею, также болѣе или менѣе тягостно для человѣка, если его собственный нравственный уровень не довольно высокъ. Преобладающій характеръ этого стѣсненія есть воздержаніе, господство надъ чувственными склонностями и какъ видоизмѣненіе этого принцина, пожертвованіе своими интересами въ пользу другихъ. И безъ сомнѣнія, человѣку, у котораго животная сторона развита на счетъ духовной, непріятно это стѣсненіе; ему было бы несравненно пріятнѣе удовлетворять всѣмъ своимъ влеченіямъ, нежели ограничивать ихъ и господствовать надъ ними; ему было бы

пріятнѣе, чтобы другіе жертвовали для него своими интересами, а не наоборотъ. Но человѣкъ, у котораго въ глубинѣ души лежитъ сознаніе своего долга и своего человѣческаго достоинства, не можетъ тяготиться такимъ стѣсненіемъ, потому что оно согласно съ его нравственною настроенностію; онъ иначе и поступать не можетъ, какъ согласно съ этимъ стѣсненіемъ. Это стѣсненіе есть только отрицаніе распущенности, но не свободы; напротивъ, какъ мы уже сказали, оно есть высшій видъ свободы и по сущности своей необходимымъ образомъ совмѣстимо со всѣми родами свободы. Человѣкъ съ религіознымъ уваженіемъ относящійся къ предписаніямъ нравственнаго долга, не имѣетъ нужды въ какихъ-нибудь другихъ ограниченіяхъ своихъ дѣйствій.

Такимъ образомъ свобода конечно не есть распущенность, не анархія, не безпорядокъ. Есть много видовъ стѣсненія свободы, которые разумны, необходимы и въ то-же время не тяжелы; но за то есть много другихъ, которые неразумны, ненеобходимы и тяжелы. И разсматривая ихъ относительную тягость, мы находимъ, что она менѣе велика, когда ограниченія свободы состоятъ только въ отрицательныхъ постановленіяхъ, въ запрещеніяхъ, — и гораздо значительнѣе, когда ограниченія свободы состоятъ въ положительныхъ предписаніяхъ, касающихся экономической дѣятельности человѣка, его труда. Это тó ограниченіе свободы, которому подвергается человѣкъ, находящійся въ крѣпостной зависимости. Въ высшей степени тягостно ограниченіе свободы тогда, какъ оно касается не только дѣятельности, и но всей вообще жизни человѣка; это тó ограниченіе, которому подвергаются рабы, дѣти только временно, и люди, совершившіе весьма тяжкія преступленія, и то большею частію также временно и т. д.

Если мы попробуемъ подвести «стѣсненія и затрудненія» коммунизма подъ тѣ виды стѣсненій, которые мы обозрѣли, что найдемъ мы? Во-первыхъ, коммунизмъ стѣсняетъ человѣка въ занятіяхъ: житель Икаріи долженъ работать въ томъ мѣстѣ и въ то время, которыя ему указываетъ законъ. И отказаться

отъ работы онъ не можетъ; если онъ боленъ, то онъ подвергается свидѣтельствованію въ общественномъ госпиталѣ. Если ему работа сдѣлалась противна своимъ однообразіемъ, и это не даетъ ему права освободиться отъ нея. Короче, онъ человѣкъ совершенно невольный; хочетъ онъ или не хочетъ, но долженъ работать. Такого стѣсненія не позволяетъ себѣ ни одно цивилизованное правительство относительно своихъ подданныхъ; оно, какъ мы видѣли, допускается или только для несовершеннолѣтнихъ, учащихся, или для преступниковъ, или для людей, которыхъ самое назначеніе требуетъ строгаго подчиненія личности общимъ порядкамъ, для солдатъ. Но и ученикъ и солдатъ и даже преступникъ имѣютъ передъ собою перспективу болѣе или менѣе скораго освобожденія отъ такихъ невольныхъ занятій, послѣ чего имъ еще предстоитъ обширное поле для самодѣятельности. Икаріецъ не имѣетъ и этой надежды; онъ долженъ работать въ своей мастерской до тѣхъ поръ, пока служатъ ему силы, онъ освобождается только въ преклонныхъ лѣтахъ, когда силы его оставляютъ, когда его организмъ требуетъ уже не дѣятельности, а покоя. Такимъ образомъ вся жизнь человѣка издерживается на то, чтобы быть несамостоятельнымъ работникомъ, дѣйствующимъ по чужому, со стороны указанному плану, и притомъ не по собственной доброй волѣ, а по принужденію со стороны общества.—И этого мало; коммунизмъ не даетъ человѣку свободы въ самой жизни, онъ опредѣляетъ со строгостью и точностью всѣ подробности быта и жизни человѣка. Икаріецъ долженъ вставать и ложиться въ указанное закономъ время, онъ не можетъ обѣдать и завтракать, гдѣ и когда хочетъ, онъ не можетъ употреблять тѣ кушанья, которыя ему нравятся; внутренній порядокъ своего жилища онъ не можетъ устроить по своей волѣ; ему даны комнаты, извѣстнымъ образомъ расположенныя, мебель, извѣстнымъ образомъ сдѣланная. Нравится все это ему или не нравится,—другаго ничего онъ имѣть не можетъ. Онъ не можетъ по своему вкусу и состоянію здоровья, сдѣлать себѣ платье и обувь; и долженъ довольствоваться тѣмъ, что при-

готовлено по общимъ образцамъ.—Такого подчиненія человѣка общей нормѣ жизни опять-таки не позволяетъ и не позволяло себѣ ни одно правительство самое деспотическое. Оно допускается только для несовершеннолѣтнихъ, для солдатъ и для преступниковъ. И въ этомъ отношеніи коммунизмъ снова приравниваетъ членовъ своего общества къ этимъ тремъ состояніямъ, не давая имъ на этотъ разъ никакой надежды избавиться отъ этой подневольной жизни. Тутъ является истинное «оставьте всякую надежду» Дантова ада. Икаріецъ во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ возрастахъ подчиненъ своимъ невольнымъ порядкамъ. Только смерть освобождаетъ его отъ нихъ.

И во имя чего же все это дѣлается? Что заставляетъ законодателя Икаріи подчинить ея жителей такимъ небывалымъ и тяжелымъ порядкамъ? «Коммунизмъ, говоритъ Кабе, есть совершеннѣйшее воплощеніе философіи, самая чистая нравственность въ дѣйствіи, это есть полное осуществленіе братства, сосудъ всѣхъ добродѣтелей Коммунизмъ есть религія и притомъ самая совершенная» *). Итакъ жизнь Икарійца стѣсняется во имя любви къ ближнему, во имя религіозной обязанности человѣка. Это прекрасно; любовь къ ближнему есть высочайшій изъ принциповъ; и нравственныя обязанности, налагаемыя религіею, принадлежатъ къ числу самыхъ священныхъ. Но это измѣняетъ уже самую точку зрѣнія на дѣло. Если во имя любви къ ближнему, во имя нравственныхъ обязанностей, человѣкъ отказывается отъ своей свободы, то такъ нужно и сказать объ этомъ. Нужно сказать: правда, человѣку тяжело будетъ это положеніе, но становясь въ него, онъ исполняетъ одну изъ самыхъ священныхъ обязанностей. Только дѣло въ томъ, какая религія и какая нравственная философія когда нибудь требовали и могутъ требовать, чтобы любовь къ ближнему выражалась въ отказѣ отъ своей собственной свободы, чтобы изъ за нея человѣкъ превращался въ невольника

*) 279.

и въ машину? Любовь къ ближнему можетъ требовать отъ насъ всякихъ жертвъ, кромѣ тѣхъ, которыя умаляютъ наше человѣческое достоинство, понижаютъ нашъ нравственный уровень.

«Коммунизмъ, говоритъ Кабе, заключаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели; онъ отнимаетъ у человѣка возможность порока и преступленія, потому что всѣ пороки и преступленія имѣютъ свой корень въ собственности, которую человѣкъ постоянно стремится увеличить». Хотя это и не справедливо, хотя есть много преступленій, неимѣющихъ никакого отношенія къ собственности, и отъ этихъ преступленій нисколько ни застрахована Икарія *). Но допустимъ это, положимъ, что коммунизмъ дѣйствительно отнимаетъ у человѣка возможность преступленія, что онъ есть сосудъ всѣхъ добродѣтелей. Что же это за добродѣтели, которыя являются, не какъ дѣйствіе свободной воли человѣка, а какъ необходимость, какъ невозможность противнаго? Такія добродѣтели не имѣютъ характера добродѣтелей, состоящаго въ свободномъ выборѣ, въ твердой рѣшимости, въ господствѣ надъ низшими побужденіями, направляющими волю человѣка въ другую сторону. Очевидно, при невозможности порока и преступленія, для всего этого нѣтъ мѣста въ Икаріи. Дѣйствительная добродѣтель въ Икаріи только одна: это подчиненіе законамъ отечества; но такъ какъ эти законы несообразны съ природою человѣка, такъ какъ они отнимаютъ у него всякую свободу и чрезъ то лишаютъ его возможности высшаго умственнаго и нравственнаго развитія, то и эта добродѣтель оказывается какимъ то тупымъ подчиненіемъ авторитету массы и вмѣстѣ съ тѣмъ безучастіемъ къ своему нравственному достоинству. Такимъ образомъ стѣсненіе, налагаемое на человѣка въ Икаріи не имѣетъ оправданія ни

*) Въ Икаріи, по словамъ Кабе, нѣтъ лѣнивыхъ, и вотъ почему: въ Икаріи лѣность столь-же презирается какъ въ Европѣ воровство.— Но воровство, не смотря на то, что оно презирается, въ Европѣ существуетъ. Слѣдовательно лѣность должна существовать въ Икаріи. Странно, что Кабе не замѣтилъ столь очевиднаго промаха; а между тѣмъ онъ составляетъ одну изъ главныхъ основъ его системы.

въ священномъ характерѣ нравственныхъ обязанностей, ни въ стремленіи законодателя возвысить нравственный уровень граждан, и еще меньше въ необходимости извѣстныхъ порядковъ, требуемыхъ гражданскимъ благоустройствомъ.

«Свобода, говоритъ Кабе, не есть право дѣлать все по своему капризу, даже то, что вредитъ другому, напр. воровать или убивать». Это правда, но этого и не требуетъ политико экономическій порядокъ, основанный на собственности; а то чего онъ требуетъ, не имѣетъ ничего общаго съ этимъ правомъ. «Свобода, продолжаетъ Кабе, не есть право ничего не дѣлать, когда такъ хочется, не платить налоговъ, отказываться отъ военной службы». Нѣтъ, это уже не вѣрно; свобода именно есть право дѣлать что-нибудь или не дѣлать по своей волѣ; и если человѣкъ обязывается что-нибудь сдѣлать, если онъ платитъ налоги и идетъ въ военную службу, это значитъ, что онъ отказывается отъ извѣстной доли свободы въ пользу общества. Но если эта доля будетъ очень велика, если напр. онъ будетъ обязанъ къ постоянной военной службѣ до гроба, то жизнь его становится тяжела и безотрадна; такова дѣйствительно и была жизнь нашихъ солдатъ, обязанныхъ по закону Петра I служить до гроба, вслѣдствіе чего этотъ законъ и былъ отмѣненъ уже въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. «Свобода не есть право ходить безъ одежды и быть неблагодарнымъ». Это безъ сомнѣнія правда, но то, что различаетъ Икарію отъ Европы, совсѣмъ не походитъ на этого рода ограниченіе свободы. Въ Европѣ законъ не позволяетъ ходить безъ одежды и общественное мнѣніе наказываетъ неблагодарность. А въ Икаріи законъ обязываетъ всякаго человѣка работать, не обращая вниманія на его волю, и кромѣ того обязываетъ каждаго проводить всю свою жизнь не такъ, какъ ему хочется, а какъ находятъ нужнымъ другіе.

Оправдывая икарійское стѣсненіе человѣческой свободы, Кабе ссылается на такіе виды стѣсненія ея въ существующихъ обществахъ, которые основаны или на неизбѣжныхъ условіяхъ самаго существованія общества (обязанность платить налоги и

отправлять военную службу), или на требованіяхъ нравственности (обязанность быть благодарнымъ) или на томъ и другомъ вмѣстѣ (запрещеніе воровать и убивать, ходить безъ одежды). Но онъ забываетъ, что, при всей своей нравственной и логической необходимости, большая часть этихъ стѣсненій имѣетъ характеръ отрицательный, т. е., запрещая человѣку извѣстное дѣйствіе, предоставляетъ ему полную свободу во всѣхъ другихъ; человѣкъ не можетъ ходить безъ одежды, но онъ воленъ одѣваться, какъ ему угодно, онъ можетъ, когда угодно работать и отдыхать, обѣдать и ужинать, путешествовать и оставаться дома, заниматься всѣмъ, что найдетъ нужнымъ и т. д. Кромѣ того, даже предписывая человѣку извѣстныя дѣйствія, существующіе законы ограничиваютъ его свободу самымъ незначительнымъ образомъ и только въ общихъ чертахъ. Пусть каждый заплатитъ свою долю налога, и законъ оставляетъ его въ покоѣ, оставляетъ его полнымъ господиномъ своихъ дѣйствій, и средства для пріобрѣтенія денегъ, которыя онъ долженъ уплатить, представляются на его добрую волю, такъ что все дѣйствительное стѣсненіе для человѣка ограничивается нѣсколькими минутами, въ продолженіе которыхъ онъ уплачиваетъ деньги; только въ эти минуты онъ обязанъ дѣлать именно то, а не другое. Обязывая человѣка къ военной службѣ всѣ существующіе законы ограничиваютъ срокъ ея нѣсколькими годами, послѣ которыхъ человѣкъ совершенно свободенъ, а тамъ, гдѣ эта обязанноость существуетъ въ видѣ всеобщей повинности, въ видѣ народной милиціи, тамъ человѣкъ обязанъ только въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ году являться на ученье и на смотръ, послѣ чего жизнь его принадлежитъ ему, онъ свободенъ, можетъ дѣлать, что ему угодно, и жить, какъ угодно. Очевидно всѣ эти стѣсненія очень мало походятъ на то, чего требуетъ коммунизмъ. Его стѣсненіе дѣйствительно имѣетъ сходство съ тѣмъ, которому у насъ подвергаются не взрослые и свободные люди, а или дѣти, или преступники, или наконецъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, солдаты. И чтобы быть логичнымъ,

чтобы сдѣлать правильную ссылку на существующіе порядки, Кабе долженъ бы былъ обратиться именно къ этимъ фактамъ стѣсненія свободы въ существующихъ обществахъ, онъ долженъ бы былъ сказать: «о свободѣ много толкуютъ, но не смотря на то, въ каждомъ самомъ образованномъ государствѣ, ее подвергаютъ весьма тяжелымъ ограниченіямъ. Развѣ въ каждомъ государствѣ нѣтъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ дѣти шагу не могутъ сдѣлать съ полною свободою; развѣ этихъ дѣтей не стѣсняютъ въ ихъ заніяхъ, въ отдыхѣ, прогулкахъ, развѣ имъ не шьютъ всѣмъ одинаковаго платья, развѣ имъ позволяютъ обѣдать и ужинать, когда они вздумаютъ? Потомъ въ каждомъ государствѣ существуютъ арміи; развѣ солдаты не стѣснены въ своей дѣятельности и жизни? Въ каждомъ государствѣ существуютъ каторжныя работы; развѣ каторжники свободны въ своей дѣятельности и жизни? Развѣ не въ опредѣленный часъ по звуку барабана, они принимаются за работу, кончаютъ ее, идутъ обѣдать и ужинать, ложатся спать и встаютъ?

Впрочемъ, нѣчто подобное, по крайней мѣрѣ имѣющее тотъ же самый смыслъ, Кабе и сдѣлалъ. Стараясь защитить коммунизмъ отъ упрека въ стѣсненіи свободы, онъ говоритъ: «Коммунизмъ имѣетъ слишкомъ много законовъ, по вашему мнѣнію?—А собственность вмѣстѣ съ монархіею развѣ не имѣетъ законовъ? — Коммунизмъ стѣсняетъ свободу! — А монархія!.. Позволяетъ-ли она дѣлать вамъ все то, что хотите? Даетъ-ли она вамъ свободу вашей личности, вашего жилища, вашихъ дѣтей, вашихъ имуществъ, вашихъ дѣйствій даже вашихъ мыслей и вѣрованій, вашихъ чувствованій и вашихъ надеждъ?— Королевская полиція оставляетъ-ли вамъ свободу оставаться въ театрѣ столько, сколько вы хотите, танцовать или обѣдать какъ вамъ угодно, носить букетъ фіалокъ или ленту или трость, которыя вамъ доставляютъ удовольствіе? Нѣтъ затрудненія, доставляемаго коммунизмомъ, которое не было бы доставляемо и собственностію и притомъ въ болѣе важномъ капризномъ, нераціональномъ, безпокойномъ и тиранническомъ видѣ» *).

*) 405.

Здѣсь Кабе употребилъ полемическій пріемъ, прямо указывающій на его несостоятельность. Ему говорятъ о свободѣ труда и вообще занятій, которую допускаетъ собственность и которой не допускаетъ коммунизмъ, а онъ отвѣчаетъ упрекомъ королевской полиціи и вообще монархіи; но развѣ всякая королевская полиція и всякая монархія дѣлаетъ такіе стѣсненія личной свободѣ, которыя онъ указываетъ? Развѣ эти стѣсненія мелочныя и возмутительныя составляютъ необходимую принадлежность всякой полиціи, развѣ это не злоупотребленія, которыхъ никто не оправдываетъ. Развѣ образованнѣйшія государства Европы не признаютъ въ принципѣ и не допускаютъ на практикѣ полной свободы мысли и совѣсти, не говоря о свободѣ личности вообще, о свободѣ жилища, имущества, дѣтей и проч.? Кабе тѣмъ болѣе непростителенъ такой политическій пріемъ, что онъ довольно долго жилъ въ Англіи, гдѣ уже въ то время существовала самая полная свобода личности, жилища, имущества, мысли, совѣсти и слова. Наконецъ пусть онъ дѣйствительно можетъ указать страну и даже не одну, гдѣ существуютъ всѣ приведенныя имъ стѣсненія, развѣ защитники собственности всѣ эти стѣсненія считаютъ идеаломъ общественнаго устройства, развѣ собственность безъ нихъ не можетъ существовать? — Повидимому приведенный аргументъ былъ употребленъ Кабе въ той надеждѣ, что онъ будетъ убѣдителенъ для многочисленныхъ сторонниковъ республиканской партіи, существовавшей въ то время во Франціи; очевидно, онъ разсчитывалъ, что ихъ вражда къ монархическимъ принципамъ вообще сдѣлаетъ ихъ послушными этому аргументу, гдѣ собственность *), монархія и даже придирчивая полиція ставятся, какъ неразлучные спутники. Но мало того, что и монархія не

*) Вообще внутреннюю силу своихъ доказательствъ въ пользу коммунизма Кабе старается усилить различными, иногда совершенно внѣшними, средствами. Такъ первоначально онъ издалъ свою книгу въ видѣ дѣйствительнаго путешествія и описанія дѣйствительной страны, существующей на землѣ. Самый внѣшній видъ книги былъ таковъ, что уже содержалъ въ себѣ фигурное и наглядное изложеніе всѣхъ благъ, соединенныхъ съ коммунизмомъ (см. прил. В.).

всегда предписываетъ стѣснительные законы, не всегда окружаетъ себя придирчивою полиціею, и съ понятіемъ республики совсѣмъ не соединено понятіе о коммунизмѣ, — исторія видѣла много республикъ, существовавшихъ въ древнія времена и въ средніе вѣка, и ни одна изъ нихъ не была основана на коммунизмѣ. И въ настоящее время ни въ Швейцаріи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ собственность не уступила мѣста коммунизму и не поддерживается стѣсненіемъ личности человѣческой. Кабе, для опроверженія своихъ противниковъ, долженъ былъ указать такую страну, гдѣ при монархическомъ или республиканскомъ правленіи, изъ которыхъ то и другое одинаково допускаютъ и считаютъ необходимою частную собственность, существуетъ обязательный трудъ и существуетъ, какъ необходимая принадлежность собственности, а не чего-нибудь другаго. Или онъ долженъ былъ доказать, что стѣсненіе, налагаемое коммунизмомъ, не тяжело, что обязательный трудъ и обязательный образъ жизни не стѣсняютъ человѣка.

Это, впрочемъ, онъ повидимому и покушается дѣлать въ слѣдующихъ словахъ: «Въ коммунизмѣ, говоритъ онъ, все общество, весь народъ издаетъ законы, образуетъ свои нравы, обычаи, общественное мнѣніе; и все это онъ дѣлаетъ сообразно съ природою и разумомъ, всегда въ собственномъ своемъ интересѣ, всегда по всеобщему согласію, послѣ обсужденія, которое докажетъ всѣмъ выгоды предлагаемаго проекта; и эти законы, всегда издаваемые по общей волѣ и общему желанію, исполняются съ удовольствіемъ и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости». Всѣ эти положенія не только не доказаны, но и не могутъ быть доказаны, онѣ даже опровергнуты опытомъ и здравымъ смысломъ. Законы, издаваемые всѣмъ народомъ, издаются сообразно съ природою и здравымъ смысломъ и всегда въ интересѣ самаго народа! Но исторія уже видѣла эти законы, издаваемые всѣмъ народомъ, въ общемъ собраніи всей народной массы; это было въ Аѳинахъ, отчасти въ Римѣ и у насъ въ Новгородѣ. И эти законы были всегда худшими: въ Греціи во время Пелопонезской войны

и послѣ нея, въ Римѣ во время народныхъ смутъ при Маріѣ, Суллѣ, Сатурнинѣ, Цезарѣ, Помпеѣ, въ Новгородѣ во все время независимости Новгородской. Всѣ эти законы, издаваемые массою народною, были настолько въ интересѣ самихъ народовъ, что послѣ всѣхъ указанныхъ періодовъ эти народы приходили въ крайнее разстройство и теряли свою независимость.—Законы издаются народомъ по всеобщему согласію, послѣ того какъ всѣ, по обсужденіи, сознаютъ выгоды предлагаемыхъ проектовъ!—Если здѣсь нѣтъ обмолвки (а судя по всему здѣсь ея нѣтъ), то это мѣсто обнаруживаетъ въ авторѣ самое печальное незнаніе ни природы человѣка, ни исторіи.

Исторія представляетъ безпрерывный рядъ борьбы политическихъ и экономическихъ мнѣній и торжество мнѣній однихъ надъ другими, перевѣсъ въ жизни, на практикѣ, а не поглощеніе однихъ мнѣній другими. Побѣжденное мнѣніе всегда продолжало существовать, и съ теченіемъ времени, съ перемѣною обстоятельствъ, въ измѣненномъ видѣ, а иногда и въ томъ же самомъ, вновь появлялось на политической или литературной аренѣ. Наши славянскія народныя собранія, напр. новгородское вѣче или польскій сеймъ, дѣйствительно, если рѣшали какія-нибудь дѣла, то рѣшали ихъ по всеобщему согласію; но если польскій послъ-шляхтичъ или новгородскій мужикъ-вѣчникъ давали свое согласіе на какую-нибудь мѣру, на какой-нибудь законъ, то отсюда очень далеко до одобренія этого закона, до убѣжденія въ полезности его. Необходимость всеобщаго согласія производила то, что члены вѣча или сейма, давая согласіе, дѣлали уступку, чтобы въ государствѣ не было двухъ различныхъ законовъ, которые взаимно уничтожали бы другъ друга. Эта уступка меньшинства есть ничто иное, какъ тоже самое рѣшеніе по большинству голосовъ, только въ другой формѣ, безъ строгаго законнаго опредѣленія правъ большинства; вслѣдстіе чего это и повело къ анархіи и въ Польшѣ и въ Новгородѣ, когда партіи дошли до ожесточенной вражды и меньшинство не хотѣло уступать большинству въ виду общаго интереса; и въ Новгородѣ это окон-

чилось драками на вѣчѣ или раздѣленіемъ города на два враждебные лагеря, для которыхъ мостъ на Волховѣ служилъ полемъ битвы; а польскій сеймъ превратился въ постоянное поле битвы съ оружіемъ въ рукахъ. Вотъ какимъ оказалось это всеобщее согласіе всего народа на изданіе законовъ, всеобщее убѣжденіе въ полезности ихъ. Но здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ существовавшихъ собраніяхъ поголовныхъ или представительныхъ, дѣло шло только объ общихъ мѣрахъ, имѣвшихъ непрямое отношеніе къ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка и невсеобщее значеніе для нея.

Уступивши добровольно или будучи побитъ, новгородецъ или польскій шляхтичъ могъ еще найти утѣшеніе въ домашней, частной жизни, гдѣ онъ былъ самъ себѣ господиномъ. Онъ могъ и совсѣмъ отказаться отъ политики, отъ общественнаго дѣла, всею душою предаться своимъ частнымъ цѣлямъ и найти здѣсь свободу, спокойствіе и счастіе. Въ Икаріи, т. е. въ коммунизмѣ и это невозможно. Не будемъ говорить о томъ, что всеобщее согласіе на законы въ Икаріи еще менѣе возможно, чѣмъ въ Новгородѣ или Польшѣ, потому что тамъ законы касаются ежедневной дѣятельности и частной жизни всякаго человѣка. Потому утверждать, что всѣ 60 милліонновъ икарійцевъ находятъ пріятнымъ въ извѣстный часъ идти на работу, въ извѣстный часъ приходить домой, въ одно время молчать, въ другое время говорить, потомъ непремѣнно въ назначенный часъ пѣть, обѣдать и ужинать, и сегодня ѣсть одно, а не другое, а завтра непремѣнно другое, но не то, что вчера или послѣзавтра, — значитъ утверждать то, что противорѣчитъ истинѣ ясной, какъ день, именно, что вкусы человѣческіе и желанія разнообразны. Но хуже всего то, что въ Икаріи меньшинство не имѣетъ убѣжища противъ законовъ, издаваемыхъ большинствомъ. Икаріецъ не можетъ отказаться отъ общественной дѣятельности; хочетъ или не хочетъ, а онъ долженъ идти въ общественную мастерскую и слушать тамъ шумъ машинъ, стукъ молотковъ и визжаніе пилъ, слушать при гробовомъ молчаніи товарищей въ одно

время или при веселомъ пѣніи въ другое, въ то время, какъ самъ онъ желалъ бы, чтобы земля подъ нимъ разверзлась и поглотила его. Еще счастливъ былъ бы онъ, если бы онъ могъ хотя дома успокоиться. Но для него и это невозможно. Придя домой, онъ прежде всего встрѣчаетъ здѣсь ненавистный порядокъ, устроенный не по его мысли, видитъ мебель, которая, при всѣхъ своихъ удобствахъ для другихъ, для него неудобна, противна и ненавистна; онъ садится за столъ, но ему подаютъ то, къ чему онъ чувствуетъ отвращеніе, что онъ давно возненавидѣлъ. Ему стало все противно, и его домъ, и его мебель, его пища, одежда и садъ. Онъ хотѣлъ бы прочитать что-нибудь, отдохнуть душою отъ испытаннаго нравственнаго мученія, но ему подаютъ оффиціальный журналъ, въ которомъ развиваются прелести коммунизма, описывается благосостояніе Икаріи. Онъ хотѣлъ бы убѣжать въ поле, чтобы забыться, но вездѣ встрѣчаетъ веселыя лица людей, принадлежащихъ къ большинству, по желанію которыхъ устроилась его частная жизнь и у которыхъ въ нравственномъ рабствѣ онъ находится ежедневно и ежеминутно *). Его положеніе безвыходное. — Такая перспектива счастія въ коммунизмѣ очевидно не представлялась уму Кабе, не помѣшала ему утверждать, что законы, издаваемые при коммунизмѣ по общему согласію и желанію, «всегда исполняются съ удовольствіемъ и съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости» и прибавить къ этому, «что всѣ друзья свободы должны желать коммунизма»! **).

— —

*) Л. Бланъ смотритъ на отношенія между большинствомъ и меньшинствомъ гораздо трезвѣе. «Я знаю, говоритъ онъ, что во всякомъ собраніи меньшинство подвержено опасности угнетенія со стороны большинства (est exposée à être opprimée par la majorité). Hist. de la rév. de 1848. Paris, 1880. II, 280.

**) Было, впрочемъ, и у него смутное представленіе о томъ, что коммунизмъ въ жизни не очень сладокъ. Вслѣдствіе этого, онъ освобождаетъ икарійцевъ отъ общественныхъ обѣдовъ по воскресеньямъ, находя, что это необходимо для *счастія* ихъ. См. выше, стр. 297.

Недовольствуясь собственными доказательствами въ пользу коммунизма, Кабе ищетъ опоры для него въ исторіи. «Вы, противники коммунизма, говоритъ онъ, утверждаете, что коммунизмъ имѣетъ за себя только немногія мнѣнія безъ кредита и безъ вѣса; я готовъ въ вашемъ присутствіи обратиться къ исторіи и ко всѣмъ философамъ,—слушайте!» И онъ дѣйствительно дѣлаетъ продолжительный обзоръ философскихъ мнѣній и экономическихъ учрежденій и находитъ, что слѣдующіе философы и законодатели были явными сторонниками коммунизма: Конфуцій, Зороастръ, Миносъ, Ликургъ, Агисъ, Клеоменъ, Пиѳагоръ, Сократъ, Платонъ, Аристотель, Гракхи, Аполлоній Тіанскій, Плутархъ, всѣ отцы церкви, вселенскіе соборы, Арнольдъ Брешіанскій, Виклефъ, Гусъ, Томасъ Моръ, Кампанелла, Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ, Серведе, Мюнцеръ, Янъ Лейденскій, Массильонъ, Бриденъ, Фенелонъ, Аббатъ Флери, парагвайскіе іезуиты, Маравскія братья, Боденъ, Гроцій, Канцлеръ Бэконъ, Гоббесъ, Гаррингтонъ, Мильтонъ, Локкъ, Кондорсе, Пуффендорфъ, Боссюэтъ, Фонтенель, Морелли, Ад. Смитъ, Монтескье, Руссо, Гельвецій, Мирабо отецъ, Тюрго, Мабли, Рейналь, Франклинъ, Сіэсъ, Мирабо сынъ, Робеспьеръ, Наполеонъ, Бабефъ, Буонаротти, Оуэнъ, Сен-Симонъ, Фурье, Мадзини, Ламартинъ, Ламене и многіе современные партизаны демократической партіи.

Это множество именъ составилось такимъ образомъ: если Кабе въ сочиненіяхъ какого-нибудь писателя находитъ что-нибудь, хотя одно слово въ пользу бѣдныхъ классовъ общества, или противъ излишняго накопленія богатствъ, или въ пользу политическаго равенства, или, наконецъ, признаніе того, что въ первобытныя времена земля была общимъ достояніемъ всѣхъ жителей, — то здѣсь онъ уже находитъ основаніе для того, чтобы признать этого писателя сторонникомъ коммунизма. Это очень странно, но вполнѣ вѣрно, потому, что приводя всѣ эти имена, Кабе почти во всѣхъ случаяхъ приводитъ и мнѣнія и даже слова писателей, на основаніи которыхъ онъ причисляетъ ихъ къ коммунистамъ. Напр.

вотъ какія слова Адама Смита дали основаніе Кабе причислить его къ сторонникамъ коммунизма: «большіе собственники сначала были очень гостепріимны и кормили много народа; но торговля и мануфактуры дали имъ возможность копить; все для себя и ничего для другихъ—повидимому всегда и вездѣ, было презрѣннымъ правиломъ владыкъ рода человѣческаго».—Боссюэтъ потому причисленъ къ коммунистамъ, что у него въ Политикѣ, извлеченной изъ священнаго писанія, Кабе нашелъ слѣдующія слова: «безъ правленія земля и всѣ блага были бы также общими между людьми, какъ воздухъ и свѣтъ; слѣдуя первоначальному праву природы, никто не имѣетъ частнаго права на что бы то ни было; все принадлежитъ всѣмъ, собственность обязана своимъ происхожденіемъ гражданскому правительству!» Тоже самое говоритъ Гоббесъ, Мирабо отецъ и др. Массильонъ, Бриденъ—коммунисты потому, что они «громили аристократію»! Гусъ и др. отнесены къ коммунистамъ совсѣмъ безъ подкрѣпленія этого мнѣнія какими-нибудь цитаціями и указаніями.

Не смотря на то, въ длинномъ спискѣ Кабе дѣйствительно есть имена, принадлежащія коммунистамъ; къ нимъ мы можемъ отнести Сократа, Платона, Томаса Мора, Кампанеллу, Морелли, Мабли, Бабефа, Буонаротти, Оуэна и Сен-Симона, или по крайней мѣрѣ его учениковъ. Всѣ эти люди дѣйствительно предлагали свои проекты устройства жизни на основаніи коммунизма. Но, положимъ, что не только эти люди, но и многіе другіе, замѣчательные своимъ умомъ и познаніями, были дѣйствительными сторонниками коммунизма, искренно и серьезно желали замѣнить имъ частную собственность,—служитъ ли это дѣйствительно серьезнымъ доказательствомъ въ пользу коммунизма? Не извѣстно ли издавна, что даже quandoque bonus dormitat Homerus? Не доказываетъ ли это только того, что человѣческая природа въ высшей степени допускаетъ разнообразіе мыслей, чувствъ и желаній? Такъ какъ мысль человѣческая, не смотря на то, что она слѣдуетъ точнымъ законамъ логики, благодаря несовершенству человѣческихъ наблю-

деній, благодаря субъективности чувствъ и, наконецъ, благодаря неясному пониманію самыхъ законовъ логики, является въ самыхъ разнообразныхъ видахъ; и такъ какъ человѣкъ не появился въ мірѣ съ готовыми познаніями, съ готовою истиною, съ готовыми учрежденіями, а все это онъ долженъ былъ самъ себѣ выработать, то можно ли предположить, чтобы человѣкъ, вырабатывая истину и свои политическія учрежденія, могъ всегда идти прямою дорогою, чтобы самые лучшіе умы человѣчества могли уберечься отъ очень важныхъ ошибокъ? Всѣмъ извѣстно, что этого не было и не могло быть. И въ цѣлой исторіи мы не найдемъ ни одного человѣка, котораго, нисколько не теряя скромности, мы могли бы принять за непогрѣшимый авторитетъ. И Сократъ, и Платонъ, и Томасъ Моръ,— какъ ни велики ихъ умственныя способности, познанія и ихъ нравственныя качества, и даже отцы церкви, по собственному признанію церкви, могли ошибаться и ошибались.

Не смотря на то, очень многихъ изъ авторитетовъ, приведенныхъ Кабе, уступить ему нельзя. Сказать нѣсколько словъ въ пользу рабочихъ классовъ, желать улучшенія ихъ быта, признавать древній первобытный коммунизмъ между людьми дикими, какъ существовавшій фактъ,—не значитъ быть коммунистомъ, не значитъ желать общности жизни, труда, отсутствія частной собственности.

Даже такіе законодатели, какъ Ликургъ или братья Гракхи—совсѣмъ не коммунисты. Ликургъ провелъ, а Гракхи только хотѣли провести аграрные законы. Но между аграрными законами и коммунизмомъ разстояніе громадное. Ликургъ раздѣлилъ всю спартанскую территорію на участки и роздалъ ихъ спартіатамъ иперіикамъ *). Но онъ оставилъ въ Спартѣ не только семейство, но и семейное хозяйство и всякую семейную и личную собственность, оставилъ торговлю и деньги,

*) Мнѣніе, что Ликургъ не дѣлилъ спартанской территоріи на участки, не выдерживаетъ критики и не принимается наиболѣе компетентными учеными, относящимися къ дѣлу только съ объективной точки зрѣнія. Объ этомъ см. мою статью въ журналѣ «Время» 1861 г., т. III, отд. II.

каковы бы онѣ ни были. А всѣ эти частности существеннымъ образомъ противоположны идеѣ коммунизма.— Гракхи старались надѣлить Римское простонародіе поземельными участками; но Гракхи только старались, а раньше этого Лициній тоже самое успѣлъ вполнѣ привести въ исполненіе. Не смотря на то, періодъ Римской исторіи, слѣдовавшій за законами Лицинія, нисколько не былъ періодомъ коммунизма; частная собственность въ это время пользовалась самымъ строгимъ покровительствомъ; каждый римлянинъ имѣлъ свою семью, свой домашній очагъ, свое поле и свое движимое имущество, большею частію приготовленное средствами семьи. И Гракхи не хотѣли сдѣлать никакого измѣненія въ этомъ порядкѣ. Они стремились къ тому, чтобы надѣлить пролетаріевъ землею изъ государственнаго поля. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они предлагали съ полною справедливостію вознаградить прежнихъ владѣльцевъ изъ общественныхъ суммъ, лежавшихъ безъ употребленія. Развѣ тутъ есть что нибудь похожее на коммунизмъ, на уничтоженіе собственности, на общій обязательный трудъ, на уничтоженіе всякой самодѣятельности, на приниженіе самой человѣческой личности?

Не говоря о мюнстерскихъ безобразіяхъ, для оправданія которыхъ въ настоящее время едва-ли найдутся люди, обратимъ вниманіе только на англійскихъ сектантовъ XVI и XVII вѣка. Англійскіе сектанты, селясь въ Америкѣ, вводили у себя порядокъ, основанный на общности имуществъ, но еще въ 1623 году они убѣдились въ его несостоятельности и замѣнили его частною собственностью, которая въ слѣдующемъ году сдѣлана наслѣдственною *).

Извѣстно, что чѣмъ среда образованнѣе, состоятельнѣе въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, тѣмъ она менѣе способна подчиняться стѣсненіямъ коммунизма. Это замѣчается вездѣ, куда въ нашей жизни проникаютъ тѣ или другія подробности коммунизма. Такъ въ жизни солдатъ осуществленъ коммунизмъ въ потребленіи, они имѣютъ общую казарму, об-

*) Банкрофтъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ, т. I. Цитація Рошера. § 81, 4.

щій столъ, одинаковое платье и пр., при чемъ на ихъ собственныя желанія обращается очень мало вниманія, совершенно какъ въ Икаріи. Если все это согласно съ высшими нравственными потребностями природы человѣка, если все это нравится ему, то отчего такой-же порядокъ не осуществляется и для офицеровъ, отчего имъ не даютъ общаго стола, общей казармы, одежды, обуви, приготовленной на казенный счетъ? Отъ чего такому порядку предпочитается выдача офицерамъ на руки денегъ, на которыя они и пріобрѣтаютъ все для себя нужное? Отъ чего, наконецъ, если офицерамъ даютъ казенное помѣщеніе, ихъ не сгоняютъ въ одну обширную казарму, а даютъ каждому отдѣльную комнату, одну и даже нѣсколько? Безъ сомнѣнія отъ того, что офицеры, какъ люди болѣе образованные, переносили-бы съ большею тягостью коммунистическій порядокъ въ потребленіи. Безъ сомнѣнія, если-бы имъ всѣмъ заразъ покупали сукно на одежду, то оно было-бы куплено дешевле и слѣд. одежда была-бы лучше. Но человѣкъ не дорожитъ въ такомъ случаѣ и улучшеніемъ и предпочитаетъ ему собственную волю въ пріобрѣтеніи необходимыхъ для него вещей. Безъ сомнѣнія, одну общую казарму офицеры могли-бы меблировать и украсить гораздо роскошнѣе, нежели свои отдѣльныя помѣщенія. Но они отказываются и въ этомъ случаѣ отъ улучшенія, чтобы сохранить свободу жизни.

Другой примѣръ того, что коммунизмъ тѣмъ болѣе тяжелъ человѣку, чѣмъ выше человѣкъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, мы видимъ въ нашихъ монастыряхъ. Монастыри, киновіи (отъ Κοινός, общій и Βίος жизнь) и по своимъ цѣлямъ, и по характеру своихъ обитателей, должны болѣе или менѣе допускать коммунизмъ въ своей жизни. Дѣйствительно, во всѣхъ монастыряхъ безъ исключенія существуетъ общій столъ; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ коммунизмъ въ потребленіи идетъ дальше и простирается на всѣ остальные предметы его. Братія буквально не имѣетъ ничего пріобрѣтеннаго каждымъ лично, каждый получаетъ безъ исключенія всѣ принадлежности одежды, обуви, всякую мебель, всякое орудіе изъ

общихъ запасовъ. Этотъ порядокъ существуетъ въ такъ называемыхъ общежительныхъ пустыняхъ. Въ другихъ монастыряхъ этого порядка нѣтъ. Отъ монастыря каждый получаетъ въ натуральномъ видѣ только столъ и помѣщеніе; все остальное— мебель, платье, обувь, освѣщеніе, книги, принадлежности письма и пр. каждый покупаетъ самъ на деньги, получаемыя изъ общей кружки. Такой порядокъ существуетъ во всѣхъ классныхъ монастыряхъ, ставропигіяхъ, лаврахъ и также въ нѣкоторыхъ пустыняхъ. И нужно обратить вниманіе на составъ братіи въ тѣхъ и другихъ монастыряхъ. Въ общежительныхъ пустыняхъ почти исключительно живутъ благочестивые, но очень простые люди, большею частью малограмотные или совсѣмъ безграмотные; эти «простецы» охотно принимаютъ на себя всякое послушаніе; но и предыдущая жизнь ихъ вся была непрерывнымъ послушаніемъ кому нибудь другому; между ними довольно отставныхъ нижнихъ военныхъ чиновъ, которые не привыкли къ самодѣятельности, много бывшихъ крѣпостныхъ, дворовыхъ и крестьянъ, которые также свободою не избалованы. Другаго рода обитатели классныхъ монастырей, лавръ и пр. Здѣсь много людей съ болѣе или менѣе серьезнымъ образованіемъ изъ духовенства, дворянства и городскихъ сословій; и если здѣсь есть простецы, въ родѣ тѣхъ, которые населяютъ пустыни, то число ихъ очень ограничено; они существуютъ только для выполненія нѣкоторыхъ послушаній, тяжелыхъ для людей болѣе или менѣе способныхъ и образованныхъ; вообще въ составѣ двухъ родовъ монастырей разница чрезвычайно замѣтная: въ однихъ простецы, въ другихъ люди болѣе образованные. И какимъ образомъ это произошло, вслѣдствіе какихъ законоположеній и распоряженій начальства? Никакія законоположенія и распоряженія этого не опредѣляли; а это устроилось само собою. Простецы сами идутъ въ пустыни потому, что при своемъ религіозномъ усердіи, чувствуютъ въ себѣ силы для перенесенія здѣшнихъ тяжелыхъ порядковъ; это самоотреченіе, этотъ подвигъ для спасенія души имъ по силамъ. Люди болѣе образованные, чувствуя большую потребность въ

свободѣ и самодѣятельности, не смотря на свое религіозное одушевленіе, не могутъ переносить этихъ порядковъ и идутъ туда, гдѣ ихъ свобода меньше стѣсняется. Не даромъ нѣкоторые проповѣдники коммунизма, какъ Мабли, ограничивали образованіе членовъ будущаго коммунистическаго государства самыми тѣсными рамками. Это вполнѣ согласно съ природою коммунизма. Если онъ можетъ быть кѣмъ-нибудь перенесенъ, то безъ сомнѣнія не человѣкомъ образованнымъ, привыкшимъ къ самодѣятельности и дорожащимъ своею свободою.

Съ этимъ совершенно согласно то, что проповѣдь коммунизма со стороны Кабе встрѣтила сочувствіе во Франціи почти исключительно въ рабочемъ сословіи. Пролетаріи другихъ классовъ,—пролетаріи умственнаго труда, пролетаріи землевладѣльческаго и торговаго класса,—оставались глухи къ ней.—Мы однако не принадлежимъ къ числу тѣхъ людей, которые низшимъ классамъ народа отказываютъ въ достаточныхъ умственныхъ способностяхъ, считаютъ ихъ недостаточно способными и компетентными въ обсужденіи вопросовъ, касающихся не только какихъ-нибудь высшихъ интересовъ, но самыхъ обыденныхъ интересовъ, касающихся ихъ самихъ. Способность пониманія мы не считаемъ привилегіею тѣхъ, которые исключительно себѣ присвоиваютъ названіе «интеллигенціи». Мы думаемъ, что еслибы это слово имѣло законное право на употребленіе, въ томъ смыслѣ, въ которомъ его употребляютъ у насъ полуобразованные люди, такъ называемая «интеллигенція», то только въ приложеніи ко всѣмъ вообще людямъ; такъ какъ способность пониманія, мышленія есть свойство всѣхъ вообще людей. И во многихъ случаяхъ рѣшенію вопроса со стороны простыхъ людей, въ особенности у насъ въ Россіи, придется отдать неоспоримое преимущество предъ рѣшеніемъ его со стороны «интеллигенціи». Была въ исторіи эпоха, по важности своей превосходящая все, что когда-либо происходило въ человѣчествѣ, именно эпоха появленія и распространенія христіанства. Мудрецамъ его «буйство», его простыя истины казались «юродствомъ», а «силу Божію» увидали въ нихъ главнымъ образомъ люди простые.

Не должны-ли мы и въ занимающемъ насъ вопросѣ о практичности и осуществимости коммунизма тщательнѣе провѣрить свои разсужденія, изъ уваженія къ простому здравому смыслу тѣхъ, для облегченія участи которыхъ предназначались всѣ новыя соціальныя теоріи? Это «буйство» новаго ученія, кажущееся намъ «юродствомъ», не есть-ли въ самомъ дѣлѣ «сила Божія»,—не есть-ли истина, которая въ концѣ концовъ побѣдитъ недовѣріе къ ней и займетъ подобающее ей мѣсто въ ряду общественныхъ учрежденій? — Сочувствіе рабочихъ теоріи Кабе въ рѣшеніи вопроса о достоинствахъ коммунизма не можетъ имѣть серьезнаго значенія. Голодный пролетарій, по цѣлымъ мѣсяцамъ не имѣющій работы и достаточнаго куска хлѣба, безъ сомнѣнія, одобритъ ту систему, которая обѣщаетъ ему обезпеченное содержаніе при постоянной и нетрудной работѣ съ пѣснями, завтраками, чтеніемъ газетъ и пр. Онъ не подорожитъ безполезною свободою, которой она его лишитъ; но этому удивляться нечего. Одна крайность вызываетъ другую, какъ замѣтилъ самъ Кабе. Мы видѣли въ исторіи многихъ вѣковъ и многихъ народовъ, что голодъ приводилъ человѣка къ тому, что онъ непрямо или даже прямо давалъ на себя кабалу, дѣлался рабомъ, обѣльнымъ холопомъ. И только впослѣдствіи начиналъ жалѣть человѣкъ о потерѣ свободы, жалѣть, что онъ не поискалъ другихъ средствъ для утоленія голода, кромѣ продажи ея. Парижскому рабочему нравилось, что въ Икаріи работа не только легка, но очень пріятна и чрезвычайно производительна. Но можетъ-ли икарійская работа быть пріятна и производительна, соотвѣтствуютъ-ли картины, начерченныя Кабе, сущности дѣла и природѣ дѣлателя,—обсудить этотъ вопросъ только съ помощію одного простаго здраваго смысла не всегда легко. Правильное обсужденіе было-бы очень облегчено знакомствомъ съ нѣкоторыми истинами психологическими, экономическими и историческими; а бѣдный пролетарій его не имѣетъ. Такимъ образомъ одобреніе системы Кабе тѣми, для кого она предназначалась, сдѣланное подъ сильнымъ вліяніемъ обстоятельствъ и притомъ безъ достаточныхъ

средствъ къ правильному обсужденію ея, теряетъ всякое значеніе для дѣйствительной оцѣнки ея. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи практическій опытъ, сдѣланный сторонниками системы подъ руководствомъ самого автора ея.

Представляя данныя касательно жизни Кабе, мы остановились на его удаленіи въ Англію, вслѣдствіе присужденія къ тюремному заключенію. Черезъ пять лѣтъ истекъ срокъ давности осужденію Кабе: и онъ имѣлъ право возвратиться во Францію, которымъ и воспользовался (въ 1839). Его коммунистическій жаръ былъ въ полномъ разгарѣ; и онъ началъ дѣятельную пропаганду своей идеи, путешествовалъ въ разные города Франціи, устраивалъ въ нихъ соціалистическіе комитеты изъ людей, сочувствовавшихъ его идеѣ, кромѣ Путешествія въ Икарію, издалъ еще нѣсколько книгъ и брошуръ (la propagande communiste, le démocrate devenu communiste, и пр.) и въ то-же время возобновилъ изданіе журнала «Populaire» (выходилъ ежемѣсячно). И всѣ эти изданія Кабе, подобно Путешествію въ Икарію, имѣли чрезвычайный успѣхъ. Сочувствіе къ идеямъ коммунизма распространялось между рабочими съ поразительной быстротой во всѣхъ городахъ Франціи, и даже за границей, въ Германіи, Швейцаріи, Англіи, Испаніи, даже въ Ю. Америкѣ. Число прозелитовъ новаго ученія нужно опредѣлять не десятками, а сотнями тысячъ. И такимъ образомъ дѣло шло отъ 1840 до 1847 года. Популярность Кабе и число его послѣдователей все росли.

Впрочемъ, было-бы ошибкою, если-бы кто-нибудь подумалъ, что Кабе пользовался популярностью безраздѣльно во всей массѣ рабочаго сословія тогдашней Франціи. Въ то-же самое время и не менѣе его пользовался популярностью Л. Бланъ. А кромѣ того, были рабочіе, которые не довольствовались теоріями и Кабе и Л. Блана и въ своихъ желаніяхъ шли гораздо дальше, слѣдуя реформаторамъ болѣе радикальнымъ.

Къ ихъ числу принадлежали, между прочимъ, члены тайнаго общества «Travailleurs égalitaires», органомъ которыхъ былъ журналъ «Humanitaire». Другіе рабочіе, также желая пере-

мѣнъ въ экономическомъ строѣ государства, относились критически къ теоріямъ Кабе и другихъ соціалистовъ и желали улучшенія быта рабочихъ посредствомъ мѣръ болѣе скромныхъ и практичныхъ. Органомъ этихъ рабочихъ была газета «L'Atelier», основанная рабочими, ими редижируемая, помѣщавшая статьи, писанныя исключительно рабочими, а отъ нерабочихъ принимавшая для напечатанія только корреспонденціи *).

*) Еще въ объявленіи объ изданіи газеты было сказано, что положеніе рабочихъ могутъ знать только тѣ, которые сами принадлежатъ къ этому классу. Въ политическомъ отношеніи «L'Atelier» придерживался либеральныхъ принциповъ свободы, равенства, братства и, кромѣ того, единства. Но при этомъ не придавали абсолютнаго значенія всѣмъ этимъ словамъ, такъ что, напр., равенство въ принципѣ признавалось полное, но на практикѣ допускалось неравенство, соотвѣтственное способностямъ и дѣламъ. Принципъ равенства считался удовлетвореннымъ, если всѣ пути жизни были открыты каждому; остальное зависѣло отъ личныхъ способностей и дѣлъ отдѣльной личности. Въ частности для рабочихъ газета проектировала общества взаимной помощи на случай болѣзни или какого-нибудь несчастія, которыя, развивая кругъ своей дѣятельности, могли-бы потомъ выдавать пенсіоны рабочимъ, достигшимъ преклонныхъ лѣтъ. Какъ на могучее средство для улучшенія быта рабочихъ, газета указывала на рабочую ассоціацію, которая, будучи цѣлесообразно комбинирована съ кредитными учрежденіями, могла-бы повести сначала къ пониженію процентовъ, а потомъ къ полному устраненію капиталистовъ изъ области производства, такъ чтобы ассоціаціи рабочихъ могли обходиться совсѣмъ безъ ихъ посредства. Начало дѣлу должно было положить государство, но не вдругъ, а постепенно, посредствомъ учрежденія образцовыхъ ассоціацій въ скромныхъ размѣрахъ. Въ ассоціаціи каждый рабочій имѣлъ-бы свой собственный счетъ; сумма его заработка зависѣла-бы отъ его трудолюбія и искусства, такъ что съ коммунизмомъ система газеты не имѣла ничего общаго. Мало того, «L'Atelier» былъ враждебенъ коммунизму не только въ принципѣ, но и на дѣлѣ, систематически подвергая критикѣ ученія Кабе, доказывая ихъ несостоятельность и непригодность; и Кабе долженъ былъ отвѣчать на эти критики въ своемъ журналѣ «Populaire». Подобно Кабе, «L'Atelier» относился съ уваженіемъ къ семейству, дорожилъ чистотою нравовъ; а религіи въ жизни народа давалъ даже больше значенія и вліянія, чѣмъ Кабе въ Икаріи; и религіею его былъ католицизмъ, такъ что существуетъ мнѣніе, будто газета находилась подъ вліяніемъ Бюше, философа-католика и соціалиста. «L'Atelier» началъ выходить въ 1840 году и издавался до времени республики, когда онъ старался дѣйствовать въ духѣ примиренія между рабочими и хозяевами. Редакторомъ его былъ Корбонъ, бывшій потомъ членомъ національнаго собранія во время республики 1848 года.

Не смотря на всѣ эти исключенія, популярность Кабе все-таки была очень велика. И будучи человѣкомъ вполнѣ искреннимъ и послѣдовательнымъ, Кабе совсѣмъ не былъ способенъ удовольствоваться этими платоническими успѣхами. Онъ, какъ и многіе изъ его послѣдователей, искалъ средствъ приступить къ осуществленію своего идеала. Съ этою цѣлью Кабе отправился въ 1847 г. въ Лондонъ и тамъ, повидимому, съ помощью сѣверо американскаго посольства, получилъ концессію на милліонъ акровъ земли въ Техасѣ для основанія колоніи. Возвратившись въ Парижъ, онъ сдѣлалъ кличъ на всю Францію, приглашая охотниковъ раздѣлить съ нимъ труды по основанію первой коммунистической колоніи. Эффектъ этого клича былъ необыкновенный, неподдающійся описанію. Со всѣхъ концовъ Франціи тысячи голосовъ выражали ему благожеланія, тысячи послѣдователей заявили, что они будутъ считать за великую честь быть первыми колонистами, піонерами коммунизма. Вся журналистика была поглощена этимъ вопросомъ; коммунизмъ и мѣры къ его осуществленію снова подверглись обсужденію. Многіе журналы выражали Кабе свое сочувствіе подавали ему благожелательные совѣты, другіе продолжали предостерегать и его, и его приверженцевъ, предсказывали въ будущемъ непріятности, страданія и полный неуспѣхъ. Но, конечно, не въ это время подобныя предостереженія могли остановить Кабе или его приверженцевъ, которые образовали въ Парижѣ комитетъ съ цѣлью содѣйствовать предпріятію Кабе, избрали отъ своей среды 69 наиболѣе преданныхъ общей идеѣ молодыхъ людей, крѣпкихъ тѣломъ и духомъ, которые казались наиболѣе способными къ перенесенію предстоявшихъ трудовъ и лишеній.

Въ то-же время Кабе принялъ мѣры къ тому, чтобы при самомъ началѣ предпріятіе не пострадало отъ несогласій между его участниками, отъ недостатка единства въ дѣйствіяхъ, и потому отъ каждаго отправлявшагося за океанъ онъ взялъ обязательство признавать его, Кабе, какъ единственнаго распорядителя общими фондами и всѣми хозяйственными и другими

операціями. Общественный фондъ образовался изъ обязательныхъ взносовъ участниковъ экспедиціи и изъ пожертвованій благожелателей предпріятія.

Когда всѣ приготовленія были окончены, то авангардъ икарійцевъ оставилъ Францію 3-го февраля 1848 года. Кабе съ другими піонерами коммунизма долженъ былъ вскорѣ послѣдовать за ними. Но это было уже въ разгаръ волненій, приведшихъ къ паденію іюльской монархіи, и, черезъ три недѣли послѣ оставленія Франціи первыми колонистами, 24-го февраля, была провозглашена республика. Событіе это было не только неожиданностью, но тяжелымъ ударомъ для Кабе и его послѣдователей. Оно отняло у нихъ единодушіе въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ.

Многіе изъ нихъ стали утверждать, что теперь опытъ осуществленія коммунизма является неблаговременнымъ, что нужно сосредоточить усилія на консолидаціи республики, и далѣе на томъ, чтобы придать ей характеръ соціализма. Другіе, обращая вниманіе на составъ временнаго правительства, большинство котораго принадлежало къ энергическимъ противникамъ соціализма, думали, что республика будетъ не менѣе враждебна соціализму, чѣмъ іюльская монархія. Къ числу этихъ принадлежалъ и самъ Кабе, который сначала также тѣшилъ себя надеждами на республику и еще 25-го февраля успѣлъ издать манифестъ, въ которомъ старался дать теченію дѣлъ соціалистическое направленіе. Манифестъ написанъ весьма искусно, въ умѣренномъ духѣ. Кабе призываетъ народъ къ единодушію, порядку и дисциплинѣ возлагая свои надежды на мирное обсужденіе вопросовъ, на силу общественнаго мнѣнія, на рѣшеніе воли народной *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, друзья выставили его кандидатомъ въ національное собраніе; но кандидатура его не прошла.

Между тѣмъ времени прошло довольно. Первые колонисты прибыли въ Америку и еще въ Новомъ Орлеанѣ узнали

*) См. прил. Ж

о провозглашеніи республики во Франціи. Пожалѣли они, что оставили родину, многіе думали было возвратиться назадъ; но общимъ рѣшеніемъ положено было продолжать путь и въ скоромъ времени колонія прибыла въ Техасъ, въ графство Фанинское, гдѣ находилась уступленная ей земля. Это была степь, плодородная, но еще нетронутая, которой первая обработка должна была представлять значительныя трудности въ особенности для людей непривычныхъ къ земледѣлію. Тѣмъ не менѣе колонисты принялись за дѣло. Построили для себя кое-какія помѣщенія, начали взламывать степь. Но дѣло на самыхъ первыхъ порахъ остановилось. Нужда и малярія произвели болѣзни, нѣсколько человѣкъ умерли. Самъ докторъ колоніи сошелъ съ ума, и всѣ были крайне деморализованы. Рѣшено было возвращаться назадъ. Обратный путь былъ крайне печаленъ: многіе умерли на дорогѣ, многіе отстали вслѣдствіе болѣзни и отчасти также погибли, и далеко не всѣ къ концу года добрались до Новаго Орлеана. А Кабе все оставался въ Парижѣ. Его не покидала надежда добиться здѣсь результатовъ, гораздо болѣе важныхъ для достиженія его цѣли, чѣмъ тѣ, которые могли быть достигнуты въ Техасѣ. Въ Парижѣ онъ устроилъ клубъ изъ своихъ послѣдователей и былъ его руководителемъ. Согласно своему манифесту, онъ всего болѣе заботился о томъ, чтобы сторонники его не сдѣлали какого-нибудь шага, могущаго компрометировать партію. Потому когда къ 15-му мая приготовлялась большая манифестація, которой цѣли и авторы, кажется, до сихъ поръ хорошо не разъяснены вполнѣ, Кабе употребилъ всѣ свои усилія, чтобы разстроить манифестацію или по крайней мѣрѣ не допустить къ участію въ ней своихъ послѣдователей, чего и успѣлъ достигнуть.

Между тѣмъ изъ Америки получены были извѣстія о печальномъ положеніи тамошнихъ дѣлъ: они сдѣлались достояніемъ печати, и всѣ, принимавшіе участіе въ успѣхѣ дѣла, надѣялись, что Кабе ускоритъ свой отъѣздъ по поводу этихъ извѣстій. Но онъ продолжалъ оставаться въ Парижѣ. Къ нему стали обращаться съ совѣтами, представленіями, даже угрозами съ цѣлью

побудить его ускорить отъѣздъ. И наконецъ, въ концѣ года, онъ рѣшился покинуть Францію.

Пріѣхавши въ Новый Орлеанъ, куда между тѣмъ успѣлъ прибыть новый транспортъ колонистовъ изъ Франціи, Кабе нашолъ, что въ Техасѣ ему и его послѣдователямъ дѣлать было нечего. Нужно было рѣшаться на что-нибудь другое. Многіе опять стали высказывать желаніе возвратиться во Францію; но большинство рѣшилось испытать счастья въ другомъ мѣстѣ. Судьба на этотъ разъ, повидимому, благопріятствовала, давала возможность начать опытъ безъ особыхъ усилій и издержекъ.

Незадолго передъ тѣмъ мормоны, преслѣдуемые ненавистью сосѣдей, рѣшились оставить свое первое поселеніе въ Новоо, въ штатѣ Иллинойсѣ, гдѣ у нихъ было хорошо устроенное поселеніе, жилища, хозяйственныя постройки вмѣстѣ съ полями, засѣянными хлѣбомъ. Они уступали всѣ эти владѣнія за самую умѣренную цѣну, и Кабе имѣлъ благоразуміе пріобрѣсти ихъ. И уже въ мартѣ 1849 года, колонія икарійцевъ, въ количествѣ 280 человѣкъ, оставила Н. Орлеанъ, направляясь къ Иллинойсу, въ Новоо.

Нѣкоторые изъ колонистовъ не захотѣли, однако, слѣдовать за большинствомъ, возвратились во Францію и здѣсь подали въ подлежащее судебное учрежденіе жалобу на Кабе въ томъ, что онъ обманулъ ихъ, выманилъ у нихъ деньги и воспользовался ими для своихъ цѣлей. Недовольство икарійцевъ дѣйствіями Кабе началось еще раньше, еще въ то время, когда онъ былъ во Франціи. Тогда же и до прокурорской власти дошли жалобы на его дѣйствія. Но въ то время, жалобамъ не было дано движенія. — Послѣ прибытія въ Новоо, недовольство не прекратилось; нѣкоторые колонисты даже оставили Новоо и поселились вблизи, въ гор. С. Луи, и во Францію полетѣли корреспондеціи, представлявшія въ худомъ свѣтѣ дѣйствія Кабе *). Одна изъ нихъ напечатана Прудономъ въ la

*) Его обвиняли за то, что онъ провозгласилъ себя 2 апрѣля 1849 года диктаторомъ, — за то, что имѣнія мормоновъ купилъ на свое имя, что частныя письма не были отправляемы, если цензурное бюро нахо-

Voix du Peuple. Вмѣстѣ съ тѣмъ были посланы новыя жалобы въ судъ, и на этотъ разъ начато судопроизводство, и отсутствующій Кабе былъ присужденъ къ двухъ-годичному тюремному заключенію за растрату и мошенничество (30 сентября 1849 года).

Безъ сомнѣнія, это рѣшеніе суда дошло до него; тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ оставаться въ Новоо и руководить тамошними дѣлами, и по свѣдѣніямъ, полученнымъ Землеромъ, достигъ того, что колонія начала если не процвѣтать, то хоть нѣсколько благоденствовать. Кабе имѣлъ даже утѣшеніе видѣть, что многіе новые поселенцы вошли въ составъ ея. Но неудовольствія все-таки не прекратились. Находились новые недовольные, которые посылали во Францію свои протесты и оставляли колонію. Такъ 1-го марта 1850 года 16 человѣкъ заявили, что они готовы лучше терпѣть бѣдность и отказаться отъ внесенныхъ денегъ, чѣмъ оставаться въ составѣ колоніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они подписали торжественный протестъ противъ способа Кабе управлять и распоряжаться дѣлами,—противъ лживыхъ писемъ, отправленныхъ во Францію, противъ целлюлярной системы, которую Кабе вводилъ, запрещая имъ сношенія съ сосѣдними обитателями страны,—противъ небратскихъ отношеній, болѣе и болѣе устанавливающихся въ колоніи и пр. *), при чемъ протестанты не поскупились на такія выраженія, какъ худое управленіе и даже глубокое невѣжество Кабе.

Эти протесты достигли Франціи и произвели здѣсь большое впечатлѣніе, котораго Кабе не могъ игнорировать. Потому 1-го іюня того же года онъ созвалъ общее собраніе икарійцевъ, которое и постановило составить слѣдующій отвѣтъ на этотъ протестъ:

«Мы не считаемъ нужнымъ опровергать обвиненія одиннад-

дило ихъ неудобными, что, напротивъ, колонистовъ заставляли подписывать лживыя коллективныя письма, составленныя согласно съ видами Кабе,—что онъ разрушалъ семейство, разъединяя хозяйства и т. п.

*) Lacombe, Études sur les socialistes. Paris, 1850. Стр. 140.

цати мучениковъ и ихъ четырехъ жонъ: факты, которые они вычисляютъ, или отличаются вполнѣ дѣтскимъ характеромъ, или вѣроломно лживы. Кромѣ того, худое управленіе и глубокое невѣжество нашего распорядителя произвели такую перемѣну въ нашемъ положеніи, и мы находимся такъ далеко отъ хаоса, предшествующаго всякому устроенію, что намъ даже трудно вспомнить, на чемъ основаны нѣкоторыя изъ наивныхъ обвиненій, высказанныхъ нашими бывшими сочленами».

«Такимъ образомъ единоличное руководство, на которое всѣ икарійцы согласились еще прежде оставленія Франціи, и которое, стало быть, не могло быть провозглашено въ Новоо, эта диктатура, необходимая при началѣ нашего предпріятія, преобразилась въ верховное собраніе, составленное изо всѣхъ членовъ, и это преобразованіе было сдѣлано по тиранническому почину нашего честолюбиваго диктатора».

«Суетность и злоба дѣлаютъ нашихъ дезертировъ не совсѣмъ вѣжливыми относительно насъ; насъ триста человѣкъ. Мы почти всѣ старые патріоты, республиканцы и революціонеры, стало быть люди совсѣмъ несклонные къ тому, чтобы позволить кому-нибудь дѣлать посягательство на наше достоинство и на нашу свободу. И вотъ, благодаря этимъ протестующимъ Брутамъ, мы оказываемся тремя стами дураковъ, подчиненными нелѣпой и деспотической организаціи.

«Въ свою очередь мы протестуемъ *)».

Заручившись этимъ постановленіемъ верховнаго собранія икарійцевъ, Кабе отправился въ Парижъ съ той цѣлью, чтобы добиться уничтоженія судебнаго приговора, состоявшагося противъ него. Здѣсь онъ перенесъ дѣло въ аппеляціонный судъ, издавши предварительно цѣлые томы въ свою защиту, и защищая самъ себя достигъ того, что судъ призналъ, что въ его дѣйствіяхъ не было ни растраты, ни мошенничества. Это было 23-го іюля 1851 года. Послѣ этого популярность его въ средѣ рабочаго сословія опять возросла; и онъ предполагалъ уже

*) Ib. стр. 443.

опять посвятить себя политической дѣятельности въ качествѣ депутата національнаго собранія. Уже соціально-демократическая партія избрала его первымъ кандидатомъ для предстоявшихъ частныхъ выборовъ; но государственный переворотъ 2-го декабря 1851 года лишилъ его этой надежды; и потому въ скоромъ времени онъ отправился опять въ Новоо.

Здѣсь дѣла попрежнему находились въ удовлетворительномъ состояніи. Экономическія дѣла колоніи развивались и разширялись. У нея возникли разныя мастерскія, фермы, мельницы, и пр. Начала выходить газета. По временамъ разсылались во внѣшній міръ памфлеты съ цѣлью пропаганды. Въ Парижѣ колонія имѣла контору, съ другими городами Франціи поддерживала корреспонденцію все таки съ цѣлями пропаганды. Потомъ озаботились тѣмъ, чтобы къ полезному присоединить пріятное. Землеръ замѣчаетъ, что икарійцы не были бы французами, если бы забыли о забавѣ (das Amusement) и прежде всего о театрѣ. Дѣйствительно французами они не перестали быть и театръ устроили съ оркестромъ въ 50 инструментовъ *). Было много другихъ удовольствій. По суботамъ были вечернія собранія съ музыкою и танцами, по воскресеньямъ праздновались свадьбы. Спектакли, равно какъ и концерты давались въ зимнее время. А лѣтомъ устраивались общія parties de plaisir въ поле съ оркестромъ и съ пѣснями. Вообще веселились достаточно, не менѣе коммунистовъ, послѣдователей Оуэна въ Нью-Гармони или въ Тизерли, хотя въ опытѣ Кабе замѣтно больше серьезности, чѣмъ въ опытахъ Оуэна или с.-симонистовъ. Вообще положеніе дѣла казалось удовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но существовали причины, которыя мало-по-малу приготовляли печальную развязку.

Во-первыхъ повторилось то, что мы видѣли и въ другихъ подобныхъ общинахъ, въ Нью-Гармони и въ Сѣверо-американской фалангѣ; именно религіознаго согласія не оказалось. Кабе сочинилъ свою собственную религію, повидимому на основаніи

*) Semler, стр. 65.

рѣшеній, принятыхъ икарійскимъ соборомъ (см. ниже прил. Г). Но государственная религія въ Новоо терпимостью не отличалась: атеисты, методисты и католики пользовались презрѣніемъ и подвергались насмѣшкамъ. Въ оффиціальномъ журналѣ ихъ называли des infames ou des aveugles—безчестными или слѣпыми. Такое отношеніе однихъ членовъ колоніи къ другимъ, конечно, не могло вести къ увеличенію добраго согласія между ними.

Другою причиною, вслѣдствіе которой должна была наступить печальная развязка, были экономическія дѣла колоніи. По словамъ приведеннаго выше отвѣта на протестъ, колонія далеко ушла отъ того хаоса, который долженъ былъ господствовать въ ней при началѣ; экономическій бытъ ея мы назвали удовлетворительнымъ. Но именно это было только удовлетворительное состояніе, не больше, —удовлетворительное, но далеко не блестящее. Икарійцы всѣ обязаны были работать и работали гораздо больше, чѣмъ работали въ той Икаріи, которая очаровала лорда Керисдаля, именно отъ 8 до 10 часовъ ежедневно. Но работа не отличалась вполнѣ достаточною производительностью. Окрестные фермеры говорили, что если бы изъ ихъ среды нѣсколько фермеровъ, трудясь на общихъ, некоммунистическихъ началахъ, получили столько земли, сколько ея было въ Новоо, и затратили столько денегъ, сколько ихъ затратилъ Кабе, то они получили бы несравненно больше дохода *) т. е. земля и капиталы въ рукахъ колонистовъ не давали того дохода, какой они давали во всей окрестной странѣ. Вслѣдствіе этого и увеличеніе колоніи шло не такъ быстро, какъ ожидалъ Кабе. Условія принятія въ колонію не были тяжелы. Нужно было внести 80 долларовъ деньгами и имѣть двухгодичный запасъ одежды; въ Америкѣ такія средства заработать самому простому рабочему совсѣмъ нетрудно и недолго. Между тѣмъ число членовъ колоніи къ лѣту 1854 года увели-

*) Pelz, Socialistische Bestrebungen in America. Deutsches Vierteljahrschrift, 1855, стр. 207—210.

числось только до 400 *) человѣкъ, а къ лѣту 1855 года до 500 человѣкъ. Новопришедшіе, равно какъ и прежніе члены, не были довольны многими существенными сторонами жизни, и прежде всего и больше всего — недостаточнымъ содержаніемъ, худымъ столомъ, худымъ помѣщеніемъ, и пр. Но Кабе, руководившій попрежнему дѣлами колоніи, былъ глухъ къ жалобамъ, которыя ему были предъявляемы, и заботился только о томъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ большинство, подобно Наполеону III и Людовику Филиппу.

И его постигла одна участь съ Наполеономъ III и Людовикомъ Филиппомъ. Состоявшіе подъ его руководствомъ икарійцы, какъ сами они рекомендовали себя, были старые патріоты, республиканцы и революціонеры. Руководство Кабе, какъ ни было оно, по словамъ Землера, кротко и законно, казалось имъ всетаки тяжелымъ бременемъ, и если они сносили его, то только потому, что не могли не сознавать необходимости единства въ дѣйствіяхъ членовъ колоніи преимущественно въ періодъ перваго устройства ея. Но несомнѣнно то, что руководствомъ Кабе тяготились не только тѣ, которые раньше оставили колонію и писали противъ его дѣйствій протесты, но и тѣ, которые писали отвѣты на эти протесты, которые защищали Кабе и его дѣйствія. Кабе еще въ первые годы іюльской монархіи сильно нападалъ на дѣйствія правительства за то, что оно всякаго рода искусственными мѣрами свело парламентское правленіе на нуль, — всѣмъ распоряжалось, всѣмъ управляло по своему усмотрѣнію, не смотря на желанія общества и народа. Совершенно такъ же сталъ поступать и самъ онъ, когда сталъ руководить дѣлами икарійской колоніи. Первоначальную свою диктатуру онъ сложилъ; дѣлами стало управлять, повидимому, общее верховное собраніе. Но онъ руководилъ самимъ собраніемъ, такъ что все дѣлалось согласно его намѣреніямъ. И въ этомъ руководительствѣ онъ не уклонился отъ принциповъ, ранѣе высказанныхъ. Напротивъ.

---

*) Изъ нихъ 325 человѣкъ были французы, 65 нѣмцы, 6 швейцарцы.

его коммунизмъ явился тутъ во всей своей неприкосновенности. Раньше Кабе говорилъ, что «коммунизмъ необходимымъ образомъ предписываетъ стѣсненія и затрудненія», и находилъ неизбѣжнымъ, чтобы онъ «подчинилъ всѣ воли и всѣ дѣйствія своимъ правиламъ, своему порядку, своей дисциплинѣ». Все это онъ и приводилъ въ исполненіе, такъ что судя по всему и жалобы высказанныя противъ Кабе оставлявшими колонію ея членами были въ значительной долѣ справедливы. По крайней мѣрѣ онѣ подтверждаются новымъ свидѣтельствомъ, вполнѣ авторитетнымъ и безпристрастнымъ. Въ колонію вступилъ нѣкто Каттманъ, докторъ правъ, нѣмецъ. Онъ былъ усердный почитатель коммунизма и на колонію въ Новоо смотрѣлъ какъ на зерно, изъ котораго должно было произрасти древо коммунизма, способное покрыть всю землю и защитить ее отъ палящаго зноя всякаго рода бѣдствій. Онъ не удовлетворился порядками, найденными имъ въ Новоо, и оставилъ колонію послѣ двухлѣтняго пребыванія, раньше, чѣмъ въ ней произошелъ расколъ. Но оставивши ее, онъ нашолъ нужнымъ обратиться къ Кабе съ письмомъ, которое проливаетъ свѣтъ на состояніе колоніи.

«Г. Кабе, писалъ онъ, я знаю васъ; я два года пробылъ въ вашей колоніи, и не нужда привела меня туда, а принципы. Я опять оставилъ васъ, и что меня къ этому побудило? Не отказъ отъ принциповъ, а несправедливость, существующая въ колоніи, неспособность администраціи, недостатки въ системѣ воспитанія, ненужное ограниченіе личной свободы, ваше вмѣшательство въ выборы, ваши поступки съ людьми, неодобряющими вашего самоуправства, которые не вотировали въ вашу пользу при выборѣ президента или не вотировали по вашему желанію за кого-нибудь изъ вашихъ,—ваша фабрикація адресовъ и выраженій преданности, ваша боязнь критики,—вотъ что заставило меня оставить мѣсто, въ которомъ я нашолъ столько благородныхъ характеровъ, и большею частію, по крайней мѣрѣ, что касается французовъ членовъ колоніи, честныхъ и дѣльныхъ людей, которые потому только

терпѣливо сносятъ ваши захваты, что или слишкомъ слабы, или слишкомъ привязаны къ вамъ и системѣ» *).

Есть одна подробность въ исторіи колоніи, недостаточно понятная, недостаточно разъясняемая источниками. Когда дѣла въ Новоо достигли болѣе или менѣе удовлетворительнаго состоянія, когда оставалось еще болѣе улучшать экономическое состояніе колоніи, тогда напротивъ принято было совсѣмъ оставить ее и искать другаго мѣста для поселенія, которое и было найдено въ штатѣ Айовѣ. И еще при Кабе туда были отравлены піонеры, которые пріобрѣли 3,000 акровъ земли и остались тамъ съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать самыя необходимыя приготовленія для принятія переселенцевъ, имѣющихъ прибывать изъ Новоо. Въ это время и вспыхнули раздоры въ колоніи. Повидимому, произошло это такимъ образомъ. Недовольные Кабе члены колоніи рѣшились устроить такъ, чтобы въ Айовѣ совсѣмъ освободиться не только отъ руководства Кабе, но и отъ его личнаго присутствія тамъ. Землеръ говоритъ, что противъ него былъ составленъ заговоръ, и онъ ничего не подозрѣвалъ, а потомъ не былъ уже въ силахъ противодѣйствовать интригамъ заговорщиковъ. Изъ этого возникли раздоры и ссоры, продолжавшіеся въ теченіи цѣлаго года. По нѣкоторымъ источникамъ, Кабе опять овладѣлъ диктатурою съ помощію своего рода coup d'Etat, подобно Наполеону III. Но вѣроятно и заговорщики приняли свои мѣры, и Кабе былъ принужденъ оставить колонію съ 200 членовъ ея, оставшихся ему вѣрными. Большинство, побѣдившее и оставшееся въ Новоо, состояло изъ 300 человѣкъ. Это произошло въ 1856 году. Кабе удалился въ С.-Луи въ штатѣ Миссури и въ томъ же году тамъ и умеръ.

Въ теченіи своей долгой политической жизни, говоритъ Землеръ, онъ много испыталъ: надъ нимъ смѣялись, на него клеветали; терпѣлъ онъ и изгнаніе въ соединеніи съ большою нуждою. И все это онъ вынесъ съ твердымъ духомъ. Но когда

---

*) Pelz. Deutsches Vierteljahrschrift. Ib.

онъ былъ изгнанъ изъ того учрежденія, которое было осуществленіемъ мечты всей его жизни, тогда, прибавляетъ Землеръ, изнемогъ этотъ сильный духъ и сердце его готово было разорваться на части.

Вѣроятно и послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть Кабе имѣла одну изъ причинъ въ этомъ нравственномъ ударѣ, испытанномъ имъ. Страшная судьба! Судьба Икара, дѣйствовавшаго въ жизни, оказалась совсѣмъ непохожею на судьбу Икара, дѣйствовавшаго въ романѣ. И оставляя въ сторонѣ систему, нельзя относиться безъ достаточнаго сожалѣнія къ личности Кабе. Этотъ человѣкъ, вышедшій изъ массы народной, безспорно талантливый, хотя судя по всему совсѣмъ не серьезно и не глубоко образованный, преданный своей идеѣ и служившій ей до забвенія своихъ личныхъ интересовъ, всю жизнь свою посвятившій этому служенію, другъ народа и врагъ всякаго деспотизма, окончилъ свою карьеру тѣмъ, что, подобно Наполеону III, сдѣлалъ coup d'Etat и подобно ему же лишился власти вслѣдствіе возстанія управляемыхъ.

При своей чрезвычайной дѣятельности онъ могъ бы сдѣлать много для того, чтобы его память благословляли его соотечественники, и онъ не сдѣлалъ ничего! Мало этого; онъ погубилъ десятки людей, а сотни ихъ и даже тысячи направилъ на ложную дорогу, указавши имъ неосуществимый идеалъ, стремленіе къ которому не могло окончиться счастливыми результатами. Результатъ его дѣятельности нельзя видѣть только въ неудачахъ, постигшихъ икарійцевъ въ Техасѣ или Новоо; онъ обнаружился не въ одной Америкѣ, а и въ самой Франціи. Фантастическія стремленія французскихъ рабочихъ во время второй республики, въ періодъ дѣятельности Международнаго общества и во время парижской коммуны, имѣли свой источникъ между прочимъ въ фантастическихъ писаніяхъ подобныхъ Путешествію въ Икарію и другимъ сочиненіямъ Кабе.

Надобно однако отдать и ему справедливость. Не за все онъ заслуживаетъ порицанія. Есть и такія стороны въ его ученіи, которыя должны возбуждать къ нему симпатію и ува-

женіе въ особенности послѣ тѣхъ ученій, которыя проповѣдывали предшественники его въ исторіи соціализма, Оуэнъ, С. Симонъ и Фурье. Кабе подобно имъ не забылъ Бога, не отвергъ религіи, хотя и не далъ ей должнаго значенія въ общественной жизни Икаріи, не забылъ нравственнаго принципа, не оставилъ безъ вниманія человѣческаго достоинства, не разрушалъ семейства, не отнималъ у дѣтей родителей, не уничтожалъ родственныхъ связей и родственныхъ чувствъ. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ средѣ, въ которой было мало религіозности, мало нравственности, много нравственной распущенности. Тѣмъ больше ему чести.

Есть и еще одно основаніе и притомъ очень важное, вслѣдствіе котораго въ исторіи соціализма Кабе нужно помянуть добромъ. Его пропаганда коммунизма не можетъ подвергнуться ни малѣйшему упреку въ томъ, чтобы она у него служила средствомъ для достиженія какихъ-нибудь личныхъ цѣлей или чтобы она въ какомъ нибудь періодѣ ея не была искреннею, не исходила изъ глубины его убѣжденія. Свое искреннее убѣжденіе въ жизненности его принциповъ, свою безграничную преданность имъ онъ доказалъ всею своею жизнью, тѣмъ, что для осуществленія ихъ онъ пожертвовалъ всѣмъ, своею карьерою, своимъ личнымъ благополучіемъ и можно сказать даже жизнью. Это былъ дѣйствительно баярдъ соціализма, рыцарь безъ пятна и упрека, погибшій въ битвѣ, защищая принципы, которымъ онъ былъ преданъ. И такое служеніе идеѣ имѣетъ значеніе не по отношенію только къ нравственному характеру Кабе, а и по отношенію къ самому дѣлу, къ рѣшенію вопроса о приложимости и осуществимости коммунизма, по отношенію къ отрезвленію взглядовъ его сторонниковъ, надѣявшихся съ помощію коммунизма низвести на землю золотой вѣкъ. Естественнымъ слѣдствіемъ неудачъ и превратностей испытанныхъ и самимъ Кабе и его послѣдователями было то, что коммунизмъ надолго дискредитированъ въ воззрѣніяхъ искателей лучшихъ формъ человѣческаго общежитія, чему безъ сомнѣнія можно только радоваться; однимъ

ложнымъ путемъ меньше, и человѣчество скорѣе и вѣрнѣе пойдетъ по пути здороваго прогресса, по пути облегченія участи всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Когда въ 1868 году императорское правительство Франціи дозволило запрещенныя до того времени общественныя собранія (réunions publiques), то на этихъ собраніяхъ имя Кабе упоминалось съ уваженіемъ, но между членами ихъ не нашлось такихъ, которые рѣшились бы опять поднять знамя икарійскихъ принциповъ *).

Послѣ провозглашенія республики въ 1870 году, когда собранія рабочихъ получили еще болѣе свободы, идеи коммунизма не только не нашли сторонниковъ между рабочими, но, напротивъ, нашли между ними открытыхъ порицателей. Такъ на конгрессѣ, бывшемъ въ октябрѣ 1876 года въ Парижѣ, докладчикъ одной изъ коммиссій Никезъ по вопросу о правахъ и обязанностяхъ трудящихся высказался прямо противъ принципа, провозглашеннаго Кабе (см. выше, стр. 310), что всякій долженъ работать сообразно съ своими средствами и имѣетъ право получать ровную часть изо всѣхъ произведеній, сообразно своимъ потребностямъ **). Принципъ этотъ, по мнѣнію Никеза, который самъ принадлежитъ къ классу рабочихъ, долженъ имѣть необходимымъ результатомъ ослабленіе энергіи у лучшихъ рабочихъ и разумѣется уменьшеніе производства.—Можно не сомнѣваться, что этому отрезвленію взглядовъ рабочаго класса въ болѣе или менѣе значительной степени содѣйствовалъ практическій опытъ осуществленія коммунизма, предпринятый самимъ Кабе, такъ что благодаря преданности своей идеѣ, Кабе самъ ослабилъ то зло, которое онъ произвелъ вслѣдствіе своего недомыслія, посредствомъ своихъ писаній. И можно надѣяться, что для Франціи по крайней мѣрѣ система Кабе и вообще всякая система общественнаго устройства, на основаніи принциповъ коммунизма, окончательно погрузилась въ Лету.

---

*) См. Molinari. Le mouvement socialiste et les réunions publiques avant la révolution du 4 septembre. Paris, 1872 г. стр. 9.

**) Laveleye. Le socialisme contemporain. Paris, 1881, ст. 135.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Опыты практическаго осуществленія принциповъ коммунизма въ Соединенныхъ Штатахъ.

I.

Судьба икарійскихъ общинъ послѣ смерти Кабе.

Въ моментъ смерти Кабе послѣдователи его были въ состояніи раскола. Большинство, враждебное учителю, оставалась въ Новоо.— Меньшинство, вѣрное ему, было вмѣстѣ съ нимъ въ С. Луи.

Смерть учителя для этой части учениковъ была роковымъ ударомъ. Нѣкоторые изъ нихъ до такой степени упали духомъ, что потеряли всякую надежду на успѣхъ системы и отказались отъ продолженія своей дѣятельности съ цѣлью осуществленія идей коммунизма. Другіе показали болѣе крѣпости духа. Потерявши учителя, потерявши болѣе малодушныхъ товарищей, они все-таки рѣшились продолжать дѣло и основали новую общину въ Чельтенгамѣ, вблизи С. Луи.— Сначала судьба какъ будто порадовала ихъ успѣхомъ: но онъ былъ совершенно эфимерный. Не смотря на то, что община была и немногочисленна и состояла изъ людей сравнительно болѣе близкихъ между собою, и въ понятіяхъ, и въ стремленіяхъ, и въ правилахъ, согласіе существовало между ними въ теченіи очень короткаго времени и уступило мѣсто безпокойствамъ и ссорамъ. Къ этому присоединились болѣзни. А между тѣмъ управленіе не отличалось умѣньемъ и знаніемъ дѣла. И экономическое состояніе общины было такъ худо, что многіе члены не оказались въ состояніи выносить такого положенія

дѣлъ, и малочисленная община еще болѣе уменьшилась, вслѣдствіе оставленія ея нѣкоторыми членами.

Оставшіеся члены все-таки не упали духомъ. Они рѣшились продолжать, старались поддержать разрушавшееся зданіе и при этомъ обнаружили такое самоотверженіе, такое терпѣніе, которое Землеръ называетъ героизмомъ. Но и героизмъ оказался безполезнымъ. Онъ имѣлъ только тотъ результатъ, что существованіе Челтенгамской общины протянулось до 1864 года, когда она окончательно прекратила свою дѣятельность.

Оставшіеся въ Новоо икарійцы желали доказать, что и безъ Кабе они могутъ удовлетворительно вести дѣло, и потому продолжали жить здѣсь до 1859 года, когда они переселились въ штатъ Айову, гдѣ устроили общину въ маленькой деревнѣ, которой они дали имя Икаріи и которая состояла всего изъ дюжины домиковъ, и кромѣ того изъ нѣкоторыхъ общественныхъ построекъ, служившихъ мѣстомъ сбора членовъ общины или мѣстомъ для производства работъ, имѣвшихъ въ виду потребности всей общины. Къ нимъ принадлежали столовая, она же служила мѣстомъ общественныхъ собраній и увеселеній, кухня, прачешная, пекарня, скотный дворъ и т. п. Отдѣльные домики заняты отдѣльными семействами. Семейство въ Икаріи отличается крѣпостью, а семейная жизнь—замѣчательною чистотою. Целибатъ признается состояніемъ несовмѣстнымъ съ цивилизаціею. Если кто дозволитъ себѣ игнорировать предписанія нравственности, то подвергается публичному порицанію, лишенію гражданскихъ правъ—и даже въ особенно важныхъ случаяхъ удаленію изъ общины.

Въ новомъ мѣстѣ жительства икарійцы сначала должны были выдержать упорную борьбу съ нуждою, но потомъ дѣла ихъ пошли лучше. Они обрабатывали до 700 акровъ земли, засѣвая ее преимущественно маисомъ и пшеницею; производили ягоды, необходимые овощи и вообще огородныя растенія. У нихъ было 140 коровъ, до 600 овецъ.

Но, не смотря на эти повидимому благопріятныя данныя, дѣла общины были не блестящи и число членовъ все уменьшалось. Когда Кабе оставилъ Новоо, число ихъ простиралось до 300; въ Икаріи къ концу семидесятыхъ годовъ оно уменьшилось до 75. Внутренніе раздоры продолжались и здѣсь. Одною изъ причинъ были религіозныя несогласія. Вѣротерпимость въ общинѣ на основаніи конституціи и въ принципѣ оставалась прежняя. Но на дѣлѣ ея не было въ Икаріи, какъ раньше этого не было въ Новоо. Только теперь

религіозныя воззрѣнія подверглись метаморфозѣ и безформенный деизмъ Кабе превратился въ атеизмъ. А члены общины, сохранившіе религію, подвергались насмѣшкамъ.

Для большинства же всякую религію замѣняли принципы революціи 1848 года: свобода, равенство и братство *). Они должны были лежать въ основѣ жизни икарійцевъ, воплощенные въ коммунизмѣ и радикальной демократіи во внутреннемъ управленіи. Но по вопросу о радикальной демократіи возникли недоразумѣнія. Власть въ общинѣ принадлежитъ народу — peuple-souverain; но изъ кого долженъ состоять этотъ народъ, кому принадлежитъ право голоса въ народномъ собраніи, непосредственно рѣшающемъ важнѣйшія дѣла и кромѣ того избирающемъ президента и директоровъ земледѣлія, промышленности, производства одежды, построекъ и пр.? Этотъ вопросъ привелъ общину къ спорамъ, ко враждѣ и почти къ полному разложенію. Въ наиболѣе демократическихъ конституціяхъ все-таки полноправность гражданская имѣетъ нѣкоторыя ограниченія въ томъ, что, во-первыхъ, женщины избирательныхъ правъ не имѣютъ, во-вторыхъ и мужчины пользуются полнотою правъ только начиная съ извѣстнаго возраста. Тотъ-же самый порядокъ существуетъ и въ Икаріи; но тамошняя радикальная демократія не мирится съ нимъ. Женщины требуютъ себѣ полноправности равной съ мужчинами, а юношество въ свою очередь требуетъ правъ, присвоенныхъ людямъ взрослымъ. Не надобно, впрочемъ, думать, что въ Икаріи полнота гражданскихъ правъ принадлежитъ только людямъ болѣе или менѣе солиднаго возраста. Совсѣмъ нѣтъ: нужно имѣть только 20 лѣтъ, чтобы имѣть право голоса въ народномъ собраніи. Стало-быть теперь требуютъ себѣ правъ уже девятнадцатилѣтніе, восемнадцатилѣтніе юноши и т. д. На какомъ возрастѣ прекратятся эти требованія, неизвѣстно. Источникъ этихъ требованій сколько въ крайнемъ демократическомъ, эгалитарномъ духѣ коммуны, столько въ особомъ частномъ принципѣ, развившемся на почвѣ эгалитаризма. Духовное превосходство человѣка здѣсь не признается; признаніе его считаютъ противнымъ принципу равенства. Легко представить себѣ, какія изъ этого должны проистекать послѣдствія во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ экономическомъ. Землеръ говоритъ, что временемъ наибольшаго экономич.-

*) Землеръ есть единственный извѣстный намъ источникъ, содержащій въ себѣ данныя касательно исторіи послѣдователей Кабе послѣ его смерти.

скаго успѣха икарійцевъ было все-таки то время, когда икарійскія дѣла находились подъ руководствомъ Кабе.—Подобное же значеніе, но съ особымъ еще болѣе печальнаго свойства оттѣнкомъ, имѣютъ стремленія молодежи получить политическія права: «отецъ принадлежитъ къ одной партіи, а сынъ примыкаетъ къ другой, дочь съ задоромъ стремится отнять у матери ея положеніе въ общинѣ». Нѣтъ подобности прибавлять, что это имѣетъ самые печальные результаты въ семейной жизни.

Въ жизни всей общины эти споры уже составляютъ агонію. Дѣло дошло до того, что молодая партія, къ которой принадлежитъ и большинство женщинъ, объявила, наконецъ, что съ «консерваторами» она не желаетъ имѣть ничего общаго, не хочетъ даже жить съ ними вмѣстѣ и предложила раздѣлить общественное имущество такъ, чтобы каждый членъ—мужчина, женщина и дитя—получилъ десять акровъ земли, хотя еще не въ собственность, а только во временное пользованіе (Niessbrauch), и распоряжался ею по своему усмотрѣнію. Это уже покушеніе на самый принципъ коммунизма, попытка замѣнить его принципомъ индивидуализма. Но общинное собраніе, состоящее изъ мужчинъ, имѣющихъ болѣе 20 лѣтъ отъ роду, отвергло этотъ проектъ. Молодая Икарія однако не успокоилась: приглашены были адвокаты, которымъ поручено добиться раздѣла имуществъ съ помощію судебныхъ учрежденій страны. Дѣло протянется вѣроятно до тѣхъ поръ, когда нечего будетъ дѣлить, замѣчаетъ Землеръ, по мнѣнію котораго дни общины уже сочтены *). Въ такомъ положеніи находятся дѣла икарійцевъ. Не надобно упускать изъ вниманія, что это судебное дѣло, это стремленіе къ раздѣленію возникло между мужьями, отцами и матерями съ одной стороны, и женами, сыновьями и дочерями—съ другой. Такіе порядки всего менѣе походятъ на порядки, существовавшіе въ Икаріи, описанной въ романѣ Кабе.

Очевидно, воззрѣнія икарійцевъ испытали какую-то серьезную общую эволюцію, вслѣдствіе которой они уже не тождественны съ воззрѣніями Кабе. Можетъ быть они подверглись какому-нибудь особенному вліянію—этого мы рѣшить не можемъ. Но существуетъ одна соціальная система, которая имѣетъ нѣкоторое сходство съ взглядами молодой Икаріи на политическія права юношей. Это la Cosmosophie он

*) Землеръ хорошо ознакомился съ дѣлами общины: былъ въ Икаріи, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ икарійцами и все видѣлъ своими глазами, въ 1879 году.

le socialisme Universel, Генриха Лекутюрье (Paris, 1850). Мы оставимъ безъ вниманія мнѣнія Лекутюрье касательно общихъ вопросовъ, занимающихъ соціалистовъ; обратимъ вниманіе на тѣ вопросы, которые онъ самъ изобрѣлъ и поставилъ на арену науки. По его мнѣнію, существуетъ на землѣ большое зло, которое онъ называетъ геронтократіею; это правленіе стариковъ. Онъ думаетъ, что руководить дѣлами міра должны не старики, а молодые люди. Почему?—Потому что безсиліе физическое влечетъ за собою безсиліе нравственное. Кто не можетъ engendrer, тотъ не можетъ участвовать въ управленіи государствомъ. И такъ какъ юноша можетъ engendrer съ 18 лѣтъ, то съ этого возраста онъ имѣетъ право занимать всякія должности. Говорятъ, что усовершимости человѣка нѣтъ границъ. Повидимому, нѣтъ также границъ и его изобрѣтательности на абсурды.

Впрочемъ, перемѣну въ религіозныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ икарійцевъ можно объяснить иначе. Изъ общины выдѣлилось около половины членовъ, когда Кабе былъ принужденъ оставить ее. Несомнѣнно, что эти оставшіеся вѣрными Кабе члены были людьми болѣе близкими къ нему по воззрѣніямъ и стремленіямъ, что съ ихъ именно содѣйствіемъ онъ управлялъ общиною и что они-то и были деистами въ религіи и болѣе умѣренными радикалами въ политикѣ. А тѣ, которые изгнали Кабе, были именно старыми революціонерами, какъ они сами себя рекомендовали, и вмѣстѣ съ тѣмъ были атеистами, которыхъ въ оффиціальной газетѣ подвергали насмѣшкамъ, называя ихъ слѣпыми или безчестными. Оставшись одни по изгнаніи Кабе, они естественнымъ образомъ удалили изъ общины всякую религіозную идею. Идеи матеріализма получили преобладаніе, при чемъ разумѣется никакое особенное достоинство личности, ни умственное, ни нравственное, при строгости и послѣдовательности мышленія, не можетъ имѣть никакой цѣны. Авторитетъ знанія, опытности, добродѣтели, авторитетъ отца и матери, и всякаго старшаго возрастомъ падаетъ; на него уже смотрятъ, какъ на ненавистную геронтократію. И икарійское юношество было совершенно послѣдовательно какъ въ своихъ мысляхъ, такъ и въ стремленіяхъ.

II.

Другіе опыты осуществленія коммунизма въ Соединенныхъ Штатахъ.

Соединенные Штаты—это обѣтованная земля всякаго рода соціальныхъ реформаторовъ. Мы видѣли, что здѣсь основывали колоніи и Оуэнъ, и сведенборгисты, и фаланстеріянцы, и перфекціонисты, и икарійцы. И разсматривая этотъ рядъ именъ, мы легко замѣтимъ, что всѣ названные соціалисты, имѣя общую черту—стремленіе къ реформѣ жизни на основаніи принциповъ соціализма и даже коммунизма, рѣзко различаются между собою съ точки зрѣнія принципа религіознаго. Нѣкоторые изъ нихъ одушевлены въ самой высокой степени этимъ принципомъ, который служитъ для нихъ главнымъ принципомъ жизни, другіе или безразличны къ нему, или относятся съ явною враждебностью, или даже, и не относясь къ нему вполнѣ безразлично, все-таки главный принципъ жизни имѣютъ не въ религіи, а внѣ ея. Ниже мы увидимъ, что степени религіознаго одушевленія общины, степени ея уваженія къ религіозному принципу большею частію соотвѣтствуетъ степень успѣшности ея въ ея начинаніяхъ, большая или меньшая состоятельность ея въ экономической дѣятельности, такъ что религіозный принципъ здѣсь имѣетъ значеніе не только самъ по себѣ, но еще и какъ одно изъ побужденій къ дѣятельности, одно изъ основаній экономическаго благосостоянія. Вотъ почему, будучи заняты главнымъ образомъ вопросомъ объ экономической состоятельности разныхъ соціальныхъ системъ и школъ, мы раздѣлимъ однако всѣ опыты осуществленія коммунизма въ Соедин. Штатахъ на основаніи принципа религіознаго, чтобы съ наибольшимъ удобствомъ и съ возможною краткостью прослѣдить и изложить жизнь и дѣятельность сѣверо-американскихъ соціальныхъ общинъ.

Къ религіознымъ общинамъ, кромѣ отчасти извѣстныхъ намъ раппистовъ, сведенборгистовъ, перфекціонистовъ, принадлежатъ еще многія другія, о которыхъ первыя свѣдѣнія мы имѣемъ только въ сочиненіи Землера. Къ нерелигіознымъ, раціоналистическимъ общинамъ принадлежатъ фаланстерьянцы, икарійцы, послѣдователи Оуэна и еще нѣкоторыя другія, болѣе или менѣе самостоятельныя, для изученія которыхъ также единственнымъ источникомъ служитъ это сочиненіе, въ которомъ собраны въ возможной полнотѣ факты, относящіеся ко всѣмъ

вообще соціальнымъ опытамъ, производившимся въ Соединенныхъ Штатахъ. Не возвращаясь къ фурьеристамъ и икарійцамъ, приведемъ нѣсколько фактовъ касательно послѣдователей Оуэна въ дополненіе къ тѣмъ, которые изложены въ первомъ томѣ этого сочиненія (стр. 514—524).

---

a. Общины раціоналистическія.

Землеру извѣстны 11-ть общинъ, которыя производили опыты соціальной реформы на основаніи ученій Оуэна *). Наибольшее вниманіе, послѣ самаго главнаго опыта въ Ньюгармоніи, онъ оказываетъ Елловъ-Спрингской общинѣ, можетъ быть потому, что относительно этого опыта онъ получилъ обстоятельную и очень основательную записку, составленную неизвѣстнымъ авторомъ.

Елловъ-Спрингская община возникла въ штатѣ Огайо вскорѣ послѣ посѣщенія гор. Цинцинати Оуэномъ, въ 1824 году. Оуэнъ читалъ здѣсь публичныя лекціи о своей дѣятельности въ Нью-Ланаркѣ и излагалъ проектъ кооперативныхъ обществъ, основанныхъ на началахъ коммунизма. Планы Оуэна увлекли очень многихъ въ городѣ, въ особенности членовъ церковной общины сведенборгистовъ, которыхъ пасторъ Дан. Роэ увлекся всѣхъ больше. Немедленно образовалась община какъ изъ сведенборгистовъ, такъ и изъ другихъ жителей Цинциннати. Куплено было имѣніе въ Елловъ-Спрингѣ въ 75 миляхъ отъ Цинциннати и члены общины переселились туда. Составилось весьма разнообразное общество, такое, которое трудомъ различныхъ своихъ членовъ могло само удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Тутъ были и ремесленники, и фермеры, и чернорабочіе, и учителя, и купцы, и духовныя лица.

Составлены были подробные планы организаціи общины на началахъ братства и коммунизма.

Возникла школа, въ которой обучали всякимъ полезнымъ знаніямъ, но не обучали религіи. Съ христіанствомъ община не желала имѣть ничего общаго, и даже днемъ отдохновенія было назначено не воскресенье, а суббота. Впрочемъ, не смотря на это, свободная любовь не получила права гражданства: молодая Америка опять оказала въ этомъ

---

*) Semler. Стр. 8 и слѣд.

дѣлѣ реакцію старой Европѣ. Но не забыты были удовольствія: танцы, музыка, пикники, кавалькады и т. п.

И въ первыя немногія недѣли всѣ были исполнены наилучшихъ намѣреній и надеждъ. Трудолюбіе всѣ показывали образцовое. Люди, которые никогда не занимались физическими трудами, принялись за земледѣліе и за ремесла, и если не всегда достигали хорошихъ результатовъ, то усердіе выказывали безукоризненное. Проповѣдники евангелія управляли сохою и какъ сказано въ запискѣ, «вмѣсто того, чтобы призывать грѣшниковъ къ покаянію, сзывали свиней къ корму». Очевидно эти пасторы относились къ своему дѣлу добросовѣстнѣе, чѣмъ пасторы Сѣверо-Американской фаланги, описанные Диксономъ (см. выше стр. 157). Но вообще положеніе дѣлъ Елловъ-Спрингской общины во многомъ напоминаетъ Сѣверо-Американскую фалангу. Хорошенькія и благовоспитанныя дѣвицы стали въ положеніе прислуги. Дамы, которыя никогда не видѣли внутренности своей собственной кухни, здѣсь въ общей кухнѣ стали возиться около горшковъ и сковородъ.

Увлеченіе прошло очень скоро. Сначала лица высшаго общества стали себя худо чувствовать въ обществѣ лицъ низшаго круга, которыя непремѣнно хотѣли въ этомъ отношеніи полнаго равенства и настоящаго коммунизма. Лица высшаго общества поставили на своемъ; дѣло скоро устроилось такъ, какъ они хотѣли: все общество раздѣлилось на кружки, которые не сближались другъ съ другомъ.

Вскорѣ и въ работѣ соревнованіе уступило мѣсто разсчетамъ и спорамъ. Многіе стали замѣчать, что не всѣ усердно и старательно работаютъ; люди трудолюбивые, хорошіе мастера стали жаловаться, что все бремя работъ ложится на нихъ. Музыканты утверждали, что ихъ музыка также необходима, какъ хлѣбъ и мясо, и потому отказывались работать въ полѣ или мастерской. Ремесленники, которые раньше этого получали два доллара въ день, хотѣли работать только полдня, чтобы не нести лишняго труда по сравненію съ поденщиками, которые хотя работали цѣлый день, но ихъ работа вездѣ въ окрестности цѣнилась только въ одинъ долларъ.

Короче, между членами общины очень скоро возникли такія отношенія, которыя дѣлали весьма непривлекательнымъ и безцѣльнымъ ихъ дальнѣйшее совмѣстное жительство и совмѣстный трудъ. И община распалась послѣ существованія, продолжавшагося менѣе года.

Изъ другихъ общинъ, возникшихъ въ то время подъ вліяніемъ

идей Оуэна, ни одна не существовала болѣе трехъ лѣтъ. Одна въ теченіи пятимѣсячнаго существованія съумѣла сдѣлать 12,000 ф. стерлинговъ долгу. Это Гаверстравская община, въ штатѣ Нью-Іоркѣ, такъ скоро прекратившая свою дѣятельность потому, что члены ея, согласно свѣдѣніямъ, полученнымъ Землеромъ, любили больше гулять и разговаривать, чѣмъ работать, повидимому надѣясь, что при коммунизмѣ дѣло пойдетъ само собою.

Община Нашоба въ Тенесси имѣла задачею содѣйствовать освобожденію негровъ. Она и образована была какъ изъ бѣлыхъ, такъ и изъ негровъ, которые своимъ трудомъ должны были возвратить стоимость суммъ, уплаченныхъ за ихъ выкупъ у бывшихъ ихъ господъ. Предсѣдательницею была англичанка Френсизъ Райтъ. Опытъ окончился безъ предположеннаго результата послѣ трехлѣтняго существованія, причемъ негры оказались болѣе добросовѣстными работниками, чѣмъ бѣлые, хотя бѣлымъ были назначаемы труды легкіе. Не обошлось безъ зависти и раздоровъ, которые при коммунистическомъ порядкѣ имѣютъ результаты болѣе прискорбные, чѣмъ при обыкновенномъ, ведутъ непремѣнно къ разложенію и разрушенію обществъ.

Маклюрія, община, выдѣлившаяся изъ Нью-Гармоніи и составившаяся изъ людей наиболѣе образованныхъ и состоятельныхъ, прекратилась послѣ 2-хъ-лѣтняго существованія, проживши значительные капиталы, принадлежавшіе членамъ ея. (См. т. I стр. 518 и слѣд.),

Община Коксзакки существовала 2 года, изнемогая подъ тяжестью долговъ. Здѣсь повторилось тоже самое, что были почти во всѣхъ другихъ общинахъ. Члены ея любили издавать законы, много разсуждали и спорили и мало работали (viele Gesetze machten,—viel debattiren und discutiren, aber wenig arbeiten wollten).

Форестъ-вильская община въ Индіанѣ существовала одинъ годъ.

Кендальская община въ Огайо прекратилась послѣ двухлѣтняго существованія.

Еще три общины: Блю-Спрингская въ Индіанѣ, Кооперативное общество въ Пенсильваніи и Франклинова Община въ Нью-Іоркѣ существовали каждая очень короткое время.

- -

Относительно главнаго опыта,—общины Нью-Гармонійской, Землеръ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній, служащихъ существен-

нымъ дополненіемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя были извѣстны раньше. Такъ мы знали, что въ Нью-Гармони не разъ была измѣнена форма правленія (см. т. I, стр. 516). Но точныхъ и подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ мы не имѣли. Слѣдуя Землеру, конституція Нью-Гармони была измѣнена 7 разъ, то въ экономическомъ, то въ административномъ отношеніи. Въ экономическомъ отношеніи сначала господствовали принципы индивидуализма, а коммунизмъ видѣнъ былъ только въ перспективѣ, какъ будущая, совершеннѣйшая и окончательная организація жизни въ общинѣ. Потомъ былъ введенъ и коммунизмъ; но отъ общины-матери отдѣлились двѣ общины дочери, которыя имѣли свое совершенно отдѣльное хозяйство и имущество; это Маклюрія и Фейба-Певенъ. Послѣ этого община-мать сначала была въ состояніи единства и нераздѣльности, но потомъ раздѣлилась на 4 отдѣла, изъ которыхъ каждый долженъ былъ также имѣть отдѣльное хозяйство и имущество; но всѣ они должны были состоять въ дружескомъ общеніи и оказывать одинъ другому кредитъ. Однако прежде чѣмъ эта реформа вполнѣ была приведена въ исполненіе, Оуэнъ предложилъ другую: устройство общины, въ которую вошли-бы только члены, владѣющіе имуществомъ, которое они должны были внести для образованія общиннаго фонда. Это предложеніе совсѣмъ не было приведено въ исполненіе и вызвало большія волненія, окончившіяся распаденіемъ Нью-Гармонійской общины.

Что касается до административной организаціи общины, и здѣсь также происходили весьма существенныя измѣненія. Демократію смѣняла своего рода аристократія, которая въ свою очередь уступала мѣсто диктатурѣ. Диктатура также не всегда походила сама на себя; то она была единоличною, когда диктаторомъ былъ Оуэнъ, то существовала въ видѣ тріумвирата. И всѣ эти перемѣны произошли въ теченіи 2 лѣтъ и 2 мѣсяцевъ, отъ 17 апрѣля 1825 года до 18 іюня 1827 года.

Имущественныя отношенія между общиною и основателемъ ея также измѣнялись или точнѣе изъ состоянія неопредѣленнаго пришли въ опредѣленное, которое не понравилось членамъ общины. Поселившись въ Нью-Гармони и не видя со стороны Оуэна никакихъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью опредѣленіе имущественныхъ отношеній его къ общинѣ, они пришли къ мысли, что Оуэнъ жертвуетъ купленное имъ у гармонійцевъ имѣніе въ пользу общины, тѣмъ болѣе, что и въ циркулярѣ, которымъ Оуэнъ приглашалъ первоначально колонистовъ въ Нью-Гармони, объ имущественныхъ отношеніяхъ между нимъ и общиною ни-

чего не было сказано. Между тѣмъ послѣ 30 мая 1826 года, когда собраніе постановило раздѣлить общину на четыре отдѣла, онъ неожиданно и къ величайшему изумленію своихъ товарищей (zum grössten Erstaunen seiner Genossen) потребовалъ, чтобы отдѣлы уплачивали ему деньги за имущество. Платить, разумѣется, они были не въ состояніи; потому Оуэнъ уже осенью этого года сталъ продавать постороннимъ лицамъ отдѣльные участки Нью-Гармонійской территоріи и даже отдѣльные дома въ самой общинѣ. И лица, пріобрѣтшія земельные участки или дома, немедленно устроили здѣсь трактиры, мелочныя лавочки и разныя мастерскія. Но это было уже въ періодъ смутъ, предшествовавшихъ распаденію общины: въ то время община нашла нужнымъ запретить своимъ членамъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ, безъ сомнѣнія, во избѣжаніе того, чтобы смуты, усиленныя пьянствомъ, не привели къ особенно печальнымъ результатамъ. Устройство трактировъ и мелочныхъ лавочекъ само собою уничтожало силу этого запрещенія: законы, постановленные общиною, перестали исполняться, такъ что уже съ этого времени нужно считать распаденіе общины (съ декабря 1826 года). Дѣйствительно, въ это время многіе общинники стали удаляться изъ Нью-Гармони: но окончательно община прекратила существованіе въ апрѣлѣ 1827 года, когда самъ Оуэнъ оставилъ ее и отправился въ Европу. Оставляя Нью-Гармони, онъ передалъ все ея имущество своимъ дѣтямъ, такъ что члены общины оказались ни при чемъ. «Счастливъ былъ, говоритъ Землеръ, тотъ, кто могъ располагать небольшою суммою», чтобы купить себѣ участокъ земли или домъ: и то и другое продавалось Оуэномъ зо самую сходную цѣну. Но разумѣется не всѣ были такъ счастливы, и большинство принуждено было оставить Нью-Гармони и искать себѣ поселенія и хлѣба въ другихъ мѣстахъ *).

Послѣ этого Оуэнъ еще нѣсколько разъ былъ въ Америкѣ. Послѣднее пребываніе его здѣсь относится къ 1844, 1845, 1846 годамъ.

---

*) Въ первомъ томѣ этого сочиненія, говоря о концѣ Нью-Гармонійской общины, мы прибавили слѣд. строки: «Оставляя Америку, Оуэнъ простилъ имъ (т. е. членамъ общины) свой долгъ, передавъ имъ землю и всѣ заведенія въ полную собственность». Слова эти оказываются несогласными съ истиной: свѣдѣнія, сообщаемыя Землеромъ, опровергаютъ ихъ вполнѣ. Нью-Гармони и ея земли были Оуэномъ отчасти распроданы, отчасти переданы въ собственность сыновей, которыхъ у него было четверо и которые всѣ остались въ Америкѣ.

Передъ тѣмъ Оуэнъ въ Европѣ терпѣлъ однѣ неудачи въ своихъ попыткахъ провести коммунизмъ въ жизнь. Наиболѣе краснорѣчивою изъ нихъ была неудача въ Тизерли, въ Гампширѣ, гдѣ не только безъ ожидаемыхъ результатовъ были истрачены громадныя суммы (до милліона франковъ), но и самъ Оуэнъ подвергся той-же участи, которую впослѣдствіи испыталъ Кабе въ Новоо; именно члены общины принудили его оставить руководство дѣлами общины, и даже удалиться изъ нея, упрекая его въ томъ, что онъ, какъ и Кабе, не допускалъ никакой оппозиціи (см. т. I стр. 531), и поступалъ съ ними, какъ деспотъ.

Оуэнъ отъ Кабэ, однако, отличался бо́льшею твердостью характера, бо́льшею находчивостью и лучшимъ здоровьемъ; онъ не только не впалъ въ уныніе и не умеръ, но повидимому помолодѣлъ, и какъ-то особенно воспрянулъ духомъ; по крайней мѣрѣ предпріимчивость и фантазія его сильно оживились. И онъ вскорѣ отправился въ Америку для пропаганды, при чемъ его соціальные планы чрезвычайно расширились, приняли совершенно исполинскіе размѣры. Онъ уже высказывалъ надежду въ скоромъ времени осуществить ни болѣе, ни менѣе какъ «земной рай», das irdische Paradies, какъ передаетъ Землеръ, и притомъ не въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, не при сліяніи Тигра и Эвфрата, а во всѣхъ странахъ образованнаго міра; онъ какъ будто хотѣлъ не отстать отъ Фурье, увѣрявшаго, что въ непродолжительномъ времени весь міръ покроется фаланстерами,—и что дѣло начнется со странъ цивилизованныхъ. Но чѣмъ шире были его проекты, чѣмъ плодовитѣе его фантазія, тѣмъ меньше вниманія онъ видѣлъ со стороны общества. Время перемѣнилось, уже его встрѣчали совсѣмъ не такъ, какъ въ 1824; Америка не забыла печальнаго фіаско всѣхъ опытовъ, сдѣланныхъ имъ или его учениками. Въ Вашингтонѣ, въ правительственныхъ сферахъ, онъ былъ встрѣченъ также совсѣмъ не такъ ласково, какъ въ 1824, не смотря на то, что въ Вашингтонъ онъ отправился вмѣстѣ съ сыномъ Робертомъ, который въ то самое время былъ членомъ конгресса. Прежде конгрессъ допустилъ его оффиціально въ залъ своихъ засѣданій и онъ въ теченіи двухъ засѣданій развивалъ свои планы. Теперь онъ просилъ только зала для публичнаго чтенія и ему было отказано. Тогда, можетъ быть отчасти, чтобы отомстить конгрессу, онъ рѣшился заняться осуществленіемъ всемірнаго коммунизма безъ сотрудниковъ и посредниковъ и повидимому безъ посредствующихъ ступеней; съ какою цѣлью онъ лѣтомъ 1845 г. издалъ манифестъ къ соціалистамъ всего міра, въ которомъ приглашалъ ихъ

на всемірный конгрессъ въ Нью-Іоркъ. въ 1846 году. Съѣздивши наскоро въ Англію. въ 1846 году онъ возвратился въ Нью-Іоркъ и занялся приготовленіями къ конгрессу. Но соціалисты всего міра не отозвались на его призывъ и не пріѣхали въ Нью-Іоркъ. И Землеръ по этому случаю опять говоритъ объ ein Klägliches Fiasco, которое пришлось ему потерпѣть. Но онъ все таки не упалъ духомъ: не найдя сочувствія ни въ Вашингтонскомъ конгрессѣ, ни въ соціалистахъ всего міра. онъ сталъ разъѣзжать изъ города въ городъ и продолжать пропаганду касательно скораго насажденія земного рая, да кстати вспомнилъ и зады и сталъ снова проповѣдывать, что характеръ человѣка образуется не самимъ человѣкомъ, а для него образуется вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ, и заключалъ обыкновенно проповѣдь обращеніемъ къ капиталистамъ съ просьбою о денежныхъ средствахъ для устроенія земного рая. на что требовались милліоны. Что ни отъ какихъ капиталистовъ средствъ онъ не получилъ, объ этомъ едва-ли нужно говорить. Но сопоставляя все это дѣло, т. е. это обѣщаніе устроить земной рай и это отыскиваніе милліоновъ съ предыдущими дѣйствительно жалкими фіаско. которыя Оуэнъ испыталъ въ Америкѣ и Европѣ. невольно склоняешься къ мысли. что образъ его дѣйствій пересталъ быть серьезнымъ. Такъ на него и стали смотрѣть въ Америкѣ. и онъ наконецъ понялъ, что тамъ ему дѣлать нечего, и уѣхалъ въ Европу. Мы уже видѣли. что и въ Европѣ онъ дѣлалъ то-же самое: «писалъ адресы къ правительственнымъ лицамъ. къ государямъ и даже къ цѣлымъ народамъ». но разумѣется ни государи. ни народы не думали слѣдовать указаніямъ его адресовъ. Въ то-же время «онъ созывалъ митинги. но почти никто не шолъ на нихъ, потому что онъ повторялъ свои старыя начала. давно всѣми забытыя. Тѣ, которые хотѣли узнать что-нибудь полезное. должны были слушать о томъ. что весь общественный бытъ «зиждется на ложныхъ основаніяхъ» и т. д. (См. Т. I, стр. 553 и 554).

Землеру мало извѣстно то, что Оуэнъ дѣлалъ въ Европѣ: но за то тѣмъ лучше онъ знаетъ всѣ его похожденія въ Америкѣ, и, составляя себѣ объ Оуэнѣ на основаніи ихъ понятіе, онъ далъ ему не симпатичныя и не возбуждающія уваженія черты. Землеръ самъ соціалистъ. тѣмъ не менѣе видѣть въ Оуэнѣ великаго теоретика (ein grosser Theoretiker) онъ отказывается. а видитъ въ немъ только экзальтированаго мечтателя (ein Schwärmer). любителя звонкихъ фразъ (Freund der Klingenden Phrasen). и даже прибавляетъ. что по своимъ

свойствамъ онъ мало походитъ на своихъ трезвыхъ земляковъ (nüchterne Landsleute) шотландцевъ, а скорѣе походитъ на француза. Можетъ быть это послѣднее прибавлено нѣмцемъ подъ вліяніемъ національнаго антагонизма между Франціею и Германіею.

Но несомнѣнно, что Землеръ не высокаго мнѣнія объ умственныхъ силахъ Оуэна. О его соціальной системѣ онъ говоритъ, что она была построена на ошибкѣ, на ложномъ понятіи (Missgriff), вслѣдствіе чего она и не могла достигнуть обѣщанныхъ результатовъ *).

Съ Оуэномъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ и даже былъ членомъ Нью-Гармонійской общины нѣкто Іосія-Варренъ. Неудачу Нью-Гармонійскаго опыта онъ объяснялъ «комбинаціей», т. е. тѣмъ, что у насъ называется регламентаціей,—не избыткомъ регламентаціи, а регламентаціей во всякомъ размѣрѣ. Находя регламентацію столь пагубною, Варренъ ударился въ другую крайность. Онъ выдумалъ соціальную систему, изъ которой всякая регламентація, всякая организація изгнаны вполнѣ. Нѣтъ надобности, говорилъ онъ, ни въ какихъ конституціяхъ, ни въ какихъ законахъ, ни въ какихъ правилахъ, ни въ какой исполнительной власти, ни въ какихъ чиновникахъ, священникахъ, пророкахъ и т. д. Въ его системѣ всякій можетъ дѣлать совершенно все, что ему нравится. Потому онъ и называетъ ее системою «Индивидуальнаго господства»**).—Принципъ индивидуальнаго господства, принципъ неограниченной свободы дѣйствій человѣка есть главный, основной и всеобщій принципъ Варрена. Но есть у него еще другой, частный принципъ, которому онъ придаетъ большое значеніе, который онъ успѣлъ внушить и Оуэну, такъ что Оуэнъ по возвращеніи въ Англію изложилъ его въ брошурѣ: «National labour equitable exchange» и даже для осуществленія его устроилъ въ Лондонѣ банкъ, основанный на этомъ принципѣ (См. т. I стр. 529).—Сущность принципа состоитъ въ томъ, чтобы изгнать изъ употребленія монету, такъ чтобы производители могли обмѣниваться своими произведеніями, оцѣнивая ихъ тѣмъ количествомъ труда, котораго они требовали, тѣмъ временемъ, которое было потребно для исполненія трудовъ.—Варренъ завелъ даже въ Нью-Гармоніи лавочку, которую Землеръ называетъ «Zeitladen» (временная лавочка). Онъ принималъ въ нее произведенія всѣхъ вообще трудящихся, оцѣненныя сооб-

*) Semler. Стр. 16 и 38. **) Semler, стр. 39—43.

разно съ его принципомъ, на количество часовъ. И себѣ барышъ Варренъ бралъ слѣдуя тому же принципу, съ какою цѣлью у него на прилавкѣ стояли часы. Когда покупатель приходилъ, Варренъ замѣчалъ время на часахъ: когда товаръ былъ отпущенъ, онъ опять смотрѣлъ на часы, и замѣченная разница времени составляла его барышъ, его вознагражденіе за трудъ торговца. Эту разницу онъ получалъ не деньгами, а какимъ нибудь товаромъ и разумѣется не послѣ каждаго отдѣльнаго случая продажи, а посредствомъ сложенія многихъ отдѣльныхъ величинъ.—Лавочка существовала больше двухъ лѣтъ, и закрылась, какъ онъ самъ объяснялъ, вслѣдствіе «недостатка честности»: вѣроятно въ этихъ словахъ нужно видѣть его жалобу на то, что его кто-нибудь обманулъ, и онъ понесъ значительныя для этого предпріятія потери.

Послѣ того Варренъ сталъ думать о томъ, чтобы осуществить свой главный принципъ «индивидуальнаго господства», съ какою цѣлью онъ началъ путешествовать по разнымъ штатамъ въ видахъ пропаганды принципа. Въ 1844 году онъ былъ въ Цинциннати и въ публичныхъ собраніяхъ излагалъ свои идеи. Въ это время до его свѣдѣнія дошло, что находившіяся вблизи Клермонтская Фаланга и Цинцинатское Братство окончили свое существованіе. Онъ отправился въ мѣстопребываніе и того и другаго учрежденія и убѣдилъ нѣсколько семействъ, вѣроятно бывшихъ членовъ Фаланги или Братства, присоединиться къ проектированной общинѣ, которая и была основана подъ именемъ Утопіи. Это было осуществленіе принциповъ индивидуальнаго господства. Община была весьма малочисленна. Ее составляли только 4 семейства: и потому Варренъ дѣятельно продолжалъ пропаганду, основалъ газету «Peaceful Revolutionist» и вѣроятно имѣлъ успѣхъ, потому что въ 1851 году основалъ другую общину въ деревнѣ Modern Times, въ шт. Нью-Іоркѣ, на островѣ Лонгъ-Эйландѣ.

Обѣ эти общины прекратили свое существованіе вслѣдствіе несогласій, которыя, по мнѣнію Варрена, происходили также отъ недостатка честности. Землеръ по этому поводу выражаетъ мнѣніе, что система индивидуальнаго господства потерпѣла весьма горестное фіаско. Но какими обстоятельствами сопровождалась жизнь этихъ общинъ, изъ какихъ фактовъ сложилась ихъ исторія, при какихъ обстоятельствахъ онѣ прекратили существованіе, объ этомъ онъ не сообщаетъ свѣдѣній, безъ сомнѣнія потому, что самъ не имѣлъ возможности получить ихъ.

Взамѣнъ этого онъ старается подробнѣе изложить сущность соціальной системы Варрена, пользуясь его же собственнымъ журналомъ Peaceful Revolutionist», изъ котораго онъ приводитъ выписки, весьма интересныя.

Система Варрена по своему исходному пункту и по главному принципу въ сущности противорѣчитъ всякой идеѣ соціализма. Это система laissez faire, распространенная не на одну только промышленную дѣятельность народа, но на всѣ вообще стороны жизни, экономическую, семейную, нравственную, умственную, и т. д. и притомъ не только всего народа, но и каждаго человѣка въ отдѣльности. «Всякаго рода мнѣнія, говоритъ Варренъ, касательно экономіи, вкуса, равенства, равнымъ образомъ взгляды на справедливое и несправедливое, доброе и злое, умное и глупое, все это должно быть предоставлено рѣшенію индивидуума». И въ этомъ отношеніи оба пола совершено равны; женщины и дѣвицы, подобно мужчинамъ, могутъ дѣлать совершенно все, что имъ нравится, могутъ, между прочимъ, одѣваться, какъ имъ вздумается. О нерасторжимомъ бракѣ при такомъ порядкѣ и рѣчи быть не можетъ. Брачныя отношенія устраиваетъ всякій, какъ хочетъ. «Всякая личность сама должна знать, что ей полезно. Мы не мѣшаемся ни во что и не подсматриваемъ, что дѣлается за ширмами».

Это дѣйствительное и рѣшительное отрицаніе всякой регламентаціи, въ какой бы то ни было мѣрѣ, всякаго руководства одной личности со стороны другой.

Варренъ желаетъ, чтобъ его общину не смѣшивали съ другими, которыхъ такъ много было и теперь есть въ Соединенныхъ Штатахъ. Мы, говоритъ онъ, не мормоны, не коммунисты, не фурьеристы; мы не вѣримъ въ ассоаціацію. Мало того, ассоціація, по его словамъ, есть причина всѣхъ золъ, отъ которыхъ до сихъ поръ страдало человѣчество.—Это все вполнѣ согласно съ основнымъ принципомъ системы.

Жаль, что нѣтъ сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній объ исторіи общинъ, основанныхъ Варреномъ; вѣроятно, это было что-нибудь въ высокой степени интересное. И не удивительно, что общины, устроенныя на подобныхъ принципахъ, потерпѣли фіаско; удивительно, какъ онѣ могли существовать въ продолженіи хотя-бы самаго короткаго времени.

Изъ самостоятельныхъ раціоналистическихъ общинъ обратимъ вниманіе прежде всего на общину Гопедальскую, устроенную въ 1842 году въ Hopedale'ѣ, въ штатѣ Массачусетсѣ. Это была община, которая называла себя одной изъ христіанскихъ церквей; она требовала отъ каждаго вступающаго члена открытаго заявленія, что онъ «вѣруетъ въ религію Христа». Онъ могъ слѣдовать какой ему угодно сектѣ, какому угодно обряду,—община этимъ не интересовалась. Но она требовала, чтобы его жизнь и дѣятельность по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ согласовалась съ ученіемъ Христовымъ. Такъ согласно съ общею практикою пуританъ и квакеровъ, строго воспрещались богохульныя слова и дѣйствія, всякаго рода невоздержность, употребленіе крѣпкихъ напитковъ и т. п. Запрещалось принимать присягу и входить въ какіе бы то ни было компромиссы по рабовладѣльческому вопросу, принимать участіе въ войнѣ или въ приготовленіяхъ къ войнѣ, участвовать въ мятежѣ или дозволять себѣ насильственныя дѣйствія противъ какого-нибудь правительства, семейства или личности и т. п.

Авторомъ этой системы и основателемъ общины былъ нѣкто Адинъ Баллу. Въ своей общинѣ онъ хотѣлъ осуществить идеальную христіанскую республику въ миньятюрѣ. Настоящая республика христіанская, по его мнѣнію, должна быть образована не изъ монотонныхъ коммунистическихъ общинъ, а изъ общинъ четырехъ различныхъ типовъ, четырехъ организацій, изъ которыхъ только одна построена на идеѣ общей собственности. Гопедальская община была устроена по другому типу. Члены ея были вмѣстѣ и акціонерами предпріятія и рабочими. Самъ Баллу былъ рабочій весьма трудолюбивый. Это, какъ говоритъ Землеръ, не былъ «генералъ отъ соціализма», который только проектировалъ планы операцій, исполнявшихся простыми рядовыми. Нѣтъ. Баллу, не смотря на то, что онъ и по рожденію и по воспитанію былъ «джентльменъ», становился въ первый рядъ между рабочими и подавалъ имъ примѣръ, работая до усталости, до изнеможенія, желая содѣйствовать успѣху предпріятія, не столько своимъ единичнымъ трудомъ, сколько примѣромъ. Это былъ человѣкъ искренно и горячо преданный своей идеѣ, ожидавшій отъ осуществленія и распространенія ея обновленія человѣческаго рода. Его замыслы широтою своею не уступали замысламъ никакого другого соціалиста, ни Оуэна, ни Фурье. Изъ соединенія общинъ различныхъ типовъ должно было произойти государство, которое разрѣшило бы за-

дачу столь долго занимавшую соціалистовъ, именно соединеніе личной свободы съ кооneраціею и съ общимъ благосостояніемъ. Это была-бы система, въ которой свободно и согласно дѣйствовали бы «капиталъ, промышленность, торговля, талантъ, умѣнье и спеціальное дарованіе» и все это безъ всякаго стѣснительнаго ограниченія, кромѣ того, «которое налагается на каждаго человѣка христіанскою нравственностью въ виду всеобщаго блага». Баллу не ограничивался и идеею только государства, устроеннаго согласно съ его принципами. Дальше мысль его шла до союза государствъ, до братства народовъ, устроенныхъ на основаніи изложенныхъ принциповъ.

Но, когда надежды или мечты заходятъ слишкомъ далеко, тогда практическая дѣятельность въ ближайшей средѣ оказывается неудачною. Изъ этого правила не была исключеніемъ и дѣятельность Баллу, какъ руководителя Гопедальской общины. Экономическая дѣятельность ея была не довольно успѣшна; хотя члены общины были весьма преданы своимъ идеямъ и начали дѣло съ большимъ усердіемъ. Но, по словамъ Баллу, они сами не знали себя, т. е. не сознавали того, что усердія ихъ хватитъ только на начало дѣла, а не на веденіе его въ точеніе цѣлой жизни. Вслѣдствіе этого, заработокъ членовъ былъ настолько недостаточенъ, что они не могли довольствоваться произведеніями своего труда, а были вынуждены продавать акціи, и это, наконецъ, привело къ распаденію общины, которое совершилось не безъ нѣкоторой доли комическаго элемента.

Въ общину вступилъ нѣкто Дреперъ, человѣкъ, одушевленный большимъ сочувствіемъ къ идеямъ соціализма. Онъ былъ, слѣдуя Землеру, очень искусный «Geschäftsmann» и мало-по-малу сдѣлался руководителемъ промышленной дѣятельности общины; и эта дѣятельность имѣла подъ его руководствомъ большой успѣхъ. Но Дреперъ этимъ не довольствовался, а вмѣстѣ съ своимъ братомъ, жившимъ по сосѣдству съ общиною, онъ занимался и другими предпріятіями внѣ общины, и посредствомъ этихъ предпріятій нажилъ большія деньги. А между тѣмъ къ дѣламъ общины онъ относился безъ прежняго вниманія, такъ что они все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ. И когда члены общины дошли до необходимости сбывать свои акціи, то Дреперъ явился покупателемъ ихъ, такъ что, наконецъ, въ его руки перешло болѣе $^3/_4$ всѣхъ акцій, что по уставу общины давало ему возможность de jure быть полнымъ распорядителемъ общественныхъ предпріятій, такъ какъ онъ былъ уже владѣльцемъ почти всего иму-

щества общины. Оріентировавшись, какъ слѣдуетъ, въ своемъ новомъ положеніи, онъ нашолъ, что ему будетъ гораздо удобнѣе сдѣлаться дѣйствительнымъ и полнымъ хозяиномъ Гопедаля, чѣмъ быть піонеромъ соціализма, членомъ общины. И потому онъ предложилъ удалиться сначала Баллу, который не могъ не исполнить этого предложенія. А за Баллу вскорѣ послѣдовали и другіе члены. Это было въ концѣ 1857 или въ началѣ 1858 года.

Такимъ образомъ вмѣсто республики, основанной на христіанскихъ началахъ, вмѣсто союза государствъ и братства народовъ, въ окончательномъ результатѣ семнадцати-лѣтней дѣятельности Гопедальской общины оказалось превращеніе соціальной общины въ частное владѣніе ловкаго Geschäftsmann'a, одного изъ ея членовъ.

Мы ограничимся только краткимъ упоминаніемъ о другихъ двухъ общинахъ, дѣйствовавшихъ въ то-же время. Это, во-первыхъ, Нортгамптонская ассоціація, членамъ которой Землеръ даетъ названіе нигилистовъ, потому что они старались освободиться отъ всякихъ предразсудковъ, главнымъ образомъ отъ ханжества и сектантства, хотя до нашихъ нигилистовъ имъ очень далеко: они отличались большою порядочностью въ жизни и въ отношеніяхъ между полами, и были настолько строги къ себѣ, что не позволяли себѣ такихъ развлеченій, какъ карты и танцы, и все свое время посвящали труду и научнымъ занятіямъ. Не смотря на то и въ этой общинѣ оказался недостатокъ въ согласіи и братскихъ чувствахъ; и въ немъ оказалось мало склонности приносить жертвы въ пользу общины, вслѣдствіе чего она и распалась, послѣ трехлѣтняго существованія (отъ 1843 до 1846 года).

Другая община Сканителисъ была основана въ 1843 году А. Коллинсомъ, однимъ изъ самыхъ усердныхъ аболиціонистовъ того времени. Главные принципы общины состояли въ религіозномъ раціонализмѣ, въ имущественномъ коммунизмѣ и въ вегетаріанизмѣ. Община существовала менѣе трехъ лѣтъ. Коллинсъ былъ очень недоволенъ персоналомъ, который набрался въ общину послѣ ея открытія. Потому по прошествіи года онъ многихъ членовъ общины удалилъ; но вновь пришедшіе не оказались лучше. Трудиться въ пользу общины они были не очень расположены; а когда отъ нихъ этого требовали, то

они жаловались на тиранство и притѣсненіе. Вслѣдствіе этого община и прекратила существованіе.

б) Общины религіозныя.

Изъ религіозныхъ коммунистовъ прежде всего достойны вниманія гармонисты. Этота община, владѣнія которой были куплены Оуэномъ, и гдѣ онъ, переименовавши общину изъ Harmony въ New-Harmony, устроилъ свой первый и главный опытъ коммунистичестой организаціи общества.

Гармонисты *) были нѣмцы изъ Виртемберга, которые, избѣгая нетерпимости своего правительства въ 1803 или 4-мъ году переселились подъ руководствомъ пастора Раппа въ Америку. Сначала они поселились въ Пенсильваніи, потомъ удалились въ Индіану и здѣсь устроились было въ Harmony,—отъ которой и произошло ихъ названіе; но избѣгая какого-то соблазнительнаго сосѣдства и нездороваго климата, удалились опять въ Пенсильванію и здѣсь на правомъ берегу рѣки Огайо, недалеко отъ Питтсбурга, избрали себѣ окончательную резиденцію и назвали ее Экономіею, сохраняя за самими собою названіе гармонистовъ.

Гармонисты вполнѣ коммунисты: никто изъ нихъ не имѣетъ никакой собственности. И вновь входящіе уступаютъ свое имущество общинѣ и при томъ съ такимъ условіемъ, что если бы они захотѣли вновь оставить общину, то уже не имѣютъ права требовать возвращенія имущества.

Коммунизмъ однако не составляетъ самой главной, господствующей черты въ организаціи гармонистовъ. Эту роль играетъ ихъ крайняя экзальтированная религіозность, изъ которой произошолъ и ихъ коммунизмъ, какъ осуществленіе заповѣди Спасителя любить ближняго, какъ самого себя. И судя по всему ихъ религіозность не уменьшается, а растетъ.

Въ 1826 году посѣтилъ Экономію герцогъ Бернгартъ Саксенъ-Веймарскій, который былъ совершенно очарованъ порядками, найденными имъ у гармонистовъ. Между прочимъ, онъ видѣлъ у нихъ прекрасный музей и дорогую картинную галлерею, слышалъ, какъ молодыя дѣвицы, окружившіи своего патріарха Раппа, услаждали его слухъ духовными и свѣтскими пѣснями.

---

*) О Гармонистахъ см. т. I, стр. 508.

Съ теченіемъ времени все это измѣнилось. Музей и картинная галлерея проданы. Веселыя пѣсни дѣвицъ отошли въ область воспоминанія.—Жизнь въ Экономіи болѣе и болѣе принимала характеръ аскетическій. Гармонисты нашли, что они недостаточно служатъ Богу, дозволяя себѣ чувственныя удовольствія: потому они все болѣе и болѣе сокращали ихъ область: между прочимъ отказались отъ употребленія табаку, находя, что эти «виргинскіе плевелы», не удовлетворяя никакой дѣйствительной потребности человѣка, только прибавляютъ человѣку одну лишнюю возможность грѣшить, забывать Бога.—Вспомнивши слова апостола, что дѣвство лучше, чѣмъ бракъ, рѣшились они наконецъ ввести у себя общее безбрачіе и исполнили свое намѣреніе. И въ настоящее время, если есть дѣти въ Экономіи, то это дѣти, принадлежащія къ семействамъ вступившихъ въ общину впослѣдствіи: члены этихъ семействъ, мужья и жены, вступивши въ общину, также расторгаютъ свой брачный союзъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время община гармонистовъ уже походитъ на монастырь и притомъ такой, который весьма недалекъ отъ своего идеала, такъ какъ гармонисты ведутъ по истинѣ строгую аскетическую жизнь. Они воздержны во всемъ: въ словѣ, въ поступкѣ, въ пищѣ: трудолюбивы, гостепріимны, отличаются благотворительностью.

Экономическое состояніе общины болѣе чѣмъ удовлетворительно. Ея имущество простирается свыше 6.000.000 марокъ*). Кромѣ самаго мѣстопребыванія ихъ, Экономіи, имъ принадлежатъ еще вполнѣ или отчасти поземельныя имущества въ другихъ мѣстахъ, каменноугольныя копи, источники нефти, желѣзныя дороги и фабрики.

И всѣмъ этимъ они обязаны основателю общины Раппу, человѣку глубоко-религіозному, дѣятельному и весьма способному, который въ теченіи сорока лѣтъ былъ руководителемъ общины, пользовался безграничнымъ авторитетомъ между членами ея, хотя не всѣ были довольны тѣмъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на общину. Многіе въ его отношеніяхъ къ общинѣ видѣли проявленіе тиранническихъ наклонностей**), чего, впрочемъ, не отвергаетъ и Землеръ, который за-

*) См. Землера, стр. 85 и слѣд.

**) Онъ дѣйствовалъ на членовъ своей общины не только убѣжденіемъ, но и наказаніемъ. И въ изобрѣтеніи наказаній обнаруживалъ особую сообразительность: такъ лѣнивыхъ онъ наказывалъ тѣмъ, что устранялъ ихъ отъ всякихъ работъ; и эта мѣра всегда достигала цѣли: лѣ-

мѣчаетъ только, что въ этомъ онъ былъ послѣдователенъ, какъ и всѣ другіе руководители коммунистическихъ общинъ: и безъ этого община не была-бы тѣмъ, что она представляла въ дѣйствительности, т. е. ни нравственное, ни экономическое состояніе ея не достигли-бы столь высокой степени.

Дѣйствительно послѣ смерти Раппа, хотя община продолжала во всѣхъ отношеніяхъ слѣдовать тѣмъ же самымъ путемъ, успѣхи ея остановились: нѣкоторыя промышленныя заведенія закрылись: въ самой жизни произошла какая-то перемѣна къ худшему. Раппъ былъ душою общины и душа эта отлетѣла. Если тѣло и не осталось совсѣмъ безъ души, то все-таки душа ея, духъ, животворившій ее, сталъ не тотъ. Число членовъ общины стала быстро сокращаться. Прежде оно простиралось до 1,000 человѣкъ, а въ 1879 году, когда Землеръ былъ въ Америкѣ, оно едва доходило до 100. Новые члены не прибываютъ: а воспитывающаяся въ общинѣ молодежь, приходя въ возрастъ, оставляетъ общину. Землеръ удивляется этому факту, находитъ его непонятнымъ, такъ какъ оставляя общину молодые люди теряютъ права на имущество общины, лишаются ея защиты и вступаютъ въ жизнь при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, безъ средствъ, безъ всякой поддержки, безъ связей среди общества, въ которое они вступаютъ. Но кажется, что такой образъ дѣйствій молодежи вполнѣ естественъ и легко объясняется, потому что для каждаго юноши, для каждой дѣвицы остаться въ общинѣ гармонистовъ это тоже, что подвергнутться насильственному постриженію въ монашество, примѣры котораго бывали въ нашей исторіи предъидущихъ столѣтій.

По наблюденіямъ Землера община гармонистовъ, не смотря на свое экономическое благосостояніе продолжаетъ стремиться внизъ по тому наклонному пути, на который она вступила. И не трудно предвидѣть развязку; сраженіе можетъ прекратиться за недостаткомъ сражающихся. Небольшое число членовъ общины почти все состоитъ изъ стариковъ. Нынѣшній (1879 годъ) патріархъ Яковъ Генрици имѣетъ 73 года, его замѣститель Ленцъ 70 лѣтъ. Большинство членовъ имѣютъ возрастъ близкій къ этому.

На общину гармонистовъ весьма походитъ община зоарскихъ сепаратистовъ, которая очень близка къ гармонистамъ и по проис-

---

ливые по окончаніи срока наказанія начинали работать несравненно усерднѣе.

хожденію. Она также изъ Виртемберга и подобно гармонистамъ отдѣлилась отъ церкви и государства, называя ихъ Вавилономъ, въ разватѣ котораго она участвовать не хотѣла. Отсюда и ея названіе сепаратисты.

А Зоаръ—это названіе ихъ мѣстопребыванія въ штатѣ Огайо, деревеньки, возникшей и устроившейся въ прелестномъ видѣ среди пустыни, благодаря ихъ трудолюбію.

Зоарскіе сепаратисты прибыли въ Америку въ 1817 году подъ преводительствомъ Баумелера и сначала не думали вводить у себя коммунизмъ, а пріобрѣтенную землю раздѣлили между отдѣльными семействами для отдѣльнаго обрабатыванія. Но такъ какъ между ними нѣкоторые стали хворать, другіе оказались слабосильными, третьи неумѣлыми, и слѣдствіемъ этого было то, что они и ихъ семейства должны были терпѣть большую нужду; то колонисты положили обрабатывать землю сообща и дѣлить между всѣми произведенія общаго труда. Такъ возникъ у нихъ коммунизмъ въ 1819 году.

Зоарскіе сепаратисты богаты почти такъ-же какъ и гармонисты. Они владѣютъ 7,200 акровъ земли и имущество ихъ оцѣнивается въ 3,000,000 марокъ.

Такого строгаго аскетизма, какъ у гармонистовъ, у нихъ нѣтъ. Целибатъ хотя существуетъ, но не обязателенъ. Большинство жителей живутъ въ бракѣ. Потребленіе не подчинено порядку коммунистическому. Хлѣбъ, мясо, масло, чай, кофей и проч. распредѣляются по отдѣльнымъ семействамъ, которыя сами устраиваютъ свой образъ жизни, какъ хотятъ.—Община обращаетъ особенное вниманія на всякаго рода случайныя страданія своихъ сочленовъ, больныхъ, слабыхъ, подвергшихся какимъ-нибудь несчастіямъ и усердно старается облегчить эти страданія.

Повидимому состояніе общины вполнѣ удовлетворительно. А между тѣмъ есть признаки, что она уже склоняется къ упадку, хотя не такъ быстро, какъ община гармонистовъ. Число членовъ уменьшается: въ началѣ оно простиралось до 800, къ 1832-му году сократилось до 500, а теперь достигаетъ только до 250. И численное отношеніе между возрастами почти такое же неестественное, какъ у гармонистовъ: стариковъ больше, чѣмъ молодыхъ: молодое поколѣніе, подростая оставляетъ общину, хотя здѣсь нѣтъ обязательнаго целибата. Новопоступившіе члены также нерѣдко опять оставляютъ общину и возвращаются въ прежнюю свою среду. Что-то есть, стало-

быть, въ коммунизмѣ такое, чего не могутъ перенести очень многіе, чего не могутъ вознаградить никакое матеріальное довольство, и даже никакое нравственное участіе, поддержка и помощь въ случаѣ несчастія. Это что-то есть потеря независимости, самостоятельности, невозможность собственной инниціативы, невозможность оригинальности, невозможность удовлетворенія особеннымъ потребностямъ матеріальнымъ и духовнымъ, которыя непремѣнно должны существовать въ каждомъ человѣкѣ и предъявлять свои требованія тѣмъ съ большею настойчивостью, чѣмъ человѣкъ выше по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ. Пчелы, муравьи, бобры, на которыхъ такъ любятъ ссылаться пропагаторы коммунизма, всѣ довольны существующими у нихъ порядками; между ними нѣтъ особей,—которыя имѣли-бы свои индивидуальныя потребности, отличныя отъ потребностей общихъ. И тѣ животныя, которыя не живутъ обществами, имѣютъ все-таки однѣ и тѣ-же потребности и ведутъ одинъ и тотъ-же образъ жизни. Всѣ медвѣди одного и того-же вида одинаковымъ образомъ устраиваютъ берлогу, одною пищею довольствуются и т. п. Всѣ кречеты, индюки и пѣтухи имѣютъ одни нравы, однѣ привычки, которыхъ измѣнить не могутъ, и г. Туссенель не найдетъ ни одного кречета, который заслужилъ-бы его порицанія (см. выше стр. 251), и ни одного пѣтуха, который заслужилъ-бы его похвалы и сочувствія. Не въ такомъ положеніи находятся люди. Они даже животныя потребности имѣютъ различныя, не говоря о потребностяхъ нравственныхъ. Въ этомъ и проявляется особая разумность природы человѣческой и свобода воли, которую не даромъ стараются отрицать соціальные реформаторы нашего времени.

Изо всѣхъ религіозно коммунистическихъ учрежденій наиболѣе многочисленное есть общество Аманское (Amanagemeinschaft). Число его членовъ простирается до 1,600 человѣкъ. Они занимаютъ 7 деревень въ штатѣ Айовѣ, которыя называются: Амана, Амана восточная, А. западная, южная, средняя, Амана на Холмѣ и Геймштетте. Всѣ онѣ составляютъ нераздѣльное въ имущественномъ отношеніи общество, устроенное на началахъ коммунизма, съ нѣкоторыми незначительными ограниченіями.

Обитатели его исключительно нѣмцы, прибывшие въ Америку въ 1842 году. Но они существовали около 150 лѣтъ въ Германіи въ видѣ религіозной, но не коммунистической общины. Коммунизмъ они ввели вслѣдствіе божественнаго откровенія, полученнаго ими послѣ прибытія ихъ въ Америку. Ученіе о божественномъ откровеніи есть главный и основный пунктъ всего ихъ міровоззрѣнія, всѣхъ ихъ вѣрованій. Они убѣждены, что Господь открываетъ имъ свою волю чрезъ посредство особыхъ людей, живущихъ между ними, которые имѣютъ даръ по временамъ получать отъ Бога откровеніе Его воли и передаютъ ее членамъ общины. Эти люди называются у нихъ вдохновенными орудіями *) (inspirirtes Instrument), и чрезъ это все ихъ общество называется также конгрегаціей вдохновенія (Inspirations Congregation).

Общество аманское—это маленькое государство среди большого; 7 деревень, составляющихъ его, образуютъ особое управленіе, которымъ завѣдуютъ директоръ, вице-директоръ и секретарь, но подъ верховною, непрерѣкаемою властью «вдохновеннаго орудія».

Занятія жителей состоятъ главнымъ образомъ въ обработкѣ земли, которой они имѣютъ до 30,000 акровъ. Но кромѣ того, у нихъ есть всякаго рода мастерскія и фабрики, и они имѣютъ репутацію отличныхъ рабочихъ какъ въ полѣ, такъ и на фабрикѣ.

Въ результатѣ оказывается то, что матеріальное благосостояніе общества находится на высокой степени, и повидимому не только не склоняется къ упадку, но продолжаетъ рости **).

Но они не имѣютъ привязанности къ благамъ и удовольствіямъ земнымъ. Вся обстановка ихъ отличается простотою и нѣкоторою грубостью. Дома у нихъ небольшіе, и очень простые. Даже въ церквахъ, также небольшихъ, скамейки простой работы и некрашеныя; нѣтъ органа, нѣтъ даже пѣнія и проповѣди. А все богослуженіе состоитъ въ

*) До сихъ поръ было два вдохновенныхъ орудія: плотникъ Христіанъ Мецъ и горничная Варвара Гейнеманъ. Когда приходитъ время откровенія, то вдохновенное орудіе подвергается припадку, иногда соединенному съ конвульсіями. Постороннія лица, имѣвшія случай видѣть такой припадокъ, сообщаютъ, что онъ содержитъ въ себѣ что-то наводящее страхъ.

**) Впрочемъ матеріальное благосостояніе общества увеличивалось и вслѣдствіе другой причины. Въ него вступали многіе богатые люди, вносившіе въ общественный фондъ большія суммы: нѣкоторые внесли по 100, по 200,000 марокъ: одинъ внесъ даже 400,000 марокъ. (См. Земмера, стр. 75).

томъ, что молящіеся поочередно читаютъ монотоннымъ образомъ по одному стиху изъ библіи.

Танцы и театръ осуждаютъ, какъ дѣло грѣховное, какъ «позоръ для христіанскаго общества». Не хотятъ знать никакихъ искусствъ, никакихъ свѣтскихъ книгъ, въ школахъ обученіе ограничивается чтеніемъ библіи и письмомъ. Вообще вся жизнь ихъ проникнута религіей.

Семейная жизнь отличается чистотою и крѣпостью. Но есть большая наклонность къ безбрачію и на того, кто женится, смотрятъ, какъ на недостаточно крѣпкаго въ вѣрѣ, недостаточно способнаго жертвовать своимъ личнымъ благосостояніемъ для лучшаго служенія Богу.

О больныхъ, слабыхъ, престарѣлыхъ имѣютъ истинно христіанскую заботливость; община платитъ жалованье тремъ врачамъ, которые обязаны лечить ея членовъ. Общность въ потребленіи ограничивается почти исключительно пищею; дома для семействъ отдѣльные небольшіе, съ отдѣльными садиками и огородами. На личные расходы каждый получаетъ особыя деньги, мужчины по 160 марокъ въ годъ, женщины по 100, а дѣти отъ 20 до 40. Суммы эти, впрочемъ, въ случаѣ надобности могутъ быть увеличены. Въ каждой деревнѣ есть мелочныя лавочки, въ которыхъ продаются товары, какъ членамъ общества, такъ и постороннимъ.

Не смотря на общее воздержаніе, есть однако и въ Аманѣ одна слабость. Будучи истинными нѣмцами, очень любятъ жители ея пить пиво, которое имъ поставляется въ огромномъ количествѣ нѣсколькими заводами. Впрочемъ, пьяницъ все-таки между ними совсѣмъ нѣтъ. Еще больше любятъ они курить трубку, которую почти не выпускаютъ изо рта, такъ что у сосѣдей составилась относительно ихъ такая шутливая поговорка: «нѣмецъ, говорятъ сосѣди, всѣмъ пожертвуютъ для своего спасенія, только не трубкой».

Не смотря на увеличеніе благосостоянія, приростъ населенія остановился, и подобно тому, какъ и въ другихъ коммунистическихъ общинахъ съ характеромъ аскетизма, молодежь, входя въ возрастъ, оставляетъ общество, чтобы поселиться во внѣшнемъ мірѣ.

Аманское общество не есть общество обыкновенныхъ религіозныхъ людей. Его вѣра въ вдохновенное орудіе и безпрекословное повиновеніе вдохновенному орудію даютъ право причислить его къ разряду спиритистовъ, увѣренныхъ въ непосредственномъ общеніи человѣка съ міромъ духовнымъ, въ непосредственномъ руководствѣ людей со стороны божества.

Землеръ говоритъ еще о нѣсколькихъ коммунистическихъ общинахъ такого-же характера, существовавшихъ въ теченіи короткаго времени на почвѣ Америки. Таковы община Горы Кове въ Виргиніи, Броктонская община на озерѣ Эри и Братство Новой Жизни въ Салемѣ—на Эри, въ Нью-Іоркѣ и въ Фонтанѣ-Грове въ Калифорніи.

Всѣ онѣ устроились подъ руководствомъ извѣстнаго всей Америкѣ спиритиста и сведенборгиста Томаса Гарриса, въ теченіе времени отъ отъ 1853 до 1867 года, и въ противоположность вышеназваннымъ коммунистическимъ общинамъ составились не изъ простыхъ людей, а большею частію изъ людей образованныхъ и даже такихъ, которые въ обществѣ и администраціи занимали значительное положеніе. Такъ нѣкто Олифантъ занималъ высокій дипломатическій постъ въ Японіи, мать его Леди Олифантъ вдова председателя суда въ Цейлонѣ. Соотвѣтственно этому и задачи всѣхъ этихъ общинъ нѣсколько отличаются отъ задачъ другихъ общинъ. Главная цѣль ихъ имѣетъ характеръ не экономическій, а богословско-политическій: онѣ старались доказать, что нравственное ученіе христіанства есть дѣло осуществимое во всей полнотѣ. Кромѣ того, у нихъ были нѣкоторыя особенныя ученія догматическія; такъ они утверждали, что воплотившееся Творческое Слово (Creative Logos) не было ни мужчиною, ни женщиною, а было «Два-въ-Одномъ» (Two-in-One), и издали памфлеты «the Lord, the Two-in-One» и «Hymns of the Two-in-One». (Woolsey, 83 и 84). Разница между тѣми и другими общинами еще та, что тѣ общины были образованы людьми нѣмецкой народности, а эти людьми англо-саксонской расы, англичанами или американцами.

Всѣ эти опыты были совершенно неудачны во исполненіе той истины, что человѣкъ образованный, несмотря даже на религіозное одушевленіе, способенъ еще менѣе подчиняться коммунистическому режиму, чѣмъ человѣкъ простой. Землеръ о членахъ этихъ общинъ говоритъ, что «они конечно люди благонамѣренные, благородные мечтатели, которые хотѣли бы осчастливить все человѣчество, но въ своемъ стремленіи осуществить коммунистическую идею они потерпѣли фіаско даже болѣе плачевное, чѣмъ составленныя изъ необразованныхъ элементовъ общины: Экономія, Зоаръ» и др.—Землеръ сообщаетъ впрочемъ, что характеръ и организація этихъ общинъ не вполнѣ извѣстны, такъ какъ онѣ жизнь свою окружаютъ покровомъ

тайны. Можетъ быть онѣ имѣютъ нѣчто родственное съ нашею Хлыстовщиною. Брака у нихъ нѣтъ *).

Какое же заключеніе можемъ мы извлечь изъ этого обозрѣнія дѣятельности многихъ коммунистическихъ общинъ? Какой выводъ можно сдѣлать на основаніи его по отношенію къ вопросу объ осуществимости и состоятельности коммунизма? Что коммунизмъ осуществимъ, въ этомъ сомнѣваться нельзя, это доказывается тѣмъ, что всѣ эти коммунистическія общины были осуществлены. Но, что касается до его экономической состоятельности, distinguo: коммунистическія общины съ преобладающимъ характеромъ религіознымъ, въ особенности съ характеромъ аскетизма, могутъ быть вполнѣ состоятельны въ отношеніи экономическомъ. Доказательство представляютъ общество Аманское, сепаратисты зоарскіе и въ особенности гармонисты. Экономическій успѣхъ этихъ общинъ дѣло несомнѣнное и совершенно понятное и естественное. Для экономическаго успѣха необходима главнымъ образомъ усердная работа. И у людей глубоко религіозныхъ и въ особенности съ аскетическими наклонностями недостатка въ усердной работѣ не будетъ по многимъ причинамъ.

Во-первыхъ, усердная работа въ общинѣ это дѣло ихъ совѣсти, это ихъ долгъ: и ихъ понятіе о долгѣ, о совѣстливомъ исполненіи его крѣпко и нерушимо; оно основано на незыблемомъ основаніи, на глу-

*) Другія коммунистическія съ религіознымъ характеромъ общины въ Америкѣ были слѣдующія:—1) Колонія Эфрата, основанная еще въ 1713 г. нѣмцемъ Конрадомъ Бейцелемъ. Члены очень благочестивы; семейства и брака нѣтъ. Была когда-то многолюдна; теперь состоитъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ.—2) Колоніи Шекеровъ. Анна Ли основала секту еще въ Англіи: въ 1774 г. переселилась въ Америку и основала нѣсколько колоній. Сектанты смотрятъ на нее какъ на Христа, еще разъ воплотившагося. Семейства нѣтъ. Аскетизмъ, доходящій до изувѣрства.—3. Общество Сноугилль въ Пенсильваніи. Основано въ 1820 г. Самуиломъ Своуберджеромъ; по духу весьма сходно съ Эфратою; было малочисленно (20 чел.) и существовало недолго.—4) Община Бишопгильская въ Иллинойсѣ, основана въ 1846 г. шведомъ Эрикомъ Янсономъ. Допускался бракъ и целибатъ. Окончила существованіе вслѣдствіе несогласія. — 5) и 6) Общины Веѳиль и Аврора, основанныя въ 1844 и 1856 г. Кейлемъ, нѣмцемъ, первая въ Миссури, вторая въ Орегонѣ. Коммунизмъ въ имуществѣ, но не въ потребленіи. Семейныя связи крѣпкія. Матеріальное благостояніе растетъ, но не быстро. А число членовъ уменьшается.

бокомъ религіозномъ чувствѣ и между прочимъ на страхѣ Божіемъ. Члены Аманской общины при всякомъ случаѣ любятъ говорить, что Богъ все видитъ и все знаетъ, знаетъ не только дѣла, но и сокровенные помыслы, и это убѣжденіе проникаетъ все ихъ существо. При такихъ обстоятельствахъ трудно предположить, чтобы кто-нибудь изъ нихъ въ общей работѣ рѣшился «солгать Духу Святому». — Вотъ почему въ былое время въ Соединенныхъ Штатахъ негръ благочестивый и богомольный цѣнился на рынкѣ дороже, чѣмъ негръ склонный къ вольномыслію и индифферентный къ исполненію религіозныхъ обязанностей. Покупатели рабовъ знали, что негръ богомольный будетъ совѣстливѣе исполнять всякую работу какъ передъ глазами, такъ и за глазами хозяина, «нетолько за страхъ, но и за совѣсть».

Для благочестиваго негра или члена коммунистической общины, кромѣ того, вся земная жизнь есть только приготовленіе къ жизни лучшей и сама по себѣ не имѣетъ большой цѣны. Богатство и бѣдность, матеріальное довольство или недостатокъ для него не представляютъ слишкомъ большой разницы. Вопросъ о томъ, много-ли на его долю приходится произведеній общаго труда, для него также не имѣетъ большой важности. И онъ не наблюдаетъ ревниво, чтобы всѣ сотрудники его трудились столь-же усердно, какъ и онъ. Если онъ трудится хорошо, его совѣсть находится въ мирѣ; а до другихъ ему дѣла нѣтъ.— Такимъ-то образомъ и произошло то, что экономическій бытъ религіозныхъ общинъ оказался удовлетворительнымъ и между членами этихъ обществъ было больше согласія, чѣмъ въ другихъ общинахъ: они могли подчиняться благодушно авторитету своихъ руководителей, Раппа или Баумелера или Меца, въ то время, какъ Оуэнъ и Кабе должны были уходить изъ основанныхъ ими общинъ, гдѣ ихъ проклинали, какъ деспотовъ и тирановъ. — Подчиненіе авторитету, повиновеніе лежитъ въ основѣ всякой религіи и въ глазахъ вѣрующаго составляетъ не недостатокъ, не порокъ, а добродѣтель въ то время, какъ въ глазахъ старыхъ революціонеровъ, изъ которыхъ составилась община въ Нову, или въ глазахъ сторонниковъ умственной и всякой другой независимости въ Нью-Гармони, подчиненіе авторитету, повиновеніе есть что-то постыдное, ненавистное, есть отрицаніе человѣческой свободы, униженіе человѣческаго достоинства.

Всѣми этими различіями въ воззрѣніяхъ и въ происходящихъ отсюда правилахъ жизни и нравственности и было произведено то, что въ то время, какъ изъ свѣтскихъ религіозныхъ общинъ ни

одна не имѣла успѣха, въ то время, какъ члены ихъ любили обсуждать разные вопросы, издавать законы и ссориться между собою, въ религіозныхъ общинахъ, подчиняясь общепризнаваемому авторитету, всѣ мирно и согласно трудились; и въ результатѣ было обиліе произведеній труда, экономическое благосостояніе.

Не надобно забывать, что экономическое благосостояніе выпало на долю не всѣхъ религіозныхъ общинъ, и только тѣхъ, которыя составились изъ людей простыхъ, мало образованныхъ и притомъ такихъ, которые и воспитаніемъ и всею предыдущею жизнью были подготовлены къ труду физическому, не джентльменовъ, а рабочихъ. Религіозныя общины, составленныя изъ джентльменовъ, изъ людей непривычныхъ и неспособныхъ къ физическому труду, потерпѣли такое же фіаско, какъ и общины свѣтскія,—явленіе совершенно понятное, потому что джентльмены, будучи неспособны къ физическому труду, въ то-же время неспособны въ такой степени подчиняться какому-нибудь авторитету: ихъ болѣе привыкшій къ анализу умъ гораздо охотнѣе подвергаетъ критикѣ всякое распоряженіе, идущее отъ власти, и въ результатѣ оказывается то, что оно чаще не исполняется, чѣмъ исполняется.

Даже въ религіозныхъ общинахъ для успѣха дѣла недостаточно только того, чтобы члены были трудолюбивы и искусны въ производствѣ разныхъ работъ. Нужно еще, чтобы распорядители были искусны и внимательны въ своемъ дѣлѣ. Когда дѣлами гармонистовъ руководилъ Раппъ, то они все шли въ гору; а когда Раппъ умеръ, то при преемникахъ его они стали склоняться къ упадку. Когда Дреперъ руководилъ дѣлами только Гопедальской общины, то они были въ состояніи удовлетворительномъ, а когда онъ, занявшись своими личными дѣлами, относился безъ достаточнаго вниманія къ дѣламъ общины, они стали падать.

Были примѣры недобросовѣстнаго отношенія къ дѣлу не только со стороны управляемыхъ, но и управляющихъ, выборныхъ чиновниковъ общины: паденіе Гаверстравской общины, по словамъ Землера, главною причиною имѣло недобросовѣстность управляющихъ *). Такъ много подводныхъ камней угрожаетъ не только плаванію, но и самому существованію коммунистическаго корабля, спущеннаго на поверхность житейскаго моря. И не только подводные камни, но и самыя незначитель-

*) Стр. 387.

ныя мели, водовороты, не опасные для другихъ судовъ, имѣютъ роковое значеніе для корабля коммунизма. Гдѣ люди не ссорятся?—Ссорятся и члены одного семейства и сосѣди, ближніе и дальніе въ каждой деревнѣ. Но въ семействѣ они поссорятся, а потомъ и помирятся: въ деревнѣ если они не помирятся, то всякій отдѣльно будетъ дѣлать свое дѣло и всякій будетъ имѣть хлѣбъ насущный для себя и для семьи. А въ коммунистической общинѣ всякій раздоръ ведетъ прямо къ разрушенію общины; здѣсь не встрѣчаться другъ съ другомъ, не участвовать въ одномъ и томъ-же дѣлѣ люди не могутъ; и между ними не существуютъ родственныя чувства, которыя могли-бы смягчить возникающія между ними непріятныя отношенія. Потому конечный и необходимый результатъ распаденіе.

Мы сказали, что религіозныя общины, составленныя изъ простыхъ людей имѣли успѣхъ въ Америкѣ. Землеръ говоритъ объ этомъ иначе; онъ находитъ, что онѣ тоже потерпѣли фіаско, только меньшее, сравнительно съ фіаскомъ, которое потерпѣли общины, составленныя изъ джентльменовъ. Въ сущности между этими мнѣніями противорѣчія нѣтъ; потому что мы говорили только объ экономической сторонѣ дѣла, а Землеръ—обо всѣхъ вообще. Дѣйствительно, если разсматривать всю совокупность разныхъ сторонъ жизни, то ни одинъ изъ опытовъ коммунизма не имѣлъ успѣха: и коммунизмъ, какъ общій принципъ жизни, оказался вполнѣ несостоятеленъ. Гармонисты пріобрѣли большое имущество, устроили хорошо разныя фабрики и мастерскія; но свой-то бытъ они устроили худо; они представляютъ человѣческое общество вымирающее. Съ ихъ принципомъ обязательнаго целибата они представляютъ дѣйствительный реформатскій монастырь. Но кто когда могъ считать устройство монастырей за норму для жизни всего вообще человѣчества и между прочимъ за рѣшеніе соціальнаго вопроса, вопроса объ уничтоженіи пролетаріата и пауперизма? Введеніе всеобщаго целибата дѣйствительно уничтожитъ пауперизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ положитъ конецъ существованію всего рода человѣческаго. Населеніе Экономіи возобновляется посредствомъ вступленія въ нее новыхъ членовъ изъ міра внѣшняго. А когда весь міръ превратится въ монастыри, тогда ужъ никакого другаго внѣшняго міра не будетъ, и возобновляться человѣчеству будетъ неоткуда.

Въ Аманскомъ обществѣ экономическія дѣла процвѣтаютъ и населеніе еще не клонится къ уменьшенію; остановился только его приростъ. Но уже молодые люди оставляютъ общество и уходятъ во внѣш-

ній міръ. Этотъ фактъ въ высшей степени краснорѣчивъ; онъ показываетъ, что не всѣ стороны жизни процвѣтаютъ въ Аманѣ, и что не всѣ довольны порядками, существующими тамъ. Въ настоящее время такое положеніе дѣла не представляетъ опасности для общества, потому что инородные элементы имѣютъ свободный выходъ во внѣшній міръ. Но предположимъ, что Аманское общество заключаетъ въ себѣ не 7 деревень, а весь міръ, или по крайней мѣрѣ всю страну, Германію или Соединенные Штаты. Въ такомъ случаѣ выхода инороднымъ элементамъ или совсѣмъ не будетъ, или онъ будетъ весьма затрудненъ. Это въ результатѣ будетъ имѣть то, что инородный элементъ превратится въ элементъ революціонный; такъ какъ люди недовольные существующими порядками будутъ стремиться измѣнить ихъ всѣми средствами, какъ мирными, такъ въ случаѣ неуспѣха ихъ и насильственными. А надобно думать, что въ Аманскомъ обществѣ это непремѣнно должно произойти. Аманскій идеалъ, это матеріальное довольство съ исключеніемъ всего, что удовлетворяло-бы высшимъ потребностямъ человѣка, его стремленію къ познанію—къ усвоенію знаній, къ разработкѣ ихъ, къ самостоятельной дѣятельности вообще, къ дѣятельности, направленной на пользу ближняго, не можетъ долго держаться въ какомъ-бы то ни было человѣческомъ обществѣ. Человѣку, какъ-бы онъ ни былъ религіозенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необразованъ, мало того, чтобы быть только сытымъ, имѣть всегда въ достаткѣ пиво и не выпускать изо рта трубки. Захочетъ онъ чего-нибудь другаго, болѣе соотвѣтствующаго высшей сторонѣ природы человѣка, и этою полуживотною жизнью не будетъ доволенъ. И такихъ недовольныхъ наберется много, если имъ не будетъ выхода изъ общества.

Не забудемъ еще, что коммунизмъ не есть основной принципъ Аманы; что эту роль тамъ играетъ догматъ касательно вдохновеннаго орудія. Коммунизмъ существуетъ тамъ, потому-что такъ пожелало вдохновенное орудіе, Христіанъ Мецъ, и послѣ него того-же хочетъ и Варвара Гейнеманъ. А можетъ случиться, что Варвара Гейнеманъ или преемница ея, послѣ одного изъ конвульсивныхъ припадковъ, скажетъ, что коммунизмъ неугоденъ Богу, и что нужно взамѣнъ его ввести во всемъ обществѣ отдѣльныя хозяйства, раздѣлить землю на участки, подѣлить капиталы между жителями 7 деревень и т. д. Всѣ безпрекословно покорятся этому рѣшенію. И коммунизмъ перестанетъ существовать.

Б.

Возникновеніе и распространеніе коммунистическихъ идей во Франціи во время іюльской монархіи; другіе коммунисты во Франціи, современники Кабе.

Кабе не былъ Колумбомъ, открывшимъ коммунизмъ для Франціи 19-го вѣка. Эта роль выпала на долю Буонаротти, стараго якобинца, друга Бабефа и соучастника его въ заговорѣ *),—который въ 1797 г. былъ присужденъ къ изгнанію и до времени іюльской монархіи жилъ въ Бельгіи. Въ 1820 году онъ издалъ въ Брюсселѣ подробную, въ двухъ томахъ, исторію этого заговора, подъ заглавіемъ: Conspiration pour l'égalité dite de Babeuf, par. M. Buonarotti, son ami et son complice. Книга имѣла успѣхъ ограниченный; повидимому во Францію при Реставраціи она совсѣмъ не имѣла доступа. Потому, покидая Бельгію, чтобы поселиться въ Парижѣ послѣ революціи 1830 года, Буонаротти захватилъ съ собою нѣсколько экземпляровъ своего сочиненія. Лѣта не измѣнили Буонаротти; онъ по прежнему былъ горячо преданъ своей идеѣ; и идея эта была та самая, за которую онъ былъ судимъ вмѣстѣ съ Бабефомъ. Потому поселившись въ Парижѣ и обманувшись, подобно многимъ, въ своихъ надеждахъ на правительство, возникшее изъ революціи 1830 года, Буонаротти принялся понемногу за пропаганду. Но личная и устная пропаганда не могла быть очень успѣшна, хотя почва для нея была весьма благопріятна. Недовольныхъ іюльской монархіей было весьма много: недовольны были всѣ либералы теоретики, недовольно было рабочее населеніе преимущественно въ Парижѣ: оно на своихъ плечахъ вынесло эту революцію, этотъ трехдневный бой на улицахъ Парижа и послѣ революціи осталось такъ-же безъ политическихъ правъ, какъ было и до революціи.

Это недовольство вскорѣ и сказалось, во-первыхъ, въ нѣсколькихъ возстаніяхъ народа въ самые первые годы царствованія Людовика Филиппа, во-вторыхъ—въ организаціи тайныхъ обществъ, относящейся къ тому-же самому времени; таковы: Société des amis du peuple, Société des droits de l'homme, Société des familles, Société des saisons, Société des travailleurs égalitaires и т. п. Въ организаціи и дѣятельности тайныхъ обществъ принимали участіе люди, впослѣдствіи пріобрѣтшие

*) См. т. I, стр. 233—241.

большую извѣстность въ качествѣ революціонеровъ, именно Барбесъ, Бланки и Мартынъ Бернаръ. Съ ними заодно первоначально дѣйствовалъ и Бюше. Болѣе раннія изъ этихъ обществъ были чужды соціализму или по крайней мѣрѣ ихъ соціальныя цѣли не были достаточно уяснены и сознаваемы. Онѣ болѣе были отмѣчены характеромъ карбонаризма, имѣли въ виду ниспроверженіе существующаго правительства, а не соціальную реформу. Соціальный характеръ они приняли спустя немного времени, чему много способствовало одно особое обстоятельство. Послѣ уличнаго возстанія въ Парижѣ въ 1834 года тюрьмы были переполнены взятыми въ плѣнъ инсургентами, которые оставались въ нихъ по нѣскольку мѣсяцевъ, пока производилось слѣдствіе и судъ. Между ними были люди, успѣвшіе ознакомиться съ сочиненіемъ Буонаротти и увлекшіеся его идеями. Въ теченіи долгаго заключенія они успѣли познакомить съ ними и увлечь ими своихъ товарищей по тюрьмѣ, которые такимъ образомъ вошли въ тюрьму карбонаріями, а вышли изъ нея соціалистами-коммунистами. Соціальному проекту Бабефа какъ будто суждена какая-то особая связь съ тюрьмою. Составленъ онъ былъ въ тюрьмѣ и изъ нея вышелъ на свѣтъ Божій первоначально въ 1795 году, и потомъ еще разъ изъ тюрьмы-же распространился среди народонаселенія Парижа въ 1834 году.

Изъ тайныхъ обществъ по своей организаціи наиболѣе оригинальнымъ было общество временъ года, Société des Saisons, котораго названіе, не смотря на свою странность, соотвѣтствуетъ его организаціи. Основною ячейкою общества является недѣля. Такъ называется группа изъ 7 заговорщиковъ, которыхъ начальникъ называется воскресеньемъ. Четыре недѣли составляютъ слѣдующую ступень въ организаціи, которая называется мѣсяцемъ; и начальникъ мѣсяца, т. е. этихъ 28 заговорщиковъ, называется іюлемъ (un juillet). Три мѣсяца составляютъ время года (saison); и начальникъ его, т. е. начальникъ 84 заговорщиковъ, называется весною. Наконецъ четыре времени года составляютъ одинъ годъ. Этотъ годъ числомъ своихъ членовъ не равняется юліанскому или григоріанскому году: число его членовъ простирается всего до 336 (84 × 4). Начальникъ года называется революціоннымъ агентомъ (agent révolutionnaire). Вся организація не ограничивается однако однимъ годомъ. Годовъ было много и начальники ихъ, революціонные агенты, были членами главнаго революціоннаго комитета, которому принадлежало главное руководство дѣлами общества. Барбесъ, Бланки и Бернаръ, будучи начальниками

годовъ, eo ipso были и членами революціоннаго комитета. Пріемъ въ члены общества совершался при торжественной обстановкѣ, причемъ отъ поступающаго требовалось присяга сообразно съ задачами общества. Ему предлагали 15 вопросовъ, на которые онъ долженъ быть дать опредѣленный отвѣтъ, также соотвѣтствующій характеру и цѣлямъ общества. Въ этихъ отвѣтахъ новопоступающій свидѣтельствовалъ о своей ненависти къ правительству и аристократіи и о своемъ сочувствіи къ пролетаріату. Вотъ нѣсколько образцовъ вопросовъ и отвѣтовъ:

Вопросъ 3-й.—«Кто таковы аристократы? Отвѣтъ.—Это капиталисты, банкиры, подрядчики, монополисты, крупные землевладѣльцы, биржевые игроки, эксплуататоры, вообще всѣ, которые утучняются на счетъ народа».

Вопросъ 4-й.—«На чемъ основано ихъ господство? Отвѣтъ.—На силѣ».

Вопросъ 10-й.—«Изъ кого состоитъ народъ? Отвѣтъ.—Изо всѣхъ гражданъ, которые работаютъ».

Вопросъ 11-й.—«Какъ поступаетъ съ ними законъ? Отвѣтъ.—Какъ съ рабами».

Вопросъ 12-й.—«Какую участь имѣетъ пролетарій подъ властью богатыхъ? Отвѣтъ.—Участь пролетарія равняется участи крѣпостнаго негра. Его жизнь есть сплетеніе бѣдствій, труда и страданій».

Вопросъ 13-й.—«Какой принципъ долженъ лежать въ основѣ благоустроеннаго общества? Отвѣтъ.—Принципъ равенства».

Вопросъ 15-й.—«Къ какой реформѣ мы должны стремиться, къ политической или соціальной? Отвѣтъ.—Къ соціальной».

Новопоступающій обязывался всѣми силами содѣйствовать достиженію цѣлей общества, между прочимъ, долженъ былъ втайнѣ приготовлять оружіе и военные припасы и быть готовымъ во всякое время къ возстанію.

Благодаря тайнымъ обществамъ, коммунистическія идеи распространялись все болѣе и болѣе: а между тѣмъ, никакого литературнаго органа коммунизма не было, ни журнала, ни книгъ, ни газетъ. Нѣсколько экземпляровъ сочиненія Буонаротти, привезенныхъ имъ изъ Брюсселя, могли удовлетворить только въ минимальномъ размѣрѣ потребности, которая чувствовалась въ книгахъ этого направленія. Въ это время одинъ изъ парижскихъ книгопродавцевъ, узнавши, что сочиненіе Буонаротти далеко не все продано и что бо́льшая часть изданія находится въ книжномъ складѣ въ Брюсселѣ, выписалъ въ Парижъ

всѣ оставшіеся экземпляры и распродалъ ихъ весьма скоро и по возвышенной цѣнѣ. Рѣдко кому приходилось устроить болѣе прибыльное дѣло (ein besseres Geschäft), замѣчаетъ по этому поводу Л. Штейнъ *), который вскорѣ послѣ этого самъ былъ въ Парижѣ и изучалъ именно исторію возникновенія и распространенія соціальныхъ ученій.

Около того-же времени въ удовлетвореніе спроса на произведенія печати съ соціальнымъ характеромъ, появилось и мѣстное предложеніе; стали появляться журналы коммунистическаго направленія. Таковъ былъ раньше другихъ «Le Moniteur républicain», начавшій выходить въ ноябрѣ 1837 года. Это былъ журналъ подпольный, самаго крайняго, цинично-кровожаднаго направленія. Приводя изъ него выдержки, Л. Штейнъ замѣчаетъ, что трудно вѣрить, чтобы въ нашемъ столѣтіи могли высказываться подобныя мысли. Въ журналѣ прямо говорится объ убійствѣ короля и его приближенныхъ; убійство возводится въ систему и прославляется, какъ геройское дѣло. «Moniteur républicain» пересталъ выходить въ іюлѣ 1838 года, и немедленно на его мѣстѣ явился другой такой же подпольный ежемѣсячный журналъ «L'Homme libre», который, не уступая прежнему журналу въ рѣзкости выраженій, гораздо опредѣленнѣе высказалъ свои коммунистическія идеи, доказывая необходимость и законность уничтоженія наслѣдства, доказывая право народа на всякое имущество, находящееся въ странѣ, и развивая мысли относительно самой неограниченной общности имуществъ. Осуществленію новаго порядка должно предшествовать полное уничтоженіе порядка существующаго, сопровождаемое убійствомъ всѣхъ, кто вздумалъ бы противодѣйствовать. «L'Homme libre» прямо указываетъ свой источникъ и авторитетъ, которому онъ слѣдуетъ; это проектъ реформы Бабефа. И, дѣйствительно, изданіе этого журнала началось вскорѣ послѣ того, какъ изъ Брюсселя въ Парижъ были доставлены нераспроданные экземпляры книги Буонаротти.

Третьимъ журналомъ того времени была «La Tribune du peuple», выходившая подъ редакціею бывшаго аббата Пилло (Pillot). Это былъ журналъ ежемѣсячный, крайне либеральнаго и коммунистическаго направленія. Но такъ какъ это былъ журналъ неподпольный, то въ немъ и не могло быть циничныхъ мыслей подобныхъ тѣмъ, которыя высказывались въ «Moniteur républicain».—Тѣмъ не менѣе вліяніе его на рабочее сословіе Парижа и на учащуюся молодежь было очень

---

*) Stein. Стр. 386.

большое и имѣло тотъ-же самый характеръ, возбуждало и разжигало ненависть къ іюльской монархіи и къ владѣющимъ классамъ.

И нельзя сомнѣваться, что, между прочимъ, и вслѣдствіе этихъ вліяній произошло возстаніе въ Парижѣ 12-го мая 1839 года, замѣчательное своею крайнею дерзостью, когда 200 или 300 человѣкъ принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ, подъ руководствомъ Барбеса, Бланки и Бернара, задумали овладѣть Парижемъ и низвергнуть правительство. Возстаніе было легко подавлено и главные руководители Барбесъ и Бланки были приговорены къ смертной казни, которую король смягчилъ въ вѣчное заключеніе; а Бернаръ былъ приговоренъ къ ссылкѣ. Слѣдствіе относительно возстанія производилъ членъ палаты перовъ, бывшій членъ кассаціоннаго суда Menilhou; онъ и установилъ мнѣніе о связи возстанія съ дѣятельностью подпольной и даже надпольной журналистики, вслѣдствіе чего и былъ арестованъ Пилло, который однако былъ подвергнутъ наказанію не какъ соучастникъ возстанія, а какъ журналистъ, издававшій свой журналъ безъ штемпеля и денежнаго взноса (caution). Слѣдствіе, кромѣ того, выяснило, что хотя цѣлью возстанія было ниспроверженіе существовавшаго правительства и учрежденіе республики, но республика была не цѣлью, а средствомъ для соціальной реформы, для достиженія того, «чтобы народъ, который все производитъ, имѣлъ право на все».

Неудача покушенія 12-го мая ни въ какомъ отношеніи не измѣнила положенія дѣлъ и ихъ направленія. Распространеніе идей коммунизма продолжалось. Возникло новое тайное общество Société des travailleurs égalitaires; вмѣсто прекратившихся журналовъ проектировались и издавались новые. Нѣкто Lapponnerain, вмѣстѣ съ Lahautière'омъ, Charon'омъ (всѣ трое бывшіе редакторы журнала «Intelligence»), задумали издавать журналъ «Égalité»; изданіе, однако, не состоялось: было выпущено только объявленіе объ изданіи журнала «Prospectus», въ которомъ сообщалось, что журналъ будетъ издаваться въ духѣ Бабефа и Буонаротти, «этихъ мучениковъ своей любви къ ближнему», которыхъ сочиненія будутъ служить руководящею нитью для журнала. Нѣсколько коммунистовъ соединенными силами подъ руководствомъ Dezamy стали издавать ежемѣсячный журналъ «Égalitaire», который, однако остановился на второмъ нумерѣ. Нѣсколько рабочихъ основали на акціяхъ журналъ «L'Humanitaire». Рабочіе эти принадлежали къ Société des travailleurs égalitaires. Редакторомъ журнала былъ Chavaray. Lahaulhière началъ издавать «Fraternité». Въ

Ліонѣ сталъ выходить «Le Travail». Явился новый подпольный журналъ «L'Ami du peuple». Все это были журналы самаго крайняго направленія. «Le Populaire» Кабе, выходившій въ то-же время, сравнительно съ ними казался весьма умѣреннымъ и подвергался постояннымъ нападеніямъ съ ихъ стороны. Особенно упорны и послѣдовательны въ нападеніяхъ на «Populaire» были Dezamy въ «Égalitaire'ѣ», и въ другихъ сочиненіяхъ, «L'Humanitaire», «Fraternité» и «L'Ami du peuple». Въ системѣ Кабе имъ не нравилось то, что онъ далъ мѣсто религіи въ жизни Икаріи, что онъ сохранилъ бракъ и семейство. Противники Кабе религію, бракъ и семейство считали предразсудками и смѣялись надъ Кабе, что онъ не могъ освободиться отъ нихъ. Ненадобно, впрочемъ, думать, чтобы всѣ эти журналы представляли что-нибудь серьезное даже только съ внѣшней, матеріальной стороны. Все это были изданія буквально эфимерныя. Почти ни одинъ изъ нихъ не издавался даже въ теченіи одного полнаго года. Большинство выпускали два, три нумера и прекращались: нѣкоторые могли выпустить только одинъ нумеръ или даже только объявленіе, prospectus. Прекращались они или по недостатку средствъ, такъ какъ издателями ихъ были простые рабочіе и вообще пролетаріи, или по судебному приговору; причемъ, во время одного изъ процессовъ, обнаружился весьма любопытный фактъ, что главный редакторъ журнала не умѣлъ ни писать, ни читать *). Въ газетахъ по этому поводу было высказано много насмѣшекъ надъ новыми дѣятелями, выступившими на арену политической жизни; но безграмотный редакторъ нашелъ защитника въ лицѣ П. Леру, который обратилъ вниманіе общества на то, что не далѣе, какъ за два столѣтія, Монморанси не были грамотнѣе, чѣмъ этотъ рабочій; а съ другой стороны напомнилъ, что первыми проповѣдниками христіанства были люди, также не отличавшіеся образованіемъ.

---

*) Произошло это вѣроятно такимъ образомъ: журналы издавались рабочими на акціяхъ или паяхъ очень скромныхъ размѣровъ, иногда не болѣе 2 франковъ. И всякій, имѣвшій только одинъ пай, пріобрѣталъ черезъ это право участвовать въ составленіи журнала, въ обсужденіи вопросовъ, которые разрабатывались на его страницахъ. При этомъ обсужденіи, умный, но безграмотный рабочій, могъ пріобрѣсти большое значеніе въ редакціи журнала и получить званіе главнаго редактора. Онъ могъ давать руководящую идею, а изложить и развить ее могли другіе. Это дѣлается во всѣхъ благоустроенныхъ редакціяхъ.

Распространеніе коммунистическихъ идей обнаружилось и въ нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ общественной жизни. Въ то время вошли въ практику банкеты, какъ средство агитаціи, на которыхъ высказывались цѣли и задачи политическихъ партій. Коммунисты въ дѣлѣ банкетовъ не хотѣли отстать отъ другихъ. И 1-го іюня 1840 года, подъ предсѣдательствомъ Пилло устроился въ Бельвилѣ банкетъ коммунистовъ, на которомъ присутствовало 1,200 человѣкъ, при чемъ всѣ тосты имѣли характеръ коммунистическій. Къ тому-же времени относятся нѣсколько покушеній противъ жизни Людовика Филиппа или членовъ его семейства (покушенія Дармеса, Кениссе и др.), сдѣланныхъ рабочими. Произведенныя разслѣдованія производили слѣдователей къ заключеніямъ, что преступники дѣйствовали подъ вліяніемъ коммунистической пропаганды. Графъ Бастаръ, производя слѣдствіе по поводу покушенія Кениссе, вошолъ въ подробное разслѣдованіе отдѣльныхъ направленій въ средѣ коммунистовъ и сдѣлалъ имъ классификацію едва-ли, впрочемъ, правильную. По крайней мѣрѣ Кабе не признаетъ ея такою.

Всѣхъ коммунистовъ того времени можно раздѣлить на три отдѣла: 1) коммунисты матеріалисты: они-же террористы: 2) коммунисты спиритуалисты и 3) коммунисты икарійскіе, послѣдователи Кабе.

Наибольшій успѣхъ имѣлъ коммунизмъ икарійскій. Къ чести французскихъ рабочихъ надобно сказать, что коммунизмъ матеріалистическій, безъ Бога, безъ семейства, нашолъ мало сочувствія въ ихъ средѣ. Отъ того и журналы коммунистическіе, отмѣченные этимъ характеромъ, не могли существовать.

Коммунизмъ спиритуалистическій съ характеромъ религіознаго одушевленія также не пользовался вниманіемъ рабочихъ: рабочіе, проникнутые религіознымъ чувствомъ, находясь подъ вліяніемъ католическаго духовенства, рѣдко относились къ соціализму съ сочувствіемъ. Въ то время соціализма католическаго еще не было. Попытка Ламене поднять знамя этого соціализма, какъ извѣстно, окончилась большою неудачею.

Кабе своимъ коммунизмомъ угодилъ всего болѣе французскому пролетаріату. Въ сущности это коммунизмъ, котораго главная, почти исключительная тенденція то-же матеріалистическая. Все вниманіе Кабе обращено на матеріальное благосостояніе народа: его помѣщеніе, пища, одежда, удовольствія—вотъ что составляетъ предметъ заботы

правителей Икаріи. На духовныя потребности, даже на воспитаніе юношества обращено сравнительно немного вниманія. Религія и Богъ если оставлены икарійцамъ, то больше, кажется, для сохранія приличія, какъ вообще въ современной Европѣ. И такой порядокъ всего ближе подходилъ къ идеалу французскаго рабочаго и даже къ идеалу французскаго буржуа. Если-бы Кабе въ Икаріи далъ больше значенія религіи, то заговорили-бы о клерикализмѣ; и это не увеличило-бы популярности его и его ученій. Впрочемъ, все это въ такомъ видѣ сочинено Кабе не по хитрому разсчету, не по тому, чтобы онъ принималъ во вниманіе ту среду, на которую хотѣлъ дѣйствовать, а потому, что все это у него вылилось изъ души непосредственнымъ образомъ,—потому, что таковъ былъ его собственный идеалъ, потому что самъ онъ близко подходилъ къ среднему человѣку между французами своего времени, имѣлъ много чертъ, общихъ съ массою французскаго пролетаріата. Потому съ теченіемъ времени число приверженцевъ его все росло, а число сторонниковъ открыто и вполнѣ матеріалистическаго коммунизма сокращалось. Они даже измѣняли своему прежнему знамени и переходили въ лагерь икарійцевъ. И представители коммунизма матеріалистическаго, не смотря на то, что это были люди нелишенные таланта и энергическіе, скоро потеряли всякій кредитъ.

Изъ нихъ наиболѣе выдающуюся роль играли Теодоръ Дезами и J. J. Pillot.

Дезами, кромѣ своей журнальной дѣятельности, извѣстенъ нѣсколькими сочиненіями, въ которыхъ онъ развивалъ свои коммунистическія идеи. Главное изъ нихъ Code de la communauté (1842). Это есть подробный проектъ коммунистической общины въ родѣ Икаріи Кабе, гдѣ описываются всѣ частности коммунистической жизни: жилище, одежда, пища, работа, отдыхъ, и пр. съ планами и рисунками домовъ, садовъ и пр. Община Дезами состоитъ изъ 10,000 человѣкъ и помѣщается въ одномъ зданіи, подобно общинамъ Фурье, Морелли и Верасса. Главное занятіе общины состоитъ въ земледѣліи; но не забыты и ремесла и даже наука. Принципы коммунизма проводятся въ жизни съ большою строгостью. Существуетъ общность не только имуществъ, но общность женъ, а затѣмъ и дѣтей. Матеріализмъ господствуетъ вполнѣ. Между прочимъ Дезами не вѣритъ ни въ любовь къ ближнему, ни въ преданность, ни въ братство. Слѣдуя ему, человѣкъ способенъ дѣйствовать только на основаніи принципа самолюбія; и если онъ будетъ дорожить коммунистическою организаціею общества,

если онъ будетъ поддерживать ее всѣмъ, что отъ него зависитъ, и между прочимъ своимъ трудомъ, то это будетъ ни по принципу братства и преданности, а по принципу самолюбія, въ видахъ своей собственной выгоды. По этому предмету между Дезами и Кабе былъ ожесточенный споръ, въ которомъ Кабе доказывалъ, что безъ принципа преданности (dévoument) нельзя устроить прочнаго коммунистическаго порядка, а Дезами утверждалъ, что для этого достаточно одного эгоизма, что разумѣется вполнѣ согласуется съ принципомъ матеріализма, который онъ полагаетъ въ основѣ всей коммунистической жизни. Дезами, по словамъ Штейна, школы не основалъ, вообще имѣлъ мало послѣдователей и скоро былъ забытъ.

Другимъ выдающимся представителемъ матеріалистическаго коммунизма былъ Жанъ-Жакъ-Пилло, о которомъ мы уже упоминали, бывшій аббатъ, редакторъ журнала «La Tribune du peuple» и авторъ сочиненія «Ni chateaux, ni chaumières» (1840), въ которомъ онъ съ рѣзкостью проводитъ мысли Вабёфа о введеніи коммунизма съ помощію террористическихъ мѣръ безо всякаго вниманія къ чувствамъ и желаніямъ населеній, подобно тому, какъ въ Бисетрѣ въ леченіи сумасшедшихъ не справляются съ ихъ желаніями (это сравненіе принадлежитъ ему самому). При этомъ владѣющіе классы должны быть истреблены безъ всякой пощады: и сдѣлать это совсѣмъ не трудно, такъ какъ численность ихъ сравнительно съ народною массою ничтожна. Кабе счелъ своимъ долгомъ вооружиться противъ этой доктрины, которую онъ находилъ въ особенности опасною въ устахъ писателя, выступившаго въ роли народнаго вождя. Прудонъ также обращался къ Пилло съ упреками за его проповѣдь матеріализма, за приравниванье человѣка къ скоту, за призывъ населеній къ разрушенію храмовъ, замковъ и хижинъ съ цѣлью постройки на ихъ мѣстѣ общихъ жилищъ, за стремленіе къ нивелировкѣ въ общественной средѣ и т. п. *). И опять къ чести французскаго пролетаріата нужно сказать, что и за этимъ вождемъ онъ не пошолъ, по крайней мѣрѣ въ то время. Быть можетъ впослѣдствіи рѣзкости Пилло отозвались въ жестокостяхъ парижской коммуны 1871 года.

Въ другомъ сочиненіи «L'Histoire des Égaux» Пилло хотѣлъ описать въ видѣ романа коммунистическую республику Фелицію. Но сочиненіе это было едва начато, остановилось на первыхъ страницахъ. Быть

*) Création de l'ordre 1868, стр. 24.

можетъ, недостатокъ сочувствія въ народныхъ массахъ, замѣченный авторомъ на пріемѣ, который былъ сдѣланъ его первому сочиненію, былъ причиною этого.

Пилло былъ также скоро забытъ, какъ и Дезами.

Не смотря на видимое несходство, къ Пилло по направленію весьма близко подходитъ другой писатель, также принадлежавшій раньше къ числу служителей церкви, L'abbé Constant. Констанъ пишетъ свои сочиненія повидимому на основаніи евангелія, постоянно ссылается на ученіе Христа. Но самъ онъ высказываетъ, что оно недостаточно и нуждается въ дополненіи. И онъ, аб. Констанъ пришолъ «не разорить законъ Христа, а дополнить его», т. е. онъ относится ко Христу такъ. какъ относился къ нему С. Симонъ, Консидеранъ, Кабе и др. Для него Христосъ жертва свободы и Богъ революціи. (Кабе называлъ Его самымъ смѣлымъ революціонеромъ).—О Богѣ аббатъ Констанъ выражался совершенно въ духѣ и даже въ формѣ С. Симонистовъ. «Богъ, говорилъ онъ, есть все, потому что все есть Богъ. Одна песчинка— и та есть Богъ *)».

Наиболѣе важное сочиненіе аб. Констана есть «Bible de liberté» (1840 г.), проникнутое обоготвореніемъ пролетаріата, ненавистью къ управляющимъ и владѣющимъ классамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ безграничнымъ уваженіемъ къ коммунизму, который слѣдуя аб. Констану, составляетъ высшую форму человѣческаго общежитія. Народъ онъ называетъ мученикомъ общества «martyr de la société», который до сихъ поръ не имѣлъ ничего, которому однако должно принадлежать все. «Ничто на землѣ не принадлежитъ тому или другому человѣку; все принадлежитъ Богу, стало-быть, всѣмъ». Собственность онъ называетъ узурпаціею. «Духъ узурпаціи есть духъ убійства; онъ былъ человѣкоубійственъ отъ самаго начала».—Къ владѣющимъ классамъ онъ обращается только съ словами ненависти и проклятія: «Назадъ! восклицаетъ онъ, вы честные люди, разжирѣвшіе хищеніемъ, вы, которые составили для себя добродѣтели по образу вашему; назадъ, лицемѣры,— вы не люди, мы будемъ преслѣдовать васъ, какъ дикихъ звѣрей **)».—

*) См. т. I, стр. 448.

**) Stein, стр. 422. Аб. Констанъ, Пилло, Дезами и другіе второстепенные коммунисты дѣйствительно забыты народомъ и наукою. О нихъ почти нигдѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ сочиненій Штейна и Грюна, которые были во Франціи во время самой ихъ общественной и литературной дѣятельности. О нихъ говоритъ также Прудонъ въ «Création de l'ordre», въ сочиненіи, которое вышло въ то же самое время, въ 1843 г.

Всѣ подобныя мысли не напоминаютъ, конечно, ученій Христа, не походятъ даже на ученія С. Симона, Консидерана и Кабе, а имѣютъ близкое сродство съ принципами, которые высказывались въ подпольныхъ коммунистическихъ листкахъ того времени, въ такихъ, какъ «l'Homme libre» и др. И разсматриваемый съ этой точки зрѣнія коммунизмъ аб. Констана есть совершенно тотъ же, что и коммунизмъ Пилло.

Ученіе аб. Констана о семействѣ и бракѣ напоминаетъ, кромѣ ученій Оуэна и Фурье, еще взгляды на этотъ предметъ С. Жюста, извѣстнаго террориста, ближайшаго консорта Робеспьера. Аб. Констанъ, подобно С. Жюсту, думаетъ, что связь между мужчиною и женщиною не должна подвергаться никакому ограниченію, пока у нихъ нѣтъ дѣтей. Брачное состояніе ихъ начинается, они называются мужемъ и женою только съ того времени, какъ родится ребенокъ. Но и брачное состояніе ихъ ни къ чему не обязываетъ. Когда любовь проходитъ, тогда прекращается и бракъ. Такія общія положенія способны привести къ выводамъ, въ подробностяхъ совершенно равнымъ съ подробностями брачной жизни въ фаланстерѣ.

Съ 1845 года аб. Констанъ издавалъ ежемѣсячный журналъ «La Vérité», не отличавшійся ни богатствомъ содержанія, ни послѣдовательностью, и не имѣвшій успѣха. Въ 1846 г. за сочиненіе «Голосъ голода» аб. Констанъ былъ присужденъ къ годичному тюремному заключенію и къ 1.000 фр. штафа. Этимъ и оканчивается политическая карьера аб. Констана. Послѣ того, по свидѣтельству Штейна, онъ «исчезъ безслѣдно *)».

Прудонъ дѣлаетъ ему упрекъ въ томъ, что онъ во имя Христіанства проповѣдуетъ пожары и кровопролитіе, что съ пѣною во рту, съ желчью въ сердцѣ и съ руками въ крови онъ можетъ говорить о мирѣ, о братствѣ и о любви;—и что его пѣснь любви есть ничто иное, какъ пѣснь разврата.

Другимъ характеромъ отличаются представители дѣйствительнаго религіознаго коммунизма. Изъ нихъ сначала обратимъ вниманіе на Альф. Эскироса. Эскиросъ не принадлежалъ къ духовному званію; это былъ поэтъ, котораго первое собраніе стихотвореній удостоилось одобренія В. Гюго. Потомъ онъ писалъ романы: Magicien (1837) и Charlotte Cordais (1840). Названіе втораго романа показываетъ, что Эскиросъ былъ романистъ, который былъ занятъ вопросами политики и

*) Stein 423.

общественнаго устройства. Дѣйствительно, въ одно время съ Шарлоттою Кордэ онъ издалъ L'Évangile du peuple, философскій и соціальный комментарій на жизнь Спасителя, въ которомъ, постоянно приводя въ свидѣтельство евангельскіе тексты. онъ доказываетъ, что коммунизмъ представляетъ единственную форму общественнаго устройства, согласную съ духомъ христіанства; и что почти всѣ существующія правительства основаны на принципахъ противныхъ христіанству. Эскиросъ говоритъ, что нынѣшнее положеніе дѣлъ при господствующемъ состояніи умовъ долго продолжаться не можетъ, что оно вызоветъ смуты и революціи, и потому онъ приглашаетъ правительство озаботиться осуществленіемъ христіанскихъ принциповъ, а народъ приглашаетъ къ легальному сопротивленію мѣрамъ правительства, противнымъ духу христіанства. Сочиненіе, по словамъ Штейна, написано нескладно, мѣстами темно, запутанно, неопредѣленно и безцѣльно, что отчасти потомъ было признано и самимъ Эскиросомъ. И потому, едвали оно могло бы пріобрѣсти между читателями авторитетъ и вліяніе. Само правительство усилило его значеніе, секвестровавши все изданіе и предавши автора суду, который и присудилъ его къ 8 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и къ 500 фр. штрафа. Эскиросъ подчинился рѣшенію суда и находясь въ Сентъ-Пеляжи издалъ новый томикъ стихотвореній, Les Chants d'un prissonnier. За нимъ слѣдовали три небольшія сочиненія, отмѣченныя также соціальной тенденціей, основанной на христіанствѣ; это были Les Vierges martyres, Les Vierges folles и Les Vierges sages (1842). Все это взятое въ совокупности дало ему извѣстность, такъ что въ 1849 году онъ былъ избранъ членомъ законодательнаго собранія, гдѣ онъ вотировалъ обыкновенно съ радикалами и повидимому былъ однимъ изъ энергическихъ членовъ собранія, такъ что послѣ переворота 2-го декабря 1851 года онъ былъ изгнанъ изъ Франціи и удалился въ Англію. Его система коммунистическаго устройства никогда не имѣла успѣха и, по словамъ Штейна, скоро была забыта. Онъ имѣлъ однако одну очень вѣрную ему послѣдовательницу, г-жу Эскиросъ, его собственную супругу, которая писала романы, проникнутые коммунистической идеей мужа.

Гораздо серьезнѣе другой представитель религіознаго коммунизма Constantin Pecqueur. Пеккеръ отъ юности интересовался соціальными вопросами, внимательно изучалъ сначала Руссо, потомъ первыхъ соціалистовъ нашего столѣтія: с. симонистовъ, Р. Оуэна и Фурье. Но ихъ ученіями онъ не увлекся; а впослѣдствіи составилъ себѣ свою

оригинальную систему. Въ первое же время разрабатывалъ частные вопросы касательно общественной жизни и помѣщалъ свои сочиненія объ нихъ въ журналахъ, интересовавшихся прогрессивнымъ движеніемъ жизни. Въ 1838 году Академія наукъ нравственныхъ и политическихъ наградила его за сочиненіе: Des intérêts du commerce, de l'Industrie, de l'agriculture et de la civilisation en général sous l'influence de la vapeur. Въ 1842 году общество христіанской нравственности увѣнчало два его сочиненія: первое—De la paix, de son principe et de sa réalisation, и второе—Des armées dans leurs rapports avec l'industrie, la morale et la liberté, ou des devoirs civiques des militaires. Въ томъ же году имъ издано его главное сочиненіе: Théorie nouvelle d'économie sociale et politique ou études sur l'organisation des sociétés, за которымъ слѣдовало другое, служащее ему развитіемъ и дополненіемъ: La république de Dieu: Union religieuse pour la pratique immédiale de l'égalité et de la fraternité universelles (1843—1845). Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ изложена его система коммунизма, причемъ первое изъ нихъ главнымъ образомъ посвящено критикѣ существующаго порядка, а второе—изложенію порядка идеальнаго, основаннаго на началахъ коммунизма.

Въ 1849 году Пеккеръ основалъ журналъ «Le Salut du peuple, journal de la science sociale». Въ это же время онъ былъ назначенъ помощникомъ библіотекаря въ національной библіотекѣ въ Парижѣ, отъ какой должности онъ отказался, послѣ государственнаго переворота 2-го декабря.

Коммунизмъ Пеккера есть дѣйствительно религіозный коммунизмъ. Религія проникаетъ его вездѣ и въ основаніи и въ послѣдствіяхъ. Впрочемъ, Пеккеръ чуждъ всякой положительной религіи; его религія есть чисто раціональный деизмъ не только продуманный, но и прочувствованный. У него есть и свое православіе (orthodoxie), которое состоитъ въ любви къ ближнему (charité), безъ которой религія перестаетъ быть истинною, дѣлается ересью, не имѣющей никакой нравственной цѣны. Любовь къ ближнему, практикуемая въ средѣ общества со стороны различныхъ его членовъ, является, какъ истинное братство, которое Пеккеръ и кладетъ въ основѣ всего своего общественнаго устройства.

Въ его республикѣ всѣ люди братья. Кто-же ихъ отецъ? Это самъ Богъ. Отъ того республика и называется Божьей (république de Dieu). Богу принадлежитъ верховная власть, а народъ только истолкователь

его воли. Народъ весь полноправный; существуетъ всеобщая подача голосовъ; но управляютъ республикою лучшіе люди, мудрѣйшіе. Таланты въ республикѣ признаются и цѣнятся, но выше всего уважается добродѣтель, и таланты ей подчинены. Бракъ и семейство продолжаютъ существовать; бракъ даже нерасторжимъ. Но дѣти воспитываются въ общественныхъ заведеніяхъ, на счетъ государства; такъ что воспитаніе ихъ не стоитъ родителямъ никакихъ хлопотъ, никакихъ издержекъ. Воспитаніе внушаетъ дѣтямъ уваженіе къ коммунизму. Коммунизмъ Пеккера не космополитическій, а національный. Все существующее въ странѣ имущество составляетъ общее достояніе; и всякаго рода труды производятся сообща. Всякій работаетъ не для себя, а для республики, причемъ обращается должное вниманіе на индивидуальныя способности и призванія гражданъ; руководители работъ принадлежатъ къ числу лицъ наиболѣе знающихъ дѣло. Но въ потребленіи нѣтъ коммунизма. Всякое семейство имѣетъ отдѣльное помѣщеніе, и всякаго рода потребленіе производится въ сепаративномъ порядкѣ. Необходимые припасы всѣмъ доставляются изъ общественныхъ складовъ въ равныхъ количествахъ.

При такомъ порядкѣ, по мнѣнію Пеккера, человѣческое общество можетъ достигнуть счастія и возможнаго совершенства, какъ во всей своей совокупности, такъ и для каждаго отдѣльнаго члена. Порядокъ, проектируемый Пеккеромъ, есть безспорно лучшій изо всего того, что было проектировано кѣмъ-бы то ни было изъ соціалистовъ. И если-бы какимъ нибудь волшебствомъ или другимъ подобнымъ средствомъ можно было достигнуть того, чтобы всѣ люди одушевились другъ къ другу братскими чувствами, стали-бы выше всего ставить добродѣтель во всѣхъ ея проявленіяхъ, стали-бы способны къ серьезному, настойчивому труду и ко всякой другой жертвѣ на пользу ближняго своего, на пользу всего общества, то лучшихъ порядковъ почти нечего было-бы и желать. Благополучіе человѣка и его постепенное усовершенствованіе, преуспѣяніе въ добродѣтели были-бы гарантированы. Къ сожалѣнію, слишкомъ мало между людьми такихъ, которые были-бы одушевлены истинно братскими чувствами по отношенію къ себѣ подобнымъ, которые добродѣтель ставили-бы выше всего и были-бы способны къ настойчивому труду и ко всякой жертвѣ въ пользу общества. Припоминается при этомъ невольно классическая проповѣдь знаменитаго духовнаго оратора *), который внезапно ничего особеннаго не ожидав-

*) Massilon, Le sermon sur le petit nombre des élus.

шимъ слушателямъ предложилъ вопросъ: что будетъ, если сей часъ, въ то время, какъ мы находимся въ храмѣ, совершится второе пришествіе Христа и всѣ мы будемъ призваны дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ нелицепріятному судьѣ, и смотря по дѣламъ будемъ размѣщены одесную или ошуюю? Думаете-ли вы, говорилъ ораторъ, что хоть половина всѣхъ насъ удостоится стать одесную? И если не половина, то хоть четвертая часть, хоть десятая часть? Наконецъ, найдется-ли между этими тысячами, собравшимися въ храмѣ, хоть одинъ человѣкъ, который могъ-бы занять мѣсто одесную Спасителя? Извѣстно необыкновенное дѣйствіе, произведенное этою проповѣдью: глубоковѣрующая, но не безгрѣшная аудиторія была приведена въ дѣйствительный ужасъ, священный страхъ предъ судомъ Божіимъ. Такой результатъ проповѣдь имѣла потому, что въ основѣ мысли проповѣдника лежала глубокая истина,—та, что число людей дѣйствительно добродѣтельныхъ, хоть сколько-нибудь приближающихся къ идеалу, крайне ограничено, что много званыхъ, а мало избранныхъ. И не только въ какое-нибудь одно, данное время, но во всѣ времена, въ теченіе всей исторіи число истинно добродѣтельныхъ крайне незначительно. А найти ихъ столько, чтобы они могли образовать коммунистическія общины на пространствѣ всего государства,—это только благочестивое желаніе, неимѣющее никакихъ шансовъ на исполненіе. Конечно и Пеккеръ въ своей Божьей республикѣ проектируетъ только сравнительно небольшое число людей вполнѣ добродѣтельныхъ, этихъ людей лучшихъ и мудрѣйшихъ, которые должны управлять дѣлами государства; другіе должны ихъ слушаться, исполнять ихъ распоряженія. Но и послушаніе, способность исполнять безропотно свою скромную роль, изъ уваженія къ нравственнымъ качествамъ, къ опытности и разумности правителей, есть тоже добродѣтель: это тоже одно изъ проявленій способности приносить жертву на пользу общества, на пользу ближняго. Въ коммунистическихъ общинахъ, устроенныхъ согласно проекту Кабе, ея не оказалось, ни въ Нову, ни въ Икаріи, ни въ Чельтенгамѣ; въ общинахъ, устроенныхъ по плану Оуэна, тоже не оказалось, равно какъ въ общинахъ, организованныхъ согласно собственнымъ, оригинальнымъ планамъ, въ Гопедальской, Нортгамптонской и проч.

Въ общинахъ религіозно-аскетическихъ она была; но ея было достаточно только для накопленія богатствъ, а для благоустройства общинъ вообще было недостаточно. Имущества въ общинахъ накопилось довольно, да сами-то они вымираютъ.

При этомъ не слѣдуетъ терять изъ вида, что всѣ вообще общины какъ раціоналистическія, такъ и религіозныя, составлялись изъ людей, проникнутыхъ особою преданностью своимъ идеямъ, людей, которые заранѣе обрекали себя на всякіе труды и лишенія. Между ними нѣкоторые дѣлали свое дѣло съ героизмомъ, заслуживающимъ удивленія, и все-таки результаты получались неудовлетворительные.

B.

Почему Кабе не пользовался сочувствіемъ въ Россіи?

Какъ относился онъ къ вопросу о семействѣ и бракѣ?

Идеи Кабе у насъ никогда не пользовались такою популярностью, какъ идеи нѣкоторыхъ другихъ соціалистовъ, напр. Оуэна, Фурье и Л. Блана.—И на это были свои причины. Соціальная система Кабе есть коммунизмъ; но Кабе не единственный представитель коммунизма въ ряду соціальныхъ реформаторовъ нашего столѣтія. Система Р. Оуэна есть ничто иное, какъ тотъ-же коммунизмъ. И разница между коммунизмомъ Оуэна и коммунизмомъ Кабе та, что коммунизмъ Оуэна отличается большею послѣдовательностью и большею полнотою. У Кабе коммунизмъ простирается только на имущество и практикуется какъ въ производствѣ, такъ и въ потребленіи, но съ нѣкоторыми исключеніями, послабленіями, въ особенности въ потребленіи; граждане Икаріи живутъ въ отдѣльныхъ домахъ, обѣдаютъ иногда въ общихъ столовыхъ, а иногда дома. Очевидно, что принципу индивидуальности сдѣлана уступка. Но гораздо болѣе важное уклоненіе отъ принциповъ коммунизма у Кабе состоитъ въ томъ, что онъ не допускаетъ коммунизма въ бракѣ, что онъ оставляетъ семейство, не уничтожаетъ его.

Кромѣ того, Кабе сохраняетъ и религію, оставляетъ Бога; и хотя, какъ мы уже сказали, религіи у него не дается достаточно вліянія въ жизни какъ всего народа такъ и отдѣльнаго человѣка, но по крайней мѣрѣ она не подвергается проклятію, она не называется зломъ. У Оуэна, какъ извѣстно, религія вмѣстѣ съ собственностью и семействомъ составляетъ «троицу зла», единственный источникъ всего худаго на землѣ. И сравнивая между собою ученія Кабе и Оуэна, нельзя не признать, что Кабе далеко отсталъ отъ Оуэна, и отсталъ между прочимъ въ такой важной части системы, какъ семейство и религія. Нашъ русскій

соціализмъ, какъ мы отчасти уже видѣли (см. выше, стр. 208 и слѣд.), на эту сторону системы обращаетъ особое вниманіе, ему она кажется особенно важною и къ ней прежде всего относится его сочувствіе. Такъ было прежде, такъ продолжается и до сихъ поръ. Потому для нашего почитателя соціализма и вопроса не могло быть въ томъ, какая изъ двухъ коммуническихъ системъ достойна большаго уваженія—система Кабе или Оуэна. Онъ и сравнивать не могъ Кабе съ Оуэномъ. И какъ скоро система Оуэна была предпочтена, о системѣ Кабе нечего было и говорить. Новаго въ ней ничего не было: въ ней, напротивъ, были недостатки, пробѣлы сравнительно съ системою Оуэна. Потому она и осталась почти совсѣмъ безъ вниманія со стороны русской публицистики. Та доля вниманія, которая должна была пасть на долю Кабе, была предварительно захвачена Оуэномъ. Мы видѣли (т. I, стр. 595), съ какимъ колѣнопреклоненіемъ отнесся Добролюбовъ къ Оуэну и его ученіямъ. Статью Добролюбова особенно рекомендовалъ читателямъ г. Чернышевскій, обращая вниманіе не на литературныя достоинства статьи, а на самый предметъ и характеръ ея, на личность Оуэна, котораго онъ называетъ «мыслителемъ дѣйствительно великимъ», замѣчательнымъ своею «геніальностью» *). (Совр. 1860 г., т. 79. II. 30). Рядомъ съ этимъ «дѣйствительно великимъ мыслителемъ», замѣчательнымъ своею «геніальностью», какое въ самомъ дѣлѣ значеніе и какую цѣну могъ имѣть Кабе, не дошедшій до того, чтобы отвергнуть религію и семейство?

Быть можетъ особенному возвеличенію Оуэна въ нашей литера-

---

*) Есть что-то роковое въ этой оцѣнкѣ и подобныхъ имъ. Нужно же было, въ самомъ дѣлѣ, чтобы изъ всѣхъ коммунистовъ былъ именно избранъ Оуэнъ, не только отрицатель, но порицатель Бога и семейства, т. е. всего, что для человѣка есть святого,—согрѣвающаго и возвышающаго. И пусть-бы еще по таланту, по образованію это былъ Вольтеръ или Гольбахъ или Шафтесбури. Нѣтъ, это полуобразованный человѣкъ, который затвердилъ нѣсколько афоризмовъ, вычитанныхъ у философовъ и соціалистовъ 18 вѣка (см. т. I, стр. 473, 474 и 563) и не развивая, не доказывая, повторялъ ихъ въ теченіи полустолѣтія; произведенные опыты самымъ безповоротнымъ образомъ опровергли его соціальную фантазію; и какъ родина, Англія, такъ и Америка отвернулись отъ него съ пренебреженіемъ еще при его жизни. А для насъ онъ «великій мыслитель», поражающій своею «геніальностью». Любопытно сопоставить восторженный отзывъ г. Чернышевскаго съ характеристикою Оуэна, сдѣланною Бентамомъ, который его умъ назвалъ «лабиринтомъ путаницы», и въ его

турѣ способствовало по крайней мѣрѣ отчасти то, что предварительно о немъ высказался съ большимъ уваженіемъ Герценъ въ «Полярной Звѣздѣ». (См. Т. I, стр. 549 и 550). Герценъ, живя въ Англіи, не только зналъ сочиненія Оуэна, но зналъ и его самого лично; и, кажется, по поводу своей встрѣчи съ нимъ заговорилъ и о его сочиненіяхъ и вобще о его дѣятельности.

А о Кабе Герценъ едва-ли и упоминалъ когда-нибудь; и сочувствовать ему въ достаточной мѣрѣ не могъ, потому что самъ въ философіи слѣдовалъ вполнѣ системѣ матеріализма, и при всякомъ случаѣ старался пропагировать ее. Для него Кабе съ этой стороны былъ также ничѣмъ инымъ, какъ недопеченымъ философомъ, къ которому онъ могъ относиться только свысока.

Изъ русскихъ публицистовъ системы Кабе, насколько намъ извѣстно, коснулся только г. Михайловъ въ сочиненіи «Пролетаріатъ во Франціи». Г. Михайловъ какъ съ системою Кабе, такъ и съ практическимъ его опытомъ познакомился очень мало. Онъ высказываетъ, что опытъ не удался потому, что у Кабе не достало матеріальныхъ средствъ. что при основаніи колоніи, ему «нужно было дѣлать все сначала», т. е. дѣлать все первоначальное обзаведеніе. Мы видѣли, что дѣло было совсѣмъ не такъ, что счастливыя обстоятельства дали ему возможность сразу воспользоваться хорошо устроеннымъ хозяйствомъ и прямо пожинать то, что было посѣяно мормонами. — Что касается до матеріальныхъ средствъ, на недостатокъ ихъ никто въ колоніи никогда не жаловался, напротивъ, сосѣдніе фермеры находили, что средствъ затрачено было слишкомъ много сравнительно съ полученными резуль-

---

словахъ видѣлъ не развитіе мыслей, а изверженіе пара и дыма. (См. т. I стр. 563). А вѣдь Бентамъ не обскурантъ и не «консерваторъ». Это одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и глубокомысленныхъ ученыхъ своего времени, основатель научной школы, пользующейся всеобщимъ уваженіемъ; и, что касается до его политическаго направленія, достаточно вспомнить, что французскій конвентъ почтилъ его званіемъ гражданина Франціи.—Вспомнимъ еще, что Диксонъ называетъ Оуэна просто невѣждою. Наконецъ Землеръ, самъ соціалистъ, все таки отнесся съ критикою къ Оуэну; для него это только мечтатель, человѣкъ, не способный къ трезвому мышленію. А мы способны только къ колѣнопреклоненію. И передъ кѣмъ? Передъ чѣмъ?—Опять таки передъ отбросомъ Западной Европы. Такова вообще духовная пища, которую корифеи «интеллигенціи» предлагаютъ ей; и «интеллигенція» находитъ, что пища эта соотвѣтствуетъ ея вкусу, вообще ея организму.

татами. Г. Михайловъ признаетъ, что одною изъ причинъ неудачи опыта были раздоры и несправедливости: но отчего происходили раздоры, кто страдалъ отъ несправедливости и кто былъ виновникомъ ея, объ этомъ онъ ничего не говоритъ. — А это вопросъ самый важный, основной. Если-бы г. Михайловъ занялся имъ и правильно разрѣшилъ его, то онъ не позволилъ-бы себѣ систему Кабе противополагать системѣ газеты Atelier (см. выше, стр. 363), какъ такой, которая не имѣетъ будущности, и ясно увидѣлъ-бы, что именно система коммунизма не имѣетъ будущности, такъ какъ въ себѣ самой она содержитъ элементы своей безплодности и необходимаго распаденія всякаго общества устроеннаго сообразно съ ней.

Между прочимъ, г. Михайловъ утверждаетъ, будто «вопросъ о семействѣ и объ уничтоженіи брака Кабе старался обойти», и будто-бы недовольный его уклончивостью въ изложеніи этой стороны дѣла, «одинъ изъ журналовъ сдѣлалъ ему настоятельный запросъ по этому дѣлу», и тогда только Кабе вынужденъ былъ высказаться, причемъ обнаружилось, что онъ оставляетъ дѣло временнымъ образомъ въ томъ положеніи, въ которомъ оно находится, чтобы не возбуждать лишнихъ затрудненій. — Г. Михайловъ представляетъ все это дѣло въ такомъ видѣ, который весьма далекъ отъ истины. Онъ отчасти введенъ въ ошибку другимъ авторомъ, или точнѣе, поводъ къ ошибкѣ ему подалъ другой авторъ, и г. Михайловъ поводомъ этимъ охотно воспользовался, постарался даже устранить обстоятельства, которыя избавили-бы его отъ ошибки.

Кабе, какъ мы видѣли, не былъ матеріалистомъ: онъ допускалъ бытіе Божіе, допускалъ нравственность, долгъ, братство, преданность и совершенно послѣдовательно сохранялъ въ своей коммунистической организаціи бракъ и семейство: и за это подвергался нападеніямъ коммунистическихъ журналовъ направленія матеріалистическаго, между прочимъ журнала L'Humanitaire. Возникла полемика и однажды отвѣчая этому журналу онъ, между прочимъ, писалъ такимъ образомъ: «Развѣ коммуна не могла-бы существовать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ бракомъ и семействомъ, съ возможностью уничтожить то и другое въ случаѣ, если-бы этого захотѣли и если-бы оказалась настоятельная необходимость этого?—Развѣ и безъ того представляетъ мало затрудненій проведеніе идеи коммунизма? Развѣ это не есть одна изъ наиболѣе колоссальныхъ умственныхъ революцій? И будто идея уничтоженія семейства облегчитъ осуществленіе коммунизма? Напро-

тивъ, не она-ли всего болѣе устрашаетъ противниковъ его?—Не она-ли всего болѣе имѣетъ видъ (présente l'apparence) дебоши и безнравственности? И противъ нея уже раздается страшный и достойный уваженія военный крикъ (le respectable et rédoutable hourra) защитниковъ нравственности и стыдливости. Развѣ не эта идея погубила сенъ-симонистовъ? И не ее-ли всего болѣе эксплуатируютъ враги коммунизма, чтобы чернить его и препятствовать его осуществленію».

Сюдръ, авторъ исторіи коммунизма, изданной въ самый разгаръ борьбы между коммунистами и ихъ противниками во время второй французской республики, откопалъ этотъ отрывокъ и ухватился за него, чтобы обвинить Кабе въ недостаткѣ честнаго отношенія къ вопросу о бракѣ, чего онъ однако не рѣшился сдѣлать прямо, а позволилъ себѣ сдѣлать только съ помощію намека. «Наконецъ, продолжаетъ онъ, г. Кабе выразилъ страхъ, чтобы провозглашеніе доктрины столь радикальной (уничтоженіе брака) не дало полиціи и прокурорскому надзору оружія противъ коммунизма. Мы имѣемъ полное довѣріе къ искренности той преданности, которую г. Кабе имѣетъ къ браку и семейству; но онъ, какъ намъ кажется, могъ-бы найти въ ихъ пользу лучшія доказательства, чѣмъ неблаговременность нападеній на нее и страхъ передъ полиціею».

Такимъ образомъ, по мнѣнію Сюдра, въ приведенныхъ имъ словахъ Кабе противъ своей воли обнаружилъ ту мысль, что бракъ и семейство онъ удерживаетъ только на время изъ страха предъ полиціей, прокурорскимъ надзоромъ и судомъ общественнаго мнѣнія: что стало-бы въ дѣйствительности - то онъ не дорожитъ ни тѣмъ, не другимъ, что, сохраняя въ своемъ романѣ бракъ и семейство, онъ ставитъ обществу ловушку, такъ какъ черезъ нѣсколько времени, когда обстоятельства позволятъ, и то и другое будетъ уничтожено.

Сюдръ не имѣлъ права дѣлать такое заключеніе изъ приведенныхъ выше словъ Кабе. Онъ былъ знакомъ со всею совокупностью ученій Кабе и долженъ былъ понять, что приведенныя слова Кабе составляютъ ничто иное, какъ полемическій пріемъ его,—правда не совсѣмъ искусно выполненный; это такъ называемое argumentum ad hominem, когда полемизаторъ, дѣлая такъ называемое въ реторикѣ уступленіе, становится на точку зрѣнія противника и доказываетъ ему что-нибудь съ помощію положеній, которыхъ самъ онъ не принимаетъ, но которыя принимаетъ его противникъ,—то лицо, къ которому обращены доказательства, причемъ задачи, цѣли и послѣдствія рѣшенія вопроса въ

извѣстномъ смыслѣ представляются согласно понятіямъ и видамъ не того лица, которое представляетъ ихъ,—а его противника, къ которому обращена рѣчь *).

Кабе много разъ высказалъ самымъ опредѣленнымъ образомъ свои взгляды на бракъ и семейство (см. выше. стр. 283, 292, 297. 311) и заподозрить его въ томъ. что онъ сохраняетъ бракъ только до поры до времени изъ страха предъ полиціей. нѣтъ ни малѣйшаго повода. Даже въ приведенномъ отрывкѣ это пробивается наружу. Тотъ военный крикъ, который направленъ противъ уничтоженія семейства. онъ называетъ не только страшнымъ (redoutable), но и достойнымъ уваженія (respectable). Если въ самомъ дѣлѣ вооружаться противъ уничтоженія семейства есть дѣло почтенное, то уничтожать семейство есть дѣло не почтенное, не достойное уваженія, худое.

И г. Михайловъ распространить этотъ неделикатный намекъ Сюдра въ положительное увѣреніе, что Кабе только обходитъ вопросъ объ уничтоженіи семейства и брака, что онъ будетъ рѣшенъ тогда, когда наступятъ благопріятныя обстоятельства, – могъ только съ помощію приведенія словъ Кабе не въ полномъ видѣ: онъ выбросилъ изъ него тѣ самыя строки. гдѣ Кабе говоритъ о страшномъ и почтенномъ военномъ крикѣ, т. е. гдѣ онъ явнымъ образомъ становится на сторону противниковъ уничтоженія семейства. Г. Михайловъ, очевидно, самъ хорошо понималъ смыслъ этихъ словъ; видѣлъ, что они опровергаютъ то, что онъ приписываетъ Кабе. Такимъ только образомъ, именно устраняя обстоятельства. которыя могли-бы привести къ правильному пониманію приведеннаго мѣста, г. Михайловъ и могъ дать мѣсто въ своемъ сочиненіи этому ложному положенію касательно отношенія Кабе къ вопросу о бракѣ.—Что Кабе не относился къ вопросу о бракѣ, какъ Оуэнъ или Фурье, это видно изъ того, что въ Новоо онъ могъ быть вполнѣ свободенъ отъ страха предъ полиціею, прокурорскимъ надзоромъ и отсталымъ общественнымъ мнѣніемъ. Тѣмъ не менѣе онъ малѣйшей попытки не сдѣлалъ къ уничтоженію брака въ теченіи трехъ лѣтъ своего руководительства въ этой колоніи. Наконецъ Кабе былъ человѣкъ, котораго честность никакимъ фактомъ изъ его жизни не была подвергнута сомнѣнію, и дѣйствовать столь іезуитскимъ образомъ.

---

*) Подобнымъ образомъ Консидеранъ, дѣлая противникамъ уступленіе, допуская, что промысла и Бога нѣтъ, говоритъ: «Если насъ не ведетъ къ нему (къ новому порядку жизни) промыслъ, пойдемъ къ нему сами и т. д. (См. выше, стр. 171).

ставить своимъ прозелитамъ столь постыднымъ образомъ ловушки, онъ не былъ въ состояніи. Это позволилъ себѣ сдѣлать Фурье, когда лживымъ образомъ исключилъ изъ брошуры, предназначенной къ распространенію въ публикѣ, нѣкоторыя подробности фаланстеріальной жизни. Да и тотъ впослѣдствіи не зналъ, какъ оправдаться въ этомъ поступкѣ, не зналъ, какъ примириться съ своею совѣстью (см. выше стр. 89).

Сюдръ былъ не единственный человѣкъ, старавшійся приписывать всѣмъ соціалистамъ безъ разбора всякаго рода гнусности. Въ то время, въ улицѣ Пуатье составилось негласное общество борьбы съ соціализмомъ, которое образовало значительный фондъ для этой цѣли, издавало въ громадномъ количествѣ брошуры и распространяло ихъ въ народныхъ массахъ. Въ брошурахъ этихъ на истину не очень много обращалось вниманія; находили, что съ соціализмомъ можно бороться и ложью. Въ брошурахъ этихъ всякаго, кто не слѣдовалъ принципу laissez faire, называли коммунистомъ, и всякому коммунисту приписывали стремленіе къ уничтоженію семейства, къ смѣшенію половъ. Въ то время и Кабе попалъ въ число противниковъ брака. Разсказывая объ этомъ въ своей Исторіи революціи 1848 года *), Л. Бланъ прибавляетъ, что «это учрежденіе (бракъ) никогда не имѣло сторонника болѣе ревностнаго, чѣмъ Кабе, который изъ него сдѣлалъ одну изъ основъ своей икарійской колоніи».

Свидѣтельство Л. Блана, который самъ соціалистъ, мы можемъ, впрочемъ, дополнить свидѣтельствомъ противника соціализма, М. Шевалье, который говоритъ, что «Кабе высказываетъ большое уваженіе къ чувствамъ семейнымъ. Въ своемъ Credo онъ помѣстилъ одинъ членъ, гдѣ сказано, что жизнь вь семействѣ болѣе сообразна съ природою, чѣмъ отдѣленіе дѣтей отъ родителей, что семейство должно составлять одно изъ самыхъ большихъ утѣшеній, данныхъ человѣку» **). Такимъ образомъ Кабе не только не обходилъ вопроса о семействѣ, не только не можетъ быть названъ тайнымъ сторонникомъ коммунизма въ бракѣ, но онъ не допускаетъ даже отдѣленія дѣтей отъ родителей въ какія-нибудь воспитательныя учрежденія, что допускаетъ даже Пеккеръ, котораго система основана на глубокомъ религіозномъ чувствѣ и на нравственной системѣ весьма строгой. (См. выше стр. 423).

*) Paris, 1880. T. II, стр. 226.

**) Lettres sur l'organisation de travail. Paris, 1848, стр. 88.

Впрочемъ это мнѣніе раздѣляютъ безъ исключенія всѣ изслѣдователи соціализма, изучавшіе его непосредственно въ сочиненіяхъ авторовъ. Такъ Штейнъ говоритъ, что въ системѣ Кабе «семейство сохраняется и браки почитаются священными» *). Марло (Винкельблехъ) рисуетъ картину икарійскихъ браковъ въ слѣдующихъ чертахъ: «икарійскія женщины находятся въ положеніи чрезвычайно счастливомъ. Онѣ служатъ предметомъ постояннаго поклоненія со стороны мужчинъ, выходятъ замужъ не иначе, какъ по любви, и никогда не имѣютъ непріятностей вслѣдствіе невѣрности своихъ супруговъ» **). Таково общее мнѣніе ученыхъ объ этомъ предметѣ. Обратимъ вниманіе еще на слѣдующее. Не только Кабе, но и диссиденты коммунизма, тѣ, которые остались въ Новоо и потомъ основали Икарію, чрезвычайно дорожатъ святостью брака уже послѣ того, какъ они открыто отринули религію, и неправильныя отношенія между полами подвергаютъ наказанію.

Можно думать, что между послѣдователями Кабе дѣйствительно были такіе, которые желали коммунизма въ отношеніяхъ между полами. Это именно тѣ «одиннадцать мучениковъ и ихъ четыре жены», которые въ Мартѣ 1850 года отправили во Францію протестъ противъ дѣйствій Кабе. Но не даромъ же они и отдѣлились отъ Кабе и притомъ со скандаломъ; не даромъ тѣ, которые потомъ подписали контръ-протестъ, назвали ихъ «onze martyrs et leurs quatre épouses». Въ этомъ названіи безспорно заключается намекъ на смѣшеніе половъ. А въ Новоо и въ Икаріи семейная жизнь отличается строгостью и чистотою, какихъ нѣтъ нигдѣ и въ европейскихъ обществахъ.

Г.

Религія въ Икаріи (извлеченіе изъ журнала Эжена).

Вильямъ просилъ Вальмора объяснить ему религіозную систему Икаріи; и эта просьба была поводомъ къ слѣдующему разговору:

Я уже разсказывалъ тебѣ, сказалъ Вальморъ, что чрезъ два года послѣ революціи Икаръ убѣдилъ народное представительство созвать великій соборъ, составленный изъ священниковъ, избранныхъ другими священниками, изъ профессоровъ, избранныхъ другими профессорами, изъ философовъ, моралистовъ, ученыхъ и знаменитыхъ

---

*) Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich. T. II стр. 430.

**) Marlo. Untersuchungen über die Organ. der Arbeit. T. II. стр. 423

писателей, для того, чтобы разсуждать о всѣхъ вопросахъ, касающихся божества и религіи. Этотъ соборъ, составленный изъ людей наиболѣе ученыхъ и разсудительныхъ, собралъ, кромѣ того, всѣ частныя мнѣнія, которыя граждане хотѣли передъ нимъ изложить. Всѣ мнѣнія были подвергнуты изслѣдованію и обсужденію: соборъ засѣдалъ впродолженіи четырехъ лѣтъ; наконецъ. всѣ вопросы были рѣшены огромнымъ большинствомъ, иногда даже единогласно.

«И такъ представь, что соборъ собрался, что онъ разсуждаетъ и рѣшаетъ обо всемъ впродолженіи одного долгаго сеанса и что ты присутствуешь при его разсужденіяхъ: представь... ты можешь ихъ видѣть и слышать тамъ... смотри и слушай внимательно. Но не прерывай. Ты сдѣлаешь потомъ свои замѣчанія; теперь слушай.

— Есть-ли Богъ, то-есть первая причина, отъ которой происходитъ все, что мы видимъ?—Мнѣнія подаются посредствомъ вставанья и сидѣнья на мѣстѣ: смотри! - Все собраніе поднимается. Вопросъ предлагаютъ въ противоположномъ смыслѣ; смотри опять: весь соборъ остается на мѣстѣ.

— Этотъ Богъ извѣстенъ-ли?—Единогласно: нѣтъ!

— Его форма извѣстна-ли?—Единогласно: нѣтъ! Тысячи народовъ даютъ ему тысячу разныхъ формъ.

— Человѣкъ созданъ-ли по образу Божьему?

— Мы желали-бы такъ думать; но мы не знаемъ объ этомъ ничего.

— Какимъ образомъ созданъ міръ и въ особенности человѣкъ?

— Мы объ этомъ ничего не знаемъ.

— Для чего человѣкъ осужденъ здѣсь на страданья физическія и нравственныя?

— Объ этомъ мы ничего не знаемъ.

— Соборъ вѣритъ-ли въ рай?

— Народы утѣсненные и несчастные имѣютъ потребность вѣрить въ него; но мы вообще не имѣемъ другихъ несчастій, какъ болѣзни и нравственныя страданья. И мы очень рады, что надежда на будущую жизнь помогаетъ несчастнымъ переносить ихъ страданья.

— Соборъ вѣритъ-ли въ адъ?

— Жертвы тиранніи имѣютъ потребность вѣрить тому, что тираны тамъ будутъ наказаны, и эта вѣра полезна имъ, утѣшая ихъ, лишь-бы она, впрочемъ, не усыпляла ихъ и не препятствовала имъ самимъ наказывать тирановъ: вѣра въ адъ была-бы полезна также для того, чтобы удерживать притѣснителей; но именно они и то не вѣрятъ въ адъ, а напротивъ, они желаютъ, чтобы утѣсненные вѣрили въ него, и не думали объ освобожденіи: что касается до насъ, мы въ Икаріи не имѣемъ ни тирановъ, ни преступниковъ, ни злыхъ людей; мы не допускаемъ и ада, который намъ безполезенъ.

— Соборъ вѣритъ-ли въ святыхъ, въ чудеса, въ папу и его непогрѣшимость?

— О, прервалъ Вильямъ:—освобождаю тебя отъ отвѣта на этотъ вопросъ. Но говоря по правдѣ, прибавилъ онъ: — ваша религія—не есть религія, вы совсѣмъ не имѣете религіи!

— Что разумѣешь ты подъ именемъ религіи, возразилъ Вильморъ? Чтобы имѣть религію, нужно-ли вѣрить въ Бога съ человѣческою фигурою, съ привычками и страстями человѣка?.. Если-бы ты не прервалъ меня, то ты увидѣлъ-бы, что этотъ вопросъ рѣшенъ

соборомъ: потому что соборъ спросилъ: полезна-ли для икарійцевъ какая-нибудь систематическая религія, имѣющая особый культъ? — и онъ единогласно отвѣтилъ: нѣтъ. Что скажешь на это? Соборъ, составленный изъ священниковъ, наставниковъ, изъ лучшей части народа и можно сказать изо-всего народа, сказалъ: нѣтъ.

— И соборъ поступилъ основательно, замѣтилъ я (то-есть Эженъ) въ свою очередь: — въ самомъ дѣлѣ, займемся этимъ дѣломъ, Вильямъ.

— Такъ какъ соборъ не вѣритъ вообще въ какого-нибудь Бога съ человѣческою фигурою, награждающаго, наказывающаго, принимающаго молитвы, то хотите-ли вы, чтобы онъ притворился вѣрующимъ, чтобы онъ принялъ эту воображаемую религію, чтобы онъ приказалъ народу вѣровать и воспитывать дѣтей въ этой вѣрѣ, которую самъ-же онъ объявлялъ ошибочною и ложною?

— Ваши законы и сами вы имѣете атеистическій характеръ, замѣтилъ Вильямъ.

— Какое страшное слово! сказалъ Вальморъ: — въ былое время оно могло вести на костеръ. Но согласимся, и не будемъ поступать подобно тѣмъ безумцамъ, которые сначала подерутся, а потомъ примутся разсуждать и найдутъ, что имъ не изъ-за-чего было драться. Что ты разумѣешь подъ словомъ атеистъ? Если ты подъ этимъ словомъ разумѣешь тѣхъ, которые не вѣрятъ въ Бога съ человѣческими фигурами, подобно юпитеру или Богу Моисея (?), то ты найдешь здѣсь много атеистовъ; и если ты ихъ боишься, то можешь уходить; потому что они находятся даже здѣсь, въ нашемъ присутствіи и готовы пожрать тебя; но если подъ именемъ атеистовъ ты разумѣешь людей, которые не вѣрятъ ни въ какого Бога, то между нами ты ихъ не найдешь". (Voyage en Icarie par Cabet. Paris. 1848. стр. 279).

Д.

Внѣшнее благоустройство Икаріи. (Письмо Эжена къ своему брату).

„Я не буду говорить тебѣ о предосторожностяхъ, принятыхъ (въ Икарѣ) по требованіямъ гигіены, для свободнаго обращенія воздуха, для сохраненія его чистоты и даже для его очищенія. Во внутренности города нѣтъ кладбищъ, нѣтъ какихъ-нибудь нездоровыхъ мануфактуръ и нѣтъ больницъ; всѣ подобныя учрежденія находятся по концамъ города близъ текущей воды или въ деревнѣ. Я не могу передать тебѣ всѣхъ предосторожностей, принятыхъ относительно чистоты улицъ. Что тротуары каждое утро метутся и моются и всегда вполнѣ чисты, это понятно; но самыя улицы здѣсь такъ вымощены, что вода не остается на нихъ никогда, находя на каждомъ шагу отверстіе, черезъ которое она проходитъ въ подземные каналы. Не только грязь исчезаетъ, будучи уносима въ тѣ-же самые каналы посредствомъ воды фонтановъ, но кромѣ того употреблены всѣ возможныя средства, чтобы и грязи и пыли образовалось какъ можно меньше.

„Обратимъ вниманіе сначала на постройку улицъ. Каждая изъ нихъ

имѣетъ восемь колей желѣзныхъ или каменныхъ для четырехъ экипажей, изъ которыхъ два ѣдутъ въ одну сторону, два въ другую. Колеса никогда не выходятъ изъ этихъ колей (?) и лошади никогда не выходятъ изъ промежуточнаго тротуара. Четыре тротуара вымощены камнями, а всѣ другія пространства улицы вымощены кирпичами. Замѣть, впрочемъ, что всѣ большія мастерскія и всѣ большіе магазины находятся на берегахъ улицъ-каналовъ или на улицахъ — желѣзныхъ дорогахъ, и что телѣги, нагруженныя, впрочемъ, немного, появляются только на этихъ улицахъ, что по улицамъ съ колеями ходятъ только омнибусы, и что на цѣлой половинѣ улицъ нѣтъ ни омнибусовъ, ни телѣгъ, а есть только маленькія колясочки, возимыя большими собаками и въ этихъ колясочкахъ находится дневная провизія для семействъ. Наконецъ, никогда никакая нечистота не выбрасывается изъ домовъ, изъ мастерскихъ на улицы; никогда по улицамъ не возятъ ни сѣна, ни навозу; потому что всѣ конюшни и ихъ сараи находятся на концѣ города;—и всякая чистка нечистотъ производится такимъ образомъ, что улицы и тротуары не пачкаются.

„Фонтаны во всякую улицу доставляютъ воду для того, чтобы смывать пыль и очищать воздухъ.

„Законъ позаботился о томъ, чтобы пѣшеходы были въ безопасности и чтобы имъ не грозили никакія опасности, чтобы имъ не могли повредить ни экипажи, ни лошади или другія животныя. Подумай объ этомъ и ты увидишь, что нѣтъ ничего невозможнаго для правительства, которое желаетъ добра. Во-первыхъ, верховыхъ лошадей совсѣмъ въ городѣ нѣтъ; верховая прогулка дозволена только за городомъ, а конюшни находятся на концахъ города. Что касается до лошадей упряжныхъ, неговоря о томъ, что всѣ мѣры предосторожности приняты для того, чтобы онѣ не бѣсились, онѣ не могутъ оставить своихъ колей и перейти на тротуары и по мѣрѣ приближенія къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ пѣшеходы переходятъ улицы, кучера обязаны ѣхать тихо. — Въ нѣкоторыхъ улицахъ даже переходы дѣлаются подземные, подобно Лондонскому тоннелю; въ другихъ мѣстахъ напротивъ кареты подходятъ подъ мостъ. Ты понимаешь, что кондукторы каретъ, будучи всѣ республиканскими рабочими и не получая ничего ни отъ кого, не имѣютъ никакого интереса подвергаться случайностямъ, а должны, напротивъ, избѣгать ихъ. Ты поймешь также, что такъ какъ все народонаселеніе находится или въ мастерскихъ или дома до 3-хъ часовъ, и такъ какъ транспортные экипажи появляются на улицахъ тогда только, когда омнибусы не ходятъ и пѣшеходы малочислены, и такъ какъ колеса не могутъ выходить изъ колей, то всякій несчастный случай со стороны каретъ оказывается совершенно невозможнымъ.

„Что касается до другихъ животныхъ, напр. быковъ или овецъ, которыя загромождаютъ и безчестятъ (déshonorent) улицы Лондона, производя тысячу несчастныхъ случаевъ, распространяя безпокойство, ужасъ и нерѣдко самую смерть и пріучая народъ къ мысли о рѣзнѣ, здѣсь вы ихъ совсѣмъ не встрѣтите, потому что бойни находятся за городомъ, такъ что скотъ никогда не проникаетъ въ городъ. Я еще скажу тебѣ о собакахъ, которыхъ республика содержитъ великое число, онѣ замѣчательны своимъ ростомъ, силою и количествомъ транспортовъ, которые, благодаря имъ производятся съ меньшею опас-

ностью, нежели посредствомъ лошадей. Всѣ собаки хорошо содержатся, всегда имѣютъ намордники и всегда находятся на сворках, не могутъ никогда взбѣситься, (?) укусить, испугать и произвести скандалъ, который въ нашихъ городахъ иногда въ одну минуту уничтожаетъ заботливость многолѣтняго воспитанія.

„Все разсчитано такъ, что ни въ какомъ случаѣ труба не можетъ (?) упасть съ дома вслѣдствіе бури; горшокъ цвѣтовъ и всякій другой предметъ не можетъ свалиться за окно. Пѣшеходы защищены даже противъ погоды, потому что всѣ улицы снабжены тротуарами и всѣ тротуары покрыты стеклами для того, чтобы защитить отъ дождя, но не лишить свѣта; а для защиты отъ жара существуютъ подвижныя полотняныя покрышки. Нѣкоторыя улицы даже вполнѣ закрыты, въ особенности между большими складами и магазинами; равнымъ образомъ покрыты всѣ переходы черезъ улицы. Предосторожности доведены до того, что на извѣстномъ разстояніи съ каждой стороны улицы построены крытыя мѣста для остановокъ омнибусовъ, чтобы здѣсь можно было входить въ нихъ или выходить, не боясь ни дождя, ни грязи.

„Ты видишь, мой милый другъ, что всю Икару можно проѣхать въ экипажѣ, если человѣкъ торопится, или пройти по садамъ въ хорошую погоду или подъ портиками въ худую погоду, не имѣя надобности въ зонтикѣ и не боясь ничего; тогда какъ тысячи случаевъ и несчастій, которымъ подвергается народъ въ Парижѣ и Лондонѣ, обнаруживаютъ постыдное безсиліе или варварскую беззаботность правительства“.

Эти разсказы Кабе о внѣшнемъ благоустройствѣ въ Икаріи служатъ образчикомъ всей его соціальной постройки. Какое здѣсь во всемъ совершенство! Кучера всегда внимательны, зорки, старательны, и несчастій отъ ихъ небрежности быть не можетъ. Лошади всегда тихи и спокойны; очевидно онѣ не дрессированы только, но природа ихъ измѣнена, равно какъ и природа собакъ, которыя никогда въ Икаріи не бѣсятся. Даже свойства природы неорганической измѣнены и повидимому даже во всеобщемъ законѣ тяготѣнія произведены нѣкоторыя усовершенствованія. Труба здѣсь вслѣдствіе бури никогда не упадетъ съ крыши дома, карнизъ и штукатурка не оторвутся отъ стѣны и не упадутъ на улицу, даже никакой предметъ не можетъ упасть за окно ни изъ одной квартиры. И причина всего это заключается въ заботливости и предусмотрительности правительства, для котораго «нѣтъ ничего невозможнаго». Очевидно икарійское правительство обладаетъ уже всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ Божества.

E.

VOYAGE

en

ICARIE.

Par

E. Cabet.

Fraternité.

Tous pour chacun.		Chacun pour tous.
Solidarité	Amour	Intelligence-raison
Egalité-liberté	Justice	Moralité
Eligibilité	Secours mutuel	Ordre
Unité	Assurance universelle	Union.
Paix.	Organisation du travail	Éducation.
	Machines au profit de tous	
	Augmentation de la production	
	Repartition équitable des produits	
	Suppression de la misére	
	Ameliorations croissantes	
Premier droit—Vivre.	Mariage et famille	Premier devoir—Travailler.
	Progrès continuel	
	Abondance	
	Arts.	
A chacum Suivant ses besoins.		De chacun Suivant ses forces.

Bonheur commun.

Ж.

Манифестъ Кабе отъ 25-го февраля 1848 года.

Только единеніе, порядокъ и дисциплина могутъ обезпечить народу плоды его побѣды, гарантируя его права и интересы.

Потому соединимся вокругъ временнаго правительства, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Дюпона (des l'Eure) и замѣняющаго ненавистное правительство, которое обагрило себя кровью гражданъ.

Поддержимъ это временное правительство, которое объявляетъ себя правительствомъ республиканскимъ и демократическимъ, которое

провозглашаетъ верховную власть и единство народа, которое выставляетъ своими принципами братство, равенство и свободу.

Но постараемся предъявить свои притязанія на всѣ послѣдствія этихъ принциповъ.

Потребуемъ, чтобы всѣ французы были объявлены братьями, равными въ обязанностяхъ и правахъ безъ всякихъ привилегій, чтобы всѣ были членами національной гвардіи, всѣ были избирателями, всѣ имѣли право быть избираемыми на общественныя должности, безо всякаго презрѣннаго (vile) условія касательно состоянія.

Потребуемъ естественнаго и неотчуждаемаго права ассоціаціи, сходокъ и разсужденій, потребуемъ свободы личной, свободы печати, безъ препятствій, безъ обезпеченія, безъ штемпеля.

Потребуемъ формальнаго признанія права жить трудомъ (droit de vivre en travaillant), чтобы отецъ семейства не былъ принужденъ къ ужасной необходимости оставить жену и дѣтей и идти на смерть въ битвѣ (aller mourir en combattant).

Вѣрные нашимъ принципамъ братства, человѣколюбія, умѣренности, здраваго смысла и справедливости, будемъ всегда и вездѣ кричать: не нужно мщенія, не нужно безпорядка, не нужно насилій; не нужно покушеній на собственность. Но съ непоколебимою настойчивостью будемъ требовать, чтобы для уничтоженія бѣдности были употреблены всѣ средства, которыя могутъ быть допущены справедливостью.

Не будемъ требовать немедленнаго осуществленія нашихъ коммунистическихъ ученій. Мы всегда говорили, что желаемъ осуществленія ихъ только съ помощію обсужденія, силою общественнаго мнѣнія, посредствомъ согласія каждаго отдѣльнаго лица и по рѣшенію воли народной: останемся вѣрны словамъ нашимъ.

3.

Библіографическій указатель сочиненій и изданій Кабе и другихъ коммунистовъ, его современниковъ.

а. Сочиненія Кабе.

Voyage en Icarie. Paris, 1840 года: первое изданіе, въ двухъ томахъ. Издано какъ переводъ англійскаго сочиненія подъ заглавіемъ: «Voyages et aventures de lord William Carisdall en Icarie». (См. выше, стр. 263).

Comment je suis communiste. Брошура. Paris, 1841.

Douze lettres d'un Communiste à un Réformiste. Paris, 1841.

Credo communiste. Брошура. Paris, 1841.

Propagande communiste. Брошура. Paris, 1841.

Réfutation ou Examen de tous les ecrits ou journaux contre ou sur la communauté. 1 томъ in 8°. Paris, 1842. Это защита икарійской системы противъ возраженій, высказанныхъ аб. Констаномъ, Ляменне и газетами: L'Atelier, Le National, Le Journal du peuple, L'Humanitaire.

La Femme, son malheureux sort dans la société actuelle, son bonheur dans la communauté. 1844.

Vrai communiste. 2-е изд. 1847. 1 томъ in 8°.

Réalisation de la communauté. 1847. 2 выпуска.

L'ouvrier, ses misères actuelles, leur cause et leur remède; son futur bonheur dans la communauté. Paris, 1844. Четвертое изд. 1848.

Ma ligne droite, on le véritable chemin de salut pour le peuple. 1842.

Le guide de citoyen.

Pourvoi en cassation devant la postérité contre l'arrêt de la cour des pairs sur l'attentat Quénisset. 1842. Кениссе сдѣлалъ покушеніе на жизнь герцога Омальскаго. Будучи преданъ суду, онъ далъ показаніе, что рѣшился на покушеніе подъ вліяніемъ газеты Journal du peuple. Это была одна изъ самыхъ радикальныхъ газетъ, враждебныхъ правительству, которое этимъ случаемъ воспользовалось, чтобы привлечь къ суду главнаго редактора Дюпоти, обвиненнаго въ нравственномъ соучастіи въ преступленіи. Палата перовъ признала его виновнымъ и приговорила къ пятилѣтнему тюремному заключенію. 16 парижскихъ газетъ и нѣсколько провинціальныхъ по этому поводу составили коллективный протестъ.—Кабе не удовольствовался протестомъ, а издалъ еще эту брошуру.

Bombardement de Barcelone. 1843.

Révolution de 1830 et situation présente expliquée. Paris, 1832. Это памфлетъ противъ іюльской монархіи, имѣвшій большой успѣхъ; до 1834 года было четыре изданія.

Louis Philippe à lui seul fait plus de propagande républicaine etc. Paris, 1833.

Association libre pour l'éducation du peuple. 1833.

Histoire populaire de la révolution de 1789 à 1830. Paris, 1840. 4 тома. Сочиненіе это написано Кабе въ Англіи во время изгна-

нія и отличается крайнимъ радикализмомъ. Наибольшее сочувствіе его на сторонѣ Робеспьера, Бабефа и другихъ якобинцевъ. Въ книгѣ много выдержекъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ собраніяхъ первой республики.

Émigration de M-r Guizot à Gand.

Les masques arrachés.

Le salut est dans l'union.

Réalistion de la communauté d'Icarie.

Eau et feu.

Le vrai christianisme suivant Jésus Christ. 1846.

Procés et aequittement du citoyen Cabet, accusé d'escroquerie pour l'émigration icarienne. 1851.

Colonie icarienne aux États Unis d'Amerique, sa constitution, ses lois, sa situation materielle et morale aprés le premier semestre de 1855. Это сочиненіе написано передъ самымъ окончаніемъ карьеры Кабе, какъ руководителя икарійской колоніи. Вѣроятно онъ представлялъ, по крайней мѣрѣ, въ удовлетворительномъ видѣ и матеріальное и нравственное состояніе колоніи наканунѣ ея распаденія.

Въ 1833 году Кабе сталъ издавать ежемѣсячный журналъ Le «Populaire», который отличался также крайнимъ направленіемъ, но первоначально не былъ органомъ коммунизма. Былъ въ теченіе своего короткаго существованія не разъ конфискованъ. За статью, помѣщенную въ немъ, Кабе былъ присужденъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію, послѣ чего онъ удалился въ Англію.

Послѣ возвращенія Кабе, «Le Populaire» сталъ выходить еженедѣльно и сдѣлался органомъ коммунизма. Въ немъ Кабе, между прочимъ, велъ весьма оживленную полемику какъ съ противниками коммунизма, такъ и съ коммунистами диссидентами.

Almanach icarien выходилъ, начиная съ 1842 по 1848 годъ. Содержалъ въ себѣ большею частью перепечатку статей изъ Populaire'a.

б) Коммунисты матеріалисты.

Dezamy. Code de la communauté. 1842. О содержаніи его см. выше, стр. 417.

Le Jésuitisme vaincu par le socialisme. Переведено на нѣмецкій языкъ въ 1846 г.

Discours sur l'égalité.

Almanach de la communauté. 1843.

Lamennais réfuté pour lui même.

L'organisation du travail et du bien-être universel.

Pillot. Ni chateaux, ni chaumières. 1840. См. выше стр. 418.

Histoire des egaux 1840. См. выше, стр. 418.

La communauté n'est plus une utopie. 1842.

Lahaultière. Catéchisme social. 1842.

Sur la loi sociale.

L'abbé Constant. La bible de la liberté. 1840. См. выше стр. 419.

L'assomption de la femme. 1841. По словамъ Штейна, сочиненіе это есть ничто иное, какъ комментарій къ Пѣсни-Пѣсней въ духѣ аб. Констана, сообразно съ его взглядами на бракъ. См. выше стр. 420.

Doctrines religieuses et sociales. 1841.

La dernière incarnation. Légendes evangéliques du XIX siècle. 18 46. Брошура in 18.

Les trois malfaiteurs. Légendes orientales (Jésus Christ et les deux larrons). Брошура in 18.

Голосъ голода. За это сочиненіе аб. Констанъ былъ присужденъ къ тюремному заключенію. По словамъ Штейна по духу оно напоминаетъ la bible de la liberté.

Матерь Божія и Три гармоніи, двѣ брошуры, которыя Штейнъ называетъ безсодержательными.

в) **Коммунисты спиритуалисты.**

Alph. Esquiros. L'Évangile du peuple. 1840. Первое изданіе было секвестровано и авторъ посаженъ въ тюрьму.

L'Évangile du peuple défendu. 1841. Сочиненіе это, по словамъ Штейна, отличается бо́льшею содержательностью и ясностью, чѣмъ само L'Évangile du peuple.

Les Vierges martyres. 1841.

Les Vierges folles. 1841.

Les Vierges sages. 1842.

La vie future au point de vue socialiste. 1857.

Эскиросъ долженъ быть причисленъ къ коммунистамъ-спиритуалистамъ католическаго оттѣнка.

Const. Pecqueur. Théorie nouvelle d'économie sociale et politique ou Études sur l'organisation des sociétés. 1842. Одинъ томъ in 8°, 900 стр.

La République de Dieu. Union religieuse pour la pratique immédiate de légalité et de la fraternité universelles. (1843—1845). См. выше стр. 422.

De la Paix, de son principe et de sa réalisation. 1842.

Des Armées dans leur rapport avec l'industrie, la morale et la liberté, ou des Devoirs civiques des militaires 1842. Два послѣднія сочиненія награждены Обществомъ христіанской нравственности.

Des Intérêts du commerce, de l'industrie, de l'agriculture et de la civilisation en général sous l'influnce de l'application de la vapeur. 1839. 2 т. in 8. Это сочиненіе увѣнчано Академіею наукъ нравственныхъ и политическихъ.

Des Améliorations matérielles dans leur rapport avec la liberté. 1839 in 12.

De la Législation et du mode d'exécution des chemins de fer: lettres adressées au ministre des travaux publiques. 2 тома in 8. 1840.

Въ 1849 г. Пеккеръ основалъ журналъ: Le Salut du peuple, journal de la science sociale, который прекратился въ 1850 году.

A. Dumesnil. L'esprit de la verité.

Проклятое столѣтіе.

Соціальныя испытанія Франціи со времени Людовика XIV

Réné Didier. Livre des Communistes, consequences de l'organisation du travail. 1845.

J. Terson. Ligue nationale contre la misère des travailleurs. 1845.

Verité et mensonge de la politique, de la religion et de la morale.

Les droits du peuple. 1845.

г) Журналы коммунистовъ.

О журналахъ коммунистовъ во Франціи мы имѣемъ самыя недостаточныя свѣдѣнія въ сочиненіяхъ Рейбо, Штейна и Грюна. Впрочемъ по значенію своему они и не заслуживаютъ особаго вниманія. Большинство ихъ были изданіями въ буквальномъ смыслѣ эфемерными, и кро-

мѣ Populaire'а Кабе и Salut du peuple Пеккера отличались характеромъ матеріализма и даже терроризма.

Le moniteur républicain. Нѣсколько нумеровъ съ конца ноября 1837 г. по іюль 1838 года. Газета подпольная.

L'Homme libre. Нѣсколько нумеровъ съ августа 1839 г. Также журналъ подпольный, какъ и Moniteur républicain. Оба журнала самаго крайняго направленія съ характеромъ терроризма.

L'Égalitaire. 1840. Два нумера. Издавался подъ руководствомъ Дезами.

L'Humanitaire. Іюль и августъ 1841. Редакторъ Chavaray.

Le Populaire. Отъ 1840 до 1848. Редакторъ Кабе.

La Tribune du peuple. 1838. Семь нумеровъ. Редакторъ Пилло.

La Revue démocratique. 1840. Октябрь и ноябрь. Редакторъ Baquin.

Le droit social. Февр. 1840.

La Démocratie. Одинъ нумеръ.

Le Communitaire. Одинъ нумеръ.

Le Travail. Три нумера. Издавался въ Ліонѣ.

Système unitaire. Редакторъ Мейеръ.

La Fraternité. Редакторъ Lahaultière. Нѣсколько разъ прекращался и вновь появлялся.

L'ami du peuple. Журналъ подпольный.

La Verité. 1845. Редакторы аб. Констанъ и Fauvety.

Salut du peuple. 1849 и 1850. Редакторъ Пеккеръ.

Въ Америкѣ издавалось нѣсколько органовъ коммунизма. Самымъ раннимъ была:

Gazette, органъ Нью-гармонійской общины, издававшійся въ 1825, 26 и 27 годахъ.

Nashoba Gazette, органъ нашобской общины, основанной дѣвицею Райтъ. Издавалась въ 1827 и 28 годахъ.

Peaceful Revolutionist. Издатель Іосія Ворренъ, бывшій членъ Нью-гармонійской общины, въ послѣдствіи основавшій двѣ колоніи «Утопію» и Moderne Times. Peaceful Revolutionist былъ издаваемъ въ Утопіи; начало изданія относится къ 1844 году.

Dial. органъ Брукфармской общины раньше присоединенія ея къ принципамъ Фаланстера. Издавался въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Communitist органъ общины Skaneateles. Издавался отъ 1-го января 1884 года до прекращенія общины въ маѣ 1846 года.

Газета икарійцевъ въ Новоо. Подлинный титулъ ея намъ неизвѣстенъ. Издавалась между 1850 и 1855 годами.

ГЛАВА III.

Луи Бланъ.

Біографическія данныя: педагогическая карьера, стихотворство, журналистика. Революція 1848. Временное правительство, люксембургская коммисія, національное собраніе, 15-е мая. Бѣгство въ Англію. Послѣдніе годы жизни.

Организація труда: критическая часть; недостаточная плата за трудъ; конкурренція. Сущность проекта. Предварительныя соціальныя мастерскія.

Основы теоріи: общая жизнь, интересъ. Участіе правительства и народнаго представительства. Великодушіе и отсутствіе великодушія.

Несущественныя принадлежности, поправки и дополненія: интересъ чести, изобрѣтенія, общая жизнь. Вопросъ о народонаселеніи и народной нравственности; скорое рѣшеніе. Три вида рабочей платы. Преданность, привлекательность труда. Уничтоженіе наслѣдствъ. Недоконченность проекта.

Опыты: ассоціація въ Клиши. Конгрессъ рабочихъ 1876 года.

Организація литературнаго труда. Задачи литературы. Конкурренція. Librairie sociale. Сравнительное значеніе вліянія худыхъ сочиненій во Франціи и въ Россіи.

Приложенія.

Луи Бланъ родился въ Мадритѣ, 29-го октября 1811 года *). Отецъ его былъ главнымъ инспекторомъ финансовъ въ то время, когда Іосифъ Бонапартъ былъ королемъ испанскимъ. Оставивши Испанію, отецъ его поселился на югѣ Франціи, въ Руэргѣ, гдѣ у него вскорѣ родился другой сынъ, Шарль. Оба маль-

*) Другіе время его рожденія относятъ къ 1812 и даже къ 1813 году. Но болѣе вѣроятнымъ годомъ нужно, судя по всему, считать 1811. Такъ между прочимъ думаетъ его позднѣйшій біографъ Ш. Эдмонъ, который зналъ лично Л. Блана и имѣлъ возможность собрать болѣе точныя свѣдѣнія касательно его жизни.

чика были отданы въ коллегію гор. Родеза, и въ то время какъ они учились тамъ, мать ихъ умерла, а отецъ потерялъ состояніе, —и окончившему курсъ ученія Л. Блану впереди представлялась карьера совсѣмъ неблестящая.

Чтобы зарабатывать кусокъ хлѣба, Л. Бланъ поселился въ Парижѣ и сталъ давать уроки математики. Но ему вредило одно совершенно особенное обстоятельство, котораго не совсѣмъ благопріятное вліяніе повидимому обнаруживалось и впослѣдствіи. Л. Бланъ былъ весьма малъ ростомъ; вся его фигура была очень миньятюрная и всегда онъ казался много моложе своихъ лѣтъ, такъ что въ это время, по словамъ Ш. Эдмона, его біографа, послѣ окончанія курса въ коллегіи, имѣя около 17 лѣтъ отъ роду, онъ казался ребенкомъ лѣтъ 12. По этой причинѣ родители съ нѣкоторымъ недовѣріемъ поручали ему преподаваніе уроковъ дѣтямъ, и Л. Бланъ въ этихъ занятіяхъ не имѣлъ полной удачи. Потому онъ рѣшился перемѣнить карьеру, поступилъ клеркомъ къ одному адвокату и служилъ у него въ теченіи нѣкотораго времени, пока не получилъ приглашенія поступить воспитателемъ дѣтей къ богатому фабриканту машинъ въ Аррасѣ. Здѣсь онъ жилъ около 2 лѣтъ и имѣя довольно свободнаго времени, употребилъ его отчасти на довершеніе своего собственнаго образованія. Къ тому-же времени относится начало его литературной дѣятельности; онъ написалъ двѣ поэмы въ стихахъ: L'Hôtel des Invalides и Mirabeau, потомъ похвальное слово Манюелю. Всѣ эти сочиненія были увѣнчаны аррасскою академіею; Л. Бланъ пріобрѣлъ въ Аррасѣ репутаціею талантливаго литератора и мѣстный органъ печати «Le progrès du Pas-de-Calais» сталъ охотно помѣщать на своихъ страницахъ его статьи политическаго содержанія.

Въ 1843 году Л. Бланъ возвратился въ Парижъ съ цѣлью пристроиться куда нибудь болѣе прочнымъ образомъ. Одинъ изъ старыхъ друзей его дома, бывшій во время имперіи вице-президентомъ законодательнаго корпуса, Фложергъ, представилъ его герцогу Деказу, который въ то время только что былъ назначенъ великимъ референдаріемъ палаты перовъ. Деказъ при-

нялъ его въ томъ самомъ люксембургскомъ дворцѣ, въ которомъ потомъ Л. Бланъ былъ предсѣдателемъ коммисіи для изыскавія средствъ къ улучшенію быта рабочихъ. «Ну, посмотримъ, сказалъ Деказъ, что можно сдѣлать для этого маленькаго мальчика». Сдѣлать ничего не пришлось по неизвѣстнымъ причинамъ. Л. Бланъ говоритъ, что послѣ этого онъ не видалъ никогда герцога Деказа. Послѣ того онъ обратился на другую дорогу. Изъ Арраса онъ привезъ рекомендательное письмо къ одному изъ редакторовъ газеты «National». Письмо было доставлено по назначенію; но изъ этого такъ-же ничего не вышло; сотрудничество Л. Блана въ «National'ѣ» не устроилось. Тогда Л. Бланъ обратился въ другую газету, «Bon Sens», которой собственникомъ былъ Лефебвръ-Мере, бельгійскій сенаторъ; въ этой газетѣ онъ наконецъ и пристроился хотя не безъ препятствій.

Въ это время онъ пользовался расположеніемъ стараго Беранже, который принималъ въ немъ особенно благожелательное участіе. И Л. Бланъ впослѣдствіи свидѣтельствовалъ, что онъ считаетъ себя много обязаннымъ Беранже по слѣдующему обстоятельству. Л. Бланъ, какъ мы видѣли, началъ свою литературную карьеру стихами и впослѣдствіи не думалъ бросать стихотворства. Но Беранже, повидимому, сразу понялъ, что стихотворецъ изъ него выйдетъ неважный, и попросилъ Л. Блана доставить ему обѣ его стихотворныя поэмы, предварительно взявши съ него слово, что онъ перестанетъ писать стихи, если Беранже найдетъ это нужнымъ. Все это Л. Бланомъ было исполнено. Но когда Беранже познакомился съ поэмами, то онъ потребовалъ отъ Л. Блана уже не слова, а клятвы въ томъ, что съ того времени онъ совсѣмъ забудетъ и думать о стихахъ и о риѳмахъ. Л. Бланъ далъ требуемую клятву, хотя не безъ горькаго сожалѣнія. Разсказывая объ этомъ въ исторіи революціи 1848 года, Л. Бланъ прибавляетъ: «сколько разъ впослѣдствіи я поздравлялъ самъ себя съ тѣмъ, что̀ меня раньше такъ огорчило» *).

---

*) Histoire de la révolution de 1848. Paris. 1880. T. II, стр. 74.

Сутрудничество въ «Le Bon Sens» оказалось вполнѣ удачнымъ. Его познанія въ области политики оказались вполнѣ достаточными для того, чтобы изъ него вышелъ хорошій журналистъ; а слогъ его всегда отличался ясностью, изяществомъ, какимъ-то академическимъ характеромъ. И редакція газеты вполнѣ оцѣнила своего новаго сотрудника; ему было назначено годовое содержаніе, весьма достаточное (2000 фр.). Вмѣстѣ съ тѣмъ его извѣстность распространилась дальше порога его редакціи, и къ нему стали поступать предложенія очень лестныя для молодаго человѣка. Даже Арманъ Каррель. редакторъ «National'я», къ которому не задолго передъ тѣмъ безуспѣшно старался пристроиться Л. Бланъ, теперь самъ предложилъ Л. Блану написать рядъ статей по его собственному выбору. И дѣло это устроилось такъ, что Л. Бланъ, оставаясь главнымъ образомъ сотрудникомъ газеты «Le Bon Sens», въ то же время писалъ статьи и для «National'я». — Въ скоромъ времени послѣ смерти главнаго редактора «Bon Sens'а», собственникъ этой газеты, Лефебвръ, предложилъ Л. Блану быть главнымъ редакторомъ ея. Но такъ какъ Л. Бланъ былъ малъ ростомъ и казался все-таки мальчикомъ, не смотря на свои 25 лѣтъ, то для представительства, для сношеній съ публикою былъ назначенъ другой главный редакторъ. — Въ 1838 году Л. Бланъ отказался отъ редакціи «Bon Sens'а» и основалъ свою собственную газету «La Revue du Progrés politique, social et littéraire». — Здѣсь въ первый разъ онъ заговорилъ объ участи рабочихъ, о пролетаріатѣ. Къ этому времени относится одно обстоятельство, весьма характеристическое и недовольно разъясненное. Луи Бонапартъ, будущій императоръ Наполеонъ III, издалъ книгу: «Les idées napoléonniennes», въ которой онъ, стремясь къ востановленію имперіи, обѣщаетъ въ будущемъ имперію, занятую внутренними дѣлами, стремящуюся во всякаго рода внутреннимъ улучшеніямъ и живущую въ мирѣ съ сосѣдями. Луи Бланъ въ своей газетѣ напечаталъ критическую статью, въ которой, обращаясь къ автору, между прочимъ говоритъ: «Вы намъ предлагаете то, что было дѣломъ вашего

дяди, кромѣ войны!.. Ахъ милостивый государь, вѣдь это будетъ деспотизмъ, только безъ славы, это дворъ надъ нашими головами, но безъ Европы у нашихъ ногъ, это имперія, но безъ императора».

«Пророческій духъ», замѣчаетъ при этомъ біографъ Л. Блана, «паритъ надъ этою великолѣпною защитительною рѣчью въ пользу Франціи. Седанская катастрофа какъ будто рисуется уже въ туманѣ отдаленнаго будущаго».

Статья Л. Блана была напечатана 15 августа 1839 года. А 19-го августа, когда онъ возвращался вечеромъ домой, на него было сдѣлано въ темнотѣ нападеніе, которое было столь серьезно, что онъ упалъ безъ чувствъ на тротуаръ, и въ этомъ состояніи былъ принесенъ въ квартиру, послѣ чего онъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль лежалъ въ постелѣ. — Кто были виновниками этого нападенія?—Это не раскрыто; но совпаденіе этихъ обстоятельствъ—нападенія и критической статьи, неблагопріятной для бонапартистовъ,—приводитъ къ мысли, что это было ихъ дѣло; и по духу своему оно очень соотвѣтствуетъ корсиканскимъ нравамъ.

Въ томъ же году Л. Бланъ напечаталъ сначала въ своей газетѣ проектъ соціальной реформы, «L'Ogranisation du travail», самое важное изо всѣхъ сочиненій Л. Блана, не смотря на свой небольшой объемъ, не смотря на свою внутреннюю несостоятельность. Это сочиненіе, вызванное современнымъ экономическимъ состояніемъ народной массы, имѣетъ въ виду измѣненіе, улучшеніе этого состоянія; оно опредѣлило дальнѣйшее направленіе дѣятельности своего автора и не осталось безъ вліянія на ходъ событій во Франціи.

Организація труда произвела особенно сильное впечатлѣніе въ средѣ рабочаго класса. Другое сочиненіе, вышедшее въ слѣдующемъ году, произвело не менѣе сильное впечатлѣніе въ средѣ городскаго сословія, такъ называемой буржуазіи. Это была L'Histoire de Dix ans (T. 1-й), исторія первыхъ 10 лѣтъ царствованія Людовика Филиппа. Рѣдко вообще случалось, чтобы какая-нибудь книга имѣла столь большой успѣхъ, какъ это

сочиненіе Л. Блана. Въ теченіи короткаго времени 7 изданій слѣдовали одно за другимъ, не считая контрфакцій, изданныхъ въ Брюсселѣ и Лейпцигѣ. — Такимъ успѣхомъ книга обязана была, кромѣ несомнѣннаго авторскаго таланта Л. Блана, еще живому, жгучему интересу самого предмета. Это была исторія самаго недавняго времени, времени одушевленной, подчасъ ожесточенной борьбы партій, принциповъ и личностей. Всякій читалъ здѣсь изложеніе событій, въ которыхъ онъ принималъ живое участіе въ то время, какъ они совершались, участіе иногда только чувствомъ, а иногда и самымъ дѣломъ. Притомъ Л. Бланъ воспользовался массою матеріаловъ и источниковъ, самыхъ недоступныхъ; ему сообщали записки, документы, свои воспоминанія лица, которыя могли знать многое неизвѣстное массѣ публики; напр. Дюпанлу, предсмертный исповѣдникъ Талейрана, или докторъ, который былъ акушоромъ у герцогини Беррійской въ крѣпости Бле, и т. п. Сочиненіе написано съ тенденціею, явно неблагопріятною для іюльской монархіи, что вполнѣ соотвѣтствовало чувствамъ большинства читателей; ошибки правительства, неискренность его въ отношеніи къ исполненію обѣщанныхъ реформъ, были выставлены въ яркомъ свѣтѣ, такъ что эта книга для іюльской монархіи принесла вреда едва-ли меньше, чѣмъ ожесточенная парламентская оппозиція въ теченіи многихъ лѣтъ. Съ этой точки зрѣнія и личность Л. Блана, и его книга имѣютъ большое значеніе въ исторіи царствованія Л. Филиппа.

Revue du Progrès перестала выходить раньше появленія Исторіи десяти лѣтъ; совмѣстное приготовленіе къ печати и печатаніе обоихъ этихъ изданій было-бы едва-ли возможно. — Но Л. Бланъ былъ по преимуществу писатель-публицистъ; его всего болѣе занимали вопросы дня; и безъ періодическаго органа ему было-бы тяжело оставаться. Потому, прекративши свою газету, онъ пристроился къ чужой, именно, вошелъ въ составъ редакціи газеты Réforme, однимъ изъ редакторовъ которой былъ до 1845 года Годфруа Кавелькъ, съ которымъ Л. Бланъ весьма сблизился вслѣдствіе общности принциповъ и стремле-

ній. — Въ то-же время, окончивши исторію десяти лѣтъ, Л. Бланъ занялся исторіею французской революціи, которой два тома онъ успѣлъ издать до 1848 года. — Въ это время его популярность была уже очень велика; въ 1846 году ему предлагали кандидатуру въ палату депутатовъ; но онъ нашелъ, что еще не пришло его время. Въ 1847 году началась усиленная агитація по вопросу о реформѣ конституціи, и Л. Бланъ въ Дижонѣ уже говоритъ на банкетѣ рѣчь, поражающую смѣлостью своихъ порицаній правительства, въ которой онъ пророческимъ тономъ за нѣсколько мѣсяцевъ до февральской революціи говоритъ: «Когда фрукты гнилы внутри, то они ожидаютъ только вѣтра, чтобы отдѣлиться отъ дерева».

Въ началѣ 1848 года онъ былъ членомъ комитета при редакціи Реформы. Въ то время Реформа стояла открыто подъ знаменемъ соціализма. Л. Блану было поручено составить соціальную программу газеты; программа была напечатана за подписью всѣхъ членовъ комитета. Въ ней предлагалось учрежденіе ассоціацій, съ цѣлью удовлетворенія нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ гражданъ, причемъ государство должно быть банкиромъ для бѣдныхъ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ освобождены. Здоровому рабочему государство обязано доставить трудъ, а старому и больному—помощь и покровительство. Эта программа показываетъ, что въ редакціи Реформы роль Л. Блана была не изъ послѣднихъ, а изъ первыхъ, самыхъ видныхъ; главныя положенія программы, это ничто иное, какъ основныя положенія его организаціи труда.

Впрочемъ, эта роль не можетъ казаться чѣмъ-нибудь особенно важнымъ для Л. Блана, если принять во вниманіе его громадную популярность въ массѣ рабочихъ и весьма большую и почетную извѣстность въ литературѣ. — Все это въ совокупности было причиною того, что послѣ революціи 24 февраля 1848 года Л. Бланъ попалъ въ число членовъ временнаго правительства и между ними все-таки занималъ положеніе выдающееся, вслѣдствіе своей громадной популярности въ средѣ рабочихъ. Уже на самыхъ первыхъ дняхъ своей дѣятельности (25 фе-

враля), временное правительство, вслѣдствіе предложенія Л. Блана, признало право на трудъ; вслѣдъ затѣмъ 26 февраля, по его-же предложенію, была уничтожена смертная казнь за политическія преступленія. Менѣе сочувствія въ членахъ временнаго правительства встрѣтило его предложеніе касательно учрежденія министерства труда, что имѣло послѣдствіемъ то, что Л. Бланъ хотѣлъ отказаться отъ званія члена временного правительства. Но это намѣреніе его произвело истинный переполохъ въ средѣ временнаго правительства; потому его усиленно просили остаться, понимая, что его отставка могла повести къ большимъ волненіямъ въ средѣ рабочихъ и результата этихъ волненій представить было нельзя. Взамѣнъ министерства труда была учреждена правительственная коммиссія для рабочихъ (commission de gouvernement pour les travailleurs) и Л. Блану было предложено предсѣдательство въ коммиссіи. Коммисія должна было разработать и представить на рѣшеніе будущаго народнаго собранія вопросы касательно улучшенія быта рабочихъ. Л Бланъ принялъ это предложеніе, и коммиссія начала свои дѣйствія въ Люксембургскомъ дворцѣ, въ бывшемъ помѣщеніи палаты перовъ. Въ коммиссіи, кромѣ Л. Блана и рабочаго Альбера, члена временнаго правительства, участвовали делегаты разныхъ корпорацій рабочихъ; кромѣ того, въ нее были допускаемы представители науки, желавшіе сказать свое слово по вопросамъ, подлежавшимъ ея обсужденію, равно какъ и патроны, содержатели промышленныхъ учрежденій. Кромѣ общихъ вопросовъ касательно улучшенія быта рабочихъ въ будущемъ, коммиссія довольно потрудилась для реальнаго улучшенія экономическаго положенія, хотя въ скромныхъ сравнительно размѣрахъ: благодаря ея инициативѣ, устроилось нѣсколько кооперативныхъ ассоціацій рабочихъ; первою изъ нихъ была ассоціація портныхъ, начавшая свою дѣятельность въ долговой тюрьмѣ Клиши, которой обитатели передъ тѣмъ были освобождены вслѣдствіе декрета временнаго правительства. Къ посредничеству коммиссіи прибѣгали какъ рабочіе, такъ и патроны, между которыми возникали несогласія, и она прекратила и даже

предотвратила не одну забастовку рабочихъ, примиривши ихъ съ хозяевами.

Все это болѣе и болѣе увеличивало популярность Л. Блана, въ то время какъ популярность большинства другихъ членовъ временнаго правительства падала; рабочіе все менѣе и менѣе на нихъ полагались. Между прочимъ, между ними распространились слухи, что правительство намѣрено воспользоваться войсками, находившимися въ Парижѣ, чтобы освободиться отъ давленія, которое народныя массы старались производить на него посредствомъ манифестацій, депутацій и т. п. Съ другой стороны рабочіе, находя, что они еще не могутъ основательно рѣшить, кто изъ политическихъ людей того времени принадлежитъ къ ихъ доброжелателямъ, и кто ко врагамъ, желали, чтобы выборы въ народное собраніе были отложены по возможности на долгій срокъ Съ цѣлью добиться этого было предположено произвести манифестацію предъ городскою думою (Hôtel de Ville), гдѣ происходили засѣданія временнаго правительства. Манифестація была назначена на 17-е марта. Л. Бланъ, опасаясь, чтобы манифестація не имѣла худыхъ послѣдствій, а съ другой стороны находя, что желанія народа вполнѣ справедливы, предложилъ временному правительству исполнить заранѣе желаніе народа и тѣмъ предотвратить манифестацію. Но предложеніе его не было принято. Другіе члены временнаго правительства оказывали ему недовѣріе, думая, что онъ стремится увеличить свою популярность въ средѣ рабочихъ въ ущербъ имъ.

Такимъ образомъ манифестація 17 марта не была предотвращена. И враги Л. Блана говорили, что при этой манифестаціи имѣлось въ виду нѣчто другое: рабочіе, будто-бы, не видя въ большинствѣ членовъ временнаго правительства сочувствія ихъ стремленіяхъ, надѣялись произвести своего рода coup d'état, революцію въ революціи, чтобы удалить изъ среды временнаго правительства не сочувствующихъ имъ членовъ и предоставить диктатуру Л. Блану и его неизмѣнному единомышленнику Альберу. Но когда депутація отъ народа явилась въ думу и

прочитала петицію касательно отсрочки выборовъ, то самъ-же Л. Бланъ прежде всѣхъ держалъ къ ней рѣчь, въ которой призывалъ народъ къ порядку, убѣждалъ его имѣть довѣріе къ правительству и предоставить ему свободу разсужденій, не прибѣгая къ угрозамъ. Въ средѣ народной депутаціи многія лица смотрѣли очень мрачно; и когда Л. Бланъ высказалъ, что члены временнаго правительства въ случаѣ надобности съумѣютъ умереть за народъ, то получилъ слѣд. отвѣтъ: «будьте увѣрены, что съ своей стороны рабочіе умрутъ за васъ, лишь-бы только вы защищали ихъ права». Когда послѣ этого члены временнаго правительства согласно желанію народа сошли внизъ, на площадь, то одинъ рабочій, съ гнѣвомъ приблизившись къ Л. Блану и схвативши его за плечо, сказалъ: «и ты также измѣнникъ». Рабочіе вмѣняли ему въ вину то, что онъ не хотѣлъ воспользоваться случаемъ низвергнуть своихъ сотоварищей, членовъ временнаго правительства, и потомъ, захвативши власть, направить дѣла на такую дорогу, которая удовлетворила-бы и его собственнымъ и народнымъ желаніямъ.

Послѣ 17-го марта популярность Л. Блана въ средѣ рабочихъ уменьшилась, и вмѣстѣ съ тѣмъ нерасположеніе къ нему въ средѣ буржуазіи возросло. 4-го мая было открыто конституціонное собраніе. Составъ его оказался весьма неблагопріятнымъ для идей, представителемъ которыхъ былъ Л. Бланъ. Изъ 900 членовъ менѣе половины было республиканцевъ; изъ нихъ людей, одушевленныхъ желаніемъ такъ или иначе улучшить положеніе рабочаго сословія было еще несравненно меньше; такихъ людей нужно было считать не десятками, а только единицами. Не смотря на то, собраніе въ одномъ изъ первыхъ засѣданій, принимая отъ временнаго правительства власть, торжественно заявило, что временное правительство a bien mérité de la patrie. И когда дѣло дошло до организаціи исполнительной власти, то почти всѣ члены временнаго правительства или вошли въ составъ исполнительной коммисіи или получили министерскіе портфели. Исключеніе было сдѣлано только для Л. Блана и Альбера, которые остались ни при

чемъ, кромѣ того, впрочемъ, что они были членами собранія, оба какъ депутаты гор. Парижа. Такое отношеніе собранія къ Л. Блану опять подняло его популярность въ Парижѣ, которая еще увеличилась послѣ 10 мая, когда Л. Бланъ предложилъ собранію учредить министерство труда. Послѣ весьма оживленныхъ, хотя непродолжительныхъ преній предложеніе было отвергнуто. До какой степени парижское населеніе интересовалось этимъ вопросомъ, видно изъ того, что рабочіе отказались участвовать въ праздникѣ согласія, который назначенъ былъ вскорѣ послѣ этого и мотивомъ отказа было именно рѣшеніе собранія, отвергнувшее предложеніе Л. Блана касательно министерства труда, вслѣдствіе чего и праздникъ согласія былъ отложенъ на неопредѣленное время.

Въ это время до Парижа дошли извѣстія о возстаніи въ Познани, которое, не смотря на нѣкоторые пріобрѣтенные успѣхи, рано или поздно должно было уступить превосходству силъ. Этимъ извѣстіемъ руководители демократической партіи рѣшились воспользоваться, чтобы произвести смуты въ надеждѣ, что смута можетъ повести къ ниспроверженію установившагося правительства, котораго демократическіе и республиканскіе принципы оказались весьма сомнительными. Предположено было произвести большую манифестацію въ пользу поляковъ, требовать, чтобы Франція взяла на себя роль защитницы всѣхъ угнетаемыхъ народностей. Всѣ болѣе видные соціалисты и революціонеры: Прудонъ, Л. Бланъ, Кабе, Барбесъ, были противъ манифестаціи, опасаясь, что враждебное республикѣ большинство собранія воспользуется этимъ предлогомъ для принятія реакціонныхъ мѣръ. Но народныя массы имѣли, повидимому, тайныхъ руководителей, и манифестація, какъ извѣстно, не только состоялась (15 мая), но и приняла такіе размѣры и такой характеръ, которыхъ никто не ожидалъ. Массы народа вторглись въ залъ собранія, во время самаго засѣданія, съ знаменами, съ петиціями, шумѣли и распоряжались здѣсь, какъ хотѣли. Другія народныя массы окружили Бурбонскій дворецъ, мѣсто засѣданій собранія, также кричали

и шумѣли, требовали министерства труда, причемъ въ разныхъ концахъ слышалось: «мы хотимъ Л. Блана, Л. Блана». Тѣ-же самые крики повторялись и въ самомъ собраніи. Наконецъ манифестанты отыскали въ собраніи Л. Блана, подняли его на руки и требовали, чтобы онъ говорилъ къ народу. Л. Бланъ это и сдѣлалъ, убѣждалъ народъ уйти изъ собранія, дать свободу его занятіямъ, становился къ окну и говорилъ къ народу, собравшемуся на улицѣ; но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Его не слушались; напротивъ, его еще разъ схватили, подняли на плечи и носили съ нѣкотораго рода тріумфомъ по заламъ и корридорамъ собранія; причемъ изъ толпы ему пришлось слышать такія фразы: о маленькій плутъ, если бы ты захотѣлъ (Ah! petit gredin, si tu voulais...) Очевидно, на него еще разъ разсчитывали, что онъ не откажется съ помощію преданнаго ему народа овладѣть диктатурою.

Л. Бланъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы освободиться отъ этого невольнаго тріумфа, но это было не такъ-то легко. Когда ему это удалось наконецъ, онъ былъ въ такомъ состояніи изнеможенія, что принужденъ былъ лечь на одной изъ скамей въ залѣ собранія, опустѣвшаго вслѣдствіе того, что члены мало-по-малу и потихоньку ушли изъ него. Когда онъ вышелъ изъ собранія, то народная волна, которая отхлынула отъ собранія и понеслась къ думѣ, увлекла и его за собою, такъ что онъ самъ, того не замѣчая, очутился на площади передъ думою и здѣсь встрѣтивши брата и еще кое-кого изъ друзей, успѣлъ наконецъ выбраться изъ толпы и мало - по - малу добраться до дома *).

Между тѣмъ, въ думѣ главные демагоги: Барбесъ, Бланки, Распайль, Гюберъ, уже приступили къ организаціи новаго революціоннаго правительства; но попытка ихъ не имѣла успѣха. Не будучи поддержаны народомъ, они сами должны были спасаться; и нѣкоторые изъ нихъ были немедленно арестованы;

---

*) Такъ разсказываетъ самъ Л. Бланъ; и все заставляетъ думать, что разсказъ его правдивъ.

другіе успѣли въ теченіи нѣкотораго времени скрываться, какъ Бланки и Распайль.

Между тѣмъ вечеромъ возобновилось засѣданіе національнаго собранія. Узнавши объ этомъ Л. Бланъ и самъ отправился туда. Но при самомъ входѣ въ собраніе въ коридорѣ былъ узнанъ нѣсколькими національными гвардейцами, которые немедленно бросились на него съ крикомъ: «его надо убить, дѣло будетъ короче». Произошла безпорядочная и дикая сцена: нѣсколько человѣкъ національныхъ гвардейцевъ наносили удары щедушному Л. Блану, рвали ему волосы, ломали пальцы, даже покушались нанести ему удары штыкомъ. Когда, будучи освобожденъ другими національными гвардейцами и членами національнаго собранія, Л. Бланъ вошолъ въ собраніе, то онъ имѣлъ окровавленное лицо и платье, изорванное въ клочки. Такъ обошлась съ нимъ національная гвардія гор. Парижа «этой наиболѣе просвѣщенной части Франціи (de la partie la plus éclarée de la France), этого лучезарнаго источника свѣта (rayonant foyer de lumière)», какъ самъ онъ выражается въ разсказѣ объ событіяхъ этого времени, высказывая при этомъ сожалѣніе, что идеи и стремленія этого лучезарнаго очага были подавлены идеями менѣе просвѣщенной части Франціи. Черезъ двѣ недѣли послѣ этихъ событій было внесено въ національное собраніе генеральнымъ прокуроромъ республики Порталисомъ требованіе о дозволеніи подвергнуть Л. Блана судебному преслѣдованію за его участіе въ событіяхъ 15-го мая. Требованіе это, между прочимъ, было поддержано Ж. Фавромъ. Но собраніе отвергло его, впрочемъ, очень незначительнымъ большинствомъ (32 голоса). Потомъ произошли такъ - называемыя іюньскія событія,—война на улицахъ Парижа между правительственными войсками и рабочими, принадлежавшими къ такъ называемымъ Національнымъ мастерскимъ. Л. Бланъ въ эти дни старался держать себя съ особенною осторожностью. Но когда послѣ подавленія возстанія правительство назначило коммиссію для разслѣдованія причинъ его, то кстати поручило коммиссіи еще разъ произвести разслѣдованіе и о событіяхъ 15-го

мая. На этотъ разъ слѣдователи нашли, что въ этихъ послѣднихъ событіяхъ Л. Бланъ игралъ роль преступную, что въ собраніи онъ обращался къ толпамъ народнымъ съ поздравленіемъ, что онѣ наконецъ, завоевали себѣ право петицій, и что онъ былъ въ думѣ въ то время, какъ тамъ устраивалось революціонное правительство. Согласно этому, опять было представлено въ собраніе требованіе о дозволеніи предать Л. Блана суду; и на этотъ разъ собраніе дало согласіе. Несомнѣнно, что такое рѣшеніе принято собраніемъ подъ вліяніемъ политическихъ страстей, что оно отнеслось къ Л. Блану подобно тѣмъ національнымъ гвардейцамъ, которые напали на него 15-го мая. Приписываемыя Л. Блану дѣянія никогда не имѣли мѣста. Л. Бланъ думалъ подвергнуть себя суду и оправдаться; но его братъ, Шарль Бланъ, связанный съ нимъ самою крѣпкою братскою любовью, и нѣкоторые изъ друзей тутъ-же въ собраніи стали убѣждать его удалиться за границу. Къ этому времени относится фактъ, который является отраднымъ исключеніемъ въ ряду другихъ, непохожихъ на него. Въ то время, какъ Л. Бланъ обсуждалъ съ братомъ и друзьями, какое онъ долженъ принять рѣшеніе, къ нему подходитъ членъ собранія Дарагонъ, принадлежавшій къ правой сторонѣ и протягивая ему руку говоритъ: «Я не раздѣляю вашихъ мнѣній, но уважаю васъ и люблю. Если вы считаете меня достойнымъ вашего довѣрія, пойдемте». Л. Бланъ послѣдовалъ за нимъ и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ къ нему въ квартиру. Здѣсь крайне утомленный Л. Бланъ заснулъ. Но черезъ 2 часа Дарагонъ разбудилъ его и торопилъ отъѣздомъ, находя, что дальнѣйшее его пребываніе въ Парижѣ представляло бы для него опасности, и, не слушая возраженій Л. Блана, далъ ему бумажникъ съ двумя банковыми билетами и довелъ его до кареты, которая должна была привести его въ С.-Дени, откуда Л. Бланъ могъ уже безопасно ѣхать по желѣзной дорогѣ до границы.

Причина, вслѣдствіе которой народное собраніе показало столь много нерасположенія къ Л. Блану, заключалась конечно

не въ томъ, что онъ говорилъ что-нибудь народу въ залѣ собранія или что онъ былъ въ думѣ; все это были только предлоги, поводы, посредствомъ которыхъ отъ него хотѣли отдѣлаться и вмѣстѣ съ тѣмъ наказать его за его дѣятельность въ качествѣ члена временного правительства, за его предложенія касательно права на трудъ, министерства труда и т. п. за то, что онъ не относился съ отказомъ къ желаніямъ и требованіямъ рабочихъ, что, напротивъ, самъ стремился къ улучшенію быта ихъ и давалъ опору ихъ надеждамъ и стремленіямъ.

Въ Англіи Л. Бланъ пробылъ больше 20 лѣтъ, до провозглашенія третьей республики въ 1870 году. Эти долгіе годы изгнанія не остались безплодными. Л. Бланъ, во первыхъ, продолжалъ начатый имъ большой трудъ «Исторію французской революціи» (первой) и довелъ его до конца (15 томовъ); потомъ онъ издавалъ ежемѣсячный журналъ «Le Nouveau Monde, (15 іюля 1849—15 іюля 1851), писалъ письма объ Англіи во французскія газеты и наконецъ издалъ «Исторію революціи 1848 года» (2 тома). Л. Бланъ по пріѣздѣ въ Англію очень скоро занялся изученіемъ англійскаго языка и усвоилъ его въ такой степени, что писалъ и говорилъ на немъ совершенно свободно, какъ англичанинъ, и могъ даже на немъ читать публичныя лекціи, охотно посѣщавшіяся англичанами.

По возвращеніи его во Францію, онъ при первыхъ выборахъ былъ избранъ членомъ національнаго собранія громаднымъ числомъ 216,000 голосовъ. Вслѣдъ за симъ правительство Народной обороны назначило его посланникомъ въ Лондонъ, гдѣ онъ могъ быть очень полезенъ для Франціи, вслѣдствіе своихъ знакомствъ въ мірѣ политиковъ, писателей и членовъ парламента Но въ моментъ этого назначенія онъ находился въ Парижѣ, который уже былъ обложенъ нѣмцами; и потому Л. Бланъ не могъ выѣхать изъ Парижа и назначеніе это не имѣло послѣдствій.

31 октября во время волненій въ осажденномъ Парижѣ Л. Блану еще разъ была предложена диктатура рабочими,

превращенными въ это время въ солдатъ національной гвардіи. Нечего и говорить, что этого предложенія Л. Бланъ не принялъ. Во время коммуны онъ также не принялъ ея стороны, хотя былъ депутатомъ въ собраніи отъ гор. Парижа. Но въ собраніи, въ Версали, куда онъ переселился, его рѣчи всегда имѣли въ виду политику примиренія и прощенія заблуждающимся. Когда парламентская дѣятельность собранія вошла въ нормальную колею, Л. Бланъ явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его членовъ, не смотря на то, что ему было уже за 60 лѣтъ. Въ 1879 году онъ предпринялъ путешествіе на югъ Франціи, и путешествіе это было рядомъ непрерывныхъ овацій, наглядно показавшимъ ему, до какой степени онъ пользовался уваженіемъ и расположеніемъ согражданъ. Это путешествіе было до нѣкоторой степени вознагражденіемъ его за двадцатилѣтнее изгнаніе. Л. Бланъ умеръ 6 декабря 1882 года въ Каннѣ, и похороненъ въ Парижѣ. Народонаселеніе Парижа устроило ему великолѣпныя похороны, которыхъ издержки, по согласному постановленію обѣихъ палатъ, отнесены на счетъ государства.

Изъ сочиненій Л. Блана мы обратимъ вниманіе почти исключительно на Organisation du travail, потому что въ немъ именно содержится его проектъ соціальной реформы.

Л. Бланъ начинаетъ, какъ и всѣ другіе соціалисты, жалобами на ненормальное состояніе современной экономической жизни народовъ, старается отыскать его причины и затѣмъ проектируетъ такое экономическое устройство, при которомъ эти причины не дѣйствовали-бы и экономическая жизнь приняла-бы другой, болѣе удовлетворительный видъ.

Ненормальное состояніе экономической жизни всего болѣе проявляется въ томъ, что низшій классъ, рабочіе, не имѣютъ возможности удовлетворить самымъ необходимымъ потребно-

стямъ, не могутъ даже имѣть не только удовлетворительнаго, но просто достаточнаго, соотвѣтствующаго организму, питанія, не говоря о потребностяхъ помѣщенія, одежды и т. д., потому что содержаніе, получаемое ими за трудъ, крайне ограничено сравнительно съ существующими цѣнами на предметы первой необходимости. Луи Бланъ объ этомъ наводилъ точныя справки, собралъ показанія 1,500 рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, и на основаніи этихъ показаній составилъ таблицы, изъ которыхъ оказывается, что въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда промышленность Франціи и въ частности гор. Парижа не страдала ни отъ какихъ особенныхъ причинъ, въ Парижѣ не было ни одной отрасли промышленности, въ которой положеніе средняго рабочаго было-бы удовлетворительно. Во-первыхъ, всѣ онѣ имѣли такъ называемый мертвый сезонъ (morte saison), когда рабочіе совсѣмъ не имѣютъ работы и заработка; и мертвые сезоны обыкновенно простираются отъ 3 до 6, даже до 7 мѣсяцевъ. Во-вторыхъ и въ сезонъ работъ плата была все-таки недостаточна для содержанія въ Парижѣ рабочаго семейнаго. Высшій размѣръ ея простирался до 4 фр. 50 сантимовъ въ день или до 1 р. $12^1/_2$ к. на наши деньги по нормальному курсу, а низшій до 2 фр. 25 сант., до $56^1/_4$ к.

Женскій трудъ оплачивался, какъ и всегда, гораздо дешевле. Высшій размѣръ платы простирался только до 2 фр. 25 сант., а низшій до 75 сантимовъ (18 к.).

Въ такомъ положеніи дѣло находилось около 1840 г.; но впослѣдствіи оно значительно измѣнилось къ худшему. Предметы питанія, въ особенности мясо всякаго рода, поднялись въ цѣнѣ; а заработки еще болѣе упали. Такъ заработокъ слесарей отъ 1840 до 1848 года понизился на $^1/_3$, т. е. на $33^0/_0$; заработки ткачей понизились до такой степени, что существованіе рабочаго, безъ постороннихъ пособій, стало невозможнымъ; рабочіе въ недѣлю вырабатывали только отъ 2 фр. 80 сант. до 4 фр. 60 сант., т. е. отъ 70 коп. до 1 р. 15 коп. въ недѣлю, или отъ 11 до 19 коп. въ день. Заработокъ столяровъ понизился на $^2/_5$ и даже на $^1/_2$. Даже

скудные заработки женщинъ, и тѣ понизились вездѣ почти на половину, такъ что цвѣточницы, вмѣсто 1 фр. 75 сант., стали получать 87 сант., колористки вмѣсто 125 сант., только $62^1/_2$, бѣлошвейки вмѣсто 1 фр., только 50 сантимовъ. Къ довершенію бѣды работницъ, образовалась практика такъ называемаго маршандажа, состоящая въ томъ, что у хозяина брали работу не тѣ женщины, которыя должны были исполнить ее, а другія, которыя уступали работу дѣйствительнымъ работницамъ за извѣстную скидку, такъ что дѣйствительнымъ работницамъ приходилось получать за дневную работу въ теченіи 15 и даже 18 часовъ иногда только 30 сантимовъ или $7^1/_2$ к., когда онѣ за квартиру должны были платить 15 или 20 сантимовъ. Имъ оставалось 3 копѣйки на пищу, одежду, отопленіе, освѣщеніе; и изъ этихъ-же денегъ онѣ должны были уэкономить на 4 или 5 мѣсяцевъ мертваго сезона!

«Сколько слезъ, замѣчаетъ при этомъ Л. Бланъ, представляетъ каждая изъ этихъ цифръ! Сколько воплей страданія! Сколько проклятій, съ усиліемъ удержанныхъ въ глубинѣ сердца! Вотъ, однако, состояніе жителей города Парижа, города науки, города искусствъ, лучезарной столицы образованнаго міра,—города, котораго физіономія воспроизводитъ, однако, слишкомъ вѣрно всѣ отвратительные контрасты нашей хваленой цивилизаціи: великолѣпные бульвары и грязныя улицы, блестящіе магазины и мрачныя мастерскія, театры, гдѣ поютъ, и темныя убѣжища, гдѣ плачутъ, памятники тріумфаторамъ и залы для утопленниковъ, арку звѣзды и Ля Моргъ!» *).

Далѣе Л. Бланъ приводитъ данныя оффиціальной статистики, показывающія, что во Франціи есть до милліона рабочихъ, которые въ буквальномъ смыслѣ терпятъ голодъ. Помѣщенія рабочихъ, какъ свидѣтельствуютъ документы, представ-

*) Organisation du travail. 9-me édit. Paris, 1850, стр. 34. Организація труда имѣла много изданій, и въ послѣднихъ изданіяхъ авторъ дѣлалъ прибавленія и даже поправки. Потому мы пользовались не однимъ изданіемъ. Въ 9-мъ изданіи приведены данныя, относящіяся къ 1848 г. Это можетъ ввести въ недоумѣніе тѣхъ, которые знаютъ, что первое появленіе книги относится къ 1839 году.

ляютъ нѣчто въ высшей степени возбуждающее отвращеніе и ужасъ. Это грязные, сырые, холодные и полутемные подвалы, безъ мебели, съ какими-то лохмотьями вмѣсто одежды и постели. Существуютъ своего рода меблированныя комнаты для рабочихъ, въ которыхъ скопляются десятки одинокихъ работниковъ и работницъ, воровъ и проститутокъ. Въ этихъ меблированныхъ комнатахъ свои особенные нравы, — постоянныя ссоры, драки, иногда съ употребленіемъ ножей, пьянство и пр.

Однимъ изъ результатовъ бѣдности рабочихъ является то, что семейная жизнь сокращается. Когда взрослый работникъ получаетъ плату едва достаточную или совсѣмъ недостаточную для содержанія его одного, то съ его стороны было бы большимъ неблагоразуміемъ обзаводиться семействомъ; и дѣйствительно, семейство мало-по малу уступаетъ мѣсто конкубинату. А если рабочій женится, если у него родятся дѣти, то участь его много отягчается, и участь дѣтей представляется еще болѣе жалкою. Общество филантроповъ гор. Мюльгуза въ Эльзасѣ представило палатамъ петицію, въ которой просило правительство обратить вниманіе на судьбу дѣтей рабочихъ въ этомъ городѣ. Ихъ, по словамъ петиціи, посылали на фабрики съ шестилѣтняго, даже съ пятилѣтняго возраста. И число рабочихъ часовъ было одно и то же, какъ для взрослыхъ, такъ и для этихъ пятилѣтнихъ дѣтей. «Пройдите по улицѣ фабричнаго города, говорится въ петиціи, въ 5-ть часовъ утра, и обратите вниманіе на народныя массы, которыя тѣснятся у входа бумагопрядиленъ. Вы замѣтите въ нихъ несчастныхъ дѣтей, блѣдныхъ, худощавыхъ, худо сложенныхъ, съ тусклымъ взоромъ, съ лицомъ свинцоваго цвѣта, тяжело дышащихъ и сгорбленныхъ подобно старикамъ».

Трудно вѣрить въ полную правдивость начерченной картины; къ сожалѣнію она находитъ подтвержденіе въ другихъ несомнѣнныхъ данныхъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ мануфактурныхъ округахъ изъ 10,000 молодыхъ людей, подлежащихъ исполненію воинской повинности, только 1,020 человѣкъ оказываются удовлетворяющими требованіямъ, остальные

8,980 или слабосильны, или больны, или худо сложены, въ то время какъ въ земледѣльческихъ округахъ изъ 10,000 молодыхъ людей почти 6,000 оказываются годными къ военной службѣ.

Нечего и говорить, что бѣдные родители—рабочіе объ образованіи дѣтей думаютъ немного. Еще они посылаютъ дѣтей въ школу, если имъ не находится занятій на какой-нибудь фабрикѣ. Но коль скоро такая фабрика открывается, то можно закрыть школу. De facto она сама закроется, дѣти перестанутъ посѣщать ее и пойдутъ на фабрику. Конкурренцію съ фабрикой школа выдержать не можетъ. И напрасно вы будете убѣждать отцовъ посылать дѣтей въ учебное заведеніе, а не на фабрику. «На фабрикѣ платятъ, а въ школѣ не платятъ», отвѣтятъ они; и въ то время, какъ семья ежедневно питается впроголодь, трудно переспорить ихъ. Какіе нравы усвоятъ себѣ дѣти на фабрикѣ безъ родительскаго надзора, безъ руководства, объ этомъ много распространяться не придется. Достаточно обратить вниманіе на фактъ, приводимый Л. Бланомъ со словъ одного доктора, именно, что ему приходилось лечить одинадцати-лѣтнихъ дѣтей отъ сифилитической болѣзни!—Что ожидаетъ такихъ дѣтей въ будущемъ? Многія-ли изъ нихъ будутъ въ состояніи терпѣливо переносить эту жизнь полную трудовъ и лишеній?

Malesuada fames; голодъ худой совѣтникъ. Въ Парижѣ, слѣдуя вычисленіямъ Фрежье, въ тѣ времена было больше 30,000 бродягъ, пьяницъ и всякаго рода бездѣльниковъ, да столько же мошенниковъ, воровъ, грабителей, публичныхъ женщинъ и т. п.; такъ что вся эта «армія зла, которую содержитъ и кормитъ Парижъ», простиралась свыше 60,000 человѣкъ. Между ними есть своего рода знаменитости, извѣстныя не только въ своемъ кругу, но хорошо знакомыя и полиціи, которая ведетъ имъ списки, слѣдитъ за ними, чтобы накрыть ихъ на мѣстѣ преступленія, что удается ей очень рѣдко. Полиція слѣдитъ за ворами, а воры слѣдятъ за полиціею; между ними происходитъ война, они стараются въ сра-

женіи и въ маневрахъ превзойти другъ друга; и полиціи не всегда удается быть побѣдителемъ. Воры и убійцы составляютъ шайки, которыхъ начальники пользуются большимъ авторитетомъ, достаточнымъ для того, чтобы поддерживать между подчиненными строгую дисциплину, необходимую для успѣха дѣла. Долгая практика привела шайки къ особаго вида раздѣленію труда, къ спеціализаціи занятій, какъ выяснили уголовные процессы. Такъ шайка Шарпантье имѣла полемъ дѣйствія людей средняго состоянія; шайка Курвуазье эксплуатировала наиболѣе аристократическую часть города, С. Жерменское предмѣстье. Шайка Готье обкрадывала рабочихъ. Были еще извѣстныя шайки Овернцевъ, Усыпителей, Душителей; два послѣднія названія показываютъ на спеціальности, которыми различались шайки. Душители не отступали и передъ убійствомъ, гдѣ это было нужно для успѣха дѣла. «Въ ожиданіи, замѣчаетъ Л. Бланъ, когда устроятся ассоціаціи рабочихъ, мы видимъ, что организуются ассоціаціи убійцъ».

Л. Бланъ всегда былъ почитателемъ Руссо и заключеніе, которое онъ присоединяетъ къ приведеннымъ фактамъ, какъ-будто цѣликомъ заимствовано изъ Contrat social. «Чтобы люди родились испорченными, говоритъ онъ, мы не осмѣлимся утверждать это, чтобы не впасть въ богохульство. Мы гораздо болѣе наклонны думать, что дѣло Божіе хорошо, что оно свято. Не будемъ вдаваться въ нечестіе, чтобы оправдаться въ томъ, что мы его испортили. Свобода человѣка существуетъ въ строгомъ смыслѣ; но великіе философы подвергли эту истину сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ, у бѣдныхъ людей она страннымъ образомъ измѣнена и стѣснена. Я знаю тираннію болѣе неумолимую, чѣмъ тираннія Тиверія и Нерона; эта тираннія—сила вещей.» Для бѣднаго эта сила вещей заключается въ его бѣдности, вслѣдствіе которой онъ лишонъ и хлѣба матеріальнаго, и хлѣба духовнаго. Въ дѣтствѣ и юности онъ видѣлъ только худые примѣры порока, и никакой любящій голосъ не предостерегъ его, не разъяснилъ ему значенія этихъ примѣровъ;

а нужда представляла ему искушеніе послѣдовать этимъ примѣрамъ.

Откуда же бѣдность? — Что это за необходимый спутникъ нашей цивилизаціи?—Бѣдность, отвѣчаетъ Л. Бланъ, отъ конкурренціи. Конкурренція—вотъ источникъ всякаго зла въ наше время. Для рабочихъ это — система истребленія, искорененія, уничтоженія. Не лучшіе результаты имѣетъ она и для фабрикантовъ, для нихъ она служитъ причиною разоренія, по крайней мѣрѣ для большинства; послѣ чего фабрикантъ и самъ попадаетъ въ число пролетаріевъ, а его дѣти и внуки—въ число рабочихъ. И вотъ въ какой общей формулѣ Л. Бланъ представляетъ начало промышленной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственной жизни рабочаго.

Предприниматель нуждается въ одномъ рабочемъ; ихъ является трое. Сколько вы желаете за работу? — спрашиваетъ онъ у одного.—Три франка; у меня есть жена и дѣти. — Хорошо; а вы? — Два франка съ половиною; у меня есть жена, но дѣтей нѣтъ. — Прекрасно; а вы? — Для меня достаточно двухъ франковъ; у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей.—Прекрасно, я вамъ даю преимущество. Сдѣлка окончена, торгъ состоялся. Какова судьба двухъ пролетаріевъ, не получившихъ работы? Вѣроятно они рѣшатся на голодную смерть. Но если они сдѣлаются ворами? Не бойтесь, противъ воровъ мы имѣемъ жандармовъ. А если они сдѣлаются убійцами? Противъ убійцъ мы имѣемъ палачей. Что касается до наиболѣе счастливаго изъ троихъ и его торжество только временное. Является четвертый рабочій, достаточно сильный для того, чтобы поститься черезъ день, и рабочая плата уменьшается еще болѣе и является новый парія, новая жертва. И кто столько слѣпъ, чтобы не видѣть, что при неограниченной конкуренціи пониженіе рабочей платы есть фактъ необходимый и всеобщій, а не исключительный?» *) Съ другой стороны вотъ какъ Луи Бланъ представляетъ результаты конкурренціи для предпринимателей. «Такъ

*) Organisation du travail, 5-me éd. Paris, 1848, стр. 43, 44.

какъ нѣтъ мѣста для всѣхъ, говоритъ онъ, то тамъ, гдѣ появляется одно состояніе, другое рушится; тамъ, гдѣ мы видимъ одного человѣка, стоящаго прямо, другой лежитъ на землѣ убитый. Вы устраиваете новое промышленное предпріятіе, но гдѣ же ваши покупатели? — Я постараюсь отбить у сосѣда. Въ такомъ случаѣ сосѣдъ умретъ! — А что же я могу сдѣлать? не онъ умретъ, такъ я» *).

Но раньше смерти пролетарій попробуетъ еще поискать средствъ для жизни. Прежде всего онъ обращается къ землѣ, матери-кормилицѣ человѣка.

«Но оказывается, что вся почва вокругъ него занята. Можетъ-ли онъ обрабатывать землю на свой счетъ? Нѣтъ, потому что право перваго занимающаго сдѣлалось правомъ собственности. Можетъ-ли онъ сорвать тѣ плоды, которые рука Божія производитъ на дорогѣ людской? Нѣтъ, потому что плоды, какъ и самая почва, усвоены въ собственность. Можетъ-ли онъ искать средства пропитанія въ охотѣ или въ рыбной ловлѣ? Нѣтъ, потому что и то и другое составляетъ право государства, которое отдается на откупъ. Можетъ-ли онъ почерпнуть воды въ колодезѣ, находящемся среди поля? Нѣтъ, потому что владѣлецъ поля вмѣстѣ съ тѣмъ есть и владѣлецъ колодезя. Можетъ-ли онъ, умирая отъ голода и жажды, протянуть руку, обращаясь къ жалости подобныхъ себѣ? Нѣтъ, потому что существуютъ законы противъ нищенства. Можетъ-ли онъ, истощенный усталостію и не имѣя пристанища, заснуть на мостовой? Нѣтъ, потому что существуютъ законы противъ бродяжничества. Можетъ-ли онъ, убѣгая изъ этой человѣкоубійственной родины, искать средствъ къ жизни далеко отъ мѣстъ, гдѣ онъ получилъ жизнь? Нѣтъ, потому что можно переселяться изъ одной страны въ другую только подъ извѣстными условіями, которыхъ онъ не можетъ выполнить.

«Что же сдѣлаетъ этотъ несчастный? Онъ вамъ скажетъ: У меня есть руки, у меня есть смыслъ, у меня есть сила и молодые годы; возьмите все это и дайте мнѣ хлѣба. Это дѣй-

*) Le socialisme, droit au travail; réponse à M. Thiers. 24.

ствительно и дѣлаютъ, это и говорятъ нынѣшніе пролетаріи; но вы можете сказать бѣдному: у меня нѣтъ для васъ работы. Что онъ долженъ еще дѣлать, по вашему мнѣнію?

«Слѣдствіе всего этого весьма просто. Обезпечьте бѣдному работу. Отсюда еще далеко до полной справедливости и еще дальше до братства; но, по крайней мѣрѣ, вы избавите себя отъ большихъ опасностей. Подумали-ли у насъ объ этомъ довольно? Когда человѣкъ, желающій жить посредствомъ службы обществу, роковымъ образомъ, страхомъ смерти доведенъ до того, что онъ нападаетъ на это общество, то, не смотря на то, что видимымъ образомъ онъ нападаетъ, въ самомъ дѣлѣ онъ находится въ состояніи законной защиты, а общество, которое казнитъ его, дѣлаетъ это не вслѣдствіе права, а убиваетъ его, какъ убійца».

Но не всякій можетъ дойти до того, чтобы нападать; для этого нужны нѣкоторыя свойства темперамента, которыя не всѣмъ присущи. Иногда дѣло кончается проще и короче.

«4-го ноября 1844 года, говоритъ Л. Бланъ, я читалъ Gazette des Tribunaux. Въ ней содержались подробности одного убійства, недавно совершоннаго, весьма краснорѣчиваго по своему значенію: «12 іюля говорится въ протоколѣ, составленномъ генеральнымъ прокуроромъ Эберомъ, нѣкто Шеврейль явился въ постъ Консерваторіи искусствъ и ремеслъ, говоря, что онъ убилъ свою жену, и разсказывая подробности совершеннаго имъ преступленія; онъ разсказалъ, что его жертва по имени Селина-Анета Бронъ была его сожительница, съ которою онъ жилъ въ продолженіе мѣсяца, что будучи несчастны и утомлены жизнью, которую бѣдность сдѣлала невыносимою, они согласились вмѣстѣ умереть,—что для исполненія этого намѣренія они напились водки, заперли окно своей комнаты, заткнули въ ней всѣ щели и приготовили угля, чтобы умертвить себя угаромъ. Дѣвица Селина Бронъ легла въ постель.—Мы скоро умремъ, сказалъ Шеврейль.—Хорошо, отвѣчала она, только подожди немного. Эти слова были сопровождаемы нервнымъ припадкомъ, который Шеврейль успокоилъ посредствомъ ста-

кана сахарной воды. Дѣвица Бронъ, оправившись немного, сказала: «ты умрешь, мой добрый Жюльенъ, ты зажегъ уголь, заснемъ передъ смертью». Дѣйствительно она заснула. Однако уголь не былъ зажженъ. Если вѣрить обвиняемому, онъ боялся, чтобы дѣвица Бронъ въ своихъ припадкахъ не упала на жаровню и не сожглась. Въ эту минуту, разсказывалъ онъ, ему пришла мысль задушить ее, и потому, выпивши еще водки для смѣлости, онъ растопилъ смолы, намазалъ ее на холстъ и приложилъ къ ея лицу, такъ-что ротъ и ноздри были вполнѣ закрыты. Черезъ нѣсколько минутъ Анета Бронъ умерла; послѣ чего Шеврейль, по его словамъ, не имѣлъ храбрости зажечь уголь или лишить себя жизни другимъ способомъ, но поспѣшилъ явиться въ полицію *).» Эта Анета Бронъ, какъ оказывается дальше, была женщиною совсѣмъ особенною. Быть можетъ при другихъ обстоятельствахъ изъ нея вышла бы Жанна Д'Аркъ, на которую она походила богатствомъ чувства и мечтательностію. «Будучи моложе, говорила она однажды Шеврейлю, я работала въ Сенъ-Морѣ и по вечерамъ, когда была хорошая погода, я одна шла въ поле къ сенъ-морскому своду, въ прекрасную мѣстность, гдѣ я была окружена зеленью и цвѣтами. Я тамъ часто плакала изъ-за мечты, которую сама создала. Одна піеса подъ названіемъ Кетли, которую я видѣла въ театрѣ гимназіи, возмутила мое спокойствіе. Въ этой піесѣ есть одна очень любящая женщина и я въ моемъ уединеніи также, подобно ей, любила одно сверхестественное существо, какого-то необыкновеннаго человѣка, котораго, однако, я не знала и не видала. Но я съ нимъ говорила, я думала, что вижу его подлѣ меня; онъ спалъ подлѣ меня. Потомъ я искала цвѣтовъ и разбрасывала около него и говорила тихимъ голосомъ: онъ здѣсь, онъ мнѣ вѣренъ! О да, я очень любила и плакала; я была счастлива этими идеями, которыя я сама создала, потому-что я каждый день ходила въ это мѣсто».

Бѣдность происходитъ отъ конкурренціи. Стало быть, чтобы уничтожить бѣдность, нужно уничтожить конкурренцію? Л. Бланъ

*) Org. du tr. 5-me éd. стр. 50.

не останавливается передъ этимъ слѣдствіемъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Но какъ сдѣлать это? Чѣмъ замѣнить конкурренцію въ производствѣ?

Конкурренцію, говоритъ онъ, можно убить только посредствомъ конкурренціи; similia similibus curantur. Въ настоящее время тотъ изъ производителей, который обладаетъ большимъ капиталомъ, достигаетъ того, что производители, обладающіе меньшими капиталами, не имѣя возможности выдерживать конкурренцію съ нимъ, разоряются и прекращаютъ производства. Если мы найдемъ такого капиталиста, котораго состояніе будетъ во много разъ превосходить состояніе другихъ наиболѣе крупныхъ капиталистовъ, то онъ точно также можетъ всѣхъ ихъ удалить съ рынка, можетъ достигнуть того, что всѣ ихъ промышленныя заведенія закроются. Такимъ капиталистомъ можетъ быть только государство, котораго средства почти неизмѣримо превосходятъ средства каждаго частнаго лица. Вотъ оно-то и возьметъ на себя задачу уничтожить конкурренцію въ промышленности и на мѣсто ея ввести солидарность, для чего оно будетъ облечено особыми, чрезвычайными полномочіями (serait investi d'une grande force).—Съ этою цѣлью государство или представляющее его

«Правительство сдѣлаетъ заемъ, который будетъ употребленъ на постройку общественныхъ мастерскихъ (ateliers sociaux) во всѣхъ наиболѣе важныхъ отрасляхъ народной промышленности. Такъ какъ эта постройка требуетъ значительныхъ суммъ, то число первоначальныхъ мастерскихъ будетъ ограничено только самыми необходимыми; но вслѣдствіе самой организаціи ихъ, какъ видно будетъ ниже, они будутъ одарены свойствомъ безграничнаго расширенія.

«И такъ какъ правительство будетъ единственнымъ основателемъ общественныхъ мастерскихъ, но оно же составитъ для нихъ и уставы. Эти уставы, разсмотрѣнные и одобренные народнымъ представительствомъ, будутъ имѣть силу закона.

«Въ общественныхъ мастерскихъ будутъ допущены къ работамъ всѣ рабочіе, которые представятъ гарантіи своей

нравственности (des garanties de moralité) въ числѣ, соразмѣрномъ капиталу, первоначально собранному для покупки инструментовъ труда.

«Хотя вслѣдствіе ложнаго и противообщественнаго воспитанія, даннаго нынѣшнему поколѣнію, трудно найти какое-нибудь побужденіе къ соревнованію, къ усердію въ работѣ, иначе какъ въ увеличенной рабочей платѣ, не смотря на то всѣ заработки будутъ равны, такъ какъ вполнѣ новое воспитаніе должно измѣнить понятія и нравы.

«На первый годъ, который послѣдуетъ за открытіемъ общественныхъ мастерскихъ само правительство опредѣлитъ іерархію должностей. На другой годъ дѣло измѣнится. Такъ какъ рабочіе имѣли время узнать другъ друга и такъ какъ всѣ они въ равной степени заинтересованы успѣхомъ ассоціаціи, то іерархія будетъ выбрана ими самими.

«Ежегодно будетъ вычисленъ чистый барышъ предпріятія, который раздѣлится на три части; изъ нихъ первая часть будетъ раздѣлена поровну между членами ассоціаціи; вторая будетъ предназначена на содержаніе стариковъ и больныхъ, а такъ-же на облегченіе кризисовъ, отъ которыхъ страдали-бы другіе роды промышленности, такъ какъ всѣ роды промышленности обязаны помогать другъ другу; наконецъ третья часть будетъ употреблена на то, чтобы доставить орудія труда тѣмъ, которые пожелали бы присоединиться къ ассоціаціи такимъ образомъ, чтобы оссоціація могла безграничнымъ образомъ увеличиваться.

«Въ каждую изъ этихъ ассоціацій, образованныхъ для тѣхъ родовъ промышленности, которые могутъ производиться въ большихъ размѣрахъ, будутъ допускаемы люди, принадлежащіе къ такимъ профессіямъ, которыя по самой природѣ своей предназначены существовать разсѣянно въ отдѣльныхъ мѣстахъ, такъ чтобы всякая общественная мастерская могла состоять изъ различныхъ профессій, сгрупированныхъ около одного большого производства, составляющихъ отдѣльныя части одного

и того же цѣлаго, слѣдующихъ однимъ и тѣмъ же законамъ и участвующихъ въ однѣхъ и тѣхъ же выгодахъ.

«Всякій членъ общественной мастерской имѣетъ полное право располагать своимъ заработкомъ по своей волѣ; но очевидная экономія и неоспоримое превосходство общей жизни не замедлитъ произвести то, что изъ ассаціаціи труда возникнетъ добровольная ассоціація потребностей и удовольствій.

«Капиталисты будутъ приглашены участвовать въ ассоціаціи и получатъ проценты съ своихъ капиталовъ; проценты даже будутъ имъ гарантированы на счетъ бюджета; но капиталисты будутъ участвовать въ выгодахъ предпріятія только въ качествѣ рабочихъ.

«Устроивши такимъ образомъ общественные мастерскія, легко понять, что̀ изъ этого произойдетъ.

«Во всякомъ большомъ производствѣ, напримѣръ въ производствѣ машинъ, въ шелковомъ и хлопчато-бумажномъ или въ литографскомъ дѣлѣ будетъ устроена одна общественная мастерская, дѣлающая конкурренцію частной промышленности. Продолжительна-ли будетъ борьба? Безъ сомнѣнія нѣтъ, потому что общественная мастерская будетъ имѣть передъ всякою частною мастерскою преимущества происходящія отъ экономіи общей жизни и отъ способа организаціи, гдѣ всѣ трудящіеся безъ исключенія будутъ заинтересованы тѣмъ, чтобы производить скоро и хорошо. Не будетъ-ли эта борьба имѣть разрушительныхъ результатовъ? Нѣтъ, потому что правительство всегда будетъ имѣть возможность уничтожить результаты его, не позволяя произведеніямъ, выходящимъ изъ его мастерскихъ, падать до слишкомъ низкаго уровня (т. е. цѣны). Теперь, когда богатый фабрикантъ входитъ въ состязяніе съ фабрикантами небогатыми, эта борьба имѣетъ дѣйствительно плачевные результаты, потому что частный человѣкъ не ищетъ ничего, кромѣ личнаго интереса; если онъ для того, чтобы разорить своихъ конкуррентовъ и остаться единственнымъ господиномъ поля битвы, можетъ вдвое дешевле продавать свои произведенія, то онъ это и дѣлаетъ. Но когда на мѣстѣ

этого человѣка будетъ стоять власть, то вопросъ перемѣняетъ свой видъ.

«Власть по крайней мѣрѣ такая, какой мы желаемъ, будетъ-ли имѣть какой-нибудь интересъ въ томъ, чтобъ произвести безпорядокъ въ промышленности? Не будетъ-ли, напротивъ, вслѣдствіе своихъ свойствъ и своего положенія, естественнымъ покровителемъ даже тѣхъ, кому она съ цѣлію улучшенія общественнаго устройства будетъ дѣлать святую конкурренцію? Такимъ образомъ между промышленною войною, которую большой капиталистъ объявляетъ капиталисту маленькому, и между войною, которую власть объявитъ отдѣльнымъ людямъ, не можетъ быть никакого сравненія; первая необходимымъ образомъ освящаетъ обманъ, насиліе и всѣ бѣдствія, обыкновенно сопровождающія неправду; а война, которую государство будетъ вести противъ отдѣльной личности, будетъ свободна отъ жестокостей, отъ потрясеній, будетъ имѣть только одну цѣль, мирное и послѣдовательное поглощеніе частныхъ мастерскихъ мастерскими общественными. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы быть подобно нынѣшнимъ большимъ капиталистамъ господиномъ и тираномъ рынка, правительство будетъ его регуляторомъ. Оно будетъ пользоваться оружіемъ конкурренціи не для того чтобы вдругъ ниспровергнуть частную промышленность, чего оно въ особенности имѣетъ интересъ избѣгать, но для того, чтобы нечувствительно привести ее къ соединенію. Дѣйствительно, въ скоромъ времени во всякой области промышленности, въ которой будетъ устроена общественная мастерская, произойдетъ то, что и рабочіе, и капиталисты поспѣшатъ присоединиться къ этой мастерской, по причинѣ выгодъ, которыя она приноситъ соучастникамъ. Чрезъ нѣсколько времени безъ узурпаціи, безъ несправедливостей, безъ катастрофъ, въ пользу принципа ассоціаціи произойдетъ то явленіе, которое въ настоящее время производится столь плачевнымъ образомъ съ помощію тиранніи въ пользу личнаго эгоизма. Въ настоящее время богатый промышленникъ можетъ однимъ большимъ ударомъ

убить на мѣстѣ своихъ соперниковъ и такимъ образомъ монопозировать цѣлую отрасль промышленности. Въ нашей системѣ государство овладѣетъ промышленностію мало-помалу и вмѣсто монополіи мы будемь имѣть въ результатѣ замѣну конкурренціи ассоціаціею.

«Предположимъ, что эта цѣль достигнута какою-либо отраслью промышленности; предположимъ, что производители машинъ, напримѣръ, приведены такимъ образомъ къ службѣ государству, т. е. подчинились принципамъ общаго порядка. Такъ какъ всякая промышленость не производится всегда на одномъ мѣстѣ, и промышленныя заведенія одного и того же рода бываютъ разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ, то является возможность устроить между всѣми мастерскими, принадлежащими къ одному роду промышленности, систему ассоціаціи, установленную въ каждой отдѣльной мастерской; было бы безумно, убивши конкурренцію между отдѣльными лицами, оставить ее между корпораціями. И такъ въ каждой отрасли промышленности, которою правительство успѣетъ овладѣть, будетъ одна центральная мастерская, къ которой станутъ въ зависимость всѣ другія въ качествѣ мастерскихъ второстепенныхъ *).—Какъ Ротшильдъ имѣетъ не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ міра банкирскія конторы, которыя ведутъ корреспонденцію съ его главною конторою, подобно тому и всякая промышленность будетъ имѣть свой центръ главный и центры второстепенные. Съ тѣхъ поръ нѣтъ болѣе конкурренціи. Между различными центрами производства принадлежащими къ одной и той же промышленности интересъ будетъ общій, и разорительная вражда между ними будетъ замѣнена ихъ согласнымъ дѣйствіемъ.

«Я не стану доказывать простоты этого механизма; она очевидна. Обратите вниманіе только на то, что такъ какъ всякая мастерская послѣ годовой практики будетъ содержать сама себя, то роль правительства ограничится надзоромъ за

---

*) Ib. 102.

тѣмъ, чтобы поддерживались взаимныя отношенія всѣхъ центровъ производства одного и того же рода и чтобы не было нарушенія принциповъ общаго порядка. Въ настоящее время нѣтъ ни одного административнаго управленія, которое не представляло бы сто разъ больше сложности.

«Перенеситесь на минуту въ такое положеніе вещей, при которомъ всѣ занимались бы разноскою писемъ, и представьте, что правительство неожиданно объявляетъ: съ этого времени только я буду заниматься пересылкою и разноскою писемъ! Сколько появится возраженій! Какъ, скажутъ, правительство можетъ достигнуть того, чтобы въ назначенный часъ доставить все то, что 34 милліона людей будутъ писать къ 34 милліонамъ людей ежедневно, ежеминутно. И между тѣмъ извѣстно, съ какою удивительною точностію почтовое вѣдомство исполняетъ свое дѣло. Посмотрите, какая точность въ движеніи этой громадной машины. Извѣстный способъ дѣленій и подраздѣленій дѣлаетъ то, что механизмъ наиболѣе сложный дѣйствуетъ самъ собой. Какъ? Можно называть неисполнимымъ согласное дѣйствіе рабочихъ въ той странѣ, гдѣ лѣтъ двадцать назадъ одинъ человѣкъ достигнулъ того, что своею волею одушевлялъ милліонъ человѣкъ, заставлялъ ихъ жить его жизнью и слѣдовать за его стопами! Правда, тамъ дѣло шло о разрушеніи; но неужели въ порядкѣ вещей и согласно съ волею Божіею и съ судьбами человѣчества, что заниматься производствомъ сообща невозможно, тогда какъ разрушать возможно! Впрочемъ, возраженія, основанныя на трудности приложенія системы, не могутъ быть серьезны. Отъ государства съ его громадными и разносторонними средствами она требуетъ только того, что въ настоящее время доступно частнымъ людямъ.

«Отъ солидарности рабочихъ въ одной и той-же мастерской мы сдѣлали заключеніе къ солидарности всѣхъ мастерскихъ, занимающихся одной и той-же промышленностію. Чтобы дополнить систему, слѣдуетъ придти къ солидарности разныхъ родовъ промышленности. Съ этою цѣлію мы вычли изъ общей

суммы барышей, полученныхъ всякою промышленностію, нѣкоторую часть, посредствомъ которой государство могло-бы сдѣлать пособіе всякой промышленности, которую постигли-бы непредвидѣнныя неблагопріятныя обстоятельства. Впрочемъ, въ системѣ, которую мы предлагаемъ, кризисы были-бы очень рѣдки. Гдѣ заключается источникъ ихъ въ настоящее время? Большею частію въ той ожесточенной войнѣ, которую ведутъ между собою всѣ интересы, въ которой есть побѣдители, но есть и побѣжденные. Но убивши конкурренцію, тѣмъ самымъ уничтожаютъ и то зло, которое она порождаетъ. Не будетъ больше побѣдъ, не будетъ больше и пораженій.

«Имѣю-ли я надобность продолжать изчисленіе выгодъ, которыя произведетъ новая система? Въ нашемъ промышленномъ мірѣ всякое научное открытіе есть бѣдствіе, во-первыхъ, потому, что машины отнимаютъ работу у рабочихъ и тѣмъ отнимаютъ у нихъ средства къ жизни, во-вторыхъ, потому, что онѣ служатъ убійственными орудіями, которыя промышленникъ, употребляющій ихъ, направляетъ противъ тѣхъ, которые не могутъ ими пользоваться. Кто говоритъ о новой машинѣ при системѣ конкуренціи, тотъ говоритъ о монополіи. Въ системѣ ассоціаціи и солидарности нѣтъ болѣе привилегіи, нѣтъ исключительнаго производства. Изобрѣтатель будетъ вознагражденъ государствомъ и его открытіе тотчасъ-же поступитъ на пользу всѣхъ.

«При непонятномъ безпорядкѣ, въ которомъ мы теперь находимся, торговля не зависитъ и не можетъ зависѣть отъ производства. Такъ какъ для производства главнѣйшій вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы найти потребителей, то какъ обойтись безъ посредниковъ, коммиссіонеровъ и торговцевъ? Вслѣдствіе этого торговля дѣлается червемъ, грызущимъ производства. Находясь посерединѣ между производителемъ и потребителемъ, торговля господствуетъ надъ тѣмъ и другимъ, надъ однимъ посредствомъ другаго. Между тѣмъ торговецъ долженъ быть агентомъ производства, участвующимъ въ его барышахъ и потеряхъ. Вотъ что говоритъ здравый смыслъ и чего тре-

буетъ польза всѣхъ. Въ системѣ, которую мы предлагаемъ, это очень легко осуществить. Такъ какъ всякій антагонизмъ между центрами производства одной и той-же промышленности уничтожится, то эта промышленность, подобно нынѣшнимъ большимъ торговымъ домамъ, заведетъ магазины и склады вездѣ, гдѣ того потребуютъ нужды потребленія.

«Чѣмъ долженъ быть кредитъ? Средствомъ доставить рабочему инструменты труда. Въ настоящее время кредитъ совсѣмъ не то; банки даютъ ссуды только богатому, а бѣдному, еслибъ они и хотѣли, они не могутъ давать ссуды безъ большого риска. Такимъ образомъ вездѣ является монополія подъ внѣшностію свободы, вездѣ тиранія подъ видомъ прогресса. Предлагаемая организація покончитъ со всѣми этими неправдами. Часть барышей спеціально и неизмѣнно назначаемая для увеличенія мастерской посредствомъ присоединенія новыхъ рабочихъ, — вотъ въ чемъ будетъ заключаться кредитъ. Послѣ того въ банкахъ нѣтъ надобности и вы можете закрыть ихъ. (Maintenant qu'avez vous besoin des banques?—Supprimez les).

«Можно-ли будетъ бояться излишка народонаселенія послѣ того, какъ всякій рабочій, обезпеченный въ средствахъ содержанія, необходимымъ образомъ усвоитъ идеи порядка и привычку предусмотрительности! Почему нынѣшняя бѣдность богаче дѣтьми, чѣмъ богатство? мы это видѣли *).

«Кромѣ того, въ той системѣ, которая въ каждой отрасли труда соберетъ извѣстное число людей, одушевленныхъ однимъ и тѣмъ-же духомъ, дѣйствующихъ по одному и тому-же побужденію, имѣющихъ общія надежды и общій интересъ, останется-ли мѣсто для фальсификаціи произведеній, для этой ежедневной лжи и темныхъ обмановъ, которые по необходимости въ наше время употребляются каждымъ производителемъ и каждымъ торговцемъ, съ цѣлью отбить у сосѣда покупателей?

---

*) Объ этомъ говорилъ кратко Л. Бланъ выше, въ критической части своего труда. По его мнѣнію, особенною плодовитостью отличаются жены бѣдныхъ рабочихъ, именно вслѣдствіе бѣдности, непредусмотрительности. Мнѣніе это далеко отъ научной достовѣрности.

Такимъ образомъ промышленная реформа будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокою нравственною революціею и въ одинъ день обратитъ къ добрымъ нравамъ больше людей, чѣмъ сколько въ продолженіе вѣка обратили ихъ краснорѣчіе проповѣдниковъ и нравоученія моралистовъ.

«То что мы сказали о реформѣ промышленной можетъ дать понятіе и о томъ, по какимъ принципамъ мы хотѣли-бы произвести реформу земледѣльческую. Вредъ боковыхъ наслѣдствъ всѣми признается. Эти наслѣдства были-бы уничтожены и имущества, изъ которыхъ они должны состоять, были бы объявлены общинною собственностью. Такимъ образомъ каждая община пріобрѣла-бы имущество, которое можно-бы сдѣлать неотчуждаемымъ, и которое, постоянно увеличиваясь, произвело-бы безо всякихъ безпорядковъ и узурпацій громадную земледѣльческую революцію. И обработка общиннаго имущества производилась-бы въ большихъ размѣрахъ, сообразно съ тѣми законами, по которымъ дѣйствовала-бы и промышленность.— При нынѣшней системѣ правильное воспитаніе дѣтей народа совершенно невозможно; при нашей системѣ оно было-бы такъ легко, что его можно-бы сдѣлать обязательнымъ и даровымъ. Такъ какъ жизнь всякаго рабочаго будетъ обезпечена и его рабочая плата достаточна, то по какому праву онъ откажется посылать дѣтей въ школу? Многіе серьезные умы думаютъ, что было-бы опасно распространить образованіе въ массѣ народа. Но какъ же они не замѣчаютъ, что эта опасность образованія есть поразительное доказательство нелѣпости современнаго общественнаго порядка?»

И такъ реформа, проектируемая Л. Бланомъ, должна привести къ самымъ вожделѣннымъ результатамъ; она доставитъ бѣдному классу матеріальное благосостояніе, подниметъ его умственный уровень и вмѣстѣ произведетъ глубокую нравственную революцію, достигнетъ въ этомъ отношеніи такихъ результатовъ, которыхъ въ теченіи вѣка не могли достигнуть соединенныя усилія десятковъ тысячъ служителей алтаря и философовъ моралистовъ. И эти благодѣтельные результаты

авторъ системы обозначилъ почти 50 лѣтъ назадъ. Отчего же она до сихъ поръ не осуществлена? Отчего самъ авторъ и друзья его не употребили всѣхъ усилій къ тому, чтобы испытать ее, не поискали средствъ къ тому, чтобы устроить и организовать промышленное заведеніе по плану, столь благодѣтельному по своимъ результатамъ?

Вопросъ этотъ тѣмъ умѣстнѣе, что самъ Л. Бланъ къ своему первоначальному плану присоединилъ нѣкоторое прибавленіе, въ которомъ излагаетъ тѣ мѣры, которыя могли быть приняты еще въ первое время послѣ публикаціи его проекта. Проектъ предполагалъ во Франціи не то правительство, которое тамъ было въ то время, а другое, имѣвшее возникнуть послѣ ожидавшейся революціи. Но революціи скоро никто не ожидалъ не только въ концѣ 30 годовъ, но и даже къ концу сороковыхъ годовъ. Извѣстно, что февральская революція была какимъ-то экспромтомъ, къ которому не была подготовлена ниодна политическая партія. Въ виду этого Л. Бланъ въ концѣ своего проекта прибавилъ главу о томъ, что́ могло бы быть испытано въ настоящее время, т. е. немедленно послѣ 1839 года, раньше политической революціи.

По его мнѣнію, раньше революціи слѣдовало посредствомъ подписки собрать фонды, необходимые для основанія соціальной мастерской, составить ассоціацію рабочихъ, устроить ихъ, дать имъ промышленную организацію и такимъ образомъ пустить въ ходъ новый соціальный механизмъ. Л. Бланъ выработалъ всѣ подробности и этой предварительной соціальной мастерской; именно оставалось только завести машину.—Ассоціація должна была состоять изъ 2 семействъ; но эти семейства не тѣ соціальныя ячейки, изъ которыхъ составляется человѣческое общество. Они должны были быть гораздо многолюднѣе этихъ естественныхъ семействъ; каждое изъ нихъ должно было состоять по крайней мѣрѣ изъ 100 членовъ работниковъ. Въ видахъ экономіи первоначальныхъ фондовъ предварительная соціальная мастерская должна была ограничиться только ассоціаціею производства, безъ ассоціаціи потребленія. Рабочіе должны были

жить въ прежнихъ своихъ частныхъ квартирахъ; авторъ только выразилъ желаніе, чтобы они жили по возможности не въ дальнемъ разстояніи отъ мастерской.

Общее руководство промышленными дѣлами, равно какъ всѣ сношенія съ міромъ внѣшнимъ, должны были принадлежать центральному совѣту (conseil central), который между прочимъ долженъ былъ принимать заказы и распредѣлять ихъ между семействами. Въ каждомъ семействѣ должны были находиться, кромѣ того, свои частные совѣты, на которыхъ лежала обязанность распредѣлять работы въ средѣ семействъ и наблюдать, чтобы всякій добросовѣстно исполнялъ свою работу. Разсчитывая на несомнѣнную успѣшность занятій ассоціаціи, Л. Бланъ предполагалъ, что часть заработка ассоціаціи можно будетъ употребить на расширеніе ея, такъ, чтобы съ теченіемъ времени къ двумъ семействамъ прибавить третье и т. д. Было проектировано особое учрежденіе jury, которое было бы облечено высшею судебною властью, разбирало бы возникающія съ ассоціаціи споры и даже имѣло бы право смѣнять членовъ совѣтовъ.

Очень вѣроятно, что учрежденіе такой ассоціаціи не потребовало бы значительныхъ средствъ. Отчего же она не была устроена? Л. Бланъ былъ человѣкъ безспорно искренній и весьма преданный тѣмъ идеямъ, которыя онъ проповѣдывалъ. Съ другой стороны, въ сороковыхъ годахъ популярность его была очень велика не только въ средѣ рабочихъ, но даже и въ средѣ буржуазіи. Отчего же въ теченіе 8 лѣтъ онъ не сдѣлалъ попытки привести въ исполненіе свой проектъ? Отчего, имѣя возможность спасти общество отъ удручающихъ его золъ, которыя онъ такъ рельефно выставилъ, онъ одного шагу не сдѣлалъ для исполненія этой обязанности всякаго человѣка. Между тѣмъ не только проектъ предварительной ассоціаціи, но и ассоціаціи полной, окончательной могъ быть испытанъ независимо отъ всякихъ перемѣнъ въ правительственномъ устройствѣ; для этого слѣдовало исполнить только то, что находилъ возможнымъ самъ Л. Бланъ, слѣдовало, не

возлагая надеждъ на правительство, обратиться къ содѣйствію общества и посредствомъ подписки устроить на акціонерномъ правѣ компанію, а потомъ ассоціацію рабочихъ, которой все равно было платить проценты, въ государственное казначейство или въ кассу акціонерной компаніи. Препятствій со стороны правительства быть не могло, а общество, конечно, оказало бы Л. Блану по крайней мѣрѣ столько сочувствія, сколько его нашли сенъ-симонисты или фурьеристы, которымъ сочувствовали только оригиналы и эксцентрики, а главная масса общества видѣла въ ихъ начинаніяхъ одно шутовство и безнравственность. На начинанія Л. Блана никто не имѣлъ права смотрѣть такимъ образомъ.

Впослѣдствіи, во время республики, Л. Бланъ правда пробовалъ дѣлать опыты своей системы, но это были опыты совершенно незначительные, не по числу членовъ, а по области дѣйствія возникавшихъ ассоціацій, по степени примѣненія идей, лежащихъ въ основѣ его организаціи труда. Онъ могъ гораздо раньше собрать суммы, достаточныя для испытанія своей системы во всей ея полнотѣ, пользуясь своею популярностью, пользуясь вліяніемъ газеты «Réforme», которое было такъ велико, что его вмѣстѣ съ вліяніемъ National'я было достаточно для устройства сообразно съ ихъ видами временнаго правительства во Франціи. Наконецъ, Л. Бланъ могъ возвратиться къ своему проекту реформы послѣ окончанія его изгнанія, когда онъ занялъ весьма почетное положеніе и въ національномъ собраніи, и въ обществѣ. Какъ велика была его популярность въ это время, мы уже видѣли. Ея конечно достало бы для того, чтобы собрать миліонъ франковъ для учрежденія одной пробной соціальной мастерской. Отчего же онъ не позаботился объ этомъ, отчего онъ ограничился организаціею соціальной мастерской на бумагѣ и не приступилъ къ организаціи ея на дѣлѣ, отчего онъ ограничился блестящими обѣщаніями и не позаботился исполнить ихъ?

Обѣщаній Л. Бланъ дѣйствительно надавалъ много. Его соціальная мастерская сразу займетъ господствующее положеніе

въ области промышленности, при чемъ дастъ хорошее жалованье всѣмъ рабочимъ; эта равная всѣмъ плата, какъ онъ объяснялъ потомъ, представляла собою не minimum рабочей платы, а maximum *). Потомъ мастерская будетъ платить проценты и при томъ проценты большіе (un intérêt élevé), и погашеніе затраченныхъ капиталовъ; будетъ содержать благотворительное учрежденіе для старыхъ, слабыхъ и больныхъ, будетъ откладывать особую сумму для облегченія кризисовъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, и наконецъ употребитъ часть своего дохода на то, чтобы доставить орудія труда тѣмъ, которые пожелаютъ участвовать въ ассоціаціи. Все это прекрасно. Но всякій трезво мыслящій человѣкъ при этомъ не можетъ не спросить: чѣмъ же гарантированы всѣ эти обѣщанія? Какія доказательства представилъ Л. Бланъ, что дѣла въ соціальной мастерской пойдутъ имено такъ, какъ онъ надѣялся, а не иначе?

Отъ чего зависитъ успѣхъ промышленнаго предпріятія въ наше время при господствѣ такъ-называемаго денежнаго хозяйства? Вооружаясь противъ конкурренціи, противъ частной промышленности, стараясь уничтожить ее, Л. Бланъ не могъ игнорировать того, что частная промышленность будетъ защищаться, что въ этой войнѣ не на животъ, а на смерть, она употребитъ всѣ усилія и всѣ средства для отпора новому врагу, что тѣ предприниматели, которые до сихъ поръ враждовали другъ съ другомъ, помирятся и составятъ коалицію противъ новаго соціальнаго принципа, какъ государи Европы составляли нѣсколько коалицій противъ новыхъ политическихъ принциповъ,

*) «On a essayé de répandre parmi les ouvriers la crainte que l'égalité du salaire ne descendît pour eux au niveau de minimum.—Notre conviction profonde, au contraire, est que l'égalité assurerait à chacun le maximum des salaires d'aujourd'hui». Такъ говорилъ Л. Бланъ въ рѣчи, произнесенной предъ делегатами рабочихъ въ Люксембургскомъ дворцѣ 3-го апр. 1848 г. Смотри Pages d'histoire de la révolution de Février. Paris, 1850, стр. 298.

провозглашенныхъ французскою революціею. И какія же силы выставилъ Л. Бланъ для полученія перевѣса въ этой борьбѣ? Онъ утверждаетъ, что побѣда соціальныхъ мастерскихъ несомнѣнна, что борьба даже будетъ непродолжительна, потому что соціальная мастерская имѣетъ превосходство надъ каждою частною мастерскою въ двухъ пунктахъ: въ экономіи общей жизни и въ томъ, что въ соціальной мастерской всѣ трудящіяся безъ исключенія заинтересованы въ томъ, чтобы производить скоро и хорошо. Эти два пункта составляютъ два исключительныя основанія для надежды, что въ имѣющей возникнуть борьбѣ соціальная мастерская побѣдитъ.

Но, во-первыхъ, общая жизнь не есть органическая и исключительная принадлежность системы Л. Блана. Если она имѣетъ столь большія выгоды въ экономическомъ отношеніи, то ее могутъ завести и частныя мастерскія, въ особенности въ то время, какъ угрожаемыя въ самомъ своемъ существованіи, онѣ будутъ искать всякихъ средствъ къ самозащитѣ. Составивши въ то время могущественныя коалиціи, частные предприниматели прибѣгнутъ и къ этому средству борьбы. Могъ же Р. Оуэнъ, не заводя въ Нью-Ланаркѣ никакого соціализма, устроить для рабочаго населенія общественные магазины, кухни, столовыя, чрезъ что содержаніе обходилось рабочимъ гораздо дешевле. Въ позднѣйшіе годы получили особое развитіе такъназываемыя кооперативныя потребительныя общества, которыя ввели въ практику рабочихъ многія мѣры, имѣющія въ результатѣ удешевленіе ихъ содержанія. Общества эти обыкновенно устраиваются съ самыми ничтожными средствами и, не смотря на то, достигаютъ результатовъ весьма немаловажныхъ. Когда капиталисты, защищая свое существованіе, прибѣгнутъ и къ тому, что окажутъ поддержку потребительнымъ обществамъ, то эти общества будутъ достигать результатовъ еще болѣе значительныхъ. Съ другой стороны и въ системѣ Л. Блана la vie en commun, общежитіе, не составляя необходимой, органической части, вмѣстѣ съ тѣмъ и не обязательно для рабочихъ, такъ какъ они будутъ имѣть право располагать своимъ заработкомъ

по своему усмотрѣнію; безъ сомнѣнія, найдутся люди (и быть можетъ ихъ будетъ много), которые не пожелаютъ общей жизни, которые будутъ слѣдовать пословицѣ: щей горшокъ, да самъ большой. т. е. пожертвуютъ нѣкоторыми удобствами, чтобы не потерять всей полноты своей свободы, чтобы не имѣть никакихъ стѣсненій въ своей жизни, по необходимости налагаемыхъ на человѣка совмѣстнымъ жительствомъ съ другими людьми.

Такихъ людей, непризнающихъ «неоспоримаго превосходства общей жизни», очень много. Къ нимъ принадлежатъ почти всѣ жители каждаго большого города. Въ большихъ городахъ удобствъ для общежитія весьма много. Дома большіе, квартиры большія, на рынкахъ и въ лавкахъ всякихъ товаровъ запасы большіе. И было-бы очень выгодно, напримѣръ чиновникамъ, получающимъ 40, 50 р. въ мѣсяцъ, соединиться по три, по четыре семейства, нанять порядочную квартиру, вмѣсто жалкихъ трущобъ, которыя они принуждены нанимать теперь, завести общее хозяйство, имѣть одинъ столъ, одну кухню. Безъ сомнѣнія, въ такомъ случаѣ они и помѣщены были-бы лучше, и накормлены лучше и т. д. Однако, мы не видимъ, чтобы это дѣлалось. Напротивъ, мы видимъ даже явленія обратныя. Въ деревнѣ два брата крестьянина не хотятъ жить вмѣстѣ, а дѣлятся, не смотря на то, что совмѣстная жизнь женатыхъ, даже семейныхъ братьевъ вполнѣ согласна съ нашими народными обычаями и представляетъ много важныхъ удобствъ въ работахъ и большую экономію въ жизни. Въ этомъ случаѣ даже близкія родственныя отношенія не могутъ остановить стремленія человѣка къ полной независимости, къ жизни никѣмъ нестѣсняемой. И въ послѣдніе годы стремленіе къ дѣлежамъ въ средѣ крестьянъ приняло столь большіе размѣры, что правительство вынуждено было ограничить его административными мѣрами *).

---

*) Въ средѣ англійскихъ рабочихъ привязанность къ принципу индивидуализма такъ велика, что, по словамъ Сарганта, «всякая попытка убѣдить ихъ оставить отдѣльныя хозяйства, чтобы ввести общежитіе,

Такимъ образомъ первая причина ожидаемой несомнѣнной побѣды соціальной мастерской надъ мастерскими частными, эта économie de la vie en commun, теряетъ всякое значеніе, должна перестать считаться въ числѣ орудій того арсенала, который предназначенъ къ разрушенію частной промышленности.

Что касается до того, что въ соціальной мастерской всѣ трудящіеся заинтересованы тѣмъ, чтобы производить скоро и хорошо, Л. Бланъ въ первоначальномъ изложеніи системы выразилъ эту мысль столь въ общихъ чертахъ, что извлечь изъ нея серьезное доказательство въ пользу соціальныхъ мастерскихъ едва-ли можно. Въ такомъ общемъ видѣ мысль эта приложима безъ исключенія ко всякому промышленному заведенію и ко всякому лицу, трудящемуся въ немъ. Кузнецъ работаетъ на заводѣ частнаго предпринимателя; онъ не получаетъ, кромѣ заработной платы, ничего, ни доли въ барышахъ хозяина, никакихъ наградъ, поощреній и т. п. А все-таки онъ заинтересованъ въ успѣхѣ предпріятія; потому что, если предпріятіе не будетъ имѣть успѣха, то оно закроется, и кузнецъ не будетъ получать своей заработной платы. Такіе примѣры случаются десятками и сотнями во время кризисовъ, и прежде всего страдаютъ отъ этого рабочіе. Если заведеніе не закроется, а будетъ продолжать работать безъ достаточнаго валоваго дохода, то хозяинъ сократитъ заработную плату, и опять рабочіе пострадаютъ. Такъ что въ этакомъ общемъ видѣ положеніе Л. Блана не внушаетъ нисколько довѣрія къ его системѣ.

Только встрѣтивши возраженія со стороны Мишеля Шевалье (въ «Journal des Débats» 1844, 21 августа), Л. Бланъ попробовалъ точнѣе выразить свою мысль и подкрѣпить ее нѣкоторыми соображеніями. М. Шевалье говоритъ, что въ системѣ Л. Блана личный интересъ не имѣетъ прямого приложенія; что рабочіе соціальной мастерской въ успѣхѣ предпріятія имѣютъ только непрямой интересъ и притомъ не личный, не

окончится неудачно», такъ что, по его мнѣнію, эту la vie en commun въ средѣ англійскихъ рабочихъ и осуществить нельзя (стр. 259).

индивидуальный, а коллективный, который не можетъ служить достаточнымъ побужденіемъ къ труду въ массѣ народа.

«Я не знаю, отвѣчалъ Луи Бланъ, интереса болѣе прямаго, какъ интересъ рабочаго въ увеличеніи барышей, которыхъ часть онъ получаетъ. Наконецъ и въ коллективномъ интересѣ есть побужденіе къ дѣятельности чрезвычайно энергичное. Развѣ не коллективный интересъ чести производитъ въ арміи вѣрность знамени? Развѣ не подъ вліяніемъ коллективнаго интереса славы миліоны людей идутъ съ энтузіазмомъ навстрѣчу смерти? Развѣ не коллективное чувство произвело все могущество католицизма, основало всѣ великія учрежденія, произвело столько великихъ дѣлъ, посредствомъ которыхъ проявилась въ исторіи верховная власть воли человѣческой? Будто въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакой силы этотъ интересъ, который насъ дѣлаетъ столь ревностными защитниками нашей націи, этотъ коллективный интересъ, который называется отечествомъ. И послѣ того какъ онъ съ такимъ успѣхомъ былъ употребленъ на дѣло разрушенія и войны, какимъ образомъ намъ докажутъ, что его невозможно употребить на пользу производства и человѣческаго братства» *).

Въ этихъ разсужденіяхъ Л. Блана все основано только на недоразумѣніи. Во взглядахъ на войну онъ слѣдуетъ еще міровоззрѣнію народной поэзіи и можетъ быть отчасти извѣстной поэмы Сервантеса. Онъ думаетъ, повидимому, что, напримѣръ, въ Египетъ ген. Бонапартъ задумалъ экспедицію затѣмъ, чтобы славу и честь Франціи распространить на тѣ страны, гдѣ дѣйствовали Рамезесы, Сезострисъ и Александръ Македонскій, и что солдаты его арміи храбро сражались въ битвѣ при пирамидахъ дѣйствительно съ тою цѣлью, чтобы не ударить себя лицомъ въ грязь въ виду сорока вѣковъ, которые смотрѣли на нихъ съ высоты пирамидъ. Такое время было да прошло. Такъ дѣйствовали Роландъ, паладинъ Карла Великаго, Илья Муромецъ, богатырь Владиміра Краснаго Солнышка, Алеша

---

*) 139.

Поповичъ, а во времена болѣе близкія къ намъ—Донъ-Кихотъ Ламанчскій и др. Впрочемъ, эти рыцари чести и славы дѣйствовали не коллективно, а по одиночкѣ. А въ наше время солдатъ идетъ въ походъ или въ битву не за тѣмъ, чтобы добыть «собѣ чти, а князю славѣ», а просто вслѣдствіе приказа со стороны начальства. И въ самомъ сраженіи дѣйствуетъ или все-таки вслѣдствіе приказа, или вслѣдствіе необходимости, въ видахъ самообороны, самосохраненія, причемъ иногда воодушевляется, такъ какъ битва по существу своему производитъ воодушевленіе не только въ человѣкѣ, но и въ животномъ, при чемъ играетъ значительную роль и темпераментъ. А коллективный интересъ чести и славы тутъ едва-ли играетъ какую-нибудь роль, развѣ у немногихъ субъектовъ, сохранившихъ въ наше время міровоззрѣніе сумрачныхъ временъ Оссіана или Баяна, пѣвца стараго времени. Еще меньше можетъ имѣть значенія коллективный интересъ матеріальный для миліоновъ людей, идущихъ навстрѣчу смерти, т. е. для арміи. Если Л. Бланъ хотѣлъ непремѣнно отъискать коллективный интересъ въ дѣйствіяхъ вооруженныхъ людей, такъ онъ долженъ былъ взять не армію, а шайку разбойниковъ. Тамъ люди дѣйствуютъ руководясь дѣйствительно коллективнымъ интересомъ, только не интересомъ чести, а интересомъ корысти, нападаютъ на путешественниковъ, на транспорты металловъ или монеты, вступаютъ въ бой съ вооруженнымъ конвоемъ, чтобы овладѣть болѣе или менѣе значительными цѣнностями, которыя потомъ должны быть раздѣлены между всѣми членами шайки. Такъ всегда дѣйствовали и сухопутные и морскіе разбойники, Буканьеры, Флибустьеры и т. п. Но приписывать подобныя побужденія какой-бы то ни было арміи—это оскорбленіе для нея. Былъ правда случай, когда главнокомандующій въ началѣ похода указалъ солдатамъ впереди матеріальныя выгоды, то, что голодная, раздѣтая и разутая армія, овладѣвши непріятельской страной, будетъ сыта, одѣнется и обуется. Это было сдѣлано въ приказѣ генерала Бонапарта, послѣ того, какъ онъ принялъ начальство надъ итальянскою арміею въ 1796 году.

Но историки пользуются этимъ случаемъ, чтобы высказать укоризну Бонапарту, видятъ въ этомъ случаѣ предварительное проявленіе его политической безнравственности, того, что для него не было ничего святого, что, кромѣ личнаго и притомъ матеріальнаго интереса, у него самого никогда не было никакихъ другихъ побужденій.

Дѣйствительный двигатель армій, идущихъ въ походъ и въ битву, есть понятіе о долгѣ, о святости присяги, а для тѣхъ индивидуумовъ, для которыхъ этого побужденія недостаточно, — военный уголовный кодексъ. Во французскомъ военномъ кодексѣ есть 38 пунктовъ, 38 случаевъ, когда солдатъ подвергается смертной казни. Это и производитъ то, что всякій солдатъ, который худо понимаетъ идею долга, тѣмъ не менѣе исполняетъ всѣ обязанности въ битвѣ, въ походѣ, на ученьѣ, въ караулѣ, такъ, какъ слѣдуетъ по воинскому уставу. Чтобы Л. Бланъ могъ не безъ основанія разсчитывать на успѣхъ производства въ соціальныхъ мастерскихъ, подобный успѣху разрушенія, достигавшемуся хорошо организованными арміями, для этого нужно, чтобы онъ внушилъ своимъ рабочимъ глубокое, религіозное уваженіе къ идеѣ долга и въ дополненіе къ этому издалъ для нихъ уголовный кодексъ съ 38 пунктами, опредѣляющими за проступки противъ фабричныхъ порядковъ смертную казнь. Въ такомъ только случаѣ его сравненіе будетъ правильно; въ такомъ случаѣ дѣйствительно рабочіе будутъ во всѣхъ отношеніяхъ исправны, усердны и аккуратны. Да и то еще нужно будетъ устроить цѣлую систему іерархіи, въ родѣ ефрейторовъ, унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей, офицеровъ, которые наблюдали-бы за исполненіемъ обязанностей со стороны всякаго рабочаго.

Подобнымъ образомъ неправильно сравненіе соціальной мастерской и съ католической церковью. Подвиги католическихъ проповѣдниковъ въ Британіи, Германіи, въ Китаѣ, въ Америкѣ, конечно имѣли въ своемъ основаніи не интересъ, ни личный, ни коллестивный. Эти Августины и Бонифаціи, Ансхаріи, конечно не изъ-за наградъ шли проповѣдывать хри-

стіанство варварамъ, у которыхъ они скорѣе всего могли найти мученическую смерть, а не какую-нибудь выгоду. Правда, въ дѣйствіяхъ римской куріи и въ особенности въ дѣйствіяхъ езуитскаго ордена, по всеобщему признанію, интересы вѣры иногда стояли далеко позади мірскихъ интересовъ, тѣхъ самыхъ, которые предполагаетъ Л. Бланъ. И патеры езуиты, убѣждая напр. благочестивую вдову отказать свое имущество ордену, дѣйствовали именно въ коллективномъ интересѣ; но можно-ли даже сравнивать между собою эти два рода дѣятельности, езуитскую интригу для полученія духовнаго завѣщанія въ пользу ордена и механическую работу въ соціальной мастерской? И не бросается-ли въ глаза съ перваго взгляда громадная разница между результатами въ томъ и другомъ случаѣ? Въ одномъ случаѣ отъ усилій дѣйствующаго лица зависѣло все, весь результатъ задуманнаго дѣла; возможны были только два результата: или все, или ничего. И обыкновенно матеріальный интересъ былъ настолько значителенъ, что для пріобрѣтенія его стоило потрудиться. Въ другомъ случаѣ усилія трудящагося, одного изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ работающихъ въ мастерской, могутъ имѣть только самое ничтожное значеніе по отношенію какъ къ общему результату работы, такъ и къ выгодѣ, которая достанется на долю отдѣльнаго лица. Возьмемъ мастерскую, въ которой будетъ 300 рабочихъ. Такъ какъ на всѣхъ рабочихъ будетъ раздѣлена только одна третья часть чистаго дохода, то на долю каждаго рабочаго, при общемъ раздѣлѣ достанется только одна девятисотая часть его. Если положимъ, что весь чистый доходъ будетъ простираться до девятисотъ тысячъ франковъ въ годъ, то каждый рабочій получитъ ровно тысячу франковъ. Эта тысяча франковъ можетъ уменьшаться или увеличиваться пропорціонально усердію всей массы рабочихъ. И безъ сомнѣнія будетъ предѣлъ и уменьшенію, и увеличенію этого заработка. Положимъ, что при самой большой энергіи всей массы рабочихъ, годовой заработокъ каждаго изъ нихъ будетъ простираться до тысячи двухсотъ пятидесяти фр., а при самой меньшей энергіи, послѣ которой ассоціація

должна прекратить свою дѣятельность, онъ низойдетъ до семисотъ пятидесяти франковъ. Всякому рабочему гораздо пріятнѣе и выгоднѣе получать тысячу двѣсти пятьдесятъ фр., нежели семьсотъ пятьдесятъ фр.; и если-бы исключительно отъ него такой результатъ зависѣлъ, то онъ, побуждаемый именно перспективою гораздо большаго заработка, работалъ-бы энергически. Такъ это дѣйствительно и бываетъ при современномъ порядкѣ дѣлъ; въ счастливое для промышленности время, когда она не страдаетъ отъ кризиса, когда нѣтъ чрезмѣрнаго предложенія рабочихъ рукъ, энергическій рабочій посредствомъ своего труда и разумѣется при надлежащемъ искусствѣ можетъ почти удвоить свой заработокъ. Но отъ него-ли это будетъ зависѣть въ соціальной мастерской? Пусть онъ будетъ работать съ величайшей энергіею, такъ-что вмѣсто того, чтобы произвести экономическихъ цѣнностей на три тысячи франковъ, что онъ производитъ при обыкновенной энергіи, онъ произведетъ ихъ на четыре тысячи, т.-е. увеличитъ цѣну своего производства на цѣлую треть. Что произойдетъ, если только онъ одинъ увеличитъ свою энергію, а остальные 299 рабочихъ будутъ работать попрежнему? Общая цѣнность произведеній всей ассоціаціи увеличится только на тысячу франковъ. Изъ этой суммы триста тридцать-три франка пойдутъ въ пользу рабочихъ. А въ пользу того, кто своею энергіею произвелъ это увеличеніе, достанется только одинъ франкъ и одна десятая, т. е. 110 сантимовъ въ годъ. Если мы раздѣлимъ эту сумму на число рабочихъ дней, т. е. на триста, то ежедневный заработокъ, благодаря энергіи рабочаго, увеличится меньше чѣмъ на полъ-сантима, меньше чѣмъ на одну осьмую часть копѣйки. Будетъ-ли въ этомъ случаѣ вознаграждена энергія рабочаго? Очевидно нѣтъ; и коллективный, и личный интересъ, строго говоря, удовлетворенъ, но столь въ ничтожной степени, что объ этомъ удовлетвореніи и говорить не стоитъ.

Но можетъ быть еще и такой случай, что въ соціальной мастерской одинъ человѣкъ увеличиваетъ свою энергію труда, а десять другихъ уменьшаютъ; и тогда энергическій рабочій не

получить даже и самаго ничтожнаго увеличенія своего заработка, а напротивъ, получитъ заработокъ уменьшенный. Такимъ образомъ, при системѣ Л. Блана, могутъ быть такіе случаи, что энергія труда сопровождается не увеличеніемъ заработка, а уменьшеніемъ его. На это могутъ возразить, что энергія труда можетъ быть одновременно увеличена со стороны всѣхъ рабочихъ; и тогда каждый изъ нихъ получитъ значительно увеличенный заработокъ, и что въ системѣ Луи Блана для этого есть достаточная гарантія, потому что онъ предполагаетъ допустить къ работамъ только тѣхъ рабочихъ, которыя представятъ гарантіи своей нравственности. Но можно ли думать, что эти гарантіи будутъ достаточны, можно ли думать, что всѣ триста рабочихъ будутъ во всей строгости понимать свои нравственныя обязанности и будутъ имѣть настолько твердости, что никогда не ослабѣютъ въ своемъ усердіи во время работъ на пользу общества. Самъ Луи Бланъ на это не разсчитываетъ. Самъ онъ говоритъ, что только воспитаніе можетъ измѣнить современныя понятія и нравы рабочихъ, что нынѣшніе рабочіе не имѣютъ другого побужденія къ труду, кромѣ увеличенія платы. А безъ сомнѣнія ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ нынѣшнихъ рабочихъ, онъ предполагалъ приводить въ исполненіе свою систему и разсчитывалъ имѣть счастливый результатъ уже къ концу перваго года, и совершенно послѣдовательно разсчитывалъ не на ихъ нравственныя качества, а на ихъ собственный интересъ, не личный, а коллективный, который, однако, какъ оказывается, энергіи не увеличиваетъ. А между тѣмъ личный интересъ въ человѣкѣ не умираетъ и въ соціальной мастерской онъ приведетъ къ результатамъ совсѣмъ противоположнымъ. Въ этомъ очень легко убѣдиться слѣдующими соображеніями. Личный интересъ требуетъ, чтобы человѣкъ стремился ко всему тому, что доставляетъ ему физическое и нравственное благосостояніе, и удалялся отъ всего, что доставляетъ ему страданіе, непріятное ощущеніе и т. п. Личный интересъ требуетъ поэтому, чтобы человѣкъ удалялся отъ труда, который своею продолжительностью или напряженностью

доставлялъ бы ему непріятное ощущеніе, страданіе. Не смотря на то, человѣкъ трудится въ теченіи очень продолжительнаго времени, трудится до усталости, сопровождаемой весьма непріятнымъ ощущеніемъ, —если въ результатѣ его труда получается произведеніе, съ помощію котораго трудящійся можетъ возстановить потерю, произведенную въ его организмѣ трудомъ, и, разумѣется, если это произведеніе поступитъ въ его распоряженіе и будетъ употреблено на его пользу. Но если результатъ труда, избытокъ производства, происходящій отъ приданія ему бóльшей напряженности, не идетъ на пользу трудящагося, то трудиться съ большею напряженностью прямо противорѣчило бы личному интересу. А съ другой—совсѣмъ ослабить напряженность труда, въ то время, какъ за этимъ не послѣдуетъ чувствительнаго уменьшенія произведеній, въ то время, какъ трудящійся отъ этого не пострадаетъ, — вполнѣ согласно съ личнымъ интересомъ.

И такіе порядки должны образоваться не во всякой ассоціаціи, не во всякомъ промышленномъ предпріятіи, въ которомъ трудятся сотни и даже тысячи рабочихъ, а именно только въ соціальной мастерской Л. Блана. На большой фабрикѣ, на заводѣ, принадлежащемъ отдѣльному предпринимателю или ассоціаціи, гдѣ рабочіе получаютъ плату или издѣльную или мѣсячную соотвѣтственно своимъ способностямъ, они, будучи побуждаемы личнымъ интересомъ, будутъ трудиться съ наибольшимъ усердіемъ, чтобы получить по возможности большую плату за свои издѣлія или чтобы получить наибольшую мѣсячную плату. Если они не будутъ трудиться усердно, то они не получатъ ни того, ни другого; ихъ личный интересъ пострадаетъ. Въ соціальной мастерской Л. Блана дѣло пойдетъ навыворотъ. Тамъ всякій рабочій искусный и неискусный, старательный и нестарательный по прошествіи мѣсяца или недѣли, получитъ свою опредѣленную плату, равную съ платою всѣхъ другихъ рабочихъ. Тамъ съ точки зрѣнія личнаго неумирающаго интереса трудиться съ особенною энергіею было-бы совсѣмъ неразсчетливо. Правда и тамъ лѣниваго рабочаго мо-

гутъ удалить изъ мастерской. Но это можетъ практиковаться только въ случаяхъ исключительныхъ, когда рабочій очевиднымъ образомъ будетъ бездѣльничать; а если онъ будетъ работать посредственно, ни шатко, ни валко, безъ особаго вниманія, безъ особаго искусства, то онъ можетъ быть членомъ соціальной мастерской столько времени, сколько просуществуетъ сама соціальная мастерская. Порядки, изобрѣтенные Л. Бланомъ, будутъ имѣть тотъ необходимый результатъ, что даже прилежные рабочіе утратятъ нѣкоторую долю своего усердія и вниманія, причемъ даже искусство въ работѣ, невозможное безъ достаточнаго вниманія, уменьшится. Это между прочимъ подтвердилось очень скоро на практикѣ и публиковано было въ газетахъ. Л. Фоше въ брошурѣ, содержащей въ себѣ критику системы Л. Блана, перепечатываетъ изъ газеты «La Presse» письмо одного фабриканта бутылокъ, Э. Годара (Godard), который рѣшился испытать на практикѣ организацію труда съ равнымъ вознагражденіемъ и съ коллективнымъ интересомъ

«Въ производствѣ бутылокъ, пишетъ онъ, издавна рабочіе были въ ассоціаціи съ капиталомъ, потому что получали плату съ каждой сотни бутылокъ. Потому и рабочая плата и прибыль съ капитала одинаково чувствовали счастливые или несчастные шансы производства.

«При началѣ кампаніи 6 главныхъ мастеровъ и ихъ помощники съ общаго согласія предложили мнѣ, чтобы плата не была выдаваема каждому за то, что онъ сдѣлаетъ, но чтобы плата за всѣ бутылки вмѣстѣ была раздѣлена поровну между всѣми мастерами и помощниками. Я согласился допустить этого рода коммунизмъ между рабочими, но чтобы поддержать между ними соревнованіе, работа каждаго мастера ежедневно записывалась, и записку вывѣшивали въ мастерской.

«Такимъ образомъ я осуществилъ двѣ главныя черты системы Луи Блана: равенство платы и честь, какъ побужденіе для труда. Былъ здѣсь безъ сомнѣнія, кромѣ того, и интересъ личный для всѣхъ рабочихъ въ томъ, чтобы соединить всѣ

усилія для ускоренія работы и чрезъ то увеличить общій заработокъ.

«Въ началѣ соревнованіе дѣйствительно было велико; произошла борьба: всякій хотѣлъ доказать свое умѣнье и усердіе. Но когда борьба окончилась, когда относительная важность рабочихъ была установлена, я увидалъ самаго искуснаго рабочаго въ бездѣйствіи, когда всѣ прочіе работали. И на мои жалобы онъ отвѣчалъ: не безпокойтесь, я сдѣлаю бутылокъ не менѣе кого-нибудь другого. Такое положеніе скоро оказалось на всѣхъ степеняхъ, и наконецъ предпослѣдній по успѣху рабочій отвѣчалъ: безъ сомнѣнія не я сдѣлаю меньше бутылокъ и больше браку.

«Относительныя достоинства рабочихъ остались тѣ же самыя въ продолженіе всей компаніи. Честь ничья не была унижена. Но производство мало-по-малу уменьшалось, такъ что на 8-й мѣсяцъ оно уменьшилось сравнительно съ первымъ на 20%.

«На слѣдующую кампанію я не согласился на коммунизмъ; всякій рабочій получалъ плату за свои произведенія и результатъ былъ діаметрально противоположный *). Самый усердный рабочій увлекалъ всѣхъ другихъ, такъ что самый послѣдній посредствомъ своихъ усилій достигалъ успѣховъ небывалыхъ.

Этотъ случай весьма краснорѣчивъ. Здѣсь въ небольшой мастерской интересъ всякаго рабочаго въ успѣшности производства, не смотря на коллективный характеръ, былъ дѣйствительно не ничтоженъ. И при небольшой массѣ рабочихъ, которая должна была давать особую силу соревнованію и которая не позволяла бы рабочимъ уклоняться отъ труда, ассоціація должна была бы дать болѣе счастливые результаты. И если бы система Луи Блана обладала дѣйствительно жизненными силами, то въ этомъ случаѣ она могла бы обнаружить все ихъ могущество. Между тѣмъ, этого не случилось. А произведенный опытъ требуетъ столь небольшихъ средствъ, что его могъ бы

*) L. Faucher. Du système de M. L. Blanc. Paris, 1848, стр. 38.

возобновить самъ Луи Бланъ или вообще кто-нибудь изъ людей, раздѣляющихъ его убѣжденія. Бутылочная фабрика, употребляющая 6 человѣкъ главныхъ рабочихъ и столько же подмастерьевъ, безъ сомнѣнія, не потребовала бы большого капитала. Можно было бы найти и другую какую-нибудь отрасль производства, требующую столь же незначительныхъ средствъ.

Впрочемъ, недостатка въ опытахъ даже гораздо болѣе значительныхъ не было. Тьеръ сообщаетъ, что въ Парижѣ нашелся одинъ фабрикантъ, который и самъ не имѣлъ недовѣрія къ ученію Луи-Блана и въ особенности былъ увлеченъ своими рабочими, которые въ системѣ Луи Блана видѣли свое спасеніе, надѣялись, что она приведетъ ихъ къ блаженству. Это былъ фабрикантъ машинъ. Онъ уступилъ рабочимъ свои мастерскія, такъ что не нужно было тратить капитала для постройки заведенія и согласился покупать у нихъ по опредѣленной цѣнѣ машины или части машинъ, которыя они сдѣлаютъ. И притомъ цѣна была назначена увеличенная, именно на 17%. Рабочіе должны были сами управлять своими дѣлами и дѣлить между собою заработокъ. Фабрикантъ не долженъ былъ въ это мѣшаться. Онъ платилъ за сдѣланныя части машинъ и за ихъ сборъ по условленной цѣнѣ и разумѣется долженъ былъ платить только за исполненную работу. Рабочіе остались раздѣлены, какъ прежде, на разныя мастерскія, что весьма благопріятствовало дѣлу, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣлъ привычныя занятія; они поставили надъ всякою мастерскою президента, а во главѣ всѣхъ мастерскихъ генеральнаго президента. Чтобы приблизиться къ идеалу, указанному Л. Бланомъ, рабочая плата для чернорабочихъ была увеличена съ 2½ до 3 франковъ въ день. Мастерамъ, которые раньше получали издѣльную плату, причемъ наиболѣе искусные и старательные зарабатывали до 8 и даже до 10 франковъ, назначена была также поденная плата по 4 франка въ день; причемъ лучшимъ мастерамъ сдѣлана прибавка до 1 франка въ день, такъ что они получали по 5 франковъ. Такимъ образомъ плата рабочимъ хотя не сравнена, но нѣсколько уравнена;

прежде разница между высшей и низшей платой была 7½ франковъ, а теперь она простиралась только до 2-хъ. И вотъ какіе получились результаты.

Порядокъ въ мастерскихъ исчезъ. Тамъ былъ ежедневный шумъ. Рабочіе позволяли себѣ прекращать работу, чтобы принять участіе въ манифестаціи; но это вредило только имъ, а не хозяину, потому что онъ платилъ за работу исполненную. Работали вообще мало, когда и были въ мастерскихъ; и президенты мастерскихъ, обязанные поддерживать порядокъ и наблюдать за работою, перемѣнялись почти каждую недѣлю. Генеральный президентъ, не завѣдуя мѣстною полиціею въ мастерскихъ, чувствовалъ менѣе перемѣну въ расположеніи рабочихъ и во время всего срока опыта въ три мѣсяца былъ перемѣненъ только однажды. Если-бы работа производилась на прежнихъ основаніяхъ, то рабочіе получили бы 367 тысячь задѣльной платы. При новомъ порядкѣ онѣ выработали только 197 тысячъ, не смотря на то, что плата за издѣлія была увеличена на 17%. И главная причина меньшаго производства состояла не въ томъ только, что рабочіе меньше времени проводили за работою, а въ томъ, что работа была не столь дѣятельна. Искусные рабочіе, имѣя незначительную прибавку, работали для ассоціаціи съ усердіемъ очень малымъ. Люди, которыхъ прежде они брали себѣ въ помощники, когда получали издѣльную плату, и за которыми сами смотрѣли, теперь были предоставлены весьма незначительному надзору президентовъ; изъ 1500 рабочихъ двѣ трети показывали очень мало усердія къ работѣ. Вообще положеніемъ дѣлъ были довольны только чернорабочіе и менѣе искусные изъ мастеровъ. А болѣе искусные, которыхъ ежедневный заработокъ съ 7, 8 иногда даже съ 10 франковъ былъ низведенъ къ 4½ или 5 франкамъ, были очень недовольны и по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, назначенныхъ для испытанія, рѣшились оставить заведеніе, и ассоціація окончила свое существованіе, не возбудивши ничьего сожалѣнія. Ее постигло въ нѣкоторомъ смыслѣ банкротство; потому что она осталась должна нѣкоторыя суммы

рабочимъ, которыя не могли быть уплачены, и поглотила небольшой капиталъ вспомогательной кассы, учрежденной не задолго до введенія этого порядка хозяиномъ заведенія. Если мы сравнимъ результаты, полученные рабочими при новыхъ порядкахъ съ тѣми, которые были-бы достигнуты при порядкахъ прежнихъ, то изъ 197,000 франковъ, заработанныхъ ими, мы должны исключить ту сумму, которая произошла отъ увеличенія цѣны произведеній на 17%. По прежней оцѣнкѣ ихъ рабочіе получили бы только 164,000, т. е. они не заработали и половины того, что они заработали-бы при прежнихъ порядкахъ (367,000 фр.). Такъ незначительно оказалось дѣйствіе коллективнаго интереса, какъ матеріальнаго, такъ и интереса чести и славы. И сущность ошибки Л. Блана, обнаруживается здѣсь самымъ очевиднымъ образомъ. Предпріятіе не удалось только потому, что личный интересъ былъ замѣненъ коллективнымъ. Если-бы каждый рабочій зналъ, что онъ въ концѣ недѣли получитъ только то, что заработаетъ, то онъ не такъ легко оставилъ-бы мастерскую, чтобы итти на улицу и принять участіе въ манифестаціи; если-бы наиболѣе искусные рабочіе были увѣрены, что при усердномъ трудѣ они получатъ по 8 и даже по 10 франковъ въ день, то они и трудились-бы настолько, чтобы получить эту плату. А когда ихъ поденная плата была ограничена 5 франками, то они и работали на 5 франковъ.

Есть еще одинъ факторъ производства чрезвычайно важный, на который Л. Бланъ не обратилъ почти никакого вниманія. Это управленіе мастерской, руководство ея промышленными занятіями. Какъ велико значеніе управленія въ дѣлѣ промышленности, объ этомъ мы можемъ судить даже только по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ. Извѣстно, что директоры большихъ фабрикъ получаютъ содержаніе десятками тысячъ рублей. На одной хлопчато-бумажной фабрикѣ въ Тверской губерніи помощники директора числомъ около 10 получаютъ по 14 тысячъ рублей. За что-нибудь платитъ владѣлецъ такое содержаніе! Ему было-бы пріятнѣе эту сумму въ

140 тысячъ рублей причислить къ чистому доходу фабрики. Это большое содержаніе платится не даромъ. Успѣхъ промышленности весьма въ значительной степени зависитъ отъ искусства, вниманія, старанія лицъ, завѣдующихъ промышленнымъ заведеніемъ. Промышленныхъ заведеній открывается всегда очень много; но не всѣ они долговѣчны, не всѣ процвѣтаютъ. Многія, едвали не большинство, закрываются не достигши успѣха, растративши значительный основной и оборотный капиталъ. Отъ чего это происходитъ?—Отъ того, что они были безъ правильнаго разсчета задуманы, устроены и пущены въ ходъ, и безъ умѣнья и старанія были ведены. Это мы видимъ ежедневно своими глазами. Вотъ одновременно открываютъ свою дѣятельность два винокуренные заводчика. Одному Богъ далъ зоркій глазъ и физическій и умственный, а другой близорукъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Одинъ за всякое дѣло берется со вниманіемъ, съ усердіемъ, изучаетъ всѣ его подробности; не отказываясь отъ содѣйствія спеціалистовъ, тѣмъ не менѣе во всемъ всего больше довѣряетъ самому себѣ, самъ все провѣряетъ, все наблюдаетъ; другой всякое дѣло дѣлаетъ спустя рукава; самъ не въ состояніи наблюдать ни за подробностями, ни за общимъ ходомъ дѣла. И результаты въ обоихъ случаяхъ получаются различные: одинъ заводчикъ отлично ведетъ дѣло, всякій годъ съ значительнымъ чистымъ доходомъ, другой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ то едва сводитъ концы съ концами, то терпитъ убытки и наконецъ прекращаетъ производство. Такіе примѣры каждому изъ насъ приходилось видѣть и неоднократно. Сколько разсѣяно по лицу русской земли оставленныхъ фабричныхъ и заводскихъ строеній? Всѣ они «прогорѣли» большею частью по винѣ администраціи. И изъ дѣйствующихъ фабрикъ, заводовъ много-ли такихъ, которые все время, отъ основанія, принадлежали однимъ и тѣмъ-же владѣльцамъ? Многіе изъ нихъ не разъ перешли отъ одного владѣльца къ другому *). Почему? Потому что нѣко-

*) То-же самое относится и къ торговымъ заведеніямъ: складамъ, магазинамъ, лавкамъ, погребамъ, трактирамъ и т. п.

торые владѣльцы не имѣли достаточно ни умѣнья, ни вниманія, чтобы съ успѣхомъ вести дѣло; и принуждены были продавать свои заведенія хотя-бы съ убыткомъ.

Администрація въ промышленномъ заведеніи можетъ быть по своему значенію сравнена съ командованіемъ арміею. Никто не сомнѣвается, что личность главнокомандующаго имѣетъ весьма важное значеніе на полѣ битвы. Всѣ знаменитые полководцы, начиная отъ Мильтіада, Аннибала и Цезаря до Фридриха II, Суворова и Наполеона, выигрывая побѣды, обязаны были этимъ въ значительной мѣрѣ своимъ личнымъ способностямъ, своему умѣнью, своему вниманью.

Побѣды въ промышленной конкурренціи даются также только тѣмъ администраторамъ, которые владѣютъ въ достаточной степени и искусствомъ, и вниманіемъ, и стараньемъ. И чѣмъ-же гарантируетъ Л. Бланъ всѣ эти качества въ администраторахъ соціальныхъ мастерскихъ?

Ничѣмъ другимъ, кромѣ того, что администрація будетъ назначена правительствомъ. У правительства онъ предполагаетъ такое всевѣдѣніе, что оно не можетъ не избрать администраторовъ наиболѣе способныхъ, наиболѣе усердныхъ, наиболѣе старательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе добросовѣстныхъ, такихъ, которые непремѣнно поведутъ дѣло столь успѣшно, что уже къ концу перваго года дѣятельности соціальной мастерской она станетъ на ноги, на слѣдующій годъ сама изберетъ себѣ администрацію отъ высшихъ членовъ до низшихъ и, продолжая свою успѣшную дѣятельность, начнетъ по немногу поглощать частную промышленность.

Правда въ этомъ случаѣ Л. Бланъ, судя по всему, разсчитываетъ не на однѣ способности и усердіе администраторовъ, онъ придаетъ большое значеніе и основнымъ уставамъ соціальныхъ мастерскихъ, и ихъ разумность, практичность и цѣлесообразность гарантируетъ тѣмъ, что редакція ихъ будетъ обсуждена и рѣшена постановленіемъ народнаго представительства и потому будетъ имѣть значеніе закона, будетъ обязательна къ исполненію для администраціи соціаль-

ныхъ мастерскихъ. Онъ предполагаетъ такое совершенство этихъ уставовъ, что когда мастерскія имъ будутъ слѣдовать, то успѣхъ будетъ такъ великъ, что «будетъ невозможно, чтобы онѣ нечувствительнымъ образомъ не распространялись по всей поверхности страны (qu'il leur soit impossible de ne pas s'étendre insensiblement sur toute la surface du royaume).

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе легкомысленное, чѣмъ эти разсужденія, чѣмъ эта увѣренность въ безошибности правительственнаго назначенія должностныхъ лицъ, увѣренность въ совершенствѣ экономическихъ уставовъ, издаваемыхъ правительствомъ. Именно это не научное убѣжденіе, ясно сознаваемое, а какое-то туманное представленіе объ уставахъ соціальныхъ мастерскихъ, не изданныхъ правительствомъ, а такихъ, которые оно еше издастъ впослѣдствіи. Конечно Л. Бланъ увѣренъ, что народное представительство непремѣнно въ основѣ мастерскихъ положитъ равенство вознагражденія, какъ главный принципъ, выборное начало при устройствѣ администраціи и д. т. Ну а если народное представительство найдетъ эти принципы неподходищими, нецѣлесообразными при организаціи мастерскихъ? А можетъ быть еще и то, что и принявши здоровые основные принципы, народное представительство не съумѣетъ выработать стройную, согласную систему подробностей. Будто въ самомъ дѣлѣ въ одной идеѣ народнаго представительства заключается гарантія разумности, правильности, совершенства каждаго сдѣланнаго имъ постановленія? Думать такъ можно только не имѣя понятія объ элементахъ психологіи и не обращая никакого вниманіи на уроки исторіи. Л. Бланъ—авторъ исторіи первой революціи, и во многихъ случаяхъ рѣшенія народныхъ представителей, членовъ собранія законодательнаго и конвента онъ осуждаетъ, признаетъ неправильными и притомъ въ случаяхъ, сравнительно маловажныхъ. А тутъ въ дѣлѣ особенной, чрезвычайной важности, въ реформѣ организаціи труда, слагавшейся такъ или иначе въ теченіи тысячелѣтій коллективнымъ умственнымъ трудомъ всего человѣчества, тутъ онъ безъ дальнихъ разговоровъ предпола-

гаетъ, что народные представители, какъ-будто просвѣщенные какимъ нибудь наитіемъ свыше, вдругъ выработаютъ такіе совершенные уставы, что дѣйствующія на основаніи ихъ соціальныя мастерскія не могутъ не поглотить всю частную промышленность. Повторяемъ, трудно представить себѣ что-нибудь болѣе легкомысленное. И этотъ героическій способъ доказыванья есть необходимое послѣдствіе героическаго характера задачи, рѣшить которую взялъ па себя трудъ Л. Бланъ. Составляя свой проектъ реформы, онъ не ограничился тою простою цѣлью, которая представляется съ перваго взгляда и логически вытекаетъ изъ представленнаго имъ тяжелаго положенія рабочаго класса, именно—обезпеченіемъ пропитанія и вообще содержанія тѣмъ, кто не можетъ имѣть его во всякое время, кто, будучи способенъ къ труду, не можетъ трудиться за недостаткомъ работы, и въ это время подвергается крайнимъ лишеніямъ и страданіямъ иногда вмѣстѣ съ семействомъ, болѣе или менѣе многочисленнымъ. Онъ задался еще задачей осуществить какой то высокій идеалъ братства и великодушія, который если-бы былъ осуществленъ, то безъсомнѣнія началъ-бы собою новую эру въ исторіи человѣчества. Онъ проектировалъ такое великодушное общество рабочихъ, въ которомъ никто не захочетъ быть богаче сосѣда, никто не захочетъ получить высшей платы сравнительно съ другими рабочими. Къ чему эта выставка великодушія? Развѣ рабочіе отъ того страдали, что нѣкоторые изъ нихъ, болѣе искусные и трудолюбивые, получали болѣе, чѣмъ менѣе искусные и трудолюбивые? Развѣ со стороны менѣе искусныхъ раздавались когда-нибудь подобныя жалобы? Ничего подобнаго не было. Жалобы раздавались только на то, что работы совсѣмъ не было и хлѣба не было. Согласно съ положеніемъ дѣла слѣдовало и сочинять проекты къ улучшенію его. И если-бы Л. Бланъ такимъ образомъ дѣйствовалъ, то изъ его плана могло что-нибудь и выйдти. Устроенныя имъ мастерскія не уничтожили-бы частную промышленность, не измѣнили-бы духа и внѣшняго вида промышленности на всей поверхности земнаго шара, гор. Парижа и дру-

гихъ городовъ Франціи, но доставили-бы рабочимъ работу и пропитаніе. И государство, которое отказалось осуществлять его соціальную фантазію, не отказалось-бы, можетъ быть, принять мѣры къ осуществленію проекта, имѣвшаго цѣль благотворительную, также не лишенную и великодушія,—подобно тому, какъ и теперь всѣ государства Европы не отказываются дѣлать болѣе или менѣе значительныя издержки для облегченія участи бѣдныхъ, въ особенности во времена промышленныхъ кризисовъ и другихъ общественныхъ бѣдствій. И задача эта—доставить сотнямъ тысячъ, а иногда цѣлымъ миліонамъ голодныхъ и холодныхъ рабочихъ кровъ и пропитаніе, достаточна грандіозна сама по себѣ, чтобы Л. Бланъ посвятилъ ей свою мысль, а государство съ помощію своей власти, своего кредита, своего авторитета пріискало-бы для нея средства.

И для мастерскихъ, которыя были бы основаны на эти средства, нечего было бы придумывать новыя побужденія для дѣятельности въ родѣ коллективнаго интереса чести и славы, а слѣдовало довольствоваться старыми въ теченіи тысячелѣтній испытанными средствами; слѣдовало мастерскія устроить такъ, чтобы рабочіе трудились, побуждаемые тѣми самыми мотивами, вслѣдствіе которыхъ они трудятся въ мастерскимъ уже существующихъ, именно необходимостью заработать достаточное, безбѣдное содержаніе для себя, для своихъ малолѣтнихъ дѣтей и для престарѣлыхъ отцевъ и матерей. Въ такомъ случаѣ разумѣется нужно было оставить въ сторонѣ это показное великодушіе, въ видѣ равной заработной платы для всѣхъ рабочихъ безъ вниманія къ ихъ усердію и искусству. Въ такомъ случаѣ соціальныя мастерскія, разумно управляемыя, могли-бы платить и проценты на затраченные капиталы, и давать рабочимъ достаточное вознагражденіе за трудъ, конечно не откладывая при этомъ особыхъ суммъ для учрежденія подобныхъ заведеній на всемъ земномъ шарѣ. Правда, это не казалось бы столь идеально, но за то было-бы болѣе практично и человѣколюбиво.

Въ такомъ случаѣ Л. Бланъ могъ обойтись безъ своего

особаго условія для допущенія рабочихъ въ мастерскую, вслѣдствіе котораго каждый рабочій долженъ представить удостовѣреніе въ своей нравственности. На это условіе не обращали достаточно вниманія ни друзья Л. Блана, ни противники; но оно полно смысла весьма неблагопріятнаго для системы. Оно, вытекая прямо изъ слишкомъ великодушной равной платы, совершенно противоположно ей по своему характеру, т. е. великодушіемъ совсѣмъ не отличается. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь людей, могущихъ представить честное и правдивое удостовѣреніе въ своей нравственности, весьма не много, особенно среди рабочаго населенія большихъ городовъ. И если Л. Бланъ, а вмѣстѣ съ нимъ и государство будутъ заботиться о судьбѣ только рабочихъ, отличающихся нравственностію, то ихъ задача будетъ и не особенно трудна и не особенно возвышена. Только что же станется съ главною массою рабочихъ, съ тѣми, которые не могутъ представить удостовѣренія нравственности? Развѣ на нихъ нужно смотрѣть какъ на нѣчто такое, что недостойно вниманія реформатора—соціалиста? А вѣдь большинство ихъ не попадетъ въ соціальныя мастерскія Л. Блана. Не попадутъ туда эти Шеврейль и Селина Броннъ, печальную участь которыхъ онъ представилъ на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ въ Gazette des Tribunaux. Кто же имъ далъ-бы въ самомъ дѣлѣ удостовѣреніе въ нравственности? Или вообще, какія они могли-бы представить доказательства своей порядочности, когда очевидно порядочностью въ поведеніи они не отличались? Во-первыхъ, они состоятъ въ незаконномъ сожительствѣ и притомъ въ теченіи очень короткаго срока, такъ что по всей вѣроятности и Селина Броннъ и Шеврейль уже въ 20-й разъ перемѣняютъ сожительство; во-вторыхъ оба они очевидно любили выпить, такъ что даже собираясь умирать оба напилися и судя по всему очень въ большомъ размѣрѣ. Какое тутъ можетъ быть удостовѣреніе доброй нравственности? Вѣроятно и многія другія частности ихъ характеровъ не представляютъ гарантіи того, чтобы изъ нихъ вышли усердные рабочіе въ особенности при равной платѣ. Оба они отличаются мечтатель-

ностью, причемъ человѣкъ обыкновенно не отличается усидчивостью въ занятіяхъ. И директоръ соціальной мастерской, устроенной по плану Л. Блана, обязанъ былъ отказать обоимъ имъ, если-бы они пожелали вступить въ нее въ качествѣ рабочихъ. А это было-бы уже и несправедливо и не гуманно; и это служило-бы основаніемъ для справедливаго порицанія соціальнаго проекта Л. Блана, за то, что, собираясь обновить человѣчество, привести его къ золотому вѣку, онъ не допускаетъ въ свои мастерскія массу рабочихъ, можетъ быть большинство ихъ, и именно такихъ, которыхъ судьба всего болѣе несчастна, которые всего болѣе страдаютъ отъ голода и холода и всякой нужды. Тѣ, которые получаютъ монтіоновскія преміи за добродѣтель, по всей вѣроятности, и безъ соціальныхъ мастерскихъ будутъ сыты. Вопросъ въ томъ, чтобы доставить обезпеченный кусокъ хлѣба массамъ рабочихъ, не обращая вниманія на то, кто изъ нихъ и насколько представляетъ гарантіи нравственности, и даже не отказывая въ особомъ вниманіи именно тѣмъ, которые не усвоили себѣ, иногда вслѣдствіе бѣдности, привычекъ порядочности и не сохранили нетронутою свою нравственность; именно они-то и нуждаются всѣхъ больше во вниманіи реформатора социалиста, одушевленнаго филантропическими чувствами.

А великодушный проектъ Л. Блана имъ-то прежде всего и заграждаетъ доступъ въ соціальныя мастерскія, ихъ-то и лишаетъ благодѣяній новаго соціальнаго устройства, забывая урокъ, подаваемый человѣку природой, въ которой источникъ свѣта и жизни одинаково грѣетъ и добрыхъ, и злыхъ, и нравственныхъ, и ненравственныхъ, и порядочныхъ, и безпорядочныхъ. Самъ же онъ, критикуя въ Исторіи Десяти Лѣтъ ученія сенъ-симонистовъ и осуждая ихъ за то, что они, вознаграждая людей по способностямъ и дѣламъ, не безъ нѣкотораго паѳоса говоритъ: «какъ же вы будете поступать съ тѣми, которые неспособны ни къ какимъ дѣламъ, достойнымъ вознагражденія?—Какъ вы поступите съ больными, престарѣлыми, безумными?»—«Идея добра, продолжаетъ онъ, обязываетъ раз-

сматривать не только то, кто чего достоинъ, кто что заслужилъ, что заработалъ, а и то, кто въ чемъ имѣетъ настоятельную надобность». Эти слова очевидно по всей справедливости могутъ быть обращены къ нему самому; у него слѣдуетъ спросить: какъ же вы поступите съ тѣми, которые не могутъ представить аттестата доброй нравственности?—Лишая ихъ работы и куска хлѣба, вы осуждаете ихъ на голодную смерть; потому что, если имъ откажете вы, устраивая заведеніе, имѣющее все-таки основаніе филантропическое, то тѣмъ болѣе ихъ не возьметъ частный предприниматель, имѣющій задачи исключительно промышленныя. И такіе люди дѣйствительно поступаютъ въ разрядъ какихъ-то отлученныхъ отъ людскаго общества, которымъ нѣтъ доли въ благахъ земныхъ, не смотря на ихъ способность и охоту трудиться, которыхъ они безъ сомнѣнія не лишены въ нѣкоторомъ размѣрѣ.

Отчего же гуманный авторъ такъ немилостиво отнесся къ людямъ, наиболѣе несчастнымъ во всей массѣ рабочаго класса? Безъ сомнѣнія только потому, что возможность такого положенія этихъ людей ускользнула отъ его вниманія. Его сочиненіе касательно организаціи труда носитъ всѣ признаки экспромта, написаннаго наскоро подъ вліяніемъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ несомнѣннаго спроса на произведенія этого рода именно въ концѣ тридцатыхъ и въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ. Вспомнимъ, что въ это самое время явилось Путешествіе въ Икарію Кабе, Народное Евангеліе Эскироса, Божья республика Пеккера, Ни замковъ ни хижинъ Пилло, Библія свободы Аб. Констана, Кодексъ коммунизма Дезами и пр. (см. выше библіографію при главѣ II). И если сравнить «Организацію труда» съ болѣе видными изъ этихъ сочиненій, съ Икаріею Кабе или съ Божьей республикой Пеккера, то оно оказывается сочиненіемъ наименѣе обду-

маннымъ, наименѣе разработаннымъ въ подробностяхъ, и наиболѣе торопливымъ и легкимъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, относящихся къ организаціи промышленности. Таково именно и должно быть качество работы, весьма серьезной по предмету, но наскоро задуманной и исполненной. Авторъ по необходимости многое долженъ пустить изъ виду, многое забыть, многое не додѣлать.

Мы видѣли, съ какою легкостью онъ рѣшалъ вопросъ о томъ, кто побѣдитъ въ имѣющей возникнуть борьбѣ между частною промышленностью и промышленностью соціальныхъ мастерскихъ. Побѣдятъ безспорно, по его мнѣнію, соціальныя мастерскія. И даже борьба будетъ непродолжительна, потому что въ соціальной мастерской всѣ трудящіеся заинтересованы въ успѣхѣ дѣла. Но и въ частной мастерской всѣ заинтересованы. Это торопившемуся автору не пришло въ голову, упущено изъ виду, оставлено безъ вниманія. Въ частной мастерской владѣлецъ ея и главный руководитель работъ всего болѣе заинтересованъ успѣхомъ дѣла,—такъ, какъ не можетъ быть заинтересованъ руководитель, назначенный правительствомъ, или избранный самими рабочими, и получающій плату наравнѣ со всѣми рабочими, что должно самымъ существеннымъ образомъ отразиться на производствѣ; на это также не обращено никакого вниманія. Далѣе, уставы мастерской будутъ выработаны народнымъ представительствомъ; стало быть будутъ они представлять полное совершенство. Но народное представительство состоитъ не изъ боговъ, а изъ людей; оно можетъ ошибаться. Это Л. Блану опять не пришло въ голову.

Многое другое ему не пришло въ голову, многое другое онъ не сообразилъ, многія существенныя подробности не согласилъ съ цѣлымъ или другими частями системы и потому впослѣдствіи долженъ былъ измѣнять ихъ, передѣлывать, многое приписалъ онъ своей системѣ такое, что не принадлежитъ ей исключительно или даже совсѣмъ не принадлежитъ ей.

Такъ мы видѣли, что къ числу преимуществъ своей системы онъ отнесъ то, что при соціальныхъ мастерскихъ

устроится общая жизнь, въ которой при однѣхъ и тѣхъ же издержкахъ всякій рабочій будетъ удовлетворять лучше своимъ потребностямъ. Но, какъ мы уже сказали, общая жизнь, общность въ потребленіи не есть исключительная принадлежность системы Л. Блана, она можетъ быть осуществлена и безъ соціальныхъ мастерскихъ. Это опять авторъ упустилъ изъ виду *).

Подобнымъ образомъ къ числу преимуществъ своей системы онъ относитъ то, что новыя изобрѣтенія, не составляя ничьей привилегіи, а будучи немедленно покупаемы государствомъ, и черезъ то дѣлаясь достояніемъ всѣхъ, не будутъ производить никакого возмущенія въ промышленности, не будутъ обогащать однихъ, немногихъ, посредствомъ разоренія другихъ, очень многихъ. Послѣдовать этому правилу, покупать у изобрѣтателей ихъ изобрѣтенія, государство можетъ и не устраивая соціальныхъ мастерскихъ. Это есть цѣль ближайшая, болѣе доступная сравнительно съ устройствомъ соціальныхъ мастерскихъ. И такъ какъ Л. Бланъ и то и другое вмѣняетъ въ обязанность правительству, то очень естественно, что правительство сначала выполнитъ задачу болѣе легкую и практичную, и когда станетъ заводить соціальныя мастерскія, то всеобщее пользованіе изобрѣтеніями съ отстраненіемъ всякихъ привилегій будетъ имѣть уже многолѣтнюю практику въ области промышленности, и съ одной стороны нисколько не будетъ служить къ усиленію системы соціальныхъ мастерскихъ, съ другой, какъ фактъ предъидущій и независимый отъ нея, не

---

*) Здѣсь любопытна еще одна особенность. Въ имѣющей возникнуть борьбѣ между частною промышленностью и соціальными мастерскими побѣда останется за этими мастерскими вслѣдствіе преимуществъ, происходящихъ «отъ экономіи общей жизни и отъ способа организаціи». Но общая жизнь появится не вдругъ, не сначала, а она возникнетъ изъ ассоціаціи труда, разумѣется, послѣ нѣкотораго промежутка времени. Слѣдов., на самыхъ первыхъ порахъ, при первыхъ шагахъ, наиболѣе трудныхъ, соціальныя мастерскія войдутъ въ конкурренцію съ частною промышленностью, не имѣя въ своемъ распоряженіи одного изъ орудій борьбы. Не рискуютъ ли онѣ въ этой борьбѣ быть побѣжденными, какъ генералъ, который во время сраженія не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи артиллеріи, не прибывшей во-время на поле битвы.

можетъ быть поставлено въ заслугу этой системѣ. Все это Л. Бланомъ оставлено безъ вниманія. Онъ знаетъ только одно, —то, что уничтоженіе привилегій, всеобщее пользованіе изобрѣтеніями есть одно изъ преимуществъ системы соціальныхъ мастерскихъ.

Есть по его мнѣнію у этой системы и еще одно преимущество, несравненно болѣе важное, это-то что она разрѣшитъ безъ затрудненій вопросъ о народонаселеніи. Чрезвычайная важность этого вопроса въ наукѣ политической экономіи извѣстна. Увеличеніе народонаселенія несоразмѣрно со средствами питанія это одна изъ причинъ, погубившихъ древній міръ съ его цивилизаціею, это одна изъ главныхъ язвъ нашего времени. Это есть фактъ, которымъ вызваны всѣ проекты соціалистовъ, которымъ произведены послѣдовательно нѣсколько революцій. Л. Бланъ рѣшаетъ вопросъ въ четырехъ строкахъ. Излишній приростъ населенія, слѣдуя ему, прекратится, потому-что каждый рабочій въ соціальной мастерской пріобрѣтетъ идеи порядка и привычки предусмотрительности (des idées d'ordre et des habitudes de prévoyance), т. е. рабочіе будутъ на столько порядочны и предусмотрительны, что не будутъ имѣть дѣтей больше, чѣмъ въ состояніи воспитать. Вопросъ рѣшенъ легко, скоро и окончательно.

Съ такою-же легкостью рѣшается вопросъ о народной нравственности. Соціальныя мастерскія не будутъ дѣлать фальсификаціи товаровъ, не будутъ дозволять себѣ коммерческихъ обмановъ, и чрезъ это совершится нравственная революція, болѣе плодотворная, чѣмъ та, которая можетъ быть произведена столѣтними трудами проповѣдниковъ и моралистовъ. Но современная безнравственность состоитъ не въ однихъ коммерческихъ обманахъ, не въ одной фальсификаціи произведеній; и то и другое составляетъ весьма незначительную часть всей вообще области современнаго разврата. Это особый видъ безнравственности, которымъ страдаютъ только промышленные производители и торговцы, да и то не всѣ; другіе классы страдаютъ другими видами безнравственности. Есть много людей,

которые ни разу не согрѣшили фальсификаціею произведеній и коммерческимъ обманомъ, а между тѣмъ, принадлежатъ къ людямъ наиболѣе безнравственнымъ. Л. Бланъ на все это не обращаетъ вниманія. Онъ доволенъ тѣмъ что его реформа такъ легко производитъ нравственную революцію, и подробнымъ анализомъ, равно какъ доказательствами, утруждать себя не хочетъ.

Онъ утверждаетъ, что соціальныя мастерскія уничтожатъ частное производство, частную промышленность. Куда же дѣнутся, чѣмъ будутъ заниматься и кормиться тѣ, которые были заняты въ ней: рабочіе, всякаго рода администраторы, директоры, предприниматели-капиталисты? Они поспѣшатъ, отвѣчаетъ Л. Бланъ, присоединиться къ соціальнымъ мастерскимъ «по причинѣ выгодъ, которыя онѣ представляютъ». Но какъ мы видѣли, соціальныя мастерскія своею равною платою могутъ удовлетворить только простыхъ рабочихъ; а директоры фабрикъ, ихъ помощники, всякаго рода техники и спеціалисты и даже просто болѣе искусные рабочіе не удовлетворятся этою общею для всѣхъ платою въ 5 фр. въ день; для нихъ такая плата совсѣмъ не представляетъ выгоды.—А предприниматели, кромѣ того, прежде пользовались прибылью отъ дѣла (profit de l'entrepreneur); а въ соціальныхъ мастерскихъ они могутъ получать плату только наравнѣ со всѣми рабочими; стало быть для нихъ вступленіе въ соціальную мастерскую также не представляетъ выгоды, а представляетъ потери вмѣстѣ съ пониженіемъ ихъ на соціальной лѣстницѣ; изъ разряда предпринимателей—джентльменовъ они переходятъ въ разрядъ рабочихъ-блузниковъ. Такъ какъ-же они добровольнымъ образомъ устремятся къ соціальнымъ мастерскимъ, съ цѣлью принять участіе въ ихъ дѣятельности? Это могло-бы быть развѣ по примѣру тѣхъ кроликовъ и другихъ мелкихъ животныхъ, которые, увидавши передъ собою разинутую пасть гремучей змѣи, до того теряются, что вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ нея, сами направляются прямо въ пасть. Или можетъ быть, капиталисты послѣдуютъ примѣру той королевской фамиліи,

которая, по словамъ Фурье, увидѣвши, какъ блаженствуютъ люди въ новоустроенномъ фалантерѣ, «придетъ и будетъ просить для себя небольшаго помѣщенія въ немъ». (См. выше стр. 59).

Л. Блана, какъ писателя вообще и даже какъ только соціалиста-реформатора, нельзя и сравнивать съ Фурье. Это было-бы несправедливостью, оскорбленіемъ для памяти Л. Блана, который нигдѣ ни въ своей соціальной реформѣ, ни въ историческихъ трудахъ, ни въ политической дѣятельности не былъ сторонникомъ нравственной распущенности, тѣмъ болѣе явнаго принципіальнаго разврата, какъ Фурье; напротивъ, вездѣ и всегда старался дѣйствовать на высшія стороны человѣческой природы. Но въ его экономическихъ разсужденіяхъ, если брать во вниманіе только его логическую состоятельность, онъ не далекъ отъ Фурье. Эти капиталисты, стремящіеся въ соціальную мастерскую, дѣйствительно походятъ на королевскую фамилію, стремящуюся въ Фаланстеръ. Эта соціальная мастерская «имѣющая свойства безграничнаго распространенія», разростающаяся въ цѣлую систему, имѣющую покрыть всю страну и затѣмъ, разумѣется, весь земной шаръ, еще больше напоминаетъ тотъ пробный фаланстеръ, по образцу котораго въ 1824 г. должны были устроиться фаланстеры во всемъ цивилизованномъ мірѣ *), а въ 1825 г. въ странахъ варварскихъ и дикихъ. Фурье превосходитъ Л. Блана только точностью въ числахъ и большею нетерпѣливостью въ надеждахъ и ожиданіяхъ. Л. Бланъ не думаетъ, чтобы соціальныя мастерскія такъ скоро распространились во всемъ мірѣ. Впрочемъ и онъ больше одного года не желаетъ для своей первой мастерской, совершенно согласно съ Фурье, который увѣренъ, что первый фалантеръ уже въ теченіе перваго года докажетъ цѣлому міру истинность его системы. Шансы на успѣхъ имѣютъ совершенно равные какъ Фурье, такъ и Л. Бланъ.

---

*) Выше (см. стр. 389) мы видѣли, что и Оуэнъ дошолъ до той-же самой фантазіи. Очевидно дѣятельность воображенія имѣетъ свои законы столь-же необходимые, какъ и законы логики.

Любопытно отношеніе Л. Блана и его соціальной мастерской къ государству? Газета Commerce (№ 3-го авг. 1841 г.) упрекнула Л. Блана въ томъ, что онъ государству дастъ несвойственную ему роль промышленнаго предпринимателя, что онъ ставитъ его въ положеніе фабриканта, который не можетъ ограничиться только производствомъ, но долженъ, кромѣ того, находить сбытъ своимъ произведеніямъ. Л. Бланъ отвѣчаетъ, что это обвиненіе къ нему не относится, что ничего подобнаго онъ не предлагалъ (Qu'avons nous donc proposé de semblable?), что по его проекту только въ первый годъ государство назначаетъ должностныя лица, а потомъ и отъ этой прерогативы оно отказывается; что его главная функція состоитъ въ томъ, что оно доставляетъ нѣсколькимъ обществамъ рабочихъ инструменты труда, что оно подчиняетъ рабочихъ извѣстному законодательству и потомъ наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ. Все это справедливо, но за всѣми этими аттрибутами Луи-Бланова государства скрывается дѣйствительное руководство всѣми промышленными дѣлами страны. Законодательство, которое издаетъ государство Л. Блана по отношенію къ промышленности, совсѣмъ не походитъ на промышленное законодательство европейскихъ государствъ, которое имѣетъ въ виду исключительно безопасность для жизни и здоровья рабочихъ, интересы нравственности, порядка, благочинія, а никакъ не образъ жизни рабочихъ или организацію мастерской, которую оно представляетъ исключительному вѣдѣнію частныхъ лицъ. Законодательство проектируемое Л. Бланомъ касается самой сущности, такъ сказать души всякаго труда, всякой работы, именно касается вознагражденія за трудъ, и кромѣ того необходимымъ образомъ должно касаться всѣхъ вообще подробностей внутренней жизни мастерской, даже подробностей производства. Хотя Л. Бланъ этого прямо не говоритъ, но это необходимо слѣдуетъ изъ его словъ. Слѣдуя ему, законы, которые будутъ изданы народнымъ представительствомъ, будутъ таковы, что соціальнымъ мастерскимъ будетъ невозможно не распространиться по всей поверхности государства. Гарантируя въ такой степени успѣшность произ-

водства, законы эти очевидно должны опредѣлить даже подробности внутренняго порядка въ мастерскихъ и самыя подробности производства. Они возстановятъ и притомъ въ усиленной степени отжившую свое время регламентарную систему, противъ которой ратовали еще физiократы. И то государство, которое дастъ соцiальнымъ мастерскимъ орудiя труда, т. е. деньги, необходимыя на обзаведенiе, имѣетъ безъ сомнѣнiя гораздо больше права на такое вмѣшательство во внутреннюю жизнь мастерской, чѣмъ дореволюцiонная Францiя.

Л Бланъ старается отстранить отъ себя обвиненiе въ томъ, что налагаетъ на государство несвойственныя ему функцiи, только будучи прижатъ къ стѣнѣ, встрѣтивши возраженiе, что государство не въ состоянiи выполнить той дѣятельности, которую онъ на него возлагаетъ. А въ самомъ своемъ проектѣ онъ говорилъ, что государство должно взять на себя не наблюденiе за исполненiемъ законовъ, а должно овладѣть промышленностью, se rendre maître de l'industrie. Кто владѣетъ промышленностью, кто называется maître de l'industrie, владѣльцемъ промышленности, тотъ и только онъ одинъ и имѣетъ право распоряжаться всѣмъ, что относится къ промышленности, начиная отъ общихъ порядковъ, принциповъ и кончая самыми мелкими подробностями. И первоначальный взглядъ Л. Блана на отношенiе государства именно таковъ и былъ, безъ всякаго маскированья, такъ что приводя доказательства въ пользу той мысли, что это не представляло-бы даже никакой особенной трудности и даже не составляло-бы новости, онъ ссылается на тотъ примѣръ, что всѣ государства Европы взяли на себя обязанность пересылать и доставлять по назначенiю почтовую корреспонденцiю, и исполняютъ это дѣло съ большою точностью и съ выгодою какъ для публики, такъ и для себя; согласно этому примѣру государства могутъ взяться и за другiя отрасли промышленности. Могъ же, продолжаетъ онъ, Наполеонъ, глава французскаго государства, двигать миллiономъ людей, съ цѣлью разрушенiя! И развѣ можно допустить, чтобы было согласно съ видами промысла то, что разрушенiе съ помощiю массъ

возможно, а производство невозможно? Очевидно тутъ рѣчь идетъ не о наблюденіи государствомъ за исполненіемъ законовъ, касающихся производства, а о производствѣ направляемомъ и руководимомъ государствомъ—такъ, какъ оно направляетъ разноску писемъ и руководитъ ей, устанавливая всѣ подробности этого дѣла, и такъ, какъ Наполеонъ управлялъ своими арміями, слѣдуя исключительно своей собственной волѣ.

Чтобы не оставить даже мѣста недоразумѣнію, Л. Бланъ прибавляетъ: «возраженія, основанныя на трудности исполненія, не могутъ быть серьезны. Отъ государства съ его громадными и разнообразными средствами требуютъ, чтобы оно дѣлало то, что на нашихъ глазахъ въ настоящее время дѣлаютъ частные люди (ce que nous voyons faire aujourd'hui à de simples particuliers). О чемъ тутъ рѣчь? Очевидно не о наблюденіи за исполненіемъ законовъ; частные люди не этимъ занимаются; и для этого не нужно громадныхъ и разнообразныхъ средствъ (ressources), которыя находятся въ распоряженіи государства. Развивая ту-же мысль въ люксембургской коммисіи, Л. Бланъ говоритъ, что во главѣ всѣхъ вообще мастерскихъ, т. е. во главѣ всего производства страны будетъ поставленъ административный совѣтъ, въ рукахъ котораго «будутъ соединены бразды (les rênes) всѣхъ родовъ промышленности, какъ въ рукахъ особаго инженера, назначеннаго государствомъ, будетъ находиться руководство (la direction) всякой отдѣльной промышленности». Очевидно, что роль государства здѣсь опять не ограничивается наблюденіемъ за исполненіемъ законовъ, а полнымъ и верховнымъ руководствомъ всѣми родами промышленности вообще и безъ исключенія. Такой взглядъ на дѣло и давалъ ему возможность еще въ первоначальномъ изложеніи плана говорить, что фабриканты, присоединяясь къ системѣ соціальныхъ мастерскихъ, въ сущности приведены къ тому, чтобы поступить на службу государства, «sont amenés à se mettre au service de l'Etat». Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ: пусть государство станетъ во главѣ промышленности (que l'état se mette à la tête de l'industrie), пусть оно направитъ къ одному

центру всѣ усилія (qu'il fasse converger tous les efforts), пусть оно соединитъ вокругъ одного принципа всѣ интересы, находящіеся въ борьбѣ въ настоящее время (qu'il rallie autour d'un même principe tous ler interéts aujourd'hui en lutte). Развѣ все это походитъ на одно наблюденіе за исполненіемъ законовъ? Развѣ стать во главѣ промышленности еще не значитъ руководить ею и распоряжаться ею по своему усмотрѣнію? Замѣчательно, что это мѣсто находится въ 9-мъ изданіи, напечатанномъ много спустя послѣ того, какъ Л. Бланъ старался доказать, что въ его проектѣ государству не предназначается дѣятельной роли по отношенію къ промышленности. Въ томъ-же изданіи повторена и ссылка на почтовую дѣятельность государства и сравненіе его громадныхъ средствъ съ средствами отдѣльныхъ предпринимателей, такъ что его отказъ отъ своихъ словъ и мыслей и потомъ новое возвращеніе къ нимъ является чѣмъ-то въ высшей степени страннымъ.

Подобную же невѣрность самому себѣ Л. Бланъ обнаруживаетъ въ рѣшеніи вопроса о заработной платѣ. Читатель видѣлъ, что въ соціальныхъ мастерскихъ онъ проектировалъ равную плату для всѣхъ рабочихъ, не обращая вниманія на ихъ способности, на количество и качество произведенной работы, и также на «ложное и противообщественное воспитаніе», данное нынѣшнему поколѣнію. Кажется можно-бы послѣ всего этого считать вопросъ окончательно рѣшеннымъ и рѣшеннымъ блистательнымъ образомъ, съ великодушіемъ вполнѣ достойнымъ и автора и великой задачи, принятой имъ на себя. Нѣтъ, возможно рѣшеніе еще болѣе великодушное; и Л. Бланъ признаетъ первое рѣшеніе, какъ временное и условное; а для окончательнаго рѣшенія принимаетъ новую формулу: въ соціальныхъ мастерскихъ всякій будетъ получать вознагражденіе за трудъ не пропорціонально искусству и старанію, не пропорціонально сдѣланной работѣ, а пропорціонально потребностямъ; а работа отъ каждаго будетъ требоваться пропорціональная способностямъ; т. е. трудолюбивый, искусный и одаренный хорошими физическими силами, но умѣ-

ренный рабочій будетъ работать такъ, какъ требуетъ его природа, будетъ честно, не жалѣя себя, трудиться, съ умѣньемъ, съ успѣхомъ; а вознагражденіе онъ получитъ небольшое, такъ какъ его потребности, вслѣдствіе его умѣренности, ограничены. Хорошое вознагражденіе за свой трудъ, каково-бы ни было его качество, получитъ тотъ рабочій, который любитъ хорошо и въ достаточномъ количествѣ поѣсть и попить, и немедленно послѣ завтрака мечтаетъ уже объ обѣдѣ, а тотчасъ послѣ обѣда мечтаетъ объ ужинѣ. Основаніе для такой системы вознагражденія лежитъ въ принципѣ равенства. Равныя суммы денегъ, полученныя двумя рабочими, имѣющими неравныя потребности, не могутъ удовлетворить ихъ потребностямъ въ равной степени. И въ этомъ дѣлѣ, по отношенію къ человѣку, удовлетвореніе потребностямъ есть дѣло наиболѣе существенное и такъ сказать конечное, а деньги это только средство, имѣющее значеніе по мѣрѣ своей способности служить къ удовлетворенію потребностей. Потому равенство денежной суммы не имѣетъ большого значенія. По отношенію къ разнымъ субъектамъ, деньги имѣютъ такъ сказать разный курсъ. И Л. Бланъ старается эту разницу курса привести къ единству, къ справедливости, вслѣдствіе чего много и хорошо производящій, но умѣренный рабочій получаетъ меньше, а мало и худо производящій рабочій, но гастрономъ, получаетъ больше.

Въ русскомъ народномъ эпосѣ есть два типа весьма различные между собою. Первый типъ это богатырь; онъ защищаетъ сирыхъ и слабыхъ отъ злодѣевъ и отъ чудовищъ, а всю вообще страну отъ непріятелей; иногда онъ представляется пахаремъ, въ потѣ лица воздѣлывающимъ землю, добывающимъ питательныя вещества на потребу себѣ и ближнему. Другой типъ—это «объѣдала», который работать не любитъ и не умѣетъ; но поѣсть много любитъ и обыкновенно поѣдаетъ то, что приготовятъ для себя другіе; богатырь сначала смотритъ на его обжорство только съ удивленіемъ, наконецъ, придя въ гнѣвъ, задаетъ ему такой щелчокъ по лбу, что объѣдала летитъ къ верху ногами. Въ этомъ наказаніи, постигающемъ

объѣдалу, русскій народъ выразилъ свой взглядъ на достоинство этого типа и на его право пользоваться чужимъ трудомъ. А въ соціальной мастерской будущаго времени объѣдала первый человѣкъ; ему мѣсто въ почетномъ углу, поближе къ мискѣ со щами и къ чашкѣ съ кашей. Этому идеалу русскій человѣкъ сочувствовать не будетъ. Впрочемъ, и во Франціи сами рабочіе никогда не находили такихъ порядковъ правильными; и не только не устраивали ассоціацій съ вознагражденіемъ пропорціональнымъ потребностямъ, но введенную по указаніямъ Л. Блана равную для всѣхъ плату замѣняли платою издѣльною.

Нужно, впрочемъ, отдать честь Л. Блану, что въ этомъ вопросѣ о платѣ онъ успѣлъ соединить самое идеальное великодушіе съ значительною уступчивостью. Плату пропорціональную потребностямъ онъ въ первый разъ предложилъ въ 9-мъ изданіи своей организаціи труда (Парижъ, 1850 г.) *). Въ предъидущихъ 8 изданіяхъ организація труда проектировалась съ равную платою. Но измѣнивши равную плату въ плату пропорціональную потребностямъ, Л. Бланъ вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ, что даже «равенство платы за трудъ неприложимо при нынѣшнемъ режимѣ индивидуализма и конкурренціи». Еще менѣе разумѣется приложима высшая форма платы, плата пропорціональная потребностямъ, это осуществленіе принципа истиннаго равенства, того равенства, которое имѣетъ безсмертною сестрою братство (veritable égalité, celle qui a la fraternité pour soeur immortelle). Какая-же плата за трудъ должна считаться практичною и удобною для нашего времени? Л. Бланъ этого прямо не сказалъ, предоставляя это сообразительности читателя. И сообразить это не трудно. Остается только одинъ видъ платы, плата пропорціональная количеству и качеству работы, или, что все равно, плата пропорціональная способностямъ или пропорціональная искусству, т. е. та плата, которую

*) Раньше этого мысль о платѣ пропорціональной потребностямъ онъ изложилъ въ рѣчи передъ делегатами отъ рабочихъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, сказанной 3 апрѣля 1848 г.

рабочіе получаютъ въ мастерскихъ всего міра. Къ этому Л. Бланъ пришелъ въ 1850 году, а въ 1839 году провозгласилъ, что, не смотря на всѣ современныя неблагопріятныя условія, плата за трудъ въ самыхъ первыхъ соціальныхъ мастерскихъ все-таки должна быть равная; и согласно этому въ ассоціаціи портныхъ въ Клиши была введена плата за трудъ равная. Такимъ образомъ въ теченіи 11 лѣтъ мысль Л. Блана скиталась по сторонамъ отъ прямой дороги, указываемой логикою и политической экономіей и не только сама скиталась, но и другихъ смущала, и ихъ мысли уклоняла въ сторону, вводила ихъ въ соблазнъ блужданія вдали отъ истины. Хорошо еще, что по крайней мѣрѣ такъ или иначе Л. Бланъ призналъ неосновательность, неосуществимость своей мысли, хотя только при современныхъ обстоятельствахъ и при нынѣшнемъ составѣ рабочаго сословія. Но это можно было сдѣлать гораздо прямѣе, что болѣе гармонировало-бы съ репутаціею честнаго человѣка, которою Л. Бланъ не безъ причины всегда пользовался.

Нѣсколько другихъ примѣровъ признанія (хотя опять не прямого) своихъ ошибокъ и несостоятельности своихъ положеній со стороны Л. Блана мы уже видѣли.

Такъ послѣ критики М. Шевалье, онъ оставилъ въ сторонѣ свое прежнее увѣреніе о томъ, что всѣ члены соціальной мастерской будутъ стараться работать хорошо и скоро въ своемъ собственномъ интересѣ и даже не безъ искусства преобразилъ этотъ интересъ въ интересъ чести и славы, о которомъ прежде помину не было; въ первоначальномъ проектѣ говорилось объ интересѣ вообще, подъ которымъ при отсутствіи опредѣленія всѣ разумѣютъ только интересъ матеріальный.

Подобнымъ образомъ возраженія М. Шевалье привели его къ признанію новаго принципа своей организаціи труда, который онъ допустилъ, самъ не сознавая и не понимая этого. Проектируя равную плату для всѣхъ рабочихъ, для хорошихъ и худыхъ, равнымъ образомъ для руководителей работъ, администраторовъ мастерской, спеціалистовъ, техниковъ, Л. Бланъ не сообразилъ того, что плата, удовлетворяющая простаго рабо-

чаго, не будетъ достаточна для директора фабрики и его помощниковъ, для инженеровъ и всякаго рода техниковъ, необходимыхъ при большомъ производствѣ, и потому говоритъ, что собственный интересъ будетъ побужденіемъ для дѣятельности всѣхъ вообще трудящихся безъ исключенія. М. Шевалье не могъ не увидѣть сразу, что для лицъ, составляющихъ администрацію мастерской, заработная плата мастероваго будетъ представлять не интересъ, а потерю, и потому предположилъ, что Л. Бланъ имѣлъ тутъ въ виду другое побужденіе, преданность общему дѣлу, желаніе безкорыстно содѣйствовать благосостоянію рабочаго класса, и сталъ доказывать, что на преданность, на высшія христіанскія добродѣтели нельзя разсчитывать въ промышленномъ производствѣ.

Л. Бланъ, обрадовавшись, что возраженіе М. Шевалье открываетъ для него новый фундаментъ для постройки зданія соціальныхъ мастерскихъ, ухватился за него; и такимъ образомъ преданность, dévoument, сознаніе долга, и безкорыстіе (désintéressement) явились въ числѣ побужденій для дѣятельности въ соціальныхъ мастерскихъ. Но о нихъ въ первый разъ заговорилъ Л. Бланъ только въ отвѣтѣ М. Шевалье, а въ проектѣ организаціи труда о нихъ даже и помину нѣтъ. И во всякомъ случаѣ этотъ новый стимулъ для дѣятельности трудящихся въ соціальной мастерской, будучи новымъ, въ тоже время находится въ существенномъ противорѣчіи съ стимуломъ, выставленнымъ первоначально. Безкорыстіе, désintéressement и выгода, корысть, интересъ, intérêt взаимно отрицаютъ другъ друга. И если Л. Бланъ ввелъ ихъ вмѣстѣ, какъ основанія для дѣятельности въ соціальной мастерской, то онъ по крайней мѣрѣ долженъ-бы согласить и разграничить область ихъ дѣйствія и вліянія; что конечно онъ и сдѣлалъ-бы, если-бы сознавалъ сначала, что преданность и безкорыстіе необходимымъ образомъ входятъ въ его систему, вслѣдствіе недостаточности первоначальнаго стимула, интереса. Но такъ какъ этого не было, то и область вліянія какъ интереса, такъ и безкорыстія оставлены имъ безъ разграниченія, съ опасностью взаимнаго уничто-

женія или по крайней мѣрѣ значительнаго ослабленія, которое должно имѣть самыя неблагопріятныя послѣдствія для соціальной мастерской.

Л. Бланъ самъ все это впослѣдствіи понималъ больше и больше, самъ послѣдовательно убѣждался, что проектированныя имъ разновременно побужденія для дѣятельности въ соціальной мастерской не вполнѣ достаточны, не могутъ гарантировать успѣха ея промышленной дѣятельности и никогда не переставалъ дѣлать къ нимъ дальнѣйшія дополненія. Прибавивши сначала къ коллективному интересу матеріальному коллективный-же интересъ чести и славы, потомъ присоединивши къ этому преданность и безкорыстіе, онъ окончилъ наконецъ принципомъ привлекательнаго труда, согласно съ ученіями Морелли и Фурье.

Доказывая справедливость окончательной формулы вознагражденія за трудъ въ соціальныхъ мастерскихъ—«всякому сообразно потребностямъ и отъ всякаго сообразно способностямъ»,—онъ говоритъ, что въ соціальной мастерской работа сообразно способностямъ организуется сама собой «добровольно, безъ усилія (volontairement, sans effort) исключительно вслѣдствіе привлекательности труда», потому-что «согласіе, установленное между различными занятіями и соотвѣтственными естественными склонностями сдѣлаетъ изъ труда удовольствіе (aurait fait du travail un plaisir)» *).—«Изо всѣхъ удовольствій человѣка, прибавляетъ Л. Бланъ, нѣтъ болѣе живаго, чѣмъ то, которое онъ почерпаетъ въ свободномъ, добровольномъ упражненіи своихъ способностей». «Развѣ поэты не любятъ писать стихи, живописцы—писать картины, механики—дѣ-

*) Согласіе между занятіями и склонностями составляетъ непервое основаніе, придуманное Л. Бланомъ для построенія теоріи привлекательнаго труда. Раньше онъ находилъ это основаніе въ коллективности труда. «Будучи уединенъ, трудъ ведетъ къ худому расположенію духа и скукѣ; напротивъ трудъ коллективный дѣлается привлекательнымъ и походитъ на праздникъ». (Organ. du travail, neuvième édition, p. 116). Но вѣдь и въ существующихъ теперь мастерскихъ рабочіе трудятся неуединенно.

лать машины?—Развѣ искусство обрабатывать землю не имѣетъ могучаго очарованія, когда оно не составляетъ труда вынужденнаго и чрезмѣрнаго? Я знаю людей, которые имѣя большое состояніе, работаютъ по двѣнадцати часовъ ежедневно. Я знаю негоціантовъ, которые, достигнувши богатства, продолжаютъ дѣла, чтобы избѣгнуть скуки» *).

Еще въ 1848 году, будучи членомъ временнаго правительства, Л. Бланъ былъ приглашенъ посѣтить промышленную школу для бѣдныхъ дѣтей въ Пети Бургѣ (Petit-Bourg), въ департ. Сены и Уазы. Въ этой школѣ онъ видѣлъ, что дѣти исполняли разнаго рода занятія, сажали цвѣты, поливали ихъ, ухаживали за деревьями, работали въ кузницѣ, съ видимымъ удовольствіемъ и съ неутомимостью, поистинѣ удивительною. Картина, въ которой Л. Бланъ представляетъ дѣятельность учащихся въ школѣ дѣтей, весьма походитъ на тѣ, которыя посѣтители видѣли въ Нью-Лакарнѣ у Р. Оуэна, а также и на тѣ, которыя приводили въ восторгъ городскихъ посѣтителей Сѣверо-американской Фаланги. (См. выше, стр. 150). Другой примѣръ, приводимый Л. Бланомъ въ пользу мысли о привлекательности труда относится ко времени его изгнанія, когда онъ жилъ въ Лондонѣ. Здѣсь въ компаніи съ нѣсколькими англичанами, мужчинами и женщинами, Л. Бланъ задумалъ устроить пикникъ на одномъ островѣ Темзы. Организовалась поѣздка въ лодкахъ съ провизіею, съ посудою, съ виномъ, съ гитарою. Гребцами были сами участники пикника; они-же были и носильщиками провизіи; женщины устраивали пиръ; послѣ кушанья кто пѣлъ, кто игралъ на гитарѣ, кто декламировалъ стихи. Короче, время было проведено очень весело. И ни мужчины, ни женщины, не тяготились тою долею труда, которая выпала на ихъ долю. На возвратномъ пути Л. Бланъ сталъ убѣждать одного изъ своихъ спутниковъ въ томъ, что трудъ правильно организованный можетъ только привлекать къ себѣ трудящагося, ссылаясь на ихъ общій опытъ

---

*) Histoire de la Rev. de 1848. P. 1880. t. 1—er p. 150.

этого дня. Но англичанинъ не подавался на его убѣжденія, находя, что пикникъ и работа въ мастерской, хотя-бы и въ соціальной, очень мало походятъ другъ на друга. Л. Бланъ былъ очень недоволенъ неудачей своихъ убѣжденій и закончилъ разсказъ объ этомъ спорѣ возгласомъ: o folie des hommes! (о человѣческая глупость), относя конечно этотъ возгласъ къ англичанину, своему собесѣднику.

Но такъ или иначе, съ теченіемъ времени у Л. Блана въ его системѣ явилось новое побужденіе для труда рабочихъ; это привлекательность труда, который самъ по себѣ, благодаря разумной организаціи мастерской, превращается въ удовольствіе. Не забудемъ, что организація мастерской еще не сдѣлана. Самъ Л. Бланъ очертилъ только ея общій планъ и положилъ принципы; а во всей полнотѣ организація будетъ разработана народнымъ представительствомъ. Но организація эта не можетъ быть никакою другою, кромѣ организаціи, превращающей трудъ въ удовольствіе. И это превращеніе изъ системы Л. Блана дѣлаетъ совсѣмъ не то, чѣмъ она была прежде. Теперь ужъ ей нѣтъ надобности ни въ преданности, ни въ безкорыстіи, ни даже въ интересѣ славы и чести. Всѣ эти побужденія дѣлаются излишними, если рабочіе будутъ стремиться къ труду, вслѣдствіе его привлекательности, если удаленіе отъ труда для нихъ будетъ сопряжено съ непріятными чувствами. И соціальная мастерская Л. Блана уже превращается въ фаланстеръ.

Еще болѣе важную перемѣну допустилъ Л. Бланъ въ другой подробности проекта, не менѣе важной, касающейся того, что лежитъ въ основѣ всякой промышленной дѣятельсти, именно — права собственности. Въ его первомъ проектѣ мы нигдѣ не встрѣчаемъ никакого покушенія къ ниспроверженію его или къ такому ограниченію, которое само граничило-бы съ ниспроверженіемъ. Правда, онъ желаетъ, чтобы боковыя наслѣдства не поступали въ пользу тѣхъ, кто ихъ иногда совсѣмъ не ожидаетъ, а чтобы поступали они въ пользу общины. Да и это относится у него только къ поземельнымъ имуществамъ; онъ надѣется, что такимъ образомъ соціальныя мастерскія, запи-

мающіяся земледѣліемъ, мало-по-малу пріобрѣтутъ поземельную собственность, достаточную для ихъ существованія. Но отсюда весьма далеко до уничтоженія собственности. И хотя на будущее время капиталистовъ онъ устраняетъ отъ производства, не допускаетъ совсѣмъ класса предпринимателей, тѣмъ не менѣе владѣніе капиталами остается, какъ теперь, неприкосновеннымъ, и соціальныя мастерскія платятъ проценты на занятые капиталы; и даже уплата процентовъ гарантирована государствомъ, такъ что классъ капиталистовъ, владѣльцевъ частной собственности продолжаетъ существовать и жить на счетъ процентовъ ихъ капиталовъ, имѣя, впрочемъ, право утилизировать ихъ, какъ найдетъ для себя полезнымъ. Но случилось, что газета «Siècle» дѣлая критику его системы (№ 22 авг., 1840) замѣтила, что онъ установляетъ слишкомъ большую солидарность между членами общества, и что эта солидарность можетъ повести къ уничтоженію наслѣдства, а затѣмъ и къ разрушенію семейства. Л. Бланъ, отвѣчая на критику, признаетъ, что при его системѣ уничтоженіе наслѣдства дѣйствительно возможно; но что касается до семейства, оно можетъ и должно остаться. «Семейство и наслѣдство нераздѣльны только относительно и притомъ только при извѣстномъ соціальномъ порядкѣ. Семейство идетъ отъ Бога; наслѣдство отъ людей. Семейство, какъ Богъ, свято и безсмертно; наслѣдство предназначено къ тому, чтобы слѣдовать по одной наклонной плоскости съ обществами, которыя преобразуются, и съ людьми, которые умираютъ» *).

Впрочемъ, прибавляетъ Л. Бланъ, при нынѣшнемъ соціальномъ устройствѣ, принципъ наслѣдства не можетъ быть уничтоженъ. Уничтоженіе его повело-бы къ большимъ безпорядкамъ и было-бы бѣдствіемъ. Уничтоженъ онъ можетъ быть только тогда, когда состоится новая организація труда согласно плану Л. Блана, когда будутъ организованы соціальныя мастерскія съ платою за трудъ, пропорціональною потребностямъ. Тогда не будетъ ни собственниковъ, ни наемныхъ рабочихъ;

---

*) Organisation du travail. Neuvième éd. Paris, 1850, стр. 229.

а всѣ члены общества «будутъ чиновниками, которыхъ дѣятельность будетъ опредѣляться ихъ способностями, а вознагражденіе ихъ потребностями» *). Такое состояніе общества Л. Бланъ сравниваетъ съ общественною организаціею Моравскихъ братьевъ, которыхъ онъ, однако, повидимому смѣшиваетъ съ Моравскими общинами, предполая, что у Моравскихъ братьевъ было распредѣленіе трудовъ согласно способностямъ, а распредѣленіе произведеній согласно потребностямъ. Но такъ или иначе, окончательная организація общества, проектируемая Л. Бланомъ имѣетъ всѣ свойства коммунизма: собственность перестаетъ существовать, потому что право наслѣдства уничтожается, вслѣдствіе чего уже при второй генераціи послѣ введенія новаго порядка никто ничего не будетъ имѣть въ качествѣ собственности Правда Л. Бланъ въ послѣдней редакціи своего проекта допускаетъ еще, кромѣ платы за трудъ, участіе рабочаго въ барышѣ, но весь барышъ ассоціаціи составляетъ только четвертую часть остатка, получившагося послѣ покрытія всѣхъ расходовъ ассоціаціи, на содержаніе рабочихъ, на уплату процентовъ и т. д. Очевидно, доля барыша, которую можетъ получить рабочій, можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ карманными деньгами. Такъ что порядокъ, окончательно установленный Л. Бланомъ, есть дѣйствительный коммунизмъ, съ сохраненіемъ семейства, какъ въ Утопіи Т. Мора и въ Икаріи Кабе **).

---

*) Histoire de la révolution de 1848. Paris, 1880, т. 2-й, стр. 294.

**) Какъ окончательную форму вознагражденія за трудъ Л. Бланъ предполагаетъ то, чтобы рабочій совсѣмъ не получалъ никакой рабочей платы. «Le salariat est un régime à détruire complètement», говоритъ онъ. Взамѣнъ ея всякій рабочій долженъ получать готовые предметы для удовлетворенія всѣхъ потребностей, пищу, одежду, помѣщеніе и т. д. И этотъ порядокъ въ сельскихъ ассоціаціяхъ можетъ быть введенъ немедленно, такъ какъ этому не будетъ мѣшать «соприкосновеніе и давленіе среды враждебной новымъ идеямъ». Org. du trav. neuvième ed. 1850, p. 114.

Итакъ Л. Бланъ оказывается коммунистомъ. Почему же онъ не высказалъ этого раньше? — Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, попробуемъ теперь дать самимъ себѣ отчетъ о томъ, что̀ мы встрѣтили въ проектѣ Л. Блана, что̀ означаютъ эти постоянныя дополненія, измѣненія, это приписаніе системѣ не принадлежащихъ ей частностей, это скорое и легкое рѣшеніе важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ науки.

Все это, по нашему мнѣнію, неопровержимымъ образомъ подтверждаетъ ту мысль, что весь проектъ Л. Блана есть дѣйствительно экспромптъ, и притомъ экспромптъ, написанный человѣкомъ, имѣющимъ малое знакомство съ предметомъ и съ областью науки, къ которой онъ относится.

Это что-то въ родѣ поэтическаго произведенія, написаннаго въ минуту вдохновенія. Этотъ экспромптъ, изложенный авторомъ въ хорошей литературной формѣ, сразу пріобрѣлъ ему симпатію въ средѣ рабочихъ, съ стремленіями или по крайней мѣрѣ съ внутренними вожделѣніями которыхъ у него было своего рода химическое сродство. Это были огонь и горючій матеріалъ; какъ скоро они соединились, начался процессъ горѣнія. Успѣхъ проекта Л. Блана всего менѣе говоритъ въ пользу его внутреннихъ достоинствъ. Это была une pièce de circonstance, которая имѣетъ успѣхъ только по причинѣ особыхъ обстоятельствъ, на которыя она и разсчитывала. Habent sua fata libelli; можетъ быть отъ начала книгопечатанія не было книги, къ которой съ большимъ правомъ можно-бы было относить это изрѣченіе. Успѣхъ ея дѣйствительно есть что-то зависящее отъ судьбы, а не отъ сущности ея, не отъ ея достоинствъ.

Въ своей совокупности и въ своемъ послѣднемъ видѣ она оказывается чѣмъ-то случайнымъ и не принадлежащимъ вполнѣ Л. Блану. Ему принадлежитъ въ ней только то, что было имъ первоначально напечатано въ 1839 году *). А всѣ дополненія

---

*) Самая существенная часть этой первой редакціи проекта приведена выше, стр. 470—478.

и измѣненія получили бытіе только потому, что посторонніе люди указали Л. Блану на недостатки и несообразности проекта. Такъ со словъ М. Шевалье Л. Бланъ заговорилъ о преданности и безкорыстіи, какъ стимулахъ труда въ соціальныхъ мастерскихъ; по поводу его же замѣчаній къ числу этихъ стимуловъ былъ присоединенъ коллективный интересъ чести и славы; наконецъ, почти по прямому указанію «Siècle'я», Л. Бланъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, согласился допустить уничтоженіе наслѣдства.

Если бы всѣ эти указанія не были сдѣланы, то и система Л. Блана въ окончательномъ своемъ видѣ не была-бы такою, какая она есть; единственнымъ побужденіемъ къ труду въ ней считался-бы матеріальный интересъ, плата за трудъ была-бы для всѣхъ равная, и собственность не была-бы уничтожена.

Несмотря, однако, на всѣ измѣненія и дополненія, проектъ Л. Блана и до конца остался неоконченнымъ. Ему и до сихъ поръ недостаетъ весьма существенной части, такой, какую самъ авторъ считаетъ имѣющею особое значеніе, именно недостаетъ окончательной редакціи уставовъ соціальныхъ мастерскихъ. Это дѣло Л Бланъ не беретъ на себя, а предоставляетъ его народному представительству. Что это? —Скромность, недовѣріе къ своимъ силамъ или что-нибудь другое? Въ этомъ случаѣ Л. Бланъ рѣзко отличается отъ всѣхъ предшественниковъ своихъ, соціалистовъ. С. Симонисты, Фурье, Р. Оуэнъ, Кабе въ своихъ проектахъ опредѣляли все сами до малѣйшихъ подробностей; посторонняго вмѣшательства они не допускали. И въ этомъ они были правы. Во всякой цѣльной системѣ все должно быть въ самомъ полномъ согласіи, принципы и развитіе ихъ, общность дѣла и всѣ его частности; только при этомъ условіи система можетъ оказаться состоятельною. И образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ Л. Блана дѣйствительно не можетъ не возбудить недоумѣнія. Если онъ довѣрялъ своимъ силамъ, предлагая такую организацію промышленности, которая должна уничтожить всю промышленность существующую, довѣрялъ, когда полагалъ основные принципы, когда вырабатывалъ глав-

ныя черты устройства соціальныхъ мастерскихъ, то въ разработкѣ подробностей онъ и могъ и долженъ былъ тѣмъ болѣе довѣрять самому себѣ и никому больше. Всякій другой, было-ли бы это отдѣльное лицо, или учрежденіе,—могъ нарушить неприкосновенность его принциповъ, могъ проектировать частности, несогласныя съ цѣлымъ. Мы предполагаемъ здѣсь со стороны Л. Блана только недовѣріе къ самому себѣ; потому что это предположеніе наиболѣе благопріятно для Л. Блана и всего ближе подходитъ къ характеру его, по общему признанію, честному и прямому. Съ другой стороны это предположеніе согласно и съ тѣми измѣненіями въ своей системѣ, которыя онъ сдѣлалъ по указанію постороннихъ лицъ, въ чемъ, конечно, нельзя видѣть его полнаго довѣрія къ своимъ силамъ и положеніямъ.

И это недовѣріе Л. Блана къ самому себѣ состоитъ въ полномъ согласіи еще съ однимъ фактомъ возбуждающимъ также недоумѣніе, съ тѣмъ, что Л. Бланъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ не заботился о томъ, чтобы осуществить свой проектъ ни въ первыя девять лѣтъ послѣ его появленія, т. е. отъ 1839 до 1848 года, ни въ послѣдніе годы жизни отъ 1871 до 1882, по возвращеніи его изъ Англіи.

Замѣчательно, что одно изъ измѣненій въ проектѣ, сдѣланное Л. Бланомъ въ 1848 году, именно измѣненіе, касающееся способовъ и средствъ осуществленія проекта, имѣетъ такой смыслъ, что осуществленіе проекта даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ само собою отлагается въ долгій ящикъ. По первоначальному проекту дѣло дѣлается очень скоро: государство дѣлаетъ заемъ и немедленно приступаетъ къ устройству соціальныхъ мастерскихъ. Когда мастерскія устроены, онѣ начинаютъ свою дѣятельность. По измѣненному проекту сначала учреждается министерство Труда или Прогресса. Министерство Труда прежде всего озаботится тѣмъ, чтобы выкупить посредствомъ государственной ренты желѣзныя дороги и рудники на пространствѣ всего государства, потомъ преобразовать французскій (акціонерный) банкъ въ государственный,—взять въ свое

владѣніе и завѣдываніе страховое дѣло, — учредить подъ вѣдѣніемъ отвѣтственныхъ чиновниковъ обширные магазины, въ которыхъ всякаго рода производители могли-бы складывать ихъ произведенія, и кромѣ того, открыть государственные базары для мелочной торговли.

Устроивши все это и продолжая дѣятельность правленій желѣзныхъ дорогъ, горныхъ заводовъ, французскаго банка, страховыхъ обществъ и, кромѣ того, давая движеніе дѣятельности оптовыхъ складовъ и базаровъ для мелочной торговли, министерство Труда, разумѣется, отъ всѣхъ этихъ видовъ промышленной дѣятельности получитъ доходы. И эти доходы составятъ его бюджетъ, который будетъ употребленъ такимъ образомъ: сначала изъ него будутъ уплачиваться проценты и погашеніе капиталовъ, которые государство должно частнымъ лицамъ и компаніямъ за уступленныя ему желѣзныя дороги, рудники и т. п.; а что останется послѣ этого, то будетъ употреблено на устройство соціальныхъ мастерскихъ городскихъ и сельскихъ *).

Не вдаваясь въ обсужденіе достоинствъ этого измѣненнаго проекта, не входя также въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, останется-ли что-нибудь въ бюджетѣ министерства Труда послѣ уплаты процентовъ и погашенія сдѣланнаго долга, обратимъ вниманіе только на то, что министерству Труда, прежде чѣмъ оно можетъ приступить къ устройству соціальныхъ мастерскихъ, предстоитъ дѣло нелегкое и требующее много времени. Всѣ эти виды промышленной дѣятельности, желѣзно-дорожное, горное, страховое, банковое дѣло, потребуютъ отъ министерства Труда особеннаго вниманія и осторожности, чтобы при перемѣнѣ управленія во всѣхъ ихъ не произошло замѣшательства, вслѣдствіе котораго министерство не только не получило бы ожидаемой прибыли, но могло-бы потерпѣть убытки. Во всякомъ случаѣ, вдругъ всего этого сдѣлать нельзя. Выкупить желѣзныя дороги, горные заводы, не значитъ просто отобрать ихъ. Для выкупа нужно добровольное согласіе владѣльцевъ;

*) См. Organ. du travail. 9-е изд. стр. 119 и 120.

при чемъ безъ долгихъ переговоровъ и споровъ, а можетъ быть и безъ суда дѣло не обойдется. Потомъ нужно будетъ обезпечить доходность этихъ предпріятій; при чемъ нельзя не опасаться промышленнаго кризиса, такъ какъ промышленность страны въ это время подвергнется необходимо нѣкоторой пертурбаціи, не только вслѣдствіе перехода нѣкоторыхъ отраслей ея въ руки правительства, но еще больше вслѣдствіе устройства оптовыхъ складовъ и базаровъ для мелочной торговли, вслѣдствіе чего условія сбыта всякаго рода произведеній болѣе или менѣе измѣнятся. А кромѣ того, какъ производство. такъ и торговля не могутъ не пострадать отъ надвигающейся на нихъ тучи общей соціальной реформы, замѣны всей вообще частной промышленности промышленностью соціальныхъ мастерскихъ съ уничтоженіемъ частной собственности, съ коммунизмомъ въ недалекомъ будущемъ.

Во всякомъ случаѣ, всѣ эти предварительные фазисы соціальной реформы потребуютъ времени, причемъ устройство соціальныхъ мастерскихъ отодвигается на задній планъ. Могутъ случиться какія-нибудь особыя неблагопріятныя обстоятельства, которыя послужатъ если не причиною, то поводомъ къ тому, чтобы отложить устройство мастерскихъ на срокъ еще болѣе продолжительный.

И нельзя не обратить вниманія на то, что вся эта перемѣна, сдѣланная Л. Бланомъ въ проектѣ касательно средствъ и способа устройства соціальныхъ мастерскихъ, эта отсрочка устройства ихъ не вызвана никакою необходимою причиною. Устроить нѣсколько соціальныхъ мастерскихъ было бы легче и обошлось-бы дешевле. чѣмъ выкупать желѣзныя дороги, горные заводы, французскій банкъ и т. п. И если выкупъ желѣзныхъ дорогъ, горныхъ заводовъ казался Л. Блану дѣйствительно необходимымъ, то эти два дѣла могли идти рядомъ, одновременно. Не было никакой дѣйствительной причины для того, чтобы откладывать улучшеніе быта рабочаго сословія, котораго страданія такъ картинно изобразилъ Л. Бланъ. При видѣ человѣческихъ страданій не только люди, способные къ

особенно возвышеннымъ чувствамъ и къ особенно великодушнымъ проектамъ, какъ Л. Бланъ, но и самые простые смертные стараются сначала прекратить страданія и потомъ уже придумываютъ средства къ предупрежденію ихъ на будущее время. Л. Бланъ поступилъ наоборотъ. Для него какъ будто главною цѣлью было выкупить желѣзныя дороги, горные заводы и пр.; а улучшеніе быта рабочихъ было дѣломъ второстепеннымъ. Совершенно согласно съ этимъ предположеніемъ относился онъ къ дѣйствіямъ временнаго правительства республики 48 года. Временное правительство 27 февраля, т. е. черезъ 2 дня послѣ торжества революціи, издало декретъ объ учрежденіи Національныхъ мастерскихъ и поручило это дѣло министру общественныхъ работъ Мари, который былъ явнымъ противникомъ соціализма и въ частности системы Л. Блана. Л. Бланъ, почти всю свою политическую карьеру посвятившій разработкѣ, защитѣ и пропагандѣ идеи организаціи труда, попавшій въ члены временнаго правительства, какъ представитель этой идеи, какъ носитель идеала будущаго соціальнаго устройства, имѣющаго низвести на землю миръ и всеобщее благоденствіе, когда дѣло дошло до принятія мѣръ, имѣющихъ въ виду эту цѣль, оказался отстраненнымъ отъ дѣла, долженъ былъ смотрѣть, какъ противники его идеи, противники всякаго вообще измѣненія въ соціальной организаціи общества, будутъ дѣйствовать наперекоръ ему и наперекоръ желаніямъ народа. На другой день послѣ декрета объ открытіи Національныхъ мастерскихъ передъ городскою думой (Hôtel de Ville) произошла большая народная манифестація, которая требовала учрежденія министерства труда и организаціи его. Л. Бланъ явился адвокатомъ этого народнаго желанія предъ временнымъ правительствомъ, и когда временное правительство не признало себя компетентнымъ для рѣшенія вопроса объ учрежденіи новаго и никогда небывалаго министерства, то онъ объявилъ, что не желаетъ оставаться больше членомъ временнаго правительства; и только настойчивыя просьбы остальныхъ членовъ правительства, опа-

савшихся по этому случаю народныхъ волненій, заставили его измѣнить свое рѣшеніе.

Почему Л. Бланъ такъ горячо принялъ съ сердцу отказъ временнаго правительства учредить министерство труда и такъ хладнокровно отнесся къ устраненію его отъ практическихъ мѣръ, имѣвшихъ въ виду улучшеніе быта рабочихъ? Другаго объясненія нельзя найти, кромѣ того, что въ первомъ случаѣ, въ случаѣ если-бы ему было поручено организовать національныя мастерскія, онъ долженъ-бы былъ немедленно осуществлять новую систему организаціи труда; а осуществлять ему было нечего: она у него была не окончена и оканчивать ее онъ не брался; а къ тому, что у него было сдѣлано, что было разработано, онъ самъ не могъ имѣть довѣрія. Онъ былъ въ положеніи полководца, который выступилъ въ походъ противъ непріятеля и шелъ впередъ очень смѣло, въ надеждѣ, что онъ непріятеля не встрѣтитъ. Но на его бѣду непріятель тоже шелъ ему навстрѣчу и когда они сошлись, то нашъ полководецъ не зналъ, что дѣлать, остановился въ недоумѣніи и даже былъ не прочь убраться домой, какъ Иванъ III съ береговъ Угры, оставляя войско на произволъ судьбы. А если-бы было устроено министерство труда и разумѣется министромъ былъ-бы сдѣланъ Л. Бланъ, то онъ не встрѣтилъ-бы предъ собою никакого непріятеля, которому онъ былъ-бы долженъ дать битву немедленно. Битва отсрочивалась на долгіе годы. А сначала онъ долженъ былъ вести переговоры съ многими компаніями желѣзныхъ дорогъ, еще съ большимъ числомъ владѣльцевъ горныхъ заводовъ, съ правленіями страховыхъ обществъ, долженъ былъ строить склады товаровъ, рынки; потомъ долженъ былъ достигнуть того, чтобы всѣ эти промышленныя учрежденія дѣйствовали успѣшно, такъ чтобы можно было платить погашеніе и проценты долговъ. Да это могло потребовать не одного десятка лѣтъ. Конечно, при этомъ улучшеніе быта рабочаго сословія отсрочивалось; однако, министерство труда хотя медленнымъ шагомъ, но подвигалось-бы къ этой цѣли; такъ утѣшалъ-бы себя Л. Бланъ. Вотъ почему онъ

не протестовалъ, когда его отстранили отъ всякаго участія въ дѣлѣ организаціи національныхъ мастерскихъ, и сталъ протестовать только тогда, когда временное правительство отказалось учредить министерство труда, хотя дѣйствительно выставленная имъ причина весьма основательна; оно не могло учредить столь необыкновенное министерство, не превышая своей компетенціи, какъ правительства временнаго, имѣвшаго удовлетворить только насущнымъ потребностямъ минуты, къ числу которыхъ оно смѣло отнесло учрежденіе національныхъ мастерскихъ для рабочихъ, нуждавшихся буквально въ кускѣ хлѣба.

Теперь становится яснымъ и то, почему Л. Бланъ съ самаго начала не высказался вполнѣ, не изложилъ свою систему въ истинномъ и полномъ видѣ ея, съ уничтоженіемъ наслѣдства, съ каммунизмомъ. Прудонъ думаетъ, что онъ въ этомъ случаѣ не былъ искрененъ, что онъ скрывалъ свои дѣйствительныя мысли, можетъ быть для того, чтобы не оттолкнуть отъ себя читателей, принадлежащихъ къ классу буржуазіи. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Скрывать Л. Блану было нечего. Онъ просто не понималъ всего смысла своихъ положеній, не подозрѣвалъ, куда они его приведутъ, чѣмъ онъ долженъ будетъ окончить. Установляя равную и притомъ высокую плату для всѣхъ рабочихъ, Л. Бланъ уже положилъ основаніе коммунизма, потому что при такомъ порядкѣ игнорируется основное положеніе имущественнаго права: Suum cuique. Въ соціальной мастерской одни рабочіе не получаютъ того, что имъ слѣдуетъ, другіе получаютъ больше того, что имъ слѣдуетъ, получаютъ то, что слѣдуетъ другимъ. Такой порядокъ могъ бы существовать развѣ только на основаніи закона, который всѣ признаютъ и котораго всѣ боятся; и при немъ существованіе частныхъ промышленныхъ заведеній съ платою, пропорціональною заслугѣ, было бы аномаліею, отрицаніемъ порядка, установляемаго государственнымъ закономъ. Отсюда необходимость того, чтобы частныя мастерскія прекратили свое существованіе, слились съ мастерскими соціальными, были поглощены ими. Л.

Бланъ и не останавливается передъ этимъ; только, не будучи силенъ въ политической экономіи, онъ придумываетъ для этого невѣрный путь, утверждаетъ, что частныя заведенія закроются не будучи въ состояніи конкуррировать съ соціальными мастерскими. И хотя онъ старался усилить свои соціальныя мастерскія пріисканіемъ для нихъ новыхъ побужденій къ труду—но смутное чувство недостаточности ихъ продолжало таиться въ глубинѣ его души. И частныя промышленныя заведенія стояли предъ нимъ съ угрозою навсегда парализировать успѣхи соціальныхъ мастерскихъ своею конкурренціею и уничтожить въ корнѣ его систему. A la guerre comme à la guerre; потому и онъ не поцеремонился съ ними. Чего тамъ ждать, пока частныя промышленныя заведенія закроются и владѣльцы ихъ придутъ искать мѣста рабочихъ въ соціальныхъ мастерскихъ? Можно сдѣлать дѣло гораздо короче. Стоить только уничтожить наслѣдство, право передачи имущества отъ отца къ дѣтямъ—и всѣ частныя промышленныя заведенія немедленно начнутъ закрываться и по прошествіи одного людскаго поколѣнія не останется изъ нихъ ни одного; господство въ промышленности безраздѣльно перейдесъ къ мастерскимъ соціальнымъ.

Коммунизмъ Л. Блана, вполнѣ гармонируя съ наиболѣе характеристическою чертою соціальныхъ мастерскихъ, съ равенствомъ вознагражденія за трудъ, есть необходимое послѣдствіе того, что Л. Бланъ не хотѣлъ ограничиться простымъ улучшеніемъ быта рабочихъ съ помощію средствъ государства, доставленіемъ имъ работы и куска хлѣба въ тяжелыя для промышленности времена *), а взялъ на себя великую задачу обновить человѣчество посредствомъ новой организаціи труда.

Новая организація труда! За этими немногими словами скрывается колоссальное дѣло, дѣло для котораго не могутъ быть

*) Это практиковалось во Франціи съ давнихъ временъ, еще въ XVI ст. и потомъ въ XVII. Во время конвента и во время консульства были изданы подробныя законоположенія касательно подобныхъ мастерскихъ, съ цѣлью дать рабочимъ занятія во время такъ называемыхъ мертвыхъ сезоновъ.

достаточны никакія человѣческія силы. Не даромъ безплодны до сихъ поръ остаются всѣ попытки этого рода, не смотря на то, что за нихъ брались такіе умы, какъ Платонъ, Т. Моръ, Мабли и пр. — Но попытки эти, эти проекты измѣнить сущность, самую душу производства, не смотря на предопредѣленную имъ самой судьбой безуспѣшность, могутъ быть однако въ самой редакціи своей болѣе или менѣе состоятельны, связны, послѣдовательны. У Л. Блана и этого нѣтъ — именно вслѣдствіе незнакомства автора съ тою областью знанія, къ которой принадлежатъ разсматриваемые имъ вопросы *).

Во время своего двадцатилѣтняго пребыванія въ Англіи, Л. Бланъ, повидимому болѣе или менѣе ознакомился съ литературою политической экономіи, съ сочиненіями какъ англійскихъ, такъ и французскихъ классическихъ писателей, Смита, Тюрго, Сэя, Мальтуса, Рикардо и т. д. Но до того времени едвали онъ имѣлъ эту возможность. Первыя его литературныя произведенія суть: похвальное слово Манюэлю и поэма — Мирабо. Обѣ онѣ относятся къ дѣятелямъ революціи, которая и была предметомъ перваго его изученія по выходѣ изъ школы. Ею онъ занимался главнымъ образомъ и впослѣдствіи; и его Исторія революціи есть самый большой и въ то-же время самый главный его трудъ. А слѣдовъ изученія имъ политической эконаміи раньше, чѣмъ онъ издалъ Организацію труда, нигдѣ не видно. Въ этомъ сочиненіи онъ дѣлаетъ ссылки только на сочиненія своихъ современниковъ: Тьера, Фрежье, Рюбишона и пр. Только одинъ разъ упомянулъ онъ Мальтуса и Рикардо, причемъ ясно обнаружилось, что о нихъ онъ знаетъ только по наслышкѣ **). Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не обратить

*) Прудонъ въ 1846 году писалъ: «говорятъ, что г. Л. Бланъ принялся серьезно изучать политическую экономію» и т. д. — А его организація труда издана за 7 лѣтъ до времени этого серьезнаго изученія.

**) Онъ говоритъ, что Рикардо положилъ начала (a posé les prémices) той бездушной политической экономіи, изъ которой Мальтусъ съ такимъ хладнокровіемъ извлекъ ужасное заключеніе. — Въ исторіи науки Мальтусъ старше, чѣмъ Рикардо и никогда не извлекалъ заключеній изъ его началъ. Его сочиненіе — An essay on the principles of population, въ ко-

вниманія и на то, что онъ никогда не изучалъ и не могъ изучать практически, въ жизни, состояніе и организацію промышленности. Сначала педагогъ, потомъ труженикъ періодической печати, онъ вѣроятно зналъ объ нихъ исключительно то, что нашелъ въ книгахъ, у Фрежье, Рюбишона и пр. Вотъ почему его Организація труда есть не только экспромтъ, но экспромтъ, написанный человѣкомъ, неимѣвшихъ никакихъ средствъ обсудить вопросъ сколько-нибудь основательнымъ образомъ, что потомъ и обнаружилось въ постоянныхъ поправкахъ и коренныхъ измѣненіяхъ, допущенныхъ имъ въ проектѣ.— Какъ историкъ, Л. Бланъ стоитъ безспорно несравнено выше. Его Исторія революціи, не смотря на то, что авторъ часто расходится въ взглядахъ съ большинствомъ писателей наиболѣе авторитетныхъ (съ Тьеромъ, Мишле. Минье и пр.), напр. въ исторіи процесса объ ожерельѣ, въ оцѣнкѣ главнѣйшихъ дѣятелей революціи и т. п, все-таки занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ богатой литературѣ, касающейся этой эпохи.— Его Исторія Десяти Лѣтъ имѣетъ вѣроятно еще больше значенія. Она навсегда останется въ числѣ первоначальныхъ источниковъ для исторіи эпохи также очень важной, для времени наиболѣе характеристическаго и типичнаго въ нашемъ вѣкѣ. И оба эти сочиненія написаны съ несомнѣннымъ и очень большимъ авторскимъ талантомъ, который, впрочемъ, не могъ не проявиться и въ организаціи труда, въ особенности въ первой, критической ея части. — Талантъ Л. Блана, какъ писателя, всѣми единогласно признается и ему онъ обязанъ своими успѣхами на журнальномъ поприщѣ, которые были очень быстры и очень блестящи, такъ что онъ, имѣя только 25 лѣтъ отъ роду,

---

торомъ находится «ужасное заключеніе, horribe conclusion» издано въ 1798 г. А самое первое сочиненіе Рикардо относится только къ 1810 г.; да и въ немъ Рикардо финансистъ говоритъ исключительно о финансовыхъ дѣлахъ.—Мальтусъ и Рикардо сошлись во взглядахъ касательно поземельной ренты; но самъ Рикардо признается, что первенство въ рѣшеніи вопроса о рентѣ принадлежитъ Мальтусу; онъ положилъ начала (a posé les prémices), а Рикардо далъ имъ дальнѣйшее развитіе.

былъ главнымъ редакторомъ газеты Le Bon Sens. Но можетъ быть это-то и повредило ему. Это-то и дало ему излишнюю самоувѣренность, позволило ему переступить границу своей компетентности, пойти ultra crepidam. Никакой писательскій талантъ не замѣнитъ основательнаго знакомства съ наукою, всесторонняго и глубокаго изученія предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкой по природѣ своей, хорошо воспитанной и имѣвшей достаточныя и серьезныя упражненія, логики, способной къ глубокому, проникающему до самыхъ основаній анализу и къ разумному и цѣлесообразному синтезу. И именно эта сторона дѣла составляла слабую сторону Л. Блана. Съ политической экономіей онъ не былъ мало-мальски достаточно знакомъ, существующей организаціи промышленности и состоянія рабочаго класса основательно не изучалъ и кромѣ того, обратившы особое вниманіе на искусство выраженія мыслей,—на предварительную разработку ихъ, на то, чтобы всегда проникать умомъ въ самую сущность дѣла, стараться понять его въ основныхъ его свойствахъ, онъ уже не обращалъ достаточно вниманія. Все это и имѣло слѣдствіемъ то, что его соціальный проектъ оказывается построеннымъ на основаніяхъ столь крайне недостаточныхъ. И Л. Бланъ самъ какъ будто чувствуетъ это; независимо отъ того, что онъ никогда не усиливался осуществить его, онъ по временамъ проговаривается, выдаетъ свой проектъ не за продуктъ науки и логики, а за предметъ вѣры. Такъ о своей организаціи труда онъ говоритъ, что она излагала его вѣрованія (exposait mes croyances); увѣряя, что его система распространится на весь міръ, онъ прибавляетъ: таково наше твердое вѣрованіе (c'est notre ferme croyance). Такъ говорилъ онъ предъ люксембурскою коммиссіею; и то-же самое повторилъ въ новомъ окончательномъ проектѣ промышленныхъ и земледѣльческихъ ассоціацій или соціальныхъ мастерскихъ (въ 9-мъ изд. орг. труда). Въ этомъ случаѣ Л. Бланъ еще разъ сошолся съ Оуэномъ. Когда въ послѣднее путешествіе Оуэна въ Америку ему начинали доказывать, что его надежды на успѣхъ его системы не имѣютъ никакого основанія, то вмѣсто

всякаго возраженія онъ отвѣчалъ, что его вѣра (sein Glaube) крѣпка, какъ скала. Предметомъ крѣпкой вѣры можетъ быть очень многое: и столоверченіе, и постукиваніе духовъ, и разныя примѣты и т. п. Но все это не относится къ области науки *), и вырабатывается не мышленіемъ, не умственною работою, а фантазіею. Недостатокъ умственной работы въ Оуэнѣ замѣченъ еще Бентамомъ; тотъ же самый недостатокъ у Л. Блана замѣченъ также недюжиннымъ мыслителемъ нашего времени, Ферразомъ, который по поводу его Организаціи труда замѣчаетъ, что онъ никогда такъ отчетливо не понималъ различенія, которое дѣлаетъ Ог. Контъ между людьми способными къ выработкѣ идей и людьми способными только къ изложенію и распространенію ихъ, какъ въ то время, когда читалъ это сочиненіе Л. Блана.—Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ нѣтъ надобности даже ссылаться на Ог. Конта. Эта разница между людьми, разрабатывающими мысли, и людьми, умѣющими изложить ихъ, бросается въ глаза во всей исторіи совершенно независимо отъ Ог. Конта. Ее замѣтилъ еще Сократъ, который поэтому и предложилъ, чтобъ въ совершеннѣйшемъ государствѣ поэты работали подъ руководствомъ людей наиболѣе ученыхъ и мудрыхъ, которые бы указывали имъ, чтó они должны и чтó не должны включать въ свои сочиненія,—стало быть онъ ясно различаетъ людей, вырабатывающихъ идеи, и людей, дающихъ имъ форму. Самъ Сократъ есть наиболѣе типичный представитель первыхъ—тѣхъ, которые способны разрабатывать идеи, но неспособны хорошо излагать ихъ. Его рѣчь всегда краткая, состоитъ не изъ систематическаго разсмотрѣнія дѣла, а изъ вопросовъ и отвѣтовъ, полныхъ смысла и въ отдѣльности и въ особенности въ совокупности, но слѣдующихъ одинъ за другимъ почти совершенно случайно. И вслѣдствіе этой своей особенности Сократъ не оставилъ по себѣ ни одной строки. А между тѣмъ, едва-ли найдется хоть бы одна сторона жизни, хотя бы одинъ

*) Впрочемъ, это можетъ относиться и къ области науки, только не современной, а тѣхъ тайныхъ наукъ, къ числу которыхъ относились алхимія, астрологія, кабалистика и т. п.

сколько-нибудь важный вопросъ нравственности, политики, науки, котораго онъ не касался бы въ своихъ бесѣдахъ. Литературная же форма всѣмъ его идеямъ дана его учениками. И такъ какъ ученики учителя слушали внимательно, то и воспроизвели если не его слова, то его духъ, сущность его ученій *). И сочиненія ихъ и по формѣ и по содержанію считаются образцовыми. Сочиненіе Л. Блана отличается только хорошею формою, а не содержаніемъ. Онъ не имѣлъ своего Сократа, какъ Платонъ или Ксенофонтъ, т. е. ни въ школѣ, ни по выходѣ изъ школы онъ не изучалъ серьезно и основательно ту науку, которая помогла бы ему правильно обсудить вопросъ, рѣшеніе котораго играло столь большую роль въ его жизни.— Извѣстно, что̀ изучалъ онъ: кромѣ исторіи революціи его занимала вообще литература XVIII вѣка, сочиненія Вольтера, Руссо и другихъ представитей ея. Вольтера онъ не любилъ, а Руссо очень уважалъ, проникся его идеями и подъ ихъ вліяніемъ, разсуждая подобно ему съ полною отрѣшенностью отъ жизни, съ смѣлостью выводя изъ нѣкоторыхъ излюбленныхъ имъ принциповъ слѣдствія, безъ вниманія къ другимъ принципамъ, ограничивающимъ значеніе принциповъ излюбленныхъ, сочинилъ свой проектъ организаціи труда, необдуманный, неосновательный, непрактичный, хотя и нашедшій сочувствіе въ средѣ рабочихъ, но не заслужившій одобренія ни со стороны представителей науки, ни со стороны людей практическихъ, со стороны правителей и даже филантроповъ. Съ этой стороны проектъ Л. Блана также выдается изъ ряда другихъ соціальныхъ проектовъ; учениковъ, послѣдователей и поклонниковъ Л. Бланъ не имѣлъ; разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ поклонниковъ, которыхъ онъ нашелъ у насъ въ Россіи.

---

*) При этомъ разумѣется дѣло, не могло обойтись безъ вліянія личныхъ особенностей того или другаго ученика. Портреты Сократа, оставленные Платономъ и Ксенофонтомъ, оба вѣрны. Но на одномъ изъ нихъ Сократъ представленъ en face, а на другомъ въ профиль, и при томъ одинъ писанъ карандашемъ, а другой акварелью, и вышелъ нѣсколько ярче.

Мы сказали выше, что Л. Бланъ совсѣмъ не заботился о томъ, чтобы осуществить свой проектъ, хотя это для него не представляло-бы никакихъ особенныхъ трудностей. Мысль эта справедлива только по отношенію къ его проекту во всей его совокупности, въ цѣлости, со всею полнотою средствъ, проектированныхъ авторомъ, равно какъ со всею широтою и возвышенностью задачи, предположенной имъ. А проектъ въ урѣзанномъ видѣ, такъ сказать въ сокращеніи, былъ испытанъ и притомъ неоднократно. Эти сокращенные опыты были предприняты въ то время, когда во главѣ французской республики 1848 г. стояло еще временное правительство, котораго членомъ былъ Л. Бланъ. Въ то время правительство уничтожило личное задержаніе должниковъ, вслѣдствіе чего всѣ содержавшіеся въ заключеніи должники получили свободу, и долговая тюрьма въ Клиши оказалась никѣмъ не занятою. Между тѣмъ былъ изданъ декретъ, которымъ всѣ граждане были обязаны служить въ національной гвардіи, и тѣмъ изъ нихъ, которые не имѣли средствъ, правительство обѣщало выдать казенные мундиры. А промышленный кризисъ былъ въ разгарѣ, дѣла остановились и десятки тысячъ рабочихъ не имѣли занятій. Сообразивши всѣ эти обстоятельства Л. Бланъ пришелъ къ мысли дать хотя временную работу неимѣвшимъ занятій портнымъ, поручивши имъ приготовленіе мундировъ для неимущихъ національныхъ гвардейцевъ и воспользоваться для этого освободившимся помѣщеніемъ въ долговой тюрьмѣ, которая должна была превратиться въ мастерскую портныхъ. Дѣло это безъ труда устроилось; временное правительство согласилось предоставить портнымъ бывшую долговую тюрьму и заказало имъ 100,000 мундировъ національной гвардіи. Устроилась ассоціація портныхъ подъ руководствомъ нѣкотораго Берара, бывшаго делегатомъ отъ портныхъ въ люксембургской коммисіи,—къ которому Л. Бланъ питалъ большое довѣріе и симпатію. Рабочіе составили сами для себя правила, руководствуясь при этомъ, какъ разсказываетъ Л. Бланъ *), его проектомъ организаціи

*) Histoire de la révolution de 1848, т. I, стр. 194.

труда. Заработная плата для всѣхъ была положена равная, не исключая и руководителей дѣла «serviteurs désintéressés de l'intérêt commun». Условіемъ для поступленія въ мастерскую «въ семейство» («famille est vraiment mot», говоритъ Л. Бланъ), было хорошее поведеніе, благонамѣренность (bonne volonté) и достаточное знаніе мастерства. Было, кромѣ того, предположено откладывать особыя суммы въ пользу вдовъ, сиротъ и больныхъ; барышъ долженъ былъ раздѣляться на двѣ части: одна шла въ раздѣлъ между рабочими, другая предназначалась для образованія коллективнаго капитала, съ цѣлью распространенія принципа ассоціаціи, т. е. учрежденія подобныхъ мастерскихъ. Численность ассоціаціи простиралась до 2,000 человѣкъ.

Другая подобная ассоціація, устроенная съ содѣйствіемъ Л. Блана и согласно съ его принципами, составилась изъ сѣдельниковъ, которымъ правительство предоставило приготовленіе сѣделъ для кавалеріи.

Впослѣдствіи національное собраніе ассигновало особую сумму въ 3,000,000 франковъ для пособія другимъ возникавшимъ ассоціаціямъ. Это было въ началѣ іюля 1848 г. Тогда явилось очень много желавшихъ воспользоваться пособіемъ изъ этой суммы, и только незначительная часть ихъ была удовлетворена. Съ помощію полученныхъ пособій, было основано 45 ассоціацій *). Но сочувствіе къ этой формѣ труда между рабочими было такъ велико, что и тѣ, которые не получили правительственнаго пособія, все-таки такъ или иначе добывали средства и устраивали ассоціаціи. Всего въ то время было основано около 300 ассоціацій. И большинство ихъ, если не во всемъ, то все-таки въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ, слѣдовало ученіямъ Л. Блана. Такъ заработная плата почти вездѣ была введена равная. Но очень скоро этотъ порядокъ прекратился. Неудобство равной платы оказалось именно въ томъ видѣ, какъ утверждали почти всѣ критики Л. Блана.

---

*) P. Dupuy. La question sociale en France. Bordeaux. 1881 г. Стр. 409 и слѣд.

Интереса какъ матеріальнаго, такъ интереса чести и славы, равно безкорыстнаго служенія общему благу оказалось недостаточно для того, чтобы всѣ работали усердно; напротивъ, «каждый находилъ выгоднымъ, чтобы его сосѣдъ больше работалъ и потому каждый возлагалъ надежды на другаго» *). Эти слова относятся къ ассоціаціи портныхъ въ Клиши, такъ сказать первородной дочери Л. Блана, ассоціаціи, устроенной подъ его личнымъ руководствомъ, составлявшей его гордость по его собственнымъ словамъ **). О ней же другой источникъ сообщаетъ, что при существованіи равнаго вознагражденія за трудъ она страдала отъ взаимнаго недовѣрія рабочихъ, отъ того, что каждый подозрѣвалъ другихъ въ неусердной работѣ, слѣдствіемъ чего было взаимное шпіонство, отъ котораго происходили въ свою очередь несогласія, раздоры. И все это прекратилось, когда вмѣсто равнаго вознагражденія была введена поштучная плата ***). И это произошло очень скоро, такъ что равное вознагражденіе за трудъ практиковалось очень недолго. Въ началѣ 1851 года ассоціацію посѣтилъ членъ англійскаго парламента, Коннингамъ. Онъ нашелъ дѣла ассоціаціи въ цвѣтущемъ состояніи. Она уже давно переселилась изъ бывшей долговой тюрьмы въ свое собственное, наемное помѣщеніе, открыла нѣсколько вспомогательныхъ мастерскихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ «своихъ первоначальныхъ уставахъ она сдѣлала большія измѣненія (de grandes modifications) и ввела поштучную плату» ****).

Введеніе поштучной платы можно считать окончаніемъ примѣненія системы Л. Блана на практикѣ. Послѣ этого всякая

*) Эд. Пфейферъ: объ ассоціаціи. Спб. 1860 г., стр. 115.

**) См. Pages d'histoire de la révolution de Février. Paris, 1850, стр. 167.

***) См. Dupuy, ib. Лявеле по этому поводу говоритъ, что всѣ эти опыты «съ полною очевидностію доказали, что оно (ученіе Л. Блана о заработной платѣ) сѣяло недовѣріе и раздоры тамъ, гдѣ надѣялось устроить царство согласія и братства». Le Socialisme Contemporain. Paris 1881, p. 49.

****) L'histoire de la revolution de 1848, т. I, стр. 204.

ассоціація начинаетъ дѣйствовать на основаніи общепризнаваемыхъ законовъ политической экономіи и прерываетъ всякую связь съ системою великодушной организаціи труда. Самъ Л. Бланъ такъ не думалъ; онъ находилъ, что и послѣ этого все-таки всѣ существовавшія ассоціаціи рабочихъ продолжали осуществлять на практикѣ его проектъ организаціи труда. По крайней мѣрѣ черезъ 20 лѣтъ послѣ удаленія изъ Франціи, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Исторіи революціи 1848 года онъ перечисляетъ нѣсколько ассоціацій, будто бы относящихся по своимъ принципамъ къ идеямъ, развитымъ имъ въ люксембургской коммиссіи, прибавляя, что онѣ продолжали процвѣтать въ теченіе продолжительнаго еще времени. Во первыхъ, процвѣтаніе большинства этихъ ассоціацій къ концу шестидесятыхъ годовъ уже окончилось. Во-вторыхъ, громадное большинство ихъ устроились или безъ всякаго вліянія ученій Л. Блана, (нѣкоторыя устроились даже раньше *), чѣмъ онъ издалъ свою организацію труда), или принявши первоначально его ученія впослѣдствіи отказались отъ ихъ вполнѣ и даже усвоили себѣ такой духъ, которому Л. Бланъ сочувствовать не могъ бы, если-бы зналъ истинное положеніе дѣла.

Въ 1876 году, въ Парижѣ былъ конгрессъ рабочихъ, о которомъ мы уже упоминали. Конгрессъ этотъ представляетъ и самъ по себѣ явленіе весьма замѣчательное, и кромѣ того, замѣчателенъ по отношенію его къ ученіямъ Л. Блана и ассоціаціямъ рабочихъ, существующимъ во Франціи. Рабочіе показали много здраваго смысла и такта, какъ въ организаціи конгресса, такъ и въ обсужденіи вопросовъ, занимающихъ ихъ. Между прочимъ обнаружили замѣчательную экономію времени и денегъ. Конгрессъ продолжался девять дней, отъ 2-го до 10-го октября; и въ это время было до 10 засѣданій. Преній не было, по предварительному рѣшенію. Всякій желавшій рабочій излагалъ и доказывалъ свое мнѣніе. Кто былъ съ нимъ

---

*) Самою первою ассоціаціею была ассоціація столяровъ, возникшая еще въ 1830 году по иниціативѣ Бюше.

не согласенъ, тотъ говорилъ послѣ. Потомъ конгрессъ давалъ свое рѣшеніе. Много разъ въ засѣданіяхъ было повторено: «не надо терять времени». — Для предварительной разработки вопросовъ было составлено нѣсколько коммиссій. Коммиссіи собирались въ томъ же самой залѣ, гдѣ собирался и конгрессъ; и притомъ по двѣ коммиссіи одновременно; одна коммиссія въ одномъ концѣ зала, другая въ другомъ. Вели себя рабочіе безукоризненно прилично. Однажды citoyen Hardy (всѣ они иначе себя не называли, какъ citoyen и citoyenne), рабочій бронзовщикъ, вздумалъ было пошумѣть, но его очень скоро успокоили исключительно средствами убѣжденія, обративши его вниманіе на то, что конгрессъ, въ числѣ членовъ котораго были и дамы, имѣетъ право на полное уваженіе со стороны каждаго изъ своихъ членовъ.

Главными вопросами, на которые обратилъ вниманіе конгрессъ, были: трудъ женщинъ (засѣданіе 3-го октября), полная свобода собраній и ассоціацій, учрежденіе синдикальныхъ камеръ въ видахъ интересовъ рабочихъ (засѣд. 4-го окт.) и кооперативныя ассоціаціи, производительныя, потребительныя и кредитныя. По вопросу о трудѣ женщинъ говорили, между прочимъ женщины, citoyennes Raoult, André, Aubé и др., говорили весьма разумно, причемъ обращали особое вниманіе на нравственныя послѣдствія для женщинъ отъ работы на фабрикахъ, высказывая сожалѣніе, что трудъ на фабрикѣ большею частію приводитъ дѣвицъ къ паденію. (Какая отсталость!).

По вопросу объ ассоціаціяхъ говорили citoyens: Finance, Nicaise, Lefebvre и др. Финансъ предостерегалъ рабочихъ отъ увлеченія ассоціаціями, говоря, что прежде онъ самъ имѣлъ вѣру въ нихъ, но факты переубѣдили его. Громадное большинство ассоціацій, образовавшихся во Франціи около 1848 г., оказались несостоятельными, въ особенности тѣ, которыя основаны съ пособіемъ отъ правительства. Изъ 30 парижскихъ ассоціацій, получившихъ пособіе изъ 3 милліоновъ, данныхъ конституціоннымъ собраніемъ, остается только одна, производящая слесарныя пилы. Изъ 300 основанныхъ безъ пособія прави-

тельства, уже въ 1854 г. оставалось только 10%, т. е. изъ трехсотъ двѣсти-семьдесятъ прекратили дѣятельность уже черезъ пять лѣтъ. Къ 1876 г. ихъ оставалось еще меньше. И тѣ, которыя уцѣлѣли, на столько преданы своимъ исключительнымъ интересамъ, что ни одна изъ нихъ не прислала делегатовъ на конгрессъ. И вообще къ рабочимъ онѣ относятся самымъ несимпатичнымъ образомъ, дѣйствуютъ, какъ обыкновенные хозяева промышленныхъ заведеній, патроны. Въ такомъ взглядѣ на нихъ сошлись большинство говорившихъ рабочихъ. Cit. Finance выразился, что кооперативное движеніе въ послѣдніе годы сдѣлалось «существеннымъ образомъ буржуазнымъ и консервативнымъ, въ худомъ смыслѣ слова» (essentiellement bourgeois et conservateur dans le mauvais sens du mot) *).

Cit. Frideau замѣтилъ даже, что тираннія кооперативныхъ обществъ дѣлается невыносимою (leur tyrannie devient intolérable). Невольно приходитъ на умъ при этомъ крѣпкое вѣрованіе Л. Блана, sa ferme croyance, что соціальныя мастерскія въ силу своего принципа и своей организаціи будутъ одарены неограниченною способностью расширенія и мирнымъ образомъ поглотятъ частную промышленность, такъ что образуется порядокъ, основанной на равенствѣ, которое можетъ быть названо родною сестрою братства. Братство, fraternité, въ ожиданіяхъ и тираннія, tirannie, въ исполненіи.—Рабочіе коснулись всѣхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ организаціи труда, и, на основаніи своего опыта и знанія дѣла, рѣшили ихъ всѣ безъ исключенія вопреки Л. Блану. Вознагражденіе равное или пропорціональное потребностямъ они осудили вполнѣ. Cit. Nicaise говорилъ: «если я, человѣкъ трезвый и трудолюбивый, долженъ работать въ пользу того, котораго лѣность столь-же велика, какъ его аппетитъ, и если я не святой, то я поставленъ въ необходимость скрывать свои способности и стараться

*) Séances du congrès ouvrier de France. Session de 1876 tenue à Paris. Paris, 1877. p. 337.—Замѣчательно, что рабочіе во Франціи различаютъ «консерваторъ» въ худомъ и въ хорошемъ смыслѣ. Наши интеллигенты еще не различаютъ.

удовлетворить той наклонности жить лучше, которая принадлежитъ человѣческой природѣ. С. Симонъ, среди своихъ ошибокъ провозглашаетъ принципъ болѣе справедливый: всякому соотвѣтственно его способности, всякой способности по ея дѣламъ. Мы держимся этого правила» *).

Что касается до отношеній труда къ капиталу, Никезъ удостовѣряетъ, что рабочіе вообще находятъ справедливымъ не только платить капиталисту проценты, но и дать ему долю въ доходахъ. Они, очевидно, не хотятъ быть менѣе справедливыми, чѣмъ тѣ капиталисты, которые даютъ рабочимъ долю въ барышахъ предпріятія, а ученіе Л. Блана, что капиталисты могутъ получать плату только, какъ рабочіе, отвергаютъ.

Между прочимъ, разсматривался вопросъ и о выборныхъ руководителяхъ предпріятія. Въ этомъ дѣлѣ, какъ сообщилъ Никезъ, было много ошибокъ «de nombreuses erreurs». Обыкновенно распорядителями выбирали лучшихъ рабочихъ; но лучшіе рабочіе оказывались худыми распорядителями. Такимъ образомъ мастерская лишалась лучшихъ рабочихъ и не пріобрѣтала хорошихъ распорядителей. Другой членъ конгресса, cit. Masquin, представилъ по этому вопросу нѣкоторыя дальнѣйшія разъясненія. По его словамъ, дѣло это представляло очень большія трудности. Если рабочіе и понимали, что распорядитель предпріятія долженъ имѣть для успѣха дѣла особыя способности, то найти его было нелегко. Люди заподлинно способные имѣли мѣста; и когда ассоціація предлагала имъ то содержаніе, которое они получали, они не соглашались, боясь отвѣтственности. Въ большинствѣ случаевъ ассоціаціи принуждены были брать людей, не доказавшихъ ранѣе своихъ способностей; и дѣла шли худо, ассоціаціи банкротились.

Нельзя при этомъ еще разъ не вспомнить о вѣрованіи Л. Блана, что директоры соціальныхъ мастерскихъ сначала назначенные правительствомъ, а черезъ годъ выбранные самими рабочими изъ своей среды, поведутъ дѣло такъ, что частныя про-

*) Laveleye. Le Socialisme contemporain. Paris, 1881, p. 138.

мышленныя предпріятія будутъ не въ состояніи соперничествовать съ ними, и даже борьба будетъ непродолжительна.

Въ самомъ концѣ конгресса на очередь былъ поставленъ вопросъ о положеніи сельскихъ рабочихъ. Въ сельскомъ населеніи Франціи, состоящемъ бóльшею частью изъ земледѣльцевъ-собственниковъ, вообще меньше увлеченія всякаго рода планами улучшенія быта рабочихъ. Потому въ заключеніе конгресса рѣшено было составить сельскимъ рабочимъ адресъ съ приглашеніемъ ихъ къ совокупному стремленію къ одной и той-же цѣли, къ улучшенію быта рабочихъ. Причемъ члены конгресса, зная нерасположеніе сельскихъ рабочихъ къ слишкомъ смѣлымъ теоріямъ, отрицаютъ свою прикосновенность къ нимъ. «Всѣ безпорядки, которые могли происходить и которые были отнесены на нашъ счетъ, всѣ экономическія утопіи, всѣ теоріи, которыя причиняли безпокойство интересамъ, вы должны теперь знать это, исходили не отъ насъ. Они исходили отъ ложныхъ рабочихъ, подкупаемыхъ врагами республики, личностями, которыя желаютъ овладѣть правительствомъ страны, чтобы эксплуатировать ее» *). Въ чей огородъ бросается здѣсь камень?—Кто авторы этихъ экономическихъ утопій и теорій, причинявшихъ безпокойство интересамъ, кто эти люди, производившіе безпорядки?—Люди, производившіе безпорядки, это вѣроятно рабочіе національныхъ мастерскихъ 1848 года и продолжатели ихъ дѣла, коммунары 1871 года. А экономическія утопіи, отъ которыхъ открещиваются члены конгресса, это несомнѣнно соціальные проекты Кабе и въ особенности Л. Блана, такъ какъ всѣ тѣ принципы и подробности кооперативныхъ ассоціацій, которыя подверглись осужденію рабочихъ, фигурируютъ въ нихъ и больше всего въ системѣ Л. Блана. Таковы ученія его о платѣ равной или пропорціональной потребностямъ, о безошибочномъ выборѣ руководителей дѣла самими рабочими, о безграничномъ расширеніи ассоціаціи и т. п. Признаніе этихъ ученій неправильными и нецѣлесообразными со

---

*) Seances etc., стр. 530.

стороны самихъ рабочихъ, и притомъ на основаніи опыта, имѣетъ такое значеніе, что послѣ него системѣ Л. Блана не остается ничего, какъ вслѣдъ за системою Кабе погрузиться въ Лету, исчезнуть въ безднѣ забвенія, что, собственно говоря, во Франціи для нея уже и настало. Мишель Шевалье еше въ 1869 г. говорилъ, что въ средѣ рабочихъ, интересовавшихся соціальными вопросами «Организація труда Л. Блана такъ же забыта, какъ и Circulus П. Леру». (Revue de Deux Mondes. 1869. Livrn. de Juin).

Послѣ этого дѣлается совершенно яснымъ, почему Л. Бланъ, послѣ событій 1870 и 1871, не повелъ опять рѣчь о соціальныхъ мастерскихъ, не заговорилъ объ осуществленіи своего проекта. Произошло это потому, что, возвратившись на родину, онъ получилъ точныя свѣдѣнія о судьбѣ большинства ассоціацій, возникшихъ въ 1848 году, и о характерѣ тѣхъ немногихъ, которыя уцѣлѣли. Кромѣ того, не могъ онъ не знать и измѣнившагося направленія мыслей рабочаго класса, не могъ не знать того, что рабочіе стали смотрѣть на дѣло гораздо болѣе трезвымъ образомъ, и отрекались, какъ отъ утопій вообще, такъ въ частности отъ тѣхъ великодушныхъ положеній, на которыхъ онъ строилъ своей соціальный проектъ. И еслибы онъ вздумалъ осуществить его, ему просто не съ кѣмъ было-бы приступить къ дѣлу; онъ не нашолъ-бы хоть сколько-нибудь серьезныхъ и разумныхъ рабочихъ, которые согласились-бы поступить въ его соціальныя мастерскія. Л. Бланъ, какъ соціалистъ, несомнѣнно пережилъ самъ себя; и его соціальный проектъ въ семидесятыхъ годахъ этого столѣтія казался бы французскому рабочему чѣмъ-то допотопнымъ. О немъ дѣйствительно всего лучше было молчать, что Л. Бланъ хорошо и понялъ.

Выше мы видѣли, что земледѣльческую промышленность Л. Бланъ въ Организаціи труда желаетъ устроить на основаніи тѣхъ-же законовъ, которые положены въ основу промыш-

ленныхъ соціальныхъ мастерскихъ; но говоритъ объ этомъ очень кратко, не обращая вниманія на особенности этого рода промышленности. — Такъ относится онъ къ этому вопросу только въ первыхъ изданіяхъ, а впослѣдствіи, на земледѣльческую промышленность, на устройство сельской соціальной мастерской онъ обратилъ гораздо больше вниманія, изложилъ предварительно неудовлетворительное состояніе сельскаго хозяйства своего времени, главнымъ образомъ вслѣдствіе дробности земельныхъ участковъ, чрезполосности владѣнія, отсутствія земледѣльческаго кредита и правильнаго и достаточно развитаго скотоводства, и потомъ представилъ подробный проектъ закона касательно устройства сельско-хозяйственныхъ соціальныхъ мастерскихъ. Мы не скажемъ ничего касательно новаго усовершенствованнаго вида ихъ, находя, что это не имѣло-бы никакой цѣли. Теорія Л. Блана имѣетъ значеніе не по своему содержанію, не по внутреннему своему достоинству, а по случайнымъ обстоятельствамъ, среди которыхъ она появилась и благодаря которымъ ей пришлось даже играть нѣкоторую роль въ исторіи Франціи. — Но эта доля, историческая роль выпала ей въ ея первоначальномъ видѣ, въ томъ, въ которомъ она является въ первыхъ изданіяхъ Организаціи труда. — Въ это время отъ 1840 до 1848 года она въ особенности была читаема рабочими и увлекала ихъ; и къ этому времени относится возникновеніе и возрастаніе популярности Л. Блана, которую онъ, впрочемъ, пріобрѣлъ почти исключитeлъно среди городскихъ рабочихъ, а сельскіе рабочіе большею частію и не знали о соціальномъ планѣ, посредствомъ котораго Л. Бланъ думалъ осчастливить ихъ, не знали не только объ улучшенномъ планѣ, но и о первоначальномъ. — Подобнымъ образомъ мы ничего не скажемъ и объ измѣнившихся взглядахъ Л. Блана на кредитъ и кредитныя учрежденія. Выше мы видѣли, что при существованіи соціальныхъ мастерскихъ онъ кредиту совсѣмъ не находилъ примѣненія въ области промышленности и проектировалъ закрыть всѣ существующіе банки. Впослѣдствіи дѣло кредита онъ представлялъ

въ другомъ видѣ. Онъ желалъ, чтобы банковыя дѣла государство взяло въ свои руки и съ помощію своего кредита и кредитныхъ учрежденій содѣйствовало проектированной Л. Блакомъ сельско-хозяйственной и промышленной реформѣ. Не придавая никакого значенія соціальной реформѣ Л. Блана, мы не можемъ придавать также никакого значенія и кредитнымъ учрежденіямъ, которыя имѣютъ назначеніе содѣйствовать ей. И тѣхъ, которые желали-бы все таки познакомиться съ ними, равно какъ съ позднѣйшимъ проектомъ касательно сельско-хозяйственныхъ мастерскихъ, отсылаемъ въ помѣщаемое ниже приложеніе *), причемъ считаемъ нужнымъ прибавить, что подробнымъ образомъ организація банковъ Л. Блана не разработана, а положены только ихъ общіе принципы.

Несравненно болѣе вниманія заслуживаетъ еще одна сторона проекта Л Блана, относящаяся къ организаціи труда литературнаго. Это, во-первыхъ, такая область, которую Л. Бланъ гораздо лучше знаетъ, чѣмъ область промышленности; и было бы жаль, если-бы читатель остался съ тѣмъ представленіемъ о Л. Бланѣ, которое является результатомъ знакомства съ его проектомъ соціальныхъ мастерскихъ. Тутъ Л. Бланъ, говоря о томъ, чего онъ не знаетъ и не понимаетъ, необходимымъ образомъ обнаруживаетъ недостатокъ основательности и порядочную дозу легкомыслія. — Разсуждая о трудѣ литературномъ, онъ, напротивъ, находится въ области хорошо ему знакомой, и, представляя свой проектъ организаціи его, не можетъ быть заподозрѣнъ въ томъ, что поднимаетъ этотъ вопросъ въ видахъ достиженія агитаціонныхъ цѣлей, въ интересахъ той политической партіи, къ которой онъ принадлежалъ, или въ видахъ пріобрѣтенія популярности въ народныхъ массахъ. Проектируя нѣкотораго рода регламентацію литературнаго труда, онъ скорѣе могъ подвергнуться упреку въ недостаткѣ либерализма,

*) См. ниже приложеніе Е.

въ неуваженіи къ принципу свободы слова и т. п. Разсужденія Л. Блана объ этомъ предметѣ вызваны тѣмъ, что вліяніе литературы на общество въ его время было не такъ полезно, какъ этого можно было-бы желать, такъ что иногда даже и рѣшить было трудно, чего больше приноситъ обществу литература—пользы или вреда; и подчасъ Руссо, утверждающій, что науки и искусства портятъ людей, казался справедливымъ. Такія мысли приходили въ голову Л. Блану при взглядѣ на современное ему общество, на литературу и на ея дѣятелей. Въ то время мысль о вліяніи литературы на общество занимала не одного Л. Блана; всѣ понимали, что въ организаціи литературнаго дѣла е́сть что-то ненормальное, и въ палату депутатовъ былъ внесенъ проектъ закона, которымъ хотѣли привести дѣла въ лучшій видъ, именно—закона о литературной собственности. По смыслу закона, право на литературное произведеніе должно было принадлежать автору при его жизни и послѣ его смерти его наслѣдникамъ въ теченіи 20 или 30 лѣтъ.—Л. Бланъ, который дошолъ до уничтоженія наслѣдствъ вообще, не могъ сочувствовать этому закону, и потому старается противодѣйствовать принятію его палатой и въ то же время развиваетъ свою собственную систему взглядовъ на средства, которыми можетъ быть исправлено это дѣло.

«Число литераторовъ увеличивается, начинаетъ онъ *), одни обогащаются, другіе умираютъ съ голоду; свобода ниспровергнута, книгопечатаніе погибло, общественный вкусъ извращается; никогда среди такой роскоши и изобилія книгъ интеллектуальная область не была столь безплодна. Вотъ въ чемъ зло; оно неизмѣримо. И какое средство предложили противъ него? Законъ, который продлитъ авторское право на 20 или 30 лѣтъ послѣ его смерти. О какъ былъ правъ лордъ Честерфильдъ, когда, отправляя сына къ разнымъ дворамъ Европы, говорилъ ему: «поди, сынъ мой, посмотри, съ какою небольшою дозою мудрости управляется міръ».

*) Org. du trav. 9-me ed. p. 123 ets. (passim).

«Я сейчасъ буду говорить о томъ, какъ нелѣпо установлять литературную собственность и какъ пагубно будетъ для общества продолжительное пользованіе этимъ сомнительнымъ правомъ, которое хотятъ освятить; но, не входя въ изслѣдованіе безчисленныхъ трудностей вопроса, я спрашиваю: какую цѣль имѣетъ при этомъ законодатель?

«Его цѣль очевидно состоитъ въ томъ, чтобы установить профессію литератора, разсматриваемую, какъ ремесло, какъ средство добывать деньги. Но согласно-ли съ природою вещей, согласно-ли съ общественнымъ интересомъ, чтобы литература стала одною изъ отраслей промышленности? Нужно-ли желать, чтобы въ обществѣ было много людей, сочиняющихъ книги для того, чтобы обогатиться, или просто, чтобы имѣть средства къ жизни?—Не думаю.

«И причина этому очень простая. Чтобы писатель достойнымъ образомъ исполнилъ свое признаніе, нужно, чтобы онъ стоялъ выше людскихъ предразсудковъ, нужно, чтобы онъ имѣлъ мужество не нравиться имъ, чтобы быть имъ полезнымъ; однимъ словомъ, нужно, чтобы онъ руководилъ ими нравственно. Таково призваніе и сочинителя пѣсенъ, и моралиста, и поэта, и философа, и того, кто заставляетъ насъ смѣяться, и того, кто заставляетъ плакать. Не имѣетъ значенія форма, въ которую облекается это нравственное верховенство писателя, но оно одинаковымъ образомъ реально у Бомарше и Николя, у Мольера и Паскаля.

«Да, литература имѣетъ право управлять обществомъ. Но во что обращается это право управленія, если писатель нисходитъ на степень ремесленника, если онъ сочиняетъ книги для пріобрѣтенія капиталовъ? — Подчиняться вкусу публики, льстить ея предразсудкамъ, питать ея невѣжество, входить въ сдѣлку съ ея заблужденіями, поддерживать ея худыя страсти, наконецъ писать все, что ей пагубно, но пріятно, — таково необходимое положеніе автора, пишущаго изъ-за денегъ.—Писатель, зависящій отъ расположенія публики, даже теряетъ способность руководить ею; онъ теряетъ даже желаніе этого; это король, который отрекается отъ престола.

«Что умственные труды не одинаково важны, это несомнѣнно. Но всѣ, даже самые пустые, непремѣнно имѣютъ вліяніе на общество, вліяніе хорошее или худое. Не во власти писателя только забавлять толпу, потому что, чтобы забавлять людей, нужно касаться струнъ, соотвѣтствующихъ ихъ пониманію или ихъ чувству. Что̀, говоря кстати, доказываетъ, что теорія искусства для искусства есть вздоръ.

«И такъ литература во всякой формѣ оказываетъ вліяніе, и въ высшей степени важно регулировать это вліяніе; и оно будетъ крайне опасно, если будетъ представлено людямъ, которые могутъ воспользоваться имъ для пріобрѣтенія денегъ.

До революціи, продолжаетъ Л. Бланъ, литературной профессіи, строго говоря, не было совсѣмъ. Писателями были люди, не нуждавшіеся въ средствахъ къ жизни, какъ Брантомъ, Демаре и др. Писатели, не имѣвшіе состоянія, пользовались покровительствомъ и пенсіею короля или какого-нибудь вельможи; въ такомъ положеніи были Мольеръ и Расинъ, Вольтеръ, Дидеро, Гримъ, Бартелеми и др. И, разумѣется, за это покровительство они курили ѳиміамъ тѣмъ, кто имъ его оказывалъ. Въ настоящее время писатель служитъ (a pour maître) не тому, кто его кормитъ, а тому, кто его читаетъ. Кошелекъ читателя, вотъ источникъ наживанія денегъ съ помощію литературы. И, конечно, охотниковъ попользоваться изъ этого кошелька очень много. Всѣ они такъ или иначе стараются привлечь читателя на свою сторону; въ литературѣ является конкурренціи, какъ въ промышленности. «Итакъ, вотъ худыя книги въ конкурренціи съ хорошими. Вотъ романы, которые развращаютъ сердце и загрязняютъ умъ, въ конкурренціи съ книгами полезными, но серьезными; вотъ очаровательная проповѣдь порока въ конкурренціи съ наиболѣе возвышенными и нравственными идеями. Будьте увѣрены, Юстина найдетъ больше покупателей, чѣмъ мысли Паскаля; и этого мало: тотъ кто и купилъ-бы сочиненіе Паскаля, не купитъ его, потому что онъ уже истратилъ деньги на покупку де-Сада.—Такимъ образомъ могущество зла увеличится въ сто разъ; вкусъ общества, неизлечимо испор-

ченный, будетъ отвергать всякую здоровую пищу, и мы будемъ имѣть въ одно время всѣ виды зла: развращенiе ума и сердца посредствомъ цѣлаго наводненiя книгъ опасныхъ; бѣдственное положенiе писателей великихъ и скандальные успѣхи нѣсколькихъ людей талантливыхъ, но имѣющихъ совѣсть слишкомъ сговорчивую, или нѣсколькихъ авторовъ легкомысленныхъ».

«Не желательно, чтобы это разсужденiе о предметѣ серьезномъ превратилось въ жалкую войну именъ собственныхъ; но если-бы примѣры были необходимы, какъ много я могъ-бы ихъ представить? Какъ много плоскостей было увѣнчано общественнымъ мнѣнiемъ? Сколько книгъ прекрасныхъ лежатъ въ заднихъ углахъ книжныхъ лавокъ?

«Конкурренцiя въ литературѣ произвела тѣ самые результаты, которые она произвела и въ промышленности. Рядомъ съ фабрикантомъ, дѣлающимъ фальсификацiю продуктовъ съ цѣлью получить перевѣсъ въ борьбѣ, появились писатели, которые дѣлаютъ фальсификацiю своей мысли, уродуютъ свой стиль, чтобы привлечь публику приманкою неестественныхъ положенiй, преувеличенныхъ чувствъ, странныхъ выраженiй и, увы! превратныхъ ученiй. Рядомъ съ фабрикантомъ, который, благодаря капиталамъ, давитъ своихъ соперниковъ, является богатый писатель, который обгоняетъ бѣднаго въ области извѣстности и потомъ пользуется блескомъ прiобрѣтеннаго имени, чтобы держать въ тѣни непризнаваемую заслугу. Среди изобилiя книгъ, продолжающаго рости, общество остается безъ руководителей, и, не имѣя болѣе ни возможности, ни времени, чтобы выбирать, оно закрыло свой кошелекъ писателю серьезному и отдало свою душу на растерзанiе шарлатанамъ.—Что прибавить къ этой картинѣ, къ несчастiю, слишкомъ вѣрной? Правда или неправда то, что руки, едва способныя держать перо, имѣютъ въ своей власти скипетръ литературы? И если это правда, то до какой степени униженiя дошли мы?

«Прибавьте къ этому, что писатель въ истинномъ значенiи этого слова, вообще мало смыслитъ въ дѣлѣ торговли. Но не таковъ литературный фабрикантъ. Онъ отлично умѣетъ чеканить монету посредствомъ книгъ; это его ремесло.

«И потому Ляплясъ для своей Небесной механики находитъ едва нѣсколько десятковъ читателей; писатель мужественный (écrivain courageux), который три четверти жизни употребилъ на сочиненіе книги, предназначаемой для немногихъ, едва имѣетъ кусокъ хлѣба, а романистъ, который наскоро пачкаетъ (noircit à la hâte) нѣсколько страницъ не только худыхъ, но развращающихъ (quelques pages non seulement mauvaises, mais corruptrices) для употребленія читателей, проводящихъ время въ бездѣльѣ (lecteurs désoeuvrés), имѣетъ экипажи и лакеевъ; его богатство, его роскошь имѣютъ особый, весьма печальный смыслъ. Они служатъ нагляднымъ доказательствомъ того, что ученія превратныя, развращающія, съ успѣхомъ проникаютъ въ общество и современемъ принесутъ свои плоды».

Такова картина французской литературы, нарисованная Л. Бланомъ. Вѣрна-ли она? Не наложилъ-ли онъ на нее слишкомъ мрачныхъ красокъ? Картина эта относится ко времени Іюльской монархіи. Если картина вѣрна, если литература дѣйствительно развращала французское общество, то это должно было проявиться, должно было въ чемъ-нибудь обнаружиться. Нравственная испорченность общества — это то-же, что худосочіе въ человѣкѣ. Въ скрытномъ состояніи навсегда оно остаться не можетъ. И намъ кажется, что въ послѣдующей исторіи Франціи произошли нѣкоторыя явленія, указывающія на дѣйствительное пониженіе нравственнаго уровня общества. Главнымъ и наиболѣе краснорѣчивымъ изъ нихъ была парижская коммуна, начавшая междоусобную войну въ присутствіи побѣдоноснаго внѣшняго врага, первымъ дѣломъ которой было гнусное убійство генераловъ Клемана Тома и Лекомта, а послѣднимъ — пожаръ Парижа и разстрѣляніе заложниковъ, которыхъ ей никто не давалъ. И парижская коммуна произошла не безъ предшественниковъ, не путемъ самозарожденія. Прямымъ и непосредственнымъ ея предшественникомъ было правительство второй имперіи, возникшее изъ преступленія и кровопролитія, и, не смотря на то, нашедшее себѣ поддержку во французской націи для угнетенія и систематическаго развращенія страны,

въ теченіи 18-ти лѣтъ правительство, подъ властью котораго проявленія нравственной испорченности управляемыхъ достигли небывалыхъ размѣровъ, — которому вполнѣ по заслугамъ потомъ давали имя гнуснѣйшаго изъ правительствъ. Правительство *) это установлено и было поддерживаемо именно поколѣніемъ, воспитаннымъ на литературѣ, которой характеръ и значеніе представилъ Л. Бланъ.

Чтобы поправить дѣло, чтобы «по возможности ослабить пагубное вліяніе» литературной конкурренціи на общество, чтобы освободить писателей отъ необходимости угождать вкусамъ публики, «которая ищетъ преимущественно того, что ее забавляетъ, и слишкомъ часто платитъ деньги только за то, что ее обманываютъ и развращаютъ», Л. Бланъ предлагаетъ слѣдующую организацію литературнаго труда:

«Будетъ основана соціальная книгопродавческая фирма (librairie) на средства и на основаніяхъ, которыя указаны въ этой книгѣ въ главѣ объ организаціи труда **).

«Эта соціальная форма будетъ зависѣть отъ государства, однако такъ, что не будетъ подчинена ему вполнѣ. Она будетъ управляться сама собою и сама будетъ распредѣлять между членами прибыль, получаемую общимъ трудомъ. Только устроена она будетъ согласно уставу, изданному государствомъ въ видѣ закона, и государство будетъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ его.

«Согласно этому уставу, соціальная книгопродавческая фирма ничего не будетъ платить писателямъ за ихъ сочиненія. Цѣна

*) См. выше, стр. 198.

**) Т. е. на средства, которыя получитъ Министерство Прогресса отъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, отъ устройства складовъ и базаровъ, равно какъ отъ усвоенія государству банковаго дѣла и т. п. Проектъ организаціи литературнаго труда мы извлекаемъ изъ 9-го изданія книги Л. Блана, въ которое вошли всѣ дополненія и измѣненія, сдѣланныя имъ раньше. При немъ же напечатаны всѣ отвѣты его на критики, которые также содержатъ въ себѣ и разъясненіе системы или признаніе авторомъ новыхъ основаній ея, указанныхъ другими, или даже измѣненіе ея основныхъ положеній (уничтоженіе наслѣдства).

книгъ, которыя она пуститъ въ обращеніе, будетъ опредѣлена заранѣе государствомъ и притомъ такъ, чтобы была достигнута наибольшая дешевизна.

«Всѣ сочиненія будутъ напечатаны на счетъ соціальной фирмы. Они будутъ принимаемы особымъ комитетомъ людей образованныхъ (d'hommes éclairés), которые за свой трудъ будутъ получать жалованье.

«Писатели, сочиненія которыхъ будутъ изданы соціальною фирмою, взамѣнъ своихъ авторскихъ правъ, отъ которыхъ они откажутся, пріобрѣтутъ исключительное право участвовать въ конкурсахъ на національныя награды.

«Въ бюджетѣ особый фондъ будетъ спеціально назначенъ для вознагражденія, подъ формою награды, тѣхъ писателей, которые будутъ имѣть наибольшую заслугу предъ отечествомъ (qui auraient le mieux mérité de la patrie) въ какой-бы то ни было области мысли.

«Всякій разъ, какъ первое сочиненіе какого-нибудь автора будетъ признано достойнымъ національной награды, соціальная книгопродавческая фирма получитъ премію, которая будетъ имѣть цѣлью поощрять фирму оказывать поддержку молодымъ талантамъ и вознаграждать ее за потери, которымъ она могла-бы иногда подвергнуться» *).

Но національныя награды писателямъ будутъ присуждаемы не соціальною фирмою, а народнымъ представительствомъ.

«Представители народа ежегодно будутъ избирать для всякаго рода умственнаго труда одного гражданина, который, получая за свой трудъ вознагражденіе отъ соціальной фирмы, будетъ подвергать оцѣнкѣ сочиненія, изданныя соціальною фирмою. Онъ будетъ имѣть цѣлый годъ для того, чтобы хорошо ознакомиться съ критическими статьями касательно каждой книги, получить свѣдѣнія о впечатлѣніи, произведенномъ книгою въ обществѣ, наконецъ обратить вниманіе на общественное мнѣніе, представляемое болѣе разумными его органами, а

---

*) Org. du trav. 9 me éd. p. 145.

не слѣпою толпою покупателей (multitude aveugle des acheteurs). Въ концѣ года онъ представитъ представителямъ народа результаты своего изслѣдованія въ подробномъ и мотивированномъ докладѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ обнародованія этого доклада народные представители распредѣлятъ сумму національныхъ наградъ между людьми, которые признаны достойными признательности со стороны отечества. Разумѣется при этомъ распредѣленіи будетъ принято во вниманіе свойство сочиненій и время, употребленное на ихъ писаніе.

«Эта система, заканчиваетъ Л. Бланъ, однимъ покажется наивною, другимъ смѣшною; я это знаю. Посмотримъ, однако, на дѣло повнимательнѣе».

И дальше онъ въ общихъ выраженіяхъ, безъ точнаго анализа, утверждаетъ, что система эта дастъ дорогу талантамъ, честному труду, возвыситъ положеніе писателя, подкоситъ въ въ корнѣ худое вліяніе литературы и т. п.

Мы не станемъ подвергать критикѣ этотъ проектъ Л. Блана. Замѣтимъ только, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о денежныхъ средствамъ, оно бываетъ ясно, когда количество этихъ средствъ опредѣляется точно. Здѣсь ничего этого нѣтъ. Какъ велики будутъ средства соціальной издательской-книгопродавческой фирмы? Какъ велико будетъ число писателей, имѣющихъ ежегодно получать національную награду и какъ велика будетъ награда? Если на все государство будетъ два, три писателя, которые получатъ награду, то это не подниметъ положенія честныхъ литературныхъ труженикова. И теперь существуютъ такія награды въ видѣ премій при ученыхъ учрежденіяхъ, премій Монтіонозскихъ или у насъ Демидовскихъ, Уваровскихъ и т. п. Это не помѣшало Шимкевичу почти въ буквальномъ смыслѣ слова умереть съ голоду, въ то время какъ Гг. Г. К. потомъ Н. С. К. и другіе наживали чрезъ литературу большія состоянія. И какъ велики будутъ національныя награды? Если честнымъ писателямъ выдадутъ въ два, три или четыре года однажды по 25 рублей, то это не спасетъ ихъ отъ голодной смерти; если выдаютъ по 250 рублей, то также на

эти средства писатели сыты не будутъ. Если же выдадутъ по 25,000 рублей, то положеніе дѣла конечно измѣняется. И Л. Бланъ, повидимому, такія награды и имѣетъ въ виду; потому что въ полученіи національной награды онъ видитъ полное обезпеченіе писателя, такъ что ему послѣ того нѣтъ надобности заботиться о средствахъ жизни, подобно Руссо, который съ этой цѣлью переписывалъ ноты, или Монтейлю, который продавалъ манускрипты, служившіе ему источниками для его сочиненія.—И такая перспектива, проектируемая Л. Бланомъ для писателей, не можетъ имъ не понравиться.

Nourri par la patrie....
Quel sort doux et digne d'envie!

Это что-то въ родѣ аѳинскаго пританея, въ которомъ государство чествовало хлѣбомъ и солью своихъ заслуженныхъ гражданъ. Только что скажутъ по поводу такихъ проектовъ министры финансовъ и плательщики податей? Во всякомъ случаѣ, если въ наши дни можетъ быть возстановленъ въ какомъ-бы ни было видѣ пританей, то конечно справедливѣе помѣстить туда представителя умственной дѣятельности, честно потрудившагося на пользу отечества, чѣмъ откупщика, трактирщика и т. п., и именно представителя науки, а не человѣка, который «мараетъ единымъ духомъ листъ», или какъ называетъ его Л. Бланъ: «un badigeonneur littéraire», литературный маляръ, который наскоро пачкаетъ бумагу, и изъ этой пачкотни получается романъ, интересный для полуобразованной публики, а автору приносящій значительный доходъ.

Но много распространяться о проектахъ этого рода не приходится, развѣ изъ любви къ искусству. Чтобы умственный трудъ былъ правильно оцѣненъ и вознагражденъ такъ или иначе, этого вѣроятно еще долго ждать. Пока можно ограничить свои желанія тѣмъ, чтобы зло, производимое литературными фабрикантами, едва могущими держать въ рукахъ перо, литературными малярами, по возможности если не совсѣмъ парализировать, то по крайней мѣрѣ ограничить. Зло это очень серьезно; это не просто зло, но вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ

зла, такъ какъ всякое неправое и безнравственное дѣло происходитъ отъ неправой и безнравственной мысли.

Но можетъ быть это зло существуетъ только во Франціи, вообще въ западной Европѣ, можетъ быть у насъ его нѣтъ? Можетъ быть только во Франціи литература сдѣлалась одною изъ отраслей промышленности; и промышленники литературы съ цѣлью наживы угождаютъ худымъ вкусамъ и безнравственнымъ идеямъ публики, и съ этою цѣлью дѣлаютъ своего рода фальсификацію продуктовъ, льстятъ ея предразсудкамъ и худымъ страстямъ, питаютъ ея невѣжество и распространяютъ превратныя ученія? Можетъ быть только во Франціи полезная книга стоитъ на задней полкѣ книжнаго магазина, а у насъ ее покупаютъ охотнѣе всего, только во Франціи серьезный ученый и писатель, одаренный мужествомъ говорить публикѣ правду, едва имѣетъ кусокъ хлѣба, въ то время, какъ тотъ, кто пачкая бумагу, даетъ массамъ отравляющее чтеніе, имѣетъ экипажи и лакеевъ? Можетъ быть только во Франціи въ числѣ руководителей литературы попадаются такіе, которые едва умѣютъ держать въ рукахъ перо? Можетъ быть у насъ все это существуетъ наоборотъ, въ правильномъ нормальномъ состояніи?

У насъ все это существуетъ въ состояніи еще болѣе плачевномъ, болѣе способномъ возбуждать самыя тревожныя опасенія. Въ литературѣ промышленники давно уже господствуютъ; взглядъ на нее, какъ на мастерскую для чеканки монеты, пустилъ глубокіе корни въ средѣ лицъ, прикосновенныхъ къ ней. Не вдаваясь подобно Л. Блану въ то, что онъ называетъ «войною именъ собственныхъ», обратимъ однако вниманіе на положеніе дѣла. Всякій сколько-нибудь знакомый съ состояніемъ нашей литературы человѣкъ знаетъ, что литературною дѣятельностью уже нажиты состоянія; и кто эти литературные дѣятели, такъ удачно подвизавшіеся на умственной аренѣ? Въ большинствѣ случаевъ это литературные промышленники, для которыхъ истина, наука, идея есть дѣло постороннее, чуждое, маловажное, полезное только для цѣлей пріобрѣтенія. Несомнѣннымъ признакомъ

ихъ промышленной дѣятельности служитъ ихъ измѣна знамени и даже иногда неоднократная. Вотъ литературный предприниматель, въ теченіи 30-ти лѣтъ бывшій редакторомъ и издателемъ нѣсколькихъ изданій, отличавшихся болѣе или менѣе трезвостью взглядовъ, научностью въ направленіи, и если иногда терявшихъ эти качества, то вслѣдствіе обстоятельствъ случайныхъ, вслѣдствіе особаго направленія какого-нибудь авторитетнаго сотрудника, одного или двухъ или нѣсколькихъ и т. п. Когда начался нашъ прогрессъ вмѣстѣ съ началомъ царствованія Императора Александра II, нашъ редакторъ-издатель не только не увлекся въ крайности прогресса, но старался противодѣйствовать имъ, старался образумить увлекающихся и заблуждающихся; но скоро замѣтилъ, что такой образъ дѣйствій, съ точки зрѣнія чеканки монеты, не представляетъ выгодъ. И когда представился случай, онъ, оставаясь собственникомъ и даже редакторомъ изданія de jure, поспѣшилъ передать редакцію его de facto тѣмъ самымъ лицамъ, которыхъ заблужденія онъ передъ тѣмъ изобличалъ, передать имъ именно для распространенія ихъ заблужденій, для угожденія худымъ вкусамъ и безнравственнымъ идеямъ публики, для распространенія превратныхъ ученій. Дѣло это представляетъ фактъ безпримѣрный въ исторіи всѣхъ вообще литературъ. И, — что имѣетъ особый смыслъ, — ни въ обществѣ ни въ литературѣ оно не встрѣтило никакого протеста, потому что одни и притомъ большинство литературныхъ дѣятелей ему были очень рады, такъ какъ вслѣдствіе его «ихъ полку прибыло», другіе или не поняли его крайней политической безнравственности, или отнеслись къ нему съ нашею обычною апатіею, ссылаясь на афоризмъ практической жизни — «моя хата съ краю, ничего не знаю». Только поэтъ, чуткій ко всему, что носитъ на себѣ печать чести, благородства, или отличается свойствами противоположными, обозначилъ его въ четверостишіи:

Ихъ двое будутъ всѣмъ въ литературѣ править.
Такой отъ Бога имъ на это данъ таланъ:
Одинъ готовъ на карту Русь поставить,
Другой продать ее на чистоганъ.

И поставлена была на карту Русь и продана. Раньше этой продажи участвовалъ въ изданіи Я. Ѳ. Головацкій, а послѣ этого г. Левъ Тихоміровъ. И наша умственная смута, а вмѣстѣ съ нею и крамола въ значительной долѣ были обязаны своимъ преуспѣяніемъ этой сдѣлкѣ. Фактъ этотъ, повторяемъ, безпримѣрный вообще въ исторіи литературы и цивилизаціи *). Равныхъ ему нѣтъ и у насъ, но подобные ему, болѣе или менѣе приближающіеся, есть. Мы, однако, не будемъ касаться ихъ, находя, что и этого одного факта, совершившагося безъ протеста, достаточно для доказательства того, что духъ промышленности существуетъ и даже играетъ важную роль въ нашей литературѣ. Литературный органъ, служившій предметомъ сдѣлки, принадлежалъ къ наиболѣе авторитетнымъ и старѣйшимъ, и два дѣятеля, совершившіе сдѣлку, тѣ, которымъ особый «отъ Бога данъ таланъ», также занимали въ литературѣ положеніе изъ самыхъ видныхъ и оба посредствомъ литературы пріобрѣли большія состоянія.

Зло нашей литературы этимъ не ограничивается. Кромѣ литературныхъ фабрикантовъ, распространяющихъ превратныя ученія, угождающихъ безнравственнымъ идеямъ публики изъ-за денегъ, есть много людей, дѣлающихъ то-же самое въ глубокомъ убѣжденіи, что они дѣлаютъ дѣло полезное, справедливое, сообразное съ интересами народа и съ честью гражданина. Нашъ оригинальный прогрессъ продолжается довольно давно, и теперь есть уже много людей, возросшихъ подъ вліяніемъ его идей. Многіе изъ нихъ уже играютъ видную роль въ журналистикѣ и вообще въ литературѣ, и проповѣдь порока и превратныхъ ученій нашла въ нихъ усердныхъ дѣятелей **).

---

*) Онъ несомнѣнно доказываетъ, что нравственный элементъ крайне слабъ какъ въ нашей литературѣ, такъ и въ обществѣ вообще.

**) Объ этомъ одинъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ архипастырей, преосв. Амвросій архіепископъ харьковскій, говоритъ такъ: наша «печать находится въ рабствѣ у писателей и издателей преимущественно одной извѣстной партіи. Они, овладѣвъ большинствомъ литературныхъ органовъ, подъ знаменемъ свободы слова, заглушая своимъ шумомъ голоса честныхъ и здравомыслящихъ писателей, тысячами лжей и хитро-

Ну, а противный лагерь? Есть-же и въ немъ свои бойцы?— Увы! ряды ихъ все болѣе и болѣе рѣдѣютъ; въ особенности мало въ немъ людей одаренныхъ сильнымъ талантомъ, вооруженныхъ всеоружіемъ науки, крѣпкихъ гражданскимъ мужествомъ. Одни изъ нихъ уже оставили совсѣмъ земное поприще, другіе раньше смерти дезертировали съ поля битвы, промѣнявши литературную дѣятельность на службу въ акціонерномъ банкѣ. Третьи и не выходили совсѣмъ на поле битвы, а слѣдуя примѣру предковъ «сидѣли (и продолжаютъ сидѣть) по-запечью», такъ что «и сыскать ихъ было нельзя» *)

Во Франціи руководителями литературы были лица, едва умѣвшія держать въ рукахъ перо. У насъ движеніе жизни и времени все болѣе приводитъ такихъ людей на литературную

сплетеній подрывая ихъ авторитетъ въ глазахъ общества, обманывая неопытныхъ, развращая невинныхъ, похищая лучшія наши силы, запугивая людей власть имѣющихъ и служителей церкви именемъ гонителей просвѣщенія, запутывая дѣло воспитанія, сбивая съ толку новые суды и разнаго рода самоуправленія, возмущая въ народѣ его вѣрованія и нравственное чувство, оправдывая и защищая убійцъ,—влекутъ всѣхъ и все къ явной и несомнѣнной гибели. (Два публичныхъ чтенія о свободѣ печати съ точки зрѣнія православной церкви). Москва, 1882 г., стр. 58.

*) Отцы всегда болѣе или менѣе имѣютъ сходство съ дѣтьми и яблоко далеко отъ яблони не падаетъ. Въ «Письмахъ о современной молодежи», изданныхъ въ этомъ году въ Москвѣ, университетская молодежь дѣлится на три группы: 1-я состоитъ изъ какихъ-то неопредѣленныхъ воздыхателей о новыхъ, тоже мало опредѣленныхъ, идеалахъ «народничества» и славянофильства; 2-я болѣе многочисленная состоитъ изъ либераловъ какъ умѣренныхъ, такъ и неумѣренныхъ, безъ нравственнаго идеала въ душѣ, съ кружкой пива въ рукахъ, съ пѣсней «о несчастномъ народѣ» въ устахъ и «съ женщиной на колѣнахъ»; 3-я самая многочисленная отличается отъ второй тѣмъ, что время проводитъ не въ портерныхъ, а за карточнымъ столомъ или въ увеселительныхъ заведеніяхъ, гдѣ услаждается оперетками и другими увеселительными средствами, пѣсенъ «о несчастномъ народѣ» не поетъ, а вмѣсто этого ведетъ между собою диспуты о качествахъ оперсточныхъ дивъ. Нравственнаго идеала у этой группы также напрасно искать. Дѣйствительно, сходства между отцами и дѣтьми нельзя не видѣть; а также нельзя не видѣть и причины, почему ни литературные промышленники, ни убѣжденные проповѣдники превратныхъ ученій и порока не нашли въ нашей литературѣ почти никакого отпора.

арену. Умственный уровень литературы болѣе и болѣе падаетъ. Въ настоящее время даже просто только грамотныхъ книгъ, газетъ и журналовъ, по всеобщему признанію лицъ компетентныхъ, почти нѣтъ: и нынѣшняя безграмотность особенная; она состоитъ не въ орѳографическихъ ошибкахъ,—этому горю легко помогаютъ хорошіе корректоры,—а идетъ гораздо дальше и глубже, до незнанія и непониманія основныхъ законовъ языка, и обнаруживается въ употребленіи словъ, несуществующихъ въ языкѣ людей дѣйствительно образованныхъ, составленныхъ полуграмотными людьми вопреки не только законамъ русской филологіи, но и филологіи вообще; этимологія безжалостно искажается. Не болѣе пощады оказывается и синтаксису. Допускаются обороты и сочетанія словъ совершенно противные духу русскаго языка. Что касается до другихъ наукъ, въ газетахъ и журналахъ наиболѣе распространенныхъ, приходится читать поразительные курьезы; напр. Бакона Веруламскаго называютъ ученикомъ Декарта, днѣпровскіе пороги оказываются между Екатеринославомъ и Кіевомъ; или приходится читать такія выраженія: «на границѣ между Московскою губерніею и Черниговскою»; а русскіе города по произволу гг. редакторовъ движутся по картѣ Россіи, какъ шашки по шахматной доскѣ: Меленки оказываются въ Смоленской губерніи, а Суражъ въ Рязанской. Вотъ съ такими-то познаніями рѣшаются вопросы, относящіеся къ философіи или къ промышленности и производительнымъ силамъ Россіи!

Между редакторами періодическихъ изданій встрѣчаются люди не только не имѣющіе никакого образовательнаго ценза (хотя и образовательный цензъ, даже высшій, у насъ не служитъ гарантіею хоть сколько-нибудь достаточной образованности), но начавшихъ свою карьеру разносчиками газетъ (это фактъ дѣйствительный) или типографскими рабочими и впослѣдствіи не сдѣлавшихъ ни одного шага впередъ въ своемъ образованіи. А затѣмъ слѣдуетъ еще масса редакторовъ журналовъ, занятыхъ главнымъ образомъ вопросами науки, политики и нравственности, которые за собою не имѣютъ никакихъ ли-

тературныхъ произведеній, кромѣ нѣсколькихъ романовъ и повѣстей обыкновеннаго, эротическаго характера. Этого не встрѣчается ни въ одной западно-европейской литературѣ.

Насколько могутъ такого рода дѣятели быть провозвѣстниками истины, науки, человѣческаго достоинства, защитниками интересовъ вѣры, нравственности, государства?—Этотъ вопросъ не нуждается въ въ отвѣтѣ *). А между тѣмъ всѣ подобные дѣятели отъ обсужденія всѣхъ этихъ интересовъ не отказываются, стремятся быть руководителями общественнаго мнѣнія и даже государственной политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней, и между прочимъ они-то и бываютъ самыми усердными пропагаторами матеріализма, свободы любви и экономическихъ утопій. А если нѣкоторые изъ нихъ находятъ болѣе полезнымъ съ точки зрѣнія чеканки монеты не распространять эти прелести, а противодѣйствовать пропагандѣ ихъ, то можно себѣ представить, какимъ оказывается это противодѣйствіе! Ни принциповъ въ основѣ его, ни послѣдовательности и разумѣется ни знакомства съ наукою.

Таковы наши дѣлатели; посмотримъ теперь, какова нива, которую они воздѣлываютъ? — Нива эта какъ разъ соотвѣтствуетъ характеру дѣлателей, ихъ способу обработки и тѣмъ сѣменамъ, которыя для нея предназначаются.

Прежде всего нельзя обойти того факта, что у насъ въ средѣ публики, для которой существуетъ литература, въ такъ называемой «интеллигенціи», уже давно поколеблены всѣ основы, на которыхъ зиждется здравое міровоззрѣніе и крѣпкая

*) Преосв. Амвросій, находя подобный порядокъ ненормальнымъ, говоритъ: «Проповѣдникъ церковный обязанъ имѣть ученую степень и дать доказательство своей благонамѣренности, профессоръ и учитель—также, а издателемъ журнала и газеты, которому предоставляется нынѣ кругъ дѣятельности и вліянія на общество несравненно болѣе обширный, чѣмъ первымъ, можетъ быть кто угодно; отъ него не требуется ни ученой степени, ни предварительно изданныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, ни гарантій его здравомыслія и благонадежности. Ясно, что мы смотримъ слишкомъ легко на значеніе такой обширной публичной дѣятельности, какое имѣетъ печать». (Ib., стр. 55).

нравственная система. Мы уже говорили раньше, что у насъ въ свое время были и франкъ-масоны, и мартинисты, и волтерьянцы и т. п.; и были они не потому, чтобы сама жизнь такъ или иначе вызвала ихъ появленіе. Ихъ появленіе было совершенно случайное. Если-бы въ ихъ время въ Европѣ были не массоны, а мормоны, то и они сдѣлались бы мормонами. Причина заключалась только въ нашей способности къ подражанію. И до сихъ поръ эта способность насъ не оставила, и до сихъ поръ мы «можемъ всякимъ модамъ подражать» *), т. е. заимствовать изъ З. Европы не только фасоны одежды, обуви, экипажей и т. п., но и всякаго рода новыя идеи, системы и проекты.

А источники, изъ которыхъ мы пользуемся этими заимствованіями, очень обильны и разнообразны. Франція, Англія, Германія довольствуются почти исключительно своими производителями всего новаго и пріятнаго. Во Франціи есть свой Ог. Контъ, свой Фурье, свой Л. Бланъ, въ Германіи—Фейербахъ Молешоттъ, Лассаль, Марксъ, въ Англіи—Дарвинъ, Спенсеръ, Оуэнъ. И Франція почти не знаетъ ни Фейербаха и Дарвина, ни Оуэна, ни Маркса; Англія въ свою очередь почти не знаетъ ни Ог. Конта, ни Фейербаха, ни Л. Блана, ни Фурье; Германія также знаетъ только своихъ философовъ, своихъ соціалистовъ и т. п. Русская «интеллигенція», по ея собственному признанію, болѣе «отзывчива» на все новое, свѣжее, свободное отъ предразсудковъ; и она, подобно римлянамъ временъ имперіи, принимаетъ въ свой Пантеонъ боговъ всѣхъ другихъ народовъ и даже оказываетъ имъ большее почитаніе, чѣмъ тѣ народы. Дарвина и въ Англіи столько не превозносили, какъ въ Россіи; о Фурье и Оуэнѣ мы уже говорили; и при жизни ихъ—ихъ мало знали въ ихъ отечествѣ, теперь же совсѣмъ забыли,—и если вспоминаютъ, то не добромъ; а у насъ предъ ними поклоняются до сихъ поръ.—Ог. Конта Франція не хотѣла знать при жизни, не хочетъ знать и теперь, Фейербаха

*) Такъ, если не ошибаюсь, говоритъ купеческій сынокъ или прикащикъ въ одной изъ комедій Островскаго.

Германія также почти похоронила заживо. А у насъ оба они весьма прочно засѣли въ міровоззрѣніи «интеллигенціи». Были журналы и газеты, которые пропаганду матеріализма и позитивизма ставили въ числѣ своихъ главныхъ задачъ. Таковъ былъ спросъ, такое явилось и предложеніе. Книги, газеты, журналы въ перегонку между собой переводили, компилировали новыя теоріи «передовыхъ людей». Это самое слово имѣетъ у насъ большой смыслъ. Ученіе о передовыхъ людяхъ—это часть нашей философіи вообще, и при томъ, что намъ весьма рѣдко удается, вполнѣ оригинальная и самостоятельная. Среди наиболѣе образованныхъ народовъ оказывается почтеніе человѣку за то, что честенъ, ученъ, глубокомысленъ, гуманенъ, самоотверженно преданъ служенію наукѣ, или филантропіи, или патріотическимъ задачамъ и т. п. У насъ высшее право на уваженіе въ средѣ «интеллигенціи» состоитъ въ качествахъ передового человѣка. Что бы онъ ни говорилъ, чему бы ни училъ, лишь бы это было нѣчто передовое, и его репутація среди «интеллигенціи» упрочена. Что его ученіе мало согласно съ наукою, съ логикою—этого мы не разбираемъ; по Декарту первый, непосредственно бросающійся въ глаза признакъ человѣка,—это то, что онъ cogitat, мыслитъ; наша интеллигенція не мыслитъ, а безъ мышленія воспринимаетъ истину, понимаетъ, intelligit. Мыслить это не ея дѣло; потому она даже не интересуется вопросомъ о согласіи новыхъ ученій съ логикою и съ наукою. А если новыя ученія не ладятъ съ нравственностью, это еще лучше; это служитъ для нихъ лучшею рекомендаціею, показываетъ, что они не принадлежатъ къ отсталымъ, что они вполнѣ передовыя.

Вотъ почему у насъ больше, нежели гдѣ-нибудь, полезная книга лежитъ на заднихъ полкахъ въ книжныхъ магазинахъ, а скорый сбытъ имѣютъ тѣ, которыя питаютъ невѣжество, содержатъ въ себѣ проповѣдь порока, пропаганду превратныхъ ученій.—И по той-же причинѣ имѣетъ посредственный или слабый успѣхъ и журналъ и газета, которые честно стараются служить общественному дѣлу; а тѣ журналы и газеты, кото-

рые именно питаютъ невѣжество публики, угождаютъ ея худымъ вкусамъ, служатъ ея неправымъ стремленіямъ и даже поддѣлываются подъ ея развратныя воззрѣнія и наклонности, имѣютъ десятки тысячъ подписчиковъ и доставляютъ издателямъ возможность имѣть «экипажи и лакеевъ».

Даже и тѣ читатели, которые не имѣютъ особой наклонности къ передовымъ теоріямъ, у насъ находятся въ положеніи гораздо худшемъ по отношенію къ пропагандѣ ихъ, чѣмъ въ З. Европѣ. Тамъ книга и газета совсѣмъ не пользуются такимъ авторитетомъ, какъ у насъ. У насъ еще до сихъ поръ для многихъ «печатный каждый листъ быть кажется святымъ». Происходитъ это главнымъ образомъ отъ недостатка научнаго образованія. Находясь въ умственномъ сумракѣ, не зная ни современной, ни исторической жизни народовъ, не будучи знакомъ ни съ природою внѣшнею, ни съ природою внутреннею, ни съ науками естественными, ни философскими, нашъ читатель въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно безпомощенъ и безотвѣтенъ предъ своимъ развратителемъ, авторомъ книги или журнальной статьи.—Всякую безнравственную идею онъ принимаетъ не только охотно, но съ восхищеніемъ, будучи увѣренъ, что мысль его просвѣтляется, что онъ освобождается отъ предразсудковъ. И зло дѣлаютъ не одни собственно такъ называемыя безнравственныя идеи; къ одному и тому же концу приводятъ вообще пустыя, глупыя, пошлыя мысли, чуждыя духа науки, не заключающія въ себѣ ничего достойнаго вниманія серьезнаго и нравственнаго человѣка, тѣ мысли, которыми переполнено большинство газетъ и журналовъ *). И читатели уже набрались этого добра, такъ

---

*) Преосвященный Амвросій говоритъ объ этомъ такимъ образомъ: «Свѣтская печать ежедневно, такъ сказать, высыпаетъ на головы русскаго народа необъятную массу разнообразныхъ мыслей, свѣдѣній и впечатлѣній. Если мы представимъ, сколько поглощается ежедневно изъ журналовъ и газетъ нашимъ народомъ мыслей и впечатлѣній разнородныхъ, противорѣчивыхъ, совершенно ложныхъ, двусмысленныхъ, соблазнительныхъ и прямо безнравственныхъ, то легко понять, какой

что въ обществѣ, между людьми, даже не получившими школьнаго образованія, иногда приходится слышать мнѣнія о вопросахъ современной жизни, даже о вопросахъ науки, искусства, философіи, нравственности, политики,—мнѣнія, въ цѣлости заимствованныя изъ газетъ и журналовъ, не подвергшіяся ни малѣйшей реакціи, ни самой незначительной переработкѣ, такъ что иногда совсѣмъ не трудно даже и узнать, изъ какой газеты или изъ какого журнала они заимствованы. И эта восприимчивость, неограниченная самобытною нравственною работою, въ одинаковой степени замѣчается какъ въ людяхъ, совсѣмъ чуждыхъ школьнаго образованія, такъ и въ людяхъ получившихъ его, даже окончившихъ курсъ въ университетѣ или въ разныхъ спеціальныхъ академіяхъ или институтахъ.

Наше нормальное школьное образованіе оставляетъ очень слабый слѣдъ въ человѣкѣ, особенно въ той сторонѣ его міровозрѣнія, которая имѣетъ для него наибольшее значеніе, какъ для человѣка и гражданина. Никто не можетъ утверждать, чтобы наша школа въ своемъ нормальномъ состояніи могла сообщить учащемуся достаточныя свѣдѣнія касательно его религіи, его богопочитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала и укрѣпляла въ немъ религіозное чувство. То, что школа даетъ ему въ этомъ отношеніи, имѣетъ въ виду не религіозное воспитаніе учащагося, а только экзаменъ, и притомъ очень легкій, ту нетребовательную выставку, на которой онъ можетъ получить похвальный листъ, и даже медаль и извѣстныя права. Что касается до системы его философскихъ взглядовъ на жизнь, на міръ, на нравственность,—все это остается всецѣло въ состояніи tabulae rasae, въ состояніи нивы, ожидающей дѣлателя, который вспахалъ-бы ее и засѣялъ *). Относительно познанія

хаосъ долженъ происходить и постепенно усиливаться въ умахъ и сердцахъ нашихъ православныхъ соотечественниковъ». Ib., стр. 10.

*) «Въ сороковыхъ годахъ, говоритъ преосв. Амвросій, нанесенъ былъ смертельный ударъ философіи въ нашемъ отечествѣ изгнаніемъ ея изъ университетовъ и среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ элементарное преподаваніе ея отлично приготовляло молодые умы къ философскому мышленію. Мы убоялись послѣдствій ложныхъ философ-

отечества, и настоящее его состоянiе и предыдущая исторiя усвоиваются, познаются учащимися въ самой недостаточной, нерацiональной, бездушной, безжизненной формѣ. Что было и есть у насъ такого, что можетъ возбуждать въ нихъ народную гордость, можетъ согрѣвать ихъ душу, все это излагается безъ достаточнаго вниманiя, безъ соотвѣтствующаго колорита, или даже совсѣмъ оставляется безъ вниманiя. При изученiи настоящей и прошедшей жизни другихъ народовъ—та-же самая недостаточность, неосмысленность, несвязанность съ задачами воспитанiя русскаго юношества. И результатъ всего этого такой, какого и ожидать должно. Юноша, окончившiй курсъ въ гимназiи и въ университетѣ или въ какой-нибудь академiи, институтѣ, не знаетъ своей религiи *), не имѣетъ и не можетъ имѣть привязанности къ ней и къ ея формамъ богопочитанiя. Ни школа, ни семейство не дали ему этого. А школа, кромѣ того, не внушивши ему религiознаго чувства, не укрѣпивши его вѣры, а скорѣе ослабивъ ее, была требовательна относительно исполненiя религiозныхъ обязанностей, что безъ сомнѣнiя составляетъ дѣло весьма тяжелое при отсутствiи вѣры и религiознаго чувства. И происходятъ вещи, которыхъ, конечно,

---

скихъ воззрѣнiй, обнаружившихся въ политическихъ волненiяхъ западной Европы, и утративъ завѣщанный намъ Отцами Церкви способъ поражать ложную философiю, при свѣтѣ Откровенiя, ея собственнымъ оуужiемъ, оказались безсильными въ борьбѣ съ самыми грубыми философскими ученiями, и стали жертвою тѣхъ-же самыхъ политическихъ волненiй. Это бѣдствiе, котораго нельзя оплакать довольно.

«Въ настоящее время у насъ, собственно говоря, нѣтъ философiи, какъ науки, исключая одни духовныя академiи. Университеты относительно философiи большею частiю заняты разъясненiемъ послѣднихъ словъ, такъ называемой, европейской науки, т. е. позитивизма и матерiализма. Философскаго мышленiя въ молодыхъ поколѣнiяхъ нѣтъ и тѣни». (Преосв. Амвросiй. Ib. 39).

*) Какъ одну изъ яркикъ иллюстрацiй этой мысли, приведу слѣд. мѣсто изъ сочиненiя г. Михайлова «Пролетарiатъ во Францiи»: «20 iюля 1832 г. въ страстную пятницу было объявлено о прекращенiи «Globe» по неимѣнiю средствъ» (стр. 210). Г. Михайловъ не знаетъ, въ какомъ мѣсяцѣ можетъ быть страстная пятница! Не много свѣдѣнiй о вѣрѣ вынесъ онъ изъ школы и жизни. И едвали общество, въ которомъ онъ вращается, можетъ быть названо христiанскимъ.

не ожидали составители учебныхъ плановъ и уставовъ. Ученики и ученицы гимназіи въ буквальномъ смыслѣ слова даютъ клятву Аннибала въ томъ, что по выходѣ изъ школы нога ихъ никогда не будетъ въ церкви. Немногимъ извѣстенъ этотъ фактъ, но онъ несомнѣненъ. Чтобы убѣдиться, впрочемъ, въ справедливости его, стóитъ только войти въ воскресный день въ одну изъ городскихъ церквей, въ какомъ-бы то ни было городѣ. Такъ называемая интеллигенція ярко блистаетъ здѣсь своимъ полнымъ отсутствіемъ. Не даромъ старообрядцы всю вообще «интеллигенцію» называютъ «безвѣрниками». И можно-ли сомнѣваться, что со стороны подобныхъ субъектовъ проповѣдь безвѣрія, матеріализма, сенсуализма встрѣтитъ полное сочувствіе, а не отпоръ. Когда этой проповѣди не было, и они имѣли какой-то неопредѣленный оттѣнокъ, были отчасти спиритуалистами, отчасти матеріалистами, иногда стоиками, а другой разъ эпикурейцами. Но когда повѣяло новымъ духомъ, то они съ большой охотой подчинились этому вѣянію, иногда вслѣдствіе внутренняго сродства съ нимъ, а большею частью вслѣдствіе своей безпомощности предъ проповѣдниками новыхъ ученій. Столь-же безпомощны оказались читатели предъ историками прагматистами, которые вздумали внести подобныя новыя ученія въ русскую исторію.

Костомаровъ подвергъ истинному поруганію все, что въ русской исторіи имѣетъ неоспоримое право на уваженіе истинно русскихъ людей,—начиная съ первыхъ князей, которые для него только разбойники и грабители. Владиміръ Мономахъ, Василько, Андрей Боголюбскій—это люди своекорыстные, жестокіе, способные на гнусное злодѣяніе Дмитрій Донской трусъ, человѣкъ неблагородный; Пожарскій, Мининъ, Скопинъ-Шуйскій—лица двусмысленныя, своекорыстныя, лживыя и т. п. Самопожертвованіе Сусанина—миѳъ, т. е. фактъ, никогда не существовавшій. И эти дѣтски легкомысленныя характеристики, эти противонаучныя положенія не встрѣтили отпора не только въ массѣ читателей, въ толпѣ, но и въ тѣхъ, которые по праву

могутъ считать себя представителями такъ-называемой интеллигенціи, въ руководителяхъ періодическихъ органовъ литературы. Кромѣ Погодина, который много раньше и неоднократно былъ осмѣянъ и ославленъ, какъ человѣкъ отсталый, обскурантъ и квасной патріотъ, никто изъ представителей печати не возвысилъ голоса въ защиту славной памяти печальниковъ, защитниковъ и освободителей русской земли, и въ защиту самого народа, котораго умъ и нравственныя, равно какъ общественныя свойства. возбуждаютъ удивленіе иностранцевъ. Мало того, наиболѣе вліятельные органы журналистики напечатали статьи, въ которыхъ превозносили до небесъ труды г. Костомарова *).

Впрочемъ, г. Костомаровъ, повидимому, только развивалъ и подъискивалъ доказательства для общей мысли, высказанной раньше г. Спасовичемъ съ высоты адвокатской трибуны. Г. Спасовичъ нашелъ себя вправѣ, защищая польскаго графа, сбытчика русскихъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, провозгласить, что польская исторія не то, что русская,—что какъ русская исторія безславна, такъ польская полна чести и славы и способна привлечь къ національнымъ задачамъ сердцà сыновъ рѣчи Посполитой. И преслѣдуя высокую задачу освобожденія отечества, польскій графъ старался съ одной стороны достать средства для народнаго дѣла, съ другой — содѣйствовать подрыву кредита Россіи.

И въ то время также ни одного голоса не раздалось ниоткуда, чтобы протестовать противъ этого поруганія русскаго

*) Замѣчательно, что одно изъ этихъ сочиненій (русская исторія) такъ и предназначалось для употребленія юношества; что возбуждаетъ въ особенности горькія чувства по сравненію съ западной Европою. Тамъ существуютъ особые историческіе сборники и даже многіе, въ которыхъ соединены повѣствованія о выдающихся славныхъ лицахъ и событіяхъ родной исторіи. Въ Швейцаріи одинъ такой сборникъ называется «Patria», во Франціи «Plutarque français» и т. п. Въ Германіи, кромѣ того, существуетъ особый храмъ славы для знаменитыхъ нѣмцевъ, извѣстная Валгалла. А у насъ вмѣсто всего этого постыдное надругательство Костомарова, сопровождаемое апплодисментами прогрессивной журналистики!

народа; слишкомъ ужъ мы съ одной стороны благодушны, а съ другой — слишкомъ мало и худо знаемъ свою исторію, слишкомъ привыкли сами относиться безъ уваженія и къ самимъ себѣ, и къ своей старинѣ, которой и не знаемъ и знать не хотимъ *).

Мысль г. Спасовича, развитая и по внѣшности какъ будто доказанная Костомаровымъ, въ настоящее время господствуетъ въ средѣ такъ называемой интеллигенціи и въ особенности въ средѣ учащагося юношества, гдѣ Костомаровъ пользуется ре-

*) Нѣчто подобное произошло нѣсколько раньше во Франціи, впрочемъ все-таки не по отношенію къ Франціи, а по отношенію къ Россіи. Извѣстный Духинскій сталъ доказывать, что Россія не принадлежитъ къ европейскому міру, ни по происхожденію и характеру господствующей народности, ни по нравамъ народа, ни по характеру учрежденій страны, ни по политикѣ правительства,—что русскіе представляютъ націю, неспособную къ цивилизаціи, что они составляютъ низшую расу сравнительно съ другими народами Европы и, между прочимъ, съ поляками. Эти ученія вызвали рѣзкія возраженія даже между поляками. Гр. Рачинскій называлъ ихъ безуміемъ, Мѣрославскій, наиболѣе открытый и постоянный изъ враговъ Россіи, явился защитникомъ ея, называя русскую народность почтенною. Но съ наибольшею энергіею и какъ всегда съ особенною силою вооружился противъ Духинскаго Прудонъ. Изложивши сущность его ученія, онъ прибавляетъ: «Я сталъ-бы стыдиться за свое отечество и за своихъ современниковъ, еслибы между нами не нашлось человѣка, готоваго протестовать противъ этого польскаго фиглярства (ces jongleries polonaises)». На сколько степеней значительнѣе долженъ быть нашъ стыдъ отъ того, что между нами самими не нашлось людей, готовыхъ протестовать противъ польскаго фиглярства, направленнаго прямо намъ въ лицо?—И подобный фактъ не единственный. Юдофильскія газеты не разъ подвергали оскорбленіямъ евреевъ, принявшихъ христіанство, причемъ давали имъ оскорбительнй эпитетъ ренегатовъ. Другія газеты, не только либеральныя, а повидимому газеты народнаго направленія, перепечатывали замѣтки юдофильскихъ газетъ вмѣстѣ съ эпитетами, оскорбительными не для однихъ евреевъ, принявшихъ христіанство, но такъ-же и для всякаго русскаго человѣка, и глазомъ не моргали. Или, въ газетахъ идетъ рѣчь объ архіепископѣ Фреппелѣ, или Кеттлерѣ, или Штроссмайерѣ; и ихъ имя приводится съ прибавленіемъ почетнаго титула «монсеньоръ»; а рѣчь зашла о русскомъ архіепископѣ, объ немъ выражаются такъ: мѣстный архіепископъ N сказалъ при этомъ проповѣдь и т. д. Въ чемъ тутъ недостатокъ, въ добросовѣстности или въ образованіи? Повидимому, въ томъ и другомъ и, кромѣ того, въ политической незрѣлости.

путаціею наиболѣе ученаго, способнаго, гуманнаго и благонамѣреннаго русскаго историка.

Подобнымъ образомъ въ воззрѣнія «интеллигенціи» и юношества проведена мысль объ ужасномъ матеріальномъ и умственномъ состояніи русскаго простонародья. По разсказамъ Рѣшетникова и его подражателей, оказывается, что русскій мужичокъ это что-то среднее между человѣкомъ и обезьяною. Тупость, грубость, животность его поразительны. Недалеко ушолъ отъ него и представитель религіи, котораго представляютъ чѣмъ-то въ родѣ сибирскаго шамана *). Рядомъ съ нимъ самъ Рѣшетникивъ и всѣ подобные ему, все, что не мужикъ, не рабочій и не духовное лицо, представляются дѣйствительно какими-то высшими существами, которые по праву должны быть выдѣлены въ особый видъ естественно-историческаго рода — «человѣкъ, homo». Въ естественной исторіи человѣкъ называется homo sapiens, человѣкъ разумный. У насъ это ученіе дополнено и исправлено; не всѣ люди относятся къ этому разряду; простой народъ это просто только homo, а homo sapiens это высшій видъ его, очевидно успѣвшій подвергнуться новой біологической эволюціи и, съ помощію половаго подбора или какого другого средства, одолѣвшій своихъ бывшихъ собратій въ борьбѣ за существованіе. Только эта часть отдѣла «человѣкъ» имѣетъ право на названіе homo sapiens, homo intelligens, или во всей своей совокупности intelligentia. А простой народъ не только исключается изъ этого отдѣла, но ему придумано соотвѣтствующее названіе: «головотяпы»; судя по корнямъ слова, тутъ заключается понятіе, близкое къ понятію барана. Другіе представители интеллигенціи называли его просто «звѣрь» или «ско-

---

*) Значеніе сочиненій Рѣшетникова хорошо понято дѣятелями русской соціально-революціонной партіи и ихъ заграничными органами; въ одномъ изъ нихъ было напечатано: «большинство русской молодежи учится жизни изъ сочиненій Рѣшетникова» и подобныхъ имъ. Чрезъ это образуется «честная увлекающаяся натура, живущая въ абстракціи мечтами и идеями. Она вѣритъ въ справедливость и истинность своихъ идеаловъ и всей душой готова осуществить ихъ». (Впередъ. 1873 г. № 3, стр. 150).

тина», прибавляя, однако, къ этому имени эпитетъ «святая» и находя, что понятіе о святости и скотствѣ имѣютъ между собою логическое сродство и могутъ быть соединяемы. Говорятъ еще, что наука космополитка, что она не можетъ имѣть національнаго характера. Вотъ мы съумѣли дать національный букетъ даже зоологіи *).

Что касается до экономическаго быта русскаго рабочаго — безпримѣрно и невыносимо бѣдственное положеніе его, будто-бы, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Положенія подобнаго тому, которое выпало на его долю, никогда не было прежде и теперь нигдѣ нѣтъ. Эту мысль развиваетъ большая книга, написанная г. Флеровскимъ какъ будто на основаніи данныхъ, полученныхъ посредствомъ наблюденій. Въ дѣйствительности вся она составляетъ весьма неостроумную шутку, написанную безъ всякихъ гарантій истинности ея выводовъ; никакихъ наблюденій въ основѣ ея не положено, а вся она есть продуктъ фантазіи и полнаго незнакомства какъ съ предметомъ, такъ и съ наукою вообще. Къ сожалѣнію, она не осталась явленіемъ единичнымъ; за нею послѣдовала масса другихъ книгъ и журнальныхъ статей подобнаго содержанія, имѣющихъ ту-же самую задачу — представить крайне жалкое положеніе русскаго рабочаго.

И благодаря тому, что русская читающая публика не имѣетъ хоть сколько-нибудь достаточныхъ свѣдѣній ни о своемъ отечествѣ, ни о другихъ странахъ, она, а вмѣстѣ съ нею и учащееся юношество, принимаютъ на вѣру всѣ эти ложныя положенія, тѣмъ болѣе, что они отдаютъ букетомъ либерализма и гуманности. Эти положенія имѣютъ особое значеніе; они играютъ весьма важную роль въ томъ, что называется нашею умственною смутою, въ системѣ нашего нигилизма, который подобно другимъ соціальнымъ системамъ имѣетъ свою часть по-

---

*) Къ сожалѣнію, впрочемъ, и здѣсь мы не показали оригинальности; наша классификація въ дѣйствительности есть только воспроизведеніе польской, такъ какъ поляки выдумали названіе для пановъ—интеллигенція, а для народа—быдло.

ложительную, и кромѣ того, часть критическую. Упомянутыя сочиненія Костомарова, Флеровскаго и Рѣшетникова содержатъ въ себѣ именно ея критическую часть.

Это развращеніе общества литературою не такая маловажная вещь, какъ многіе наклонны думать *). Литература имѣетъ особую силу въ странахъ съ культурою не довольно высокою и въ то-же время въ такихъ, гдѣ національная и семейная традиція не имѣютъ большой силы. И въ одной и той же странѣ литература приноситъ меньше вреда въ той средѣ, гдѣ семейныя традиціи крѣпки и пользуются уваженіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ всякій имѣетъ свои законные здоровые и практическіе интересы, которые имѣютъ свойство избавлять человѣка отъ увлеченія интересами фантастическими. Россія во всѣхъ этихъ отношеніяхъ поставлена крайне неблагопріятно. Кромѣ низкой степени образованія нашей «интеллигенціи», этому весьма благопріятствуетъ наша двухсотлѣтняя привычка умственнаго и нравственнаго пресмыкательства передъ Западною Европою. Это-то и убило у насъ здоровую національную и семейную традицію, уничтожило уваженіе къ добрымъ нравственнымъ качествамъ и нравственнымъ правиламъ предковъ, къ ихъ здравому смыслу, къ разумности ихъ бытовыхъ, экономическихъ, юридическихъ особенностей и т. п. И этимъ грѣхомъ страдаютъ не одни «интеллигенты» теоретики, тѣ, которые, смотря по дуновенію вѣтра въ западной Европѣ, дѣлаются то франкмасонами, то якобинцами, то доктринерами—конституціоналистами, то легитимистами, то фурьеристами и т. д. Отъ

*) Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ привести въ подкрѣпленіе своихъ мыслей авторитетное слово достойнаго іерарха. «Легко понять, говоритъ преосвященный Амвросій, какія опасности угрожаютъ и нашей церкви и нашему отечеству отъ этого умственнаго растлѣнія и нравственнаго разложенія, угрожающаго нашему народу. Если при этомъ вспомнимъ о неподготовленности нашего простого народа къ такому разнообразному и неурядному чтенію, какое постоянно ему предлагается, если вспомнимъ, какъ легко у этихъ милліоновъ простыхъ душъ похитить сѣмена вѣры и насѣять въ нихъ всякаго рода плевеловъ, то дѣйствительно становится страшно за наше будущее» (Ib. 10).

него не свободны и наши практическіе дѣятели изъ разныхъ отраслей государственнаго управленія; и тамъ подчасъ гораздо меньше обращалось вниманія на духовныя и бытовыя особенности русскаго народа, чѣмъ на примѣръ западной Европы. Царствованіе императора Александра II въ этомъ отношеніи было временемъ усиленныхъ заимствованій въ западной Европѣ, далеко не всегда зрѣло обдуманныхъ и приспособленныхъ къ органическимъ особенностямъ русской жизни, что также произошло подъ вліяніемъ литературы, которому не нашлось достаточно благоразумной реакціи даже въ правительственныхъ сферахъ.

Все это въ совокупности взятое и произвело нашу умственную и политическую смуту. И та и другая смута, собственно говоря, существуетъ во всѣхъ странахъ, не только во Франціи или въ Германіи, но и въ Англіи, въ Испаніи, въ Италіи, даже въ Скандинавскихъ государствахъ, гдѣ почва для нея всего менѣе благопріятна. Но во-первыхъ во всѣхъ этихъ государствахъ смута не достигаетъ такой интенсивности, какъ у насъ, не дѣлаетъ такого полнаго разрыва со всѣмъ, что есть въ человѣческихъ обществахъ высокаго и святаго; во-вторыхъ, тамошнія соціально-демократическія или соціально-политическія партіи или школы произведены самою жизнью, возникли въ средѣ промышленнаго или земледѣльческаго пролетаріата, который самъ есть наслѣдіе предъидущей исторіи. Наша смута произошла не изъ жизни, а изъ книгъ. У насъ теоріи явились не вслѣдствіе обнаруженныхъ какихъ-нибудь соціальныхъ язвъ, вродѣ того, какъ это было за-границею, гдѣ или парламентскія коммисіи или изслѣдованія частныхъ людей (де-Жерандо, Дюкпесьо и пр.) раскрыли поразительныя картины страданій рабочаго класса. Ничего подобнаго у насъ не было. У насъ сначала явились теоріи, разумѣется не свои, а заимствованныя съ Запада: теорія Фурье, Оуэна, Л. Блана, а потомъ уже въ основу ихъ положено, съ этою цѣлью сфабрикованное, ученіе о тупости русскаго рабочаго въ противоположность джентльмену-интеллигенту, о крайне неудовлетворитель-

номъ экономическомъ состоянiи нашихъ низшихъ классовъ, объ исторической безнадежности русскаго человѣка, вытекающей изъ безславной предъидущей исторiи Россiи и т. п. Ненадобность и лживость не только православiя, но и какой-нибудь религiи вообще и вредное влiянiе ея раньше было втолковано любителямъ новости; матерiализмъ провозглашенъ послѣднимъ и окончательнымъ словомъ философiи, а человѣкъ признанъ анатомико-физiологическою машиною, не больше. И этотъ «насъ унижающiй обманъ» зародившись въ книгахъ, распространился исключительно въ томъ слоѣ общества, на которое дѣйствовали книги, т. е. литература. И онъ составляетъ полную и, подобно отдать ему справедливость, гармоническую систему нравственно или, лучше сказать, безнравственно-политическихъ ученiй, въ которой соцiализмъ безъ Бога, безъ ученiя о долгѣ, безъ какихъ-бы ни было человѣческихъ чувствъ, составляетъ центръ, къ которому все направлено, или сводъ, которымъ заканчивается все зданiе.

Вотъ почему соцiальныя теорiи у насъ до сихъ поръ имѣютъ столь большое значенiе, какого онѣ никогда не могли имѣть на мѣстѣ ихъ происхожденiя. Во Францiи, если бы и не было ни Л. Блана, ни Кабе, соцiализмъ всетаки поднялъ бы голову и нашелъ бы себѣ учителей и руководителей въ лицѣ Барбеса, или Бланки, или Ф. Піа. Революцiи 1848 года изъ политическихъ людей Францiи никто даже не предвидѣлъ; ее произвелъ самъ народъ своимъ почином; точно также своимъ починомъ народъ-рабочiе сдѣлали извѣстныя манифестацiи 17 марта, 15 мая, и потомъ начали настоящую междуусобную войну въ iюнскiе дни. Впослѣдствiи народъ еще разъ началъ самую преступную и братоубiйственную войну въ присутствiи побѣдоноснаго внѣшняго врага и началъ ее совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было теоретиковъ, соцiальныхъ реформаторовъ. У насъ совсѣмъ не то; у насъ рабочiе едва могутъ сдержать свое негодованiе противъ нашихъ соцiальныхъ реформаторовъ. Да и та школьная молодежь, которая вписала въ нашу исторiю нѣсколько черныхъ страницъ, безъ сомнѣнiя спокойно

училась бы въ школѣ, если бы ей не было внушено, что есть нѣсколько проектовъ низвести на землю золотой вѣкъ, и что проекты эти весьма легко исполнить, и что только злонамѣренность полагаетъ этому препятствія. А исполнять ихъ необходимо въ интересахъ низшей братіи, находящейся въ невыносимомъ положеніи; что въ томъ состоитъ обязанность преимущественно молодежи, которая составляетъ надежду и гордость страны, что кромѣ нея и заняться этимъ дѣломъ некому: народъ безсмысленъ, представители вѣры и церкви это что-то въ родѣ сибирскихъ шамановъ, представители власти отъ Рюрика и Олега до Пожарскаго и Минина только легальные злодѣи, знавшіе только свои интересы, чуждые всему благородному, безкорыстному, даже на войнѣ не съумѣвшіе обнаружить ничего, кромѣ трусости и низости. Довольно того, что Дмитрій Донской, первая военная слава древней Россіи, во время битвы подставилъ, вмѣсто себя, подъ удары татаръ другое лицо, а самъ залѣзъ подъ дерево.

Такъ развращали молодежь, и цѣль была достигнута. Противодѣйствія, какъ мы уже видѣли, почти ни откуда не было. Не таковъ составъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, не таково направленіе и господствующій характеръ литературы, чтобы этого можно было ожидать. Сѣять плевелы, это мы можемъ; на это есть много дѣятелей *), а сѣять зерно доброе и исторгать взошедшіе плевелы—это дѣло трудное съ точки зрѣнія самаго процесса работы и неблагодарное съ точки зрѣнія «чеканки монеты», пріобрѣтенія популярности и т. п.

*) Еще И. Аксаковъ не находилъ никакой разницы въ ученіяхъ какъ подпольной печати, такъ и той, которую онъ называлъ надпольною, т. е. той части журналистики и литературы, которая проповѣдуетъ матеріализмъ, сенсуализмъ, соціализмъ и т. п. И не мудрено,—когда дѣятели той и другой печати были одни и тѣ-же, какъ г. Л. Тихоміровъ. Аксаковъ не безъ остроумія сравнивалъ дѣятелей подпольной печати съ черкесами воинствующими, а дѣятелей надпольной печати съ черкесами «мирными». Сходство увеличивается еще отъ того, что черкесы воинствующіе нерѣдко обманнымъ образомъ выдавали себя за мирныхъ, подобно тому какъ г. Л. Тихоміровъ выдалъ себя такъ-же за мирнаго.

Съ обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія самое легкое, пріятное и прибыльное дѣло—это то, что Л. Бланъ называетъ дѣломъ литературнаго маляра, который наскоро пачкаетъ тысячи страницъ, составляетъ изъ нихъ романы, написанные, впрочемъ, «въ стилѣ ясномъ и даже изящномъ» и наживаетъ состояніе, обзаводится «каретой и лакеями». Этотъ родъ въ особенности привился у насъ, пустилъ глубокіе корни въ нашу почву, впрочемъ, по счастью все-таки не дошолъ до народа, до подпочвы, а ограничивается верхнимъ слоемъ, «интеллигенціею». Это такъ называемое легкое чтеніе, легкая литература, которая, собственно говоря, почти только одна у насъ и процвѣтаетъ, которая заполонила у насъ всю область печатнаго слова. Безъ пособія ея у насъ не можетъ существовать ни одинъ журналъ, даже ни одна газета. Недавно это разъяснила и доказала публикѣ одна еженедѣльная газета. Основанная лѣтъ десять назадъ, она влачила печальное экономическое существованіе и дышала на ладанъ, когда издатель для поправленія дѣла остановился на мысли присоединить къ ней сборникъ романовъ, повѣстей и т. п. Когда эта мысль была осуществлена, газета воскресла и стала жить другою жизнью; появилась масса подписчиковъ и газета твердо стала на ноги. Безъ повѣстей, разсказовъ, легкихъ фельетоновъ, подъ часъ порнографическаго характера, нѣтъ почти ни одной газеты, даже спеціальной, даже такой, которая по своимъ задачамъ должна-бы быть по возможности дальше отъ легкаго чтенія. Объявляетъ объ изданіи газеты профессоръ духовной академіи; газета имѣетъ въ виду интересы вѣры и церкви. Ужь какое бы, кажется, мѣсто въ ней для легкаго чтенія? — И все-таки г. профессоръ обѣщаетъ своимъ будущимъ читателямъ романъ. Другой литературный предприниматель объявляетъ объ изданіи газеты, предназначаемой для людей особенно религіозныхъ, для посѣтителей святыхъ мѣстъ. Тутъ, повидимому, еще меньше мѣста роману. Между тѣмъ издатель еще въ объявленіи обѣщаетъ его читателямъ. Есть нѣсколько другихъ фактовъ не менѣе краснорѣчивыхъ. Всѣ они несомнѣнно доказываютъ одно: что читающей публикѣ, этой

пресловутой «интеллигенціи», болѣе или менѣе серьезное чтеніе еще не по плечу, хотя, есть несомнѣнные признаки, показывающіе, что и «серьезное-то чтеніе», заключающееся въ газетахъ и журналахъ, совсѣмъ не серьезно.

На легкій родъ литературы, на беллетристику въ нашемъ обществѣ существуетъ взглядъ крайне односторонній. Свойства этого рода представляютъ совершенно въ ложномъ видѣ. Ему придаютъ значеніе, котораго онъ имѣть не можетъ; ему оказываютъ вниманіе, котораго онъ не заслуживаетъ. А на его вредное вліяніе, которое весьма значительно, почти на обращаютъ вниманія.

Мы не говоримъ здѣсь только о беллетристикѣ безнравственной, имѣющей явно безнравственную тенденцію, содержащей въ себѣ, какъ выражается Л. Бланъ, проповѣдь порока. Этой беллетристики у насъ было и есть довольно, и она свое дѣло сдѣлала и дѣлаетъ.—Мы говоримъ, что и остальная часть беллетристики едва-ли больше заслуживаетъ сочувствія людей серьезныхъ и нравственныхъ, чѣмъ та, которая явно дѣлаетъ пропаганду порока.

Въ самомъ дѣлѣ, кому и какая польза отъ нея? Мы говоримъ, разумѣется, о пользѣ нравственной. Какой добрый результатъ она оставитъ въ душѣ юноши или дѣвицы, въ особенности склонныхъ читать романы и повѣсти.—Главный и почти исключительный мотивъ ея одинъ, половая любовь. Нужно-ли, чтобы фантазія юношей и дѣвицъ, равно какъ людей зрѣлаго возраста, искусственнымъ образомъ разжигалась и направлялась къ той сторонѣ жизни, гдѣ всего нужнѣе нравственное воздержаніе, котораго отсутствіе по справедливости считается однимъ изъ самыхъ типичныхъ видовъ порока, имѣющимъ чрезвычайно важное общечеловѣческое значеніе?— И будутъ ли *мечты* этихъ юношей и дѣвицъ *цѣломудренны*? А это, по справедливому мнѣнію поэта, совершенно необходимо для того, чтобы человѣку были доступны «сіонски высоты» *),

*) «Кому, о Господи, доступны—твои сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,—чьи цѣломудренны мечты».

необходимо для достиженія извѣстной, такъ сказать, нормальной нравственной высоты. И не говоря о томъ, что усиленное дѣйствіе фантазіи, направленое въ область, представляющую столько опасностей, препятствуетъ достиженію необходимой нравственной высоты, нельзя не обратить вниманія на ту психологическую болѣзненность, общее ненормальное состояніе душевныхъ способностей лицъ, которою страдаютъ лица, съ особеннымъ усердіемъ предающіяся чтенію романовъ. Психическая ненормальность подобныхъ субъектовъ обнаруживается въ ихъ особомъ пристрастіи къ своему занятію. Романъ дѣлается для нихъ чѣмъ-то наркотическимъ, въ родѣ водки, опіума, морфія и т. п. Покойный московскій митрополитъ Филаретъ недаромъ ставилъ рядомъ водку, литературу, т. е. беллетристику и зрѣлища *), находя, что водка «губитъ низшій классъ народа, а зло отъ литературы и зрѣлищъ дѣйствуетъ болѣе на высшіе и средніе классы общеста.». И если сравнить зло, производимое литературою и водкою, то сравненіе едва ли будетъ въ пользу литературы. Повторяемъ, что мы не говоримъ о сочиненіяхъ прямо развращающаго характера, какъ сочиненія Десада или Фурье, о сочиненіяхъ тѣхъ авторовъ, одинъ изъ которыхъ въ баснѣ Крылова получаетъ въ аду возмездіе рядомъ съ разбойникомъ. Мы говоримъ только о беллетристикѣ обыкновенной, о беллетристикѣ небезнравственной съ точки зрѣнія современной морали, о беллетристикѣ, вѣчно тянущей на тысячу мотивовъ одну и ту же пѣсню о половой любви **).

---

*) Вотъ его подлинныя выраженія: «Литература, зрѣлища, вино губительно дѣйствуютъ на общественную нравственность». Моск. Вѣдом. 1883 г.. № 9.

**) Гельвецій въ одномъ изъ своихъ сочиненій со свойственною ему откровенностью говоритъ. «Во всѣ вѣка женщины подаются не на однѣ и тѣ же приманки; отсюда происходитъ столько различныхъ картинъ любви (въ романахъ). Но предметъ всегда одинъ и тотъ-же, именно соединеніе (union) мужчины и женщины.—Романъ оконченъ, lorsque le romancier les a couchés dans le même lit. -Если этого рода сочиненія различаются между собою, то только разницею средствъ, употребляемыхъ героемъ для того, чтобы убѣдить его возлюбленную принять благосклонно слѣдующую его фразу, нѣсколько дикую: moi vouloir coucher

Эта беллетристика имѣетъ вредные результаты почти неисчислимые.

Прежде всего она дѣйствуетъ на человѣка дѣйствительно какъ наркотическое, къ ней привыкаютъ, какъ къ водкѣ; ею увлекаются до своего рода запоя. Посмотрите на этихъ своего рода пьяницъ. Въ вагонѣ желѣзной дороги, паровой и конки, между Москвой и Петербургомъ и на Невскомъ проспектѣ, вы видите и мужчинъ и женщинъ, которые глазъ не могутъ оторвать отъ романа; книга у нихъ въ рукахъ, вслѣдствіе движенія, дрожитъ, глаза съ трудомъ слѣдятъ за строками, что безъ сомнѣнія не обходится безъ вреда и для глазъ; но они, сѣвши въ вагонъ, принялись за романъ и оставляютъ его только тогда, когда нужно выходить, вообще только по необходимости. Тоже вы замѣтите въ общественномъ саду въ городѣ, на дачѣ; и мужчины и женщины, въ полусогбенномъ положеніи, сидятъ неподвижно съ глазами, устремленными на страницы романа; прекрасный лѣтній вечеръ, какіе такъ рѣдки въ нашихъ мѣстахъ, роскошная флора, выхоленная руками искуснаго лѣсовода и цвѣтовода, для нихъ не существуетъ. Красоты природы они не чувствуютъ, не понимаютъ. Для нихъ все замѣнено интригою романа; ей они преданы всѣмъ существомъ.

И это происходитъ вездѣ, во-всѣхъ классахъ общества, которые поставляютъ свой контингентъ для «интеллигенціи». Не говоря объ «интеллигентныхъ» дѣвицахъ и дамахъ, вы встрѣтите подобныхъ усердныхъ читателей романовъ между студентами, офицерами, чиновниками, докторами, инженерами и вообще техниками, между купцами и прикащиками, даже между духовными лицами иногда очень высокихъ ранговъ, равно какъ между генералами военными *) и статскими.

---

avec toi». De l'homme. Amst. 1774, т. II, стр. 261. Здравомыслящій древній міръ не зналъ этого рода словесности. Начало романа относятъ къ тому времени, когда онъ уже потерялъ и свои доблести и здравомысліе и по наклонной плоскости быстро стремился къ своей могилѣ. Первые романы были написаны уже послѣ Р. Х., во II и IV вѣкѣ нашей эры.

*) Суворовъ романовъ не читалъ, а читалъ Ю. Цезаря, Вегеція,

И какой результатъ этого чтенія?—Какія послѣдствія его для субъектовъ читающихъ?—Почему выраженіе «барышня, начитавшаяся романовъ» имѣетъ худое значеніе?—Потому что начитаться романовъ—это значитъ допустить свое собственное психическое развитіе уклониться въ сторону отъ его нормальнаго пути, дать фантазіи перевѣсъ надъ разсудкомъ, впасть въ мечтательность и при этомъ питать свою фантазію образами почти исключительно изъ области эротической.—Какую нравственную цѣну можетъ имѣть подобный субъектъ? И къ чему онъ способенъ, какъ человѣкъ и какъ членъ общества? Начитавшаяся романовъ барышня будетъ-ли хорошею женою, матерью, хозяйкою?—И не въ романахъ-ли нужно искать причины факта, служащаго предметомъ жалобъ, раздающихся въ послѣднее время на то, что семейная жизнь среди «интеллигенціи» падаетъ, что разводы, если не de jure, то de facto повторяются все чаще и чаще *).

Монтекукули, и т. п., какъ онъ самъ разсказываетъ. Можетъ быть этому онъ былъ обязанъ тѣмъ, что умѣлъ побѣждать всякаго рода непріятелей.

*) Недавно между двумя газетами, одною петербургскою, а другою московскою, произошла полемика, изъ которой обнаружилось, что даже въ первопрестольной столицѣ новыя воззрѣнія на бракъ и семейство настолько развились, что молодые люди, вступающіе въ бракъ, уже даютъ другъ другу формальное обязательство считать бракъ недѣйствительнымъ, если ихъ взаимная любовь охладѣетъ и появятся у того или другого супруга новыя эротическія вожделѣнія. Такіе браки, по словамъ московской газеты, уже составляютъ «заурядное явленіе», именно въ Москвѣ.—А враги Россіи говорятъ, что мы народъ отсталый; найдите-ка еще гдѣ-нибудь подобный прогрессъ. Республиканская Франція проектъ закона, освящающаго подобную практику, отвергла. И наша газета (Р. Курьеръ), представляющая такой порядокъ, какъ нормальный, издается купцомъ, и при томъ не съ цѣлями финансовыми. Подобная практика, впрочемъ, составляетъ необходимый исходъ всей совокупности міровоззрѣнія и нравственныхъ принциповъ «интеллигенціи». Бракъ въ средѣ ея уже раньше былъ весьма далекъ не только отъ христіанскаго идеала, но и отъ какой-нибудь, хоть сколько-нибудь разумной, нормы. А эротическіе романы продолжаютъ все болѣе и болѣе приближать его къ идеалу современныхъ матеріалистовъ, который, по справедливому выраженію преосв. Амвросія, отличается «грубою чувственностью, а у крайнихъ изъ нихъ необыкновенною грязью и скотоподобіемъ» (Ib. 18).

Обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла. Вѣдь жизнь человѣческая коротка, а наука трудна и требуетъ много времени. И серьезное образованіе никогда не оканчивается съ выходомъ изъ школы. Въ пословицѣ: вѣкъ живи, вѣкъ учись, содержится глубокій смыслъ. Не говоря о томъ, что сама жизнь есть школа, есть своего рода наука, и въ тѣсномъ смыслѣ научное образованіе у того, кто положилъ его основы въ школѣ, должно продолжаться въ теченіи всей жизни. Такъ дѣло и бываетъ въ средѣ дѣйствительно образованныхъ классовъ, гдѣ они есть. И для этого у всѣхъ образованнѣйшихъ народовъ существуетъ обширный научно-литературный репертуаръ, въ который входятъ и переводы классиковъ, не поэтовъ только, а и философовъ, историковъ, математиковъ, натуралистовъ и т. п., и переводы изъ литературъ новыхъ народовъ, и свои собственные писатели, отнюдь не поэты одни и беллетристы, но опять-таки ученые, философы, историки, экономисты, богословы и т. д. Беллетристы, напротивъ, теряютъ съ теченіемъ времени; ихъ успѣхъ и значеніе имѣютъ харак-

---

Любопытно, что старообрядцы весьма справедливо оцѣнили достоинства брака въ средѣ интеллигенціи, которую, какъ мы уже сказали, они называютъ безвѣрниками. Одинъ изъ нихъ 20 лѣтъ назадъ говорилъ: «Посреди злоупотребительныхъ безвѣрническихъ фантазій на женщину не смотрятъ, какъ на лучшую вспоможительную половину человѣческой жизни. Но смотрятъ на нее, какъ на жертву, обреченную сладострастію. Послѣдователи безвѣрія отъучились смотрѣть на женщину, какъ на равнопочтительную половину человѣческаго рода, съ тою почтительностью, которую ей предлагаетъ честная правовѣрная любовь и чистыя благоустройственныя отношенія. Безвѣріе совершенно не смотритъ на женщину со стороны нравственной красоты,—но единственно смотритъ со стороны наружной красоты, чтобы удовлетворить воспламенѣвшія чувства, только въ то время, пока они пламенѣютъ» (Истина за 1867 г. цитація г. Каблица-Юзова въ сочиненіи Русскіе диссиденты. Спб. 1881 г., стр. 91). Сколько здраваго смысла, сколько истинно христіанской нравственности проглядываетъ въ приведенныхъ словахъ старообрядца, не смотря на ихъ непривычную намъ литературную форму. Замѣчательно выраженіе «злоупотребительныя безвѣрническія фантазіи». Что это такое, что подъ нимъ разумѣется?—Это очевидно совокупность міровоззрѣнія и нравственной системы интеллигента. Едва-ли можно придумать названіе болѣе вѣрное и характеристическое.

теръ какой-то эфемерности. Кому нужны теперь сочиненія Лесажа, Пиго-Лебрена, Ричардсона и даже позднѣйшихъ писателей, Бальзака, Дюма, Сю и прославленныхъ Диккенса или Теккерея? Или кто вспомнитъ о романахъ нашихъ писателей: Греча, Булгарина, Загоскина, даже Лажечникова? Если вспомнитъ о нихъ кто-нибудь, то только потому, что нѣкоторые изъ нихъ содержатъ въ себѣ картины быта и исторіи вѣковъ предъидущихъ. Не въ такомъ положеніи стоятъ представители мысли и науки. Сочиненія Декарта, Паскаля, Боссюэта, Дету, Монтескье, Ад. Смита, Бюффона, Кювье не умрутъ никогда; всегда они будутъ имѣть свою цѣну въ наукѣ, всегда знакомство съ ними будетъ необходимо для человѣка съ серьезнымъ образованіемъ, какъ съ сочиненіями Платона, Аристотеля, Геродота, Птоломея и т. д. А кромѣ того, у болѣе образованныхъ народовъ постоянно появляются болѣе или менѣе серьезныя новыя сочиненія изъ области всѣхъ наукъ, серьезныя научныя періодическія изданія расходятся въ числѣ не одного десятка тысячъ. Вотъ все это и служитъ средствомъ для довершенія образованія людямъ, которые положили ему основаніе въ школѣ. Для нихъ все это издается; для всего этого есть покупатели-потребители. И вслѣдствіе всего этого, мы встрѣчаемся съ такими фактами, которые на первый разъ не могутъ не поражать. Л. Бланъ попадаетъ въ Аррасъ, небольшой провинціальный городъ Франціи и находитъ здѣсь академію; современникъ его Прудонъ изучалъ въ Парижѣ науки, какъ стипендіатъ Дижонской академіи. Въ этой Франціи, о наукѣ которой, со словъ нѣмцевъ, мы имѣемъ довольно легкое представленіе, почти въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ существуютъ академіи, ученыя общества, музеи археологическіе, естественно-историческіе, библіотеки, наполненныя серьезными книгами, обсерваторіи, ботаническіе сады и пр. А въ большихъ городахъ, въ Бордо, Марсели или Тулузѣ, по нѣскольку подобныхъ учрежденій. И тамошнія ученыя общества существуютъ не по имени только; они дѣлаютъ дѣло; и вы съ изумленіемъ видите, что въ какомъ-нибудь провинціальномъ городкѣ общество эллинистовъ издаетъ византійскихъ писателей и т. п.

Какъ еще далеко до всего этого *); но есть уже и у насъ свой научный репертуаръ, своя научная литература; и наша научная литература идетъ не со вчерашняго дня. Начавшись еще въ прошломъ столѣтіи, въ нынѣшнемъ она расширилась и оживилась. Карамзинъ оставилъ по себѣ историческій трудъ, который можетъ съ честью занимать мѣсто рядомъ съ трудами лучшихъ иностранныхъ историковъ. Послѣ него изученіе русскаго быта, русской исторіи еще болѣе оживилось; появились серьезные критическіе труды въ разныхъ направленіяхъ. Появились изданія лѣтописей, древнихъ актовъ, проливающихъ свѣтъ на бытъ древней Россіи. Появилась литература національно-политическая, имѣвшая столь достойныхъ представителей въ Хомяковѣ и Ю. Самаринѣ. Философія имѣла серьезныхъ представителей не только въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, но и въ средѣ лицъ свѣтскихъ. Духовное краснорѣчіе еще въ первой половинѣ этого столѣтія въ лицѣ двухъ знаменитыхъ проповѣдниковъ стояло на такой высотѣ, которой оно не могло достигнуть и въ позднѣйшее время. Возникло изученіе славянства и славянскихъ литературъ.

Была въ то время и беллетристика, романы; но она знала свой шестокъ. Романы Булгарина, Греча, Загоскина, Масальскаго, Лажечникова и др. читались публикою, но не захватывали мѣста, имъ непринадлежащаго, не были главнымъ интересомъ общества, не служили почти исключительною духовною пищею его. Это произошло впослѣдствіи, когда кружокъ людей съ малымъ образованіемъ, но съ большими претензіями и съ политической тенденціей, употребилъ особенныя усилія, чтобы возвеличить произведенія Гоголя, который, подъ разными вліяніями, самъ того не сознавая, сдѣлался выразителемъ именно политической тенденціи, общей двумъ литературно-по-

*) Увы! ученыхъ обществъ у насъ почти нѣтъ, да и которыя есть, большею частью существуютъ только по имени. За то клубовъ у насъ много, увеселительныхъ заведеній еще больше, театровъ тоже довольно; а актеровъ больше, чѣмъ требуется. Въ каждомъ городѣ изъ любителей можно составить по нѣскольку труппъ.

литическимъ лагерямъ, враждебнымъ между собой во всей совокупности воззрѣній и стремленій. — Имъ потомъ стали поддакивать и тѣ, которые не имѣли никакой политической тенденціи и не замѣчали ея въ раздуваніи репутаціи Гоголя, которые думали только объ искусствѣ для искусства. И возникъ у насъ свой собственный, скороспѣлый Гомеръ, который и самъ повѣрилъ тому, что онъ Гомеръ, и сталъ называть свои произведенія не очерками, не юмористическими эскизами или шаржами, а поэмами. На читающую публику все это производило неотразимое дѣйствіе, и она прониклась безмѣрнымъ уваженіемъ ко всѣмъ этимъ «поэмамъ». Онѣ дѣйствительно составляли для нея что-то въ родѣ того, чѣмъ были для древнѣйшаго, до-культурнаго грека сочиненія Гомера, и для магометанина первыхъ вѣковъ алкоранъ. Въ нихъ видѣли всю мудрость, которую нужно было знать человѣку; такъ что существованіе ихъ дѣлало безполезными другія книги и ихъ можно было сжечь по примѣру александрійской библіотеки. Каждая строчка Ревизора и Мертвыхъ душъ, кажется, была выучена наизустъ. Всѣ дѣйствующія лица были знакомы каждому «человѣку сороковыхъ годовъ» и начала пятидесятыхъ, какъ его близкіе родные, какъ члены его семейства. Всякій зналъ не только Хлестакова или Ноздрева и Коробочку, но и ихъ лакеевъ и кучеровъ, зналъ имена и свойства всѣхъ квартальныхъ надзирателей въ Ревизорѣ, всѣхъ совѣтниковъ губернскаго правленія въ Мертвыхъ душахъ, зналъ какъ звать ту старуху, которая «сама себя высѣкла» (эта острота считалась за геркулесовы столбы остроумія и nec plus ultra политической сатиры). И уже много послѣ нѣкоторые любители десяти словъ не могли сказать, чтобы не упомянуть о Хлестаковѣ, Тентетниковѣ или капитанѣ Копѣйкинѣ и даже о Петрушкѣ и Селифанѣ. Это считалось признакомъ образованія, благовоспитанности и хорошаго тона. Тоже самое ежеминутно встрѣчалось и въ печати: Покойный Ив. Аксаковъ до конца жизни, развивая какую-нибудь мысль, приводилъ въ свидѣтели или Хлестакова, или Манилова, или другихъ героевъ «поэмъ» Гоголя.

Въ противоположномъ лагерѣ это встрѣчалось и встрѣчается еще чаще. Дѣятели нашей соціально-революціонной партіи и теперь еще не могутъ отказаться отъ того лучезарнаго свѣта, который истекаетъ на нихъ изъ «поэмъ» Гоголя. Подвергая критикѣ поступки убитаго офицера Судейкина, они сравниваютъ его съ «Ив. Ал. Хлестаковымъ». Вообще они лучше насъ помнятъ всѣ имена героевъ и героинь, упоминаютъ Акакія Акакіевича, Ноздрева, знаютъ, что старуха, которая сама себя высѣкла, была унтеръ-офицерша, и т. п. *).

Такова была умственная пища, которою питалось русское общество въ теченіи довольно продолжительнаго и очень важнаго періода. Въ З. Европѣ въ то время произошло особое оживленіе науки и мысли. Философія, политическая экономія, вообще науки нравственныя и политическія были предметомъ всеобщаго вниманія; возникли цѣлыя школы и вообще направленія болѣе или менѣе оригинальныя. Общество изучало и современныхъ провозвѣстниковъ науки и истины, и пользовалось вездѣ существующими богатыми научными репертуарами, которые открывали имъ сокровища мысли, добытыя работою великихъ умовъ, какъ ихъ соотечественниковъ, такъ и иностранцевъ, предшественниковъ на пути образованія.

А мы?—Мы почти исключительно заняты были продуктами мышленія Селифана, Ноздрева, Чичикова и т. д. Въ нихъ мы почерпали всю нашу гражданскую мудрость; въ нихъ-же, и нигдѣ больше, заключалась наша философія, наша политическая экономія, всѣ науки нравственно-политическія, все наше политическое образованіе.

За образованіемъ общимъ слѣдуетъ образованіе спеціальное; къ нему, также какъ и къ общему образованію, относится поговорка: вѣкъ живи, вѣкъ учись. И докторъ, и инженеръ, и генералъ, и духовная особа имѣютъ свое спеціальное дѣло. И имъ овладѣть вполнѣ нельзя, если ограничиться свѣдѣніями,

*) Вѣстникъ нар. воли № I 1883 г, стр. 33, и № II 1884 г. отд. 2-е, стр. 103. Въ особенности хорошо знакома съ ними редакція Набата. См. ноябрь 1878 и 1879 г.

сообщаемыми въ школѣ. Специальное образованіе нужно продолжать въ теченіи всей жизни. Такъ-ли у насъ дѣло дѣлается?

Оставляя этотъ вопросъ безъ отвѣта, чтобы «избѣжать войны» спеціальностей, замѣтимъ, однако, что въ послѣдніе годы въ нѣсколькихъ изъ нашихъ спеціальностей произошли событія, по справедливости приведшія серьезныхъ людей къ сомнѣнію въ удовлетворительномъ состояніи ихъ. Были случаи, что первые современные авторитеты Западной Европы высказывались о неудовлетворительности нѣкоторыхъ нашихъ спеціальностей, въ особенности важныхъ.

У насъ нерѣдко слышится одна совершенно особенная жалоба, которая, повидимому, свойственна только намъ однимъ Жалоба эта высказывается въ особомъ выраженіи, которое, вслѣдствіе частаго употребленія, получило, такъ сказать, стереотипный характеръ.

Говорятъ: «людей нѣтъ», т. е. у насъ мало людей, способныхъ, серьезно образованныхъ, хорошо подготовленныхъ къ какому-нибудь серьезному дѣлу. Очень часто фраза эта служитъ лицемѣрнымъ прикрытіемъ собственной неспособности и невѣжества какого-нибудь внучка (nepos), достигшаго вслѣдствіе «бабушкиной ворожбы» степеней извѣстныхъ *)

*) На эту «бабушкину ворожбу», какъ на большое зло, отъ котораго страдаетъ Россія, въ послѣдніе годы обращалъ большое вниманіе покойный Катковъ. На нее-же въ томъ-же самомъ смыслѣ указываетъ Леруа-Болье. Она составляетъ одно изъ самыхъ большихъ нашихъ золъ и есть ничто иное, какъ старинное мѣстничество, возстановленное въ видѣ наиболѣе некрасивомъ и вредномъ. Мѣстничество было дѣло законное, открытое и по своему благородное. А «бабушкина ворожба» дѣло незаконное, темное и неблагородное. Мѣстничество отдавало важное государственное дѣло въ руки людей неспособныхъ; отъ чего, безъ сомнѣнія, дѣло страдало. «Бабушкина ворожба», имѣя тотъ-же самый результатъ, кромѣ того, имѣетъ другой еще болѣе важный. Бабушкинъ внучекъ, зная за собой грѣхъ неправаго полученія мѣста, старается загладить его, избѣжать порицанія общества, привлечь къ себѣ его сочувствіе, и средство для этого имѣетъ одно, —популярничанье; вслѣдствіе чего онъ не только безъ честнаго усердія проводитъ политику правительства, но гдѣ можно не прочь дѣйствовать и вопреки ей. Это и

Но вообще прискорбной правдивости этого выраженія не признать нельзя. Когда мы сравнимъ разные, соотвѣтствующіе слои общества у насъ и за границею, то сравненіе окажется крайне неблагопріятно для насъ. Наши національные враги— поляки и мадьяры, а отчасти и нѣмцы на этомъ основываютъ, главнымъ образомъ, свои надежды въ будущемъ противодѣйствіи ихъ законнымъ интересамъ Россіи. Даже и евреи въ эксплуатаціи Россіи разсчитываютъ ни на что другое; и только поэтому они отовсюду продолжаютъ стекаться въ Россію, и у насъ число ихъ все растетъ, и масса ихъ достигла тревожныхъ размѣровъ.

Но откуда-же у насъ быть людямъ образованнымъ, способнымъ, подготовленнымъ, богатымъ знаніями, когда и школа-то у насъ не особенно процвѣтаетъ, когда даже изъ такъ-называемаго высшаго учебнаго заведенія чаловѣкъ бо́льшею частію не выноситъ хоть сколько-нибудь достаточнаго, полнаго и основательнаго образованія *), а по выходѣ изъ школы онъ уже и совсѣмъ не хочетъ ничего знать, кромѣ газетъ и журналовъ, въ которыхъ находитъ пищу его невѣжество и извращенный вкусъ, и наконецъ, цѣлаго моря романовъ, повѣстей и т. п. Дѣйствительно эта область широка, какъ море! — Наши «великіе» писатели романовъ на нашу бѣду чрезвычайно плодовиты, и много ихъ очень. Написаны уже сотни томовъ, затѣмъ слѣдуютъ переводы иностранныхъ романовъ, цѣлыя собранія ихъ, періодическія и не періодическія. Дѣйствительно море великое и пространное. Нужно много времени, чтобы переплыть его. А для дѣльнаго, серьезнаго чтенія времени не остается. Знаній не прибавляется. Пословица:

было исходнымъ пунктомъ Каткова, когда онъ вооружался противъ этого зла.

*) Объ этомъ въ Письмахъ о современной молодежи (М. 1888 г.) говорится такъ: студенты, оканчивая курсъ въ университетѣ, «обладаютъ вмѣсто глубокихъ познаній только обрывками и общими понятіями изъ массы разныхъ наукъ». Отсюда происходитъ «верхоглядство—общій порокъ, изъ котораго изрѣдка встрѣчаются единичныя исключенія». Печальная картина.

вѣкъ живи вѣкъ учись—не исполняется. И умственный уровень человѣка понижается, весь его психическій организмъ искажается. Вмѣсто здоровой умственной пищи человѣкъ принимаетъ особаго рода наркотическое, которое дѣлаетъ изъ него балетнаго дилентанта, ежедневнаго посѣтителя всякаго рода увеселительныхъ заведеній: клубовъ, театровъ, Аркадій, Ливадій и т. п., а ужь никакъ не человѣка дѣла, такого, котораго трудъ былъ-бы плодотворенъ для общества и государства. И хотя такихъ людей очень много, тѣмъ не менѣе жалоба, что людей нѣтъ, остается справедливою.

Нѣкоторые выдающіеся факты нашей общественной жизни, повидимому, противорѣчатъ этому положенію. Въ послѣдніе годы Россія устроила столько торжественныхъ похоронъ сынамъ своимъ, оставившимъ земную юдоль, сколько ихъ нельзя насчитать за цѣлое полустолѣтіе въ какой-нибудь другой странѣ Европы. И ужь безъ сомнѣнія оцѣнка заслуги, сдѣланная всей страною, имѣетъ большой смыслъ. Увы! голоса страны тутъ не было. Что касается до народной массы, изъ 90 милліоновъ жителей Россіи 89½ никогда не слыхали именъ тѣхъ лицъ, которыя почтены торжественными похоронами. А изъ остальнаго полумиліона (и вѣроятно, числа гораздо меньшаго), все, что не считаетъ за предразсудокъ или за излишнюю роскошь любовь къ отечеству, вѣру, уваженіе къ своей народности, къ наукѣ, все это было чуждо торжественнымъ почестямъ, оказаннымъ публично нѣкоторымъ лицамъ. Эти почести были политическою манифестаціею и оказаны были только тѣмъ лицамъ, которыя или проповѣдывали свободу любви и разрисовывали картины на тему нравственной невмѣняемости, или покровительствовали дѣятелямъ нашей соціально-революціонной партіи и оказывали имъ денежную помощь, или вслѣдъ за польскими радѣтелями «народовой справы» доказывали монгольскія свойства русскихъ историческихъ личностей, или, наконецъ, прямо ввели въ русскую литературу выдающихся дѣятелей крамолы и т. п. Таковъ смыслъ имѣли они у ихъ иниціаторовъ и главныхъ двигателей, къ которымъ уже присоединилась или

легкомысленная молодежь, занимающаяся не наукою, а политическою агитаціею, незнакомая съ мудрымъ афоризмомъ древности, что старости принадлежитъ рѣшеніе дѣла, а юношеству—только исполненіе его, или наконецъ, «интеллигентная», неразсуждающая толпа, вычитавшая въ газетахъ, что писаніе романовъ и повѣстей есть единственное дѣло, достойное этого названія. Воспитанная на романахъ, наша «интеллигенція» находитъ, что романъ есть наиболѣе вкусная и сообразная съ организмомъ пища человѣка, подобно тому, какъ башкиръ считаетъ такою пищею кумысъ, а молдаванъ мамалыгу. Не мудрено, что соотвѣтственно этому взгляду интеллигентъ оцѣниваетъ и дѣятельность производителей романовъ. Это его воспитатели-кормильцы, увеселители и просвѣтители. И это относится какъ къ русскимъ, такъ и къ иностраннымъ романистамъ. Поэтому намъ мало того, чтобы чествовать своихъ романистовъ; устраиваются подписки на памятники иностраннымъ; а если иностранный романистъ почему-нибудь посѣтитъ одну изъ нашихъ столицъ, то вся столичная «интеллигенція» поднимается на ноги и не знаетъ, какъ выразить свое ничтожество предъ его величіемъ. Изумился Шпильгагенъ, что въ Петербургѣ устроили для него торжественную встрѣчу и обѣдъ, послѣ того, какъ онъ изъѣздилъ полъ-Европы и нигдѣ ничего похожаго не видалъ и никогда не воображалъ. А у насъ это не первое явленіе въ этомъ родѣ; не разъ мы и лошадей выпрягали у балетной танцовщицы или оперной пѣвицы, и сами вмѣсто нихъ впрягались въ экипажъ.

Какое вліяніе имѣетъ все это на юношество? Когда славою патріотизма и подвиговъ Мильтіада была наполнена вся Греція, то у Ѳемистокла явилась своего рода ревность; и онъ устремилъ всю свою мысль исключительно на то, чтобы служить отечеству не съ меньшей пользой и честью, чѣмъ Мильтіадъ. Спартанскіе юноши, которые отъ временъ младенчества постоянно слышали только о проявленіи добродѣтели и храбрости ихъ дѣдовъ и отцовъ, составили себѣ даже пѣсню, въ которой также отнеслись съ ревностью даже къ славѣ отцовъ и дѣдовъ,

и обѣщали не только сравняться съ ними, но и превзойти ихъ. Подобныхъ примѣровъ можно найти много. Ѳукидидъ сдѣлался историкомъ только потому, что въ юности былъ свидѣтелемъ почестей, оказанныхъ Геродоту на Олимпійскихъ играхъ. По закону природы, то-же должно быть вездѣ, то же безъ сомнѣнія происходитъ и у насъ; что̀ и проявляется въ размноженіи беллетристовъ и поэтовъ, которое становится предметомъ жалобы даже для людей, которые, если-бы были вѣрны своимъ взглядамъ на литературу, должны-бы были этому радоваться. Существуетъ такое множество поэтовъ, романистовъ, авторовъ повѣстей, разсказовъ, что если-бы ихъ произведенія читались гдѣ-нибудь дальше «интеллигенціи», то дѣйствительно нужно было-бы отчаяваться въ будущности Россіи. Разумѣется, дѣятельное, активное участіе въ беллетристикѣ принимаютъ личности, болѣе надѣющіяся на свои способности, можетъ быть болѣе нервныя, которымъ честолюбіе, какъ Ѳемистоклу, спать не даетъ. Характеры болѣе спокойные довольствуются тѣмъ, что усиленно читаютъ, стараются не пропустить ни одного романа, повѣсти и разсказа, появляющихся въ печати, и происходитъ результатъ, который долженъ произойти: наука остается на заднемъ планѣ; количество познаній ростетъ въ очень скудномъ размѣрѣ, умъ отвыкаетъ отъ серьезной работы, логика остается безъ достаточнаго упражненія. Является проповѣдникъ превратныхъ ученій, и прозелитъ безъ труда пріобрѣтенъ. Особенный успѣхъ имѣетъ развратитель, проповѣдникъ свободной любви. Воображеніе уже настроено благопріятнымъ образомъ и совращеніе въ новую вѣру происходитъ быстро и безпрепятственно; не даромъ вѣра эта среди насъ такъ широко распространилась. И подготовляя такимъ образомъ посредствомъ чтенія романовъ свое умственное и нравственное паденіе, наше юношество самымъ крѣпкимъ образомъ убѣждено, что оно дѣлаетъ дѣло.

Еще болѣе крѣпко подобное убѣжденіе у производителей романовъ. Что ихъ дѣло есть первое и самое важное, и что сами они занимаютъ первое мѣсто между всѣми смертными,

составляютъ «интеллигенцію» въ «интеллигенціи»; въ этомъ ихъ убѣдилъ весь тотъ ѳиміамъ, который въ изобиліи расточается передъ ними при жизни и послѣ смерти. И они, подобно врачу Менекрату, начинаютъ думать, что они въ самомъ дѣлѣ что-то похожее на боговъ, тѣмъ болѣе, что наши отзывчивые на всякую пошлость критики дѣло ихъ, подражая нѣмецкимъ сумасбродамъ, называютъ творчествомъ. Слово это у насъ употребляется исключительно въ двухъ случаяхъ: а) въ священной исторіи разсказывается, что Богъ сотворилъ небо и землю, потомъ сотворилъ солнце, луну и звѣзды, разныхъ животныхъ, и наконецъ, человѣка, и б) критики, а иногда и сами романисты говорятъ о себѣ, что они творятъ свои произведенія. Этотъ терминъ очевидно употребляется для приданія особой важности дѣлу гг. романистовъ и ихъ персонамъ. Сознавши это, наши романисты начинаютъ дѣлать нѣкоторое особое приложеніе истины, столь пріятной для нихъ: они выступаютъ въ роли народныхъ учителей, реформаторовъ нравовъ, вѣроучителей, пророковъ. Первый примѣръ этого показалъ Гоголь. На той высотѣ, на которую его подняли, у него закружилась голова и онъ выступилъ пророкомъ съ проповѣдью реформы нравовъ, и замѣчательно, что въ проповѣди его есть сходство съ позднѣйшею проповѣдью гр. Л. Толстого. Потомъ выступилъ въ роли народнаго учителя Ѳ. Достоевскій. Реформу нравовъ, въ другомъ, впрочемъ, направленіи, онъ дѣлалъ раньше, въ романѣ Униженные и оскорбленные, и въ журналахъ Времени и Эпохѣ; а впослѣдствіи онъ выступилъ рѣшителемъ вопросовъ политическихъ, экономическихъ, юридическихъ, тактическихъ стратегическихъ, филологическихъ и т. д. въ Дневникѣ писателя, исходя изъ принципа, что кто умѣетъ писать романы, тотъ можетъ рѣшать и всякіе вопросы безъ предварительной подготовки. Наконецъ, гр. Толстой является дѣйствительно вторымъ Магометомъ, Яномъ Лейденскимъ, Буддою, вообще пророкомъ, проповѣдуетъ новую вѣру и уже привлекъ къ себѣ многихъ. Послѣдователей и почитателей его нужно уже считать тысячами. И есть между ними столь пре-

данные ему, что, подобно магометову Сеиду, набрасываются съ гнѣвомъ на всякаго, кто отзывается о пророкѣ безъ подобострастія.

Такимъ образомъ успѣхъ въ беллетристикѣ даетъ у насъ право на интеллектуальный скипетръ не только въ литературѣ, но въ жизни вообще, въ наукѣ, въ политикѣ и пр. Издавна у насъ существовало убѣжденіе, что «военный человѣкъ на все способенъ» *): теперь рядомъ съ нимъ стало другое, подобное ему: «романистъ на все способенъ».—Вѣрно-ли оно? — Дѣйствительно-ли романисту принадлежитъ право быть руководителемъ общества и государства во всѣхъ важнѣйшихъ отправленіяхъ ихъ органовъ? —Вопросъ о томъ, кому принадлежитъ это право, занималъ многихъ. С. Симонъ сначала какъ-будто склонялся къ мысли, что оно принадлежитъ ученымъ людямъ вообще; потомъ хотѣлъ предоставить его, какъ онъ выражался, «способностямъ аристотелевскимъ», т. е. ученымъ, занимающимся науками болѣе положительными, чуждыми трансцендентальнаго характера, наконецъ, во главѣ всей государственной и народной жизни ставилъ крупныхъ промышлелленниковъ.

Изъ другихъ авторовъ соціальныхъ проектовъ, многіе, между прочимъ Сократъ, думали предоставить руководство государственными дѣлами людямъ наиболѣе мудрымъ, опытнымъ и ученымъ. А возведеніе беллетристовъ въ званіе пророковъ, учителей человѣчества и руководителей государственной жизни, это нововведеніе обязано своимъ существованіемъ намъ, нашей жизни, нашей «интеллигенціи». Сократъ смотрѣлъ на беллетристовъ, поэтовъ совсѣмъ иначе; онъ не считалъ ихъ компетентными даже для того, чтобы они могли совершенно самостоятельно сочинять свои собственныя произведенія и подчинялъ ихъ руководству и наблюденію философовъ, или, говоря теперешнимъ языкомъ, ученыхъ, занимающихся науками нравственно-политическими.

*) Это выраженіе—изъ романа Писемскаго «Взбал. мученное море».

И несомнѣнно, что взглядъ этотъ несравненно справедливѣй, гораздо больше соотвѣтствуетъ сущности способностей, съ помощію которыхъ пишутся беллетристическія произведенія. Мы уже говорили, что въ читателяхъ произведенія эти возбуждаютъ всего больше, почти исключительно дѣятельность воображенія. Отъ автора они требуютъ также главнымъ образомъ дѣятельности воображенія, гораздо меньше чувства, а всего меньше разсудка, а также очень мало познаній въ наукахъ.

Но именно съ помощію познаній въ наукахъ и съ помощію правильной дѣятельности разсудка рѣшаются всѣ вопросы, постоянно возникающіе въ жизни государственной и общественной, т. е. съ помощію такихъ средствъ, которыхъ мы всего меньше найдемъ у производителей романовъ и повѣстей, у которыхъ развита по преимуществу такая способность, которая не можетъ быть причислена къ высшимъ способностямъ человѣческаго духа, которая, можетъ быть, даже служитъ препятствіемъ къ правильному дѣйствію ихъ, —развиваясь несоразмѣрно подавляетъ ихъ, такъ что гдѣ преобладаетъ фантазія, тамъ разсудокъ, разумъ играетъ роль второстепенную, тамъ голосъ его не имѣетъ силы. Какая-же послѣ этого можетъ быть рѣчь о правѣ беллетриста быть руководителемъ общественной и государственной жизни, о его компетектности въ рѣшеніи вопросовъ изъ области нравственности, политики, политической экономіи и т. п.?

Какая можетъ быть рѣчь объ особомъ значеніи самой беллетристики, если замѣчательнѣйшій іерархъ, отличавшійся особенно глубокимъ умомъ и рѣдкимъ философскимъ образованіемъ, ея дѣйствіе на общество сравниваетъ съ дѣйствіемъ водки, съ результатами пьянства въ средѣ простаго народа? Совершенно согласно съ этимъ мнѣніемъ первый философъ древняго міра, тотъ который будучи язычникомъ могъ написать введеніе въ Евангеліе, находитъ, что, работая безъ указаній надежныхъ руководителей, поэты или все равно беллетристы принесутъ не пользу, а вредъ.

Мы приведемъ еще мнѣніе человѣка, котораго многостороннее образованіе и рѣдкій умъ также всѣми признается, не только людьми раздѣляющими его воззрѣнія, но и такими, которые слѣдовали противоположнымъ ученіямъ. Мы говоримъ объ А. С. Хомяковѣ. Онъ также находитъ, что беллетристика заняла у насъ не подобающее ей преобладающее положеніе, какъ въ литературѣ, такъ и въ школѣ, въ воспитаніи учащагося юношества. И къ сожалѣнію это преобладаніе беллетристики все ростетъ и въ той и въ другой области. Будто въ самомъ дѣлѣ мы не доросли до чего нибудь болѣе серьезнаго, болѣе дѣльнаго?

Наконецъ, обратимся къ авторитету, принадлежащему къ другому лагерю, къ лагерю соціалистовъ. Одно мнѣніе изъ этого лагеря мы видѣли, именно мнѣніе Л. Блана. Онъ къ романамъ относится безъ уваженія; романистъ для него только литературный маляръ (badigeonneur), который наскоро пачкаетъ бумагу и съ выгодой сбываетъ эту пачканую бумагу людямъ, которымъ нечего дѣлать, и которые поэтому, предаются чтенію романовъ. Но Л. Блана мы не имѣемъ причинъ считать авторитетомъ, котораго мнѣнія имѣютъ особый вѣсъ.

Другой соціалистъ несравненно болѣе авторитетный, который высказалъ свое мнѣніе о беллетристикѣ, равно какъ о театральныхъ пьесахъ, есть Прудонъ, соціалистъ весьма не похожій на своихъ собратій, отличавшійся именно необычайною силою мысли, силою логики, тѣмъ именно, чего недоставало другимъ соціалистамъ, и больше всего Л. Блану, писатель, котораго Сентъ-Бевъ называетъ умственнымъ Прометеемъ, котораго критикѣ коммунизма Шеффле не находитъ ничего равнаго во всей литературѣ политической экономіи, за исключеніемъ критики, написанной Аристотелемъ. Его авторитетъ въ области мысли дѣйствительно всѣми признается. Прудонъ о значеніи беллетристики высказался весьма опредѣленно и обратилъ вниманіе, какъ на значеніе ея въ разные періоды народной жизни, такъ и на ея характеръ въ наше время.

Слѣдуя ему, словесность имѣетъ законное право на особое

развитіе въ началѣ народной жизни, dans une société naissante. Но мало-по-малу образованіе народа поднимается, возникаетъ наука и тогда «преобладаніе, допускаемое для литературы, служитъ для общества несомнѣннымъ признакомъ упадка». —«Такимъ образомъ, если народъ «вмѣсто того, чтобы продолжать свое научное образованіе (son instruction) посредствомъ высшей философіи, облекается въ поэтическую мантію и начинаетъ играть періодами и стихами, можно смѣло утверждать, что такое общество погибло».—Эти слова какъ-будто нарочно писаны для нашего употребленія. И кто хорошо вникнетъ въ ихъ смыслъ, тотъ легко пойметъ, какую худую услугу дѣлаютъ намъ тѣ органы печати, которые все болѣе и болѣе стараются распространить въ средѣ «интеллигенціи» беллетристику.—Нашей интеллигенціи нужна наука, образованіе; ей пора сбросить эту поэтическую мантію, пора перестать питаться пищею, свойственною обществу рождающемуся, пора перейти къ пищѣ болѣе здоровой, болѣе свойственной возрасту зрѣлому.—Далѣе Прудонъ, какъ-будто предугадывая наши увлеченія, самомнѣніе нашихъ писателей, самочинно помазывающихъ себя елеемъ народнаго учительства, продолжаетъ: «и пусть не дѣлаютъ себѣ иллюзій: съ того времени, какъ умъ переходитъ къ изслѣдованію и къ труду, писатель (homme de lettres proprement dit) оказывается ничѣмъ другимъ, какъ жалкимъ олицетвореніемъ самой меньшей изъ нашихъ способностей, и словесность, этотъ отбросъ (rebut) умственной работы, находитъ сбытъ только у людей праздныхъ, которыхъ она забавляетъ» и т. д.

Посмотримъ теперь, какъ тотъ-же авторъ относится къ другому, особому роду беллетристики, къ театру. Французъ, по общепринятому мнѣнію, безъ театра жить не можетъ; но, оказывается, что это относится не ко всѣмъ французамъ. Есть и между ними такіе, которые театромъ дорожатъ не особенно: «театръ, продолжаетъ Прудонъ, только изрѣдка привлекаетъ къ себѣ людей занятыхъ дѣлами и ученыхъ»; и въ то время, какъ одни видятъ въ этомъ упадокъ искусства, «наблюдатель философъ, по словамъ Прудона, видитъ въ этомъ прогрессъ

возмужавшаго разума». Замѣчательное совпаденіе взглядовъ этого «умственнаго Прометея» со взглядами почившаго Московскаго іерарха, который силою ума и философскаго образованія также выдавался между своими современниками.

Приведенныя мнѣнія Прудона относятся почти къ началу его публицистической дѣятельности *); къ концу его литературной и вмѣстѣ съ тѣмъ жизненной карьеры, взглядъ его на произведенія словесности получилъ характеръ еще большей строгости, приближающейся къ христіанскимъ воззрѣніямъ на соблазнительныя увеселенія. «Прославленіе любви и удовольствій. говоритъ онъ, содержащееся въ романахъ, драмахъ, у легкихъ поэтовъ есть ничто иное, какъ возбужденіе къ разврату».—«Чтеніе любовнаго романа и посѣщеніе дома терпимости, которое за нимъ слѣдуетъ (qui s'ensuit), продолжаетъ авторъ, приноситъ болѣе вреда, чѣмъ тяжелый трудъ въ теченіи недѣли».—Относительно вліянія театра въ этомъ періодѣ своей жизни Прудонъ говоритъ такимъ образомъ: «всякій честный отецъ семейства. который посѣщаетъ театръ, болѣе или менѣе способствуетъ разврату, если водитъ съ собою жену или дочь». При этомъ, невольно приходитъ на умъ судьба Селины Броннъ (см. выше, стр. 469), у которой эротическія мечты начались тотчасъ послѣ того, какъ она въ театрѣ Гимназіи видѣла пьесу съ обыкновеннымъ эротическимъ содержаніемъ. Быть можетъ. эта пьеса была поворотнымъ пунктомъ въ жизни несчастной дѣвицы, послѣ котораго она прямымъ и неизбѣжнымъ путемъ пришла къ своей трагической кончинѣ. Вообще обо всѣхъ эротическихъ произведеніяхъ: романахъ, драмахъ, очеркахъ, стихотвореніяхъ и т. п. Прудонъ высказываетъ мнѣніе, что это ничто иное, какъ произведенія дебоши (des oeuvres de débauche) **).

Существуетъ особый взглядъ на беллетристику, отчасти вмѣстѣ съ другими искусствами, какъ на громоотводъ противъ

*) См. Système des contradictions économiques. Paris 1850, т. I, стр. 124 и 125.

**) La pornocratie. Paris, 1875 г., стр. 86, 111, 240 и 251.

политическихъ увлеченій, и даже революціонныхъ стремленій, какъ юношества, такъ и взрослыхъ поколѣній. Представителемъ этихъ взглядовъ у насъ называли покойнаго Каткова; у него было и еще нѣсколькихъ подобныхъ громоотводовъ, напр., спортъ въ разныхъ видахъ, high life съ ея очарованіями, какъ идеалъ и конечная цѣль всякаго простаго смертнаго. Есть очень много людей, которые крѣпко убѣждены въ томъ, что и система классическаго образованія, введенная у насъ подъ безспорнымъ вліяніемъ Каткова, рекомендована имъ также, по крайней мѣрѣ отчасти, какъ громоотводъ противъ политическихъ увлеченій.

Этотъ взглядъ на литературу, тщательно провѣренный a priori и a posteriori, оказывается крайне несостоятельнымъ и способенъ привести къ послѣдствіямъ прямо противоположнымъ. Именно наклонность къ мечтательности, выносимая отъ чтенія беллетристики и изъ посѣщенія театра, и вмѣстѣ съ тѣмъ, время, потерянное для пріобрѣтенія необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка и гражданина познаній, и должны привести къ политическимъ увлеченіямъ и мечтаніямъ, соединеннымъ съ забвеніемъ началъ нравственности, съ пренебреженіемъ къ существующей дѣйствительности и съ потерею необходимаго уваженія къ умственной работѣ, здравому смыслу отцовъ и дѣдовъ.

Этого взгляда съ строгою послѣдовательностью держалось императорское правительство Франціи, употреблявшее всѣ средства *) къ тому, чтобы отвлекать французовъ отъ вопросовъ политики внутренней. И несомнѣнно, что именно за это поплатилось не только оно одно, но и вся Франція. Поколѣніе,

*) Именно это были всѣ средства и большею частію они отличались характеромъ безнравственнымъ. Не говоря о беллетристикѣ и театрѣ, въ которыхъ получилъ особыя права міръ полусвѣта, нельзя не обратить вниманія на оперетки, которыхъ распространеніе относится къ тому-же времени. Потомъ слѣдуютъ публичные балы самого грязнаго характера.—Сюда-же, по всей вѣроятности, слѣдуетъ отнести горячку биржевой игры и спекуляціи, и наконецъ, политику приключеній во внѣшнихъ отношеніяхъ.

возросшее подъ этою системою, не даромъ оказалось столь несостоятельно во внѣшней войнѣ и столь безсмысленно - преступно во внутреннихъ смутахъ.

Можно думать, что та-же причина уже имѣла и еще имѣетъ свое дѣйствіе и въ Россіи. Въ настоящее время очень многіе изъ людей наиболѣе трезвыхъ въ сужденіяхъ сознаютъ и говорятъ, что русское общество въ очень важномъ періодѣ своей исторической жизни, именно въ періодѣ реформъ Александра II, оказалось крайне несостоятельнымъ, безъ запаса необходимыхъ познаній, безъ умѣнья правильно обсуждать вопросы, къ которымъ привело теченіе жизни. И причину этого нужно въ значительной долѣ видѣть въ предыдущихъ обстоятельствахъ, когда у насъ именно старались удерживать общество отъ всякихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики, когда редактора газеты сажали на гауптвахту за то, что въ ней была помѣщена замѣтка касательно неудовлетворительности извощичьихъ экипажей; такъ какъ судить объ этомъ предоставлялось только лицамъ, облеченнымъ властью. Въ одномъ учебномъ округѣ сохранились преданія, что въ тѣ времена (въ сороковыхъ годахъ), попечитель округа (онъ-же и генералъ губернаторъ края), студентамъ университета позволялъ пьянствовать, развратничать, безобразничать на улицахъ (варить жжонку), лишь-бы они не занимались вопросами политики. Въ Петербургѣ въ то время съ тою же цѣлію искусственнымъ образомъ устраивали и пускали въ ходъ итальянскую оперу и все тогдашнее общество если не обезумѣло (это произошло нѣсколько позже, уже какъ послѣдствіе), то по крайней мѣрѣ показывало видъ, что обезумѣло отъ произведеній Верди и Мейербера и отъ руладъ Маріо и Гризи. Это именно было то время, когда заучивались наизустъ «поэмы» Гоголя, когда русское общество по этимъ «поэмамъ» изучало и философію, и нравственность, и науки политическія. Какъ разъ послѣ этого наступило время реформъ Александра II. Тогдашнее всеобщее стремленіе къ реформамъ выразилось въ подробностяхъ, которыя могли-бы составить содержаніе самой веселой комедіи или цѣлой «поэмы», въ родѣ

«Мертвыхъ душъ», если бы къ нимъ скоро не присоединился элементъ трагическій. Заговорили всѣ въ одно время, кто во что гораздъ. Прогрессивностью всѣ хотѣли превзойти одинъ другого. Основанъ былъ новый литературный органъ именно съ цѣлью проведенія всякаго рода реформъ; и редакторы его, Катковъ и Леонтьевъ нисколько не отставали отъ другихъ «передовыхъ людей». Впослѣдствіи сами они находили, что всѣ почти реформы отличались торопливостью, слѣпымъ подражаніемъ Западной Европѣ безъ достаточнаго вниманія къ русскому народному духу и быту, и не были согласованы съ основными началами русскаго государственнаго права. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ реформы были произведены согласно ихъ первоначальнымъ указаніямъ и именно согласно съ ихъ идеаломъ, — парламентскою и самоуправляющеюся Англіею. Таковы были: введеніе мирового суда, введеніе земскихъ учрежденій, суда присяжныхъ, отмѣна покровительственнаго тарифа, введеніе городового положенія; причемъ согласно мысли Каткова и Леонтьева, вездѣ былъ положены въ основу англійскія начала государственной жизни: мѣстное самоуправленіе и имущественный цензъ, съ строгостью и послѣдовательностью, которыя не соблюдаются и въ самой Англіи.

Было бы чрезвычайно интересно и поучительно, если бы у насъ нашолся человѣкъ способный и хорошо подготовленный, который взялъ-бы на себя трудъ написать исторію нашего прогресса въ теченіи первыхъ 10 или 15 лѣтъ царствованія Александра II. Вышла бы дѣйствительно поучительная книга, интересъ которой былъ бы не менѣе, а вѣроятно болѣе интереса Исторіи Десяти Лѣтъ Л. Блана. Кромѣ общаго хода реформъ, прилагавшихся къ обширнѣйшему въ цѣломъ мірѣ государству, сколько тутъ крайне интересныхъ эпизодовъ! Достаточно вспомнить походъ Байбороды, т. е. Леонтьева, противъ Крылова, потомъ нападеніе на Григорьева, сдѣланное Кавелинымъ *), диспутъ Погодина и Костомарова со всѣми послѣдую-

*) Эти два эпизода показываютъ, что Катковъ и Леонтьевъ дѣйствительно старались не отстать отъ наиболѣе передовыхъ людей того

щими обстоятельствами, эпизодъ публичнаго чтенія дамою Египетскихъ ночей Пушкина, полемика Чернышевскаго съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Отеч. Записками», публичное чтеніе Чернышевскимъ воспоминаній о Добролюбовѣ и т. п., богатый и поучительный матеріалъ для исторіи нравовъ и для уясненія дальнѣйшаго хода событій!

Редакція «Русскаго Вѣстника» скоро поняла, что она слѣдуетъ политикѣ, которая не приведетъ къ полезнымъ результатамъ. Разумѣется, прежде всего редакторъ-классикъ, подобно Югуртѣ, замѣтилъ, se iisdem modis tractari, когда студенты и коллеги начали его выживать изъ университета. Потомъ Катковъ увидѣлъ, что наши quarterly sessions *) вышли какія-то особенныя, что нашъ мировой судъ и судъ присяжныхъ походятъ только по формѣ на свои первообразы въ Англіи, что съ либеральнымъ тарифомъ наши мануфактуры и нашъ курсъ все падаютъ, что вопросъ о женской эманципаціи пошолъ дальше, чѣмъ хотѣли порицатели Н. И. Крылова, что вслѣдъ за Григорьевымъ сравнены съ лакеями всѣ вообще русскіе ученые, и Погодинъ, и Юркевичъ, и Баршевъ, причемъ досталось даже Карамзину. Понялъ Катковъ, что дѣло худо и употребилъ съ

времени. Крыловъ и Григорьевъ принадлежали къ числу весьма немногихъ серьезныхъ и самостоятельныхъ ученыхъ; оба они относились скептически къ начинавшемуся увлеченію и въ прежнее время не очень сочувствовали идеямъ такъ называемыхъ людей сороковыхъ годовъ. Крыловъ, кромѣ того, былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ совсѣмъ несочувствующій женской эманципаціи. Въ нападеніи на Крылова Леонтьеву оказалъ содѣйствіе Герценъ, и наконецъ въ этомъ дѣлѣ приняли участіе студенты. Григорьевъ провинился тѣмъ, что отнесся безъ подобострастія къ Грановскому, одному изъ людей сороковыхъ годовъ. Кавелинъ безъ церемоніи обозвалъ его въ «Русскомъ Вѣстникѣ» лакеемъ. Эти два эпизода были прецедентами позднѣйшихъ событій, которыми не могли быть довольны редакторы «Русскаго Вѣстника».

*) Англійскія quarterly sessions представлялись въ «Русскомъ Вѣстникѣ» неоднократно, какъ какой-то идеалъ земскаго управленія и политической жизни общества независимо отъ государства. Въ то время «Русскій Вѣстникъ» только на Англію обращалъ свои взоры и свои симпатіи, на ея парламентаризмъ, на ея selfgovernement, на независимый судъ, на свободу торговли и пр.

воей стороны нѣкоторыя усилія, чтобы поправить его. Но звѣстно, что камень легко бросить въ воду, а достать его зъ воды очень трудно. Начавшееся движеніе продолжалось. ыли сдѣланы попытки перейти отъ словъ къ дѣлу; дѣятелей рактическихъ нашлось много; и они уже не слушали никаихъ аргументовъ ни со стороны «Русскаго Вѣстника» и поомъ «Московскихъ Вѣдомостей»,—ни даже со стороны редакора «Колокола» и «Полярной Звѣзды». Вотъ тогда-то многіе братились къ системѣ выбиванія клина клиномъ, отученія общетва, а въ особенности молодежи отъ политики посредствомъ итературы, театра, спорта и т. п. Въ сущности, это есть овтореніе политики уже испытанной, той, которой у насъ деркались въ сороковыхъ годахъ *). Не привела она тогда къ олезнымъ результатамъ; очевиднымъ образомъ не приводитъ теперь. Напротивъ, можно опасаться, что результаты будутъ іаметрально противоположные. Водяного потока остановить ельзя; если ему преградить путь плотиною, то это можетъ мѣть результатомъ только одно — затопленіе страны. Водный отокъ можно только правильно направлять, регулировать.

Если вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ произо-

*) Именно все это у насъ тогда было: литературные интересы занимали первое мѣсто. Театръ процвѣталъ, какъ никогда. Кромѣ иностранныхъ знаменитостей, Маріо, Гризи, Тамбурини, Лаблаша, Ф. Эльлеръ, Тальони, появилась цѣлая плеяда своихъ «великихъ» людей: Каратыгинъ, Мартыновъ, удостоенный почестей торжественнаго погребенія, Щепкинъ, Мочаловъ, который находилъ, что его заслуги передъ отечествомъ не менѣе, чѣмъ заслуги Минина и Пожарскаго, наконецъ Муравьева, Петипа и др. Что касается до спорта, ужъ такому спорту въ Россіи не бывать, какой былъ прежде. Псовыхъ охотъ теперь и этой части нѣтъ. Тогда возникла цѣлая охотничья литература (Аксаковъ, Тургеневъ, Ваксель, Толстой и друг.). О прежнихъ скаковыхъ обществахъ теперь не сохранилось даже воспоминаній. Только одинъ видъ спорта не упалъ, а повидимому продолжаетъ развиваться. Это карточная игра; въ этомъ спортѣ мы давно уже обогнали всѣ государства цивилизованнаго міра. Ему въ значительной степени предано учащееся юношество, какъ сообщаютъ Письма о современной молодежи. Только къ добру-ли всѣ эти виды спорта? Вѣдь слово *спортъ* значитъ *забава*. Не довольно-ли забавы? Не пора-ли приниматься за дѣло?

шло то, что не только студенты, но и гимназисты заняты вопросами, относящимися къ политикѣ, къ философіи, морали, то пусть они будутъ удовлетворены лицами компетентными. Если этого не будетъ, то они найдутъ себѣ удовлетвореніе изъ другихъ источниковъ, как уже было и раньше. Въ школахъ было уничтожено преподаваніе философіи; такъ ее стали преподавать Чернышевскій, Антоновичъ, Сѣченовъ. Русскую исторію школа свела на неосмысленный перечень событій, такъ смыслъ имъ далъ Костомаровъ, тотъ смыслъ, который нравился гг. Духинскому и Спасовичу. Географія не сообщаетъ почти никакихъ свѣдѣній учащемуся о народѣ, его бытѣ и свойствахъ. Этотъ недостатокъ восполнили Рѣшетниковъ и Флеровскій. Писаніями Рѣшетникова очень довольны заграничныя революціонныя изданія, равно какъ и ихъ вліяніемъ на юношество. Сочиненіями Флеровскаго они должны быть довольны еще болѣе.

Вопросъ объ отношеніи юношества къ политическимъ дѣламъ государства появился не у насъ первыхъ. Онъ непремѣнно долженъ былъ существовать вездѣ; и нигдѣ его не рѣшали такъ, какъ рѣшенъ вопросъ объ отношеніи институтокъ къ общественной жизни, т. е. что до появленія своего въ обществѣ онѣ не должны имѣть о немъ никакого понятія. Мы уже видѣли, что спартанскіе юноши принимали нѣкоторое участіе въ общественной жизни родины; и современныя обстоятельства не были отъ нихъ скрываемы. Вообще греки юношей не удаляли изъ общества старшихъ; греческіе юноши присутствовали и на олимпійскихъ играхъ и въ Аѳинахъ на Холмѣ. Отъ нихъ только требовалось соблюденіе мудраго правила: когда старшіе говорятъ, юноши должны молчать, и что старшимъ слѣдуетъ обсуждать и рѣшать дѣло, а младшимъ исполнять его. Но уже въ раннемъ возрастѣ они знакомы были съ положеніемъ дѣлъ въ отечествѣ. Алкивіадъ еще мальчикомъ бесѣдовалъ съ Перикломъ о дѣлахъ республики, Александръ въ 16 лѣтъ былъ уже регентомъ государства въ отсутствіе отца. Римляне также юношей не держали въ положеніи институтокъ;

въ раннемъ возрастѣ брали ихъ на войну, и патриціанскіе юноши могли даже быть въ сенатѣ и, слушая разсужденія отцовъ, приготовляться къ управленію въ свое время государствомъ. И это имѣло добрые практическія послѣдствія; юноши пріобрѣтали нѣкоторую выдержку, изъ которой потомъ вырабатывалось ихъ мужеская доблесть, virtus. Извѣстенъ анекдотъ, что одинъ изъ этихъ юношей, бывшихъ на засѣданіи сената, даже матери не сообщилъ о томъ, что онъ тамъ слышалъ, не смотря на то, что она усиленно добивалась этого. Въ новѣйшія времена подобная практика допускается въ Англіи, гдѣ юношей, членовъ аристократическихъ фамилій, также допускаютъ присутствовать въ засѣданіяхъ палаты лордовъ; это составляетъ необходимое и весьма полезное дополненіе воспитанія.

Намъ кажется, что современному русскому юношѣ и совсѣмъ нельзя преградить путь къ ознакомленію съ вопросами политическими и съ политическими обстоятельствами страны. Исторія всеобщая и русская преподается въ учебныхъ заведеніяхъ; и въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ заканчивается общее образованіе, она должна быть болѣе или менѣе обстоятельною, чтобы общее образованіе не было пустымъ словомъ. Въ такомъ случаѣ и въ древней и въ новой и въ русской исторіи нельзя не касаться болѣе или менѣе подробно вопросовъ и внѣшней и внутренней политики, борьбы партій, изданія и отмѣны законовъ и т. п. Въ новѣйшей исторіи нельзя не касаться интересовъ, которые не потеряли силы и въ настоящее время, и вопросовъ, которые не рѣшены до послѣдняго времени. Изо всего этого и составляется область политики какъ внутренней, такъ и внѣшней. И странно ставить въ вину юношѣ то, что онъ не относится халатнымъ образомъ къ вопросу жизни, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ науки. Вотъ именно здѣсь-то наука и должна просвѣтить человѣка, здѣсь она и должна быть его руководительницею.

И это совершенно необходимо съ точки зрѣнія воспитательной. Нельзя развить въ человѣкѣ крѣпкаго и просвѣщеннаго патріотическаго чувства, если онъ не будетъ знать своей исто-

ріи, и притомъ знать хорошо, чтобы сознательно оцѣнить то что въ дѣлахъ предковъ было достойно признательной памяти потомковъ и при случаѣ быть въ состояніи сдѣлать должный отпоръ неумнымъ, неученымъ и нечестымъ покушеніямъ на народную честь, въ родѣ характеристикъ Костомарова. Вот тутъ-то и должно играть роль основательное, осмысленное преподаваніе родной исторіи и того, что называется опошленным уже словомъ «отчизновѣдѣніе», т. е. такою-же основательною и осмысленною географіею Россіи. Но...

Но тутъ мы встрѣчаемся съ плодами нашей цивилизаціи съ результатами времени, потеряннаго на чтеніе романовъ и на разнаго рода спортъ, между прочимъ, на спортъ за зеленымъ столомъ, который такъ процвѣтаетъ среди «интеллигенціи» во всѣхъ безъ исключенія углахъ нашего обширнаго отечества. Порядочной русской исторіи, годной для употребленія, какъ юношества, такъ и взрослыхъ людей, которые желали бы отъ картъ и отъ чтенія романовъ обратиться къ усвоенію полезныхъ знаній, къ ознакомленію съ прошлыми судьбами отечества, нѣтъ. Разумѣется, исторія Соловьева этой потребности не удовлетворитъ. А кромѣ нея — или учебники, съ каждымъ годомъ дѣлающіеся все пустѣе и мельче, или неосмысленныя компиляціи. Географіи же Россіи мы не имѣемъ совсѣмъ ни одной, кромѣ учебниковъ, крайне неудовлетворительныхъ и не болѣе осмысленныхъ. Мало того, наша родина не имѣетъ еще хоть какого нибудь описанія, вообще не только въ отдѣльной книгѣ или изданіи *), но хотя-бы въ разбросанныхъ статьяхъ. Если мы сравнимъ съ этимъ то, что есть у народовъ Западной Европы, то намъ опять приходится краснѣть отъ стыда.

Вотъ когда съ особенною горечью чувствуется удаленіе отъ дѣла тѣхъ людей, которые, имѣя всѣ средства для того, чтобы дѣлать полезное дѣло, по примѣру предковъ «по запечью сидѣли, такъ что и сыскать ихъ было нельзя». И въ какое

*) Есть одна книгопродавческая спекуляція съ иллюстраціями, написанная неосмысленно и притомъ крайне дорогая: нѣсколько томовъ по 15 р. за каждый.

время! Въ то время, когда десятки литературныхъ промышленниковъ въ періодическихъ и непеpіодическихъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ и переводныхъ, съ усердіемъ и постоянствомъ стремились къ извращенію всѣхъ человѣческихъ понятій въ обществѣ и особенно въ юношествѣ, когда десятки газетъ и журналовъ ежедневно высыпали на головы читателей тысячи плоскостей, пошлостей, гнусностей.

Разумѣется это высыпаніе не прекратилось и до сихъ поръ, а все развивается, ростетъ, crescit eundo.

И такъ русское общество, въ особенности русское юношество, поставлены въ обстоятельства гораздо болѣе неблагопріятныя, чѣмъ какое нибудь-другое общество среди образованныхъ народовъ Европы, относительно вреднаго вліянія литературы.— Тамъ имѣютъ силу литературные промышленники, но ихъ пренебреженіе ко всѣмъ законамъ чести и нравственности не такъ открыто, какъ у насъ. Тамъ въ числѣ руководителей литературы попадаются лица, которыя едва умѣютъ держать въ рукахъ перо; а у насъ ихъ большинство: нынѣшнее поколѣніе почти не знаетъ, каковы бываютъ грамотныя книги и газеты. Тамъ серьезныя книги стоятъ на заднихъ полкахъ въ магазинахъ; а у насъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. У насъ для массы читающей публики нѣтъ другихъ средствъ для ознакомленія съ прошлыми судьбами и настоящимъ состояніемъ отечества, кромѣ сочиненій Костомарова, Рѣшетникова и Флеровскаго, писанныхъ съ особою тенденціею!— Во Франціи катастрофа 1870 и 1871 года вызвала цѣлую литературу, которая исходила изъ нравственной системы общества, громко говорившей, «что не слѣдуетъ давать безпрепятственный путь пропагандѣ атеизма, матеріализма, безнравственности и революціонныхъ насилій, но что слишкомъ легкому распространенію доктринъ, которыя подымаютъ всѣ худыя страсти,— нужно противопоставить ревностную пропаганду религіи, мудрости, нравственности и христіанскаго братства» *).—«А у

*) H. Martin. Le Mal social et ses remèdes prétendus. Paris 1872, стр. 23. А. Мартенъ здѣсь же и перечисляетъ цѣлый рядъ сочиненій, взяв.

насъ пропаганда, правда, тоже есть, но она до такой степени односторонняя, что слово это получило въ русскомъ языкѣ, вопреки употребленію всей Европы, одностороннее значеніе, какъ распространеніе анти-религіозныхъ и революціонныхъ ученій *). А той пропаганды, которая вызвана во Франціи несчастіями отечества, у насъ еще нѣтъ; не такова наша нравственная система. Гр. Л. Толстой вѣдь не изобрѣтатель той новой вѣры, которую онъ «пропагандируетъ», а взялъ ее совсѣмъ готовою въ той средѣ, въ которой выросъ. У насъ не онъ одинъ, а всѣ думаютъ, что злу противодѣйствовать не слѣдуетъ, что это удобнѣе, спокойнѣе и во многихъ отношеніяхъ гораздо выгоднѣе, прибыльнѣе; и всѣ слѣдуютъ этому правилу. Это и служитъ одной изъ самыхъ важныхъ причинъ того, что литературные промышленники у насъ имѣютъ такой большой успѣхъ.

Преосвященный Амвросій предлагаетъ двѣ практическія мѣры для того, чтобы литература могла стать въ положеніе, при которомъ она приносила бы ту пользу, которой отъ нея вправѣ ожидать общество. Первое, нужно установить, чтобы издателями т. е. редакторами газетъ и журналовъ могли быть только люди, имѣющіе ученую степень или такіе, которые доказали бы свою способность быть полезными издателями посредствомъ «предварительно изданныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ». Это правило можетъ оказаться полезнымъ только будучи проведено съ строгою послѣдовательностью и разумностью. Обходить законъ умѣютъ не одни евреи, а и издатели газетъ и журналовъ. У насъ уже установилась практика подставнаго редакторства. Подставные редакторы, не имѣя никакого вліянія на характеръ періодическаго изданія служатъ

шихъ на себя дѣло пропаганды религіи и нравственности послѣ событій 1871 года.

*) Отъ него даже образовано нѣсколько производныхъ словъ—пропагандистъ, пропагандировать и даже распропагандировать, которыя также имѣютъ одностороннее значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ обличаютъ филологическое невѣжество людей, которымъ они одолжены бытіемъ и которые употребляютъ ихъ.

только щитами, за которыми укрываются дѣйствительные редакторы; а подставные имѣютъ только одну, имъ несомнѣнно принадлежащую обязанность — сидѣть въ тюрьмѣ, когда въ этомъ окажется надобность, вслѣдствіе жалобъ на клевету или диффамацію. Не смотря на свою интеллигентность, «интеллигенція» въ этой практикѣ сошлась съ «не-интеллигенціею», въ средѣ которой было нѣсколько примѣровъ, что люди, присужденные къ тюремному заключенію, нанимали другихъ вмѣсто себя отбывать его. Съ другой стороны предварительные ученые и литературные труды также не гарантируютъ ни способностей, ни здравомыслія редактора. У насъ бывали примѣры, что серьезными учеными трудами признавались со стороны компетентной власти такіе, которымъ, какъ потомъ оказывалось, недоставало даже элементарныхъ свѣдѣній въ наукѣ, какъ общей, такъ и спеціальной. Кромѣ того, былъ не одинъ примѣръ того, что люди, начавшіе свою карьеру учеными трудами крайняго патріотическаго и національнаго направленія, оканчивали ее изданіемъ газетъ и журналовъ—полонофильскаго, юдофильскаго, вообще антинаціональнаго и даже антирелигіознаго направленія и тѣмъ пріобрѣтали возможность имѣть «кареты и лакеевъ». Вообще измѣна знамени въ нашей литературѣ весьма нерѣдка; и это, разумѣестя, совсѣмъ не говоритъ въ пользу здравыхъ и крѣпкихъ нравственныхъ принциповъ «интеллигенціи».

Но, повторяемъ, мысль преосв. Амвросія, проведенная разумно и послѣдовательно, съ принятіемъ мѣръ противъ обхода закона, противъ послѣдующей измѣны знамени съ цѣлью наживы, можетъ привести къ весьма полезнымъ результатамъ. Въ сущности, это одна мысль съ мыслью Сократа, который желалъ такой организаціи литературнаго труда, чтобы поэты работали подъ наблюденіемъ и руководствомъ философовъ. Философы въ наше время называются людьми глубокаго и многосторонняго образованія; а къ поэтамъ нужно относить не однихъ стихотворцевъ, а всю вообще массу пишущей братіи, въ особенности людей, пишущихъ въ газетахъ

и журналахъ, которыхъ вліяніе въ особенности сильно на незрѣлые умы, вслѣдствіе всѣмъ извѣстной истины, что gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo. Если всѣ дѣйствительные редакторы газетъ и журналовъ будутъ людьми глубокаго и серьезнаго образованія, будутъ съ религіознымъ уваженіемъ относиться къ нравственному принципу, то, разумѣется, дѣятельность ихъ будетъ имѣть цѣлью не «чеканку монеты», а общее благо. И работающіе подъ ихъ руководствомъ сотрудники, конечно, не выскажутъ ничего противнаго религіи, нравственности, общему благу, пользамъ государства. Въ такомъ случаѣ будутъ невозможны явленія, подобныя тѣмъ, которыя теперь мы видимъ сплошь да рядомъ, именно, что на знамени періодическаго изданія написано: религія, нравственность, общее благо; и во время торжества 900-лѣтія крещенія Руси помѣщаются длинныя краснорѣчивыя статьи, касательно значенія его, причемъ высказывается благодарность судьбѣ, которая дала намъ христіанство изъ Греціи, а не изъ Рима. А въ томъ же самомъ нумерѣ изданія и во всѣхъ слѣдующихъ помѣщаются извѣстія изъ разныхъ притоновъ разврата, называемыхъ Аркадіями, Ливадіями, Ренессансами и т. п., дѣлаются подробныя описанія тамошнихъ представленій и свойствъ тамошнихъ «дивъ», изъ чего образуется открытая, совершенно языческая провокація къ разврату, или, наконецъ, помѣщаются беллетристическія произведенія открыто порнографическаго характера.

Другая практическая мѣра, предложенная преосвященнымъ Амвросіемъ, та, что общество, читающая публика «должна отнять кормленіе у промышленниковъ печати и враговъ отечества, отказывая въ подпискѣ изданіямъ вреднымъ и безнравственнымъ», руководясь въ этомъ случаѣ «собственнымъ здравымъ и христіанскимъ смысломъ, которымъ не обиженъ ни одинъ русскій человѣкъ, и указаніями людей, заслуживающихъ довѣрія по своимъ свѣдѣніямъ и убѣжденіямъ». Къ сожалѣнію, здравый смыслъ въ средѣ читающей публики, т. е. въ средѣ «интеллигенціи», совсѣмъ не тотъ, который во-

обще разумѣется подъ этимъ выраженіемъ; а христіанскаго смысла отъ нея и спрашивать нечего. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ достопочтеннаго автора очевидно не стоятъ на уровнѣ современнаго положенія дѣлъ. Христіанство въ средѣ «интеллигенціи» уже «похерено»; говорятъ, что и дни его уже сочтены, что оно въ непродолжительномъ времени должно уступитъ мѣсто позитивизму или матеріализму. И потому довѣрія «интеллигенціи» удостоиваются именно тѣ люди, которыхъ убѣжденія противоположны ученію христіанскому, какъ догматическому, такъ и нравственному, и врагами отечества считаются не тѣ писатели, которые по камертону радѣтелей польской справы чернятъ его настоящее и прошлое, а тѣ, которые въ простомъ русскомъ человѣкѣ видятъ не переходъ отъ обезьяны къ человѣку, а дѣйствительнаго человѣка—homo sapiens, которые въ представителѣ церкви видятъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ сибирскій шаманъ, а въ Авраамiѣ Палицынѣ, въ Пожарскомъ и Мининѣ видятъ не «Колупаевыхъ и Разуваевыхъ», а присно-памятныхъ печальниковъ о Русской землѣ, подвигомъ добрымъ подвизавшихся для освобожденія ея отъ ига вражескаго,—подвижниковъ, которые должны стоять въ исторіи не только рядомъ со всѣми другими подобными лицами: Ѳемистокломъ, Эпаминондомъ, Камилломъ, Альфредомъ В., Жанною Д'Аркъ, Г. Вазою, Вашингтономъ и др., но можетъ быть выше всѣхъ ихъ, вслѣдствіе своего самоотверженія и безкорыстія.

Надѣяться, что читающая публика собственнымъ рѣшеніемъ можетъ отказать промышленникамъ печати и врагамъ отечества въ кормленіи, это тоже, что разсчитывать на твердую рѣшимость овецъ отказать въ кормленіи волкамъ. Гдѣ-же у овецъ необходимые для этого умъ, крѣпкіе мускулы и острые зубы? И гдѣ у «интеллигенціи» необходимое для этого религіозное чувство, основательное образованіе и нравственные принципы? Самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ книги сказалъ, что «легкое чтеніе отучило наше общество отъ труда чтенія книгъ христіанскихъ и вообще серьезныхъ». — Это отученіе было вмѣстѣ съ тѣмъ отученіемъ отъ серьезной мысли и отъ хри-

стіанской нравственности, извращеніемъ всего міровоззрѣнія человѣка, и нарушеніемъ равновѣсія въ психической его дѣятельности, которое безъ посторонняго содѣйствія или безъ вліянія особыхъ постороннихъ обстоятельствъ не можетъ быть возстановлено.

Намъ кажется, что въ исправленіи состоянія печати, какъ и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, не нужно отрѣшаться отъ дѣйствительности, не нужно игнорировать ее, а нужно брать ее за исходный пунктъ изысканій и проектовъ. Кромѣ того, подобно Л. Блану, придумывая средство для предохраненія стада отъ волковъ, слѣдуетъ болѣе разсчитывать на пастуховъ, чѣмъ на собственное рѣшеніе овецъ, и никогда не нужно забывать правила, что гдѣ нужно власть употребить, тамъ нечего тратить слова по-пустому. Никакая порнографія въ какомъ-бы то ни было видѣ и степени, никакая провокація къ разврату не должна быть терпима въ христіанскомъ государствѣ. Англія и Германія, даже нѣкоторые штаты Сѣверной Америки, по недавнимъ газетнымъ извѣстіямъ, запретили у себя обращеніе произведеній Золя. Православная Россія въ этомъ случаѣ, равно какъ, впрочемъ, и въ другихъ, могла-бы не дожидаться примѣра иновѣрныхъ государствъ, могла-бы относиться къ открытой пропагандѣ порока съ бо́льшею строгостью, сообразно съ постановленіями Вселенскихъ соборовъ, которыя для реформированныхъ церквей не имѣютъ авторитета, а для православной церкви и православнаго государства имѣютъ. Уничтоженіе провокаціи къ разврату въ литературѣ имѣло-бы очень важныя послѣдствія въ самой жизни: оно сократило-бы практику и этихъ самыхъ притоновъ разврата, Аркадій, Ренессансовъ и пр. И сколько семействъ послѣ этого остались-бы нетронутыми, неразрушенными, сколько состояній было бы не разстроено! Теперь этотъ развратъ проникъ уже въ слои общества, еще недавно столь скромныя и нравственныя, въ среду небогатыхъ торговцевъ, промышленниковъ, конторщиковъ, даже артельщиковъ. Еще недавно они въ субботу вечеромъ старались непремѣнно быть у всенощной

теперь очень многіе изъ нихъ о всенощной не думаютъ, а спѣшатъ въ Аркадію. Такъ религія и народная нравственность падаютъ.

Вотъ гдѣ было-бы полезно вспомнить разсужденіе Митроп. Филарета о нравственныхъ причинахъ необыкновенныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г.—Всякое государство, говорилъ покойный святитель, настолько пользуется благосостояніемъ, на столько крѣпко стоитъ на своемъ основаніи, насколько въ этомъ основаніи положено нравственныхъ началъ, заповѣданныхъ человѣку Богомъ, и насколько оно слѣдуетъ этимъ началамъ.—Намъ кажется, что именно въ наше умственно и политически смутное время полезно помнить эти мысли и сообразоваться съ ними. Въ послѣдніе годы въ этомъ отношеніи сдѣланы весьма значительныя улучшенія, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ; нѣкоторые виды провокаціи къ разврату исчезли. Желательно, чтобы эта-же политика продолжалась, чтобы провокація, существующая въ литературѣ, также исчезла, какъ и та, которая существовала на улицѣ.

Каждое правительство считаетъ себя вправѣ преслѣдовать и предупреждать всякую фальсификацію питательныхъ продуктовъ, и никто не можетъ отрицать у него права преслѣдовать и предупреждать фальсификацію продуктовъ умственныхъ. Это даже, собственно говоря, не право его, но обязанность. И фальсификація продуктовъ умственныхъ такъ-же, какъ и фальсификація питательныхъ веществъ, можетъ предлагать потребителямъ, вмѣсто здороваго вещества, или ядъ, отравляющій организмъ и причиняющій смерть, или только недостаточно питательное вещество, отягчающее желудокъ, какъ мука смѣшанная съ пескомъ, вино смѣшанное съ краскою или мясо, лежавшее въ грязномъ мѣстѣ, т. е. также смѣшанное съ грязью. И забота правительства о народномъ здравіи не можетъ ограничиться только предупрежденіемъ и преслѣдованіемъ такой фальсификаціи продуктовъ, которая вмѣсто питательнаго или лекарственнаго вещества даетъ потребителю ядъ; преслѣдованію подлежитъ и такая фальсификація, которая отравляетъ

жителей медленнымъ образомъ, предлая имъ испорченные припасы. Владѣльцы мясныхъ и колбасныхъ лавокъ, неопрятно содержимыхъ, точно также подлежатъ штрафамъ, какъ и владѣльцы аптекъ, изъ которыхъ по невниманію отпускаютъ вмѣсто лекарства ядъ. Въ литературѣ есть тоже свои продукты, подобные не быстро дѣйствующему, а медленному яду, продукты вредные въ слѣдствіе подмѣси неудобоваримыхъ и непитательныхъ веществъ; это такія произведенія, которыя хотя не содержатъ въ себѣ пропаганды порока и ничего вообще безнравственнаго, но питаютъ невѣжество., сами отличаются невѣжествомъ и обнаруживаютъ невѣжество своихъ авторовъ. Такія произведенія и такія періодическія изданія также не имѣютъ права на существованіе. Не для того существуетъ литература, чтобы распространять невѣжество. И не для того въ исторіи прогресса ума человѣческаго и его завоеваній заняло мѣсто прекрасное изобрѣтеніе Гуттенберга. Уже давно лучшіе умы жалуются, что книгопечатаніе начинаетъ приносить такъ много вреда, что онъ иногда перевѣшиваетъ приносимую имъ пользу.

Какія же средства имѣетъ правительство, чтобы воспрепятствовать этому второму роду фальсификаціи умственныхъ продуктовъ, распространенію и питанію невѣжества? Назначитъ-ли оно новыхъ чиновниковъ, которые будутъ слѣдить, чтобы въ печать не проникло чего-нибудь противонаучнаго?—Это было-бы очень удобно для литературныхъ промышленниковъ; они наживали-бы деньги на сочиненіяхъ, которыя для нихъ окончательно отдѣлывало-бы правительство. Конечно, еще лучше было-бы для нихъ, если-бы правительство нанимало способныхъ и ученыхъ людей, которые отъ начала до конца писали-бы для нихъ книги, а они только издавали-бы ихъ и такимъ образомъ чеканили бы монету. Но не будетъ это лучше для правительства, для его бюджета, и для платильщиковъ податей. Итакъ нужно употребить какія-нибудь другія средства. Они указываются общею практикою правительственной политики относительно всякаго рода производства. Какъ въ дру-

гихъ отрасляхъ производства, правительство не беретъ на себя обязанности предварительно изслѣдовать качества сыраго матеріала, опредѣлять способы производства, такъ и въ умственномъ производствѣ оно можетъ ограничиться только наблюденіемъ за качествомъ произведеній оконченныхъ, затѣмъ, чтобы въ нихъ не было подмѣшано вредныхъ или непитательныхъ веществъ, т. е. чтобы въ книгѣ или въ періодическомъ изданіи не было ничего явно и безспорно невѣжественнаго. А коль скоро произведенія печати будутъ отмѣчены менѣе характеромъ науки, чѣмъ характеромъ невѣжества, то они, подобно вреднымъ вещественнымъ произведеніямъ, изъемлются изъ обращенія, причемъ при рецидивѣ промышленное заведеніе закрывается.

Есть одно особенно характерное и рѣзкое проявленіе невѣжества;—это безграмотность, которая обнаруживается прежде всего въ знакахъ препинанія, въ окончаніяхъ падежей, родовъ, въ греческихъ словахъ—съ Ѳ и потомъ въ употребленіи словъ неправильно образованныхъ, какъ выглядѣть, выстоять, пропагандировать, диктантъ *), или употребляемыхъ не въ ихъ настоящемъ значеніи, какъ мораль, критика, матеріализмъ, сторонникъ, наконецъ, въ неправильномъ, противномъ духу языка сочетаніи словъ и даже въ составленіи фразъ лишенныхъ всякаго смысла. Все это у насъ сплошь да рядомъ попадается въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ. Несомнѣнно, что авторы этихъ книгъ и редакторы этихъ періодическихъ изданій взялись не за свое дѣло, и не то, чтобы «пироги взялся печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ», т. е. чтобы ремесленникъ взялся за чужое ремесло; нѣтъ, тутъ претензія идетъ гораздо дальше; тутъ ремесленникъ берется за дѣло инженера, пирожникъ, умѣющій дѣлать кулебяки, берется строить соборъ,

*) Мы можемъ сообщить, что встрѣчая подобныя слова, образованныя по нормамъ латинскаго языка, безъ достаточнаго знанія ихъ, по видимому только наугадъ и совершенно не впопадъ, иностранцы ставятъ ихъ намъ въ упрекъ, какъ доказательство недостатка образованія въ странѣ. Дѣйствительно слышать употребленіе такихъ словъ какъ «диктантъ», въ особенности въ средѣ людей, вскормленныхъ молокомъ классицизма, весьма странно.

а сапожникъ, умѣющій только подбивать сапоги гвоздями, берется строить желѣзный мостъ черезъ Волгу. Вотъ противъ такихъ-то редакторовъ была-бы чрезвычайно полезна научная и граматическая цензура не предварительная, а послѣдующая, которая отмѣчала-бы невѣжество и закрывала лавочки, откуда оно выходитъ на свѣтъ Божій.

Нѣкоторые изъ редакторовъ прикрываютъ свою безграмотность тѣмъ, что они будто-бы слѣдуютъ особой, своей собственной и своеобразной орѳографіи. Это явленіе также исключительно свойственное Россіи. Вездѣ въ Европѣ, въ каждомъ государствѣ существуетъ только одна орѳографія, которой всѣ слѣдуютъ, которую всѣ грамотные люди знаютъ. Не знать ея и не слѣдовать ей, это тамъ всѣмъ показалось-бы не просто невѣжествомъ, а дикостью, сумазбродствомъ. У насъ всякій реформируетъ орѳографію сообразно съ своимъ пониманіемъ, т. е. большею частію сообразно съ своимъ невѣжествомъ. Многіе сочли себя вправѣ сдѣлать довольно радикальную реформу, уничтожая ѣ на томъ основаніи, что онъ не представляетъ собою никакого звука. Много было издано книгъ безъ ѣ, и замѣчательно, что значительная часть ихъ принадлежитъ медикамъ, профессорамъ военно медицинской академіи: именно за пироги взялся сапожникъ. Делегаты рабочихъ, собравшіеся въ 1867 г. на конгрессъ въ Лозаннѣ, созванный Международнымъ обществомъ, показали болѣе здраваго смысла и уваженія къ наукѣ, когда имъ тоже было предложено высказаться касательно проекта относительно реформы французской орѳографіи. Они объявили, что не считаютъ себя компетентными въ этомъ дѣлѣ *).

*) Замѣчательно, что проектъ этотъ исходилъ изъ того-же стремленія, исключить изъ письма буквы, неимѣющія соотвѣтствующихъ звуковъ. Вотъ образчикъ проектированной орѳографіи. «Tou ce qi anbarase l'evolution de la pansée (?), tou ce qi ralanti l'endividu dan sez aspiration légitime, ton ce qi ét un obstacle qonstaté à l'assansion de la dignite (?) umène, douat ètre énpitouaiablement brizé etc.». Между нашими революціонными дѣятелями нашлись также нѣкоторые реформаторы орѳографіи; нѣкоторыя изъ революціонныхъ изданій напечатаны безъ ѣ.

Своеобразная орѳографія, равно какъ своеобразная наука не должны избавить гг. редакторовъ отъ научно-граматической цензуры. Во всякой образованной странѣ есть свое законадательство касательно науки и языка. Это законодательство принадлежитъ компетентному ученому учрежденію, у насъ Академіи Наукъ. И у насъ есть словарь русскаго языка, изданный Академіею (хотя давненько), и грамматика, достаточно подробная и основательная. То и другое содержитъ въ себѣ нормы, которыя должны быть обязательны для каждаго изданія, разрѣшеннаго правительствомъ.

Научно-граматическая цензура можетъ затруднить существующій персоналъ цензурнаго вѣдомства, какъ новостью задачи, такъ и расширеніемъ дѣла. Но эта трудность можетъ чувствоваться только въ началѣ дѣла, при существованіи большого числа невѣжественныхъ изданій, и кромѣ того цензурному персоналу можетъ быть дано серьезное подкрѣпленіе изъ казенныхъ учебныхъ заведеній.

Во всякомъ городѣ, гдѣ въ значительной мѣрѣ развита журналистика, вообще книжное дѣло, есть университетъ и нѣсколько гимназій; въ нихъ можно найти больше, чѣмъ нужно людей, имѣющихъ время и научную компетентность для научной цензуры всякаго произведенія печати. И дѣло это по своей цѣли весьма близко подходитъ къ задачѣ учебныхъ заведеній. Всякое учебное заведеніе распространяетъ науку, расширяетъ поле, принадлежащее образованію, на счетъ поля, находящагося въ дикомъ состояніи, принадлежащаго невѣжеству. Въ сущности эти два дѣла: проводить въ юные умы научныя истины и препятствовать проникать въ общество истинамъ противонаучнымъ, составляютъ только двѣ стороны одного и того-же дѣла!—Такимъ путемъ въ теченіи очень непродолжительнаго времени самыя невѣжественныя изданія, будучи изобличины компетентными лицами, сойдутъ съ литературной арены; и, разумѣется, будутъ замѣнены другими, которыми будутъ руководить люди болѣе образованные. И это произойдетъ безъ всякихъ жалобъ на стѣсненія печати; жаловаться на стѣсненіе невѣже-

ства не такъ-то удобно: и этимъ популярность будетъ трудно пріобрѣсти даже въ средѣ «интеллигенціи». — Такой порядокъ безспорно будетъ весьма благопріятенъ разъясненію общаго положенія дѣла, разъясненію умственной смуты, отстою мутной воды, вслѣдствіе чего она сдѣлается свѣтлою, такъ что рыбу ловить въ ней будетъ несовсѣмъ удобно. Рыба, ловимая въ мутной водѣ, это тѣ несчастные юноши, которыхъ родители отправляютъ въ школы для науки, а они вмѣсто науки увлекаются въ политическую агитацію и оканчиваютъ карьеру... увы! совсѣмъ не такъ, какъ разсчитывали ихъ родители, въ то время, какъ ихъ развратители пріобрѣтаютъ состоянія, имѣютъ «кареты и лакеевъ».

Все это, однако, представляетъ ничто иное, какъ мѣры отрицательныя, которыя могутъ пресѣкать зло и если производятъ добро, то только непрямымъ образомъ. Для полнаго успѣха дѣла необходимы мѣры положительныя. Кто желаетъ собрать съ поля доброе зерно, тотъ не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы выполоть изъ него сорныя травы, исторгнуть плевелы, посѣянные врагомъ, но долженъ кромѣ того посѣять сѣмя доброе. Умственная культура, впрочемъ, въ этомъ отношеніи отличается отъ культуры матеріальной. Въ ней процессъ изторженія плевеловъ не можетъ быть отдѣленъ отъ процесса насажденія добраго сѣмени. Умственные плевелы не поддаются никакой матеріальной киркѣ или лому. Давно извѣстно, что противъ идей даже ложныхъ ничего нельзя сдѣлать ни пушками, ни какими-нибудь полицейскими мѣрами, какъ въ жизни вообще, такъ и въ школѣ. — Идеи уступаютъ мѣсто только идеямъ, тьма прогоняется только свѣтомъ. Результаты, добытые пропагандою «матеріализма, безнравственности и революціонныхъ насилій», могутъ быть уничтожены только пропагандою «религіи, мудрости, нравственности и христіанкаго братства».

«Писатели и издатели одной извѣстной партіи» овладѣли большинствомъ литературныхъ органовъ и — «влекутъ всѣхъ и все къ явной и несомнѣнной гибели». Какъ-же произошло это? Отъ чего-же писатели и издатели противоположной партіи не

владѣли большинствомъ литературныхъ органовъ? Развѣ противоположная партія оскудѣла людьми и средствами? Развѣ въ самомъ дѣлѣ у насъ все, что не мужикъ, не пахарь, превратилось уже въ «интеллигенцію»? Развѣ нѣтъ больше людей, близкихъ землѣ и народу, вѣрныхъ духу, здоровымъ преданіямъ и христіанскимъ добродѣтелямъ отцовъ и дѣдовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно образованныхъ, съ свѣтлою и сильною мыслію и съ смѣлымъ словомъ?—Прежде такіе люди были. Куда же подѣвались они? Развѣ всѣ эти Хомяковы, Самарины, Кошелевы, Муравьевы, Шихматовы-Ширинскіе, Шишковы, князья Щербатовы перемерли, не оставивъ наслѣдниковъ ни по плоти, ни по духу? Развѣ въ самомъ дѣлѣ Русская земля клиномъ сошлась?—Съ другой стороны, въ былое время въ годину испытаній рядомъ съ кн. Пожарскимъ подвизался и доблестный гражданинъ—говядарь Козьма Мининъ. Гдѣ же нынѣшніе граждане Минины? Отъ чего ихъ нѣтъ?—Отъ чего Ѳед. Андроновъ воскресъ въ лицѣ гг. Ланина и Лаврова, чтобы производить умственную смуту, а Мининъ лежитъ во-гробѣ?

Мы въ политикѣ еще новички. Съ одной стороны мы не умѣемъ правильно оцѣнить значеніе совершающихся вокругъ насъ фактовъ; съ другой стороны свое недовольство тѣмъ или другимъ мы не умѣемъ сдержать въ должныхъ границахъ и свой протестъ ограничить размѣрами фактовъ, подавшихъ поводъ къ неудовольствію, или наконецъ мы привыкли во-всемъ полагаться на правительство, устраняя себя ото всякаго дѣла, лежащаго внѣ круга нашихъ матеріальныхъ интересовъ. Въ словахъ пр. Амвросія, что писатели, проповѣдующіе матеріализмъ, нравственную невмѣняемость, грубый сенсуализмъ, уничтоженіе семейства, ведутъ общество къ явной погибели, преувеличенія совсѣмъ нѣтъ *). Всякое общество держится только

*) Сочиненіе Преосв. Амвросія издано въ 1882 г. Печальныя событія 1887 г. доказали горькую справедливость ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ философскую прозорливость автора. Къ сожалѣнію, слова его остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; вѣроятно, достопочтенному автору приписали слишкомъ мрачный взглядъ на вещи, хотя слова его были вызваны событіемъ, которое едва-ли можно представлять въ розовомъ

нравственными силами; когда нравственныхъ силъ въ немъ не будетъ, то оно потеряетъ устойчивость и при потрясеніи можетъ совсѣмъ рухнуть. Конечно оптимистамъ эти рѣчи могутъ показаться крайне преувеличенными; и мы сами думаемъ, что у насъ есть опора весьма крѣпкая въ богатырѣ народѣ, здравомыслящемъ и доблестномъ, котораго подвергаютъ поруганію только свои, и притомъ чиновники, получающіе казеное жалованье, какъ Костомаровъ, но чужіе, даже честные враги уважаютъ. Однако всѣхъ возможныхъ политическихъ компликацій предусмотрѣть нельзя. Въ XVI в. Русь послѣ освобожденія отъ татарскаго ига, послѣ того, какъ она получила явный перевѣсъ надъ сосѣдями, и нѣкоторыхъ изъ нихъ даже покорила своей власти, при стеченіи несчастныхъ обстоятельствъ, едва не погибла вслѣдствіе смуты, несовсѣмъ непохожей на нынѣшнюю нашу смуту. Польша въ XV и XVI вѣкахъ была самымъ большимъ и весьма сильнымъ государствомъ центральной Европы; а въ XVIII вѣкѣ она совсѣмъ перестала существовать,—потому что ослабѣли мало-по-малу ея нравственння силы, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушилось основаніе, на которомъ была построена ея государственная жизнь.

Наше теперешнее состояніе имѣетъ большое сходство съ течью, обнаружившеюся на кораблѣ. Самый большой и прочно построенный корабль пойдетъ ко дну или принужденъ будетъ выброситься на отмель, если въ немъ образуется течь и вода не будетъ

свѣтѣ, именно катастрофою 1-го марта 1881 года. Катастрофа эта, какъ и многое другое въ нашей жизни, представляетъ явленіе совершенно безпримѣрное въ исторіи, не столько въ объективномъ отношеніи, сколько въ субъективномъ. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи, не только равняется съ нимъ, а даже превосходитъ его событіе 1-го марта 1887 года,—несомнѣнное доказательство, что революціонное состояніе школы за это время не ослабѣло, а усилилось. И было-бы очень жаль, если-бы опять мнѣнія, подобныя мнѣнію преосв. Амвросія, считались преувеличенными, и послѣднія печальныя событія были представляемы въ болѣе или менѣе розовомъ свѣтѣ. Это походило-бы на систему избѣгать опасности, которой слѣдуетъ страусъ. Извѣстно, что подвергшись преслѣдованію и чувствуя крайнее утомленіе, онъ прячетъ голову въ песокъ, чтобъ не видѣть непріятеля и думаетъ, что опасность миновала

во-время откачиваема. И это сравненіе указываетъ намъ наши обязанности въ настоящее время. Когда сильная течь обнаруживается на кораблѣ, то не только матросы, а и каждый изъ пассажировъ обязанъ итти къ помпамъ и выкачивать воду. Подобно этому всякій добрый гражданинъ обязанъ употребить всѣ усиліи для прекращенія умственной и политической смуты, возникающей въ государствѣ, если она достигаетъ интенсивности, способной возбуждать основательную тревогу.

Сѣятели плевеловъ, тѣ писатели и издатели, которые овладѣли большинствомъ періодическихъ органовъ, ведутъ свое дѣло съ усердіемъ и преданностію, достойными гораздо лучшей задачи. Почему-же сѣятели добраго сѣмени отстали отъ нихъ?

Кромѣ обыкновенной нашей косности, кромѣ излишней заботливости о личныхъ матеріальныхъ интересахъ, тутъ иногда является новая причина, очень оригинальная и своеобразная. Наши эсквайры, находясь не у дѣлъ, иногда имѣютъ нѣкоторое соперничество съ тѣми, которые находятся у кормила правленія; является своего рода молчаливая фронда, заговоръ бездѣйствія. Иногда это обусловлено тѣмъ, что эсквайры какъ-нибудь не сошлись съ мѣстнымъ представителемъ власти или недовольны какимъ-нибудь особеннымъ вліяніемъ на нее. Это также иногда ведетъ къ молчаливому фрондированью; эсквайры устраняютъ себя отъ всякаго дѣла и становятся въ положеніе только посторонних наблюдателей. Молчаливое фрондированье вещь совершенно невинная, въ особенности во времена обыкновенныя; но во времена смутныя она доказываетъ недостаокъ гражданскаго чувства. Что́ сказали-бы о томъ пассажирѣ, который въ минуту крайней опасности, когда открывшаяся въ кораблѣ течь угрожаетъ пустить корабль ко дну, отказался-бы отъ участія въ общемъ трудѣ выкачиванія воды, потому что онъ не поладилъ съ однимъ изъ матросовъ или потому, что одинъ изъ пассажировъ, при откачиваніи воды слишкомъ много беретъ на себя: всѣмъ распоряжается и кричитъ очень громко? — Мелкіе счеты можно свести во всякое время или съ теченіемъ времени забыть о нихъ. Но когда является противникъ, у котораго на знамени

написано ниспровержeнiе вѣры, нравственности, семейства, государства, когда противникъ не ограничивается словами, а переходитъ къ дѣлу и считая себя въ правѣ убивать какъ представителей власти, такъ и частныхъ людей, пользуется этимъ правомъ на дѣлѣ; когда въ эти бездѣльныя ученiя увлекается школьная молодежь, когда образуется такое внутреннее положенiе, о которомъ иностранцы, расположенные къ намъ, сожалѣютъ вчуже и говорятъ, что оно хуже революцiи, тогда мелкiе счеты можно забыть раньше времени и итти вмѣстѣ съ другими выкачивать изъ корабля воду. Весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ, что дѣйствiя нашей соцiально-революцiонной партiи направлены только противъ правительства. Они направлены противъ всего народа, противъ его самостоятельности и полноправности, противъ его права имѣть у себя порядки, соотвѣтствующiе его исторiи, преданiямъ и духу. Они отнимаютъ у него право быть распорядителемъ своей собственной судьбы и конфискуютъ это право въ пользу какихъ-то темныхъ и самозванныхъ рѣшителей судьбы парода.

Наши потомки заслужоныхъ предковъ, потомки не по плоти только, но и по духу, потомки какъ Пожарскихъ, такъ и Мининыхъ, не забыли вѣры отцовъ, и мы желали-бы напомнить имъ причту о талантахъ. Кому много дано, съ того много будетъ и спрошено, на томъ лежатъ и большiя обязанности. На нихъ въ настоящее время лежитъ обязанность возстановить равновѣсiе въ литературѣ; исторгнуть журналистику изъ рукъ людей, которые ведутъ общество къ погибели. Журналистъ персона неважная и нерѣдко очень мало образованная; его можно презирать, сколько угодно: называть «писателишкою» и посадивши его съ собой обѣдать, можно впослѣдствiи публиковать, что его этой чести удостоили по ошибкѣ. Но журналистику презирать нельзя. Это есть сила, которая остается силою, хотя-бы ею заправляли и руки и головы слабыя. Огнестрѣльное оружiе становится еще страшнѣе, если оно попадетъ въ руки ребенка; а если имъ овладѣетъ сумасшедшiй, то оно можетъ быть причиною большихъ несчастiй.

Вотъ почему журналистикой не пренебрегаютъ амыя большія силы въ мірѣ какъ матеріальныя, акъ и нравственныя. Извѣстно, какъ дорожилъ ею Наолеонъ III; не менѣе пользуется ею и князь Бисмаркъ. Іапство, которое смотритъ свысока на всѣ мірскія силы, коорое презираетъ и цивилизацію, и прогрессъ, и свободу, сли они не подчиняются его авторитету, которое можетъ жедневно оскорблять ту власть, у которой по его-же словамъ оно находится въ плѣну, — папство дорожитъ журналистикою и имѣетъ свои литературные органы и въ Римѣ, и о всемъ мірѣ, in urbe et in orbe. Евреи, другая подобная ила, которая впрочемъ не относится ни къ матеріальнымъ, ни ъ нравственнымъ, а къ безнравственнымъ, во всякой странѣ мѣютъ литературные органы, преслѣдующіе ихъ интересы и аже у насъ имѣютъ ихъ нѣсколько, явныхъ или тайныхъ.

Ab hoste quoque licet doceri, и у врага нужно учиться, и ъ особенности учиться у него военному искусству, стараться е отстать отъ него въ вооруженіи, въ средствахъ защиты и ъ искусствѣ пользоваться тѣмъ и другимъ.

Именно это и предстоитъ теперь дѣлать всѣмъ, кто не тносится безучастно къ судьбѣ отечества и къ собственому человѣческому достоинству, между прочимъ всѣмъ отцамъ, оторые не относятся безучастно къ судьбѣ дѣтей. Намъ менно нужна правильная организація литературнаго труда, ужна журналистика честная и энергическая, трезвая и независящая ни отъ какихъ подозрительныхъ вліяній, преслѣующая только забытые интересы вѣры и нравственности, мѣющая возстановить въ незрѣлыхъ умахъ поруганную честь течества, народа и церкви, журналистика и вообще литерара, не забавляющая читателя, а питающая его умъ сообщеіями о фактахъ общественной жизни, достойныхъ вниманія одей серьезныхъ и нравственныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возждающая въ немъ всѣ здоровыя чувства и возвышающая его мственный и нравственный уровень. Литература—это второе инистерство народнаго просвѣщенія, которое своимъ вліяніемъ

не только не уступаетъ титулярному и оффиціальному Министерству народнаго просвѣщенія, а вѣроятно превосходитъ его. И ничего не можетъ быть почтеннѣе усилій, употребляемыхъ для организаціи этого могучаго средства, способнаго разсѣять туманъ, внесенный въ незрѣлые умы провокаторами разврата, проповѣдниками порока и всякаго рода превратныхъ ученій, имѣющихъ своимъ необходимымъ послѣдствіемъ нашу смуту политическую, одно существованіе которой служитъ безчестіемъ для общества, изъ среды котораго вышли ея дѣятели, тѣмъ болѣе, что дѣянія ихъ со стороны общества почти не встрѣтили противодѣйствія, а встрѣтили апатію, къ которой иностранные изслѣдователи русской жизни относятся совсѣмъ безъ снисхожденія и видятъ въ ней «une sorte de complicité passive». Упрекъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы на него не обратить вниманія. Было бы весьма полезно представить доказательства, что онъ незаслуженъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

За что Л. Бланъ удостоился почестей торжественнаго погребенія на государственный счетъ?

Мы видѣли, что проектъ организаціи труда, составленный Л. Бланомъ, отличается крайнею несостоятельностію, что онъ забытъ Франціею и осужденъ самими рабочими гораздо раньше смерти автора. Между тѣмъ, по смерти, авторъ удостоенъ былъ почестей торжественнаго погребенія и не со стороны какой-нибудь литературной котеріи или даже политической партіи, а вслѣдствіе согласнаго постановленія обѣихъ палатъ, которыя ассигновали сумму, потребную на необходимыя при этомъ издержки. Чѣмъ-же заслужены эти почести?

Л. Бланъ для Франціи не былъ только соціалистомъ, какъ онъ почти исключительно извѣстенъ у насъ. Франція его знала главнымъ образомъ, какъ способнаго журналиста, какъ историка, какъ политическаго дѣятеля, то, что у французовъ называется l'homme politique и, наконецъ, какъ члена временнаго правительства 1848 г. и члена Національнаго собранія въ 1848 г. и потомъ въ 1870 и слѣд.

И во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дѣятельность Л. Блана была такова, что на нее не могли смотрѣть иначе, какъ на заслугу передъ отечествомъ, какъ большинство парижскаго народонаселенія, такъ и республиканское большинство обѣихъ палатъ. Какъ политическій человѣкъ, онъ съ самаго начала своей общественной дѣятельности выступилъ въ рядахъ республиканской партіи; такой характеръ имѣла его публицистическая дѣятельность въ газетахъ: Le Bon Sens, La

Revue du Progrès и даже раньше въ Progrès du Pas-de-Calais. И, какъ мы уже говорили, публицистъ онъ былъ весьма талантливый, обладавшій не только изящнымъ и выразительнымъ словомъ, но и большимъ запасомъ знаній, вслѣдствіе чего его статьи всегда имѣли большой успѣхъ. Весьма яркою республиканскою тенденціею отмѣчена и Исторія Десяти Лѣтъ, которая къ отличному изложенію присоединяетъ массу фактовъ, весьма важныхъ, добытыхъ изъ источниковъ самыхъ недоступныхъ. И, какъ мы уже сказали, книга эта много повредила правительству Луи Филиппа и была одною изъ причинъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ паденіе Іюльской монархіи, что не могло не быть поставлено ему въ заслугу во время торжества республиканскихъ идей.

Исторія первой революціи написана Л. Бланомъ также въ крайнемъ республиканскомъ и демократическомъ духѣ; но написана съ большимъ знаніемъ дѣла, что, при его знакомствѣ вообще съ науками политическими, даетъ его сужденіямъ силу, а всему сочиненію цѣну и вѣсъ. Ему нерѣдко приходится полемизировать по вопросамъ, касающимся той эпохи; и замѣчается чрезвычайная разница въ его полемикѣ экономической и исторической. Какъ въ экономической полемикѣ онъ жалокъ, такъ въ исторической силенъ. Между прочимъ, ему приходилось опровергать мнѣнія, высказанныя Прудономъ, предъ которымъ онъ, какъ экономистъ, какъ соціалистъ, совершенно ничтоженъ. Въ вопросахъ историческихъ совсѣмъ не то; онъ раскрываетъ натяжки Прудона, забрасываетъ его фактами, ссылками, вообще является мастеромъ, котораго дѣло боится. — И такъ какъ онъ къ дѣятелямъ первой революціи, даже къ Робеспьеру и С. Жюсту, относится съ уваженіемъ, то это также въ эпоху торжества демократическихъ идей привлекаетъ къ нему и народныя массы, и членовъ законодательныхъ собраній.

Замѣчательно, что самъ Л. Бланъ человѣкъ чрезвычайно мягкій, деликатный, всегда избѣгавшій рѣзкаго слова, а тѣмъ болѣе какихъ-нибудь личностей въ полемикѣ *). — Это его свойство, какъ разсказываетъ его біографъ Ш. Эдмонъ, могло-бы предотвратить одну извѣстную въ исторіи французской журналистики катастрофу, именно смерть

---

*) Впрочемъ, въ Робеспьерѣ онъ уважаетъ не жестокость, а его преданность дѣлу свободы. На терроръ онъ смотритъ только, какъ на горькую необходимость, безъ которой не могли обойтись террористы, защищая свободу отъ происковъ людей «испорченныхъ».—Таковъ его взглядъ на всю совокупность тогдашнихъ отношеній.

Ар. Карреля. Извѣстно, что онъ былъ убитъ на дуэли Э. де-Жирарденомъ. Дѣло вышло изъ-за статьи противъ Э. де-Жирардена, помѣщенной въ Le Bon Sens, редакторомъ котораго былъ Л. Бланъ. Но Л. Бланъ не былъ полноправнымъ редакторомъ газеты, а имѣлъ товарища, который ограничивалъ его власть. Л. Бланъ не хотѣлъ помѣщать статью, оскорбительную для Жирардена, написанную однимъ изъ сотрудниковъ газеты. Но другой редакторъ, съ помощію всего состава редакціи, настаивалъ на томъ, чтобы статья была помѣщена; и Л. Бланъ не имѣлъ права воспрепятствовать этому.—Ар. Каррель счелъ своимъ долгомъ поддержать своихъ союзниковъ, хотя по возможности въ мягкомъ тонѣ. Жирарденъ отвѣчалъ ему также не особенно рѣзко. Тѣмъ не менѣе все это окончилось дуэлью и смертью! *)

Что Л. Бланъ въ политической литературѣ пріобрѣлъ положеніе очень высокое, еще до 1848 года, что онъ былъ уже не только любимцемъ народа, но пріобрѣлъ авторитетъ въ средѣ буржуазіи и журналистики, это видно изъ того, что редакція Реформы, одного изъ самыхъ вліятельныхъ органовъ печати, публиковала въ видѣ своей программы ничто иное, какъ Л. Блановъ проектъ соціальной реформы, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ.

Далѣе, дѣятельность Л. Блана, какъ члена временнаго правительства и потомъ какъ представителя народа, пріобрѣла ему ненависть въ большинствѣ національнаго собранія; но эта ненависть была незаслужена; причина этой ненависти лежала въ настроенности самого большинства, которое испугалось народныхъ манифестацій и потомъ возстанія рабочихъ, и своею политикою приготовляло президенту республики прямой путь къ государственному перевороту. Но Л. Бланъ не возбуждалъ народныхъ волненій, а старался сдерживать ихъ, какъ до открытія Національнаго собранія, такъ и послѣ него, и 17 марта и 15 мая. Этого также немогли не поставить ему въ заслугу впослѣдствіи не только республиканцы, но и монархисты, и всѣ вообще люди, не допускающіе того, чтобы политическіе и соціальные вопросы были рѣшаемы на улицѣ толпою съ помощію крика и гама или даже съ помощію штыковъ и выстрѣловъ **).

---

*) Эмиль де-Жирарденъ напечаталъ въ своей газетѣ, что въ замѣткѣ Насьоналя онъ не узнаетъ честности (loyauté), приписываемой его редактору. Вслѣдствіе этого выраженія и послѣдовалъ вызовъ. Какая разница съ нравами нашей журналистики!

**) Мы опять-таки оказываемся въ этомъ отношеніи свободнѣе отъ

Слѣдующее за тѣмъ двадцатилѣтнее пребываніе Л. Блана въ Англіи опять-таки не могло не пріобрѣсти ему уваженія въ средѣ его соотечественниковъ. Во все это время онъ высоко держалъ знамя, своей партіи по отношенію къ иностранному государству, гдѣ онъ пріобрѣлъ всеобщія симпатіи и почетныя знакомства въ средѣ тамошнихъ политическихъ людей. И когда бывшій англійскій посланникъ при республикѣ 1848 года Л. Норманби издалъ памфлетъ противъ бывшихъ правителей ея подъ названіемъ «A Jear of revolution in Paris», Л. Бланъ издалъ свое сочиненіе о событіяхъ того времени на англійскомъ языкѣ, въ которомъ представилъ достаточное опроверженіе мнѣній Л. Норманби. Все это еще болѣе увеличило уваженіе, которымъ Л. Бланъ пользовался въ Англіи; вслѣдствіе чего, по возвращеніи во Францію, послѣ паденія Наполеона III, ему былъ предложенъ постъ французскаго посланника въ Лондонѣ, при чемъ на его дѣятельность на этомъ постѣ возлагались особыя надежды.—По отношенію къ правительству Наполеона III Л. Бланъ также до конца былъ вѣренъ своей репутаціи республиканца и патріота. Съ этимъ правительствомъ онъ не хотѣлъ имѣть ничего общаго и подобно очень немногимъ не хотѣлъ воспользоваться амнистіею, чтобы возвратиться на родину. Этого въ особенности не могли не оцѣнить республиканцы, ставшіе въ 1870 году во главѣ правительства.

Во время осады Парижа Л. Бланъ еще разъ имѣлъ случай доказать и свой потріотизмъ и политическое здравомысліе. 31-го октября ему еще разъ предлагаютъ принять диктатуру и дать такимъ образомъ свою санкцію междуусобной войнѣ въ виду внѣшняго непріятеля. Нечего и говорить, что этого предложенія онъ не принялъ.

И въ послѣдствіи не смотря на то, что онъ былъ въ Версали въ 1871 году народнымъ представителемъ отъ гор. Парижа, сторону парижской коммуны онъ не принялъ, но послѣ подавленія возстанія, въ Національномъ собраніи, защищалъ политику прощенія и примиренія. Немного спустя онъ самымъ энергическимъ образомъ старался противодѣйствовать политикѣ большинства собранія, которое вмѣстѣ съ президентомъ маршаломъ Макъ-Магономъ стремилось къ возстановленію монархіи.

предразсудковъ, чѣмъ французы. Наши публицисты обвиняютъ Л. Блана въ нерѣшительности и безхарактерности именно за то, что онъ не только не руководилъ народными демонстраціями, а отсовѣтывалъ ихъ, и не воспользовался удобною минутою, чтобы захватить диктатуру.

Такова совокупность литературной и политической дѣятельности Л. Блана. И было совершенно естественно, что, находясь у кормила правленія, республиканцы почтили торжественными похоронами одного изъ старѣйшихъ членовъ своей партіи, много потрудившагося для ея цѣлей и въ качествѣ писателя, и въ качествѣ политическаго дѣятеля, и притомъ не только потрудившагося, но и пострадавшаго во времена, когда дѣла республиканской партіи не процвѣтали.

Не надобно забывать, что характеръ Л. Блана, его преданность своимъ идеямъ, его послѣдовательность и неизмѣнное избѣжаніе всего рѣзкаго привлекали къ нему всѣхъ, имѣвшихъ случаи встрѣчаться съ нимъ, независимо отъ политическаго направленія. По этой-то причинѣ членъ Національнаго собранія Дарагонъ, въ политикѣ его противникъ,— помогъ ему избѣжать пристрастнаго суда, которому его предало потерявшее безпристрастіе и политическій тактъ Національное собраніе.

Что касается до его соціальной теоріи, Франція, какъ мы видѣли, забыла ее, или лучше сказать, Франція уже послѣ перваго знакомства съ нею, не хотѣла знать ее; знали ее и вѣрили ей только рабочіе въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Но и они разувѣрились въ ней, сознали и съ помощію своего здраваго смысла, и съ помощію опыта, ея несостоятельность и забыли ее; а если иногда вспоминали, то только для того, чтобы подвергнуть ее осужденію. — Но за несостоятельною теоріею въ системѣ Л. Блана все-таки скрывалось глубокое сочувствіе къ судьбѣ меньшей братіи; и этого не могли забыть ни парижскіе рабочіе, ни представители народа, между которыми въ настоящее время уже встрѣчается гораздо менѣе сторонниковъ системы laisser faire, laisser passer. Все это вмѣстѣ взятое, его почти пятидесятилѣтніе служеніе идеѣ и родинѣ, его искренное сочувствіе къ бѣднымъ классамъ, прекрасныя качества его души и внушили В. Гюго слѣд. характеристику Л. Блана:

«Л. Бланъ — апостолъ идеала; это философъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и трибунъ; это честный человѣкъ, ведущій войну; это историкъ, который въ прошедшемъ проводитъ черту для будущаго».

Г. Гейне въ письмахъ изъ Парижа, писанныхъ еще въ сороковыхъ годахъ, отзывается о Л. Бланѣ съ нѣкоторою смѣсью сочувствія и ироніи. Слѣдуя ему, Л. Бланъ очень тщеславенъ и ищетъ популярности; и всякое дѣйствіе его разсчитано на удовлетвореніе тщеславія и пріобрѣтеніе и усиленіе популярности. Это мнѣніе имѣетъ всѣ признаки истины; очень вѣроятно, что и тѣ благородныя побужденія, изъ

которыхъ родилась Организація труда, усилены этими его особенностями. И несомнѣнно, что ни въ чемъ другомъ нужно искать причину того, что онъ не призналъ прямо и открыто своей ошибки въ ученіи о заработной платѣ, о роли государства въ новой организаціи труда и т. п. Но гдѣ-же и когда были люди совсѣмъ безъ нравственныхъ недостатковъ? Развѣ современники Л. Блана, Тьеръ, Гизо, Лафиттъ, не имѣли ихъ?—Хорошо еще, что ища популярности человѣкъ не угождаетъ худымъ страстямъ толпы, не дѣлаетъ проповѣди порока и потомъ не становится во главѣ ея для попранія законовъ отечества. Л. Бланъ, напротивъ, отличался всегда полнымъ уваженіемъ какъ къ закону, такъ и къ нравственному принципу. Если онъ проповѣдывалъ столь несостоятельную теорію, какъ его организація труда, тутъ была вина не его доброй воли, а вина его малаго знанія и пониманія экономическихъ вопросовъ. И если бы онъ былъ только авторомъ этого сочиненія, то вмѣстѣ съ сочиненіемъ былъ бы и самъ давно забытъ, подобно тому какъ забытъ наприм. Эскиросъ, Базаръ, Консидеранъ, П. Леру и др. Оказывая ему посмертныя почести, республиканская Франція почтила въ немъ главнымъ образомъ ревностнаго и неутомимаго защитника ея принциповъ и интересовъ. И если бы въ то время, когда умеръ Л. Бланъ, во Франціи было правительство Наполеона IV или Луи-Филиппа II, то, безъ сомнѣнія, ему не было бы оказано почестей торжественнаго погребенія на государственный счетъ.

Б.

Живучая ошибка: соціальныя мастерскія Л. Блана и Національныя мастерскія, устроенныя министромъ общественныхъ работъ Мари.

Въ исторіи соціализма есть ошибки, отличающіяся какою-то особенною, необыкновенною живучестью, не встрѣчаемою въ другихъ отрасляхъ знанія. Такова почти всеобщая ошибка ученыхъ и дилеттантовъ касательно дѣятельности Р. Оуэна въ Нью-Ланаркѣ; почти всѣ писавшіе о ней были убѣждены, что Оуэнъ осуществилъ тамъ свою свою систему коммунизма. Другое подобное заблужденіе относится къ Національнымъ мастерскимъ, основаннымъ временнымъ правительствомъ французской республики 1848 года. Очень многіе даже между учеными и публицистами, не говоря о читающей публикѣ, до сихъ поръ убѣждены, что эти Національныя ма-

стерскія составляли осуществленіе соціальной системы Л. Блана. Заблужденіе это зародилось давно, еще въ то время, когда мастерскія существовали; Л. Бланъ много разъ протестовалъ противъ этого, доказывалъ противное; другіе члены временнаго правительства также имѣли случай высказывать истинное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, т. е. что Л. Бланъ и его проектъ организаціи труда не имѣли никакого отношенія къ Національнымъ мастерскимъ; главный распорядитель этихъ мастерскихъ, Э. Тома, издалъ цѣлую книгу «Исторія національныхъ мастерскихъ», содержащую въ себѣ больше, чѣмъ нужно, доказательствъ этой мысли; но заблужденіе продолжало существовать.

Когда Лассаль въ Германіи предложилъ свой планъ организаціи промышленности, то ему стали возражать, что планъ его есть ничто иное, какъ возобновленный планъ Л. Блана, что планъ этотъ уже практически испытанъ въ Національныхъ мастерскихъ и оказался крайне неудовлетворительнымъ, даже привелъ къ уличной рѣзнѣ. Лассаль, знавшій хорошо исторію національныхъ мастерскихъ, энергически доказывалъ, что между теоріей Л. Блана и Національными мастерскими не было ничего общаго. Но эти доказательства далеко не достигли цѣли. Нѣсколько лѣтъ спустя тамъ же въ Германіи Э. Пфейферъ въ своемъ сочиненіи объ ассоціаціи повторилъ ту-же самую ошибку. Конценъ въ 1879 году еще разъ повторилъ ее *). Въ Англіи ее допустилъ въ 1858 г. Саргантъ, который только по отпечатаніи книги (Social innovators) въ Postscript'ѣ, напечатанномъ вслѣдъ за предисловіемъ, заявляетъ, что онъ только изъ исторіи 1848 года, написанной Л. Бланомъ, узналъ, что Л. Бланъ не имѣлъ никакого отношенія къ Національнымъ мастерскимъ. Тѣмъ не менѣе Вульзей, уже въ 1879 г. въ Соединенныхъ Штатахъ повторилъ опять ту-же ошибку въ сочиненіи Communism and Socialism in their history and theory **). Мало того, въ самой Франціи та-же ошибка циркулируетъ до послѣдняго времени. Ш. Эдмонъ, біографъ Л. Блана, жалуется, что еще почти

*) Вотъ слова Концена: «нецѣлесообразность большихъ національныхъ мастерскихъ, которыя республиканцы устроили въ 1848 году, слѣдуя системѣ Л. Блана, обнаружилась въ продолженіи немногихъ мѣсяцевъ». (Gesch. der soc. Frage, стр. 129).

**) Вульзей выражается такъ: «Въ 1848 г. система Л. Блана была подвергнута весьма серьезному испытанію: въ Парижѣ были открыты публичныя мастерскія съ 150,000 рабочихъ и съ ежедневнымъ расходомъ въ 50.000 ф. стерл.».

наканунѣ смерти въ одномъ французскомъ журналѣ ему приписывали учрежденіе Національныхъ мастерскихъ 1848 г.—Ферразъ, въ третьемъ изданіи своей книги: Socialisme, naturalisme et positivisme уже, въ 1882 году, т. е. въ годъ смерти Л. Блана, высказалъ, что Л. Бланъ посредствомъ своей роковой химеры Національныхъ мастерскихъ не могъ осуществить тѣхъ надеждъ, которыя онъ подалъ рабочимъ.

Чтобы разсѣять до конца этотъ туманъ для нашихъ читателей, мы кратко изложимъ исторію національныхъ мастерскихъ.

Еще раньше февральской революціи, именно въ 1846 и 1847 г. французская промышленность находилась въ состояніи кризиса. Волненія, предшествовавшія революціи, и сама революція еще усилили кризисъ: фабриканты еще болѣе стали сокращать производство. Громадныя массы парижскихъ рабочихъ послѣ революціи не имѣли работы и хлѣба, но ружья имѣли въ рукахъ; и уже на другой день, 25 февраля, они отправили изъ своей среды депутата къ временному правительству съ требованіемъ признанія права на трудъ.

Временное собраніе по почину Л. Блана удовлетворило ихъ желаніе и на другой день издало декретъ, которымъ «обязывалось обезпечить существованіе рабочаго посредствомъ труда» и вмѣстѣ съ тѣмъ ассигновало въ ихъ пользу 1,000,000 фр. изъ бывшаго содержанія короля. 27 февраля изданъ новый декретъ о приведеніи въ исполненіи декрета предыдущаго дня. Новымъ декретомъ правительство учреждало Національныя мастерскія, которыхъ устройство, равно какъ завѣдываніе ими, было поручено министру публичныхъ работъ Мари. Національныя мастерскія, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не были новостью во Франціи; онѣ практиковались еще въ 16 и 17 вѣкахъ. Въ Англіи онѣ были установлены закономъ королевы Елисаветы, которая обязала всякій приходъ доставлять пропитаніе бѣднымъ, неспособнымъ къ работѣ, и работу тѣмъ, которые могутъ работать, откуда и произошла англійская такса для бѣдныхъ и рабочіе дома.

Но устроены были національныя мастерскія 1848 года самымъ жалкимъ образомъ. Работы для нихъ было совсѣмъ не найдено, изрѣдка ихъ заставляли, въ буквальномъ смыслѣ слова, какъ будто слѣдуя русской поговоркѣ, «пересыпать изъ пустого въ порожнее», т. е. заставляли ихъ копать землю и выкопанную землю переносить на другое мѣсто, потомъ съ новаго мѣста переносить на старое. Рабочіе даже оскорблялись тѣмъ, что для нихъ не могли пріискать подходящаго дѣла.

Между тѣмъ число рабочихъ, причисленныхъ къ Національнымъ

мастерскимъ, все росло, потому что слухи объ открытіи мастерскихъ въ Парижѣ привлекли туда множество рабочихъ изъ департаментовъ; и завѣдываніе ими стало представлять болѣе трудностей. Чтобы облегчить и упростить его, имъ дали нѣкоторое подобіе военнаго устройства, ихъ раздѣлили на бригады, батальоны и ихъ части, и начальники частей имѣли военныя названія; напр. бригадами управляли бригадиры. На содержаніе ихъ было ассигновано 5.000.000 фр.

Л. Бланъ былъ совершенно устраненъ отъ всякаго участія въ устройствѣ мастерскихъ и въ завѣдываніи ими и, какъ мы уже говорили, самъ онъ совсѣмъ не добивался этого, и не высказывалъ неудовольствія по поводу своего устраненія. И именно тутъ было устраненіе. Мари на себя въ организаціи мастерскихъ не полагался; но повидимому исключительно съ тою цѣлью, чтобы не дать повода Л. Блану вмѣшаться въ это дѣло, никогда не заводилъ даже рѣчи о національныхъ мастерскихъ во время засѣданія совѣта, т. е. временнаго правительства въ совокупности. Но когда было признано нужнымъ составить болѣе подробный уставъ національныхъ мастерскихъ; то съ этою цѣлью Мари созвалъ людей, которыхъ онъ считалъ компетентными для подобнаго дѣла, и ихъ общимъ трудомъ былъ выработанъ уставъ мастерскихъ. Изъ числа этихъ лицъ болѣе извѣстными были Бюше и Гарнье-Пажесъ.

Мари и его единомышленники въ средѣ временнаго правительства разсчитывали даже съ помощію національныхъ мастерскихъ пріобрѣсти въ средѣ рабочихъ популярность, которая до нѣкоторой степени уравновѣшивала бы популярность Л. Блана; предполагалось даже въ случаѣ надобности образовать изъ нихъ вооруженную силу *), для противодѣйствія кому придется, а прежде всего Л. Блану и парижскимъ рабочимъ, для которыхъ онъ былъ идоломъ. Разсчетъ этотъ, разумѣется, былъ крайне неоснователенъ; образовать изъ рабочихъ двѣ враждебныя партіи посредствомъ прикармливанія одной изъ нихъ— это была только наивная мечта.

---

*) Эмиль Тома въ исторіи Національныхъ мастерскихъ, расказываетъ, что Мари далъ ему инструкцію: не жалѣя денегъ постараться привязать къ себѣ рабочихъ Національныхъ мастерскихъ, такъ какъ, по его словамъ, «приближался день, когда ихъ можетъ быть придется вывести на улицу въ видахъ общественнаго спасенія (dans le but de salut publique»).

Худому устройству національныхъ мастерскихъ соотвѣтствовалъ еще болѣе худой конецъ ихъ.

4-го мая было открыто Національное собраніе. Составъ его былъ очень неблагопріятенъ, какъ для республиканцевъ, такъ и для соціалистовъ. Въ экономическомъ отношеніи громадное большинство собранія признавало безусловную справедливость принципа «laissez faire, laissez passer». Съ точки зрѣнія этого принципа самое открытіе Національныхъ мастерскихъ было большою ошибкою, и закрытіе ихъ было желательно въ самомъ скоромъ времени. Потому уже съ первыхъ дней существованія собранія въ немъ зашла рѣчь о закрытіи мастерскихъ. Многіе говорили объ этомъ съ безпокойствомъ, вообще опасаясь сопротивленія рабочихъ, число которыхъ возрастало свыше 100,000. Э. Тома, главный начальникъ ихъ, предупреждая, что безъ кровопролитія дѣло не обойдется, предлагалъ съ своей стороны проектъ дать рабочимъ хоть какія-нибудь производительныя занятія только на время; послѣ чего съ улучшеніемъ экономическаго положенія страны, съ прекращеніемъ кризиса, ихъ можно бы было распустить. Но не такъ было настроено собраніе, чтобы согласиться на эти предложенія. Вторженіе народа 15-го мая въ Національное собраніе еще болѣе расположило собраніе къ скорому распущенію національныхъ мастерскихъ. Рѣшено было окончательно закрыть ихъ. Э. Тома былъ признанъ человѣкомъ ненадежнымъ и былъ внезапно удаленъ отъ должности и на его мѣсто назначено новое лицо, незнакомое рабочимъ. Министерство публичныхъ работъ (министръ Треля) сдѣлало распоряженіе, чтобы холостымъ рабочимъ, имѣющимъ отъ 18 до 25 лѣтъ, было предложено вступить въ военную службу, а тѣхъ, которые не согласились бы на это, положено было исключить изъ списковъ національныхъ мастерскихъ. Но все это не привело къ цѣли; послѣ нѣсколькихъ переговоровъ между представителями власти и делегатами рабочихъ, 23-го іюля началось возстаніе, которое было окончено только 26-го. Къ исторіи Франціи прибавилась весьма печальная страница.

Такимъ образомъ Л. Бланъ отъ начала до конца былъ совершенно чуждъ національнымъ мастерскимъ. Ни по своему устройству, ни по духу, ни даже по своему имени онѣ не имѣли ничего общаго съ его проектомъ организаціи труда. Въ его проектѣ мастерскія называются не Національными, а соціальными.

B.

Соціальная система Л. Блана въ двухъ передѣлкахъ г. Чернышевскаго ad usum новыхъ людей.

Л. Бланъ принадлежитъ къ числу соціалистовъ, пользующихся особеннымъ расположеніемъ русскихъ публицистовъ. Ему одобреніе высказалъ еще г. Чернышевскій, предварительно принявши его подъ свою защиту въ устныхъ бесѣдахъ. Какъ онъ самъ сообщаетъ, эти бесѣды и эта защита Л. Блана даже были для него предметомъ потѣхи и военныхъ хитростей, оканчивавшихся тріумфомъ, послѣ котораго побѣжденный врагъ слагалъ оружіе. Но предоставимъ рѣчь самому автору.

«Различныхъ плановъ для исполненія требованій новой теоріи находится много, начинаетъ г. Чернышевскій, и который изъ нихъ вы захотите предпочитать другому, почти все равно, потому что каждый изъ нихъ въ существенныхъ чертахъ своихъ сходенъ съ другими и удовлетворителенъ, и изъ каждаго легко могутъ быть удалены тѣ подробности, которыя составляютъ причину споровъ между его приверженцами и защитниками другихъ плановъ.

Экономисты и обскуранты всякаго рода, либеральные и нелиберальные, говорятъ, что всѣми этими планами стѣсняется индивидуальная свобода. Мы теперь не можемъ читать безъ улыбки такой упрекъ, потому что припоминаемъ о томъ, какъ случилось намъ потѣшаться надъ нимъ въ изустныхъ спорахъ. Мы употребляли военную хитрость такого рода: когда говорили намъ, что теорія, нами защищаемая, стѣсняетъ индивидуальную свободу, мы спрашивали: о комъ-же, напримѣръ, изъ главныхъ мыслителей этой теоріи можетъ сказать это нашъ противникъ? Онъ называлъ нѣсколько именъ. Мы спрашивали, которое изъ нихъ принадлежитъ самому злѣйшему стѣснителю свободы? Узнавъ, кто именно жесточайшій тиранъ, мы говорили, что не можемъ защищать его и перемѣняли разговоръ. Черезъ четверть часа мы, подъ именемъ плана, составленнаго собственно нами, излагали теорію писателя, защищать котораго отказывались прежде, и спрашивали у нашего противника замѣчаній о недостаткахъ, какіе могутъ быть въ нашемъ планѣ; онъ дѣлалъ разныя замѣчанія, но никогда не случалось намъ слышать въ числѣ ихъ

чтобы изложенный планъ стѣснялъ свободу. Выслушавъ до конца, мы говорили, обращаясь къ другимъ собесѣдникамъ: «изложенный мною планъ, въ которомъ г. такой-то не нашелъ стѣснительности для свободы, принадлежитъ именно тому мыслителю, идеи котораго онъ называлъ стѣснительными для свободы». Послѣ этого защитникъ свободы, разумѣется, не могъ продолжать спора: оказывалось, что онъ не имѣлъ понятія о томъ, что осуждалъ. Это средство очень вѣрное. Дѣйствительно, почти ни одинъ изъ людей, нападающихъ на такъ-называемые утопическіе планы, не знаетъ хорошенько сущности ни одного изъ этихъ плановъ. Да и удивительно-ли, что экономисты не имѣютъ отчетливаго понятія объ идеяхъ своихъ противниковъ, если обыкновенно остаются незнакомы хорошенько даже съ Адамомъ Смитомъ, котораго называютъ своимъ учителемъ?

«Пользуясь способомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, мы предлагаемъ свой планъ *) осуществленія теоріи трудящихся, прося читателей обратить вниманіе на то, стѣсняется-ли свобода этимъ планомъ, который приспособленъ къ нравамъ странъ, потерявшихъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ и только теперь начинающихъ возвращаться къ давно забытой идеѣ товарищества трудящихся въ производствѣ. Надобно сказать также, что въ государствѣ, для котораго предназначался этотъ планъ, правительство ежегодно бросаетъ десятки мильоновъ на покровительство сахарнымъ заводчикамъ и оптовымъ торговцамъ. Кромѣ того, оно даетъ десятки мильоновъ взаймы компаніямъ желѣзныхъ дорогъ и тратитъ десятки мильоновъ на разныя великолѣпныя постройки.

«Правительство назначаетъ такую сумму, какая сообразна съ его финансовою возможностью, для первоначальнаго пособія основанію промышленно-земледѣльческихъ товариществъ. За эту ссуду оно полу-

---

*) Этотъ «свой планъ», какъ читатель убѣдится дальше, есть ничто иное, какъ проектъ организаціи труда Л. Блана съ нѣкоторыми измѣненіями, допущенными авторомъ или невольнымъ образомъ, или намѣренно для приданія проекту большей яркости и увлекательности. Излагая проектъ Л. Блана, г. Чернышевскій, суда по всему, пользовался двумя источниками: 1-е девятымъ изданіемъ Организаціи труда, и 2-е сборникомъ «Le Droit au travail au Luxembourg et à l'Assemblée Nationale» (Paris, 1849), гдѣ помѣщенъ проектъ организаціи труда выработанный люксембургскою коммисіею.—Онъ однако не остался вполнѣ вѣренъ ни тому, ни другому изъ своихъ источниковъ.

чаетъ обыкновенные проценты и ссуда погашается постепенными взносами въ казну изъ прибыли товариществъ.

«Само собою разумѣется, что пособія отъ казны предполагаются только для ускоренія дѣла. Теперь есть много примѣровъ, что товарищества основывались безъ всякой посторонней помощи. Но если оптовые торговцы и компаніи желѣзныхъ дорогъ получаютъ пособія, то нельзя назвать излишней притязательностью предположеніе, что трудящійся классъ такъ-же имѣетъ нѣкоторое право ожидать отъ государства такого содѣйствія, которое не будетъ стоить ни одной копѣйки казнѣ: получая проценты и постоянно возвращая выданный капиталъ она тутъ не жертвовательница, а просто посредница между биржею и трудящимся классомъ.

«Теперь идея товарищества дѣло еще новое, и для ея осуществленія нужна нѣкоторая теоретическая подготовленность. Потому на первый разъ веденіе дѣла поручается человѣку, котораго правительство признаетъ представляющимъ надлежащія гарантіи знанія и добросовѣстности.

«Приглашаются желающіе участвовать въ составленіи товарищества. Число участниковъ въ каждомъ товариществѣ полагается отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ обоего пола; они принимаются въ товарищество съ согласія директора, который отдаетъ предпочтеніе семейнымъ людямъ надъ безсемейными. Такимъ образомъ, товарищество состоитъ изъ 400 и 500 семействъ, въ которыхъ будетъ до 500 или больше взрослыхъ работниковъ и столько-же работницъ. Какъ поступили они въ товарищество по своему желанію, такъ и выходить изъ него каждый можетъ, когда ему вздумается.

«Въ государствѣ, къ которому относится планъ, находится среди полей множество старинныхъ зданій, стоящихъ запущенными и продающихся за безцѣнокъ. Для товарищества всего выгоднѣе будетъ купить одно изъ такихъ зданій, поправка котораго не требовала-бы особенныхъ расходовъ. Но если оно найдетъ выгоднѣйшимъ, то можно построить новыя зданія; словомъ сказать, дѣло это ведется совершенно по такому-же разсчету, какъ постройка или покупка зданія какого нибудь обыкновеннаго промышленнаго заведенія. Надобно только, чтобы при зданіи было такое количество полей и другихъ угодій, какое нужно для земледѣлія по разсчету рабочихъ силъ товарищества.

«Разница отъ обыкновенныхъ фабрикъ и домовъ для помѣщенія работниковъ состоитъ въ томъ, что квартиры устраиваются съ тѣми

удобствами, какія нужны по понятіямъ самихъ работниковъ, которые будутъ жить въ нихъ. Такъ напримѣръ, квартира для семейнаго человѣка должна имѣть число комнатъ, нужное для скромной, но приличной жизни. Число квартиръ устраивается приблизительно соразмѣрное съ числомъ желающихъ пользоваться такими квартирами. Но кому не угодно жить въ этомъ большомъ зданіи, тотъ можетъ нанимать себѣ квартиру, гдѣ найдетъ удобнымъ. Обязательнаго правила тутъ нѣтъ никакого.

«При зданіи находятся принадлежности, которыя требуются нравами или пользою членовъ товарищества. По нравамъ того народа и его потребностямъ такими принадлежностями считаются: церковь, школа, зала для театра, концертовъ и вечеровъ, библіотека. Кромѣ того, разумѣется, должна быть больница.

«По архитектурнымъ смѣтамъ, то есть по цифрамъ, точность которыхъ каждый можетъ провѣрить, оказывается, что такое зданіе, со всѣми своими принадлежностями и удобствами, будетъ стоить такую сумму, что лица поселившіяся въ немъ получатъ квартиру и гораздо лучше, и гораздо дешевле помѣщеній, въ какихъ живутъ нынѣ. Цѣна за квартиры полагается такая, чтобы за вычетомъ ремонта капиталъ, затраченный на зданіе, давалъ процентъ обычный въ томъ государствѣ.

«Товарищество будетъ заниматься и земледѣліемъ, и промыслами или фабричными дѣлами, какія удобны въ той мѣстности. Инструменты, машины и матеріалы, нужные для этого, покупаются на счетъ товарищества.

«Словомъ сказать, товарищество находится относительно своихъ членовъ въ такомъ-же положеніи, какъ фабрикантъ и домохозяинъ относительно своихъ работниковъ и жильцовъ. Оно ведетъ съ ними совершенно такіе-же счеты, какъ фабрикантъ съ работниками, домохозяинъ съ жильцами. Новаго и неудобоисполнимаго тутъ очень мало, какъ видимъ.

«Теперь когда зданіе готово и все нужное для работъ пріобрѣтено начинается дѣло.

«Однимъ изъ важныхъ экономическихъ разсчетовъ служитъ то, что земледѣліе требуетъ громаднаго количества рукъ въ недолгіе періоды посѣва и уборки, а въ остальное время представляетъ мало занятій. Товарищество должно пользоваться временемъ, какъ можно, разсчетливѣе; потому во время горячихъ земледѣльческихъ работъ всѣ члены его приглашаются заниматься земледѣліемъ, а другими промыслами и

работами занимаются въ свободное отъ земледѣлія время. Впрочемъ, обязательности и тутъ нѣтъ никакой: кто чѣмъ хочетъ, тотъ тѣмъ и занимается. Въ каждомъ промыслѣ, для каждаго разряда работниковъ существуетъ та самая плата, какая обычна для него въ тѣхъ мѣстахъ. Какое-же средство привлечь всѣ руки къ земледѣлію, когда оно требуетъ наибольшаго числа рукъ? Товарищество знаетъ, что количество работы составляетъ сущность дѣла, потому во время посѣва и уборки назначаетъ за земледѣльческую работу такую плату, чтобы огромное большинство членовъ его, занимающихся обыкновенно промыслами, увидѣло для себя выгоду обратиться на время къ земледѣлію. Какъ видимъ, товарищество держится въ этомъ случаѣ обыкновенныхъ въ нынѣшнее время средствъ: оно держится ихъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Работники, незанимавшіеся до той поры земледѣліемъ, на первый годъ, конечно, будутъ пахать или косить хуже записныхъ земледѣльцевъ; но подъ ихъ руководствомъ исполнятъ новое дѣло сноснымъ образомъ, а на слѣдующіе годы и вовсе привыкнутъ къ нему.

«Мы говорили, что каждый занимается тою работою, какую зналъ или какую хочетъ выбрать. Разумѣется, однакожъ, что товарищество и въ этомъ случаѣ руководится разсчетомъ. Сапожники, портные, столяры, конечно, для него нужны, и оно найдетъ выгоднымъ имѣть такія мастерскія. Но если-бы иной членъ вздумалъ заняться производствомъ ювелирныхъ вещей, товарищество разсудитъ, нужна-ли ему такая работа: если нужна, оно заведетъ ювелирную мастерскую, если нѣтъ, то скажетъ ювелиру, что когда онъ непремѣнно хочетъ заниматься только ювелирствомъ, а не другимъ чѣмъ-нибудь, то пусть ищетъ себѣ работы, гдѣ ему угодно, а оно, товарищество, не можетъ доставить ему мастерской такого рода. На первый разъ этотъ разборъ возможнаго и невозможнаго зависитъ отъ благоразумія директора, который набираетъ членовъ.

«Но власть директора неограничена только до того времени, пока записываются поступающіе члены; какъ только составъ товарищества опредѣлился, члены его по каждому промыслу выбираютъ изъ своего числа административный совѣтъ, согласіе котораго нужно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, относящихся къ этому промыслу; а всѣ члены товарищества выбираютъ общій административный совѣтъ, который постоянно контролируетъ директора и выбранныхъ имъ помощниковъ и безъ согласія котораго не дѣлается въ товариществѣ ничего важнаго.

Но вотъ пришелъ годъ: члены товарищества успѣли достаточно узнать другъ друга и пріобрѣсти опытность въ томъ, какъ ведутся дѣла. Власть прежняго директора, назначеннаго правительствомъ, становится уже излишнею и совершенно прекращается. Со втораго года все управленіе дѣлами товарищества переходитъ къ самому товариществу; оно выбираетъ всѣхъ своихъ управителей, какъ акціонерная компанія выбираетъ директоровъ. Быть можетъ, опытъ и наклонности членовъ товарищества указали неудобства нѣкоторыхъ опредѣленій устава, которымъ управлялось товарищество въ первый годъ. Въ такомъ случаѣ что-же мѣшаетъ товариществу измѣнить ихъ по своимъ надобностямъ и желаніямъ? Конечно, если первоначальный директоръ былъ человѣкъ разсудительный, если онъ принималъ людей въ члены товарищества съ осмотрительностью, то члены набрались такіе, которые понимаютъ въ чемъ сущность дѣла, къ которому они присоединялись. Они вѣроятно понимаютъ, что товарищество существуетъ для возможно большаго удобства и благосостоянія своихъ членовъ, что сущность его состоитъ въ устройствѣ, по которому каждый работникъ былъ бы свободнымъ человѣкомъ, и трудился въ свою пользу, а не въ пользу какого-нибудь хозяина. Вѣроятно также, что эти люди будутъ люди, а не звѣри, то есть не станутъ забывать, что общество обязано по возможности заботиться о сиротахъ и другихъ безпомощныхъ своихъ членахъ; вѣроятно, они не захотятъ уничтожить ни школы, ни больницы, видя, что есть у товарищества достаточно средствъ для ихъ содержанія. А если такъ, то они останутся вѣрны духу и цѣли своего товарищества и тогда, когда отъ нихъ будетъ зависѣть измѣнять, какъ имъ самимъ угодно, уставъ его. А если такъ, то надобно полагать, что уставъ этотъ они не испортятъ, а развѣ усовершенствуютъ. Что именно сдѣлаютъ они для его усовершенствованія, это уже ихъ дѣло, а наше дѣло только разсказать, какой порядокъ заводится въ товариществѣ первоначальнымъ уставомъ, дѣйствовавшимъ въ первый годъ; одну часть его, относящуюся къ производству, мы изложили; теперь займемся другою, относящеюся къ распредѣленію и потребленію.

«Можно, кажется, предположить, что работники, получая отъ товарищества обыкновенную плату обыкновеннымъ порядкомъ, будутъ работать не хуже обыкновеннаго. Мы предполагаемъ, что управленію товарищества едва ли понадобится прибѣгать къ исключенію какого-нибудь члена изъ товарищества за лѣность; а если понадобится—что

дѣлать!—оно исключитъ его, какъ отпускаетъ фабрикантъ слишкомъ лѣниваго работника. Но лѣнивыхъ работниковъ будетъ въ товариществѣ меньше, нежели на частныхъ фабрикахъ: имѣя, какъ мы увидимъ, болѣе прямую выгоду отъ усердія въ работѣ, члены товарищества, вѣроятно, останутся вѣрны общему качеству человѣческой природы, по которому усердіе къ дѣлу измѣряется выгодностью его, и потому надобно полагать, что работа въ товариществѣ пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ на частныхъ фермахъ и фабрикахъ, гдѣ наемные рабочіе не участвуютъ въ прибыли отъ своего труда.

«Если у фабриканта остается значительная прибыль, за вычетомъ заработной платы и другихъ издержекъ производства, то остается она и у товарищества. Одна часть этой прибыли пойдетъ на содержаніе церкви, школы, больницы и другихъ общественныхъ учрежденій, находящихся при товариществѣ; другая на уплату процентовъ по ссудѣ изъ казны и на ея погашеніе; третья на запасный капиталъ, который будетъ служить, такъ сказать, застрахованіемъ товарищества отъ разныхъ случайностей. (Если товариществъ много, этотъ запасный капиталъ служитъ основаніемъ для ихъ взаимнаго застрахованія отъ разныхъ невзгодъ. Когда же возрастаніе его представитъ возможность, онъ также обращается на пособіе вновь основываемымъ товариществамъ). За покрытіемъ всѣхъ этихъ расходовъ, должна остаться значительная сумма, которая пойдетъ въ дивидендъ всѣмъ членамъ товарищества, каждому по числу его рабочихъ дней.

«Нашъ уставъ написанъ именно въ томъ предположеніи, что эта сумма, остающаяся для дивиденда, будетъ значительна. Почему мы такъ думаемъ? Просто потому, что хозяинъ частной фабрики также имѣетъ всѣ расходы, которые мы вычитали изъ прибыли товарищества: онъ также платитъ проценты по своимъ долгамъ и погашаетъ ихъ, также содержитъ, если только онъ человѣкъ честный, и церковь, и школу, и больницу (и надобно замѣтить, что чѣмъ больше онъ тратилъ на эти учрежденія, требуемыя понятіями или пользами его работниковъ, тѣмъ болѣе остается у него чистой прибыли); наконецъ, онъ также застраховываетъ свою фабрику,—издержка соотвѣтствующая образованію запаснаго капитала въ товариществѣ,—и за всѣми этими расходами у него все еще остается значительная сумма, которая одна собственно и составляетъ его прибыль: онъ бросилъ бы свою фабрику, если бы эта сумма, остающаяся у него въ рукахъ, не была

значительна. Нѣтъ причины полагать, чтобы работа у товарищества шла менѣе успѣшно, нежели у него, а есть причина полагать, что она пойдетъ успѣшнѣе; потому-то мы и говоримъ, что дивидендъ въ товариществѣ будетъ значителенъ.

«Этотъ дивидендъ составляетъ одну сторону выгодности товарищества для его членовъ; онъ возникаетъ отъ производства. Другую сторону выгодности доставляетъ посредничество товарищества въ расходахъ его членовъ на потребленіе.

«Мы уже говорили, что всѣ желающіе члены пользуются въ общественномъ зданіи квартирами, которыя лучше и дешевле обыкновенныхъ. Точно также они могутъ брать, если захотятъ, всякія нужныя имъ вещи изъ магазиновъ товарищества, по оптовой цѣнѣ, которая гораздо дешевле обыкновенной, розничной. Кому, напримѣръ, кажется удобнымъ покупать сахаръ по 20 коп. за фунтъ, а не по 30, какъ онъ продается въ маленькихъ лавкахъ, тотъ можетъ брать его изъ магазина товарищества, которое покупаетъ сахаръ прямо съ биржи, стало быть имѣетъ его 30-ю процентами дешевле, чѣмъ получается онъ изъ мелкихъ лавокъ. Но, разумѣется, кому угодно платить не 20, а 30 коп. за фунтъ, тотъ можетъ покупать его, гдѣ ему угодно. Для людей небогатыхъ главный расходъ составляетъ пища. Кому угодно самому готовить свой обѣдъ, можетъ готовить его, какъ хочетъ. Но кто захочетъ, тотъ можетъ брать кушанья къ себѣ на квартиру изъ общей кухни, которая отпускаетъ ихъ дешевле, нежели обходятся они въ отдѣльномъ маленькомъ хозяйствѣ; а кому угодно, тотъ можетъ обѣдать за общимъ столомъ, который стóитъ еще дешевле, нежели покупка порцій изъ общей кухни на квартиру.

«Намъ кажется, что во всемъ этомъ нѣтъ пока ровно ничего особенно ужаснаго или стѣснительнаго. Живи, гдѣ хочешь, живи, какъ хочешь, только предлагаются тебѣ средства жить удобно и дешево, и кромѣ обыкновенной платы получать дивидендъ. Если и это стѣснительно, никто не запрещаетъ отказываться отъ дивиденда.

«Вотъ именно этотъ самый планъ имѣетъ свойство возбуждать въ экономистахъ отсталой школы неимовѣрное негодованіе своею ужасною притѣснительностью, своимъ противорѣчіемъ со всѣми правилами коммерческаго разсчета, своею противоестественностью и своимъ пренебреженіемъ къ личному интересу, безъ котораго нѣтъ энергіи въ трудѣ. Хорошій отсталый экономистъ скорѣе согласится пойти въ негры и всѣхъ своихъ соотечественниковъ тоже отдать въ негры, нежели

сказать, что въ планѣ этомъ нѣтъ ничего слишкомъ дурнаго или неудобоисполнимаго». (Современникъ т. 79. II. Стр. 59 – 66).

Мы не станемъ въ другой разъ анализировать этотъ «свой планъ» г. Чернышевскаго; а обратимъ вниманіе только на его особенности сравнительно съ проектомъ Л. Блана.

Нечего и говорить, что въ изложеніи необыкновенныхъ результатовъ отъ приведенія въ исполненіе плана тамъ, гдѣ нашъ авторъ уклонился отъ точнаго воспроизведенія подробностей проекта въ оригиналѣ, онъ не отсталъ отъ Л. Блана и нашу народную честь не унизилъ.—Л. Бланъ представляетъ, что его земледѣльческая соціальная мастерская будетъ удѣлять нѣкоторую часть прибыли «для образованія вспомогательнаго фонда, предназначеннаго для стариковъ, больныхъ и раненыхъ» *). Нашъ авторъ поступаетъ гораздо смѣлѣе и выказываетъ гораздо болѣе щедрости и великодушія. Не дожидаясь пока получится чистая прибыль, онъ сразу строитъ при мастерской цѣлую больницу, разумѣется съ докторомъ, съ фельдшеромъ, съ аптекой.—И этого мало; кромѣ больницы, онъ строитъ и церковь. Читатель вѣроятно удивился, когда читалъ это. Какъ-же въ самомъ дѣлѣ г. Чернышевскій находитъ необходимою для «товарищества» церковь? Что за отсталость, что за обскурантизмъ? Какимъ образомъ апостолъ матеріализма превращается въ христіанскаго миссіонера? Никакого превращенія тутъ нѣтъ. Различныя учрежденія проектируются для соціальной мастерской по вниманію какъ къ «потребностямъ», такъ и къ «нравамъ» народа. Объ этомъ авторъ заранѣе предупреждаетъ читателя. Изъ уваженія къ тѣмъ же самымъ нравамъ для соціальной мастерской устраивается залъ для театра, для концертовъ и вечеровъ и, кромѣ того, библіотека. Извѣстно, что французскій рабочій не можетъ обойтись безъ театра и безъ романа; вотъ ему и дается возможность пользоваться тѣмъ и другимъ. А кромѣ того при мастерской устраиваются потребительные магазины, гдѣ рабочіе могутъ по дешевой цѣнѣ покупать всѣ предметы и припасы, необходимые имъ. Наконецъ, для нихъ устраиваются квартиры и притомъ «со всѣми удобствами» и съ числомъ комнатъ, необходимымъ для скромной, но приличной жизни. Это прелесть что такое! Теперь рабочіе живутъ по угламъ; а то вдругъ нѣсколько комнатъ. Напрашивается тутъ на вни-

*) Мы говоримъ о подробностяхъ устройства соціальной мастерской, по 9-му изданію, которое составляетъ послѣднее слово Л. Блана объ этомъ предметѣ. См. ниже прилож. 3.

маніе назойливый вопросъ о средствахъ.... Но, это пустяки; стоитъ-ли объ этомъ толковать?

Такъ нашъ «свой планъ» дѣйствительно отчасти оказывается своимъ по причинѣ бо́льшей грандіозности, яркости красокъ и привлекательности даже при первоначальномъ устройствѣ. А въ дѣйствіи онъ, ужъ разумѣется, не отстанетъ отъ проекта Л. Блана. Начнемъ сначала. У Л. Блана первый организаторъ соціальной мастерской, назначенный правительствомъ, отличается всѣми качествами, необходимыми хорошему организатору, и рабочихъ принимаетъ съ разборомъ, обращая вниманіе на ихъ нравственность. Нашъ организаторъ обращаетъ вниманіе, кромѣ того, и на умъ. Вслѣдствіе его осмотрительности, члены мастерской «набрались такіе, которые понимаютъ, въ чемъ сущность дѣла (даже сущность понимаютъ!), къ которому они присоединились. Это настолько умные люди, что немедленно по вступленіи въ мастерскую они уже выбираютъ административный совѣтъ, и разумѣется выборы ихъ безошибочны—избираютъ людей наиболѣе способныхъ, а черезъ годъ *) избираютъ и директора и опять-таки съ безошибочностью, такого, который поведетъ дѣло еще лучше, чѣмъ директоръ, назначенный отъ правительства. Этому будутъ соотвѣтствовать и результаты дѣятельносги мастерской. Прибыль отъ всякаго рода работъ будетъ весьма значительная. Ручательствомъ этого служатъ способности директора, административнаго совѣта, равно какъ умъ и нравственныя качества рабочихъ. Всѣхъ этихъ ручательствъ, по мнѣнію г. Чернышевскаго, вполнѣ достаточно для полнаго успѣха дѣла; и онъ не хочетъ утруждать ни себя, ни читателя подробнымъ исчисленіемъ и разъясненіемъ побужденій къ дѣятельности въ мастерской, чѣмъ волею-неволею долженъ былъ заняться Л. Бланъ. Для нашего публициста и для его читателей такія мелочи не важны; тутъ онъ опять не только не отсталъ отъ Л. Блана, по далеко опередилъ его. Былъ бы только результатъ, а побужденій хоть бы и совсѣмъ не было, ни интереса матеріальнаго, ни интереса чести и славы, какъ личнаго, такъ и коллективнаго, ни преданности и безкорыстія, ни даже привлекательнаго труда. Всѣ будутъ хорошо работать по причинѣ прилежанія, такъ какъ почти всѣ не только умны, но и прилежны; лѣнивыхъ между ними будетъ очень мало; и притомъ ихъ можно сейчасъ за порогъ. Будутъ, кромѣ того, всѣ работать не только прилежно, но и успѣшно, по-

*) Л. Бланъ первоначально тоже назначалъ для этого одинъ годъ, но потомъ отъ этого точнаго опредѣленія срока отказался. См. прилож. 3.

тому что «нѣтъ причины полагать», чтобы работа ихъ была неуспѣшна. Коротко и ясно и, кромѣ того, убѣдительно, гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ у Л. Блана.

Л. Бланъ превзойденъ во всѣхъ пунктахъ, между прочимъ въ незнаніи политической экономіи. Нашъ авторъ довольно вѣрно заимствовалъ у него распредѣленіе на четыре отдѣла чистой прибыли, того, что остается у фабриканта или въ соціальной мастерской, «за вычетомъ заработной платы и другихъ издержекъ производства», какъ самъ онъ говоритъ. Только въ одномъ пунктѣ онъ сдѣлалъ ничтожное по объему, но весьма важное измѣненіе или точнѣе прибавленіе. У Л. Блана одна четверть прибыли предназначается «на погашеніе капитала», даннаго въ ссуду капиталистамъ чрезъ посредство государства. Г. Чернышевскій къ этой же части чистой прибыли относитъ, кромѣ погашенія капитала, и уплату процентовъ. Въ этомъ и заключается вся разница. И она-то именно показываетъ, что г. Чернышевскій знакомъ съ основными и безспорными положеніями политической экономіи еще меньше, чѣмъ даже Л. Бланъ, который также въ ней не силенъ. Проценты на затраченный капиталъ уплачиваются не изъ прибыли предпринимателя, а принадлежатъ къ числу самыхъ существенныхъ и безусловно необходимыхъ издержекъ производства. Это относится къ азбукѣ политической экономіи. Пока проценты не уплачены, до тѣхъ поръ нельзя и рѣчи заводить о прибыли. Погашеніе капитала, которое Л. Бланъ проектируетъ дѣлать изъ чистой прибыли, совсѣмъ другое дѣло; оно дѣйствительно не относится къ издержкамъ производства. Оно и не обязательно при производствѣ; предприниматель можетъ его совсѣмъ не дѣлать, можетъ капиталисту не платить ни одной копѣйки съ цѣлью погашенія, если не было сдѣлано особаго условія. А что касается до процентовъ, если онъ не уплатитъ ихъ только въ одинъ срокъ, капиталистъ предъявитъ къ нему искъ и онъ будетъ признанъ банкротомъ, и его промышленное предпріятіе перестанетъ существовать.

Другое весьма существенное отклоненіе отъ требованій строгой научности и истины у г. Чернышевскаго заключается въ томъ, что онъ ссылается на какія-то архитектурныя смѣты, точность которыхъ будто бы всякій можетъ провѣрить и изъ которымъ будто бы «оказывается», что зданіе для помѣщенія рабочихъ въ соціальной мастерской «со всѣми своими принадлежностями и удобствами, т. е. церковью, школою, залою для театровъ, концертовъ и вечеровъ, съ боль-

ницею и библіотекою» будетъ стоить такую сумму, что лица, поселившіяся въ немъ, получатъ квартиру и «гораздо лучше и гораздо дешевле помѣщеній, въ которыхъ живутъ нынѣ». Архитектурныхъ смѣтъ на подобныя зданія никто никогда не представлялъ и ихъ нѣтъ ни въ проектѣ Л. Блана, ни въ копіи его, сдѣланной г. Чернышевскимъ. И эта его ссылка на несуществующія смѣты и приглашеніе повѣрять ихъ только подтверждаетъ особенную смѣлость автора. Если бы онъ или Л. Бланъ сдѣлали смѣты на постройки и потомъ на самое производство, то не тѣ были бы результаты; потому что цифры-то повѣрить въ самомъ дѣлѣ проще и доступнѣе для всякаго, чѣмъ основанныя на полузнаніи и полупониманіи смѣлыя увѣренія и предсказанія, выдаваемыя за результатъ научныхъ изслѣдованій.

Мы уже видѣли, что первый директоръ мастерской, назначенный правительствомъ, выбираетъ столь осмотрительно членовъ ея, что они не только отличаются прилежаніемъ и доброю нравственосгью, но и достаточнымъ умомъ, чтобы понять цѣль и задачи учрежденія и дѣлать правильные выборы администраціи черезъ годъ по открытіи мастерской. Все это хорошо. Но для кандидатовъ, желающихъ поступить въ соціальныя мастерскія, это представляетъ такія трудности, которыхъ нѣтъ даже у Л. Блана. Л. Блановы кандидаты должны представить только удостовѣреніе въ доброй нравственности, а кандидаты г. Чернышевскаго, кромѣ того, удостовѣреніе въ достаточной дозѣ ума, что-то въ родѣ аттестата зрѣлости, который притомъ не будетъ обязателенъ для осмотрительнаго директора, назначеннаго правительствомъ. Если бы самъ г. Чернышевскій былъ назначенъ на эту должность, то вѣдь онъ вѣроятно не принялъ бы въ мастерскую ни одного изъ этихъ осталыхъ экономистовъ «обскурантовъ и ретроградовъ», которыхъ онъ подвергаетъ осмѣянію въ этой статьѣ, тѣхъ, которые согласятся скорѣе пойти въ негры, чѣмъ признать проектъ Л. Блана не слишкомъ дурнымъ.—Предположимъ въ самомъ дѣлѣ, что къ нему явились бы и заявили желаніе поступить въ члены мастерской М. Шевалье, Л. Фоше, Тьеръ, Бастія, Росси, а затѣмъ гг. Вернадскій и Горловъ, по поводу книги котораго написана вся статья г. Чернышевскаго; вѣдь онъ обязанъ-бы былъ отказать имъ, потому что много-ли ума у этихъ «хорошихъ отсталыхъ экономистовъ, у ретроградовъ и обскурантовъ»? А не надобно забывать, что г. Чернышевскій къ числу этихъ обскурантовъ относитъ всѣхъ вообще представителей экономической науки, кромѣ соціалистовъ, Оуэна, Фурье и др.; потому никто изъ нихъ

не долженъ быть допущенъ къ участію въ трудѣ соціальныхъ мастерскихъ. А о народѣ и говорить нечего. Изъ его среды туда почти никто не долженъ быть допущенъ. Въ особенности это обязательно для директора соціальной мастерской, послѣ того какъ citoyens Finance, Nicaise, Lefebvre, Masquin, Frideau такъ опредѣлено высказались противъ системы Л. Блана, и притомъ не отъ своего только имени, а какъ делегаты всего класса рабочихъ вообще.—Къ чему же сводится послѣ этого соціальная мастерская г. Чернышевскаго? Многихъ-ли рабочихъ избавитъ она отъ нужды и лишеній? Не будетъ-ли это что-то въ родѣ іерусалимской Овчей купели, которая изо всего множества лежавшихъ тамъ больныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ исцѣляла одинъ разъ въ годъ недуги только одного,—того, кто первый влѣзалъ въ нее по возмущеніи воды, а другіе ждали по 38 лѣтъ и, наконецъ, умирали, не дождавшись случая раньше другихъ омыться въ чудотворной купели?—Нашъ авторъ, превосходя французскаго показнымъ великодушіемъ, простором и удобствомъ помѣщеній для рабочихъ и всякаго рода приспособленіями, соотвѣтствующими ихъ потребностямъ и нравамъ, въ самомъ-то дѣлѣ оказался еще менѣе милостивъ къ голоднымъ и едва прикрытымъ дырявыми рубищами рабочимъ, чѣмъ Л. Бланъ, оставилъ за порогомъ, на вѣтру, на холодѣ, подъ дождемъ еще большую массу ихъ, чѣмъ его французскій предшественникъ—учитель. И во всемъ этомъ нашъ публицистъ не выказалъ ничего хоть сколько-нибудь оригинальнаго, самобытнаго, самостоятельнаго, а только недомысліе, допущенное Л. Бланомъ вслѣдствіе спѣшной работы, довелъ до высшей степени, возвелъ его въ квадратъ.

Есть, впрочемъ, и у него нѣкоторая оригинальность въ его «своемъ планѣ» и даже не одна. Первая изъ нихъ находится собственно не въ планѣ, а во вступленіи, въ приступѣ къ изложенію плана. Онъ представляетъ не только какъ главное, но и какъ единственное возраженіе экономистовъ противъ соціальныхъ проектовъ вообще и въ частности противъ проекта Л. Блана—то, что имъ стѣсняется индивидуальная свобода. Это возложеніе не только не единственное, но и не главное. Мы привели важнѣйшія возраженія, представленныя на проектъ Л. Блана какъ представителями науки и печати вообще, такъ и делегатами рабочихъ. Первое изъ этихъ возраженій состоитъ въ томъ, что побужденіе къ труду въ соціальныхъ мастерскихъ при равной платѣ недостаточно для того, чтобы трудъ былъ успѣшенъ и производителенъ. Оно есть самое главное, подтвержденное многими опы-

тами. (См. выше, стр. 492, 495, 540). Второе: администрація, назначенная правительствомъ и потомъ выборная администрація въ большинствѣ случаевъ окажется неудовлетворительною. Делегаты рабочихъ засвидѣтельствовали, что такъ на практикѣ и оказалось (см. стр. 544), —что государству Л. Бланъ даетъ несвойственную ему и неисполнимую для него роль главнаго распорядителя всѣми промышленными заведеніями страны. Это истина, сдѣлавшаяся аксіомою вслѣдствіе вѣковыхъ опытовъ. Вотъ эти возраженія остались неопровергнутыми ни Л. Бланомъ, ни г. Чернышевскимъ. А что касается до стѣсненія индивидуальной свободы, Л. Блану только кратко и мимоходомъ говорили объ этомъ немногіе изъ его критиковъ. И что достойно вниманія, и самъ онъ, вопреки г. Чернышевскому, не усиливается доказывать противное; раньше мы привели его мнѣніе, что «во всякомъ собраніи меньшинство подверженно опасности угнетенія со стороны большинства»; и въ соціальныхъ мастерскихъ гарантію свободы отъ всякаго произвола онъ видитъ только въ томъ, что государственная власть стоитъ на стражѣ изданнаго ею закона касательно всѣхъ подробностей организаціи промышленности, вслѣдствіе чего всякій членъ соціальной мастерской достаточно защищенъ отъ произвола во всякомъ видѣ *). Но мы, а вмѣстѣ съ нами и г. Чернышевскій хорошо знаетъ, что эта гарантія весьма недостаточна. Съ другой стороны, прибавляетъ Л. Бланъ, соціалисты и не принадлежатъ къ послѣдователямъ «узкихъ и анархическихъ ученій либерализма» и онъ съ своей стороны находитъ небезосновательными тѣхъ рабовладѣльцевъ, которые говорятъ: «наши негры счастливѣе вашихъ рабочихъ», т. е. признаетъ, что свобода безъ хлѣба небольшое счастье и не стоитъ больше, чѣмъ даже полная потеря свободы при матеріальномъ обезпеченіи. И кто можетъ не признать, что общность въ работахъ и въ производствѣ дѣйствительно стѣсняетъ человѣка, подчиняетъ его дѣйствія и образъ жизни чужой мысли, чужому руководству. А когда общность жизни и работы переходитъ въ полный коммунизмъ, тогда является дѣйствительное и большое стѣсненіе индивидуальной свободы членовъ общины, которое разрѣшается взрывомъ неудовольствія управляемыхъ и изгнаніемъ управителей; причемъ ихъ сопровождаютъ проклятіями и называютъ деспотами, хотя лично они принадлежатъ къ людямъ наиболѣе кроткимъ, незлобивымъ и либеральнымъ, подобно Кабе и Оуэну.

---

*) 9-е изд. стр. 222.

Такимъ образомъ г. Чернышевскій оказался болѣе либераломъ, чѣмъ Л. Бланъ, и одерживая побѣды надъ своими собесѣдниками и потѣшаясь надъ ними, онъ или потѣшался надъ Л. Бланомъ, надъ тѣмъ кладяземъ, изъ котораго онъ черпалъ свою премудрость, или отдавалъ самого себя на потѣху читателю, обнаруживая публично, что онъ просмотрѣлъ у Л. Блана признаніе того, что его соціальныя мастерскія необходимымъ образомъ стѣсняютъ свободу каждаго изъ рабочихъ, занятыхъ въ нихъ. Такія побѣды лучше бы было не одерживать или по крайней мѣрѣ не сопровождать тріумфомъ.

Другая болѣе краснорѣчивая оригинальность г. Чернышевскяго состоитъ въ его ученіи, что различные проекты соціальной реформы въ существенныхъ чертахъ сходны одни съ другими и всѣ удовлетворительны; и что тѣ подробности, которыя составляютъ причину споровъ между ихъ авторами и приверженцами, легко могутъ быть удалены. Это прекрасно; но подробности, составляющія предметъ споровъ, т. е. подробности, имѣющія противоположный характеръ, не составляютъ чего-либо внѣшняго, прибавочнаго, несущественнаго, а составляютъ самую душу проектовъ, самую ихъ сущность, ихъ основу, фундаментъ всего зданія. Оуэнъ, Кабе требуютъ уничтоженія частной собственности, а Фурье при этомъ только пожимаетъ плечами и восклицаетъ: въ 19 вѣкѣ уничтожать собственность! Да что же это такое? Это введеніе казацкой нравственности во Франціи!—Если эти двѣ подробности уничтожить, т. е. самый вопросъ отстранить, то всякое человѣческое общество дѣлается невозможнымъ. Люди должны жить, имѣть пропитаніе, пользоваться землею и капиталами накопленными, пользоваться ими или въ порядкѣ частной собственности, или въ порядкѣ собственности государственной или общинной, т. е. въ порядкѣ коммунизма. Но пользоваться ими безъ всякаго порядка, пользоваться никакимъ способомъ—невозможно.

Устраненіе противорѣчащихъ подробностей дѣйствительно ведетъ къ отрицанію какъ порядка, такъ и безпорядка, къ отрицанію категоріи образности, безъ которой не мыслится и не происходитъ никакое дѣйствіе, никакое состояніе.—Или быть можетъ авторъ хотѣлъ сказать, что подробности, составляющія предметъ споровъ, могутъ быть соглашены?—Но какъ же ихъ согласить, когда между ними столь полное противорѣчіе, вслѣдствіе котораго они могутъ только исключать другъ друга?—Какъ согласить плюсъ и минусъ, какъ привести ихъ ко взаимнодѣйствію? — Ихъ взаимнодѣйствіе имѣетъ въ результатѣ

нуль. Тоже будетъ въ результатѣ всякой соціальной системы, изъ которой будутъ исключены существенныя подробности, противорѣчащія подробностямъ другихъ системъ. И этотъ нуль означаетъ не то, что община, служащая осуществленіемъ какой-нибудь системы, будетъ имѣть въ результатѣ своей дѣятельности дефицитъ, убытки. Нѣтъ, она совсѣмъ не будетъ имѣть возможности жить и дѣйствовать. Если одинъ инженеръ утверждаетъ, что вагоны должны быть о 6-ти колесахъ, а другой, что они должны быть о 8-ми колесахъ, и мы обѣ эти подробности устранимъ, какъ несогласныя между собою, то вагонъ совсѣмъ останется безъ колесъ и не будетъ имѣть возможности двигаться.

И такихъ существенныхъ подробностей въ соціальныхъ системахъ нѣсколько: къ нимъ относится не одинъ только вопросъ о собственности. Сюда-же относится вопросъ о семействѣ. Кабе, Л. Бланъ, Эскиросъ, Пеккеръ требуютъ семейства съ чистотою нравовъ строго христіанскою, а Оуэнъ называетъ такое семейство однимъ изъ трехъ источниковъ зла на землѣ.—Согласно съ нимъ, Фурье требуетъ брака циническаго (въ буквальномъ смыслѣ этого слова), а Нойсъ, перетолковывая библію, даже устроиваетъ такой бракъ на практикѣ.

Подобнымъ образомъ совершенно въ противорѣчивомъ смыслѣ авторы соціальныхъ системъ рѣшаютъ вопросъ о богопочитаніи *), воспитаніи дѣтей, потребленіи, удовольствіяхъ и т. п. Если удалить всѣ эти подробности, то въ жизни не останется никакого содержанія, самой жизни не будетъ и негдѣ будетъ осуществлять какую-нибудь соціальную систему; является небытіе, le néant.

Нашъ авторъ имѣетъ очень счастливую логику, которая всегда приводитъ его къ самымъ благопріятнымъ результатамъ. Всѣ проекты удовлетворительны и въ существенныхъ чертахъ сходны. Неудовлетворительными и въ существенныхъ чертахъ несходными они и быть не могутъ, если принять во вниманіе качества ихъ авторовъ. Авторы ихъ люди необыкновенные, которыхъ свойства являются въ яркомъ свѣтѣ,

*) Конечно, наши интеллигенты скажутъ, что этотъ вопросъ можно оставить безъ разрѣшенія, по причинѣ его отсталости, несовременности.— Но не такъ смотрѣли на дѣло тѣ люди, которые производили соціальные опыты. Ньюгармонійская община, Сѣверо-Американская фаланга и Икарійская община одною изъ причинъ распаденія имѣли религіозныя несогласія, возникшія именно изъ того, что вопросъ о богопочитаніи не былъ разрѣшенъ предварительно.

въ особенности по сравненію ихъ съ противниками. Что можетъ быть, въ самъ дѣлѣ лучше и пріятнѣе этого? Ученіе г. Чернышевскаго объ авторахъ соціальныхъ проектовъ въ высшей степени любопытно; въ литературѣ политической экономіи вообще онъ видитъ совершенно правильно два направленія: собственно экономическое и соціалистическое. И вотъ его характеристика обоихъ направленій. «Одно (именно экономическое) служитъ только безцвѣтнымъ повтореніемъ старины, не имѣетъ между своими дѣятелями ни одного человѣка съ замѣчательнымъ умомъ; а къ другому соціалистическому принадлежатъ безъ исключенія все люди геніальные».—Въ другомъ мѣстѣ ту-же характеристику относительно соціалистовъ авторъ повторяетъ еще разъ. Отрекомендовавши своимъ читателямъ Р. Оуэна, какъ «мыслителя дѣйствительно великаго», онъ продолжаетъ, что «у него были сподвижники и остаются продолжатели (т. е. всѣ вообще соціалисты), достойные стоять съ нимъ рядомъ и по геніяльности *) и по благо-

---

*) Ученіе о геніяхъ и геніальности есть одна изъ любопытныхъ подробностей нашей философіи. Собственно оно составляетъ доведеніе до абсурда понятія, составленнаго нѣмцами вслѣдствіе ихъ особой способности довольствоваться понятіями неясными, туманными, а также вслѣдствіе ихъ наклонности къ ходульности и вычурности. У французовъ и англичанъ этихъ понятій нѣтъ, и нѣтъ словъ, соотвѣтствующихъ нашимъ: геній, геніальный, геніальность; хотя у нихъ похожія слова genie, genius есть, но они обозначаютъ главнымъ образомъ не человѣка, какъ у насъ, а качества человѣка и притомъ не всегда выдающіяся; и французы могутъ употреблять такія выраженія, какъ genie médiocre, посредственный геній, т. е. посредственныя способиости, génie touranien de Prondhon,—такое свойство г. Духинскій нашелъ въ Прудонѣ, к гда Прудонъ протестовалъ противъ «jongléries polonaises».

Намъ это слово въ его особенномъ нѣмецко-русскомъ смыслѣ полюбилось по многимъ причинамъ: 1-е) мы любимъ щеголять особыми, культурными выраженіями, которыхъ не знаетъ народъ; намъ все хочется, чтобы насъ какъ-нибудь не смѣшали со «святою скотиною», не выдѣлили изъ интеллигенціи; 2-е) мы любимъ все преувеличить, чтобы не отстать отъ Европы, любимъ дать ей нѣсколько ходовъ впередъ, или, говоря точнѣе, мы любимъ показать видъ, что можемъ это сдѣлать; 3-е) мы не можемъ обойтись безъ пресмыкательства передъ кѣмъ-бы то ни было. Это пресмыкательство есть необходимое послѣдствіе презрительнаго отношенія къ народу, и происходитъ изъ недостатка уваженія къ личности, какъ чужой, такъ и своей, и кромѣ того — изъ недостатка внутренняго умственнаго и нравственнаго фонда, вслѣдствіе чего мы чувствуемъ потребность опеки даже въ области науки и литературы, необходимость начальства, которое надъ нами командовало-бы; наконецъ,

родству стремленій».—Вотъ каковы авторы соціальныхъ проектовъ, всѣ эти С. Симоны, Фурье, Консидераны, Кабе, Дезами, Пилло, Констаны, Эскиросы, Пеккеры, Л. Бланы и т. д. Все это люди геніальные, мыслители дѣйствительно великіе. Не мудрено, что и проекты реформъ, составленные ими, отличаются какъ удовлетворительностью, такъ и согласіемъ въ существенныхъ частяхъ. Кеплеръ, Ньютонъ, Галлей, Гершель и Лапласъ хоть не одно и тоже писали о вопросахъ астрономическихъ, но всѣ писали хорошо, и ихъ ученія составляютъ разработку одного и того-же ученія о системѣ міра.

4-е) мы очень не любимъ ясности въ понятіи, бѣжимъ отъ точнаго анализа свойствъ всякаго предмета, а въ особенности человѣческаго духа. Это дѣло науки, а слѣдить, какъ нужно, за наукою мы не привыкли. Для насъ гораздо удобнѣе такія слова, которыя избавляютъ отъ необходимости усвоивать себѣ анализъ научный или дѣлать свой собственный; къ нимъ прежде всего относятся наши: геній, геніальность, геніальный. Ихъ можно безъ лишняго труда прилагать вездѣ: у насъ и Наполеонъ геній, и Талейранъ геній, и Гоголь геній, и Тургеневъ геній, и актеръ Мочаловъ геній, и живописецъ Крамской геній, и Л. Толстой геній, и Салтыковъ геній и т. д. — Но между этими геніями есть вѣроятно очень большая разница, напр. между Наполеономъ и Мочаловымъ, между Толстымъ и Талейраномъ. Въ чемъ-же она состоитъ? Вотъ тутъ-то и оказывается наше преимущество; мы безъ ученья можетъ попасть въ ученые люди. Намъ нѣтъ надобности разбирать, какая разница и количественная и качественная между этими людьми. Геніи да и только, геніальные люди, обладаютъ геніальностью—вотъ и все; и просто и щеголевато, и дешево и сердито.—И всѣ эти слова какъ будто нарочно изобрѣтены для приложенія къ Фурье, Оуэну, Л. Блану и т. д. Именно къ нимъ-то и отнеслись у насъ съ раболѣпствомъ и разумѣется нисколько не утруждая себя анализомъ, критикою. Вслѣдствіе этого, для г. Градовскаго, Фурье—г е н і а л ь н ы й Фурье, г е н і а л ь н ы й соціалистъ, г е н і а л ь н ы й мыслитель», для г. Чернышевскаго всѣ сотрудники Оуэна и продолжатели его, т. е. всѣ вообще соціалисты «люди геніальные, достойные стоять рядомъ съ Оуэномъ по г е н і а л ь н о с т и». Иностранные ученые смѣются надъ этою геніальностью тою едва замѣтною улыбкою, который секретъ такъ хорошо знаютъ благовоспитанные люди. Этою улыбкою Леруа-Болье смѣется надъ нашею «интеллигенціею», а Лявеле надъ «геніальностью». Приводя въ одномъ изъ своихъ сочиненій письмо Бакунина о соціальномъ движеніи въ Италіи, онъ въ такомъ видѣ передаетъ выраженіе его о Мадзини: Mazzini notre «genial» et puissant antagoniste etc.; слово «genial» онъ ставитъ во вносныхъ знакахъ; это и есть его едва замѣтная улыбка. Это genial непривычно для ученаго З. Европы, а у насъ оно въ ежедневномъ употребленіи и у шустраго театральнаго репортера, и у «блестящаго публициста», и у ученаго профессора

Подобно этому ряду ученыхъ, дѣйствовали и соціалисты, начиная съ С. Симона, всѣ эти геніальные люди, всѣ эти мыслители великіе, не смотря на то, что они говорили вещи прямо противоположныя, необходимымъ образомъ отрицающія другъ друга.

Мы уже указывали на нѣкоторыя явленія нашей жизни, какъ на безпримѣрныя, неимѣющія себѣ подобныхъ во всей вообще исторіи. Такихъ явленій у насъ очень много; Россія вообще можетъ быть названа страною безпримѣрныхъ явленій, и отношеніе г. Чернышевскаго къ экономистамъ и соціалистамъ принадлежитъ несомнѣнно и прежде всего къ ихъ числу. Со одной стороны огульное оплеваніе (мы не знаемъ, какое другое слово можетъ быть здѣсь употреблено) всей литературы одной изъ самыхъ достойныхъ вниманія наукъ, причисленіе къ разряду ретроградовъ и обскурантовъ всѣхъ экономистовъ, начиная отъ Тюрго и Бентама до Бланки, Листа и Рошера, съ другой—колѣнопреклоненіе и раболѣпство передъ людьми большею частію малограмотными, излагающими не научныя теоріи, а вздорныя и нерѣдко грязныя фантазіи, отвергнутыя на мѣстѣ ихъ родины какъ представителями науки, такъ даже и рабочими классами, для улучшенія судьбы которыхъ онѣ предназначались. Дѣйствительно, ни того, ни другаго нигдѣ въ Европѣ не было. Фурье приравнивалъ къ нулю всѣ тѣ 400,000 книгъ, изъ которыхъ составлены наши библіотеки; но вѣдь это былъ дѣйствительно человѣкъ почти безграмотный, человѣкъ, который отъ начала до конца своей карьеры не встрѣчалъ отъ своихъ соотечественниковъ ничего, кромѣ насмѣшекъ. У насъ были подобные ненавистники книгъ: Фамусовъ и Скалозубъ. А г. Чернышевскій былъ руководителемъ журнала, наиболѣе прогрессивнаго; въ его устахъ наиболѣе бранныя слова —ретроградъ и абскурантъ. И вотъ онъ-то однимъ почеркомъ пера уничтожаетъ значеніе литературы, въ которой есть десятки писателей, знаменитыхъ серьезными и глубокими изслѣдованіями, разъясненіемъ и научнымъ анализомъ экономической жизни народовъ,—которые уже принесли пользу народамъ Европы, такъ какъ вслѣдствіе ихъ разъясненій и изслѣдованій въ экономическихъ законахъ произведены улучшенія, сдѣлавшія ихъ болѣе плодотворными.—Но можетъ быть г. Чернышевскій самъ такъ основательно усвоилъ себѣ науку политической экономіи, такъ подробно изучилъ процессъ экономической дѣятельности народовъ, что всѣ другіе писатели кажутся ему пигмеями, на которыхъ онъ не можетъ

смотрѣть иначе, какъ сверху, свысока, и у него образовался своего рода умственный орлиный взглядъ, который замѣчаетъ даже самое незначительное уклоненіе какого-нибудь писателя отъ истинъ политической экономіи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, вспомнимъ, что Л. Блана упрекаютъ компетентные судьи (Прудонъ) въ томъ, что онъ приступилъ къ радикальной реформѣ въ организаціи промышленности, не ознакомившись предварительно съ тою наукою, въ область которой входитъ ученіе объ организаціи промышленности, т. е. съ политической экономіею; а г. Чернышевскій дѣлаетъ грубыя научныя ошибки даже тамъ, гдѣ Л. Бланъ остается вѣренъ наукѣ,—и можетъ исключать проценты на затраченный капиталъ изъ издержекъ производства. Такъ много-ли у него познаній въ политической экономіи?

И только незнакомствомъ съ наукою можно по крайней мѣрѣ отчасти объяснить это раболѣпство предъ соціальными реформаторами, и притомъ такими, которые отличаются особеннымъ недостаткомъ свѣдѣній изъ области политической экономіи, какъ Л. Бланъ, или отличаются особеннымъ невѣжествомъ вообще, какъ Оуэнъ и Фурьэ. Мало того, ученія этихъ реформаторовъ противорѣчатъ одни другимъ, взаимно исключаютъ себя. Не смотря на то, мы принимаемъ ихъ теоретически и вмѣстѣ съ тѣмъ беремъ ихъ въ руководство для практической жизни! Въ этомъ и состоитъ главнымъ образомъ безпримѣрность факта.

Мы спрашиваемъ: могло-ли что-нибудь похожее быть гдѣ-нибудь въ Западной Европѣ теперь или 25 лѣтъ назадъ? Могло-ли быть, чтобы явился журналистъ и сталъ напримѣръ въ Парижѣ проповѣдывать, что всѣ экономисты ничто иное, какъ люди отсталые, ретрограды и обскуранты, что они скорѣе пойдутъ въ негры, чѣмъ примутъ здравую соціальную теорію, выработанную у сосѣдей, напр., теорію великаго мыслителя, геніальнаго Оуэна, что кромѣ Оуэна такихъ великихъ и геніальныхъ мыслителей есть еще нѣсколько напр. К. Марксъ, Вейтлингъ и пр. Чѣмъ бы отвѣтилъ Парижъ на это? И не только Парижъ, но и Марсель и Руанъ, или Безансонъ и Аррасъ? Конечно, ничѣмъ другимъ, кромѣ гомерическаго хохота. Такой же отвѣтъ получилъ бы смѣлый публицистъ и въ Берлинѣ, и въ Лондонѣ, и въ Манчестерѣ, и въ Ливерпулѣ, не говоря уже объ Оксфордѣ или Кембриджѣ.

Отъ чего же у насъ такой журналистъ не только не возбудилъ гомерическаго хохота, а возбудилъ уваженіе, поклоненіе, прославленіе? Мы говоримъ разумѣется только объ уваженіи среди большинства, среди толпы—интеллигенціи и среди юношества. Отъ чего этого пуб-

лициста еще до сихъ поръ называютъ «великимъ учителемъ», «величайшею умственною силою Россіи» и даже увѣряютъ, будто онъ пріобрѣлъ «славу въ наукѣ» *).

Главнымъ образомъ отъ одной причины, отъ недостатка образованія вообще, и въ частности отъ недостатка образованія философскаго и политическаго; этотъ недостатокъ не дозволилъ массамъ замѣтить грубыя живыя нитки, которыми сшита не система (системы у г. Чернышевскаго нѣтъ), а какая-то экономическая абракадабра, которая была сшита изъ лоскутковъ, представлявшихъ невиданную у насъ новость; а по словамъ поэта, у насъ больше, чѣмъ гдѣ нибудь,

За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ

Надѣемся, что никто изъ нашихъ читателей подъ народомъ не будетъ здѣсь разумѣть дѣйствительный народъ; это не populus, а vulgus, толпа, «интеллигенція», для которой, какъ мы сказали, высшее право на уваженіе состоитъ въ качествахъ передоваго человѣка. Этому умственному и нравственному искалѣченію, по милости Божіей, народъ не подвергся, а только поверхностный слой его, незначительный сравнительно со всею народною массою, но, къ сожалѣнію, все-таки весьма многочисленный, если обращать вниманіе на его численность безъотносительно.

Г. Чернышевскій не удовольствовался тѣмъ, чтобы изложить «свою» соціальную теорію догматическимъ образомъ; а еще представилъ ее въ образахъ въ романѣ или лучше въ дидактической поэмѣ— «Что дѣлать?».—Въ ней представлена въ постепенномъ развитіи мастерская, устроенная г-жею Лопуховою **); устроена она была, какъ сообщаетъ авторъ, на основаніи книгъ, написанныхъ добрыми и умными людьми о томъ, какъ надобно жить на свѣтѣ, чтобы всѣмъ было хорошо». Кто эти умные и добрые люди? Объ этомъ и спрашивать нечего; это все тѣ же «люди геніальные», «великіе мыслители»,

---

*) »Вѣстн. Н. В.» Женева 1884 г., № 2, отд. II, стр. 174, статья Гр. Ал. (Алисова?): хроника революціонной борьбы.

**) Выше (стр. 212) мы сказали, что мастерскую завела г-жа Мерцалова; это не совсѣмъ вѣрно. Мерцалова приняла отъ Лопуховой мастерскую уже вполнѣ устроенную; послѣ чего Лопухова занялась устройствомъ другой мастерской на тѣхъ же самыхъ началахъ. Впослѣдствіи обѣ мастерскія соединились.

которыхъ рядъ начатъ Р. Оуэномъ. Для устройства мастерской спеціально въ руководство избрана организація труда Л. Блана. Строго слѣдуя его указаніямъ при устройствѣ мастерской, прежде всего выказана особая «осмотрительность» съ которой выбирались дѣвицы (швеи). Руководительницею, директрисою, разумѣется, была Лопухова; но. строго слѣдуя принципу, она получала вознагражденіе только какъ работница, какъ одна изъ закройщицъ. Нечего и говорить, что мастерская дѣйствовала съ большимъ успѣхомъ. Уже въ первый мѣсяцъ... Мы торопимся жить больше, чѣмъ французы; у Л. Блана за меньшую единицу времени при счетоводствѣ принятъ годъ, а у насъ мѣсяцъ. Уже въ первый мѣсяцъ мастерская окупается и не только уплачиваетъ швеямъ заработную плату, но даетъ чистую прибыль, которая, послѣ нѣсколькихъ эволюцій, окончательно стала дѣлиться между швеями поровну, впрочемъ не вся; а, все тоже по указанію Л. Блана, часть прибыли была откладываема на черный день для восполненія кассы мастерской въ тѣ мѣсяцы, когда работы бываетъ мало. При мастерской былъ устроенъ и банкъ, который дѣлалъ ссуды безъ процентовъ, организована комиссія для закупокъ, что мало по малу привело къ устройству общей квартиры, съ общимъ столомъ и вообще потребленіемъ, чѣмъ достигалась Л. Бланова «économie de la vie en commun).

Разумѣется согласно «вѣрованіямъ» Л. Блана, мастерская обладала способностью безграничнаго расширенія (était douée «d'une force d'expension immense». Вслѣдствіе этого, начавши дѣло съ 3 мастерицами, мастерская черезъ полтора года имѣла ихъ уже 20. Еще черезъ нѣсколько времени была основана другая мастерская, которая. разумѣется, пошла такъ же отлично. Послѣ устройства экономической стороны дѣла, Лопухова не оставила безъ вниманія и духовную пищу своихъ мастерицъ. Сначала она сама приносила имъ книги и читала: разумѣется, это были только «книги умныхъ и добрыхъ людей», а не «ретроградовъ и абскурантовъ»; потомъ чтеніе приняло правильно организованный видъ; читали по очереди мастерицы; и время, употребленное на это, засчитывалось имъ за работу. А Лопухова, съ своей стороны, стала уже иногда чтеніе замѣнять разсказами, которые мало-помалу «обратились во что-то похожее на легкіе курсы разныхъ знаній». Все это болѣе и болѣе увеличивало любознательность швей; уже легкими курсами во время работы онѣ не довольствовались; устроены были настоящіе курсы, съ какою цѣлью ежедневно передъ обѣ-

домъ дѣлался большой перерывъ для чтеній, въ которыхъ принялъ участіе даже либеральный іерей Мерцаловъ *).

Романъ «Что дѣлать» написанъ въ 1863 году, а догматическое изложеніе системы Л. Блана сдѣлано въ 1860 году. Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ нашъ авторъ развивалъ и совершенствовалъ ее. Въ 1860 году, онъ проектировалъ только библіотеку при мастерской: въ 1863 году явились уже курсы разныхъ знаній. Очевидно мысль его самого подверглась новой эволюціи; еще замѣтнѣе эта эволюція во взглядѣ его на семейство. Въ 1860 году осмотрительный директоръ принималъ въ мастерскую почти исключительно людей семейныхъ; женская мастерская, конечно, не можетъ состоять главнымъ образомъ изъ женщинъ замужнихъ; волей-неволей въ нее придется принимать главнымъ образомъ дѣвицъ.

Но съ дѣвицами въ наше время иногда встрѣчаются непріятности, нѣкоторыя «обыкновенныя исторіи, тѣ, отъ которыхъ дѣвушкамъ бываютъ долгія слезы, а молодымъ или пожилымъ людямъ недолгое, но пріятное развлеченіе», какъ объясняетъ г. Чернышевскій. Встрѣчались съ дѣвушками такія непріятности и въ мастерской Лопуховой, потому что «при нынѣшнихъ понятіяхъ и обстоятельствахъ эти исторіи неизбѣжны» —и отъ нихъ не можетъ предохранить никакая заботливость другихъ о дѣвушкахъ, никакая осторожность самихъ дѣвушекъ».

Эти непріятности, по словамъ нашего автора, теперь также неизбѣжны, какъ была въ старину неизбѣжна для всякаго человѣка оспа, до тѣхъ поръ, пока не научились прививать ее. Эти непріятности доставляли Лопуховой много хлопотъ: «иногда нужно было искать, чтобы помочь; чаще искать не было нужды, надобно было только помочь». Что такое или кого нужно было искать?—Это секретъ автора и г-жи Лопуховой.

---

*) И что всего либеральнѣй, «отецъ Мерцаловъ» не просто принялъ участіе въ преподаваніи, а по предложенію Лопуховой согласился «служить щитомъ благонравія и отличнаго направленія наукъ»; именно считался онъ законоучителемъ, а преподавалъ русскую исторію (разумѣется не въ духѣ абскурантовъ и ретроградовъ). Законъ же Божій «сообразно съ понятіями и нравами» мастерской», швеямъ совсѣмъ не преподавался. Мы не можемъ съ полной достовѣрностью рѣшить: что эта дѣятельность «отца Мерцалова» (du père Mertsaloff), изображаемая г. Чернышевскимъ, составляетъ, клевету на русское духовенство или картину вѣрную дѣйствительности?

Средства для избавленія дѣвушекъ отъ непріятностей имъ уже извѣстны, средства столь дѣйствительныя, какъ привитіе предохранительной оспы. Къ сожалѣнію, они не повѣдали ихъ міру. Но у себя въ мастерской г-жа Лопухова ихъ употребляла. И непріятности бывали не часто; онѣ «были только отдѣльными, рѣдкими случаями», т. е. происходили только тогда, когда дѣвица не рѣшалась на это новое своего рода оспопрививаніе. У громаднаго большинства дѣвицъ дѣло обходилось безъ всякихъ непріятностей; очевидно, оспа была привита; и директриса мастерской, «изрѣдка огорчаясь за одну изъ всѣхъ своихъ мастерицъ, за всѣхъ другихъ только радовалась».—«Свѣтелъ и веселъ былъ весь обыкновенный ходъ дѣла, постоянно радовалъ Вѣру Павловну», заканчиваетъ авторъ. Ключъ къ этой шифрованной страницѣ открывается въ разныхъ мѣстахъ дидактической поэмы. Одинъ изъ «новыхъ людей» *) высказываетъ мысль, что дѣвицы не должны никогда выходить замужъ: «замужъ могутъ выходить только вдовы», уже раньше, до брака, узнавши собственнымъ опытомъ, чтó такое бракъ.

Что же это такое? какъ это возможно? Это новая загадка Сампсона?—Для обыкновенныхъ людей эта загадка; а для людей новыхъ и для желающихъ быть новыми—не загадка. Всякая дѣвица дѣлается вдовою раньше выхода замужъ вслѣдствіе этого новаго привитія оспы. Кажется ясно, въ чемъ состоитъ оно. Не забудьте, что Лопухова черпала свою мудрость у Консидерана въ Destinée sociale; и какъ идеалъ человѣческаго общежитія нашъ авторъ представляетъ жизнь въ фаланстерѣ, которую онъ кстати и описываетъ въ видѣ сна Лопуховой. А изобрѣтатель фаланстеріальной системы дѣйствительно открылъ средство противъ непріятностей, испытываемыхъ дѣвицами при современныхъ понятіяхъ и современныхъ обстоятельствахъ. Въ фаланстерѣ этихъ непріятностей не бываетъ. Тамъ Дафна не плачетъ, если Антеноръ бросилъ ее. Антеноръ бросилъ, но «появляется Поллуксъ, болѣе прекрасный и любезный; и печаль объ отъѣздѣ Антенора поглощается новою связью съ Поллуксомъ». Это такъ называемая у Фурье поглощающая субституція (см. выше стр. 32). Вотъ въ чемъ состоитъ это уже извѣстное автору «средство противъ дѣвичьихъ слезъ»; оно открыто великимъ мыслителемъ, геніальнымъ Фурье, и стоитъ въ

*) «Новые люди» это главные дѣятели поэмы, такое имя даетъ имъ самъ авторъ.

близкомъ отношеніи къ страсти папильоннѣ. Отъ папильонны вмѣстѣ съ поглощающею субституціею, зависитъ устраненіе и другой причины, причиняющей дѣвицамъ непріятности. Чтобы не распространяться объ этомъ предметѣ много, скажемъ только, что Фурье въ своей системѣ, между прочимъ, находитъ средство противъ избытка населенія. Любовную карьеру въ фаланстерѣ всякая дѣвица имѣетъ такую, что Фрина и Лаиса могли бы завидовать ей. Какой тутъ можетъ быть избытокъ населенія? Какія тутъ могутъ быть слезы, какія непріятности? Чтобы яснѣе понять, какъ это можетъ быть, чтобы только вдовы выходили замужъ, вспомнимъ, что мужемъ какой-нибудь женщены въ фаланстерѣ и нельзя быть, не имѣя предварительно двоихъ дѣтей отъ нея: причемъ она можетъ имѣть еще двоихъ дѣтей и даже больше, прижитыхъ съ гениторами, фаворитами и т. п. Очевидно въ фаланстерѣ дѣвица дѣйствительно не можетъ выдти замужъ, а это доступно только вдовѣ.

Такимъ образомъ, мастерская Лопуховой вѣрна системѣ Л. Блана только со стороны ея промышленной дѣятельности; а отношенія между полами въ ней устроены уже въ духѣ Фурье, такъ что она служитъ переходомъ отъ системы Л. Блана къ системѣ Фурье, въ которой авторъ теперь видитъ идеалъ общественнаго устройства.

Къ концу романа, онъ на жизнь и дѣятельность мастерской вообще уже смотритъ черезъ увеличительное стекло, заимствованное у Фурье, и утверждаетъ, что въ ней «швеи имѣютъ въ десять разъ больше удобствъ, въ двадцать разъ больше радостей жизни, во сто разъ меньше испытываютъ непріятнаго». (Ср. выше стр. 74).

Еще разъ самъ собою съ неотразимою неотвязчивостью напрашивается на рѣшеніе вопросъ: гдѣ, кромѣ Россіи, можно было розыграть всю эту пустую и глупую шутку, какая среда, кромѣ нашей «интеллигенціи», допустила бы это? И въ какой странѣ европейской или даже азіятской, можно найти юношество, которое могло бы увлечься почти поголовно всѣмъ этимъ литературнымъ шарлатанствомъ?

И пусть почитатели г. Чернышевскаго укажутъ въ литературахъ какъ древнихъ народовъ, такъ и всѣхъ новыхъ, явленіе, подобное этому. Прудонъ называлъ систему Фурье стокомъ нечистотъ ума человѣческаго.

Но Фурье не все принималъ безъ разбору; у него есть уваженіе къ нравственному воздержанію, къ весталамъ и весталкамъ (см. выше. стр. 65), у него есть Богъ, хотя въ искаженномъ представленіи. Нашъ

авторъ вполнѣ свободенъ отъ этихъ предразсудковъ. Свою абракадабру онъ дѣйствительно сдѣлалъ стокомъ всѣхъ безъ исключенія нечистотъ ума человѣческаго. Въ философіи были прежде извѣстны мыслители, которые выбирали въ разныхъ школахъ то, что имъ казалось истиннымъ, и изъ этихъ выбранныхъ ученій составляли свои системы; почему они и назывались эклектиками. Наша своеобразная литература произвела «геніальнаго мыслителя», который собиралъ отовсюду всякаго рода, даже противорѣчивыя, ученія, не руководствуясь никакою идеею, добытою серьезнымъ изученіемъ науки и усиленною умственною работою, а отдавая только предпочтеніе всему, что онъ считалъ передовымъ, наиболѣе удаленнымъ отъ господствующихъ принциповъ жизни и нравственности, и что̀ поэтому въ большинствѣ случаевъ должно было оказаться наиболѣе сумасброднымъ и безнравственнымъ. У него вышелъ не эклектизмъ, а какой-то силлектизмъ, который по свойству своего содержанія обратился въ своего рода коллекторъ. Корни этихъ двухъ словъ равны; но по употребленію слово коллекторъ въ наше время означаетъ главную водосточную канаву въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ водопроводы. Это то, что римляне называли *cloaca maxima*. Ни съ чѣмъ другимъ нельзя сравнить сумму ученій, предложенныхъ г. Чернышевскимъ русскому обществу и въ особенности русскому юношеству.

Г.

Мнѣнія о Л. Бланѣ, высказанныя гг. Жуковскимъ, Михайловымъ Исаевымъ и Авсѣенкомъ.

Кромѣ г. Чернышевскаго, на теорію Л. Блана еще въ шестидесятыхъ годахъ у насъ обратили вниманіе гг. Жуковскій и Михайловъ *).—Оба они, впрочемъ, являются не въ роли изслѣдователей, о какихъ-то адвокатовъ Л. Блана. Что въ теоріи Л. Блана они видятъ дѣйствительное, правильное и удобоисполнимое средство для леченія соціальныхъ золъ, это само собою разумѣется. И если средство это не привело къ желаемымъ результатамъ, то, по мнѣнію г. Михайлова, причиною этого были «враги» Л. Блана и то, что онъ боялся крутыхъ мѣръ.

*) Сочиненіе г. Жуковскаго называется: Прудонъ и Луи-Бланъ. Спб. 1866 г.; а г. Михайловъ говоритъ о Л. Бланѣ, въ сочиненіи уже извѣстномъ читателю: Пролетаріатъ во Франціи. Спб. 1869 г.

Съ этимъ согласенъ и г. Жуковскій, который также находитъ Л. Блана нерѣшительнымъ, вслѣдствіе чего онъ пропустилъ удобныя минуты для овладѣнія диктатурою—съ тѣмъ, чтобы произвести свою реформу, вопреки противодѣйствію представителей буржуазной партіи. Замѣчательно, что оба писателя смотрятъ на систему Л. Блана, какъ на такую, которая не имѣетъ въ себѣ никакихъ особенностей, которыя могли-бы возбуждать безпокойство людей, недовѣрчиво относящихся къ соціальнымъ теоріямъ: оба съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на то, что Л. Бланъ не дѣлаетъ покушеній ни на семейство, ни на собственность. Г. Жуковскій обращаетъ вниманіе и на то, что капиталисту Л. Бланъ предполагаетъ платить проценты на занятые капиталы *) и т. п. Вслѣдствіе всего этого онъ исключаетъ систему Л. Блана изъ числа системъ соціалистическихъ и даже не находитъ въ ней ничего новаго **). Такой взглядъ г. Жуковскаго происходитъ отчасти отъ того, что ему осталось неизвѣстно уничтоженіе наслѣдства, допускаемое Л. Бланомъ, отчасти отъ того, что онъ неправильно оцѣнилъ нѣкоторыя подробности системы. Такъ онъ признаетъ, что по системѣ Б. Блана частная промышленность должна уступить мѣсто «промышленности правительственной». (Это имя самъ г. Жуковскій употребляетъ).—И это будетъ дѣйствительно, правительственная промышленность, такъ какъ правительство, по мнѣнію г. Жуковскаго, будетъ опредѣлять въ ней какъ заработную плату, такъ и продажныя цѣны произведеній. Какъ-же послѣ этого можно утверждать, что система Л. Блана не только не содержитъ въ себѣ ничего соціалистическаго, но не содержитъ и ничего новаго? А гдѣ-же и когда отъ начала исторіи было, чтобы вся промышленность страны была въ распоряженіи правительства? — Только въ Парагваѣ при езуитахъ. Но тамошній режимъ и относится къ соціалистическимъ.

---

*) А г. Михайловъ на основаніи неизвѣстнаго источника утверждаетъ, что соціальныя мастерскія будутъ пользоваться занятыми капиталами безпроцентно.—Это-ли еще не особенность, способная возбуждать безпокойство владѣющихъ классовъ?

**) Здѣсь говорится о томъ, что система Л. Блана не представляетъ ничего новаго и самостоятельнаго по отношенію къ господствующей политической экономіи. Существуетъ другое подобное мнѣніе,—что система Л. Блана излагаетъ не самостоятельную соціалистическую теорію, а воспроизводитъ идею національныхъ мастерскихъ, изложенную въ сочиненіи Mansion'a: Essai sur l'extinction de la mendicité en France». Paris, 1829.

Гораздо болѣе знакомъ съ системою Л. Блана позднѣйшій изслѣдователь ея, г. Исаевъ, если впрочемъ онъ можетъ быть названъ изслѣдователемъ; потому что никакихъ изслѣдованій въ его сочиненіи нѣтъ, а есть нѣсколько догматическихъ утвержденій касательно системы Л. Блана и даже предсказаній относительно ея будущности. Выше мы уже говорили о мнѣніяхъ г. Исаева касательно системы Л. Блана, по поводу его отзывовъ о системѣ Фурье. Онъ совершенно справедливо самую главную черту системы Л. Блана видитъ въ уничтоженіи наслѣдства, въ томъ, что̀ игнорируетъ г. Жуковскій. Отъ того и взгляды ихъ на систему—совершенно противоположны. Для г. Жуковскаго Л. Бланъ не соціалистъ, а для г. Исаева онъ совершеннѣйшій типъ соціалиста; онъ сказалъ вмѣстѣ съ Бюше послѣднее слово соціализма. — Г. Исаевъ хотя не въ системѣ, но въ достаточной полнотѣ представляетъ главныя положенія проекта Л. Блана: причемъ даетъ имъ не меньше вѣры, чѣмъ самъ Л. Бланъ: такъ лица, руководящія промышленными работами, непремѣнно будутъ избираемы со всею необходимою осмотрительностью; это будутъ люди наиболѣе способные и опытные. Независимо отъ того, что согласно проекту Л. Блана часть прибыли въ каждой мастерской или общинѣ будетъ ежегодно отчисляться для пособія другимъ отраслямъ промышленности, страдающимъ отъ кризисовъ, «предусмотрительныя общины, кромѣ того, постараются накопленіемъ запасовъ уменьшить сопряженныя съ кризисами бѣдствія», въ случаѣ, если кризису подвергнутся онѣ сами. И такъ какъ, кромѣ того, «паденіе дохода на капиталъ увеличитъ долю труда», то вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ кризисы при режимѣ соціализма будутъ далеко не такъ чувствительны, какъ въ наше время.—И хотя, какъ мы уже имѣли случай говорить, при господствѣ соціализма будутъ также недовольные, но и недовольство при этомъ порядкѣ не будетъ имѣть такой остроты и горечи, какъ теперь *). Все это даетъ право г. Исаеву утверждать, что «соціалистическій строй хозяйственныхъ отношеній уничтожитъ общественныя противорѣчія». Л. Бланъ, вмѣстѣ съ Бюше, «указавшіе на отмѣну права частной собственности надъ орудіями производства», т. е. говоря языкомъ не столь ученымъ, а болѣе простымъ и точнымъ, допустившіе отмѣну права наслѣдованія, положили основаніе для будущихъ построеній; и «практической дѣятельности нынѣшняго, равно какъ многихъ поколѣній

*) Обо всемъ этомъ см. выше, стр. 220 и слѣд.

будущихъ выпадаетъ на долю лишь разработка частностей». Построенія на основаніи, положенномъ Л. Бланомъ, по мнѣнію г. Исаева, уже начались; первое изъ нихъ есть «выкупъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ». (Юрид. В. 1880 г., іюль, стр. 257).

Желательно было-бы знать основанія, вслѣдствіе которыхъ г. Исаевъ дѣлаетъ всѣ эти утвержденія, а въ особенности предсказанія относительно будущихъ благотворныхъ результатовъ уничтоженія наслѣдства. И потому нельзя не сожалѣть, что г. Исаевъ представленіемъ доказательствъ утруждаетъ себя такъ-же мало, какъ и г. Чернышевскій. Но Чернышевскій писалъ въ литературномъ журналѣ, отличавшемся бойкостью, а не научностью, не серьезностью, а г. Исаевъ пишетъ въ журналѣ спеціальномъ, юридическомъ, органѣ цѣлаго ученаго общества; вслѣдствіе чего для него была обязательна гораздо большая основательность, научность въ разработкѣ столь важнаго вопроса. При чемъ не надобно забывать, что г. Исаевъ писалъ 20 лѣтъ спустя послѣ Чернышевскаго и имѣлъ гораздо больше возможности ознакомиться хорошо какъ съ самымъ проектомъ Л. Блана, со всѣми метамарфозами, которымъ онъ подвергался, такъ и съ практическими опытами, которые были сдѣланы,—съ тѣмъ безапелляціоннымъ рѣшеніемъ, которое относительно его постановили делегаты рабочихъ и наконецъ съ тѣмъ покровомъ забвенія, который на него накинуло уже время. Почему-же, вмѣсто того, чтобы основательно разсмотрѣть систему и всѣ обстоятельства, къ ней относящіяся, г. Исаевъ ограничился повтореніемъ пустой и глупой шутки? И какихъ наивныхъ читателей онъ имѣетъ въ виду, утверждая, что выкупъ желѣзныхъ дорогъ, дѣлаемый современными правительствами, есть осуществленіе системы Л. Блана? Это могъ-бы сказать г. Жуковскій, просмотрѣвшій, что Л. Бланъ дошелъ до уничтоженія собственности.—А г. Исаевъ съ этого начинаетъ, въ этомъ видитъ наиболѣе характерную особенность системы Л. Блана. И ему, конечно, извѣстно, что при выкупѣ желѣзныхъ дорогъ ни малѣйшимъ образомъ не нарушается право собственности, не происходитъ никакого «паденія дохода на капиталъ» и владѣльцы желѣзныхъ дорогъ получаютъ сполна вознагражденіе за свою собственность; и притомъ это дѣлалось и раньше; государство всегда считало себя въ правѣ отчуждать изъ частнаго владѣнія то, что находило нужнымъ, pour cause d'utilité publique; и на этотъ предметъ въ законодательствахъ существуютъ особыя постановленія; и какъ русское, такъ и прусское правительство, выкупая желѣзныя дороги, дѣйствуютъ

на основаніи этихъ постановленій, а совсѣмъ не имѣютъ въ виду осуществленія проекта Л. Блана.

Замѣчательна крайняя увѣренность, съ которою г. Исаевъ утверждаетъ, что произойдетъ «паденіе дохода на капиталъ», что «орудія производства перейдутъ въ собственность цѣлаго общества». Онъ даже знаетъ, когда будетъ это; это будетъ раньше чѣмъ «распредѣленіе дохода между всѣми поровну станетъ господствующимъ».—Возможна-ли высшая степень легкомыслія? Возможно-ли большее раболѣпство интеллектуальное, болѣе лишонное всякаго смысла бѣганіе за новизною? И походитъ-ли это сколько-нибудь на науку? — И пусть кто-нибудь укажетъ подобныя явленія въ литературѣ какой-бы то ни было образованной страны!

Мы говорили, что учениковъ, послѣдователей и поклонниковъ Л. Бланъ не имѣлъ, за исключеніемъ тѣхъ поклонниковъ, которыхъ онъ нашолъ у насъ въ Россіи (см. выше, стр. 537). Дѣйствительно, въ Европѣ учениковъ и послѣдователей у Л. Блана не было, ни во Франціи, ни въ Англіи, ни въ Германіи. И, несмотря на все наше стараніе, во всей литературѣ политической экономіи мы не могли найти ни одного отзыва, сколько-нибудь благопріятнаго системѣ Л. Блана. Кого послѣ этого можетъ не поразить то обстоятельство, что въ Россіи онъ нашолъ не только благопріятные, но восторженные отзывы,—нашолъ почитателей и поклонниковъ, хотя эти поклонники не могутъ быть названы ни учениками, ни послѣдователями? — Какіе-же въ самомъ дѣлѣ это ученики, если они даже не изучили, какъ слѣдуетъ, учителя? Одни изъ нихъ говорятъ, что онъ оставляетъ собственность неприкосновенною, а другіе увѣряютъ, что онъ уничтожаетъ ее; одни говорятъ, что онъ не сказалъ ничего новаго, и готовы поставить его рядомъ съ самыми «отсталыми» экономистами; а другіе ставятъ его во главѣ соціалистовъ и утверждаютъ, что онъ сказалъ послѣднее слово соціализма. Эти противорѣчивые взгляды на Л. Блана высказаны съ одной стороны г. Исаевымъ, съ другой гг. Жуковскимъ и Михайловымъ. Но между собой гг. Жуковскій и Михайловъ также не вездѣ согласны во взглядѣ на систему Л. Блана. Г. Жуковскій думаетъ, что соціальная мастерская, пользуясь чужимъ капиталомъ, платитъ владѣльцу его проценты, а г. Михайловъ утверждаетъ, что капиталы она получаетъ безплатно.

Гг. Чернышевскій и Исаевъ согласно принимаютъ Л. Блана за соціалиста. Но г. Чернышевскій, причисляя его къ «великимъ мыслите-

лямъ», къ людямъ «геніальнымъ», въ то-же время утверждаетъ, что его планъ соціальныхъ мастерскихъ составленъ въ такомъ смыслѣ, что ни въ какомъ отношеніи не нарушаетъ самыхъ обыкновенныхъ способовъ организаціи промышленныхъ заведеній, кромѣ того, что вводитъ принципъ ассоціаціи, который самъ въ себѣ ничего соціалистическаго не заключаетъ. А г. Исаевъ думаетъ, что Л. Бланъ измѣняетъ самую основу всякой промышленной дѣятельности, передавая орудія производства, т. е. всѣ существующія въ странѣ имущества въ собственность общества, и уничтожая такимъ образомъ частную собственность. Далѣе, г. Чернышевскій горько жалуется, что экономисты не только не содѣйствуютъ осуществленію «реформы столь благодѣтельной», т. е. соціальнаго проекта Л. Блана, но даже желаютъ задержать ее; за это онъ признаетъ ихъ «достойными презрѣнія», какъ «ретроградовъ и обскурантовъ». — А г. Исаевъ имѣетъ взглядъ на дѣло не только не мрачный, но совсѣмъ розовый; слѣдуя ему, не только экономисты, но и государственные люди уже содѣйствуютъ осуществленію «благотворной реформы», уже приступили къ выкупу желѣзныхъ дорогъ, даже не учреждая министерства труда.

Что наши поклонники Л. Блана не могутъ быть названы послѣдователями его соціальной системы, объ этомъ много распространяться нечего. Послѣдователи Фурье и Оуэна строили десятки фалангъ и общинъ, послѣдователи С. Симона основали новую вѣру и церковь. А наши провозвѣстники системы Л. Блана ограничились большимъ или меньшимъ количествомъ страницъ для прославленія ея. Если-бы всѣ они, вмѣсто того, чтобы адресовать упреки «врагамъ» Л. Блана, этимъ ретроградамъ и обскурантамъ, или видѣть примѣненіе его системы тамъ, гдѣ его нѣтъ, сдѣлали хоть какія-нибудь попытки показать ея достоинства на дѣлѣ, а не на словахъ только, или даже если-бы они попытались только представить ее въ истинномъ видѣ и съ подлиннымъ характеромъ, то этимъ самымъ они засвидѣтельствовали бы серьезность и искренность своей рѣчи. А теперь произошло нѣчто очень странное. Четыре критика, люди одного направленія, однихъ принциповъ, представляютъ себѣ систему Л. Блана въ четырехъ различныхъ видахъ, о средствахъ, которыми онъ намѣренъ лечить общественные недуги, имѣютъ понятія не только несогласныя, но противоположныя; и все-таки всѣ они безъ дальнихъ разсужденій единогласно прославляютъ систему и преклоняются передъ нею, какъ передъ новымъ откровеніемъ!—Передъ чѣмъ-же они преклоняются.

передъ содержаніемъ системы, передъ сущностью ея или только передъ именемъ автора? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ подлежать сомнѣнію; преклоняться передъ сущностью системы, предъ содержаніемъ ея они не могутъ; потому что они не знаютъ ея, имѣютъ о ней противорѣчивыя понятія. Они преклоняются предъ именемъ, предъ репутаціею, не сдѣлавши ни малѣйшей попытки провѣрить, дѣйствительно-ли она заслужена, прославляютъ систему, распространяютъ ее, не взявши даже на себя труда, не обнаруживая даже желанія мало-мальски обстоятельно узнать, въ чемъ она состоитъ!—Вотъ какимъ способомъ, вотъ съ какою основательностью, научностью вырабатывалась система воззрѣній интеллигенціи!

Кромѣ поклонниковъ, Л. Бланъ имѣлъ у насъ и порицателей, по крайней мѣрѣ одного, г. Авсѣенко, который написалъ о немъ статью въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1863 г. (за м. сентябрь). Статья довольно краткая и недовольно содержательная. Авторъ относится и къ Л. Блану и къ его ученіямъ нельзя сказать чтобы съ критикой, а съ порицаніемъ; причемъ въ изложеніи фактовъ, относящихся какъ къ его біографіи, такъ и къ исторіи Франціи, допускаетъ рѣзкія ошибки. Изъ историческихъ ошибокъ отмѣтимъ одну: Говоря о волненіяхъ произведенныхъ народною манифестаціею 15 мая, онъ прибавляетъ, что «число убитыхъ и раненыхъ, павшихъ въ эти дни, доходило до десятковъ тысячъ». Въ эти дни убитыхъ совсѣмъ не было, а раненъ былъ только одинъ Л. Бланъ, на котораго напали національные гвардейцы въ то время, какъ онъ входилъ въ Національное собраніе 15-го, мая вечеромъ.—15-го мая произошло не возстаніе, а только народная манифестація въ пользу познанскаго возстанія, принявшая неожиданно большіе размѣры и все-таки обошедшаяся безъ кровопролитія.

Соціалистическое направленіе Л. Блана г. Авсѣенко объясняетъ особеннымъ, случайнымъ обстоятельствомъ. Л. Бланъ, какъ мы уже говорили, былъ замѣчательно малъ ростомъ, но это не вредило его внѣшности, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень граціозенъ, миловиденъ, и выраженіе его лица было весьла симпатично. Но все-таки надъ его малымъ ростомъ подшучивали; и въ періодъ его наибольшей извѣстности въ Парижѣ ходилъ такой анекдотъ: будто-бы однажды его дядя по матери, русскій посланникъ въ Парижѣ, Поццо ди Борго, представилъ его герцогинѣ Дино. Но герцогиня, желая пошутить надъ малымъ ростомъ Л. Блана, осматривая всю комнату и какъ-будто не

видя никого, спросила у Пиццо ди Борго: гдѣ-же онъ? Г. Авсѣенко утверждаетъ, будто этимъ невиннымъ случаемъ «Л. Бланъ былъ раздраженъ и оскорбленъ до глубины души», и что именно вслѣдствіе его «онъ рѣшился круто повернуть на другую дорогу», т. е. ударился въ соціализмъ.—Но этотъ случай, во первыхъ, Л. Бланъ опровергаетъ (Ист. револ. 1848 г., т. I, стр. 140); во-вторыхъ если-бы онъ и былъ справедливъ, то тутъ нечемъ особенно оскорбляться человѣку, маломальски разсудительному, такъ чтобы отказаться отъ всѣхъ прежнихъ воззрѣній и усвоить себѣ новыя. — Въ дѣйствительности соціальное направленіе Л. Блана возникло изъ обстоятельствъ не случайныхъ, а происходившихъ изъ экономическаго положенія низшихъ, рабочихъ классовъ населенія, изъ того, что пролетаріатъ къ концу Реставраціи сталъ заявлять свои требованія, а послѣ іюльской революціи требованія эти стали настойчивѣе. И кромѣ того, къ соціализму Л. Бланъ былъ подготовленъ своимъ политическимъ радикализмомъ, который образовался гораздо раньше по всей вѣроятности подъ вліяніемъ ненаціональной политики возвратившихся Бурбоновъ. Уже первыя литературныя произведенія Л. Блана (поэма Мирабо и похвала Манюэлю) показываютъ, что своихъ идеаловъ онъ искалъ между дѣятелями революціи.

Въ концѣ статьи г. Авсѣенко, дѣлая нѣкоторое снисхожденіе къ Л. Блану, говоритъ: «можно вѣрить добрымъ качествамъ его природы, но нельзя не признать, что его политическая жизнь была рядомъ ошибокъ, неудачъ и преступленій» (стр. 260). Что Л. Бланъ не избѣжалъ ошибокъ и неудачъ, въ этомъ и сомнѣваться нечего; и кто-же изъ его современниковъ избѣжалъ ихъ? Но чтобы вмѣстѣ съ ошибками и неудачами за нимъ еще были какія-нибудь преступленія, это сказано г. Авсѣенкомъ, повидимому, «такъ, къ слову», безъ яснаго сознанія всей серьезности смысла слова «преступленіе». Л. Бланъ, не смотря на свои ошибки, не смотря на свои увлеченія, никогда ни въ какихъ преступленіямъ обвиняемъ не былъ, разумѣя подъ этимъ словомъ преступленія общаго характера. Національное собраніе постановило предать его суду за преступленіе политическое и притомъ такое, которое не содержало въ себѣ никакого нарушенія закона, а тѣмъ менѣе было соединено съ насиліемъ: его обвиняли въ томъ, будто онъ говорилъ народу возбуждающую рѣчь *) и потомъ былъ въ городской Думѣ, когда тамъ

*) А и весь возбуждающій характеръ рѣчи состоялъ въ томъ, что Л. Бланъ будто-бы поздравилъ рабочихъ съ тѣмъ, что они добились права представлять правительству петиціи. Только во время большого

было провозглашено распущеніе собранія и было приступлено къ организаціи новаго правительства. Но это постановленіе было сдѣлано собраніемъ подъ вліяніемъ политическихъ страстей и воображенія, напуганнаго возстаніемъ рабочихъ въ іюнѣ 1848 г. послѣ того, какъ нѣсколько раньше тоже самое собраніе въ состояніи болѣе спокойномъ уже признало Л. Блана невиновнымъ по обоимъ этимъ обвиненіямъ.

Д.

Мнѣніе Прудона о проектѣ Л. Блана.

Мы не имѣемъ надежды достигнуть того, чтобы поклонники Л. Блана и его проекта отказались отъ поклоненія тому и другому. Такая надежда была-бы слишкомъ большою наивностью. Но нѣкоторые изъ этихъ поклонниковъ пользуются особымъ авторитетомъ между читателями, и могли уже передать свои мысли относительно проекта и автора его, равно какъ свои чувства уваженія къ нимъ и свои надежды на нихъ читателямъ, не имѣющимъ возможности провѣрять то, что они читаютъ, иногда вслѣдствіе своего юнаго возраста наклоннымъ ко всему новому, способнымъ увлекаться, — проникнутымъ началами гуманизма и либерализма, которымъ можетъ даже придти въ голову посвятить свою жизнь осуществленію соціальнаго экспромта Л. Блана. Эту послѣднюю задачу мы посовѣтовали-бы взять на себя гг. поклонникамъ Л. Блана, этимъ адвокатамъ его и своеобразнымъ изслѣдователямъ-прорицателямъ будущаго. И выполненіе этой задачи, конечно, было-бы болѣе достойно людей, уважающихъ себя, искреннихъ и честныхъ, чѣмъ щегольство передовыми идеями и ученіями *). А что

возбужденія политическихъ страстей за это можно предавать суду при республиканскомъ правленіи, послѣ провозглашенія демократическаго принципа всеобщей подачи голосовъ.—Да и это обвиненіе все-таки, судя по всему, не было справедливо.

*) Это тѣмъ болѣе обязательно для поклонниковъ Л. Блана, что именно изъ ихъ среды раздаются жалобы, что всѣ мѣшаютъ исполненію «благотворнаго плана». Жалоба въ сущности несправедливая. Не только никто никогда не мѣшалъ этому, а оказано было даже значительное денежное пособіе для устройства соціальныхъ мастерскихъ (3 мил. въ 1848 г.) Такого пособія не добились фурьеристы, а дѣйствительно, съ искренностью вѣровавшій въ свою систему Кабе, даже не искалъ его. Если опытовъ сдѣланныхъ во Франціи мало, пусть наши почитатели Л. Блана.

касается до почитателей Л. Блана, такъ сказать, вторичныхъ, для которыхъ писанъ весь нашъ трудъ, мы были-бы счастливы, если-бы онъ разсѣялъ воспринятые ими ложные взгляды на эту крайне легкую соціальную фантазію, равно какъ и на другія *). Съ этою именно цѣлью

сдѣлаютъ новые въ Россіи. Полные довѣрія и сочувствія, отзывы о Л. Бланѣ были сдѣланы только въ такихъ журналахъ, которыхъ редакціи обладали и обладаютъ большими матеріальными средствами и пріобрѣли ихъ черезъ литературу; такъ пусть устроятъ общество для осуществленія системы Л. Блана. Въ немъ ужъ разумѣется приметъ участіе московское Юридическое общество, въ которомъ безъ сомнѣнія есть люди нажившіе хорошія состоянія адвокатурою. — Вотъ такой образъ дѣйствія былъ-бы достоинъ людей серьезныхъ и честныхъ, которые если проповѣдуютъ какія-нибудь ученія, то только съ искреннимъ убѣжденіемъ въ ихъ истинности, а не въ тѣхъ видахъ, чтобы поддѣлываться подъ воззрѣнія людей съ умомъ еще не окрѣпшимъ или уже съ вывихнутымъ.

*) Къ сожалѣнію, проектъ Л. Блана не ограничился у насъ сферою чисто теоретическою и экономическою, а игралъ нѣкоторую роль въ сферѣ практической и политической, именно революціонной; изъ области литературы надпольной (см. выше, стр. 577) перешолъ въ область подпольную. Почти во всѣхъ напечатанныхъ политическихъ процессахъ упоминалась революціонная брошура «Хитрая механика». Она очевидно занимаетъ видное мѣсто въ подпольной литературѣ. Такъ именно въ нее входитъ проектъ Л. Блана и составляетъ въ ней положительную часть ученій. (А отрицательная состоитъ изъ критики системы налоговъ, критики весьма легковѣсной и притомъ такой, которая можетъ относиться не къ одной Россіи, а ко всѣмъ безъ исключенія европейскимъ государствамъ). Такъ какъ наши читатели знаютъ проектъ Л. Блана и въ первоначальномъ его видѣ и въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя сдѣлалъ самъ авторъ, и въ тѣхъ передѣлкахъ, которыя сдѣланы его русскими поклонниками, то будетъ небезъинтересно сопоставить съ ними подпольную редакцію проекта. Въ ней онъ представленъ въ самомъ послѣднемъ фазисѣ, когда введена плата сообразная потребностямъ, а собственность уничтожена. Языкъ брошуры составляетъ поддѣлку подъ народную рѣчь, но далеко не вполнѣ удачную. Есть совершенно несомнѣнные филологическіе признаки, указывающіе на ея южнорусское происхожденіе. Проектъ Л. Блана изложенъ въ такомъ видѣ: «Надо, чтобъ весь людъ православный жилъ между собой, что братья родные; чтобъ не было твоего, али моего, а все было-бы общее — братское; чтобъ и трудился-то всякій не такъ, какъ теперь, только для себя одного, а со всѣми сообща, каждый по своей силушкѣ, а бралъ-бы сколько каждому нужно, ни больше, ни меньше; чтобы ни у кого ни излишества, ни недостатка не было. Я, къ къ примѣру, вдвое сильнѣе дяди Ивана, мнѣ и слѣдъ работать вдвое противъ него, а съѣмъ-то я немногимъ больше его, и рубахъ что ему, что

мы прослѣдили теорію Л. Блана во всѣхъ ея перипетіяхъ, указали на отношеніе къ ней, какъ представителей науки, такъ и рабочихъ, которые сначала тоже увлеклись было ею,—обозначили практическія испытанія ея, которыя были сдѣланы, не приписывая Л. Блану отвѣтственности за то, что къ его системѣ не принадлежало. Для этихъ почитателей Л. Блана мы приведемъ мнѣніе о его системѣ писателя, котораго у насъ еще меньше знаютъ, чѣмъ Л. Блана, именно Прудона, о которомъ у насъ существуютъ смутныя понятія, какъ о самомъ крайнемъ соціалистѣ, который сказалъ, что la prорriété c'est le vol. Этотъ крайній соціалистъ, какъ читатели видѣли, есть усердный защитникъ семейной жизни; его нравственное ученіе сходится съ ученіемъ митрополита Филарета, онъ почитатель нашей русской мірской поземельной собственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы рядомъ съ нею была собственность индивидуальная. Онъ счелъ себя обязаннымъ защитить русскій народъ отъ «польскаго фиглярства» и т. п.

Прудонъ, какъ мы сказали, не имѣетъ почти ничего общаго съ другими соціалистами, тѣмъ болѣе съ коммунистами. Онъ не только не утопистъ, но много разъ предостерегалъ отъ утопій своихъ соотечественниковъ *). Своихъ предшественниковъ Фурье, Кабе, Л. Блана

мнѣ надо столько-же». Мы съ своей стороны замѣтимъ, что «дядю Ивана» трудно объѣхать на этой хитрой механикѣ; такъ какъ у него хотя «кафтанъ сѣръ, а умъ не чортъ съѣлъ». «Нѣтъ, баринъ, скажетъ дядя Иванъ, ты мнѣ глаза-то не отводи. Не работать вдвое противъ моего у тебя на умѣ. Работать-то ты заставишь меня, а съѣшь точно больше моего и изъ одной чашки со мною хлѣбать щи или кислую капусту съ квасомъ ты не станешь. Такъ ужь лучше будемъ порознь работать, ты для себя и я для себя. Тогда и кушай на здоровье, что тебѣ угодно, и сколько угодно». Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, подпольные соціалисты скоро оставили дядю Ивана въ покоѣ и обратили свою дѣятельность на другіе общественные слои; и сколько бѣдныхъ студентовъ и разныхъ курсистокъ попалось въ эти сѣти, заброшенныя въ воду, которую предварительно взмутили!—Сколько несчастныхъ родителей, у которыхъ глаза послѣ того не высыхали!—И сколько злораднаго торжества было доставлено недругамъ русскаго народа явнымъ и тайнымъ.

*) Вотъ его подлинныя слова: «Notre plus grand ennemi—est l'utopie».—Или въ другомъ мѣстѣ: «Toutes les utopies sociales—qui dedaignent les faits et la critique, sont le plus grand obstacle qu'ait présentement à vaincre le progrès», т. е. всѣ соціальныя утопіи, которыя не обращаютъ вниманія на факты и критику, служатъ наибольшимъ препятствіемъ, которое въ настоящее время долженъ преодолѣть прогрессъ. Système etc. I, 241, II, 79.

онъ неизмѣримо превосходитъ своимъ философскимъ, богословскимъ и экономическимъ образованіемъ *), и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокимъ умомъ, способностью проникать въ глубь изслѣдуемаго вопроса, схватить въ немъ самыя существенныя стороны и изложить свое изслѣдованіе въ сильной и выразительной рѣчи, гдѣ подчасъ въ одномъ выраженіи, въ одномъ эпитетѣ, содержится цѣлая картина, или законченная серьезная оригинальная мысль, вызывающая долгія размышленія читателя. Мы потому съ особенною охотою обращаемся къ мнѣніямъ Прудона, что въ средѣ «интеллигенціи», въ особенности между юношествомъ, онъ пользуется несомнѣннымъ авторитетомъ. Его мало знаютъ, но представляютъ чѣмъ-то очень большимъ и очень сильнымъ. Г. Чернышевскій не разъ обращалъ вниманіе своихъ читателей на то, что рѣдкій изъ «отсталыхъ экономистовъ» не былъ побитъ 10 разъ Прудономъ. Это справедливо только отчасти. Но вполнѣ справедливо то, что ни одинъ изъ выдававшихся соціалистовъ его современниковъ не остался непобитымъ тяжелою рукою Прудона. И всего больше доставалось отъ него Фурье и Л. Блану, именно тѣмъ самымъ «геніальнымъ и великимъ мыслителямъ», которыхъ умственный продуктъ г. Чернышевскій преимущественно рекомендовалъ русскому юношеству. Прудонъ, между прочимъ, былъ единственнымъ соціалистомъ, который признавалъ свои ошибки, и не разъ высказывалъ сожелѣніе о томъ, что могъ написать слишкомъ знаменитое «la propriéte c'est le vol» и другія подобныя рѣзкія выраженія.
Въ сравненіи съ Л. Бланомъ или Фурье въ пониманіи, въ изслѣдованіи экономическихъ законовъ, это тоже, что Геркулесъ рядомъ съ пигмеями.—Мы уже говорили, что Сентъ-Бевъ называлъ его умственнымъ Прометеемъ, Шеффле его критику коммунизма равняетъ только съ критикою Аристотеля. Таково о немъ общее мнѣніе; Ларошъ Жакеленъ объ одной изъ его статей выразился, что ее какъ-будто состав-

*) Съ философскими и политическими науками Прудонъ хорошо познакомился довольно поздно, а съ богословскими — гораздо раньше, еще въ то время, какъ онъ былъ наборщикомъ и корректоромъ въ типографіи, гдѣ печаталось много книгъ по богословію и патристикѣ;—именно было напечатано много сочиненій отцевъ церкви, Вульгата, сравненная съ библіею еврейской и т. п. Это привело Прудона къ занятію лингвистикою и къ изученію еврейскаго языка. Онъ не упускалъ никакого случая для пріобрѣтенія познаній и старался со всѣмъ знакомиться обстоятельно.

ляли вдвоемъ Вольтеръ и Рабеле. Эмиль-де-Жирарденъ называетъ его княземъ мысли (prince de la pensée), другіе называютъ его первымъ критикомъ XIX вѣка. Герценъ, также человѣкъ очень большихъ способностей и образованія, высказалъ, что сочиненіе его Système des contradictions économiques есть одна изъ очень немногихъ книгъ нашего столѣтія, которая переживетъ вѣка.—Вотъ изъ этой-то самой книги мы приведемъ для нашихъ читателей мнѣніе Прудона о соціальномъ проектѣ Л. Блана.

«Подъ деспотическимъ покровительствомъ государства, такъ начинаетъ Прудонъ, г. Бланъ допускаетъ въ принципѣ неравенство положеній и рабочей платы, прибавляя сюда въ видѣ вознагражденія избирательное право. Но рабочіе, опредѣляющіе свои порядки и выбирающіе своихъ начальниковъ, пользуются полною свободою. Потому можетъ случиться, что они не допустятъ между собою ни начальства, ни различія платы: въ такомъ случаѣ, такъ какъ ничто не предусмотрѣно для того, чтобы дать удовлетвореніе способностямъ промышленнымъ, разрушеніе проникнетъ въ мастерскую и безъ вмѣшательства полиціи всякій возвратится къ своимъ дѣламъ. Эти опасенія не кажутся ни серьезными, ни основательными г. Блану: онъ спокойно ожидаетъ испытанія, будучи увѣренъ, что общество не двинется съ мѣста, чтобы сдѣлать ему опроверженіе. А эти столь сложные и спутанные вопросы о налогѣ, кредитѣ, международной торговлѣ, о собственности, о наслѣдствѣ, обсудилъ-ли ихъ г. Бланъ? А вопросъ о народонаселеніи, разрѣшилъ-ли онъ его? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ; когда г. Бланъ не разрѣшаетъ затрудненія, тогда онъ отстраняетъ его. По вопросу о народонаселеніи онъ говоритъ: «такъ какъ только одна бѣдность обильна дѣтьми, и такъ какъ общественная мастерская уничтожитъ бѣдность, то этимъ вопросомъ нѣтъ надобности заниматься».

«Напрасно Сисмонди, опираясь на всеобщій опытъ, говоритъ ему: «мы не имѣемъ никакого довѣрія къ тѣмъ, которые исполняютъ какую-«нибудь должность по избранію. Мы думаемъ, что всякая корпорація «будетъ вести дѣла хуже, чѣмъ тѣ, которыя одушевлены интересомъ «индивидуальнымъ; что со стороны директоровъ окажется небрежность, «расхищеніе, фаворитизмъ, боязнь компрометтировать себя, наконецъ, «всѣ недостатки, которые замѣчаются въ управленіи общественнымъ «имуществомъ, въ противоположность имуществу частному. Мы увѣ-«рены, кромѣ того, что въ собраніи акціонеровъ ничего не окажется.

«кромѣ невниманія, каприза, небрежности, и что коммерческое пред-«пріятіе будетъ находиться въ постоянной опасности и наконецъ погиб-«нетъ совсѣмъ, если оно будетъ зависѣть отъ цѣлаго собранія, разсуж-«дающаго о дѣлахъ». Г. Бланъ не внимаетъ ничему, онъ услаждается звучностью своихъ фразъ; частный интересъ онъ замѣняетъ преданностью общему дѣлу, конкурренцію—соревнованіемъ.

«Такимъ образомъ г. Бланъ начинаетъ посредствомъ своего рода coup d'état или лучше, слѣдуя его собственному выраженію, посредствомъ приложенія силы иниціативы, которою онъ облекаетъ государство, и онъ налагаетъ экстраординарную контрибуцію на богатыхъ, чтобы дать средства бѣднымъ. Логика г. Блана очень проста; это логика республики: государство желаетъ того, чего желаетъ народъ, а чего желаетъ народъ, это справедливо. Странный способъ реформировать общество посредствомъ уничтоженія его стремленій наиболѣе добровольныхъ, посредствомъ уничтоженія его манифестацій наиболѣе истинныхъ и вмѣсто того, чтобы распространять благосостояніе посредствомъ правильнаго развитія традицій, ограничиться перемѣщеніемъ труда и дохода! Но въ самомъ дѣлѣ, къ чему эти переодѣванья, къ чему эти тонкости? Не было-ли бы проще, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, издать аграрный законъ?—Государство съ помощію своей силы иниціативы не могло-ли сразу объявить, что всѣ капиталы и инструменты труда дѣлаются его собственностью, а прежніе владѣльцы ихъ получаютъ временное вознагражденіе? Посредствомъ этой мѣры рѣшительной, но за то прямой и искренней, экономическое поле было-бы сразу очищено; для утопіи это не стоило-бы больше, и г. Бланъ могъ-бы безъ всякаго препятствія приступить къ организаціи общества.

«Но что я говорю—къ организаціи! Все дѣло организаціи со стороны г. Блана состоитъ въ этомъ актѣ экспропріаціи или субституціи, какъ угодно: какъ скоро промышленность перемѣщена и великая монополія устроена, онъ не сомнѣвается, что производство пойдетъ успѣшно: онъ не думаетъ, чтобы тому, что онъ называетъ своею системою, было противопоставлено только одно возраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, что-же возражать на проектъ столь радикально ничтожный (une conception aussi radicalement nulle), столь неуловимый, какъ проектъ г. Блана? Наиболѣе любопытная часть его книги заключается въ сборникѣ, который онъ сдѣлалъ изъ возраженій, предложенныхъ ему нѣкоторыми невѣрующими и на которые онъ отвѣчаетъ, какъ

можно угадывать, побѣдоносно. Эти критики не замѣтили, что, разсуждая о системѣ г. Блана, они разсуждали о размѣрѣ, тяжести и фигурѣ математической точки.

«Но наконецъ цѣль, которую предположилъ себѣ г. Бланъ, то-есть уничтоженіе конкурренціи и гарантія успѣха предпріятія, получающаго поддержку и покровительство отъ государства, была-ли достигнута? —Я приведу размышленія объ этомъ предметѣ одного талантливаго экономиста, Жозефа Гарнье, къ словамъ котораго я присоединю нѣсколько замѣчаній.

«Правительство, слѣдуя г. Блану, должно выбрать нравственныхъ «рабочихъ и дать имъ хорошее жалованье».—Итакъ, г. Блану нужны «люди, особенно для него приготовленные; онъ не желаетъ имѣть дѣло «со всякими рабочими. Что касается до рабочей платы, г. Бланъ обѣ«щаетъ ее хорошую; это сказать весьма легко, но слѣдовало-бы опредѣ«лить ея мѣру.

«Г. Бланъ предполагаетъ, что эти мастерскія дадутъ чистый доходъ «и въ то-же время будутъ дѣлать столь сильную конкурренцію частной «промышленности, что она превратится въ національныя мастерскія».

«Но какъ-же это можетъ быть, если производство въ національныхъ мастерскихъ обходится дороже, чѣмъ производство въ мастерскихъ частныхъ? Я показалъ въ первой главѣ, что 300 рабочихъ на прядильной фабрикѣ не могутъ регулярно добывать чистаго дохода въ 20,000 франковъ и что эти 20,000 франковъ, раздѣленные на 300 рабочихъ, увеличатъ ихъ доходы только на 18 сантимовъ въ день. И это относится ко всѣмъ родамъ промышленности. Какимъ-же образомъ національная мастерская, которая платитъ заработную плату, восполнитъ этотъ дефицитъ.

«Рабочая плата будетъ опредѣлена правительствомъ. Члены обще«ственной мастерской будутъ располагать ею по своей волѣ, и неоспо«римое превосходство жизни сообща не замедлитъ дополнить ассоціацію «трудовъ добровольною ассоціаціею удовольствій».

«Л. Бланъ коммунистъ или нѣтъ? Пусть онъ скажетъ объ этомъ сразу. Если коммунизмъ не сдѣлаетъ его болѣе понятнымъ, то по крайней мѣрѣ можно будетъ знать, чего онъ хочетъ.

«Читая дополненіе, въ которомъ Л. Бланъ нашелъ нужнымъ отвѣ«тить на возраженія, сдѣланныя ему нѣкоторыми журналами, мы легко «замѣчаемъ всю неполноту его проекта, который мы можемъ назвать «сыномъ трехъ отцевъ: сенъ-симонизма, фурьеризма и коммунизма съ

«участіемъ политики и очень незначительнаго количества политической экономіи.»

«Судя по его объясненіямъ, государство будетъ только регулято-«ромъ, законодателемъ и покровителемъ промышленности, но не фабри-«кантомъ, не производителемъ. Однако, такъ какъ оно покровитель-«ствуетъ исключительно общественнымъ мастерскимъ, имѣя въ виду «уничтоженіе частной промышленности, оно по необходимости прихо-«дитъ къ монополіи и впадаетъ въ теорію сенъ-симонистовъ противъ «своей воли, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ производства.»

«Г. Бланъ не можетъ съ этимъ не согласиться: его система направлена противъ частной промышленности; и государство своею силою иниціативы у него стремится погасить всякую частную иниціативу, изгнать свободный трудъ. Соединеніе противоположностей ненавистно г. Блану: потому мы видимъ, что, пожертвовавши конкурренціею для ассоціаціи, онъ жертвуетъ для нея и свободою. Я думаю, что онъ окончитъ уничтоженіемъ семейства.

«Во всякомъ случаѣ, іерархія будетъ слѣдствіемъ избирательнаго «принципа подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто у фурьеристовъ. Но «эти соціальныя мастерскія, устроенныя посредствомъ закона, не обра-«тятся-ли въ корпораціи? Чѣмъ связаны корпораціи? Закономъ. Кто «издаетъ законъ? Правительство. Вы предполагаете, что правительство «будетъ хорошее; но опытъ показалъ, что никакое правительство ни-«чего не понимало въ опредѣленіи безчисленныхъ случаевъ, встрѣчаю-«щихся въ промышленности. Вы говорите, что оно опредѣлитъ цифру «барыша и рабочей платы; вы надѣетесь, что это будетъ сдѣлано такъ, «что и рабочіе и капиталисты поспѣшатъ въ общественныя мастерскія. «Но вы не говорите ничего о томъ, какимъ образомъ устроится равно-«вѣсіе между этими мастерскими, имѣющими стремленіе къ жизни «сообща, къ фаланстеру; вы не говорите, какъ эти мастерскія избѣг-«нутъ внутренней и внѣшней конкурренціи, какія средства они пред-«ставятъ противъ избытка народонаселенія сравнительно съ капита-«ломъ, чѣмъ будутъ отличаться общественныя мастерскія мануфактур-«ныя отъ общественныхъ мастерскихъ земледѣльческихъ *); вы не

*) Въ то время, когда Ж. Гарнье писалъ это, дѣйствительно Л. Бланъ не обозначилъ съ точностью разницы въ устройствѣ тѣхъ и другихъ мастерскихъ и ихъ взаимной связи. Еще въ 1848 г. предъ люксембургской коммисіей онъ признавалъ это и обѣщался восполнить пробѣлъ (см. Pages d'histoire de la rév. de février, стр. 299), но исполнилъ свое обѣщаніе только въ 1850 г. въ 9-мъ изд. Орг. труда.

«говорите о многомъ другомъ. Я знаю вашъ отвѣтъ: все это будетъ «опредѣлено закономъ! А если ваше правительство и ваше государство «не съумѣютъ этого сдѣлать? Не замѣчаете-ли вы, что вы скользите «по наклонной плоскости, и что вамъ нужно ухватиться за что-нибудь «въ родѣ живаго закона *)».

«Допустимъ, что ваши мастерскія будутъ производить; кромѣ того, «понадобятся еще мастерскія торговыя, которыя должны производить «обмѣнъ произведеній. И тогда кто будетъ опредѣлять цѣны? Опять «законъ? По правдѣ говорю: для васъ понадобится второе явленіе на «горѣ Синаѣ, безъ чего вы никогда не выпутаетесь изъ затрудненій «вмѣстѣ съ вашимъ государственнымъ совѣтомъ, вашею палатою пред-«ставителей и вашимъ ареопагомъ сенаторовъ».

«Эти разсужденія, заканчиваетъ съ своей стороны Прудонъ, отличаются непобѣдимою справедливостью. Г. Бланъ съ его организаціею труда долженъ окончить тѣмъ, чѣмъ ему слѣдовало-бы начать и что его избавило-бы отъ труда писать свою книгу, то есть изученіемъ экономической науки **). Его памфлетъ, изобилующій краснорѣчивыми страницами, дѣлаетъ честь его литературному таланту; но что касается до философскаго значенія книги, оно было-бы совершенно одинаково, если-бы авторъ написалъ на каждой страницѣ большими буквами только одно слово: «я протестую» ***).

Такимъ образомъ, на всю положительную часть книги Л. Блана Прудонъ смотритъ, какъ на нѣчто несуществующее. Это даже больше, чѣмъ утверждать, что въ планѣ Л. Блана есть что-нибудь дурное и неудобоисполнимое, какъ дѣлаютъ отсталые экономисты. А вѣдь Прудонъ, кажется, не принадлежитъ къ отсталымъ экономистамъ!

Противъ чего-же, однако, могъ протестовать Л. Бланъ?—спросимъ мы съ своей стороны.—Противъ миліона нищихъ, совсѣмъ не имѣющихъ работы и поддерживающихъ свое существованіе скуднымъ подаяніемъ общества; противъ миліоновъ рабочихъ, добывающихъ

---

*) Живой законъ—это есть одна изъ фантазій сенсимонистовъ; это ихъ папа, котораго воля служитъ закономъ для всего общества. Объ этомъ см. т. I, стр. 395.

**) Въ другомъ мѣстѣ того-же сочиненія, Прудонъ говоритъ: «Есть слухъ, что г. Бланъ принялся серьезно за изученіе политической экономіи. Первымъ плодомъ этого изученія, я не сомнѣваюсь, будетъ то что онъ отречется отъ своей Организаціи труда».

***) Système de contradiction. P. 1850, т. I стр. 227 ets.

скудныя средства для жизни, когда они имѣютъ работу, и совсѣмъ ничего не добывающихъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, когда они не имѣютъ работы; противъ миліона женщинъ изъ рабочаго класса, поставленныхъ въ необходимость въ развратѣ искать средствъ къ жизни, наконецъ противъ не одного милліона людей, не имѣющихъ никакой собственности, явныхъ и тайныхъ враговъ общества, которые изъ Франціи дѣлаютъ вулканъ, грозящій постоянно землетрясеніемъ и изверженіемъ. А могли-ли противъ чего-либо подобнаго протестовать наши поклонники Л. Блана? Безъ сомнѣнія, никто изъ нихъ не можетъ сказать, чтобы Россія страдала отъ пауперизма, отъ массы бездомнаго земледѣльческаго или промышленнаго пролетаріата. Россія имѣетъ также свои недуги, и очень важные, очень достойные вниманія патріотовъ гуманистовъ; но это не тѣ недуги, которыми страдаетъ Франція. И всякій согласится, что средства, вызываемыя одною болѣзнью, не могутъ быть прилагаемы ко всѣмъ остальнымъ. И проповѣдовать у насъ систему Л. Блана—это значитъ только дѣлать одно изъ тѣхъ лишенныхъ смысла подражаній, которыя у насъ постоянно смѣняютъ другъ друга.—Пролетаріатъ у насъ тоже есть, только не земледѣльческій, не мануфактурный и не ремесленный. И было-бы почетнымъ дѣломъ, если-бы наши писатели, публицисты и ученые основательно разслѣдовали область, размѣры, свойства, причины и значеніе нашего пролетаріата и указали мѣры къ исцѣленію этого зла. Но это потребовало-бы серьезной научной подготовки, затѣмъ серьезной ученой работы, собиранія матеріала изъ книгъ и изъ жизни, потомъ разработки этого матеріала, освѣщенія его съ помощію принциповъ науки и т. д.—И вотъ на этакую-то работу у насъ дѣйствительно людей нѣтъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не оказалось. Но на работу болѣе выгодную съ точки зрѣнія какъ чеканки монеты, такъ и пріобрѣтенія вліянія и популярности въ массѣ полуобразованной публики и въ особенности въ массѣ молодежи, которая серьезной наукѣ предпочитаетъ верхоглядство, охотники нашлись, тѣмъ болѣе, что работа эта гораздо легче. Въ ней можно ограничиться тѣмъ, чтобы съ чужого голоса повторять безъ малѣйшей умственной самодѣятельности легкомысленные проекты, оказавшіяся никуда негодными и тамъ, гдѣ они увидѣли свѣтъ Божій и какъ дополненіе къ нимъ издавать такія лживыя quasi изслѣдованія, какъ сочиненіе Флеровскаго: положеніе рабочаго класса въ Россіи, и подражанія ему.

Мы желали-бы обратить вниманіе г. Флеровскаго и его подража-

телей, ровно какъ гг. Михайлова, Жуковскаго и Исаева на слѣдующіе факты.

Въ 1885 г. въ Москвѣ производилась перепись, въ которой между прочимъ обращено было вниманіе на средства къ жизни обитателей Москвы. Въ переписи принялъ очень дѣятельное участіе гр. Л. Толстой, который потомъ и помѣстилъ о ней статью въ «Народномъ Богатствѣ» (сент. 1885 г.). По его наблюденіямъ, того пролетаріата, на горькую участь котораго такъ жалуются наши лицемѣрные народолюбцы вслѣдъ за г. Флеровскимъ, не оказалось, а оказался пролетаріатъ болѣе несчастный, болѣе достойный сожалѣнія, имѣющій другое происхожденіе, не изъ рабочаго сословія. Тоже подтверждается и другими свѣдѣніями. Газеты обращаютъ вниманіе благотворителей на бѣдное семейство, и семейство это состоитъ изъ больной вдовы унтеръ-офицера съ малолѣтними дѣтьми. Или вдругъ оказывается, что гдѣ-нибудь на Пескахъ нанимаетъ уголъ княгиня У., неимѣющаая никакихъ средствъ къ жизни (это печатное извѣстіе). Въ такомъ-же положеніи княгиня П. въ дальнемъ уѣздномъ городѣ. Какія страшныя картины лишеній и страданій, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ, скрываются за этими краткими извѣстіями!—Намъ нѣтъ надобности выдумывать пролетаріатъ à la française или à l'anglaise, онъ у насъ уже есть à la russe.

E.

Внѣшность Л. Блана и значеніе ея въ его жизни.

К. Грюнъ въ своемъ сочиненіи Die sociale Bewegung in Frankreich, не разъ цитированномъ нами, пишетъ:

«Нѣсколько недѣль спустя, послѣ моего пріѣзда (въ Парижъ), я былъ въ редакціи журнала «Réforme» и разговаривалъ съ однимъ изъ гг. редакторовъ: вдругъ маленькій мальчикъ (ein Kleines Jüngelchen) въ черномъ фракѣ, проскочилъ черезъ нашу комнату и исчезъ за другой дверью. Я не обратилъ никакого вниманія на маленькаго человѣка. Нѣсколько времени спустя, редакторъ сталъ извиняться въ томъ, что онъ долженъ меня оставить, такъ какъ пришелъ г. Луи Бланъ, но присовокупилъ, что, если я желаю, то могу идти съ нимъ. Я, разумѣется, воспользовался случаемъ и послѣдовалъ за нимъ. Пришедши въ другую комнату, я смотрѣлъ во всѣ углы; но никого не было, кромѣ самого редактора и маленькаго мальчика во фракѣ.

«Не послѣдовало никакой рекомендаціи; я думалъ, что Луи Бланъ въ сосѣдней комнатѣ.

«Мой маленькій мальчикъ вынулъ изъ кармана свертокъ бумаги и прочелъ на самомъ изящномъ французскомъ языкѣ, котораго я нигдѣ не слышалъ, кромѣ сцены, и притомъ самымъ высокимъ патетическимъ тономъ, статью, по поводу рѣчи генералъ-прокурора при открытіи новаго судебнаго года. Въ статьѣ была только критика общества, объясненіе преступленій, происходящихъ отъ бѣдности, и говорилось о правахъ бѣдныхъ классовъ народа.

— Excellent! сказалъ редакторъ, оборачиваясь ко мнѣ и показывая на меня: monsieur Grün, journaliste allemand, que vous devez connaître.

«Мальчикъ отвѣчалъ: Sans doute, sans doute! Онъ, можетъ быть, во всю жизнь ничего не слыхалъ обо мнѣ.

«Потомъ редакторъ, показывая на мальчика, сказалъ: monsieur Louis Blanc.

«Боже мой милостивый (Himmel alle Welt)! подумалъ я.—Monsieur—Louis—Blanc, этотъ мальчикъ въ черномъ фракѣ!

«Мы скоро познакомились; онъ спросилъ меня, куда я иду, и такъ какъ я назвалъ Пале-рояль, то онъ сказалъ, что идетъ той-же дорогой.

«По дорогѣ мы говорили о Германіи; онъ съ большимъ любопытствомъ разспрашивалъ о нашихъ обстоятельствахъ, причемъ обнаружилъ большое незнаніе ихъ. Мы, нѣмцы, знаемъ обстоятельства французовъ почти такъ-же, какъ они сами; по крайней мѣрѣ, мы ихъ изучаемъ. И теперь мнѣ пришло въ голову то полное солнечное затмѣніе, которое въ «Исторіи Десяти Лѣтъ» царствуетъ относительно всего, что касается до Германіи.

«Л. Бланъ говоритъ по-французски педантически прекрасно; онъ тянетъ иногда слова, какъ резинку, иногда оттѣняетъ голосомъ самыя незначительныя слова; онъ живъ и пылокъ, но краснорѣчивъ, какъ и его книга» (стр. 314).

Отъ малыхъ причинъ иногда бываютъ очень важныя послѣдствія. Отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла; а отъ вѣтренности прекрасной спартанской царицы сгорѣла Троя.

Луи Бланъ не имѣлъ успѣха на педагогическомъ поприщѣ, потому что онъ былъ малъ ростомъ. А что было-бы, если-бы онъ имѣлъ порядочный ростъ, который могъ-бы родителямъ внушить къ учителю болѣе довѣрія, а дѣтямъ—болѣе уваженія? Можетъ быть, Л. Бланъ

остался-бы навсегда педагогомъ, и если-бы сдѣлался извѣстенъ, какъ писатель, то развѣ какъ авторъ какого-нибудь сочиненія по педагогіи или руководства по алгебрѣ.

Было еще нѣсколько случаевъ, гдѣ ростъ имѣлъ вліяніе на судьбу Луи Блана, и вліяніе неблагопріятное. Такъ, малый ростъ помѣшалъ ему быть единственнымъ главнымъ редакторомъ газеты Le Bons Sens; (а это, въ свою очередь, не осталось безъ послѣдствій для судьбы Ар. Кареля).

Когда Л. Бланъ былъ представленъ герцогу Деказу, то герцогъ прежде всего обратилъ вниманіе на малый ростъ его, и назвалъ его маленькимъ мальчикомъ. Очень вѣроятно, что именно въ этомъ заключалась причина того, что дѣло не имѣло послѣдствій, т. е., или Деказъ не нашелъ Л. Блана довольно представительнымъ для того, чтобы дать ему мѣсто или ходатайствовать за него передъ какимъ нибудь министромъ, или Л. Бланъ, дѣйствительно обидѣвшись тѣмъ, что его принимаютъ за мальчика, самъ прекратилъ это дѣло. А если-бы Л. Бланъ имѣлъ приличный ростъ, то ему могли дать мѣсто секретаря гдѣ-нибудь въ посольствѣ или что-нибудь подобное. Наконецъ, герцогъ Деказъ могъ дать ему занятія въ своихъ заводахъ въ Деказвиллѣ: и изъ Л. Блана современемъ вышелъ-бы или посланникъ или управляющій большимъ механическимъ заводомъ, или лицо, завѣдующее какою-нибудь частью его.

Послѣ революціи, рабочіе, пользуясь малымъ ростомъ, и, разумѣется, соотвѣтствующимъ вѣсомъ Л. Блана, привыкли носить его на плечахъ. Первый разъ его несли, когда онъ въ самый первый разъ послѣ избранія въ члены временнаго правительства, шелъ въ городскую Думу вмѣстѣ съ Флокономъ. Передъ думой была большая толпа народа. Л. Бланъ не могъ успѣшно пробираться черезъ нее, какъ Флоконъ; и рабочіе, узнавши его, подняли на плечи и понесли. Потомъ его носили по площади, когда было принято удержать трехцвѣтное знамя, еще разъ носили послѣ учрежденія люксембургской коммисіи, и, наконецъ, 15-го мая, въ то время, какъ народъ вторгнулся въ національное собраніе. Этотъ послѣдній случай имѣлъ значеніе для всей послѣдующей его жизни; онъ выбилъ его изъ ея колеи; черезъ него Л. Бланъ сдѣлался на 20 лѣтъ изгнанникомъ. Если-бы рабочіе не носили его въ этотъ день по національному собранію, то несомнѣнно, что всѣ консервативные элементы не были-бы настроены противъ него такъ враждебно: національные гвардейцы не сдѣлали-бы на него

нападенія, а Національное собраніе не нашло-бы достаточныхъ причинъ для преслѣдованія его судомъ.

Ж.

Заработная плата въ соціальныхъ мастерскихъ по первому проекту Л. Блана и попытки Л. Блана прикрыть свою первоначальную ошибку.

Вопросъ о заработной платѣ въ проектѣ Л. Блана играетъ особенно важную роль. Именно его постановка и рѣшеніе дали проекту Л. Блана направленіе, которое привело его къ коммунизму. И такъ какъ съ одной стороны самъ онъ не вполнѣ прямо и открыто признаетъ свою ошибку, въ другой есть авторы, которые допускаютъ, что онъ и первоначально проектировалъ заработную плату неравную, по крайней мѣрѣ хотя на время, то мы приведемъ подлинныя слова Л. Блана объ этомъ предметѣ даже въ оригиналѣ, такъ какъ русскій переводъ его возможно точный приведенъ у насъ выше (см. стр. 471):

«Bien que l'éducation fausse et antisociale donnée à génération actuelle rende difficile qu'on cherche ailleurs que dans un surcroît de rétribution un motif d'émulation et d'encouragement, les salaires séraient égaux, une éducation toute nouvelle devant changer les idées et les moeurs».

Въ такомъ видѣ это мѣсто напечатано въ 5 изданіи (Парижъ 1848 г.) и безъ сомнѣнія во всѣхъ предыдущихъ. Въ томъ-же видѣ перепечаталъ его М. Шевалье въ брошурѣ «Question des travailleus», написанной и напечатанной въ 1848 г., и согласно съ этой редакціей возражалъ Л. Блану, доказывая ему крайнюю несправедливость равенства въ вознагражденіи рабочихъ. Такимъ образомъ въ подлинности этой редакціи невозможно никакое сомнѣніе. И самъ Л. Бланъ въ 9-мъ изданіи Организаціи труда (Paris, 1850) говоритъ: «въ предыдущихъ изданіяхъ этой книги я предлагалъ систему равенства заработной платы (le système de l'égalité des salaires).

Кажется можно-бы думать, что тутъ не остается больше мѣста недоразумѣнію. Между тѣмъ К. Грюнъ, который самъ былъ въ Парижѣ въ 1844 г., познакомился съ Л. Бланомъ, бесѣдовалъ съ нимъ неоднократно, излагая въ своей книгѣ, изданной въ 1845 г., систему Л. Блана въ буквальномъ переводѣ и приводя его во вносныхъ зна-

кахъ передаетъ такъ мѣсто проекта, гдѣ говорится о заработной платѣ:

«Da die falsche und antisociale Erziehung, welche der heutigen «Generation gegeben worden ist, nicht erlaubt, anderswo ein «Motif zur Nacheiferung und Anfeuerung zu suchen, so würde der «Unterschied der Löhne nach der Rangordnung der Beschäfti-«gungen geregelt, bis dass eine neue Erziehung in diesem «Puncte Gedanken und Sitten geändert hatte. Naturlich «müsste in allen Fällen der Lohn hinreichend zur «existenz der Arbeiter sein.» (Die soc. Bew. in Fr. стр. 307).

Сравнивая оба текста мы, видимъ у Грюна весьма существенныя измѣненія: въ одномъ плата равная, въ другомъ она увеличивается сообразно съ рангомъ занятій, т. е. съ важностью ихъ въ организаціи мастерской. И тутъ, собственно говоря, также нѣтъ рѣчи объ усиленной платѣ особенно трудолюбивому и искусному рабочему. Прежде чѣмъ онъ будетъ повышенъ на лѣстицѣ должностей, онъ можетъ долго работать за одну плату съ рабочимъ неискуснымъ и неусерднымъ.

Въ той-же самой редакціи представлено это мѣсто въ 5-мъ изданіи Брюссельскомъ, относящимся также къ 1848 г.:

«Comme l'éducation fausse et antisociale donnée á la génération actuelle ne permet pas de chercher ailleurs que dans un surcroît de rétritution un motif d'émulation et d'encouragement, la difference des salaires serait graduée sur la hierarchie des fonctios, une education toute nouvelle devant sur le point changer les ideés et les moecurs. Il va sans dire que le salaire devrait dans tous les cas suffire largement à l'existence du travailleur.

Такимъ образомъ еще при жизни автора ученіе его являлось передъ читателями въ двухъ видахъ, въ двухъ редакціяхъ. А намъ теперь приходится доискиваться, которая изъ нихъ есть подлинная, какъ будто-бы рѣчь шла о сочиненіяхъ Санхоніотона или Манеѳона.

Подлинная редакція безъ сомнѣнія французская, а не нѣмецкая; а изъ двухъ французскихъ редакцій та подлинная, которая находится въ парижкомъ изданіи, а не въ брюссельскомъ; потому что брюссельское изданіе есть контрфакція, а парижское изданіе не могло явиться иначе, какъ съ вѣдома автора и согласно съ его волей: стало быть въ немъ все должно быть и изложено согласно волѣ автора. Такъ нужно

смотрѣть на дѣло только на основаніи свойствъ разныхъ изданій. Но кромѣ того Л. Бланъ самъ призналъ за свое изданіе именно то самое 5-е парижское изданіе, изъ котораго у насъ приведена выдержка въ переводѣ и которому принадлежитъ 1-й французскій текстъ, помѣщенный выше, въ которомъ сказано, что «les salaires seraient égaux», заработная плата будетъ равная *).

Но какъ-же наконецъ это могло произойти, что еще при жизни автора въ его сочиненіи могъ появиться варьянтъ, представляющій дѣло въ смыслѣ, противномъ смыслу автора?—Фактъ этотъ безспорно весьма любопытный и вѣроятно единственный въ своемъ родѣ.

Дѣло въ томъ, что это спорное мѣсто изложено авторомъ крайне нелогично.—Плата будетъ введена равная, говоритъ онъ, хотя въ наше время трудно найди другое средство для увеличенія усердія рабочихъ, кромѣ прибавки жалованья.—Но тогда зачѣмъ-же вводить такую плату? Вѣдь рабочіе не будутъ имѣть довольно усердія.—Ничего, отвѣчаетъ Л. Бланъ; новое воспитаніе измѣнитъ идеи и нравы рабочихъ.—Хорошо; но вѣдь это окажется только впослѣдствіи; а при открытіи мастерскихъ будутъ господствовать старыя идеи и нравы. — На это Л. Блану нечего отвѣчать. — И его силлогизмъ остается неправильнымъ. Изъ посылокъ прямое заключеніе то, что плата должна быть неравная, а авторъ далъ силлогизму заключеніе противоположное.—Трудно было не обратить вниманія на это. Л. Фоше, полемизируя противъ Л. Блана, дѣлаетъ выдержку изъ организаціи труда именно изъ этой самой ея части, такъ какъ тутъ содержится сущность проекта, въ точности заимствуетъ полный текстъ подлинника; но когда доходитъ до этого мѣста, отбрасываетъ основанія автора и приводитъ только слѣдствіе, то, что плата будетъ равная.—К. Грюнъ, который повидимому первый сдѣлалъ измѣненіе подлиннаго текста, поступилъ наоборотъ. Можетъ быть относя нелогичность къ неловкости выраженія, въ особенности, если онъ говорилъ объ этомъ съ Л. Бланомъ, который въ такомъ случаѣ могъ сказать ему что-нибудь въ родѣ того, что онъ впослѣдствіи говорилъ въ люксембургской коммиссіи, т. е. что онъ не осудилъ положительнымъ образомъ неравную заработную плату, что онъ говорилъ болѣе въ предчувствіи будущаго и т. д., Грюнъ оставилъ неприкосновенными основанія Л. Блана.

*) Это признаніе состоитъ въ томъ, что Л. Бланъ ссылается на него въ другомъ своемъ сочиненіи: le socialisme, droit au travail, réponse à M. Thiers.

а отбросилъ слѣдствіе. Но такъ какъ основанія безъ слѣдствій быть не могутъ, то онъ и далъ имъ слѣдствіе противоположное. Могъ онъ сдѣлать это даже и не имѣя никакой предварительной бесѣды съ Л. Бланомъ объ этомъ предметѣ, только исходя изъ желанія выбросить изъ текста несообразность, явную нелогичность *).

Этою нелогичностью воспользовался впослѣдствіи самъ Л. Бланъ, чтобы смягчить рѣзкій характеръ своего промаха и даже, если возможно, замазать щель, такъ чтобы ея не видно было, и старался повернуть дѣло такъ, какъ будто-бы онъ дѣйствительно допускалъ еще въ первомъ проектѣ неравную плату. Заявивши въ 9-мъ изданіи, что въ предъидущихъ изданіяхъ имъ была предлагаема система равенства заработной платы, онъ прибавляетъ: или по крайней мѣрѣ равный дѣлежъ прибыли. Не «по крайней мѣрѣ», а вполнѣ равныя для каждаго рабочаго какъ заработную плату, такъ и часть прибыли (о прибыли см. выше, стр. 471). Въ первый разъ о неравной платѣ Л. Бланъ заговорилъ въ рѣчи 3-го апрѣля 1848 г. предъ делегатами рабочихъ въ люксембургской коммисіи, причемъ у него является неравенство платы въ двухъ направленіяхъ: 1) въ пользу рабочаго луч-

---

*) Подобную вольность Грюна по отношенію къ Л. Блану можно объяснить только тѣмъ, что къ французскимъ соціалистамъ, къ ихъ пониманію, къ ихъ философскому образованію, за однимъ только исключеніемъ, онъ относится совсѣмъ безъ уваженія. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ самъ онъ: «я какъ будто осужденъ на то, чтобы видѣть только недостатки во французскомъ духѣ всякій разъ, какъ приближаюсь къ нему, и находить его поверхностнымъ. — Насколько французы любезны въ формахъ, въ чувствахъ, настолько же ограничены, когда рѣчь заходитъ о сущности дѣла. Когда вы имъ говорите о вещахъ самыхъ важныхъ и серьезныхъ, они замѣчаютъ: Je comprends, je comprends; это значитъ: я чувствую, что вы хотите сказать, но вы не такъ выражаетесь. Потомъ начинаютъ съ смѣшнымъ паѳосомъ: Vous voulez dire etc. И когда наконецъ разъясненіе окончится, трудно сохранить хладнокровіе. А они еще съ самодовольствомъ прибавляютъ: N'est ce pas ça? Обыкновенно отвѣчаешь въ такомъ случаѣ: à peu près, когда слѣдовало-бы сказать: совсѣмъ не то, не та идея, не та мысль, слѣда ея нѣтъ.— Но есть исключенія, славныя исключенія, которыя дѣйствуютъ заразительно, которыя порождаютъ новую Францію, въ то время какъ фразы старой пропадаютъ подобно увядшимъ листьямъ. Сегодня я провелъ одинъ дорогой часъ (eine Köstliche Stunde) съ Прудономъ; мы обмѣнялись ста милліонами идей. Я говорилъ ему о нѣмецкой философіи и о ея разложеніи, о Фейербахѣ и т. д.—Прудонъ слушалъ меня со вниманіемъ, которое могло-бы меня сконфузить, если-бы не наступили уже су-

шаго и 2) въ пользу рабочаго худшаго, слабѣйшаго. Въ первомъ направленіи допускается хотя непрямо заработная плата при началѣ осуществленія системы.

«Коль скоро ассоціація (т. е. соціальная мастерская) устроена, какой способъ распредѣленія долженъ быть введенъ, какъ лучшій?—Нужно-ли допустить неравенство заработной платы при равномъ распредѣленіи прибыли, или равенство въ распредѣленіи какъ того, такъ и другого?»

«Несправедливо, что мы рѣшительно осудили систему неравенства заработной платы, соображенную съ равнымъ распредѣленіемъ прибылей. Системѣ болѣе сообразной съ настоящимъ положеніемъ мы противопоставили другую болѣе согласную съ нашимъ предчувствіемъ будущаго. И зачѣмъ-бы мы это сдѣлали, въ особенности если мы оставляли рабочимъ свободу выбора?» *).

Все это составляетъ лавированье, недостойное прямого человѣка: Л. Бланъ правда не сказалъ ничего противъ неравной заработной платы, но онъ объ ней не упоминалъ совсѣмъ.—Этимъ самымъ и вмѣстѣ без-

---

мерки. Наконецъ онъ сказалъ: Donc, l'anthropologie c'est le métaphysique en action, сложилъ руки, всталъ и прибавилъ: Et moi, je vais démontrer, que l'économie politique est la métaphysique en action.—Прудонъ есть новый французъ, мыслитель, логикъ, человѣкъ, который имѣетъ уваженіе къ нѣмецкой наукѣ, не обоготворяя ея, какъ дѣлали нѣкоторые парижскіе дураки (Narren), и не обкрадывая ея, подобно г. В. Кузену». (Ib. 371).

Мы намѣренно дали этому примѣчанію болѣе обширные размѣры, чтобы представить образецъ того, какъ Прудона выдѣляютъ изъ ряда другихъ соціалистовъ. Грюнъ передъ тѣмъ видѣлъ Л. Блана, Консидерона и Кабе. И его нелестная характеристика французовъ относится именно къ нимъ. Впрочемъ, впечатлѣніе, которое Грюнъ вынесъ изъ устной бесѣды съ ними, совершенно тоже, которое оставляютъ ихъ сочиненія.—Съ другой стороны, мы желали привести живой примѣръ того, какъ смотрятъ даже соціалисты, обладающіе серьезнымъ образованіемъ, къ числу которыхъ относится Грюнъ, на тѣхъ, которые безъ всякой умственной самодѣятельности способны только обоготворять какія-нибудь ученія, даже не «какія-нибудь», а оцѣненныя всѣмъ міромъ ученія нѣмецкихъ философовъ первой половины нашего столѣтія. Что-же сказалъ-бы Грюнъ, если-бы ему пришлось видѣть обоготвореніе соціальнаго проекта, котораго ни одинъ дѣйствительный представитель науки не призналъ заслуживающимъ серьезнаго вниманія?

*) Pages d'histoire de la révolution de Février, стр. 294.

условнымъ введеніемъ платы равной онъ осудилъ ее; и рабочимъ онъ никогда не предоставлялъ права ломать основныя положенія системы.

Неравенство платы въ другомъ направленіи, въ пользу рабочаго болѣе слабаго, Л. Бланъ въ той-же самой рѣчи проектируетъ слѣдующимъ образомъ: «предположимъ, говоритъ онъ, что общество дошло до крайняго предѣла своего усовершенствованія (au dernier terme de so perfectionnement)». Въ такомъ случаѣ и производство и распредѣленіе дохода должно быть идеальное. Въ чемъ-же оно состоитъ? Въ томъ, чтобы «производить сообразно своимъ силамъ и потреблять сообразно своимъ потребностямъ. Но этого идеала, продолжаетъ ораторъ, можно-ли его достигнуть въ настоящее время?—Не думаю.—Исторія дѣлается не въ одинъ день.—Въ этомъ долгомъ путешествіи человѣчества къ добру намъ еще остается сдѣлать нѣсколько станцій.—Но если намъ не суждено достигнуть послѣдней цѣли, постараемся хоть имѣть ту заслугу, чтобы открыть ее, и ту славу, чтобы стремиться къ ней»*).

Все это очень краснорѣчиво, но отзывается наклонностью къ фразамъ, а совсѣмъ не тою практичностью, которой прежде всего слѣдовало ожидать отъ коммисіи, взявшей на себя задачу обсудить практическія средства для улучшенія быта рабочихъ. И эти декламаціи Л. Блана мы приводимъ только затѣмъ, чтобы очеркъ общаго положенія дѣла и его характера имѣлъ по возможности болѣе вѣрный и полный видъ.

А между тѣмъ за этими декламаціями практическій вопросъ о заработной платѣ при устройствѣ ассоціацій или мастерскихъ опять остался не рѣшенъ. Л. Бланъ выше какъ будто высказался въ пользу неравной платы, но дальше онъ нашолъ нужнымъ прибавить, что онъ никогда не думалъ «прилагать равенство заработной платы къ промышленности частной (á l'industrie privée) и при нынѣшнемъ порядкѣ конкурренціи. Очевидно, говорилъ онъ, что тамъ, гдѣ рабочіе не имѣютъ между собою никакой связи, выдавать имъ равную заработную плату значило бы давать премію лѣности и ослаблять пружины промышленной дѣятельности».

Итакъ, что же оказывается? Равная заработная плата оказывается неприложимою только къ частной промышленности, гдѣ рабочіе не имѣютъ между собою никакой связи? А въ соціальной мастерской, гдѣ между рабочими установлена солидарность, она все-таки удобна, мо-

*) Ib. 293.

жетъ быть введена хоть сейчасъ? Этотъ вопросъ всякій читатель можетъ рѣшить по-своему; у Л. Блана онъ найдетъ матеріалъ для рѣшенія его въ двухъ противуположныхъ смыслахъ *).

И даже когда дѣло дошло до составленія проекта закона, который долженъ былъ быть представленъ отъ имени люксембургской коммисіи на обсужденіе Національнаго собранія, въ немъ вопросъ о томъ, должна ли быть рабочая плата для всѣхъ работниковъ одной и той же соціальной мастерской равная или неравная, самимъ Л. Бланомъ совсѣмъ обойденъ. — Рабочіе этихъ тонкостей не понимали; и когда дѣло дошло до устройства ассоціацій, какъ съ помощію пособій отъ правительства, такъ и на частныя средства, почти во всѣхъ ассоціаціяхъ заработная плата была введена равная, согласно съ первымъ проектомъ Л. Блана, который они читали и перечитывали въ теченіи 10 лѣтъ отъ 1839 до 1848 года.

3.

Извлеченія изъ Организаціи труда.

а) Земледѣльческія соціальныя мастерскія по послѣднему проекту Л. Блана.

(Org. du trav. 9-me ed. p. 112).

„Всякую соціальную мастерскую можно образовать изъ 50 семействъ, состоящихъ приблизительно изъ 250 человѣкъ, которые должны быть устроены на пространствѣ 500 гектаровъ.

„Эти учрежденія потребуютъ со стороны государства значительныхъ предварительныхъ издержекъ для пріобрѣтенія земли и земледѣльческихъ орудій; но эти издержки должны быть возвращены ассоціаціями, въ пользу которыхъ онѣ сдѣланы; и, кромѣ того, тяжесть этой операціи облегчится закономъ объ уничтоженіи права наслѣдо-

---

*) Изъ худаго источника никогда не можетъ истекать что-нибудь хорошее. Не нашедши въ себѣ столько мужества, чтобы прямо признать свою ошибку, Л. Бланъ и въ люксембургской коммисіи и въ Національномъ собраніи, въ Pages d'histoire etc., и въ Исторіи революціи 1848 г. наговорилъ такую кучу двусмысленностей, натяжекъ и противорѣчій о заработной платѣ, что для того, чтобы разобрать ее и прижать его къ стѣнѣ такъ, чтобы онъ уже не могъ ничего возразить, для этого пришлось бы написать десятки страницъ, шагъ за шагомъ указывая ему на противорѣчія и уличая въ нихъ. Это дѣло возможное и даже легкое, потому что всѣ эти изворотливыя разсужденія Л. Блана сшиты на живую нитку. Только игра не стоила бы свѣчъ.

ванія въ боковыхъ линіяхъ, причемъ подобныя имущества будутъ поступать въ собственность государства.

„Всякій собственникъ будетъ допущенъ въ члены ассоціаціи только подъ условіемъ продажи ей своего имущества: земли и всякихъ орудій производства.

„Чтобы не проходило безплодно время, когда невозможны земледѣльческіе труды, т. е. зима и ненастные дни, для этого во всякой ассоціаціи будутъ устроены мастерскія ткацкія, кузнечныя, слесарныя, плотничьи, столярныя, швейныя, и т. п.

„Директоръ земледѣльческой мастерской, назначенный правительствомъ, впослѣдствіи будетъ выбираться членами ассоціаціи, послѣ того какъ они успѣютъ хорошо узнать другъ друга".

„Такимъ же образомъ будетъ избранъ совѣтъ ассоціаціи, который будетъ состоять изъ семи членовъ, въ томъ числѣ директоръ. Обязанности этого совѣта, состоящаго подъ предсѣдательствомъ директора, будутъ состоять въ томъ, чтобы распредѣлять работы сообразно со способностями, опредѣлять продолжительность труда, слѣдить за отчетностью и вести сношенія по дѣламъ мастерской.

„Послѣ того какъ персоналъ земледѣльческой мастерской составился, никто не можетъ быть допущенъ въ нее или исключенъ изъ нея иначе, какъ посредствомъ рѣшенія большинства.

„Всѣ семейства составляющія ассоціацію, будутъ помѣщаться въ одномъ и томъ же зданіи, раздѣленномъ такимъ образомъ, чтобы всякое семейство имѣло отдѣльное помѣщеніе.

„Такъ какъ земледѣльческія мастерскія, подобно промышленнымъ мастерскимъ въ городахъ, не подвержены, по крайней мѣрѣ непосредственно, давленію древняго міра (de l'ancien monde), то система потребленія сообща въ нихъ можетъ быть введена, причемъ всякому предоставляется право пользоваться своею долею въ своемъ семействѣ.

„Рабочихъ, получающихъ жалованье въ ассоціаціи, не будетъ: ассоціація удовлетворитъ всѣмъ потребностямъ своихъ членовъ относительно пищи, помѣщенія, одежды, мебели, предоставляя каждому получить стоимость всего этого деньгами.

„Чтобы удовлетворить потребностямъ всѣхъ, произведенія труда всѣхъ будутъ считаться общими.

„Послѣ того какъ общія издержки оплачены, *проценты капиталовъ уплачены*, расходы по ремонту и матеріалу покрыты, излишекъ будетъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

„Одна четверть *на погашеніе капитала.*

„Одна четверть для образованія вспомогательнаго фонда старикамъ, больнымъ, раненымъ и т. п.

„Одна четверть въ раздѣлъ между членами ассоціаціи пропорціонально числу рабочихъ дней каждаго.

„Наконецъ одна четверть для образованія запаснаго капитала, предполагаемаго для осуществленія принципа взаимной помощи и солидарности между различными соціальными мастерскими.

„Каждая земледѣльческая мастерская будетъ имѣть при себѣ школу, гдѣ дѣти будутъ воспитываемы въ принципахъ, служащихъ основаніемъ мастерской.

„Если кто-нибудь, участвуя въ выгодахъ ассоціаціи, не будетъ

исполнять своей доли работы, равно какъ обязанностей члена ассоціаціи (?), то онъ будетъ наказанъ исключеніемъ, которое можетъ быть постановлено только большинствомъ $^3/_4$ голосовъ и повлечетъ за собою потерю права на коллективную собственность земледѣльческой мастерской.

„Болѣзни и старость не только не будутъ причиною исключенія, но, напротивъ, будутъ предметомъ удвоенныхъ заботъ и вниманія.

„Если кто оставитъ ассоціацію добровольно, то онъ не имѣетъ права требовать своей доли капитала, или движимости, или резервнаго фонда, такъ какъ все это составляетъ капиталъ коллективный и абсолютно неотчуждаемый".

Въ этомъ послѣднемъ видѣ земледѣльческая ассоціація Л. Блана уже ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ коммунистической общины Кабе или отъ религіозныхъ коммунистическихъ общинъ, такихъ какъ община гармонистовъ, Амана и т. п. (см. выше стр. 397 и 401).— И система Л. Блана совершенно естественнымъ и необходимымъ образомъ превратилась въ коммунистическую.

Просимъ читателей поискать здѣсь гдѣ-нибудь смѣтъ на постройки и на все устройство ассоціаціи, которыя г. Чернышевскій предлагалъ повѣрять. Повѣрять тутъ нечего, такъ какъ ихъ нѣтъ и никогда не было.

Надѣемся, что читатели и безъ насъ обратили вниманіе на недостаточную щедрость Л. Блана, сравнительно съ его русскимъ подражателемъ. У Л. Блана не только нѣтъ зала для театра или для вечернихъ собраній; у него нѣтъ даже больницы. Смѣты обоихъ авторовъ, оригинальнаго и подражателя, оказываются различными. У Л. Блана о числѣ комнатъ для каждаго отдѣльнаго семейства рабочихъ также ничего не говорится. Вслѣдствіе этого между двумя смѣтами будетъ еще больше разницы.

Достойно вниманія постановленіе, что какъ исключенные члены, такъ и выходящіе добровольно не имѣютъ права на часть имущества ассоціаціи. Къ чему это постановленіе? И откуда оно вышло? Изъ недовѣрія Л. Блана къ своей системѣ. Гдѣ существуютъ такія многочисленныя и сильныя побужденія къ труду, которыя рисовалъ Л. Бланъ, тамъ нѣтъ надобности поддерживать трудолюбіе рабочаго еще угрозою исключить его, послать за порогъ безъ всякихъ средствъ къ жизни и безъ всякихъ орудій, необходимыхъ для труда. И если система такъ хороша, что въ нее будутъ всѣ стремиться, начиная отъ простого рабочаго до техника, инженера и капиталиста, то, кажется, не было бы надобности затруднять и выходъ изъ нея всякому, кто остался бы ею недоволенъ, и было бы справедливо, человѣку честно трудившему-

ся въ продолженіи многихъ лѣтъ, выдать часть капиталовъ, въ пріобрѣтеніи которыхъ онъ участвовалъ, въ особенности послѣ всѣхъ этихъ декламацій противъ капиталистовъ, не дающихъ рабочему участія въ дѣлѣ прибыли, пріобрѣтаемой его руками.

б) Демократическая организація кредита.

Ibid. стр. 177 и 182.

Мы видѣли, что Л. Бланъ въ первомъ проектѣ предложилъ закрыть всѣ банки, какъ учрежденія, въ которыхъ нѣтъ надобности при новой организаціи труда (см. выше стр. 477).—Черезъ 11 лѣтъ, въ 1850 г. онъ ведетъ объ этомъ другую рѣчь.

„Нужно-ли уничтожить банки? Сохрани васъ Богъ. Банки могутъ быть чрезвычайно полезны. Вмѣсто того, чтобы уничтожись ихъ, ихъ нужно распространять. Только пусть они будутъ изъяты изъ-подъ власти частныхъ людей и поступятъ въ вѣдѣніе государства; только въ такомъ случаѣ кредитъ окажется по-истинѣ устроеннымъ.

„На этомъ нужно настаивать, какъ можно больше, такъ какъ кредитъ и организація труда неотдѣлимы. Государство можетъ сдѣлаться банкиромъ, но оно будетъ дѣлать ссуды только подъ обезпеченіе; стало быть, чтобы тѣ, которые ничего не имѣютъ, могли представить какую-нибудь гарантію, нужно, чтобы трудъ ихъ былъ обезпеченъ, чего не дозволяетъ тиранническая и анархическая система неограниченной конкуренціи.

„Когда трудъ организованъ сообразно принципу ассоціаціи и государство сдѣлалось банкиромъ, металлическая монета очевидно можетъ безъ всякаго неудобства быть замѣнена кредитными билетами".

И такъ

„Нужно Французскій банкъ, неправильно носящій это имя, преобразовать въ банкъ Государственный, не смѣшивая его фондовъ съ фондами государственнаго казначейства.

„Дать ему отдѣленіе въ каждомъ департаментѣ.

„Составить изъ лицъ, избранныхъ городскими управленіями, торговыми палатами и синдикальными палатами корпорацій, учетный комитетъ, имѣющій голосъ совѣщательный и наводящій справки касательно состоятельности заемщиковъ.

„Дать законное обращеніе билетамъ національныхъ банковъ (?) и выпускать ихъ не иначе, какъ съ обезпеченіемъ реальными цѣнностями.

„Устроить склады, гдѣ всякій производитель можетъ помѣщать свои произведенія и получать квитанцію, которая можетъ быть передаваема другимъ посредствомъ надписи, и которая даетъ право собственности на складъ, слѣд. можетъ, безъ неудобства, служить бумажными деньгами.

„Уполномочить государственный банкъ давать ссуды подъ залогъ квитанцій и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять капиталы ассоціаціямъ рабочихъ.

„Всѣ прибыли банка должны составить *бюджетъ рабочихъ*, предназначенный для основанія этихъ ассоціацій, приведенныхъ къ солидарности“.

II.

Библіографическій указатель сочиненій и изданій Л. Блана.

1. Organisation du travail. Первое изданіе 1839 г. было очень незначительнаго объема, явилось въ видѣ брошюры малаго формата, въ которой притомъ большую часть занимала часть критическая. Собственно изложеніе системы занимало только 17 страничекъ. На это обращали вниманіе критики Л. Блана (Саргантъ). Дѣйствительно и съ этой стороны, со стороны внѣшности, бросается въ глаза скороспѣлый, экспромтный характеръ сочиненія. — Послѣднее изданіе 9-е, 1850 г.; послѣ него, судя по всему, Организація труда не печаталась-но крайней мѣрѣ уже въ восьмидесятыхъ годахъ въ книжной торговлѣ не было позднѣйшаго изданія и ни въ какихъ библіографическихъ указателяхъ нигдѣ нѣтъ свѣдѣній о немъ. И это согласно съ ходомъ дѣла на практикѣ; въ пятидесятыхъ годахъ система была испытана, оказалась неудовлетворительною и сошла со сцены. Послѣ того некому и не для чего было покупать книгу.

2. Histoire de Dix ans. Paris, 1841, 6 vol. О характерѣ и особенно успѣхѣ этой книги мы уже говорили (см. выше стр. 449 и 450).

Histoire de la révolution française. 15 vol. Сочиненіе начато еще въ сороковыхъ годахъ, во Франціи, а окончено въ изгнаніи въ шестидесятыхъ. Л. Бланъ явный сторонникъ радикальной демократіи, горячій защитникъ Франціи единой и нераздѣльной и желаетъ государственной власти сильной и энергической. Съ этихъ точекъ зрѣнія оцѣниваетъ дѣятельность людей и партій во время революціи. Жирондинцевъ не любитъ, а всѣ его симпатіи на сторонѣ якобинцевъ; изъ нихъ предпочитаетъ самыхъ крайнихъ, наиболѣе державшихся однажды признаннаго знамени, Робеспьера, С. Жюста и др.

4. Lettres sur l'Angleterre. Paris, 1865. 4 vol. Эта книга образовалась изъ писемъ, которыя Л. Бланъ писалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изъ Англіи въ нѣкоторыя газеты: le Temps, la Presse, l'Europe et l'Étoile Belge. Письма отличаются разнообразіемъ содержанія, многосторонностью: Л. Бланъ касается всѣхъ сторонъ жизни въ

странѣ, давшей ему пріютъ; но особеннымъ вниманіемъ его пользуются факты, относящіяся къ экономической жизни народа, преимущественно простого.—Мать, побуждаемая крайнею бѣдностью, убила ребенка, была судима и оправдана Л. Бланъ пишетъ объ этомъ корреспонденцію съ его обыкновеннымъ талантомъ; все вмѣстѣ, и фактъ и талантъ автора, производятъ на читателя сильное впечатлѣніе; —или, рабочіе погибли въ каменноугольной шахтѣ, погибли потому, что въ шахту былъ только одинъ ходъ. Правительственные инспекторы раньше обращали вниманіе владѣльцевъ шахтъ на опасность и требовали устройства другого хода, но владѣльцы нашли, что это было-бы слишкомъ дорого. Читатель можетъ быть увѣренъ, что Л. Бланъ расказалъ этотъ случай не безъ комментаріевъ, которыхъ онъ заслуживаетъ.—Вообще на чорствое отношеніе къ судьбѣ рабочихъ, но нечестное отношеніе къ публикѣ со стороны всякаго рода промышленниковъ, фабрикантовъ, банкировъ Л. Бланъ обращаетъ особенное вниманіе, довольно говоритъ объ извѣстномъ Пальмерѣ, который застраховывалъ жизнь ближнихъ себѣ людей, жены, друзей, и потомъ отправлялъ ихъ; былъ судимъ и казненъ.—Вообще письма объ Англіи это ничто иное, какъ дополненіе къ критической части Организаціи труда, съ помощію фактовъ, заимствованныхъ изъ экономической жизни Англіи.

5. Pages d'histoire de la révolution de Février 1848. Paris, 1850. Это первое сочиненіе Л. Блана касательно революціи 1848 г. Оно есть ничто иное, какъ дополненное его сочиненіе, изданное годомъ раньше подъ заглавіемъ «Appel aux honnêtes gens» и имѣвшее спеціальною цѣлью отстраненіе клеветъ, которыя были причиною преданія его суду: въ этомъ первомъ сочиненіи онъ по необходимости долженъ былъ касаться исторіи февральской революціи, такъ какъ принималъ въ событіяхъ того времени большое и непосредственное участіе.—Въ «Pages d'histoire» эта часть общая, касающаяся исторіи событій вообще, распространена, такъ что вышло что-то въ родѣ историческихъ мемуаровъ, гдѣ Л. Бланъ очень часто говоритъ о себѣ и самъ является не столько какъ историкъ, сколько какъ свидѣтель.—Къ книгѣ присоединено нѣсколько приложеній о дѣятельности Л. Блана въ люксембургской коммиссіи, въ національномъ собраніи, а также о дѣятельности, основанныхъ по указаніямъ его системы, ассоціацій рабочихъ.

6. Révélations historiques. Brux. 1859 г. 2 тома. Происхожде-

ніе этой книги случайное. Въ 1856 году лордъ Норманби, бывшій англійскій посланникъ въ Парижѣ, во время революціи 1848 г. издалъ свое сочиненіе: A Year of Revolution in Paris, написанное безъ должнаго безпристрастія, гдѣ онъ становится прямо на сторону противниковъ Л. Блана, и повторяетъ массу пущенныхъ въ то время слуховъ, неблагопріятныхъ какъ для Л. Блана, такъ и для рабочихъ. Л. Бланъ въ опроверженіе его написалъ на англійскомъ языкѣ книгу, подъ заглавіемъ History of Revolution of 1848 (по словамъ Сарганта written in admirable English.). И эта книга есть ничто иное, какъ распространеніе и приспособленіе къ особой цѣли сочиненія придыдущаго, т. е. Pages d'histoire etc.—Книга имѣла въ Англіи большой успѣхъ. И такъ какъ англійскій языкъ французамъ мало извѣстенъ, то естественно, что Л. Бланъ подумалъ и о переводѣ ея на французскій, что онъ и сдѣлалъ самъ, причемъ книгу еще больше распространилъ и напечаталъ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ.

7. Histoire de la Révolution de 1848. Paris, 1870, 2 тома.—Это опять тоже самое сочиненіе, подвергшееся новому распространенію и переработкѣ, которое, однако, все-таки ведетъ исторію революціи не дальше іюнскаго возстанія рабочихъ и бѣгства Л. Блана въ Англію. Къ концу 2-го тома присоединено нѣсколько интересныхъ приложеній: о государствѣ и сферѣ его дѣйствій, о доктринахъ и дѣйствіяхъ люксембургской коммисіи, о всеобщей подачѣ голосовъ, о президентствѣ, о коммунѣ и т. п.

8. Questions d'aujourd'hui et de demain. Paris, 1873—1874 г. 2 тома. Première serie. Politique. —Авторъ исключительно занятъ вопросами чисто политическими: о всеобщей подачѣ голосовъ, объ интересахъ меньшинства и т. п.—Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о содержаніи 2-го тома. Но не сомнѣвается, что оно не отличается ни какою-нибудь новизною, ни важнымъ значеніемъ, потому что посмертный біографъ и другъ его Ш. Эдмонъ въ такомъ случаѣ сказалъ-бы о немъ что-нибудь.

9. Le socialisme, droit au travail, réponse à M. Thiers. Paris, 1848. Книга эта писана уже въ Лондонѣ, въ отвѣтъ на критику Тьера въ Національномъ собраніи, направленную противъ его ученій; критика также была сдѣлана уже въ то время, какъ Л. Бланъ былъ въ изгнаніи (23-го сент.). Вмѣстѣ съ отвѣтомъ, напечатано письмо къ редактору Times'а, въ которомъ Л. Бланъ дѣлаетъ г. редактору упреки за то, что тотъ приписываетъ Л. Блану учрежденіе Національныхъ

мастерскихъ, не смотря на многочисленныя свидѣтельства постороннихъ лицъ и на подробную исторію ихъ, написанную ихъ начальникомъ Эмилемъ Тома.—Это сочиненіе (Le socialisme) имѣло три изданія до 1850 г.).

10. Le catéchisme des socialistes. 1849. Небольшая брошура.

11. Appel aux honnêtes gens. Это та протоплазма, которая посредствомъ ряда преобразованій обратилась въ двухъ-томную исторію революціи 1848 года

12. Plus de Girondins; la République une et indivisible. 1851.

13. L'état et la commune. 1865.

14. L'Hotel des Invalides, поэма въ стихахъ. Первое произведеніе Л. Блана, напечатанное въ Аррасѣ въ періодъ его педагогической дѣятельности.

15. Mirabeau, поэма въ стихахъ, напечатанная въ Аррасѣ.

16. L'Éloge de Manuel, разсужденіе въ прозѣ, также напечатанное въ Аррасѣ. Всѣ эти три сочиненія Л. Блана были увѣнчаны аррасскою академіею въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Журнальная дѣятельность Л. Блана была очень обширна. Началъ онъ ее почти съ двадцатилѣтняго возраста и продолжалъ до возвращенія во Францію, въ теченіи сорока лѣтъ. Газеты, въ которыхъ онъ писалъ, были: Progrès du Pas-de-Calais, Bon Sens. National, La Réforme, Temps, Presse, L'Europe, l'Etoile Belge и др. Самостоятельнымъ редакторомъ онъ былъ въ газетахъ: Le Bon Sens и et La Revue du Progrès.

Уже будучи въ изгнаніи, онъ издавалъ двухъ-недѣльный журналъ: Le Nouveau Monde, который однако печатался въ Парижѣ. Первый нумеръ вышелъ 15 іюля 1849 г. Существовалъ журналъ около двухъ лѣтъ. При журналѣ былъ изданъ Альманахъ на 1850 годъ, въ редакціи котораго участвовали большею частію соучастники Л. Бланова изгнанія. бывшіе представители народа, какъ Э. Араго, М. Бернаръ и др. Изъ неизгнанниковъ можно упомянуть Пьера Леру.

ГЛАВА IV.

Лямене, Пьеръ Леру, Бюше, Ог. Контъ, Литтре.

Послѣ того, какъ тремъ предыдущимъ авторамъ соціальныхъ проектовъ мы посвятили каждому отдѣльную главу, здѣсь въ одной главѣ мы соединяемъ нѣсколько писателей съ именами весьма извѣстными, которые такимъ образомъ въ исторіи соціализма являются какими-то scriptores minores, сравнительно съ Фурье, Кабе или Л. Бланомъ. Если это справедливо, то причина этого заключается исключительно въ томъ, что ихъ сочиненіямъ съ соціальнымъ характеромъ пришлось въ жизни, а затѣмъ и въ литературѣ, играть несравненно менѣе замѣтную роль, чѣмъ сочиненіямъ трехъ названныхъ писателей. Въ исторіи соціализма вниманіе, оказываемое писателю и его произведеніямъ, большею частію опредѣляется не достоинствами произведеній, а напротивъ недостатками ихъ, количествомъ заблужденій, содержащихся въ нихъ. И чѣмъ заблужденія злокачественнѣе въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ вреднѣе результаты, которые могутъ происходить отъ нихъ, тѣмъ болѣе приходится оказывать имъ вниманія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ нижеслѣдующіе писатели имѣютъ гораздо менѣе печальную извѣстность, чѣмъ писатели, о которыхъ шла рѣчь раньше.

Фелисите Роберъ Лямене принадлежитъ къ наиболѣе оригинальнымъ личностямъ нашего столѣтія.

Онъ родился въ 1782 году, въ С.-Мало, въ той самой улицѣ, гдѣ появился на свѣтъ нѣсколько раньше Шатобріанъ и принадлежалъ къ семейству достаточныхъ арматоровъ, получившихъ дворянство еще при Людовикѣ XIV. Все семейство было настолько религіозно, что во время революціи его секретно посѣщалъ неприсягавшій священникъ и совершалъ для него мессу. Юноша Фелисите даже и въ своемъ семействѣ отличался особою религіозностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ независимостью характера. Въ ранней юности ему пришлось много читать, такъ-какъ въ домѣ была значительная библіотека; онъ читалъ все, что нашелъ въ ней, но особенно увлекся сочиненіями Руссо, вслѣдствіе чего даже его религіозность поколебалась; однако впослѣдствіи, подъ вліяніемъ старшаго брата, вновь укрѣпилась. Имѣя уже болѣе 20 лѣтъ, онъ вступилъ было въ извѣстную семинарію св. Сульпиція, но не могъ вынести тамошней дисциплины и скоро вышелъ изъ нея. Въ 1808 году онъ издалъ сочиненіе: «Réflexions sur l'état de l'église en France», отмѣченное такимъ характеромъ, который не могъ нравиться правительству. Потому наполеновская полиція заарестовала эту книгу. Въ 1814 году, когда возвратились Бурбоны, Лямене перепечаталъ ее и издалъ другую подобнаго характера: «Tradition de l'église de France sur l'institution des évêques». Но возвращеніе Наполеона съ остр Эльбы поставило его въ затруднительное положеніе, вслѣдствіе чего онъ удалился въ Англію. Здѣсь онъ нашелъ пріютъ у аббата Каррона, человѣка по всей вѣроятности очень замѣчательнаго ума и характера, потому что неукротимый Лямене подчинился его вліянію и въ скоромъ времени прошелъ всѣ церковныя степени, начиная отъ клерка съ тонзурою до дьяконства (diaconat) и священства (prêtrise).—Но въ этомъ рѣшительномъ шагѣ Лямене очень скоро сталъ раскаяваться, предчувствуя и предсказывая, что его духовный санъ ему ничего, кромѣ несчастія, не принесетъ. Это было въ 1816 г.

Въ слѣдующемъ 1817 онъ уже издалъ первый томъ самаго замѣчательнаго изъ своихъ сочиненій богословскаго характера, L'essai sur l'indifférence. Это—книга въ одно время и богословская, и философская, и политическая. И уже одинъ первый томъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе во всемъ католическомъ мірѣ; авторъ, до сихъ поръ почти неизвѣстный, сразу, по выраженію Лякордера, пріобрѣлъ авторитъ Боссюэта; весь католическій міръ сталъ смотрѣть на него, какъ на одного изъ отцевъ церкви.—Цѣль автора, съ одной стороны, поднять авторитетъ вѣры, къ которой общества Западной Европы относились безъ достаточной преданности и уваженія, еще слѣдуя скептицизму XVIII вѣка, съ другой—привести политическую систему европейскихъ государствъ ни болѣе, ни менѣе какъ къ тому положенію, въ которомъ оно было при Григоріѣ VII и при Иннокентіяхъ III и IV, т. е. чтобы всѣ католическіе государи были подчинены верховному авторитету папы въ своей политикѣ.—На философію, которая стала бы этому противодѣйствовать, по мнѣнію Лямене, много обращать вниманія было нечего. Философія—это дѣло отдѣльныхъ умовъ, которые не могутъ имѣть никакого авторитета; авторитетъ принадлежитъ общему здравому смыслу; критерій истины заключается во всеобщемъ признаніи. Это и есть то, что у него называется «doctrine du sens commun».—Философія ни къ чему доброму никогда не приводила; ея необходимый плодъ только испорченность нравовъ.—Руководительницею народовъ должна быть вѣра, христіанство, католицизмъ.—Все, что есть добраго въ нашей цивилизаціи, всѣмъ этимъ цивилизація обязана вѣрѣ. Вѣра разбила цѣпи раба, она учила людей смотрѣть другъ на друга, какъ на братьевъ, она ввела добрые нравы, она облагородила самую природу человѣка, давая его духу безсмертіе и божественное происхожденіе; она указала человѣку высшій идеалъ, къ которому онъ долженъ стремиться, именно «совершенство Отца небеснаго», котораго человѣкъ, по ученію Христа долженъ стараться достигать.

Успѣхъ сочиненія Лямене былъ, однако, исключительно

литературный, чѣмъ Лямене удовольствоваться не могъ. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы достигнуть практическихъ послѣдствій, чтобы съ помощію усиленнаго папскаго авторитета направить политику европейскихъ государствъ на путь, болѣе согласный съ духомъ христіанства.

1826 году, онъ напечаталъ De la Religion considérée dans ses repports avec l'ordre politique et civil.—Здѣсь онъ подвергаетъ критикѣ извѣстную декларацію 1682 года, которою французскіе епископы, съ Боссюэтомъ во главѣ, признали, что свѣтская власть вполнѣ независима отъ духовной, и что соборъ имѣетъ больше авторитета, чѣмъ папа. Критика его, какъ и всегда, отличается рѣзкостью и передъ выводами изъ своихъ началъ онъ не отступаетъ. Слѣдуя ему, французская церковь должна быть возстановлена во всѣхъ ея правахъ, непризнанныхъ революціею, — воспитаніе иношества должно быть поручено духовенству, — нужно попрежнему учредить церковные суды, уничтожить гражданскій бракъ, такъ чтобы дѣти протестантовъ не имѣли права законныхъ дѣтей и т. п. Тутъ уже были задѣты государственные законы и чувства представителей галликанской церкви. Нѣсколько епископовъ составили противъ него коллективный протестъ, а гражданская власть предала его суду, который и присудилъ его къ денежному штрафу, не смотря на краснорѣчивую защиту Берріе.

Но Лямене, по словамъ его брата, также аббата, Ж. Лямене, былъ рожденъ солдатомъ, и надобно признаться—солдатомъ храбрымъ; непріятельскій огонь только усиливалъ его военный жаръ, тѣмъ болѣе что за горами, въ столицѣ католическаго міра, къ нему относились съ большимъ уваженіемъ и симпатіею, чего онъ не могъ не видѣть во время путешествія въ Римъ въ 1824 году; гуманный и благодушный папа Левъ XII его такъ высоко цѣнилъ, что въ своемъ кабинетѣ не имѣлъ другихъ изображеній, кромѣ образа Спасителя и портрета Лямене.

Потому, когда случай подошелъ, Лямене еще разъ выступилъ въ роли борца за интересы церкви.—Министерство Мар-

тиньяка издало постановленіе, которымъ оно ограничивало права духовенства въ дѣлѣ воспитанія иношества; именно—семинаріямъ было запрещено принимать учениковъ, не предназначавшихся къ духовному званію, а конгрегаціямъ, не признаваемымъ государствомъ (т. е. езуитамъ), было совсѣмъ запрещено обученіе иношества.—Лямене тотчасъ (1829) издалъ книгу *), которая, продолжая то-же самое дѣло, рѣзкостью превосходитъ все, что имъ до сихъ поръ было писано. Онъ уже утверждаетъ, что когда государь перестаетъ подчиняться волѣ Божіей или волѣ представителя Бога по землѣ, то онъ не имѣетъ права требовать отъ подданныхъ повиновенія себѣ. Такимъ образомъ Лямене въ своемъ прямолинейномъ движеніи дошолъ уже до нападенія на королевскую власть. А министрамъ достается здѣсь несравненно больше; одного изъ нихъ (Feutrier) онъ сравниваетъ то съ Каиномъ, то съ Ариманомъ, богомъ зла. Книга произвела очень сильное впечатлѣніе какъ въ лагерѣ либераловъ, такъ и среди духовенства. И представители церкви, которой интересы Лямене защищаетъ, до такой степени были недовольны ею, что два архіепископа: парижскій (Келенъ) и Камбрейскій подвергли его осужденію въ пастырскихъ посланіяхъ. Умѣренная Gazette de France осыпала его упреками за то, что онъ соединяетъ якобинство съ ультрамонтанствомъ. Лямене ни у кого изъ возражателей, а въ особенности у двоихъ архіепископовъ, въ долгу не остался. Обоимъ онъ написалъ рѣзкія письма, особенно архіепископу Камбрейскому, который во время революціи принадлежалъ къ духовенству присягнувшему, что́ во время Реставраціи считалось позоромъ; Лямене все это ему приличнымъ образомъ поставилъ на видъ съ должными коментаріями.

Мы упомянули только о самыхъ важныхъ сочиненіяхъ Лямене, гдѣ онъ является воинствующимъ защитникомъ церкви, который, подобно хорошему полководцу, не только обороняется отъ непріятеля, но и самъ нападаетъ на него. Кромѣ этихъ

*) Des progrès de la Révolution et de la Guerre contre l'église.

сочиненій, въ двадцатыхъ годахъ онъ написалъ много другихъ, не столь воинственныхъ; издалъ подъ именемъ Bibliothèque des dames chrétiennes, собраніе аскетическихъ сочиненій, которыя онъ снабдилъ примѣчаніями, перевелъ подражаніе Христу Ѳомы Кемпійскаго и участвовалъ въ ультра-роялистскихъ журналахъ, такихъ, какъ Conservateur, Quotidienne и Drapeau Blanc. Но къ концу двадцатыхъ годовъ, въ особенности во время министерства Мартиньяка, его легитимистскія идеи сильно поколебались и не окрѣпли снова, когда министромъ сталъ Полиньякъ.—Потому революцію 1830 года онъ охотно призналъ и присоединился къ ней, даже находилъ ее недостаточною, не только осуждалъ уцѣлѣвшій имущественный цензъ, но въ демократическомъ принципѣ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ дальше и дошелъ до республиканскихъ идей, все-таки не расходясь съ церковью. Въ это время съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей, именно Лякордеромъ, Монталямберомъ, такими же экзальтированными католиками, какъ и онъ самъ, онъ задумалъ изданіе журнала, который и сталъ выходить подъ заглавіемъ «Avenir».—Тогда католики въ разныхъ странахъ Европы во имя принципа національной свободы были или въ оппозиціи, или въ явномъ возстаніи противъ правительствъ, принадлежащихъ къ исповѣданіямъ, которыя у католиковъ слывутъ еретическими или раскольническими. Такъ Бельгія и Польша готовились возстать противъ Голландіи и Россіи. О Коннель съ либеральнымъ знаменемъ въ рукахъ, дѣлалъ агитацію въ Англіи въ пользу освобожденія Ирландіи. Во Франціи, тотчасъ послѣ революціи 1830 года, заговорили о новомъ расширеніи свободы и, кромѣ того, уже начались рѣчи о горькой судьбѣ рабочихъ. Все это, вмѣстѣ съ предъидущими обстоятельствами, привело Лямене къ поднятію въ своемъ журналѣ знамени католицизма либеральнаго и даже соціальнаго. Это было, собственно говоря, продолженіемъ дѣла Ж. де Местра и исполненіемъ его предсказанія, что христіанство въ скоромъ времени должно испытать новую эволюцію въ направленіи либеральномъ и гуманномъ. И Лямене еще въ опытѣ объ индифферентизмѣ доказывалъ, что христіан-

ство освободило людей не только въ нравственномъ отношеніи, освободило ихъ отъ грѣха, отъ власти діавола, но освободило во всѣхъ вообще отношеніяхъ, между прочимъ въ политическомъ и даже экономическомъ.—Такимъ образомъ онъ соединилъ въ Avenir'ѣ дѣйствительно ультрамонтатство, если не съ якобинствомъ, то съ демократіей и отчасти съ соціализмомъ. Но его программа по отношенію къ папству оставалась тою же самою, т. е. стремилась возвысить власть папы надъ всѣми земными властями, такъ чтобы папа былъ главою союза христіанскихъ государствъ и былъ руководителемъ ихъ политики въ строго христіанскомъ смыслѣ.

Но для этого само папство прежде всего должно было освободиться отъ всякаго вліянія мірскихъ властей, достигнуть полной независимости. Средство для этого Лямене указывалъ въ отказѣ католической церкви отъ всякой протекціи государства, отъ всякихъ почестей, между прочимъ отъ бюджета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, церковь сама, пользуясь полною свободою печати и слова вообще, пользуясь безгранично правомъ обученія юношества, должна была признать тѣ же права и для всѣхъ другихъ, между прочимъ для всякаго рода диссидентовъ.—Но это противорѣчило исконной практикѣ Римской церкви; и на папскомъ престолѣ въ это время былъ уже не Левъ XII, а болѣе суровый Григорій XVI, врагъ всякихъ нововведеній, строгій правитель своей области и другъ австрійцевъ. Потому редакція «Avenir'а» не дождалась ни одного слова одобренія или поощренія изъ столицы католицизма. Тогда три друга: Лямене, Лякордеръ и Монталямберъ отправились туда сами.—Но въ Римѣ они встрѣтили пріемъ неласковый; отвѣта на свои вопросы, разъясненія своихъ недоразумѣній не получили. Отвѣтъ имъ былъ написанъ, когда они уже оставили Римъ; они его нашли въ окружномъ посланіи папы отъ 15 августа 1832 года, гдѣ свобода совѣсти, свобода печати и пр. были рѣзко осуждены.

Лямене и друзья его подчинились. Avenir пересталъ выходить. Надежды Лямене на либеральный и гуманный католи

цизмъ все болѣе и болѣе оказывались несостоятельными. Онъ сильно сочувствовалъ возставшей Польшѣ, а Григорій XVI подвергъ возстаніе суровому порицанію. Его собственные подданные, обитатели Церковной области, безуспѣшно добивались отъ него расширенія правъ, и возстаніе ихъ было подавлено съ помощію австрійскаго оружія.—Въ то же время и во Франціи возстанія Ліона и Парижа были прекращены только съ помощію кровопролитія. Все это настраивало Лямене болѣе и болѣе мрачнымъ образомъ; и это настроеніе наконецъ прорвалось въ видѣ небольшой книжки совершенно особеннаго, необычайнаго характера подъ заглавіемъ: Paroles d'un croyant, Слова вѣрующаго.—Ферразъ, у котораго мы заимствуемъ главнымъ образомъ біографическія данныя о Лямене, равно какъ библіографическія свѣдѣнія о его сочиненіяхъ, находитъ что въ немъ Лямене выказалъ новую сторону своей духовной природы, именно—поэтическій талантъ*). Сочиненіе это дѣйствительно написано въ видѣ отдѣльныхъ притчей или видѣній, въ родѣ и въ тонѣ апокалипсическихъ. Но содержаніемъ оно еще болѣе оригинально, чѣмъ формою. Это есть ничто иное, какъ изложеніе самыхъ крайнихъ демократическихъ идей, вмѣстѣ съ большою дозою соціализма, хотя недовольно опредѣленнаго и разработаннаго. И изложеніе это сдѣлано дѣйствительно весьма талантливо; это нѣсколько картинъ, нарисованныхъ какими-то огненными штрихами, производящими чрезвычайное впечатлѣніе на читателя.—Что бы дать понятіе объ этомъ впечатлѣніи, укажемъ на одинъ фактъ: когда книга печаталась, Лямене долженъ былъ отлучиться изъ Парижа и наблюденіе за печатаніемъ ея поручилъ Сентъ-Беву, и Сентъ-Бевъ передаетъ, что книжка Лямене довела до крайняго возбужденія всю типографію, гдѣ она печаталась; типографщикъ опасался худыхъ послѣдствій и не зналъ, что́ дѣлать. Самъ Лямене понималъ, что книга его особенная и должна производить впечатлѣніе особенное, тяжелое для нѣкоторыхъ читате-

*) Histoire de la philosophie en France au XIX-me siècle. Paris, 1880, стр. 233.

лей, именно для его друзей, мущинъ и женщинъ, преданныхъ католицизму, и кромѣ того впечатлѣніе невыгодное для него, и не желалъ, чтобы друзья его, въ особенности женщины, читали книжку. Къ одной изъ нихъ (M-me de Senfft) не задолго до появленія книги онъ писалъ слѣдующія строки: «Скоро появится небольшая книжка, которая вамъ очень не понравится; вамъ о ней будутъ говорить. Я васъ умоляю не читать ее,—это не есть книга настоящаго времени, это книга инстиктивная, книга предчувствія и совѣсти. Слова автора жостки; но онъ думаетъ, что они справедливы. Однако, они будутъ причинять раны; они должны причинять раны; онъ это чувствуетъ съ сожалѣніемъ. Еще разъ, умоляю васъ, не читайте ее. Въ основаніи всего этого можетъ быть лежитъ какой-то таинственный долгъ, подобный пожертвованію самимъ собою, котораго не ищутъ, котораго скорѣе избѣгаютъ, и который изъ души, проникнутой скорбью, извлекаютъ мольбу: transeat calix iste. Однако эту горькую чашу нужно пить и пить до дна» *).

Это письмо достойно вниманія еще и потому, что изъ него обнаруживается взглядъ Лямене на его собственное дѣло. Если въ продолженіи дѣла онъ и былъ увлекаемъ своимъ воинственнымъ жаромъ, то начало его исходило изъ самой глубины его духа, было дѣломъ сознательнымъ и обдуманнымъ; онъ смотрѣлъ на него, какъ на свой долгъ, послѣ того какъ прежнія надежды оказались несостоятельны. Въ этомъ новомъ сочиненіи онъ ищетъ средствъ къ улучшенію политическаго и экономическаго состоянія народа въ самомъ народѣ послѣ того, какъ убѣдился, что и въ мірской и въ духовной власти искать его было напрасно.—Мы приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ мѣстъ изъ этой книги. Вотъ какъ она начинается:

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

«Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ человѣцѣхъ благоволенія.

*) E. Caro. Nouvelles études morales. Paris. 1879, стр. 235 (въ статьѣ: M. de Lamennais d'aprés sa correspondence).

«Имѣющій уши да слышитъ; имѣющій очи да откроетъ ихъ и смотритъ, ибо времена приближаются.

«Отецъ родилъ сына, свое Слово; и Слово плоть бысть и вселися въ ны и пріиде въ міръ, и міръ его не позна.

«Сынъ обѣщалъ послать утѣшителя Духа;—онъ придетъ и обновитъ лицо земли, и это будетъ какъ будто второе твореніе.

«Восемнадцать вѣковъ назадъ Слово посѣяло Божественное сѣмя и Духъ Святой оплодотворилъ его. Люди видѣли его цвѣты, вкушали его плоды, плоды древа жизни, вновь нассажденнаго въ ихъ бѣдномъ обиталищѣ.

«Говорю вамъ, велика была ихъ радость, когда они увидѣли свѣтъ и почувствовали, что небесный огонь согрѣлъ ихъ.

«Теперь земля опять стала темна и холодна.

«Наши отцы видѣли, какъ солце заходило. Когда оно скрылось надъ горизонтомъ, то весь родъ человѣческій содрогнулся.— Дѣти ночи, Западъ черенъ, но Востокъ начинаетъ бѣлѣть» *).

Таково начало книги. Тутъ уже ясно видѣнъ ея религіозный характеръ; дальше идетъ длинный рядъ главъ (42), въ которыхъ авторъ говоритъ или о любви къ ближнему вообще, въ средѣ одного народа, или о солидарности народовъ между собою

«Вы дѣти одного и того-же отца, и одна и та-же мать вскормила насъ своимъ молокомъ. Почему же вы не любите другъ друга, какъ братья, почему вы обходитесь другъ съ другомъ, какъ враги?

«Тотъ, кто не любитъ своего брата, проклятъ семь разъ; а тотъ кто дѣлается врагомъ своего брата проклятъ семьдесятъ семь разъ». (Гл. IV).

Вотъ образецъ его ученія относительно добрыхъ международныхъ отношеній.

«Не говорите: этотъ принадлежитъ къ одному народу, а я къ другому; потому что всѣ народы имѣли на землѣ одного отца Адама, и имѣютъ на небѣ одного отца Бога» (ib.).

Мы не будемъ слѣдить за мыслью автора во всѣхъ ея

*) Paroles d'un croyant. Le livre du peuple etc. Paris, Garnier frères. Стр. 5.

подробностяхъ, обратимъ вниманіе только на тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ области соціализма.

Лямене высказываетъ жалобу на то, что есть много людей, которые не пользуются никакою частью земной поверхности, какъ своею собственностью, и высказываетъ ее словами Спасителя: «Лиси язвины имутъ, птицы небесныя имѣютъ гнѣзда, сынъ же человѣческій не имѣетъ, гдѣ преклонить главу». (Гл. IX).

Относительно средствъ пропитанія онъ разсуждаетъ такъ: «Отчего животныя находятъ пищу, каждое по роду своему?— Оттого, что ни одно изъ нихъ не отнимаетъ пищи у другаго (?), и каждое довольствуется тѣмъ, что удовлетворяетъ его потребностямъ.

«Если бы въ ульѣ одна пчела сказала: весь находящійся здѣсь медъ принадлежитъ мнѣ, и еслибы послѣ этого она стала распоряжаться плодами общаго труда по своему усмотрѣнію, что сталось-бы съ остальными пчелами?

«Земля есть ничто иное, какъ большой улей, а люди ничто иное, какъ пчелы.

«Всякая пчела имѣетъ право на часть меда, необходимую для ея пропитанія, и если между людьми есть такіе, которые не имѣютъ необходимаго, причина состоитъ въ томъ, что правда и любовь исчезли изъ среды ихъ» (VI).

Въ другомъ мѣстѣ необходимость и пользу ассоціаціи авторъ объясняетъ въ слѣдующей притчѣ:

«Одинъ человѣкъ шолъ горнымъ проходомъ, и достигъ мѣста, въ которомъ большой камень, скатившись съ горы на дорогу, загородилъ ее такъ, что не было нигдѣ прохода, ни вправо, ни влѣво.

«И человѣкъ этотъ, видя, что онъ не можетъ продолжать пути по причинѣ камня, попробовалъ сдвинуть его съ мѣста, чтобы очистить себѣ путь, но всѣ его усилія остались напрасны.

«И онъ сѣлъ, исполненный печали и сказалъ: что же будетъ со мною, когда придетъ ночь и захватитъ меня въ этой пустынѣ, безъ пищи, безъ крова, безъ всякой защиты въ тотъ часъ, когда дикіе звѣри выходятъ на добычу?

«И въ то время, какъ онъ былъ погруженъ въ эти мысли, пришолъ другой путникъ, и сдѣлавши все то, что сдѣлалъ первый, и оказавшись столь же слабымъ для того, чтобы сдвинуть камень, сѣлъ въ молчаніи и опустилъ голову.

«Въ слѣдъ за этимъ пришли многіе другіе, и никто изъ нихъ не могъ сдвинуть камня, и всѣ они были въ большомъ страхѣ.

«Наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ другимъ: братья, помолимся Отцу небесному; можетъ быть онъ насъ и помилуетъ въ этакой напасти.

«Этого слова всѣ послушались и вознесли горячую молитву къ Отцу небесному.

«Тогда тотъ, который говорилъ: «помолимся» прибавилъ: «братья, попробуемъ, не сдѣлаемъ ли мы всѣ вмѣстѣ того, что не удалось намъ каждому въ отдѣльности»?

«И они встали, всѣ вмѣстѣ стали сдвигать камень; камень подался въ сторону, и они въ мирѣ продолжали путь.

«Путникъ—это человѣкъ, путешествіе—это жизнь, камень—это тѣ нужды (misères), которыя человѣкъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу своей дороги.

«Никакой человѣкъ одинъ не можетъ сдвинуть этотъ камень; но Богъ далъ камню такіе размѣры, что онъ никогда не можетъ остановить тѣхъ, которые путешествуютъ вмѣстѣ» (Гл. VII).

Ферразъ отказывается анализировать Слова вѣрующаго, потому что поэзіи въ нихъ, по его словамъ, много, а философіи совсѣмъ нѣтъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Философіи нѣтъ снаружи, въ строкахъ; но между строками она есть. И въ приведенныхъ отрывкахъ отыскать ее не трудно, подобно тому, какъ не трудно найти ее въ басняхъ Эзопа. И есть большая разница между философствованіемъ Лямене въ разныхъ случаяхъ. Въ послѣднемъ отрывкѣ, въ притчѣ о камнѣ, она безукоризненно справедлива, а въ сравненіи человѣка съ пчелами и вообще съ животными—далеко не такова. Животныя не только отнимаютъ пищу другъ у друга (волкъ у волка, медвѣдь у волка, собака

у собаки), но и пожираютъ другъ друга; и ихъ взаимныя отношенія представлять, какъ идеалъ для человѣка, можно только въ сильномъ увлеченіи, подъ вліяніемъ какой-нибудь сильной страсти, не давая себѣ полнаго отчета въ своихъ словахъ.—Если бы земля походила на улей, а люди на пчелъ, это съ точки зрѣнія пропитанія было бы очень хорошо. Къ сожалѣнію, сходство тутъ только кажущееся. Пчелы всѣ природою, инстинктомъ побуждаются къ труду и къ однообразному порядку; инстинктъ, а можетъ быть и какой-нибудь особый органъ указываетъ имъ вещества, доставляющія имъ пищу и сосуды для храненія пищи; равнымъ образомъ ничто иное, какъ инстинктъ, указываетъ и способы производства. Кромѣ того, каждая изъ нихъ имѣетъ никогда не отчуждаемый капиталъ, орудія производства, которыя она всегда при себѣ имѣетъ, secum portat. Не такъ поставленъ человѣкъ относительно добыванія пищи и другихъ предметовъ удовлетворяющихъ другимъ потребностямъ его, которыхъ у пчелы нѣтъ. Не распространяясь объ этомъ, замѣтимъ только, что у людей не только нѣтъ стремленія къ однообразному порядку, но есть напротивъ стремленіе къ разнообразію; между нами «всякъ молодецъ на свой образецъ», и кромѣ того «сколько головъ, столько умовъ», quot capita, tot sensus. Вотъ чѣмъ человѣкъ не походитъ на пчелу.

Большая часть Словъ вѣрующаго имѣетъ характеръ не соціальный, а политическій, крайняго радикальнаго оттѣнка. Особенною рѣзкостью и мрачностью отличается картина семи королей, которые въ залѣ, обитомъ черною матеріею, въ пурпурѣ и въ коронахъ, сидятъ передъ трономъ изъ костей, которому вмѣсто подножія служитъ ниспровергнутое распятіе. Подлѣ трона столъ изъ чернаго дерева, на которомъ ваза, наполненная кровью; рядомъ человѣческій черепъ, служащій сосудомъ для питья. Короли проклинаютъ Христа (maudit soit le Christ qui a ramené sur la terre la liberté), пьютъ изъ черепа кровь и даютъ другу клятву: ниспровергнуть религію

Христа, задушить науку и мысль, внести всюду рознь и раздоры, развратить народы посредствомъ удовольствій и т. п.

Но... тутъ Лямене нашолъ удобнымъ отплатить «святому престолу» за порицаніе его журнальной дѣятельности въ «Avenir'ѣ». «Но какъ-же отвлечь отъ Христа народы?—Слушайте меня, говоритъ одинъ изъ семи королей: — надо подкупить служителей Христа посредствомъ богатства, почестей и вліянія.

«Въ такомъ случаѣ они отъ имени Христа будутъ внушать народу покорность къ намъ, что́ бы мы ни дѣлали, чего бы мы ни требовали.

«И всѣ отвѣчали: Это правда. Такъ подкупимъ-же служителей Христа».

Подкупили или нѣтъ короли служителей Христа, на этотъ вопросъ Лямене не даетъ въ этомъ сочиненіи отвѣта; отвѣтъ явился нѣсколько позже, какъ увидимъ ниже.

Другія притчи составлены въ тонѣ гораздо болѣе мягкомъ, благодушномъ и симпатичномъ. Такова, между прочимъ, притча о двухъ бѣдныхъ сосѣдяхъ, отлично составленная и вполнѣ соотвѣтствующая ученію Спасителя о промыслѣ и о любви къ ближнему, хотя Мальтусъ, пожалуй, не похвалилъ-бы ее. Чтобы не нарушить ея цѣлости, мы приведемъ ее вполнѣ въ приложеніи (см. пр. А); она можетъ съ честью и съ пользою занять мѣсто въ хорошей христоматіи для дѣтей.

Чтобы дополнить характеристику Словъ вѣрующаго, приведемъ еще нѣчто въ родѣ псалма, сочиненнаго авторомъ и помѣщеннаго въ книгѣ рядомъ съ притчами.

«Господи, взываемъ къ тебѣ, (Seigneur, nous crions vers vous) изъ глубины нашей бѣдности,

«Какъ животныя, у которыхъ нѣтъ корма для дѣтей.

«Господи, взываемъ къ тебѣ, какъ овца, у которой отняли ягненка.

«Господи, взываемъ къ тебѣ, какъ голубь, схваченный коршуномъ.

«Господи, взываемъ къ тебѣ, какъ газель въ когтяхъ у тигра.

«Господи, взываемъ къ тебѣ, какъ раненая птица, которую преслѣдуетъ собака.

«Господи, взываемъ къ тебѣ, какъ отецъ, у котораго отняли кусокъ хлѣба, который онъ несъ голоднымъ дѣтямъ.

«Господи, взываемъ къ тебѣ, какъ невинный, котораго везутъ на казнь.

«Господи, взываемъ къ тебѣ, какъ Христосъ на крестѣ, когда онъ говорилъ: Отче, вскую мя оставилъ еси».

Библейскій характеръ этого псалма и отчасти всей книги не спасъ ее отъ осужденія въ Римѣ. Написано было особое окружное посланіе, въ которомъ книга Лямене была названа небольшою по объему, но очень большою по превратности понятій (mole quidem exiguus, pravitate tamen ingens). «Святой престолъ» не остался въ долгу у автора, не оставилъ безъ вниманія того, какъ семь королей рѣшились подкупить служителей Христа богатствами и почестями.

А Лямене, въ свою очередь, будучи по природѣ воиномъ, не оставилъ безъ отвѣта направленное противъ него новое порицаніе. И отвѣтъ скоро явился (1836) въ видѣ книги: Les affaires de Rome (Римскія дѣла). Здѣсь авторъ открыто осуждаетъ политику Григорія XVI, которая не хотѣла признать законности стремленія народовъ всей Европы къ лучшимъ политическимъ порядкамъ, и находитъ, что папство поставило себя въ безвыходное положеніе, что оно потеряетъ и ту незначительную долю сочувствія народовъ, которой оно до сихъ поръ пользовалось. Дѣло можетъ быть, говоритъ онъ, поправлено только какимъ-нибудь серьезнымъ преобразованіемъ въ лонѣ католицизма. Можетъ быть либеральный духъ первыхъ лѣтъ правленія Пія IX и былъ результатомъ этихъ внушеній Лямене.

Народная книга (Le livre du peuple), вышедшая въ слѣд (1837) году написано гораздо съ большою обдуманностью, чѣмъ Слова вѣрующаго, съ большою сдержанностью, съ большимъ участіемъ разсудка и съ меньшимъ участіемъ чувства и воображенія. Тѣхъ рѣзкостей радикальнаго характера, изъ которыхъ состоитъ поло-

вина Словъ вѣрующаго, въ ней совсѣмъ нѣтъ. И въ сужденіяхъ объ экономическихъ предметахъ гораздо менѣе увлеченій. Порядки, существующіе у пчелъ, уже не представляются, какъ образецъ для подражанія человѣку. О пчелѣ, какъ и о лисицахъ, упоминается только для разъясненія той мысли, что Провидѣніе, которое дало возможность имѣть кровъ и пропитаніе даже насѣкомому, не могло быть менѣе милосердно по отношенію къ человѣку.

Будучи весьма далекъ отъ того, чтобы возбуждать въ народѣ ложныя надежды, Лямене старается, напротивъ, внести въ нихъ большую трезвость и основательность.

«Не мечтайте, говоритъ онъ, о невозможномъ, о томъ, что́ быть не можетъ и никогда не будетъ. Этимъ вы не только не уврачуете золъ, которыхъ такъ много въ мірѣ, но увеличите ихъ число и сдѣлаете ихъ болѣе чувствительными *).

«Абсолютное, совершенное равенство, не правъ, а положеній и выгодъ, соединенныхъ съ этими положеніями, противно законамъ природы, которая распредѣлила не въ равной степени между людьми, какъ силы тѣлесныя, такъ и силы умственныя.

«Самое движеніе общественной жизни ставитъ неодолимое препятствіе для равенства состояній. Если вы установите его утромъ, то вечеромъ его уже не будетъ: его разрушитъ экономическая дѣятельность болѣе или менѣе разумная и бережливость у однихъ рядомъ съ расточительностью у другихъ.

«Не думайте также, что ваше теперешнее жалкое положеніе можетъ измѣниться вдругъ. Такое измѣненіе можетъ быть сдѣлано только съ помощію насилія, которое не только не улучшитъ положенія общества, но ниспровергнетъ всѣ его движущія силы».

Все это представляетъ слова благоразумія и дѣйствительнаго доброжелательства къ трудящимся классамъ.

Но какъ-же, однако, выйти изъ настоящаго положенія,

---

*) Le livre du peuple. Paris. 1846, стр. 171 и слѣд.

когда «вслѣдствіе законовъ, изданныхъ богатыми», богатый «почти исключительно пользуется трудомъ бѣднаго, трудомъ, который дѣлается все болѣе и болѣе безплоднымъ для него самого?» Такъ все-таки выражается Лямене въ Народной книгѣ.

Для этого существують два средства: отмѣна законовъ, установляющихъ привилегіи и монополіи, и разлитіе капиталовъ, которые вслѣдствіе кредита умножаются, или распространеніе орудій труда, такъ чтобы они были доступны для всѣхъ.

«Результатомъ этихъ двухъ средствъ въ совокупности съ неисчислимымъ могуществомъ ассоціаціи, будетъ то, что естественное теченіе богатства, искусственнымъ образомъ сосредоточеннаго въ немногихъ рукахъ, возстановится; распредѣленіе его сдѣлается болѣе равномѣрнымъ, болѣе справедливымъ и возрастаніе его не будетъ имѣть границъ».

Такова самая сущность соціальной теоріи Лямене. Нѣтъ въ ней ничего неисполнимаго, ненаучнаго, но за то нѣтъ ничего и научнаго. Очевидно, что политическая экономія не была предметомъ его изученія. Отъ того его построенія, отличаясь доброжелательностью къ бѣднымъ классамъ, дѣлая честь его доброму сердцу, въ то-же время отличаются совершенною неопредѣленностью, непозволяющею сдѣлать какое-нибудь практическое приложеніе. Капиталы или орудія труда сдѣлаются доступны каждому. Но какъ-же это произойдетъ? Гдѣ каждый найдетъ средство для гарантіи занятаго капитала, или полученныхъ орудій труда? Если количество капиталовъ возростетъ въ необыкновенныхъ размѣрахъ, если проценты понизятся до размѣровъ, совсѣмъ необременительныхъ для заемщиковъ, то гарантіи ссуды все-таки будутъ требоваться.

Что касается до отмѣны законовъ о привилегіяхъ и монополіяхъ, въ этомъ средствѣ, указываемомъ Лямене, слышится только отголосокъ политическихъ стремленій того времени, когда и народъ и даже представители городскихъ классовъ, науки и литературы стремились къ отмѣнѣ конституціи,

основанной на имущественномъ цензѣ и ко введенію всеобщаго избирательнаго права. Подъ вліяніемъ этихъ стремленій въ то время и можно было думать и говорить, что богатый пользуется почти исключительно трудомъ бѣднаго «вслѣдствіе законовъ, изданныхъ богатыми». Роковой законъ заработной платы для безземельнаго рабочаго западной Европы былъ гораздо раньше изъясненъ не только Рикардо, но еще Неккеромъ; и никакіе демократическіе законы не въ состояніи измѣнить экономическое дѣйствіе закона спроса и предложенія.

«Неисчисленное могущество ассоціаціи» — это то-же только фраза. Какъ будетъ устроена ассоціація, какіе будутъ ея принципы, порядки? — Все это должно имѣть несомнѣнное значеніе для успѣшности ея. А между тѣмъ всего этого Лямене не обозначилъ ниодною чертою, такъ что о его соціальной системѣ нечего и говорить. Ея нѣтъ; есть вмѣсто нея только общій доброжелательный принципъ, да нѣсколько выраженій, не имѣющихъ опредѣленнаго смысла.

Больше значенія имѣетъ цѣлая система ученій изъ области богословія, философіи и морали, которая собственно и составляетъ главнымъ образомъ содержаніе Народной книги.

Въ своемъ богословіи Лямене уже совсѣмъ разошелся не только съ папствомъ, но и съ христіанствомъ вообще. Къ нему онъ относится съ величайшимъ уваженіемъ, но уже не какъ вѣрующій, а какъ изслѣдователь, который признаетъ великую исполненную имъ историческую задачу. Объ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ, какъ въ Словахъ вѣрующаго, онъ больше не говоритъ. Говоритъ только о Богѣ, общемъ Отцѣ всѣхъ людей, о верховной Причинѣ (Cause suprême), творческой и безконечной, говоритъ о Провидѣніи, Христа называетъ только сыномъ человѣческимъ, учителемъ. Очевидно, это рѣчи раціоналиста, деиста, но не вѣрующаго христіанина. Къ христіанству или все-таки точнѣе къ католицизму въ настоящемъ его видѣ онъ относится даже не съ сочувствіемъ, говоритъ, что оно «погребено подъ матеріальной оболочкой, которая покрываетъ его, какъ саванъ», но выражаетъ увѣренность, что христіанство

возродится и вновь появится «во всемъ блескѣ своей жизни, вѣчно юной». Такимъ образомъ, защитникъ верховной и неограниченной власти папы, не только въ дѣлахъ вѣры, но и въ дѣлахъ гражданскаго управленія, окончилъ отрицаніемъ догматовъ христіанства и чистымъ разсудочнымъ деизмомъ.

Но нравственная система, которую онъ преподаетъ народу, осталась вполнѣ вѣрна ученію Христа. Онъ говоритъ о любви къ ближнему, излагаетъ ученіе о долгѣ, объ обязанности, какъ необходимомъ дополненіи всякаго права, безъ которыхъ никакое право не имѣло бы основаній. Ученіе Лямене о семействѣ отличается характеромъ нравственной чистоты, совершенно согласной съ ученіемъ христіанства вообще, не только въ частности, но и въ подробностяхъ напоминаетъ его. «Женщина, говоритъ онъ, не есть служанка мужчины или раба его: это его подруга, его помощница, кость отъ кости его и плоть отъ плоти его».— «Мужъ, ты обязанъ оказывать женѣ почтеніе, любовь и покровительство (respect, amour et protection); жена, ты обязана оказывать мужу угожденіе, любовь и почтеніе (déference, amour et respect)». Нечего и говорить, что свободной любви онъ не одобряетъ. «Не разъ, говоритъ онъ, распространялись въ мірѣ скверныя и безстыдныя ученія (d'abjectes et licencieuses doctrines), разрушающія супружескія узы. Гоните отъ себя съ ужасомъ и отвращеніемъ эти гнусныя ученія умовъ развратныхъ, которые желали бы низвести человѣка до уровня животнаго, даже ниже этого уровня».— Не выписываемъ столь же высокихъ ученій Лямене объ обязанности родителей по отношенію къ дѣтямъ, о забвеніи родителями своихъ худыхъ привычекъ и страстей въ виду интереса дѣтей *), о воспитаніи дѣтей словомъ и примѣромъ и т. д. Это страницы, производящія самое отрадное впечатлѣніе въ особенности послѣ того, что объ этомъ

*) И все это языкомъ весьма выразительнымъ, напр.: Знаете ли вы, что онъ (пьяница отецъ) пьетъ изъ этого стакана, который колеблется въ его рукѣ дрожащей отъ опьяненія?—Онъ пьетъ слезы, кровь, жизнь своей жены и дѣтей»

предметѣ приходится читать въ современныхъ русскихъ книгахъ и журналахъ.

Вообще Народная книга Лямене содержитъ цѣлую систему философіи, морали и даже политики для народа.—Въ политикѣ его отмѣтимъ, что внутри государства онъ стремится къ самому полному равенству гражданъ; только такое равенство правъ, но, какъ мы видѣли, не положеній, онъ считаетъ осуществленіемъ принципа справедливости. Однако принципъ справедливости не достаточенъ для того, чтобы слѣдуя ему общество могло достигнуть благосостоянія. Онъ долженъ быть дополненъ принципомъ любви къ ближнему, вслѣдствіе котораго всѣ члены общества помогали бы тѣмъ изъ своей среды, которые по какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ пришли бы въ состояніе недостатка и нужды. Впрочемъ и довольство матеріальное не составляетъ еще удовлетворенія всѣхъ необходимыхъ потребностей человѣка; и Лямене раціоналистъ обращается по-прежнему къ евангельскому тексту и говоритъ: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Этотъ другой, не матеріальный хлѣбъ состоитъ въ «познаніи закона религіознаго и нравственнаго, и въ познаніи законовъ вселенной».

Хорошая, справедливая и гуманная организація людскихъ отношеній на пространствѣ одного государства должна быть дополнена организаціею братскихъ международныхъ отношеній. Народы не должны относиться одинъ къ другому враждебно, но должны стремиться къ тому, чтобы ихъ отношенія болѣе и болѣе принимали характеръ дружественный, братскій, такъ чтобы со временемъ они образовали всеобщее семейство (la famille universelle), устроили на землѣ Божье государство (la Cité de Dieu).

Нечего и говорить, что теперешнее состояніе общества, т. е. время іюльской монархіи было не только слишкомъ далеко отъ этого идеальнаго состоянія, но даже и не выходило на дорогу, которая можетъ вести къ нему. Законы издаются только богатыми, и направлены во вредъ бѣднымъ, на которыхъ богатые

смотрятъ не какъ на братьевъ, а какъ на животныхъ. Это освобожденіе низшихъ классовъ, которое сняло съ нихъ сред невѣковыя повинности относительно господъ, которое дало имъ равенство съ господами предъ закономъ, можетъ быть названо освобожденіемъ развѣ въ ироническомъ смыслѣ.

Вопросъ о свободѣ современнаго неимущаго класса Лямене сдѣлалъ предметомъ особаго сочиненія: De l'esclavage moderne (1839), гдѣ онъ доказываетъ, что освобожденіе пролетарія есть дѣло только воображаемое. «Можно ли назвать дѣйствительною волею ту волю, которая имѣетъ выборъ только между смертью ужасною и неизбѣжною и принятіемъ условій, которыя ея объявятъ? Цѣпи и бичи современнаго раба состоятъ въ голодѣ». И признавая, что моральное состояніе современнаго рабочаго все-таки лучше, чѣмъ состояніе раба, Лямене находитъ, что относительно жизни физической оно часто во многомъ уступаетъ состоянію раба. Жизнь рабочаго, который своимъ трудомъ кормитъ всѣ другіе классы, котораго трудъ даетъ всѣ необходимыя средства и государству, и обществу, какія имѣетъ радости? Какія награды получаетъ рабочій за свои труды? Вотъ какія, отвѣчаетъ Лямене: «потъ, тоска, холодъ, голодъ, пока онъ живъ и мѣсто въ общей ямѣ-могилѣ по смерти»

«Древнее рабство, заключаетъ Лямене, измѣненное въ формахъ и притомъ къ невыгодѣ раба, продолжаетъ существовать въ современныхъ обществахъ наиболѣе образованныхъ». Этого положенія Лямене мы не станемъ опровергать, потому что признаемъ его справедливымъ; не только бывшій русскій крѣпостной, но даже рабъ негръ гдѣ-нибудь въ Виргиніи или Алабамѣ могъ не завидовать экономическому благосостоянію парижскихъ рабочихъ-пролетаріевъ, которыхъ бытъ наблюдалъ Лямене.

Черезъ годъ Лямене издалъ книгу Le pays et le gouvernement (1840), за которую былъ посаженъ въ тюрьму на годъ. Но въ тюрьмѣ онъ написалъ еще книжку Une voix de prison, похожую на Paroles d'un croyant и по формѣ и по содержанію; она также состоитъ изъ отдѣльныхъ притчей, отдѣльныхъ кар-

тинахъ, написанныхъ такими же огненными штрихами (См. пр. Б.). Послѣ этого до времени революціи онъ постоянно издавалъ одно сочиненіе за другимъ; но, повидимому, они были болѣе спокойнаго характера. Одно изъ нихъ, Esquisse d'une philosophie, большое сочиненіе въ 4 тома, содержитъ въ себѣ полную систему философіи: ученіе о Богѣ, о твореніи, о первобытномъ состояніи человѣка, о добрѣ и злѣ, даже объ искусствѣ.

Въ 1848 г. Лямене пришлось играть политическую роль; такъ какъ послѣ провозглашенія республики и всеобщаго права подачи голосовъ, что составляло предметъ его желаній и стремленій, онъ сталъ издавать газету: le Peuple constituant; но съ соціалистами былъ въ отношеніяхъ не союзническихъ. а непріязненныхъ. Къ люксембургской коммисіи, къ системѣ Л. Блана и даже къ дѣйствію возникшихъ подъ его руководствомъ ассоціацій онъ относился недовѣрчиво, чтобъ не сказать больше. Изъ этого даже произошли непріятности весьма серьезныя: Лямене въ своей газетѣ представлялъ дѣла ассоціаціи портныхъ въ Клиши не въ блестящемъ видѣ, равно какъ и порядки господствовавшіе тамъ. Вообще онъ говорилъ объ этой ассоціаціи всегда въ такомъ тонѣ, который не показывалъ его симпатіи къ ней, причемъ не разъ приходилось, что онъ представлялъ даже данныя, которыя, по словамъ Л. Блана, оказывались ложными. И все это окончилось тѣмъ, что члены ассоціаціи, рабочіе, написали ему очень рѣзкое коллективное письмо отъ 29 апр. 1848 года, которое черезъ день появилось въ Moniteur'ѣ.

Что же, развѣ Лямене сталъ наконецъ на сторону противниковъ улучшенія быта рабочихъ? — Развѣ авторъ Словъ вѣрующаго и Народной книги, такъ много говорившій и прямою рѣчью и аллегорически въ пользу ассоціаціи, наконецъ измѣнилъ свой взглядъ на нее, сталъ сторонникомъ индивидуализма въ производствѣ? — Нѣтъ не ассоціацію своего взгляда онъ не измѣнилъ, но онъ все больше приходилъ къ убѣжденію, что для того, чтобы быть плодотворной, ассоціація не должна имѣть ничего общаго съ коммунизмомъ и не только должна быть устроена раціонально, но кромѣ того должна быть руко-

водима людьми опытными и знающими. Никакой коллективной собственности онъ не признавалъ, поэтому и къ ассоціаціямъ устроеннымъ по плану Л. Блана относился недовѣрчиво.— Относительно собственности онъ прямо говоритъ, что она должна быть индивидуальною или ея совсѣмъ не будетъ (elle est individuelle, ou n'est point). И что касается до капитала, онъ отрицаетъ даже его пользу для человѣка, неспособнаго утилизировать его. «Капиталъ безъ опытности, безъ знаній, которыхъ требуетъ его употребленіе, принесетъ ли какую пользу? Будучи безплоденъ въ неискусныхъ рукахъ, которымъ его по неосторожности довѣрили бы, онъ скоро перестанетъ существовать безъ всякой пользы для кого бы то ни было».

Такъ говорилъ онъ въ сочиненіи «Du passé et de l'avenir du peuple, написанномъ, или по крайней мѣрѣ начатомъ еще въ тюрьмѣ S-te Pélagie въ 1841 г. И это было, повидимому, послѣднее его сочиненіе по экономическимъ вопросамъ; въ немъ онъ, между прочимъ, подвергаетъ краткой критикѣ всѣ соціальныя системы и не находитъ изъ нихъ ни одной удовлетворительною, и для системы Л. Блана исключенія не дѣлаетъ, и не можетъ дѣлать, такъ какъ она въ своемъ первоначальномъ видѣ уже содержитъ въ себѣ зародышъ коммунизма. Въ этомъ сочиненіи Лямене еще разъ предостерегаетъ народъ отъ увлеченій неисполнимыми теоріями.

«Пролетаріи, люди народа, говорить онъ, берегитесь отъ обманчивыхъ системъ, которыя васъ отклонятъ отъ путей истинныхъ, провиденціальныхъ, божественныхъ: онѣ не только не облегчатъ вашихъ бѣдствій, онѣ отягчатъ ихъ. Всякій нарушенный законъ въ себѣ самомъ содержитъ неизбѣжное наказаніе за его нарушеніе *).

Вотъ почему Лямене не сочувствовалъ ни системѣ Л. Блана, ни ассоціаціямъ, устроеннымъ подъ его руководствомъ. Л. Бланъ и сами рабочіе, конечно, были этимъ недовольны. Но Лямене

---

*) Paroles d'un croyant etc. Paris, Garnier frères, стр. 316.

оказался прозорливѣе ихъ. Вѣдь ни одна изъ ассоціацій, устроенныхъ подъ вліяніемъ идей Л. Блана, не оказалась успѣшною, не достигла цѣли, и 3,000,000 франковъ, ассигнованные правительствомъ для устройства ассоціацій, перестали существовать, не принеся никому никакой пользы, если не считать того, что они способствовали отрезвленію взглядовъ рабочихъ, что въ самомъ дѣлѣ составляетъ результатъ совсѣмъ немаловажный.

Журнальная дѣятельность Лямене прекратилась въ 1848 г., послѣ іюнскихъ дней, когда была прекращена его газета. Послѣ этого онъ изрѣдка помѣщалъ статьи въ газетѣ «Реформѣ». Послѣдніе годы онъ провелъ вдали отъ политики и общественной жизни въ обществѣ немногихъ друзей, между прочимъ, Беранже, Ж. Рено и А. Мартена. Ему было уже около 70 лѣтъ; и въ виду кончины, во всякомъ случаѣ стоявшей уже не за горами, его прежніе друзья и почитатели, нѣкоторыя лица изъ высшаго духовенства Франціи и, кромѣ того, горячо любившая его племянница—употребляли всѣ усилія, чтобы примирить его съ церковью; но эти усилія остались безплодны. Онъ не отрекся отъ своей позднѣйшей дѣятельности, не преклонилъ своей головы передъ авторитетомъ церкви, не примирился съ нею и такъ и умеръ во гнѣвѣ.

«Въ 1854 году, пишетъ Ферразъ, въ одинъ холодный и туманный декабрскій день, вдоль улицъ Парижа направлялся къ одному изъ кладбищъ покойникъ, за которымъ слѣдовали нѣсколько друзей, между двумя рядами солдатъ. Когда пришли къ мѣсту упокоенія и тѣло было опущено въ общую яму, въ которой покойникъ желалъ быть погребеннымъ, и было засыпано землею, могильщикъ спросилъ: «Креста не будетъ?» — «Нѣтъ, не будетъ, отвѣтили ему». Таковъ былъ конецъ автора Опыта объ индифферентизмѣ. Когда бывшаго апологета христіанства везли на кладбище, образъ Спасителя не сіялъ несомый впереди его и похоронныя церковныя пѣсни не оглашали воздуха, зрѣлище, раздирающее сердце для многихъ и тяжелое для всѣхъ, потому что оно свидѣтельствуетъ о хруп-

кости нашихъ мнѣній самыхъ твердыхъ, о непостоянствѣ вѣрованій повидимому самыхъ непоколебимыхъ» *).

Въ самомъ дѣлѣ стоитъ надъ этимъ задуматься. Кто былъ этотъ покойникъ?—Это не просто апологетъ христіанства или точнѣе апологетъ католицизма. Апологетовъ католицизма были десятки, если не сотни въ нашемъ столѣтіи и раньше и позже Лямене. Это былъ апологетъ особенный; это былъ богатырь мыслью и гигантъ волею. Это былъ человѣкъ, который одинъ съ своими единичными силами ополчился на защиту католицизма и началъ наступательную войну противъ всего лицемѣрія цивилизаціи и велъ ее съ одушевленіемъ, съ энергіею, съ умѣньемъ и съ успѣхомъ. И вотъ этотъ-то первый защитникъ католической церкви отложился отъ нея и умеръ, не пожелавши возобновить общеніе съ нею, презирая ея молитвы и надгробныя благословенія.

Какъ-же, однако, это могло произойти? Мы отчасти видѣли это. Измѣны своему знамени со стороны Лямене тутъ не было. Онъ самъ утверждалъ, что въ немъ даже никакой перемѣны не произошло; что онъ постоянно продолжалъ одно и то-же дѣло, «продолжалъ самъ себя», начиная отъ первыхъ лѣтъ Реставраціи до времени второй республики. И это походитъ на правду. Выступивши первоначально защитникомъ католицизма, онъ имѣлъ въ виду католицизмъ гуманный, который, согласно ученію Христа, проповѣдуетъ любовь къ ближнему и въ особенности къ низшей братіи искренно и безъ лицемѣрія, католицизмъ, какъ нравственную силу, авторитетную

*) Ferraz Lib. cit. стр. 267. Смерть Лямене или точнѣе способъ его погребенія, а въ особенности мѣсто его—въ общей ямѣ рядомъ съ самыми бѣдными пролетаріями, что сдѣлано согласно его собственному желанію, столько же отличается оригинальностью и послѣдовательностью, какъ и вся его жизнь. Къ ней относятся съ уваженіемъ даже его политическіе противники, не всегда безпристрастные. Л. Бланъ называетъ ее героическою, прибавляя, что смертью Лямене искупилъ даже свое будто бы несправедливое отношеніе къ его теоріи и къ ассоціаціямъ рабочихъ, устроеннымъ согласно съ нею!

для мірской власти, направляющую ее на доброе. Такимъ и былъ, или лучше, старался быть католицизмъ въ золотой свой вѣкъ при Иннокентіяхъ. Какъ добрый католикъ, Лямене надѣялся, что на эту-же дорогу выступитъ католицизмъ и послѣ возстановленія его авторитета вмѣстѣ съ Реставраціею. И надежды его были небезосновательны; доказательство въ томъ уваженіи, которымъ проникся къ нему весь католическій міръ со Львомъ XII во главѣ послѣ изданія его Опыта объ индифферентизмѣ. Но когда Григорій XVI повелъ другую политику, которая привела къ возстанію его собственныхъ подданныхъ, когда ту-же политику онъ сталъ поддерживать во всей Европѣ, когда папство оказалось не нравственною силою, которая могла руководить политикою Европы, а само стало орудіемъ въ рукахъ мірской власти для достиженія цѣлей не имѣвшихъ ничего общаго съ христіанствомъ, то и Лямене отнесся къ нему иначе. Главное для него было не въ учрежденіи, какъ-бы оно авторитетно ни было, а въ принципѣ, въ духѣ. А принципъ, которому онъ поклонялся, былъ обнаруженъ имъ еще въ Опытѣ объ индифферентизмѣ. Достоинство христіанства онъ видѣлъ между прочимъ, въ томъ, что оно мало по-малу воплощало въ людскихъ учрежденіяхъ идею правды и добра, что оно само было истиною и источникомъ истины, европейской науки и всей европейской цивилизаціи. И когда оказалось, что папство разошлось съ этими принципами, то онъ рѣшился разойтись скорѣе съ папствомъ, чѣмъ съ тѣми ученіями, въ которыхъ онъ видѣлъ истинное и подлинное ученіе Христа или строго логическіе выводы изъ него.

Лямене былъ человѣкъ глубокой религіозности: и разошедшись съ папствомъ, онъ разошелся не съ религіею вообще, а только съ тою религіею, которая, какъ «вѣра безъ дѣлъ», уже была мертва, и съ представителями ея, которые, имѣя въ рукахъ знамя христіанства, не хотѣли знать его принциповъ и заповѣдей. Такихъ людей несправедливо даже помѣщать въ числѣ представителей вѣры. Наши старообрядцы, совершенно согласно съ наукою, дали имъ названіе безвѣрниковъ; а наука

прямо *) относитъ ихъ къ матеріалистамъ, дѣлая для нихъ въ этомъ философскомъ направленіи особый отдѣлъ матеріалистовъ или даже атеистовъ практическихъ.—Съ такими-то людьми разошелся Лямене, и удивляться тутъ нѣчему. Удивительно было-бы, если-бы онъ оставался въ общеніи съ ними не только внѣшнемъ, но и внутреннемъ, сердечномъ, къ которому исключительно онъ былъ способенъ.—А люди, съ которыми онъ потомъ сошолся, совсѣмъ не были безвѣрниками, интеллигенціею. Къ нимъ принадлежалъ А. Мартенъ, который послѣ 1870 г. находилъ для Франціи необходимою пропаганду вѣры, нравственности и христіанскаго братства (см. выше, стр. 607). Очевидно, что по своему внутреннему содержанію онъ стоялъ къ Лямене ближе, чѣмъ папа Григорій XVI, и тѣ его подчиненные прелаты, которые своимъ управленіемъ вызвали возстаніе въ Церковной области. Что Лямене дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ только гнѣва, это показали послѣдствія. Черезъ 15 лѣтъ послѣ того, какъ произошло отпаденіе его, папа Пій IX долженъ былъ бѣжать изъ Рима, и съ тѣхъ поръ папскій престолъ могъ существовать только съ поддержкою иностранной вооруженной силы. Штыкъ французскаго солдата сталъ служить для главы католицизма ту службу, которая раньше съ такою честью была исполняема перомъ французскаго публициста. Но, видно, поддержка пера надежнѣй поддержки штыка. Когда штыкъ французскаго солдата понадобился дома, то власть папы немедленно перестала существовать. Отпаденіе Лямене для папства было предостереженіемъ, котораго оно не поняло.

Пьеръ Леру родился въ Парижѣ въ 1797 году отъ бѣдныхъ родителей, и самъ въ жизни испыталъ бѣдности не мало. Образованіе получилъ въ лицеѣ гор. Ренна, гдѣ успѣхи въ

*) Такъ, между прочимъ, поступаетъ г. Кудрявцевъ, одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ представителей философской науки въ нашей литературѣ.

наукахъ дали ему возможность пользоваться правительственною стипендіею. По окончаніи курса былъ зачисленъ въ Политехническую школу; но не поступилъ въ нее, потому что, по случаю смерти отца, семейство его, состоявшее изъ матери съ четырьмя дѣтьми на рукахъ, осталось безъ всякихъ средствъ къ жизни, и онъ долженъ былъ искать занятій, чтобы кормить семью. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ, ему удалось пристроиться къ одной типографіи въ качествѣ корректора. Въ 1824 году эта типографія продавалась, и П. Леру уговорилъ одного изъ своихъ бывшихъ товарищей по ученью купить ее, и вмѣстѣ съ нимъ основалъ газету Globe, которая должна была служить органомъ либеральной оппозиціи. Послѣ этого дѣятельность П. Леру раздвоилась: онъ былъ и управляющимъ типографіею и вмѣстѣ съ тѣмъ редакторомъ журнала. Сотрудниками его по журналу были люди, впослѣдствіи пріобрѣтшіе громкія имена въ наукѣ или въ администраціи, какъ герц. де-Броль, Гизо, Дюшатель, Жуфруа, Ремюза и Дамиронъ.

Когда появились извѣстные ордонансы Карла X, П. Леру не отказался подписать протестъ, составленный въ редакціи Насіоналя.—Послѣ революціи друзья его и сотрудники сдѣлались министрами, посланниками, перами и депутатами. Только у него, какъ говоритъ Ферразъ, было «plus de savoir que de savoir-faire», больше познаній, чѣмъ умѣнья пользоваться обстоятельствами; и онъ остался по-прежнему редакторомъ Глоба, продолжавшаго дѣлать оппозицію и тому правительству, въ составъ котораго вошли его бывшіе сотрудники. Но идеи П. Леру въ это время нѣсколько измѣнились. Не довольствуясь однимъ либерализмомъ, онъ предался соціальнымъ мечтаніямъ и даже присоединился къ сенъ-симонистамъ, въ распоряженіе которыхъ отдалъ и свою газету. Въ обществѣ сенъ-симонистовъ онъ оставался не долго и вышелъ изъ него послѣ раскола, вслѣдствіе слишкомъ вольнаго устройства, которое Анфантенъ предполагалъ дать браку, отношеніямъ между полами. Вскорѣ прекратился и Глобъ. Тогда П. Леру вмѣстѣ съ Ж. Рено, также бывшимъ сенъ-симонистомъ, предпринялъ

большое изданіе L'Encyclopédie Nouvelle, которое однако не имѣло успѣха и прекратилось, не будучи окончено. Около того-же времени имъ издано главное его сочиненіе de l'Humanité, которое осталось также недоконченнымъ (Paris, 1840, 2 vol.). Въ скоромъ времени, послѣ непродолжительнаго сотрудничества въ Revue des Deux Mondes, онъ основалъ вмѣстѣ съ Віардо и Ж. Зандомъ журналъ, La Revue Indépendante, который, кромѣ политическихъ, преслѣдовалъ еще задачи соціальныя, гдѣ между прочимъ Ж. Зандъ помѣщала романы съ соціальной тенденціей.—Послѣ того П. Леру основалъ новый журналъ La Revue sociale, посвященный главнымъ образомъ разработкѣ соціальныхъ вопросовъ. Здѣсь онъ помѣстилъ много своихъ статей и притомъ наиболѣе важныхъ, такихъ, которыя впослѣдствіи онъ нашолъ нужнымъ перепечатать въ особомъ сборникѣ. Изданіе Revue sociale относится уже ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ. Въ 1848 году П. Леру былъ членомъ Національнаго собранія, какъ депутатъ департамента Сены, и игралъ въ немъ замѣтную роль.

Когда собраніе обсуждало вопросъ о закрытіи Національныхъ мастерскихъ, то онъ энергически противился этому и предупреждалъ собраніе, что положеніе дѣла такъ серьезно, что можно ожидать самыхъ прискорбныхъ событій. Послѣ подавленія возстанія, его же голосъ раздался въ защиту побѣжденныхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ собраніе слушало его со вниманіемъ и интересомъ, не смотря на то, что не исполняло его совѣтовъ. Но былъ у него дѣйствительный парламентскій тріумфъ, когда при обсужденіи конституціи онъ настаивалъ, чтобы въ числѣ преступленій, влекущихъ за собою лишеніе политическихъ правъ, было помѣщено прелюбодѣяніе, и достигъ своей цѣли. Въ собраніи онъ обыкновенно подавалъ голосъ съ лѣвою стороною, и оставался депутатомъ до самаго государственнаго переворота; послѣ того онъ удалился сначала на остр. Джерсей, а потомъ въ Швейцарію. Это самое тяжелое время его жизни, когда ему суждено было съ семействомъ испытать суровую нужду. Впослѣдствіи онъ возвратился въ Парижъ.

Но его карьера, какъ соціалиста, была уже окончена. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ увлекся въ область поэзіи съ философскимъ и религіознымъ характеромъ и написалъ поэму «La Gréve de Samarez и драму Job 1865).

Гораздо раньше онъ перевелъ съ нѣмецкаго Гётева Вертера. Умеръ П. Леру въ Парижѣ въ 1871 году, 17 апр., когда Парижъ былъ во власти коммуны, которая почтила его посылкою двухъ делегатовъ на его похороны во вниманіе къ тому участію, которое онъ принималъ въ судьбѣ рабочихъ, принадлежавшихъ къ Національнымъ мастерскимъ 1848 года, присоединивши впрочемъ къ этому своего рода выговоръ покойнику за то, что онъ былъ «сторонникомъ мистической идеи», т. е. допускалъ бытіе Божіе.

П. Леру главнымъ образомъ интересовался всегда вопросами философскими, а не экономическими. И въ изслѣдованіи объ экономическихъ вопросахъ онъ все-таки смотритъ на нихъ большею частію съ точки зрѣнія философіи и морали; экономическаго анализа у него почти нѣтъ, его методъ обсужденія всякихъ вопросовъ, между прочимъ и экономическихъ, состоитъ въ примѣриваніи даннаго случая къ тѣмъ или другимъ высшимъ принципамъ раціональной религіи и нравственности. И потому его экономическія разсужденія не столько дѣйствуютъ на умъ, сколько на сердце. Онъ принадлежалъ къ соціалистамъ наиболѣе серьезно образованнымъ, не смотря на нѣкоторыя странности въ его ученіяхъ. И это человѣкъ вполнѣ оригинальный; у него въ исторіи соціализма нѣтъ предшественниковъ, какъ у Л. Блана или Кабе. Относительно искренности его убѣжденій нечего и говорить. Кромѣ чистой истины и желанія содѣйствовать искорененію золъ, которыя онъ находилъ въ мірѣ, у него никогда не было и не могло быть никакихъ побужденій при развитіи его соціальныхъ идей.

Системы своей онъ не изложилъ въ какомъ-нибудь одномъ сочиненіи; да и едва ли можно сказать, что онъ выработалъ полную, вполнѣ законченную соціальную систему. Отдѣльныя части ея разбросаны въ разныхъ сочиненіяхъ. И въ нихъ легко

отъискать все то, что мы находили у другихъ соціалистовъ, и критику современнаго общества, и общіе, основные принципы, и наконецъ планъ новой соціальной постройки.

Недостатки современной промышленной организаціи всего рѣзче бросаются въ корифеѣ европейской промышленности—въ Англіи, и П. Леру обращается къ ней съ такою рѣчью:

«Что ты сдѣлала съ твоимъ сельскимъ населеніемъ? Твои поля богаты и плодоносны; но съ твоею изобрѣтательностью ты нашла средство обрабатывать ихъ безъ рабочихъ; и шестьсотъ семействъ твоихъ землевладѣльцевъ прогнали людей съ почвы. Рядомъ съ твоимъ банкомъ ты показываешь мнѣ твои доки; но посмотри сама, какъ рядомъ съ этими доками люди умираютъ въ твоихъ городахъ отъ голода, холода и бѣдности; посмотри на страшныя, постыдныя болѣзни, которыя господствуютъ въ нѣдрахъ твоего народа. Посмотри на Ирландію, принесенную въ жертву въ видѣ гекатомбы».— «Участь ирландца хуже участи ямайскаго раба; парія береговъ Ганга пользуется по крайней мѣрѣ своимъ солнцемъ, котораго ты не умѣла отнять у него. Но англійскій рабочій, его жена и дитя, которые работаютъ въ твоихъ шахтахъ, въ твоихъ мастерскихъ или въ Work-houses,—эти уже не имѣютъ солнца, они работаютъ, какъ вьючныя животныя, какъ не работали никогда древніе рабы въ своихъ ergastula» *).

Положеніе дѣлъ во Франціи не лучше; большинство городскаго населенія, рабочіе, находятся въ жалкомъ положеніи. «Напр. Реймсъ изъ тридцати-шести-тысячнаго населенія имѣетъ 22 тысячи очень жалкихъ рабочихъ, изъ которыхъ отъ 10 до 12 тысячъ оффиціально признаны бѣдными. Вообще во всей Франціи есть 8 милліоновъ бѣдныхъ или нищихъ» **).

Причина такого положенія, по мнѣнію П. Леру, заключается въ организаціи промышленности, крайне неблагопріятной для

---

*) Malthus et les économistes. Boussac, 1849. Книга эта составлена изъ журнальныхъ статей, помѣщенныхъ въ Revue Sociale 1846 года. Стр. 7 и 8.

**) Ib. 99.

рабочаго класса; заработная плата нисходитъ до минимума, а иногда ея и совсѣмъ нѣтъ. Рабочіе терпятъ самую крайнюю нужду и въ средѣ ихъ въ громадной пропорціи усиливается смертность. «Въ наше время не бываетъ такихъ продолжительныхъ осадъ, говоритъ П. Леру, какъ осада Анвера или Кандіи, которыя продолжались отъ 20 до 30 лѣтъ, или какъ осада Іерусалима, Рима и Парижа при Генрихѣ IV, когда матеріи принуждены были ѣсть дѣтей, чтобы не умереть съ голоду». Но есть въ наше время бичь не менѣе жестокій,—промышленность. «Вы утверждаете, что она не убиваетъ (ne tue pas)! Это правда; она только причиняетъ смерть (fait mourir). Причинять смерть—это не оставляетъ слѣда, нѣтъ крови»; но когда начинаются кризисы, населенія мрутъ, какъ осенью мухи. Страшны результаты продолжительныхъ войнъ. Тамерланъ складывалъ пирамиды изъ человѣческихъ головъ; Помпей хвалился, что во всѣхъ войнахъ, которыя онъ велъ, онъ убилъ или взялъ въ плѣнъ больше 2,000,000 человѣкъ. «Но какъ ни ужасны подобныя картины, число людей, умершихъ вслѣдствіе битвъ всякаго рода, не достигаетъ и десятой части всего числа людей, погибшихъ въ борьбѣ съ недостаткомъ въ средствахъ пропитанія» *).

И что всего хуже, наука признаетъ такой порядокъ естественнымъ и нормальнымъ. Она раздѣляетъ всѣхъ людей на имѣющихъ право на жизнь и неимѣющихъ его. Для многихъ не приготовленъ приборъ на банкетѣ жизни. Это открылъ и призналъ правильнымъ Мальтусъ, который такой порядокъ производитъ изъ самой природы «Природа, говоритъ онъ, приказываетъ такому субъекту удалиться съ жизненнаго пира и немедленно сама приводитъ въ исполненіе свое приказаніе».— Сообразно съ этимъ выводомъ науки выработалась и практика по отношенію къ бѣднымъ. Прежде имъ не хотѣли помогать по недостатку средствъ, потому что думали только о своихъ

*) Это, впрочемъ, не собственныя слова П. Леру, а приводимыя имъ слова доктора Лаудона, занимавшагося вопросомъ о народонаселеніи. Ib. 321.

удовольствіяхъ, а скорбей и печалей ближняго не замѣчали, закрывали глаза, чтобы не видѣть ихъ. Теперь практика таже; но для оправданія ея придуманы основанія, которыя даютъ ей видъ разумности, пониманія истинныхъ интересовъ не только государства, народа вообще, но и самыхъ бѣдныхъ. Здѣсь П. Леру неоднократно принимается за критику ученій своего сотрудника по Глобу, Дюшателя, бывшаго въ это время министромъ внутреннихъ дѣлъ, автора сочиненія «de la Charité, въ которомъ онъ отчасти выводитъ изъ принциповъ Мальтуса послѣдствія, отчасти только повторяетъ или развиваетъ самыя безсердечныя его положенія относительно благотворительности. Слѣдуя ему, благотворительность во многихъ случаяхъ только увеличитъ зло, увеличитъ неблагоразуміе, непредусмотрительность въ бракахъ, вслѣдствіе чего народонаселеніе будетъ возрастать въ пропорціи несравненно большей, чѣмъ средства благотворителей. — Потому благотворительныя учрежденія для сумасшедшихъ, больныхъ, калѣкъ, равнымъ образомъ для сиротъ онъ еще допускаетъ; но тамъ, гдѣ зло происходитъ отъ непредусмотрительности, «благотворительность представляетъ болѣе опасностей, чѣмъ выгодъ».—И тутъ не обходится дѣло даже безъ такихъ аргументовъ, которые имѣютъ несомнѣнный характеръ лицемѣрія. Подавать милостыню, слѣдуя Дюшателю,—это ничто иное, какъ унижать человѣка, отнимать у него его человѣческое достоинство. «Тотъ, кто подаетъ милостыню, говоритъ Дюшатель, оставляетъ только одну человѣческую фигуру тому, которому онъ думаетъ помочь. Филантропія никогда не должна забывать ту основную истину, что человѣкъ самъ долженъ заботиться о своей судьбѣ, а не кто-нибудь другой. — Лучшее для насъ состояніе есть независимость. — Такимъ образомъ наука о нравственности (?) научаетъ насъ, что мы не должны снимать съ ближнихъ нашихъ обязанность трудиться и быть предусмотрительными». Въ самомъ дѣлѣ это тартюфовское лицемѣріе. Какъ будто бѣдные гор. Парижа отъ того страдали, что они не хотѣли трудиться, а не отъ того, что они не могли имѣть никакой работы. Какъ будто они были

виноваты въ непредусмотрительности тѣмъ, что родились, явились на свѣтъ Божій! — Впрочемъ, П. Леру на это качество разсужденій Дюшателя не обращаетъ вниманія. Онъ указываетъ на противорѣчіе ихъ съ ученіемъ Христа и вообще съ ученіемъ Св. Писанія. И такъ, говоритъ онъ, Христосъ ошибся? Ошибся и Творецъ человѣка, когда давши ему жену сказалъ: раститеся и множитеся и наполните землю?

Къ такимъ результатамъ приводитъ эта политическая экономія безсердечная, безбожная, атеистическая, которую создали экономисты атеисты (les athées économistes). Не первый разъ, прибавляетъ П. Леру, происходитъ это явленіе; не первый разъ забываютъ Бога, даже отрицаютъ существованіе его: dixit insipiens in corde suo: non est Deus.

Безсердечная политическая экономія санкціонируетъ этотъ извращенный экономическій порядокъ, это человѣко-убійственное (homicide) господство собственности и капитала. «Капиталъ самъ по себѣ, говоритъ П. Леру, есть хорошая, даже превосходная вещь, потому что чрезъ него человѣчество овладѣваетъ пространствомъ и временемъ; онъ даетъ средство умножать производство и чрезъ это удовлетворить даже закону воспроизведенія вида, его способности умножаться съ каждымъ поколѣніемъ. Но, находясь въ рукахъ эгоизма и не будучи подчиненъ надзору и управленію коллективнаго общества, онъ производитъ всѣ виды зла и не только не служитъ человѣческой способности прокреаціи, но уничтожаетъ ее и убиваетъ человѣчество (tue l' Humanité) *).

Ему атеистическая политическая экономія дала такое значеніе въ своей области, что въ ряду всего существующаго онъ занимаетъ какое-то особое положеніе, противное вообще законамъ бытія вещей. «Удивительное дѣло! Все на землѣ подвержено уменьшенію и имѣетъ конецъ. Только капиталъ не имѣетъ его! Капитализированное богатство считается вѣчнымъ и не имѣетъ конца». — Все изнашивается, s'use; отъ этого глагола происходитъ слово «usure», котораго первоначальное

*) Ib. 196.

значеніе есть «dépérissement», détérioration d'une chose par l'usage, именно изнашиванье. Эту usure, плату за употребленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ за порчу вещей, какъ слѣдствіе употребленія, и платитъ человѣкъ, занимая какую-нибудь вещь у другаго. Ту-же самую usure платитъ и человѣкъ, занимающій у другаго капиталъ; но при этомъ капиталъ нисколько не портится, не изнашивается, не уменьшается и впослѣдствіи долженъ быть возвращенъ во всей полности, не смотря на многократно уплаченнную «usure», проценты. — Такимъ образомъ, для однихъ, владѣльцевъ капиталовъ, устроилось положеніе съ возможностью жить ничего не дѣлая, вопреки слову Творца: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой; а для другихъ положеніе худшее, чѣмъ рабство, вѣчная дань заимодавцу безъ возможности выйти изъ положенія должника и лишеніе нѣкоторыхъ особенныхъ правъ, данныхъ человѣку еще самимъ Богомъ послѣ сотворенія его, именно — лишеніе права воспроизведенія вида, отмѣна повелѣнія Божія, выраженнаго въ словахъ: раститеся и множитеся.

Положеніе дѣлъ ухудшилось съ тѣхъ поръ, какъ Les Juifs сдѣлались rois de l'époque, жиды стали королями эпохи. — Силу капитала и значеніе процентовъ они понимали еще при выходѣ изъ Египта. Недаромъ Моисей запретилъ имъ отдавать деньги въ ростъ своимъ единовѣрцамъ, но указалъ имъ банкирскую практику въ средѣ другихъ народовъ и обѣщалъ, вслѣдствіе этой практики господство надъ другими народами (обладати будеши языки многими). Обѣщанія Моисея начинаютъ исполняться. Жиды сдѣлались королями эпохи. «Въ настоящее время, говоритъ П. Леру, династія Ротшильдовъ есть самая знаменитая изъ династій». Они истинные наслѣдники Наполеонова могущества и ненезаслуженно; г. Натанъ Ротшильдъ показалъ не менѣе героизма, чѣмъ Наполеонъ, когда онъ въ бурю переплылъ Ламаншъ послѣ битвы при Ватерлоо, чтобы сообразно съ результатами битвы, еще неизвѣстными на лондонской биржѣ, сдѣлать въ громадныхъ размѣрахъ спекуляцію на процентныя бумаги и притомъ безъ всякаго риска, навѣрняка,

когда онъ въ одинъ день нажилъ до 20 милiоновъ или точнѣе — обобралъ владѣтелей цѣнныхъ бумагъ на 20 мил.

И Ротшильды не единственные евреи, съ большимъ успѣхомъ подвизающiеся на банковой сценѣ. Во всей Европѣ главные банкирскiе дома принадлежатъ также евреямъ. И владѣя повидимому только бумажными цѣнностями, онѣ уже въ дѣйствительности владѣютъ значительною частiю всякихъ акцiонерныхъ предпрiятiй, т. е. акцiонерныхъ фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, владѣютъ громадными массами государственныхъ фондовъ и имѣютъ заложенными у себя въ банкахъ цѣлыя провинцiи въ разныхъ государствахъ, между прочимъ plusieurs de nos départements, какъ говоритъ П. Леру.— Такъ исполняется обѣщанiе Моисея относительно обладанiя «языки многими». Дѣйствительно, есть тутъ надъ чѣмъ задуматься. Пришла въ Европу какая-то чуждая народность, не признающая Бога, почитаемаго всею Европою, не признающая универсально гуманныхъ принциповъ христiанства, пришла съ цѣлью обладать языки многими, и повидимому достигаетъ своей цѣли. — Оружiе, съ помощiю котораго она покоряетъ языки, повидимому не страшно; тѣмъ не менѣе оно составляетъ самое усовершенствованное оружiе, когда-либо бывшее въ рукахъ человѣка. Усовершенствованiе оружiя шло извѣстнымъ путемъ: сначала каменный молотокъ, каменный ножъ, топоръ, потомъ оружiе бронзовое, потомъ желѣзное холодное оружiе, ножикъ, мечъ, копье; потомъ оружiе, которое могло убивать издалека: лукъ и стрѣлы; наконецъ огнестрѣльное оружiе и его послѣдняя наиболѣе смертоносная форма артиллерiя. Вы думаете, что дальше артиллерiи уже нечего изобрѣтать въ этомъ родѣ?—Нѣтъ, есть. «Послѣ артиллерiи, говоритъ П. Леру, изобрѣтаютъ... новую артиллерiю: это тотъ вексель, тотъ банкъ, та промышленность капиталистическая (industrie capitaliste), которая теперь господствуетъ и надъ шпагами, и надъ пушками». — Могущество золота всегда было велико; никогда оно не хотѣло уступать булату; и даже въ Римѣ съ помощiю золота Крассъ прiобрѣлъ такое же значенiе и власть, какое

Цезарь и Помпей пріобрѣли съ помощію меча. Въ средніе вѣка въ республикахъ Италіи богатыя фамиліи вмѣстѣ съ состояніемъ пріобрѣтали и политическое значеніе. Одна изъ нихъ въ Флоренціи достигла даже верховной власти. — Но настоящее господство богатства начинается только въ 19 вѣкѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ въ громадныхъ размѣрахъ капиталистической промышленности, банковаго дѣла и съ увеличеніемъ до колоссальныхъ размѣровъ государственныхъ долговъ. Только теперь капиталисты пріобрѣли особенно большое значеніе и вліяніе, теперь ихъ новая артиллерія можетъ дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ. «Вексель и банкъ относятся къ золотой монетѣ такъ же, какъ артиллерія къ холодному оружію. Съ золотою монетою вы можете дѣйствовать только на близкомъ разстояніи, какъ въ сраженіи дѣйствуютъ холоднымъ оружіемъ. Но съ векселемъ, съ банкомъ вы можете дѣйствовать издалека, какъ въ сраженіи дѣйствуютъ пушками. Изъ своего кабинета банкиръ можетъ наносить удары сразу какъ на биржѣ въ Парижѣ, такъ и на биржахъ Лондона, Берлина, Вѣны и пр.—Полемъ для его эксплуатаціи служитъ весь міръ» *).

И этотъ банкиръ принадлежитъ къ чуждой національности, отвергающей высокіе идеалы истины и любви, принесенныя на землю Іисусомъ, къ національности, мечтающей о господствѣ надъ міромъ, объ «обладаніи многими языки», не измѣняющейся въ теченіи тысячелѣтій, и всегда относившейся къ другимъ народамъ съ недоброжелательствомъ, давшимъ Тациту причину сказать, что Iudeis adversus omnes homines hostile odium.

Такова критическая часть ученій П. Леру. Въ главныхъ чертахъ она одинакова съ критикою современныхъ обществъ, которую дѣлали почти всѣ другіе соціалисты; и, какъ мы уже не разъ говорили, въ основѣ этой критики лежитъ горькая правда, сама находящаяся передъ глазами дѣйствительность, крайне тяжелое положеніе западно-европейскаго рабочаго, имѣю-

*) Ib. 47.

щаго исключительнымъ источникомъ пропитанія—свой трудъ. который втеченіи цѣлаго полугодія никому не нуженъ, а и тогда, когда бываетъ нуженъ, предлагается столь въ незначительномъ количествѣ, что для исполненія дѣла одного рабочаго обыкновенно представляются два и три кандидата. — Особенности П. Леру въ этой части не могутъ быть отнесены къ такимъ, которыя не заслуживали-бы никакого вниманія. Взиманіе процентовъ вся Европа считаетъ дѣломъ законнымъ; но дѣло это неуяснено вполнѣ ни наукою, ни практикою. — Еще есть государства, гдѣ проценты раздѣляются на 2 разряда на законные и незаконные или растовщичество.

Никто не споритъ, что кредитъ оплодотворяетъ промышленность. даетъ ей энергію и ведетъ къ полезнымъ результатамъ; но рядомъ съ этимъ стоитъ тотъ фактъ, что въ какія-нибудь два столѣтія чрезъ посредство кредита вся Европа вошла въ крайне тяжелыя обязательства относительно владѣльцевъ капиталовъ, имѣющія большое сходство съ данью, которую въ прежнія времена обязывались побѣжденные народы платить побѣдителямъ, или которую вассальныя государства, Молдавія, Валахія, Сербія, платили туркамъ.—Есть тутъ, стало быть, что-нибудь такое, что нуждается въ изслѣдованіи, въ разъясненіи, быть можетъ въ разграниченіи. И съ другой стороны, какой же европейскій народъ, уважающій себя, не лишенный ни патріотическихъ чувствъ, ни благородныхъ стремленій къ постоянному улучшенію своего состоянія, можетъ покойно смотрѣть на то, что большая часть его капиталовъ, промышленныхъ предпріятій и, наконецъ, его почва перейдутъ въ собственность людей, принадлежащихъ къ чуждой народности и притомъ отрицающей принципы христіанства?

Положительная часть ученій П. Леру, можно сказать, не имѣетъ почти никакой связи съ его критикою существующаго общества. Она и произошла не изъ его изслѣдованій экономическихъ, а изъ его любви къ философіи и изъ занятій этою наукою; и вмѣстѣ съ тѣмъ она и не отличается опредѣленностью, а отличается большою долею туманности, какъ и его

философія. Главное сочиненіе, въ которомъ изложена его теорія соціальнаго обновленія, называется De l'Humanité—О Человѣчествѣ. Философъ не хочетъ ограничиться только своею родиною и привести ее къ лучшему будущему, не хочетъ говорить о Франціи и фрунцузахъ: ихъ состояніе онъ особенно и не изучалъ, а изучалъ человѣка вообще. Объ немъ и рѣчь идетъ въ проектѣ улучшенія человѣческаго общества. Въ наше время, говоритъ П. Леру, положеніе человѣка печальпо на землѣ, вслѣдствіе всѣхъ тѣхъ золъ, отъ которыхъ онъ страдаетъ; и не онъ одинъ страдаетъ; съ нимъ вмѣстѣ страдаетъ всякая тварь; omnis creatura, какъ говоритъ Ап. Павелъ, ingemiscit *). — Въ чемъ же состоятъ страданія человѣка? — Въ томъ, что онъ умираетъ и отъ голода и отъ холода, въ томъ, что ему не накрыто прибора на банкетѣ жизни? Нѣтъ, все это только внѣшнія проявленія, выражаемыя обыкновеннымъ языкомъ; а въ своей сущности и въ философскомъ изложеніи они являются въ такомъ видѣ: человѣкъ страдаетъ потому, что не можетъ достигать своего назначенія; а назначеніе его состоитъ въ томъ, чтобы «входить въ прямыя сношенія со всѣми людьми и со всѣми предметами, находящимися во вселенной (se mettre en rapport direct avec tous les hommes — et avec tous les objets de l'univers) **).

Входить въ прямыя сношенія со всѣми людьми и со всѣми предметами вселенной человѣку препятствуютъ три касты:

1. Семейство каста (famille caste).
2. Отечество каста (patrie caste).
и 3. Собственность каста (propriété caste).

П. Леру много времени посвятилъ на изученіе первобытной цивилизаціи въ государствахъ востока, у египтянъ, индусовъ и зендовъ. Отсюда онъ и вынесъ привычку во всемъ видѣть касту и смотрѣть на предметы черезъ какую-то особенную кастовую призму.

---

*) L'Humanité Paris 1840, 2 тома, т. 1, стр. 17.

**) Ib. стр. 167.

Первая каста, которую онъ разсматриваетъ,—семейство. Сопоставляя ученіе П. Леру о назначеніи человѣка, т. е. о правѣ его входить въ прямыя сношенія со всѣми другими людьми, можно бы, пожалуй, подумать, что онъ намѣренъ устроить семейство по примѣру Фурье или Нойса; ничего подобнаго нѣтъ. Онъ отъ начала до конца своей литературной карьеры остался вѣренъ принципамъ строгой нравственности, которыя онъ обнаружилъ своимъ протестомъ противъ безстыдныхъ ученій Анфантена. — Кастовый характеръ семейства, по его мнѣнію, обнаруживается, такъ сказать, не въ пространствѣ, а во времени. Въ ряду своихъ сосѣдей семейство и на будущее время остается въ такомъ же состояніи, какъ и прежде. Оно должно измѣнить свой характеръ только по отношенію къ предкамъ и потомкамъ, съ которыми вмѣстѣ всякое существующее семейство до сихъ поръ составляло касту, т. е. такое общество, которое не допускало въ свою среду никого посторонняго и въ то-же время своихъ членовъ не отпускало на сторону. Вопросъ уяснится вполнѣ, когда мы прибавимъ, что въ нынѣшнемъ семействѣ-кастѣ всѣ дѣти извѣстныхъ родителей, дѣти вполнѣ законныя, имъ несомнѣнно принадлежащія по плоти, считаются дѣйствительно ихъ дѣтьми во всей полнотѣ, подобно тому, какъ отцы считались дѣтьми своихъ отцовъ, т. е. уже дѣдовъ по отношенію къ младшему поколѣнію; а наконецъ дѣды считались дѣтьми прадѣдовъ и т. д. А это все, по изысканіямъ г. П. Леру, несправедливо. Вполнѣ законные дѣти своихъ родителей все-таки не ихъ дѣти вполнѣ, и сами родители не дѣти своихъ родителей и т. д., потому что ото всякихъ родителей дѣти происходятъ только плотью, а по духу они потомки всего человѣчества, такъ какъ души всѣхъ людей, живущихъ въ данное время, существовали на землѣ раньше, существовали, какъ души прежде жившихъ людей, и неизвѣстно, чья душа перешла въ какое нибудь новорожденное тѣло. И послѣ нашей смерти души наши будутъ жить также не гдѣ-нибудь въ особомъ мѣстѣ, въ раю или въ аду, а на той же самой пла-

нетѣ Землѣ, въ тѣлахъ другихъ людей, имѣющихъ родиться гдѣ-нибудь на земной поверхности. При этомъ происходитъ явленіе въ высшей степени достойное вниманія и утѣшительное. Всеблагой Творецъ человѣка, въ своей постоянной заботливости объ усовершенствованіи всего существующаго, устроилъ дѣло такъ, что всякій разъ люди по милости Божіей возрождаются въ видѣ болѣе совершенномъ, каждое поколѣніе превосходитъ своихъ предшественниковъ своими психическими свойствами.

Ученіе о метампсихозѣ, составляя idée fixe П. Леру, въ то-же время составляетъ центръ и основаніе всего его міровоззрѣнія, его философіи, его соціализма. Развитіе и доказательство этого ученія занимаетъ не менѣе половины всего сочиненія de l'Humanité, которое такимъ образомъ является сочиненіемъ на половину философскимъ, на половину соціальнымъ. И нельзя не признать, что философская половина книги составляетъ сама въ себѣ трудъ несравненно болѣе важный, чѣмъ часть соціальная, которая есть ничто иное, какъ выводъ изъ другой половины книги, сдѣланный безъ особенныхъ усилій ума, выводъ, который и безъ помощи автора сдѣлаетъ самъ — всякій читатель, который признаетъ справедливыми философскія ученія автора. — А философская половина книги не могла по существу своему не потребовать большихъ умственныхъ усилій. Въ древнемъ Египтѣ или браминской Индіи доказывать метампсихозу было бы нетрудно; тамъ всѣ съ молокомъ матери всасывали это ученіе, какъ вѣрованіе; а въ Европѣ, въ особенности во Франціи сороковыхъ годовъ, это, очевидно, не могло быть легко. Потому, кромѣ собственныхъ разсужденій, весьма пространныхъ *), П. Леру подкрѣпляетъ свое ученіе ссылками

*) Въ нихъ онъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе на особенныя способности нѣкоторыхъ людей, на безотчетную симпатію или антипатію между нѣкоторыми субъектами. И легко понять, въ какомъ смыслѣ П. Леру объясняетъ эти факты. Душа ребенка-забіяки жила прежде въ тѣлѣ разбойника или храбраго воина. Безотчетную симпатію или антипатію чувствуютъ другъ къ другу тѣ, которые раньше, въ прежней жизни, были друзьями или врагами, дѣлали одинъ другому добро или зло и т. п.

на многихъ древнихъ философовъ и поэтовъ; напр. Пиѳагора, Платона, Виргилія, Аполлонія Тіанскаго, приводитъ выписки изъ пятикнижія, которыя приводятъ его къ мысли, что Моисей не признавалъ загробной жизни души, как понимаютъ ее теперь, а признавалъ повтореніе жизни души въ другомъ тѣлѣ, въ одномъ изъ человѣческихъ обществъ на землѣ.—Съ особеннымъ вниманіемъ П. Леру останавливается на ученіяхъ Пиѳагора, такъ какъ Пиѳагоръ въ своихъ путешествіяхъ по востоку ознакомился съ своею тогдашнею мудростью, и ученія самого Пиѳагора всего болѣе гармонируютъ съ ученіями П. Леру и притомъ не въ одномъ вопросѣ о будущей жизни.—Съ ученіемъ Зороастра П. Леру имѣлъ возможность познакомиться въ сочиненіяхъ и изданіяхъ Анкетиля Дюперрона и Е. Бюрнуфа, и потому не обошелъ и его безъ особеннаго вниманія; занялся изслѣдованіемъ также еврейскихъ сектъ, саддукеевъ, фарисеевъ, ессеевъ и т. п., потомъ всѣхъ философскихъ школъ Греціи и наконецъ христіанскихъ сектъ первыхъ вѣковъ, преимущественно гностиковъ.—И во всѣхъ этихъ религіяхъ, во всѣхъ этихъ сектахъ онъ находитъ что-нибудь такое, въ чемъ видитъ подкрѣпленіе своей мысли о будущей и прошедшей жизни души.

Ученіе о метампсихозѣ ведетъ къ уничтоженію наслѣдства. Всякій владѣлецъ какого-нибудь имущества и самъ не захочетъ передать его тѣмъ, которые въ наше время называются его дѣтьми; потому что души-то ихъ, такъ называемыхъ дѣтей его, не имѣютъ никакого отношенія къ нему; можетъ быть даже, что въ тѣла его дѣтей перешли души самыхъ злыхъ враговъ его (вѣроятно отъ этого нѣкоторыя дѣти бываютъ упрямы и грубы); а его самого душа перейдетъ въ тѣло ребенка имѣющаго родитьси въ самомъ бѣдномъ и несчастномъ семействѣ. Въ такомъ случаѣ, ему будетъ выгоднѣе, если его собственное имущество вмѣстѣ съ имуществомъ другихъ людей пойдетъ въ пользу всего общества, такъ чтобы и то семейство, въ которомъ ему придется жить, было избавлено отъ страданій бѣдности, даже пользовалось достаткомъ, подобно всѣмъ другимъ. Такимъ образомъ и на такомъ основаніи семейство въ

будущей организаціи общества перестаетъ быть кастою. — Вмѣстѣ съ тѣмъ и по той-же причинѣ и собственность перестаетъ быть кастою; и человѣкъ получитъ право и возможность входить въ прямыя сношенія со всѣми предметами, находящимися въ мірѣ, т. е., говоря другою рѣчью, болѣе простою, получитъ возможность пользоваться тѣмъ, что называется «благами сего міра».

Отсюда-же, т. е. все изъ той-же метампсихозы проистекаетъ и превращеніе отечества — касты просто въ отечество—безъ духа касты, т. е. безъ духа отчужденія отъ всего внѣшняго и безъ непріязненнаго отношенія ко всему чуждому. Въ настоящее время международныя отношенія самыхъ образованныхъ государствъ далеко не отличаются разумностью, даже съ нашей точки зрѣнія; народная честь понимается самымъ легкомысленнымъ, бреттерскимъ способомъ: во взаимныхъ отношеніяхъ всегда проявляется крайняя неуступчивость, даже задоръ, шовинизмъ; споры о границахъ, о владѣніяхъ приводятъ къ войнамъ, иногда многолѣтнимъ и т. п. — Но лишь только люди признаютъ справедливость ученія П. Леру о метампсихозѣ, немедленно все измѣнится къ лучшему: неуступчивость, задоръ, враждебность исчезнутъ и будутъ замѣнены взаимною уступчивостью, дружелюбіемъ, даже взаимною услужливостью. И иначе быть не можетъ. Теперь какой нибудь единомышленникъ генерала Буланже готовъ бы, кажется, взорвать на воздухъ весь Берлинъ, разрушить всѣ желѣзныя дороги Германіи и привести ее въ такое состояніе, въ которомъ она находилась послѣ Тридцатилѣтней войны. А когда всѣ поймутъ справедливость ученій П. Леру о метампсихозѣ, то и самъ Буланже не захочетъ сдѣлать ни малѣйшаго зла ни Берлину, ни Германіи, потому что можетъ быть смерть его уже не за горами и душа его какъ разъ переселится въ Берлинъ или вообще въ Германію въ тѣло одного изъ дѣтей, имѣющихъ тамъ родиться въ моментъ его смерти. Съ этой точки зрѣнія нельзя и не слѣдуетъ дѣлать ничего худаго не только по отношенію къ сосѣднимъ народамъ, но и по отношенію къ самымъ отдален-

нымъ, даже варварскимъ. И если-бы понимала это королева Викторія, то она, конечно, не позволила-бы своему министерству посылать войска даже противъ зулусовъ, потому что можетъ быть въ какомъ-нибудь зулусѣ какъ разъ находится душа принца Альберта, котораго она такъ любила при жизни и продолжаетъ любить по смерти.

Такимъ образомъ ученіе о метампсихозѣ ведетъ ко всеобщему благополучію, къ радикальному исцѣленію всѣхъ болѣзней и скорбей нашей земной юдоли и, что всего лучше,—къ перевоспитанію самого человѣка и человѣчества. Имѣющему возникнуть впослѣдствіи порядку П. Леру даетъ названіе взаимной солидарности (solidarité mutuelle), названіе вполнѣ соотвѣтствующее характеру предмета. Она, по мнѣнію автора, будетъ дѣйствительнымъ осуществленіемъ любви къ Богу и ближнему, къ чему безуспѣшно стремилось христіанство. Неуспѣхъ христіанства происходилъ отъ того, что оно въ своемъ представленіи о Богѣ заимствовало нѣкоторыя черты отъ древне-еврейскаго понятія о грозномъ и гнѣвномъ Іеговѣ, которое способно возбуждать болѣе страхъ, чѣмъ любовь. Кромѣ того, помѣстивши будущую жизнь внѣ жизни на землѣ, оно само разорвало связь, которая соединяетъ насъ съ другими людьми, нашихъ дѣйствительныхъ ближнихъ не признало такими, оставивши имъ только одно это имя, безъ всякаго основанія.

Христіанская заповѣдь любить Бога и ближняго была только какимъ-то произвольнымъ предписаніемъ, не вытекавшимъ отъ совокупности ученій о Богѣ и людяхъ. И было это, впрочемъ, потому что «время еще не пришло». Христіанство имѣло задачу такъ сказать предварительную, именно посредствомъ общенія неполнаго, недостаточно понимаемаго приготовить человѣчество къ общенію болѣе полному, сознательному и совершенному, какое общеніе приноситъ людямъ уже П. Леру главнымъ образомъ чрезъ разъясненіе прошедшей и будущей судьбы всякаго человѣка, т. е. чрезъ его ученіе о метампсихозѣ, или черезъ болѣе правильное ученіе о Богѣ и человѣкѣ, которое онъ и полагаетъ въ основѣ своего ученія объ

обязанностяхъ человѣка. «Любите Бога, говоритъ онъ, въ васъ самихъ и въ другихъ» (aimez Dieu en vous et dans les autres), потому что вы всѣмъ обязаны Богу, тѣмъ что и сами вы находитесь въ состоянiи столь прекрасномъ и имѣете столь достойныхъ и столь совершенныхъ ближнихъ и столь совершенный мiръ, въ которомъ вы живете; такъ какъ не только его творенiе, но и постоянное совершенствованiе (le perfectionnement du monde) есть дѣло Бога. Это первая заповѣдь П. Леру. Вторая излагается такъ: «Любите себя чрезъ Бога въ другихъ» (aimez vous par Dieu dans les autres), т. е. дѣлайте добро другимъ, потому что вамъ самимъ придется жить послѣ нихъ на ихъ мѣстѣ въ ихъ положенiи, какъ будущимъ ихъ дѣтямъ по плоти. Третья: «любите другихъ чрезъ Бога въ себѣ» (aimez les autres par Dieu en vous), потому что сами то вы прежде были и еще будете въ числѣ другихъ.

Все это какъ догматическое, такъ и практическое ученiе приводитъ къ одному неизбѣжному, неотразимо овладѣвающему читателемъ убѣжденiю, что П. Леру есть человѣкъ не отъ мiра сего, что это совсѣмъ и не соцiалистъ и даже не философъ въ современномъ смыслѣ этого слова; это философъ современникъ Эпименида Критскаго, Эмпедокла или Пиѳагора; это какъ будто самъ Пиѳагоръ, воскресшiй изъ мертвыхъ черезъ 2,000 лѣтъ или, по теорiи П. Леру, переселившiйся въ тѣло его. Такъ всѣ эти ученiя противорѣчатъ всему складу мысли людей 19-го вѣка! — Такъ именно и смотрѣли на П. Леру его современники; учениковъ, послѣдователей за исключенiемъ двухъ трехъ оригиналовъ, интересовавшихся столь необыкновенными ученiями, онъ не имѣлъ не только въ средѣ людей науки, но даже и въ средѣ рабочихъ. Кабе, Л. Бланъ, также неимѣвшiе послѣдователей между дѣятелями науки или литературы, увлекли своими теорiями почти все рабочее населенiе большихъ городовъ Францiи. П. Леру едва-ли увлекъ хотя-бы одного человѣка изъ какого-бы то ни было класса народа. Соцiальныя фантазiи его имѣютъ значенiе исключительно, какъ литературный фактъ, а не какъ фактъ общественной

жизни. Можемъ обратить вниманіе на обстоятельство, нелишенное весьма характернаго смысла: даже у насъ они не нашли ни одного почитателя и поклонника. Едва-ли даже г. Чернышевскій причислялъ ихъ къ числу тѣхъ проектовъ, которые всѣ хороши и всѣ легко могли бы быть осуществлены, еслибы этому не противодѣйствовали обскуранты и ретрограды.—Кромѣ насмѣшекъ П. Леру никогда ничего не возбуждалъ; но это были не тѣ насмѣшки, соединенныя съ презрѣніемъ, которыя возбуждалъ Фурье и потомъ его ученики. Это были насмѣшки благодушныя, соотвѣтствующія благодушному характеру П. Леру и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствующія самому свойству его заблужденій, въ которыхъ нѣтъ ничего отталкивающаго, возбуждающаго какое-нибудь непріятное чувство. Впрочемъ и насмѣшки относились главнымъ образомъ къ философскимъ идеямъ П. Леру, а не къ экономическимъ. Кромѣ идеи метампсихозы, у него было еще нѣсколько подобныхъ idées fixes. Во главѣ ихъ стояло ученіе о тріадѣ *). П. Леру думаетъ, что тріада есть главный принципъ всего существующаго; его Богъ есть троица; но троичность его не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ христіанства объ этомъ предметѣ. Человѣкъ тоже троиченъ; онъ есть чувственное ощущеніе (sensation), чувство (sentiment) и познаніе (connaissance). И общество человѣческое троично; оно состоитъ изъ ученыхъ, изъ художниковъ и изъ промышленниковъ. Даже бухгалтерія, которая обыкновенно бываетъ двойная, должна быть, по мнѣнію П. Леру, тройною, чтобы быть вѣрною принципу тріады. Значеніе тріады онъ развивалъ вездѣ, гдѣ представлялся случай, кстати и некстати, или лучше сказать всегда некстати. И хотя, кромѣ веселости слушателей, его рѣчи объ этомъ предметѣ никогда ничего не возбуждали, тѣмъ не менѣе будучи народнымъ представителемъ въ Національномъ собраніи, онъ завелъ рѣчь о тріадѣ и тамъ; и ра-

*) Ученіе о тріадѣ ровно какъ о метампсихозѣ составляютъ несомнѣнное заимствованное у Пиѳагора, который въ свою очередь заимствовалъ то и другое у египетскихъ жрецовъ. Вотъ какую философію сталъ проповѣдывать П. Леру въ XIX вѣкѣ.

зумѣется доставилъ своимъ коллегамъ даровое развлеченіе на свой счетъ. Кромѣ ученія о тріадѣ, онъ развивалъ въ собраніи и свои идеи касательно будущаго устройства человѣческихъ обществъ на основаніи принципа солидарности; и также не возбудилъ ничего, кромѣ веселости собранія *). Л. Бланъ и Прудонъ возбуждали въ собраніи злобу и истинную ярость; Юпитеръ сердился, не потому, чтобы теоріи Л. Блана или Прудона были сильны, а потому, что чувствовалъ за собою грѣхъ невниманія къ страданіямъ народнымъ. Теоріи П. Леру даже и къ народнымъ страданіямъ не имѣли никакого отношенія. Заподозрить его въ демагогическихъ цѣляхъ не было никакой возможности. Его едва-ли можно было причислить къ демократической партіи. — Къ принципу народнаго самодержавія онъ относился болѣе, чѣмъ недовѣрчиво, видѣлъ въ немъ корень, изъ котораго произрастаетъ деспотизмъ толпы, легко переходящій въ деспотизмъ диктатуры. И къ тому равенству,

*) Одно изъ ученій П. Леру, возбуждавшихъ всего болѣе насмѣшекъ надъ нимъ, относится къ такъ называемому «circulus», подъ которымъ онъ разумѣетъ обращеніе питательныхъ веществъ, переходъ ихъ изъ почвы въ видѣ хлѣбныхъ зеренъ въ организмъ человѣка и потомъ возвращеніе ихъ опять въ почву въ видѣ экскрементовъ. Съ помощію этого ученія о circulus'ѣ П. Леру старается опровергнуть ученіе Мальтуса о народонаселеніи, доказывая, что увеличеніе народонаселенія, независимо отъ увеличенія интенсивности труда, увеличиваетъ сумму питательныхъ веществъ еще вслѣдствіе закона circulus'а, вслѣдствіе того, что всякій человѣкъ съ помощію своихъ пищеварительныхъ отправленій вполнѣ возвращаетъ почвѣ то, что получаетъ отъ нея въ видѣ питательныхъ веществъ. Мы не можемъ судить о томъ, на сколько правъ въ этомъ увѣреніи П. Леру; но онъ ссылается на такіе авторитеты, какъ Буссенго и Либихъ (см. Malthus et les économistes, стр. 218 и 219). И если въ его увѣреніи есть даже большая доля преувеличенія, то часть истины въ немъ все-таки есть. Во всѣхъ государствахъ Европы въ послѣднія десятилѣтія сознано, что экскременты человѣческіе составляютъ такое дорогое удобрительное средство, пренебреженіе къ которому непростительно. Англичане нашли, что привозя гуано изъ-за океана, они дѣлали большую ошибку, оставляя безъ пользы удобреніе, находившееся подъ рукою, которое не только не приносило пользы, а дѣлало вредъ, отравляя воздухъ и рѣки. Нѣмцы въ окрестностяхъ большихъ городовъ въ настоящее время удобряютъ большія пространства земли съ помощію удобрительныхъ веществъ, доставляемыхъ городами.

которое такъ восхваляютъ демагоги, онъ относится совсѣмъ безъ сочувствія. Онъ даже написалъ особое сочиненіе «De l'Egalité, въ которомъ дѣйствительное равенство указываетъ только въ правильномъ экономическомъ устройствѣ, въ томъ что онъ называетъ solidarité mutuelle.

До самаго 1848 года онъ оставался только философомъ изслѣдователемъ, который съ академическимъ спокойствіемъ обозначилъ соціальные результаты, имѣющіе произойти изъ его философскихъ изслѣдованій. И онъ не только не принималъ какихъ-нибудь практическихъ мѣръ къ осуществленію своей мысли, но даже не высказалъ ее въ такой формѣ, чтобы она могла быть осуществлена. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-же съ книгой De l'Humanité въ рукахъ приниматься за соціальную реформу, когда проповѣдуемая ею реформа есть ничто иное, какъ послѣдствіе переселенія душъ изъ однихъ людей въ другихъ, сознаваемое этими самыми людьми,—а изо всѣхъ обитателей земного шара сознавалъ его пока только одинъ П. Леру?

Въ 1848 г. онъ рѣшился быть нѣсколько практичнѣй и издалъ проектъ демократической національной конституціи. Въ то-же время нашлись даже какіе-то два апостола доктрины касательно тріады, которые изложили взгляды П. Леру на самый механизмъ будущаго соціальнаго устройства, можетъ быть выработанный всѣми ими сообща. По крайней мѣрѣ А. Сюдръ, единственный изслѣдователь соціализма, обращающій вниманіе на этотъ конкретный планъ, воплощающій въ обѣ ученія П. Леру, говоритъ, что онъ призналъ двоихъ апостоловъ доктрины о тріадѣ, какъ своихъ учениковъ —Ни одного изъ этихъ сочиненій мы не могли видѣть; и потому ограничимся только свѣдѣніями о конкретномъ планѣ въ томъ видѣ, какъ излагаетъ его Сюдръ, читавшій какъ то, такъ и другое сочиненіе.

Въ основѣ всего, разумѣется, тріада. Три человѣка, три производителя, изъ которыхъ у одного преобладаетъ внѣшнее ощущеніе, у другаго чувство, у третьяго познаніе, составляютъ первую, низшую тріаду, первоначальную соціальную ячейку. Совокупность тріадъ составляетъ мастерскую; и такъ какъ вся

дѣятельность человѣка раздѣляется на три отдѣла: промышленный, артистическій и ученый, то всѣхъ мастерскихъ въ странѣ только три. Имъ въ совокупности, а не отдѣльнымъ тріадамъ выдаются орудія, необходимыя для дѣятельности, которыя составляютъ собственность всего общества, всего народа.

Во главѣ всей вообще народной дѣятельности, стоитъ тріада управляющая (triade directrice), составъ которой опредѣляется посредствомъ выбора.—Вся дѣятельность народа, все производство, принимая это слово въ обширномъ смыслѣ, совершается по требованію администраціи.—Всякій членъ общества обязанъ работать и имѣетъ за то право участвовать во всѣхъ выгодахъ, получаемыхъ обществомъ. Формула вознагражденія гражданъ есть тройная и единая (triple et une): всякому сообразно съ его способностями, сообразно съ его трудомъ и сообразно съ его потребностями.—Потребности удовлетворяются посредствомъ произведеній естественныхъ, промышленныхъ, артистическихъ или научныхъ».

Есть у П. Леру, кромѣ того, проектъ организаціи государства очень подробный, съ національнымъ собраніемъ, раздѣляющимся на три отдѣла: законодательный, судебный и исполнительный. Авторъ опредѣляетъ даже гербъ будущаго государства; онъ состоитъ въ соединеніи трехъ геометрическихъ тѣлъ вращенія: цилиндра, конуса и шара, помѣщенныхъ одинъ надъ другимъ, и т. д. Повидимому, ученый авторъ заимствовалъ этотъ гербъ изъ іероглифовъ или изъ письменъ іератическихъ.

Мы представляемъ эти подробности только для полноты, для тѣхъ читателей, которые желали-бы ознакомиться по возможности со всѣми оттѣнками соціализма. Но, какъ мы уже сказали, никакого значенія и всѣ то въ совокупности положительныя соціальныя ученія П. Леру не имѣли; а подробности до сихъ поръ игнорируются почти всѣми изслѣдователями соціализма.

И такъ что, же представляетъ П. Леру, какъ соціалистъ?— Его соціальная теорія можетъ быть только предметомъ любопытства, предметомъ изученія для историка человѣческихъ за-

блужденій или для философа, интересующагося вопросами психологіи. Съ этой точки зрѣнія она не лишена интереса, какъ и сама личность П. Леру, которая въ его соціальномъ проектѣ, равно какъ и въ его философіи, кажется чѣмъ-то крайне оригинальнымъ, выдающимся своею странностью. Но П. Леру человѣкъ искренній, онъ не оригинальничаетъ, чтобы обратить на себя вниманіе; онъ оригиналенъ по природѣ своей, и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне непрактиченъ. Передъ выводами изъ своихъ философскихъ комбинацій онъ не останавливается, какъ бы они ни были непрактичны и странны. Кромѣ того необходимости самой полной ясности въ мысли онъ не сознавалъ, подобно нѣкоторымъ другимъ философамъ, его современникамъ. И рядъ неясностей въ мысли приводилъ его къ абсурдамъ; и мыслитель оказывался человѣкомъ, у котораго умъ за разумъ зашелъ, не смотря на его образованіе, весьма обширное и серьезное. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это человѣкъ благодушный, симпатичный и нравственный. Его благодушіе и незлобіе имѣютъ въ себѣ что-то античное, или лучше напоминающее первые вѣка христіанства. Онъ между прочимъ слѣдуетъ правилу, провозглашенному Христомъ о непротивленіи злу. Но, изучая первобытную цивилизацію, П. Леру вычиталъ его и въ Зендъ-Авестѣ, какъ нравственный принципъ Зороастра, потомъ въ исторіи философіи онъ нашелъ его у Эпиктета и наконецъ въ нѣкоторыхъ религіозныхъ сектахъ, напр. у кваккеровъ. Однако и съ этимъ принципомъ онъ не носился по житейскому базару, не отыскивалъ для него потребителей и покупателей, а для себя почитателей и поклонниковъ, но втихомолку слѣдовалъ ему, повинуясь внутреннему голосу своей совѣсти.—И очевидно сфера дѣйствій этого принципа была какъ нибудь ограничена, потому что гдѣ онъ находилъ, что долгъ человѣка и гражданина требовалъ противодѣйствія злу, такъ онъ не колебался. Такъ въ 1830 г. онъ не побоялся подписать свое имя подъ протестомъ противъ ордонансовъ, въ въ то время, какъ люди болѣе дипломатичные, какъ Теръ или Дюшатель, благоразумнымъ образомъ находились въ это время

въ отсутствіи. Подобнымъ образомъ, когда онъ нашелъ, что его долгъ требовалъ дать отпоръ пропагандѣ фурьеризма, то онъ не отказался написать обстоятельную критику его съ рѣзкимъ порицаніемъ безнравственныхъ ученій.—Равнымъ образомъ, когда онъ увидѣлъ, что Національное собраніе въ іюнѣ 1848 года отнеслось совершенно безчувственно къ судьбѣ голодныхъ рабочихъ, основываясь на ложной научной теоріи, онъ съ большею энергіею протестовалъ противъ этого образа дѣйствій, подобно древнимъ еврейскимъ пророкамъ, угрожая Израилю гнѣвомъ Божьимъ, послѣдствіями самаго прискорбнаго характера.

Ф. Бюше въ своей соціальной теоріи почти сошелся съ тѣмъ идеаломъ, который имѣлъ Лямене до своего отпаденія отъ католицизма. Подобно Лямене онъ думалъ, что обновленіе европейскаго общества можетъ быть исполнено только на основаніи принциповъ христіанства. Христіанство, слѣдуя ему, никогда на землѣ осуществлено не было; оно было только предметомъ вѣры, но въ жизни человѣческаго общества не было воплощено. Такія воззрѣнія въ средѣ мыслителей нашего вѣка составляютъ явленіе нечастое, которое тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что ни воспитаніе, ни семейныя традиціи, ни профессія Бюше, ни его первоначальная дѣятельность не имѣли ничего общаго съ подобнымъ складомъ мыслей. Бюше родился въ 1796 г. на нынѣшней бельгійской территоріи, которая въ то время составляла часть французской республики.

Но еще предки его переселились со своей родины, которая въ XVIII вѣкѣ находилась подъ властью Австріи, въ Парижъ, гдѣ родился отецъ Бюше; а самъ Бюше только потому родился въ нынѣшней Бельгіи, что отецъ его, по присоединеніи этой страны къ Франціи, получилъ тамъ должность въ мѣстной администраціи; но спустя немного получилъ другое мѣсто въ Парижѣ, когда сыну было не болѣе двухъ лѣтъ. Такъ что Бюше и тѣломъ и духомъ настоящій французъ, и

когда въ 1815 г. та часть арденнскаго департамента, гдѣ онъ родился, отошла къ Голландіи, то онъ и думать не могъ о томъ, чтобы оставить Францію и поселиться тамъ.

Школьное ученіе Бюше не шло регулярнымъ путемъ; уже имѣя только 15 лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ на службу въ контору городскихъ таможенныхъ сборовъ, но въ то же время усердно занимался естественными науками, посѣщая лекціи Кювье, Жоффруа Сентъ-Илера и Лямарка. И его міровоззрѣніе въ то время вполнѣ соотвѣтствовало поговоркѣ: tres physici, duo athei; генералъ Лямаркъ не могъ жаловаться, чтобы Бюше худо усвоилъ его ученіе о происхожденіи человѣка. — Въ то-же время и согласно съ теоретическимъ настроеніемъ его мысли, онъ увлекся въ политическую агитацію, такъ какъ его принципы политическіе и философскіе были въ явномъ противорѣчіи съ принципами реставраціи. Въ это время онъ сблизился съ извѣстнымъ впослѣдствіи основателемъ школы сенъ-симонистовъ Базаромъ и нѣкоторыми столь-же юными политиками, какъ и онъ; и всѣ вмѣстѣ они основали «общество дьявольски философское» (Societé diablement philosophique). — Вскорѣ нѣкоторые изъ пріятелей привезли имъ изъ Италіи уставы карбонаризма, которые немедленно были передѣланы сообразно французскимъ нравамъ и обстоятельствамъ; и возникъ французскій карбонаризмъ, главнымъ образомъ трудами Бюше и Базара. Это было въ 1821 г.; и дѣло пошло въ ходъ очень быстро; уже въ томъ же году число французскихъ карбонаріевъ достигло до 80,000.—И, повидимому, они не сидѣли сложа руки; по крайней мѣрѣ Бюше отправился на востокъ, въ Эльзасъ и Латарингію. Здѣсь въ то время возникло нѣсколько заговоровъ, но они были во время открыты; и Бюше былъ арестованъ, какъ человѣкъ причастный къ заговору и преданъ суду, но присяжными оправданъ.—Послѣ этого онъ оставилъ на время политику, занялся медициною, и въ 1825 г. получилъ степень доктора *).

---

*) Къ этому времени относится его медицинское сочиненіе: Précis élémentaire d'hygiène. Впрочемъ, въ составленіи этого сочиненія онъ

Но душа его все-таки лежала больше къ политикѣ и философіи, и кромѣ того къ исторіи; и онъ усиленно занимался вообще науками политическими и философскими. Когда ученики Сенъ-Симона по смерти учителя задумали издавать Le Producteur, Бюше принялъ участіе въ журналѣ, вслѣдствіе своихъ прежнихъ связей съ Базаромъ, и вообще примкнулъ къ ихъ кружку.—Но въ это самое время въ немъ самомъ совершился умственный переворотъ. Занятіе науками и философіей привело его къ мысли о несостоятельности матеріализма, которому онъ до сихъ поръ слѣдовалъ. Кромѣ того, даже будучи матеріалистомъ, онъ никогда не былъ сенсуалистомъ и относился съ уваженіемъ къ идеѣ долга, воздержанія, вообще нравственности. А сенъ-симонисты въ это время начинали проповѣдывать оправданіе плоти; такъ что ихъ дороги все больше и больше расходились, и Бюше въ 1830 г. прервалъ съ ними всякое общеніе.

Но его философская и религіозная система установилась не вдругъ. Отъ матеріализма онъ сразу перешелъ только къ сознаніею его несостоятельности и къ весьма смутному деизму. Потомъ его понятія о Богѣ и о началѣ бытія все болѣе и болѣе сближались съ понятіями христіанства. А нравственная его система никогда не отличалась отъ ученія христіанскаго. И онъ открыто примкнулъ къ христіанству, именно къ католицизму. — Но его католицизмъ былъ только католицизмомъ политическимъ; догматовъ католицизма и христіанства онъ никогда не признавалъ. Для него католицизмъ былъ наиболѣе совершенною религіею, въ которой Бюше дорожилъ всего болѣе нравственнымъ ученіемъ; а папскую власть въ томъ видѣ, какъ она существовала, онъ не уважалъ, какъ не уважалъ всего вообще католическаго клира; и потому въ религіозномъ общеніи съ римскою церковью не былъ и даже себя

имѣлъ сотрудникомъ Треля, также доктора медицины. (Paris 1825.)—Въ 1827 г. онъ сталъ издавать Journal des progrès des sciences et institutions médicales, который наполнялся главнымъ образомъ переводами лучшихъ иностранныхъ сочиненій по медицинѣ.

причислялъ не къ католикамъ, а къ нео-католикамъ. И такъ какъ онъ нашелъ нѣсколько человѣкъ, которые присоединились къ его ученіямъ, то возникла небольшая философско-богословская школа нео-католиковъ, которыхъ направленіе называлось *buchésisme* *) —Къ этому времени относится изданіе наиболѣе важныхъ ученыхъ трудовъ Бюше. Въ 1833 г. онъ издалъ Introduction à la science de l'histoire; въ томъ-же году началось многотомное изданіе: Histoire parlementaire de la révolution française depuis 1789 jusqu'en 1815 (40 томовъ, 1833—1838). Это собственно собраніе постановленій всѣхъ бывшихъ въ это время собраній представителей народа, ихъ рѣчей, дебаттовъ и пр. Но каждому тому предпослано введеніе, т. е. историческая оцѣнка событій и лицъ даннаго времени, причемъ во введеніи къ первому тому Бюше изложилъ подробно свой взглядъ на общій ходъ исторіи Франціи. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ правозвѣстниковъ идеи національности, и французское національное единство по справедливости считалъ добрымъ наслѣдіемъ своей исторіи. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ, по крайней мѣрѣ отчасти, объ историческихъ событіяхъ, чего не хотятъ принять во вниманіе его политическіе противники, которые обвиняютъ его за то, что онъ, оправдывая жестокости якобинцевъ, въ то-же время оправдываетъ и такое злодѣяніе, какъ варѳоломеевская ночь, и представляютъ его чѣмъ-то въ родѣ езуита въ якобинской шапкѣ. Все это нуждается въ разъясненіи. Относясь съ уваженіемъ къ идеѣ національности, Бюше вмѣстѣ съ тѣмъ республиканецъ; его идеалъ составляетъ «единая и нераздѣльная» республиканская Франція. И потому его слово одобренія раздается въ пользу всѣхъ, кто содѣйствовалъ укрѣпленію единства или свободы Франціи. Якобинцы противодѣйствовали федеральной идеѣ жирондинцевъ; имъ за это и честь. Ихъ Бюше

---

*) Къ школѣ принадлежали: Boulland, Ott, Roux-Lavergne, Cerise, Sain de Bois-le-Comte, Belfield-Lefévre, Requédat, Piel, Besson, Feuguerαy и др.

находилъ болѣе всѣхъ преданными дѣлу свободы; и за это честь. Но что касается до актовъ съ характеромъ терроризма, Бюше, подобно Л. Блану, сожалѣетъ, что они имѣли мѣсто и считаетъ ихъ результатомъ какого-то рокового фатализма, результатомъ предъидущихъ обстоятельствъ и ожесточенія политическихъ страстей, но далеко не оправдываетъ ихъ. Подобнымъ образомъ онъ смотритъ и на варѳоломеевскую ночь; онъ находитъ, что она была результатомъ не одного религіознаго фанатизма, но и политической борьбы между королевскою властью и потомками феодальныхъ владѣльцевъ, не хотѣвшими подчиниться новому теченію въ исторіи Франціи, усиленію монархической власти, готовыми въ случаѣ надобности передать отдѣльныя части Франціи ея врагамъ. Не задолго передъ тѣмъ Гавръ былъ измѣннически переданъ англичанамъ и народный говоръ приписывалъ это дѣло, между прочимъ, адмиралу Колиньи, который и былъ первою жертвою варѳоломеевской ночи. Бюше, какъ историкъ-прагматистъ, какъ человѣкъ, владѣющій и большою историческою эрудиціею и глубокимъ философскимъ образованіемъ, не могъ съ размаху произносить одностороннія сужденія объ историческихъ явленіяхъ. Онъ находитъ добрыя стороны и тамъ, гдѣ партійный взглядъ на вещи видѣлъ только одно худое; между прочимъ, онъ находитъ добрую сторону и въ феодальной системѣ. Слѣдуя ему, эта система «была зломъ, но такимъ, которымъ общество было спасено отъ зла большаго; она привязала людей къ землѣ, націю къ почвѣ». — Слѣдующимъ капитальнымъ трудомъ его былъ Essai d'un traité complet de philosophie au point de vue du catolicisme et du progrés (3 т. 1838—1840). Въ 1831 и 32 г. онъ издавалъ еженедѣльный журналъ l'Européen, посвященный главнымъ образомъ разработкѣ вопросовъ соціальныхъ. Здѣсь онъ оспаривалъ систему неограниченной свободы въ промышленной сферѣ, такъ называемую систему — laissez faire, laissez passer; и высказывалъ мысль о необходимости правительства сильнаго и способнаго руководить обществомъ; здѣсь-же развивалъ мысль объ ассоціаціи, которая, вопреки ученіямъ С. Симонистовъ, должна быть

основана частными людьми, ихъ починомъ и средствами *). Тогда-же были сдѣланы и первые опыты ассоціаціи, согласно мысли Бюше: основана была ассоціація столяровъ, впослѣдствіи прекратившаяся, нѣсколько позже—ассоціація золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которая еще въ пятидесятыхъ годахъ процвѣтала. Отъ 1840 до 1850 г. издавалась газета Atelier, о которой мы уже говорили, которая редижировалась рабочими и дѣлала пропаганду идеи ассоціаціи въ смыслѣ Бюше (см. выше стр. 363).

Въ 1848 г., послѣ революціи, Бюше былъ назначенъ помощникомъ мера гор. Парижа (меромъ былъ Гарнье Пажесъ); должность эта доставила ему много хлопотъ, особенно вслѣдствіе усилившагося промышленнаго кризиса, и вслѣдствіе волненій въ средѣ рабочихъ Парижа, подъ внушеніемъ старыхъ демагоговъ въ родѣ Бланки и Барбеса, стремившихся къ ниспроверженію временного правительства. Есть основаніе думать, что манифестація 17 марта имѣла эту цѣль, которой не достигла отчасти благодаря мѣрамъ, которыя Бюше заблаговременно принялъ. Въ Конституціонномъ собраніи Бюше былъ депутатомъ отъ гор. Парижа и уже 5-го мая былъ избранъ президентомъ его. 15 мая ему не удалось воспрепятствовать вторженію народа въ собраніе, потому что, какъ говоритъ самъ Бюше, тогдашній префектъ полиціи, Коссидьеръ, и командующій войсками генералъ Куртэ не исполнили его предписаній относительно своевременной присылки полицейскихъ и войска, чтобы преградить манифестантамъ дорогу къ собранію.

Когда Людовикъ Наполеонъ былъ избранъ въ члены собранія, то Бюше отнесся къ нему неблагопріятно и даже сдѣлалъ предложеніе считать его избраніе недѣйствительнымъ. Когда зашла рѣчь о конституціи, то, по его настоянію, въ нее введенъ былъ параграфъ о томъ, что президентъ республики, вступая въ должность, долженъ принять присягу въ вѣрности конституціи. Онъ также сильно настаивалъ, чтобы президентъ

*) L'Européen, прекратившись въ 1832 г., былъ возобновленъ въ 1835 г. и издавался до 1838 г., но не имѣлъ успѣха.

былъ избираемъ собраніемъ, а не непосредственно народомъ. Можетъ быть это было причиною того, что Бюше послѣ государственнаго переворота 2-го декабря былъ арестованъ; впрочемъ, онъ скоро былъ выпущенъ по ходатайству маршала Бараге д'Илье, его стараго пріятеля. Послѣдніе годы своей жизни Бюше посвящалъ какъ философскимъ, такъ и медицинскимъ трудамъ; даже во время холеры 1854 года онъ принялся опять за медицинскую практику и предохранилъ отъ холеры мѣстность около Жуэньи (въ деп. Іонны), гдѣ онъ въ то время жилъ. Послѣднимъ его трудомъ былъ Traité de politique et de science sociale, который вполнѣ докончить помѣшала ему смерть, постигшая его въ 1865 году.

Сочиненіе издано въ слѣд. году душеприкащиками Бюше, Серизомъ и Оттомъ (Paris, 1866, 2 тома). Въ немъ именно изложена теорія Бюше относительно ассоціаціи, хотя только въ общемъ видѣ, въ принципахъ и цѣляхъ, которыхъ она должна достигнуть, а не въ подробностяхъ, которыхъ Бюше избѣгалъ, такъ какъ, по его мнѣнію, въ такихъ случаяхъ, «легко впасть въ утопію», on tombe facilement dans l'utopie. Нужно замѣтить, что у Бюше теорія ассоціаціи не стоитъ отдѣльно, независимо и самостоятельно, какъ у Кабе или Л. Блана. У него это одно кольцо въ длинной цѣпи не только одного народа, даже не только человѣчества, но всего вообще мірозданія. Бюше прежде всего и главнымъ образомъ философъ, и господствующая идея въ его философіи—это идея прогресса въ мірозданіи и въ человѣческомъ обществѣ. Послѣдняя стадія прогресса есть та, которая была проходима человѣчествомъ подъ знаменемъ христіанства. Она еще не вся пройдена, такъ какъ «дѣло христіанства далеко не окончено», экономическая жизнь народовъ устроена еще на основаніяхъ «античныхъ», т. е. языческихъ. Чего-же именно недостаетъ ей?— Не достаетъ христіанскихъ братскихъ чувствъ между людьми, недостаетъ христіанской нравственности. «Ищите прежде царствія Божія, повторяетъ онъ не разъ,—прочая-же вся приложатся вамъ». Словами евангелія не разъ злоупотребляли всякаго рода со-

ціальные реформаторы, стараясь основать на нихъ не только коммунизмъ въ производствѣ и въ жизни, но даже самыя предосудительныя отношенія между полами. Бюше съ этого рода реформаторами не имѣетъ ничего общаго. Его нравственная система своею высотою и чистотою не можетъ возбуждать ничего, кромѣ уваженія. Его ученіе о долгѣ, о нравственности, о семействѣ напоминаетъ не только Сократа или Марка Аврелія, но Великихъ Учителей, отцовъ церкви 4-го вѣка. Съ коммунизмомъ онъ не имѣетъ ничего общаго; кромѣ обмѣна не допускаетъ никакого другаго способа распредѣленія произведеній. И излагая проектъ ассоціаціи онъ впереди ставитъ обязанности ея членовъ, а потомъ уже ихъ права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это не есть одна изъ многочисленныхъ кооперативныхъ ассоціацій, изолированная отъ всего міра, преслѣдующая свои частныя цѣли, имѣющая въ виду исключительныя выгоды ея членовъ. Ассоціація Бюше есть то зерно горушно, которое должно дать броженіе тѣсту, изъ котораго будетъ приготовленъ хлѣбъ для всѣхъ голодныхъ, обдѣленныхъ, лишенныхъ наслѣдства. Самое существенное въ идеѣ его ассоціаціи то, что она обязана составить, сохранить и пріумножить соціальный капиталъ. И капиталъ этотъ долженъ быть неотчуждаемъ, недѣлимъ и долженъ всегда оставаться собственностью ассоціаціи. Это условіе напоминаетъ порядки, существующіе въ религіозныхъ коммунистическихъ общинахъ Соединенныхъ Штатовъ, у гармонійцевъ, въ Аманскомъ обществѣ и пр. Другая обязанность членовъ ассоціаціи состоитъ въ томъ, чтобы «соединить ихъ усилія для того, чтобы капиталъ сдѣлать по возможности производительныхъ чрезъ посредство ихъ труда *). Тутъ и рѣчи нѣтъ ни о привлекательномъ трудѣ, ни объ интересѣ чести и славы; тутъ идетъ рѣчь только о долгѣ въ соединеніи съ своею личною пользою. Вознагражденіе каждый трудящійся будетъ получать пропорціонально своему труду, старанью и умѣнью. Кромѣ заработной платы, всякій будетъ получать долю въ при-

*) Traité de politique et de science sociale. Paris, 1866, т. I, стр. 308.

быляхъ, также пропорціональную труду. Но одна часть прибыли будетъ оставаться въ ассоціаціи, будетъ прибавляема къ ея капиталу, чтобы такимъ образомъ могъ образоваться фондъ, съ помощію котораго система болѣе и болѣе распространялась-бы посредствомъ основанія новыхъ ассоціацій. Впрочемъ, первоначальное назначеніе этой части прибыли состоитъ въ томъ, чтобы служить средствомъ для погашенія основного капитала, который долженъ составиться изъ взносовъ участниковъ ассоціаціи или посредствомъ займа. Во всякомъ случаѣ, занятыя суммы должны быть погашены,—возвращены или членамъ ассоціаціи, или постороннимъ кредиторамъ.

Бюше не обольщаетъ себя надеждою, что успѣхи его ассоціацій будутъ быстры; онъ не думаетъ, чтобы его идея скоро была принята и положена въ основу промышленной дѣятельности рабочихъ классовъ. Много времени пройдетъ прежде, чѣмъ люди сознаютъ пользу ея и приступятъ къ ея осуществленію. Даже и послѣ того, какъ уже начнется серьезное движеніе къ устройству ассоціацій, пройдетъ еще не одно столѣтіе, прежде чѣмъ будутъ достигнуты желательные результаты. И эти результаты, все-таки, будутъ довольно скромны, не привлекутъ все человѣчество къ какому-нибудь грандіозному и однообразному образу жизни или даже только производства, добыванія средствъ жизни. Бюше считаетъ достаточнымъ уже и тотъ результатъ, если идея ассоціаціи распространится и во всякомъ производствѣ образуется «нѣкоторое число ассоціацій (un certain nombre d'associations), чтобы послѣ нѣсколькихъ поколѣній всякій трудящійся могъ найти во всякое время орудіе для труда, съ помощью котораго онъ могъ-бы пользоваться вполнѣ произведеніями своего труда» *). Но не всѣ члены общества будутъ непремѣнно членами ассоціацій; эта участь выпадетъ только на долю людей занятыхъ въ тѣсномъ смыслѣ промышленными трудами. Другіе будутъ такъ-же, какъ и теперь, въ положеніи людей получающихъ жалованье; къ нимъ

---

*) Ib. Notice sur Buchez, par A. Ott. стр. CXLI.

Бюше прежде всего относитъ людей, занимающихъ «должности политическія и административныя»; причемъ, вполнѣ признавая важное значеніе этого рода занятій, онъ не находитъ нужнымъ вознаграждать ихъ трудъ съ особенною щедростью, такъ что по его мнѣнію, эти должности въ матеріальномъ отношеніи будутъ менѣе вознаграждены, чѣмъ труды промышленные, причемъ онъ беретъ въ основаніе слова Спасителя: «Кто хочетъ быть изъ васъ первымъ, да будетъ всѣмъ слуга».

Бюше допускалъ ассоціаціи какъ промышленныя, такъ и земледѣльческія. Промышленныя, мы видѣли, образуются съ помощію капиталовъ, полученныхъ путемъ кредита отъ посторонниxъ лицъ или отъ членовъ самихъ ассоціацій. Земледѣльческія образуются только отчасти съ помощію кредита, отчасти съ помощью государства или лучше закона. По мнѣнію Бюше, французскіе землевладѣльцы-крестьяне сами убѣдятся въ благотворности ассоціаціи и будутъ соединяться въ ассоціаціи; и это движеніе будетъ все рости. Кромѣ того, правительство должно придти на помощь ассоціаціи посредствомъ переустройства и возстановленія общинныхъ земель, которыя Франція, начиная съ первой Имперіи, неблагоразумнымъ образомъ разстроила и отчасти продала въ частныя руки, исходя изъ того положенія, что земля въ частныхъ рукахъ приноситъ больше дохода. Бюше несогласенъ съ этимъ положеніемъ и опровергаетъ его примѣромъ Бельгіи, гдѣ въ странѣ, населенной валлонами, общины до сихъ поръ владѣютъ большимъ количествомъ земли, обработываемой жителями поочередно, но съ такимъ успѣхомъ, что валлонская страна кормитъ почти всю Бельгію, est le grenier de la Belgique. Франція, какъ и всякое государство, можетъ увеличить количество своихъ общинныхъ земель посредствомъ выморочныхъ имѣній, которыя должны быть обращены на основаніе земледѣльческихъ ассоціацій, равнымъ образомъ посредствомъ ограничительнаго законодательства касательно боковыхъ наслѣдствъ, посредствомъ пошлинъ съ купчихъ крѣпостей и т. п. Все это должно совершиться безъ малѣйшаго нарушенія чьихъ-бы то ни было

имущественныхъ правъ. Бюше надѣется, что съ помощію указанныхъ имъ мѣръ, большая часть поземельныхъ имуществъ страны съ теченіемъ времени болѣе или менѣе продолжительнаго перейдетъ во владѣніе государства и ассоціаціи.

Бюше различаетъ имущество поземельное и всякое другое относительно характера правъ, которыя можетъ имѣть на нихъ человѣкъ. Имуществу движимому, тому, которое самимъ бытіемъ одолжено труду человѣка, онъ усвоиваетъ характеръ полной собственности съ правомъ употребленія и даже злоупотребленія, jus utendi et abutendi. Другой взглядъ имѣетъ онъ на имущество поземельное; онъ находитъ даже, что оно не можетъ быть предметомъ собственности, а только владѣнія (possession). Земля не есть дѣло рукъ человѣческихъ. Она необходима для каждаго человѣка, какъ воздухъ и свѣтъ; слѣдовательно, каждый имѣетъ на нее право; и потому никто не можетъ имѣть на нее особенныхъ правъ. Она «есть общее достояніе, которое въ принципѣ можетъ принадлежать только всему обществу», подобно тому, какъ это было установлено законами Моисея и Ликурга. Но коль скоро поземельныя владѣнія получили характеръ собственности, были предметомъ покупки и продажи, то они «заслуживаютъ такого-же почтенія». какъ и всѣ другіе роды собственности, и ихъ нельзя отобрать у ихъ владѣльцевъ иначе, какъ посредствомъ выкупа (en les rachetant) *).

Впрочемъ онъ не думаетъ, чтобы была надобность въ выкупѣ, по крайней мѣрѣ во Франціи. Здѣсь большая часть почвы уже находится во владѣніи земледѣльцевъ. Соединясь въ ассоціаціи, они тѣмъ самымъ большую часть территоріи Франціи обратятъ къ системѣ Бюше. Остальное будетъ сдѣлано вымороченными имѣніями, и наслѣдствами въ боковыхъ линіяхъ, пошлинами съ купчихъ крѣпостей и т. п. При этомъ не надобно забывать, что все это будетъ относиться только къ поземельнымъ имуществамъ, которыя по природѣ своей могутъ

*) Ib. 334.

быть только владѣніемъ, а не собственностью. Что касается до всякаго рода другихъ имуществъ, они совершенно по-прежнему будутъ находиться въ пользованіи ихъ собственниковъ. Бюше отвергаетъ мысль о необходимости законовъ касательно уничтоженія права наслѣдованія, такъ чтобы всякое вообще имущество страны перешло въ собственность государства. Слѣдуя ему, только частное владѣніе поземельнымъ имуществомъ представляетъ для страны, да и то не всегда, значительныя неудобства, тѣмъ что, будучи исключительнымъ, оно обезпечиваетъ праздное богатство однимъ, въ то время какъ на долю другихъ выпадаетъ неизбѣжная, хотя и соединенная съ тяжелымъ трудомъ бѣдность. Не смотря на то, Бюше, все-таки, не думаетъ наложить руку на право наслѣдованія даже поземельныхъ имуществъ. А имущества движимыя, слѣдуя ему, не должны подлежать даже закону о боковыхъ наслѣдствахъ, тѣмъ болѣе, что подобный законъ относительно движимаго имущества легко можетъ быть обойденъ; такъ что владѣніе капиталами непоземельными должно остаться навсегда, будетъ существовать и въ то время, когда вся страна будетъ покрыта ассоціаціями земледѣльческими и промышленными; только въ то время владѣльцы не будутъ имѣть возможности покупать поземельныхъ имуществъ и отдавать капиталы въ наймы, вслѣдствіе того, что ассоціаціи не будутъ имѣть въ нихъ надобности. Единственное употребленіе, которое капиталисты могутъ дѣлать изъ своего имущества будетъ состоять въ потребленіи, а также въ утилизированіи ихъ, въ приложеніи къ промышленности собственными своими средствами.

Такова совокупность ученій Бюше касательно средствъ, которыми человѣчество можетъ освободиться отъ угнетающихъ его экономическихъ золъ, и даже, правильно говоря, не однихъ экономическихъ, потому что Бюше не иначе представляетъ себѣ экономическія улучшенія, какъ подъ тѣмъ условіемъ. чтобы имъ не только сопутствовали, но предшествовали улучшенія въ области мысли и нравственности. — И читателю мо-

гутъ при этомъ представиться два недоумѣнія: 1) что же есть у Бюше такого, вслѣдствіе чего его нужно относить къ соціалистамъ, ставить его рядомъ не только съ П. Леру, но и и съ Л. Бланомъ или Кабе?—2) проектъ Бюше имѣетъ въ виду столь далекое будущее, что теряетъ всякій интересъ для человѣка, который не можетъ хладнокровно относиться къ бѣдствіямъ настоящаго, къ страданіямъ голоднаго пролетарія, которыя имѣютъ мѣсто не въ будущемъ, а въ настоящемъ, требуютъ немедленнаго употребленія какихъ-нибудь средствъ къ прекращенію ихъ.

Относительно перваго недоумѣнія читателя скажемъ, что оно въ высшей степени законно; и Бюше не долженъ бы имѣть мѣста рядомъ съ Л. Бланомъ и Кабе, если-бы въ его сочиненіяхъ не было нѣсколько теоретическихъ положеній, имѣющихъ общій характеръ съ подобными ученіями Л. Блана и Кабе.

Что касается до того, что Бюше обращаетъ свои взоры въ будущее слишкомъ отдаленное, это совершенно справедливо по отношенію къ представленной нами его теоріи. Но кромѣ нея у него есть еще проектъ временныхъ мѣръ къ улучшенію судьбы пролетарія, которыя должны быть приняты немедленно. Къ нимъ относятся: 1) учрежденіе комитета прюдомовъ, въ каждомъ кантонѣ и для каждой профессіи, который опредѣлялъ-бы минимумъ заработной платы, соотвѣтствующей необходимымъ средствамъ содержанія рабочаго; 2) въ случаѣ недостатка работы—учрежденіе подъ руководствомъ государства, общественныхъ работъ такихъ, въ которыхъ рабочіе нашли-бы кусокъ хлѣба и которыя не были-бы безплодны, непроизводительны, напр. разчистка дикихъ полей для колонизаціи и т. п.; 3) организація общественной благотворительности (assistance publique) столь въ широкихъ размѣрахъ, чтобы помощь являлась вездѣ, гдѣ оказывались-бы нуждающіеся.—Мы не будемъ много говорить ни pro, ни contra всѣхъ этихъ временныхъ мѣръ; имѣя нѣкоторыя достоинства, онѣ безъ сомнѣнія не свободны отъ недостатковъ, такъ напр. первая мѣра мо-

жетъ поставить въ затрудненіе производителей, поставить ихъ въ невыгодное положеніе относительно внѣшней конкурренціи и т. п.

Обратимъ вниманіе на тѣ ученія Бюше, которыя ставятъ его въ рядъ соціалистовъ, подобныхъ Л. Блану и Кабе. Эти ученія его относятся къ праву наслѣдованія дѣтьми имущества родителей.

«Богъ установилъ, говоритъ Бюше, чтобы отецъ трудился для дѣтей, и всякое поколѣніе трудилось для слѣдующаго.

«Человѣкъ при жизни можетъ потреблять, давать, мѣнять то, чѣмъ онъ владѣетъ. Это его право.—Но его воля продолжается-ли за гробомъ?—Въ этомъ можно сомнѣваться даже вѣруя въ будущую жизнь; если воля и не умираетъ, то умираетъ его могущество и право. Слѣдовательно, общество на самомъ дѣлѣ становится на мѣстѣ его личности. Оно имѣетъ право на то, что онъ оставляетъ, на владѣнія и на собственность» *). «Вотъ на какомъ основаніи нѣкоторые пришли къ заключенію, что общество имѣетъ право располагать наслѣдствами, иногда абсолютно иногда въ соучастіи съ родственниками».

Самъ Бюше, какъ мы видѣли, не раздѣляетъ этого воззрѣнія. Онъ высказывается въ пользу уничтоженія наслѣдованія только въ боковыхъ линіяхъ и притомъ по отношенію только къ поземельной собственности. Что касается до права наслѣдованія въ прямой линіи, Бюше удерживаетъ его неприкосновеннымъ, какъ по отношенію ко владѣнію, такъ и по отношенію къ собственности.

«Когда общество гарантируетъ дѣтямъ родительское наслѣдство, продолжаетъ онъ, оно исполняетъ волю родителей, оно принимаетъ участіе въ ихъ предусмотрительности, оно обезпечиваетъ трудолюбивую дѣятельность, которая вслѣдствіе этого происходитъ и которою въ концѣ концовъ оно же и

*) Traité de politique et science sociale. Paris, 1866 T. 1, стр. 341. Подъ именемъ владѣній онъ разумѣетъ имущество поземельное, а подъ именемъ собственности—всякое другое имущество.

воспользуется вмѣстѣ со всѣми своими членами. Это разсчетъ благосклонности и въ то-же время пользы».

Если-бы Бюше касательно наслѣдства написалъ только эти послѣднія строки, то конечно они не встрѣтили-бы съ нашей стороны возраженія. Именно въ нихъ онъ съумѣлъ высказать самыя разумныя изъ основаній, на которыхъ зиждется право наслѣдованія и даже право собственности вообще. Но выше онъ допустилъ, какъ общій принципъ, то положеніе, что въ случаѣ смерти каждаго гражданина «общество на самомъ дѣлѣ становится на мѣсто его личности», что «оно имѣетъ право на то, что онъ оставляетъ, на владѣніе и на собственность», такъ что, когда общество гарантируетъ дѣтямъ наслѣдство ихъ родителей, то оно въ сущности отказывается въ пользу ихъ отъ своего права,—забывая о немъ, оно слѣдуетъ только принципу доброжелательства. Но найдутся люди, и общества, которыя принципу доброжелательства дадутъ болѣе широкое примѣненіе, откажутся отъ своего права на имущество покойника не въ пользу его дѣтей, а въ пользу дѣтей всѣхъ членовъ общества, преимущественно бѣдныхъ. — Нѣкоторыя неудобства такого образа дѣйствій, по ихъ мнѣнію, съ лихвою вознаградятся другими удобствами и выгодами болѣе важными. И практическое построеніе Бюше, его мнѣніе, что общество должно все-таки гарантировать дѣтямъ отцовское наслѣдство, оказывается зданіемъ, построеннымъ на пескѣ, въ то время какъ основаніе, приготовленное для зданія имъ же самимъ, находится рядомъ. Можетъ быть именно этимъ близко лежащимъ основаніемъ и воспользовался Л. Бланъ, когда допустивши сначала также, какъ и Бюше, только уничтоженіе права наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, впослѣдствіи дошелъ до уничтоженія его вообще, до отрицанія на только права дѣтей на имущество умершаго отца, но и благотворности института наслѣдованія вообще. Л. Бланъ былъ въ этомъ случаѣ безъ сомнѣнія послѣдовательнѣе Бюше.

Допустивши ложный научный принципъ, Бюше своимъ здравымъ умомъ и высшимъ принципомъ нравственнымъ былъ

не допущенъ до того, чтобы вывести изъ него прямое слѣдствіе, а на мѣсто его поставилъ практическую мѣру, прямо противоположную принципу, который въ его системѣ остается какою-то неимѣющею значенія обмолвкою; въ то время, какъ противоположный выводъ лежитъ въ основѣ всѣхъ построеній системы. И другой участи этотъ принципъ не заслуживаетъ, вслѣдствіе его необдуманности, скороспѣлости и противорѣчія всей системѣ воззрѣній автора.

Какъ это общество становится и можетъ становиться на мѣсто личности покойника?—Покойникъ въ экономическомъ отношеніи былъ производителемъ и потребителемъ. И какъ производителемъ, такъ и потребителемъ онъ былъ не одинъ; въ производствѣ съ нимъ участвовали сыновья, а въ потребленіи цѣлая семья, или выражаясь иначе, онъ кормилъ, содержалъ цѣлую семью, жену и дѣтей и можетъ быть еще старика отца или старуху мать, старую тетку, убогаго брата и т. п. Какимъ образомъ общество станетъ на его мѣсто во всѣхъ этихъ отношеніяхъ? — Онъ былъ мастеровой, столяръ или портной. Станетъ ли общество вмѣсто него продолжать его ремесло или ремесло портного?—И потомъ станетъ ли общество послѣ него кормить его жену и дѣтей, его старуху мать и его брата?—Если оно возьметъ на себя эту обязанность, то это выйдетъ коммунизмъ, котораго Бюше очень не одобряетъ. Пусть даже это и не коммунизмъ, пусть это будетъ только богоугоднымъ дѣломъ, дѣломъ призрѣнія вдовъ, сиротъ и убогихъ. Но рады ли будутъ всѣ эти лица этому измѣненію своего положенія?—До сихъ поръ мать семейства была хозяйкою въ домѣ, ея вниманіемъ и трудомъ были удовлетворены всѣ потребности дѣтей. А съ этихъ поръ она сама зависитъ отъ смотрительницы пріюта, и дѣти ея на казенномъ пайкѣ относительно пищи, одежды и всего остальнаго. И если общество завладѣетъ мастерскою умершаго столяра, то что будетъ съ его сыновьями, изъ которыхъ старшій былъ уже первымъ помощникомъ отца, когда нужно замѣстителемъ его, а другіе подъ руководствомъ отца и брата или привыкали, или

уже и совсѣмъ привыкли къ работѣ. Они должны будутъ искать себѣ другихъ мастерскихъ, куда ихъ приняли бы подмастерьями или учениками. Найдутъ ли?—Найдутъ ли себѣ занятій, вполнѣ соотвѣтственныхъ ихъ умѣнью, найдутъ ли такія мастерскія, гдѣ имъ самимъ такъ по душѣ было-бы работать, какъ въ мастерской ихъ отца?

Но можетъ быть еще и такой случай. Отецъ задолго до смерти передалъ завѣдываніе дѣломъ сыну. Это случается весьма нерѣдко; это явленіе, проистекающее изъ природы вещей, потому явленіе заурядное. Оно происходитъ и въ области производства, и въ области торговли, и въ области банковаго дѣла и т. д. Для такихъ случаевъ выработана даже и особая форма для названія фирмы и даже для вывѣски: Семеновъ съ сыномъ или съ сыновьями, или Миллеръ и сынъ, Домби и сынъ и т. п. И по закону природы отецъ долженъ умереть раньше сына. Погонитъ ли общество въ такомъ случаѣ сына изъ мастерской, изъ лавки или изъ банкирской конторы, гдѣ онъ уже въ теченіи 10 и даже 20 лѣтъ заправлялъ дѣломъ?—Дѣломъ, скажутъ, онъ заправлялъ, но капиталы принадлежали отцу. Да вѣдь не во всякомъ промышленномъ учрежденіи капиталы составляютъ очень важное орудіе производства; у столяра, у сапожника они не достигаютъ большихъ размѣровъ: нѣсколько пилъ, долотъ, стамесокъ, рубанковъ, и т. п., да верстакъ у столяра, и нѣсколько молотковъ, шильевъ, ножей, колодокъ у сапожника. Очевидно во всемъ дѣлѣ не они играютъ главную роль, а само дѣло, хорошо организованное, ведомое въ порядкѣ, съ осмотрительностью, съ умомъ, съ честностью. Кромѣ того, и торговое предпріятіе, и банкирская контора не всякая ведется на собственныя средства, а очень многія изъ нихъ ведутся почти исключительно на средства, полученныя съ помощію кредита; и подчасъ debet предпріятія гораздо серьезнѣе, чѣмъ его credit, а оно все-таки стоитъ, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ окрѣпнетъ и совершенно твердо станетъ на ноги къ пользѣ всего общества. Будетъ-ли общество во всѣхъ этихъ случаяхъ разрушать порядокъ, имѣю-

щій полезные результаты, изъ-за того, чтобы воспользоваться молотками и шильями сапожника, пилами и стамесками столяра?—Станетъ-ли оно разстраивать торговое и банкирское дѣло, чтобы воспользоваться ничтожнымъ собственнымъ капиталомъ предпріятія, дѣлающаго миліонные обороты?

Но положимъ, умираетъ дѣйствительно капиталистъ-миліонеръ и общество желаетъ на самомъ дѣлѣ стать на мѣсто его личности, воспользоваться своимъ правомъ на его владѣнія и собственность. Оно, во-первыхъ, присвоиваетъ себѣ его владѣнія, т. е.—его землю; но немедленно сынъ или жена, или, наконецъ, постороннее подставное лицо предъявляетъ документъ, изъ котораго видно, что не только земля, но и все движимое и недвижимое имущество заложено ему въ суммѣ превосходящей на 10% его дѣйствительную стоимость. Что касается до монеты, кредитныхъ билетовъ и цѣнныхъ бумагъ, ихъ въ наличности не оказывается совсѣмъ; они переданы отцемъ сыну задолго до смерти. Имѣлъ-ли право отецъ сдѣлать эту передачу?—Если онъ былъ собственникомъ, то онъ, конечно, имѣлъ; и самъ Бюше допускаетъ, что всякій имѣетъ право не только употреблять свою собственность, но даже злоупотреблять ею,—прямо говоритъ, что всякій имѣетъ право дарить ее при жизни и передавать по духовному завѣщанію послѣ смерти. Потому всякій и передастъ свою собственность сыну или вообще дѣтямъ. При чемъ-же тогда останется общество?—А это непремѣнно всегда будетъ: любовь есть чувство, присущее природѣ человѣка и болѣе чистой, возвышенной и сильной любви, чѣмъ любовь родителей къ дѣтямъ, не бываетъ. И это есть чувство всеобщее: и образованные, и невѣжды, и умные, и глупые, и цивилизованные, и дикіе—всѣ родители любятъ своихъ дѣтей. И потому прижизненная или посмертная передача имущества дѣтямъ будетъ также явленіемъ всеобщимъ, не имѣющимъ исключенія, развѣ только по причинамъ случайнымъ и непредвидѣннымъ. Вслѣдствіе этого во всѣхъ законодательствахъ допускается право наслѣдованія дѣтей послѣ родителей, независимо отъ завѣщанія. Принимается

за несомнѣнное, что всякій отецъ желаетъ передать свое имущество никому другому, какъ дѣтямъ. Замѣчательно, что самъ Бюше раньше, чѣмъ высказалъ свой фальшивый принципъ, представилъ противъ него неопровержимое возраженіе: «Богъ, говоритъ онъ, установилъ, чтобы отецъ трудился для дѣтей». Если Богъ установилъ это, и если человѣкъ исполнилъ Его волю, трудился и собралъ для дѣтей нѣкоторую сумму произведеній своего труда и умирая передалъ имъ ее, то откуда-же является право общества на эти произведенія, съ устраненіемъ отъ него дѣтей? — Въ этомъ случаѣ общество стало-бы дѣйствовать и противъ воли Божіей, и противъ воли умершаго своего члена. Странно, съ одной стороны, какъ религіозный Бюше могъ допустить этотъ промахъ; съ другой стороны, при такой практикѣ общества, родители не захотятъ употреблять особыхъ усилій къ умноженію своего состоянія, такъ какъ трудиться для общества, которое дѣлаетъ несправедливость и имъ, и ихъ дѣтямъ, они не имѣли бы никакихъ побужденій. Бюше это признаетъ, и поэтому говоритъ, что общество обезпечиваетъ дѣтямъ отцовское наслѣдство въ видахъ собственной пользы, такъ какъ увеличеніе частныхъ богатствъ есть въ тоже время и увеличеніе богатствъ всего общества. Но для общества тутъ только польза, а для дѣтей, возникаетъ право. Эта собственность, которую отецъ пріобрѣлъ для нихъ, и существованіемъ своимъ обязана имъ; трудился отецъ, но онъ трудился только благодаря имъ, благодаря ихъ существованію. Вотъ на чемъ основано ихъ право.

Мы, впрочемъ, не отрицаемъ и права общества не только на часть наслѣдства, но и на часть всякаго имущества, существующаго въ странѣ. Его и отрицать нельзя, какъ вещи, находящейся передъ глазами. Общество или государство изо всякаго имущества во всякое время, что захочетъ, то и беретъ; беретъ часть ренты съ земли, часть дохода съ дома, часть прибыли отъ торговли, отъ мануфактуры, часть наслѣдства отъ наслѣдника, часть заработка мастероваго, часть табаку, который потребляетъ куритель, часть водки, которую потребляетъ

любитель выпить и т. д. И иногда это часть очень большая; въ Европѣ есть государства, гдѣ поземельный налогъ достигаетъ 50% ренты; въ цѣнѣ водки главный составной элементъ есть акцизъ, а не стоимость водки. Государство имѣетъ самое безспорное право пользоваться во всѣхъ этихъ случаяхъ своею долею имущества. Но это право особенное; это плата государству за его содѣйствіе, сотрудничество, за доставленную безопасность, за поддержанное право, за общее благоустройство, вслѣдствіе котораго промышленное начинаніе можетъ окончиться благопріятнымъ результатомъ. Это право несамостоятельное, не самобытное; оно проистекаетъ отъ предварительнаго признанія правъ частнаго владѣльца. Впрочемъ, государство можетъ и не признать какого-нибудь права, изъ тѣхъ, которыя въ прежнія времена возникли благодаря насилію, неправдѣ, смутному пониманію идеи права въ немъ самомъ или въ приложеніи его. Но право наслѣдованія не относится къ числу подобныхъ правъ; его основаніе не въ неправдѣ, не въ насиліи, а въ самыхъ законныхъ, естественныхъ и возвышенныхъ чувствахъ человѣка, въ его трудѣ и даже въ пользѣ общества. Вслѣдствіе чего Бюше, не смотря на свою обмолвку, дѣйствительно необдуманную и неосновательную, удерживаетъ право наслѣдованія и вообще право собственности даже послѣ предполагаемаго имъ осуществленія системы земледѣльческихъ ассоціацій, которыя также не будутъ служить отрицаніемъ права собственности, не смотря на то, что будутъ пользоваться капиталами, находящимися въ коллективномъ владѣніи ассоціаціи, потому что всякій членъ ассоціаціи будетъ имѣть возможность съ помощію разумнаго и усерднаго труда, вмѣстѣ съ тѣмъ съ помощію воздержанія и сбереженій составлять себѣ особое, частное имущество, частные капиталы.

Мы входимъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого дѣла потому, что ученія Бюше, вмѣстѣ съ ученіями Л. Блана, въ нашей литературѣ въ послѣдніе годы представлены въ неправильномъ видѣ. Развивая теорію соціализма, очень близкаго къ коммунизму, г. Исаевъ исходнымъ пунктомъ и основаніемъ ея

выставляетъ ученія Бюше и Л. Блана, которые будто бы сказали послѣднее слово соціализма, сущность котораго они видѣли въ отмѣнѣ права частной собственности. Это невѣрно; отмѣны частной собственности Бюше совсѣмъ не допускаетъ никогда и ни въ какомъ случаѣ; онъ находитъ полезнымъ и сообразнымъ съ природою вещей, чтобы земля составляла собственность ассоціацій или государства, но къ владѣнію землею относится съ такимъ же уваженіемъ, какъ и ко всякой другой собственности и допускаетъ, что государство не можетъ ее отбирать, а можетъ только выкупать.—Л. Бланъ также допуская въ принципѣ, что право наслѣдованія можетъ быть уничтожено, находитъ это возможнымъ только тогда когда соціальная реформа будетъ введена во всей полнотѣ; въ противномъ случаѣ уничтоженіе права наслѣдованія было бы большимъ несчастіемъ (serait un grand malheur). Нашъ публицистъ этими соображеніями не стѣсняетъ себя; напротивъ, онъ уравниваетъ путь для введенія соціализма, отъискиваетъ для этого новыя основанія и не сомнѣвается, что дѣло пойдетъ какъ по маслу. Соціализмъ, слѣдуя ему, «изъемлетъ орудія производства, т. е. капиталы изъ собственности частныхъ лицъ, и дѣлаетъ ихъ общимъ достояніемъ. Эта передача опирается на прочныя основанія. Отправной точкой служитъ лицо со всѣми его силами и способностями. Каждый имѣетъ право на то, что даетъ ему его работа. А такъ какъ принадлежность капиталовъ отдѣльнымъ лицамъ, обогащая владѣльцевъ произведеніями чужаго труда, препятствуетъ осуществленію этого права, то орудія труда и поступаютъ въ собственность всего общества. Этой передачей общество заставляетъ своихъ членомъ навсегда отказаться отъ присвоенія плодовъ чужого труда и подчиняетъ въ области производства и распредѣленія частныя выгоды интересамъ цѣлаго» *).

Итакъ капиталы потому должны быть отобраны отъ владѣльцевъ, что они препятствуютъ людямъ, неимѣющимъ капи-

*) «Юридич. Вѣстникъ» 1880 г. іюнь стр. 255.

таловъ пользоваться, всѣмъ тѣмъ, что даетъ имъ ихъ работа. Это есть въ болѣе общемъ видѣ извѣстная жалоба, что вслѣдствіе бронзоваго закона заработной платы она доходитъ до самой ничтожной суммы, едва достаточной для прокормленія рабочаго, въ то время, какъ капиталистъ беретъ себѣ львиную часть и пріумножаетъ свои капиталы.—Но вѣдь капиталы препятствуютъ некапиталистамъ пользоваться вполнѣ произведеніями ихъ труда не тѣмъ, что капиталы принадлежатъ капиталистамъ, а тѣмъ, что съ помощію этихъ капиталовъ капиталисты устраиваютъ свои промышленныя заведенія, въ которыхъ некапиталисты участвуютъ, какъ рабочіе, причемъ часть произведеній ихъ труда попадаетъ въ руки капиталиста.—Не будетъ-ли справедливѣе просто запретить капиталистамъ устраивать промышленныя заведенія, не отбирая у нихъ ихъ капиталовъ?—Капиталы нажиты ими лично или получены въ наслѣдство отъ отцовъ, но, во всякомъ случаѣ, они теперь имъ принадлежатъ и законъ признаетъ ихъ ихъ собственностью.—Почему же законъ этотъ вдругъ потеряетъ силу?—Если онъ потеряетъ силу въ этомъ только пунктѣ то за этимъ вскорѣ послѣдуетъ исчезновеніе его авторитета и силы вообще, и настанетъ время анархіи; а хуже анархіи ничего быть не можетъ; οὐκ ἔστι κακὸν μεῖζον τῆς ἀναρχίας.—Съ другой стороны капиталисты вѣдь то-же люди, не лишены способности пониманія, не считаютъ себя лишенными всѣхъ правъ состоянія и, владѣя капиталами, могутъ превратить ихъ какъ въ орудія труда, такъ и въ орудія защиты. И ихъ очень много; напр. во Франціи большинство населенія считается принадлежащимъ къ владѣющимъ классамъ, потому что во Франціи весьма распространена мелкая поземельная собственность и владѣльцы ея чрезвычайно дорожатъ ею. Потому всѣ они станутъ на защиту собственности, какъ одинъ человѣкъ, такъ что при первыхъ попыткахъ къ отобранію орудій производства произойдетъ такая рѣзня, предъ которою исторія парижской коммуны покажется только театральною драмою.

Капиталисты, крупные и мелкіе, промышленные и земле-

дѣльческіе, очень легко сообразятъ, что если капиталы зло, нѣчто вредное для общества, такъ ихъ слѣдуетъ уничтожить, а не отобрать, чтобы потомъ все-таки приложить къ производству, въ пользу людей, которые не трудились для образованія ихъ. Въ такомъ образѣ дѣйствій они усмотрятъ лицемѣріе, которое еще болѣе убѣдитъ ихъ въ томъ, что общество дѣлаетъ самое вопіющее нарушеніе ихъ правъ.

Владѣя капиталами и прилагая ихъ къ производству, они нисколько не разсчитывали обогащаться «произведеніями чужаго труда» и не обогащались; они, напротивъ, давали трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хлѣбъ тѣмъ, которые ни того, ни другого не имѣли: такъ они смотрѣли и смотрятъ на свое дѣло.

Въ странѣ проводятъ желѣзную дорогу; начаты земляныя работы; въ одномъ мѣстѣ дѣлаются глубокія выемки, въ другомъ—высокія насыпи. Явились откуда-то рабочіе, копаютъ землю и получаютъ заработокъ; мѣстные жители рады бы потрудиться и достать лишнюю копѣйку для прикрытія прорѣхъ въ своемъ хозяйствѣ, но не имѣютъ необходимыхъ инструментовъ. Нашолся по близости сообразительный капиталистъ, который купилъ два десятка хорошихъ желѣзныхъ лопатъ и предложилъ ихъ мѣстнымъ жителямъ съ платою по рублю или по 50 коп. въ мѣсяцъ. Жители разобрали ихъ, пошли работать и получаютъ по рублю или даже по полтора рубля въ день, зарабатывая такимъ образомъ по 25 и 35 рублей въ мѣсяцъ Гдѣ же здѣсь обогащеніе на чужой счетъ? Гдѣ-же здѣсь порабощеніе тысячъ со стороны одного, какъ представляетъ дѣло г. Исаевъ? Но владѣлецъ лопатъ можетъ потребовать за свои лопаты не 50 коп. въ мѣсяцъ, а 50 коп. въ день. Въ такомъ случаѣ рабочему останется очень мало; а капиталистъ будетъ наживать большія деньги несоразмѣрно съ своими затратами. Въ такомъ случаѣ пусть рабочіе не берутъ у него лопатъ, а возьмутъ ихъ у другого капиталиста. Капиталистъ не одинъ на свѣтѣ, между ними тоже конкурренція. Это утверждаютъ не обскуранты и ретрограды, а Л. Бланъ, одинъ изъ «геніальныхъ», одинъ изъ «великихъ мыслителей». И капита-

листъ безъ рабочихъ также жить не можетъ, какъ и они безъ него. Но рабочіе нуждаются въ насущномъ кускѣ хлѣба; они должны согласиться на всякія условія; иначе они подвергнутся крайнимъ лишеніямъ. Очень жаль, что они находятся въ такомъ положеніи, и надобно стараться какъ можно скорѣе извлечь ихъ изъ него. Вотъ въ такихъ случаяхъ и пригодились-бы практическія временныя мѣры, проектированыя Бюше, прежде всего общественная благотворительность въ широкихъ размѣрахъ, организація общественныхъ работъ подъ руководствомъ государства; а затѣмъ слѣдуетъ подумать и о болѣе прочномъ улучшеніи быта рабочихъ. Но при этомъ и мысли не можетъ быть о какихъ-нибудь средствахъ незаконныхъ, нечестныхъ, ненравственныхъ, о присвоеніи себѣ чужого, объ отнятіи у дѣтей того, что предусмотрительные родители посредствомъ своего труда оставили имъ въ обезпеченіе ихъ будущности. Подобныя попытки не только не приведутъ къ прочному улучшенію быта рабочихъ, но будутъ служить для него препятствіемъ, затормазятъ его. На сыпучемъ пескѣ нельзя построить прочное вѣковое зданіе; на неправдѣ, на насиліи нельзя сдѣлать прочное соціальное построеніе. Въ 1869 году вопросъ объ уничтоженіи права наслѣдованія былъ обсуждаемъ на конгресѣ делегатовъ международнаго общества въ Базелѣ; но когда дошло до принятія рѣшенія по этому предмету, то за отмѣну права наслѣдованія высказалось только меньшинство (32 голоса изъ 70), такъ что отмѣна права наслѣдованія не вошла въ катихизисъ, содержащій въ себѣ ученія международнаго общества. Не можемъ еще разъ не сдѣлать сравненія между умственно научнымъ уровнемъ нашей «интеллигенціи» и западно-европейскаго общества. Въ западной Европѣ делегаты общества рабочихъ, отличающагося крайними соціальными и политическими воззрѣніями, не признали справедливымъ отмѣнить право наслѣдованія дѣтьми отцовскаго имущества. А у насъ находитъ для этого прочныя опоры юридическое общество. Какъ-же еще не сказать, что Россія есть страна безпримѣрныхъ явленій? Найдите-ка гдѣ-нибудь еще подобное юридическое общество!

Въ числѣ прочныхъ основъ, на которыхъ опирается изъятіе капиталовъ изъ частнаго владѣнія г. Исаевъ помѣщаетъ одну очень интересную; именно, онъ находитъ, что наши «случайныя имущественныя различія», наше право наслѣдованія отцовскаго имущества, вытекая «изъ одного факта рожденія», въ свою очередь не имѣетъ подъ собою никакой основы и потому можетъ быть уничтожено безъ лишнихъ разговоровъ. Но почему-же «одинъ фактъ рожденія» составляетъ нѣчто столь ничтожное или несущественное, что не можетъ служить основою права наслѣдованія. Этотъ фактъ служитъ основаніемъ самаго бытія человѣка и всего рода человѣческаго; онъ служитъ основаніемъ нашей національности, нашей цивилизаціи. Только благодаря ему мы то, что мы теперь, русскіе, европейцы, христіане, люди XIX вѣка. Платонъ благодарилъ боговъ за то, что онъ родился грекомъ и притомъ въ то время, когда жилъ Сократъ, у котораго онъ могъ учиться. Будто мы двѣ тысячи лѣтъ спустя послѣ Платона, родившись въ извѣстной странѣ, въ извѣстной средѣ, семьѣ, не найдемъ, за что благодарить боговъ подобно ему? Всѣ наши отношенія гражданскія, семейныя, родственныя имѣютъ основаніе только въ этомъ «одномъ фактѣ рожденія»; только благодаря ему мы относимся къ нѣкоторымъ людямъ, какъ къ согражданамъ, къ сосѣдямъ, къ товарищамъ, къ друзьямъ, къ отцамъ, матерямъ, братьямъ, сестрамъ. Будто всѣ эти различія только плодъ нашего воображенія и не имѣютъ подъ собою никакой реальной основы? И будто всѣ чувства, которыя вытекаютъ изъ этихъ отношеній, только ложь и самообманъ? Будто историческое преданіе безъ всякаго основанія, только вслѣдствіе предразсудка заклеймило особою печатью такія имена, какъ Каинъ, Хамъ, Медея, Туллія, Каракалла, а съ другой стороны окружило особенно симпатичнымъ ореоломъ такія личности, какъ Эней, Антигона, Клеовисъ, Витонъ? Вполнѣ согласно съ этимъ взглядомъ «на одинъ фактъ рожденія» г. Исаевъ приписываетъ соціализму индифферентный взглядъ на организацію семьи въ средѣ общества. Слѣдуя ему, соціализмъ «не

навязываетъ людямъ какой-либо определенной формы семейныхъ отношенiй». Здѣсь г. Исаевъ соцiализму опять приписываютъ то, что ему совсѣмъ не принадлежитъ; соцiализмъ въ тѣхъ представителяхъ его, которыхъ г. Исаевъ ставитъ въ первомъ ряду, именно въ Л. Бланѣ и Бюше, самымъ положительнымъ образомъ высказался въ пользу христiанскаго семейства со строгимъ нравственнымъ характеромъ, съ отстраненiемъ многоженства явнаго или тайнаго, а тѣмъ болѣе съ отстраненiемъ смѣшаннаго брака, въ родѣ брака перфекцiонистовъ и безъ малѣйшей наклонности къ свободѣ любви. Объ этомъ г. Исаевъ можетъ прочитать въ приложенiи В., гдѣ мы приводимъ подлинныя слова Бюше о семействѣ, объ отношенiяхъ между супругами, объ отношенiяхъ родителей къ дѣтямъ и т. п.—Что касается до Л. Блана, мы приведемъ здѣсь еще нѣсколько его мнѣнiй касательно семейства, его роли и значенiя въ экономiи общества. Уступая своимъ возражателямъ право наслѣдованiя, такъ какъ это право даетъ мѣсто прискорбнымъ нравственнымъ явленiямъ въ родѣ того, что сынъ съ нетерпѣнiемъ ждетъ смерти отца, Л. Бланъ тѣмъ крѣпче защищаетъ семейство, соединенное только узами родственныхъ чувствъ и высокой задачей воспитанiя юныхъ поколѣнiй. «Семейство, говоритъ онъ, идетъ отъ Бога; оно свято и безсмертно, какъ самъ Богъ.—Въ существованiи семейства, если на него смотрѣть только съ точки зрѣнiя воспитанiя существъ безпомощныхъ, все удивительно и трогательно. Въ этомъ отношенiи оно есть необходимое основанiе общества» *).

Другiе соцiалисты имѣютъ на семейство взглядъ столь-же далекiй отъ индифферентизма, вполнѣ вѣрный духу христiанства: мы говорили, что П. Леру имѣлъ истинный трiумфъ въ Нацiональномъ собранiи, когда добился того, что конституцiя лишила гражданскихъ правъ всякаго, признаннаго судомъ виновнымъ въ прелюбодѣянiи. Легко представить, въ чемъ состоялъ

*) Org. du tr. 9-me éd., стр. 229.

этотъ тріумфъ, что́ говорилъ П. Леру о высокомъ характерѣ семейнаго союза, о святости долга супруговъ по отношенію другъ къ другу и потомъ по отношенію къ дѣтямъ, о высокой задачѣ нравственнаго воспитаиія дѣтей словомъ и примѣромъ и т. д. Образецъ разсужденій этого рода представляютъ приведенныя выше мысли другаго соціалиста Лямене (см. стр. 713). Вообще соціализмъ относится къ семейству съ величайшимъ уваженіемъ и весьма далекъ отъ того, чтобы предоставлять каждому свободу устроить свои семейныя отношенія, какъ ему заблагоразсудится; а еще менѣе рекомендуетъ отношенія, основанныя на принципѣ свободы любви. Какъ и всегда эту новую ноту въ гармонію соціализма вводитъ нашъ русскій соціализмъ. Эта нота, какъ мы уже говорили, вообще всего болѣе нравилась нашимъ послѣдователямъ соціальныхъ системъ, изо-всего того, что онѣ содержали въ себѣ. Благодаря ей, у насъ имѣлъ особенный успѣхъ фурьеризмъ, потомъ ученія Р. Оуэна; мы старались отыскать ее даже и тамъ, гдѣ ее нѣтъ, напр., у Кабе. Въ ея тонѣ г. Чернышевскій измѣнилъ систему Л. Блана въ своемъ романѣ, придѣлавши къ его организаціи промышленности организацію семейства въ духѣ Фурье. Наконецъ, г. Исаевъ отыскиваетъ ее даже у Л. Блана и Бюше, у которыхъ похожаго на нее ничего нѣтъ. Р. Моль въ своей Исторіи и Литературѣ государственныхъ наукъ замѣтилъ, какъ общее свойство французскихъ соціальныхъ реформаторовъ прошлаго столѣтія, то, что они вообще впадаютъ въ особенный распутный тонъ, in den liederlichen Bordelgeschmack, какъ онъ выразился, въ устройствѣ отношеній между полами (см. т. I, стр. 267). Приведенные нами взгляды на семейство, высказанные Кабе, Прудономъ, Л. Бланомъ, Лямене, П. Леру, Бюше показываютъ, что въ нашемъ столѣтін французскіе соціалисты освободились отъ этой непріятной особенности. Но увы! освободившись отъ нея, французы, повидимому, передали ее намъ и никому другому, потому что ни у кого, ни у нѣмцевъ, ни у англичанъ, ни у американцевъ этой ноты въ проектахъ соціальныхъ реформъ нѣтъ; она есть только у

насъ. Тутъ опять что-то роковое, крайне прискорбное, горькое для русскаго человѣка. Еще разъ вкусы и наклонности интеллигенціи и ея «геніальныхъ» руководителей осуждаютъ насъ на унизительную роль тащиться въ хвостѣ европейской цивилизаціи и подбирать ея отбросы. Мы обращаемъ особенное вниманіе на этотъ отбросный характеръ нашего соціализма, этого monstre antipathique, какъ называетъ его Leroy Beaulieu, на его особенную ноту, которая играетъ роль доминанты, на этотъ развратный характеръ его, потому что то и другое, какъ намъ кажется, прямо указываетъ причину, отъ которой произошла болѣзнь, и на средства ея леченія.

-

Ограничиваясь главнымъ образомъ изложеніемъ принциповъ и общаго очерка будущей организаціи промышленности посредствомъ ассоціаціи, Бюше отсылаетъ читателя, желающаго ознакомиться съ полною системою ассоціацій и съ подробностями, къ сочиненію Отта: Traité d'économie sociale. Оттъ принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся послѣдователей Бюше, съ которымъ онъ вошелъ въ близкія отношенія еще въ тридцатыхъ годахъ, и былъ его сотрудникомъ по изданію Парламентской исторіи. Въ 1838 году Оттъ на основаніи статей Бюше, разбросанныхъ въ журналѣ L'Européen, изложилъ въ отдѣльной брошурѣ его соціальныя ученія; потомъ написалъ Руководство ко всеобщей исторіи (1842), слѣдуя идеямъ Бюше, развитымъ въ L'Introduction à la science de l'histoire. Это былъ человѣкъ весьма серьезнаго склада мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ многосторонняго образованія; между прочимъ, былъ хорошо знакомъ съ нѣмецкой философіей конца прошлаго и начала нашего столѣтія и издалъ критическое изложеніе ея отъ Канта до Гегеля; но Гегелемъ не увлекся подобно своимъ современникамъ, не смотря на его всемірную славу, а предпочелъ ему скромную философскую и соціальную систему Бюше. Его Трактатъ соціальной экономіи представляетъ результатъ весьма серьезнаго изученія политической экономіи,

философіи и вопроса о соціальной реформѣ. Это полный, систематическій курсъ политической экономіи «съ точки зрѣнія прогресса», какъ прибавляетъ авторъ въ самомъ заглавіи книги. Съ сочиненіями Л. Блана или Кабе его и сравнивать нельзя. Это работа мастера въ сравненіи съ работою учениковъ, обладающихъ бойкимъ словомъ, но малымъ знаніемъ и вообще недоконченнымъ образованіемъ.

Оттъ начинаетъ съ полезности и цѣнности, и всѣ предметы, равно какъ всѣ труды, съ помощію которыхъ удовлетворяются потребности, относитъ или къ необходимымъ, или къ полезнымъ, или къ роскоши. Въ правильно устроенномъ человѣческомъ обществѣ, говоритъ онъ, должны быть производимы предметы необходимые въ количествѣ потребномъ для всѣхъ безъ исключенія членовъ общества; затѣмъ предметы полезные въ предѣлахъ средствъ производства, и наконецъ, предметы роскоши въ предѣлахъ того излишка труда, которымъ оно располагаетъ.

Какимъ-же образомъ достигнуть этого? — Для этого, отвѣчаетъ Оттъ, предварительно нужно достигнуть того, чтобы уничтожить неравенство, существующее въ экономическомъ строѣ, и установить такой порядокъ, чтобы производство всегда по возможности соотвѣтствовало потребленію, спросу. Пока слова Отта представляютъ загадку. Въ самомъ дѣлѣ, что-же онъ имѣетъ въ виду?—Будетъ-ли онъ, подобно Прокрусту, всякаго члена общества класть на экономическую кровать и смотря по надобности растягивать его или обрубать ему ноги? — Ни о чемъ подобномъ онъ не помышляетъ. Онъ остается вполнѣ вѣренъ своему учителю Бюше и ко всякаго рода собственности имѣетъ величайшее уваженіе.

«Всѣ имущества, говоритъ онъ, въ настоящее время имѣютъ хозяевъ; и хотя собственность распредѣлена очень худо, тѣмъ не менѣе не будетъ ни справедливо, ни возможно отобрать ее у владѣльцевъ» *).

---

*) Traité d'économie social. Paris 1851, стр. 308.

«Всякій законъ, который объявилъ-бы собственностью государства имущества, принадлежащія частнымъ лицамъ, въ равной степени нарушилъ-бы требованія нравственности, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ относился-бы къ имуществу, обязанному своимъ существованіемъ труду, такъ, въ томъ, когда онъ относился-бы къ имуществамъ, пріобрѣтеннымъ другими способами, даже къ естественнымъ орудіямъ труда» *).

«Безъ сомнѣнія, государство могло-бы отобрать имущества у нынѣшнихъ собственниковъ, предлагая имъ цѣнность равную въ обмѣнъ на ихъ собственность, но необходимо, чтобы эта цѣнность была дѣйствительно равною и была свободно принята за таковую (acceptée librement comme telle).

Эти выписки достаточно показываютъ, что Оттъ не принадлежитъ къ соціалистамъ революціонерамъ и эгалитаріямъ. Онъ стремится къ равенству относительному, къ такому, въ которомъ самые трезвые экономисты видятъ наилучшую форму распредѣленія собственности. И средства, которыми онъ надѣется достигнуть его, состоятъ, во-первыхъ, въ системѣ налоговъ на имущество, въ особенности при переходѣ его изъ однихъ рукъ въ другія, между прочимъ по наслѣдству, во-вторыхъ, въ системѣ выкупа естественныхъ орудій производства, находящихся въ частномъ владѣніи, посредствомъ уплаты за нихъ полной ихъ стоимости. Наконецъ, могучимъ средствомъ для уменьшенія неравенства состояній въ обществѣ будетъ устройство ассоціаціи, которая у Отта является центромъ цѣлой системы учрежденій, направленныхъ къ одной цѣли.

Система эта состоитъ изъ четырехъ разнородныхъ элементовъ, къ которымъ относятся:

1-е) Институтъ предусмотрительности (l'institution de prévoyance), который долженъ указывать потребности и направлять производство къ удовлетворенію ихъ.

2-е) Ассоціація, которая будетъ производить предметы, удовлетворяющіе потребностямъ.

---

*) Ib., стр. 290 ets.

3-е) Профессіональное образованіе, которое доставитъ мастерскимъ рабочихъ.

И наконецъ, 4-е) Институтъ прюдомовъ, который будетъ имѣть назначеніемъ «сдерживать излишества промышленной свободы».

Институтъ предусмотрительности долженъ состоять въ свою очередь изъ системы банковъ, съ центральнымъ банкомъ во главѣ, которые будутъ имѣть точныя статистическія свѣдѣнія, какъ о суммѣ производства въ разныхъ отрасляхъ промышленности, такъ и о спросѣ на тѣ или другія произведенія. Состоя между собою въ связи, банки будутъ дѣлиться между собою своими свѣдѣніями и сообразно съ ними оказывать кредитъ для операцій, соотвѣтствующихъ спросу и отказывать въ кредитѣ для тѣхъ, которыя не соотвѣтствуютъ ему. Такимъ образомъ производство будетъ болѣе или менѣе регулировано, заграможденіе рынковъ и кризисы предотвращены вполнѣ или въ значительной мѣрѣ.

Професссіональное обученіе будетъ имѣть двѣ степени. Первая степень — общее професссіональное обученіе, которое будетъ обязательно для всѣхъ вообще посвящающихъ себя промышленной дѣятельности, съ тою цѣлью, чтобы человѣкъ въ случаѣ надобности могъ заниматься и тою и другою отраслью промышленности; вторая степень будетъ относиться къ спеціальному мастерству; и это обученіе человѣкъ будетъ проходитъ не въ школѣ, а въ мастерской, на фабрикѣ и т. д.

Совѣты прюдомовъ будутъ имѣть двойной характеръ. Съ одной стороны это будутъ суды, которыхъ вѣдѣнію будутъ подлежать споры и процессы, возникающіе въ области производства, равнымъ образомъ преступленія противъ законовъ благоустройства, всякаго рода обманы и искуственныя средства для повышенія или пониженія цѣны товаровъ, въ соединеніи съ биржевою игрою на товары. Съ другой стороны совѣты прюдомовъ, защищая интересы ассоціаціи, будутъ стараться установить между ними благожелательныя отношенія и поддерживать въ нихъ «нравственную дисциплину».

Въ этомъ отношеніи они будутъ имѣть сходство съ совѣтами присяжныхъ вовѣренныхъ.—Между прочимъ они будутъ установлять размѣры заработной платы.—Совѣты прюдомовъ будутъ входить между собою въ сношенія, въ соглашенія касательно общихъ постановленій, такъ что они вмѣстѣ съ кредитовыми учрежденіями будутъ однимъ изъ средствъ дать производству единство, правильность, приводить его къ согласію съ потребностями.

Наконецъ вѣнцомъ и основаніемъ всего зданія, альфою и омегою всего производства будетъ ассоціація.

Нечего и говорить, что ассоціація Отта въ самыхъ существенныхъ чертахъ отличается не только отъ ассоціаціи Фурье, но и отъ ассоціаціи Л. Блана, и главнымъ образомъ въ духѣ, въ основномъ принципѣ. Ея принципъ, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ всей его политической экономіи, Оттъ выражаетъ въ слѣдъ за Бюше словами Евангелія: ищите прежде царствія Божія; прочая-же вся приложатся вамъ, т. е. первымъ условіемъ успѣшности экономической дѣятельности народа онъ ставитъ его нравственное состояніе, нравственный фондъ всякаго отдѣльнаго лица и соотвѣтственно этому нравственныя, дружелюбныя отношенія между членами общества.—И потому въ числѣ движущихъ причинъ дѣятельности рабочихъ въ ассоціаціи онъ не ставитъ не только войны интригъ мажорныхъ или минорныхъ, или привлекательности труда, но и никакого интереса чести и славы. Законный личный интересъ съ заработною платою, пропорціональною количеству и качеству произведеній и исполненіе долга по отношенію къ товарищамъ—вотъ побужденія для труда въ ассоціаціи Отта.—Вопреки Л. Блану, онъ свою ассоціацію ограничиваетъ только производствомъ, а въ потребленіи и въ жизни вообще онъ находитъ болѣе удобною систему индивидуализма.—Несмотря на то, что система кредитныхъ учрежденій и совѣты прюдомовъ служатъ связью между всѣми ассоціаціями страны, онѣ однако не составляютъ отдѣльныхъ частей соединенной промышленности всей страны, онѣ состав-

ляютъ отдѣльныя и совершенно самостоятельныя учрежденія, между которыми существуетъ даже конкурренція, —которыя стараются производить лучше и дешевле, хотя бы отъ этого страдали интересы другихъ подобныхъ учрежденій. — Мало того, ассоціаціи будутъ не только независимы, онѣ будутъ оригинальны и своеобразны. Онѣ будутъ устроены не по одному шаблону, а на разные способы, такъ, какъ захотятъ рабочіе, участвующіе въ нихъ, такъ чтобы онѣ могли удовлетворять различнымъ идеямъ, различнымъ вкусамъ, различнымъ симпатіямъ. Въ этомъ только Оттъ видитъ горантію свободы рабочихъ и прогресса производства —Противный порядокъ, единство и однообразіе всѣхъ ассоціацій, необходимымъ образомъ привелъ бы къ деспотизму, застою (créerait le despotisme et l'immobilité). Оттъ указываетъ только нѣкоторыя условія. «которыми рабочіе должны сами обязать себя», въ тѣхъ видахъ, чтобы ассоціація не превратилась въ новый патронатъ.

Условія эти слѣдующія:

«Всѣ члены ассоціаціи, какъ тѣ, которые основали ее, такъ и тѣ, которые были допущены впослѣдствіи, должны пользоваться одними и тѣми-же правами.

«Ассоціаціи не должны употреблять наемныхъ рабочихъ, развѣ въ случаяхъ исключительныхъ.

«Онѣ должны допускать всѣхъ рабочихъ, которые будутъ имѣть требуемыя качества нравственности и знанія, всегда, когда расширеніе производства позволитъ это.

«Онѣ не должны требовать отъ поступающаго члена никакихъ взносовъ, кромѣ того, что онъ можетъ предварительно взять изъ своей заработной платы и изъ своихъ прибылей за первые годы своей работы въ ассоціаціи.

«Всѣ должности въ обществахъ должны быть замѣщаемы по избранію, всѣ должностныя лица могутъ быть смѣняемы и находятся подъ контролемъ.

«Контроль производится общимъ собраніемъ членовъ ассоціаціи» *).

---

*) Ib. 195.

Таковы наиболѣе существенныя условія, которымъ должна удовлетворять организація ассоціаціи. Но раньше организаціи ассоціаціи нужно будетъ еще ее составить, нужно найти для этого средства, нужно добыть капиталы. Во взглядахъ на это дѣло Оттъ почти вездѣ слѣдуетъ Бюше. Въ устройствѣ ассоціацій будущіе члены должны всего болѣе полагаться на себя. Если они имѣютъ поземельные участки, они соединятъ ихъ. Государство, въ особенности на первое время, должно помочь имъ и своимъ особымъ покровительствомъ, и землями, которыя отчасти оно (т. е. Франція) и теперь имѣетъ и которыхъ оно будетъ имѣть еще больше вслѣдствіе измѣненія законовъ о наслѣдствѣ; къ этой же цѣли могутъ быть направлены и земли, принадлежащія департаментамъ и въ особенности общинамъ. Общины могутъ основывать ассоціаціи съ помощью собственныхъ земель и посредствомъ обращенія въ общую массу частныхъ владѣній своихъ членовъ, которые впослѣдствіи должны быть полностью вознаграждены. Въ тѣхъ ассоціяхъ, гдѣ по особенностямъ производства будетъ надобность въ очень значительномъ неподвижномъ или оборотномъ капиталѣ, была бы полезна «предварительная ассоціація между капиталомъ и трудомъ», посредствомъ которой рабочіе, постоянно выплачивая владѣльцу его капиталъ, съ теченіемъ времени пріобрѣли бы его въ собственность и ассоціація приняла бы нормальный видъ *). — Государство въ подобныхъ случаяхъ должно оказать особое свое покровительство ассоціаціямъ; и въ случаѣ, если капиталисты или банки, слишкомъ осторожные, будутъ требовать отъ ассоціацій такихъ гарантій, какихъ онѣ не могутъ представить, государство должно взять на себя посредничество и доставить эти гарантіи, если бы даже вслѣдствіе этого иногда и довелось приплатить какую-нибудь сумму.

*) Ib. 323. Эта предводительная ассоціація очень напоминаетъ Фамилистеръ въ Гизѣ, учрежденный Годеномъ, который устроилъ дѣло такъ, что рабочіе современемъ должны быть полными собственниками Фамилистера. (Объ этомъ см. выше стр. 446 и слѣд.) Желательно, чтобы и по смерти Годена дѣло продолжалось въ томъ же направленіи. Годенъ умеръ въ началѣ этого (1888) года.

Рядомъ съ этими условіями, имѣющими въ виду главнымъ образомъ пользу рабочихъ, Оттъ ставитъ еще одно условіе, имѣющее въ виду пользу ассоціаціи, пользу дѣла и вообще въ системѣ имѣющее особое значеніе. Оно состоитъ въ томъ, что капиталъ ассоціаціи не принадлежитъ членамъ ассоціаціи въ отдѣльности, какъ акціонерамъ или какъ-нибудь иначе. Капиталъ есть нераздѣльное и неотчуждаемое имущество ассоціаціи, и выходящій изъ ассоціаціи членъ не имѣетъ права требовать своей части *). Въ этомъ условіи должна заключаться причина устойчивости ассоціаціи, ея животворный принципъ, вслѣдствіе котораго ея двери всегда будутъ открыты для всякаго нуждающагося, такъ что она дѣлается дѣйствительнымъ средствомъ къ улучшенію участи пролетарія, а не однимъ изъ видоизмѣненій патроната.

Закончимъ этотъ общій очеркъ системы порядками, которые будутъ существовать въ ней относительно дѣятельности ученыхъ, адвокатовъ, художниковъ и т. п. Эти профессіи не будутъ подчинены режиму ассоціаціи, потому что по природѣ своей онѣ имѣютъ болѣе сродства въ порядкомъ индивидуальнымъ.

Въ заключеніе, вслѣдъ за учителемъ, Оттъ предлагаетъ цѣлую систему благотворительности индивидуальной, коллективной и государственной. Государственная благотворительность, между прочимъ, должна проявляться подъ фирмою общественныхъ работъ, которыя могутъ быть комбинированы такъ, чтобы достигались одновременно двѣ цѣли: исполненіе полезныхъ для государства работъ и доставленіе занятій и пропитанія рабочимъ.

Но благотворительность, прибавляетъ Оттъ, чтобы быть плодотворной и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, должна идти рядомъ съ соціальной реформою, такъ чтобы зло въ одно и тоже время и облегчалось и истреблялось въ корнѣ. Для этого потребно, чтобы между людьми нашлось

*) Ib. 312.

достаточно доброй воли и преданности общему благу. Найдется-ли? Не окажется-ли, напротивъ, недостатка въ томъ и другомъ?—«Мы не боимся этого, отвѣчаетъ Оттъ.—Уже зерно положено въ землю; уже оно начинаетъ проростать; пусть ростокъ увеличивается, и придетъ день, когда выросшее дерево пріютитъ подъ своею тѣнью все человѣчество».

Мы съ своей стороны можемъ пожелать только исполненія этому желанію. Изо всѣхъ соціальныхъ системъ, разсмотрѣнынъ нами, система Бюше-Отта есть наиболѣе возвышенная въ своихъ принципахъ, наиболѣе трезвая, наиболѣе научная, наименѣе стѣсняющая человѣческую свободу и самодѣятельность, дающая просторъ всякимъ вкусамъ и стремленіямъ, лишь бы въ нихъ не было ничего противнаго нравственности.—Но есть нѣсколько причинъ сомнѣваться въ томъ, чтобы ей суждено было имѣть успѣхъ въ дѣйствительности. Главный вопросъ въ стимулахъ дѣятельности, которые у Отта несравненно состоятельнѣе, чѣмъ у Л. Блана и др. соціалистовъ. Но все-таки люди очень нерѣдко худо понимаютъ и свой собственный интересъ, а тѣмъ болѣе свой долгъ по отношенію къ товарищамъ и обществу *). По крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ состояніи нравственности средняго человѣка, трудно надѣяться на практическіе успѣхи системы. И факты подтверждаютъ это. Ассоціаціи въ духѣ Бюше начали устраиваться еще съ 1830 года; ихъ основано было немного; но нѣкоторыя уже закрылись послѣ непродолжительнаго существованія. Къ 1865 году оставалась только одна; и теперь не слышно, чтобы онѣ имѣли успѣха больше, чѣмъ другія ассоціаціи.—Тѣмъ не менѣе, Бюше и Оттъ, исходя изъ своихъ здоровыхъ принциповъ, успѣли высказать много идей, каторыя въ послѣднія десятилѣтія облекаются въ плоть и въ кровь.

---

*) Укажемъ еще на опредѣленіе минимума заработной платы совѣтами прюдомовъ. Опредѣлить его не трудно, но не всегда возможно выполнить это опредѣленіе. Выполненіе его можетъ имѣть только то слѣдствіе, что рабочій останется за дверью, на вѣтру и безъ куска хлѣба.

Къ нимъ мы можемъ отнести прежде всего устройство всѣхъ вообще рабочихъ ассоціацій. Первая идея этого дѣла принадлежитъ Бюше. И основная идея Бюше касательно вознагражденія за трудъ пропорціонально его количеству и качеству оказалась живучѣе, чѣмъ щегольская идея Л. Блана о равной заработной платѣ, или о платѣ пропорціональной потребностямъ (см. выше, стр. 540 и 543). Потомъ въ систему налоговъ болѣе и болѣе входитъ налогъ на наслѣдство; это тоже идея Бюше и Отта. Имъ-же нужно приписать идею ассоціаціи между капиталистомъ и рабочимъ и т. п. И намъ кажется, что всѣ вообще экономическія реформы, которыхъ нужно желать и на которыя нужно надѣяться въ видахъ улучшенія положенія рабочихъ классовъ, а также прекращенія чрезмѣрно обострившейся вражды между классами въ З. Европѣ не могутъ итти ни въ какомъ другомъ направленіи, кромѣ направленія, указаннаго Бюше и Оттомъ, или по крайней мѣрѣ въ направленіи близкомъ къ нему.

Ог. Контъ извѣстенъ несравненно болѣе своею философскою системою, чѣмъ соціальными ученіями. Но, во-первыхъ, и его философская система играетъ важную роль въ системѣ нашего домашняго соціализма; во-вторыхъ, его соціализмъ тѣмъ болѣе достоинъ нашего вниманія, что онъ поддерживается его авторитетомъ философскимъ, который нигдѣ такъ высоко не ставится, какъ у насъ. Потому для своихъ читателей мы изложимъ кратко ученія Конта не только соціальныя, но и философскія, и кромѣ того сообщимъ нѣкоторыя біографическія данныя, въ той мысли, что они проливая свѣтъ на личность автора, въ то-же время дадутъ возможность лучше понять его ученія, происхожденіе ихъ и достоинство.

Контъ родился въ Монпелье въ 1798 году (19 января) *),

*) Біографическія свѣдѣнія о Контѣ мы заимствуемъ у Литтре (A. Comte et Philosophie positive. Paris, 1864). Годъ рожденія Конта въ другихъ источникахъ показывается иначе. Мы отдаемъ предпочтеніе

учился въ тамошней коллегіи, успѣвалъ въ особенности по математикѣ и въ 1814 году поступилъ въ Политехническую школу.—Въ 1816 г. Политехническая школа была закрыта по причинѣ внутреннихъ безпорядковъ, въ которыхъ Контъ принялъ дѣятельное участіе. Этимъ и кончилось его учебное поприще. Послѣ того, онъ попробовалъ жить уроками математики, но это оказалось дѣломъ крайне неблагодарнымъ, поступилъ—было въ секретари къ Казиміру Перье, но черезъ три недѣли оставилъ и это мѣсто. Вскорѣ, въ 1878 г., онъ сошелся съ С. Симономъ, при которомъ состоялъ въ качествѣ «друга, ученика и сотрудника», какъ говоритъ Литтре; отношенія между ними были самыя благосклонныя, но къ концу они измѣнились: и разстались С. Симонъ и О. Контъ совсѣмъ не друзьями въ 1824 г.

Въ слѣд. году Контъ женился, довольствуясь гражданскимъ бракомъ *), что доставило большую непріятность его матери, женщинѣ религіозной и о чемъ впослѣдствіи онъ самъ сожалѣлъ, какъ объ актѣ, въ которомъ выказалось «его неподчиненіе чувства авторитету религіозному». Съ женитьбою начались серьезныя финансовыя затрудненія Конта, хотя жена принесла ему нѣкоторый капиталъ, который былъ растраченъ

показанію Литтре по причинѣ его близкихъ отношеній къ Конту. Впрочемъ, и самъ Контъ имѣлъ случай обозначить годъ своего рожденія согласно съ Литтре.

*) Считаемъ необходимымъ присоединить сюда примѣчаніе, которое во всякой другой литературѣ казалось-бы не только излишнимъ, но весьма страннымъ.—Гражданскій бракъ во Франціи совсѣмъ не то, что извѣстно подъ этимъ именемъ у насъ въ средѣ «интеллигенціи». Гражданскій бракъ есть вполнѣ законный бракъ, совершаемый въ присутственномъ мѣстѣ предъ лицомъ компетентной власти; причемъ женихъ и невѣста даютъ другъ другу обѣщаніе въ супружеской вѣрности и въ исполненіи другихъ условій согласныхъ съ закономъ. Гражданскій бракъ не исключаетъ совершенія брака въ церкви. Церковнаго брака не совершаютъ только тѣ лица, которыя не принадлежатъ ни къ какому исповѣданію, именно: деисты и атеисты или позитивисты, которыхъ число сравнительно все-таки ограниченно. А то, что у насъ называется гражданскимъ бракомъ, тамъ называется конкубинатомъ или прелюбодѣяніемъ (adultère).

на обзаведеніе и путешествіе въ Монпелье. Все это потребовало значительныхъ суммъ, такъ какъ Контъ любилъ все дѣлать на большую ногу, en grand seigneur, — какъ сообщаетъ Литтре. По возвращеніи въ Парижъ послѣ неудачныхъ попытокъ устроить пансіонъ для воспитанія дѣтей, Контъ сталъ писать въ журналѣ с. симонистовъ, «le Producteur», гдѣ онъ излагалъ отдѣльныя части своей позитивной философіи, которую онъ постоянно разрабатывалъ со времени разрыва съ С. Симономъ. Это было въ 1826 году. Въ то же время онъ задумалъ читать публичные курсы о позитивной философіи, но успѣлъ только начать ихъ; послѣ третьей лекціи подвергся душевной болѣзни, которая продолжалась около двухъ лѣтъ, при чѣмъ г-жа Контъ оказала большую преданность мужу; и исцѣленіемъ онъ обязанъ исключительно ея вниманію и самоотверженію, а не медицинскимъ средствамъ *). Прерванные курсы возобновились въ 1828 году. Это и было гланымъ источникомъ его средствъ къ жизни. На этотъ предметъ, на средства къ жизни, мы обращаемъ особое вниманіе, потому что въ жизни Конта они играли большую роль. Ему до конца жизни не удалось устроить прочнымъ и достойнымъ образомъ свое экономическое положеніе. Въ дѣлѣ экономическаго устройства по крайней мѣрѣ въ началѣ онъ много былъ обязанъ женѣ; съ ея помощью былъ основанъ наконецъ пансіонъ, дѣла котораго пошли хорошо. Потомъ, въ 1832 году, нашелся добрый человѣкъ, Навье членъ Академіи наукъ, который доставилъ ему мѣсто репетитора по каѳедрѣ трасцендентальнаго анализа и раціональной механики при Политехнической школѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ еще мѣсто экзаминатора при томъ же училищѣ и наконецъ мѣсто преподавателя въ частномъ пансіонѣ, такъ что сумма его содержанія возрасла до 10,000 франковъ.

*) Его взяли было въ больницу и подвергли леченію; но болѣзнь все усиливалась. Тогда г-жа Контъ взяла его изъ больницы и старалась дѣйствовать на него главнымъ образомъ нравственными средствами. Дѣло пошло несравненно успѣшнѣе.

Всѣ три мѣста, которыя онъ получилъ, требовали много занятій, что однако не мѣшало ему продолжать разработку и курса позитивной философіи, которой шесть большихъ томовъ вышло между 1830 и 1842 годами.—Въ то-же время онъ неоднократно пользовался представлявшимися случаями, чтобы добиваться каѳедры въ Политехнической школѣ; но всякій разъ неудачно. И это имѣло худое дѣйствіе на его психическое состояніе; онъ сдѣлался почти также раздражителенъ, какъ въ состояніи своей психической болѣзни; слѣдствіемъ чего было то, что онъ съ профессорами Политехнической школы, къ числу которыхъ принадлежали первыя математическія знаменитости Франціи, сталъ въ отношенія очень натянутыя, между прочимъ, очень вооружилъ противъ себя Араго.

А съ г-жею Контъ его раздражительность привела, наконецъ, къ окончательному разлученію, хотя и въ этомъ періодѣ она старалась быть его ангеломъ хранителемъ; съ цѣлью развлеченія пріучила его къ музыкѣ, такъ что онъ сталъ постояннымъ посѣтителемъ итальяской оперы и самъ сталъ заниматься пѣніемъ. Она старалась привести его къ мирнымъ чувствамъ по отношенію къ профессорамъ Политехнической школы, къ сожалѣнію безуспѣшно и даже со вредомъ для себя, такъ что ей приходилось все болѣе и болѣе слышать отъ мужа оскорбительныя рѣчи, которыя тѣмъ легче привели къ разлученію, что дѣтей у нихъ не было.

Натянутыя отношенія съ профессорами Политехнической школы кончились тѣмъ, что Контъ въ 1844 потерялъ мѣсто экзаменатора при школѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ около 5000 фр. содержанія. Послѣ того, у него оставалось еще не менѣе такой же суммы; но онъ привыкъ жить на широкую ногу и, не смотря на занятія философіей, философскаго взгляда на жизнь для себя не выработалъ. Въ это время онъ былъ въ перепискѣ съ Д. Ст. Миллелъ и постоянно жаловался ему на свое стѣсненное финансовое положеніе. Результатомъ этого было то, что Милль отыскалъ ему троихъ доброжелателей въ Англіи, которые сдѣлали ему въ складчину субсидію. Контъ съ боль-

шимъ удовольствіемъ принялъ ее и разчитывалъ, что она будетъ постоянною; но скоро долженъ былъ убѣдиться въ противномъ. Онъ, по словамъ Литтре, наслѣдовалъ отъ С. Симона «тенденцію жить на счетъ добровольныхъ приношеній», и еще будучи ученикомъ С. Симона получалъ отъ него часть въ доходахъ, которые тотъ имѣлъ изъ этого источника. Контъ былъ еще можетъ быть болѣе С. Симона наклоненъ къ доходамъ этого рода, и даже подыскалъ для нихъ научное, позитивное основаніе; слѣдуя ему, у первобытныхъ народовъ былъ обычай добровольныхъ приношеній со стороны управляемыхъ уважаемымъ начальникамъ, чрезъ что начальники скопляли большія богатства *). Потому онъ посмотрѣлъ неблагосклонно на то, что по его мнѣнію было уклоненіемъ отъ исполненія обязанностей по отношенію къ нему со стороны его послѣдователей; сталъ писать въ этомъ смыслѣ Миллю, и все это имѣло въ результатѣ то, что наконецъ переписка между ними приняла такой тонъ, которымъ оба они не могли быть довольны, и наконецъ прекратилась (въ 1846 г.), чтобъ не возобновиться никогда.

Въ 1848 году Контъ желалъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы играть политическую роль. Во время Іюльской монархіи онъ называлъ себя республиканцемъ и даже не хотѣлъ вступить въ ряды національной гвардіи, ссылаясь на то, что онъ республиканецъ и защищать порядокъ монархическій не намѣренъ, за что и просидѣлъ три дня подъ арестомъ. Потому когда была провозглашена республика, было весьма естественно ему принять участіе въ политическихъ дѣлахъ страны. И еще въ началѣ марта онъ основалъ общество позитивиcтовъ (Société posiviste) и разсчитывалъ, что оно во второй республикѣ будетъ играть т у - ж е р о л ь, к о т о р у ю

*) Dès les plus anciens temps, une impulsion spontanée conduisit de nombreuses populations à doter volontairement leurs dignes chefs. Devvelppée et consolidée par la vénération religieuse, cette tendence é m i n e m m e n t s o c i a l e devint, dans les antiques theocraties la principale source des immenses fortunes». Système de politique positive. T. II стр. 156.

якобинцы играли въ первой. Образованы были въ средѣ общества три коммисіи: первая (члены: Маньенъ, Жакеменъ и Бельпомъ, рабочіе) должна была составить планъ для рѣшенія вопроса о трудѣ, вторая (члены Сегонъ, Монтегръ и Робенъ, доктора)—планъ позитивнаго училища, а третья (члены: Литтре, Маньенъ и Ляфиттъ)—планъ новаго революціоннаго правительства. Всѣ эти планы были составлены и напечатаны, но это не имѣло никакихъ послѣдствій; на нихъ не обратилъ никто вниманія; и проектъ руководить ходомъ событій такъ и остался въ состояніи мечты.

Между тѣмъ экономическое положеніе Конта еще разъ ухудшилось. Онъ потерялъ мѣсто преподавателя въ частномъ пансіонѣ и остался при одномъ мѣстѣ репетитора при Политехнической школѣ съ 2000 фр. содержанія. Это была уже сумма дѣйствительно недостаточная, тѣмъ болѣе, что онъ обязанъ былъ выдавать пенсію женѣ. Въ этихъ обстоятельствахъ оказалъ ему услугу Литтре. Переговоривши предварительно съ нѣкоторыми изъ наиболѣе преданныхъ учениковъ Конта и потомъ съ нимъ самимъ, Литтре устроилъ подписку между учениками въ пользу учителя, которая доставила 5000 франковъ. Черезъ годъ подписка повторилась и опять доставила ту-же сумму. Литтре не говоритъ, кто подписалъ какую сумму, и кажется это происходитъ отъ того, что главнымъ подписчикомъ былъ онъ самъ, чего онъ не желаетъ выставлять на видъ. Такъ дѣло продолжалось до 1851 года, когда Литтре разошелся съ Контомъ отчасти потому, что Контъ, вопреки своимъ основнымъ принципамъ, вдался въ метафизику *), а главнымъ образомъ по той причинѣ, что Контъ примкнулъ (se rallia) къ государственному перевороту 2-го декабря. Вскорѣ Литтре вышелъ даже изъ общества позитивистовъ.

---

*) И произошло это, слѣдуя его собственному разсказу, подъ вліяніемъ женщины, съ которою онъ сошелся еще въ 1845 году. Это была Клотильда Во (Vaux), вдова или замужняя женщина (madame), которая сама въ жизни имѣла какія-то превратности. Она умерла уже въ 1846 г. но Контъ долго еще вспоминалъ о ней и прославлялъ ее въ Системѣ позитивной политики.

Въ это время (отъ 1851 до 1854 г.) Контъ издавалъ свою систему позитивной политики (4 тома), гдѣ именно онъ измѣнилъ своимъ прежнимъ принципамъ и изложилъ новую религію, культъ человѣчества.

Финансовыя средства его оставались въ прежнемъ положеженіи, т. е. ежегодно послѣдователи дѣлали для него подписку, собирали деньги и передавали ему. Сборщикомъ до 1851 г. былъ Литтре; а съ 1852 г. сборъ денегъ взялъ на себя самъ Контъ, и ежегодно разсылалъ послѣдователямъ циркуляръ, въ которомъ съ тою же настойчивостью излагалъ имъ свои мысли объ обязанности послѣдователей доставлять ему средства для жизни, какъ прежде дѣлалъ это въ письмахъ къ Миллю относительно англійскихъ его послѣдователей. Нужно замѣтить, что въ это время онъ уже открыто выставлялъ себя первосвященникомъ новой религіи. И потому онъ прямо назначаетъ сумму, которая ему нужна, именно 7,000 фр., какъ минимумъ, причемъ заранѣе объявляетъ, что недостаточную подписку онъ будетъ считать за неблагодарность къ автору и первосвященику новой религіи *) со стороны лицъ, которыя уже пользуются благодѣяніями ея.

Становясь на сторону людей государственнаго переворота, О. Контъ также разсчитывалъ улучшить свои финансовыя обстоятельства и уже въ февралѣ 1852 году написалъ сенатору Вьейяру (Vieillard), одному изъ наиболѣе интимныхъ приближенныхъ тогдашняго диктатора и бывшему его воспитателю письмо, въ которомъ оправдываетъ государственный переворотъ съ точки зрѣнія соціологіи, «той исторической теоріи, которую я основалъ», какъ онъ выражается. «Народный инстинктъ, продолжаетъ онъ, оставилъ безъ защиты анархическій режимъ».—«Наиболѣе здоровая изъ 10 конституцій обнародованныхъ со времени 1789 года, наконецъ, дала намъ правильную диктатуру, которая можетъ мирнымъ образомъ измѣняться сообразно общественнымъ потребностямъ

*) Système de politique positive, т. 3, стр. XXVI и XXVII.

и здоровымъ теоретическимъ указаніямъ». Эти послѣднія слова доказываютъ значительныя дипломатическія способности у нашего философа. Въ концѣ письма Контъ вспоминаетъ о преступномъ грабительствѣ (la coupable spoliation), которому онъ подвергся со стороны «политехническихъ котерій», и проситъ содѣйствія сенатора для распространенія «благородной общественной подписки» (noble souscription publique) въ его пользу.

Дѣло, очевидно, не имѣло ожидаемыхъ послѣдствій, такъ какъ въ слѣдующемъ году Контъ задумалъ дать ходъ своей системѣ далеко за границами Франціи и орудіемъ этого распространенія ея избралъ никого другого, какъ императора Николая. Вѣроятно, его новая историческая теорія, соціологія, подсказывала ему, что императоръ Николай представлялъ всѣ данныя для того, чтобѣ взяться за практическое примѣненіе позитивной философіи и политики. Къ нему Контъ пишетъ очень длинное письмо, въ которомъ старается убѣдить императора, что позитивная философія и политика имѣетъ одинъ характеръ и одни задачи съ неограниченною монархіею. Главнымъ образомъ задачи эти состоятъ въ обузданіи анархическихъ стремленій. Къ русскому императору Контъ обращается потому, что во Франціи онъ встрѣтилъ только «неспособность высшихъ»; между тѣмъ Россія еще со времени «знаменитой бабки» императора стала оказывать покровительство философамъ; и сочиненіямъ Конта уже оказано покровительство въ Россіи, такъ какъ они допущены цензурою къ обращенію въ публикѣ, въ то время какъ мудрость императора предохраняетъ его подданныхъ отъ тѣхъ разрушительныхъ писаній, которыя съ такимъ успѣхомъ дѣлаютъ свое дѣло на западѣ. Позитивизмъ въ этомъ отношеніи можетъ указать ему мѣры еще болѣе дѣйствительныя для предохраненія Россіи отъ радикальныхъ ученій; такъ какъ авторъ его «съ самаго начала, еще съ 1822 года, постоянно ратовалъ противъ верховной власти народа и равенства» и притомъ во имя прогресса, а не какихъ-нибудь ученій ретроградныхъ, подобно тому какъ

и императоръ почти въ то-же самое время, именно съ 1825 года «никогда не переставалъ достойнымъ образомъ стоять во главѣ гуманнаго движенія въ своемъ обширномъ государствѣ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ Контъ раскрываетъ предъ императоромъ самую сущность системы, говоритъ о двухъ властяхъ, свѣтской и духовной, между прочимъ даже о содержаніи духовной власти, и прежде всего первосвященника (Grand-Prêtre de l'Humanité), посредствомъ приличной ежегодной субсидіи (digne subside annuel), первоначально съ помощію подписки, а потомъ на основаніи правительственнаго постановленія; при этомъ опять высказываетъ свои жалобы на то, что «несправедливость ученыхъ котерій» лишила его средствъ къ жизни.—Контъ разсчитывалъ прежде всего на отвѣтъ императора, и въ письмѣ къ нему заявилъ, что отвѣтъ этотъ будетъ имъ напечатанъ вмѣстѣ съ письмомъ. Напечатать довелось ему только свое письмо въ третьемъ томѣ системы позитивной политики (1853); а отвѣта на письмо онъ не получилъ. Это его нѣсколько сконфузило, такъ какъ оказалось, что слава его, какъ основателя новой философіи и религіи, не такъ велика, какъ онъ думалъ; и въ 4 томѣ онъ говоритъ уже о недостаткѣ вѣжливости со стороны императора и даже какъ будто старается объяснить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ свою неудачу тѣмъ, что императоръ былъ слишкомъ занятъ своими планами касательно Византійской имперіи (cette incivilité d'un chef préoccupé du Bas-Empire), стараясь, впрочемъ, меньше говорить объ этомъ «incident russe», но кстати распространяется о томъ, что Восточные Скандинавы, т. е. русскіе издавна старались захватить въ свою власть страны, омываемыя Мраморнымъ моремъ и проливами.

Послѣ изданія Системы позитивной политики, дѣятельность Конта ограничилась нѣсколькими незначительными литературными трудами. Средства его къ жизни были обезпечены, хотя не въ томъ размѣрѣ, какъ онъ желалъ; всякія его педагогическія занятія, даже репетиторство въ Политехнической школѣ

*) Ib. 3, XXIX ets.

прекратились. И онъ могъ свободно предаваться воспоминаніямъ о Клотильдѣ Во и исполненію обязанностей по званію первосвященника человѣчества. Образовался кружокъ, впрочемъ, очень ограниченный, послѣдователей его вѣры и Контъ исполнялъ тамъ всѣ религіозныя требы: вѣнчалъ, крестилъ *) и совершалъ другія таинства. Но здоровье его сильно пошатнулось; медикамъ онъ не очень довѣрялъ; вздумалъ лечиться по собственному усмотрѣнію; но дѣло шло все хуже, такъ что онъ сталъ серьезно думать о смерти, написалъ духовное завѣщаніе, по словамъ Литтре, съ новыми оскорбленіями г-жѣ Контъ, и въ скоромъ времени (1857 г.) умеръ. Г-жа Контъ за эти послѣднія оскорбленія заплатила ему новымъ актомъ преданности и самопожертвованія, уплативши всѣ его долги, сумма которыхъ превышала стоимость оставленнаго имъ имущества.

Изъ ученій Конта, неотносящихся непосредственно къ области соціализма, мы обратимъ вниманіе прежде всего на ученіе о первыхъ причинахъ.

Контъ отказывается даже разсуждать, дѣлать изслѣдованія о первыхъ причинахъ.—Почему-же? Почему первыя причины пользуются особымъ его нерасположеніемъ? Почему философъ долженъ отъ всякаго дѣйствія переходить къ причинѣ, и отъ причины непосредственной къ ближайшей, а затѣмъ къ слѣдующей; но когда дѣло дойдетъ до послѣдней, то онъ долженъ остановиться и сказать самъ себѣ: стой, дальше ни шагу? И какъ-же отличить эту послѣднюю или первую причину? Какіе она имѣетъ признаки?—Дѣло это очень простое. Признаки первой причины очень ясные, безобманные. Всѣ первыя причины сводятся къ началу жизни, къ началу всякаго бытія, къ причинѣ его, къ вопросу о виновникѣ его. Вотъ этого вопроса позитивизмъ знать не хочетъ. Онъ думаетъ удовле-

---

*) Разумѣется, его крещеніе не походитъ на христіанское и называется даже не крещеніемъ, а представленіемъ, présentation. Но крестный отецъ и крестная мать, parrain et marraine у него существуютъ, какъ и въ христіанствѣ, и именно въ этомъ таинствѣ.

творить человѣческій духъ разъясненіемъ ему всего существующаго только въ его формахъ и свойствахъ, въ его настоящемъ, и отчасти даже въ прошедшемъ, но въ прошедшемъ, которому положена извѣстная граница, а вопроса о происхожденіи всего существующаго онъ не хочетъ и касаться. Нечего сомнѣваться въ томъ, что послѣдователей онъ найдетъ, хотя не такъ много. Люди, склонные къ такому образу мыслей, всегда были; чтобы не ходить далеко, вспомнимъ о Вагнерѣ, ученикѣ доктора Фауста. Его не волнуютъ никакіе вопросы, выходящіе изъ предѣловъ обыденнаго кругозора жизни, въ то время, какъ Фаустъ для рѣшенія вопросовъ, недающихъ ему покоя, не отступилъ даже передъ тѣмъ, чтобы продать чорту душу.— Послѣдователей можно найти на все; послѣдователей имѣли и Фурье, и Сведенборгъ; ихъ имѣютъ и спиритисты. Не диво, что нашелъ ихъ и О. Контъ. Только имѣетъ ли право на названіе философіи ученіе, которое отказывается изслѣдовать первыя причины и вмѣстѣ съ тѣмъ безъ дальнихъ разговоровъ отрицаетъ самостоятельную область духа?—Если это будетъ философія, то во всякомъ случаѣ совсѣмъ не та, которая до сихъ поръ существовала въ средѣ людей, начиная отъ Ѳалеса и Пиѳагора до Шеллинга и Гегеля. Какъ древніе, такъ и новые философы главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій имѣли вопросъ о первой причинѣ, о природѣ человѣческаго духа, о его безсмертіи и т. п., именно о томъ, что позитивизмъ исключаетъ изъ области своей философіи. Такимъ образомъ, позитивизмъ становится дѣйствительно противникомъ всей философіи вообще, старается вразумить людей, чтобы они не интересовались вопросами, занимавшими и занимающими философію. Успѣетъ ли онъ въ стремленіи къ этой цѣли?—Этотъ вопросъ можно преобразовать въ другой, равный ему: успѣетъ-ли онъ передѣлать природу человѣка,—успѣетъ ли кастрировать его умъ, отвратить его отъ того, что составляетъ его назначеніе, его самое неудержимое стремленіе?—И Ѳалесъ, и Шеллингъ отыскивали первую причину не по капризу, не потому, что хотѣли поумничать и пріобрѣсти славу, а потому, что этого

требовалъ ихъ духъ, котораго назначеніе есть познаніе, пониманіе всего существующаго; а познаніе, пониманіе чего-нибудь безъ его начала не только недостаточно, не полно, но не стоитъ ничего; это не познаніе, а только раздраженіе пытливости ума, не удовлетворяющее его, а безпокоящее,—мучащее, доводящее одного до сдѣлки съ дьяволомъ, другого до того, что онъ бросается въ кратеръ Этны. Контъ и Литтре основываютъ свое отвращеніе отъ изслѣдованія общихъ причинъ на томъ основаніи, что люди до сихъ поръ, въ теченіи тысячелѣтія стремились къ этому безуспѣшно, напрасно потратили труды и время, недостигнувши никакихъ результатовъ. Въ результатѣ этихъ стремленій говорятъ они, «нѣтъ ничего окончательнымъ образомъ пріобрѣтеннаго для науки, въ этихъ системахъ, смѣняющихъ одна другую, нѣтъ ничего постояннаго, кромѣ постоянно возобновляющейся попытки разрѣшить вопросы, остающіеся навсегда неразрѣшимыми» *). Если это и справедливо, если наука дѣйствительно не пріобрѣла ничего окончательнаго, безспорнаго, то тутъ нѣтъ причины считать за неразрѣшимые тѣ вопросы, которые составляютъ предметъ философіи и отказываться отъ продолженія изслѣдованій объ нихъ. Всѣ науки шли такимъ-же путемъ; философіи исторіи никто не понималъ, по мнѣнію позитивистовъ, до появленія О. Конта; такъ и слѣдовало считать ея вопросы неразрѣшимыми и отказаться отъ изслѣдованія ихъ? Астрономія стала твердо на ноги только въ концѣ XVII-го вѣка; до Коперника и солнечная система не была объяснена удовлетворительно; слѣдовало ли поэтому отказаться отъ продолженія астрономическихъ изслѣдованій?—То же самое и въ другихъ наукахъ, въ особенности въ наукахъ политическихъ, и притомъ совершенно такъ-же, какъ и въ философіи, главнымъ образомъ при изслѣдованіи причинъ разныхъ явленій.—Сколько разногласій до сихъ поръ въ теоріи ренты!—Или спросите у ученыхъ о причинахъ паденія Рима и вы получите пять разнорѣчивыхъ отвѣтовъ; спросите о причинахъ реформаціи, революціи, и вы услышите мнѣнія взаимно исклю-

*) Littré. Fragments de philosophie positive. Paris. 1876, стр. 42.

чающія другъ друга. Тѣмъ не менѣе, наука не исключаетъ всѣхъ этихъ вопросовъ изъ своей области; напротивъ, обращаетъ на нихъ особое вниманіе, потому что ея назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы отыскивать истину, какъ-бы это отыскиваніе ни казалось труднымъ.

Изслѣдованіе вопросовъ о первой причинѣ, объ области духа, основываясь «на принципахъ апріорныхъ, на понятіяхъ абсолютныхъ, почерпнутыхъ въ человѣческомъ духѣ, само измѣняется вмѣстѣ съ этимъ духомъ, отражаетъ мнѣніе послѣдовательныхъ цивилизацій и является то греческимъ, то восточнымъ, то христіанскимъ, то языческимъ», продолжаетъ Литтре *). Но, во-первыхъ, не одни воззрѣнія метафизическія отражаютъ на себѣ духъ той цивилизаціи, въ средѣ которой они обращаются; то же должно сказать о воззрѣніяхъ политическихъ, бытовыхъ и т. п. Далѣе, всѣ эти вопросы изслѣдуются не съ помощію понятій, почерпнутыхъ въ человѣческомъ духѣ; человѣческій духъ самъ по себѣ есть tabula rasa; все его содержаніе добыто имъ путемъ опыта только съ помощію присущихъ ему силъ и способностей; таковъ взглядъ философіи самостоятельной, для которой религіозное преданіе не служитъ точкой отправленія. И самый главный вопросъ философіи о первой причинѣ всего существующаго, о разумности этой причины, философіею рѣшается посредствомъ наблюденія и наведенія, т. е. посредствомъ метода преимущественно одобряемаго позитивистами.

Человѣкъ замѣчаетъ въ своихъ свойствахъ и въ своей дѣятельности двойной характеръ; съ одной стороны онъ замѣчаетъ, что ему бываетъ тепло или холодно, что онъ бываетъ сытъ или голоденъ, что онъ находится въ движеніи или въ состояніи покоя, съ другой стороны онъ наблюдаетъ, что онъ мыслитъ и чувствуетъ, что онъ любитъ или ненавидитъ, что есть свойства, которыя ему почему-то особенно нравятся, хотя они не услаждаютъ ни его зрѣнія, ни слуха и

*) Ib., 44.

никакого другаго чувства; ему пріятно встрѣчать все доброе, истинное, справедливое, честное, искреннее и т. д. Все это факты, тѣлесные или психическіе, подлежащіе наблюденію, все это область знанія опытнаго. И отъ двойного характера своихъ свойствъ и своей дѣятельности онъ, ни на шагъ не отступая отъ строгой экспериментальной методы, выводитъ заключеніе, что въ его личности соединены какіе-то два особыя царства, двѣ природы, которыя онъ называетъ—одну тѣлесною, соматическою, а другую душевной, психическою. И прошло много времени, чѣмъ человѣкъ понялъ все это ясно. На низшихъ ступеняхъ развитія человѣкъ худо понимаетъ свою дѣятельность. Душа для него только дыханіе, душа отъ глагола дуть, ψυχή отъ глагола ψύχω. Ребенокъ проглотилъ кусокъ горячаго пирога и заплакалъ. «Что съ тобой?» спрашиваютъ его?—«Душу обжегъ». Но когда онъ подростаетъ, когда дикарь изъ дикаго состоянія переходитъ въ состояніе образованности, то онъ перестаетъ отождествлять душу и дыханіе. Нужны многочисленныя наблюденія надъ собою, нужна умѣлая логическая работа, чтобы понять существенную разницу между соматическими и психическими отправленіями, между тѣломъ и душею.—Потомъ человѣкъ замѣчаетъ, что онъ не есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ, что кромѣ него есть еще цѣлый разрядъ существъ, одаренныхъ подобно ему способностью психической дѣятельности, хотя въ степени гораздо болѣе слабой, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Итакъ, онъ составляетъ только верхнюю ступень въ длинной лѣстницѣ существъ, въ которыхъ кромѣ свойствъ соматическихъ есть свойства особой природы, особаго царства, нетѣлеснаго. Далѣе онъ наблюдаетъ природу неодушевленную вокругъ себя въ близкомъ и отдаленномъ разстояніи; наблюдаетъ и замѣчаетъ, что все въ мірѣ слѣдуетъ извѣстнымъ законамъ, начиная отъ былинки, ростущей въ полѣ, до самой земли, обращающейся около оси и движущейся въ извѣстномъ положеніи по эклиптикѣ, до солнца, также обращающагося вокругъ оси и движущагося въ опредѣленномъ направленіи, наконецъ, до миріадъ другихъ

солнцъ, неизмѣримо большихъ и безконечно далекихъ, также движущихся въ ту или другую сторону, описывающихъ въ небесномъ пространствѣ удивительныя круговыя линіи. И умъ его пораженъ, подавленъ величіемъ мірозданія. Вмѣстѣ съ Литтре и Контомъ онъ понимаетъ и чувствуетъ, что и онъ и его обиталище, земля, занимаютъ ничтожный уголокъ въ одномъ изъ туманныхъ пятенъ. Но Литтре и Контъ на этомъ останавливаются; они вполнѣ успокоились; ихъ умъ удовлетроренъ тѣмъ, что они поняли свое положеніе въ туманномъ пятнѣ Но нашъ наблюдатель имѣетъ умъ болѣе пытливый, не вагнеровскій, а фаустовскій; на полдорогѣ онъ не останавливается, а идетъ дальше.—Онъ задаетъ еще себѣ вопросъ: психическая жизнь, которую онъ замѣчаетъ въ себѣ, составляетъ-ли исключительное достояніе этой ничтожной писчинки, называемой землею, или ее нужно предполагать во всемъ мірозданіи?—И руководясь тѣми научными данными, что все мірозданіе слѣдуетъ тѣмъ-же самымъ механическимъ законамъ, которымъ подчинены земля и солнце, что самые отдаленные міры состоятъ изъ тѣхъ же составныхъ элементовъ, которые мы видимъ на землѣ, что въ отдаленныхъ пространствахъ вселенной, въ группировкѣ свѣтилъ, мы видимъ большую сложность и разнообразіе, что тамъ солнечныя системы состоятъ изъ двухъ и трехъ солнцъ, и даже больше, онъ необходимымъ образомъ приходитъ къ мысли, что какъ органическая, такъ и психическая жизнь не могутъ быть ограничены во вселенной одною нашею планетою.

А потомъ онъ, все-таки исходя изъ своихъ наблюденій, задаетъ себѣ еще болѣе важный вопросъ: откуда же все это произошло?—Гдѣ первая причина всего этого? Въ чемъ она состоитъ? Есть-ли вселенная дѣло случая и слѣпыхъ, безсознательныхъ силъ или дѣло разума, который все устроилъ въ правильномъ порядкѣ, все подчинилъ извѣстнымъ законамъ, имѣя при этомъ какія-то цѣли? Если-бы наблюдатель въ ряду всего существующаго не видалъ ничего, кромѣ безсознательныхъ силъ, то онъ естественнымъ путемъ пришелъ-бы къ заклю-

ченію, что эти силы, а ничто другое, были причиною всего міроздавія. Но кромѣ такихъ силъ онъ знаетъ еще силы сознательныя, разумныя; онъ наблюдалъ ихъ въ себѣ самомъ, отъ дѣйствительности ихъ, ab esse онъ строгимъ логическимъ путемъ заключаетъ ad posse; и принимая во вниманіе разумность міроздавія приходитъ къ заключенію о разумной первоначальной причинѣ всего существующаго.

Разногласіе О. Конта съ философами начинается очень рано, въ самомъ началѣ его философствованія; онъ не признаетъ, чтобъ между способностями человѣческими были какія-нибудь выходящія изъ области физики, какъ писалъ онъ еще въ 1825 г. Въ то время онъ еще не выработалъ своей позитивной философіи; и физикою называлъ совокупность естественныхъ наукъ, потому что дальше онъ продолжаетъ такимъ образомъ: «въ настоящее время физіологи смотрятъ на явленія нравственныя (т.-е. вообще психологическія) рѣшительно въ томъ-же самомъ духѣ, какъ и на другія явленія животной жизни *).» Изъ этихъ физіологовъ Контъ въ особенности довѣряетъ Галлю, основателю френологіи. И хотя Контъ тутъ-же прибавляетъ, что наука, т.-е. физіологія, не нашла еще по отношенію къ этимъ ученіямъ окончательно — удовлетворительныхъ основаній (ses bases definitives), тѣмъ не менѣе, онъ становится на эту точку зрѣнія и начинаетъ разсматривать психическія явленія, исключительно, какъ предметъ физіологіи, отвергая совсѣмъ психологію, которая не нашла себѣ никакого мѣста въ его философіи.

Крайне любопытна и характеристична причина изгнанія психологіи. Контъ не можетъ понять и допустить того, чтобы человѣкъ могъ быть въ одно и тоже время и субъектомъ наблюдающимъ и объектомъ наблюденія, вполнѣ отвергаетъ возможность внутренняго психологическаго наблюденія.

Нужно-ли много распространяться о философіи такого каче-

*) Système de politique positive. T. 4, стр. 148 приложенія. Статья: Considérations philosophiques sur les sciences et les savants, написанная еще въ 1825 году.

ства? Самъ-же Контъ говоритъ, что наука не нашла прочнаго базиса для извѣстныхъ взглядовъ на психическія дѣйствія; и не смотря на то, самъ-же принимаетъ ихъ! Свою позитивную философію онъ рекомендуетъ, какъ сумму всякаго рода несомнѣнныхъ научныхъ истинъ; а между тѣмъ, въ самомъ основаніи ея, кладетъ то, что само не имѣетъ основанія, что не имѣетъ ни прочности, ни устойчивости. Такъ смотритъ на систему Галля самъ Контъ; но онъ еще надѣется, что она подтвердится дальнѣйшими изслѣдованіями. Литтре убѣдился, что она не подтвердится; напротивъ, онъ думаетъ, что гипотеза Галля, послѣ «долгой и терпѣливой провѣрки», оказалась несостоятельною, несогласною съ фактами.

Итакъ, что-же въ концѣ-концовъ оказывается при сравненіи позитивизма и той метафизической философіи, которой мѣсто онъ разсчитывалъ занять въ системѣ наукъ. Метафизическая философія, или просто философія, изслѣдуя первыя причины, принимая въ основѣ бытія причину разумную, опирается на фактахъ, которые она наблюдала, изучала. Метафизическій характеръ имѣютъ ея выводы; но они сдѣланы строгимъ логическимъ путемъ, путемъ мышленія, основаннаго на фактахъ, на опытѣ, на наблюденіи. А позитивизмъ въ основѣ своей имѣетъ положеніе, котораго научной достовѣрности онъ самъ никогда не признавалъ, которую онъ принималъ только какъ гипотезу, которая, наконецъ, по его собственному признанію, оказалась несостоятельною. Которая-же изъ двухъ философій состоятельнѣе?

Въ чемъ особенное значеніе позитивной философіи и особенную славу Конта видитъ Литтре, это его соціологія и ея наиболѣе выдающійся принципъ касательно соціальной эволюціи, слѣдуя которому въ исторіи человѣчества нѣтъ скачковъ, а эпохи развиваются однѣ изъ другихъ, внося каждый разъ что-нибудь особенное въ жизнь человѣчества. При этомъ въ движеніи мысли, науки и жизни замѣчается особаго рода характеристическая постепенность. Это такъ называемое ученіе о трехъ состояніяхъ (trois états): состояніе богословское, состояніе метафизическое и наконецъ состояніе положительное.

«Въ состояніи богословскомъ человѣкъ предполагаетъ, что предметы движутся волею совершенно похожею на его собственную волю; въ состояніи метафизическомъ человѣкъ вмѣсто конкретныхъ понятій системы богословской ставитъ сущности (substitue des entités); наконецъ въ состояніи положительномъ человѣкъ, сознавая свое истинное положеніе въ нѣдрахъ того порядка, котораго часть онъ составляетъ, понимаетъ, что совокупность явленій опредѣляется свойствами вещей, откуда проистекаютъ неизмѣнные законы» *). Мы намѣренно приводимъ это мѣсто въ изложенія Литтре, чтобы избавиться отъ самой возможности неточнаго изложенія этой важной части позитивной философіи. Тутъ самое существенное различіе находится только въ двухъ крайнихъ состояніяхъ, въ богословскомъ и положительномъ. Метафизическое состояніе это ничто иное, какъ переходъ отъ богословскаго къ положительному, т. е. состояніе научное на низшей степени развитія, съ меньшимъ приближеніемъ къ истинѣ, съ большимъ числомъ гипотезъ, не подтверждаемыхъ фактами, и вмѣстѣ съ тѣмъ нетолько по природѣ своей близкое къ состоянію богословскому, но и совмѣщающееся съ нимъ въ одной и той же эпохѣ. Литтре тутъ же приводитъ и примѣры измѣненій въ этомъ смыслѣ научныхъ понятій изъ области астрономіи и физики. «Астрономія, гдѣ когда-то играли роль Аполлонъ и его колесница, и куда потомъ проникли пиѳагоровы идеи о числахъ, о гармоніяхъ и другихъ такихъ же понятіяхъ метафизическихъ, въ настоящее время безповоротно пріобрѣтена для законовъ тяготѣнія, геометріи и динамики. Равнымъ образомъ и физика, гдѣ молнія долгое время была объясняема вмѣшательствомъ Юпитера, куда метафизика ввела было боязнь пустоты, теперь сдѣлалась правильнымъ изученіемъ тяжести, электричества, свѣта, звука и теплоты». Та-же преемственность трехъ состояній во всѣхъ другихъ областяхъ мысли и знанія, и наконецъ въ области соціальной жизни, которая до сихъ поръ подчи-

*) Littre. Conservation, révolution et positivisme. Paris, 1852 стр. 18.

нялась принципамъ богословскимъ и метафизическимъ, и только Ог. Контъ указалъ ей направленіе, основанное на позитивизмѣ, новую совершеннѣйшую соціальную эволюцію, выведенную изъ законовъ, открытыхъ имъ посредствомъ позитивнаго изученія предыдущей исторіи человѣчества.

Позитивизмъ есть переодѣтый матеріализмъ, и существенная мысль этого ученія о трехъ состояніяхъ та, что религія есть удѣлъ человѣчества только въ періодъ его умственной незрѣлости; а коль скоро оно достигаетъ зрѣлости, то оно не нуждается ни въ религіи, ни въ философскомъ спиритуализмѣ; не нуждается и не хочетъ ихъ знать, а довольствуется и вполнѣ удовлетворяется ученіями наукъ опытныхъ, забывая и думать о тѣхъ вопросахъ, которые волновали умы людей въ періодъ незрѣлости человѣчества.

Правда ли это?—Справедливо ли, что наука и религія стоятъ одна относительно другой въ такой противоположности, что взаимно исключаютъ одна другую? Этотъ выводъ, къ которому пришелъ Контъ, всего больше показываетъ, что ни исторіи вообще, ни исторіи наукъ онъ не изучалъ. На его мысль имѣли вліяніе только непосредственныя впечатлѣнія той дѣйствительности, которую онъ видѣлъ вокругъ себя въ годы своей юности и молодости, когда на аренѣ жизни еще дѣйствовали эти Талейраны, Сіесы, Грегуары, снявшіе съ себя духовный санъ, какъ снимаютъ маску послѣ маскарада, когда въ обществѣ еще носились преданія объ атеистахъ аббатахъ и атеистахъ епископахъ, дававшихъ своимъ примѣромъ уроки распутства всему народу, когда были еще свѣжи воспоминанія о Дидеро и Ольбахѣ, Сильвестрѣ Марешалѣ и Ляляндѣ, о закрытіи храмовъ и о культѣ богини разума.—Эти явленія и привели Конта къ мысли, что религія и метафизика или лучше философія сданы окончательно въ архивъ и никогда не стряхнутъ съ себя его пыли и не возвратятся опять на свѣтъ Божій. А если бы онъ изучалъ исторію, если бы онъ вдумывался лучше въ факты, представляемые ею, или если бы онъ только родился полустолѣтіемъ позже, то онъ не пришелъ къ

своей неосновательной мысли. Во-первыхъ преданія и воспоминанія объ аббатахъ и прелатахъ атеистахъ, объ Ольбахѣ и С. Марещалѣ, о культѣ богини разума уже черезъ полстолѣтія позаглохли бы; во-вторыхъ онъ увидалъ бы, что послѣ философіи матеріалистовъ и энциклопедистовъ могла во Франціи возникнуть философія людей вѣрующихъ Ж. де-Местра, Бональда, Лямене, Балланша, Бюше и пр.; что кромѣ того въ Германіи могла процвѣтать въ послѣдствіи совсѣмъ нематеріалистическая философія Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауера и пр.; а во Франціи также не похожая на философію 18 вѣка философія Ройе-Колляра, Кузена, Жуффруа, Дамирона, П. Леру, Равессона, Ренувье и др. И можетъ быть онъ взялъ бы назадъ свое положеніе, что въ области науки послѣдній періодъ отличается непремѣнно отрицаніемъ религіознаго и метафизическаго начала. Исторія другихъ наукъ привела бы его къ тому же самому заключенію. Громъ и молнію люди приписывали сначала Зевесу и Перуну, а потомъ нашли, что это ничто иное, какъ одно изъ проявленій электричества. Но изобрѣтатель громоотвода Франклинъ отличался такою же глубокою религіозностью, какъ и тѣ, которые при каждомъ ударѣ грома возносили молитвы къ Зевесу. Не меньшею, если не большею религіозностью отличался и Ломоносовъ, едва не погибшій при производствѣ опытовъ касательно атмосфернаго электричества. Подобнымъ образомъ генералъ Лямаркъ, предшественникъ Дарвина, слѣдовалъ системѣ матеріализма, а Дарвинъ, котораго у насъ въ средѣ «интелингенціи» ошибочно считаютъ матеріалистовъ, въ самомъ дѣлѣ былъ не только философомъ спиритуалистомъ, а кромѣ того человѣкомъ вѣрующимъ.—Астрономъ Ляляндъ въ прошломъ столѣтіи хвастался своимъ атеизмомъ; а въ нашемъ столѣтіи астрономъ Фламмаріонъ, едвали не первый знатокъ своего дѣла въ цѣломъ мірѣ и притомъ человѣкъ вообще самаго серьезнаго и многосторонняго образованія, своими учеными изслѣдованіями былъ приведенъ къ тому, что сдѣлался проповѣдникомъ религіи, апостоломъ христіанскаго братства и христіанской нравственности,

и вслѣдствіе этого написалъ цѣлую книгу: Dieu dans la nature, составляющую прекрасный трактатъ теоретической и нравственной философіи, подъ которымъ могъ бы подписать свое имя православный епископъ.

Подобные факты просмотрѣлъ Ог. Контъ и вслѣдъ за нимъ Литтре. И что всего менѣе простительно для людей претендующихъ на титулъ философовъ, они просмотрѣли самую «суть» этого дѣла, причину этого явленія, происходящую не случайно, а логически необходимымъ образомъ. Timor primus deos fecit сказалъ древній поэтъ-матеріалистъ. Это совершенно вѣрно. Отъ того главные боги во всякой политеистической системѣ завѣдуютъ наиболѣе грознымъ явленіемъ природы, громомъ и молніею. Такъ было въ періодъ непониманія естественныхъ явленій. Но когда ихъ стали понимать, когда ихъ изучили, разгадали, когда выяснились цѣлые кодексы законовъ, которымъ слѣдуютъ естественныя явленія, начиная отъ самыхъ незначительныхъ до самыхъ большихъ, законовъ, никогда ненарушаемыхъ, которымъ послушно слѣдуютъ и песчинка на берегу рѣки, и былинка подлѣ дороги, и Сиріусъ и Оріонъ въ небесномъ пространствѣ, и всѣ туманныя пятна, ближнія и дальнія, тогда вмѣсто страха явился другой художникъ, который «deos fecit», создалъ Бога, открылъ его. Это разумъ, который по своимъ внутреннимъ, неотъемлемымъ свойствамъ не можетъ слѣдовать указаніямъ Конта и Литтре, не можетъ не думать о первой причинѣ, который, при видѣ произведенія не можетъ отогнать отъ себя мысль о производителѣ, при видѣ нѣсколькихъ томовъ свода законовъ не можетъ отдѣлаться отъ представленія о законодателѣ. Умъ человѣческій имѣетъ своего рода конституцію, magnam chartam libertatis. Его нельзя обязать къ чему-нибудь произвольными предписаніями; онъ не послушается, не покорится. Кричите ему сколько угодно: «не разсуждать»; онъ все-таки будетъ разсуждать; запрещайте ему хоть «строжайше» искать первую причину; никакія строгости не помогутъ, онъ все-таки будетъ искать ее, какъ искалъ до сихъ поръ, будетъ переходить отъ дѣйствія къ причинѣ,

какъ ближайшей, такъ и самой дальней, первой. И чѣмъ каждый единичный умъ сильнѣе, тѣмъ больше онъ одержимъ этимъ духомъ изслѣдованія всего существующаго до основаній, тѣмъ неудержимѣе онъ переноситъ свою мысль отъ закона на законодателя. Вотъ почему и Сократъ и Платонъ и всѣ знаменитые философы, ихъ предшественники и преемники: Ѳалесъ, Пиѳагоръ, Цицеронъ, Баконъ, Декартъ, Лейбницъ и Кантъ не были ни матеріалистами, ни позитивистами, а были спиритуалистами, не смотря на то, что въ въ прежнія времена законы, дѣйствующіе въ природѣ, были мало извѣстны. Для сильныхъ умовъ и тѣхъ свѣдѣній о нихъ, которыя были добыты, было достаточно для познанія законодателя, о природѣ котораго они могли имѣть понятіе, наблюдая свою собственную природу. Въ наше время законы природы извѣстны гораздо лучше, а чѣмъ дальше будетъ уходить время, тѣмъ познаніе ихъ будетъ еще удовлетворительнѣе, такъ что не только сильные, но и посредственные умы, будутъ имѣть столь-же опредѣленное и твердое представленіе о первой причинѣ, какъ въ прежнія времена Сократъ, Цицеронъ, Декартъ или Кантъ. И что будущность человѣчества будетъ отличаться не позитивизмомъ, а духомъ религіи какъ въ умственныхъ воззрѣніяхъ, такъ и въ нравственныхъ принципахъ, это не есть только благочестивое желаніе людей наклонныхъ къ сантиментальности; это строгій научный выводъ, на основаніи индуктивнаго метода, пользующагося особымъ кредитомъ позитивистовъ. По этой-то причинѣ позитивизмъ могъ возникнуть только въ головѣ, не снабженной въ достаточной мѣрѣ и въ системѣ научными познаніями и притомъ находившейся въ хаотическомъ состояніи, близкомъ къ состоянію болѣзненному, котораго обнаруженіе нисколько и незамедлилось *). А у человѣка здравомыслящаго и не лишен-

*) Сентъ-Бёвъ о Контѣ выражается такимъ образомъ: ce cerveau obscure et abstrus, et trop souvent malade qui s'appelait Aug. Comte. Нечего и говорить, что у насъ ему честь совсѣмъ иная. Г. Чернышевскій называетъ его «однимъ изъ *геніальнѣйшихъ* людей нашего времени», основателемъ единственной философской системы у французовъ «*вѣрной научному духу*». См. т. I, стр. 457. Наши характеристики всѣ

наго болѣе полнаго и систематическаго образованія, хотя и односторонняго, какъ Литтре, позитивизмъ кажется какимъ-то особымъ затмѣніемъ *), какимъ-то невольнымъ закрываніемъ глазъ передъ истиною, передъ свѣтомъ ея. Литтре въ одномъ мѣстѣ, касаясь вопроса о началѣ бытія, говоритъ: ничего не знаю, «мы при этомъ не были» (nous n'y avons pas été **). Намъ это выраженіе напоминаетъ то, что мы многократно имѣли случай слышать въ жизни. Это самое выраженіе имѣетъ у насъ всобщее употребленіе даже въ народѣ, и обыкновенно приходится его слышать или въ такомъ случаѣ, когда субъектъ дѣйствительно тупой умомъ и безчувственный сердцемъ, работая исключительно въ пользу мамоны, не знаетъ и не хочетъ знать ничего, что къ ней не относится,—или въ такомъ случаѣ, когда тонкій плутъ норовитъ выгородить себя изъ какого-нибудь дѣла, представляющаго не одни розы, но и шипы, когда онъ старается уклониться отъ исполненія долга, предпочитая честному поступку, соединенному съ возможностью непріятности, низость, соединенную съ выгодою.—«Мы при этомъ не были»! Да, вы при многомъ другомъ не были, при томъ, чѣмъ вы интересуетесь, чѣмъ вы не можете не интересоваться, если хотите остаться самими собою. Вы не были при томъ, какъ Прометей укралъ съ неба огонь, какъ умиралъ Кодръ, какъ потомъ умирали Августъ или Неронъ, какъ учили философіи Пиѳагоръ, Сократъ и Эпикуръ, какъ писали свои трагедіи Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ, какъ Гезіодъ писалъ Ѳеогонію, а послѣ него тотъ-же предметъ въ другомъ смыслѣ трактовали Эвгемеръ и Люкрецій. Но вы все это знаете; изъ этихъ фактовъ вы извлекли важнѣйшія положенія вашей соціологіи.

Но извлекая ихъ, вы слѣдовали одностороннему направленію, вы подъискивали только тѣ факты, которые вамъ были нужны для развитія вашей си-

---

на одинъ ладъ; у насъ люди бываютъ или геніальными, или обскурантами и ретрогадами. Самая легкая классификація!

*) Образцы этого затмѣнія мы постараемся представить ниже.

**) A. Comte. 107.

стемы. Кодръ умиралъ вслѣдствіе вѣры въ боговъ, а Августъ и Неронъ оставляли жизнь, какъ актеры оставляютъ сцену. Пиѳагоръ почиталъ боговъ больше, чѣмъ Сократъ, и еще больше, чѣмъ Эпикуръ. Эсхилъ былъ религіознѣе Софокла и еще религіознѣе Эврипида. Гезіодъ относился къ богамъ съ вѣрою, а Эвгемеръ и Люкрецій съ сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Но надобно отличать отношеніе народа къ преданіямъ господствующей религіи отъ религіозности вообще. Одна религія изживаетъ свое время, дѣлается болѣе и болѣе несостоятельною, несоотвѣтствующею понятіямъ народа; но религіозная потребность, религіозное чувство и религія въ своей сущности въ немъ не умираютъ, даже не ослабѣваютъ. Сократъ относился къ миѳамъ о богахъ съ недовѣріемъ и даже порицаніемъ, Эврипидъ представлялъ своихъ героевъ, какъ людей, движимыхъ житейскими побужденіями, а не какъ людей, дѣйствующихъ по внушенію боговъ. Эвгемеръ усомнился совсѣмъ въ реальности боговъ, а Люкрецій прямо отвергъ ее. Время Зевеса и Юноны и всѣхъ обитателей Олимпа очевидно проходило. Но въ то самое время, когда одни боги умалялись, другіе возрастали. Юпитеръ сходилъ со сцены, а Панъ вступалъ на нее, и на подмогу ему являлись изъ Египта Сераписъ и изъ Бактріи Миѳра. Многимъ и этого было мало; аѳиняне построили храмъ даже «невѣдомому богу». Когда Ап. Павелъ и Варнава пришли въ Антіохію Писидійскую, то почти весь языческій городъ собрался слушать слово Божіе. Такова была всеобщая жажда вѣры.—Но всякое общество состоитъ изъ многихъ слоевъ, которые представляютъ собою разныя стадіи цивилизаціи, пройденной народомъ. Въ то время какъ въ Аѳинахъ, въ Римѣ старая религія изживала свое время, въ глухой деревнѣ близъ самаго Рима или близъ Аѳинъ она была крѣпка, какъ въ Аѳинахъ во времена Эсхила или въ Римѣ во время Деція Мура или Курція. И жители деревень, pagani, не хотѣли измѣнять своимъ богамъ уже въ то время, когда горожане приняли христіанство, даже когда оно сдѣлалось религіей государственной, и жаловались на пре-

слѣдованія, которымъ они, въ свою очередь, подвергались со стороны христіанъ. Такъ—что безъ религіи, съ однимъ позитивизмомъ никогда и нигдѣ не было ни одного народа. Конвентъ учредилъ религію богини разума, которая была дѣйствительно только пародіею на религію, отрицаніемъ ея, маскированнымъ атеизмомъ; но въ тоже время съ одной стороны возникла дѣйствительная искренняя раціональная религія теофилантроповъ, а съ другой не только присягнувшіе, но даже и неприсягнувшіе священники въ-тихомолку служили обѣдни для вѣрующихъ и въ городахъ, и въ деревняхъ. И когда въ 1801 году Бонапартъ заключилъ конкордатъ съ папою, то вся Франція увидала въ этомъ не только дѣло замѣчательной политической мудрости, но и дѣло справедливости по отношенію къ большинству французскаго народа. Въ наше время въ большихъ городахъ Франціи распространилось безвѣріе въ средѣ рабочихъ; citoyen Finance на конгрессѣ рабочихъ въ Парижѣ въ 1876 году заявилъ, что онъ принадлежитъ къ числу позитивистовъ; тамъ же былъ случай, когда конгрессъ отнесся безъ особаго уваженія къ авторитету папы. Во время коммуны не только ея руководители въ родѣ Риго или Ферре, но и рабочіе выказали явную ненависть къ представителямъ церкви. Но это—явленіе, котораго причины весьма сложны. Безвѣріе все-таки далеко не охватило большинства рабочихъ даже въ большихъ городахъ; а рабочіе городскіе составляютъ во Франціи незначительное меньшинство сравнительно съ массою сельскихъ рабочихъ, въ которую, какъ и во время первой республики, безвѣріе совсѣмъ не проникло *). И въ наши дни религіозное настроеніе сельскаго населенія и большей части городскаго служитъ основаніемъ того, что генералъ Буланже въ своей агитаціи противъ нынѣшней палаты сошолся съ монархическими и вмѣстѣ съ тѣмъ съ религіозными элементами ея. Совсѣмъ безъ религіи ни Контъ, ни Литтре не указали ни одного

*) Самъ Литтре въ 1880 г. напечаталъ сочиненіе: le Catholicisme selon le suffrage universel en France, въ которомъ принимаетъ, что большинство Франціи исповѣдуетъ католическую вѣру.

человѣческаго общества, ни одной народности, какъ бы они древни ни были; не указали и не могутъ указать; факты не на ихъ сторонѣ. Евреи послѣ четырехъ-тысячелѣтняго историческаго существованія такъ же крѣпко вѣрятъ въ своего Бога, какъ во время Моисея и Аарона. Жители Индустана послѣ столько же, если не болѣе, долгой исторической жизни, такъ же почитаютъ Браму, Сиву и Вишну, такъ же вѣрятъ всѣмъ преданіямъ о жизни и дѣлахъ Кришны, какъ и во времена Александра Македонскаго, когда индусъ Каланъ добровольно сжогъ себя въ присутствіи греческаго войска, чтобы показать образецъ преданности Индуса своей вѣрѣ *).

Въ прошломъ столѣтіи Европа видѣла довольно атеистовъ; и въ нашемъ столѣтіи они есть въ З. Европѣ въ средѣ рабочихъ, а въ Россіи—въ средѣ «интеллингенціи». А развѣ прежде ихъ не было? Развѣ царь Давидъ выдумалъ тотъ фактъ, что уже въ его время «рѣче безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ». Стала научною истиною та мысль, что въ своей богатой миѳологіи грекъ, какъ и послѣдователь всякой другой формы политеизма, олицетворилъ свои собственныя свойства, свои желанія, стремленія, направленія. Но уже въ древнѣйшемъ циклѣ миѳовъ существуютъ титаны и гиганты, которые вооружаются противъ боговъ. Въ позднѣйшихъ сказаніяхъ играетъ видную роль Аяксъ Оилей, для котораго нѣтъ ничего святаго, который смѣется надъ богами и надъ ихъ гнѣвомъ. Потомъ является гуляка Алкивіадъ съ товарищами, который въ темную ночь отбиваетъ носы и уши у всѣхъ Меркуріевъ, стоявшихъ въ городѣ. Это ли еще не матеріалистъ, не позитивистъ? Совершенно въ томъ же родѣ, какъ нѣкоторыя наши газеты, которыя не пропустятъ никакого случая, чтобы посмѣяться надъ религіознымъ чувствомъ народа, надъ его усердіемъ къ вѣрѣ, надъ христіанскимъ учрежденіемъ, которое кажется ин-

---

*) Извѣстно, что только англійское правительство положило въ Индустанѣ конецъ сожженію вдовъ вмѣстѣ съ трупами мужей и самоубійствамъ подъ колесами ягернаутскаго идола.

телингенціи отсталымъ, наконецъ надъ представителемъ вѣры и церкви *).

Контъ старается представить религіозность слѣдствіемъ недостатка знаній, недостатка образованія, а иррелигіозность—какъ результатъ научнаго пониманія вещей. Въ дѣйствительности дѣло происходитъ наоборотъ. Посмотрите вокругъ себя: гдѣ и откуда раздаются голоса или индифферентные къ религіи, или враждебные ей?—Недавно у насъ умерли два журналиста; по всеобщему признанію, высказанному невольнымъ образомъ почти всѣми органами печати, они не головою были выше всѣхъ своихъ коллегъ, а цѣлымъ туловищемъ. И оба они умерли съ мыслью о Богѣ въ умѣ и съ словомъ о немъ на устахъ. Оба они и въ своей журнальной дѣятельности были провозвѣстниками религіи, стремились достигнуть того, чтобы она имѣла какъ можно больше дѣйствія и на народъ, и на учащееся юношество. И никто не слышалъ, чтобы ихъ печатное слово было осквернено насмѣшкой надъ обрядомъ, глумленіемъ надъ строящейся колокольней, надъ подновляющимся иконостасомъ, чтобы представленіе о монастырѣ приводило ихъ въ ярость, какъ красный флагъ торреадора приводитъ въ ярость андалузскаго быка.—Такое отношеніе къ вѣрѣ, къ православію, имѣли и имѣютъ другіе органы печати, которыхъ мы не назовемъ, чтобы не вдаваться въ войну именъ собственныхъ. И также, по всеобщему признанію, редакторы ихъ

---

*) Еще на дняхъ «продернули» священника, который служилъ панихиду и молебенъ на станціи Лозовой въ присутствіи Царскаго семейства послѣ катастрофы 17 октября. Православный вождь русскаго народа, подъ впечатлѣніемъ страшнаго событія, подъ вліяніемъ чувствъ, которыхъ нельзя не понимать, нельзя не раздѣлять во всей ихъ полнотѣ, поцѣловалъ по православному обряду руку этого служителя Церкви, подавая этимъ, подобно своимъ предкамъ, высокій примѣръ уваженія къ Церкви, къ ея обрядамъ и къ ея служителямъ. И вотъ этого-то самого представителя вѣры нашли возможнымъ немедленно послѣ этого предать публичному осмѣянію современные органы печати! Да еще какіе?—Тѣ, которые считаютъ себя представителями національной политики какъ внутри, такъ и внѣ государства. Худое предзнаменованіе для будущаго!

далеко не доросли ни въ своихъ интеллектуальныхъ силахъ, ни въ образованіи до Каткова или Аксакова.

Что будущее принадлежитъ религіи, а не позитивизму или матеріализму, на это есть многія указанія. Одно изъ нихъ состоитъ въ современной всеобщей тенденціи къ улучшенію быта рабочихъ классовъ.

Можно надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, самый остро-болѣзненный пролетаріатъ въ З. Европѣ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени исчезнетъ. Не напрасно и религія, какъ католицизмъ, такъ и протестантизмъ, обратили на него вниманіе; за ними послѣдовали наука и государство. Всѣ эти согласно дѣйствующія причины могутъ достигнуть того, что въ средѣ европейскихъ населеній не будетъ наконецъ тѣхъ дикихъ людей, которые, вслѣдствіе крайней бѣдности, ростутъ безъ воспитанія, безъ нравственнаго руководства и внѣ всякой религіи.

Надѣяться на эти добрые результаты тѣмъ болѣе позволительно, что въ З. Европѣ почти вездѣ уже потеряли всякій кредитъ самыя несостоятельныя изъ утопій, тѣ, которыя, по мнѣнію Прудона, служатъ наибольшимъ препятствіемъ къ проведенію здоровыхъ общественныхъ реформъ, тѣ, которыя, къ сожалѣнію, у насъ мутятъ умы юношей, и также несомнѣнно служатъ тормазомъ для многихъ добрыхъ начинаній.—Такимъ образомъ, одного изъ видовъ иррелигіозности не будетъ или по крайней мѣрѣ онъ значительно сократится.

Другою причиною сокращенія этой почти стихійной иррелигіозности должно быть улучшеніе нравовъ, именно улучшеніе нравовъ семейныхъ, сокращеніе распутства,—сокращеніе, которое также составляетъ не благочестивое желаніе только, а историческій фактъ, наблюдаемый съ начала нашего столѣтія.—Безнравственность—это одинъ изъ источниковъ матеріализма, можетъ быть самый главный. Французскую философію 18-го вѣка настроила на матеріалистическое направленіе главнымъ образомъ безнравственность французскаго двора, все возраставшая со времени Возрожденія и въ 18 вѣкѣ достигшая

своего апогея. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сопоставить нѣкоторые факты. Мы уже говорили, что здравая научная философія причисляетъ къ матеріалистамъ, къ атеистамъ даже такія личности, которыя теоретически не отрицаютъ міра сверхчувственнаго, а отрицаютъ его жизнью, исключительнымъ служеніемъ интересамъ матеріальнымъ и полнымъ пренебреженіемъ къ принципамъ нравственности; наука, какъ мы уже видѣли, помѣщаетъ ихъ въ категорію матеріалистовъ практическихъ. Эти матеріалисты—настоящіе, дѣйствительные и полные матеріалисты, потому что нематеріалистическаго въ нихъ есть только одно слово, да и оно наконецъ помѣщается на одну сторону съ мыслью и съ жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, чего же недоставало Людовику XV или Регенту, или ихъ придворнымъ и вообще французскому дворянству 18-го вѣка для того, чтобы быть полными и совершенными матеріалистами?—Если недоставало образованія, литературной сноровки, чтобы формулировать философскую систему, соотвѣтствующую жизни и дѣйствительно существовавшимъ воззрѣніямъ, то этому горю могли помочь публицисты и философы, жившіе подачками короля и вельможъ. А затѣмъ, распространеніе матеріализма съ одной стороны примѣромъ сильныхъ міра, съ другой—путемъ литературы было уже дѣломъ очень легкимъ и совершилось въ теченіи короткаго времени. А изъ Франціи развратъ и матеріализмъ распространились быстро по всей Европѣ.—Россія, которая до реформы Петра въ отношеніи чистоты семейныхъ нравовъ представляла страну, недалеко отстоявшую отъ христіанскаго идеала, въ 18 столѣтіи не отстала отъ разврата З. Европы, если даже не ушла впередъ; и когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія на западѣ началась реакція этому направленію, Россія не послѣдовала за Европой; этому не благопріятствовали еще многія обстоятельства, между прочимъ и больше всего крѣпостное состояніе и отсутствіе почти всякаго нравственнаго вліянія со стороны церковной іерархіи. И теперь факты неотразимо свидѣтельствуютъ, что русская «интеллигенція», исповѣдуя позитивизмъ или матеріализмъ въ философіи,

въ то-же время представляетъ общество наиболѣе развратное въ цѣломъ мірѣ. Въ то время, какъ соціализмъ съ характеромъ разврата уже окончательно сошолъ со сцены, у насъ онъ еще составляетъ послѣднее и самое авторитетное слово науки и рекомендуется «интеллигенціи» для практики. Въ то время, какъ во Франціи сами рабочіе стремятся женщину вывести изъ такого положенія, которое приводитъ ее къ паденію, стремятся ограничить ея дѣятельность трудами въ нѣдрахъ семейства, у насъ именно то и прославляется, что женщина покидаетъ «нѣдра семейства»; во Франціи демократическое правительство, уничтожившее въ школахъ преподаваніе Закона Божія и даже удалившее изъ ихъ помѣщеній иконы, оставило законы о бракѣ и разводѣ въ томъ видѣ, который имъ раньше дало законодательство, исходя изъ ученій христіанскихъ; даже революціонная коммуна подтвердила эти законы; а у насъ «интеллигенція» даже въ православной Москвѣ собственнымъ авторитетомъ отмѣнила ихъ на практикѣ. И ученіе г. Чернышевскаго о новомъ оспопрививаніи на практикѣ далеко распространилось, такъ что кн. Крапоткинъ напечаталъ нѣчто вродѣ дополненія къ нему, брошуру о вытравленіи плода для употребленія дѣвицъ, слѣдующихъ принципамъ реформированной нравственности.

И въ этомъ главнымъ образомъ заключается причина распространенія матеріализма. Интеллигенція сняла съ себя маску. Когда послѣ смерти Людовика XIV Регентъ ввелъ слишкомъ открыто вольные нравы при дворѣ въ соединеніи съ крайнею иррелигіозностью и до него дошло, что общественное мнѣніе осуждаетъ его за это, то онъ возразилъ: что-же произошло особеннаго? Нравы остаются тѣже, что были прежде, и религіозность та-же самая; только однимъ порокомъ стало меньше, лицемѣріемъ. — „Интеллигенція“ также только освободилась отъ порока лицемѣрія, сняла съ себя маску и открыто приняла принципы свободной любви и философскаго матеріализма, послѣ того какъ наши философы, публицисты и беллетристы разъяснили ей всѣ достоинства того и другаго.

Но есть уже указанія, что этотъ нравственный складъ

общества приближается если не къ концу, то къ началу конца, что le commencement de la fin для него уже наступило. Мы уже имѣли случай сказать, что нѣкоторые изъ видовъ провокаціи разврата у насъ исчезли; и произошло это, разумѣется, не случайно. Потому можно надѣяться, что и другіе камни преткновенія для нравственности подростающихъ поколѣній также понемногу будутъ исчезать. Уже не только въ жизни, но и въ литературѣ повѣяло новымъ духомъ, хотя прежній еще очень силенъ, почти всецѣло господствуетъ

Такимъ образомъ улучшаются всѣ условія, которыя должны имѣть вліяніе на философію будущаго времени.

И дѣйствію ихъ подвергся даже самъ основатель позитивной философіи, допустившій уклоненіе отъ нея въ двухъ существеннѣйшихъ пунктахъ, въ ученіи о системѣ наукъ и о религіи.—Первоначальная его система наукъ обнимала математику, астрономію, физику, химію, біологію и соціологію. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза недостаточное вниманіе, оказываемое изученію человѣка. Ученіе о немъ въ его свойствахъ, въ его природѣ, содержится только въ біологіи, которая разсматриваетъ его съ точки зрѣнія естественно-исторической, и въ соціологіи, которая разсматриваетъ человѣка и его свойства только въ его отношеніяхъ къ другимъ людямъ.

Контъ, какъ воспитанникъ Политехнической школы и потомъ ученикъ С. Симона, не понималъ значенія наукъ нравственныхъ; имъ не было мѣста въ его системѣ; психологія, логика, все это у него замѣняется физіологіею; для филологіи у него такъ-же не нашлось мѣста равно какъ для политической экономіи, для наукъ юридическихъ. Къ легистамъ онъ имѣетъ нерасположеніе, вынесенное еще изъ общенія съ С. Симономъ.—Но прошло 25 лѣтъ времени и умственной работы, хотя въ значительной мѣрѣ безпорядочной и неосмысленной, и факты, которые назойливо тѣснились передъ глазами, привели его къ попыткѣ дополнить систему, т. е къ признанію ея неполноты, недостаточности. Вотъ что говоритъ наконецъ самъ онъ о соціологіи, составляющей вѣнецъ всей

его философіи и преимущественно предъ другими позитивными науками посвященной изученію человѣческой природы со стороны психической, хотя все-таки въ размѣрѣ крайне незначительномъ: «она не обнимаетъ еще всего того, что составляетъ природу человѣческую. Наши главныя свойства въ ней недостаточно оцѣнены. Она разсматриваетъ въ человѣкѣ только пониманіе и дѣятельность въ связи со всѣми нашими низшими свойствами, но не обращая вниманія на ихъ подчиненіе чувствованіямъ, которыя надъ ними господствуютъ. Чувствованія находятъ мѣсто въ соціологіи только изъ-затѣхъ побужденій, которыя они оказываютъ въ общей жизни или изъ-за измѣненій, которымъ они сами подвергаются съ ея стороны. Что касается до ихъ собственныыхъ законовъ, они могутъ правильнымъ образомъ быть изучаемы только въ морали, гдѣ они получаютъ значеніе, соотвѣтствующее ихъ высшему достоинству въ совокупности природы человѣческой» *).—Слѣдствіемъ этого взгляда и было то, что онъ кругъ наукъ, образующихъ систему позитивной философіи, нашолъ нужнымъ дополнить наукою о морали или, говоря общепринятыми терминами, психологіею. Это не значитъ, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ это дополненіе; позитивная философія такъ и осталась зданіемъ безъ свода, безъ этой науки, имѣющей предметомъ высшія способности человѣка, которую Контъ считаетъ столь важною, что даетъ ей имя «science finale». Онъ только поговорилъ о значеніи ея въ Catéchisme positiviste, и хотя читателю было весьма естественно ожидать, что послѣ этого авторъ изложитъ ему наконецъ обстоятельное ученіе о душѣ, независимо отъ физіологіи, о высшихъ способностяхъ ея, объ ихъ дѣятельности, ихъ характерѣ; но вмѣсто всего этого Контъ далъ ему «позитивную классификацію восемнадцати внутреннихъ функцій мозга или систематическую таблицу души», и для объясненія ея прибавилъ со словъ Галля, что всѣ высшія функціи человѣка,

*) Catéchisme positiviste, стр. 123.

какъ умственныя такъ и нравственныя, имѣютъ каждая свою опредѣленную резиденцію въ мозговомъ аппаратѣ и что кажущаяся борьба между эгоистическими и симпатическими чувствами есть ничто иное, какъ «дѣйствительная оппозиція (opposition réelle) между заднею массою мозга, гдѣ пребываютъ инстинкты личные, и областью переднею, обѣ находятся отдѣльно побужденія симпатическія и способности интеллектуальныя» (ib. стр. 129).—Въ этомъ и состоитъ вся его мораль, вся его психологія, все его ученіе о высшихъ способностяхъ природы человѣка.—Двадцать-пять лѣтъ умственной дѣятельности, направленной исключительно на явленія міра вещественнаго, уже лишили его способности не только разсуждать философскимъ образомъ о психическихъ явленіяхъ, но даже только наблюдать ихъ независимо отъ физіологіи и анатоміи. Очевидно, онъ былъ совершенно искрененъ, когда отрицалъ возможность внутренняго психическаго наблюденія.

Другая система ученій, прибавленныхъ Контомъ въ послѣдствіи къ чистому ученію позитивизма, состоитъ въ его новой религіи *). Религія, основанная отчасти на матеріализмѣ, отчасти на незнаніи и на нежеланіи знать первую причину всего существующаго, религія, отрицающая самостоятельный духовный элементъ въ человѣкѣ и въ природѣ! Это конечно нѣчто крайне оригинальное, что могло придти въ голову только философу, который отрицаетъ философію, человѣку, который, по всей вѣроятности, не вполнѣ исцѣлился отъ своей психической болѣзни. И если она почему-нибудь можетъ служить предметомъ вниманія людей, знающихъ цѣну времени, то только, какъ умственная уродливость. У Конта, не признающаго бытія міра сверхчувственнаго, есть свой Богъ; его Богъ называется Le Grand Etre, Великое существо. Это Великое Существо не мыслитъ, не чувствуетъ, ничего не дѣлаетъ, и никогда ничего не дѣлало, оно

---

*) Ученіе Конта о религіи и будущемъ соціальномъ устройствѣ общества изложено имъ въ сочиненіи Système de politique positive. 4 тома. Paris. 1851—1854 г. и, кромѣ того, въ сокращеніи въ Catéchisme positiviste.

и не сознаетъ само себя; тѣмъ не менѣе оно есть Богъ. Оно состоитъ изъ совокупности всѣхъ людей, живущихъ, жившихъ и имѣющихъ жить; это все человѣчество въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, состоящее изъ недѣлимыхъ, которыя, однако, сами состоятъ только изъ одного тѣла, никакого духовнаго начала не имѣютъ и умирая прекращаютъ свое существованіе во всей полнотѣ. Можетъ быть такой взглядъ на человѣка привелъ Конта къ тому, что въ составъ Великаго Существа онъ допускаетъ даже животныхъ, тѣхъ, которыя приносили особую пользу человѣку или выказали такія свойства, которыя заслуживаютъ одобренія даже и въ человѣкѣ, повидимому разумѣя здѣсь такихъ историческихъ животныхъ, какъ левъ Андрокла или Обріева собака, а можетъ быть даже и всѣхъ вообще животныхъ высшихъ разрядовъ, у которыхъ Контъ находитъ «полный составъ всѣхъ нашихъ высшихъ функцій (психическихъ) съ разницею только въ степени *). Кромѣ Великаго Существа, въ религіи Конта предметомъ поклоненія людей должны служить еще Великій Фетишъ и Великая Среда. Великій Фетишъ—это земля, на которой мы живемъ, на которой жили наши предки и будутъ жить наши потомки, т.-е. земля, какъ обиталище Великаго Существа. Великая Среда—это небесное пространство, въ которомъ земля движется, двигалась и будетъ двигаться.

Само собою разумѣется, что со введеніемъ позитивнаго культа, всѣ нынѣшнія религіи непозитивныя перестанутъ существовать со всѣми ихъ подробностями, которыя будутъ замѣнены новыми, соотвѣтствующими позитивной философіи. Изъ нихъ, всего больше и чаще бросается въ глаза календарь, одна изъ наиболѣе курьезныхъ выдумокъ Конта. Разумѣется, ни отъ Юліанскаго, ни отъ Григоріанскаго календаря не останется и слѣда; а будетъ введенъ календарь позитивный, состоящій изъ 13 мѣсяцевъ, которые будутъ посвящены или основнымъ связямъ, соединяющимъ людей, или историческимъ явленіямъ, хотя от-

*) Catéchisme positiviste, Paris. 1852 стр. 155.

жившимъ, но игравшимъ въ свое время извѣстную роль и приготовлявшимъ человѣчество къ позитивному соціальному устройству, или наконецъ нѣкоторымъ особымъ вліяніемъ, «провидѣніямъ», которыя будутъ призваны играть роль при позитивномъ устройствѣ. Названія мѣсяцевъ слѣдующія: 1-й Человѣчество, 2-й Бракъ, 3-й Отчество (paternité), 4-й Сыновство (filiation), 5-й Братство, 6-й Прислужничество (Domesticité). Это первый отдѣлъ. Второй состоитъ изъ слѣд. мѣсяцевъ: 7-й Фетишизмъ, 8-й Политеизмъ и 9-й Монотеизмъ. Наконецъ послѣдній отдѣлъ: 10-й Женщина или Провидѣніе нравственное, 11-й Жречество (Sacerdoce), или Провидѣніе умственное, 12-й Патриціатъ или Провидѣніе вещественное наконецъ 13-й Пролетаріатъ или Провидѣніе общее. Каждый мѣсяцъ будетъ раздѣленъ на четыре недѣли: въ каждой недѣлѣ одинъ день будетъ праздничный и будетъ чествовать что-нибудь имѣющее связь съ культомъ мѣсячнымъ; напр. въ Человѣчествѣ, т.-е. въ первомъ мѣсяцѣ, первый праздникъ, т.-е. первое Воскресенье, будетъ посвящено чествованію союза религіознаго, второе чествованію союза историческаго, третье политическаго, четвертое общиннаго. Въ Патриціатѣ, 12-мъ мѣсяцѣ, въ первое Воскресенье*) чествуется банкиръ, во второе купецъ, въ третье фабрикантъ, въ четвертое сельскій хозяинъ. Но этотъ календарь, можетъ быть вслѣдствіе своей нѣкоторой отвлеченности, отлагается Контомъ до времени окончательнаго введенія позитивной политики, а первоначально на время переходное всѣ существующіе календари должны уступить мѣсто другому календарю, имѣющему болѣе сходства съ нынѣшними календарями, въ которыхъ есть своего рода святые и при томъ разныхъ степеней. Этотъ календарь также раздѣляется на 13 мѣсяцевъ, называемыхъ именами историческихъ личностей, признаваемыхъ Контомъ наиболѣе заслуженными въ исторіи человѣчества, въ разныхъ отрасляхъ дѣятельности. 1-й мѣсяцъ Моисей, представитель первоначальной

*) Дни недѣли, впрочемъ, не сохранятъ своихъ названій. Воскресенье будетъ называться Humanidi, Понедѣльникъ Maridi, потомъ по порядку Patridi, Filidi, Fratridi, Domidi и Matridi.

ѳеократіи, 2-й Гомеръ, представитель древней поэзіи, 3-й Аристотель, представитель др. философіи, 4-й Архимедъ—др. науки, 5-й Цезарь—военной цивилизаціи, 6-й Ап. Павелъ—католицизма, 7-й Карлъ В.—феодальной цивилизаціи, 8-й Данте—новой эпопеи, 9-й Гуттенбергъ—новой промышленности, 10-й Шекспиръ—новой драмы, 11-й Декартъ—новой философіи, 12-й Фридрихъ II—новой политики, 13-й Биша—новой науки.

Мы воздержимся отъ пространныхъ замѣчаній на оцѣнку историческихъ личностей, чтобъ не растягивать и безъ того слишкомъ длинный обзоръ ученій Конта. Но всякій, кто болѣе или менѣе основательно знакомъ со всеобщею исторіею, просматривая этотъ календарь Конта, весьма легко замѣтитъ, что нѣкоторыя историческія лица, которыхъ дѣятельность была наиболѣе плодотворна или вообще имѣла наибольшее вліяніе, въ немъ даже не упомянуты; съ другой стороны за главныхъ представителей нѣкоторыхъ отраслей дѣятельности приняты тѣ, которые играли роль только второстепенную, наконецъ нѣкоторые и притомъ важнѣйшіе роды дѣятельности совсѣмъ не представлены, напр. законодательство, причемъ Ликургъ помѣщенъ въ разрядъ ѳеократіи, Солонъ въ разрядъ представителей философіи. Клиѳенъ, Сервій Туллій, Лициній совсѣмъ не нашли мѣста. Демосѳенъ оказался въ ряду представителей военнаго дѣла; Геродотъ, Ѳукидидъ—въ числѣ философовъ *).

Изъ историческихъ дѣятелей восточной Римской имперіи ни одинъ не нашелъ мѣста въ календарѣ, равнымъ образомъ не попалъ въ него почти никто изъ славянскихъ государей, законодателей и воиновъ; ни Владиміръ Святой, ни Дмитрій Донской, ни Мининъ, ни Петръ I, ни Казиміръ В. ни Гуссъ, въ то время, какъ изъ исторіи Западной Европы въ него помѣщены не только Жанна Д'Аркъ, Сидъ, Фердинандъ III, но даже аб. Сюже, Генрихъ II (нѣмецкій), св. Клотильда, св. Батильда и пр.—Но съ другой въ него не вошли Лютеръ, Фультонъ, Елисавета англійская, Кромвель и др.

---

*) Отрывокъ изъ календаря помѣщенъ ниже въ прил. Г.

Контъ до такой степени не сомнѣвался, что время употребленія его календаря скоро наступитъ, что самъ уже началъ употреблять его въ своихъ сношеніяхъ съ другими лицами. Такъ письмо къ Императору Николаю датировано имъ 19-го Биша 64 года или 20 декабря 1852 года.—Его эра стало быть начинается въ 1789 году. Черезъ полтора мѣсяца, 7-го Гомера 65 года (4 февраля 1855) онъ писалъ подобное письму Решиду-Пашѣ, стараясь и его обратить въ позитивную вѣру. Еще черезъ годъ, 22 Моисея 66 года (22 января 1854) онъ писалъ циркуляръ къ послѣдователямъ позитивной философіи относительно денежной субсидіи; раньше подобный же циркуляръ былъ разосланъ 27 Аристотеля 63 года.—Неакуратность и недостаточное усердіе вѣрующихъ въ уплатѣ субсидіи Конту имѣли слѣдствіемъ то, что въ проектѣ организаціи будущаго общества и будущаго культа онъ обратилъ на эту сторону особое вниманіе. Іерархія позитивной вѣры должна состоять изъ трехъ степеней: кандидатовъ, викаріевъ и жрецовъ; для каждой степени Контъ назначилъ опредѣленное содержаніе: кандидату 3,000 фран., викарію 6,000, а жрецу 12,000; кромѣ того, особыя средства для объѣзда діоцезовъ *). Но, кромѣ этихъ трехъ степеней, будетъ еще высшая іерархія, сначала 4 высшіе начальника по одному на каждую національность **); это что-то вродѣ епископовъ; имъ назначается содержаніе по 30,000 франковъ. Наконецъ, общій начальникъ вѣры для всего міра, Верховный жрецъ, который будетъ получать 60,000 независимо отъ издержекъ собственно на дѣлопроизводство и вообще на управленіе. Одинъ изъ критиковъ Конта по этому поводу дѣлаетъ злоумышленное замѣчаніе, что основатель положительной философіи въ этомъ случаѣ остался вѣренъ характеру ея и наиболѣе «положитель-

---

*) Syst de p. p. IV, 255 и слѣд. Численность всего жреческаго персонала Контъ полагаетъ въ 20,000 для всей запад. Европы. — Будутъ построены также храмы очень большихъ размѣровъ, одинъ храмъ на 10,000 семействъ.

**) Объ этомъ см. ниже, стр. 819.

ную» сторону дѣла разработалъ съ должнымъ вниманіемъ. Всѣ духовныя лица обязательно должны быть женатыя.

Какъ соціалистъ, Контъ, подобно другимъ реформаторамъ, проектируетъ раньше введенія окончательной соціальной реформы переходный, подготовительный періодъ. Какъ онъ начнется, чьимъ почином, этого Контъ нигдѣ не высказываетъ. Можетъ быть онъ разсчитывалъ на президента республики въ 1851 и 1852 г.; впослѣдствіи повидимому ожидалъ революціи, народнаго возстанія. По крайней мѣрѣ при самомъ началѣ онъ предоставлялъ поле дѣйствія парижскому народонаселенію, которому, однако, не предоставлялось права поступить, какъ оно хочетъ; а оно должно было исполнить программу, начертанную Контомъ, должно было избрать «нѣкоторыхъ выдающихся пролетаріевъ», съ тѣмъ, чтобы они пустили въ ходъ новую соціальную машину, изобрѣтенную Ог. Контомъ. Эти выдающіеся пролетаріи «не въ примѣръ прочимъ (exceptionnellement) будутъ возведены въ званіе верховныхъ начальниковъ французской республики» *). Они въ видѣ тріумвирата будутъ облечены диктаторскою властью, по примѣру римскихъ «triumviri reipublicae constituendae»; и власть ихъ будетъ пожизненная. При нихъ будетъ состоять особое трехгодичное собраніе изъ капиталистовъ, исключительно финансоваго характера, безъ всякой законодательной власти.

Кому на долю выпадетъ составить этотъ диктаторскій тріумвиратъ, состоящій изъ выдающихся пролетаріевъ, объ этомъ Контъ ничего не говоритъ. Да въ этомъ и нѣтъ надобности. И безъ того всякій легко пойметъ, кому сила вещей предназначаетъ быть во главѣ республики; ужъ разумѣется не Фр. Араго съ его товарищами, не совѣту Политехнической школы и Академіи наукъ.

Вступивши въ званіе начальниковъ республики, чѣмъ займутся прежде всего наши тріумвиры? — Прежде всего они изберутъ себѣ преемниковъ, уже не изъ пролетаріевъ, а изъ

---

*) Systéme de politique positive. T. 3-й, стр. XLI.

крупныхъ промышленниковъ, изъ patriciat industriel, но власти своей имъ не уступятъ, а сначала займутся еще окончанiемъ воспитанiя ихъ, потому что воспитанные подъ влiянiемъ легистовъ, крупные промышленники «не имѣютъ той совокупности взглядовъ и возвышенности чувствъ», которыхъ требуетъ ихъ предназначенiе, и «имѣютъ надобность въ томъ, чтобы докончить свое воспитанiе подъ руководствомъ выдающихся пролетарiевъ».—Такимъ образомъ дѣятельность первоначальныхъ диктаторовъ французской республики будетъ имѣть характеръ конституцiонный, законодательный, административный и непосредственно-педагогическiй.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новоизбранной диктатуры будетъ уничтоженiе бюджета церковнаго, университетскаго и академическаго. Это камень въ огородъ Фр. Араго съ товарищами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, армiя будетъ распущена и замѣнена восемьюдесятью тысячами жандармовъ. Методъ диктатуры при изданiи законовъ будетъ состоять въ томъ, что проекты законовъ будутъ предварительно публиковаться, такъ что всякiй будетъ имѣть возможность заранѣе обсудить ихъ выгодныя и невыгодныя стороны, и высказать объ этомъ свое мнѣнiе. Мало-по-малу Францiя будетъ подготовляться къ раздѣленiю на 17 небольшихъ республикъ, съ какою цѣлью она будетъ предварительно раздѣлена на 17 провинцiй.—Будетъ произведена реформа дипломатическихъ сношенiй въ томъ смыслѣ, что къ народамъ Запада, не имѣющимъ достойныхъ начальниковъ, французская диктатура будетъ обращаться непосредственно, а на Востокѣ она будетъ обращаться къ «властителямъ мудро-прогрессивнымъ» (à des pouvoirs sagement progressifs); обращенiе Ог. Конта къ имп. Николаю есть образецъ этой дипломатiи, тутъ есть обращенiе будущаго диктатора къ властителю мудро-прогрессивному.

Система позитивной политики, какъ мы отчасти уже видѣли, не ограничивается одною Францiею; а постепенно должна распространиться сначала на весь Западъ, а потомъ и на Востокъ. Прежде всего она будетъ введена въ Италiи и Испа-

нiи, потомъ въ Германiи и Англiи, которыя также будутъ раздѣлены на маленькiя республики, число которыхъ во всей З. Европѣ будетъ простираться до шестидесяти. Весь подготовительный перiодъ позитивной политики потребуетъ времени равнаго перiоду половины одного людскаго поколѣнiя, такъ что послѣ первоначальной диктатуры уже образуется нормальное позитивное правительство, состоящее также изъ трiумвирата, избраннаго диктаторами изъ среды промышленнаго патрицiата и довоспитаннаго ими. На будущее время смѣна однихъ правителей другими пойдетъ тѣмъ-же порядкомъ. Власть трiумвировъ будетъ по имени наслѣдственною, а въ сущности избирательною. Только избираться правители будутъ не народомъ, а предшественниками, которые будутъ назначать себѣ наслѣдниковъ посредствомъ усыновленiя лицъ, принадлежащихъ къ другимъ родамъ, подобно тому, какъ это было въ Римѣ, со времени Нервы; Контъ въ письмѣ къ имп. Николаю даже высказываетъ надежду, что его «достойный наслѣдникъ», т. е. будущiй императоръ Александръ II, самъ получивши власть на основанiи прежняго порядка, себѣ наслѣдника назначить уже посредствъ усыновленiя, согласно съ принципами позитивной политики *). Подобнымъ образомъ поступятъ всѣ дворяне и капиталисты, такъ что съ одной стороны вслѣдствiе этого кастовое устройство общества уничтожится, съ другой капиталы будутъ переходить во владѣнiе и въ распоряженiе людей способныхъ **). На капиталъ Контъ смотрѣлъ совсѣмъ не такъ, какъ нѣкоторые другiе социалисты, какъ на нѣчто паразитное, а вполнѣ согласно съ православною политическою экономiею, т. е. что капиталъ оплодотворяетъ промышленность, умножаетъ въ громадныхъ размѣрахъ произведенiя ея; и въ прiобрѣтенiи капиталовъ Контъ видитъ одну изъ самыхъ большихъ общественныхъ заслугъ. Капиталъ, слѣдуя ему, имѣетъ одну заслугу, которой не подозрѣвали

---

*) Ib XLIV.

**) См. Syst de Pol. pos. т. IV стр. 332 и Catéchisme positiviste стр. 302.

не только экономисты, но и философы, и которой не отгадаетъ ни одинъ читатель, не читавшій Конта. Дѣло въ томъ, что такъ какъ съ помощію капитала люди обыкновенно работаютъ не для своего потребленія, а для продажи, для употребленія другихъ, то это ведетъ къ развитію въ людяхъ чувствъ альтруистическихъ, подъ которыми Контъ разумѣетъ чувства симпатическія, чувства любви къ ближнему *). Разумѣется этотъ абсурдъ доказать нельзя; Контъ его и не доказываетъ, а старается нѣсколько разъяснить, даже вывести его генетическимъ путемъ, причемъ разумѣется генезисъ является только видимый. И это есть одно изъ мѣстъ въ его многотомныхъ сочиненіяхъ, которое наиболѣе нагляднымъ образомъ показываетъ, что его логика далеко не обладаетъ качествами, нужными для философскаго мышленія **). И притомъ это мѣсто очень важно въ его системѣ. Оно есть краеугольный камень всего соціальнаго устройства по принципамъ позитивной политики, которая предоставляетъ управленіе государствомъ промышленному классу, или точнѣе капиталистамъ.—Впрочемъ, это положеніе позитивной политики нужно понимать съ значительнымъ ограниченіемъ. Промышленный классъ не будетъ вполнѣ самостоятеленъ какъ въ управленіи, такъ даже въ самой промышленной дѣятельности. И въ томъ и другомъ случаѣ онъ подчиняется точнымъ указаніямъ сословія жреческаго, руководимаго верховнымъ жрецомъ, своего рода непогрѣшимымъ папою новой религіи.

Такъ что въ сущности власть жрецовъ въ позитивномъ

---

*) Альтруизмъ у него противополагается эгоизму. Слово это образовано отъ латинскаго alter, а можетъ быть даже отъ французскаго autrui. Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ барбаризмовъ, которыя изобрѣлъ позитивизмъ, какъ соціакратія, соціолатрія и соціологія. Всѣ они образованы изъ двухъ корней: греческаго и латинскаго или скорѣе французскаго; другихъ примѣровъ подобной варварской филологіи въ наукѣ не встрѣчается. Только Фурье употреблялъ такія словообразованія, какъ цислегомены, транслегомены, онзархъ, дузархъ и т. п. Но писанія Фурье къ научной литературѣ не относятся.

**) См. Syst. de Pol. pos. т. II стр. 157 и слѣд.

государствѣ имѣетъ несравнено большій авторитетъ, чѣмъ власть капиталистовъ, хотя она имѣетъ характеръ главнымъ образомъ моральный.

У Конта, кромѣ этихъ двухъ властей, является еще третья и даже четвертая власть. Третья власть—это нравственная власть женщинъ, именно только нравственная. Контъ женщинѣ даетъ въ семействѣ положеніе подчиненное, и по этому предмету имѣлъ полемику съ Миллемъ. Его мысль касательно положенія женщины очень оригинальна или лучше изворотлива. Онъ говоритъ, что женщина должна принять съ благодарностью справедливое практическое господство (la juste dominaton pratique) мужчины» *) именно съ тою цѣлью, «чтобы лучше развить свое нравственное преобладаніе». Можно замѣтить на это, что тѣ женщины, которыя одарены значительными нравственными силами, и въ настоящее время имѣютъ значительное преобладаніе въ семействѣ и даже нерѣдко имѣютъ вліяніе въ государствѣ. Но это случаи невсеобщіе и даже очень рѣдкіе; нѣтъ причины думать, чтобы и въ будущемъ они могли получить болѣе широкое распространеніе, чтобы въ будущемъ изъ подчиненія чаще возникало преобладаніе, чѣмъ теперь.

Четвертая власть, власть пролетаріата, также имѣетъ главнымъ образомъ характеръ нравственный. Ея первое и постоянное дѣйствіе состоитъ въ томъ, что чрезъ него и въ средѣ его преимущественно составляется такъ называемое общественное мнѣніе, въ средѣ его составляются репутаціи. Особенность организаціи проектируемой Контонъ, состоитъ въ томъ, что у него, вопреки pio desiderio всѣхъ экономистовъ и соціалистовъ средній (въ имущественномъ отношеніи) классъ совсѣмъ исчезаетъ, и весь народъ состоитъ только изъ двухъ сословій: патриціата и пролетаріата**). Такимъ образомъ пролетаріатъ у него играетъ двѣ роли:

*) Ib. 193.

**) Cat. стр. 300. И въ этомъ Контъ видитъ двѣ добрыя стороны. Первое, патриціатъ дѣлается компактнѣе, авторитетнѣе и даже способнѣе. Второе, исчезаетъ классъ людей наиболѣе безпокойный, честолюбивый, жестокосердный, относящійся съ презрѣніемъ къ пролетаріату и съ завистью къ патриціату. Это все отголоски мнѣній С. Симона, образовавшихся подъ вліяніемъ промышленныхъ магнатовъ.

собственную свою, пролетаріатскую и кромѣ того роль западно-европейской мелкой буржуазіи. Немудрено, что Контъ предоставляетъ ему значительное вліяніе въ общей жизни общества, такъ что пролетаріатъ дѣлаетъ указанія даже жрецамъ и патриціату, напоминаетъ имъ объ ихъ назначеніи *).

Итакъ образуются въ обществѣ четыре вліянія: жреческое, патриціанское, женское и пролетаріатское, которымъ Контъ даетъ имя провидѣній (providences). Жреческое провидѣніе—умственное., патриціанское—матеріальное, женское—нравственное и наконецъ пролетаріатское—всеобщее (providence générale). Изъ ихъ взаимнодѣйствія образуется совершеннѣйшій соціальный порядокъ, которому Контъ даетъ названіе соціократіи. Соціократія впрочемъ иногда можетъ подвергаться и пертурбаціямъ, вслѣдствіе столкновенія разныхъ вліяній. И стоитъ обратить вниманіе на средства, которыми возстановляется нормальное теченіе дѣлъ. Что будетъ, напр. если пролетаріатъ не подчинится никакому вліянію, а будетъ преслѣдовать только свои цѣли, можетъ быть узко сословныя? Въ такомъ случаѣ правительство, т. е. патриціанскій тріумвиратъ, по указанію жрецовъ, должно образовать «матеріальную силу способную измѣнить непрямымъ образамъ намѣренія (les volontés), сообразно предписанію или запрещенію извѣстныхъ фактовъ **). Это обыкновенный способъ Конта выражаться темно; но несомнѣнно, что за этими словами скрывается мысль объ употребленіи вооруженной силы, объ экзекуціи съ помощію жандармовъ, которыя безъ сомнѣнія для подобныхъ цѣлей и существуютъ въ числѣ 80,000 человѣкъ. Въ другомъ мѣстѣ ***) Контъ прямо говоритъ, что жрецы имѣютъ право употреблять

---

*) Cat. 112. Значеніе пролетаріата будетъ основываться на его сравнительной численности. Все населеніе З. Европы по мнѣнію Конта простирается до 120.000.000 жителей. Изъ нихъ 20 тысячъ лицъ принадлежащихъ къ жреческому сословію 2 т. банкировъ, 100 т. торговцевъ. 200 т. мануфактуристовъ и 400 т. землевладѣльцевъ. Все остальное составитъ массу пролетаріата.

**) Système. T. II, стр. 318.

***) Cat. 308.

строгія мѣры (sévir); къ ихъ числу относится даже экскоммуникація, состоящая въ томъ, что человѣкъ, оставаясь полнымъ собственникомъ своихъ богатствъ, ставится въ такое положеніе, что принужденъ лично заботиться объ удовлетвореніи своихъ потребностей (forcé de pourvoir personnellement à sa subsistance). Любопытно, что средство это, предложенное Контомъ въ 1854 году (т. IV стр. 335), впослѣдствіи возникло на практикѣ въ Англіи или точнѣе въ Ирландіи, гдѣ капитанъ Бойкотъ былъ подвергнутъ этому роду наказанія феніями. Это одно изъ орудій революціонной борьбы, получившее отъ имени кап. Бойкота названіе бойкотированія.

Впрочемъ, это крайность нежелательная. Контъ думаетъ, что почти всегда жреческое сословіе будетъ съ успѣхомъ дѣйствовать, ограничиваясь только мѣрами нравственными. И одною изъ его задачъ, можетъ быть самою главною, при этомъ будетъ то, чтобы поставить пролетарія въ удовлетворительное положеніе во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы пролетаріи получали правильное и достаточное воспитаніе и образованіе, чтобы они получали достаточную заработную плату и чтобы наконецъ ихъ помѣщенія, квартиры посредствомъ небольшой надбавки къ наемной платѣ, сдѣлались ихъ полною собственностью *). Что касается до другой собственности, земли, орудій производства, вообще капиталовъ, Контъ думаетъ, что стремленіе рабочихъ къ ней «было-бы столь-же **противно ихъ пользѣ, какъ и ихъ долгу»** **).

Нѣкоторымъ объясненіемъ этой мысли можетъ служить то, что Контъ ставитъ рабочаго въ такое положеніе, что ему нѣтъ надобности желать собственности въ томъ размѣрѣ, который ему можетъ быть доступенъ. Контъ обезпечиваетъ рабочему постояннаго жалованья 100 ф. въ мѣсяцъ, независимо отъ того, сколько и какъ онъ работалъ въ теченіи мѣсяца. Это составляетъ 1300 фр. въ годъ по числу мѣсяцевъ позитивнаго ка-

---

*) Cat. 307. Впрочемъ Контъ, согласно съ Бюше и Прудономъ, не называетъ ее собственностью, а только владѣніемъ (possession).

**) Systeme. IV, 338.

лендаря. Кромѣ того, рабочій долженъ получать около 7 франковъ въ день поденной платы, что составитъ въ годъ около 2200 фр. въ годъ. Общая сумма будетъ простираться до 3,500 франковъ *), что при безплатной квартирѣ, конечно, составляетъ доходъ, вполнѣ достаточный для безбѣднаго существованія. И при этомъ квартира не въ родѣ тѣхъ, которыя рабочіе занимаютъ теперь, а вполнѣ приличная, свѣтлая и здоровая въ 7 комнатъ **). Контъ щедрѣе Л. Блана, и если не щедрѣе, то гораздо опредѣленнѣе г. Чернышевскаго!

Не одобряя вообще идей равенства, Контъ между прочимъ допускаетъ въ своей будущей республикѣ классъ прислуги. такъ какъ хотя роскоши будетъ вообще меньше, тѣмъ не менѣе «исполненіе общественныхъ обязанностей соединено было бы съ чрезвычайными затрудненіями, если-бы патриціи и жрецы обязаны были трудами членовъ своихъ семействъ исполнять всякія хозяйственныя дѣла» (IV, 294).

Соціальный проектъ Конта, не смотря на то, что авторъ, повидимому старается по возможности меньше расходиться съ дѣйствительностью, въ самомъ дѣлѣ отличается экономическимъ радикализмомъ не меньше, какъ и политическимъ. Онъ коммунизма не допускаетъ, у рабочаго отнимаетъ даже право стремиться къ пріобрѣтенію собственности, тѣмъ не менѣе и собственности не оказываетъ много уваженія. Его патриціи, владѣльцы капиталовъ и промышленные предприниматели, обязаны платить рабочимъ опредѣленное мѣсячное жалованье, и кромѣ того, такую-же опредѣленную суточную заработную плату, назначенную первымъ законодателемъ или верховнымъ жрецомъ, безъ вниманія къ тому, позволяетъ-ли состояніе рынка и цѣнъ платить ихъ.—Это не только нарушеніе правъ владѣльца, это нарушеніе законовъ производства, которое безъ послѣдствій не останется, которое приведетъ при мало мальски неблагопріятныхъ обстоятельствахъ къ потерѣ капитала. Далѣе капиталисты не имѣютъ права передать свое имущество дѣтямъ, а должны

*) Sys. de p. p. т. IV, стр. 341.

**) Ib. 295.

назначить своими наслѣдниками людей посторонних (включивъ ихъ предварительно въ свои семейства). А что-же станется послѣ ихъ смерти съ ихъ семействами? Конта этотъ вопросъ не интересовалъ, а каждаго изъ отцовъ семейства безъ сомнѣнія долженъ интересовать. Впрочемъ, объ экономической сторонѣ дѣла при разборѣ проекта Конта говорить было-бы напраснымъ и безцѣльнымъ трудомъ.—Привлечь къ себѣ кого бы то ни было, рабочихъ или учащуюся молодежь онъ не можетъ; не на такихъ основахъ онъ построенъ. Равнымъ образомъ и введенъ на практикѣ ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ.—Между всякаго рода умственнымъ пролетаріатомъ, въ особенности среди этой литературной нищеты, такъ-называемой богемы, которой стало такъ много въ большихъ городахъ Европы, конечно, можно набрать достаточно такихъ субъектовъ, которые охотно пойдутъ въ жрецы позитивной вѣры и въ верховные руководители политики позитивнаго государства; но чтобы владѣльцы капиталовъ согласились стать въ положеніе, проектируемое для нихъ Контомъ, это есть фантазія, неимѣющая подъ собою никакой основы. Конечно, Контъ разсчитываетъ на силу своего убѣжденія, но мы уже видѣли, какъ несостоятельны оказались подобные его разсчеты относительно президента-диктатора французской республики и императора Николая. Не болѣе оказали бы ему вниманія и владѣльцы капиталовъ. Даже и рабочіе не охотно пошли-бы въ его лагерь, потому что обѣщанія, совершенно ничѣмъ не подкрѣпленныя, не многихъ могутъ увлечь, въ особенности если рабочій ставится въ такое положеніе, что законъ даетъ ему только одно право, повиноваться и промышленному патриціату, и жреческому сословію съ перспективою примѣненія къ нему крутыхъ мѣръ въ случаѣ неповиновенія и безъ надежды когда-нибудь выйти изъ положенія паріи, проектированнаго для него основателемъ позитивной философіи.—Соціализмъ Конта остается вполнѣ вѣренъ духу его философіи. Какъ философію Контъ задумалъ подвергнуть самой радикальной реформѣ, не будучи знакомъ ни съ современнымъ состояніемъ ея, ни съ ея исторіею, даже

съ содержаніемъ ея, съ главнѣйшими ея вопросами и задачами, такъ и экономическій строй всего современнаго міра онъ подвергаетъ реформѣ, не изучивши политической экономіи, не зная законовъ производства богатствъ, не имѣя понятія о количествѣ капиталовъ, существующихъ въ странѣ, о ихъ производительности, т. е. о суммѣ ежегоднаго производства всѣхъ цѣнностей, всѣхъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію потребностей всего народа. Не обращая вниманія на эти основныя данныя, онъ проектируетъ для каждаго рабочаго 3,500 франковъ дохода и даровую квартиру въ 7 комнатъ; но откуда возьмутся эти 3,500 франковъ? Этотъ вопросъ онъ считаетъ излишнимъ. Онъ какъ-будто думаетъ, что въ дѣйствительности богатства также легко появляются согласно желанію человѣка, какъ они легко являются въ книгѣ согласно желанію автора. 3,500 франковъ дохода для каждаго изъ 5 мил. рабочихъ Франціи (такое число ихъ предполагаетъ Контъ), прибавляя къ этому хоть только 5,000 франковъ ежегоднаго дохода для каждаго изъ 700,000 капиталистовъ, потребовали-бы ежегоднаго дохода всей страны въ 20 мильярдовъ.—А въ дѣйствительности онъ простирался только до 10 мильярдовъ черезъ 15 лѣтъ послѣ изданія сочиненія Конта, и то только вслѣдствіе необыкновеннаго оживленія промышленности, послѣдовавшаго за провозглашеніемъ имперіи. Вотъ почему соціальный проектъ Конта не нашолъ никакого сочувствія во Франціи ни между публицистами, ни между рабочими. У насъ онъ не пользуется симпатіями «интеллигенціи» по другой причинѣ, потому что соединенъ съ политической системою, совсѣмъ нелиберальною. Но за то у насъ тѣмъ больше сочувствія его философіи. А за границей и философію его почти такъ-же мало знаютъ, какъ и его соціальный проектъ. Во Франціи послѣдователей ея можно считать только сотнями, а въ другихъ странахъ только десятками. Серьезные ученые, какъ Каро и Ферразъ, относятся къ нему съ насмѣшкою и пренебреженіемъ. И нѣтъ сомнѣнія, что ничего другого онъ не заслуживаетъ.

У насъ на него смотрятъ какъ на мыслителя самостоятельнаго, основателя новой философской школы. Слишкомъ долго ждала эта философія отъ Θалеса и Анаксимена, чтобы явиться на свѣтъ Божій въ нашемъ столѣтіи. Не было надобности ей такъ долго ожидать. Слишкомъ она немудра, чтобы изъ дѣйствительныхъ философовъ кто-нибудь не открылъ ее, еслибъ она дѣйствительно составляла что нибудь серьезное.— По ея характеру ее слѣдовало-бы поставить въ ряду философскихъ школъ скептическихъ, послѣдними представителями которыхъ въ прошломъ столѣтіи были Юмъ и Кондильякъ, если бы она содержала въ себѣ что-нибудь оригинальное, именно какъ философская система, если бы была даже только простымъ продолженіемъ или развитіемъ ученій какой-нибудь школы. Ничего подобнаго въ ней нѣтъ, потому что философіи Контъ дѣйствительно никогда серьезно не изучалъ. Вся его мудрость имѣетъ источникомъ его отношенія къ С. Симону; ими опредѣляется какъ содержаніе его quasi-философіи, такъ и направленіе ея. Контъ въ теченіи шести лѣтъ былъ ученикомъ С. Симона, въ тотъ періодъ его жизни, когда С. Симонъ относился къ спиритуализму во всѣхъ его видахъ съ полнымъ отрицаніемъ. И разошлись они совсѣмъ не изъ-за принциповъ, не изъ-за мнѣній. Спорный пунктъ, который раздѣлилъ ихъ, вопросъ о значеніи промышленнаго класса въ обществѣ, рѣшенъ ими различно только по внѣшности, а въ сущности совершенно одинаково; да и незначительная разница, которая могла возникнуть въ мнѣніяхъ ихъ по какому-нибудь вопросу, не могла быть причиною столь полнаго разрыва, какой произошолъ между ними. Причина имѣла характеръ гораздо болѣе личный. Контъ сталъ тяготиться положеніемъ вѣчнаго ученика С. Симона. «Я имѣю причины думать, писалъ онъ въ 1824 г. одному изъ своихъ друзей, — что С. Симонъ старается дать мнѣ второстепенное положеніе по отношенію къ публикѣ и присвоить себѣ бо́льшую часть славы, которая можетъ быть результатомъ моихъ работъ» *). Вопросъ сводится къ славѣ:

*) Littré. Aug. Comte etc. Paris, 1864, стр. 25.

С. Симонъ, мы знаемъ, былъ дѣйствительно славолюбивъ; ему хотѣлось какъ можно больше славы для себя, а Конту для себя. Ставши самостоятельнымъ, Контъ и пошелъ тѣмъ путемъ, который долженъ былъ привести его къ славѣ. Но онъ не былъ такъ изобрѣтателенъ, какъ С. Симонъ, который нашолъ едва-ли не десять путей къ славѣ *). И притомъ шесть лѣтъ проведенные Контомъ подъ вліяніемъ С. Симона не остались, какъ оказывается, безъ прочныхъ результатовъ; и начать съизнова свою умственную карьеру Контъ не могъ, именно потому, что съ С. Симоновъ въ дѣлѣ мысли онъ не расходился; изъ подъ его интеллектуальнаго вліянія онъ не выбился. И онъ сталъ стремиться къ славѣ, слѣдуя по пути, указанному учителемъ. Обстоятельства были ему благопріятны. С. Симонъ немедленно послѣ разрыва издалъ Новое христіанство, гдѣ открыто выступилъ философомъ спиритуалистомъ, проповѣдникомъ новой вѣры.—Уже раньше этого призналъ несостоятельнымъ свой матеріализмъ, и сталъ склоняться къ спиритуализму; но высказывалъ это не печатно, а только въ бесѣдахъ съ друзьями, между прочимъ и съ Контомъ, о чемъ Контъ самъ и свидѣтельствовалъ въ письмѣ къ редактору газеты Globe отъ 3-го января 1832 года **). Но Контъ еще не дозрѣлъ до этого. Будучи преданъ матеріализму съ усердіемъ неофита, онъ былъ убѣжденъ, что С. Симонъ уклонился отъ него вслѣдствіе ослабленія умственныхъ способностей, произведеннаго возрастомъ, и сталъ одинъ работать въ прежнемъ направленіи, въ надеждѣ, что съ этихъ поръ добытая имъ слава будетъ принадлежать ему безраздѣльно. Его славы у него отнимать мы не будемъ; но въ интересѣ истины не можемъ не высказать, что не только въ его философіи, но и во всей его системѣ ученій, и даже въ его собственной жизни, въ его нравственныхъ правилахъ, онъ былъ плоть отъ плоти С. Симона, кость отъ кости его.

---

*) См. т. I, 448.
**) См. т. I, стр. 341.

Въ философіи онъ заимствовалъ отъ С. Симона какъ основныя положенія, такъ даже и многія частности. — Камень, который лежитъ въ основѣ всей положительной философіи, состоитъ въ томъ, что ничто теологическое и метафизическое не должно входить въ область какъ философіи, такъ и всякой другой науки. И если что-нибудь подобное въ нее когда нибудь входило, то теперь оно должно быть исключено изъ нея вслѣдствіе успѣховъ, достигнутыхъ науками. С. Симонъ много разъ вооружался противъ метафизики и воображенія *). Въ одномъ мѣстѣ въ нѣсколькихъ строкахъ онъ какъ будто начертилъ программу всей позитивной философіи. «Самая замѣчательная эпоха въ исторіи прогресса человѣческаго ума, говоритъ онъ относится къ тому времени, когда астрономы выгнали изъ своего общества астрологовъ. Въ изученіи химіи человѣкъ впалъ въ тѣ же самыя ошибки, которыя онъ сдѣлалъ въ изученіи астрономіи; но наконецъ химики также освободились отъ алхимиковъ. Физіологія находится въ томъ же худомъ положеніи, черезъ которое прошли науки химическія и астрономическія; нужно, чтобы и физіологи прогнали изъ своего общества философовъ, моралистовъ и метафизиковъ **). Въ этихъ словахъ заключается альфа и омега всей позитивной философіи, ея принципы, ея духъ, ея задачи.

С. Симонъ употреблялъ даже названіе «philosophie positive» и раздѣлялъ ее на два отдѣла: на изученіе тѣлъ неорганическихъ и тѣлъ органическихъ и думалъ, что «пришло время стать на общую точку зрѣнія, обобщить пріобрѣтенныя данныя и построить законченное зданіе изъ собранныхъ матеріаловъ». (См. т. I, стр. 290). Именно эту задачу рѣшился выполнить Контъ въ Курсѣ позитивной философіи. С. Симонъ своему сочиненію далъ болѣе скромное названіе Введенія

*) См. т. I, стр. 290, 291. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности видѣть то сочиненіе, въ которомъ С. Симонъ развивалъ главнымъ образомъ мысли, положенныя Контомъ въ основаніи позитивной философіи. Но изъ него сдѣлали нѣсколько выдержекъ Гюббаръ и Литтре, которыми мы и пользуемся.

**) Littré. Aug. Comte. стр. 81 и 83.

въ научные труды 19-го вѣка. Но предметъ его тотъ-же самый-же, что у Конта въ позитивной философіи. С. Симонъ включилъ въ него даже новое «экциклопедическое дерево» и впослѣдствіи издалъ особую брошуру «Новая экциклопиція», въ которой дѣлаетъ классификацію наукъ; и судя по его принципамъ, по его частнымъ взглядамъ, классификація эта не можетъ быть никакою другою, кромѣ той, которую впослѣдствіи Контъ сдѣлалъ въ Позитивной философіи. Сходство между системою учителя и ученика дополняется еще тѣмъ, что С. Симонъ не ограничился въ своемъ Введеніи изложеніемъ ученій о природѣ неорганической и органической, а присоединилъ сюда еще изложеніе ученій о человѣкѣ, о его жизни въ обществѣ, и включилъ въ свое сочиненіе сокращенную всеобщую исторію рода человѣческаго съ философской точки зрѣнія, что Контъ потомъ также сдѣлалъ, давши своему труду болѣе претенціозное названіе соціологіи.

А главное положеніе этой пресловутой соціологіи, ея квинтъэссенція состоитъ, какъ мы уже видѣли, въ томъ, что идеи теологическія господствуютъ при началѣ человѣческихъ обществъ; и съ теченіемъ времени они все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто воззрѣніямъ научнымъ. Эту мысль высказывалъ С. Симонъ въ томъ-же самомъ сочиненіи,—Введеніе въ научные труды 19-го вѣка. Совокупности воззрѣній научныхъ и положительныхъ онъ даетъ въ этомъ сочиненіи названіе физицизма и противополагая его теологизму, на историческихъ фактахъ показываетъ постепенное возрастаніе физицизма рядомъ съ ослабленіемъ теологизма. «Въ теченіи послѣднихъ одиннадцати столѣтій, говоритъ онъ, физицизмъ все болѣе и болѣе дѣлается предметомъ всеобщаго вниманія, а теологизмъ все болѣе остается въ тѣни» *).

Короче сказать, позитивная философія не только находится въ зародышѣ въ сочиненіяхъ С. Симона, но представляетъ не болѣе, какъ новую редакцію или пожалуй разработку въ

*) См. т. I, стр. 307, и Литтре: Aug. Comte, стр. 85.

частностяхъ философской системы С. Симона, причемъ авторъ остается вѣрнымъ его принципамъ, задачамъ и общей системѣ взглядовъ.

С. Симонъ какъ будто и планъ составилъ для Курса позитивной философіи Конта. «Отдѣльныя науки, говоритъ онъ, суть элементы, изъ которыхъ составляется наука общая, которой даютъ имя философіи» *). Согласно съ этимъ указаніемъ, Контъ дѣлаетъ обозрѣніе ряда наукъ, изъ которыхъ первыя относятся къ тѣламъ неорганическимъ, слѣдующія къ органическимъ и, наконецъ, послѣдняя, соціологія, къ жизни человѣка въ обществѣ. Это вмѣстѣ съ нѣкоторыми разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ разсужденіями матеріалистическаго характера и составляетъ весь объемъ его Курса позитивной философіи.

Даже исходный пунктъ Контъ заимствовалъ у С. Симона. С. Симонъ говоритъ: «впродолженіи ста лѣтъ наука занимается только опытами, изслѣдуетъ только факты. Но теперь пришло время стать на общую точку зрѣнія, генерализировать пріобрѣтенныя данныя и построить законченное зданіе изъ собранныхъ матеріаловъ (см. т. I, стр. 290). Контъ налагаетъ на картину нѣсколько болѣе густыя краски; онъ видитъ уже опасность для интеллектуальной будущности человѣка въ «излишней спеціализаціи отдѣльныхъ изслѣдованій», и какъ средство противъ зла указываетъ такого рода ученую дѣятельность, чтобы ученый посвятилъ себя «точному опредѣленію духа каждой науки, открытію ихъ отношеній и взаимной связи и резюмированію ихъ частныхъ принциповъ въ видѣ небольшого числа принциповъ общихъ». (Cours de ph. posit. I, 27). Надобно знать, что Контъ старается скрыть свой пляжіатъ; потому слова онъ употребляетъ другія, а смыслъ ихъ тотъ-же, что и въ словахъ С. Симона.

Даже въ частныхъ взглядахъ, наиболѣе важныхъ и оригинальныхъ, Контъ только слѣдовалъ С. Симону, расходясь съ общепринятыми мнѣніями. С. Симонъ, вопреки Даламберу и

---

*) Ferraz. Socialisme. Стр. 16.

другимъ писателямъ 18-го вѣка, доказывалъ, что средніе вѣка не были эпохою ретрограднаго движенія ума человѣческаго, и что соціальная организація ихъ была выше, сравнительно съ организаціею древняго міра *). Контъ усвоилъ себѣ тотъ-же самый взглядъ и развивалъ его весьма пространно въ соціологіи. (См. Cours de ph. p. т. V, стр. 231 и слѣд., также S. de p. p. т. IV, Append., стр. 177 и слѣд.).

С. Симонъ научному знанію придавалъ столь большое значеніе и достовѣрность, что считалъ предвидѣніе будущаго удѣломъ людей ученыхъ вообще. Слѣдуя ему, при правильной методѣ, даже наука о человѣкѣ, о человѣческомъ обществѣ и о движеніи жизни, можетъ дѣлать столь-же несомнѣнныя предсказанія, какъ астрономія, когда она предсказываетъ затмѣнія свѣтилъ, появленіе планетъ или кометъ въ извѣстные сроки на сводѣ небесномъ.—Контъ, а за нимъ даже и болѣе осмотрительный Литтре написали десятки страницъ, развивая эту мысль С. Симона и даже начали предсказывать будущее, къ чему мы еще возвратимся *).

Обратимъ вниманіе еще на слѣдующія заимствованія: С. Симонъ говоритъ, что церковная реформа 16-го вѣка послужила къ замедленію умственной эсканцинаціи тѣмъ, что, очистивъ церковь отъ грубыхъ злоупотребленій, она подогрѣла религіозное чувство, усилила его, не дала простора распространенію позитивныхъ воззрѣній. Контъ воспроизвелъ въ точности эту мысль въ позитивной философіи (см. т. V стр. 422 и 423).

Потомъ С. Симонъ утверждалъ, что система понятій, уста-

*) Перечислить всѣ даже наиболѣе важные пункты ученій С. Симона, въ которыхъ Контъ остался ему вѣренъ, довольно трудно. Контъ, между прочимъ, вслѣдъ за С. Симономъ признаетъ законъ постояннаго прогресса какъ въ области жизни, такъ и въ области мысли, признаетъ, что государственное и общественное устройство соотвѣтствуютъ состоянію идей въ средѣ народа, и что измѣненіе идей влечетъ за собою и измѣненіе государственнаго и соціальнаго быта, что наши познанія могутъ имѣть только характеръ релятивный, а не абсолютный и т. п. У С. Симона заимствовано между прочимъ ученіе о всеобщемъ вліяніи пролетарія, могущаго дѣлать указанія даже жрецамъ и патриціату.

новленныхъ позитивною философіею, есть ничто иное, какъ вступленіе къ реорганизаціи системы нравственной, религіозной и политической. Ог. Контъ даже приступилъ къ этой реорганизаціи, уже начертилъ подробный проектъ будущаго соціальнаго устройства.

Контъ повторялъ даже самыя странныя предположенія С. Симона, высказанныя имъ во Введеніи въ научные труды. Такъ онъ предполагалъ, что если-бы родъ человѣческій исчезъ съ лица земли, то слѣдующій за человѣкомъ высшій видъ животныхъ вступилъ-бы на путь усовершенствованія. Литтре считаетъ это предположеніе праздною игрою воображенія внѣ всякихъ научныхъ данныхъ. Но Контъ въ этомъ случаѣ былъ болѣе послушенъ посмертному руководству учителя и внесъ это ненаучное предположеніе въ Курсъ позитивной философіи.

Онъ остался вѣренъ учителю не только въ томъ, что онъ писалъ, но и въ томъ, чего не писалъ, что́ онъ исключилъ изъ круга наукъ, входящихъ въ позитивную философію. Мы видѣли, что въ ней не нашли себѣ мѣста ни психологія, ни логика, ни науки филологическія, ни цѣлый обширный кругъ наукъ юридическихъ. Какъ это произошло и почему?—Потому что ничего этого не было у С. Симона, потому что С. Симонъ не обратилъ вниманія на эти науки ни въ своихъ сочиненіяхъ, ни въ то время, когда восполняя пробѣлы въ своемъ образованіи, онъ слушалъ цѣлый кругъ наукъ отчасти въ Политехнической, отчасти въ Медицинской школахъ (см. т. I, стр. 286). С. Симонъ самъ-же съ точностью сообщаетъ, что онъ изучалъ въ этихъ двухъ заведеніяхъ,—въ Политехнической школѣ естественную исторію тѣлъ неорганическихъ, а въ Медицинской—органическихъ, главнымъ образомъ—физіологію. И было все это въ 1798, 99, 1800, 801 и 802 годахъ. Вотъ куда восходятъ начала позитивной философіи Конта, вотъ гдѣ лежатъ причины, опредѣлившія ея характеръ.

Контъ былъ вѣренъ С. Симону не въ однихъ теоретическихъ построеніяхъ позитивной философіи. Ту же самую вѣрность учителю онъ показалъ и въ позитивной политикѣ, въ

планѣ будущаго практическаго устройства человѣческаго общества.—Въ обществѣ будущаго времени С. Симонъ предполагалъ дать преобладаніе промышленному классу, но самъ сталъ относительно его въ положеніе верховнаго законодателя, и кромѣ того, проектировалъ постоянный верховный совѣтъ Ньютона, который долженъ руководить промышленностью страны; вмѣстѣ съ тѣмъ, С. Симонъ указалъ промышленникамъ цѣль дѣятельности въ обезпеченіи существованія пролетаріевъ *). Ог. Контъ также устроилъ себѣ положеніе Верховнаго жреца и хотя промышленному классу далъ преобладающее положеніе, но съ строго опредѣленною цѣлью, къ которой промышленники должны стремиться подъ руководствомъ и контролемъ сословія жрецовъ (sacerdoce) и подъ страхомъ экскоммуникаціи, бойкотированья.

Верховный совѣтъ Ньютона, по проекту С. Симона, «раздѣлитъ все человѣчество на 4 отдѣленія: англійское, французское, нѣмецкое и итальянское». Контъ разсчитываетъ на распространеніе своей системы въ тѣхъ-же самыхъ странахъ, разумѣется, сначала во Франціи, потомъ въ Англіи, Германіи, Италіи и кромѣ того въ Испаніи **).

С. Симонъ въ будущемъ человѣческомъ обществѣ уничтожаетъ наслѣдство и передаетъ имущество умершаго человѣка государству. Такъ-же поступаетъ и Контъ; у него отецъ не можетъ передать своего имущества сыну, а долженъ выбрать будущаго распорядителя своими капиталами изъ постороннихъ людей подъ условіемъ утвержденія выбора со стороны государства.

С. Симонъ свою карьеру философа-матеріалиста оканчиваетъ переходомъ въ лагерь спиритуализма и проектируетъ новую религію, которую послѣ его смерти основываютъ его ученики. Контъ успѣлъ самъ основать ее, съ цѣлой іерархіей, съ таинствами, съ почитаніемъ святыхъ и т. д. Но С. Симонъ начиная проповѣдь религіи, прямо и напередъ заявивъ, что свою прежнюю философію онъ оставляетъ, признаетъ неправильною;

*) См. т. I, стр. 304 и 310—316.

**) Système de politique positive, т. III, стр. XLII.

и такимъ образомъ съ законами здраваго смысла не разошелся; а Ог. Контъ нашелъ возможнымъ основать новую религію, оставаясь позитивистомъ, отрицая въ мірѣ и въ человѣкѣ духовное начало, подвергая порицанію теологическій и метафизическій порядокъ въ жизни и считая его несостоятельнымъ въ области мысли! Чѣмъ-же онъ руководился въ этомъ случаѣ? Очевидно, не логикою, а только примѣромъ С. Симона. Вліяніе С. Симона на Конта было подобно вліянію планеты на спутника. Сначала они составляли одно цѣлое; потомъ какая-то сила выдѣлила спутника и выбросила его въ небесное пространство и онъ понесся въ даль отъ планеты вслѣдствіе силы центробѣжной, которая первоначально была очень сильна и превозмогала силу центростремительную; но потомъ ослабѣла; двѣ силы пришли въ равновѣсіе, и спутникъ сталъ послушно слѣдовать за планетою.

Контъ впрочемъ не ограничился только этимъ уклоненіемъ отъ чистоты принциповъ позитивной философіи. Въ самый послѣдній годъ жизни онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, очень знаменательный. Позитивная философія не допускаетъ, чтобы начало бытія или начало жизни происходило отъ какого-нибудь существа, отъ какой-нибудь воли; причину всего она видитъ только въ силахъ имманентныхъ матеріи и въ законахъ, которымъ слѣдуютъ эти силы. Контъ нашелъ эту теорію неудовлетворительною, нашелъ, что безъ участія разумной воли дѣло обойтись не могло. Только эта разумная воля не та, которую допускаетъ спиритуализмъ; эта была воля земли и другихъ планетъ. «Позволительно предположить, говоритъ онъ, что наша планета и другія обитаемыя свѣтила были одарены разумностью, прежде чѣмъ соціальное развитіе на нихъ сдѣлалось возможнымъ. Въ то время земля употребляла свои силы на то, чтобы приготовить жилище человѣчеству, котораго первоначальный полетъ могъ совершиться только въ мѣстопребываніи, подвергшемся смерти, вслѣдствіе истощенія этихъ долгихъ усилій пропорціональныхъ болѣе ея вещественному могуществу, чѣмъ способности спири-

туальной...» (á son aptitude spirituelle...). Тутъ цѣлая теорія земли живой и мертвой. И когда земля была жива, она была разумна (était intelligente); она сознательнымъ образомъ, съ цѣлью быть болѣе удобнымъ жилищемъ для человѣка, уменьшила эксцентрицитетъ своей орбиты; съ помощію нѣсколькихъ изверженій «подобныхъ тѣмъ, которыхъ слѣдствіемъ являются кометы», повторенныхъ неоднократно разумнымъ образомъ (reproduites avec sagesse), она достигла того, что наклонность ея оси стала болѣе сообразна съ пользою человѣка и т. д. Итакъ, земля стала дѣйствительно фетишемъ не въ отвлеченіи, а въ дѣйствительности, фетишемъ живымъ, реальнымъ. Позитивная философія пришла къ бреднямъ Фурье и эти бредни все-таки несамостоятельныя; все это остатки уроковъ философіи С. Симона; потому что совершенно таже гипотеза земли, приготовляющейся къ достойному принятію человѣка рядомъ собственныхъ преобразованій, находится у с. симонистовъ *); и всего вѣроятнѣе мысль, что это сходство не случайное, а обязано своимъ существованіемъ тому, что авторы теоріи почерпнули ее въ одномъ и томъ-же источникѣ, т. е. у С. Симона.

С. Симонъ имѣлъ даже нравственное вліяніе на Конта; по крайней мѣрѣ ихъ нравственные принципы, ихъ нравственное поведеніе имѣютъ одинъ и тотъ-же характеръ и притомъ, очень некрасивый, чтобъ не сказать больше. Мы знаемъ, какъ С. Симонъ относился къ сильнымъ міра своего времени, какъ онъ то льстилъ имъ, то порицалъ ихъ и пренебрегалъ ими, смотря по тому, насколько они имѣли силы въ данное время и насколько склонны были давать ему подачки. Совершенно также поступалъ и Контъ; и даже Литтре видитъ здѣсь вліяніе С. Симона. Къ Наполеону I Контъ относился безъ сочувствія и уваженія и даже не помѣстилъ его въ своемъ календарѣ, гдѣ нашли мѣсто Генрихъ IV, Густавъ Адольфъ, Вильгельмъ III, Людовикъ XIV, Рюйтеръ, Костюшка и даже Тус-

---

*) См. т. I, стр. 451.

сенъ Лувертюръ *). И вообще къ бонапартизму относился, какъ человѣкъ, открыто провозглашавшій себя республиканцемъ. Но когда дѣла бонапартизма пошли въ гору, когда былъ произведенъ переворотъ 2-го декабря 1851 года, то черезъ 2 мѣсяца послѣ этого Контъ пишетъ заискивающее письмо къ одному изъ лицъ наиболѣе близкихъ къ узурпатору, восхваляетъ новоустроенную временную конституцію и выставляетъ на видъ свою преданность идеямъ сильнаго, центральнаго правительства, нестѣсняющагося парламентскими формами, и даже въ Системѣ позитивной политики развиваетъ мысль, что стремленіе къ господству нѣкоторыхъ фамилій, «организованныхъ, приготовленныхъ и поставленныхъ въ обществѣ такъ, что онѣ могутъ господствовать съ достоинствомъ—есть истинное соціальное благодѣяніе (un véritable bienfait social); и это счастливое честолюбіе нѣкоторыхъ фамилій доставляетъ всѣмъ другимъ достаточное удовлетвореніе общей потребности репрессіи и т. д.». «Эти преобладающія фамиліи всего чаще заслуживаютъ того уваженія, которое онѣ пріобрѣли первоначально **). Это совсѣмъ не пофилософски; такой образъ дѣйствій, такое литературное пресмыкательство недостойно самаго обыкновеннаго порядочнаго человѣка, мало-мальски уважающаго себя. Но когда пресмыкательство не достигло цѣли, то въ письмѣ къ императору Николаю Контъ уже говоритъ, что во Франціи между лицами, стоящими во власти, онъ нашелъ только одни неспособности (inaptitudes). Какъ онъ хотѣлъ расположить къ себѣ императора Николая, мы это видѣли, но когда и тутъ цѣль была недостигнута, то объ императорѣ онъ отзывается

*) Собственно говоря, Наполеонъ получилъ свое мѣсто въ календарѣ, только не такое, какимъ тѣнь его могла-бы быть довольна. Ему вмѣстѣ съ Юліаномъ Отступникомъ посвященъ второй дополнительный день высокоснаго года. Но въ этотъ день не почести имъ воздаются, а они подвергаются проклятію, какъ два великіе ретрограда (retrogradateurs). Въ курсѣ позитивной философіи Контъ не разъ говоритъ о Наполеонѣ и всегда съ очевидною антипатіею, не признаетъ его особыхъ способностей, называетъ шарлатаномъ и т. п.

**) S. de P. P., т. II, стр. XXVI, XXVII, 296 и 297.

иначе. Все это очень напоминаетъ образъ дѣйствій С. Симона по отношенію къ Бонапарту.—Даже въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ Контъ сильно напоминаетъ С. Симона, который вдругъ, ни съ того ни съ сего, вздумалъ развестись съ женою, представлявшею образецъ всѣхъ семейныхъ добродѣтелей, только для того, чтобы жениться на богатой вдовѣ. Жена Конта, кромѣ обыкновенныхъ семейныхъ добродѣтелей, отличалась еще особой энергіею, рѣдкимъ самоотверженіемъ по отношенію къ мужу; даже вылечила его отъ сумасшествія, послѣ того какъ усилія врачей остались безуспѣшными. И несмотря на то, Контъ вздумалъ разойтись съ нею и разошелся, и на мѣсто ея взялъ себѣ любовницу. И послѣ этого могъ еще въ позитивной политикѣ узаконять, что бракъ въ реорганизованномъ обществѣ долженъ быть нерасторжимъ; и даже отнесъ его къ числу таинствъ неповторяемыхъ, какъ въ православной церкви бракъ лицъ, принадлежащихъ къ духовному званію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Контъ находилъ возможнымъ воздавать публичныя посмертныя почести любовницѣ, вскорѣ умершей, и даже въ письмахъ къ женѣ просилъ у нея совѣта на этотъ счетъ; разумѣется, оскорбленная жена отвѣтила ему молчаніемъ. Даже умирая онъ сдѣлалъ ей новое, можетъ быть самое тяжкое оскорбленіе, отстранилъ ее отъ наслѣдства и оставилъ какой-то запечатанный пакетъ, который согласно его волѣ долженъ былъ быть вскрытъ въ случаѣ несогласія г-жи Контъ подчиниться распоряженіямъ мужа. По счастью, судъ защитилъ ее, признавши завѣщаніе недѣйствительнымъ.

Всѣ эти факты болѣе чѣмъ въ достаточной мѣрѣ показываютъ, какъ велико было вліяніе С. Симона на Конта. С. Симонъ былъ какъ будто его единственнымъ воспитателемъ, который оставилъ на воспитанникѣ неизгладимый отпечатокъ своей личности. Контъ философъ мыслитъ такъ-же, какъ С. Симонъ, Контъ соціалистъ проектируетъ соціальный порядокъ по предварительному эскизу С. Симона. Контъ гражданинъ такъ-же небогатъ гражданскою честностью, какъ и С. Симонъ, Контъ человѣкъ и семьянинъ такъ-же безсердеченъ, какъ С.

Симонъ, и въ жизни слѣдуетъ принципамъ, которые прямо противоположны тѣмъ, которые онъ проповѣдуетъ въ философіи.

Литтре не одобряетъ Конта, какъ гражданина, какъ человѣка и какъ соціалиста. Не хвалитъ онъ его и какъ философа за позднѣйшее уклоненіе отъ чистыхъ принциповъ позитивизма; но тѣмъ усерднѣе защищаетъ его, какъ автора позитивной системы, тѣмъ выше старается поставить его въ ряду другихъ представителей философіи. Между прочимъ онъ старается доказать, что Контъ въ своей философіи совершенно самостоятеленъ и нисколько и ничѣмъ не обязанъ С. Симону. Онъ признаетъ приведенныя выше тождественные пункты въ воззрѣніяхъ С. Симона и Конта, признаетъ, что Контъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ въ ученьѣ (en apprentissage) у С. Симона, приводитъ одно его предисловіе, въ которомъ Контъ самъ не разъ называетъ себя ученикомъ, воспитанникомъ С. Симона (l'élève de Saint-Simon), высказываетъ свое мнѣніе, что С. Симонъ въ теченіи шестилѣтней связи съ Контомъ руководилъ его трудами, что и разрывъ между ними произошелъ потому, что Контъ не хотѣлъ больше подчиняться этому руководству, а С. Симонъ не хотѣлъ отказаться отъ него (ne voulait pas renoncer à la direction) и все-таки утверждаетъ, что, какъ философъ, Контъ чуждъ всякаго вліянія С. Симона! С. Симонъ будто-бы дѣйствительно имѣлъ вліяніе на Конта, но только въ области соціализма. Очень странное разграниченіе! Какъ будто бесѣды между Контомъ и С. Симономъ ограничивались исключительно вопросами, относящимся къ соціальному устройству, какъ будто оба они дали себѣ клятву не касаться вопросовъ философическихъ! Тогда какъ-же объяснить совпаденіе философскихъ взглядовъ С. Симона и Конта? Другаго средства не найдется кромѣ предъустановленной гармоніи между тѣмъ и другимъ, въ родѣ той, которою Лейбницъ объяснялъ гармонію между дѣйствіями тѣлесными и душевными.

С. Симонъ, по мнѣнію Литтре, совсѣмъ и не былъ философомъ; Конту у него нечего было и заимствовать; его самого мысль блуждала изъ стороны въ сторону, всѣ его сочиненія

имѣютъ характеръ отрывочный (des œuvres fragmentaires) и почти всѣ не окончены. Если онъ и дѣйствительно высказалъ нѣкоторыя мысли достойныя вниманія, то это ничто иное, какъ счастливыя изрѣченія (des dires heureux), а не части цѣльной философской системы.

Мы сами не считаемъ С. Симона серьезнымъ философомъ; но думаемъ, что Ог. Конта онъ стоитъ. Что его мысль блуждала изъ стороны въ сторону, это съ несомнѣнностью доказываетъ, что она была занята отысканіемъ истины, хотя посороннія соображенія иногда и отклоняли ее отъ этой цѣли, въ особенности въ послѣдніе годы жизни С. Симона. Отрывочными также не могутъ быть названы всѣ его сочиненія. Введеніе въ научные труды 19-го вѣка составляетъ полную систему, весьма близкую къ философіи Конта; тамъ даже фигурируетъ, какъ мы уже говорили, и философское обозрѣніе всеобщей исторіи, то, что сдѣлалъ Контъ потомъ въ своей соціологіи.

Но допустимъ даже, что сочиненія С. Симона отрывочны, что нѣкоторыя изъ его философскихъ положеній ничто иное. какъ des dires heureux. Развѣ Литтре неизвѣстно, что нѣкоторые изъ самыхъ знаменитыхъ философовъ, именно основателей философскихъ школъ, не оставили послѣ себя никакихъ сочиненій и иногда извѣстны только одними изрѣченіями въ родѣ: познай самого себя и т. п.? Сократъ, глава и первоучитель всей исторической философіи, не оставилъ послѣ себя ни одной написанной имъ строки. Черезъ это значеніе его въ исторіи философіи не уменьшается. Все его ученіе было изложено только въ разговорахъ съ учениками или съ друзьями, и только честности Платона и Ксенофонта мы обязаны тѣмъ, что знаемъ, кто истинный авторъ ученій, изложенныхъ въ ихъ сочиненіяхъ. Такъ правдиво и истинно пофилософски дѣйствовали представители науки за 400 лѣтъ до Р. Х.; а въ нашемъ столѣтіи претендентъ на званіе верховнаго руководителя всего человѣчества во всѣхъ отношеніяхъ жизни, излагая философскую систему учителя въ своей редакціи, выдаетъ ее за

свою собственную! Впрочемъ, какъ мы уже видѣли, первоначально Контъ дѣйствовалъ иначе и вполнѣ признавалъ то, чѣмъ онъ былъ обязанъ С. Симону. Кромѣ приведенныхъ выше доказательствъ этого положенія, обратимъ вниманіе еще на слѣдующее: въ предисловіи къ Позитивной политикѣ въ 1824 году онъ говорилъ, что онъ много размышлялъ о коренныхъ идеяхъ (idées mères) С. Симона и старался ихъ систематизировать, развивать и совершенствовать. Это ему, конечно, можно уступить тѣмъ болѣе, что самъ онъ тутъ-же прибавляетъ, что «если мои труды окажутся заслуживающими нѣкотораго одобренія, то это одобреніе принадлежитъ основателю философской школы (au fondateur de l'école philosophique), къ которой я имѣю честь принадлежать», т. е. С. Симону.

Въ другомъ источникѣ, въ письмѣ Конта къ Эйхталю, бывшему его воспитаннику и другу, потомъ перешедшему въ лагерь с. симонистовъ, мы находимъ признаніе Конта, что между нимъ и С. Симономъ дѣйствительно существовали «отношенія ученика къ учителю»; но они окончились раньше; послѣ прекращенія ихъ онъ оставался еще въ связи съ С. Симономъ вслѣдствіе благодарности за то, что онъ отъ С. Симона «нѣкогда узналъ».

Почему же Литтре такъ усиливается доказать, что Контъ открылъ и выработалъ свою систему независимо отъ С. Симона?—Безукоризненно честный Литтре тутъ дѣйствуетъ повидимому, конечно, самъ того не сознавая, подъ вліяніемъ личныхъ, своекорыстныхъ побужденій. Онъ alter ego Конта, онъ посвятилъ полжизни позитивной философіи, забывши свою медицину и филологію; и вдругъ оказаться въ положеніи послѣдователя одного изъ учениковъ С. Симона, сбѣжавшаго изъ школы и захватившаго съ собой нѣкоторыя школьныя записки. Такъ представили публикѣ Конта с.-симонисты. Издавши въ 1831 г. изложеніе ученій С. Симона, они, между прочимъ, приписали ему и открытіе соціологіи, которой они, однако, не давали этого имени, причемъ представили Конта вполнѣ со-

гласно съ дѣйствительностью ученикомъ С. Симона, отказавшимся слѣдовать за учителемъ въ дальнѣйшемъ движенiи его идей. Контъ протестовалъ противъ этого, но какъ-то несмѣло и неопредѣленно. Печатая его протестъ, с. симонисты прибавили къ нему нѣкоторыя дальнѣйшiя разъясненiя, еще менѣе щадившiя самолюбiе Конта, гдѣ о немъ было сказано, что въ чаду иррелигiозности и гордости онъ старался «возвеличить свою личность, попирая ногами человѣка, который его воспиталъ».—Послѣ этого отношенiя Конта къ с. симонистамъ сдѣлались самыми недружелюбными и даже къ памяти С. Симона Контъ относится въ такихъ формахъ, которыя производятъ непрiятное впечатлѣнiе. И эти чувства онъ сохранилъ до послѣднихъ лѣтъ жизни. Еще въ предисловiи къ третьему тому Позитивной политики онъ называлъ С Симона почти черезъ 30 лѣтъ послѣ его смерти развращеннымъ фигляромъ (un jongleur déprave). Юпитеръ сердился, потому что былъ неправъ. И трудно было не сердиться. Изобрѣтатель новой философiи и новой вѣры требуетъ отъ послѣдователей денегъ на содержанiе, а тутъ находятся люди, которые увѣряютъ, что онъ ничего не изобрѣталъ, что онъ присвоиваетъ себѣ чужое изобрѣтенiе. И какъ журналистика, такъ и общество раздѣляютъ это воззрѣнiе. Вотъ почему Литтре такъ усиливается доказать, что Контъ совершенно самостоятельно сдѣлалъ столь важное научное открытiе, какъ позитивная философiя. Но эти усилiя остались безплодны. Во Францiи Контъ, какъ мы уже видѣли, не пользуется уваженiемъ *), его знаетъ только кру-

*) Dictionnaire des sciences philosophiques, изданный обществомъ профессоровъ подъ редакцiею А. Франка, содержащiй въ себѣ полную систему установившихся философскихъ воззрѣнiй въ средѣ французскихъ ученыхъ, о системѣ Конта говоритъ, что въ ней «философiя отмѣнена и уступила мѣсто дѣтскимъ фантазiямъ (aux puérilités de l'imagination), а религiя уступила мѣсто идолопоклонству» (стр. 1377). Объ историческихъ данныхъ, лежащихъ въ основѣ соцiологiи, говорится, что Контъ ихъ не только подбиралъ, какъ мы высказали, но не отступалъ и передъ ихъ подделкою (sans se faire scrupule de les fausser). Относительно С. Симона сказано, что Контъ занимаетъ у него вольною рукой (emprunte beaucoup). (Стр. 1370 и 71).

жокъ безвѣстныхъ любителей новаго и оригинальнаго. Нечего и говорить, что въ Германіи, которая въ нашемъ столѣтіи болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая страна Европы, культивировала философію, его совсѣмъ не знали и не знаютъ. Но въ Англіи онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, нашолъ, если не послѣдователей, то хвалителей и во главѣ ихъ разумѣется Милля. Литтре обращаетъ большое вниманіе на эти восхваленія и приводитъ ихъ въ своей книгѣ на посрамленіе порицателямъ позитивной философіи. И мы не оставимъ ихъ безъ вниманія. Брьюстеръ, извѣстный физикъ и астрономъ, хвалитъ умѣнье Конта въ изложеніи астрономическихъ открытій, «его краснорѣчіе простое, но могучее, его одушевленное удивленіе. его умственное превосходство, его точность, какъ историка» и т. п. Допускаемъ и признаемъ, что эти отзывы справедливы во всей полнотѣ. Но тутъ рѣчи нѣтъ о философіи Конта, нѣтъ свидѣтельства о Контѣ, какъ о философѣ. А у Брьюстера есть и этотъ отзывъ; есть еще указаніе ошибокъ, допущенныхъ имъ, именно въ космогоніи и оптикѣ, которыхъ мы однако не коснемся. Но обратимъ вниманіе на то, что Брьюстеръ по словамъ Литтре, «строго порицаетъ (réprouve sans ménagement) философа, который допускаетъ и излагаетъ систему міра, не имѣющую ничего общаго съ теологическою идеей».

«Надобно замѣтить для нашихъ читателей, прибавляетъ Брьюстеръ, что г. Контъ есть профессоръ Политехнической школы, и поздравить нашу родину съ тѣмъ, что она имѣетъ учрежденія, препятствующія тому, чтобы подобныя мнѣнія отравляли источники нравственнаго и религіознаго воспитанія» *).

И такъ Конта, какъ философа, Брьюстеръ совсѣмъ не одобряетъ, даже порицаетъ его и какъ ученый, и какъ моралистъ, и какъ гражданинъ. Литтре, впрочемъ, защищаетъ Конта

---

*) Littré. Aug. Comte, стр. 266.—Къ крайнему сожалѣнію, мы не можемъ принести подобное поздравленіе своей родинѣ. У насъ или нѣтъ подобныхъ учрежденій или они не дѣйствуютъ; но несомнѣнно, что многіе источники нравственнаго, религіознаго и кромѣ того политическаго воспитанія у насъ отравлены.

увѣреніемъ, что въ свое преподаваніе онъ никогда не вносилъ своей философіи, что онъ этихъ двухъ дѣлъ не смѣшивалъ и никогда не злоупотреблялъ довѣріемъ, которое ему оказывали, допуская его къ преподаванію.

Милль также очень хвалитъ Конта тамъ, гдѣ дѣло касается наукъ математическихъ и естественныхъ. Но этимъ похвала и ограничивается. Когда дошло до физіологіи, до того неподобающаго значенія, которое придалъ ей Контъ, похвала превращается въ порицаніе—за то, что онъ къ области физіологіи относитъ чуждые ей факты психологическіе, а психологію совсѣмъ не признаетъ за науку и ставитъ ее рядомъ съ астрологіею и алхиміею. А вѣдь тутъ-то только и начинается философія; изложить преемственность наукъ, отъ математики до физіологіи, это все еще не философія, это только естествознаніе, которое входитъ въ философію, какъ менѣе важная и болѣе легкая часть ея, но философіи не составляетъ. А того, что составляетъ несравненно болѣе важную часть философіи, ученія о человѣкѣ, какъ о существѣ мыслящемъ, разумномъ, у Конта Милль совсѣмъ не находилъ.—Такъ относился Милль къ Конту въ 1843 году, въ изложеніи своей системы логики. Впослѣдствіи онъ посвятилъ Конту и его философіи отдѣльное изслѣдованіе *), въ которомъ опять похвалы перемѣшаны съ порицаніями; но порицанія формулированы гораздо опредѣленнѣе и относятся къ большому числу частей всего цѣлаго, и наконецъ ко всему цѣлому вообще. Слѣдуя этому послѣднему отзыву Милля, Контъ совсѣмъ не успѣлъ выработать позитивной философіи; его ученія остались безъ результата. Почему? потому что соціологіи, въ которой онъ предполагалъ вѣнецъ всего зданія, у него нѣтъ; она не разработана имъ до такой степени, чтобы имѣть право на названіе науки; ее остается еще сдѣлать. Далѣе: такъ какъ Контъ отрицаетъ психологію, то его ученіе о человѣкѣ не полно и односторонне; и его циклъ наукъ оказывается недостаточнымъ тѣмъ болѣе, что у него не нашла мѣста и политическая эко-

*) Auguste Comte and Positivism. Lond. 1865.

номія.—Контъ, по мнѣнію Милля, не только не выработалъ позитивной философіи, но онъ и вообще не выработалъ, не открылъ ничего новаго. «Такъ-называемая позитивная философія не есть недавнее открытіе г. Конта, а простое присоединеніе къ традиціямъ всѣхъ великихъ научныхъ умовъ, которыхъ открытія поставили родъ человѣческій на то мѣсто, которое онъ теперь занимаетъ» *). Это то присоединеніе, которое съ своей стороны дѣлаетъ всякій серьезно образованный человѣкъ, не претендуя при этомъ ни на какое преобразованіе философіи.—Послѣ этого отзыва Милля что-же остается отъ системы Конта? Къ чему сводятся всѣ эти лестные эпитеты, которыми украшалъ Милль Конта? Не походятъ-ли онѣ на тѣ парламентскія вѣжливости въ родѣ «благороднаго лорда, высокоуважаемаго члена палаты» и т. п.?

Милль не ограничился всѣмъ этимъ; онъ счелъ нужнымъ сдѣлать къ позитивной философіи нѣкоторую поправку, которая не могла понравиться Литтре.

Контъ и Литтре утверждали, что даже только стремиться къ познанію первыхъ причинъ было-бы дѣломъ противнымъ позитивизму, такъ какъ познаніе ихъ есть дѣло выходящее за границы нашихъ умственныхъ способностей, а признаніе міра сверхъестественнаго или лучше духовнаго есть прямое отрицаніе позитивизма. Милль утверждаетъ противное. По его мнѣнію, «позитивный способъ мышленія не ведетъ необходимымъ образомъ къ отрицанію міра сверхъестественнаго; онъ довольствуется тѣмъ, что отбрасываетъ его «при началѣ всего существующаго», т. е. очевидно Милль хотѣлъ сказать: отрѣшается отъ метафизическихъ взглядовъ при изслѣдованіи начала вещей. Слѣдуя Миллю позитивная философія не воспрещаетъ даже «вѣрить въ Творца и Верховнаго Правителя міра». Такимъ образомъ Милль, какъ и Брьюстеръ, если и высказывали сочувствіе позитивизму, то не тому, который пользуется особымъ сочувствіемъ у насъ, какъ видоизмѣненный матеріализмъ. По-

*) Littré. Fragments de Philosophie Positive. Paris. 1876, стр. 251.

нимая его по своему Милль признаетъ удовлетворительными только тѣ менѣе важныя части системы, которыя относятся исключительно къ математическимъ и естественнымъ наукамъ.

На этомъ мы и оставимъ Конта, и обратимся къ Литтре.

Максимиліанъ Эмиль Литтре такъ-же, какъ и Контъ ни общимъ, ни спеціальнымъ образованіемъ не былъ подготовленъ къ занятіямъ философіею *). По спеціальности онъ медикъ, но скоро къ занятіямъ медициною прибавилъ занятія филологіею, изучилъ греческій языкъ и нѣкоторые изъ древнихъ восточныхъ. Въ политикѣ придерживался направленія демократическаго и во время іюльской революціи былъ въ числѣ сражавшихся на баррикадахъ. Съ оживленіемъ журналистики при іюльской монархіи сталъ однимъ изъ дѣятельныхъ редакторовъ Насіоналя, но въ то-же время приготовлялъ изданіе въ подлинникѣ и въ собственномъ переводѣ сочиненій Гиппократа (10 томомъ 1839—1861), что открыло ему двери Академіи надписей. Въ 1840 г. познакомился съ Курсомъ позитивной философіи Конта и увлекся ею. И такъ какъ сочиненіе Конта слишкомъ объемисто (6 большихъ томовъ) и написано тяжелымъ языкомъ, то Литтре въ 1844 году изложилъ сущность его въ нѣсколькихъ статьяхъ въ Насіоналѣ, которыя вскорѣ были перепечатаны въ видѣ отдѣльной книжки. Вообще въ позитивной философіи Литтре получилъ такое значеніе, какъ Консидеранъ въ системѣ фурьеризма, т. е. сдѣлался главнымъ пропагаторомъ ея какъ въ брошурахъ, такъ и въ журнальныхъ статьяхъ. Но когда Контъ измѣнилъ превоначальному духу позитивизма и вмѣстѣ съ тѣмъ примкнулъ къ государственному перевороту, то Литтре съ нимъ разошелся.

Философія была, однако, до конца жизни дѣломъ второстепеннымъ, которымъ онъ занимался въ часы досуга, какъ

*) Родился Литтре 1-го января 1801 г. въ семействѣ бывшаго якобинца, до конца жизни относившагося къ Робеспьеру съ большимъ уваженіемъ. Вѣроятно, Литтре и имя свое Максимиліанъ получилъ въ честь Робеспьера.

онъ самъ говорилъ *). А главнымъ дѣломъ продолжала оставаться филологія вмѣстѣ съ медициною, какъ наукою. Раньше окончанія изданія Гиппократа, онъ успѣлъ напечатать сочиненіе о холерѣ, издавалъ въ теченіи 9 лѣтъ (1837—1846) медицинскій журналъ L'Expérience, перевелъ Естественную исторію Плинія, Физіологію Миллера, издалъ исправленный медицинскій словарь Нистена. И такъ продолжалось до конца его жизни. Масса его ученыхъ и литературныхъ трудовъ громадна.

Въ 1835 году Литтре женился; и его жена была женщиною весьма религіозною. О воспитаніи и обученіи единственной дочери заботился самъ Литтре; но воспитана она была въ духѣ благочестія матери. Литтре думалъ впослѣдствіи, когда она достигнетъ извѣстнаго возраста, ввести ее въ таинства своего позитивизма, предложить ей самой сдѣлать выборъ между мнѣніями отца и матери. Но когда благопріятное время наступило, Литтре отказался отъ своего намѣренія изъ опасенія причинить огорченія женѣ. «Этотъ опытъ», говорилъ онъ, «не стоилъ тѣхъ слезъ, которыя были-бы послѣдствіемъ его».

Въ 1841 году онъ задумалъ составленіе своего знаменитаго «Dictionnaire étymologique de la langue française», но могъ приступить къ подговительнымъ работамъ только въ 1857 году, и только черезъ 15 лѣтъ словарь былъ окончёнъ и вполнѣ отпечатанъ (въ 1872 г.). О достоинствѣ и значеніи этого труда говорить нечего. Насъ русскихъ онъ располагаетъ къ плачу Іереміи, когда мы посмотримъ на то, что у насъ есть въ этомъ родѣ. Если-бы нашъ академическій словарь русскаго языка хотя-бы вдвое или вчетверо меньше представлялъ достоинствъ, мы благодарили-бы судьбу. Но, говоря безъ самообольщенія, ихъ и сравнивать нельзя. И что всего печальнѣе, такіе факты всего краснорѣчивѣе говорятъ о состояніи образованія въ странѣ!

Изданіе словаря было истиннымъ тріумфомъ для Литтре. Французская академія избрала его членомъ, Journal des Sa-

*) «Je ne philosophe qu'après que j'ai accompli la tâche quotidienne». Fragments de philosophie positive. Paris, 1876, стр. 400.

vants далъ ему почетный титулъ редактора, Академія наукъ медицинскихъ избрала его также членомъ (за трудъ филологическій!); вскорѣ его выбрали и въ депутаты Національнаго собранія и, наконецъ, въ пожизненные сенаторы. И нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ обществу, которое нашло въ себѣ моральныя основы для того, чтобы вознаградить этотъ трудъ, котораго польза не ограничится ни нашимъ, ни слѣдующимъ вѣкомъ. «Мой трудъ», говорилъ въ 1874 году Литтре, «вознагражденъ больше, чѣмъ я ожидалъ. Свидѣтельствую объ этомъ въ то время, какъ достигши глубокой старости, я уже ничего больше не ищу, ничего больше не прошу» *). Все это напоминаетъ лучшія картины античной жизни и оставляетъ по истинѣ какое-то освѣжающее впечатлѣніе.

Послѣ изданія словаря Литтре жилъ еще около 10 лѣтъ; но здоровье его было сильно надломлено. Въ послѣдніе годы онъ не только не выходилъ изъ комнаты, но почти не оставлялъ кресла и сравнивалъ свое положеніе съ положеніемъ Скаррона; но трудиться продолжалъ: издавалъ старыя свои сочиненія, писалъ даже новыя, даже издавалъ журналъ: Revue de philosophie positive. Въ самомъ концѣ жизни онъ подвергся, говоря языкомъ позитивистовъ, одной и той-же эволюціи съ Ог. Контомъ, т. е. измѣнилъ принципамъ позитивизма, хотя совсѣмъ не такимъ нелѣпымъ способомъ, какъ Контъ.

Въ свое время онъ былъ преданъ позитивизму нисколько не менѣе, чѣмъ самъ Контъ, и несмотря на то, что былъ несравненно образованнѣе Конта, отдалъ свою мысль въ послушаніе его философіи и былъ ему вѣренъ во всемъ, какъ въ принципахъ, такъ и въ подробностяхъ, какъ въ вопросахъ собственно философскихъ, такъ и въ политическихъ и соціальныхъ. Нечего говорить, что на философію вообще, и на позитивную въ особенности онъ смотритъ глазами Конта; а не автора ея, у котораго онъ не признаетъ никакихъ предшественниковъ, смотритъ какъ на втораго Прометея, укравшаго огонь

*) Litterature et Histoire. Préface, page 3 et suiv. Цитація Каро. Revue de Deux Mondes. 1882 г. 1-e avr., стр. 533.

съ неба. Для него это единственный философъ, не имѣющій предшественниковъ, возникшій путемъ самозарожденія. Всѣ тѣ, которые носили это имя раньше, всѣ эти Сократы, Платоны, Баконы, Канты, для него тоже, что для насъ знаменитые ѳеурги Аполлоній Тіанскій или Сведенборгъ.

Дѣло Ог. Конта въ области философіи Литтре сравниваетъ съ путешествіями вокругъ свѣта, которыя вполнѣ опредѣлили видъ земли и ея размѣры. «До тѣхъ поръ пока человѣкъ не дѣлалъ путешествія вокругъ всего своего жилища, онъ могъ мысленно придавать ему размѣры слишкомъ большіе. Подобнымъ образомъ и умственная область могла долго казаться безконечною; но съ того времени, какъ кругосвѣтное путешествіе (сдѣланное Контомъ) окончено, съ того времени, какъ со всѣхъ сторонъ границы достигнуты, нужно возвратиться къ дѣйствительности. Эти границы состоятъ изъ законовъ, управляющихъ всѣми категоріями явленій извѣстными намъ» *).

Это ограниченіе умственной области, это кругосвѣтное плаваніе совершенное вокругъ нея Контомъ, принадлежитъ къ числу самыхъ смѣлыхъ открытій ума человѣческаго, только не философскаго, а позитивнаго. Сократъ говоритъ, что онъ ничего не знаетъ, а въ нашемъ столѣтіи нашлись философы, которые увѣряютъ, что они все знаютъ, что они достигли крайнихъ предѣловъ знанія, за которыми уже нѣтъ ничего познаваемаго, nulla res scibilis. Этакое увѣреніе хотя-бы и не Литтре, а и самому Конту подъ-стать. И это говорятъ люди, которые ограничили область всего человѣческаго знанія, если мѣрить ее нашею школьною мѣркою, только однимъ физико математическимъ факультетомъ, съ присоединеніемъ къ нему бѣглаго обзора всеобщей исторіи съ точки зрѣнія, заранѣе опредѣленной естественными науками. И такъ, скажемъ словами одного изъ соціальныхъ реформаторовъ: войдите въ ничтожество, вы, факультеты: философскій, юридическій, филологическій и, разумѣется, прежде всего богословскій. Ваши знанія

*) Conservation, révolution et positivisme. Paris. 1882, стр. 60.

не относятся къ области науки, они уже за предѣлами ея, гдѣ «умственное око уже не можетъ, что-нибудь видѣть», гдѣ есть одно только небытіе, безконечная пустота «le vide infini».

Эта безконечная пустота начинается тотчасъ послѣ области, гдѣ кончается міръ матеріальный. Кромѣ матеріи, ничто другое не существуетъ, и человѣкъ есть только матерія. Души у него нѣтъ; даже и слова для обозначенія этого понятія нѣтъ, потому что во всѣхъ языкахъ слово душа образовано отъ глаголовъ, имѣющихъ значеніе: дуть, дышать, и перенесено на душу съ первоначальнаго человѣческаго понятія «дыханіе»; другого понятія, такого, какое имѣютъ философы спиритуалисты, первоначальный человѣкъ не имѣлъ.—Однако, возражаетъ философъ спиритуалистъ, человѣкъ имѣетъ особенную дѣятельность, которая не можетъ составлять принадлежности матеріи, онъ мыслитъ. И отъ дѣйствія нельзя не заключать къ причинѣ, къ дѣятелю, къ субъекту мыслящему.—Это ничего не значитъ, отвѣчаетъ Литтре. Мыслитъ не душа, а «мыслитъ нервная субстанція»; «подобно тому, какъ физикъ признаетъ, что матерія имѣетъ вѣсъ, физіологъ констатируетъ, что нервная субстанція мыслитъ (constate que la substance nerveuse pense), причемъ ни тотъ, ни другой не имѣютъ претензіи объяснять, почему одна имѣетъ вѣсъ, а другая мыслитъ» *). Здѣсь Литтре выражается, что физіологъ только констатируетъ фактъ, заявляетъ о немъ; раньше онъ говорилъ о томъ-же нѣсколько иначе, раньше онъ увѣрялъ, будто «позитивная наука доказала (démontra), что умственныя и нравственныя явленія относятся къ нервной субстанціи такъже, какъ вѣсъ къ матеріи».

Прерывая нить нашихъ разсужденій, не можемъ не обратить вниманія на философствованіе, которое проявляетъ въ данномъ случаѣ Литтре. Слѣдуя ему, физіологъ констатируетъ, что нервная матерія, которую онъ, желая смягчить абсурдъ. называетъ субстанціею, мыслитъ! Если онъ это констатируетъ,

*) Transrationalisme. Revue de phil. positive. Janvier 1880, p. 42. Цитація Каро въ Revue de Deux Mondes, 1-er Mai, 1882, стр. 28.

то исключительно для себя, а не для другихъ, не для науки. Наука такой констатаціи не знаетъ. Констатировать что-нибудь спорное совсѣмъ не значитъ рѣшить споръ.—Независимо отъ этого, наука въ самомъ будто-бы констатированномъ положеніи находитъ соединеніе понятій несоединимыхъ. Нервная субстанція мыслитъ подобно тому, какъ матерія имѣетъ вѣсъ, тяжесть. Но тяжесть и матерія суть понятія, относящіяся къ одной области міра, безспорно матеріальной. Камень подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, его можно видѣть и осязать, онъ подлежитъ тремъ измѣреніямъ, также матеріальнымъ. Тяжесть мы можемъ также чувствовать физически и измѣрять даже своимъ собственнымъ организмомъ; даже съ завязанными глазами только по одному напряженію мускуловъ и нервовъ можемъ отличить гирю фунтовую отъ пудовой и даже двухъ-фунтовой. съ завязанными глазами отличить по тяжести червонецъ отъ двугривеннаго.

Не въ такомъ положеніи находятся нервная субстанція и мысль. Нервная субстанція также подлежитъ чувствамъ, зрѣнію и осязанію, подлежитъ измѣренію и вѣсу, соотвѣтственно длинѣ и толщинѣ нерва, такъ какъ нервъ не есть что-нибудь въ родѣ геометрической точки, не имѣющей ни измѣренія, ни вѣса или въ родѣ геометрической линіи не имѣющей толщины и вѣса. А какой вѣсъ, какую длину или толщину имѣетъ мысль? Кто ее когда-нибудь взвѣшивалъ или измѣрялъ? Если кто-нибудь спроситъ: сколько пудовъ въ той или другой мысли, то объ этомъ человѣкѣ всѣ подумаютъ, что онъ или съума сошелъ, или шутитъ. Но къ такимъ рѣчамъ необходимымъ образомъ приводятъ увѣренія Литтре, будто матерія мыслитъ. Матерія не можетъ мыслить; матерія способна только къ дѣйствіямъ механическимъ, къ процессамъ физическимъ, химическимъ и физіологическимъ, къ числу которыхъ мышленіе не относится. Ни въ одномъ курсѣ механики, физики, химіи или физіологіи вы не найдете отдѣла относящагося къ мысли и къ мышленію. Объ этомъ можно распространяться только для дѣтей, при первоначальномъ обученіи.

Но такъ или иначе, этотъ примѣръ уже показываетъ, что Литтре въ своихъ воззрѣніяхъ философскихъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ Конта. Столь-же покорно мысль его слѣдовала за мыслью Конта въ сужденіяхъ о будущемъ устройствѣ человѣческихъ обществъ. Подобно Конту, онъ думаетъ, что начало преобразовательному движенію должны дать парижскіе пролетаріи, которые «по своимъ чувствамъ стоятъ гораздо выше тѣхъ классовъ, которые превосходятъ ихъ богатствомъ» *). Пролетаріи выберутъ троихъ первыхъ правителей, которые должны пустить въ ходъ новую соціальную машину. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго правительства будетъ сокращеніе арміи и флота, потомъ уничтоженіе бюджета церкви и министерства народнаго просвѣщенія. Полученныя вслѣдствіе этого сбереженія будутъ употреблены на общественныя работы въ большихъ размѣрахъ, на возобновленіе лѣсовъ тамъ, гдѣ они безразсудно вырублены, на оздоровленіе жилищъ въ городахъ и деревняхъ и т. п. Правительство это будетъ имѣть только характеръ временный, переходный. Оно будетъ подготовлять страну къ порядку окончательному, посредствомъ воспитанія и образованія народа, посредствомъ воспитанія самихъ будущихъ правителей, промышленниковъ. Правильное дѣйствіе государственной машины, правильныя отправленія всего общественнаго организма въ послѣднемъ періодѣ, когда власть перейдетъ къ промышленникамъ, будутъ гарантированы тѣмъ, что промышленники будутъ дѣйствовать подъ двойнымъ контролемъ, съ одной стороны народа, просвѣщеннаго наукою и облагороженнаго воспитаніемъ, съ другой—особой власти духовной, pouvoir spirituel, подъ которою Литтре не разумѣлъ жреческаго сословія, а только представителей науки, совершенно согласно съ тѣми мыслями, которыя первоначально имѣлъ объ этомъ пред-

*) Conservation, révolution, positivisme. Paris 1852, стр. 148. Въ другомъ мѣстѣ о пролетаріатѣ Литтре говоритъ: «что въ средѣ его прогрессивные инстинкты гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другихъ классахъ», что онъ вообще находится «въ лучшихъ условіяхъ, какъ умственныхъ, такъ и нравственныхъ, чѣмъ классы высшіе». Ib. préface XXIII.

метѣ Контъ. И результатомъ всего этого, этого двойнаго контроля, этого всеобщаго облагороженія и высшихъ и низшихъ слоевъ народа посредствомъ науки и воспитанія, должно было быть всеобщее благосостояніе, между прочимъ и благосостояніе пролетарія, которому промышленники должны обезпечить не только трудъ, но и удовлетвореніе всѣхъ вообще потребностей какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, «assurer aux prolétaires éducation, subsistance et famille», такъ чтобы не только пролетарій былъ сытъ, но чтобы онъ имѣлъ семейство, чтобы его жена не ходила на фабрику, а «могла оставаться въ своемъ хозяйствѣ, чтобы его дѣти могли получать правильное, разумѣется, въ духѣ позитивной философіи, воспитаніе и обученіе, какъ въ семействѣ, такъ и школѣ» *).

Литтре вполнѣ послѣдовалъ Конту и во взглядахъ на равенство. Изъ данныхъ исторіи и науки о человѣкѣ онъ выводитъ заключеніе, что равенства въ обществѣ быть не можетъ, что его не можетъ быть и въ семействѣ между мужемъ и женою, что мужчина и женщина самою природою предназначены къ разнымъ родамъ занятій, что эгалитарныя бредни объ эманципаціи женщины основаны только на незнаніи природы вещей, что женщина въ Европѣ, по крайней мѣрѣ въ слояхъ общества болѣе образованныхъ, уже достигла эманципаціи, которую остается только распространить на народныя массы **).

Короче, во всѣхъ этихъ пунктахъ Литтре оказывается вѣрнымъ послѣдователемъ Конта. Столь-же вѣренъ Конту остается онъ въ своихъ взглядахъ на ближайшую будущую судьбу Европы. Вслѣдъ за Контомъ, онъ пространно доказываетъ, что послѣ февральской революціи республиканское правительство окончательнымъ образомъ установилось во Франціи, что прочность его гарантируется нравами; вслѣдствіе чего онъ увѣряетъ, что республикѣ не угрожаютъ никакія опасности, la république n'a rien à craindre ***). И это было писано въ августѣ 1850 г.,

*) Ib. стр. 309 и 310
**) Ib. стр 121 и 278.
***) Ib. 205,

послѣ того, какъ президентъ республики уже сформировалъ министерство съ Барошемъ во главѣ, имѣвшее задачею все болѣе и болѣе урѣзывать республиканскія вольности и служившее почти открыто личнымъ цѣлямъ президента.

Столь же крѣпко Литтре убѣжденъ и въ томъ, что исторія Европы вступила въ періодъ мирнаго развитія, что время войнъ большихъ и малыхъ уже миновало, и это не есть дѣло только личнаго его убѣжденія, это есть научный выводъ, вытекающій изъ теорій, выработанныхъ Контомъ, тѣхъ, которыя составляютъ содержаніе новооткрытой науки, соціологіи. «Соціологія, говоритъ Литтре, предвидѣла миръ уже въ теченіи 25 лѣтъ *), предвидѣла его раньше іюльской революціи, раньше сумасбродствъ 1840 года, раньше революціи февральской; и всегда, несмотря на признаки самые тревожные, ходъ событій оправдывалъ эти предвидѣнія. Даже и теперь она предвидитъ миръ на все переходное время будущаго». — Въ настоящее время солидарность между народами болѣе и болѣе укрѣпляется. Въ теченіи 10 или 15 лѣтъ она достигнетъ такой степени, что «нѣмцы, англичане, итальянцы, французы и испанцы будутъ еще ближе къ тому, чтобы всякія дѣла рѣшать по взаимному согласію, и еще дальше отъ того, чтобы воевать между собою. И пусть меня поймутъ хорошо, въ настоящее время въ Европѣ возможны пораженія въ политикѣ, а не на полѣ битвы. И обратите вниманіе на кажущееся противорѣчіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Именно въ этотъ періодъ всеобщаго мира арміи приняли чрезвычайное развитіе. Никогда спокойствіе запада не было такъ обезпечено, какъ теперь, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда войска не были такъ многочисленны »**). У Литтре и Конта есть даже особая теорія, касательно научнаго предвидѣнія вообще, составляющая органическую принадлежность позитивной философіи. Главное достоинство этой философіи состоитъ въ достовѣрности, научной несомнѣнности и

*) Ib. 247. Писано это въ 1850 г. За 25 л. раньше этого Контъ впервые излагалъ принципы соціологіи въ публичномъ курсѣ 1826 г.

**) Ib. 247 и 250.

точности ея положеній; потому они и ограничиваютъ область ея столь тѣсными границами. И соціологію они только потому допустили въ кругъ ея знаній, что были убѣждены въ ея точности, положительности, вѣрности духу позитивизма, вслѣдствіе того, что она сама была дѣломъ рукъ Конта. Соціологію, философію исторіи *), по ихъ мнѣнію они возвели на такую высоту, дали ей такую степень достовѣрности что она въ состояніи, подобно астрономіи, предсказывать будущее въ движеніи исторической жизни. И этими предсказаніями и Контъ и Литтре были очень заинтересованы; въ нихъ они видѣли одно изъ главныхъ средствъ «распространить доктрину въ умахъ». — «Знать, говоритъ Литтре, значитъ предвидѣть. Критеріумъ всякой истинной науки есть предвидѣніе. И никто не удовлетворялъ ему болѣе, чѣмъ Контъ; въ его рукахъ историческая наука (писано 1849 г.) оказалось одаренною предвидѣніемъ, насколько это возможно. Революціонные кризисы, неспособность королевской власти удержаться, наконецъ, революціонная солидарность Европы — все это опредѣлено и предсказано имъ за много лѣтъ впередъ» **). И разумѣется этотъ даръ предвидѣнія не есть исключительное свойство Конта; онъ доступенъ всякому, кто посвятитъ себя позитивной философіи. «Доказано фактами, говоритъ Литтре, что для того, чтобы предвидѣть съ нѣкоторою достовѣрностью, слѣдуетъ только обратиться къ ученіямъ соціальной науки, которая въ наше время приняла достаточную положительность, чтобы опредѣлить законъ развитія человѣчества. Чтобы понимать обстоятельства, нужна

*) Самъ Контъ такъ называетъ соціологію (см. предисловіе къ III тому позитивной политики). Раньше въ Курсѣ позитивной философіи, гдѣ онъ въ первый излагалъ ея положенія, онъ называлъ ее обыкновенно соціальною физикою, но въ этомъ-же сочиненіи сталъ изрѣдка употреблять и слово соціологія. Литтре въ 1844 г. называетъ ее science sociale. Въ 1849 году онъ измѣнилъ это имя въ science historique, которое послѣ кратковременнаго употребленія было замѣнено имъ томъ же году словомъ соціологія. Послѣ этого и онъ и Контъ употребляютъ почти исключительно это названіе.

**) Ib. 70 и 247.

теорія, безъ которой всякій фактъ остается одиночнымъ или подвергается произвольнымъ толкованіямъ». Такъ превозносилъ въ 1850 году Литтре позитивную философію и въ частности соціологію. И согласно съ этимъ возвеличеніемъ ея дѣлалъ смѣлыя предсказанія будущаго.

Но, увы! Злой рокъ не поддержалъ соціологіи. Предсказанія Литтре далеко не оказались столь-же вѣрными, какъ предсказанія астрономіи. Черезъ годъ послѣ предсказанія о долговѣчности республики она была ниспровергнута; представители народнаго самодержавія частію были разсажены по тюрьмамъ, частію высланы за границу, и улицы Парижа еще разъ обагрились кровью его гражданъ. Черезъ два года послѣ этого началась война восточная, черезъ 3 года послѣ окончанія ея началась война итальянская; потомъ война нѣмецко-датская, за нею война австро-прусская, дальше война французско-нѣмецкая, наконецъ война русско-турецкая. И какія войны, какія битвы! съ каждой стороны сотни тысячъ солдатъ, изъ которыхъ, благодаря усовершенствованному оружію, десятки тысячъ остаются на мѣстѣ. Таковъ оказался періодъ мирнаго развитія, въ который вступила Европа! Такъ далеки отъ насъ оказались большія и малыя войны! Ог. Контъ скоро умеръ; и такъ какъ «мертвые срама не имутъ», то и ему не пришлось стыдиться или, по крайней мѣрѣ, много стыдиться. А Литтре выпало на долю выпить эту горькую чашу до дна. Было еще нѣсколько историческихъ событій, по поводу которыхъ ему торжествовать съ своею соціологіею не приходилось. Парижскіе пролетаріи дѣйствительно въ 1871 году взяли на себя иниціативу соціальной реформы и избрали нѣсколько пролетаріевъ въ члены временнаго правительства. Но не тѣмъ занялось это временное правительство, что проектировали Контъ и Литтре, а повело политику иную. Захватили заложниками представителей церкви, юстиціи и литературы и потомъ разстрѣляли ихъ; таково оказалось «всеобщее провидѣніе, исходящее отъ пролетаріата (providence générale émanée du prolétariat), таково его «соціальное вліяніе» (influence sociale). Отъ чего-же въ самомъ дѣлѣ ему

было не воспользоваться своимъ правомъ употреблять строгія мѣры, sévir, если позитивная философія освящала это право? Въ одинъ день было запрещено 37 органовъ періодической печати; такъ исполнилось предвидѣніе Литтре относительно совершенной свободы ея (complete liberté de la presse). Наконецъ, Парижъ былъ подожженъ въ разныхъ мѣстахъ, вѣроятно во исполненіе предвидѣнія касательно обширныхъ трудовъ на пользу общества (de vastes travaux d'utilité), которые отнесены имъ къ мѣрамъ ближайшимъ (mesures les plus prochaines). Дѣйствительно эти мѣры не заставили себя долго ждать. Надобно было, кромѣ того, случиться, что одну изъ мѣръ предвидѣнныхъ и проектированныхъ Литтре коммуна исполнила буквально согласно его плану и его идеямъ. «Мы должны, писалъ Литтре еще въ 1849 г., уничтожить трофеи, которые унижаютъ однихъ, не принося пользы другимъ. Памятникъ на полѣ битвы въ Ватерлоо будетъ разрушенъ тѣми руками, которыя его воздвигли. Но предварительно примѣръ будетъ поданъ Франціею. У насъ будутъ уничтожены всѣ памятники въ честь побѣдъ имперіи; тогда и Европа уничтожитъ памятники въ честь побѣдъ надъ имперіею». Коммуна, дѣйствительно, если не уничтожила, то опрокинула Вандомскую колонну. Мысль Литтре была осуществлена. Въ то же время и позитивной философіи вообще была оказана коммуною подобающая честь. Коммуна не признавала никакой религіи; все сверхчувственное ею отрицалось, называлось мистицизмомъ и подвергалось порицанію (см. выше, стр. 724).

И послѣ паденія коммуны нашлись люди, которые поставили всѣ дѣянія ея на счетъ свободнымъ мыслителямъ атеистамъ. Литтре чувствуетъ, что этотъ упрекъ относится, къ нему, къ позитивной философіи, и потому старается съ одной стороны оправдать атеизмъ въ преступленіяхъ коммуны, съ другой—пользуется этимъ случаемъ, чтобы привести доказательства въ пользу того, что позитивизмъ не есть атеизмъ. «Позитивная философія, говоритъ онъ, не есть деизмъ, но она въ тоже время не есть и атеизмъ». Что она не есть деизмъ, съ

этимъ согласится всякій человѣкъ, который не пожелаетъ сознательно говорить ложь. Но что она не есть атеизмъ—въ этомъ Литтре не удается убѣдить ни одного правильно мыслящаго человѣка. Она именно есть атеизмъ полный, хотя нѣсколько замаскированный. Въ самомъ дѣлѣ — вы отрицаете вполнѣ всякое духовное начало въ мірѣ и въ человѣкѣ; за предѣлами нервной системы вы не видите и не знаете ничего, кромѣ безконечной пустоты; и это не есть ваше апріорическое утвержденіе; оно, по вашимъ словамъ, вами выведено a posteriori. Вы утверждаете, что вы сдѣлали кругосвѣтное плаваніе (circumnavigation) вокругъ всей области знанія, вы указали границы этому знанію. И внутри этихъ границъ вы нашли только матерію, а внѣ ихъ—только пустоту. Гдѣ же быть тутъ Богу? Ему мѣста нѣтъ. Ваша философія, дѣйствительно, не даетъ ему мѣста ни въ области бытія, ни въ своей системѣ. Она грѣшитъ и притомъ явно и тяжко противъ одного изъ основныхъ законовъ логики. Вѣдь вы говорите, что вы не деисты; и мы вамъ вѣримъ; мы видимъ по всему, что въ этомъ увѣреніи вы искренни. Стало быть вы признаете ложность того положенія, что Богъ есть, что Онъ существуетъ. А въ такомъ случаѣ логика обязываетъ васъ считать за истину то положеніе, что Богъ не существуетъ. Еслибы вы дѣйствительно на вопросъ о началѣ міра, о бытіи Бога, отвѣчали искренно: «мы не знаемъ»; мы это поняли бы. И мы вамъ скажемъ даже больше: не только у послѣдователя философіи спиритуалистической, но и у человѣка, вѣрующаго вполнѣ и искренно, бываютъ періоды сомнѣнія, когда онъ самъ себѣ на эти вопросы отвѣчаетъ: не знаю! Сомнѣніе есть умственный процессъ, присущій природѣ человѣка; кто мыслитъ, тотъ безъ него не обойдется. Декартъ исходнымъ пунктомъ своихъ философскихъ изслѣдованій имѣлъ сомнѣніе не только въ достовѣрности человѣческихъ познаній, но въ своемъ собственномъ существованіи. Cogito, ergo sum,— это у него не риторическая фигура, не діалектическій пріемъ, а выраженіе дѣйствительнаго сомнѣнія, которое его безпокоило, которое онъ хотѣлъ разрѣшить тѣмъ или другимъ образомъ, утвердительно или отрицательно.

Въ позитивизмѣ ничего похожаго на это нѣтъ. Позитивизмъ чуждъ всякому сомнѣнію. Онъ выдаетъ себя за философію, стоящую посрединѣ между спиритуализмомъ и матеріализмомъ, соблюдающую между ними нейтралитетъ. Но Каро по этому поводу не безъ остроумія замѣчаетъ, что это нейтралитетъ только внѣшній, что между позитивизмомъ и матеріализмомъ заключенъ секретный трактатъ противъ спиритуализма. Можно сказать, что этотъ трактатъ даже не секретный. Когда позитивизмъ увѣряетъ, что матерія мыслитъ, что міръ сверхчувственный не существуетъ, то онъ говоритъ въ одно слово съ матеріализмомъ и съ атеизмомъ. Ихъ основныя, существенныя воззрѣнія тождественны, такъ что они различаются только именами, и если атеизмъ отвѣтственъ за злодѣянія коммуны, то отъ этой отвѣтственности не свободенъ и позитивизмъ.

Не признавая этого, Литтре все-таки призналъ, что онъ вслѣдъ за Контомъ ошибся въ своихъ сужденіяхъ о парижскомъ пролетаріатѣ, равно какъ о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, входящихъ въ систему ихъ общихъ ученій. «Я былъ въ то время, говорилъ онъ впослѣдствіи, подъ очарованіемъ довѣрія, подъ господствомъ авторитета, и я принялъ безъ достаточнаго обсужденія то, что мнѣ было предложено *). Контъ допустилъ, что рабочіе классы и большіе города, гдѣ они скучены, всего болѣе способны къ тому, чтобы дать направленіе революціи, такъ какъ они всего болѣе свободны отъ ученій и интересовъ ретроградныхъ. Я въ то время держалъ въ рукѣ перо и далъ редакцію тому плану, который онъ составилъ. Но уже давно я отказался отъ того, что самымъ ошибочнымъ образомъ принялъ со словъ учителя; признаюсь въ этомъ, какъ уже не разъ признавался прежде» **). Интересно, однако, съ точностью и подробно обозначить, въ чемъ-же именно ошиблись эти послѣдователи философіи, содержащей въ себѣ, по

---

*) Fragments de philosophie positive. Paris 1876, стр. 402.

**) Ib. стр. 449. Эти строки писаны въ 1875 г.; а раннее признаніе ошибокъ со стороны Литтре заключается въ книгѣ «Aug. Comte et la phil. pos.». Paris 1864, стр. 601, 528 и слѣд.

ихъ словамъ, только одну чистую, очевидную истину, и никогда недопускающей чего-нибудь проблематическаго, недоказаннаго. «Три ошибки», продолжаетъ Литтре, «сводятъ къ ничтожеству этотъ планъ преобладанія рабочихъ классовъ въ настоящемъ фазисѣ революціоннаго періода. Первая состоитъ въ томъ, что Контъ въ этомъ періодѣ не считалъ возможными большія войны; но онѣ оказались возможны, и нужно опасаться, что онѣ и еще будутъ имѣть мѣсто. Вторая ошибка состоитъ въ томъ, что Контъ считалъ въ настоящее время рабочіе классы вполнѣ способными къ управленію; а въ самомъ дѣлѣ они неспособны. Наконецъ, третья ошибка относится къ той независимости ума, которую приписывалъ имъ Контъ по отношенію къ доктринамъ, господствующимъ въ другихъ классахъ. Эта независимость, какъ оказывается, не существуетъ» *).

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза то, что, признавая всѣ эти ошибки, Литтре какъ будто старается выгородить, обѣлить себя, приводитъ въ свое оправданіе смягчающія обстоятельства, главнымъ образомъ то, что онъ совершенно слѣпо довѣрялся учителю, на котораго онъ и сваливаетъ всю вину. Такая настроенность какъ то не гармонируетъ съ общимъ нравственнымъ направленіемъ Литтре, представляетъ въ ней какое то исключеніе. И раньше и позже онъ относился къ своимъ ошибкамъ съ большею вѣрностью самому себѣ. Въ 1864 г. онъ писалъ: «моя ошибка, которуя я не хочу смягчить, состоитъ въ томъ, что я принялъ безъ провѣрки идеи, которыя я отвергаю послѣ провѣрки. Это представляетъ серьезное интеллектуальное пораженіе; признаю это безъ всякихъ увертокъ. Единственное вознагражденіе, которое нахожу здѣсь, состоитъ въ урокѣ скромности и въ справедливомъ предостереженіи для меня неслишкомъ полагаться на самого себя, а для тѣхъ, которые удостоиваютъ читать меня, видѣть во мнѣ руководителя, который надеженъ только своими добрыми намѣреніями» **).

*) Fragments, стр. 449.

**) Aug. Comte et la ph. p., стр. 601.

Черезъ три года онъ имѣлъ случай еще разъ просмотрѣть свои предсказанія, такъ какъ въ 1878 году онъ сдѣлалъ второе изданіе сборника, въ которомъ они находятся: Conservation, Révolution et Positivisme. Всѣ статьи, вошедшія въ него, перепечатаны въ прежнемъ видѣ, но въ примѣчаніяхъ Литтре самъ указываетъ, гдѣ онъ не уберегся отъ ошибокъ. На этотъ разъ онъ опять относится къ себѣ совсѣмъ безъ снисхожденія и подвергаетъ себя истинному нравственному бичеванію, какъ средневѣковый флагеллянтъ. При тѣхъ страницахъ, которыя содержатъ предсказаніе долгаго мира, онъ пишетъ: «эти несчастныя страницы находятся въ постоянномъ противорѣчіи съ совершимися событіями. Въ нихъ видно довѣріе, которое мнѣ причиняетъ боль, даже по истеченіи столькихъ лѣтъ. Онѣ произведутъ непріятное впечатлѣніе и на читателя, который или будетъ пожимать плечами, или будетъ сожалѣть о такомъ ослѣпленіи, смотря по чувствамъ, которыми онъ одушевленъ. Едва успѣлъ я произнести въ моемъ дѣтскомъ энтузіазмѣ, что въ Европѣ не будетъ больше пораженій на полѣ битвы, какъ произошли пораженія Россіи въ Крыму, Австріи въ Италіи и т. д. Я рѣшился еще разъ напечатать эти страницы, чтобы мое признаніе было болѣе полнымъ и философскимъ. Что меня возмущаетъ, это та увѣренность, съ которою я отклонялъ факты неподходящіе и въ особенности мое безразсудство, съ которымъ я въ предвидѣніяхъ, которыя такъ скоро были опровергнуты, видѣлъ залогъ достовѣрности соціологіи».

Свои ошибки Литтре призналъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ: въ предсказаніи касательно долговѣчности республики, касательно упадка бонапартизма и т. п. Все это дѣлаетъ большую честь его сердцу, его нравственной системѣ; но кредитъ позитивной философіи и въ частности соціологіи тутъ весьма сильно страдаетъ, равнымъ образомъ и кредитъ какъ творца этой философіи, такъ и главнаго ея провозвѣстника. Въ самомъ дѣлѣ, что-же это за сосуды исторической истины, которые хорошо знаютъ и понимаютъ, какой характеръ имѣетъ народная жизнь, народныя понятія, народныя стремленія при

началѣ исторической жизни, во младенчествѣ ея, у ассиріянъ или вавилонянъ, потомъ въ періодъ юности, въ республикахъ Греціи и, наконецъ, въ періодъ зрѣлости или старости—въ царствахъ Селевкидовъ или Птоломеевъ, въ Римской имперіи и т. п., а о томъ, что происходитъ у нихъ передъ глазами въ ихъ собственномъ отечествѣ, въ прекрасной Франціи, этого они не знаютъ и этого не понимаютъ?

Divinator стоялъ на площади въ какомъ-то городѣ древности и отгадывалъ судьбу всѣмъ приходившимъ къ нему; публика съ довѣріемъ приносила ему деньги и divinator благодушествовалъ. Вдругъ бѣжитъ человѣкъ и кричитъ ему издалека, что у него въ домѣ, гдѣ онъ оставилъ жену и дѣтей, начался пожаръ. Поблѣднѣвшій отъ ужаса divinator сломя голову бросился домой и скоро скрылся изъ вида публики. А его кліенты взглянули другъ на друга и улыбнулись. Кто-то изъ нихъ сказалъ: «стало быть нашъ пророкъ не все знаетъ, если онъ не зналъ о пожарѣ, который долженъ былъ случиться сегодня у него въ домѣ. Не шарлатанъ ли онъ?» На этотъ вопросъ никто ничего не отвѣчалъ, только всѣ улыбаясь пошли по своимъ дѣламъ. И съ тѣхъ поръ divinator пересталъ отгадывать судьбу публикѣ.

Несомнѣнно, что сходство между этимъ divinator'омъ съ одной стороны и Контомъ и Литтре съ другой—есть и очень большое. Не даромъ Литтре въ исполнившихся предсказаніяхъ Конта видѣлъ ручательство за достоинство системы и за полноту знанія. Предвидѣніе есть дѣйствительный критерій знанія*). И оно возможно не въ одной астрономіи; оно существуетъ въ медицинѣ и носитъ тамъ совсѣмъ не двусмысленное имя предсказанія; оно въ послѣднія десятилѣтія получаетъ болѣе и болѣе практическое примѣненіе въ метеорологіи, несмотря на то, что метеорологія имѣетъ предметомъ явленія природы наиболѣе капризныя. Наконецъ, и историческія предсказанія дѣлались не разъ. Были люди, которые заранѣе предсказывали

*) На него обратилъ вниманіе между прочимъ Бюше. См. ниже въ библіографіи: Introduction à la science de l'histoire.

французскую революцію, паденіе Наполеона, реформацію и т. п. Предвидѣніе грядущихъ событій есть удѣлъ умныхъ государственныхъ людей. Бисмаркъ давно готовился къ нападенію Наполеона III и заранѣе принималъ мѣры, чтобы дать ему достойный отпоръ. А Литтре даже предупредилъ своихъ читателей, что предвидѣніе политиковъ по профессіи ничего не стоитъ такъ какъ они «живутъ обветшавшими преданіями», что несравненно большее значеніе, большую достовѣрность имѣютъ лучи свѣта, разливаемые соціальною наукою (les lumières de la science sociale) *). И вдругъ результатъ столь печальный! Вдругъ оказалось, что свѣтоносная наука не свѣтъ разливаетъ, а распространяетъ мракъ. Это стоило тѣхъ бичеваній, которымъ подвергъ себя Литтре; хотя тутъ виноватъ не онъ одинъ, а главнымъ образомъ та наука, которой открытіе онъ считалъ, какъ лучшую заслугу и безсмертную славу О. Конта. Тутъ справедливѣе было-бы не бичевать себя, а надѣть трауръ по наукѣ, которая такъ скоро свершила свой путь.

Обратимъ вниманіе еще на одинъ рядъ поправокъ, сдѣланныхъ Литтре относительно прежнихъ своихъ ученій, для насъ имѣющихъ наибольшее значеніе, такъ какъ они относятся именно къ вопросамъ соціальнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Мы видѣли, что въ этой области Литтре такъ же покорно слѣдовалъ Конту, какъ и вездѣ. Заботу объ экономическихъ потребностяхъ всего населенія возложилъ на промышленниковъ, подъ двойнымъ контролемъ пролетаріата и сословія ученыхъ, вмѣнивши промышленникамъ въ обязанность обезпечить пролетарію удовлетвореніе всѣхъ его потребностей, какъ матеріальныхъ, такъ и моральныхъ. Время, большая зрѣлость сужденія и лучшее ознакомленіе съ областью политической экономіи, которую Литтре вслѣдъ за Контомъ сначала игнорировалъ, привели его къ тому, что прежнія свои мечты о будущемъ экономическомъ порядкѣ онъ совершенно оставилъ; и даже къ

*) Ib. стр. 248.

прежнему своему проекту соціальной реформы сталъ относиться съ какимъ-то недоброжелательнымъ порицаніемъ, не признавая его, впрочемъ, своимъ, что отчасти и правильно, а приписывая его исключительно Конту и называя его «socialisme catholico-féodal d'Auguste Comte». — Эту перемѣну во взглядахъ онъ обнаружилъ въ 1870 году еще до начала войны, въ статьѣ о соціализмѣ, напечатанной въ «Revue de la philosophie positive», за мѣсяцы май и іюнь. Здѣсь онъ подвергаетъ краткой критикѣ главные виды соціализма, между прочимъ, коммунизмъ, фурьеризмъ и socialisme catholico-féodal de Comte, и съ своей стороны высказываетъ чрезвычайно трезвыя и разумныя мысли о способахъ улучшенія быта пролетаріевъ. Все, что придумывалось и придумывается празднымъ воображеніемъ, отрѣшившимся отъ дѣйствительной жизни, онъ признаетъ за неоспоримую утопію и указываетъ единственный практическій путь, состоящій въ томъ, чтобы брать за исходный пунктъ существующую дѣйствительность. «Соціалисты, говоритъ онъ, переносятъ насъ, безъ всякаго переходнаго періода, въ общество, гдѣ все устроено сообразно типу каждаго отдѣльнаго нововводителя. Именно каждый изъ нихъ имѣетъ свой собственный типъ; и вмѣсто того, чтобы придти къ согласію, что̀ было бы признакомъ если не истинности проектовъ, то хоть нѣкоторой вѣроятности, — они во всей полнотѣ разногласятъ (ils diffèrent totalement) между собою, что служитъ признакомъ ихъ произвольности и ошибочности». Мы просили бы нашихъ читателей сравнить это мнѣніе Литтре съ мнѣніемъ г. Чернышевскаго, будто каждый изъ соціальныхъ проектовъ «въ существенныхъ чертахъ своихъ сходенъ съ другими и удовлетворителенъ». У насъ своя логика; для нея кажется сходнымъ то, что Литтре называетъ totalement different.

«Всѣ эти системы, продолжаетъ Литтре, страдаютъ двумя неизцѣлимыми недугами: онѣ не берутъ за исходный пунктъ дѣйствительное положеніе вещей, чтобы развивать его, и вводятъ безконечныя дедукціи въ науку, которая не допускаетъ ихъ. Такимъ образомъ имъ недостаетъ ручательства со сто-

роны опыта, который имѣетъ исключительный авторитетъ въ дѣлѣ науки; и вся ихъ постройка основана на цѣломъ рядѣ хрупкихъ разсужденій, непровѣренныхъ и неспособныхъ къ провѣркѣ. Метафизика соціальная для меня не имѣетъ болѣе прелести, чѣмъ метафизика философская, и я прибавлю: она не болѣе и состоятельна. И такъ обратимся къ опыту, который, подобно рабочему, трудится отъ утра до вечера, который ежедневно получаетъ свой заработокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ежедневно откладываетъ небольшое, но плодотворное сбереженіе» *).

Мы не будемъ слѣдить за Литтре въ его указаніяхъ положительныхъ мѣръ къ улучшенію быта пролетаріевъ, хотя они не обширны. Не будучи обширны, они не отличаются и оригинальностью. Литтре допускаетъ тѣ мѣры, которыя раньше его были предложены многими другими: именно кооперативныя общества рабочихъ въ производствѣ, участіе рабочихъ въ барышахъ предпріятія и всего болѣе распространеніе и приведеніе къ единству обществъ взаимнаго вспоможенія.

Но отъ прежняго своего проекта Литтре прибавляетъ къ новому одну подробность, также, впрочемъ, не оригинальную. Онъ говоритъ, что нужно обратить особое вниманіе на образованіе и воспитаніе рабочаго, что только при этомъ условіи могутъ быть дѣйствительны всѣ предполагаемые проекты экономическихъ улучшеній; противъ чего, конечно, едвали найдутся возражатели, если оставить мысль Литтре въ такомъ общемъ видѣ. Но онъ, разумѣется, имѣетъ въ виду образованіе и воспитаніе позитивное, съ математикой, физикой, химіей, біологіей, безъ психологіи, безъ души, съ мыслящей матеріей и съ дальнозоркой соціологіей, хорошо видящей въ туманной дали, но не видящей ничего у себя передъ глазами. Для непозитивистовъ, конечно, такая система народнаго обученія необязательна.

Поправки Литтре и признаніе ошибокъ съ его стороны не идутъ дальше соціологіи. И это, конечно, очень важно, потому что соціологія въ позитивной философіи самая высокая изъ

*) Fragments. 389, 390 и 394.

наукъ, вѣнецъ всего зданія, какъ мы уже видѣли. Въ біологіи онъ чувствуетъ себя въ положеніи болѣе прочномъ; и до позднѣйшихъ лѣтъ жизни продолжаетъ утверждать, что въ человѣкѣ вся его психологическая дѣятельность есть ничто иное, какъ физіологическій процессъ, что тутъ и говорить больше не о чемъ, что вопросъ можетъ занять мѣсто среди рѣшеныхъ научныхъ вопросовъ. Но, какъ извѣстно, въ недавніе сравнительно годы на научную арену были выставлены факты совершенно особеннаго характера, которые говорили о томъ, что человѣкъ какъ-то страннымъ образомъ раздвояется, чего не предвидѣла біологія, что иногда одинъ и тотъ же человѣкъ имѣетъ два сознанія, живетъ и дѣйствуетъ, какъ двѣ отдѣльныя личности, хотя организмъ у него одинъ, и система нервовъ одна. Все это факты, относящіеся къ сомнамбулизму; о нихъ въ 1873 году издалъ изслѣдованіе докторъ Крисгаберъ, который приводитъ, между прочимъ, такіе факты, какъ одинъ человѣкъ ночью написалъ стихотвореніе, и поутру самъ не понималъ, откуда оно явилось,—какъ женщина ходила по крышѣ, повредила себѣ ногу о торчавшій на крышѣ гвоздь и поутру также не могла объяснить себѣ, откуда у нея явилась на ногѣ рана и т. п. Литтре не могъ и даже не пытался объяснить эти факты съ точки зрѣнія своей философіи и въ частности біологіи; и даже признался, что объяснить ихъ нельзя, такъ какъ біологія имѣетъ свои пробѣлы и свои несовершенства (ses lacunes et ses imperfections). Откуда же они явились? Вы утверждали, что вы объѣхали кругомъ всей области знанія и обозрѣли ее; вы обозначили и объяснили все, что находится въ ея предѣлахъ, и не заявляли въ свое время о какихъ-нибудь недоступныхъ вамъ ея частяхъ, вы утверждали, что «явленія интеллектуальныя и нравственныя неотдѣлимы отъ нервовъ». И вдругъ они отдѣлились: нервы остаются въ человѣкѣ и дѣйствуютъ; а интеллектуальныя явленія раздвояются; если одни изъ нихъ соединены съ нервами, то другіе отдѣляются и наоборотъ. Но это еще не все. Впослѣдствіи опыты съ гипнотизмомъ показали существованіе моральныхъ явленій, не

имѣющихъ никакой связи съ нервами; гипнотизаторъ своему паціенту передаетъ свою мысль, свое желаніе безъ всякаго посредства внѣшнихъ органовъ; это уже напоминаетъ животный магнетизмъ Месмера; спиритисты и духовидцы сведенборгіяне поднимаютъ съ торжествомъ голову. И все это не разговоры любителей празднословія, а извѣстія изъ клиники доктора Шарко, возбуждающія всеобщее вниманіе въ самой позитивной средѣ,— въ средѣ медиковъ. Будетъ-ли позитивизмъ при взглядѣ на подобные факты повторять аргументы Конта въ родѣ того, что когда у человѣка отрубятъ голову, то вмѣстѣ съ физіологическими отправленіями прекращаются и явленія психологическія, или что у больнаго человѣка, страдающаго нервами, и психическія отправленія неправильны? Все это для психологовъ никогда не было новостью; все это они обсуждали и раньше. Они знали и факты противнаго характера, которые показывали, что какъ тѣло оказываетъ дѣйствіе на душу, такъ и душа оказываетъ вліяніе на тѣло: человѣкъ испугался, и онъ поблѣднѣлъ; человѣкъ сконфузился и онъ покраснѣлъ; человѣкъ въ высшей степени озабоченъ, и онъ три дня ничего не ѣстъ: человѣкъ въ продолженіи получаса виситъ надъ пропастью, и въ эти полчаса онъ посѣдѣлъ; покойный К. прочиталъ телеграмму, и съ нимъ случился ударъ, отъ котораго онъ черезъ 2 недѣли умеръ. Нянька видитъ, что ребенокъ изъ окна 4-го этажа свалился на тротуаръ; ребенокъ какимъ-то чудомъ остался живъ, а нянька въ тотъ-же моментъ умерла. О. Контъ захворалъ душевною болѣзнью. Его взяли въ больницу и подвергли леченію согласно правиламъ науки. Но здоровье не поправлялось; тогда г-жа Контъ взяла его домой и стала лечить нравственными средствами. Болѣзнь прекратилась.

Позитивизмъ тоже религія. Онъ, какъ и соціализмъ, имѣетъ свою метафизику. Эта метафизика состоитъ въ томъ, что въ предѣлахъ опытной науки онъ не находитъ ничего, кромѣ матеріи, а за предѣлами ея ничего, кромѣ пустоты, что онъ строго опредѣлилъ границы науки и т. п. Какъ религія, позитивизмъ раздѣлился и на секты: на католиковъ, признававшихъ Конта

главою церкви, и на диссидентовъ, въ свою очередь раздѣлившихся на согласія. Литтре, несмотря на признаніе пробѣловъ въ позитивной философіи, продолжалъ оставаться въ нѣдрахъ ея. Но уже не было въ немъ прежняго религіознаго усердія. Въ былые годы онъ очень вооружался противъ католицизма, противъ клерикализма, даже противъ Боссюэта, у котораго онъ нашелъ бревно въ глазу *). Но въ послѣдніе годы его жизни его политическіе единомышленники были огорчены, а противники обрадованы тѣмъ, что онъ къ католицизму сталъ относиться съ большимъ расположеніемъ. Когда всю Францію волновалъ проектъ закона о свободѣ обученія которой добивались католики, а противились свободные мыслители всѣхъ оттѣнковъ, то Литтре помѣстилъ одновременно въ двухъ газетахъ, въ Temps и Revue de phil. positive статью: le Catholicisme selon le suffrage universel en France, гдѣ доказывалъ законность стремленій католиковъ съ точки зрѣнія либеральнаго принципа и справедливости. (Revue de Ph. P. Sept.-Oct. 1879).

Нельзя сомнѣваться, что въ такомъ его отношеніи къ вопросу о свободѣ обученія играли роль, кромѣ причинъ объективныхъ, еще и субъективныя. Прежняго всецѣлаго довѣрія къ позитивизму у него не было. Въ слѣд. году онъ помѣстилъ въ Revue de Ph. Positive статью подъ заглавіемъ: «Pour la dernière fois», гдѣ онъ прямо высказываетъ свои сомнѣнія въ догматахъ позитивизма. «Если есть вопросы, говоритъ онъ, къ которымъ приходится возвращаться, то на восьмидесятомъ году и притомъ съ разстроеннымъ здоровьемъ, нужно признаться, что къ нимъ приходится возвращаться въ послѣдній разъ. Вопросы эти тѣ-же, которые занимали Клавдіана, когда онъ въ прекрасномъ двустишіи спрашивалъ самъ себя:

---

*) Въ 1872 г. онъ помѣстилъ въ Позитивной философіи (въ журналѣ) статью: La poutre et la paille, гдѣ осуждалъ Боссюэта за то, что онъ, порицая ландграфа гессенскаго за бигамію и ставя это въ вину учителямъ реформаціи, Лютеру и другимъ, разрѣшившимъ эту бигамію, не только сквозь пальцы смотрѣлъ на распутство Людовика XIV, но могъ еще прославлять его, какъ ревностнаго католика, какъ втораго Константина Великаго.

Curarent superi terras an nullus inesset
Rector, et incerto fluerent mortalia casu» *).

Итакъ, передъ смертью Литтре усумнился въ состоятельности позитивизма. Безстрастный нейтралитетъ между спиритуализмомъ и матеріализмомъ его больше не удовлетворяетъ; не удовлетворяетъ и матеріализмъ, съ которымъ у него былъ заключенъ секретный трактатъ.

Въ этомъ состояніи онъ раскрываетъ передъ читателемъ нѣсколько послѣдовательныхъ картинъ своего философскаго развитія. Сначала онъ былъ деистомъ, вѣровалъ въ Бога, въ безсмертіе души и пр. Потомъ нашелъ, что его вѣра не имѣла подъ собою фундамента и тогда онъ сталъ просто отрицателемъ, матеріалистомъ. И произошло это еще въ то время, когда онъ былъ въ коллегіи, т. е. въ гимназіи. Много времени спустя онъ познакомился съ позитивною философіей Конта и увлекся ею; это было въ 1840 году, когда ему самому было около 40 лѣтъ. Прошло еще 40 лѣтъ и онъ нашелъ, что его позитивизмъ не имѣетъ подъ собою фундамента. Сомнѣнія еще разъ заговорили въ немъ вмѣстѣ съ воспоминаніями и онъ признаетъ, что «онъ не имѣетъ никакого отвращенія, чтобы склонить свое ухо къ этимъ старымъ вещамъ, которыя говорятъ ему тихо и упрекаютъ за то, что онъ ихъ оставилъ». «Религіозныя сомнѣнія, прибавляетъ онъ дальше, не были добровольны въ моей душѣ; они были вызваны обстоятельствами, внѣшними возбужденіями; я только не отталкивалъ ихъ и не презиралъ. Но всякій разъ они ограничивались однимъ пунктомъ, нѣкотораго рода психической проблемой между моею очевидностью, которая не позволяетъ мнѣ принять богословскіе догматы, и очевидностью вашей, которая васъ всѣхъ вѣрующихъ побуждаетъ принять ихъ» **). Все это не довольно ясно. Кто были эти собесѣдники, съ которыми Литтре обсуж-

*) Заботятся-ли боги о мірѣ или никто не управляетъ имъ, и все относящееся къ людямъ зависитъ только отъ случая.

**) Revue de Deux Mondes. 1882, 1-er avril, стр. 549, статья Каро: E. Littré. Histoire de ses travaux et de ses idées.

далъ богословскіе догматы, изъ источника, которымъ мы пользуемся, не видно. Когда Литтре умеръ, въ періодическихъ изданіяхъ были напечатаны извѣстія, что передъ смертью онъ обратился въ католицизмъ. Позитивисты опровергали справедливость ихъ; и мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для рѣшенія спора *).

Но какъ бы то ни было, обратился Литтре въ католицизмъ или не обратился, несомнѣнно то, что онъ вѣрности до гроба позитивизму не сохранилъ. Если мы оставимъ безъ вниманія то, что онъ безъ отвращенія склоняетъ свое ухо къ старымъ вещамъ, если мы обратимъ вниманіе только на вопросы, къ которымъ онъ возвращается въ послѣдній разъ, то этого совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, что онъ пересталъ быть позитивистомъ. Заботятся-ли боги о мірѣ, есть-ли правитель его или нѣтъ, спрашиваетъ онъ. Итакъ, онъ не отрицаетъ съ прежнею увѣренностью міра сверхчувственнаго, онъ допускаетъ, что міръ можетъ имѣть верховнаго правителя. Прежде онъ говорилъ не то. Если міръ можетъ имѣть правителя, то этимъ правителемъ не можетъ быть никто, кромѣ Творца его. Итакъ, возникаетъ вопросъ о первой причинѣ и притомъ ставится такъ, что не исключается возможность принимать первую причину сверхчувственную. Вмѣстѣ съ тѣмъ и природа человѣческая получаетъ соотвѣтствующее повышеніе: если есть разумный творецъ міра, Богъ, Существо духовное, то и въ человѣкѣ нѣтъ надобности предполагать, какъ субъектъ мыслящій и чувствующій, матерію. Короче, эти вопросы, которые занимаютъ Литтре на послѣдокъ дней, позитивизмъ его ниспровергли, зданіе его позитивной философіи разрушили до основанія. Литтре не вынесъ ига, наложеннаго на него позитивизмомъ, не покорился ему; несмотря на строжайшее запрещеніе разсуждать, онъ не вытерпѣлъ, принялся за разсужденіе, за изслѣдованіе

*) Послѣ того, какъ были написаны эти строки, мы нашли нѣкоторыя данныя, позволяющія рѣшить споръ, чему мы и посвятимъ особое приложеніе (Д). Теперь мы не сомнѣваемся, что Литтре дѣйствительно передъ смертью обратился къ вѣрѣ.

и обратился именно въ ту область, доступъ въ которую былъ для него до тѣхъ поръ закрытъ, къ изслѣдованію первыхъ причинъ. Такъ и должно было быть, то и должно было произойти съ этимъ умомъ крѣпкимъ и свѣтлымъ, подвергшимся только временному омраченію, произведенному Контомъ, этимъ «темнымъ и сумбурнымъ мозгомъ», какъ справедливо назвалъ его Сентъ-Бевъ.

Литтре не былъ первымъ подвергшимся этой метаморфозѣ. Раньше его прошелъ тѣмъ-же самымъ путемъ Контъ; только «сумбурный мозгъ», начавши философствованіе нелѣпымъ матеріализмомъ, кончилъ его нелѣпымъ спиритуализмомъ. Тѣмъже путемъ прошли С. Симонъ и Оуэнъ; и Оуэнъ соотвѣтственно своему невѣжеству окончилъ такимъ-же нелѣпымъ спиритуализмомъ, какъ и Контъ, духовидѣніемъ и столоверченіемъ (см. т. I, стр. 557)! Еще раньше тѣмъ-же самымъ путемъ прошелъ Вольтеръ, который свою долгую карьеру невѣрія и подчасъ кощунства окончилъ постройкою храма съ надписью: Deo erexit Voltarius. Раньше Вольтера этимъ путемъ прошли Расинъ и Ля-Фонтенъ, въ нашемъ столѣтіи Бюше, Лякордеръ и др. Вообще это путь, которымъ идутъ весьма многіе.

Лучше поздно, чѣмъ никогда. Возвращеніе Литтре къ здравому смыслу, къ общечеловѣческой наукѣ дѣлаетъ честь его уму. Но разумѣется лучше было-бы, если бы судьба избавила его въ свое время отъ увлеченія пустою и дешевою философіею. Это съ одной стороны дало-бы ему возможность подарить своему отечеству, а съ нимъ вмѣстѣ и всему человѣчеству другой какой-нибудь трудъ, равный Этимологическому словарю французскаго языка; съ другой стороны это избавило-бы французскую литературу отъ десятковъ пустыхъ статей, написанныхъ Литтре, а самого Литтре избавило-бы отъ непріятности публично каяться въ содѣянныхъ имъ преступленіяхъ противъ науки и здраваго смысла.—Выше мы обѣщали привести образцы умственнаго затмѣнія (см. стр. 803) Литтре подъ вліяніемъ принциповъ позитивизма. Они уже приведены самимъ авторомъ съ его собственнымъ удостовѣреніемъ, что подъ вліяніемъ авто-

ритета учителя онъ находился въ ненормальномъ состояніи, которое онъ называетъ ослѣпленіемъ и притомъ большимъ (un tel aveuglement). Всѣ эти его опровергнутыя событіями предсказанія, всѣ эти частности будущаго соціальнаго устройства, всѣ эти положенія касательно состоянія рабочихъ классовъ, промышленниковъ, впослѣдствіи исправленныя авторомъ, были сдѣланы въ состояніи умственнаго затмѣнія. И прибавимъ къ этому, что Литтре не всѣ свои ошибочныя разсужденія успѣлъ исправить и даже только замѣтить; ихъ остается еще много; и мы не имѣли возможности ихъ обозначить всѣ; но между ними есть нѣкоторыя весьма любопытныя.

Позитивизмъ, не будучи философіею, а будучи отрицаніемъ ея, однако одержимъ былъ желаніемъ походить на философію по внѣшности; Контъ даже называлъ себя ученикомъ Декарта и Лейбница. Это разумѣется все не философія, а дипломатія: онъ хотѣлъ этимъ скрыть то, что онъ былъ въ философіи ученикомъ С. Симона, что вся его философія есть распространенный плажіатъ ученій этого учителя. Литтре въ нравственномъ отношеніи несравненно выше Конта, но когда онъ находится въ состояніи умственнаго затмѣнія, то онъ разсуждаетъ и даже дѣйствуетъ не лучше его: ему тоже хочется, чтобъ его позитивизмъ казался чѣмъ-то очень серьезнымъ, и даже очень высокимъ; онъ не прочь даже стать рядомъ съ Боссюэтомъ и сказать читателямъ: посмотрите, съ кѣмъ рядомъ я могу стоять!—Боссюэтъ, Aigle de Meaux, Орелъ города Мо, между богословами новаго времени занимаетъ такое-же высокое мѣсто, какъ Баконъ между философами, Ньютонъ между астрономами, Ад. Смитъ между экономистами и т. п. Онъ одинаково знаменитъ и какъ богословъ-догматистъ, и какъ богословъ-моралистъ, и какъ богословъ-политикъ, и какъ богословъ-полемистъ, и кромѣ того, какъ философъ, какъ проповѣдникъ, какъ патріотъ, и какъ администраторъ. Короче, это фигура изъ самыхъ крупныхъ во всей исторіи. И вотъ онъ-то въ глубинѣ своего вѣрующаго духа, предавшись религіозному созерцанію, томимый жаждою и надеждою увидѣть «свѣтъ прис-

несущный и неприступный» и желая забыть на время всякія другія помышленія, воскликнулъ: «молчите вы, мои мысли».

Что общаго между Боссюэтомъ и Литтре, въ то время какъ Литтре былъ послушнымъ ученикомъ Конта? Конечно, ничего. А между тѣмъ Литтре позволилъ себѣ въ глубинѣ своей иррелигіозности, преклоняясь предъ «неизмѣримостью времени и пространства» повторить слова Боссюэта: «молчите вы, мои мысли» *).

Зачѣмъ-же имъ молчать? Чему онѣ мѣшаютъ или могутъ помѣшать? Если неизмѣримое пространство и неизмѣримое время не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ безконечной пустоты, le vide infini, если даже къ этой безконечной пустотѣ присоединить всю разбросанную въ ней неодушевленную матерію съ ея «слѣпыми и безсознательными силами», то одна человѣческая мысль, сознательная и разумная, какъ сознательно и разумно то существо, которое ее выработало, стоитъ больше всего этого агломерата, безсмысленно и безцѣльно движущагося въ пустомъ пространствѣ. И зачѣмъ вамъ становиться рядомъ съ Боссюэтомъ, къ которому вы относитесь, какъ одинъ полюсъ къ другому, противоположному, какъ плюсъ къ минусу, какъ утвержденіе къ отрицанію? Повтореніе словъ Боссюэта, которое вы дѣлаете, можетъ быть съ вашей стороны только пародіею или передразниваньемъ. А если это ни то, ни другое, то это нѣчто еще худшее.

«Не мѣшайте мнѣ мои мысли», говоритъ Боссюэтъ; я вижу то, чего давно жаждетъ душа моя, къ чему она давно стремится, что просвѣтитъ и согрѣетъ ее.

«Не мѣшайте мнѣ, мои мысли», говоритъ въ свою очередь Литтре; я ничего не вижу, ничего не желаю видѣть, ничего не могу видѣть». Очевидно, это уже безсмысленное повтореніе чужихъ словъ, это опять состояніе ослѣпленія.

Странное явленіе представляетъ этотъ Литтре. Съ одной стороны это ученый, имѣющій большую заслугу въ филологіи

*) Fragments etc., стр. 602.

и даже въ медицинѣ; съ другой стороны это послѣдователь дешевой философской школы, даже не школы, а секты, о которой историкъ философіи если упоминаетъ, то только какъ объ уродливомъ явленіи въ ея области. Онъ напоминаетъ такія личности, которыя на одной сторонѣ лица имѣютъ значительную уродливость, какъ родимое пятно во всю щеку и т. п. Съ одной стороны на такую личность пріятно смотрѣть; это красивое лицо съ правильнымъ профилемъ; съ другой оно производитъ на васъ весьма непріятное впечатлѣніе; и если вамъ въ вагонѣ придется сидѣть напротивъ подобной личности, вы непремѣнно подумаете о перемѣнѣ мѣста. Что-то есть дѣйствительно ненормальное, уродливое въ томъ, что человѣкъ столь большихъ познаній, знаменитый филологъ, попалъ въ подручные къ человѣку, ничего основательно незнавшему, всю свою мудрость почерпнувшему только въ школѣ Сенъ-Симона и въ собственной своей смѣлости и беззастѣнчивости. По нашему мнѣнію тутъ даже появляется урокъ для государственныхъ людей и министровъ нар. просвѣщенія. Оказывается, что безъ систематическаго философскаго образованія, безъ достаточнаго запаса свѣдѣній изъ области наукъ политическихъ, никакое филологическое образованіе не спасаетъ отъ грубыхъ ошибокъ въ философствованіи, отъ возможности подвергнуться умственному порабощенію со стороны людей полуобразованныхъ, если они отличаются смѣлостью и беззастѣнчивостью.

Прибавимъ еще нѣсколько заключительныхъ словъ о позитивизмѣ

Мы говорили. что позитивизмъ съ методой отношенія къ вопросамъ философіи посредствомъ новаго логическаго закона, выражаемаго въ формѣ изрѣченія: «мы при этомъ не были», имѣетъ уже равныхъ себѣ мыслителей въ нашемъ обществѣ, тѣхъ, которые у насъ употребляютъ это самое выраженіе. Иногда они употребляютъ другое подобное выраженіе: «Это не при насъ писано». Еще болѣе характерное, болѣе близкое къ духу позитивизма выраженіе вы услышите въ каждой деревнѣ отъ своего рода позитивистовъ, которые на каждый вопросъ,

мало-мальски выходящій изъ области мамоны, требующій нѣкотораго умственнаго напряженія и самодѣятельности, отвѣчаютъ: «а кто жъ его знаетъ?». Это «а кто-жъ его знаетъ?» намъ кажется, всего больше выражаетъ духъ позитивной философіи, ея нелѣпую фантазію ограничить пытливость человѣческаго ума, которая, если-бы когда нибудь была осуществлена, быстро понизила-бы умственный и даже вмѣстѣ съ тѣмъ нравственный уровень человѣчества.

Что-же, наконецъ, будто эта позитивная философія, столь почитаемая нашею интеллигенціею, въ самомъ дѣлѣ ничего не стоитъ?—Да откуда же она получила бы какую нибудь цѣну, если она есть произведеніе первоначально столь безалабернаго философа, какъ С. Симонъ, потомъ представлена въ новой редакціи и подверглась внѣшней переработкѣ такого «темнаго и сумбурнаго мозга», какъ Ог. Контъ? И если судить даже только по внѣшнимъ признакамъ, то кто-же можетъ имѣть къ ней довѣріе, когда оба ея автора и С. Симонъ и Контъ ей измѣнили, подъ конецъ жизни стали проповѣдниками вѣры вопреки позитивизму? Потомъ, верховный апостолъ ея Литтре тоже ей измѣнилъ. Милль похвалилъ — было ее, но впослѣдствіи указалъ въ ней столько важныхъ недостатковъ *), что они привели къ ничтожеству самыя важныя ея части и общія принципы! Наконецъ, говоря совершенно серьезно, безъ малѣйшей дозы шутки, одинъ успѣхъ позитивной философіи въ средѣ «интеллигенціи» и сопричиненіе ея автора къ числу «геніальнѣйшихъ людей» со стороны г. Чернышевскаго уже должны привести въ сомнѣніе всякаго серьезнаго и мало-мальски обра-

*) Впрочемъ Милль вообще на похвалы всему, что пахнетъ новизною, слишкомъ уже щедръ. Достаточно вспомнить, что онъ и фурьеризму не отказалъ въ похвалахъ, что онъ превознесъ похвалами нашихъ политическихъ дѣятельницъ, этихъ дѣвицъ, практикующихъ свободу любви, занимающихся политикою съ употребленіемъ револьвера и динамитныхъ бомбъ. Вообще намъ пора перестать судить о вещахъ сообразно тому, что говорятъ о нихъ другіе. Если вещь худа сама въ себѣ и если мы ясно понимаемъ это, то хоть-бы десять Миллей похвалили ее; черезъ это она не сдѣлается хороша.

зованнаго человѣка. Если г. Чернышевскій во всей литературѣ политической экономіи не нашелъ ни одного имени достойнаго уваженія, кромѣ Оуэна, Фурье и Л. Блана, то очень естественно, что и за свѣтило въ области философіи онъ принялъ автора, имѣющаго равныя съ ними заслуги и достоинства. И они дѣйствительно имѣютъ большое между собою сходство. Какъ Оуэнъ, Фурье и Л. Бланъ отвергли политическую экономію, не изучавши ея, и вмѣсто нея предложили, какъ основу для экономической жизни народовъ, свои пустыя измышленія, такъ и Контъ, не изучавши философіи, отвергъ ее и на мѣсто ея предложилъ пустое измышленіе, названное имъ философіею, которое однако философіею не было, а было отрицаніемъ ея, стремилось ниспровергнуть многовѣковое зданіе философіи, чтобы занять его мѣсто; претензія громадная и необъятная. Контъ безъ доказательствъ, безъ критики, однимъ своимъ авторитетомъ и разумѣется подразумѣваемымъ авторитетомъ Сенъ-Симона и философовъ 18 вѣка, уничтожалъ труды всѣхъ философовъ, начиная отъ Зороастра до нашего времени, приравнивалъ къ нулю всѣ греческія философскія школы, всѣхъ философовъ римскихъ, потомъ философовъ христіанскихъ, греческихъ и латинскихъ, философовъ среднихъ вѣковъ, всѣхъ новыхъ философовъ, со временъ Возрожденія до 19 вѣка. При томъ вмѣстѣ съ философіею отчасти отрицается, отчасти игнорируется всякая другая наука, за исключеніемъ наукъ естественныхъ. Это претензія совершенно равная претензіи Фурье — однимъ почеркомъ пера привести къ нулю всѣ книги, наполняющія наши библіотеки. Не надобно много вдумываться въ сущность этого дѣла, чтобы понять все сумасбродство его.

Контъ добивался славы, подобно многимъ изъ своихъ соотечественниковъ, подобно своему учителю С. Симону. Мы видѣли это въ его собственномъ признаніи. И онъ отчасти достигъ своей цѣли. Но эта слава худая. Мы назвали-бы ее славою Герострата, если-бы ему удалось подобно Герострату сжечь храмъ философіи. Но этого онъ не достигъ. Люди продолжаютъ мыслить обо всемъ безъ исключенія, не обращая

никакого вниманія на границы. указанныя для мысли Контомъ Его попытку можно скорѣе сравнить съ попыткой синицы зажечь море. Это была только нелѣпая претензія, не имѣющая ничего общаго съ наукою и ея задачами. Не даромъ представители науки относятся къ Конту съ пренебреженіемъ. *).

Мы не говорили ничего о нравственномъ ученіи позитивной философіи. Мы и не сказали-бы о немъ ничего, если-бы мы не нашли у него одной подробности, которую считаемъ важною. Нравственное ученіе позитивизма, разумѣется, не можетъ имѣть подъ собою никакой прочной основы. Контъ выводитъ его изъ того, что, во-первыхъ, въ человѣкѣ существуютъ доброжелательныя наклонности къ другимъ людямъ (des penchants bienveillants), что доказано будто-бы только въ прошломъ столѣтіи. Доброжелательныя наклонности влекутъ человѣка къ сообществу съ другими людьми, и имѣютъ здѣсь свое естественное приложеніе. Во-вторыхъ, живя въ обществѣ подобныхъ себѣ, всякій человѣкъ такъ много обязанъ ему не только въ годы младенчества, но и въ теченіи всей своей жизни, что изъ этихъ выгодъ, доставляемыхъ ему обществомъ, возникаетъ для него обязанность послать обществу съ своей стороны благодарностью и всякаго рода услугами, обязанность жить для другихъ, vivre pour autrui; исполненіе этой обязанности Контъ называетъ соціолатріею, sociolatrie (отъ λατρεία служеніе), а чувство, побуждающее человѣка къ нему, называется, какъ мы уже говорили, альтруизмомъ.

Все это ученіе есть ничто иное, какъ плажіятъ изъ христіанскаго нравственнаго ученія. Но протестовать противъ него мы не станемъ. Напротивъ, мы ему очень рады. Мы желали-бы, чтобы и другія секты философскія или соціальныя послѣ-

*) Выше мы видѣли, что къ нему относятся такъ собственно представители философіи: Каро, Ферразъ, Франкъ, и потомъ Сентъ-Бевъ. Оказывается, что и натуралисты, физики и химики находятъ, что собственно фактическая часть въ изложеніи этихъ наукъ есть ничто иное, какъ «un tissu d'erreurs scientifiques», сплетеніе научныхъ ошибокъ. Объ этомъ см. ниже въ библіографіи,—въ очеркѣ касательно Cours de phil positive.

довали примѣру Конта, чтобы и они также дѣлали плажіятъ въ нравственной системѣ христіанства, въ особенности, чтобы ему въ этомъ подражалъ нашъ доморощенный соціализмъ, нигилизмъ. Но въ томъ-то и бѣда, что наши «геніальные мыслители» отовсюду заимствуютъ только то, что есть самаго худшаго, самаго гнуснаго, въ особенности то, что есть наиболѣе рѣзко противорѣчащаго христіанскому ученію.

Подробность въ нравственномъ ученіи Конта, которую мы считаемъ важною, состоитъ въ томъ, что, по его мнѣнію, всякій человѣкъ долженъ жить такъ, чтобы въ его жизни не было ничего скрытаго, долженъ vivre au grand jour. Эта мысль у него общая съ Литтре. Она не составляетъ, собственно говоря, нравственнаго принципа; это такъ сказать положеніе нравственной дисциплины, діэтетики; это практическое правило, которое должно вести къ полезнымъ нравственнымъ результатамъ. «Чтобы прикрыть свои нравственныя гнусности, говоритъ Контъ, наши метафизики дали перевѣсъ постыдному законодательству, которое запрещаетъ подвергать обсужденію частную жизнь общественныхъ дѣятелей». Контъ, напротивъ, въ достойной уваженія частной жизни видитъ гарантію честнаго отношенія къ дѣламъ общественнымъ, гарантію «истиннаго цивизма», какъ онъ выражается. «Всѣ тѣ, которые откажутся жить при полномъ свѣтѣ (au grand jour), дадутъ поводъ подозрѣвать себя въ томъ, что они не хотятъ жить для другихъ (vivre pour autrui)» *), что они не исполняютъ предписаній соціолатріи.

«Такое правило подвергло-бы гражданъ большимъ неудобствамъ», возражаютъ противники этой идеи. «Кого же именно, спрашиваетъ Литтре, какихъ гражданъ?—Кому выгодно и нужно набрасывать покровъ тайны на свои дѣла, на свои отношенія? Безъ сомнѣнія не честнымъ и нравственнымъ людямъ, не добрымъ гражданамъ, а только людямъ порочнымъ, безнравственнымъ. Должны-ли мы согласно съ интересами та-

*) Catéchisme, стр. 292.

кихъ людей составлять законы, не обращая вниманія на вредъ, который отъ этого произойдетъ для общественнаго дѣла, для честныхъ гражданъ, для общественной нравственности?

Вопросъ, который затронули Контъ и Литтре, чрезвычайно важенъ. И, къ сожалѣнію, въ средѣ нашего общества онъ рѣшается также несогласно съ интересами нравственности и съ самыми чистыми понятіями о достоинствѣ человѣка. Можно ручаться, что изъ 100 человѣкъ 99 у насъ найдутъ это ученіе Конта неправильнымъ; у насъ и законодательство также отвергаетъ его, подвергая наказанію такъ называемую диффамацію, т. е. публикацію ненравственныхъ дѣлъ, относящихся къ частной жизни всякаго человѣка. Есть и публицисты, даже весьма достойные уваженія, которые находятъ, что частной жизни человѣка касаться не слѣдуетъ, что это будетъ царство сплетенъ, которое внесетъ въ общество только непріятности для гражданъ и больше ничего.

Мы не имѣемъ возможности входить въ обстоятельное обсужденіе этого вопроса. Замѣтимъ только, что сплетни, гаэрство, зубоскальство всегда легко отличить отъ серьезнаго дѣла, когда моралистъ castigat mores. Дѣло не въ томъ, чтобы тайны домашней жизни выносить наружу, а въ томъ, чтобы сократить выставку разврата, непотребства, пропаганду того и другого примѣромъ. Эта пропаганда всего болѣе успѣшна, когда дѣлается лицомъ имѣющимъ почему-либо особое значеніе, въ особенности представителемъ власти Вотъ почему у насъ въ Сводѣ законовъ есть статья, требующая, чтобы представитель власти своею нравственностью не подавалъ соблазна управляемымъ, не подавалъ повода къ укоризнамъ на правительство вообще. Къ сожалѣнію, на практикѣ на статью эту мало обращаютъ вниманія *).

*) Но на неисполненіе ея обратилъ вниманіе г. Салтыковъ, когда рисовалъ въ разныхъ обстоятельствахъ своихъ помпадуровъ и помпадуршъ. И общество, обыкновенно индифферентное къ вопросамъ нравственности, приняло очерки г. Салтыкова съ большимъ сочувствіемъ, потому что въ нихъ осмѣяны представители власти, занимающіе высшій постъ въ мѣстномъ управленіи. И съ нихъ укоризна дѣйствительно

Нравственность въ человѣкѣ только одна; если ея нѣтъ въ частной жизни, то ея не можетъ быть и въ общественной дѣятельности. И если въ частной жизни проявляется безнравственность, то она непремѣнно проявится и въ общественной. Оттого всѣ философы и моралисты всегда обращали на нравственность вниманіе, въ какой-бы области она ни проявлялась, въ общественной или частной. Оттого и историкъ не обходитъ вопроса о частной жизни историческихъ дѣятелей, а у лицъ высоко стоящихъ въ обществѣ обращаетъ на нее особое вниманіе. Такимъ образомъ мы хорошо знаемъ о безнравственной частной жизни Людовика XIV и Людовика XV, Карла II Англійскаго и др.

Тацитъ, идеалъ историка-философа и моралиста значительную долю своихъ сочиненій посвятилъ частной жизни тѣхъ лицъ, которыя вошли въ его сочиненія. У Светонія частной жизни отведено еще больше мѣста. Съ точки зрѣнія закона о диффамаціи оба они должны были всю жизнь свою сидѣть въ тюрьмѣ. Съ той же точки зрѣнія Іоаннъ Креститель получилъ достойную мзду, когда вздумалъ коснуться частной жизни Ирода-Антипы.

Ну какое ему было дѣло до частной жизни тетрарха Галилейскаго? Вообще «кому какое дѣло» до частной жизни другихъ людей?—«Кому какое дѣло?»,—въ этихъ трехъ словахъ заключается цѣлый принципъ, принципъ всѣхъ потерянныхъ женщинъ, всѣхъ проститутокъ, содержанокъ, содержанцевъ, современныхъ полигамистовъ, киногамистовъ, кровосмѣсителей, мужей, которые изъ своихъ женъ сдѣлали дополнительный источникъ дохода, Іонъ Циниковъ, которые служебнымъ положеніемъ пользуются для устройства грязныхъ эротическихъ отношеній и т. д. Всякому дѣло, всякому, кто вышелъ изъ

была перенесена на правительство вообще, такъ что представители власти своимъ недостаткомъ нравственности въ нѣкоторомъ смыслѣ приготовили почву для посѣва революціонныхъ ученій.

первобытнаго состоянія невѣдѣнія, кто вкусилъ отъ древа познанія добра и зла, кто умѣетъ различать то и другое, кто не относится безъ сочувствія къ добру, безъ отвращенія къ злу, кто понимаетъ значеніе нравственности въ жизни народа, кто не безучастенъ къ достоинству, благостоянію и будущности своего отечества.

Всякій человѣкъ есть существо разумное и моральное и, живя въ обществѣ, пользуясь его выгодами и преимуществами, онъ не можетъ остаться безучастенъ къ будущности самого общества; а кромѣ того, какъ гражданинъ, онъ обязанъ съ своей стороны предупреждать всякое зло, которое можетъ угрожать обществу. Когда дѣло дойдетъ до очевидной и близкой опасности, въ особенности до опасности внѣшней, матеріальной, то консулы должны принять мѣры, ne quid respublica detrimenti capiat; для этого они и существуютъ; это предусмотрѣно закономъ. Но, когда дѣло идетъ объ опасности отдаленной и, въ особенности, нравственной, то всякій гражданинъ по мѣрѣ своихъ силъ, своего пониманія обязанъ указать ее, предупредить о томъ, чтó онъ имѣлъ случай наблюдать или просто замѣтить. Въ этомъ и состоитъ та здоровая нравственная самодѣятельность общества, безъ содѣйствія которой дѣятельность государства не можетъ имѣть прочныхъ и полныхъ успѣховъ.

Всякій обязанъ содѣйствовать удаленію всего того, что угрожаетъ какою-нибудь опасностью отдѣльнымъ лицамъ или цѣлому обществу. Будетъ преступникомъ передъ обществомъ тотъ, кто имѣя возможность предупредить распространеніе заразы: холеры, сибирской язвы, чумы, не сдѣлаетъ этого. Но безнравственность есть зло болѣе опасное, чѣмъ какая бы то ни было вещественная зараза. Она имѣетъ вредное вліяніе на всѣ стороны народной жизни, даже на матеріальную, экономическую. Сколько есть рабочихъ и у насъ и за границею, которые бѣдны не отъ того, что не имѣютъ работы и заработка, а отъ безпутной жизни? — Сколько помѣщичьихъ состояній было разстроено вслѣдствіе той-же причины? — Недавно умеръ

въ старости и въ бѣдности человѣкъ, который прожилъ въ немногіе годы многомиліонное состояніе и въ то время удивлялъ весь Петербургъ своимъ безпутствомъ.—Такія личности многократно изображены въ литературныхъ произведеніяхъ, между прочимъ у г. Салтыкова въ одномъ изъ первыхъ его сатирическихъ произведеній, еще конца пятидесятыхъ годовъ, гдѣ представленъ господинъ, который жалуется, что имѣетъ только нѣсколько копѣекъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, причемъ хвастливо вспоминаетъ, что въ прежнія времена онъ жилъ въ большой роскоши и въ особенности хвастается своими бывшими «метресками». Печальное современное положеніе нашего землевладѣнія въ значительной мѣрѣ обусловлено легкостью нравовъ, господствовавшею въ помѣщичьей средѣ въ періодъ крѣпостнаго права. — Но, само собою разумѣется, экономическая несостоятельность есть далеко не самое большое изъ золъ, вынесенныхъ нами изъ непосредственно предшествующей исторіи. Гораздо важнѣе ея несостоятельность интеллектуальная и моральная. Наше несчастіе заключается въ томъ, что съ европейскою цивилизаціей мы знакомились въ то время, когда европейская жизнь отличалась особенною безнравственностью; а заимствовали мы все безъ разбора, даже отдавая предпочтеніе пріятному предъ полезнымъ, веселому предъ серьезнымъ и нравственнымъ, внѣшнему предъ внутреннимъ.

Теперь, какъ намъ кажется, всѣ послѣдствія, произошедшія изъ такого отношенія къ цивилизаціи и образованію, обнаружились. Нравственные элементы общества оказываются въ разложеніи; ихъ не достало даже для того, чтобы мало-мальски честно и толково отнестись къ вопросамъ мѣстнаго управленія, касающимся земскихъ больницъ, сельскихъ школъ и мѣстныхъ дорогъ! И тутъ мы не можемъ обойтись безъ завирательства и безъ хищенія. Вмѣсто религіи господствуетъ матеріализмъ и позитивизмъ, который, какъ и слѣдовало ожидать, теоріей не ограничился, а перешелъ въ практику. Школа находится въ состояніи, возбуждающемъ самыя тревожныя опасенія; уже въ

теченіи нѣсколькихъ лѣтъ она страдаетъ отъ хроническаго неурожая: доброе зерно все болѣе и болѣе заглушается плевелами и притомъ какими-то особенными, какой-то небывалой злокачественности. — Зло весьма серьезно; нужно принимать особыя мѣры. И начинать, разумѣется, нужно сначала, съ источника, съ корня, съ нравственности. Ее нужно не только поднимать, а возраждать, прививать. И намъ не мѣшаетъ вспомнить то, чего мы такъ долго не хотѣли знать, склонить, подобно Литтре, свое ухо къ тѣмъ старымъ вещамъ, которыя мы забыли, искать прежде всего Царствія Божія, о которомъ мы не думали. Тогда и прочее все приложится намъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Два сосѣда.

Притча изъ Parole d'un croyant Лямене. (Paris, Garnier frères, стр. 37)

„Были два сосѣда и у каждаго изъ нихъ была жена и нѣсколько человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ они кормили трудами рукъ своихъ.

„И одинъ изъ этихъ сосѣдей безпокоился въ душѣ своей и говорилъ самъ себѣ: если я умру или слягу въ постель, что будетъ съ моею женою и дѣтьми?

„И эта мысль не покидала его; она глодала его сердце, какъ червякъ гложетъ плодъ, въ которомъ онъ находится.

„Хотя таже мысль приходила въ голову и другому отцу, но онъ останавливался на ней ненадолго; потому что, говоритъ онъ, Богъ знаетъ всякое свое созданіе и печется о немъ; онъ будетъ печься и обо мнѣ, и о моей женѣ. и о моихъ дѣтяхъ.

„Этотъ отецъ жилъ въ спокойствіи, тогда какъ другой ни на одну минуту не имѣлъ покоя и внутренней радости.

„Однажды онъ работалъ въ полѣ, печальный и унылый, вслѣдствіе своего страха, и увидѣлъ, что нѣсколько птичекъ прилетали въ кустарникъ, вылетали изъ него и потомъ опять возвращались.

„Онъ пошелъ въ кустарникъ и увидалъ два гнѣзда недалеко одно отъ другого и въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку пташекъ, которыя недавно вывелись и были еще безъ перьевъ.

„Воротившись на работу, онъ время отъ времени слѣдилъ за птичками. которыя вылетали и назадъ прилетали съ кормомъ для малютокъ.

„И вотъ въ тотъ моментъ, какъ одна изъ матерей летѣла въ кустарникъ съ кормомъ во рту, коршунъ схватилъ ее и унесъ, и бѣдная мать напрасно билась у него въ когтяхъ.

„При этомъ зрѣлищѣ сердце у него сжалось и онъ подумалъ: погибла мать, погибнутъ и дѣти. У моихъ дѣтей также никого нѣтъ, кромѣ меня. Что будетъ съ ними, когда меня не станетъ?

„И весь этотъ день онъ былъ сумраченъ и печаленъ, и ночью не могъ заснуть.

„На другой день, пришедши въ поле на работу, онъ сказалъ: пойду посмотрю на сиротъ пташекъ; вѣрно ужъ половины ихъ нѣтъ въ живыхъ. И онъ пошелъ къ кустарнику.

„Посмотрѣвши на гнѣздо, онъ замѣтилъ, что всѣ птенчики живы и здоровы.

„Удивившись этому, онъ присѣлъ за кустъ и сталъ наблюдать, что будетъ.

„И немного спустя онъ услышалъ легкій крикъ и замѣтилъ, что вторая мать прилетѣла съ кормомъ и раздѣлила его между всѣми птенцами безъ различія; и сироты не были покинуты въ ихъ несчастіи.

„И отецъ, который не полагался на Провидѣніе, вечеромъ разсказалъ другому отцу, что онъ видѣлъ.

„А этотъ отвѣчалъ ему: чего-же безпокоиться? Никогда Господь не оставитъ своего созданія. Милостей его на всѣхъ достанетъ. Наше дѣло вѣровать въ Создателя, надѣяться на Него, любить Его и дѣлать свое дѣло въ мирѣ.

„Если я умру раньше тебя, ты будешь отцомъ для моихъ дѣтей; а если раньше умрешь ты, то я буду для твоихъ дѣтей отцомъ

„Если же оба мы умремъ раньше, чѣмъ наши дѣти выростутъ, то отцомъ для нихъ будетъ тотъ Отецъ, который на небесахъ“.

Б.

«Господи, помилуй бѣднаго пролетарія!»

(Изъ сочиненія Лямене: Une voix de prison. Въ сборникѣ: Parole d'un croyant etc. Paris, Garnier frères, стр 181).

„Господи, помилуй бѣднаго пролетарія!

„Когда я родился, моего отца уже не было въ живыхъ. Ужасный призракъ, называемый Бѣдностью, вошелъ въ наше жилище; отецъ боролся съ нимъ грудь съ грудью; борьба была долгая; наконецъ его силы истощились. Тогда слетѣлъ съ неба Ангелъ освободитель, и наклонившись надъ его изголовьемъ, сказалъ: ты исполнилъ твою тяжелую задачу въ этомъ мірѣ, теперь ступай въ жизнь лучшую.

„Моя мать похоронила его своими руками и осталась одна. Одна... нѣтъ, не одна; призракъ продолжалъ оставаться съ нею.

„Когда пришло время, она родила меня съ большою скорбью и со слезами Она плакала потому, что у нея не было пеленокъ, чтобы обернуть въ нихъ своего первенца.

„Потомъ она плакала еще больше, видя, что у нея молоко высыхало за недостаткомъ пищи и что теплота ея груди и ея слабое дыханіе не могли согрѣть блѣдныхъ членовъ ребенка.

„Силою любви, жертвуя для меня своею жизнью, она сохранила мою. Трудясь и днемъ и ночью, зимой безъ огня, лѣтомъ подъ раска-

ленной крышею, она имѣла только одну заботу, чтобы предохранить меня отъ того, что сама она терпѣла изъ-за меня, и одну радость— видѣть мою улыбку.

„Между тѣмъ я подросталъ. Она удвоила свои усилія для того чтобы я могъ посѣщать школу. О какъ билось ея сердце, когда она видѣла ребенка возвращающагося изъ школы веселымъ и довольнымъ въ его маленькой блузѣ, стянутой кожанымъ поясомъ, съ беретомъ на головѣ и съ сумкой на плечѣ.

„Потомъ пришло время моего обученья мастерству. Я услаждался мыслью, что скоро я возвращу матери часть того, что мнѣ дала ея неистощимая любовь. Въ моихъ мечтахъ я уже воображалъ, какъ я приношу ей плодъ перваго моего труда и говорю: теперь я буду трудиться, а ты отдохни.

„Увы! въ теченіе немногихъ лѣтъ она исчерпала свою жизнь до дна. Тотъ, Кто съ высоты небесной былъ ея поддержкою, Кто былъ утѣшителемъ бѣдной вдовы, уже призывалъ ее къ себѣ. И ея угасаніе было быстро. Наконецъ она скончалась на моихъ рукахъ. Въ послѣднюю минуту ея нѣмыя губы еще улыбались мнѣ и ея умирающій взоръ благословилъ меня въ послѣдній разъ.

„Когда ее опустили въ яму и падающая земля издавала звуки, которые дѣлались все болѣе и болѣе глухими, Господи, ты знаешь, что происходило тогда въ душѣ моей.

„Съ тѣхъ поръ одинокій въ цѣломъ мірѣ, я былъ въ немъ, какъ чужой, питаясь моими воспоминаніями, неясными мечтами и печальными надеждами.

„Однажды болѣе нѣжный свѣтъ показался мнѣ среди этого мрака. На мою одинокую дорогу Провидѣніе привело юную дѣвицу, такую-же сироту, какъ и я. Весенняя роса была менѣе чиста, чѣмъ ея сердце. Послѣ перваго взгляда, наши глаза опустились внизъ и только одно наше молчаніе говорило. Наши души, склоняясь одна къ другой, соединились въ этотъ моментъ навсегда.

„Нѣтъ, небо въ своихъ святыхъ радостяхъ не имѣетъ ничего выше этихъ блаженныхъ часовъ, которые истекали въ нашихъ бесѣдахъ. Я говорилъ ей: никому въ цѣломъ мірѣ нѣтъ дѣла ни до тебя, ни до меня; міръ для насъ пустыня. Бѣдная лѣсная горлинка, я буду искать для тебя пищи, я устрою для тебя гнѣздо, гдѣ ты успокоишься, защищенная отъ холода и отъ бури.

„Она отвѣчала: а я, занятая другими трудами въ твое отсутствіе, прогоню твою усталость моими ласками, когда ты возвратишься; только возвращайся, другъ мой, скорѣе.

„Я сгаралъ въ моихъ желаніяхъ: она, болѣе благоразумная, сдерживала мой жаръ, говоря: нужно подумать о тѣхъ, которые придутъ; постараемся сдѣлать нѣкоторыя сбереженія.

„Конецъ этого долгаго ожиданія приближался, когда вдругъ работы не стало. Урѣзываютъ заработокъ, потомъ урѣзываютъ еще: бери или умирай съ голоду.

„У насъ есть только руки; но наши руки принадлежатъ намъ!— такъ отвѣчаютъ пролетаріи. Они сговариваются, чтобы жить: но ихъ сажаютъ въ тюрьму.

„Правосудіе людское, какъ ты будешь дрожать въ страхѣ, когда начнется правосудіе Божіе!

„Остальное ничто иное, какъ страшный сонъ.

„Послѣ нѣсколькихъ недѣль секретнаго заключенія, я увидѣлъ ее два или три раза сквозь рѣшетку тюрьмы. Въ послѣдній разъ ея впалые глаза блистали страшнымъ огнемъ, ея колѣна подгибались и она едва держалась.

„Послѣ того я больше ея не видѣлъ.

„О мать моя! О моя возлюбленная! Васъ-ли я вижу тамъ въ этомъ свѣтѣ? Кто эго зоветъ меня? Вы-ли это? О! не покидайте меня, не покидайте! Я чувствую, что мои узы развязываются: еще одна минута и мы соединимся.

„Господи, помилуй бѣднаго пролетарія!“

B.

Мнѣніе Бюше о бракѣ и семействѣ.

(Traité de politique et de science sociale. T. I, стр. 178 и слѣд.).

„Въ эти послѣдніе годы мы видѣли возникновеніе секты, которая требовала свободы любви во имя ея правды. Что касается до постоянства, которое общественный законъ старается установить въ половой связи, его отвергали, какъ ненавистное принужденіе, какъ деспотическое злоупотребленіе. Тамъ гдѣ любовь должна быть единственнымъ связующимъ началомъ, единственнымъ закономъ, тамъ, говорили, нѣтъ мѣста для обязательства, для принужденія, для регламентаціи. Почему бракъ будетъ существовать до гроба, если любовь не существуетъ до гроба? Бракъ не долженъ имѣть другаго срока, кромѣ того, который опредѣляется любовью, и не нуждается ни въ какой другой санкціи. И странное дѣло, самыми горячими учителями въ этой школѣ были женщины.

„Къ чему въ концѣ концовъ можетъ привести этотъ натурализмъ? Къ тому, что женщина останется безъ покровительства съ ребенкомъ на рукахъ, или ребенокъ будетъ совсѣмъ оставленъ на произволъ судьбы; а мужчина потеряетъ увѣренность въ принадлежности ему дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ лишится всѣхъ утѣшеній семейной жизни.

„Эти нововводители забыли, что соединеніе половъ имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ рожденіе дѣтей; они не поняли, что въ этомъ заключается цѣль и причина, вслѣдствіе которой половая любовь дѣлается болѣе достойною уваженія, болѣе святою, болѣе соціальною въ ряду всѣхъ другихъ желаній и удовольствій и что только по этому она подверглась регламентаціи со стороны закона. Этого одного забвенія достаточно, чтобы обнаружить ихъ молодость и неразсудительность. Они не вспомнили также и о томъ, что въ половомъ союзѣ роли мужчины и женщины неравны. Мужчина не теряетъ здѣсь ничего, а женщина теряетъ все *). Рожденіе и кормленіе дѣтей со сто-

*) По этой причинѣ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бюше, законъ обезпечиваетъ женщинѣ вознагражденіе въ случаѣ оставленія ея мужемъ, въ случаѣ развода или вдовства.

роны женщины есть истинное самопожертвованіе. Если предъ лицомъ Бога и въ глазахъ общества оно даетъ ей заслугу, съ которой ничто не можетъ сравняться, если оно даетъ ей право на особенную привязанность мужа, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно отнимаетъ у нея прелести, которыя съ блескомъ проявляются въ дѣвицѣ, и которыя очаровываютъ глаза и воображеніе мужчинъ. Бракъ и семейство суть единственныя положенія, гдѣ женщина-мать поставлена выше, чѣмъ дѣвица, наравнѣ съ мужчиною; это единственныя положенія, гдѣ она находитъ свое достоинство, безопасность и правосудіе, на которыя она имѣетъ право.

„Большая часть людей высказывавшихъ парадоксальныя мнѣнія, противъ которыхъ я возражалъ, разсуждали такимъ образомъ только потому, что они стали на точку зрѣнія индивидуальную, причемъ нѣкоторые изъ нихъ дали особый вѣсъ чувствованіямъ и удовольствіямъ соединеннымъ съ бракомъ, а другіе, я долженъ сказать это, дали особый вѣсъ чувственнымъ аппетитамъ, капризамъ и разнообразію, возбуждающему внѣшнія чувства. И тѣ и другіе слѣдовали логикѣ эгоизма; они имѣли въ виду только самихъ себя, свои собственныя чувства, а не назначеніе и цѣль брака.

„Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ семейство, отецъ и мать соединены между собою неразрывными узами. Супруги могутъ быть пресыщены и утомлены другъ другомъ; можетъ быть, что чувственные аппетиты и капризы влекутъ ихъ къ разлученію; но существованіе дѣтей налагаетъ на нихъ обязанность и общую отвѣтственность, въ которой они одинаково участвуютъ. Эта обязанность есть одна изъ нравственныхъ связей наиболѣе положительныхъ. Разорвать ее было-бы ошибкою, можетъ быть даже преступленіемъ и притомъ не только передъ закономъ, но и передъ Богомъ.

„Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законъ сдѣлалъ уступку человѣческой слабости, допуская или разлученіе супруговъ или разводъ, сознается необходимость устройства судьбы дѣтей.

„И что-бы ни постановили относительно ихъ, отдадутъ-ли ихъ одному изъ родителей, или ихъ раздѣлятъ между ними обоими, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія развитія физическаго и нравственнаго, положеніе дѣтей крайне печально. Въ немъ есть что-то насильственное, потому что оно разрываетъ связь чувства, которая соединяла ихъ съ однимъ изъ родителей. Дѣти начинаютъ жизнь подъ вліяніемъ худаго примѣра и самаго прискорбнаго впечатлѣнія; они теряютъ, и это очень важно съ точки зрѣнія общественной, они теряютъ пользу и благодѣянія этой двойной привязанности отца и матери, которой дѣйствіе необходимо для ихъ полнаго развитія физическаго и нравственнаго. Никакое легальное устройство не можетъ равняться съ принципомъ нерасторжимости, который только одинъ согласенъ съ логикой вещей, такъ что ничто замѣнить его не можетъ“.

Г. Позитивный

12-й мѣсяцъ, Фридрихъ II.

Douzieme mois.

Frédéric.

La politique moderne.

1. Maria de Molina.
2. Côme de Médicis l'ancien.
3. Philippe de Comines . . . . Guicciardini.
4. Isabelle de Castilles.
5. Charles-Quint. . . . . Sixte-Quint.
6. Henri IV.
7. *Louis XI.*

8. Coligny . . . . L'Hopital.
9. Barneveldt.
10. Gustave-Adolphe.
11. De Witt.
12. Ruyter.
13. Guillaume III.
14. *Guillaume le Taciturne.*

15. Ximenès.
16. Sully . . . . Oxenstiern
17. Colbert . . . . Louis XIV.
18. Walpole . . . . Mazarin.
19. D'Aranda . . . . Pombal.
20. Turgot . . . . Campomanes
21. *Richelieu.*

22. Sidney . . . . Lamhert.
23. Franklin . . . . Hampden.
24. Washington. . . . . Kosciusko.
25. Jefferson . . . . Madison.
26. Bolivar . . . . Toussaint-Louverture.
27. Francia.
28. *Cromvell.*

календарь Ог. Конта.

13-й мѣсяцъ, Биша.

Treizieme mois.

Bichat.

La science moderne.

Copernic	Tycho-Brahé.
Kepler.	Halley.
Huyghens	Varignon.
Jacques Bernoulli	Jean Bernoulli.
Bradley	Roëmer
Volta	Sauveur.
Galilée.	
Viète	Harriott.
Wallis	Fermat.
Clairaut	Poinsot.
Euler	Monge.
D'Alembert	Daniel Bernoulli.
Lagrange	Ioseph Fourier.
Newton.	
Bergmann	Sheele.
Priestley	Davy.
Cavendish	
Guyton-Morveau	Geoffroy.
Berthollet.	
Berzélius	Ritter.
Lavoisier.	
Harvey.	Ch. Bell.
Boërhaave	Stahl.
Linné	Bernard de Jussieu.
Haller	Vieg d'Azyr.
Lamarck	Blainville.
Broussais	Morgagni.
Gall.	

Д.

Обратился-ли Литтре къ вѣрѣ въ послѣдній годъ жизни?

Выше мы высказали, что не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. (См. стр. 871). Послѣ того мы получили возможность ознакомиться съ двумя сочиненіями, которыхъ содержаніе вмѣстѣ съ тѣми неполными данными, которыя мы имѣли прежде; позволяетъ рѣшить вопросъ съ полною достовѣрностью.

Первое изъ этихъ сочиненій есть: Pour la dernière fois, съ которымъ мы были прежде очень мало знакомы только по извлеченіямъ въ статьѣ Каро, который привелъ изъ него свѣдѣніе, что Литтре въ послѣднее время сталъ склонять свое ухо къ старымъ вещамъ, т. е. къ рѣчамъ о вѣрѣ, что его занималъ вопросъ о томъ, управляетъ-ли Провидѣніе міромъ; но что его «очевидность» все-таки отвергаетъ всякіе догматы богословскіе.

На это самое сочиненіе ссылаются и позитивисты, редакція журнала «La philosophie positive», видя въ немъ доказательство того, что Литтре остался тѣмъ, чѣмъ и былъ. И они до нѣкоторой степени правы. Въ статьѣ есть нѣсколько мѣстъ, подтверждающихъ ихъ взглядъ: такъ онъ говоритъ, что «философія позитивная неизмѣнно сопровождаетъ его» въ его послѣднихъ испытаніяхъ, т. е. въ болѣзни, которая приковала его къ креслу въ послѣдніе годы жизни. Въ другомъ мѣстѣ сравнивая «небо теологическое», т. е. религію, съ «небомъ научнымъ» т. е. съ позитивною философіею, онъ говоритъ, что небо научное все болѣе и болѣе подкрѣпляется научными открытіями, а небо теологическое не получаетъ никакой новой подпоры для своего колеблющагося свода. Все это совершенно ясно и не возбуждало бы никакихъ недоумѣній, если бы было высказано такъ просто и коротко.

Но вся эта статья довольно большая (больше 16 стр. очень убористой печати) и наполнена мыслями и разсужденіями совсѣмъ непохожими на мысли и разсужденія позитивиста.

Г-жа Кровенъ, разсказываетъ Литтре, особа очень вѣрующая, получила отъ г. Гревиля, англійскаго позитивиста, книгу, соотвѣтствующую его міровоззрѣнію. Прочитавши нѣсколько страницъ и понявъ, въ чемъ дѣло, она въ тотъ же день возвратила книгу владѣльцу ея съ выговоромъ за то, что онъ далъ ей сочиненіе, которое, кромѣ непріятностей,

ничего не могло доставить ей. Гревиль извинился передъ нею; послѣдовало долгое объясненіе, изъ котораго оказалось, что г. Гревиль находится въ тяжеломъ нравственномъ состояніи. Его позитивизмъ не успокоилъ его, а служитъ для него причиною постоянной тревоги и печали.

«Г-жа Кровенъ, прибавляетъ Литтре, противопоставляетъ спокойствіе, которымъ она пользуется, безпокойствамъ и скорби, которыя мучатъ ея собесѣдника. И правда на ея сторонѣ. Г. Гревиль не могъ предложить ей ничего, что могло бы ее вознаградить за потерю этого якоря, столь спасительнаго среди волнъ и вѣтровъ, которымъ подвергается жизнь человѣческая. Не она, а онъ, г. Гревиль имѣлъ надобность въ нравственныхъ средствахъ и въ поддержкѣ, находясь въ томъ опасномъ положеніи, въ которомъ онъ не былъ доволенъ ни самимъ собою, ни міромъ».

Что же это такое? Это какъ будто отрывокъ не изъ сочиненія позитивиста, а изъ проповѣди сказанной съ церковной каѳедры. О себѣ Литтре въ этой же статьѣ говоритъ, что позитивная философія много «помогала ему въ теченіи тридцати лѣтъ», что она дала ему идеалъ, дала стремленіе къ лучшему, дала историческіе взгляды и стремленіе быть полезнымъ человѣчеству. Отъ чего же всего этого она не дала г. Гревилю?—И наконецъ, отчего же онъ былъ неправъ, давши г-жѣ Кровенъ книгу съ цѣлью посвятить ее въ философію позитивизма, когда самъ Литтре написалъ десятки статей для не одной тысячи читателей, съ цѣлью пропаганды позитивизма? И еще ставитъ себѣ это въ заслугу, какъ службу человѣчеству, «souci de l'humanité». Гревиль такой же libre penseur, какъ говорятъ во Франціи, и такой же infidéle, какъ говорятъ въ Англіи. Не ясно-ли, что взглядъ Литтре на позитивизмъ, на его значеніе въ общественной жизни измѣнился? Съ его теперешней точки зрѣнія онъ никакъ не можетъ считать за свою службу человѣчеству распространеніе позитивизма, разумѣется вмѣстѣ съ уничтоженіемъ религіозныхъ вѣрованій въ обществѣ.

Другой случай: былъ нѣкто Пьеръ Olivaint. Его юность походила, по словамъ Литтре, на юность самого Литтре; оба они были старательные ученики; оба рано потеряли вѣру; но Литтре отъ вѣры перешолъ сначала къ голому матеріализму, а потомъ къ матеріализму прикрытому или позитивизму. Оливенъ пошолъ другой дорогою. Матеріализмъ его неудовлетворялъ; онъ сталъ искать вѣры; обратился было къ Бюше, но и неокатолицизмъ не удовлетворилъ его. Тогда онъ обратился въ другую сторону; и извѣстный проповѣдникъ Равиньянъ ввелъ его въ лоно ка-

толической церкви; Оливенъ вступилъ въ духовное званіе и сдѣлался езуитомъ. Онъ былъ «людьми коммуны» взятъ въ заложники и потомъ зарѣзанъ «égorgé». Литтре имѣлъ подробныя свѣдѣнія о его смерти, которыхъ первымъ источникомъ былъ одинъ изъ товарищей его заключенія, директоръ Ванвскаго лицея, Шеврьо.—Между строками проглядываетъ волненіе, съ которымъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ Литтре, въ особенности о мужественной, героической кончинѣ Оливена. «Я оскорбилъ бы, говоритъ Литтре, его христіанскую память, если бы сравнилъ его смерть съ извѣстными случаями героической кончины людей древняго міра; тутъ нужно говорить о мученичествѣ въ самомъ высокомъ христіанскомъ смыслѣ».

«Представивши общую картину первоначальнаго равенства между Оливеномъ и мною, продолжаетъ Литтре, я подвергся бы справедливому упреку въ недостаткѣ безпристрастія, если бы я не обозначилъ того превосходства, которое даетъ ему мученичество, перенесенное безъ слабости Въ обыкновенной жизни ничто не можетъ сравниться съ этими верховными испытаніями, погибнетъ-ли при этомъ человѣкъ или благодаря счастливому случаю останется живъ. Потому тѣ, которые не имѣли случая подвергнуться подобнымъ испытаніямъ, должны быть скромны, должны уступать дорогу».

Вотъ какъ теперь относится Литтре къ представителямъ христіанства; не надобно забывать, что Оливенъ былъ езуитъ; и что одно имя это худо звучитъ въ ушахъ француза, принадлежащаго къ партіямъ либеральнымъ и прогрессивнымъ.—Не обходитъ Литтре безъ вниманія людей и этого направленія, либераловъ и прогрессистовъ, и именно тѣхъ, которые въ то время играли политическую роль.

«Но что сказать, продолжаетъ онъ, объ основаніяхъ нравственныхъ расположеній, одушевляющихъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ мучениковъ, которые убиваютъ безъ милосердія? Теперь эти люди объявляютъ намъ, что нѣтъ такихъ насилій со всѣми ихъ страшными послѣдствіями, къ которымъ не слѣдовало бы прибѣгнуть, чтобы притти къ святой цѣли республики демократической и соціальной».

Литтре ничего не сказалъ объ этихъ людяхъ. Что слѣдовало сказать объ нихъ, онъ былъ неспособенъ говорить это. А кто были эти люди? — Кто были эти Риго, Ферре, Бильоре, Груссе и друг.?—Между правителями коммуны былъ докторъ Robinet, который вѣроятно есть одно лицо съ докторомъ Robinet, однимъ изъ самыхъ видныхъ позитивистовъ. Во всякомъ случаѣ, дѣлами коммуны заправляли пред-

ставители не теологическаго принципа, а принципа позитивнаго, такъ-называемые вольные мыслители, libres penseurs. И какъ они заправляли, Литтре хорошо зналъ, понималъ и цѣнилъ это. Говорятъ, что онъ въ буквальномъ смыслѣ плакалъ, какъ ребенокъ, когда до него доходили свѣдѣнія о звѣрствахъ свободныхъ мыслителей коммуны.

Идеалъ, который они стремились ощуществить, совсѣмъ не походилъ на идеалъ Литтре. А идеаломъ, нравственнымъ идеаломъ онъ дорожилъ. Для него въ этомъ идеалѣ заключалось все, вся сущность дѣла. И позитивной философіи, какъ мы видѣли, главную заслугу относительно себя онъ видитъ въ томъ, что она «дала ему идеалъ, дала стремленіе къ лучшему, стремленіе служить человѣчеству». Въ этомъ онъ ошибается; эта ложная мысль составлена имъ подъ вліяніемъ того. что онъ привыкъ къ позитивной философіи.

Въ самомъ дѣлѣ позитивной философіи онъ ничѣмъ не обязанъ. До 1840 г., когда онъ впервые познакомился съ нею, онъ былъ совершенно тѣмъ же, чѣмъ былъ и послѣ того, тѣмъ же благодушнымъ, кроткимъ, добрымъ человѣкомъ, трудолюбивымъ ученымъ и либераломъ въ политикѣ, бойцомъ на баррикадахъ 1830 года и сотрудникомъ Насьоналя. Но его ошибочная мысль для насъ важна; она намъ показываетъ, гдѣ онъ помѣщаетъ центръ тяжести всякой вообще философіи. Оказывается, что онъ видитъ его не въ теоретическомъ ученіи, а въ практическомъ, въ нравственномъ.

А это въ свою очередь объясняетъ намъ, почему онъ въ послѣднее время занимался такими необыкновенными для позитивиста предметами, какъ мученичество Оливена или бесѣды о вѣрѣ между г-жою Кровенъ и г. Гревилемъ. Если онъ находилъ гдѣ-нибудь осуществленіе высокаго нравственнаго идеала, это осуществленіе его интересовало во всякомъ случаѣ, было-ли оно дѣломъ язычника, позитивиста или езуита. Въ тоже время мысль о томъ,

Curarent superi terras, an nullus inesset
Rector et incerto fluerent mortalia casu,

не оставляла его въ покоѣ. Въ той-же самой статьѣ онъ разсказываетъ, что онъ любитъ иногда почитать греческихъ классиковъ и недавно читалъ Ксенофонта Ἀνάβασις. И на что онъ обратилъ вниманіе? Не на битву при Кунаксѣ, не на этнографію земель отъ Кунакса до Чернаго моря, а на вѣру, на религіозность Ксенофонта. Онъ съ подробностью высчитываетъ, сколько разъ Ксенофонтъ приносилъ богамъ

жертвы для умилостивленія ихъ или въ знакъ благодарности, сколько разъ во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ онъ старался усмотрѣть благопріятныя или неблагопріятныя предзнаменованія для задуманнаго дѣла. Странный классикъ Литтре и, кажется, единственный въ своемъ родѣ!

Старикъ Кефалъ когда-то говорилъ Сократу, что старость сама собой располагаетъ человѣка къ размышленіямъ о томъ, что будетъ за гробомъ. Литтре подвергся этому вліянію старости. Позитивисты вслѣдъ за Контомъ, конечно не увидятъ здѣсь ничего, кромѣ вліянія ослабленія умственныхъ способностей, произведеннаго возрастомъ. Пусть они такъ и думаютъ; за переучиванье ихъ мы не возьмемся. Но сами мы думаемъ иначе.—Мы думаемъ, что тутъ только Литтре и дошолъ до зрѣлост и и до истинной философіи, когда сталъ серьезно думать о первой причинѣ. Но до самаго 1880 года первой причины онъ не находилъ. Ни религіозность Ксенофонта, ни религіозность протестантскихъ и католическихъ священниковъ, ни религіозность, господствовавшая въ его семействѣ, не дѣйствовали на него заразительнымъ образомъ. «Моя независимость остается нетронутою», пишетъ онъ въ той же статьѣ. Согласное рѣшеніе вопроса Ксенофонтомъ древнимъ и всѣми этими «Ксенофонтами католическими и протестантскими» (такъ выражается онъ самъ) не нарушаетъ «равновѣсія между чашками вѣсовъ».—«Свободное обсужденіе вопроса остается открытымъ;— эманципированные умы требуютъ какой-нибудь лучшей гарантіи того, что Провидѣніе управляетъ міромъ, чѣмъ теологія».

Итакъ католическіе Ксенофонты не обратили его къ вѣрѣ; въ Провидѣніе онъ по-прежнему отказывается вѣрить. Кто такіе эти Ксенофонты, — почему они обратили особое вниманіе на Литтре и какой случай сблизилъ ихъ? — Дѣло было такъ: г-жа Литтре съ дочерью отличались большою религіозностію и всегда были въ добрыхъ отношеніяхъ съ служителями церкви. И въ послѣдніе годы г-жа Литтре здоровьемъ была также плоха, какъ и ея мужъ; потому сношенія ея съ духовными лицами сдѣлались болѣе частыми. Естественно, что и самъ Литтре не могъ обойтись при этомъ безъ нѣкотораго сближенія съ ними. Но католическій священникъ прежде всего преданъ интересамъ вѣры и церкви; войти въ сношенія съ Литтре и не сдѣлать попытки къ обращенію его въ вѣру—это нѣчто немыслимое для него. И попытки начались, и дѣлались онѣ безъ сомнѣнія съ умомъ, съ усердіемъ, съ любовью; за обращеніе такого субъекта, какъ Литтре,

не могъ взяться человѣкъ малыхъ способностей. Это былъ своего рода Лямене, Лякордеръ, Равиньянъ. Дѣло подвигалось впередъ медленно, но подвигалось. Въ Провидѣніе вѣрить Литтре отказывался, но позитивизму измѣнилъ, хотя еще считаетъ и называетъ себя позитивистомъ. Онъ отчасти и правъ, если разумѣть подъ позитивизмомъ дѣйствительный нейтралитетъ между матеріализмомъ и спиритуализмомъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ позитивизмъ первоначально не былъ. Литтре только отказался отъ секретнаго трактата, заключеннаго съ матеріализмомъ. Теперь чашки вѣсовъ находятся дѣйствительно въ равновѣсіи.

И этого еще мало; теперь Литтре уже смотритъ за ними внимательно, наблюдаетъ, не нарушается-ли равновѣсіе въ ту или другую сторону. Не довольствуясь доводами теологіи, онъ, «эманципированный умъ», требуетъ гарантій лучшихъ. Но очевидно, что его духовная природа сказалась. Теперь онъ выступилъ на философскую дорогу, позитивизмъ остался позади. Остальное будетъ сдѣлано соединенными усиліями разума и сердца, какъ всегда дѣлалась проповѣдь христіанства, въ дополненіе къ проповѣди примѣромъ, которая уже раньше было на очереди и принадлежащую ей долю дѣла сдѣлала.

Къ Литтре всегда писали очень многія неизвѣстныя ему лица изъ разныхъ мѣстъ Франціи и вообще Европы и даже изъ другихъ частей свѣта; писали анонимно и съ подписью именъ. Очень многія письма имѣли цѣлью обращеніе его въ католицизмъ; и средства употреблялись различныя: одни грозили ему гнѣвомъ Божіимъ. Къ этимъ, говоритъ Литтре, я былъ нечувствителенъ. Но другіе писали въ духѣ болѣе сообразномъ съ христіанствомъ, писали съ любовью, съ участіемъ, съ уваженіемъ, высказывали ему удивленіе, какъ онъ, будучи человѣкомъ христіанской нравственности, отвергаетъ вѣру, на которой она основана, высказывали сожалѣніе о томъ противорѣчіи, въ которомъ онъ долженъ находиться и проч. въ томъ же родѣ. Приведя въ статьѣ одно изъ подобныхъ писемъ, онъ прибавляетъ: такія слова изъ области вѣры я не могу принимать, не будучи растроганъ (ce n'est pas sans attendrissement que j'en reçois des paroles telles que etc.)

Въ такомъ положеніи было дѣло въ началѣ 1880 г. 1-го іюня 1881 г. Литтре умеръ и 4-го былъ похороненъ, какъ католикъ, весьма торжественнымъ образомъ. На другой день въ «Figaro» было напечатано подробное объясненіе этого обстоятельства.

Но при этомъ мы находимъ нужнымъ оговориться; Фигаро мы совсѣмъ не видѣли; а всѣ свѣдѣнія касательно обращенія Литтре мы

заимствуемъ исключительно изъ статьи журнала «Philosophie positive», имѣющей цѣлью доказать, что этого обращенія не было, что семейство Литтре и духовенство устроили въ этомъ случаѣ обманъ. Само собою разумѣется, что изъ статьи мы извлечемъ исключительно свѣдѣнія фактическія и потомъ изъ нея же постараемся извлечь доказательства той мысли, что Литтре дѣйствительно обратился къ вѣрѣ.

По разсказу Фигаро, обращеніе Литтре къ вѣрѣ было сопровождаемо совершеніемъ необходимыхъ таинствъ: крещенія, причащенія и т. д. Газета говоритъ подробно объ обстоятельствахъ домашней жизни Литтре, о его привычкахъ, о послѣднихъ дняхъ, даже о послѣднихъ словахъ. Говоритъ о его близкихъ, о томъ священникѣ, который присоединилъ его къ церкви и т. п.

«Philosophie positive», въ статьѣ, подписанной буквами G и W, т. е. безъ сомнѣнія написанной однимъ изъ двухъ директоровъ, г. Г. Вырубовымъ, отвергаетъ все это, говоритъ, что этого не могло быть, —не могло быть, чтобы «старый и неутомимый мыслитель» раскаялся въ своихъ ошибкахъ, чтобы онъ отказался отъ всей своей жизни, называетъ извѣстія, сообщенныя въ Фигаро, ложью, фантастическими разсказами, ложными извѣстіями, ложью предумышленною; свѣдѣнія о жизни Литтре сначала называетъ ложными, потомъ неточными и т. д.

Всякому человѣку, желающему знать истину уже эти рѣзкія выраженія кажутся подозрительными. Если въ статьѣ Фигаро истина искажена, то слѣдовало представить ее въ чистомъ видѣ, если сообщены ложныя данныя, то слѣдовало замѣнить ихъ истинными, если нѣкоторыя данныя только неточны, то слѣдовало неточность исправить.

Но г. G. W. не исправляетъ ни одной неточности, не сообщаетъ ни одного свѣдѣнія взамѣнъ тѣхъ, которыя онъ отвергаетъ, и ограничивается исключительно рѣзкими и оскорбительными выраженіями. Развѣ такъ опровергаютъ ложь, развѣ такъ доказываютъ истину?

Одинъ фактъ вытекаетъ съ полною несомнѣнностью изъ его статьи: это то, что не только въ послѣдній годъ жизни, но еще, судя по всему, за долго до него Литтре, не имѣлъ никакихъ личныхъ сношеній ни съ кѣмъ изъ редакціи Philosophie positive. Г. Г. Вырубовъ не видалъ его и не говорилъ съ нимъ не только въ 1880 и 1881 г., но даже по всей вѣроятности и въ годы предыдущіе.—Вотъ въ какихъ отношеніяхъ Литтре находился къ г. Вырубову. Послѣ этого какую цѣну могутъ имѣть его голословныя отрицанія?

Заявлять о ложности сообщеній, сдѣланныхъ газетою Фигаро, имѣли не только нравственное, но и логическое право только тѣ, которые видѣли Литтре въ послѣдній годъ его жизни, т. е. все таки прежде всего его семейство.—Но оно покушенія не сдѣлало опровергать свѣдѣнія сообщенныя Фигаро.—Г. Вырубовъ утверждаетъ, что въ основѣ всей этой исторіи нѣтъ ни одного свидѣтельства, достойнаго вѣры, нѣтъ тѣни доказательства, кромѣ статьи журнала, не отличающагося совѣстливостью и нравственностью (d'un journal sans scrupules et sans moralité). Для большей убѣдительности онъ считаетъ нужнымъ дать журналу названіе грязнаго (une feuille ordurière). Мы не знаемъ, насколько Фигаро заслужилъ такихъ отзывовъ. Но этому противорѣчитъ то, что словамъ его дали вѣру всѣ другіе органы печати, не только католическіе, но и республиканскіе, о чемъ свидѣтельствуетъ та-же самая статья г. Вырубова. Мало того, та-же статья свидѣтельствуетъ, что сообщеніе Фигаро уже получило въ глазахъ общества характеръ достовѣрности (a fini par devenir une certitude), предумышленная ложь преобразилась въ историческій фактъ (en fait historique)!—Какъ же это могло произойти? Почему всѣ органы печати оказались на этотъ разъ такъ близоруки?—Почему они дали вѣру предумышленной лжи грязнаго листка?

Очевидно потому, что листокъ этотъ не такъ плохъ, какъ выставляетъ его г. Вырубовъ; и кромѣ того потому, что тутъ вся сущность дѣла находится не въ его сообщеніи; это только такъ кажется съ точки зрѣнія мыслящей матеріи; его сообщеніе только представляетъ разъясненіе факта торжественныхъ похоронъ, которыхъ парижское духовенство удостоило Литтре. Фактъ этотъ играетъ здѣсь главную роль. Если бы Литтре не присоединился къ католицизму, то факта этого быть не могло.—Католики не меньше, а вѣроятно гораздо больше желали воздать такія же посмертныя почести Лямене, котораго по заслугамъ для католицизма сравнивали съ Боссюэтомъ; но сдѣлать этого было нельзя, потому что Лямене отказался возвратиться въ лоно церкви. А около него тоже были люди близкіе къ нему и по плоти и по духу, и родные и старые друзья. И сплутовать было одинаковое удобство какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ.

Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду, что христіанскія похороны Литтре не были дѣломъ только духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его семейства. Потому они содержатъ въ себѣ два свидѣтельства о томъ, что Литтре умеръ въ нѣдрахъ церкви: и оба эти свидѣтельства въ

высшей степени достовѣрны. Чтобы католическое духовенство могло допустить съ одной стороны наглый обманъ, утверждая о существованіи факта, который не имѣлъ мѣста, а съ другой, чтобы оно оказало честь торжественнаго погребенія человѣку, котораго оно считало атеистомъ, это могутъ утверждать только безшабашные площадные листки, издаваемые безпардонными публицистами въ родѣ г. Рошфора или русскіе толстые журналы, издаваемые такими компаньонами, какъ гг. Краевскій и Некрасовъ. Именно въ Отеч. Запискахъ 1881 г. было сказано по поводу похоронъ Литтре, будто духовенство «старалось увѣрить публику, что великій безбожникъ вернулся въ лоно церкви и отрекся отъ своего ученія». И во всемъ этомъ дѣлѣ журналъ видитъ, разумѣется, только клерикальныя штуки и т. п. Но ни одинъ серьезный и честный органъ печати, ни одинъ серьезный человѣкъ не можетъ такъ смотрѣть на дѣло. Для гг. Краевскаго и Некрасова представители католической церкви, разумѣется, только обманщики; но не такъ смотрѣлъ на нихъ честный и ученый Литтре, который зналъ ихъ хорошо. Для него служители церкви представляли высшій идеалъ, предъ которымъ онъ съ почтеніемъ преклонялся. Не даромъ онъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ завелъ рѣчь о мученичествѣ П. Оливена. И кромѣ того, какъ онъ, такъ и мы знаемъ, что Оливенъ былъ неединственный служитель церкви, потерпѣвшій мученичество отъ вольныхъ мыслителей коммуны. Не такіе люди бываютъ обманщиками.

Съ другой стороны, семейство Литтре своими нравственными качествами вполнѣ соотвѣтствовало главѣ его. Литтре въ послѣдней статьѣ говоритъ о женѣ въ самыхъ симпатичныхъ выраженіяхъ. Допустить, что похороны Литтре были только обманомъ, значитъ набросить тѣнь и на г-жу Литтре и на ея дочь, обвинить ихъ въ томъ, что онѣ согласились участвовать въ обманѣ. И разумѣется ниодинъ нравственный человѣкъ безъ основательныхъ доказательствъ не согласится этого сдѣлать. Только нравственность позитивная, la morale positive, la morale superieure, какъ выражается г. Вырубовъ, только эта «высшая нравственность» не отступаетъ передъ подобными поступками, несогласными въ одно время и съ логикою, и съ нравственностью. Но семейство Литтре, какъ и самъ онъ, этой «высшей» морали не слѣдовало. Ей слѣдовалъ Ог. Контъ при началѣ позитивной философіи и г. Вырубовъ въ періодъ ея упадка. И можетъ быть потому-то Литтре и не имѣлъ личныхъ сношеній съ г. Вырубовымъ въ послѣднее время подобно тому, какъ онъ прекратилъ всякія сношенія въ свое время и съ Контомъ.—

Г. Вырубовъ причисляетъ себя къ друзьямъ Литтре; фактъ этотъ имѣлъ бы несравненно бо̀льшую достовѣрность, если бы о немъ свидѣтельствовалъ Литтре, а не г. Вырубовъ; или даже если бы и г. Вырубовъ засвидѣтельствовалъ о немъ еще при жизни Литтре, а не послѣ его смерти.

Во всякомъ случаѣ, друзья такъ не поступаютъ, какъ поступилъ онъ. Друзья семейству покойника стараются оказать всякаго рода вниманіе, поддержку, помощь. А онъ всю свою замѣтку о смерти Литтре испестрилъ выраженіями оскорбительными не для одной редакціи Фигаро, а и для семейства Литтре и притомъ еще въ большей степени, чѣмъ для Фигаро. Онъ нашолъ нужнымъ говорить о ненормальныхъ отношеніяхъ между Литтре и женою, о томъ, что «въ семействѣ въ теченіи 45 лѣтъ онъ позволялъ все дѣлать, все говорить, все думать *) (tout faire, tout dire, tout penser)», допускалъ безпрепятственное развитіе плачевныхъ заблужденій (de deplorables erreurs)». Семейство Литтре, продолжаетъ онъ, только потому устроило ему христіанскія похороны, что воспользовалось его слабостью воли (profitant de son manque d'énergie). — Это не слова друга Литтре; это скорѣе слова человѣка, относящагося къ нему съ худо скрываемымъ нерасположеніемъ.— Тоже самое еще очевиднѣе проявляется въ словахъ и поступкахъ г. Вырубова на могилѣ Литтре, во время его погребенія.— Г. Вырубовъ, равно какъ и другіе редакторы Позитивной философіи, судя по всему, не были приглашены на похороны; иначе это и быть не могло. Что имъ было дѣлать на могилѣ позитивиста, обратившагося къ вѣрѣ?— И какой путь указывалъ имъ въ этомъ случаѣ здравый смыслъ, законы общежитія и уваженіе какъ къ покойнику, такъ и къ осиротѣвшему семейству?—Пусть они были дѣйствительно увѣрены, что Литтре не обращался къ вѣрѣ, что это однѣ «штуки клерикаловъ»; во всякомъ случаѣ, они могли доказывать это только печатнымъ образомъ, а не дѣлать скандалъ, непріятности и оскорбленія женѣ и дочери покойника. А они именно это и предпочли. Въ самое время опущенія тѣла въ могилу г. Вырубовъ началъ говорить рѣчь; и когда распорядитель церемоніи подошолъ къ нему и сообщилъ, что покойникъ въ завѣщаніи выразилъ желаніе, чтобы во время погребенія не было рѣ-

*) Гг. вольные мыслители очевидно свободу мысли понимаютъ особеннымъ образомъ. Свободно мыслить можно, но только такъ, какъ имъ нравится. А въ случаѣ чего,—они себя покажутъ!

чей, то г. Вырубовъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ говорить въ тонѣ, оскорбительномъ для семейства. Изъ среды присутствующихъ раздались голоса: «уважайте семью»; но они были покрыты возгласами: «vive la libre pensée». И г. Вырубовъ продолжалъ въ томъ же тонѣ. Тогда семейство Литтре удалилось.

Что поведеніе гг. позитивистовъ не было сообразно съ законами общежитія, объ этомъ мы приведемъ мнѣнія органа печати, имѣющаго, какъ намъ кажется, авторитетъ именно по вопросамъ этого рода.

«Очень смѣлы, говоритъ Revue de Deux Mondes, были тѣ, которые сочли себя въ правѣ стать между покойникомъ и тѣми близкими ему лицами, которымъ онъ сообщилъ свои предсмертныя чувствованія. Г. Литтре умеръ такъ, какъ жилъ, во всей простотѣ; и никто не имѣлъ права свою личность поставить на мѣсто его послѣднихъ желаній, объясненныхъ лицами, которыя ему были дороги, и превратить сдѣланныя ему торжественныя похороны въ представленіе съ цѣлью извлечь выгоду для страстей секты» (Juin, 1881, стр. 954).—При чтеніи этихъ строкъ не надобно забывать, что Литтре не былъ человѣкомъ чуждымъ редакціи Revue de Deux Mondes. Раньше основанія Philosophie positive онъ помѣщалъ много статей въ этомъ журналѣ.

Мы не сомнѣваемся, что г. Вырубовъ и его консорты потому именно и предпочли такой образъ дѣйствія *), что для дѣйствительнаго серьезнаго печатнаго протеста они не имѣли никакихъ данныхъ, никакихъ хоть сколько-нибудь достаточныхъ основаній. Доказательство въ томъ, что въ статьѣ, написанной г. Вырубовымъ, кромѣ совершенно голословныхъ отрицаній и оскорбительныхъ выраженій по адресу газеты Фигаро и семейства Литтре, дѣйствительно ничего нѣтъ. — По той же причинѣ редакція Позитивной философіи не напечатала у себя никакого некролога Литтре, такъ какъ полемическая статья, написанная Вырубовымъ, не можетъ быть названа некрологомъ. И это фактъ съ одной стороны необыкновенный, съ другой—весьма краснорѣчивый. Редакція не знала ничего о жизни Литтре въ послѣдніе годы. Ей нечего было писать въ некрологѣ, кромѣ свѣдѣній, заключавшихся въ справочныхъ словаряхъ. Г. Вырубовъ не скупъ на сообщеніе фактовъ, извѣстныхъ ему: такъ онъ сообщаетъ, что Литтре однажды при немъ

*) Ихъ образъ дѣйствія, кромѣ того, доказываетъ, что они дѣйствительно составляютъ не философскую школу, занимающуюся изслѣдованіемъ истины, а секту, преслѣдующую какія-то цѣли чуждыя наукѣ и истинѣ.

имѣлъ бесѣду съ священникомъ, который желалъ его обратить къ вѣрѣ. Было это въ квартирѣ г-жи Контъ; но г-жа Контъ умерла шесть лѣтъ раньше Литтре.—Вотъ къ какому времени относятся встрѣчи г. Вырубова съ Литтре.—А случай, о которомъ разсказываетъ г. Вырубовъ, вѣроятно былъ за нѣсколько лѣтъ до смерти г-жи Контъ, такъ какъ въ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни Литтре по состоянію здоровья едва ли могъ посѣщать кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ: а, какъ видно, у него въ домѣ его сотрудники по журналу не бывали.

Что семейство Литтре и духовенство поступили правильно, устроивши ему христіанскія похороны, т. е. что Литтре дѣйствительно обратился къ вѣрѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и даже этого нужно было ожидать. Даже въ печатныхъ сочиненіяхъ, въ тѣхъ, которыя онъ помѣстилъ въ Philosophie positive, онъ подошолъ къ этому: ему оставалось сдѣлать только послѣдній шагъ. Считаемъ полезнымъ сдѣлать при этомъ краткую рекапитуляцію всѣхъ тѣхъ исправленій, которыя раньше въ разное время сдѣлалъ Литтре въ системѣ своихъ позитивныхъ воззрѣній. Литтре постепенно измѣнилъ ихъ почти всѣ; онъ сталъ иначе смотрѣть на отношенія междусословныя, международныя, измѣнилъ свои идеи соціальныя и даже философскія: вопреки позитивизму, его занимаетъ вопросъ о первой причинѣ всего существующаго. Измѣненіе его отношеній къ католицизму еще болѣе знаменательно. Сначала онъ находитъ у Боссюэта въ глазу бревно, потомъ ему нравится стать рядомъ съ Боссюэтомъ и повторять его слова. Дальше, вопреки свободнымъ мыслителямъ цѣлой Франціи, онъ также libre penseur (такъ себя называетъ онъ самъ) поддерживаетъ политику католиковъ въ вопросѣ о свободѣ обученія. Этимъ были и изумлены и огорчены его единомышленники. Еще болѣе они были, разумѣется, изумлены и огорчены, когда онъ напечаталъ, что пропаганда позитивизма въ средѣ католиковъ не должна имѣть мѣста, что она въ сущности стремится большее добро замѣнить не только меньшимъ, но даже зломъ.—Въ то-же время онъ нравственную сторону католицизма въ лицѣ Оливена превозноситъ до небесъ, уступаетъ ему въ этомъ отношеніи первое мѣсто.—Онъ говоритъ только о себѣ: но это его деликатность, его нежеланіе сказать слово, кому нибудь непріятное. Говоря о себѣ, онъ не можетъ не разумѣть всего вообще позитивизма. Выводя для себя урокъ скромности, какъ въ интеллектуальномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ, онъ не можетъ не разумѣть здѣсь всей школы. Онъ не могъ

не видѣть, что онъ въ ряду своихъ единомышленниковъ dux et auctor: и они всѣ признавали тоже самое.

Итакъ вотъ католицизмъ уже поднятъ на пьедесталъ, а позитивизму отводится болѣе скромное положеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Далекъ ли былъ Литтре съ подобными воззрѣніями отъ области вѣры? И удивительно ли, что послѣдній годъ своей жизни *) онъ проводитъ въ обществѣ духовныхъ лицъ и, разумѣется, въ нѣдрахъ своего семейства, отличающагося большою религіозностью?—Онъ не могъ читать sans attendrissement письма, которыя съ любовью и участіемъ хотѣли привлечь его въ лоно церкви. Это его attendrissement должно было быть еще сильнѣе и глубже, когда мѣсто писаной буквы заступила viva vox, слова людей, которые были ему извѣстны своими высокими нравственными качествами, и наконецъ слова людей, наиболѣе близкихъ ему въ цѣломъ мірѣ, жены и дочери. Остальное сдѣлано его собственнымъ здравымъ смысломъ, который, наконецъ, понялъ, что есть у человѣка душа и что матерія не можетъ мыслить. — Мы здѣсь только объясняемъ событіе, показываемъ его естественный ходъ, а не доказываемъ его. Доказывать его нѣтъ надобности. — Неопровержимымъ доказательствомъ его служитъ свидѣтельство семейства и духовенства, этотъ слонъ, незамѣченный г. Вырубовымъ. Это такое доказательство, больше котораго быть ничего не можетъ. Что Литтре обратился къ вѣрѣ, это болѣе достовѣрно, чѣмъ то, что Бонапартъ на остр. Св. Елены передъ смертью принялъ духовника.—И это обращеніе представляетъ фактъ въ высшей степени отрадный: свѣтъ наконецъ тьму побѣдилъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что отказаться отъ позитивизма для Литтре не значило отречься отъ всей своей прошедшей жизни и дѣятельности, какъ стараются увѣрять позитивисты. Въ его дѣятельности позитивизмъ представлялъ только одну сторону и притомъ менѣе важную. Литтре самъ признавался, что занимался философіею только послѣ того, какъ окончилъ свой дневной трудъ. А его дневной трудъ, его главное дѣло состояло въ его ученыхъ трудахъ, преимущественно филологическихъ. Онъ былъ избранъ членомъ двухъ академій, членомъ Національнаго собранія и потомъ пожизненнымъ сенаторомъ только потому, что и общество и представители науки признали его великую заслугу предъ отечествомъ, оказанную изданіемъ его

---

*) И очень вѣроятно, что даже не одинъ послѣдній, а и предъидущіе года.

знаменитаго Словаря. Такъ, мы видѣли, самъ онъ смотрѣлъ на дѣло.— А его позитивизмъ отталкивалъ отъ него людей серьезныхъ; однажды онъ едва не закрылъ для него двери Академіи надписей *), а впослѣдствіи знаменитый прелатъ Дюпанлу своимъ выходомъ изъ Французской академіи протестовалъ противъ его избранія въ эту академію именно по причинѣ его позитивизма.—Принадлежность Литтре къ числу адептовъ позитивизма была дѣйствительнымъ пятномъ, которое весьма безобразило его умственную физіономію. Въ послѣдній годъ жизни это пятно сошло; и образъ Литтре отходящаго въ вѣчность является свѣтлымъ и вполнѣ симпатичнымъ, съ здравою системою теоретическихъ воззрѣній, съ высокою системою нравственною и съ заслугою предъ отечествомъ, которую Литтре увеличилъ тѣмъ, что своимъ присоединеніемъ къ вѣрѣ отрекся отъ тѣхъ своихъ трудовъ, которые, не принадлежа къ наукѣ, вносили въ умы не свѣтъ, а мракъ.

Смерть Литтре, его отреченіе отъ позитивизма и присоединеніе къ католицизму должны были имѣть роковыя послѣдствія для секты. Къ этому можетъ быть нужно еще присоединить поведеніе г. Вырубова во время его погребенія. Во Франціи интеллигенціи нѣтъ; тамъ есть серьезно образованное и благовоспитанное общество. Въ его глазахъ такими выходками, какія позволилъ себѣ г. Вырубовъ, и такими опроверженіями, въ которыхъ содержатся только оскорбительныя выраженія, немного возьмешь. И потому вскорѣ послѣ смерти Литтре позитивизмъ потерялъ и ту небольшую долю поддержки, которую онъ находилъ въ обществѣ. И уже въ 1883 г. редакція Philosophie positive заявила, что продолжать изданія не можетъ, выставляя на видъ, что «философскія изслѣдованія потеряли кредитъ (études phil. sont discreditées)», что повсюду господствуетъ «индифферентизмъ къ общимъ вопросамъ».—А мы съ своей стороны въ прекращеніи Philosophie pos. видимъ несомнѣнное доказательство того, что здравый смыслъ, нравственность, наука, вѣра сдѣлали новыя завоеванія среди французскаго общества.

---

*) Это было въ 1844 году, когда шла рѣчь о его избраніи въ члены этой Академіи. Передъ тѣмъ онъ перевелъ Das Leben Iesu Штрауса. Нѣкоторые изъ членовъ Академіи видѣли въ этомъ пропаганду иррелигіозности и потому воспротивились избранію Литтре. Дѣло уладилось благодаря стараніямъ Е. Бюрнуфа.

Е.

Библіографическій указатель.

а) Сочиненія Лямэнэ (Lamennais).

Parole d'un croyant.—Paris, 1883. О содержаніи и характерѣ этой книги мы уже говорили. (См. выше стр. 702 и слѣд.). Теперь прибавимъ нѣсколько замѣчаній касательно внѣшности ея; она очень не велика. Число всѣхъ притчъ, изъ которыхъ она состоитъ, простирается до 42; каждая среднимъ числомъ около двухъ страницъ небольшаго формата. Мы привели притчи наиболѣе мягкія по содержанію; другія отличаются крайнею рѣзкостью, соединеніемъ соціализма съ революціоннымъ направленіемъ, и благодаря таланту автора производятъ весьма сильное впечатлѣніе на читателя.

При этомъ не можемъ не обратить вниманія на то, что книжка эта переведена на русскій языкъ и фигурируетъ въ репертуарѣ подпольной революціонной литературы, впрочемъ не въ печатномъ, а въ литографированномъ видѣ. Этотъ фактъ принадлежитъ къ такимъ, которыя всего болѣе доказываютъ, что дѣло революціонной пропаганды въ средѣ нашего юношества ведется не только съ усердіемъ, но и съ умѣньемъ; отыскиваются и прилагаются къ дѣлу наилучшія средства, которые могутъ вести къ цѣли. Во всей литературѣ соціализма нѣтъ ничего, способнаго произвести столь сильное впечатлѣніе на читателя, какъ это сочиненіе Лямене.

Нечего и прибавлять, что другія сочиненія Лямене, гдѣ онъ отрѣшается и отъ своихъ рѣзкостей политическихъ и отъ необдуманныхъ декламацій соціальнаго характера, гдѣ онъ совѣтуетъ рабочимъ уваженіе къ существующему порядку, къ собственности, гдѣ рекомендуетъ имъ добрые семейные нравы, трезвость и т. п., не нашли себѣ мѣста въ подпольной литературѣ.

Le Livre du peuple. Paris, 1837. О содержаніи и значеніи этой книги см. выше, стр. 709—714.—Объемомъ она еще меньше, чѣмъ Paroles d'un croyant. Не смотря на свою сравнительную умѣренность и большую обдуманность въ особенности въ экономическомъ отношеніи, она все-таки имѣетъ характеръ революціонный, въ особенности въ двухъ предисловіяхъ, напечатанныхъ впереди книги. Лямене другаго исхода изъ того порядка, который установился при іюльской

монархіи, не видѣлъ иначе, какъ въ революціи. Его возмущало въ особенности то, что полнотою гражданскихъ правъ во Франціи пользовались только имущіе классы, такъ-называемый, pays légal, а громадное большинство народа, почти 99%, было лишено ихъ; и онъ былъ увѣренъ, что экономическое состояніе рабочихъ улучшится тотчасъ-же, какъ они получатъ политическія права.—Въ этомъ ему пришлось разубѣдиться только послѣ революціи 1848 года.

L'esclavage moderne. Небольшая брошура, 1839. Главная мысль ея та, что освобожденіе пролетарія безъ надѣленія его политическими правами есть дѣло, не имѣющее полезныхъ для него результатовъ.—Средствомъ исправить зло, по мнѣнію Лямене, могло-бы быть то, чего народу не достаетъ, именно его политическая полноправность, которая, давая ему участіе въ законодательствѣ, имѣла-бы въ результатѣ «всякаго рода улучшенія», которыя привели-бы рабочаго къ благосостоянію. (См. выше, стр. 715).

Une voix de prison. 1841. Брошура. См. выше стр. 716 и приложеніе Б.

Amschaspands et Darvands. 1843. Лямене «дѣлаетъ здѣсь живую критику современнаго общества подъ покровомъ персидской аллегоріи» (Буйе, Dictionnaire d'Histoire). Слѣдуя издателю «Paroles d'un croyant etc» въ книгѣ этой (Amschaspands) помѣщена большая часть притчей, содержащихся въ «Une voix de prison».

Du passé et de l'avenir du peuple. 184. Это что-то въ родѣ экономико-философскаго очерка состоянія низшихъ классовъ народа отъ древности до нашихъ дней. Авторъ начинаетъ со временъ первобытныхъ, со времени начала рабства, потомъ переходитъ къ порядкамъ существовавшимъ у евреевъ, грековъ и римлянъ и, наконецъ, въ обществѣ христіанскомъ. Это обозрѣніе убѣждаетъ автора, что судьбы низшихъ классовъ постоянно улучшались; но тѣмъ не менѣе въ настоящее время состояніе ихъ все-таки весьма плачевно.—Изъ представленныхъ соціалистами проектовъ улучшенія его, Лямене, какъ мы уже говорили, ни одного не признаетъ полезнымъ, могущимъ вести къ цѣли, и предупреждаетъ пролетарія, чтобы онъ не увлекался ими, и съ своей стороны рекомендуетъ имъ еще разъ ассоціацію, совѣтуетъ стремиться къ полноправности политической, которая дастъ ему сначала необходимое образованіе, а потомъ и экономическое благосостояніе.—Но какъ основаніе для всего добраго и полезнаго въ настоящемъ и будущемъ, онъ все-таки указываетъ народу вѣру въ Бога. «Проле-

таріи, заканчиваетъ онъ, люди народа, вѣруйте, если вы хотите жить, вѣруйте и ваша вѣра спасетъ васъ».

Изъ сочиненій Лямене, не относящихся къ области экономической, упомянемъ прежде всего Réflexions sur l'état de l'eglise en France (1808 г.), потомъ Traditions de l'eglise de France sur l'institution des évêques (1814), Essai sur l'indifférence (1817), De la Religion considerée dans ses rapports avec l'ordre politique et civil (1826), Esquisse d'une philosophie (4 тома 1841—1846) и Les Evangiles avec Les Reflexions, которыя отличаются, по словамъ Буйе, радикальными идеями.

Изо всѣхъ этихъ сочиненій, наиболѣе важное есть Essai sur l'indifference. Въ немъ во всей полнотѣ выразились стремленія Лямене въ первомъ періодѣ его жизни. Въ Esquisse d'une philosophie Лямене является философомъ вѣрующимъ. Не придавая никакой цѣны психологическимъ наблюденіямъ, онъ спиритуалистическій элементъ, Творца міра принимаетъ какъ нѣчто очевидное, не нуждающееся въ доказательствахъ; и даже приписываетъ ему «троичность въ лицахъ», какъ и христіанство. (См. ст. Э. Шарля въ Dictionnaire des sciences philosophiques Франка, въ статьѣ: Lamennais).

Журналы, которые издавалъ Лямене, какъ мы уже видѣли, были слѣд.: L'Avenir, издававшійся отъ 1830 до 1832, и Le Peuple constituant, издававшійся въ 1848 г.

б) Сочиненія Пьера Леру (Pierre Leroux).

De l'humanité, de son principe et de son avenir, où se trouve exposé la vraie définition de la religion et l'on explique le sens, la suite et l'enchaînement du mosaïsme et du christianisme. 2 т., in 8, Paris. 1840. 2-е изд. 1845 г.

Содержаніе и характеръ этого сочиненія мы подробно изложили въ текстѣ, см. выше стр. 733—739. Это едва-ли не единственное сочиненіе П. Леру, изданное имъ въ видѣ особой книги; другія появлялись первоначально въ видѣ журнальныхъ статей. Оно посвящено поэту Беранже, который въ тѣ годы самъ нерѣдко свою веселую лиру настраивалъ въ минорномъ тонѣ и оплакивалъ горькую долю бѣдняка и съ другой стороны привѣтствовалъ занимающуюся зорю лучшей будущности человѣчества.

Эпиграфомъ для «De l'humanité» П. Леру выбралъ слова ап. Павла:

«quoique nous sommes plusieurs, nous ne sommes tous néanmoins qu'un seul corps..., et nous sommes tous réciproquement membres les uns des autres». Разумѣется, понимаетъ ихъ П. Леру сообразно съ теоріей метампсихозы.

Maltus et les économistes ou y aura-t-il toujours des pauvres? Книга составленная изъ статей, помѣщенныхъ въ Revue Sociale 1846 года. Boussac, 1849 г. (nouvelle édition). Въ Буссакѣ П. Леру завѣдывалъ частною типографіею и большая часть его сочиненій отъ 1843 до 1849 г. были въ ней напечатаны. Въ ней-же печатался и журналъ Revue Sociale.

Maltus et les économistes раздѣляется на 4 отдѣла: 1) Les Juifs rois de l'époque; 2) L'économie politique et l'Evangile (авторъ показываетъ противорѣчіе между тѣмъ и другимъ и доказываетъ, что ошиблась пол. экономія, а не Евангеліе); 3) L'Humanité et le Capital; 4) Y aura-t-il toujours de pauvres? Здѣсь П. Леру возвращается къ собственности-кастѣ, къ семейству-кастѣ и къ отечеству-кастѣ, которое онъ, впрочемъ, теперь называетъ не patrie-caste, a cité-caste.— Несмотря на худое современное положеніе дѣлъ, П. Леру увѣренъ, что не всегда будутъ бѣдные, что туманъ и густые облака не всегда будутъ покрывать горизонтъ, что солнце восторжествуетъ надъ ними. Онъ имѣлъ даже что-то въ родѣ предзнаменованія; онъ видѣлъ однажды какъ свѣтъ и тьма, солнце и туманъ старались пересилить другъ друга. «Le soleil avait triomphé». Такъ заканчиваетъ онъ книгу.

Sept discours sur la situation actuelle de la société et de l'ésprit humain. Paris. 1841, in 8, и Boussac, 1847, 2 тома in 16.

D'une religion nationale ou du culte. Boussac, 1846, in 16.

Le carosse de M. Aguado; de la Ploutocratie ou du gouvernement des riches. Boussac, 1848, in—16.

De l'humanité, solution pacifique du problème de proletariat. 1 томъ in 8. Boussac, 1848.

Projet d'une constitution démocratique et sociale. Boussac, 1848. О содержаніи этого сочиненія смотри выше стр. 742 и 743.

Du christianisme et de ses origines démocratiques. Boussac 1848, in 16.

De l'égalité. 1848, in—8.

L'Assemblée Nationale législative. 1849.

Réfutation de l'éclectisme où se trouve exposé la vrai définition de la philosophie et l'on explique le sens, la suite et l'enchaînement des divers philosophes depuis Descartes. Paris. 1839, 1 томъ in 18. Это сочиненіе имѣетъ характеръ исключительно философскій и направлено противъ Кузена, къ которому П. Леру всегда относился неблагосклонно.—Главный философскій принципъ П. Леру состоитъ въ томъ, что «философія и религія тождественны; онѣ имѣютъ одну цѣль и одинъ предметъ, именно, идеалъ, человѣческую усовершимость, прогрессъ.

«Когда философія отдѣляется отъ религіи, то имѣетъ цѣлью замѣстить ее, сдѣлаться религіею болѣе совершенною.

«Въ самыхъ смѣлыхъ своихъ преобразованіяхъ философія никогда не перестаетъ быть религіозною, потому что она есть ничто иное, какъ религія, подъ другимъ именемъ.

«Всѣ истинные мыслители, которые до сихъ поръ появлялись въ человѣчествѣ, были людьми религіозными въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по разстоянію, отдѣлявшему человѣчество отъ религіозной доктрины». Ad. Franck, въ словарѣ наукъ философскихъ, стр. 939 (1-й столбецъ).

П Леру въ философіи очевидно составляетъ полюсъ противоположный Конту и Литтре; и въ концѣ концовъ переспорилъ ихъ; не онъ перешелъ въ ихъ лагерь, а они къ нему пришли съ повинною.

La Grève de Samarez. In8. 1863—1864.

Job, drame en cinq actes par le prophète Isaïe (?), in 18, 1865.

Журналы, издаваемые П. Леру, были слѣдующіе: Le Globe отъ 1824 до 1830 г., Revue encyclopedique, Revue indépendante, основанное въ 1841 г., Revue sociale, основанное въ 1845 г. въ Буссакѣ. Въ этомъ изданіи онъ велъ оживленную полемику съ Прудономъ въ 1849 г. Обширный сборникъ L'Encyclopédie nouvelle, задуманный Пьеромъ Леру въ 1848 г., вмѣстѣ съ Ж. Рено, какъ мы уже видѣли, остался неоконченнымъ.

в) Сочиненія Бюше (Buchez).

Traité de politique et de science sociale publié par les exécuteures testamentaires de l'auteur, L. Cerise et A. Ott, précedé d'une notice sur la vie et les travaux de Buchez par A. Ott. Paris. 1866. 2 тома in 8.

Это есть послѣдній трудъ Бюше, изданный уже послѣ его смерти Оттомъ и Серизомъ. Въ немъ Бюше свелъ въ цѣльную систему свои мнѣнія касательно политики и соціальной науки, изложенныя имъ раньше по частямъ въ другихъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ. Первоначально Бюше думалъ издать его, какъ четвертый томъ трактата о философіи (см. ниже), и въ послѣдніе годы жизни много трудился надъ обработкою его; сочиненіе мало-по-малу росло и выработалось въ цѣльный систематическій научный трактатъ. Всѣ ученія Бюше, изложенныя нами въ очеркѣ его соціальной системы, заимствованы изъ этого сочиненія.—Но они составляютъ меньшую часть книги; большая часть относится собственно къ политикѣ государства вообще, къ его задачамъ, къ дѣятельности различныхъ его органовъ, учрежденій и функцій, такихъ, какъ семейство, воспитаніе, трудъ, собственность, военное дѣло, отправленіе правосудія, религія, правительство. Всему этому онъ даетъ характеристическое названіе: constantes sociales, и раздѣляетъ ихъ на два отдѣла: constantes de conservation и constantes de progression. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ только одна constante sociale, правительство, а всѣ остальныя относятся къ constantes de conservation. Правительству Бюше назначаетъ одну очень обыкновенную роль, приводить къ единству дѣйствія всѣ constantes de conservation, и другую совершенно оригинальную, — быть спеціальнымъ органомъ прогресса, стремиться къ тому, чтобы всѣ стороны жизни, всѣ constantes de conservation, не смотря на свое консервативное названіе, постоянно двигались впередъ по пути прогресса, который составляетъ общій законъ для всего существующаго. Примѣръ этого мы видѣли на прогрессивномъ движеніи собственности, народнаго труда и семейной жизни.

Essai d'un traité complet de philosophie au point de vue du catholicisme et du progrès. Paris. 1838—1840. 3 vol. in. 8. Это обширный трактатъ о философіи, обнимающій логику, онтологію и антропологію. Онъ произошелъ изъ лекцій, которыя Бюше читалъ въ срединѣ тридцатыхъ годовъ въ частныхъ собраніяхъ: къ концу тридцатыхъ годовъ онъ обработалъ и издалъ ихъ. Въ логикѣ Бюше оригинально ученіе о научномъ методѣ, который состоитъ изъ двухъ процессовъ: открытія и повѣрки; открытіе не можетъ обойтись безъ гипотезы. Всякая наука, слѣдуя Бюше, должна стремиться къ такой полнотѣ и совершенству знаній, чтобы быть способною къ предвидѣнію въ своей области, подобно тому, какъ обладаютъ этимъ предвидѣ-

ніемъ въ нѣкоторой степени физіологія и патологія, и гораздо въ большей степени астрономія. И это предвидѣніе, разумѣется, если оно подтверждается фактами, служитъ критеріумомъ научныхъ истинъ. Въ наукахъ, имѣющихъ предметомъ общество и человѣка съ нравственной стороны, критеріумомъ истины служитъ нравственность; потому что для человѣка, какъ для существа нравственнаго, нѣтъ ничего болѣе достовѣрнаго, какъ законъ нравственный.

Бюше философъ спиритуалистъ и въ своей философіи всегда вѣренъ своему основному принципу. Противъ матеріализма онъ вооружается критикою тѣмъ болѣе сильною, что самъ до конца двадцатыхъ годовъ былъ матеріалистомъ; и разумѣется всѣ вопросы онтологіи и антропологіи рѣшаетъ въ смыслѣ противоположномъ. Міръ есть дѣло рукъ Божіихъ; душа есть то, что собственно составляетъ человѣка; это сила разумная, одаренная свободною волею, способная не только не подчиняться требованіямъ тѣлеснаго организма, но господствовать надъ ними.

Introduction à la science de l'histoire ou science du développement de l'humanité. Paris. 1883. 1 T. in 8. Это сочиненіе, несмотря на свой сравнительно небольшой объемъ, очень богато содержаніемъ. Въ немъ изложено ученіе Бюше о прогрессѣ, которое составляетъ главный принципъ всего его міровоззрѣнія. Какъ натуралистъ, онъ первую идею прогресса почерпнулъ въ естественныхъ наукахъ: въ сравнительной анатоміи, эмбріологіи и геологіи. Ученикъ генерала Ламарка, онъ о происхожденіи всего органическаго міра, въ особенности царства животнаго, развиваетъ идеи въ сущности общія ему и Дарвину, и подобно Дарвину признавая эти идеи, онъ, вопреки тому, какъ понята у насъ система Дарвина, остается на почвѣ спиритуалистической философіи и даже является ревностнымъ проповѣдникомъ религіи и религіозности. Этимъ, можетъ быть, онъ обязанъ тому, что изучалъ не одни естественныя науки, но кромѣ того науки политическія и философскія.—Въ нихъ онъ тоже усмотрѣлъ осуществленіе идеи прогресса именно подъ вліяніемъ религіозно-нравственнаго принципа. Въ исторіи человѣчества подобно тому, какъ въ исторіи земнаго шара, слои цивилизаціи лежатъ одни на другихъ и содержатъ въ себѣ высшія формы человѣческихъ учрежденій, понятій и нравственныхъ правилъ. И всякая высшая цивилизація была обязана своимъ бытіемъ религіи и уступала мѣсто другой только тогда, когда все ея моральное ученіе было исчерпано и пережито. Послѣдній фазисъ цивилизаціи

представляетъ христіанство и именно католицизмъ. Онъ первоначально былъ руководителемъ человѣчества къ нравственному усовершенствованію и къ воплощенію въ политическихъ учрежденіяхъ правды и добра. Но когда папы достигли апогея своего могущества, съ тѣхъ поръ папство перестало быть руководителемъ Европы къ добру; съ тѣхъ поръ прогрессъ продолжался подъ руководствомъ королевской власти, которая содѣйствовала освобожденію народовъ отъ тиранніи феодальнаго режима, но потомъ также, какъ и папство, стала служить тормазомъ для дальнѣйшаго движенія прогресса въ смыслѣ христіанскомъ, такъ что народы сами должны были взяться за дальнѣйшее направленіе своей исторической жизни къ лучшему состоянію.

Уже въ этомъ сочиненіи Бюше отчасти изложилъ ученіе о предвидѣніи (prévision), съ одной стороны, какъ критеріѣ научной истины, а съ другой, какъ практической цѣли для науки, и немедленно примѣнилъ это ученіе къ дѣлу, и вслѣдствіе предвидѣнія, основаннаго на изученіи исторіи, утверждаетъ, что дѣло освобожденія народовъ не остановится на томъ, что до того времени было сдѣлано, и что напрасно нѣкоторые ожидаютъ появленія новой религіи; такъ какъ нравственное ученіе христіанства не только не исчерпано и не пережито, но еще далеко не приложено къ жизни.

Это даетъ ему поводъ написать нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ касательно страданій пролетаріата Западной Европы, которыя служатъ наглядными доказательствомъ того, что въ жизни европейскихъ обществъ нравственные принципы христіанства играютъ очень незамѣтную роль. Но тѣмъ не менѣе они все болѣе и болѣе примѣняются; новый послѣдній періодъ христіанства будетъ отмѣченъ этимъ преимущественно практическимъ характеромъ, проведеніемъ въ жизнь нравственныхъ принциповъ христіанства, которые будутъ воплощены главнымъ образомъ въ ассоціаціи рабочихъ. «Придетъ день, такъ заканчиваетъ Бюше это сочиненіе,—и человѣчество выполнитъ свою задачу. Тогда появится другой міръ и воля Божія исполнится».

Въ 1842 г. Бюше издалъ это сочиненіе въ болѣе обширномъ и разработанномъ видѣ, но безъ всякихъ измѣненій въ принципахъ, хотя съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями въ подробностяхъ (Парижъ, 1842. 2 т.).—Въ Брюсселѣ было перепечатано первое изданіе еще въ 1834 г. въ двухъ томахъ малаго формата:—это изданіе есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Histoire parlementaire de la révolution fran-

çaise, ou Journal des Assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. Paris, 1833—1838. 40 томовъ in 8°. Второе изданіе, исправленное и передѣланное въ сотрудничествѣ съ Ж. Бастидомъ, С. де Буа-ле-Контомъ и А. Оттомъ, не окончено; издано только 5 томовъ. Пар. 1846 г.— Это не только сборникъ оффиціальныхъ документовъ: постановленій, рѣчей, дебатовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнка ихъ и изложеніе событій, къ которымъ они относятся, въ видѣ введеній къ документамъ. Здѣсь между прочимъ Бюше изложилъ свое ученіе о національности, о томъ, что національная связь, проистекающая изъ единства происхожденія и языка, есть наиболѣе крѣпкая изъ государственныхъ связей; что могущество Наполеона потому оказалось слишкомъ неустойчивымъ, что онъ совсѣмъ не понималъ принципа національности, относился къ нему пренебрежительно, какъ къ одной изъ выдумокъ идеологовъ, служащей прикрытіемъ властолюбивыхъ замысловъ государей.—Принципъ національности есть по преимуществу русскій историческій принципъ; наши Иваны Даниловичи, Дмитріи Ивановичи, Иваны Васильевичи и Алексѣи Михайловичи поняли и примѣняли его гораздо раньше Бюше. Въ нашемъ столѣтіи онъ легъ въ основаніе стремленій итальянцевъ и нѣмцевъ къ единству и привелъ ихъ къ желаемой цѣли.—Бюше и въ этомъ случаѣ хорошо понялъ направленіе, по которому должна была идти жизнь европейскихъ народовъ.

г) Сочиненія Отта (Ott).

Traité d'économie sociale ou l'économie politique coordonnée au point de vue du progrès. Paris. 1851. 1 т. 687 стр. Объ этомъ сочиненіи мы говорили выше; мы сказали, что это полный курсъ политической экономіи. Но авторъ на политическую экономію смотритъ не такъ, какъ другіе. Для него это не наука о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатствъ, а «наука о трудѣ съ точки зрѣнія соціальной, въ его агентахъ, его цѣли, способахъ и результатахъ». А экономія соціальная, именно его сочиненіе, имѣетъ цѣлью «организовать трудъ въ видахъ наилучшаго сохраненія и общества, и личности или въ видахъ осуществленія свободы, равенства и братства». Книга была издана во время республиканскаго правленія и потому свои задачи выражаетъ въ этихъ республиканскихъ терминахъ. Соціальную экономію Оттъ раздѣляетъ на двѣ части. Въ первой онъ разрѣшаетъ

вопросы, имѣющіе исключительно экономическій характеръ, такіе, какъ вопросъ о трудахъ и произведеніяхъ, необходимыхъ или полезныхъ, о способахъ труда, о распредѣленіи его, о распредѣленіи орудій производства и самыхъ произведеній.—Во второй части разсматриваются вопросы, «возникающіе изъ отношеній между фактами экономическими и другими фактами соціальными»: сюда относятся вопросы объ изобрѣтеніяхъ и возмущеніяхъ промышленности, производимыхъ ими, о международныхъ экономическихъ отношеніяхъ, о меркантильной системѣ и о системѣ свободной торговли, о народонаселеніи и о благотворительности.

Всѣ вообще вопросы Оттъ старается рѣшить въ духѣ самой строгой научности; теорію свободной торговли онъ находитъ непрактичною при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. О теоріи Мальтуса думаетъ, что если она и справедлива въ своей сущности, то въ нынѣшнее время она еще не можетъ имѣть тревожнаго значенія, такъ какъ почва еще не достигла максимума производства и если населенія страдаютъ отъ бѣдности и недостатка съѣстныхъ припасовъ, то не потому, чтобы почва не производила ихъ, а потому, что и орудія производства, и произведенія худо распредѣлены.

Hégel et la philosophie allemande, ou exposé critique des systèmes allemands depuis Kant et spécialement de celui de Hégel. Paris, 1884. 1 т. in 8.

Manuel d'histoire universelle. 2 ч. 1842. in 8. Это обзоръ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія философскихъ и соціальныхъ принциповъ Бюше.

д) Сочиненія Ог. Конта (Auguste Comte).

Cours de philosophie positive. Paris. 6 томовъ in 8. 1830—1842 г. Второе изданіе 1864.

Это самое главное изо всѣхъ сочиненій Конта, принимаемое безъ исключенія всѣми учениками его. Написано оно сообразно приведеннымъ въ текстѣ взглядамъ Конта или лучше С. Симона на философію.— Никакого трактата о философіи въ этихъ шести большихъ томахъ нѣтъ. Нѣкоторыя мнѣнія изъ области метафизики, логики и психологіи высказаны авторомъ спорадически въ разныхъ мѣстахъ сочиненія и притомъ высказаны большею частію кратко или безъ доказательствъ или съ доказательствами очень недостаточными.

Первый томъ (536 стр.) въ самомъ началѣ посвященъ краткому изложенію нѣкоторыхъ общихъ принциповъ позитивизма: ученію o trois états, о необходимости такого общаго изложенія всѣхъ наукъ, въ которомъ проявлялись-бы ихъ главные принципы и взаимная генетическая связь.—Причемъ высказывается, что источникомъ научныхъ познаній можетъ быть только внѣшнее чувственное наблюденіе, а наблюденіе внутреннее (l'observation intérieure) признается невозможнымъ. Мысль эта, впрочемъ, не принадлежитъ самому Конту, а заимствована имъ буквально у Broussais изъ его сочиненія: de l'Irritation et de la folie (1828 г.), отличающагося крайнимъ матеріализмомъ. Контъ повторяетъ ее неоднократно въ теченіи всего курса, равно впрочемъ и другіе свои принципы матеріалистическаго характера. Потомъ авторъ излагаетъ классификацію наукъ, теорію научнаго предвидѣнія и приступаетъ къ дѣлу, къ общему обозрѣнію шести позитивныхъ наукъ съ точки зрѣнія своихъ общихъ принциповъ. И 5/6 всего перваго тома посвящено наукамъ математическимъ. Съ нихъ начинается изложеніе потому, что въ ряду другихъ наукъ математика не зависитъ ни отъ какой другой науки, а отъ нея зависятъ всѣ онѣ посредственно или непосредственно.

Второй томъ (496 стр.) посвященъ сначала (до стр. 267) астрономіи, а потомъ физикѣ.

Третій (589 стр.) сначала посвященъ химіи неорганической, потомъ органической, затѣмъ біологіи, въ которую Контъ вводитъ анатомію, біотаксію, физіологію растительную, животную и моральную (physiologie intellectuelle et affective). Въ физіологіи умственной и трогательной, разумѣется, рѣчь идетъ только о мозгѣ, о теоріяхъ Галля, Шпурцгейма, которые будто-бы «ниспровергли всѣ теоріи метафическія» и вполнѣ уничтожили философію нѣмецкую l'école allemande, т. е. всѣ вообще философіи, такъ какъ философія нѣмецкая была позднѣйшимъ звѣномъ великой исторической цѣпи, простирающейся отъ Зороастра, Санхоніатона до Канта и Фихте, современниковъ Галля.

Четвертый, пятый и шестой томы посвящены соціальной физикѣ, которая называется иногда соціологіей, иногда соціальною наукою; причемъ томъ четвертый содержитъ «часть догматическую», какъ значится въ оглавленіи; при чемъ то̀, что можетъ быть названо догматами соціологіи, помѣщено въ самомъ концѣ тома; а сначала рѣчь идетъ о необходимости и пользѣ соціологіи, о прежнихъ попыткахъ построить ее (Боссюэтъ, Монтескье и Кондорсе), о методѣ соціологіи, объ от-

ношеніи ея къ другимъ положительнымъ наукамъ, преимущественно къ біологіи. И въ заключеніи всего этого сначала «общая теорія добровольнаго порядка человѣческихъ обществъ», или говоря проще и болѣе согласно съ дѣйствительнымъ содержаніемъ книги — ученіе о необходимости для человѣка жить въ семействѣ, о необходимости для семействъ соединяться въ общества въ видахъ взаимной коопераціи, и о необходимости правительства. И вслѣдъ за тѣмъ «общая теорія естественнаго прогресса человѣчества», именно теорія трехъ состояній, которая тотчасъ-же повторяется въ другой болѣе обширной редакціи въ слѣдующихъ томахъ, пятомъ и шестомъ.

Пятый томъ (543 стр.) посвященъ исключительно подробному изложенію двухъ первыхъ состояній, теологическаго и метафизическаго. Теологическое, какъ мы уже видѣли, имѣетъ свои три ступени: фетишизмъ, политеизмъ и монотеизмъ. Рядомъ съ направленіемъ теологическимъ развивается господство милитаризма, который необходимымъ дополненіемъ себѣ имѣетъ институтъ рабства. И теологическое направленіе, и милитаризмъ были явленіями въ свое время полезными, теологизмъ ввелъ дисциплину въ область мысли, а милитаризмъ—въ область жизни.—Но потомъ они стали играть роль тормаза общественной жизни, задерживающаго ее отъ вступленія въ эру мира и позитивныхъ воззрѣній. Такъ образовалось переходное положеніе съ продолжающимся господствомъ милитаризма и съ метафизическими воззрѣніями, занявшими мѣсто воззрѣній теологическихъ. Это то положеніе, въ которомъ находится до сихъ поръ Европа съ того времени, какъ средневѣковые порядки стали расшатываться. Этому состоянію Контъ вслѣдъ за С.-Симономъ даетъ имя эпохи критической (époque critique).

Шестой томъ заканчиваетъ соціологію, показываетъ добрыя стороны средневѣковой жизни, которыя служатъ первыми ступенями, ведущими человѣчество къ позитивизму: рабство уничтожено, начинается торговля и ремесла. Промышленность обогащается, становится рядомъ съ милитаризмомъ и въ теченіи вѣковъ приходитъ даже къ тому, что занимаетъ первое мѣсто.—Но не руководимая высшею идеею, будучи одержима духомъ разбросанной спеціальности (l'esprit de spécialité dispersive), она сама въ себѣ содержитъ серьезные пробѣлы разрушительнаго характера (de graves lacunes destructives). Въ такое положеніе она пришла ко времени 19 вѣка.

Въ такое-же положеніе пришли труды эстетическіе, философиче-

скіе и научные. Всѣ они одержимы этимъ духомъ специіальности и разбросанности, всѣ не безъ «de graves lacunes destructives». Но.....

Тутъ является на выручку позитивная философія. Она даетъ перевѣсъ à l'esprit d'ensemble надъ l'esprit de détail. Приведя въ систему человѣческія познанія. давши человѣку правильное руководство къ познанію міра, человѣка и человѣческаго общества, просвѣтивши его умственный взоръ до степени предвидѣнія будущаго, она дастъ другой видъ положенію вещей: устроитъ правильныя соціальныя учрежденія, которыя по этому случаю Контъ кратко изображаетъ почти въ томъже видѣ, какъ впослѣдствіи подробно пректировалъ ихъ въ Позитивной политикѣ *), перевоспитаетъ все человѣчество, подниметъ его нравственность, приведетъ его къ миру и даже дастъ новый возвышенный полетъ искусству и между прочимъ поэзіи, которая будетъ «пѣть чудеса, производимыя человѣкомъ, его завоеванія въ природѣ и изумительныя явленія его общежительности» (les prodiges de l'homme, sa conquête de la nature, les merveilles de sa sociabilité)».

Таковъ курсъ позитивной философіи Конта. Мы изложили его безъ всякихъ пропусковъ. И философіи въ немъ, какъ оказывается, дѣйствительно нѣтъ. Важнѣйшіе философскіе принципы, мимоходомъ высказанные Контомъ, мы привели. Представимъ и нѣкоторые другіе, равно какъ развитіе нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Правильность ученія о трехъ состояніяхъ въ жизни народовъ онъ подтверждаетъ сравненіемъ съ направленіемъ мысли у отдѣльныхъ людей, изъ которыхъ каждый будтобы въ дѣтствѣ бываетъ богословомъ, въ юности метафизикомъ, а въ зрѣломъ возрастѣ позитивистомъ. О старости онъ не говоритъ: на нее онъ не обращаетъ вниманія, и не разъ высказываетъ мнѣніе, что съ притупленіемъ чувствительности нервной системы человѣкъ дѣлается неспособнымъ къ серьезной умственной дѣятельности, что съ его точки зрѣнія безъ сомнѣнія справедливо: но въ этомъ онъ сходится съ тѣми противниками геронтократіи, о которыхъ мы говорили выше (см. стр. 382) и съ которыми сосѣдство едвали можетъ принести ему честь.

Главный принципъ матеріализма—тождество психическихъ и соматическихъ отправленій и отсутствіе особой психической субстанціи онъ подтверждаетъ тремя доказательствами: 1) тѣмъ, что когда чело-

*) Тутъ онъ говоритъ и о представителяхъ науки, какъ общихъ руководителяхъ всей общественной дѣятельности, и о крупныхъ промышленникахъ и о пролетаріяхъ и объ арміи, имѣющей назначеніемъ поддерживать порядокъ внутри государствъ и т. п.

вѣку отрубятъ голову, то вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается не только жизнь соматическая, но и психическая; 2) болѣзненное состояніе мозга влечетъ за собою прекращеніе умственной дѣятельности; 3) развитіе умственныхъ способностей идетъ параллельно развитію мозга. Эти соображенія онъ почти буквально заимствовалъ у Бруссе *), хотя и заимствовать ихъ не стоило труда. Факты, приводимые Контомъ въ такомъ сыромъ, необработанномъ видѣ, имѣютъ всеобщую извѣстность и служатъ исходнымъ пунктомъ для всякой отдѣльной личности, вступающей на путь скептицизма, чего не избѣгнетъ почти никто, мало-мальски пріучившій или только пріучающій свою мысль къ самостоятельной работѣ. Но всякая такая личность не довольствуется подобными фактами, а не отбрасывая фактовъ, имѣющихъ противоположное значеніе, перерабатываетъ ихъ въ общую систему воззрѣній, чуждую односторонности матеріализма. Контъ былъ неспособенъ къ такой переработкѣ, къ такого рода синтезу, и, не смотря на свою измѣну позитивизму, до раціональнаго спиритуализма не дошелъ.

Задача нашего труда не позволяетъ намъ входить въ подробную оцѣнку философскихъ принциповъ Конта. Но въ библіографической замѣткѣ мы, надѣемся, имѣемъ возможность хотя кратко рѣшить вопросъ: насколько сочиненіе Конта вообще удовлетворительно, на сколько оно достигаетъ предположенной цѣли, на сколько оно состоятельно въ цѣломъ и частяхъ. Относительно одной его части мы видѣли его крайнюю несостоятельность, именно относительно соціологіи Главное положеніе ея—о трехъ состояніяхъ, о несовмѣстности принциповъ науки съ принципами спиритуалистической философіи, основано только на незнакомствѣ Конта съ историческою наукою, на неумѣньи отрѣшиться отъ фактовъ, находящихся передъ глазами, чтобы видѣть и понять, что происходитъ на другомъ планѣ картины. Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ и Милль, который въ послѣдніе годы жизни высказалъ, что соціологіи у Конта совсѣмъ нѣтъ, а то, что у него есть, не имѣетъ права на названіе науки **).

Но Контъ не историкъ. Можетъ быть соціологія представляетъ

*) Сочиненія Бруссе мы не имѣли возможности видѣть. Но изъ него приведены выдержки у Ферраза въ исторіи соціализма, которыя мы сравнивали со словами Конта.

**) Что Контъ мало знакомъ съ исторіею и съ исторіею философіи, это съ настойчивостью утверждаетъ одинъ изъ его французскихъ критиковъ, Эт. Вашеро, большой авторитетъ въ философіи.

слабую сторону его книги: можетъ быть онъ гораздо сильнѣе тамъ, гдѣ занимается тѣмъ, что составляетъ его спеціальность. Онъ математикъ, онъ репетиторъ и преподаватель по предмету чистой математики и, кромѣ того, онъ знатокъ астрономіи, по которой онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ читалъ публичныя лекціи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ наукахъ онъ имѣетъ болѣе познаній, и сужденія его должны быть основательнѣе; но желая придать астрономіи философическій характеръ и притомъ самъ становясь на философическія ходули, онъ и здѣсь не избѣжалъ ошибокъ, по нашему мнѣнію очень важныхъ, происшедшихъ отъ того, что онъ здѣсь, какъ и въ соціологіи, взялъ на себя роль не только философа, но и предсказателя будущаго. Онъ думаетъ и говоритъ, что изслѣдованія относительно тѣлъ небесныхъ навсегда будутъ ограничены только областью явленій геометрическихъ и механическихъ, что химическій составъ свѣтилъ навсегда останется неизвѣстенъ. Позднѣйшіе успѣхи астрономіи, какъ извѣстно, блистательнымъ образомъ опровергли это предсказаніе! Спектральный анализъ именно далъ средство производить изслѣдованія о химическомъ составѣ свѣтилъ, такъ что тутъ самымъ безспорнымъ образомъ оказалось ошибочнымъ предвидѣніе Конта *). Въ другихъ случаяхъ Контъ несомнѣнно обнаружилъ недостатокъ или въ знаніи, или въ сужденіи о явленіяхъ астрономическихъ. Вмѣстѣ съ явленіями химическими онъ также положительно исключаетъ изъ области астрономіи и явленія физическія, относящіяся къ тѣламъ небеснымъ. А между тѣмъ, астрономія изслѣдуетъ теперь и изслѣдовала во время Конта силу свѣта ихъ, измѣненіе силы свѣта періодическое или непе『іодическое, наблюдаетъ ихъ цвѣтъ и находитъ его различнымъ, опредѣляетъ время прохожденія свѣтоваго луча отъ одного небеснаго тѣла до другаго, опредѣляетъ температуру небесныхъ тѣлъ; говоритъ объ ихъ охлажденіи, о переходѣ ихъ изъ состоянія газообразнаго въ жидкое, а потомъ въ твердое, предполагаетъ разрывъ небесныхъ тѣлъ и т. п. Наконецъ движеніе свѣтилъ есть результатъ двухъ силъ: силы тяжести и силы

*) Можетъ быть тутъ ошибку Конта нужно приписать даже не недостатку въ предвидѣніи, а недостатку въ свѣдѣніяхъ или въ сужденіи. Раньше были извѣстны факты, содержащіе въ себѣ указанія на составъ небесныхъ тѣлъ; именно—были извѣстны аеролиты, ихъ составъ и даже оригинальныя формы структуры. Палласовъ камень представляетъ такія необычайныя особенности, которыхъ не въ состояніи выдумать самое изобрѣтательное воображеніе.

инерціи: и Ньютонъ на открытіе закона всеобщаго тяготѣнія былъ наведенъ паденіемъ яблока. Кромѣ того, астрономія изслѣдуетъ силу тяжести на поверхности небесныхъ тѣлъ, изслѣдуетъ силу взаимнаго ихъ притяженія на различныхъ разстояніяхъ. Все это относится къ области физики; такъ что физическія явленія относящіяся къ тѣламъ небеснымъ безспорно входятъ въ область астрономіи и безъ знанія нѣкоторыхъ физическихъ законовъ невозможно пониманіе многихъ явленій астрономическихъ. Сюда, между прочимъ, относится законъ преломленія свѣта. Не принимая его во вниманіе, астрономъ не опредѣлитъ правильно положенія надъ горизонтомъ ни одного свѣтила, какъ безъ знанія закона объ обратной пропорціональности силы свѣта и тепла съ квадратомъ разстояній онъ не можетъ совсѣмъ разсуждать ни о силѣ свѣта, ни о температурѣ небесныхъ силъ.

Намъ кажется, что все это представляетъ несомнѣнныя доказательства того, что Контъ области астрономіи далъ предѣлы слишкомъ тѣсные, несогласные съ тѣмъ матеріаломъ, который составлялъ ея содержаніе въ его время. И этимъ не ограничилась ошибка Конта; за ошибкой частной послѣдовала ошибка общая. Оказывается неправильною его классификація наукъ. Мы видѣли, что его система наукъ вообще неполна, одностороння, что вся она ограничена однимъ уголкомъ всей области знанія, и притомъ менѣе важнымъ. Оказывается, что и этотъ уголокъ представленъ Контомъ невѣрно. Генетическій порядокъ указанный наукамъ Контомъ, порядокъ, которымъ такъ величаются позитивисты, оказывается несостоятельнымъ. Понимая генезисъ наукъ болѣе правильно, слѣдуетъ астрономію поставить позади физики, а не впереди; физика отъ нея не заимствуется рѣшительно ничѣмъ, всѣ ея явленія понимаются безъ помощи законовъ астрономическихъ, а въ астрономіи цѣлый отдѣлъ явленій, можетъ быть наиболѣе важный, нуждается въ пособіи физики, чтобы быть хорошо понятымъ.

И такъ, и въ области знаній, наиболѣе знакомой Конту, онъ не уберегся отъ ошибокъ, и ошибки эти относятся именно къ тому, что онъ называетъ громкимъименемъ «философическихъ разсужденій о совокупности науки астрономической»; тутъ-то и заключается то, что онъ называетъ свою философіею. А дальше слѣдуетъ обыкновенное краткое изложеніе курса астрономіи съ обозначеніемъ астрономическихъ открытій безъ всякихъ «considerations philosophiques» и читатель подчасъ даже находится въ недоумѣніи, съ какою цѣлью авторъ излагаетъ то или другое астрономическое ученіе, почему говоритъ

даже о пріемахъ науки, напр. о способахъ опредѣленія массы свѣтилъ и т. п. Что тутъ есть философскаго? Онъ говоритъ, что, излагая курсъ астрономіи, онъ имѣлъ въ виду «безвозвратнымъ способомъ освободить умъ человѣческій отъ всякой теологической или метафизической опеки, представляя самыя общія явленія, какъ такія, которыя строго подчинены неизмѣннымъ отношеніямъ и не зависятъ ни отъ какой воли, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляя небесный порядокъ, какъ необходимый и самостоятельный (spontané)». Необходимости и самостоятельности небеснаго порядка онъ не только не показалъ, но и не показывалъ и высказалъ эту мысль только такъ къ слову; а что касается до освобожденія отъ опеки, онъ задался этой задачей только по причинѣ своихъ малыхъ познаній вообще и даже въ математикѣ. Араго о его математическихъ свѣдѣніяхъ и способностяхъ отзывался совершенно пренебрежительно *). А тѣ люди, которые обладаютъ какъ общими, такъ и математическими свѣдѣніями въ степени болѣе достаточной, какъ Брьюстеръ (см. выше стр. 844) именно за то его и осуждаютъ, что онъ не принимаетъ теологической опеки; Брьюстеръ даже поздравилъ свою родину съ тѣмъ, что она имѣетъ учрежденія, препятствующія подобнымъ освободителямъ отравлять источники народнаго обученія. А Фламмаріонъ, который въ области астрономіи относится къ Конту, какъ знаменитый ученый къ посредственному ученику, не только не подчинился безвозвратному освобожденію отъ теологической опеки, но написалъ дѣйствительное философское сочиненіе, доказывающее опытнымъ путемъ, что эта опека существуетъ, что она проявляется на каждомъ шагу во вселенной.

---

*) Г. Вырубовъ, русскій послѣдователь позитивной философіи и редакторъ журнала Philosophie positive, сообщаетъ, что «другіе академики» (химики и физики) и притомъ знаменитые (distingués) называютъ доктрину Конта сплетеніемъ научныхъ ошибокъ (un tissu d'erreurs scientifiques), не имѣющимъ поэтому никакого значенія (aucune portée). Г. Вырубовъ, разумѣется, мнѣнію этихъ академиковъ не придаетъ большаго вѣса, и ихъ самихъ обвиняетъ за ихъ «неспособность отличить частное отъ общаго», проводя мысль, что общая философская мысль можетъ быть вѣрна, когда въ частностяхъ есть ошибки. Но если общая мысль есть выводъ изъ частностей, то очевидно, что достоинства ея зависятъ отъ достоинства частностей. Однако не въ томъ дѣло; обращаемъ вниманіе нашихъ читателей только на фактъ, на то, что спеціалисты, знаменитые академики, тотъ матеріалъ, изъ котораго построено зданіе позитивной философіи, не признаютъ за научныя истины, а за d'erreurs scientifiques.

Прибавимъ еще нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ Курса позитивной философіи. Всѣ знакомые съ этимъ сочиненіемъ находятъ, что оно принадлежитъ къ книгамъ, наиболѣе трудно читаемымъ. Дѣйствительно едва ли можно указать сочиненіе болѣе тяжелое, болѣе утомляющее читателя *). Самъ Контъ сознавалъ это, и когда его друзья дѣлали ему замѣчанія въ этомъ смыслѣ, онъ извинялся тѣмъ **), что онъ печаталъ сочиненіе прямо съ черновой, которую никогда не передѣлывалъ, и вообще просилъ снисхожденія къ литературному несовершенству (quelque indulgence pour les imperfetions littéraires) сочиненія. Это несовершенство было причиной того, что послѣдователи позитивизма не разъ излагали позитивную философію въ сокращенномъ видѣ. Сочиненіе слишкомъ растянуто и перегружено ненужными частностями въ родѣ способовъ опредѣленія массы небесныхъ тѣлъ. Но въ астрономіи Контъ находится въ болѣе знакомой ему области; тамъ у него можетъ быть есть даже затрудненіе отъ изобилія, embarras de richesses. Не таково положеніе его въ соціологіи, съ предметомъ которой онъ мало знакомъ: здѣсь недостатокъ свѣдѣній онъ старается замѣнить усиленною растянутостью, которая переходитъ въ истинное пустословіе.

И это пустословіе совершенно особенное: онъ на каждой страницѣ дѣлаетъ новые приступы къ разсужденію, дѣлаетъ ненужныя уступленія, оговорки тамъ, гдѣ нечего оговаривать, разъясненія тамъ, гдѣ нечего разъяснять. Къ этому присоединяются весьма частыя повторенія безъ всякихъ дополненій или разъясненій; благодаря этому, сочиненіе выросло до размѣровъ неизмѣримо превосходящихъ содержаніе. Какъ будто Контъ обязался предъ книгопродавцемъ представить ему именно сочиненіе въ шесть большихъ томовъ! Все сочиненіе достигаетъ свыше 3000 страницъ. Мы не боимся впасть въ ошибку, если скажемъ, что пропорціанально содержанію и задачѣ оно не должно было имѣть больше 200. Литтре не нашелъ нужнымъ въ

*) Г. Вырубовъ вооружается противъ какого-то члена Французской академіи, который напечаталъ, что онъ, начавши читать Курсъ поз. философіи Конта, заснулъ на пятидесятой страницѣ перваго тома.—Это конечно только образное выраженіе. Но оно вмѣстѣ съ приведенными выше мнѣніями знаменитыхъ химиковъ и физиковъ показываетъ, какъ серьезные представители науки и литературы во Франціи относятся къ позитивной философіи Конта. Надѣемся, что и это не ускользнетъ отъ вниманія нашихъ читателей.

**) Въ предисловіи къ VI тому Курса.

видахъ пропаганды писать больше 65 стр. малаго формата, на которыхъ уложилъ не только сущность системы, но и важнѣйшія ея части.

Дополнимъ эту характеристику любопытными свѣдѣніями, идущими изъ самаго центра позитивизма, изъ редакціи журнала Phil. positive. Въ 1881 году появилось весьма оригинальное сокращеніе Курса позитивной философіи, сдѣланное Жюлемъ Ригомъ (Rig) *). Слѣдуя г. Вырубову, «это не сокращеніе (résumé), это не извлеченіе (extrait), даже не приспособленіе (adaptation), это нѣчто совершенно новое и особенное, это сгущеніе (condensation), почти механическое уменьшеніе модели». Слова эти могутъ быть понятны только тому, кто знакомъ съ сочиненіемъ Конта. Ригъ (это псевдонимъ) сдѣлалъ сокращеніе Курса позитивной философіи въ собственныхъ словахъ О. Конта, сохраняя самыя предложенія Ог. Конта, и сократилъ въ большомъ размѣрѣ: вмѣсто 6 томовъ получилъ только два. Какъже онъ сдѣлалъ это? Во всякомъ другомъ сочиненіи отъ этого пострадала-бы логика сочиненія, нарушилась-бы связь мыслей и полнота ихъ. Въ сочиненіи Конта этихъ послѣдствій можно избѣгнуть отбрасывая только то, что мы назвали пустословіемъ, всѣ эти ненужные приступы, уступленія, оговорки и т. п. Сочиненіе Конта есть единственное извѣстное намъ, которое можно подвергнуть подобной операціи. Отъ грѣха многословія несвободны очень многіе писатели, имѣющіе даже въ наукѣ заслуги и притомъ иногда очень большія, какъ Ад. Смитъ, Ж. Б. Сей и др. Но многословіе этихъ писателей все-таки составляетъ нѣчто органически связанное съ сочиненіемъ: его нельзя механическимъ путемъ отдѣлить отъ сочиненія. А у Конта это вполнѣ возможно: его многословіе это какой-то посторонній наростъ на сочиненіи; это что-то въ родѣ мозолей, которыя операторъ срѣзываетъ, не касаясь ни нервовъ, ни кровеносныхъ сосудовъ. Ригъ относительно Конта именно разыгралъ роль мозольнаго оператора **). У

*) La philosophie positive, par A. Comte résumée par Jules Rig. 2 vol. Paris, 1881. (См. Phil. pos. 1881. 2-me serie, стр. 278 и слѣд.).

**) Г. Вырубовъ затруднялся въ отысканіи подходящаго слова для выраженія операціи, сдѣланной Ригомъ. И избранное имъ слово condensation нисколько не соотвѣтствуетъ сущности операціи. При конденсаціи весь данный матеріалъ остается; онъ только принимаетъ большую плотность и занимаетъ меньшее пространство. А операція Рига выбросила изъ сочиненія Конта двѣ трети того, что имъ было написано. Кромѣ срѣзыванья мозолей ее можно еще сравнить съ провѣиваніемъ

Рига вышло два тома; но если не придерживаться собственныхъ словъ Конта, то весьма легко сократить все сочиненіе въ одинъ. Есть главы, содержащія свыше 100 страницъ, которыя можно сократить въ 10; и если сдѣлать дѣло не безъ умѣнья хотя-бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, то сочиненіе безъ сомнѣнія много выиграетъ въ ясности и убѣдительности.

Système de politique positive ou traité de sociologie, instituant la Religion de l'humanité, 4 тома in 8°. Paris, 1851—1854.

Позитивная политика такое-же неудобоваримое произведеніе, какъ и Курсъ позитивной философіи. На четыре большіе тома растянуто то, что много выиграло-бы, еслибы было изложено въ одномъ небольшомъ.

Первый томъ содержитъ въ себѣ «предварительное разсужденіе о совокупности позитивизма» и «основное введеніе», въ которомъ Контъ дѣлаетъ краткій компендіумъ своихъ ученій о математикѣ, физикѣ, химіи и біологіи. Въ началѣ тома обширное посвященіе Клотильдѣ Во, ma sainte collègue, какъ онъ называетъ ее, что-то въ родѣ сантиментальной канонизаціи ея, причемъ мимоходомъ воздаются почести и служанкѣ Конта, Софьѣ. Вслѣдъ за посвященіемъ перепечатывается одна короткая повѣсть г-жи Во въ письмахъ и одно ея стихотвореніе. Въ концѣ тома помѣщена рѣчь Конта надъ гробомъ академика Бленвиля, преемника Кювье по каѳедрѣ зоологіи въ Музеумѣ. Бленвиль, подобно многимъ другимъ, первоначально относился къ ученіямъ Конта съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ впослѣдствіи. Онъ умеръ скоропостижно въ вагонѣ желѣзной дороги. Въ надгробной рѣчи Контъ нашелъ возможнымъ говорить о томъ, что онъ не доросъ до правильнаго пониманія біологіи и въ тоже время о его эгоизмѣ, причемъ, разумѣется, причина эгоизма полагается въ его мозговой организаціи» (son organisation cérèbrale).

Второй томъ содержитъ въ себѣ «соціальную статику или отвлеченный трактатъ о человѣческомъ порядкѣ». Здѣсь излагаются главнымъ образомъ принципы и подробности будущаго соціальнаго устройства и будущей религіи.

хлѣба, послѣ котораго мякина вѣтромъ относится въ сторону, а зерно падаетъ въ предположенное мѣсто. Не надобно только забывать, что Контово зерно легковѣсно и недоброкачественно, и немногимъ отличается отъ мякины. Это не пшеница, а лебеда, которая можетъ служить только очень невкуснымъ и нездоровымъ суррогатомъ хлѣба.

Третій томъ, «содержащій соціальную динамику или общій трактатъ о человѣческомъ прогрессѣ», возвращается къ содержанію соціальной физики и содержитъ въ себѣ обзоръ предполагаемаго движенія человѣчества отъ періода фетишизма до позитивизма.

Четвертый томъ представляетъ «синтетическую таблицу человѣческой будущности». Это, правильно говоря, дополненіе ко второму тому съ тѣмъ-же самымъ содержаніемъ, т. е. съ разговорами о вѣрѣ, о Великомъ существѣ, о жреческомъ сословіи и о соціальномъ устройствѣ. Вообще, въ сочиненіи порядка, системы и вмѣстѣ съ тѣмъ ясности мысли напрасно сталъ-бы искать читатель. Позитивная логика не отличается подобными свойствами.

Со втораго тома начинается печатаніе циркуляровъ основателя позитивной философіи къ послѣдователямъ ея касательно трибута, которому онъ даетъ названіе субсидіи, и продолжается до послѣдняго тома. Кромѣ того, во 2-мъ томѣ помѣщено письмо Конта къ сенатору Вьейяру, въ 3-мъ томѣ къ имп. Николаю и къ Решиду-пашѣ. Въ концѣ IV-го тома приложена «Позитивная библіотека», каталогъ книгъ, которыя Контъ рекомендуетъ, какъ полезное чтеніе.

Каталогъ не лишенъ интереса при изученіи позитивной философіи. Онъ раздѣляется на 4 отдѣла: поэзію, науку, исторію и синтезъ. Это собственно проектъ большой христоматіи въ 150 томовъ, которая содержала-бы въ себѣ сумму всего, что доброму позитивисту слѣдуетъ знать. Для поэзіи Контъ проэктируетъ 30 томовъ отъ Иліады до Гете, Байрона и Вальтера Скотта. Тутъ должны найти мѣсто греческіе и римскіе поэты эпическіе и драматическіе, потомъ средневѣковый эпосъ, театръ испанскій и французскій, драматическія произведенія Метастазія и Альфіери, Сервантесъ, Лесажъ, Бернардеръ де С. Пьеръ и Шатобрьянъ. Потомъ писатели англійскіе: Шекспиръ, Мильтонъ, Дефое, Гольдсмитъ. Тысяча и одна ночь нашла себѣ мѣсто въ каталогѣ, а изъ французскихъ писателей 19-го вѣка ниодинъ не нашелъ.

Наука обнимаетъ также 30 томовъ; къ ней отнесены, сообразно смыслу слова science, математика, чистая и прикладная, физика, химія, естественная исторія описательная и философская и отчасти медицина (Бюффонъ, Лямаркъ, Бруссе, Гуфеляндъ).

На исторію полагается 60 томовъ, относя сюда историковъ древнихъ и новыхъ. Къ исторіи относятся мемуары и сочиненія касательно искусствъ (живописи, музыки и пр.).

Наконецъ синтезъ обнимаетъ 30 томовъ, къ числу которыхъ относится Библія и Коранъ, сочиненія Аристотеля (политика и иөика), Бл. Августина, Өомы Кемпійскаго *), Боссюэта, Бекона, Декарта, Паскаля, г-жи Лямберъ, Дидеро, Вовенарга, Кондорсе, Ж. де Местра, Юма, Ад. Смита (исторія астрономіи(?), Кабаниса, Галля и самого Конта. Сочиненія С. Симона не вошли въ каталогъ. Сочиненій по политической экономіи, филологіи, юриспруденціи нѣтъ ниодного. По философіи каталогъ также имѣетъ характеръ исключительности. Даже изъ Аристотеля рекомендуются сочиненія не философскія въ тѣсномъ смыслѣ; Платона и другихъ философовъ греческихъ и латинскихъ совсѣмъ нѣтъ; нѣтъ философовъ шотландскихъ, нѣмецкихъ и т. д.

Кромѣ позитивной библіотеки, къ IV тому приложено еще invocation finale къ вѣрующимъ; здѣсь снова восхваляется Клотильда Во и кромѣ того поручается покровительству ихъ fille adoptive Конта, та служанка Софья, о которой рѣчь была выше, и вѣрующіе приглашаются выдавать ей пенсію въ 1500 фр. Вмѣстѣ съ тѣмъ не забыта и г-жа Контъ; ей вѣрующимъ вмѣняется въ обязанность выдавать 2000 фр., чтобы такимъ образомъ было выполнено «обязательство вытекающее изъ единственной важной ошибки», сдѣланной Контомъ въ годы его юности, т. е. женитьбы; такъ выражается онъ самъ.

Наконецъ къ тому IV совершенно механическимъ образомъ присоединенъ сборникъ статей, писанныхъ Контомъ отъ 1819 до 1828 и помѣщенныхъ отчасти въ журналѣ сенъ-симонистовъ Le Producteur, въ журналѣ Сенъ-Симона L'Organisateur и въ его-же изданіи «Катихизисъ промышленниковъ».

Système de politique positive, подобно Курсу позитивной философіи успѣха въ читающей публикѣ не имѣла.

Всѣ томы системы позитивной политики напечатаны съ слѣдующими эпиграфами: Ordre et progrès. Vivre pour autrui.—Vivre au grand jour.—L'amour pour principe et l'ordre pour base.—Le progrès pour but.

Catéchisme positiviste, ou sommaire expositi n de la religion universelle. Paris, 1852. 383 стр. in 12.

Въ 1849 г. Контъ читалъ публичные курсы въ Пале-Роялѣ о позитивной философіи. Курсы эти то прекращались, то опять начинались, что зависѣло отъ правительства, которое то давало залъ для чтеній, то отказывало въ немъ. Окончательно прекратились лекціи

*) Мы не имѣли случая сказать, что Контъ самъ читалъ усердно Подражаніе Христу.

10-го октября 1851 года. И заканчивая ихъ Контъ, произнесъ слѣдующее заявленіе:

«Во имя прошедшаго и будущаго теоретическіе и практическіе «служители человѣчества берутъ на себя общее направленіе дѣлъ земныхъ, чтобы учредить наконецъ истинное провидѣніе моральное, «интеллектуальное и матеріальное, рѣшительнымъ образомъ отстра«няя отъ политическаго верховенства всякаго рода рабовъ Бога, като«ликовъ, протестантовъ или деистовъ, такъ какъ они въ одно и то-же «время и люди отсталые и безпокойные члены общества».

Приводя эти слова въ предисловіи къ катихизису позитивистовъ, Контъ прибавляетъ: «Итакъ мы открыто приступаемъ къ освобожденію запада отъ анархической демократіи и отъ ретроградной аристократіи, чтобы установить на сколько возможно истинную соціократію, которая мудро направила-бы къ общему возрожденію всѣ человѣческія силы, употребляя ихъ на дѣло сообразно природѣ каждой изъ нихъ».

Трудно относиться серьезно къ словамъ автора подобнаго заявленія и подобнаго дополненія къ нему. Они напоминаютъ фанфаронады отца Анфантена. И это сходство легко объясняется общимъ первоначальнымъ источникомъ ихъ, вліяніемъ какъ ученій, такъ и самой личности Сенъ-Симона, и кромѣ того сходствомъ положеній въ данное время. Въ это время Контъ, подобно Анфантену, уже занялъ предъ лицомъ своихъ учениковъ положеніе не только учителя, но и первосвященника, такъ какъ именно въ это время была основана религія позитивизма.

Катихизисъ является такимъ образомъ книгою религіозною, подобно катихизисамъ, существующимъ во всякомъ христіанскомъ исповѣданіи. И составленъ онъ если не въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, то въ формѣ разговора между священникомъ и женщиною.

Катихизисъ содержитъ въ себѣ на 383 страницахъ въ сокращеніи то, что въ Позитивной политикѣ изложено въ четырехъ большихъ томахъ, именно ученіе о догматахъ, объ обязанностяхъ, о культѣ, о календарѣ, о гражданскомъ порядкѣ и пр. Кромѣ того, въ него включены наиболѣе существенныя части даже изъ Курса позитивной философіи, напр., классификація наукъ даже съ дополненіемъ ученія о трехъ состояніяхъ и т. д.

Sommaire appréciation de l'ensemble du passé moderne; 1820, напечатано въ «Organisateur», и потомъ перепечатано въ «Politique positive», т. IV, Appendice, стр. 4.

Plan des travaux scientifiques nécessaires pour réorga-

niser la société, 1822; напечатано въ брошурѣ Сенъ-Симона «du Contrat social»; перепечатано въ 1824, подъ заглавіемъ «Système de politique positive», въ Catéchisme des industriels Сенъ-Симона; въ другой разъ перепечатано въ «Politiqne positive» т, IV, Appendice, стр. 47.

Considérations philosophiques snr les sciences et les savants, напечатаны въ №№ 5, 7, 8 et 10 журнала «Producteur» 1825, и перепечатаны въ «Politique positive», т. IV. Appendice, стр. 137.

Considérations sur le pouvoir spirituel, напечатаны въ №№ 13, 20 et 21 «Producteur'а 1826, и перепечатаны въ «Politique positive, Appendice, т. IV, стр. 177.

Examen du traité de Broussais sur l'Irritation et la folie, напечатано въ «Journal de Paris», августъ, 1828, и перепечатано въ «Politique positive, Appendice, т. IV, стр. 217.

Traité élémentaire de géométrie analytiqne, à deux et à trois dimensions, 1843, 1 томъ in-8.

Discours sur l'esprit positif, prononcée à l'ouverture du cours d'astronomie populaire, февраль, 1844, 1 томъ in-8.

Traité philosophique d'astronomie populaire, 1845, 1 томъ in-8.

Circulaire d'Auguste Comte proposant une association libre pour l'instruction du peuple dans tout l'Occident européen, 25 февраля 1848.

Le fondateur de la Société positiviste à quiconque désire s'y incorporer, 8 марта 1848.

Discours sur l'ensemble du positivisme, 1848, 1 томъ iu-8; перепечатано въ первомъ томѣ «Systeme de politique positive».

Calendrier positiviste; отъ 1849 до 1860 восемь изданій.

Discours prononcé aux funérailles de Blainville, 7 мая 1850, брошура, перепечатанная въ «Politique positive, т. 1 стр. 737.

Bibliothèque positiviste, 1851, брошура перепечатанная въ «Politique positive, т. IV, стр. 557.

Lettre à sa Majesté le tzar Nicolas, декабрь. 1852; напечатана въ «Politique positive», т, III, стр. XXIX.

Appel aux conservateurs, par le fondateur du positivisme, августъ, 1855, in-8.

Synthèse subjective, ou système universel des conceptions propres à l'état normal de l'humanité, 1856, 1 т. in-8.

е) Сочиненія Литтре.

Littré. Conservation, revolution et positivisme. Paris, 1852. 330 стр. небольшого формата.

Это собраніе статей Литтре, помѣщенныхъ имъ въ газетѣ National въ 1844 году, и потомъ начиная съ 1849 по 1851. Сумма ихъ составляетъ нѣчто цѣлое.

Первая часть, четыре статьи, напечатанныя въ 1844 г., есть ничто иное, какъ изложеніе въ сокращеніи позитивной философіи Конта съ возможною полнотою. Здѣсь изложена и классификація наукъ и ихъ послѣдовательное развитіе и іерархія; въ особенности много вниманія посвящено соціологіи, которáя тутъ является со всѣми своими сокровищами; тутъ, между прочимъ, говорится и о томъ кругосвѣтномъ плаваніи, посредствомъ котораго Контъ опредѣлилъ область знанія и ея границы, тутъ и le vide infini и т. д. Эта часть имѣетъ и соотвѣтствующее содержанію особое заглавіе: De la philosophie positive.

Вторая часть называется: application de la philosophie positive au gouvernement des sociétés. Это статьи касательно введенія новой религіи и политическаго порядка основаннаго на позитивной философіи, написанныя въ 1849 году. Тутъ рѣчь и объ инициативѣ парижскаго населенія и о трехъ пролетаріяхъ и о сокращеніи арміи и о публичныхъ работахъ. Это тѣ ученія, несостоятельность которыхъ Литтре впослѣдствіи самъ призналъ.

Третья часть, озаглавленная: des progrés du socialisme, содержитъ въ себѣ также главнымъ образомъ такія положенія, которыхъ несостоятельность Литтре призналъ послѣ того, какъ они были опровергнуты событіями. Именно Литтре доказывалъ здѣсь упадокъ бонапартизма, прочность республики, прочность мира и т. д. Здѣсь же развиваются нѣкоторыя изъ нравственныхъ ученій новой религіи, относительно которой Литтре входитъ въ обстоятельныя разсужденія съ цѣлью доказать, что она не имѣетъ ничего общаго съ богословіемъ, т. е. не имѣетъ теологическаго характера.

Между прочимъ здѣсь излагается ученіе о блаженствѣ съ точки зрѣнія позитивизма. Блаженство это не вѣчное, оно не на небѣ, а на землѣ, и должно состоять въ томъ, что наши «симпатическіе инстинкты и наша потребность любить» будутъ находить себѣ на землѣ все больше

и больше удовлетворенія; разумѣется, это надо разумѣть не въ смыслѣ фурьеризма. Познаніе будетъ другимъ средствомъ, посредствомъ котораго человѣкъ будетъ удовлетворять своимъ высшимъ потребностямъ, т. е. также достигать счастья. Третьимъ будетъ служеніе ближнему, служеніе обществу. «Любить, познавать, служить—таково основаніе нашего нравственнаго существованія и нашего прочнаго счастья, говоритъ Литтре. Къ сожалѣнію, не всѣ позитивисты думаютъ такъ; а иные говорятъ: къ чему эти сантиментальности, когда черезъ нѣсколько лѣтъ отъ меня останется только лопухъ, который на моей могилѣ выростетъ?

Во второмъ изданіи этой книги, въ примѣчаніяхъ, Литтре главнымъ образомъ произвелъ то самобичеваніе, о которомъ мы говорили выше (стр. 862).

Fragments de Philosophie positive et de sociologie contemporaine. Paris, 1876, 503 стр. in 8°.

Это также сборникъ статей Литтре, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ отъ 1849 до 1875 г., въ Revue de Deux Mondes, Journal des Débats и въ Philosophie positive за 1868-й и слѣдующіе годы, а также изданныхъ раньше отдѣльными брошурами. Въ началѣ книги еще разъ перепечатаны статьи, помѣщенныя первоначально въ National'ѣ и составляющія первую часть сборника: Conservation, revolution et positivisme подъ заглавіемъ De la philosophie positive *).—Здѣсь помѣщены двѣ большія статьи, въ которыхъ Литтре съ замѣчательною убѣдительностью разсуждаетъ о событіяхъ военныхъ; это во первыхъ le génie militaire de Napoleon I-er и la Crise de guerre de 1870 et 1871. Здѣсь же помѣщена статья Socialisme, въ которой авторъ признаетъ свои ошибки въ прежнихъ проектахъ общественнаго устройства, когда онъ находился подъ вліяніемъ безграничнаго довѣрія къ позитивной системѣ и ея автору. Въ ней Литтре подвергаетъ осужденію всѣ разнорѣчивые проекты соціалистовъ и доказываетъ, что улучшеніе быта пролетарія невозможно иначе, какъ посредствомъ постепеннаго улучшенія существующихъ экономическихъ условій, недопуская ломки всего существующаго строя.

Auguste Comte et la philosophie positive. Paris, 1864, 680 стр in 8°.

*) Прежде всего эти статьи были перепечатаны подъ заглавіемъ: Analyse raisonnée du Cours de philosophie positive de M. A. Comte par E. Littré.—Utrecht, 1845.

Это сочиненіе главнымъ образомъ содержитъ въ себѣ біографію О. Конта; но вмѣстѣ съ тѣмъ обнимаетъ и научную дѣятельность его, излагаемую лицомъ вполнѣ компетентнымъ. Этого мало; тутъ читатель найдетъ свѣдѣнія даже о предшественникахъ Конта въ разработкѣ принциповъ позитивной философіи, хотя мнѣнія Литтре объ этомъ не могутъ быть названы правильными и не основаны на достаточной полнотѣ фактической.—Между прочимъ, здѣсь приведена переписка Конта съ его друзьями и вообще съ лицами близкими къ нему, бросающая яркій свѣтъ на него, какъ на человѣка. Въ этомъ отношеніи весьма характеристичны письма Конта къ Эйхталю, къ Миллю и къ г-жѣ Контъ. Изъ писемъ къ женѣ видно, что онъ въ 1838 г. имѣлъ весьма несимпатичныя отношенія даже къ отцу, находившемуся въ преклонной старости и почти слѣпому. Отношенія эти кончились, наконецъ, полнымъ разрывомъ между отцомъ и сыномъ.

Литтре слѣдитъ до конца за философскою дѣятельностью Конта и даже полемизируетъ съ нимъ, когда Контъ вдался въ то, что Литтре называетъ теологическимъ направленіемъ или съ точки зрѣнія логической—субъективною методою.

Біографія отличается большою полнотою: Литтре прослѣдилъ всѣ рѣшительно важнѣйшія отношенія Конта, начиная отъ С. Симона, его учителя, до Блиньера, его ученика.

Между прочимъ Литтре въ этомъ сочиненіи признаетъ свои ошибки касательно устройства позитивнаго правительства съ тремя пролетаріями по избранію парижскаго народонаселенія и, говоря объ этомъ, не щадитъ себя.

Paroles de philosophie positive. 102 стр. Paris. 1863. 2-е изданіе. Первое изданіе 1858 г. — Это недовольно содержательная книжка съ обыкновенными разглагольствованіями о научности позитивизма, и ненаучности философіи, объ успѣхахъ позитивизма и т. п. Въ ней, впрочемъ, есть и одна новость. Въ параллель Контову ученію о послѣдовательной серіи наукъ, Литтре излагаетъ ученіе о послѣдовательной серіи предметовъ, изъ которыхъ одни подлежатъ только исчисленію и измѣренію въ пространствѣ и времени, равно какъ дѣйствію законовъ притяженія, теплоты и т. д., или подлежатъ дѣйствію химическаго сродства подъ условіемъ бинаритета, соприкосновенія съ другими веществами; другіе же, какъ кислородъ, водородъ, азотъ и углеродъ, способны принимать видъ организмовъ, или только входить въ составъ организмовъ, какъ фосфоръ, желѣзо, содіумъ.

хлоръ и т. п., чрезъ что образуются предметы, одаренные жизнью растительною или животною.—Литтре придаетъ особое значеніе этому систематизированію.—Но безъ сомнѣнія оно не увеличитъ состоятельности позитивизма, тѣмъ болѣе, что тутъ же онъ предается мечтамъ о наступившей эпохѣ мира, въ то время, какъ Наполеонъ III уже готовился воевать съ Австріею, т. е. готовилъ новое фактическое опроверженіе ученіямъ соціологіи.

Études sur les progres du positivisme. Paris, 1877. Эта книжка первоначально явилась въ видѣ предисловія къ 4-му изданію Курса позитивной философіи. — Четвертое изданіе сочиненія Конта и даетъ поводъ Литтре говорить объ успѣхахъ позитивизма. Но этотъ фактъ не имѣетъ того смысла, который придаетъ ему Литтре. Даже дѣйствительное увеличеніе числа людей, называющихъ себя позитивистами, ничего не говоритъ о распространеніи позитивной философіи: потому что, съ одной стороны, названіе позитивистовъ принимаютъ лица, которыя при этомъ ни на волосъ не измѣняютъ своихъ убѣжденій, остаются тѣмъ же, чѣмъ они были; названіе позитивистовъ они усвоиваютъ только потому, что оно благозвучнѣе, приличнѣе, не такъ рѣзко шокируетъ, какъ матеріалистъ или атеистъ; а объ какой-нибудь классификаціи наукъ, о соціологіи, о трехъ состояніяхъ они понятія не имѣютъ. Съ другой стороны, самъ Литтре считаетъ въ своемъ лагерѣ англійскихъ психологовъ съ Миллемъ во главѣ, хотя Милль прямо сказалъ, что его позитивизмъ не служитъ препятствіемъ къ признанію міра сверхчувственнаго. Позитивизмъ отрицаетъ всякую вообще религію, признаетъ идею религіи противною идеѣ позитивизма и старается самое понятіе о религіи истребить въ средѣ людей. А Милль оставилъ послѣ себя посмертное сочиненіе о философіи религіозной, гдѣ доказываетъ «пользу религіи» для человѣка. Странно послѣ этого причислять его къ позитивистамъ.

Литтре, между прочимъ, высказываетъ мысль, что упадокъ теологическихъ системъ: юдаизма, христіанства, магометанства, браманизма и буддизма есть явленіе неотвратимое, хотя до сихъ поръ только упадокъ христіанства всего болѣе замѣтенъ. Не упадокъ христіанства, а распространеніе иррелигіозности въ большихъ городахъ и вообще центрахъ промышленности въ З. Европѣ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ распущенности нравовъ, расшатанности семьи и крайней нищеты въ средѣ городского пролетаріата. Литтре никакъ не можетъ отрѣшиться отъ манеры ограничивать свой кругозоръ тѣмъ, что у него

находится передъ глазами, и посмотрѣть нѣсколько дальше. Пусть онъ посмотритъ на 50-ти-миліонное религіозное населеніе Соединенныхъ Штатовъ и онъ убѣдится, что не вездѣ между христіанами вѣра ослабѣваетъ.

Что касается до юдаизма, браманизма и буддизма, и онъ признаетъ, что упадокъ ихъ меньше замѣтенъ; не только меньше, а совсѣмъ не замѣтенъ. При чемъ же остается ученіе позитивизма о трехъ состояніяхъ? — На чемъ оно основано? На случайныхъ, частныхъ фактахъ, худо понятыхъ.

Замѣчательно, что Литтре въ этомъ сочиненіи, и отчасти въ другихъ, отождествляетъ позитивизмъ съ наукою вообще, исключая изъ ея области все то, что не признаетъ философіи позитивной. Странная претензія, напоминающая ученическія замашки. Ученики обыкновенно кругъ наукъ своего заведенія считаютъ альфою и омегою человѣческой мудрости и образованія. Два брата, классикъ и реалистъ, ведутъ ожесточенные споры объ исключительныхъ образовательныхъ достоинствахъ своихъ учебныхъ заведеній. Если третій братъ учится въ кадетскомъ корпусѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія или въ духовной семинаріи, то онъ защищаетъ свое заведеніе и отрицаетъ всякія достоинства гимназій и реальныхъ училищъ. Такъ же поступаетъ и позитивизмъ; тутъ Контъ, недоучившійся политехникъ, т. е. студентъ физико-математическаго факультета, превозноситъ свой факультетъ и отрицаетъ всякое значеніе другихъ факультетовъ. А за нимъ повторяетъ тоже самое и Литтре, чтобы въ концѣ жизни подвергнуть себя самобичеванію за недомысліе.

Теологическому направленію онъ, между прочимъ, ставитъ здѣсь въ вину то, что оно вынуждено постоянно приспособлять свои ученія къ новымъ открытіямъ наукъ. Это разумѣется относится къ ученіямъ теологическимъ касательно космологіи и космографіи. Объ этомъ возраженіи противъ спиритуализма, ужъ и начинающіе скептики, скептики юноши, которые посерьезнѣе, перестали говорить. Всякая теологія говоритъ объ устройствѣ міра и началѣ его сообразно существующимъ въ подлежащей средѣ понятіямъ; но когда наука приноситъ какія-нибудь разъясненія въ кругъ этихъ понятій, то теологія этихъ разъясненій не отрицаетъ. Покойный митр. Макарій въ сочиненіи, изданномъ еще въ царствованіе имп. Николая (въ Догм. богословіи) принимаетъ всѣ здравыя научныя теоріи геологіи; и не только православіе, но и католицизмъ признаетъ, что земля движется (se muove), а солнце

по отношенію къ землѣ стоитъ неподвижно.—Мало того, подъ ауспиціями папства патеръ Секки въ центрѣ католицизма производитъ наблюденія надъ явленіями, происходящими на поверхности солнца, главнымъ образомъ надъ тѣми, которыя относятся къ области физики и химіи, тѣми самыми, которыя Контъ исключилъ изъ числа явленій входящихъ въ область астрономіи. Оказывается, что не теологіи, а позитивизму приходится приспособлять свои ученія къ новѣйшимъ научнымъ открытіямъ. А, кромѣ того, ему еще раньше слѣдуетъ приспособить свои ученія къ тѣмъ научнымъ фактамъ, которые существовали раньше, чѣмъ онъ появился на свѣтъ; къ фактамъ не только изъ области исторіи, которую онъ зналъ мало, но даже изъ области астрономіи, которую онъ зналъ повидимому достаточно. Но всего нужнѣе позитивизму и его представителямъ познакомиться основательно съ исторіей философіи. Если они достигнутъ этого, то поймутъ, что внутреннее наблюденіе возможно и что оно составляетъ самое главное орудіе для познанія самого себя, для познанія природы человѣка и съ помощію его придутъ къ убѣжденію, что кромѣ нервной субстанціи въ человѣкѣ есть еще что-то, что дѣйствительно мыслитъ.

Кромѣ того, что обозначено выше, Литтре написалъ еще очень много статей въ журналахъ и газетахъ по вопросамъ, касающимся какъ позитивной философіи, такъ и филологіи, словесности, медицины, публицистики и т. п. Въ особенности много ихъ помѣщено въ Revue de philosophie positive въ теченіи почти 15 лѣтъ, отъ 1867 до 1880 г. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: le Catholicisme selon le suffrage universel en France и Pour la dernière fois. Нѣкоторыя изъ этихъ статей вошли въ особые сборники, какъ Histoire de la langue française, Littérature et Histoire (1875), Les Barbares et le Moyen age, Études et glanures (1880) и др. Литтре писалъ даже стихи характера философско-элегическаго, въ томъ родѣ, который у насъ носитъ названіе думы, напр. у Кольцова. У него есть, кромѣ того, весьма оригинальный трудъ, переводъ Дантова Ада на старинный французскій языкъ, langue d'oïl XIV вѣка (1879) и притомъ въ стихахъ. Кромѣ Литтре едвали въ цѣломъ мірѣ нашелся-бы человѣкъ, способный къ подобному труду.

ж) Эпитоматоры Конта.

Кромѣ Литтре, систему позитивной философіи въ сокращеніи изложили: Миссъ Мартино, Блиньеръ, Андре-Нюнцъ, Ригъ и др.

Miss Harriet Martineau. The positive philosophy of Auguste Comte freely translated and condensed. 2 тома, in-8. Лондонъ. 1853. Миссъ Мартино принимаетъ только позитивную философію, но не политику и религію.—Это сочиненіе переведено на фр. языкъ.

Célestin de Blignières, ancien élève de l'École polytechnique: Exposition abrégé et populaire de la Philosophie et de la religion positives. Paris. 1857, 1 т. in-12. Литтре отзывается объ этой книгѣ съ одобреніемъ; можетъ быть она была путемъ, посредствомъ котораго ученія Конта проникли въ массу рабочихъ.

Louis André-Nuytz. Exposé élémentaire des principes de la philosophie positive, précédé d'une préface par E. Littré. Paris, 1868.— Эта небольшая брошурка имѣетъ особую цѣль: съ помощію изученія человѣческихъ обществъ открыть принципы нравственности, «des regles de conduite qni soient acceptées par l'homme avec la même évidence que les faits mêmes qui leur serviront de base».

Jules Rig. La Philosophie positive, par A. Comte. Paris, 1881. Объ этой книгѣ см. выше стр. 924.

з) Журналистика позитивизма.

La philosophie positive была, повидимому, единственнымъ періодическимъ органомъ печати во Франціи *), дѣлавшимъ пропаганду принциповъ позитивизма. Это журналъ двухъ-мѣсячный небольшаго объема. Каждые два мѣсяца выходилъ одинъ выпускъ около 10 печатныхъ листовъ. Всего въ годъ составлялось два тома, около 30 листовъ въ каждомъ. Начался журналъ со второй половины 1867 года и выходилъ до конца 1883 года. Перерывъ произошелъ во время осады Парижа нѣмцами и во время коммуны; такъ что отъ 1-го іюля 1870 до 31 декабря 1871 г., вмѣсто трехъ томовъ вышелъ только одинъ. Главными редакторами до 1881 года были Литтре и г. Г. Вырубовъ,

*) Въ Россіи ихъ было и до сихъ поръ есть нѣсколько; но изслѣдованіе о нихъ не можетъ найти себѣ здѣсь мѣста.

а послѣ смерти Литтре мѣсто его въ редакціи журнала занялъ Ш. Робенъ.

Судя по всему и издавался журналъ на русскія деньги. Мы хоть не очень богаты, за то очень тароваты и очень отзывчивы на все...... особенное. Впрочемъ, не одними матеріальными средствами русская земля содѣйствовала распространенію позитивизма. Нервная матерія русскихъ людей то-же работала; и результатомъ этой нервной дѣятельности были многіе десятки позитивныхъ статей, принадлежащіе перу русскихъ авторовъ. Главная масса ихъ принадлежитъ г. Вырубову: онъ одинъ помѣстилъ ихъ до полутораста. На тридцать одинъ томъ журнала это составляетъ почти по 5 статей на томъ. Содержаніе ихъ весьма разнообразно: г. Вырубовъ съ одинаковою легкостью трактуетъ вопросы философскіе, политическіе, экономическіе, физіологическіе и даже физическіе. Много разъ онъ говоритъ о Россіи и въ письмахъ и въ видѣ особыхъ разсужденій.—Мы обратили особенное вниманіе на его отношеніе къ вѣрѣ русскаго народа. Достается ей отъ г. Вырубова! Слѣдуя ему православіе есть не болѣе, какъ «христіанство отрицательное», смѣшанное съ язычествомъ; это ничто-иное, какъ сплетеніе грубыхъ суевѣрій «un tissu de grossières supestitions». Но еще больше достается отъ г. Вырубова служителямъ православной церкви: и невѣжды они, и пьяницы, и воры, и даже разбойники. Однимъ словомъ, достойные представители той вѣры, которой они служатъ. Эти взгляды намъ нѣсколько объясняютъ, почему свободные мыслители коммуны были такъ немилостивы къ представителямъ церкви во Франціи, почему они именно ихъ арестовали, какъ заложниковъ и потомъ или зарѣзали, или разстрѣляли ихъ. Очевидно и они на своихъ служителей церкви смотрѣли такъ-же, какъ на воровъ и разбойниковъ. Мы видѣли, что не такъ смотрѣлъ на нихъ Литтре; и можетъ быть писанія г. Вырубова еще болѣе оттолкнули его отъ позитивизма и расположили къ обращенію въ католицизмъ.

Не болѣе достоинствъ представляетъ и сельское населеніе въ картинахъ, которыя рисуетъ г. Вырубовъ. Тутъ то-же пьяница на пьяницѣ и воръ на ворѣ. Хотя и существуетъ сельское самоуправленіе, le mir, но это нѣчто въ высшей степени уродливое, гдѣ дѣло рѣшается только съ помощію водки и кулаковъ. Бѣдные находятся въ постоянномъ угнетеніи со стороны богатыхъ. Неправосудіе и всякаго рода неправда господствуютъ безраздѣльно. Все это г. Вырубовъ сообщаетъ въ письмахъ изъ Россіи, которыя относятся къ 1880 году. Но есть въ

нихъ хронологическія и фактическія невѣрности, показывающія, что авторъ не наблюдалъ своими глазами того, о чемъ говоритъ. Такъ онъ говоритъ о фактѣ неправильной сдачи міромъ бѣднаго крестьянина въ солдаты; но вліяніе міра на отбываніе воинской повинности исчезло со времени введенія всеобщей воинской повинности. Потомъ онъ утверждаетъ, что въ Россіи печи существуютъ въ избахъ только богатыхъ мужиковъ; у бѣдныхъ-же ихъ совсѣмъ нѣтъ; а огонь разводится на полу посреди избы (le feu se fait au milieu de la pièce), подобно тому, какъ это дѣлается у самоѣдовъ или лопарей. (Phil. P. т. 24, стр. 21). Этого одного утвержденія его достаточно для доказательства той мысли, что онъ никогда не былъ въ крестьянской избѣ и крестьянскаго быта не знаетъ. Безъ печи изба немыслима такъ-же, какъ телѣга безъ колесъ или сани безъ полозьевъ.

Кромѣ г. Вырубова, Позитивная, философія видѣла на своихъ страницахъ произведенія нѣкоторыхъ другихъ нашихъ соотечественниковъ. Г. Евгеній де-Роберти помѣщалъ тамъ статьи по вопросамъ соціологіи, исторіи, философіи и политической экономіи. Будучи вѣренъ идеямъ основателя позитивной философіи, г. де-Роберти смотритъ на капиталъ, какъ на необходимое и плодотворное орудіе производства и идеи К. Маркса объ этомъ предметѣ считаетъ «не согласными съ экономическими законами». Г. Макс. Ковалевскій писалъ по вопросамъ государственнаго права. Онъ никакъ не хочетъ согласиться съ Гаррисономъ, авторомъ книги «Order and Progress», что парламентское правленіе можетъ имѣть серьезные недостатки, а подчасъ можетъ и совсѣмъ оказаться непригоднымъ. Писано это въ 1876 году. Г. Р. Минцловъ занимается вопросами уголовнаго права; онъ доказываетъ, что для преступниковъ нужны не тюрьмы, а больницы, такъ какъ причина преступленія въ болѣзни мозга или вообще организма. Наконецъ Гг. В. Даневскій и П. Боборыкинъ занимаются вопросами — первый публицистики, а второй—драматическаго искусства.

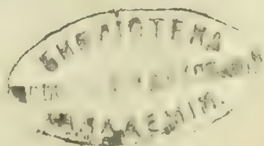
Не безъ удивленія встрѣтили мы на страницахъ Позитивной философіи старыхъ своихъ знакомыхъ, послѣдователей, Фурье, Шарля, Пелярена и Е. де-Ротрегу (см выше стр. 2, 246 и 250). Очевидно, что благосклонная судьба надѣлила ихъ долголѣтіемъ; они пережили свою школу и примкнули къ позитивистамъ: иначе ихъ сочиненія не попали-бы на страницы Позитивной философіи. Журналъ въ этомъ отношеніи былъ очень разборчивъ; онъ отказывался даже на своей оберткѣ печатать объявленія о книгахъ, «имѣющихъ теологическій характеръ»,

и вообще «такихъ, которыя были противны современному духу, contraires à l'esprit moderne».

Philosophie positive въ началѣ имѣла успѣхъ. Это было еще во время Наполеона III, но потомъ, можетъ быть подъ вліяніемъ кровавыхъ страницъ, вписанныхъ вольными мыслителями въ исторію Франціи во время коммуны, успѣхи журнала, издаваемаго людьми, которые сами себя называли также вольными мыслителями, остановились и наконецъ уступили мѣсто неуспѣху, такъ что впослѣдствіи сама редакція свое экономическое положеніе называла не надежнымъ (situation précaire). 1883-й годъ былъ послѣднимъ годомъ существованія Позитивной философіи. Мы высказали, что въ этомъ видимъ указаніе на счастливую перемѣну въ настроеніи французскаго общества, въ средѣ котораго, очевидно, вѣра, наука и нравственность сдѣлали новыя завоеванія. Думаемъ, что это должно отозваться, если не вдругъ, то хоть постепенно, и на нашемъ умственномъ настроеніи, потому что, какъ мы уже говорили, въ средѣ нашей «интеллигенціи» состояніе идей очень въ значительной степени зависитъ отъ состоянія его за границею, преимущественно во Франціи. Не краситъ это насъ, а что дѣлать?—правды скрыть нельзя. Существуютъ серьезныя указанія, что иррелигіозность въ средѣ парижскихъ рабочихъ уменьшается. Когда это дойдетъ до нашей интеллигенціи, тогда и она посократитъ проявленія свое антипатіи къ православію и ея служителямъ.

Кстати: наши представители «интеллигенціи», просвѣщая французовъ своими согласными «съ современнымъ духомъ» писаніями, повидимому предъ лицомъ французскаго общества воздержались отъ дѣленія рода человѣческаго на «интеллигенцію» и неинтеллигенцію. По крайней мѣрѣ слова интеллигенція мы не встрѣчали на страницахъ Philosophie positive. Быть можетъ въ средѣ французской демократіи они нашли неудобнымъ это аристократическое дѣленіе, тѣмъ болѣе, что наибольшее сочувствіе они находили въ средѣ рабочихъ, между которыми главныя идеи, органомъ которыхъ была Philosophie positive, были въ ходу еще раньше начала этого изданія. Во Франціи было даже, а можетъ быть и теперь есть общество, состоящее главнымъ образомъ изъ рабочихъ, которое такъ и называлось Fédération française de la libre pensée.

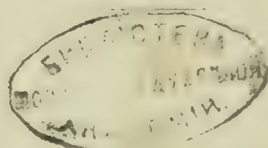
Конецъ.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ

СТРАН.	СТРОКА		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
II	23	сверху	такъ, гдѣ	тамъ, гдѣ
45	10	снизу	утроиться	устроиться
66	16	сверху	сложной	сложной,
100	8	снизу	унетеизмъ	унитеизмъ
127	1	—	стр. 242	т. I, стр. 242
—	17	сверху	фурьеразма	фурьеризма
134	1	снизу	cancubine	concubine
148	12	сверху	Фаланстеръ	Фамилистеръ
164	2	—	его	ее
190	9	снизу	Штейнъ	Шеффле
198	4	—	Феррозъ	Ферразъ
199	12	—	либръ-эманжисты	либръ-эшанжисты
201	17	сверху	протяженія	притяженія.
223	16	снизу	Исаева;	Исаева
257	19	—	13 го Мая	13 го Іюня
267	16	—	индефферентизмъ	индифферентизмъ
270	17	сверху	опытами	попытками
281	7	снизу	дней (См. пр. А.).	дней.
289	4	сверху	50 ти	50.
306	12	снизу	какой-бы нибудь	какой нибудь
349	14	сверху	политическій	полемическій
414	9	снизу	«Prospectus»	prospectus
444	4	сверху	1884	1844
446	6	снизу	1843	1834
506	6	сверху	пустить	упустить
532	16	снизу	перейдесъ	перейдетъ
541	17	—	отъ ихъ	отъ нихъ
542	4	сверху	въ томъ же самой	въ томъ же самомъ
548	1	—	приложеніе Е	приложеніе З
554	1	—	лѣтъ правительство	лѣтъ,—правительство
—	18	—	соціальная форма	соціальная фирма
565	12	—	что честенъ	что онъ честенъ
584	11	—	Слита	Смита

584	11 и 12 снизу	Дижонской	Безансонской
614	1 сверху	предлая	предлагая
620	10 —	Въ XVI в.	Въ XVII в.
632	6 снизу	ихъ	рабочихъ
635	17 —	Экономисты	«Экономисты
647	7 —	возложеніе	возраженіе
660	9 —	о какихъ-то	а какихъ-то
667	1 сверху	Пиццо ди Борго	Поццо ди Борго.
690	4 —	въ дѣлѣ прибыли	въ прибыли
704	15 —	надъ горизонтомъ	подъ горизонтомъ
707	1 снизу	даютъ другу	даютъ другъ другу
709	1 сверху	раненея	раненая
—	6 —	везутъ	ведутъ
712	10 —	Неисчисленное	Неисчислимое
715	11 —	ея	ей
717	5 снизу	нарушеніе *).	нарушеніе *)».
736	9 сверху	съ своею	со всею
776	6 —	кредитовыми	кредитными
778	6 снизу	предводительная	предварительная
782	9 сверху	въ 1878 г.	въ 1818 г.
785	8 снизу	позитивиситовъ	позитивистовъ
—	4 —	Devvelppée	Développée
795	14 сверху	писчинки	песчинки
799	1 снизу	не пришелъ	не пришолъ бы
815	3 сверху	вліяніемъ	вліяніямъ
830	20 —	метафизиковъ **).	метафизиковъ **)».
856	15 —	оказалось	оказалась
—	8 снизу	въ первый	въ первый разъ
869	1 сверху	гвлаою	главою
878	17 снизу	послать	платить
928	6 —	дополненіемъ ученія	дополненіемъ, ученіе

[illegible] 10) 138-9 617

[illegible] – [illegible]

433 – [illegible]

568

575-74 [illegible] [illegible] [illegible], – [illegible] [illegible]

589 Система Фурье, [illegible] [illegible]

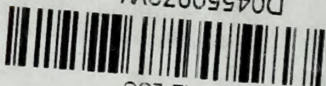
584 Въ Т[illegible]

588 – [illegible]

607 М[illegible]

620 [illegible]

Duke University Libraries
D04550972W

D04550972W
DUKE-LSC